

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА

СЕРИЯ «АРХЕОЛОГИЯ»

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Том I

КАЗАНЬ
2025

УДК 902
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати:

Ученым советом Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ
Ученым советом Марийского государственного университета

Учебник разработан в соответствии с ФГОС высшего образования –
бакалавриат по направлению подготовки 46.03.01 История

Рецензенты:

академик РАН, д.и.н. Крадин Н.Н., академик АН РТ, д.и.н. Салихов Р.Р.

Редактор:

академик АН РТ, д.и.н. Ситдилов А.Г.

Редакционная коллегия:

д.и.н. Белорыбкин Г.Н., д.и.н. Зеленева Ю.А., д.и.н. Иванов В.А., д.и.н. Канторович А.Р., д.и.н. Никитина Т.Б., д.и.н. Пигарев Е.М., д.и.н. Ставицкий В.В., к.и.н. Коваль В.Ю., к.и.н. Андреев К.М., к.и.н. Зубов С.Э., к.и.н. Березина Н.С., к.и.н. Карманов В.Н., к.и.н. Кузнецов П.Ф., к.и.н. Васкул И.О., к.в.н. Асылгараева Г.Ш., к.и.н. Миргалеев И.М., к.и.н. Хамидуллин Б.Л.

А87 Археология Волго-Уралья: Учебник. Т. 1 / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Марийский государственный университет; под ред. академика АН РТ А.Г. Ситдилова. – Казань: Изд-во АН РТ, 2025. – 776 с.: ил.

ISBN:

Учебник ориентирован на широкий круг читателей, прежде всего, на специалистов и учащихся, изучающих археологию и историю Среднего Поволжья и разработан в соответствии с ФГОС. Издание представляет интерес не только для археологов, но и для историков, этнографов, специалистов по истории культуры, а также всех, кто интересуется средневековой и древней историей Восточной Европы. Книга может служить основой учебных курсов по археологии России, источниковедению исторических периодов от каменного века до позднего средневековья, региональной истории Волго-Уралья.

ISBN:

DOI:

Учебник подготовлен и издан по государственной программе «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020-2027 годы)», п.4.8 «Подготовка и издание учебника «Археология» в 2-х томах»

© ГНБУ «Академия наук РТ», 2025

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2025

© коллектив авторов, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. КАМЕННЫЙ ВЕК (<i>Галимова М.Ш., Чижевский А.А., Выборнов А.А.</i>)	17
1.1. Палеолит	18
1.2. Мезолит	43
1.3. Неолит	65
ГЛАВА 2. ЭНЕОЛИТ (<i>Чижевский А.А., Королев А.И.</i>)	103
2.1. Культуры лесостепи и севера степной зоны Волго-Уралья	104
2.2. Культуры лесной зоны Волго-Уралья	123
ГЛАВА 3. БРОНЗОВЫЙ ВЕК (<i>Чижевский А.А.</i>)	151
3.1. Культуры Волго-Уралья севера степной зоны и южной лесостепи	152
3.2. Культуры Волго-Уралья лесной и лесостепной зоны	180
ГЛАВА 4. РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (<i>Чижевский А.А., Черных Е.М., Самтаров Р.Р.</i>)	235
4.1. Культуры степи, лесостепи и леса IX – III вв. до н. э.	236
4.2. Культуры степи, лесостепи и леса II в. до н. э. – II/ III в. н. э.	287
ГЛАВА 5. ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (<i>Самтаров Р.Р.</i>)	327
5.1. Культуры степи, лесостепи и леса во II–IV вв.	328
5.2. Культуры севера степной зоны, лесостепи и леса в конце IV–IX вв.	375
ГЛАВА 6. СРЕДНИЕ ВЕКА (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.) (<i>Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г.</i>)	433
6.1. Археология Поволжья и Приуралья VIII – начала X вв.	433
6.2. Археология Волжской Болгарии (X – первая треть XIII в.	469
6.3. Археологические культуры Волго-Уралья X–XIII вв.	516
ГЛАВА 7. СРЕДНИЕ ВЕКА В ЭПОХУ УЛУСА ДЖУЧИ (ЗОЛОТАЯ ОРДА) (<i>Ситдиков А.Г., Баранов В.С.</i>)	553
7.1. Среднее Поволжье и Западное Приуралье	554
7.2. Западное Предволжье	581
7.3. Прикамье и Северное Приуралье	597
7.4. Нижнее Поволжье и Северный Прикаспий. Дешт-и-Кипчак	608
7.5. Урбанизм и городская культура: архитектура, военное зодчество, благоустройство	640
7.6. Ремесло, сельское хозяйство, промыслы	652
7.7. Торговля. Монетное дело и денежное обращение	687
ГЛАВА 8. ВОЛГО-УРАЛЬЕ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (<i>Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.</i>)	699
8.1. Археология Казани и Казанского ханства	699
8.2. Городские поселения Волго-Уралья середины XV – первой половины XVI вв.	727
8.3. Городские поселения Волго-Уралья второй половины XVI – XVIII вв.	733
8.4. Погребальные памятники народов Волго-Уралья середины XV – первой половины XVIII вв.	758
8.5. Засечные черты и пограничные оборонительные линии – памятники историко-культурного наследия России XVI–XVIII вв.	766

ВВЕДЕНИЕ

Волго-Уралье является особым историко-географическим регионом, отличающимся сложным переплетением культурных влияний и этнических процессов. Расположенный на стыке Европейской равнины и Приуралья, этот край с древности служил контактной зоной между лесной и степной полосами Евразии, местом пересечения миграционных потоков и взаимодействия разных народов. Результаты археологических исследований здесь имеют ключевое значение для понимания процессов начала освоения территории в эпоху каменного века, зарождения металлургических технологий и формирования ранних этнополитических образований Восточной Европы.

Актуальность изучения археологии Волго-Уралья обусловлена как научными, так и общественно-культурными факторами. Систематическое археологическое освещение региона заполняет лакуны, оставшиеся в письменной традиции, и позволяет проверить существующие исторические концепции.

С общественно-культурной точки зрения, археологические исследования Волго-Уралья приобретают особую актуальность в контексте возрождения интереса к региональной истории и корням современных народов, населяющих данный край. Материалы, выявленные археологами, напрямую связаны с этногенезом и исторической судьбой предков современных марийцев, удмуртов, коми, мордвы, русских, татар, чувашей, башкир и других народов, живущих сегодня в Волго-Уралье. Материалы, изложенные в учебнике, отвечают насущному запросу на расширение исторических знаний, предоставляя научно обоснованную информацию о прошлом Волго-Уралья.

Попытки составить учебник или учебное пособие по археологии Волго-Уралья предпринимались неоднократно. К наиболее ранним изданиям относится курс лекций, прочитанных в Московском археологическом институте в 1907–1908 гг. С.К. Кузнецовым «Русская историческая география». Автор пытался дать характеристику волжским народам – мере, мешере, муроме и веси; кроме того, здесь присутствуют данные по вятичам и волжским болгарам.

После этого длительное время учебников и учебных пособий по археологии региона не публиковалось и вышедшие уже в середине XX вв. не охватывали весь

регион и все хронологические периоды. Так, еще в 1950 году О.Н. Бадер выпускает книгу «Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. Пособие для начинающих археологов и краеведов». И хотя в книге не говорилось, что это учебник или учебное пособие, тем не менее, данная работа была направлена на ведение учебной работы в Молотовском (Пермском) университете. Она подводила итог той поистине титанической преподавательской и научной работе, которую проводил О.Н. Бадер в этом регионе, начав фактически с нуля.

С конца 60-х годов XX века в Поволжье и Приуралье появляются десятки учебных пособий, посвящённых отдельным вопросам археологии. Это связано со многими причинами. Не последнюю роль играло и то, что для региональных университетов и педагогических институтов издание монографий усложнялось, а подготовка учебных пособий даже приветствовалась. Поэтому многие исследователи стремились свои диссертации и книги, посвящённые конкретному вопросу археологии, издать в качестве учебного пособия. Данная тенденция сохранялась и в последующем, что привело к появлению многочисленных учебных пособий 1990-ые – 2000-ые годы в вузах Поволжья и Приуралья. Можно сказать, что это было благоприятным явлением – учебники и учебные пособия позволяли составить общее представление о древних и средневековых периодах истории всей страны или отдельных ее регионов.

В осмыслении обширных знаний по археологии Поволжья и Приуралья, безусловно, важным этапом стало создание под эгидой Института археологии Академии наук Республики Татарстан с участием ведущих научных центров и специалистов региона семитомной работы «Археология Волго-Уралья», которая подвела итог полуторавековому накоплению археологических данных об этой территории и продемонстрировала результативность интеграции археологии, антропологии, геоэкологии и генетики. Эта масштабная работа, собравшая и систематизировавшая огромное количество информации по археологии Волго-Уралья, позволила подойти к вопросу о возможности создания учебного издания, представляющего изложение ключевых положений и результатов в изучении становления и развития материальной культуры этой территории.

Предлагаемый учебник выделяется содержательным охватом и современными подходами к анализу археологических данных. В основу концепции учебника положена интегративная методология, сочетающая классический археологический подход с историко-антропологическим и экологическим подходами. В отличие от ряда прежних обобщающих изданий, делается акцент на самостоятельном археологическом материале и его интерпретации в широком контексте природной и культурной среды. Такой научный подход позволил не ограничиваться описанием последовательности археологических культур, но стремиться к воссозданию целостной картины жизни древнего и средневекового населения региона, а также представить методики изучения объектов археологии и подходов их сохранения. Учебник «Археология Волго-Уралья», состоящий из двух томов, охватывает широкий хронологический период и ориентирован на высокий уровень научной достоверности и многосторонность подхода, а также представляет современные методики полевых исследований и сбережения археологического наследия. В издании обобщаются результаты многолетних раскопок и аналитических изысканий, аккумулируя знания нескольких поколений исследователей, а также дает описание традиционных и современных методик ведения научных исследований и применения их для сохранения памятников археологии.

Каждый из томов отвечает комплексу вопросов, объединенных спецификой рассмотрения тематических направлений. Первый том посвящен истории материальной культуры Поволжья и Приуралья. Во втором томе изложены современные методы полевого и камерального изучения объектов археологии и их сохранения.

Научным фундаментом первого тома является обширнейшая источниковая база, накопленная за долгую историю археологического изучения региона. В издании систематизированы все основные категории археологических памятников – стоянки, селища, городища, могильники, культовые объекты и пр., – охватывающие временной интервал от эпохи палеолита до XVII столетия. Географический охват привлечённых источников простирается от низовьев Волги на юге до таёжных районов Предуралья на севере, что соответствует разнообразию природно-климатических зон региона (степь, лесостепь, лесная зона). В хронологических рамках каждого периода авторами учтены как классические, давно исследованные памятники, так и результаты новейших раскопок последних лет, что делает обзор существующих на сегодня сведений максимально полным и репрезентативным.

Помимо собственно описания археологических артефактов и связанных с ними явлений материалы тома опираются на данные естественнонаучных анализов (палеоботанических, остеологических, изотопных и др.), а также на результаты антропологического исследования человеческих останков. Включение в источниковую базу результатов лабораторных экспертиз – датировок, генетических тестов, химического анализа материалов – выводит исследование на новый уровень и обеспечивает междисциплинарную надёжность выводов. Источниковая база учебника, таким образом, отличается широтой, опирающейся на совокупность взаимодополняющих свидетельств (вещевых, стратиграфических, палеоэкологических и т.д.), что соответствует современным стандартам доказательности в археологической науке.

Структура первого тома учебника выстроена в строгой хронологической последовательности и включает восемь глав, каждая из которых посвящена отдельному крупному этапу истории материальной культуры Волго-Уралья. Такое построение отражает поступательное развитие культурно-исторических процессов в регионе и позволяет проследить изменения от каменного века до раннего нового времени.

Каменный век. Эпоха каменного века включает палеолит, мезолит и неолит на территории Среднего Поволжья и Приуралья. Рассматриваются памятники от бассейна Средней Волги до северо-восточных районов Европейской России, что позволяет выявить общие и локальные черты развития первобытного общества в разных частях региона. В логике изложения материал главы разделён по основным археологическим периодам каменного века: излагаются результаты многолетних исследований палеолитических стоянок ледникового времени, затем памятников мезолитических охотников и рыболовов, и, наконец, неолитических поселений со следами производства керамики. Такой подход – от древнейших стоянок до поселений эпохи неолита – позволяет проследить динамику взаимодействия человека с природной средой на протяжении десятков тысяч лет. Особое внимание уделено реконструкции палеогеографических условий обитания первобытных людей и адаптации к изменениям климата (от жестких условий последнего ледникового максимума до климатического оптимума голоцена). Также анализируются становление каменных индустрий, смена технологий обработки кремня и генезис местных археологических культур первобытной эпохи. Поэтапно рассматривается эволюция первобытного общества

Волго-Уралья: от появлений первых людей – к возникновению поселений, гончарства и зачатков производящего хозяйства.

Историографическая панорама изучения каменного века в Поволжье связывается с началом формирования его осмысления с первых «археологических» впечатлений в XVIII в. Интерес к древностям Среднего Поволжья зародился в эпоху академических экспедиций, работ П.С. Палласа, Н.П. Рычкова, И.И. Лепёхина и И.Г. Георги.

Развитие археологии по ранней истории края в конце XIX – начале XX в. тесно связано с работами А.А. Спицына и В.А. Городцова; в губернских городах (Пермь, Казань, Самара и др.) появляются краеведческие музеи и общества археологии, истории, этнографии при университетах.

Становление советской школы археологии эпохи камня отличается от дореволюционного периода, прежде всего, планомерными разведками.

В 1930-е годы в связи с проектом строительства Камской ГЭС отрядом О.Н. Бадера осуществлялись масштабные исследования наиболее важных памятников в регионе. В 1950-1955 гг. Куйбышевская экспедиция выполняла широкомасштабные археологические разведки в долине Средней Волги под руководством А.П. Смирнова. М.З. Паничкиной тогда было открыто палеолитическое местонахождение Красная Глинка. Во второй половине 1950-х годов начинает свою деятельность Марийская археологическая экспедиция под руководством А.Х. Халикова, в рамках которой были изучены многие стоянки каменного века Поволжья.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. начинаются планомерные исследования каменного века на территории европейского Северо-Востока, в частности на торфяниках работы Г.М. Букова. Выдающимся открытием стало исследование приполярных палеолитических стоянок на р. Печоре – Бызовая и Медвежья пещера, осуществленное В.И. Канивцом и Б.И. Гуслицером.

В 1960-70-е гг. большое внимание исследователи уделяют поискам палеолита на Южном Урале, в первую очередь пещерным памятникам. С именем О.Н. Бадера связаны первые археологические раскопки уникального святилища в пещере Шульган-Таш (Каповая).

Новый импульс изысканиям каменного века в регионе придало разрушительное воздействие Куйбышевского водохранилища на прибрежную зону концентрации памятников археологии, а также проекты по созданию новых водохранилищ Волжско-Камского каскада. Систематическое обследование зон затопления водохранилищ, осуществлявшееся в 1960-х – 1990-х годах, привело к открытию многочисленных памятников палеолита, мезолита и неолита в районе слияния Камы с Волгой и на Нижней Каме (исследованиями А.Х. Халикова, П.Н. Старостина, Е.П. Казакова, Р.С. Габышева и М.Г. Косменко), в зоне Чебоксарской ГЭС и Марийском Полесье (работами В.В. Никитина), по берегам Камского и Воткинского водохранилищ (изысканиями В.П. Денисова, а позже А.Ф. Мельничука, П.Ю. Павлова). В 1960–70-х гг. каменный век Южного Приуралья изучал Г.Н. Матюшин. В 1970-е–1990-е гг. значительных успехов в изучении мезолита и неолита достигла Камско-Вятская экспедиция Удмуртского университета, результаты этих исследований обобщены Т.М. Гусенцовой. В 1980–2000-ых гг. неолит Поволжья и Нижнего Прикамья стал предметом результативных изысканий И.Б. Васильева, А.А. Выборнова. К исследованиям палеолита и мезолита в Среднем Поволжье подключились Л.В. Кузнецова, А.А. Ластовский, М.Ш. Галимова, неолита – В.В. Ставицкий.

Важнейшее значение имеют исследования палеолитических памятников Северного Приуралья, осуществленные в конце 1980-х – 1990-х гг. П.Ю. Павловым, тогда в бассейнах Печоры и Верхней Камы были открыты стоянки начала верхнего палеолита и перехода от среднего к верхнему палеолиту (Мамонтова Курья, Заозерье, Гарчи I).

На современном этапе памятники каменного века региона изучаются с применением комплекса естественнонаучных методов. Значительных успехов в этом направлении достигли исследователи мезолита и неолита Северного Приуралья и Прикамья (А.В. Волокитин, В.Н. Карманов, Е.Л. Лычагина) и лесостепного Поволжья (А.А. Выборнов, А.И. Королёв, К.М. Андреев). Для эпохи мезолита новые раскопки стоянок Кочкари I, Горы Маяк и др. подкреплены AMS-датами, давая первую непрерывную шкалу мезолита лесостепного Поволжья. С междисциплинарными подходами исследуется каменный век Чувашского Поволжья (Н.С. Березина и А.Ю. Березин).

Современные подходы в представлении эпохи камня расширили наши знания об этом времени. Данные по палеолиту, полученные на основе цифровой стратиграфии уникальных геологических разрезов стоянок, микрофотографирования поверхности орудий и геохимического анализа костровых площадок уточняют время появления человека в Среднем Поволжье до ~47 тыс. л. н.

Новые исследования направлены на выявление зон культурных контактов (Приволжская возвышенность, устье Камы) и механизмов миграций/диффузии, проверяемых по керамической технике и ДНК-данным. Происходит смещение внимания к вопросам адаптации: палеоэкологические модели показали решающую роль изменений климата голоцена в смене технологий и поселенческих стратегий.

Энеолит – переходный период от каменного века к бронзовому. Логика её выделения в структуре учебника обусловлена тем, что именно в энеолите произошли первые попытки возникновения металлургии в регионе и связанные с этим радикальные изменения в обществе.

Первые свидетельства интереса к древностям Поволжья эпохи палеометалла, включающие периоды энеолита и бронзового века относятся ещё ко второй половине XIX века, когда профессор Казанского университета А.А. Штукенберг вместе с Н.Ф. Высоцким опубликовали корпус кремнёвых и редких медных находок из окрестностей Казани. На рубеже десятилетий XX века собирательские изыскания уступили место систематическим раскопкам: ученики В.А. Городцова – В.В. Гольмстен и П.С. Рыков – открыли ямные погребения Самарского и Саратовского Поволжья. Подлинный «взрыв» данных обеспечили спасательные экспедиции 1950–1960-х годов в зонах строительства Волго-Дона и Волжских ГЭС. Только в Нижнем и Среднем Поволжье было исследовано свыше тысячи курганов, что позволило О.А. Кривцовой-Граковой создать первую развернутую периодизацию срубной культуры (1955).

С 1970-х годов исследовательский фокус смещается на технологические и палеоэкологические аспекты. В лаборатории ИА РАН С.В. Кузьминых и Е.Н. Черных провели спектральный анализ руд, шлаков и готовых изделий из волосовских, гаринских и других раннеметаллических комплексов, доказав местное происхождение меди: выплавка осуществлялась из медистых песчаников Прикамья, причём гаринский очаг выступил автономным металлургическим центром, тогда как волосовский ограничивался металлообработкой сырья. В 1990-е – 2000-е годы в массовый оборот

вошли радиоуглеродные датировки: П.Ф. Кузнецов и коллеги заново переоценили абсолютную хронологию степной и лесостепной бронзы Самарского Поволжья, уточнив границы III–II тыс. до н. э. и показав, что формирование новой культурной традиции происходило синхронно с общественными процессами Восточной Европы.

Параллельно Н.Я. Мерперт и А.Д. Пряхин предложили многоэтапную схему эволюции срубной культурно-исторической общности, учитывающую региональные варианты погребального обряда и керамики лесостепи.

Новейший этап, начавшийся после 2010 года, характеризуется повсеместным внедрением методов изотопного анализа, металлографии и, главное, древней ДНК. Исследование Грачёвских курганов, выполненное совместно Самарским университетом и международной группой генетиков, подтвердило как преемственность степных популяций эпохи ямной культуры, так и приток новых компонентов во время позднебронзовых миграций.

Изучение эпохи палеометалла Поволжья прошло путь от коллекционирования к междисциплинарным проектам, где археологический контекст взаимодополняется данными геохимии, палеоклимата и геномики. Сегодняшняя картина далека от окончательной: перед исследователями стоят вопросы роли Волго-Уралья в циркуляции металла между Кавказом и Урало-Казахстанскими степями, о соотношении миграций и культурной диффузии и о влиянии климатических флуктуаций середины III тыс. до н. э. на распад хвалынского-ямного культурного комплекса. Эра ранних металлов, начавшаяся в V тыс. до н.э. с появлением на территории Волго-Уралья первых медных изделий показывает специфическую ситуацию региона, когда каменные орудия ещё долго сохраняли своё значение и широко использовались вплоть до конца бронзового века.

Одна из методологических идей учебника – показать сосуществование старых (каменных) и новых (медных) технологий и выявить факторы, влияющие на их распространение. Представлены технологические и хозяйственные сдвиги от первых центров металлургии и изменений в хозяйстве (переход от присваивающего к производящему – появление скотоводства на юге региона), затем – распространение металлоизделий и связанная с этим трансформация социальной структуры общин. Подчёркивается расширение ареала производящего хозяйства: в энеолите распространение домашних животных начинает проникать в лесостепные и лесные зоны Поволжья. Глава плавно подводит читателя к эпохе бронзы, демонстрируя предпосылки (как технологические, так и культурные), которые сделали возможным расцвет бронзового века.

Бронзовый век характеризуется более детальной структурой, отражающей богатство археологического материала этого времени. Разделы посвященные этому времени следует за энеолитом, логически показывая, как на базе энеолитических заделов (первые металлы, скотоводство) происходит переход к эпохе развитой металлургии. Описывается зарождение в III тыс. до н.э. собственной металлургической традиции региона, основанной на использовании местной медной руды и импортного олова. Подчёркивается, что вплоть до финала бронзового века древнее население Волго-Уралья продолжало восполнять дефицит олова импортом и параллельно использовало медь и камень – в силу ограниченности ресурсной базы. Структурно материал делится на тематические блоки. В первом рассматриваются технологические аспекты: развитие металлургического производства, типология бронзолитейных комплексов, эволюция форм орудий и оружия, смена сплавов (мышьяковистая бронза, оловяни-

стая бронза и др.). Во втором блоке внимание уделено хозяйственно-социальным изменениям: рост роли скотоводства, усложнение социальной структуры (первые признаки имущественного расслоения, трансформация погребального обряда как индикатора статуса). Далее следует культурно-исторический обзор основных археологических культур бронзового века региона – от катакомбно-ямных древностей степного Поволжья до лесных культур восточноевропейского леса. Авторы анализируют процессы взаимодействия между этими культурными мирами, пути миграций населения. Так, отмечено проникновение в Поволжье носителей культур с юга – вероятно, отдельных волн переселенцев из степей Евразии, принесших новые традиции. В логике главы важным в понимании бронзового века становится вопрос формирования предпосылок для перехода к железному веку: усложнение металлургии, расширение торговых связей.

Ранний железный век. Это период, когда на смену бронзе пришло железо, что повлекло за собой качественные изменения в экономике и военном деле, а также привело значимым этнокультурным перестройкам. В изложении проблем этого времени рассматривается древности I тыс. до н.э. – первых веков н.э., что соответствует двум фазам железного века в Восточной Европе.

Исследование раннего железного века Поволжья — это уже не просто набор раскопок и находок, а почти двухвековая научная традиция, прошедшая несколько сменяющих друг друга методологических парадигм.

Первые сведения о памятниках раннего железа фиксируют участники государственных «описаний края». П.И. Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» (1762) упоминает Уфимское «Чёртово» городище; его сын Н.П. Рычков, работавший в отряде П.С. Палласа, уже производит инструментальную съёмку укреплений Кара-Абыз и Бирского «Чёртова» городища.

С возрастанием интереса к «древностям провинции» инициативу берут земские и университетские любители-исследователи. Раскопки П.В. Алабина на Ананьинском могильнике (1858) положили начало систематическому изучению одной-мённой культуры. К концу периода уже сложились первые системы периодизации и выделены региональные «костищенские» и «савроматские» хронологические горизонты.

В советское время полевые работы П.С. Рыкова в Заволжье выявляют пласт курганов, впоследствии названный среднесарматским. Параллельно А.П. Смирнов формулирует концепт ананьинской культурно-исторической области (АКИО), пытаясь увязать лесные памятники Прикамья с савроматско-скифскими степными комплексами.

Создание Камской археологической экспедиции под руководством О.Н. Бадера (1947) кардинально изменило источниковую базу: за первое десятилетие экспедиция выявила порядка 500 памятников. В степной зоне Б.Н. Граковым и К.Ф. Смирновым были выделены савроматский, раннесарматский и среднесарматский хронологические горизонты.

В 2000-ые годы в Казани, Болгаре, Ижевске и Елабуге проходит серия международных «ананьинских» конференций, на которых было выработано понимание, что ананьинский «мир» как кластер взаимодействующих культурных традиций, а не монокультурный и моноэтнический массив.

Параллельно происходит сопряжение археологических материалов с данными палеогенетики. Генетические исследования свидетельствуют о длительной

(до 3000 лет) непрерывности населения Нижнего Прикамья и Южного Урала от раннего железа до раннего Средневековья, фиксируя, в частности, связь караякуповского и анонимных нижекамских групп с раннесарматскими и сибирско-сагаратскими популяциями.

Изучение эпохи раннего железного века Поволжья, начавшееся описанием «чёртовых городищ» на современном этапе представляет направление ориентированное на привлечение высокотехнологичных мультидисциплинарных программ. Усилия исследователей направлены на уточнение маршрутов миграций IV–II вв. до н. э. между степным и лесостепным поясами, появление и распространение земледелия. Рассматриваются палеоклиматические влияния атлантической и средиземноморской циркуляций на демографию древних популяций. Актуальной является синхронизация радиоуглеродных шкал лесной АКМО с хронологией савроматско-сарматского степного фронта. Новым важным явлением стало развитие направления по изучению генетической дифференциации финно-угорских и ирано-язычных групп в свете новых данных о взаимодействии населения железного века.

Эпоха Великого переселения народов охватывает период массовых миграций и трансформаций в Евразии (II–VIII вв. н.э.) и выступает связующим звеном между античностью и средневековьем, подготавливая почву для становления новых народов и государств в Поволжье.

Начало изучения этой эпохи связано с раскопками в 1920-е гг. После длительного перерыва изучении этой темы возобновляется только в 1950-1960-е гг. благодаря работам В.П. Денисова, О.И. Бадера, Р.Д. Голдиной, В.А. Оборина и В.Ф. Генинга. Качественный прорыв произошел во второй половине XX века, когда активизировались региональные академические центры и университеты, что способствовало созданию обширной источниковой базы.

В конце XX – начале XXI вв. акцент сместился с описания на интерпретацию процессов. Модель В.П. Будановой о трех фазах эпохи Великого переселения народов нашла отражение в исследовании «Археология Волго-Уралья. Т. 4».

Таким образом, за полуторавековой опыт исследований сформировалась полноценная традиция, прошедшая путь от отдельных находок к многоуровневому анализу с применением современных методов. Исследования показали, что эпоха Великого переселения народов – это сложный процесс взаимодействия различных этнокультурных групп, органично вписанный в евразийскую историю.

Средние века. Последующее изложение археологических материалов охватывает обширный период средневековой истории Волго-Уралья от VIII в. до середины XV в., то есть от формирования первых раннегосударственных образований в Поволжье до завершения эпохи Золотой Орды. В соответствии с фактическим материалом главы отражают два качественно различных этапа: *домонгольский период* и *период Монгольского завоевания и Золотой Орды*.

В изложении времени раннего Средневековья (VIII – начало XIII вв.) рассматривается эпоха существования Волжской Болгарии, а также сосуществования с ней в регионе других культурно-этнических общностей: финно-угорских племён лесной зоны и кочевых народов южных степей. Историография археологического освоения Среднего и Нижнего Поволжья, где в VIII – начале XIII вв. сложились Волжская Болгария и финно-угорско-тюркские культуры, формировалась в несколько этапов, каждая из которых отражала общероссийские научные тенденции и одновременно специфику региона.

Первую волну исследований этого периода составили материалы академических экспедиций второй половины XVIII в. Н.П. Рычкова, П.С. Палласа и И.И. Лепехина. На их маршрутах по Казанской, Вятской, Симбирской и Самарской губерниям было зафиксировано существование средневековых городищ и курганов, положено начало коллекционированию находок и топографическому описанию архитектурных остатков Болгара, Биляра и других городских центров. Хотя добытые сведения оставались фрагментарными, именно они задали вектор дальнейших поисков.

В XIX в. открытие Казанского императорского университета (1804) и создание при нём Общества археологии, истории и этнографии (1878) позволили перейти от случайных разведок к планомерному изучению. Появились первые археологические карты (А.И. Невоструев, 1871; «Карта Вячеслава», 1874) и сводные публикации А.Ф. Лихачёва, П.А. Пономарёва, Н.Ф. Высоцкого, посвящённые Болгару и его округе; активно описывались мордовские и марийские древности Западного Поволжья.

Переломным стало начало XX в. Экспедиции А.А. Спицына, Г.Н. Потанина, Н.Г. Первухина и М.П. Званцева положили начало археологическому изучению могильников удмуртов, марийцев и мордвы; ранних болгар. Однако до революции раскопки оставались спорадическими и зависели от частных инициатив исследователей.

С 1920-х годов археология Поволжья получила поддержку государственных академических центров. Экспедиция Самарского университета под руководством В.В. Гольмстен исследовала Муромский городок и курганы Среднего Поволжья; раскопки А.П. Смирнова на Вычегде и Чепце заложили основы финно-угорской археологии. Начались систематические раскопки городищ Болгара, Биляра, Казани, Русско-Урматского и целого ряда поселений в Закамье; с 1938 г. Болгарское городище стало объектом стационарных работ, положивших начало методически выверенной стратиграфии памятника.

В послевоенные десятилетия (1945–1970-е) археологические раскопки памятников средневековья приобрели широкий размах.

Были организованы крупные экспедиции: Куйбышевская, Поволжская, Нижнекамская и Чебоксарская, обследовавшие русла Волги и Камы перед гидростроительными работами. В эти же годы были заложены опорные раскопы Казани, Сувары и Биляра, а в 1980-е завершён шеститомный «Свод археологических памятников Татарстана», создавший эталонную картографию региона.

К середине 1950-х детальная стратиграфия Болгарского городища, разработанная А.П. Смирновым позволила выделить шесть культурно-хронологических горизонтов от домонгольского периода до позднерусского. Исследования средневековых памятников сопровождались активным внедрением дендрохронологии, палинологии и остеологического анализа, существенно уточнившими датировки и хозяйственные реконструкции.

Историография изучения средневекового Поволжья показывает обширный фактологический массив, данных, полученных в ходе изучения археологических памятников и проведения исследований междисциплинарными методами, позволяет уверенно реконструировать этнокультурные процессы VIII – начала XIII вв., а само Поволжье превратилось в одну из ключевых лабораторий российской средневековой археологии.

Последующий раздел смещает фокус на период после 1236 г., когда в результате монголо-татарского завоевания регион вошёл в состав Улуса Джучи (Золотой Орды). История научного освоения золотоордынского Поволжья – это более чем двухвековая эволюция исследовательской мысли, последовательно переходившей от случайных описаний к системным изысканиям. Её истоки восходят к эпохе первых «учёных путешественников»: уже в XVI–XVIII вв. руины Царевского городища и других городищ осматривались военными инженерами и натуралистами, а В.Н. Татищев, С.Г. Гмелин и П.С. Паллас оставили первые топографические наблюдения и замеры, правда, ещё лишённые археологической интерпретации.

В XIX – начале XX в. активно к изучению памятников этого времени подключаются ученые Казанского императорского университета и губернские Учёные архивные комиссии и краеведческие общества Казани, Оренбурга, Саратова, Астрахани. Ими были составлены первые археологические карты, начаты публикации монографий. Переход к профессиональной археологии обозначился в 1920-е – 1930-е гг.

Послевоенный период ознаменовался формированием общих типологических схем. Ключевую роль сыграли А.П. Смирнов и его ученик Г.А. Фёдоров-Давыдов. С конца 1960-х до 1980-х гг. шло углубление тематических направлений. Антропологические исследования, начатые Г.Ф. Дебецом ещё в 1930-е годы, получили развитие в работах Л.Т. Яблонского и И.Р. Газимзянова.

Переломным стал рубеж 1990-х – 2000-х гг. Объём спасательных работ резко вырос из-за строительства Волго-Камского каскада и программ инфраструктурного развития. Исследования сопровождались комплексом естественно-научных методов – палеоботаникой, археозоологией, геофизикой, что обогатило интерпретационный инструментарий и позволило обсуждать хозяйственные модели золотоордынских городов на уровне балансов зерна и мясных поставок.

Тем не менее историографический процесс остаётся открытым: расширяется банк радиоуглеродных дат, внедряются GIS-технологии, нарастает численность публикаций о ремесле, торговле и нумизматике, а региональные школы (Казань, Саратов, Астрахань, Йошкар-Ола, Киров) усиливают кооперацию, что обеспечивает дальнейшее уточнение хроники и культурно-исторических моделей золотоордынского Поволжья. Таким образом, история изучения региона сама стала отражением тех же интеграционных тенденций, которые некогда определяли жизнь средневековой евразийской империи.

Позднее средневековье. Завершается работа эпохой, которых охватывает период середины XV–XVII вв., соответствующий позднему средневековью и переходу к началу раннего Нового времени в истории Волго-Уралья. Хронологически это время после распада Золотой Орды и возникновения новых государственных образований – прежде всего Русского государства, Казанского ханства, а также Астраханского ханства и Ногайской Орды и других татарских государств.

История археологического изучения позднесредневекового Поволжья совсем недавно стало самостоятельной темой в археологических исследованиях и прошла несколько этапов осмысления ее места в структуре археологических знаний. Позднесредневековые пласты культурного слоя часто в этот период трактовались преимущественно как «помеха» в изучении более ранних эпох. Этапы понимания ценности этой эпохи закономерно связаны и с эволюцией источниковедческой базы, и с изменением идеологических рамок, в которых работали исследователи.

Первый этап относится ко второй половине XIX – началу XX в. В Казани, Свияжске, Чебоксарах и Нижнем Поволжье фиксировали находки случайных кладов, записывали сведения об объектах археологии, закладывали единичные шурфы. Второй этап связан с утверждением советской академической археологии. Между 1920-ми и серединой 1940-х годов наметился переход от локальных наблюдений к планомерным раскопкам городских центров. Третий этап исследований (1970-е – 1980-е) тесно связан с обширными археологическими работами в городских центрах исторических городов Казани, Свияжске, Йошкар-Оле, Чебоксарах, представленных сложной стратиграфией и содержащих поздние напластования.

Современный, четвёртый, этап исследований характеризуется междисциплинарностью. Параллельно расширяется география исследований Нижнего Поволжья – нумизматические и стратиграфические работы внутри Казанского, Нижегородского, Астраханского кремлей выводят на передний план проблему трансформации средневекового города в города Нового времени. В число направлений в 2000-ые годы вошли и изыскания о градообразующих рубежных укреплениях как самостоятельных объектах археологии обороны. Раскопки малых городов Поволжья и Приуралья: Касимова, Курмыш, Чебоксар, Козьмодемьянска, Царевококшайска и поселений Вятского края позволили вписать их в единую систему русской крепостной истории засечных черт и снабдили историографию обширным эмпирическим материалом.

Таким образом, в историографии позднесредневекового Поволжья ясно прослеживается тенденция от фрагментарного собирательства к многопозиционному изучению городских, погребальных и оборонительных комплексов. Освобождение темы от ограничений и внедрение междисциплинарных методик (археозоология, археоботаника, геоинформационный анализ) открывают потенциал для решения прежних «слепых зон» – социальной стратификации городов, деревни, а также динамики пограничных укреплений XVI–XVII вв. Состояние источниковой базы, зафиксированное в обобщающих главах тома, позволяет говорить о формировании зрелой, критически насыщенной исследовательской школы, способной переосмысливать как локальные сюжеты, так и макротенденции трансформации Большого Волжского пути в эпоху начала раннего Нового времени.

Археология Казанского ханства ранее почти не рассматривалась комплексно и потому представляет особый интерес. Результаты археологических исследований городов и поселений Казанского ханства: Казани, крупных городских центров (городища в районе современной Елабуги, Арска и др.). Впервые представлен и систематизирован археологический материал по второй половине XVI–XVII вв. систематизирован: авторы включили данные раскопок ранних русских поселений Поволжья, изучение которых ранее находилось на периферии исследовательского интереса. Тем самым книга доводит единое повествование до рубежа, где археологическая эпоха переходит в эпоху письменной истории.

Методологический аппарат учебника, особенно его второй том, характеризуется междисциплинарностью и применением новейших научных методов и их возможностей в изучении объектов археологии. Представленная система комплексных исследований объектов археологии, включающая археометрические методы, позволила показать инструменты получения деталей технологических процессов, хозяйственной жизни, недоступные прежним поколениям исследователей. Показаны возможности использования традиционных и новейших методов полевых исследований и аналитических работ по изучению археологического контекста и вещевого

материала, что формирует современные, актуальные на момент издания сведения, основанные на проверенных научных методах, а также в развернутом виде показывает способы и возможности их использования. Второй том издания подробно анализирует и важные вопросы полевой консервации, способов и подходов в представлении и музеефикации памятников, а также затрагивает вопросы применения современных законодательных и нормативных документов в сфере сохранения археологического наследия. Показано развитие тематических музеев (Музей археологического дерева в Свияжске, экспозиции Болгара, Шульган Таш, Чебоксар и др.), которые иллюстрируют сдвиг от спасения археологических памятников и предметов материальной культуры к интерпретации и популяризации культурного наследия.

Наряду с традиционным описанием культурных комплексов в книгу включены методики реконструкции природно-географической обстановки разных эпох, систем хозяйственного обеспечения, технологий древних производств, а также освещаются этноисторические, физико-антропологические и генетические аспекты их осуществления и применения в истории населения Поволжья. Тем самым материал подается в тесной связи с вопросами адаптации человека к окружающей среде, демографическими сдвигами и межкультурными контактами.

Предлагаемое вниманию читателя, в первую очередь, студентам и преподавателям издание в виде двухтомного учебника «Археология Волго-Уралья» обобщает результаты археологических исследований обширного макрорегиона, в хронологических рамках от каменного века до позднего средневековья, а также освещает вопросы применения современных методик в изучении и сохранении археологического наследия. Работа подготовлена коллективом Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Марийского государственного университета и ведущими специалистами профильных научных учреждений. Волго-Уралье справедливо считается территорией, где сложились многие народы и государственные образования, далекое прошлое которых и сегодня содержит немало «белых пятен». Обобщающее представление региональной археологии и современных методов его изучения и сохранения, с учетом современных достижений науки, предпринятое в рамках данного издания, позволило осветить проблемы древней и средневековой истории в контексте современных подходов развития археологии.

Выражаем огромную благодарность авторам, рецензентам и всем, кто принял участие в создании данного учебника.

Ситдилов А.Г., Зеленев Ю.А.

ГЛАВА 1

КАМЕННЫЙ ВЕК

Каменный век (эпоха камня) является первой эпохой в археологической периодизации истории человечества. Эпоха камня представляет собой первую технологическую ступень в развитии производительных сил. Внутри каменного века Джоном Лаббоком в 1865 году были выделены древний и новый периоды, получившие название «палеолит» и «неолит». Позже между ними был помещен еще один период – средний каменный век, или мезолит. В свою очередь, палеолит (древний каменный век) был подразделен на ранний, средний и поздний, иными словами – нижний, средний и верхний.

По современным научным представлениям, начало палеолита связано с появлением древнейших обезьяноподобных людей, которые изготавливали простейшие каменные орудия. Этот процесс, скорее всего, происходил более двух миллионов лет назад. Палеолит совпадал по времени с последним («четвертичным») геологическим периодом, который также называется антропоген. В течение большей части четвертичного периода происходили неоднократные колебания климата, которые выражались в умеренных широтах северного полушария в чередовании холодных этапов – оледенений – и сравнительно теплых – межледниковий.

Начавшийся около 10 тысяч лет назад современный этап четвертичного периода, получивший название «голоцен», ознаменовался завершением ледниковой эпохи и древнего каменного века (палеолита) и началом среднего каменного века – мезолита.

Начало неолитической эпохи в Среднем Поволжье связано с появлением около 8000 лет назад в обиходе коллективов охотников, рыболовов и собирателей первых керамических сосудов. Широкое применение получили шлифованные и полированные орудия труда. Таким образом, признаками позднего каменного века явились новые технологии обработки сырья. Интенсивные раскопки на Ближнем Востоке и Передней Азии позволили получить источники, которые усложнили картину неолита.

¹ При составлении данной главы использованы разделы I тома «Археологии Волго-Уралья», авторы Галимова М.Ш., Выборнов А.А., Кузнецова Л.В., Березина Н.С., Павлов П.Ю., Мельничук А.Ф., Житенёв В.С., Сташенков Д.А., Никитин В.В., Андреев К.М., Ластовский А.А., Гусенцова Т.М., Волокитин А.В., Ставицкий В.В., Лычагина Е.Л., Морозов В.В., Карманов В.Н., Шипилов А.В., Лыганов А.В., Цыгвинцева Т.А., И.Н. Васильева.

Были исследованы стоянки, на которых уже фиксировались шлифование и сверление, но отсутствовала посуда. На этой основе возникали такие понятия, как бескерамический или докерамический неолит.

Применительно к памятникам каменного века археологическая культура практически равнозначна понятию материальная культура, так как свидетельств духовной культуры этого времени почти не сохранилось (за редким исключением). Основными критериями для объединения той или иной группы памятников каменного века в культуру для археологов являются особенности технологии расщепления каменного сырья (которая выражается в формах нуклеусов, пластин, отщепов и сколов-отходов), а также характерные типы каменных орудий вместе с различными приемами их изготовления (оформления). Для памятников позднего каменного века – неолита основными признаками, определяющими культурную принадлежность, как правило, являются форма, орнаментация и состав глиняного теста керамических сосудов.

1.1. ПАЛЕОЛИТ

Палеолит – древний каменный век – начальный этап каменного века, который, в свою очередь, является первой эпохой в археологической периодизации истории человечества. Термин «палеолит» происходит от древнегреческих слов «палайос» – древний и «литос» – камень. В палеолите происходили важнейшие процессы формирования человека современного физического типа и человеческого общества. Древние люди учились преодолевать тяготы сурового климата оледенений. Они освоили добычу огня, изготовление орудий труда из камня, кости и дерева, стали шить одежду, строить жилища и заселили обширные пространства всех материков земного шара.

Современная периодизация палеолита выглядит следующим образом. Первой, древнейшей эпохой считается олдувайская (более 2 миллионов – 700 тысяч лет назад), за ней следует ашель (700 – 150 тысяч лет назад), которые именуются ранним палеолитом. Затем наступает средний палеолит – эпоха мустье (150 – 40 тысяч лет назад) и, наконец, поздний или верхний палеолит (40 – 12 тысяч лет назад).

Олдувай – время существования так называемого «человека умелого» – обезьяноподобного существа, изготавливавшего примитивные орудия труда. В ашеле появился питекантроп (человек прямоходящий), в мустье – неандерталец. С началом позднего палеолита связано возникновение человека разумного (*Homo sapiens*).

В четвертичном периоде имела место ритмичность изменения природно-климатических условий. Эта ритмичность заключалась в чередовании суровых условий ледниковых периодов и более мягких межледниковых. Во время оледенения огромные пространства превращались в ледяные пустыни. Температура в этих местах не поднималась выше нуля. Жизнь человека была возможна лишь к югу от этих регионов. У края ледника располагались приледниковые области, представлявшие собой тундровые ландшафты. Южнее были холодные лесостепи и степи. В этой приледниковой зоне обитали стада ныне вымерших животных: мамонтов, шерстистых носорогов, а также диких лошадей, бизонов, туров, овцебыков, северных оленей и других представителей так называемого мамонтового комплекса. Особенностью природы оледенений было сочетание разных ландшафтных зон и фаун. Здесь сосуществовали представители тундры (овцебык, песец, северный олень) и животные степей и лесов (бизон, благородный олень, лошадь, сайгак). Основная часть Среднего Поволжья

и Урала входила в перигляциальную (приледниковую) зону, здесь установилась вечная мерзлота.

Природные условия в первую половину эпоху мустье (150–70 тысяч лет назад) были достаточно теплыми. Благоприятные условия теплого микулинского межледниковья (около 130–115 тыс. л. н.) позволили освоить всю территорию Восточной Европы вплоть до полярного круга. В суровом климате последующего раннего валдайского оледенения, хронологические рамки которого составляют 115–60 тысяч лет назад, на территории Восточной Европы существовала скудная тундро-степная растительность с обилием папоротников, мхов, грибов. В периоды относительных потеплений здесь произрастали леса с участием карликовой березы. Среднегодовая температура упала по сравнению с современной на 10–11 градусов.

В течение среднего этапа валдайского оледенения (60–32 тыс. л. н.) в умеренно холодном климате северо-восток Европы был практически полностью свободен от ледниковых покровов. В позднем валдае (около 30–10 тыс. л. н.) выделяется самый холодный период оледенения – климатический минимум (26,5–20 тыс. л. н.). В это время широко распространилась вечная мерзлота. По данным палеоботанического анализа культурных слоев стоянок и четвертичных отложений, около 25–24 тыс. лет назад в приполярных районах бассейна Печоры, господствовали суровые безлесные тундровые и тундро-степные ландшафты. В целом природно-климатические условия востока Европы в первую половину позднего валдая были крайне неблагоприятны для жизни палеолитических людей. Вторая половина позднего валдая, 19–13 тыс. лет назад, в целом отличалась более умеренным климатом по сравнению с предшествующим периодом. Но природные условия заключительного этапа ледниковой эпохи (13–11 тыс. лет назад) вновь стали более суровыми, приледниковыми.

Основным материалом для изготовления орудий труда и оружия в палеолите служил камень: кремь, яшма, халцедон, обсидиан и другие породы, способные при раскалывании давать острый режущий край. Использовались также кость, рог и дерево.

В эпоху мустье сравнительно высокого уровня достигла техника раскалывания и вторичной обработки камня. Неандертальцы могли получать отщепы совершенной формы, которые были предназначены для изготовления орудий. Эти отщепы скалывались со специально подготовленных кусков камня или галек, называемых нуклеусами, или ядрищами. Характерными орудиями мустьерцев были остроконечники и скребла разных типов. Остроконечники использовались как ножи, кинжалы, наконечники копий и рогатин. Скребла употреблялись при разделке туш животных, обработке шкур и дерева. На мустьерских стоянках часто встречаются зубчатые орудия – отщепы и сколы с мелкими выемками по краям, которые служили для резки и пиления. Интересны находки небольших рубил разных форм, оббитые со всех сторон. Мустьерские каменные артефакты формировались с помощью отбойника – гальки округлой или овальной формы. Для нанесения ретуши употреблялись ретушеры – куски камня или кости.

Палеолитические охотники и собиратели предпочитали селиться поблизости от воды, по берегам рек, озер, на склонах холмов, а также в пещерах и гротах. Среди мустьерских и верхнепалеолитических памятников выделяются стоянки-мастерские, кратковременные охотничьи лагеря, долговременные «базовые» поселения. Для мастерских характерно обилие расколотого кремня – ядрищ, отщепов, сколов, и небольшое количество костей животных, очагов и проч. Мастерские располагались поблизости от выходов каменного сырья. Кратковременные охотничьи лагеря

содержат мало каменных изделий. Найденные там кости принадлежат обычно лишь нескольким убитым поблизости животным. На долговременных поселениях обычно фиксируется мощный культурный слой, насыщенный изделиями из камня и костями животных, с хорошо выраженными очагами, а иногда и остатками жилищ.

Главным условием успешного освоения северных районов в верхнем палеолите стал прогресс во всех областях жизни первобытных людей современного физического облика. Новые приемы охоты требовали лучшей организованности и оснащенности. При изготовлении орудий труда, для постройки жилищ широко использовались кость, рог, бивень мамонта. Дальнейшее развитие в верхнем палеолите получила техника обработки камня. На стоянках этого времени встречаются хорошо ограненные призматические ядрища, от которых откалывали не только отщепы, но и удлиненные ножевидные пластины с ровными острыми краями. Многие из них использовались в качестве ножей без дополнительной обработки. В верхнем палеолите наиболее распространенными и разнообразными по форме были резцы, скребки, ножи, скребла, долотовидные орудия, проколки, наконечники дротиков. Тогда же была освоена техника сверления кости.

В целом на протяжении палеолита техника обработки камня получила развитие от ашелского ручного рубила до совершенных по форме и качеству обработки верхнепалеолитических изделий: двусторонне ретушированных листовидных наконечников и повсеместно распространенных ножевидных пластин, которые отделялись от специально подготовленных ядрищ (нуклеусов) с помощью сложной техники отжима. В эпоху верхнего палеолита зародилось первобытное искусство, наибольшую известность получили наскальная пещерная живопись и мелкая глиняная скульптура (т. н. «Венеры палеолита»).

В конце позднего палеолита в жизни коллективов охотников, проживавших в приледниковой зоне Восточной Европы, произошли крупные перемены. Около 10 тысяч лет назад началось существенное потепление, деградировал скандинавский ледяной щит, наступил современный этап четвертичного периода – голоцен. Широко распространенные тундро-степные ландшафты постепенно сменились современными природными зонами. Вымирание крупных животных мамонтового комплекса вынудило охотников перейти к промыслу лесных и лесостепных животных современных видов и в этой связи – к иному образу жизни. Эти изменения, в свою очередь, привели к совершенствованию охотничьего арсенала. Лук, изобретенный еще в позднем палеолите, стал основным оружием, развивалась также техника метания дротиков и копий. В мезолите также совершенствовались рыболовство и собирательство.

Палеолит Южного Приуралья

В регионе к настоящему времени известно около 70 памятников палеолита, подавляющее большинство которых относится к эпохе верхнего палеолита (рис. 1). Значительная часть представлена кратковременными пещерными стоянками по берегам р. Белой и её притоков (р. Ай, Юрюзань, Сим, Нугуш, Лемеза и др.). К основным памятникам относятся: Сергеевка 1, Игнatieвская пещера, Кульюрт-Тамак, Капова пещера, Байсланташ.

Достоверные памятники раннего палеолита в Южном Предуралье неизвестны. Свидетельства посещения региона людьми в среднем палеолите единичны. Одним из памятников, нижние слои которого возможно отнести к этой эпохе, является стоянка Муллино на р. Большой Ик, на которой были найдены каменные остроко-

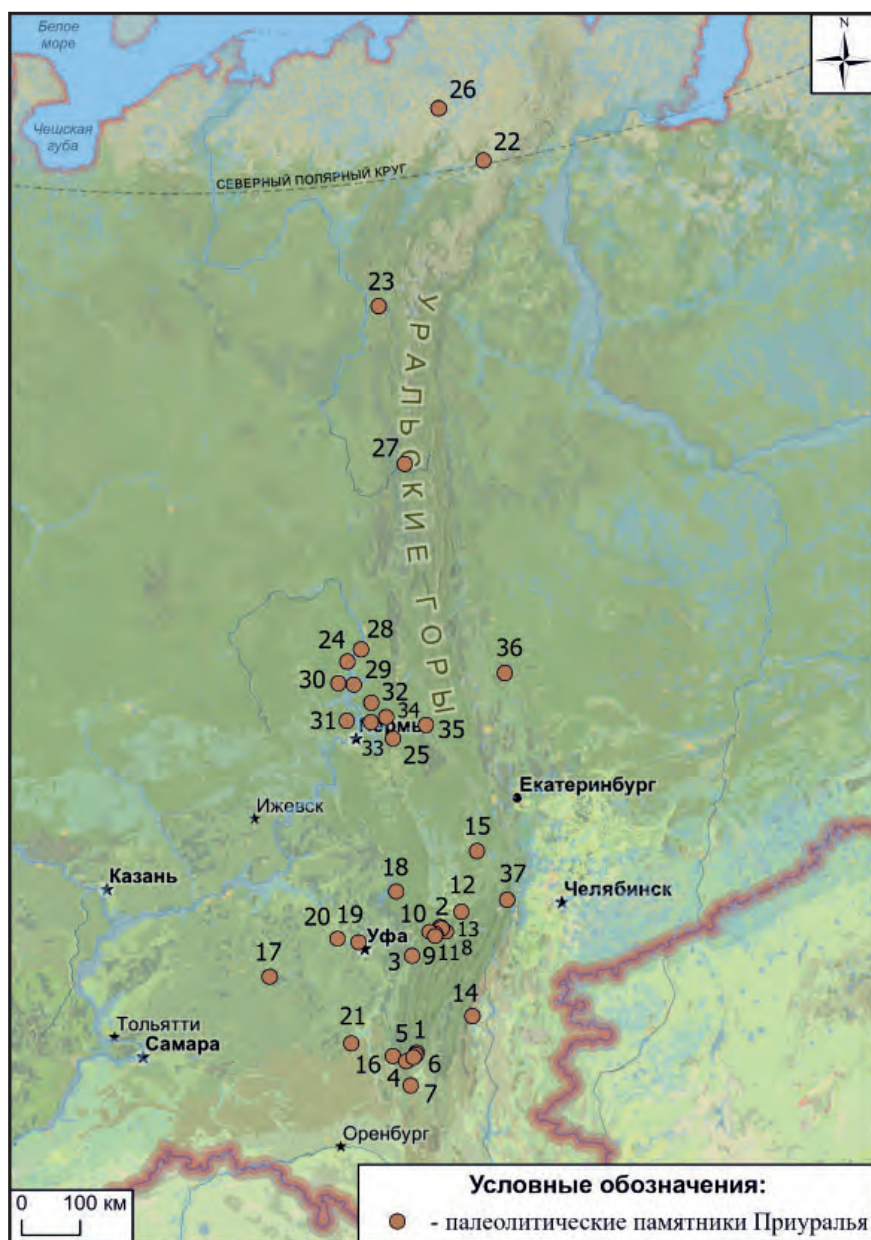

Рис. 1. Карта основных палеолитических памятников Приуралья.

- 1 – Капова (Шульган-Таш) пещера; 2 – пещера Ключевая; 3 – пещера Заповедная; 4 – пещера Байсланташ (Заповедная); 5 – пещера Кульюрт-Тамак (Космонавтов); 6 – грот Максютовской; 7 – пещера Мурадымовская-2; 8 – Бурановская пещера; 9 – гроты у Каменного Кольца; 10 – Игнatieвская пещера; 11 – Серпиевская II пещера; 12 – пещера Сикияз-Тамак; 13 – Усть-Катавская II пещера; 14 – Мысовая (Урта-Тубе, Карабалыкты VII); 15 – Новобелокатайская; 16 – Сергеевка I; 17 – Муллино; 18 – Айдос; 19 – Горново; 20 – Старо-Тукмаклинская; 21 – Табулдинское; 22 – Мамонтова Курья; 23 – Бызовая; 24 – Гарчи I; 25 – Заозерье; 26 – Пымва-Шор; 27 – Медвежья пещера; 28 – Усть-Пожва; 29 – Горка; 30 – Широфаново II; 31 – Ганичата II; 32 – грот Столбовой; 33 – стоянка Талицкого; 34 – Горная Талица; 35 – грот Большой Глухой; 36 – Гари; 37 – грот Бобылек

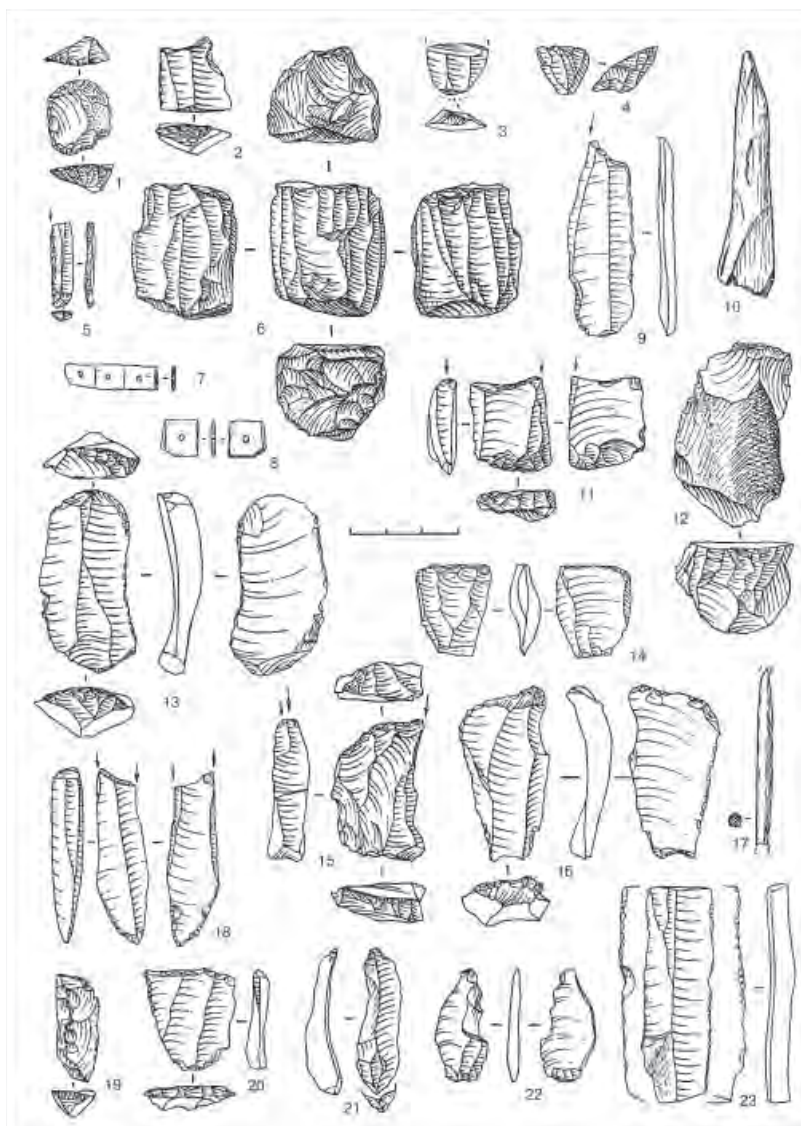

Рис. 2. Палеолит. Стоянка в пещере Байсланташ (Акбутинской). Каменный и костяной инвентарь (по: Исторический Башкортостан в эпоху камня / Котов, 2009)

нечники, рубила, скрёбла, патинизованные отщепы с ретушью, чоппер. К среднему палеолиту, вероятно, следует отнести Новобелокатайскую стоянку на р. Большой Ик, где вместе с каменными орудиями обнаружены кости мамонта, бизона, лошади и др. Радиоуглеродное датирование культурного слоя показало дату более 50 тыс. лет назад. Немногочисленные свидетельства посещения человеком Южного Предуралья и западного склона Южного Урала в раннем и среднем палеолите указывают на слабую освоенность региона.

Стоянки верхнего палеолита более многочисленны. К ранней поре верхнего палеолита относится Табулдинское местонахождение на р. Ашкадар, которое являлось т. н. «мамонтовым кладбищем», либо местом забоя и первичной разделки охотничьей

Рис. 3. Палеолит. Капова пещера. Зал Рисунков, Восточное панно
(по: Житеневу В.С., 2021)

добычи. Памятник представляет собой местонахождение костных останков мамонта со следами раскалывания и рубки, уложенных в «штабель», рядом со скоплением были зафиксированы бивни, фрагменты позвонков и костей черепа, раздробленные рёбра мамонта, кости очень крупной лошади и носорога и три каменных орудия. По костям были получены радиоуглеродные даты – 31 и 34 тыс. л. н. Сходный характер имеет Горновское местонахождение на р. Белой, датированное интервалом от 29 до 21 тыс. лет назад, на котором найден горизонт залегания раздробленных и обожженных костей животных с несколькими орудиями из кремня и яшмы: нуклеусом для скалывания пластин, резцом, остроконечником.

Грот у Каменного кольца на р. Сим представляет собой скальную нишу, в отложениях которой были выявлены несколько кремневых отщепов, остроконечники и концевой скребок, а также кости носорога, пещерного медведя, пещерного льва, северного оленя, лося, первобытного быка, бизона, дикой лошади, косули, волка, лисы, зайца, птиц.

Поздняя пора верхнего палеолита на Южном Урале представлена в основном кратковременными пещерными стоянками с незначительным числом предметов каменного инвентаря. Среди памятников с достаточно представительной коллекцией каменных и костяных орудий следует назвать пещеру Байсланташ (Акбутинскую) на р. Белой (рис. 1). Инвентарь характеризуется пластинчатой техникой расщепления камня, наличием крупных пластин и микропластинок, преобладанием среди орудий разнообразных резцов – на углу сломанной пластины, ретушных, двугранных, точечных. Большую серию представляют скребки, среди которых много укороченных с полукруглым лезвием; есть с прямым лезвием, скошенные, угловатые, с шипом и двойные; много различных орудий с остриями, в том числе орудия с шипом. Имеются долотовидные орудия; скребла, галечное орудие, фрагменты пластин с ретушью, микропластины с ретушью, геометрические микролиты, в том числе в форме трапеций, наконечники стрел на пластинчатых сколах с двусторонним утончением основания (рис. 2).

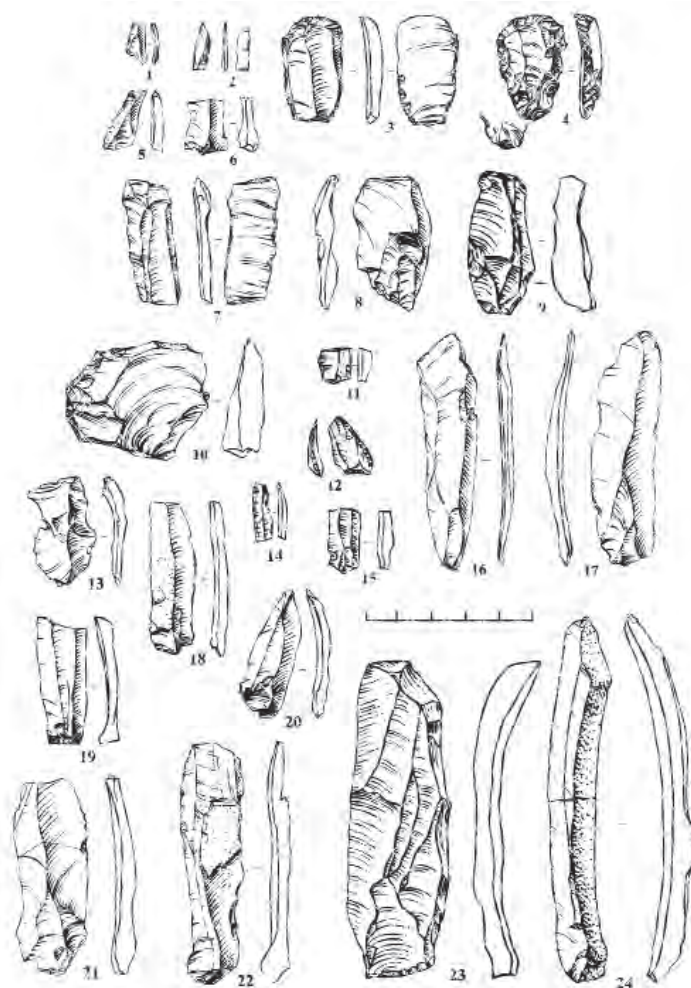

Рис. 4. Палеолит Южного Приуралья. Капова пещера. Каменные изделия из кремня, яшмы и горного хрусталя (7) из культурного слоя зала Знаков (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Житенев, 2021)

Найдены также орудия из кости, украшения из бивня мамонта в виде квадратных пластинок с отверстием и круглого бисера, амулет из мелкой гальки с естественным отверстием. Единичные фаунистические остатки принадлежат лошади и бизону, также обнаружены фрагменты бивня мамонта. Предполагается, что в пещере Байсланташ располагалась охотничья стоянка, которая неоднократно посещалась древними людьми, судя по мощности слоя, достаточно продолжительное время. Наибольшее сходство палеолитической коллекции пещеры Байсланташ обнаруживается с ближайшими памятниками: пещерной стоянкой Кульюрт-Тамак и палеолитическим слоем в пещере Игнatieвской (Ямазыташ) (рис. 1).

В пещере Кульюрт-Тамак на р. Белой в культурном слое выявлены зольные пятна, обнаружены каменные изделия, многочисленные древесные угли, крупинки и пятно красного минерального пигмента (охры), кости животных. В результате радиоуглеродного анализа были получены даты: около 14.9 и 15.8 тыс. л. н. В пещере были

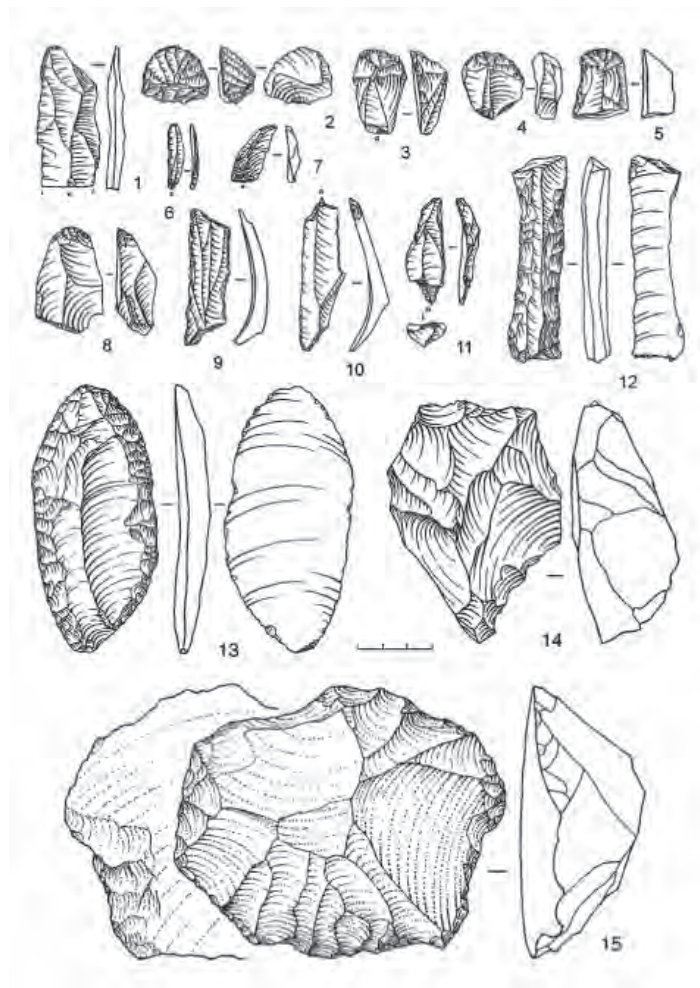

Рис. 5. Палеолит. Стоянка Сергеевка 1. Каменные изделия.

1 – орудие с шипом; 2 – нуклеус-скребок; 3–5, 8 – скребки высокой формы; 6 – микроскребок на пластинке с ретушью; 7 – острие на пластинке; 9, 11 – острие двойное на ретушированной пластинке; 10 – проколка; 12 – орудие с выемчатыми лезвиями на массивной пластине; 13 – конвергентное скребло; 14 – скребло с зубчатым лезвием; 15 – скребло – рубящее орудие на леваллуазском отщепе (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Житенев, 2021)

найлены: нуклеус, фрагменты пластин и микропластинок, отщепы, а также орудия, в числе которых резцы на углу пластин, долотовидные орудия, пластины с усеченным концом, проколка, пластина с «клювом» на углу и др.

Стоянка была временным охотничьим лагерем, который неоднократно посещался на протяжении длительного времени, о чем говорит мощность культурного слоя и множество зольных пятен на разных уровнях. В слое найдены кости таких животных, как мамонт, носорог, пещерный лев, бизон, песец, лошадь, волк, заяц и др. С точки зрения культурной принадлежности материальная культура пещеры Кульюрт-Тамак может быть включена в позднепалеолитический этап уральской культуры, основными памятниками данного этапа являются стоянка Талицкого и Горная Талица на р. Чусовой.

Широкую известность в качестве палеолитического святилища получила Капова пещера (Шульган-Таш) на р. Белой. Пещера представляет собой систему залов, галерей и коридоров, расположенных на трех ярусах, нижний из которых занят речкой Подземный Шульган. В залах среднего и верхнего ярусов изучены настенные изображения (фигуры мамонтов, лошадей, носорога, бизона, верблюда, рыбы, зооантропоморфа, геометрические знаки (рис. 3).

Время посещения Каповой пещеры в верхнепалеолитический период определяется в интервале от 16 до 13 тыс. лет назад. В пещере обнаружены разнообразные типы археологических объектов этого времени: площадки посещения; изолированные скопления минерального красочного пигмента (т. н. «кладки»), спрятанные между крупных глыб палитры и покрытые охрой камни, «закладки», следы художественной деятельности в виде капель краски и др.

При раскопках в пещере найдены изделия из кремня, яшмы, горного хрусталя: пластины острия, скребки концевые, орудия с зубчатыми краями, пластинки с притупленным ретушью краем (рис. 4). Найдены также костяной нож, бусины из серпентинита, подвеска из галечки, украшения из раковин ископаемых моллюсков с отверстиями.

Люди, оставившие этот комплекс вещей, не жили в пещере, служившей для них святилищем, а лишь периодически появлялись в ней для совершения обрядов: зафиксировано девять горизонтов посещений с культурными остатками верхнего палеолита. Охотники, жившие на Южном Урале в ледниковом периоде, изображали общеевропейские образы лошадей, бизонов, мамонтов и шерстистых носорогов. Найдено также изображение двугорбого верблюда – животного, не обитавшего на Южном Урале в эпоху верхнего палеолита, но жившего в Прикаспийском регионе, что подтверждает предположение о Волжско-Каспийском направлении связей людей, организовавших святилище в Каповой пещере.

В числе памятников со свидетельствами палеолитических художественных практик кроме Каповой можно назвать Игнatieвскую пещеру.

Палеолитическая стоянка открытого типа Сергеевка 1 расположена на левом берегу Нугушского водохранилища (рис. 1), на ее поверхности найдены кости плейстоценовой лошади, бизона, носорога, оленя, мамонта. Наряду с палеофаунистическими находками на стоянке были собраны многочисленные артефакты из кремнистых пород: нуклеусы, резцы (ретушные и на углу сломанной пластины), скребки (стрельчатые, с шипом, округлые и др.), проколки с плечиками, орудия с выемками, долото-видные орудия, крупные скребла, галечные рубящие орудия (рис. 5). Исследователи находят аналогии этому каменному инвентарю в материалах других уральских стоянок и прежде всего в инвентаре стоянки Талицкого на р. Чусовой в Пермском крае.

Палеолит Северного Приуралья

Памятники палеолита, расположенные на северо-востоке Восточноевропейской равнины и на севере Урала, являются самыми северными палеолитическими стоянками в Европе. Они имеют важнейшее значение для реконструкции древнейших этапов заселения субарктических широт континента. Здесь изучены местонахождения на берегах Камского и Воткинского водохранилищ, а также стоянки с выразительным инвентарём, раскопанные в разных речных бассейнах. В числе последних стоянки Медвежья пещера, Бызовая, Мамонтова Курья и Пымва-Шор I на р. Печоре, стоянки Усть-Пожва II–IV, Гарчи I, Широфаново II, Ганичата II, стоянка Талицкого,

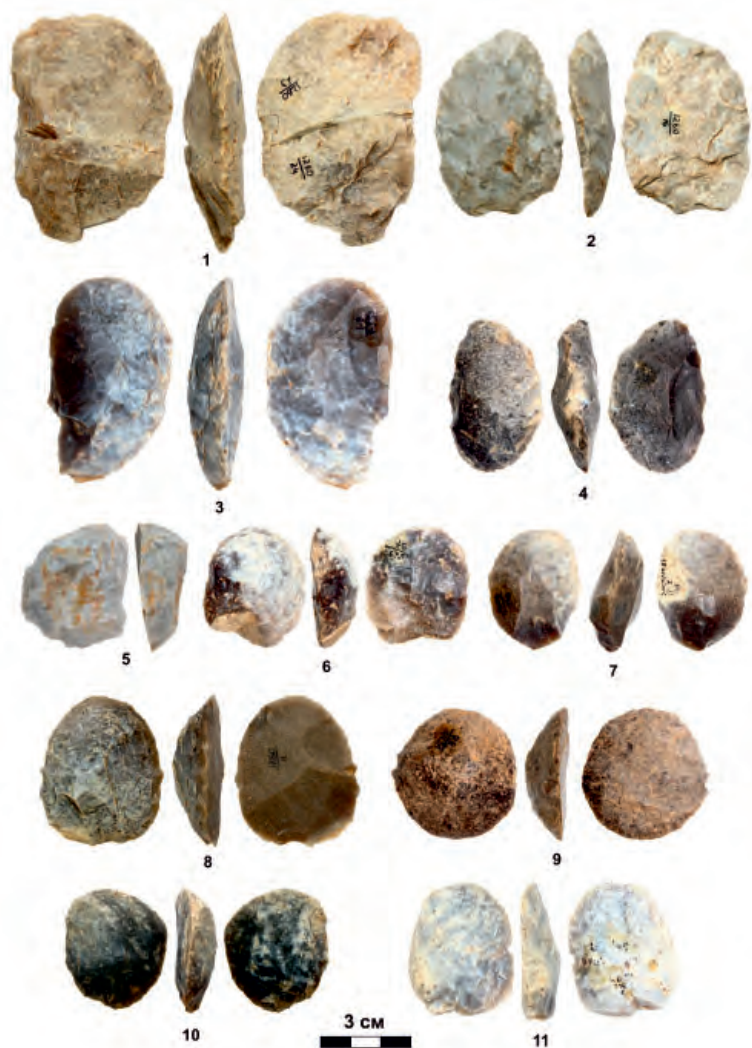

Рис. 6. Палеолит. Стоянка Заозерье. Каменный инвентарь.
1–2, 5 – скрёбла; 3–11 – плоско-выпуклые бифасы и унифасы; 4 – нож Kieltmesser
(по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Павлов, Мельничук, 2021)

Заозерье, Усть-Сылва, Горная Талица, грот Большой Глухой, грот Столбовой и грот Блинецова на верхней Каме (рис. 1).

Согласно современным данным, человек, вероятно, впервые проник в бассейн верхней Камы в раннем палеолите. К этому времени можно отнести местонахождения Ельники II в нижнем течении р. Сылвы и Тарасово близ Перми. Второй этап проникновения людей на север Европы, вероятно, связан с эпохой среднего палеолита. Находки среднего палеолита на стоянке Гарчи I, которая, вероятно, имеет возраст около 80 тыс. лет назад, собраны с поверхности разрушенного культурного слоя. Для них характерны плоско-выпуклые орудия с двусторонней обработкой поверхности – бифасиальные ножи с площадкой, угловатые и конвергентные скрёбла, остроконечники и листовидные бифасы.

Важнейшим достижением в археологии европейской части России является открытие памятников начала верхнего палеолита и, вероятно, перехода от среднего к верхнему палеолиту (38–28 тыс. л. н.) на северо-востоке Русской равнины и западных предгорьях Среднего и Северного Урала, в бассейнах рек Камы и Печоры. Исследованы четыре памятника начала и ранней поры верхнего палеолита – стоянки Гарчи I, Заозерье Мамонтова Курья и Бызовая. Древнейшей в этой группе является стоянка Мамонтова Курья, расположенная на Полярном круге, на левом берегу р. Усы, крупнейшем притоке Печоры. Этот памятник возрастом 38–34 тыс. л. являлся естественным скоплением останков крупных млекопитающих, возле которых залегали несколько каменных орудий и уникальный, орнаментированный насечками бивень мамонта. В числе орудий фрагмент двусторонне обработанного рубящего орудия (т. н. бифаса) и скребло с продольным рабочим краем.

Особый интерес представляет стоянка Заозерье – один из древнейших верхнепалеолитических памятников Восточной Европы, возраст стоянки составляет 41–34,5 тыс. л. Здесь выявлено и исследовано три округлых жилых площадки площадью около 10–15 кв. м, включавших очаги с хозяйственными ямками, зону накопления пищевых отходов, производственную зону (скопление расщепленного камня и неоднократно подправленных готовых орудий). Основным промысловым животным была лошадь, на стоянку приносились наиболее ценные в пищевом отношении части туш лошадей – задние и передние конечности, головы. Найдены также кости носорога, северного оленя, бизона и мамонта, а также зайца.

Среди кремневых орудий в Заозерье преобладают концевые скребки на отщепе с уплощающей ретушью на брюшке, найдены также мелкие скребки с ретушированными краями, выполненные на отщепах горного хрусталя. Верхнепалеолитическую группу орудий образуют изделия на пластинах: острия, резцы с площадкой на сломе пластины или ретушированной, пластины с краевой ретушью, в том числе с выпуклым ретушированным краем. Мустьерскую группу орудий составляют орудия овальной формы со сплошной односторонней (унифасы) или двусторонней (бифасы) плоско-выпуклой обработкой поверхности, а также обушковый нож (рис. 6). Среди изделий из кости и рога, найденных на стоянке Заозерье, заготовка наконечника копья и проколка. Украшения представлены подвесками овальной формы, изготовленными из раковин пресноводных моллюсков *Unio*, и бусинами из члеников ископаемых криноидей.

Ко второй хронологической группе (около 29 тыс. л. н.) относятся стоянки Бызовая (бассейн Печоры) и Гарчи I (бассейн верхней Камы), они хронологически соответствуют концу ранней поры верхнего палеолита, но с точки зрения характера каменной индустрии и особенностей инвентаря – к предыдущему периоду перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Стоянка Гарчи I была оставлена охотниками на лошадей. В кремневом инвентаре преобладают подтреугольные скребки и двусторонне обработанные наконечники дротиков (рис. 7). Наконечники имеют выразительную треугольную форму с прямым или слабовогнутым основанием. Такие наконечники являются характерным признаком инвентаря стоянок костенковско-стрелецкой культуры, изученных в с. Костёнки на Среднем Дону – известном микрорайоне сосредоточения верхнепалеолитических памятников. Нахождение таких наконечников на стоянке Гарчи I в Северном Приуралье позволило считать ее самым северным памятником восточноевропейской костенковско-стрелецкой культуры. Также на стоянке разнообразные типы скребков

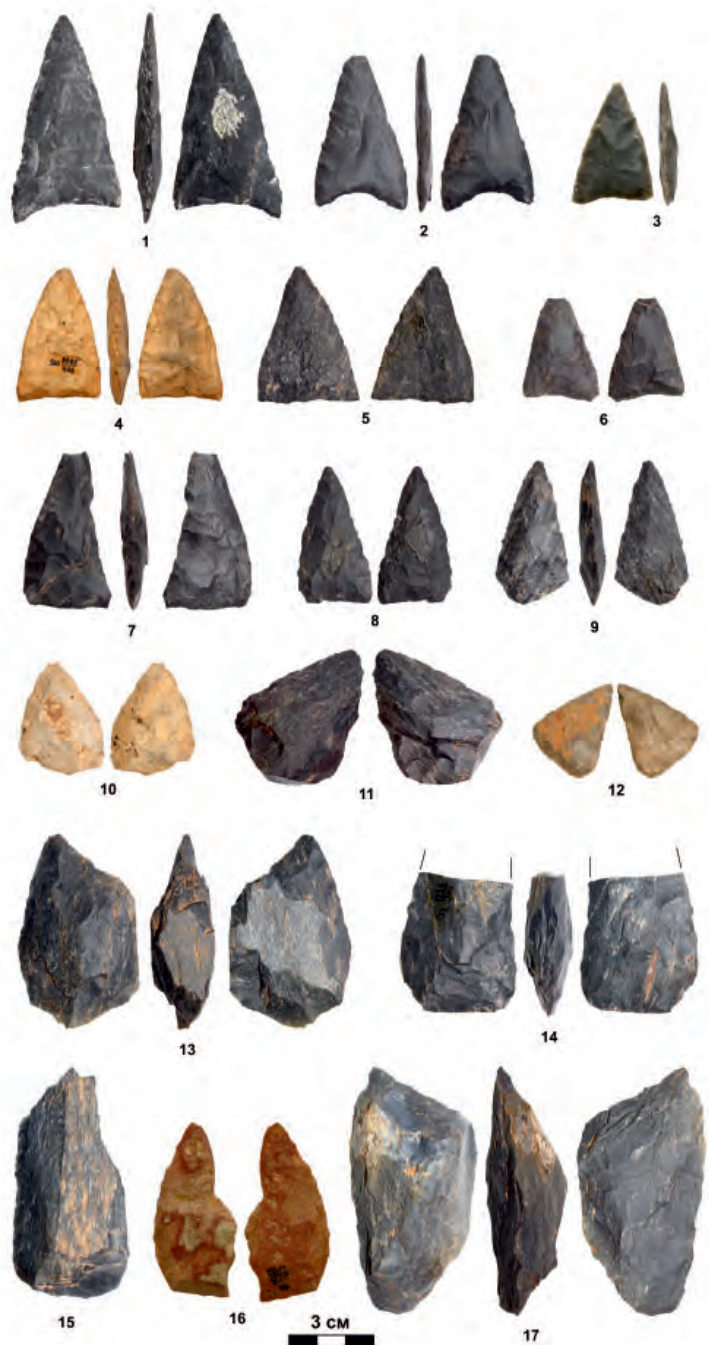

Рис. 7. Палеолит. Стоянка Гарчи I. Каменный инвентарь.
 1–9 – треугольные двустороннеобработанные наконечники; 10 – фрагмент листовидного наконечника; 11 – скребло dejetе; 12 – заготовка треугольного наконечника;
 12 – треугольный наконечник – скребло dejetе; 13 – обушковый нож типа Kielmesser;
 14 – фрагмент основания бифаса (заготовка наконечника (?) или остроконечника);
 15–16 – скрёбла; 17 – преформа плоско-выпуклого бифаса
 (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Павлов, Мельничук, 2021)

Рис. 8. Палеолит. Стоянка Бызовая. Каменный инвентарь.

1 – нож на плитке кремня; 2 – острие; 3 – унифас; 4 – обушковый бифас;
6 – листовидный бифас; 7 – продольный скол с объёмного нуклеуса; 8 – долотовидное ору-
дие; 9 – проксимальная часть пластинчатого скола; 10–15 – концевые скребки
(по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Павлов, Мельничук, 2021)

с высоким лезвием, скребла с прямыми и выпуклыми лезвиями, частично двусторонне обработанные обушковые ножи, резцы с поперечными резцовыми гранями.

Стоянка Бызовая является одним из самых северных палеолитических памятников Евразии, ее возраст составляет около 34–31 тыс. лет. Большинство костей животных, найденных в культурном слое, относится к мамонту. В кремневом инвентаре выделяются два комплекса, которые бытовали одновременно – финальный среднепалеолитический и ранний верхнепалеолитический. Техника расщепления нуклеусов характеризуется левалуазскими и радиальными нуклеусами. К среднепалеоли-

тической группе относятся плоско-выпуклые ножи и разнообразные скребла, они выразительны и позволяют относить их к финалу среднего палеолита; верхнепалеолитическая группа включает концевые скребки на пластинах, стрелчатые скребки, небольшие долотовидные орудия, острия, оригинальны крупные полулунные ножи с двусторонне обработанным лезвием, кремневые плитки с двусторонней ретушью по одному из краев, а также крупные односторонне обработанные орудия (рис. 8). Бызовая была стоянкой древних людей на природном захоронении останков мамонта, которые использовались как источник сырья.

Основными памятниками позднего палеолита в Северном Приуралье являются стоянки уральской культуры. Практически все ранние памятники, датированные периодом 19–15 тыс. л. н., изучены в бассейне Верхней Камы: стоянки Талицкого, Широфаново II и местонахождения Драчево и Ганичата II. Второй этап развития культуры (15–11,8 тыс. л. н.) представлен в регионе пещерными памятниками, такими как Медвежья пещера, Усть-Койвинская и Кумышанская, а также пещера Котел. Стоянки позднего или финальнопалеолитического этапа (11,5–9,5 тыс. лет назад) найдены в бассейне верхней Камы и в Большеземельской тундре (гряда Чернышова). Это Горная Талица, грот Столбовой, Усть-Пожва II–VI, Горка, Рязановский Лог, Пымва-Шор, грот Большой Глухой (рис. 1).

Населением уральской культуры в качестве заготовок для каменных орудий использовались как небольшие пластины, так и отщепы. В орудийном наборе представлены: небольшие округлые скребки и удлинённые концевые скребки; боковые, поперечные и угловые резцы, выполненные преимущественно на отщепах; долотовидные орудия; пластины с выемками и шипами; пластины с притупленным краем или торцом; проколки с плечиками, скошенные острия, а также микропластины с ретушью (вкладыши пазового составного инвентаря) и галечные орудия.

На протяжении всей верхнепалеолитической эпохи в регионе был представлен один культурно-хозяйственный тип – охотников на крупных стадных копытных (лошадь, северного оленя, бизона, мамонта, овцебыка и др.). Особенностью адаптации древнего населения к природно-климатическим условиям севера региона является возникновение в верхнем палеолите особого типа палеолитических стоянок на природных кладбищах мамонта, не известных за пределами субарктической зоны Евразии.

Стоянки уральской культуры, по мнению ряда исследователей, по особенностям техники обработки камня и инвентаря имеют некоторое сходство с памятниками верхнего палеолита Среднего Поволжья – стоянками Постников Овраг в г. Самаре, Лобач II и Камское Устье II (нижний слой) в районе слияния Камы и Волги, а также с финальнопалеолитической усть-камской культурой.

Палеолит Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья

Наиболее древние свидетельства заселения берегов Волги в древнем каменном веке были представлены до недавнего времени в основном отдельными находками каменных орудий нижнего и среднего палеолита, обнаруженных на берегах Волги и Камы (рис. 9).

В XX в. местонахождения отдельных палеолитических артефактов неоднократно фиксировались на отмелях в Самарском, Ульяновском и Казанском течении Волги: на полуострове Тунгуз у с. Хрящевка, у г. Тетюши, на острове близ с. Ундоры, у бывшего села Мысы в устье Камы (рис. 9).

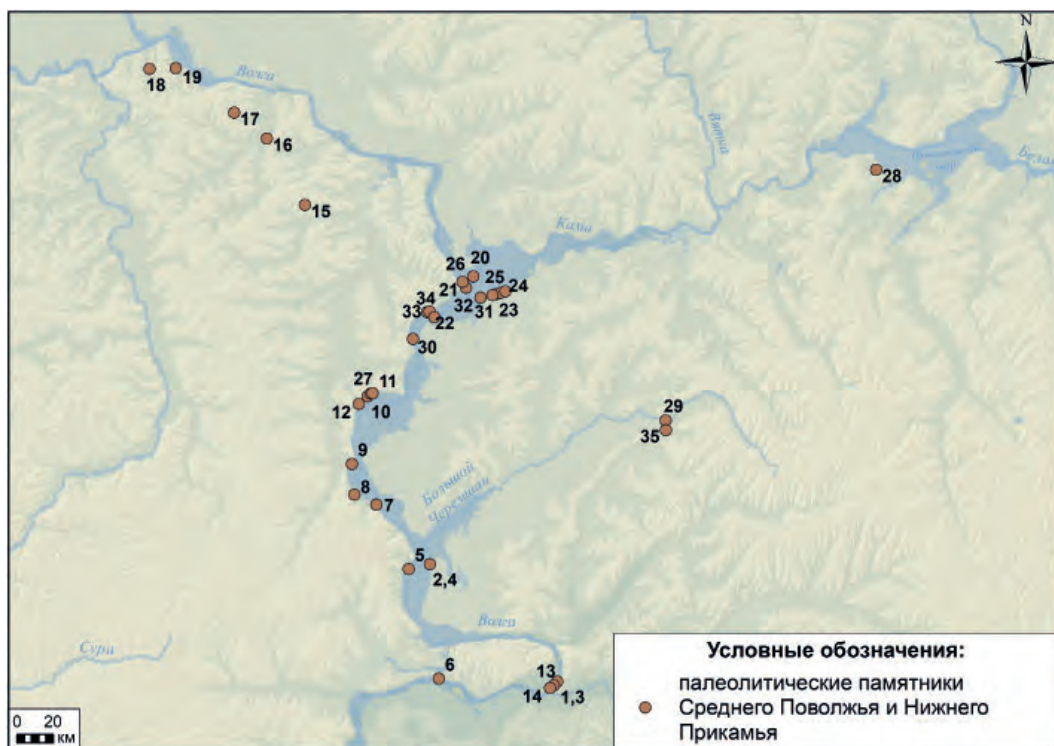

Рис. 9. Карта палеолитических памятников Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья.
 1 – находка «ручного рубила» из Самарской губернии; 2 – Хрящевка; 3 – Барбашин овраг;
 4 – полуостров Тунгуз (Хрящевка); 5 – Бектажский остров; 6 – Переволоки; 7 – Арбугинские поля; 8 – Кременки; 9 – Симбирская Гора; 10 – Ундоры; 11 – Ундорский остров;
 12 – Протошный овраг; 13 – Постников Овраг; 14 – Воскресенский Спуск; 15 – Уразлино;
 16 – Шолма I; 17 – Большое Янгильдино; 18 – Юнга-Кушерга; 19 – Юльялы (Юльяльская) IV;
 20 – Лобач II; 21 – Камское Устье II; 22 – Сюкеевский Взвоз; 24 – Коминтерн; 25 – Базяковский Взвоз; 26 – Мысы; 27 – Красная Глинка; 28 – Деуковская; 29 – Гора Маяк, могильник;
 30 – Долгая Поляна II; 31 – Девичий Городок; 32 – Семеновская IV; 33 – Усть-Вихлянская;
 34 – Тетюшская III; 35 – Гора Маяк, стоянка
 (по: Павлову П.Ю., Мельничуку А.Ф.)

Следы верхнепалеолитической стоянки были найдены близ с. Уразлино в Чувашии, они залегали на глубине от 4,2 до 5,2 метров и представляли собой кострищный слой с угольками и многочисленными обломками костей древних животных, без каменных артефактов. На основании геологических условий стоянка была отнесена к середине верхнего палеолита. Аналогичное палеолитическое местонахождение было зафиксировано в левобережье р. Ик, в с. Деуково. Здесь были раскопаны крупные кости конечностей и черепа мамонта, а также остатки очажной ямы с обугленными костями мамонта с зарубками от ударов.

В ходе разведок берегов будущего Куйбышевского водохранилища в начале 1950-х гг. было открыто местонахождение мустьерских кремневых изделий в урочище Красная Глинка на правом берегу Волги. Под обрывом берега были собраны массивные отщепы, скребла, фрагменты нуклеусов, а также кости шерстистого носорога, ископаемой лошади и зубра. Позже в этом же районе у с. Ундоры были обнаружены кремневый бифас-наконечник и костяное шило из кости лошади, ко-

торые залегали в нижней части плейстоценовых галечно-щебневых отложений оврага Протошный.

Скопление крупных кремневых и кварцитовых артефактов, костей мамонта и других представителей четвертичной фауны, получившее название Измерская I палеолитическая стоянка, было обнаружено в размытом состоянии в левобережье Куйбышевского водохранилища, в устье р. Актай. Здесь были собраны кремневые нуклеусы, скребла, рубящие орудия типа чопперов и чоппингов, разнотипные скребки и резцы, ножи на крупных пластинах и отщепах с прямыми краями, остроконечные орудия, а также крупные кварцитовые гальки-отбойники.

Спустя 35 лет, в 2017–2018 гг., в непосредственной близости от Измерской I стоянки в ходе археолого-палеогеографического изучения стратиграфического разреза останца террасы, именуемого Беганчик, были зафиксированы остатки древнего костровища вместе с фрагментом бивня мамонта и кремневым отщепом, залегавшие в погребенной почве. Радиоуглеродное датирование этой почвы показало значение около 47 000 л. н. Эта первая радиоуглеродная дата палеолитической находки в Казанском Поволжье указывает на присутствие людей в приустьевом Закамье уже на рубеже среднего и верхнего палеолита.

Культурные слои позднепалеолитических стоянок в Среднем Поволжье являются в большинстве своем остатками мастерских вблизи выходов каменного сырья. Исключение составляют только стоянки Постников Овраг и Юнга-Кушерга (рис. 9).

Стоянка в устье Постникова оврага в г. Самаре, открытая и раскопанная в 1920-х годах, является важнейшим памятником позднего палеолита в Среднем Поволжье. Нижний палеолитический слой содержал нуклеусы и их первичные заготовки, пластины, отщепы, орудия, оформленные на пластинах (концевые скребки, ретушные и двугранные резцы, скобели, пластинки с усеченным ретушью концом), а также галечное рубящее орудие типа чоппинга и массивные скребла (рис. 10).

В верхнем палеолитическом слое были зафиксированы не только кремневые артефакты, но и остатки кострища, речные раковины и кости животных. Здесь найдены нуклеусы, отщепы, численно преобладающие над пластинами, а также орудия разных типов, среди них: представительная группа скребков, разнообразных по форме и размерам, в том числе серия скребков на отщепах с выпуклым лезвием, крупные скребла, изготовленные на морозобойных сколах и плитке кремня, а также топорovidное орудие (рис. 11).

А.Х. Халиков на основании изучения крупных рубящих и скребловидных орудий, найденных в верхнем слое Постникова Оврага, выдвинул гипотезу о том, что области Среднего Поволжья в конце эпохи палеолита и в начале мезолитического времени вошли в ареал воздействия культурных традиций Сибири. В развернутом виде эта гипотеза была сформулирована в его монографии «Древняя история Среднего Поволжья». Ряд исследователей находят аналогии каменному инвентарю стоянки Постников Овраг в материалах позднего и финального палеолита Пермского Прикамья (стоянка Талицкого и др.) и устья Камы.

Открытие и раскопки стоянки Юнга-Кушерга на р. Большой Юнге в правобережье Волги (Горномарийский район) позволили получить первое представление о характере каменной индустрии позднего палеолита на северо-востоке Приволжской возвышенности. Культурный слой с углистыми включениями и костями животных мамонтового фаунистического комплекса содержал немногочисленные, но достаточно выразительные кремневые изделия: конический нуклеус для скалы-

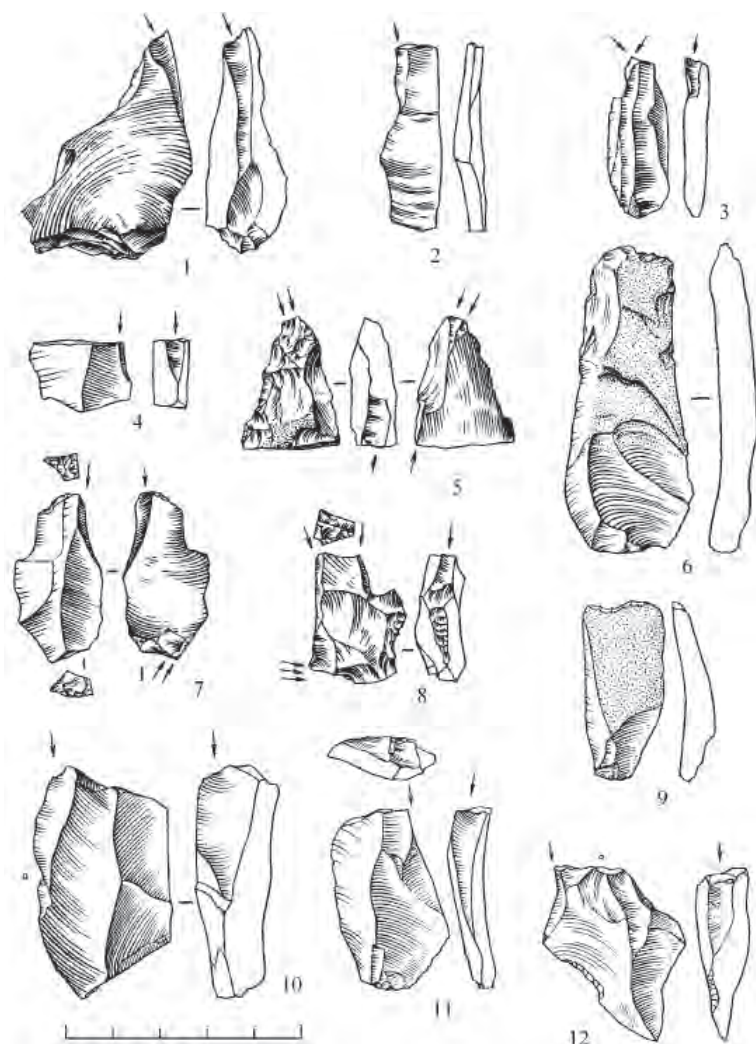

Рис. 10. Палеолит. Постников Овраг. Нижний слой. Каменные орудия (по: Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Кузнецова, 2021)

вания пластин, орудие со сходящимися ретушированными краями на пластине, два долотовидных изделия, двугранный срединный и двугранный угловой резцы на пластине, резчик на мелкой пластине.

Поздний палеолит района слияния Камы и Волги представлен памятниками, относящимися к типу стоянок-мастерских. В культурных слоях стоянок-мастерских кремневые артефакты залегали в виде скоплений, которые были, как правило, местами работы отдельных мастеров. Первобытные люди занимались расщеплением кремневых кусков сырья – конкреций, которые добывались в глинистых и известняковых волжских обрывах. Производимые здесь же кремневые орудия окончательно отделывались специальными приемами вторичной обработки – ретушированием или скалыванием специальных резцовых сколов по краю пластины. Некоторые типы орудий, например рубящие (топоры, долота), предварительно оформлялись

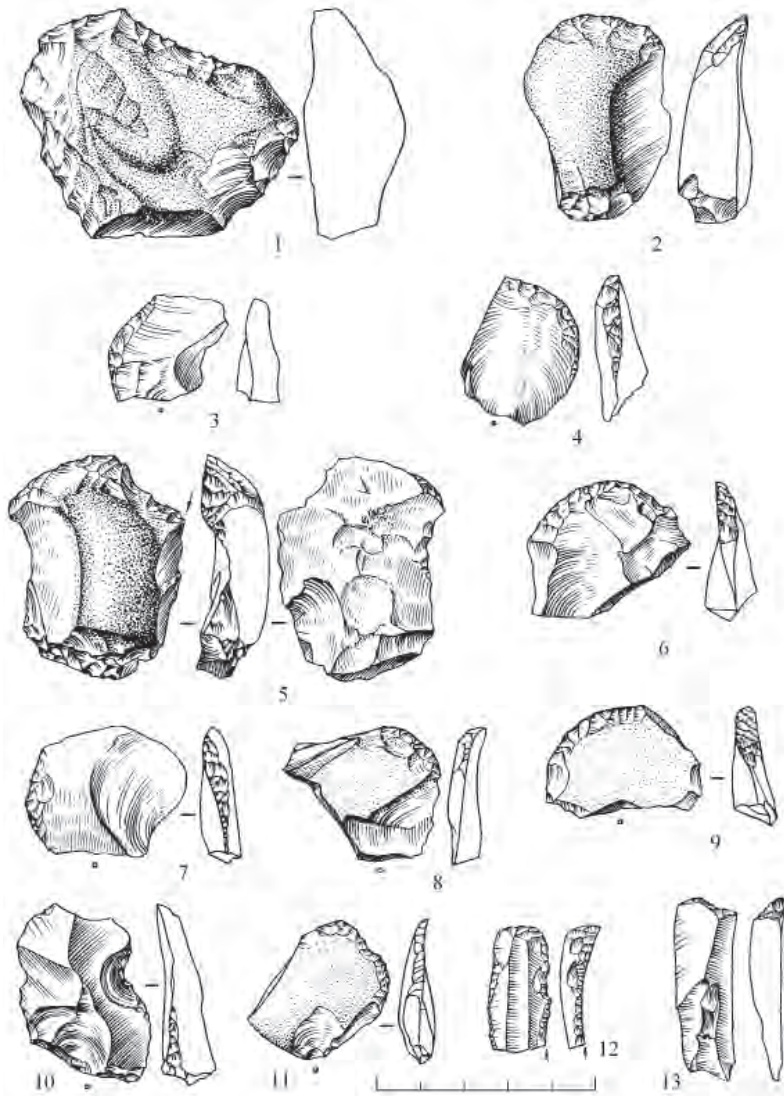

Рис. 11. Палеолит. Постников Овраг. Верхний слой. Каменные орудия (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Кузнецова, 2021)

путем сплошной двусторонней оббивки заготовок из цельных кусков кремня или крупных отщепов.

Позднепалеолитические стоянки Лобач II и Камское Устье II (нижний культурный слой) находятся на склоне правого берега Волги, у южного и северного склонов горы Лобач (Республика Татарстан) (рис. 9). В инвентаре этих стоянок ведущая роль принадлежит резцам, найдены также скребки и скобели с вогнутым концом, ножи с ретушированными скошенными краями – обушками, а также острия, зубчато-выемчатые и долотовидные изделия (рис. 12). Большинство орудий изготовлено из пластин крупных и средних размеров, часть – из отщепов, что особенно характерно для орудийного набора стоянки Камское Устье. Также в нижнем культурном слое этой стоянки обнаружены четыре очень мелких округлых скребковидных орудия с зубча-

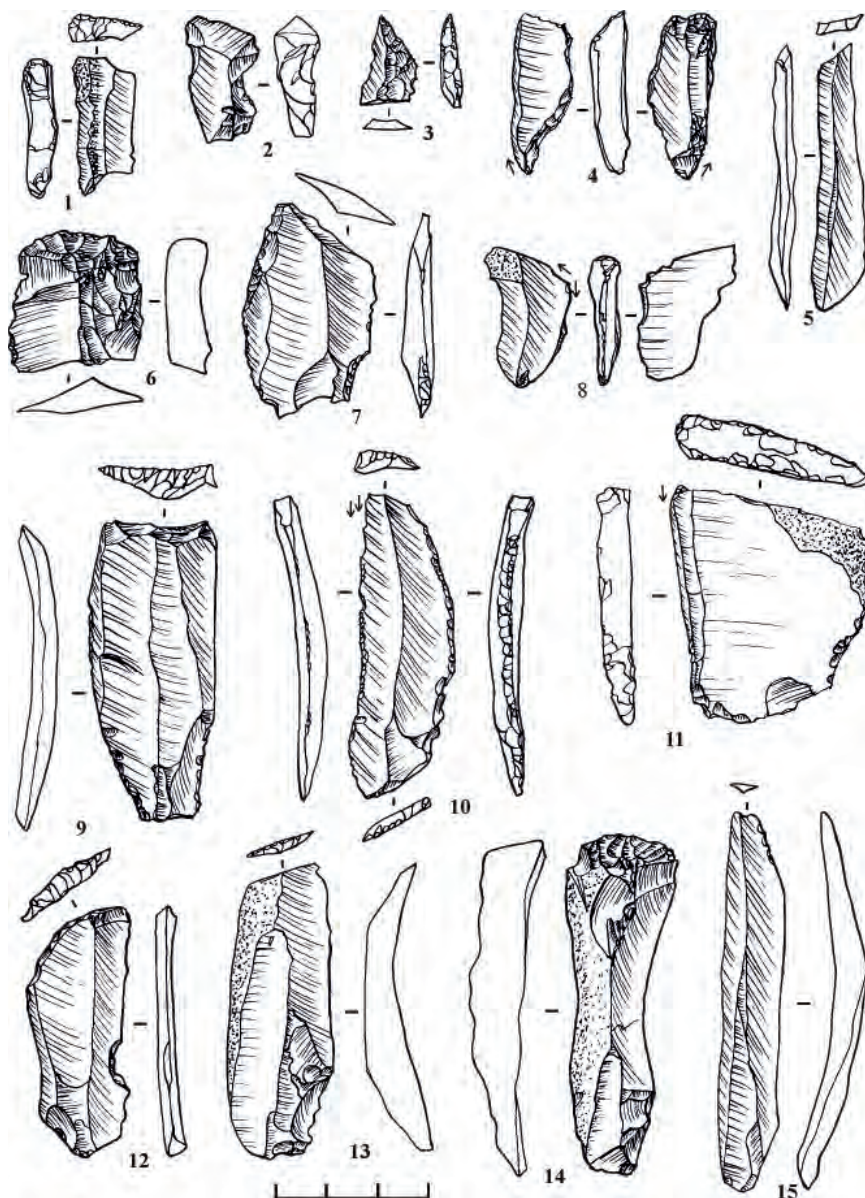

Рис. 12. Палеолит. Стоянка Лобач II. Кремневые орудия:
1, 6, 14 – скребки; 2 – изделие с краевой выемкой; 3, 5, 13 – изделия с ретушированным скошенным концом; 4, 8, 11 – резцы; 7 – режуще-скоблящее орудие; 9, 15 – пластины с вогнутым концом; 10 – ретушной резец – острие с выпуклым краем; 12 – пластина со скошенным краем – нож (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Галимова, 2021)

тыми краями, выполнявших функции миниатюрных резчиков-скобелей по мягким материалам.

К сожалению, на всех памятниках позднего и финального палеолита в устье Камы до настоящего времени не обнаружены достоверные остатки жилищ, очагов и других объектов.

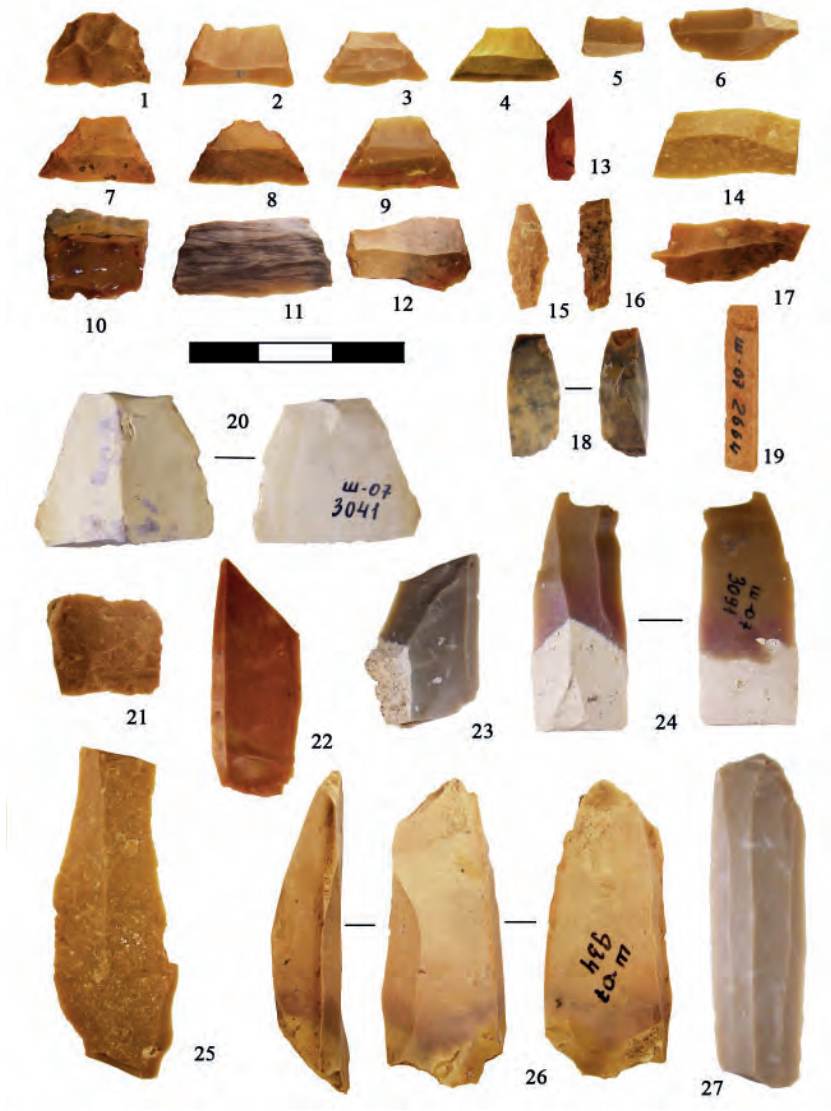

Рис. 13. Палеолит. Стоянка Шолма I. Кремневый инвентарь.
1–4, 7–12 – вкладыши-трапеции; 5, 6, 13–19 – пластины и микропластины – вкладыши
наконечников; 20–27 – ножи и их фрагменты на пластинах
(по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Березина, 2021)

Финальный палеолит

Финальный палеолит, изученный на ряде памятников Казанского и Чувашского Поволжья, дает информацию о жизнедеятельности и природном окружении охотников рубежа ледникового периода голоцена. Особое значение имеют результаты исследования стоянки-мастерской у подножия горы Шолма на р. Малый Цивиль в Чувашии (рис. 9). Стоянка Шолма I располагается у выходов кремневого сырья, культурный слой залегает в погребенной почве, которая сформировалась в относительно теплых условиях межстадиального потепления аллерёд, которое выделя-

Рис. 14. Палеолит. Стоянка Шолма I.

Изделия из кости (1, 2), кремня (3) и кварцита (4): 1 – двусторонне заостренный пришлифовкой наконечник дротика или кинжала; 2 – заготовка с прорезанными пазами; 3 – фрагмент наконечника, находившегося в позвонке лошади; 4 – отщеп, располагавшийся рядом с позвонком (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Березина, 2021)

ется палеогеографами между двумя завершающими стадиями ледниковой эпохи. Почвенно-культурный слой, интенсивно насыщенный кремневыми артефактами и костями лошадей – охотничьей добычи обитателей стоянки, датирован в пределах 11131–10717 лет до н. э.

Для кремневой индустрии стоянки Шолма I характерна пластинчатая технология расщепления, направленная на получение ножевидных пластин и удлиненных сколов с нуклеусов при помощи удара каменным отбойником. В орудийном наборе были: ретушные резцы на массивных пластинах, а также резцы на углу пластин и отщепов, скребки разных типов (концевые, боковые, комбинированные), скребла на крупных удлиненных сколах с продольными выпуклыми краями, бифасиальные и галечные орудия.

Своеобразие орудийному набору Шолмы 1 придает сочетание изделий на широких пластинах с фрагментами узких пластин и микропластин, которые служили вкладышами в костяном пазовом оружии и инвентаре (рис. 13, 14). Особенно выразительна серия мелких вкладышей – сечений пластин с прямыми ретушированными краями, которые имеют форму трапеций низких и средних пропорций (рис. 13). Такие трапеции, как правило, служили вкладышами в наконечниках стрел и дротиков, основа которых изготавливалась из костей ног копытных животных.

Следует отметить находку фрагмента цельного кремневого наконечника дротика, застрявшего в позвонке лошади (рис. 14: 3). По всей видимости, острая часть этого предмета была извлечена в древности, вероятно, при помощи кварцитового отщепа, располагавшегося рядом (рис. 14: 4). Особый интерес представляют находки в куль-

турном слое двух изделий из кости: заготовки нескольких игл в виде куска трубчатой кости лошади с глубокими продольными прорезами (рис. 14: 2) и наконечника метательного оружия (рис. 14: 1).

Палеогеографические данные свидетельствуют о том, что первобытный коллектив, оставивший стоянку Шолма I, проживал в лесостепных условиях. Особенности кремневых вкладышей-трапеций указывают на возможную культурную общность стоянки Шолма I с комплексами финального палеолита, исследованными на р. Северский Донец, – Рогалик I, ПА, XII, Передельское I, которые функционировали в условиях незначительного похолодания средний дриас и в начале последующего потепления аллерёд в лесостепях юго-востока Украины.

Усть-камская культура финального палеолита и раннего мезолита локализуется в районе слияния Волги и Камы, стоянки культуры находились на правом и левом берегах Волги и в левобережье приустьевого течения Камы. С середины 1950-х годов эти стоянки находятся в зоне разрушения водами Куйбышевского водохранилища, многие из них полностью размыты.

На мысах высокого коренного правого берега Волги изучены стоянки Камское Устье II (средний слой) и Сюкеевский Взвоз, а левобережные стоянки приурочены к останцам второй волжско-камской террасы – Тетюшская III, Беганчик, Семеновская IV, Усть-Вихлянская и др. (рис. 9). Сравнение геолого-геоморфологических условий залегания памятников усть-камской культуры позволило разделить их на две хронологические группы. В первую объединены вышеупомянутые стоянки переходного от плейстоцена к голоцену времени. Вторую хронологическую группу образуют усть-камские мезолитические стоянки, бытовавшие в раннем голоцене: Косяковская, Любавская и др., материал которых рассмотрен ниже в разделе «Мезолит».

На стоянках в устье Камы до сих пор не обнаружены достоверные остатки жилищ, очагов и других объектов. Фрагменты костей, угли и прочие органические остатки также практически не сохраняются в этих культурных слоях, залегающих неглубоко от поверхности. Поэтому невозможно пока определить точную датировку этих стоянок. Приблизительные хронологические рамки культуры в интервале от 14 до 9 тысяч лет назад установлены на основании данных комплексных палеогеографических исследований в устье Камы.

Кремневая индустрия усть-камской культуры была направлена на производство крупных пластин с торцовых, конусовидных, уплощенных и многоплощадочных нуклеусов, пластины служили орудиями без дополнительной обработки, а также были заготовками для последующего оформления разнообразного инвентаря. Для стоянки Беганчик также характерны своеобразные заготовки торцовых нуклеусов в форме крупных дисков, края которых приострены крупными сколами по периметру.

Отличительной (культуроопределяющей) чертой каменного инвентаря усть-камской культуры являются изделия в форме трапеций с ретушированными сторонами, разных пропорций и размеров (рис. 15–17). Эти кремневые трапеции были наконечниками стрел с широким (поперечным) лезвием. Усть-камские стоянки существенно различаются между собой по количеству найденных трапеций, их форме и пропорциям. Так, отличительной чертой трапеций из Сюкеевского Взвоза являются прямые либо слабо вогнутые края, а также средние либо средневысокие пропорции (рис. 15: 2–7). Оригинальной находкой является обнаруженный там же мелкий треугольник с ретушированными сторонами (рис. 15: 1). По числу и разнообразию трапеций среди усть-камских памятников выделяется Тетюшская III стоянка, на которой были со-

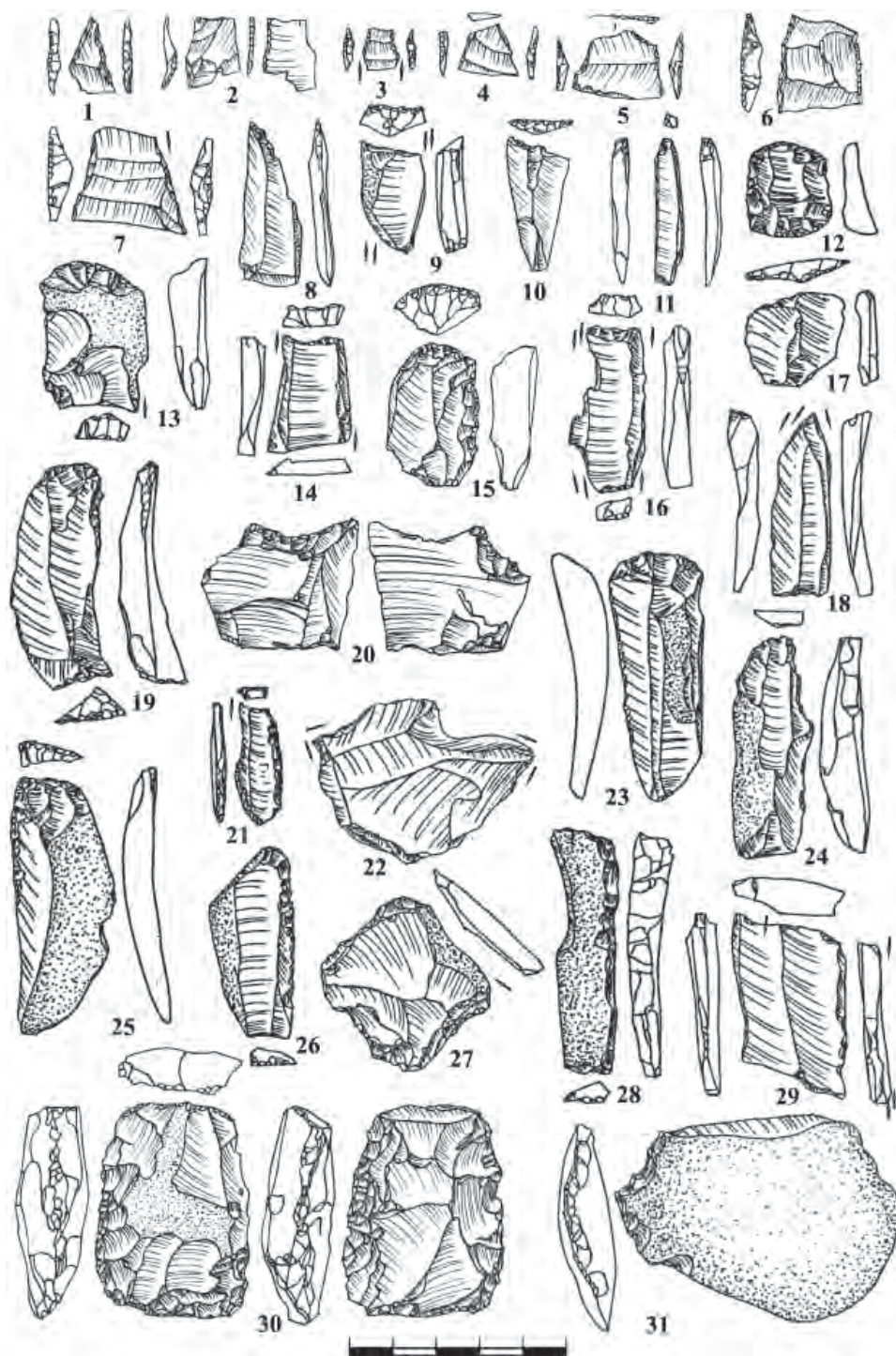

Рис. 15. Палеолит. Стоянка Сюзеевский Взвоз. Кремневый инвентарь.
1–7 – вкладыши метательного оружия (треугольник и трапеции); 8–31 – орудия
(по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Галимова, 2021)

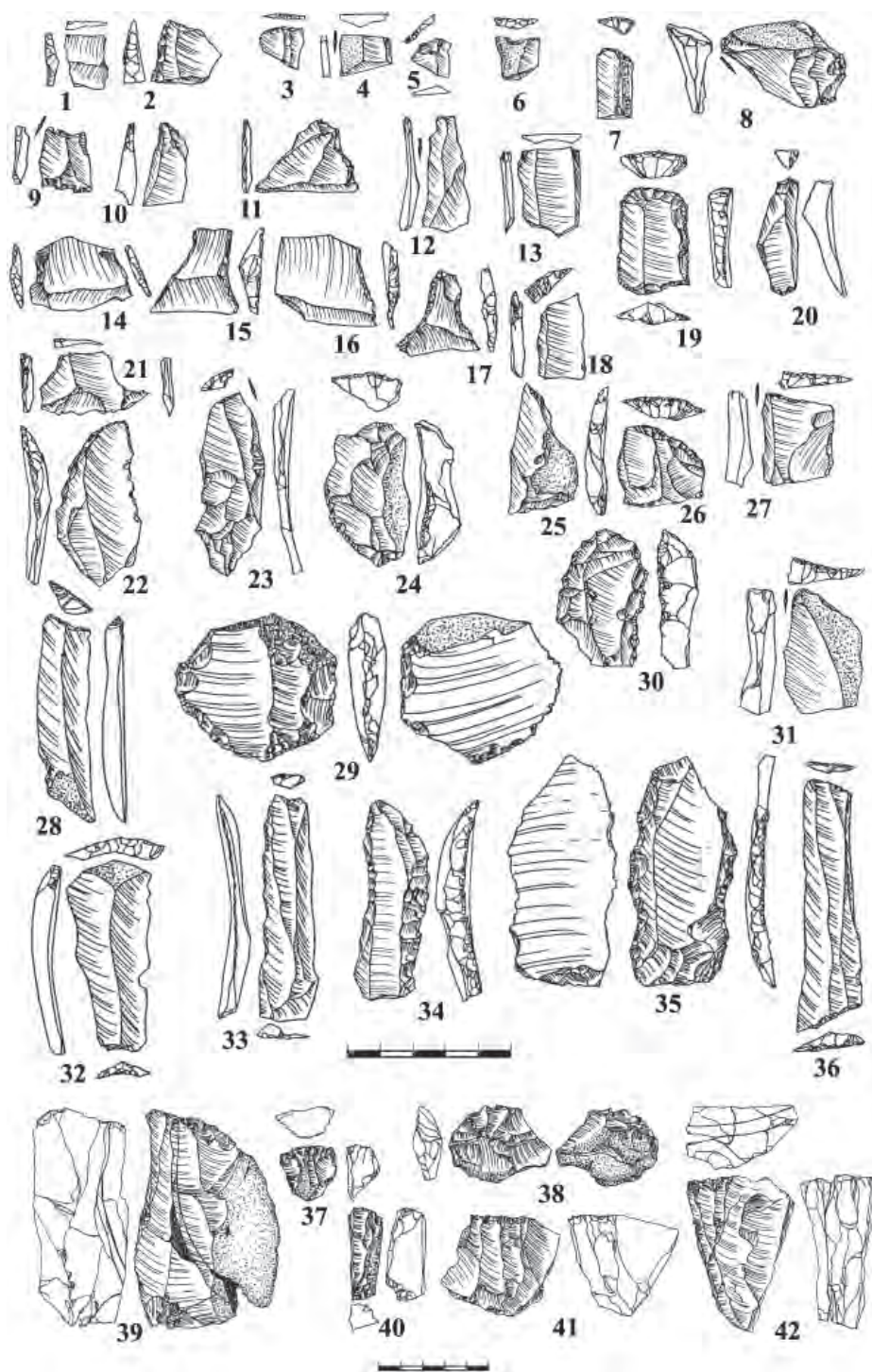

Рис. 16. Палеолит. Стоянка Камское Устье II (средний слой). Кремневый инвентарь и нуклеусы: 1, 2, 9, 11, 14–18, 21 – вкладыши метательного оружия (трапеции); 3–8, 10, 12, 13, 19, 20, 22–36 – орудия; 39–42 – нуклеусы (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Галимова, 2021)

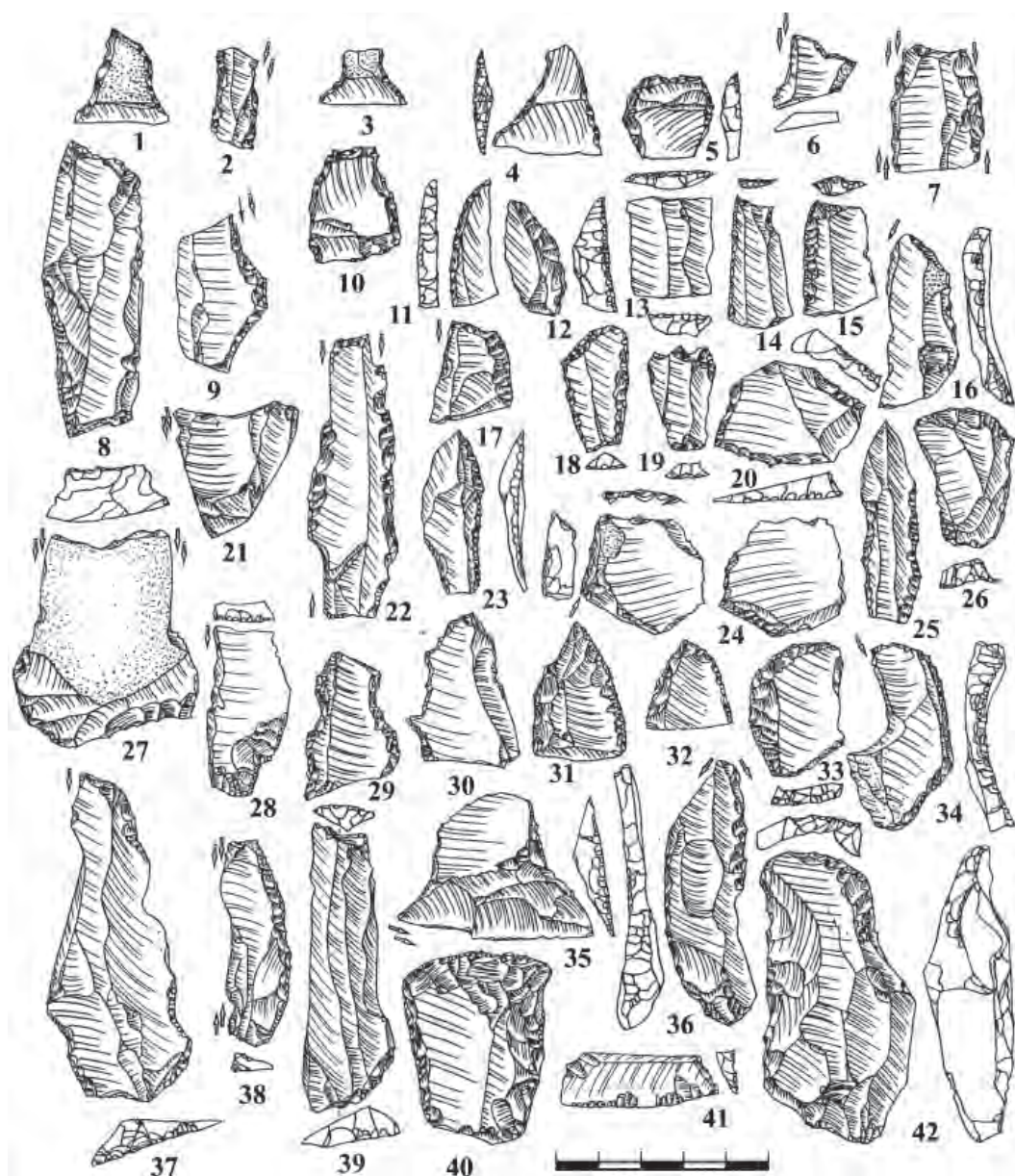

Рис. 17. Палеолит. Стоянка Тетюшская III. Кремневый инвентарь.

1, 3, 4, 10 – вкладыши метательного оружия; 23, 26, 35 – наконечники стрел; 5, 6–9, 11–22, 24, 26–34, 36–42 – орудия (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Галимова, 2021)

браны 28 экземпляров. Это трапеции средних, средневысоких и высоких пропорций как с вогнутыми сторонами, так и с прямыми ретушированными, в том числе с ретушью по узкому основанию (рис. 17).

В орудийном наборе наиболее многочисленную группу образуют резцы, среди которых преобладают ретушные и на сломе заготовки, встречаются и другие типы резцов: угловые, поперечные, срединные одногранные, двугранные угловые, а также

комбинированные, сочетающие разные типы оформления резцовых кромок. Типичны также ретушные резцы в сочетании с концевыми скребками на одном орудии. Среди скребков преобладают концевые, выполненные на пластинах и длинных аморфных сколах, реже – на отщепках. Вместе с тем небольшими группами представлены скребки иных типов – боковые и угловые. Типичны для усть-камских комплексов небольшие серии пластин и длинных сколов с ретушированными концами (прямыми и вогнутыми). Характерны режущие орудия – острия на пластинах и массивных (треугольных в сечении) сколах со скошенным либо выпуклым ретушированным краем, игравшим роль обушков. Технология изготовления рубящих орудий с двусторонней обработкой краев и поверхностей была известна усть-камскому населению финального палеолита, о чем свидетельствуют единичные находки разнотипных рубящих орудий с двусторонней краевой или сплошной обработкой фасов.

По вопросу происхождения носителей усть-камской культуры были высказаны разные точки зрения (зачастую противоположные). Согласно одной из них, стоянка Постников Овраг в Самаре и стоянки финальнопалеолитического этапа усть-камской культуры считаются близкими к уральской культуре поздней поры верхнего палеолита, рассмотренной выше.

Однако к решению вопроса о месте памятников Чувашского и Казанского Поволжья рубежа палеолита и мезолита в пестрой картине культур Восточной Европы, Урала и Зауралья можно подойти с точки зрения адаптации и расселения первобытных людей на Востоке Европы в период коренных изменений природы от ледниковой эпохи к голоцену. Именно в этот период в самом конце плейстоцена на указанной территории функционировали стоянки с трапециями в каменном инвентаре, в том числе стоянки усть-камской культуры и Шолма I.

Обширные пространства от Среднего Прикамья, Южного Предуралья, юга Западной Сибири на востоке вплоть до Днепро-Донецкого междуречья на юго-западе представляли собой единую холодную природную зону лесостепного характера на протяжении финальных фаз плейстоцена – потеплений бёллинг-аллерёд и завершающего похолодания в позднем дриасе. В свете палеоландшафтных и палеофаунистических данных о роли лошади в составе охотничьей добычи населения этой зоны представляется вероятной картина передвижения по этой обширной территории коллективов специализированных охотников на лошадей с близким набором составного пазового оружия, включавшего трапеции.

Дальнейшее развитие материальной культуры населения Среднего Поволжья, использовавшего в охотничьем инвентаре трапеции, получила в мезолите на позднем этапе усть-камской культуры.

1.2. МЕЗОЛИТ

Мезолит – средний каменный век – эпоха, которая занимает промежуточное положение между древним каменным веком (палеолитом) и новым каменным веком (неолитом). Начало мезолита связывается в Европе с отступлением к северо-западу ледникового щита последнего валдайского оледенения и с установлением современного этапа четвертичного периода, который называется голоценом. Основной перелом в развитии природных условий произошел около 10300 лет назад, поскольку именно в это время в средней полосе Европы произошел переход от приледниковых тундро-степных ландшафтов ледниковья к лесным. Период мезолита в европейской

Рис. 18. Мезолитические жилища (планы и реконструкции).
 А: поселение Русско-Луговское XII (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Никитин, Березина, 2021);
 Б: реконструкция жилища и быта населения эпохи мезолита (по: Мосин, 2019);
 В: Мукшумская XVIII стоянка (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Никитин, Березина, 2021)

части России на современном уровне знаний условно разделен на два этапа – ранний и поздний. Хронологически в значительной мере это деление совпадает с последовательной сменой климатических периодов голоцена. Памятники раннего мезолита бытовали в пребореале (10300–9200 лет назад) и в бореале (9200–8000 лет назад). Памятники позднего мезолита существовали в первой половине атлантического периода (около 8000–7000 тысяч лет назад).

На протяжении пребореала и бореала на территории Русской равнины постепенно устанавливаются природные зоны, близкие к современным. В начале атлантического периода – наиболее теплого этапа голоцена – северная граница лесной зоны отодвинулась далеко к северу, в районы современной тундры.

Причины вымирания мамонтов, носорогов, пещерных медведей и других плейстоценовых животных ученые видят прежде всего в изменении климата и ландшафтов. Основой мезолитического хозяйства стала охота на лесных и лесостепных нестатных животных в сочетании с рыбной ловлей и собирательством, последние имели гораздо большее, нежели в палеолите, значение. Главную роль стала играть охота в местах осенне-весенних переправ и индивидуальная охота в лесу. Основными добычей у мезолитических охотников Поволжья и Приуралья были лесные звери – лось, кабан, медведь, заяц, бобр, косуля, северный олень. Совершенствовались оружие, снасти и приемы охоты. Лук, изобретенный еще в позднем палеолите, стал основным оружием, практиковалась охота на птицу. Широкое развитие получило рыболовство с использованием лодок, сетей, вершей и других способов.

Первобытные охотники мезолита вынуждены были сменить не только объекты промысла, но и свой образ жизни. Мезолитические общины были небольшими по численности и более подвижными, чем в позднем палеолите. Люди стремились более полно использовать разнообразные источники пищи и посещали в определенные периоды года постоянные места, когда созревали определенные растения или появлялись животные – объекты охоты. Поселения устраивались на берегах рек, на невысоких холмах и террасах. Жилища имели в основном более легкую конструкцию и меньшие размеры. Летом, вероятно, устраивали временные (сезонные) стоянки и лагеря, а зимой – более крупные базовые поселения, функционировали также стоянки-мастерские, расположенные у выходов каменного сырья. Так сложился сезонно-оседлый образ жизни. Остатки мезолитических жилищ, найденные при раскопках, представляли собой постройки в форме шалаша, а также землянки и полужемлянки (рис. 18). В мезолите завершился процесс формирования общностей с общей культурой, языком, типом хозяйства.

В сфере материальной культуры эпоха мезолита прежде всего отличалась высоким уровнем развития технологии производства кремневых пластин с ровными острыми краями, особенно микропластин. В этот период пластины зачастую отделяли от нуклеусов не только ударом отбойника, но и техникой отжима от края площадки ядрища роговым отжимником. Также широко употребляется технический прием отжимного ретуширования. Широко применялись такие пластины для изготовления разнообразных резцов, проколов, сверл, ножей, пилок, скобелей, наконечников стрел и т. д. Они использовались в разнообразных трудовых операциях по обработке шкур, дерева, кости, а также в качестве охотничьего инвентаря.

Большую роль в каменном инвентаре мезолитических охотников играли так называемые «микролиты», в том числе орудия геометрических форм – сегменты, трапеции, треугольники, прямоугольники, параллелограммы. Широкое распростра-

нение получила технология изготовления пазовых составных орудий труда и метательного оружия, для которых делались кремневые вкладыши в виде фрагментов пластин и микролитов, которые закреплялись в пазах костяной или деревянной основы.

Распространение получило изготовление разнообразных рубящих орудий – топоров, тесел, долот, мотыг и пр., в том числе двусторонне обработанных орудий – бифасов. Их производство потребовало освоения сложных технологических цепочек и качественного кремневого сырья. В некоторых мезолитических культурах появилась техника шлифовки каменных орудий (преимущественно рубящих), а также техника сверления и пиления.

Более разнообразными становятся костяные и роговые орудия – гарпуны, наконечники стрел и копий, кинжалы, ножи, топоры и тесла, роговые муфты для них.

Мезолит Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья

Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье в эпоху мезолита (рис. 18) было зоной, где сосуществовали и взаимодействовали представители нескольких археологических культур – усть-камской, камской, русско-луговской.

Усть-камская культура зародилась в районе слияния Камы и Волги еще в позднеледниковый период, на рубеже палеолитической и мезолитической эпох. Абсолютные даты стоянок этой культуры на сегодняшний день отсутствуют. К раннему этапу отнесены рассмотренные выше стоянки финального палеолита, изученные на высоком правом берегу Волги (стоянки Сюкеевский Взвоз, Камское Устье II, средний слой) и на останках второй надпойменной террасы у левого берега Камы (Беганчик, Тетюшская III, Семеновская IV).

В мезолитическую (позднюю) хронологическую группу объединены левобережные стоянки, которые были размыты водами Куйбышевского водохранилища в 60–70 годы XX века – Косяковская, Любавская и Атабаевская VIII стоянки (рис. 19). Инвентарь стоянок-мастерских мезолитического этапа усть-камской культуры имеет сходство с инвентарем финальнопалеолитического этапа (рис. 20). Отличительной чертой кремневого орудийного набора усть-камской культуры являются трапеции разных размеров и пропорций с вогнутыми ретушированными сторонами, которые служили наконечниками стрел с поперечными лезвиями.

Выразительные призматические и карандашевидные нуклеусы удлиненных пропорций, с которых были отжаты тонкие узкие пластины и микропластины, были обнаружены на усть-камских стоянках поздней хронологической группы (Косяковская, Любавская стоянки). Это говорит о дальнейшем развитии технологии производства пластин, достигшей в поздней кремневой индустрии культуры весьма высокого уровня. Имеются и другие типологические особенности кремневого инвентаря: большая представительность и разнообразие форм скребков (особенно многолезвийных и округлых), среди резцов преобладание изделий на сломанных пластинах над резцами с ретушированными площадками, а также исчезновение приемов двустороннего плоского ретуширования крупных орудий (рис. 20).

Камская мезолитическая культура, основная территория которой приходится на Среднее и Верхнее Прикамье, Камско-Вятское междуречье, представлена отдельными стоянками и в Нижнем Прикамье (в приустьевой части камских притоков – рек Белой и Ик). Впервые стоянки камской мезолитической культуры были изучены О.Н. Бадером в Пермском Прикамье. Основные стоянки камской культуры (стоянки

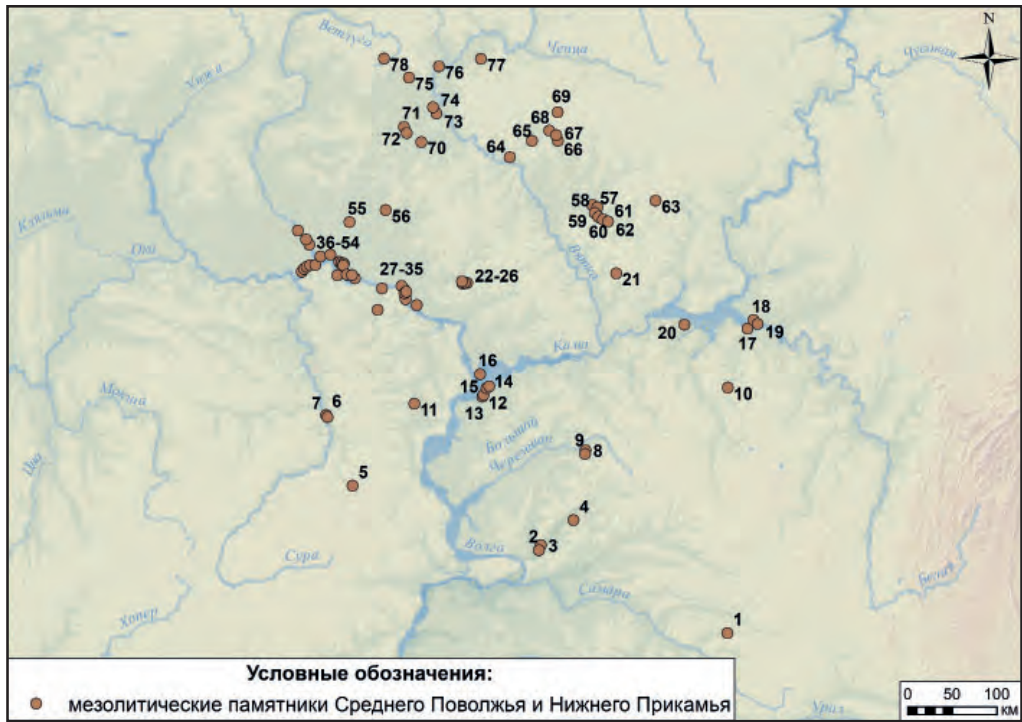

Рис. 19. Карта мезолитических памятников Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья: 1 – Старый Ток; 2 – Красный Яр I; 3 – Кочкари I; 4 – Чекалино II; 5 – Ховрино; 6 – Утюж I; 7 – Молебное Озеро; 8 – Гора Маяк, стоянка; 9 – Гора Маяк, могильник; 10 – Сюнь I и II; 11 – Альшиховская; 12 – Любавская; 13 – Косяковская; 14 – Измерская; 15 – Девичий Городок; 16 – Атабаевская VIII; 17 – Татарско-Азиевские I и IV; 18 – Старая Мушта; 19 – Старый Каинлык; 20 – Деуковская II; 21 – Нынек; 22 – Алан-Бексер; 23 – Малый Битаман; 24 – Бикнарат; 25 – Новый Карамас; 26 – Цивильское место добычи кремня; 27 – Яндашево; 28 – Трояры VIII; 29 – Сергушкино I–III; 30 – Кокшайск III, V, VII; 31 – Юркино V, VIII, IX; 32 – Выжум IV, VIII; 33 – Рутка V, VI; 34 – Ясачное V; 35 – Русско-Луговская II; 36 – Нижняя Стрелка I, VI, VIII; 37 – Починок III, X, XI; 38 – Удельный Шумец X–XIII; 39 – Майдан XIV; 40 – Сутыри XV; 41 – Коромка; 42 – Мольбище; 43 – Дубовский X, XI, XIV; 44 – Дубовский XXIII, XXV; 45 – Зеленый Остров; 46 – Отары IX, X, XII, XIII; 47 – Юльялы II; 48 – Юльялы IV; 49 – Карачурино VII; 50 – Парат IV; 51 – Мукшум X; 52 – Мукшум XIV; 53 – Мукшум XVIII; 54 – Чумырхыр I–IV; 55 – Широкундыш I, III; 56 – Курманаево; 57 – Муки-Какси II; 58 – Муки-Какси I; 59 – Баринка I; 60 – Баринка II; 61 – Тархан II; 62 – Тархан IV; 63 – Архангельская III; 64 – Ботыли III; 65 – Городищенская; 66 – Кичаны; 67 – Степинцы II; 68 – Хорошевская; 69 – Архангельская III; 70 – Худяковское; 71 – Мари-Кугалки III; 72 – Мари-Кугалки II; 73 – Кошкинская; 74 – Криушинская; 75 – Щенники; 76 – Кипенёвшинская; 77 – Меренская; 78 – Четверяковщинская (по: Павлову П.Ю., Мельничуку А.Ф.)

Огурдино, Шумково, Нижнее Адищево, Новожилово, Кама-Жуланово и др.) и ее периодизация будут рассмотрены ниже. Камская мезолитическая культура существовала в раннем голоцене (конец IX – первая половина VII тыс. до н. э.).

Главной особенностью инвентаря стоянок этой культуры является ярко выраженный пластинчатый характер. Техника отжима пластин и микропластин достигла в инвентаре этих стоянок более высокого уровня, чем в кремневой индустрии усть-камской мезолитической культуры. Однако орудийный набор камской культуры был гораздо однообразнее.

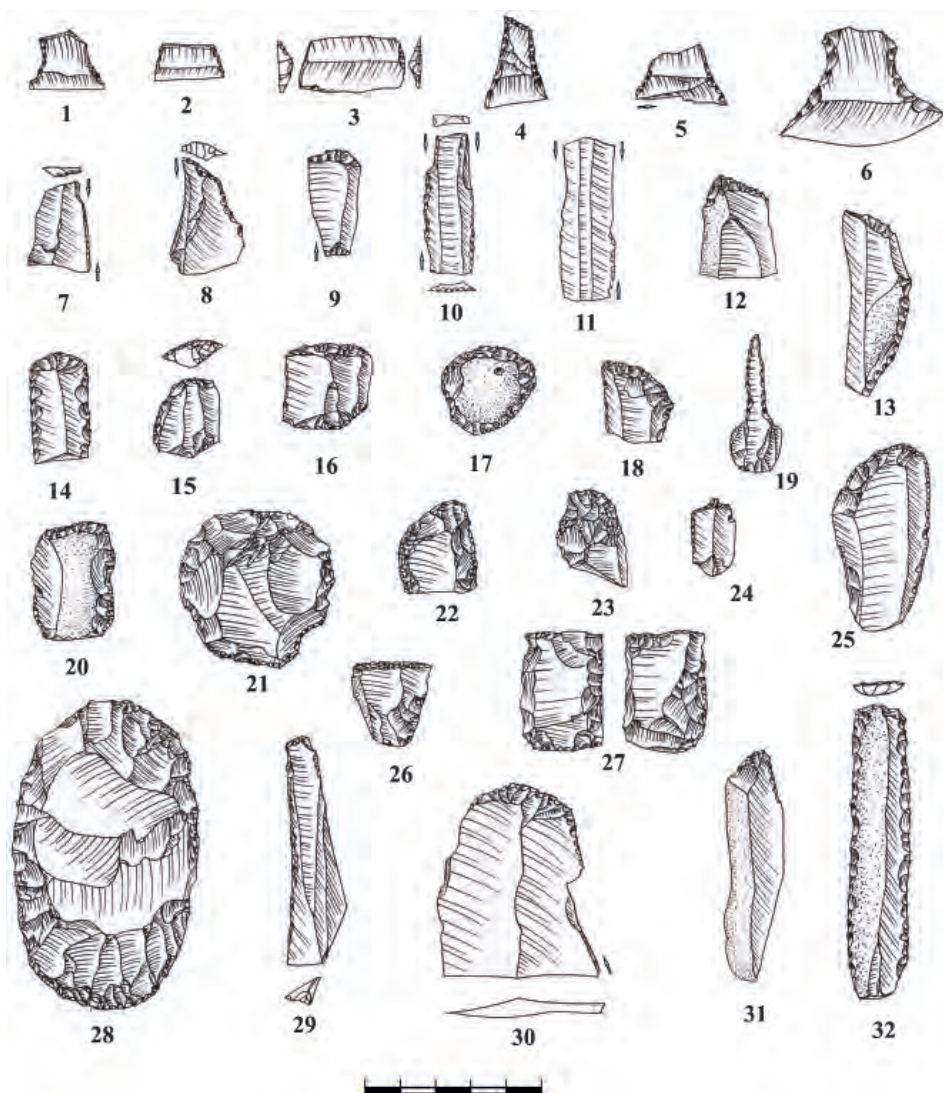

Рис. 20. Мезолит. Усть-камская культура. Стоянка Косяковская. Кремневый инвентарь (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Галимова, 2021)

В долине Нижней Камы к этой культуре относятся стоянки, изученные в левобережье, в районе впадения р. Белой в Нижнекамское водохранилище: Татарско-Азибейская I, Татарско-Азибейская IV и другие (рис. 19). В раскопе на Татарско-Азибейской IV стоянке обнаружены остатки нескольких очагов, в которых лежали кремневые предметы: нуклеусы, скребки, вкладыши, пластины. Также обнаружены хозяйственные ямы. Коллекция находок состоит из кремневых орудий, нуклеусов и отходов их производства (рис. 21). Среди нуклеусов преобладают конусовидные и карандашевидные, с которых скалывались пластины правильной огранки. На пластинах изготавливались резцы с резцовыми гранями, образованными от плоскости слома пластин, концевые скребки на пластинах, вкладыши ножей и пазовых составных наконечников стрел, острия. Значительная часть пластин с ретушированными

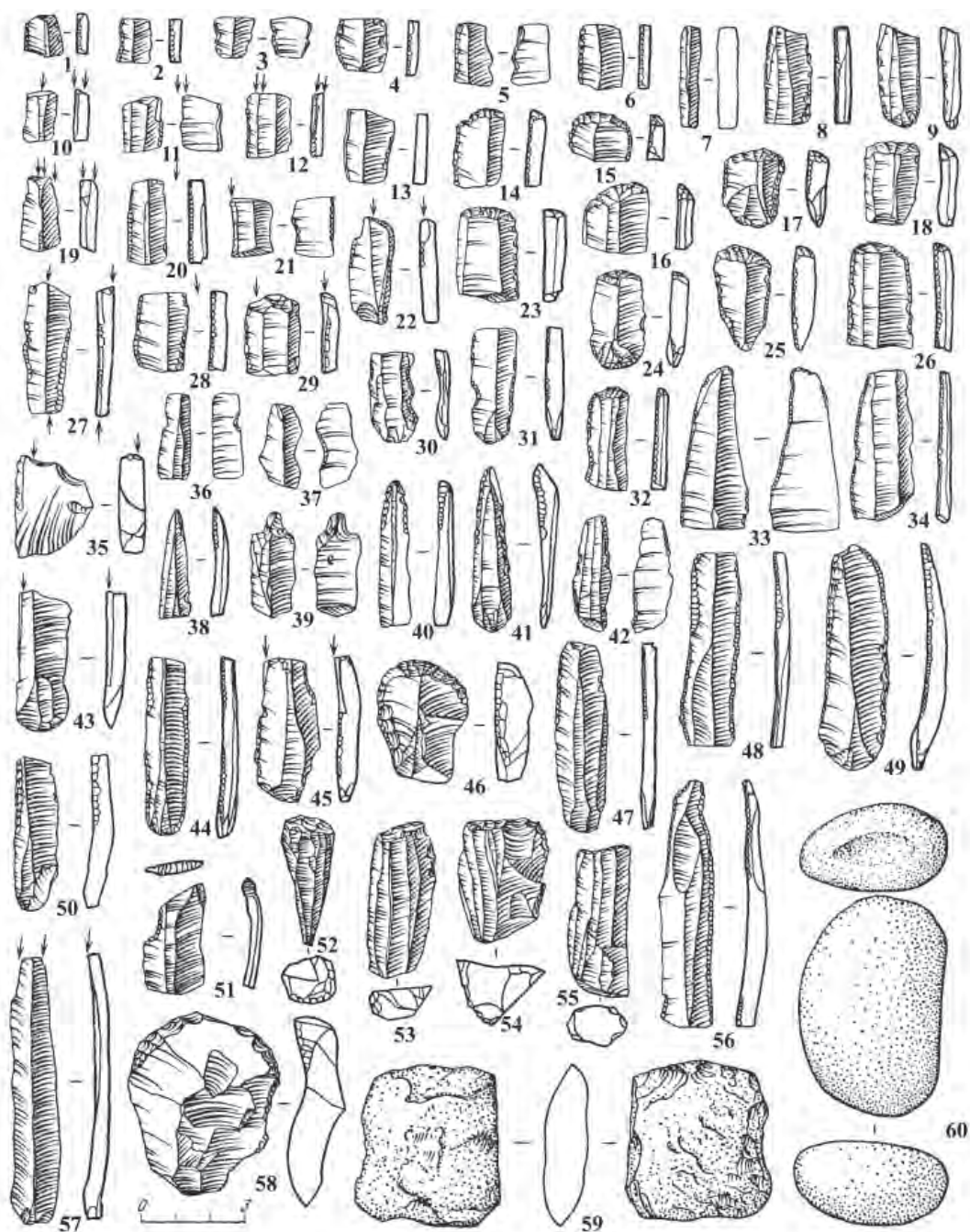

Рис. 21. Мезолит. Камская культура. Стоянка Татарско-Азибейская IV. Каменный инвентарь: 1–51, 56–58 – кремневые орудия; 52–55 – кремневые нуклеусы; 59, 60 – гальки – отбойники (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Галимова, 2021)

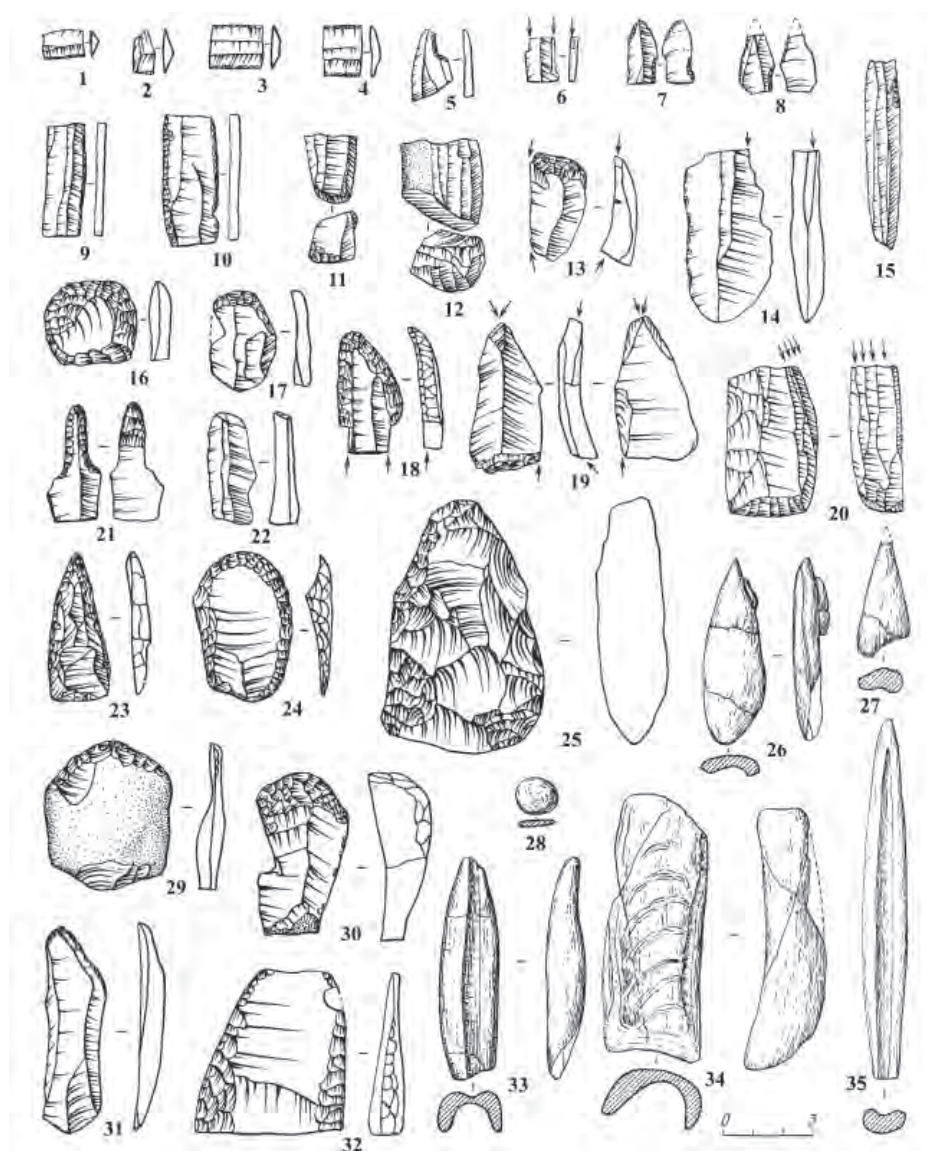

Рис. 22. Мезолит. Стоянка Деуковская II. Каменный и костяной инвентарь: 1–11, 13, 14, 16–19, 21–25, 30–32 – кремневые орудия; 12, 15, 20 – нуклеусы; 26–28, 33–35 – изделия из кости; 29 – галечное орудие (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Галимова, 2021)

краями использовалась в качестве ножей. Единичны симметричные сверла и проколки на пластинах, а также заготовки рубящих орудий на кварцитовых гальках.

Особняком в культурном отношении стоит Деуковская II стоянка, изученная у с. Деуково при впадении р. Ик в Нижнекамское водохранилище. При раскопках стоянки были найдены разнообразные кремневые и костяные орудия, а также котлованы трех жилищ с остатками очагов. Среди кремневых находок: нуклеусы призматического, конического и многоплощадочного типов; резцы, оформленные на сломе пластин, а также ретушные и срединные; вкладыши на пластинах с одним или двумя

краями, мелко ретушированными на спинке; скребки на пластинах (концевые) и на отщепах (с полукруглыми лезвиями); крупные скребки полудисковидной формы; ножи на пластинах и отщепах, ретушированные по одному либо двум краям; проколки на пластинах с острием, выделенным ретушью по краям и на брюшке; рубящее орудие в форме трапеции, остроконечник в форме высокого треугольника с прямым основанием; два мелких острия с ретушированными краями; пластины и отщепы без намеренно нанесенной ретуши, но со следами работы на краях (рис. 22). В слое пола жилищ обнаружены орудия из костей лося: наконечник дротика (?) и желобчатое долото.

На основании характера сохранности и видового состава находок костей животных и рыб из культурного слоя выяснилось, что обитатели занимались в основном охотой и рыбной ловлей. Вероятно, главным объектом охоты был лось. Кроме того, промыслили кабана, медведя, бобра, зайца и некоторых птиц. Важную роль играла рыбная ловля на мелких костистых рыб.

Деуковская II стоянка сближается по кремневому инвентарю с особой культурной группой мезолитических памятников Среднего Поволжья, памятники которой были первоначально исследованы на Волге и ее правых притоках: стоянки Яндашевская на р. Цивили в Чувашии, Русско-Луговская II (нижний слой) в Марийском Заволжье, Кабы-Копрынская на Свияге и другие. К настоящему времени число изученных памятников этой группы значительно возросло, что позволило объединить их в русско-луговскую культуру, территория которой совпадает, в основном с Марийско-Чувашским Поволжьем (рис. 19).

Русско-луговская культура представлена стоянками, расположенными на левом берегу Волги и в долинах Ветлуги, Большой и Малой Кокшаги и других левых волжских притоков, в правобережье Волги мезолитические стоянки группируются на реках Цивили и Суре, а также в устьях небольших правобережных волжских притоков (рис. 19).

Наиболее показательными памятниками данной культуры являются стоянки Мукшумская XIV и XVIII и поселения Удельно-Шумецкое XII, Ясачное, Нижняя Стрелка VII на Волге, на которых изучены остатки жилищ. Изучены также поселения Утюж I и Молебное озеро II на Суре, Алан-Бексерская и Мало-Битаманская стоянки на р. Ашит.

Жилища мезолитического населения региона, судя по данным раскопок, имели вид прямоугольных или подокруглых полуземлянок, каркасное или шалашевидное перекрытие, с «кучным» размещением очагов и системой очагов-отопителей, расположенных вдоль стен, около лежаков или под ними, а также с хозяйственными ямами и нишами-кладовками (рис. 18).

Кремневые орудия, использовавшиеся населением русско-луговской культуры, изготавливались из пластин. Значительная часть снятых с нуклеусов узких пластин и микропластин использовалась без вторичной обработки в качестве режущих и скоблящих орудий, а также вкладышей в составных орудиях и оружии. Среди орудий значительную часть составляют небольшие скребки и скобели округлых очертаний, оформленные крутой ретушью на отщепах, резцы в инвентаре играли не столь заметную роль. Наиболее характерными и многочисленными являются колющие наконечники стрел, выполненные на пластинах (рис. 24). Среди наконечников преобладают экземпляры с симметричным острием, оформленным микроретушью по сходящимся краям с одной или обеих сторон. Встречаются также асимметричные

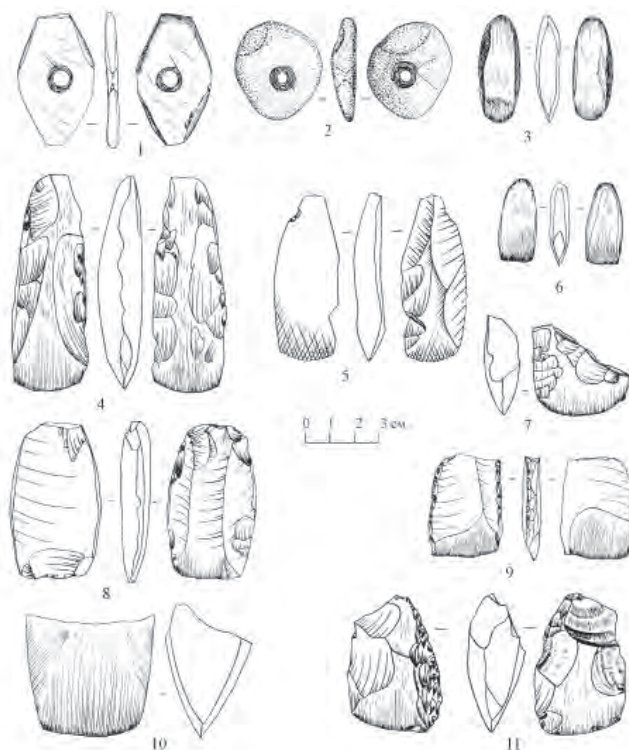

Рис. 23. Мезолит. Русско-луговская культура. Мукшумская XIV стоянка. Каменные изделия с биконической сверлиной в центре (1, 2). Деревообрабатывающие орудия (3–11): тесла и стамески, обработанные сколами и шлифовкой (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Никитин, Березина, 2021)

наконечники с боковым черешком, подправленным ретушью, отмечаются наконечники с подтреугольным, ромбическим или листовидным пером. Специфической чертой каменного инвентаря этой культуры является развитая технология изготовления деревообрабатывающих орудий (топоров, долот, клиньев, стамесок), в том числе шлифованных (рис. 23). Также показательны ножи листовидной или сегментовидной формы с прямым или овальным лезвием, приостренным ретушью с одной стороны.

Русско-луговская культура бытовала в конце бореального этапа периода голоцена, что подтверждается радиоуглеродной датой, полученной из углистого заполнения ям в полу жилища Мукшумской XVIII стоянки – 8240 ± 220 лет от наших дней.

Мезолитические памятники лесостепного Поволжья

Мезолитические памятники данного региона включают стоянки: Старо-Токскую, Красный Яр I, Чекалино II, Ховрино, Гора Маяк (рис. 19). Наиболее ранними стоянками были Чекалино II и Старо-Токская, культурный слой которой датирован четвертой четвертью VIII тыс. до н. э. Для кремневого инвентаря этих стоянок характерно преобладание пластин (более 50% всех изделий), на них изготовлено более 90% всех орудий. Широко применялись вкладыши в составных орудиях, которые имеют вид фрагментов пластин без дополнительной ретуши. Также на пластинах изготавливались угловые резцы и скребки с прямым, скошенным или округлым рабочим краем,

Рис. 24. Мезолит. Русско-луговая культура. Мукшумская XVIII стоянка.
Кремневые орудия: острия, развертки, проколки,
дублированные орудия развертки-ножи-скобели (3, 4, 6, 10, 11)
(по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Никитин, Березина, 2021)

немногочисленны находки двусторонне оббитых деревообрабатывающих орудий без следов шлифовки (рис. 27).

К позднему мезолиту относятся стоянки Красный Яр I, Кочкари I и Ховрино. По материалам стоянки Кочкари I получена серия датировок. Культурный слой на основании дат вмещающей почвы и кости крупного полорогого животного (тур или бизон) датирован второй-третьей четвертью VII тыс. до н. э. В инвентаре на этом этапе сокращается количество пластин, однако на них продолжает изготавливаться более 70% орудий, при этом преобладают средние части, являющиеся вкладышами. Среди орудий: резцы на углу пластины; скребки с разнообразной формой рабочего лезвия, выполненные не только на пластинах, но и на отщепах и аморфных сколах; комбинированные орудия, преимущественно скребки-перфораторы; деревообрабатывающие орудия, которые становятся более многочисленными, среди них появляются экземпляры с пришлифованной поверхностью (рис. 27).

На данных стоянках обнаружены кости лося, медведя, благородного оленя, которые, вероятно, являлись основными объектами охоты в мезолитическую эпоху.

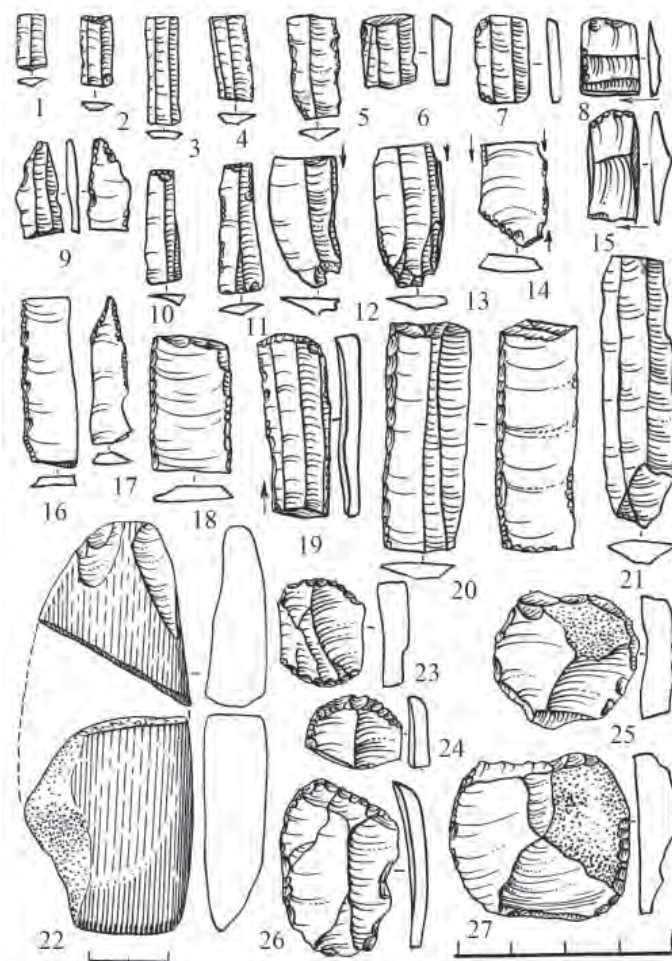

Рис. 25. Мезолит Камско-Вятского междуречья. Стоянка Баринка I. Каменный инвентарь (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Гусенцова, 2021)

Мезолит Камско-Вятского междуречья

Мезолит Камско-Вятского междуречья тяготеет в территориальном и культурном отношении к мезолитическим памятникам Марийского Поволжья и Нижнего Прикамья (Икско-Бельского междуречья). На левобережных притоках Вятки наиболее интересные материалы были получены на однослойных стоянках Баринка I, II, Тархан II, Стёпинцы II, Кичаны, Кипеневщинская, Архангельская III. На притоках правобережья Вятки широкими раскопками изучены Худяковское поселение, стоянки Криушинская, Кошкинская, Мари-Кугалки II и III (рис. 19). В раскопах на многих памятниках зафиксированы остатки котлованов жилищ, которые представляли собой в основном квадратные полуземлянки, со столбовыми конструкциями вдоль стен или в центре, перекрытие могло быть двускатным или шатровым.

Кремневая индустрия памятников Камско-Вятского междуречья свидетельствует о наличии у мезолитического населения устойчивых технологических традиций изготовления инвентаря: производство и использование в качестве орудий преиму-

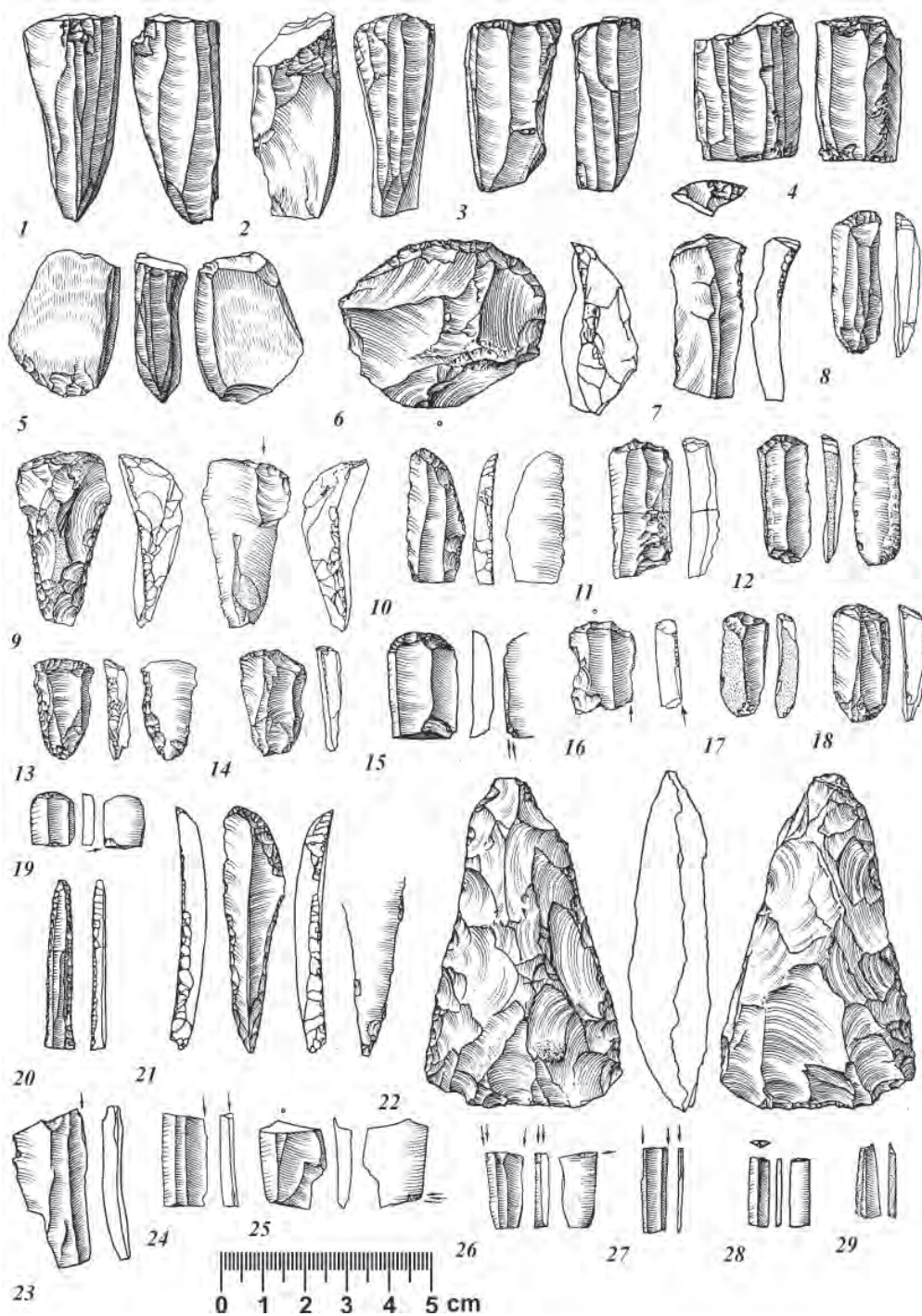

Рис. 26. Мезолит Самарского Поволжья. Стоянка Чекалино II.
1–5 – нуклеусы; 6–19 – скребки; 20 – перфоратор/проколка; 21 – скребко-проколка;
22 – рубящее орудие; 23–27 – резцы; 28–29 – пластины с ретушью и без ретуши
(по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Андреев, Ластовский, 2021)

Рис. 27. Мезолит Самарского Поволжья. Стоянка Кочкари I.

1–8 – нуклеусы; 9 – наконечник; 10–14 – перфораторы/проколки; 15 – скребок-проколка; 16–22 – скребки; 23–25 – рубящие орудия; 26–32 – резцы
(по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Андреев, Ластовский, 2021)

щественно пластин, массовое применение в качестве вкладышей метательного оружия и других орудий прямоугольных фрагментов пластин, менее частое использование наконечников стрел на пластинах с выделенным черешком и в форме трапеций (рис. 26).

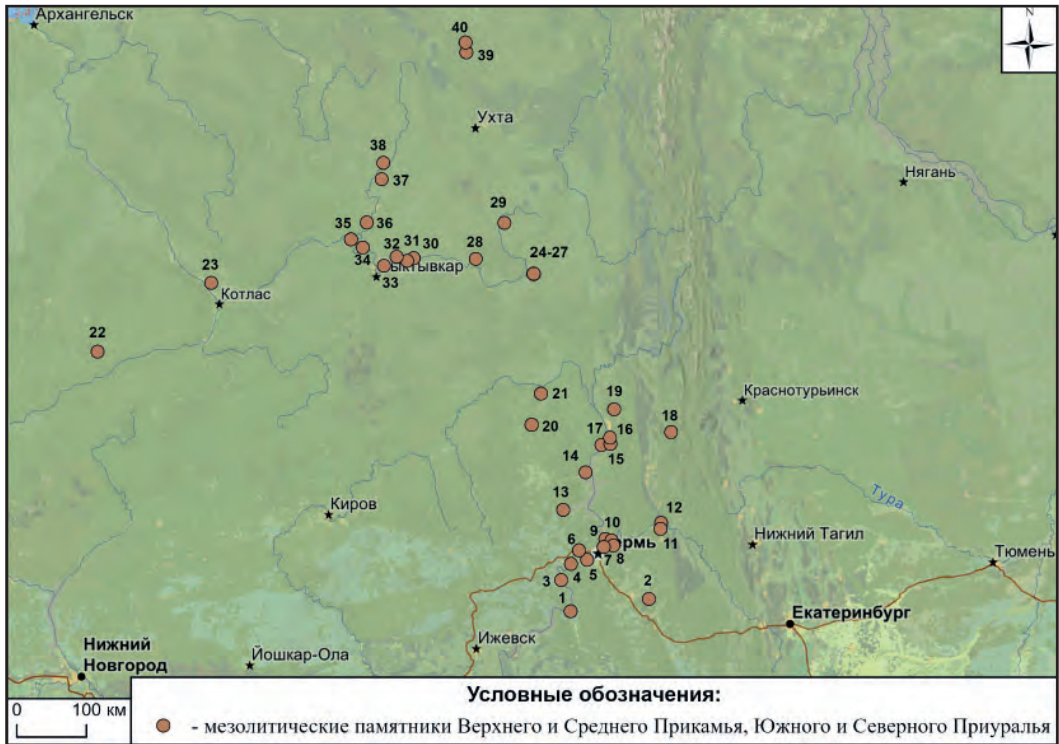

Рис. 28. Карта мезолитических памятников Прикамья и Приуралья:

- 1 – Кама-Жулановская; 2 – Шумково; 3 – Усть-Очёр; 4 – Голый Мыс; 5 – Усть-Половинная; 6 – Шабуничи; 7 – Гремячий Ручей; 8 – Усть-Сылва; 9 – Нижнее Адищево; 10 – Горная Талица; 11 – Пеньки; 12 – Антабары; 13 – Юрич; 14 – Усть-Пожва; 15 – Новожилово; 16 – Чашкинское Озеро V; 17 – Огурдино; 18 – Пещера Подземных Охотников (Стадника); 19 – Рассолы; 20 – Усть-Онолва; 21 – Косинская I; 22 – Николаевская-Колокольня; 23 – Филичаевское 2–5; 24 – Чердыб 1, участок 1; 25 – Чердыб 1, участок 2; 26 – Чердыб 2, пункт 2; 27 – Чердыб 2, пункт 6; 28 – Ульяновово; 29 – Кузьвомын; 30 – Пезмогты 6; 31 – Пезмог 1; 32 – Курьядор; 33 – Эньты 3; 34 – Ярега; 35 – Ыджыдты; 36 – Ляльский Бор; 37 – Ветью 2; 38 – Евдино 2; 39 – Туруннюр; 40 – Лек-Леса 1

(по: Павлову П.Ю., Мельничуку А.Ф.)

По имеющимся радиоуглеродным данным (стоянки Баринка I, II), время существования мезолитических памятников укладывается в рамки середины VIII–VII тыс. до н. э. В составе охотничьей добычи обитателей стоянок определены кости лося, северного оленя, кабана, бобра и косули.

Мезолит Прикамья и Приуралья

Камская мезолитическая культура в Верхнем и Среднем Прикамье представлена 50 стоянками. Следуя О.Н. Бадеру, исследователи выделяют три стадии развития культуры – огурдинский (ранний) этап, нижеадищевский (поздний) этап, а также недавно выделенный косинский (позднейший) хронологический горизонт.

К раннему этапу относятся стоянки, функционировавшие в пребореальном периоде (конец IX – конец VIII тыс. до н. э.), основными памятниками этапа в Среднем Приуралье являются поселения Огурдино, Шумково, Гремячий Ручей (рис. 28).

В это время формируется микролитическая пластинчатая кремневая индустрия. Особенностью инвентаря ранних камских стоянок является использование наряду с многочисленными орудиями на пластинах и микропластинах изделий в форме трапеций с прямыми либо вогнутыми сторонами, служивших наконечниками стрел, а также резцов с ретушированными площадками для формирования резцовых граней (ретушных резцов). Близкими к стоянкам огурдинского этапа являются материалы зауральских стоянок Уральские Зори I и Гаревая II (бассейн р. Туры), что объясняется контактами местного населения с камскими мезолитическими общинами, связь с которыми могла осуществляться по р. Чусовой или её притокам.

На развитом этапе камской культуры в раннебореальном периоде (конец VIII – первая половина VII тыс. до н. э.) каменная индустрия приобретает стандартный микролитический облик. Наиболее выразительными памятниками нижнеадищевского (позднего) этапа являются стоянки Нижнее Адищево, Новожилово, Монино, Кама-Жуланово, Ольховско-Первомайская, Усть-Онолва (рис. 28). Для кремневого инвентаря этих стоянок характерно полное преобладание пластин (по отношению к другим заготовкам для орудий), а также высокая доля микропластин (шириной менее 1 см). Характерны конусовидные, призматические и особенно полностью сработанные карандашевидные ядрища, концевые скребки и угловые резцы (причем скребки численно преобладают над резцами), также разнообразные пластины с ретушью – вкладыши для составных орудий, реже встречаются пластины с ретушированными выемками, а также топоры, значительная часть поверхности которых обработана техникой пикетажа и частично пришлифована (рис. 29).

Поздний, заключительный, косинский этап мезолита (косинский хронологический горизонт) Среднего Приуралья отражают материалы стоянок Голый Мыс, Усть-Половинная, Косинская I, Шабуничи, Усть-Очёр I и др. (рис. 28). В этот период населением осваиваются участки низких боровых террас и высокой поймы Камы и ее крупных притоков. Это свидетельствует о том, что помимо охоты и собирательства первобытные коллективы активнее развивали промысел водоплавающей птицы и рыболовства. Происходят изменения и в каменной индустрии: возрастает роль пластин с вторичной обработкой, снижается число резцов, появляются рубящие орудия, типа чоппера или молота с выемками-перехватами, выполненные из кварцита, а также тесла с частичной пришлифовкой и абразивные инструменты из мелкозернистого песчаника. Отмечается использование для производства орудий новых видов каменного сырья, характерных для памятников камского неолита (плитчатый, серый полосчатый яшмовидный кремни). В раскопе Косинской I стоянки были изучены остатки подпрямоугольной полуземлянки с крупной очажной ямой.

В каменном инвентаре камских мезолитических стоянок с микролитическим инвентарем нет свидетельств о проникновении в регион мезолитических групп населения центральных областей Русской равнины и западной части Европейского Севера, характерной особенностью инвентаря которых были черешковые наконечники стрел на пластинах.

Мезолитические памятники Верхнего и Среднего Прикамья отражают динамику формирования культуры таежных охотников и собирателей в раннем голоцене (VIII–VI тыс. до н. э.). Эта культура послужила основной базой для формирования ярких памятников камского неолита с гребенчатой керамикой.

Мезолитические памятники Среднего Приуралья в культурном плане (судя по уровню микролитизации и стандартизации каменного инвентаря) близки к мезоли-

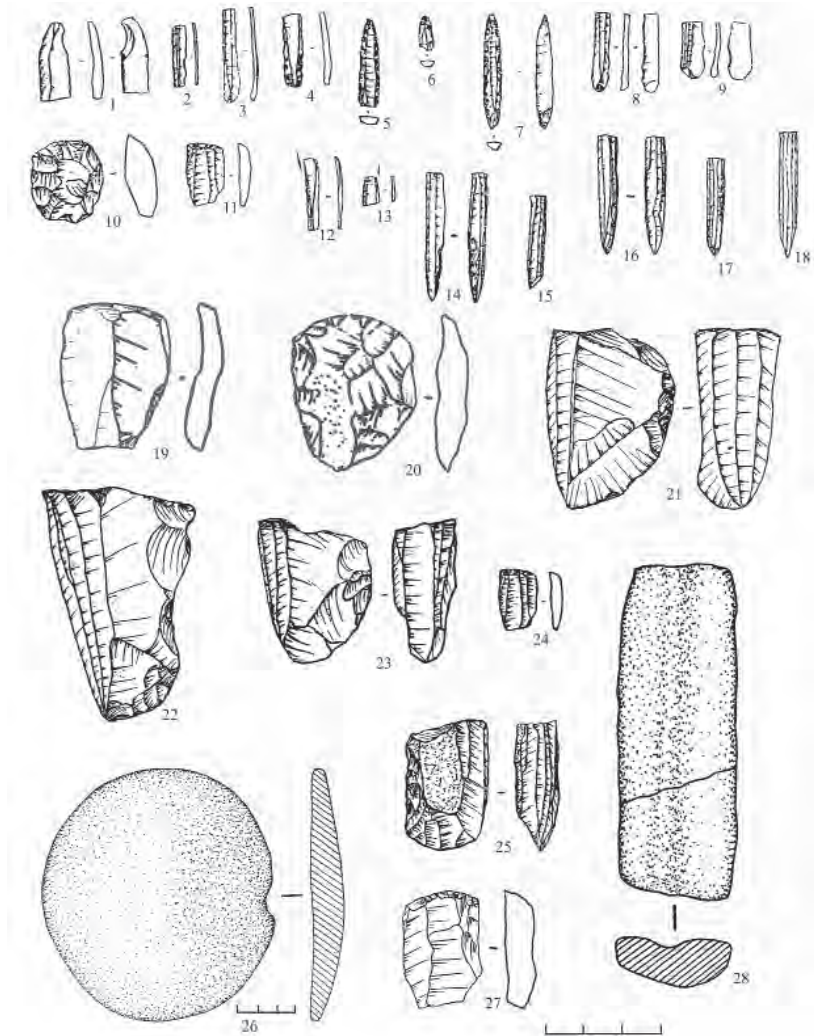

Рис. 29. Мезолит Прикамья. Камская культура, нижнеадищевский этап.
 Стоянка Новожилово. Каменный инвентарь
 (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Мельничук, 2021)

тическим комплексам Южного Приуралья (романовско-ильмурзинская культура) и Нижнего Прикамья (стоянки Икско-Бельского междуречья).

Романовско-ильмурзинская культура, выделенная Г.Н. Матюшиным, включает стоянки, расположенные на высоких террасах по берегам р. Белой и ее притоков: Романовку II и III, Ильмурино, Давлеканово (нижний слой), Миловку I–II, Холодный Ключ, Старую Мушту и др. (рис. 28). На стоянках были найдены пластины и микропластины, угловые резцы, скребки разных типов на пластинах и отщепах, угловые резцы, пластинки с выемками, пластинки со скошенным краем и др. (рис. 30). Для некоторых мезолитических комплексов Южного Приуралья характерны костяные и роговые изделия: роговые муфты, гарпуны, пазовые наконечники, шилья. Примером этому служат выразительные находки со стоянки Давлеканово, на р. Дёме (рис. 30).

Рис. 30. Мезолит Южного Приуралья. Романовско-ильмурзинская культура.
 Стоянка Давлеканово (нижний слой). Каменный и костяной инвентарь
 (по: Исторический Башкортостан в эпоху камня / Котов, 2009)

На стоянке Сюнь 2 на одноименной реке также был найден микролитический кремневый инвентарь, близкий инвентарю памятников романовско-ильмурзинской культуры. Здесь же были зафиксированы находки роговых орудий – гарпуны, фрагмент двухпазового кинжала, двухпазовый наконечник стрелы. Исследователями было высказано предположение, что сюньские стоянки отмечают собой начальный

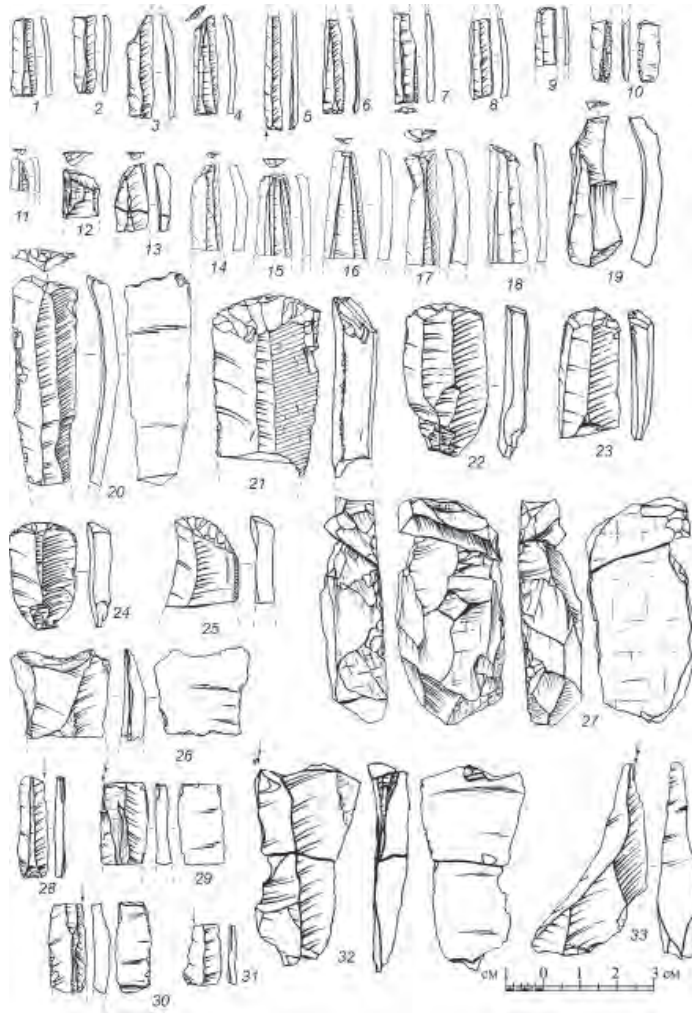

Рис. 31. Мезолит Северного Приуралья. Приуральская традиция. Стоянка Лек-Леса.

Каменный инвентарь. 1–4 – двуконечно усеченные пластинки;
 5–10 – узкие и микропластинки с усеченным концом; 11–19 – микроскребки;
 20–25 – скребки; 26 – пластина с выемкой на дистальном конце; 27 – скребло;
 28–33 – резцы (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Волокитин, 2021)

этап продвижения прикамского населения в Приуралье, которое происходило на рубеже палеолита и мезолита. Для носителей романовско-ильмурзинской культуры были характерны сезонные поселения. Основой жизнеобеспечения было развитое комплексное присваивающее хозяйство, в котором ведущую роль играли охота и рыболовство. Большое значение в жизнеобеспечении в это время имела охота на копытных животных: северного оленя, лошадь, кабана, в меньшей степени – на медведя и волка.

Мезолитические памятники Северного Приуралья были представлены на начальном этапе изучения стоянками в долине р. Вычегды, открытыми Г.М. Буровым, объединенными им в средневычегодскую культуру, имеющую сходство и связанную с камской мезолитической культурой Прикамья. В настоящее время в мезолите реги-

она выделены памятники приуральской традиции и западной традиции, связанной с мезолитом Волго-Окского междуречья, а также группа памятников, в инвентаре которых сочетаются черты как приуральской, так и западной традиций.

Каменные индустрии приуральской традиции, которые имели, вероятно, общее происхождение, были распространены на широкой территории. Исследователи объясняют это высокой мобильностью мезолитического населения, сезонными и более продолжительными миграциями, неизбежными в ходе освоения Северного Приуралья. В приуральскую традицию входят средневычегодская культура, а также две группы памятников, расположенных на реках Выми и Ижме.

Средневычегодская культура включает стоянки Ульяново, Курьядор 1, Пезмог 1 и Кузьвомын (рис. 28). Кремневый инвентарь этих памятников имеет следующие особенности: пластины абсолютно преобладают над отщепами; среди пластин высок процент узких пластин и микропластин, преобладают длинные фрагменты таких пластин; в орудийном наборе, который не отличается разнообразием, доминируют пластины с ретушью и их обломки; доля орудий с выраженной морфологией в коллекциях мала; отсутствуют наконечники стрел, в связи с этим предполагается, что в инвентаре преобладали вкладышевые (составные пазовые) изделия, в том числе и метательные. Орудия из отщепов единичны, в основном это скребки на пластинах и резцы на сломе пластин. Найдены своеобразные долотца на мелких массивных пластинах изогнутого профиля. Характерны также рубящие орудия из кварцитопесчаника, в том числе с перехватом.

Стоянка Лек-Леса на р. Ижме также относится к приуральской мезолитической традиции в соответствии с особенностями каменного инвентаря (рис. 31). Она является одним из наиболее ранних мезолитических памятников, известных в Северном Приуралье и датируется рубежом IX и X тысячелетий от наших дней. На стоянке изучены остатки наземного жилища, а также кости бобра, лося и медведя.

Древности приуральской традиции имеют несомненное сходство с мезолитом Камы, что указывает на передвижения групп населения с этих территорий.

Парчевская культура представляет западную традицию мезолита Северного Приуралья. К данной культуре относятся стоянки Парч 1 и 2 на Верхней Вычегде, а также Топыд-Нюр 5 и Топыд-Нюр 7 на Средней Печоре, Адзьва 1 на р. Усе и Пижма II на р. Пижме (рис. 28). Кремневая индустрия парчевской культуры характеризуется конусовидными нуклеусами, небольшой долей микропластин, преобладанием узких и среднешироких пластин, разнообразными сериями орудий, среди которых выделяются черешковые наконечники стрел на пластинах, вкладыши-прямоугольники, пластины с усеченным ретушью концом, скребки высоких форм, орудия для обработки кости – пилки, развертки, струги (рис. 32). На стоянке Парч 2 были исследованы остатки восьми легких наземных жилищ, в которых залегали костяные предметы. По древесному углю из культурного слоя стоянки Парч 2 были получены даты, указывающие на возраст более 9 тысяч лет назад.

Каменный инвентарь парчевской культуры имеет значительное сходство с инвентарем бутовской мезолитической культуры, которая существовала в Волго-Окском междуречье, что позволяет исследователям предполагать принадлежность носителей обеих культур к родственному населению, которое передвигалось в Северное Приуралье из центра Русской равнины.

Висский 1 торфяник, открытый и изученный Г.М. Буровым на Синдорском озере в бассейне р. Вычегды, также относится к западной традиции мезолита. Тор-

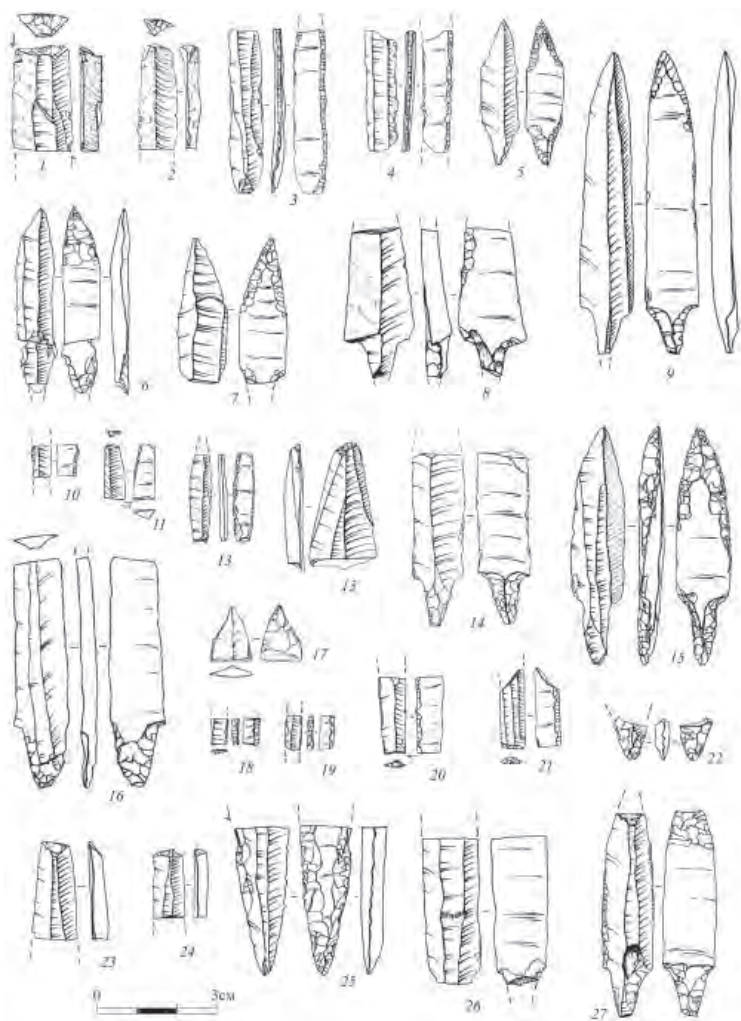

Рис. 32. Мезолит Северного Приуралья. Западная традиция, парчевская культура. Стоянки Парч 1 и Парч 2. Каменный инвентарь (по: Волокитин, Панин, Зарецкая, 2017)

фяник знаменит своей уникальной коллекцией находок из дерева, коры, бересты, травы. Это орудия охоты и рыболовства, средства передвижения, бытовые предметы, заготовки: луки, цельнодеревянные стрелы с веретенообразными наконечниками, пазовые наконечники с расщепами для вкладышей, копия длиной 1,5–2 м, фрагменты сетей, полозья бескопых саней, весло, лыжи. Особого упоминания заслуживает находка фрагмента лыжи со скульптурной головой лося на носке. Ряд предметов (луки, лыжи, санные полозья, рукояти орудий) имеют гравированный орнамент в виде зигзага, прямой линии, косой сетки, крестов, насечек. По древесине из торфяника получена серия радиоуглеродных дат, укладывающаяся в интервал 8700–8300 лет назад.

Исследователями описана также группа памятников, у которых сочетаются черты как приуральской, так и западной традиций. К этой группе отнесены вычегодские стоянки Энты 3 и Пезмогты 6, Чердыб 1 и 2, а также стоянка Турун-Нюр 1 и 2 на

Рис. 33. Мезолит Северного Приуралья. Стоянка Пезмогты 6. Резцы (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Волокитин, 2021)

р. Ижме, Ветью 2 и Ляльский Бор на р. Выми. В их кремневом инвентаре присутствуют конические карандашевидные нуклеусы, среди пластин преобладают узкие. Вместе с тем орудийный набор несколько более разнообразен, чем у стоянок приуральской традиции. Выделяются серии пластинок с притупленным краем, с усеченным концом, а также резцов на сечениях пластин (рис. 33).

В охотничьей добыче мезолитического населения региона преобладал лось, есть кости бобра и северного оленя, а также волка и медведя. На Висском 1 торфянике были обнаружены орудия рыболовства.

Человек в конце пребореального и начале бореального периода освоил арктические территории Северного Приуралья, о чем свидетельствует довольно большое число памятников, найденных за Полярным кругом – в Большеземельской тундре (Сандибей-Ю 1, 8) и даже на побережье Северного Ледовитого океана (Лакорсаля, Княжья Губа). Годовой хозяйственный цикл этого населения включал перемещение на значительные расстояния, возможно, имел возвратно-поступательное направление юг – север и был связан с сезонными миграциями стад северных оленей.

Таким образом, Среднее Поволжье и Приуралье в эпоху мезолита были контактной территорией, где развивались и взаимодействовали носители различных культурных образований, которые тяготели к финальнопалеолитическим и мезолитическим общностям как восточноевропейского, так и уральского облика. В каменной и костяной индустрии последующих эпох неолита и энеолита Поволжья и Урала сохранились многие технологические традиции обработки камня, практиковавшиеся в мезолите.

1.3. НЕОЛИТ

Неолит является заключительной эпохой каменного века, в течение которого люди пользовались преимущественно каменными орудиями труда. Она следует за мезолитом и характеризуется появлением новых форм хозяйства и новых материалов, неизвестных в природе, таких как керамика и ткани. Данный термин является производным от греческих слов неос (νέος) – новый и литос (λίθος) – камень и был предложен в 1865 году Джоном Лаббоком для памятников более поздних, чем палеолит.

С неолитом также связывают начало производящего хозяйства, то есть появление у людей навыков скотоводства и земледелия. Это событие, переход от присваивающего к производящему хозяйству, в 1923 г. Гордон Чайлд предложил называть неолитической революцией.

Неолитизация мезолитических племен шла различными путями и проявлялась по-разному. В южных регионах она сопровождалась появлением форм производящего хозяйства, на северных территориях ограничивалась распространением керамического производства и новых форм обработки каменных орудий – шлифование, сверление, пиление.

Около 8200 лет назад завершился пик аридизации, что и создало благоприятные условия для развития неолитизации. Этот процесс характеризуется распространением глиняной посуды, основы производства которой принесли в регион носители елшанской культуры. Эта культура не имела местных корней, и, по мнению исследователей, её носители проникли сюда из междуречья Амударьи и Сырдарьи. Доказательств существования животноводства у носителей елшанской культуры нет, поэтому говорить о начале производящего хозяйства одновременно с появлением керамики в Волго-Уралье не приходится. Отсутствуют домашние животные и в более поздних культурах волго-уральского неолита.

Чисто археологическим критерием перехода к неолиту помимо керамики является развитие технологий производства каменных орудий. К числу таковых относятся двусторонняя ретушь, шлифовка, пиление, сверление.

Одним из критериев неолита является развитие рыболовства с использованием сетей. Наличие сетевого рыболовства может быть документировано как косвенными свидетельствами в виде широкого распространения долот – инструментов для обработки дерева и производства лодок, так и прямыми свидетельствами в виде каменных грузил, предназначенных для утяжеления сетей.

Сетевое рыболовство, в свою очередь, дает возможность оседлого обитания, а это уже во многом отличает эпоху неолита от специфики жизни в мезолите. Прямым признаком оседлости в то же время является наличие стационарных жилищ на поселениях неолитического времени.

Рис. 34. Ареал елшанской культуры

Какие-то отдельные технологии (сверление), артефакты (топоры), сетевое рыболовство или даже оседлость с постоянными жилищами (марийские леса) на поселениях могли появиться еще в мезолите, и лишь комплекс всех этих факторов в сочетании с началом производства керамики характеризует переход к неолитической эпохе.

Неолит как историческая эпоха продолжался на протяжении 2000 лет и завершился около 5200 л. н. в последней четверти V тыс. до н. э.

Елшанская культура развивалась в рамках от середины VII до середины VI тыс. до н. э.

Существуют разные точки зрения на ее происхождение. Одна из наиболее аргументированных гипотез обосновывает формирование данной культуры на основе миграции из Средней Азии (Восточного Прикаспия и Приаралья), где в тот период усилились процессы аридизации. Пришлые группы вступали в контакт с местным лесостепным населением. Альтернативные версии подразумевают миграцию протоелшанского населения из Малой Азии или Балкан, а также участие сибирского населения в ее культурогенезе.

Территория распространения памятников елшанской культуры охватывает лесостепное Поволжье в границах Самарской и Ульяновской областей, а также Бузулукский район Оренбургской области. На западе стоянки этого типа распространяются вплоть до р. Суры и Мокши, а на севере до марийских лесов и р. Вятки (рис. 34).

В настоящее время известно 25 однослойных и многослойных памятников, в которых отмечены материалы елшанской культуры. Елшанские постройки являлись

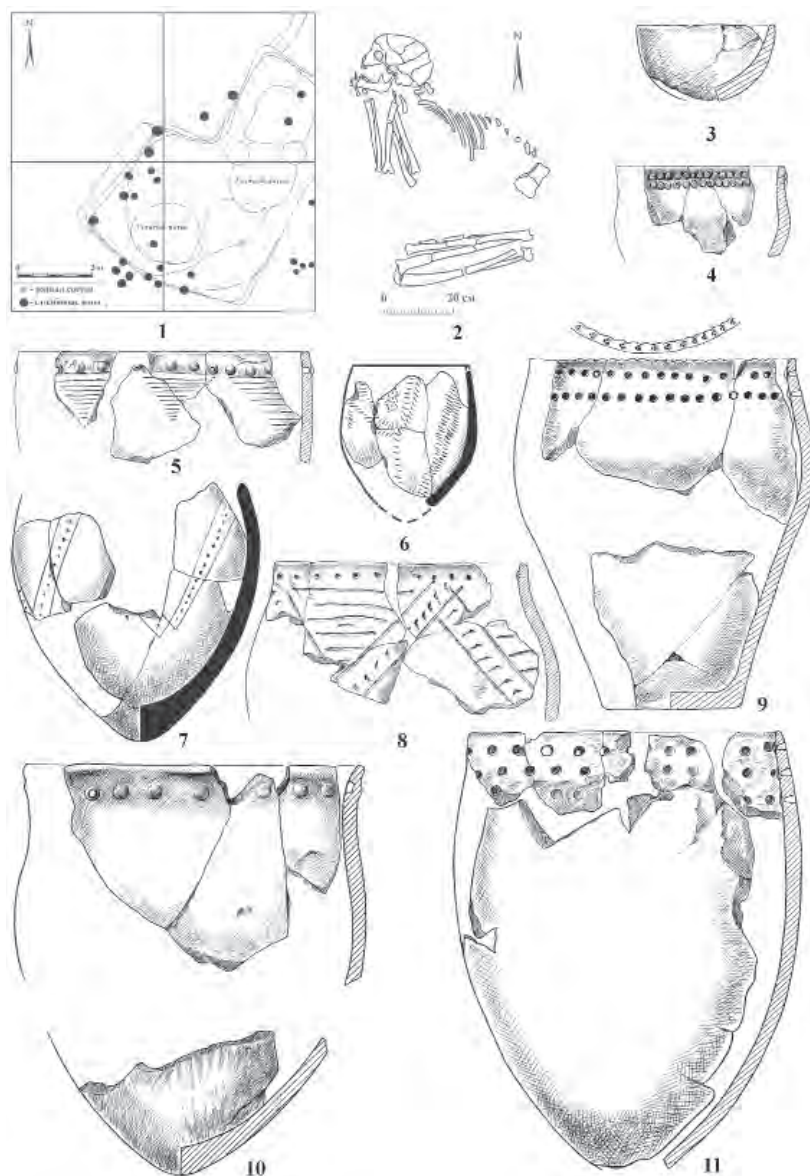

Рис. 35. Керамика, постройки и погребения елшанской культуры.
1 – стоянка Вьюново Озеро I; 2 – погребение на стоянке Чекалино IV;
3–11 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Андреев, Березина,
Выборнов, Ставицкий, 2021). Масштаб разный

наземными каркасными сооружениями с углублённым полом. Ранние постройки имели площадь 20–25 кв. м, поздние достигали 35 кв. м (рис. 35: 1).

Керамика изготовлялась лоскутным налепом в форме ёмкости или в форме-основе из илистой глины с естественными примесями песка, а в качестве искусственных примесей в глину добавлялись органические растворы и шамот.

Елшанская керамика тонкостенная, плотная с залощенной или заглаженной поверхностью (рис. 35: 3–11). Донца сосудов приострѐнные (рис. 35: 6, 7, 10) или пло-

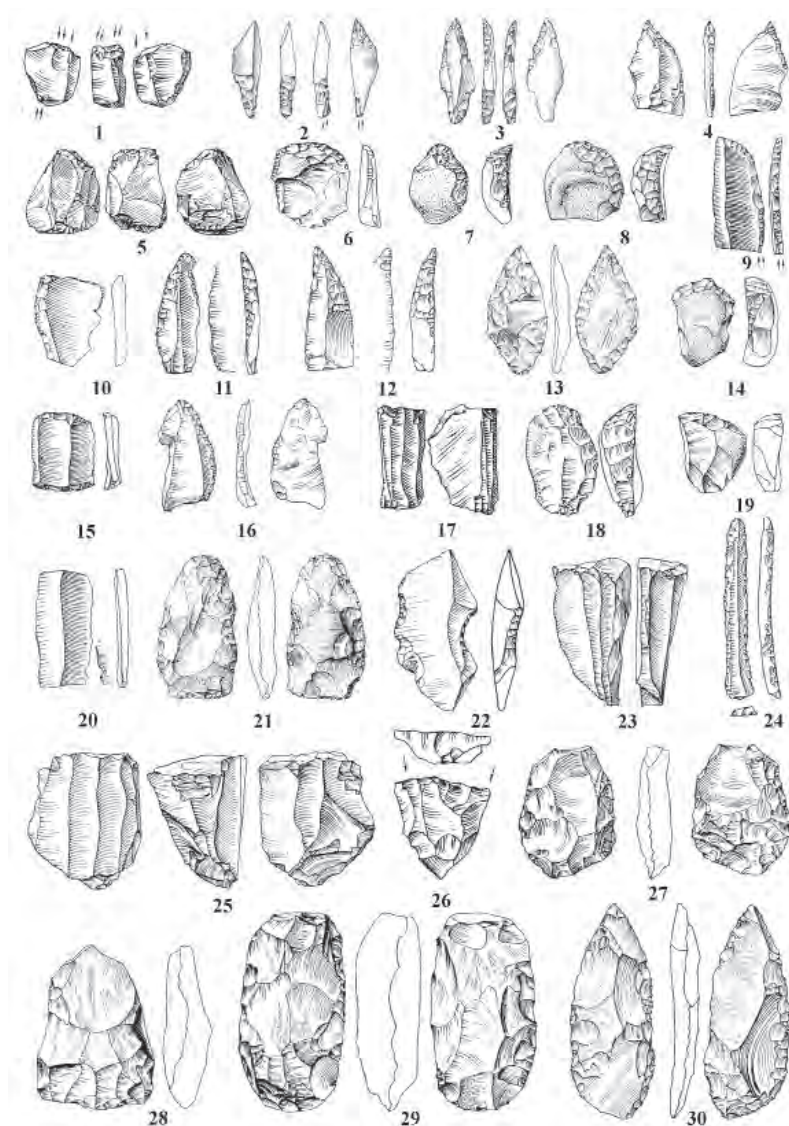

Рис. 36. Кремневый инвентарь елшанской культуры.

1 – резец; 2, 3 – наконечник стрелы; 4 – остроконечное орудие; 5 – заготовка орудия; 6–8, 14, 15, 18, 19 – скребки; 9, 10, 13, 24 – ножи; 11, 12 – ножи ложка; 16 – боковой скребок; 17, 23, 25, 26 – нуклеусы; 20 – пластина с ретушью; 21, 27–29 – рубящее орудие; 22 – скобель, 30 – нож-бифас (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Андреев, Березина, Выборнов, Ставицкий, 2021). Масштаб разный

ские (рис. 35: 9), иногда округлые (рис. 35: 3). Отмечены как горшковидные яйцевидной формы сосуды, так и баночные. Срез венчика округлый, приострѐнный или уплощенный.

Чаще всего орнамент на сосудах отсутствует или же они украшены весьма скудно только рядом ямок или жемчужин под срезом венчика (рис. 35: 4, 5, 9–11). Небольшое число сосудов несут на поверхности наколы или прочерченные линии (рис. 35: 6–8). В тех случаях, когда на сосудах орнамент фиксируется, он размещается в

верхней трети сосуда на шейке, иногда на срезе венчика. Встречаются экземпляры, на которых орнамент располагался на тулове. Орнаментальные мотивы представлены такими сочетаниями элементов, как ямки и жемчужины, насечки или наколы на срезе венчика, косая решетка, горизонтальный зигзаг, висячие треугольники.

На ранних этапах своего существования носители елшанской культуры использовали в основном галечный кремль, позднее с расширением источников сырья применяли серый кремль хорошего качества. Кремневый инвентарь представлен сколами, отщепами, нуклеусами (рис. 36: 17, 23, 25, 26), заготовками орудий (рис. 36: 5) и пластинами (рис. 36: 20). Орудийный набор состоит из скребков разнообразной формы (концевые, угловые, нуклевидные и боковые) (рис. 36: 6–8, 14–16, 18, 19), скобели (рис. 36: 22). Преобладают ножи прямолинейной, саблевидной, реже овальной формы (рис. 36: 9, 10, 13, 24, 30), известны также ножи-ложжари (рис. 36: 11, 12). Вариателность форм резцов довольно разнообразна, но выделяются многофасеточные и угловые орудия (рис. 36: 1). Проколк известно немного (рис. 36: 4). Наконечники стрел имеют листовидную форму, выполненную частичной ретушью пера, боковых граней и насада (рис. 36: 2, 3). С помощью оббивки изготовлены рубящие орудия: топоры и тёсла (рис. 36: 21, 27–29).

Хозяйственная деятельность носителей елшанской культуры базировалась на основе комплексного присваивающего хозяйства с проживанием в недолговременных сезонных поселениях. Наличие производящего хозяйства у населения данной культуры является дискуссионным вопросом.

Периодизация елшанской культуры базируется на изменчивости керамического комплекса, размеров построек, отбора сырья для изготовления кремневых изделий и использования пластинчатых орудий. Исходя из этих показателей для раннего этапа существования культуры присуще преобладание остродонной посуды, выполненной из илистой глины без искусственных примесей. Кремневые изделия изготовлялись из низкосортных сортов кремня, в орудийном комплексе отмечено невысокое использование орудий на пластинах. Постройки имели небольшие размеры. Для позднего этапа характерно преобладание плоскодонной керамики с одновременным использованием остродонной посуды. При изготовлении части сосудов используются искусственные примеси в виде шамота. Распространяется традиция украшения посуды ямками или жемчужинами в виде пояса на горловине. Увеличивается количество орудий, выполненных на пластинах. Появляются редкие рубящие орудия с частичной пришлифовкой лезвия. Площадь построек увеличивается почти вдвое.

Завершение существования елшанской культуры связано с проникновением на территорию лесостепного Поволжья носителей накольчато-прочерченной керамической традиции из Нижнего Поволжья. В первой половине VI тыс. до н. э. они некоторое время сосуществуют, однако традиции пришлого населения оказались сильнее и в конечном итоге елшанская культура исчезает, поглощённая переселенцами. В результате взаимодействия местного и пришлого компонентов возникает средневожская культура, которая относится к развитому и позднему неолиту.

Волго-камская культура (середина VI тыс. до н. э. – первая треть V тыс. до н. э.). К ней относятся памятники с накольчато-прочерченной керамикой, которые объединяют в единую средневожскую культурно-историческую область. В рамках этой области выделяют волго-уральскую, средневожскую и дубово-отарскую культуры, но сохраняется и традиционное название для всей этой области – волго-камская культура.

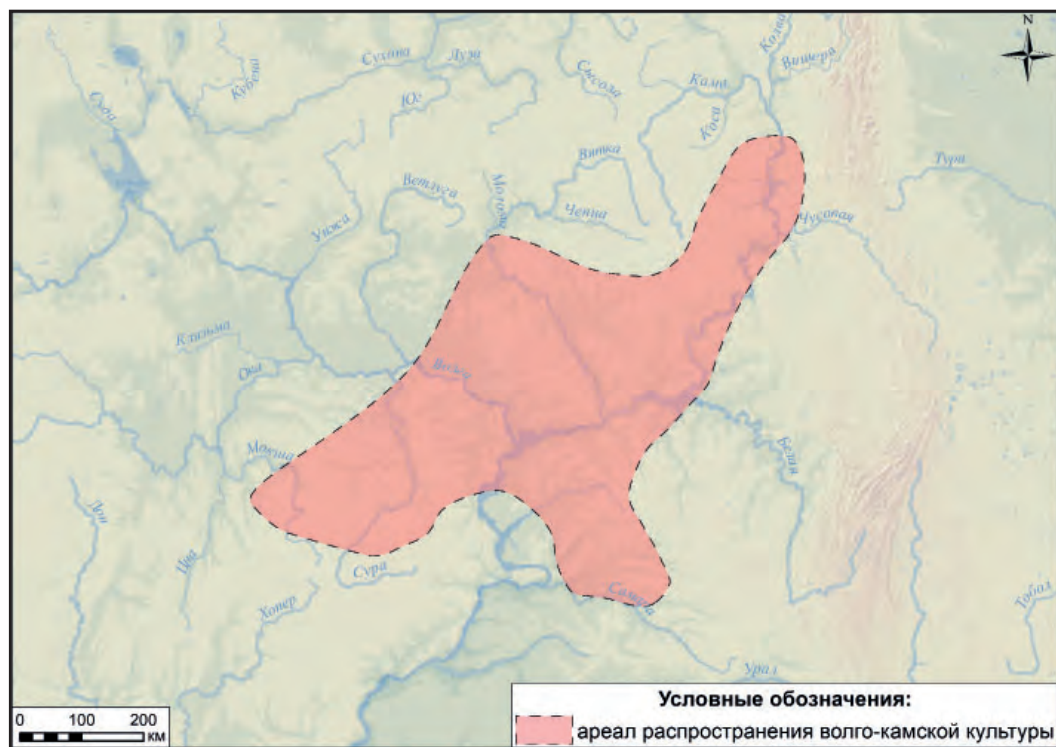

Рис. 37. Ареал волго-камской культуры

Территория волго-камской культуры распространяется на лесостепное Поволжье, Посурье, Примокшанье, Казанское и Марийское Поволжье, бассейн р. Вятки и Среднее Прикамье (рис. 37). Основным типом памятников волго-камской культуры были стоянки, которые располагались в поймах рек на дюнах, первых и вторых пойменных террасах.

Постройки на поселениях размещались одним или двумя рядами параллельно реке, причем часть из них соединялась переходами. Известны стоянки с шестью и 14 жилищами. Постройки волго-камской культуры представлены двумя типами сооружений: 1) наземные и 2) с углублённым котлованом. По наблюдениям исследователей, они существовали одновременно. Жилища имели подквадратную и прямоугольную форму размером от 4,5×4,7 м до 7,5×7,5 м, судя по наличию столбовых ям, они имели каркасно-столбовую конструкцию. В некоторых постройках отмечены тамбурные выходы. Внутри сооружений отмечены очажные и хозяйственные ямы.

Керамика волго-камской культуры представлена горшковидными сосудами и банками открытых и закрытых форм с плоским, редко с конусовидным донцем (рис. 38). На раннем этапе в южной части ареала обитания керамику изготавливали в основном из илов в северной зоне из илистых глин. На развитом этапе отмечено небольшое преобладание использования глин над илом при изготовлении керамики.

Орнаментация глиняной посуды волго-камской культуры имеет общие черты. Частично сохраняется традиция слабо орнаментированной керамики. На шейке размещался пояс, состоящий из ямок или жемчужин, остальной орнамент занимал всю внешнюю поверхность сосуда. Основным элементом орнамента были наколы –

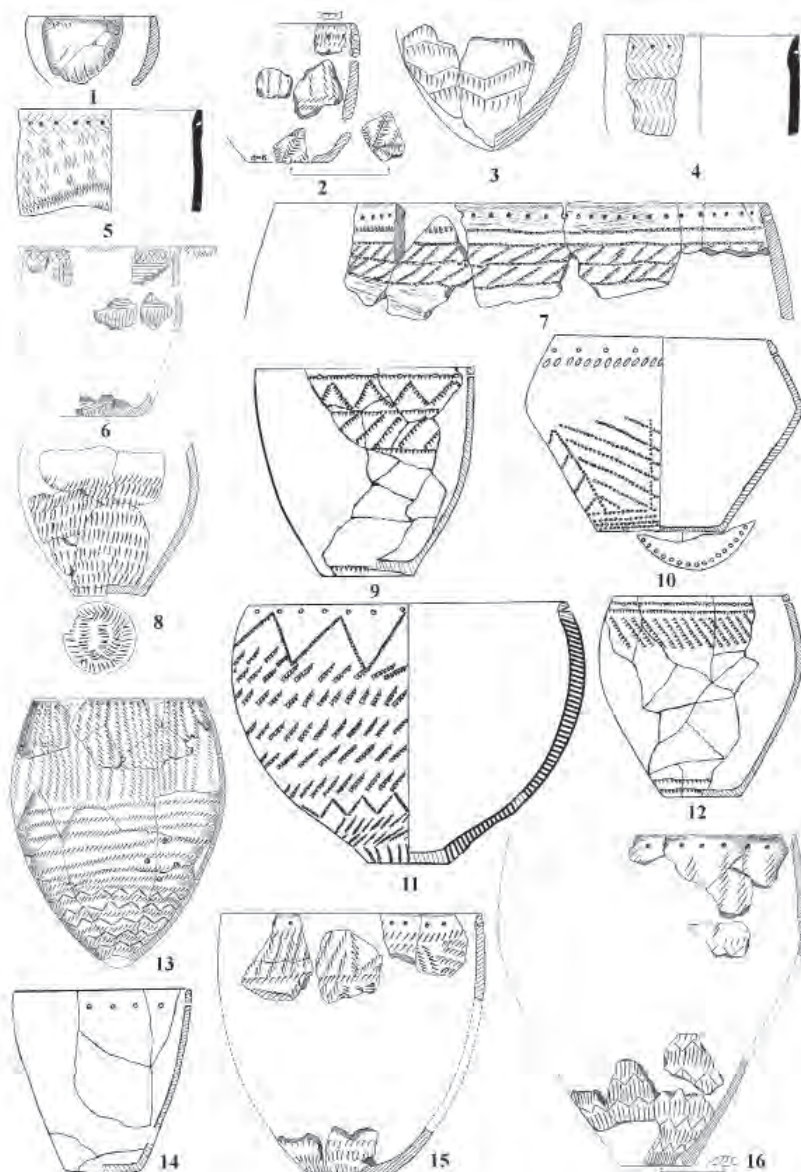

Рис. 38. Керамика волго-камской культуры (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Выборнов, Никитин, Лычагина, Гусенцова, Ставицкий, Березина, Андреев, Морозов, 2021). Масштаб разный

углубления, выполненные палочкой треугольной или овальной в сечении формы. Способ нанесения наколов в один ряд, друг за другом называется техникой отступающих наколов или же отступающей палочки. Но есть и региональное своеобразие. Так, в лесостепном Поволжье (рис. 38: 1–8, 13, 15, 16) выделяются две группы керамики: в первой посуду украшали насечками, во второй коротким зубчатым штампом. Орнаментальные мотивы в обеих группах керамики просты: горизонтальные или вертикальные ряды отпечатков. В Примокшанье оттисков насечек мало. А в Марий-

ском Поволжье не использовали зубчатый штамп, но кроме накольчатой сохраняется посуда только с ямочными вдавлениями под венчиком, использовали прочерки и насечки (рис. 38: 9–12, 14). И в этом локальная особенность памятников дубовско-отарского типа. В керамическом комплексе Чувашского Поволжья встречаются сосуды с коническими донцами, имеются особенности в орнаменте, такие как широкое использование наколов овальной формы и прочерков.

Керамика с накольчатым орнаментом распространяется не только в Камско-Вятском междуречье, но и в Среднем Прикамье. Здесь она более толстостенная, до 0,6–0,8 см. Глиняная посуда в массе своей плоскодонная, а на северных территориях встречаются и округлые донца. Орнамент часто располагается только по шейке или верхней трети сосуда. Причем он более разрежен, чем на керамике других территориальных групп волго-камской культуры. Для орнаментации использовалась техника отступающей палочки, образующей овальные и треугольные ряды. В Среднем Прикамье, на памятниках типа Чашкинское Озеро IV и VI и др. Кроме техники отступающей палочки использовались различные формы насечек, в первую очередь ногтевые. Отдельные сосуды покрывались орнаментом полностью. Единично встречены сосуды, сочетающие накольчатую и гребенчатую орнаментацию.

В конце существования средневожской культуры (лесостепное Поволжье и Сурско-Мокшанское междуречье) появляется керамика с орнаментом, который наносился длинным гребенчатым штампом. Орнаментальные композиции представлены наклонными рядами, горизонтальными зигзагами, треугольниками, вертикальным зигзагом, шагающей гребенкой. Такая система присуща носителям камской культуры, которые обитали в том числе и по берегам рек Демы и Ик, то есть недалеко от рек Сок и Самары.

Каменные орудия носители волго-камской культуры получали, используя местное кремневое сырье. Как в Среднем Поволжье, так и вплоть до Среднего Прикамья, орудия изготавливали с использованием пластин и отщепов. Наиболее часто на памятниках встречаются скребки. Кроме них, скобели, ножи, различные острия (проколки, сверла, провертки), резцы на пластинах, наконечники стрел с выделенным черешком различной формы. Деревообрабатывающие орудия (топоры, тесла, стамески) большей частью подвергнуты шлифовке.

Камская неолитическая культура бытует от последней четверти VI до последней четверти V тыс. до н. э. К ней отнесены памятники, содержащие керамику, на поверхность которой орнамент наносился гребенчатым штампом, от чего оставались отпечатки зубцов.

По мнению исследователей, эта культура сформировалась на основе местного мезолитического населения. Вопрос об источнике заимствования керамического производства остается пока открытым, но нельзя исключать влияние с территории Зауралья и Западной Сибири.

Основная территория, занимаемая памятниками камской неолитической культуры, распространяется на Верхнее и Среднее Прикамье, Камско-Вятское и Икско-Бельское междуречья, Казанское и Марийское Поволжье. Отдельные проникновения достигали бассейна р. Вычегды, Суры, Мокши (рис. 39).

Стоянки располагались в разном ландшафтном окружении в зависимости от древности. На раннем этапе они размещались на холмах и первых надпойменных террасах в поймах рек – притоках Камы и Вятки, на второй пойменной террасе оз. Сауз и низкой первой пойменной террасе р. Камы, а позднее пе-

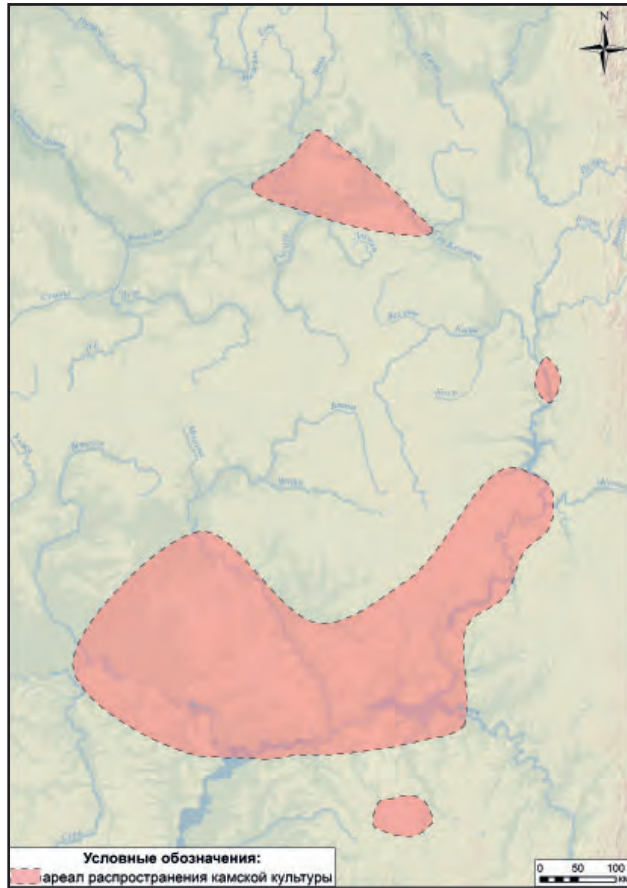

Рис. 39. Ареал камской культуры

ремещаются на вторые пойменные террасы крупных рек (Камы, Вятки, Волги) и на старичные озера.

Постройки камской неолитической культуры представляют собой сооружения с углубленным котлованом глубиной 0,2–0,6 м подчетыреугольной или прямоугольной формы и легкие наземные жилища (рис. 40: 1, 6). Площадь сооружений немного возрастает от раннего этапа (около 60 кв. м) к развитому (90 кв. м). Конструкция построек с заглубленным котлованом срубно-каркасная, в некоторых жилищах зафиксирован тамбурный вход длиной до 2 м. Внутри построек отмечены очаги и хозяйственные ямы. На памятниках позднего этапа отмечен ряд построек без очага, но мощные очажные прокалы были выявлены вне жилищ.

В развитии камской неолитической культуры выделяются три этапа. На первом для производства глиняной посуды использовались глины и илестые глины. В качестве примесей к тесту использовали органический раствор и шамот. Поверхность заглаживали мягким предметом. Посуда имела полуйцевидную форму с прямым или немного прикрытым горлом и относительно небольшие размеры. Орнамент выполнялся разными видами зубчатого штампа – длинным мелко- и среднезубчатым длинным штампом, а также овальным коротким штампом. Последний применялся для разделения орнаментальных зон. Основными орнаментальными мотивами были

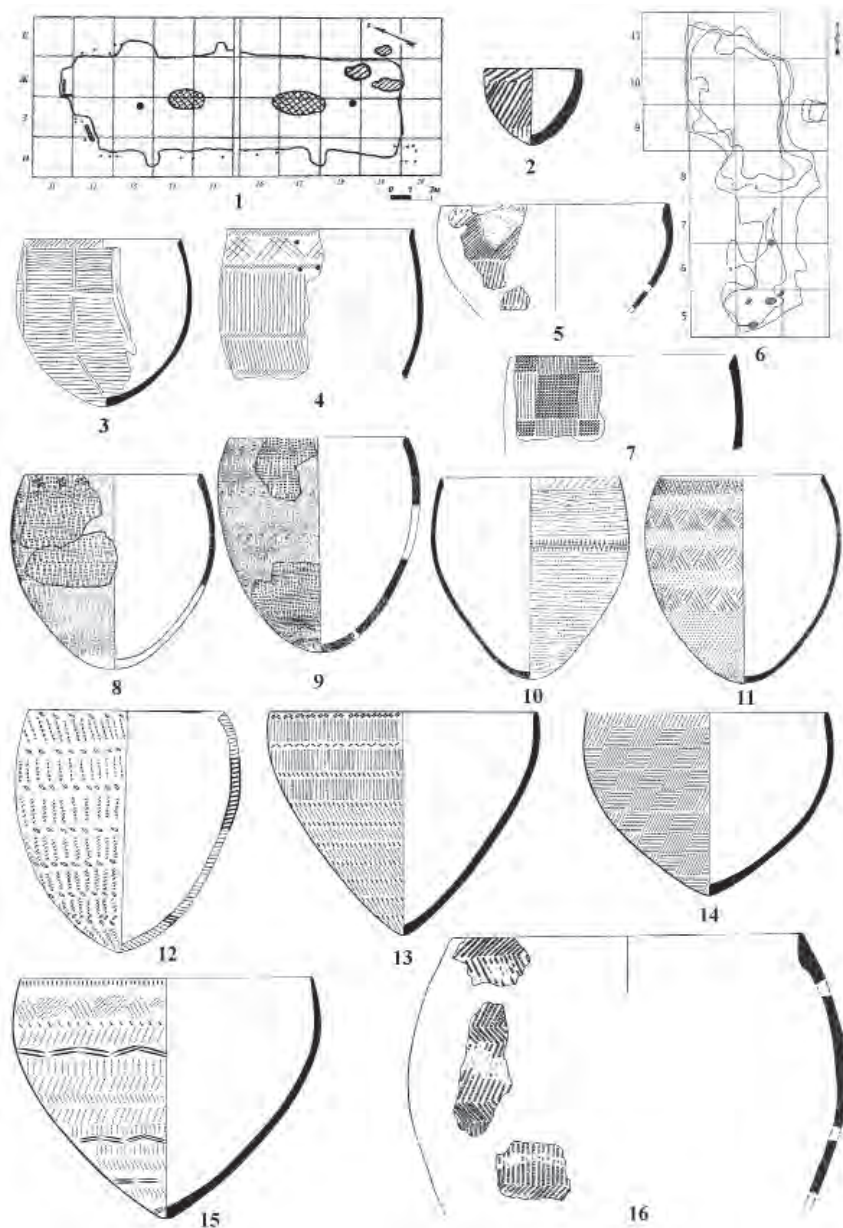

Рис. 40. Постройки и керамика камской культуры.

1 – Хуторская стоянка; 4 – стоянка Усть-Залазнушка II; 2–5, 7–16 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Выборнов, Лычагина, Гусенцова, Никитин, Ставицкий, Березина, Карманов, Морозов, 2021). Масштаб разный

ряды наклонного зубчатого штампа, вертикальный зигзаг, ряды длинных отпечатков, разделенные овальным коротким штампом.

Каменный инвентарь раннего этапа камской неолитической культуры выполнен из галечника, причем использовалась пластинчато-отщеповая индустрия с изготовлением орудий, в основном на узких и средних пластинах. Для их производства ис-

пользовались призматические и конические нуклеусы. В числе основных категорий орудий были пластины с ретушью, концевые скребки, резцы, острия на пластинах, ножи (рис. 41: 1, 3), наконечники стрел, а также немногочисленные шлифованные орудия – топоры и тёсла.

На втором (хуторском) этапе камской неолитической культуры для производства глиняной посуды использовались пластичные и илистые глины. Керамика представлена крупными полуяйцевидными сосудами со слегка прикрытым горлом. Для посуды Верхнего и Среднего Прикамья характерен наплыв на внутренней стороне венчика (рис. 40: 2–5, 7–16). Орнамент наносился зубчатым штампом и овальными ямочными вдавлениями. Орнаментальные мотивы выполнены в виде наклонных и горизонтальных рядов длинного штампа, которые разделялись короткими оттисками, вертикальными и горизонтальными зигзагами, комбинациями отпечатков «шагающей гребенки». Встречаются также орнаментальные мотивы в виде заштрихованных треугольников, «плетенки» и ромбов.

В Казанском и Марийском Поволжье, а также в Сурско-Мокшанском междуречье, согласно данным технико-технологического анализа глиняной посуды, происходило взаимодействие носителей гребенчатых и накольчатых орнаментальных традиций. Это подтверждается и появлением на камской посуде ряда ямочных вдавлений под венчиком, что весьма характерно для накольчатой традиции. Локальность этих групп проявилась и в низком проценте наплывов на венчике, и в использовании шагающей гребенки.

Каменный инвентарь развитого этапа камской неолитической культуры характеризуется всё той же отщепово-пластинчатой индустрией с использованием галечника плитчатого кремня. Увеличивается число орудий средних размеров. Основными категориями орудий были скребки различной формы (рис. 41: 5, 6, 16, 18, 20, 22), ножи (рис. 41: 4, 9, 13–15, 23–25, 29, 33), острия, свёрла (рис. 41: 17, 19), пластины с ретушью (рис. 41: 1, 2), долотовидные орудия, наконечники стел (листовидной и подромбической формы) (рис. 41: 12). Деревообрабатывающие орудия (топоры, тесла, стамески) часто шлифовались.

Особенностью третьего (лёвшинского) этапа камской неолитической культуры является использование глины для изготовления керамики в Среднем Прикамье в два раза чаще, чем илистой глины, а в Среднем Поволжье ситуация обратная. Так же как и на более ранних этапах, искусственными примесями были органический раствор и шамот. Примерно половина сосудов имеет цилиндрическое горло, а у донцев были округло-конические формы. Основными элементами орнамента были отпечатки гребенчатого штампа и ямочные вдавления, выполненные оттисками белемнита. Последнее фиксирует влияние на камскую традицию элементов культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Орнаментальные мотивы представлены рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа, иногда рядами шагающей гребенки и зигзага. Каменный инвентарь вырабатывался на отщепах, гальках и плитчатом кремне. В частности, из плитчатого кремня изготавливались наконечники стрел и ножи. На пластинах выполнялись скребки (рис. 41: 8, 21, 27, 30), ножи (рис. 41: 31), свёрла и наконечники стрел (рис. 41: 10, 11, 26), пластины с ретушью (рис. 41: 7). Кроме того, известны деревообрабатывающие орудия, такие как тесла (рис. 41: 32, 34).

Трасологический анализ каменных орудий показал, что ведущую роль играли орудия, предназначенные для разделки рыбы, что может свидетельствовать о значи-

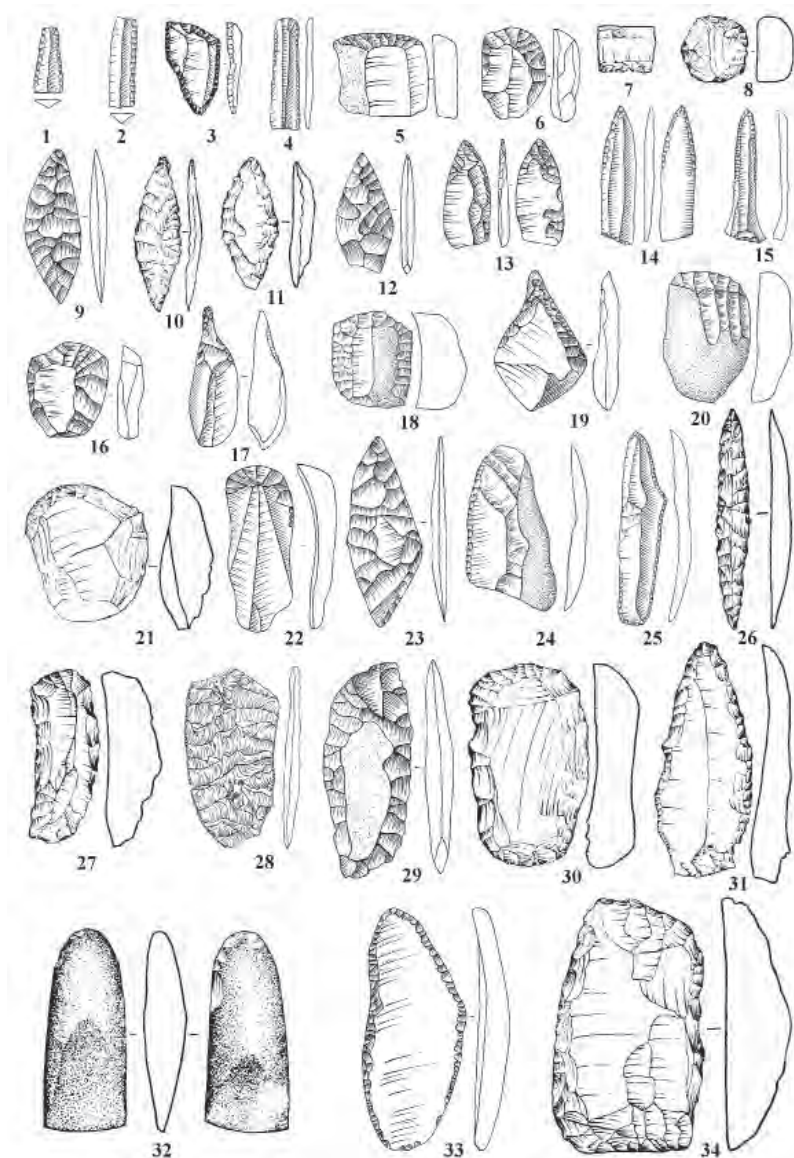

Рис. 41. Кремневый инвентарь камской культуры.

1, 2 – пластины с ретушью; 3 – нож-скребок; 4, 9, 13–15, 23–25, 28, 29, 31, 33 – ножи; 5, 6, 8, 16, 18, 20–22, 27, 30 – скребки; 7 – фрагмент пластины с ретушью; 10–12 – наконечники стрел; 17, 19 – сверло; 26 – наконечник стрелы; 32 – тесло; 34 – рубящее орудие (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Выборнов, Лычагина, Гусенцова, Никитин, Ставицкий, Березина, Карманов, Морозов, 2021).

Масштаб разный

тельной роли рыболовства в экономике камской неолитической культуры. Это косвенно подтверждает наличие вкладышей составных метательных орудий, которые могли использовать в качестве гарпунов, а также грузила и пешни.

Кроме того, наконечники стрел свидетельствуют о занятии местного населения охотой. По мнению исследователей, охота велась на северного оленя, лося, бобра,

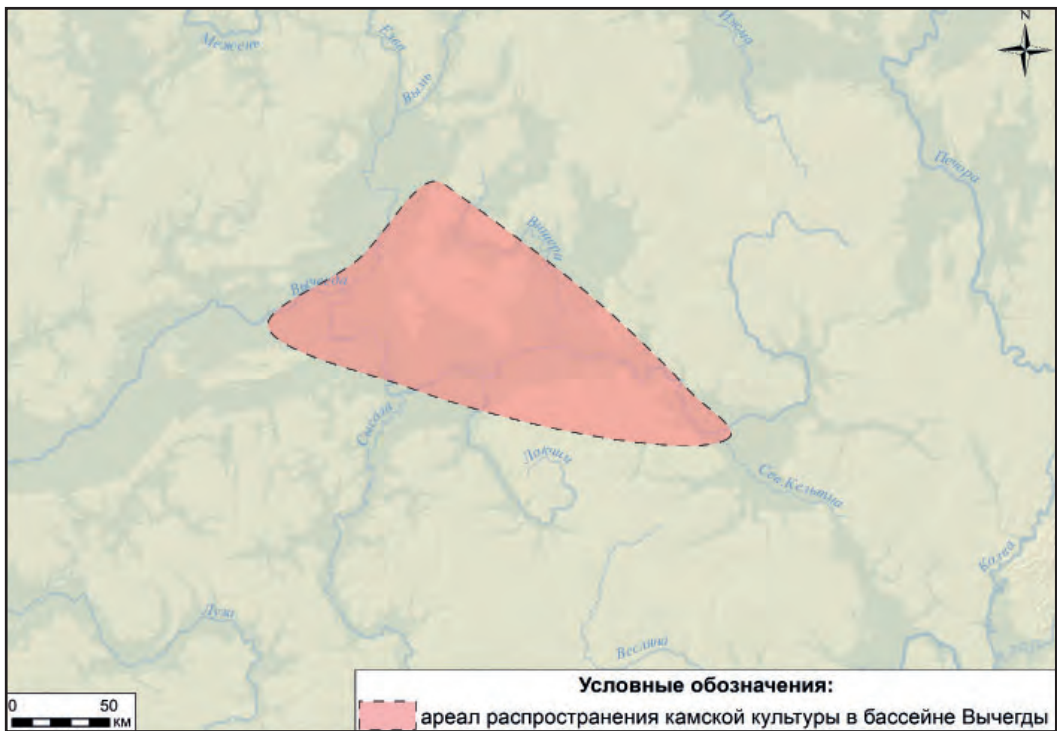

Рис. 42. Ареал камской культуры в бассейне Вычегды

боровую и водоплавающую дичь. Значительным шагом в развитии первобытных коллективов эпохи неолита был переход к оседлому образу жизни.

Дальнейшее развитие камской неолитической культуры привело к трансформации её в новоильинскую культуру финального неолита и постнеолита.

Материалы камской культуры представлены и на кратковременных стоянках в бассейне Вычегды (рис. 42). Отдельные фрагменты керамики обнаружены на поселениях Вис I–III, Явроньга I в бассейне р. Пинеги Архангельской области и поселениях на р. Юг в Вологодской области. Остатки наземной постройки (18 кв. м) обнаружены лишь на стоянке Ниремка I. Ввиду кратковременности пребывания людей на стоянках коллекции предметов материальной культуры, выявленные здесь, немногочисленны (рис. 43: 1–8). Керамика по основным характеристикам не отличается от типичной камской, но есть локальные моменты (использование косозубого штампа, малочисленность композиций, минимум шагающей гребенки). Каменный инвентарь наиболее полно изучен в коллекциях поселений Кочмас Б и Ниремка I. Орудийный набор из кремня представлен наконечником копья иволистной формы, наконечником стрелы, ножами, скребками. Из некремнёвых пород интересны изделия со следами шлифовки и подвеска из округлой гальки с отверстием. Топорик и стамеска изготовлены с помощью шлифовки. Оригинален гребенчатый орнамент. Таким образом, памятники бассейна р. Вычегды были северной периферией камской неолитической культуры.

К памятникам с ямочно-гребенчатой керамикой (от начала V до последней четверти V тыс. до н. э.) относятся поселения с глиняной посудой, орнаментирован-

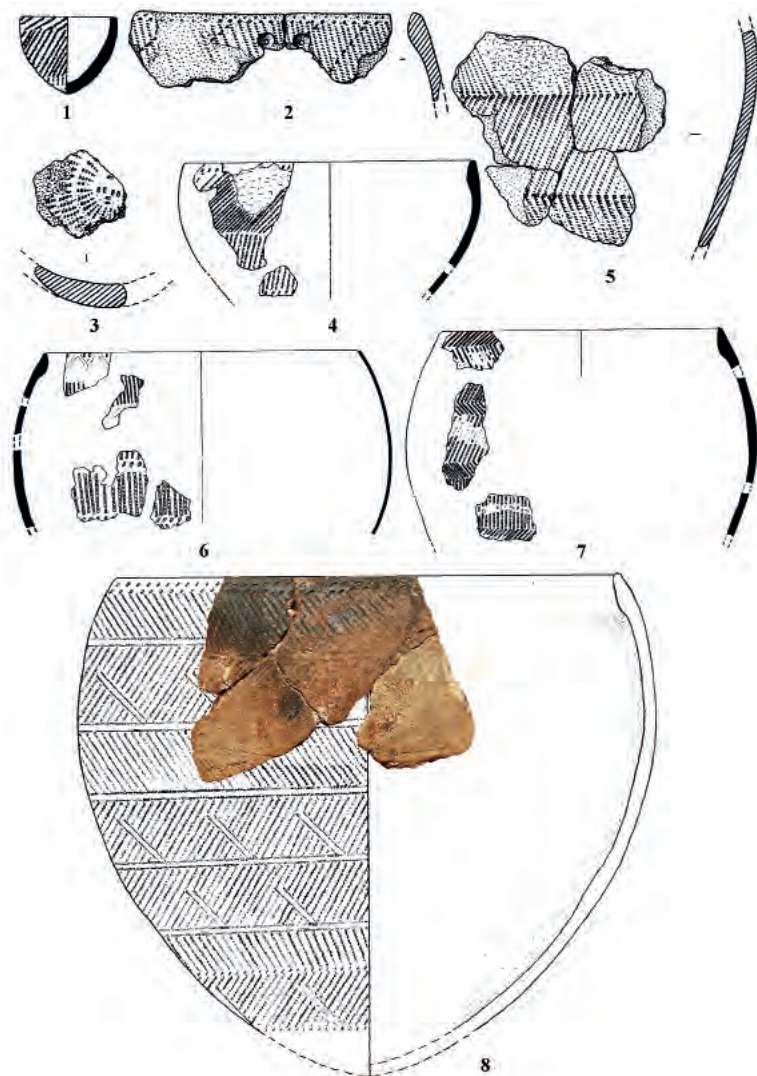

Рис. 43. Керамика камской культуры в бассейне Вычегды
(по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Карманов, 2021). Масштаб разный

ной отпечатками зубчатого (гребенчатого) штампа и глубокими ямками, выполненными белемнитом, а на позднем этапе – костяными инструментами.

Памятники с ямочно-гребенчатой керамикой распространены на значительном пространстве от Финляндии на западе до Зауралья на востоке.

На территории Волго-Уралья стоянки этого типа располагаются в лесном Среднем Поволжье, Сурско-Мокшанском междуречье и вплоть до Европейского Северо-Востока (рис. 44). В пределах этого ареала выделяются близкие по своим признакам льяловский, балахнинский и средневолжский варианты данных памятников, или льяловская, балахнинская и юринская культуры.

Основным типом памятников с ямочно-гребенчатой керамикой были стоянки. На раннем этапе они размещались в низкой пойме на высоте двух-трех метров над

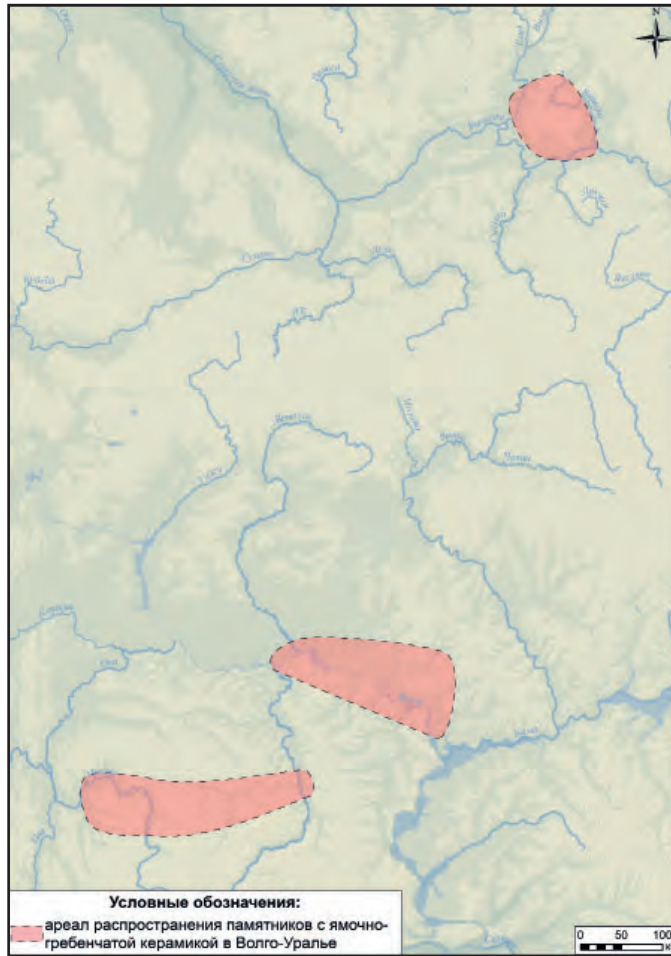

Рис. 44. Ареал памятников с ямочно-гребенчатой керамикой

уровнем воды. На развитом и позднем этапах они располагались на дюнах и мысовидных выступах второй и третьей надпойменных террас, высотой шесть-восемь метров. Площадь стоянок небольшая и составляет 1000–2500 кв. м. Как правило, они были привязаны к протокам и старицам, а также озерам. Исследователи отмечают, что наибольшая концентрация поселений приходится на поймы Оки, Волги и их притоки. Здесь поселения располагались кустами, причем часть из них были долговременными.

Постройки поселений с ямочно-гребенчатой керамикой имели региональную специфику. В Примокшанье строили сооружения подовальной и подпрямоугольной формы размерами 30–50 кв. м, заглубленные в землю на 20–40 см. В Марийском Поволжье известны крупные постройки (рис. 45: 1, 2) подпрямоугольной и подквадратной формы размерами 56–85 кв. м, но зафиксировано и более крупное сооружение площадью свыше 100 кв. м. Котлованы построек здесь также больше, они достигали глубины 60 см.

В Казанском Поволжье сооружали жилища подквадратной и подпрямоугольной формы площадью 21–28 кв. м и глубиной 30–40 см. Внутри них отмечены округлые

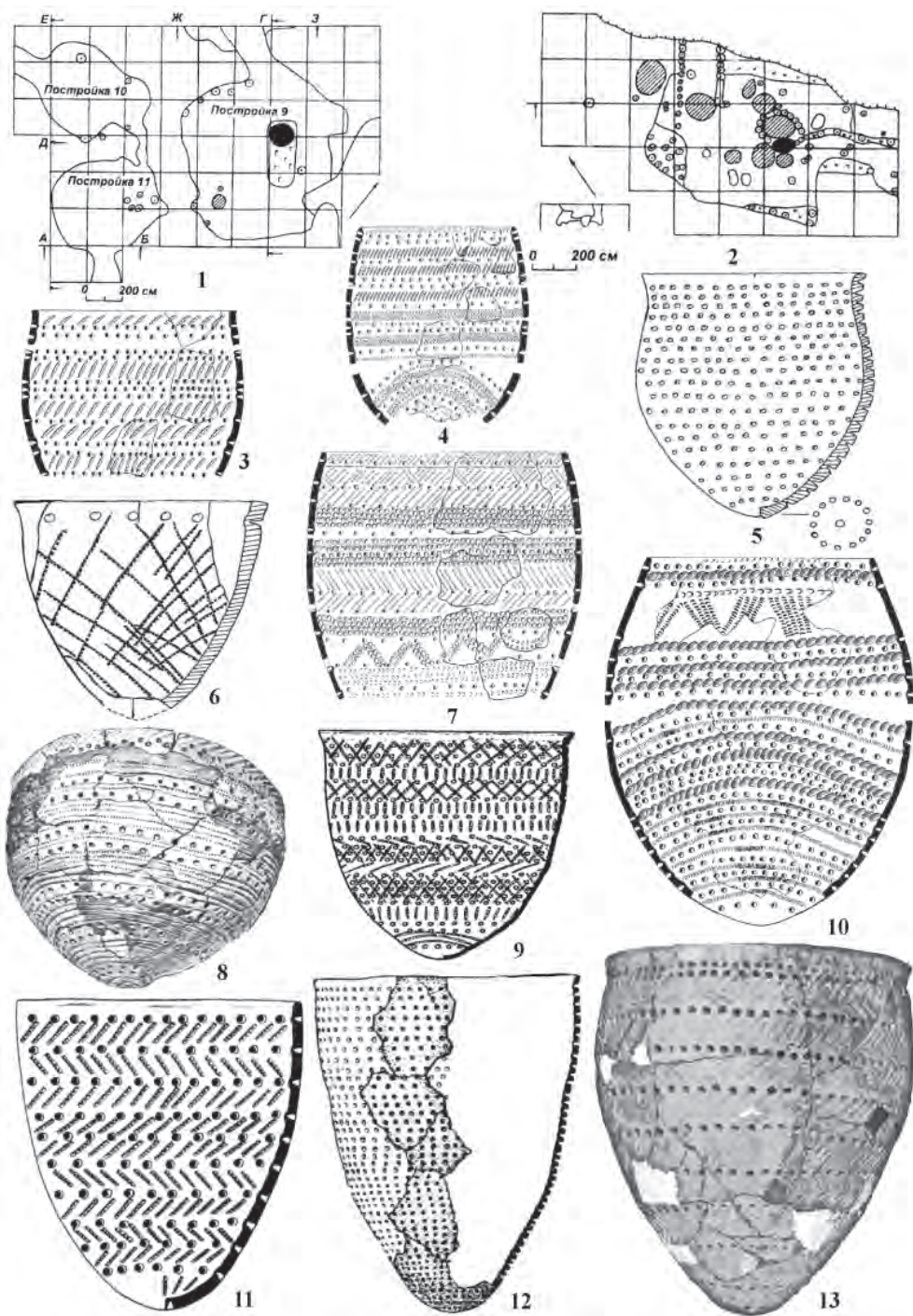

Рис. 45. Постройки и керамика памятников с ямочно-гребенчатой керамикой.
1 – поселение Дубовское VII; 2 – поселение Галанкина Гора II; 3–13 – керамика
(по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Березина, Выборнов, Никитин, Ставицкий, 2021).
Масштаб разный

очажные ямы. На Дубовском VIII поселении две постройки были соединены переходом и не имели очажных и хозяйственных ям.

В развитии памятников с ямочно-гребенчатой керамикой выделены три этапа. Наиболее точно это отслеживается по керамике Марийского и Казанского Поволжья (рис. 45: 8, 11, 13). Глиняная посуда раннего этапа была полуяйцевидной или прямостенной формы со слабо выраженной горловиной, донца округлые. В илистой глине и глине присутствуют искусственные примеси шамота и дресвы. Основными элементами орнамента были гребенчатые оттиски и круглые конусовидные ямки, оставляющие на внутренней стороне выпуклины. Они объединяются в несколько орнаментальных мотивов: одиночные или двойные ряды ямок, наклонные оттиски гребенчатых штампов, сочетание рядов гребенчатого штампа с линией круглых ямок; чередующиеся ряды горизонтальных линий гребенчатого штампа и ямок, косая зубчатая решетка-сетка с ямкой в перекрестии или ячейке, оттиски аммонитов и т. п.

Керамический комплекс развитого этапа представлен сосудами с заглаженной поверхностью и плотным тестом (рис. 45: 4, 7, 10). Форма сосудов исключительно полуяйцевидной формы, прямостенные сосуды выходят из употребления. В качестве искусственных примесей использовался мелкодробленый шамот и растения. Меняется подход к украшению сосудов, становятся редки орнаментальные мотивы в виде зигзагов, ромбов и сетки с ямками в вершине или ячейках. Появляются новые орнаментальные мотивы: шнуровые и ногтевидные оттиски, прочерченные линии. Зачастую покрывается орнаментом и срез венчика. На сосудах появляются зоны, окаймленные рельефными валиками или воротничками.

Поздний этап памятников с ямочно-гребенчатой керамикой характеризуется преобладанием глиняной посуды округлобоких форм с отогнутой шейкой, известны также отдельные сосуды грушевидной формы (рис. 45: 3, 5, 6, 9, 12). В качестве искусственных примесей к глиняному тесту использовались шамот, зачастую вместе с органикой, в ряде случаев отмечено использование дробленой раковины. Основными орнаментальными мотивами были редкоямочные вдавления, образующие горизонтальные ряды, вертикальные и диагональные фестоны, перемежающиеся ряды гребенки и ямки, овальные, пальцевые вдавления и др.

Керамике Марийского Поволжья очень близки комплексы Посурья, Балахнинской низины и нижнего течения Оки. Последние исследователи традиционно относят к балахнинской культуре. В то же время фиксируются отличия, которые придают средневолжским материалам своеобразие. Это и позволило специалистам выделять средневолжский вариант, или юрынскую культуру.

Каменный инвентарь памятников с ямочно-гребенчатой керамикой характеризуется орудиями на отщепах и сколах, обработанными сплошной двусторонней ретушью. В качестве сырья для изготовления орудий использовался кремний. Нуклеусы представлены прямоплощадочными призматическими и аморфными формами. Орудийный комплекс содержит наконечники стрел (листовидной, иволистной, треугольно-черешковой со слабовыраженными шипами формы) (рис. 46: 3, 12, 15–17), наконечники копий и дротиков, скребки (рис. 46: 5–7, 10, 13, 22, 27) и скрёбла (рис. 46: 18, 19), комбинированные орудия (нож-скребок) (рис. 46: 14), одно- и двулезвийные ножи (рис. 46: 21, 23–25, 29–33), ножи-ложкари (рис. 46: 26), резцы (рис. 46: 1, 2, 11, 20), перфораторы (рис. 46: 8, 9) и проколки (рис. 46: 4). Из окремнелого известняка, доломита и сланца вырабатывали рубящие орудия, такие как топоры (рис. 46: 28),

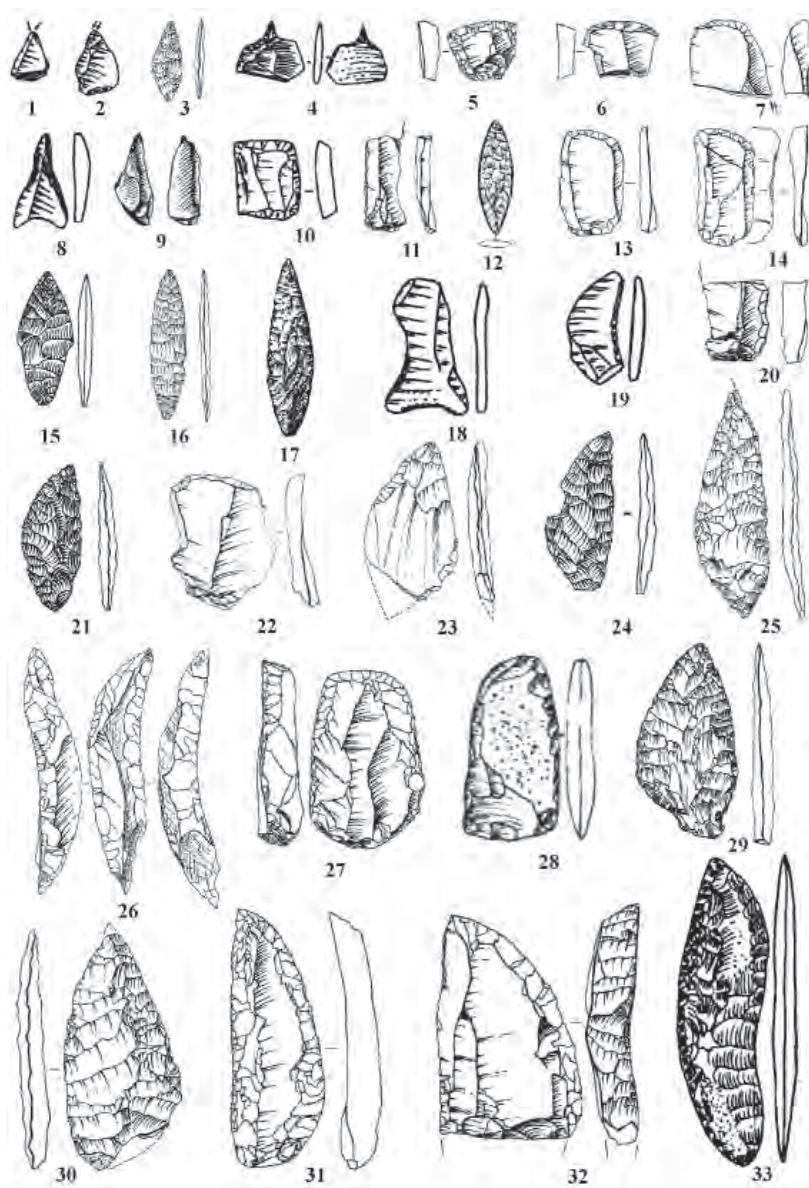

Рис. 46. Кремневый инвентарь памятников с ямочно-гребенчатой керамикой.
 1, 2, 11, 20 – резцы; 3, 12, 15–17 – наконечники стрел; 4 – проколка;
 5–7, 10, 13, 22, 27 – скребки; 8, 9 – перфораторы; 14 – нож-скребок;
 18, 19 – скобели; 21, 23–25, 29–33 – ножи; 26 – нож-ложкарь, 28 – топор
 (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Березина, Выборнов, Никитин, Ставицкий, 2021).
 Масштаб разный

тесла и долота. Большая часть из них была тщательно отшлифована, причем долота имела желобок на рабочей части.

Единство памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, распространенных на огромной территории, исследователи объясняют брачными и иными связями. В составе этого огромного единства выделен ряд локальных вариантов, которые некото-

рые исследователи выделяют в отдельные археологические культуры (ляловская, балахнинская) и варианты (средневожский, северный, вычегодский и др.). Памятники Волго-Уралья относятся к периферии этого объединения.

Судя по составу каменного инвентаря и размещению поселений в поймах рек, основными занятиями населения памятников с ямочно-гребенчатой керамикой были охота и рыболовство.

На позднем этапе контакты носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики с камской неолитической культурой в лесном Среднем Поволжье привели к формированию комплексов красномостовского типа.

Ляловская культура на Европейском Северо-Востоке (вторая четверть V тыс. до н. э.) эпоха неолита.

Ареал распространения памятников ляловской культуры на Европейском Северо-Востоке занимает всю территорию этого региона. Наибольшее сосредоточение поселений данной культуры приходится на Среднюю Вычегду и озера Синдор, Ямозеро, Косминские (рис. 47).

Основным типом памятников были временные стоянки. Поселения ляловской культуры занимали участки речных долин с расположенными рядом болотами, малыми притоками или старицами и участки речных террас вблизи крупных озёр. Стоянки насчитывали в своем составе от одного до пяти жилищ. Все постройки наземные с углубленным полом (рис. 48: 1–3), в основном прямоугольной в плане формы, площадью от 9 до 100 кв. м. Отмечены также небольшие по размеру округлые сооружения диаметром 3–3,5 м.

Предположительно, кремнеобрабатывающей мастерской могла быть постройка из поселения Половники II.

Судя по данным исследователей, на поселениях бассейна Вычегды могло проживать от 70 до 220 человек.

Керамический комплекс ляловской культуры на Европейском Северо-Востоке характеризуется выделением двух групп глиняной посуды, объединенных тем не менее морфологией, технологией и принципами орнаментации (рис. 48: 4–11).

Ляловские сосуды имели открытую и закрытую форму и округлое дно, они варьируют от крупных до средних размеров, причем почти во всех комплексах присутствуют и миниатюрные сосуды. В глиняном тесте присутствуют искусственные примеси шамота. Оформление венчиков было разнообразным, отмечены экземпляры с прямым завершением, с внутренним бортиком и внутренним налепом.

Орнаментация керамики сплошная и покрывала всю поверхность, композиции имели горизонтально-зональное деление и были образованы двумя основными элементами: оттисками гребенчатого штампа и коническими ямками. Основными орнаментальными мотивами были чередующиеся горизонтальные зоны, образованные оттисками гребенчатого штампа; ряды ямок или вдавлений углом гребенки, которые использовались как разделители орнаментальных зон; одинарный или парный зигзаг из оттисков гребенчатого штампа с ямками в вершинах.

В орнаментации первой группы глиняной посуды имеются черты, не свойственные для типичной ляловской керамики. В их числе длинные оттиски косозубого гребенчатого штампа с небольшим числом ямок в композиции орнамента. Для этой группы типично нанесение ямок поверх гребенчатого штампа. В этой группе кроме сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом отмечены сосуды, украшенные только ямками.

Рис. 47. Ареал льяловской культуры на Европейском Северо-Востоке

Для второй группы глиняной посуды типичны короткие оттиски гребенчатого штампа и имитация шнура, образованного многократным переносом короткого широкозубого штампа или перевитой палочки. Характерен также особый способ нанесения оттисков, при котором верхний конец штампа врезался в глиняную поверхность сильнее, чем нижний.

Кроме типичных для льяловской культуры сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом здесь встречаются сосуды, украшенные ямками в сочетании с имитацией шнура. Интерес представляет посуда с орнаментом из округлых ямок, образующих одинарные и тройные горизонтальные пояски, в единичных случаях они частично накладываются на ряд из оттисков гребенчатого штампа.

Уникальны для льяловской культуры Европейского Северо-Востока два сосуда. Первый орнаментирован исключительно угловыми вдавлениями гладкого штампа, второй покрыт орнаментом в виде шагающей гребенки в сочетании с типичной ямочно-гребенчатой орнаментацией.

Каменный инвентарь льяловской культуры Европейского Северо-Востока показывает значительное единство. Основным сырьем для изготовления орудий был кремень, изделия из некремневых пород малочисленны. Способы расщепления кремня базируются на изготовлении двусторонне обработанных изделий, известны и случаи его тепловой обработки. Орудий комплекс представлен обоюдоострыми наконечниками стрел (рис. 49: 1–4, 6–8, 17, 18), ромбовидной и листовидной формы, ножами (рис. 49: 13, 19, 23, 24, 25, 28–30, 33, 34, 36–38), ножами-ложками (рис. 49: 35) и резчиками (рис. 49: 32), скребками (рис. 49: 5, 10, 11, 15, 20–22, 26, 31), резцами (рис. 49: 9, 12, 16), комбинированными орудиями (рис. 49: 14) и перфораторами.

Единство технологии изготовления каменных изделий при наличии двух различающихся по орнаментальным традициям групп керамики свидетельствует о формировании носителей ямочно-гребенчатой керамики на основе разных вариантов льяловской культуры. Возникновение первой группы керамики связывают с транс-

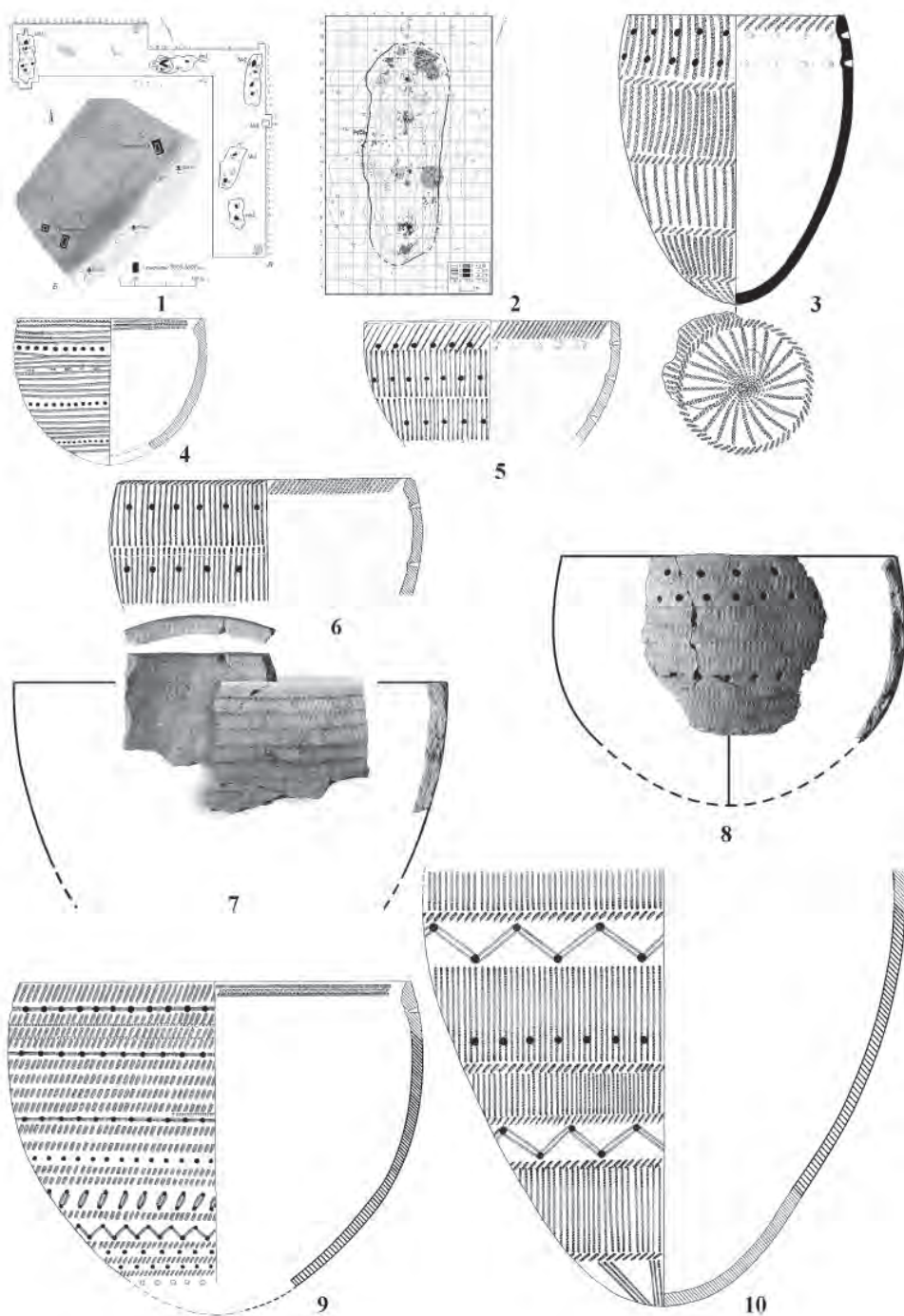

Рис. 48. Поселения, постройки и керамика памятников льяловской культуры на Европейском Северо-Востоке. 1 – поселения Пезмогты 1, 3, 4, жилища 1–5; 2 – поселение Энъты III, жилища №№ 1–5; 3 – Пезмогты 5, сводный план находок и следов компонентов жилой структуры; 4–11 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Карманов, 2021). Масштаб разный

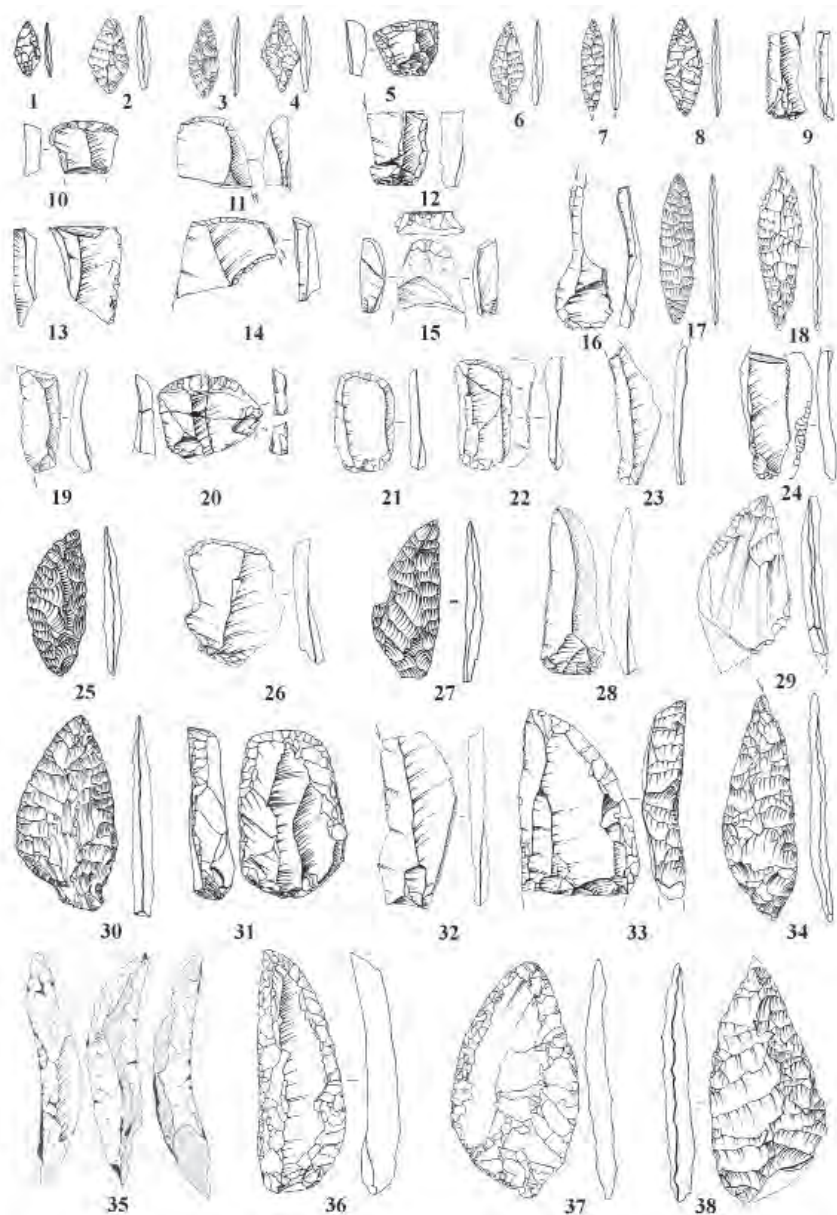

Рис. 49. Кремневый инвентарь льяловской культуры на Европейском Северо-Востоке.
1–4, 6–8, 17, 18 – наконечники стрел; 5, 10, 11, 15, 20–22, 26, 31 – скребки; 9, 12, 16 – резцы;
13 – фрагмент ножа; 14 – скребок-резец; 19, 23, 24, 25, 28–30, 33, 34, 36–38 – нож;
32 – нож-резчик; 35 – нож-ложкарь (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Карманов, 2021).
Масштаб разный

формацией верхневолжской культуры. Вторая, по мнению исследователей, образовалась в результате миграций носителей архаичного или раннего этапов льяловской культуры.

Достоверные свидетельства о развитии и последующих судьбах льяловской культуры на Европейском Северо-Востоке неизвестны.

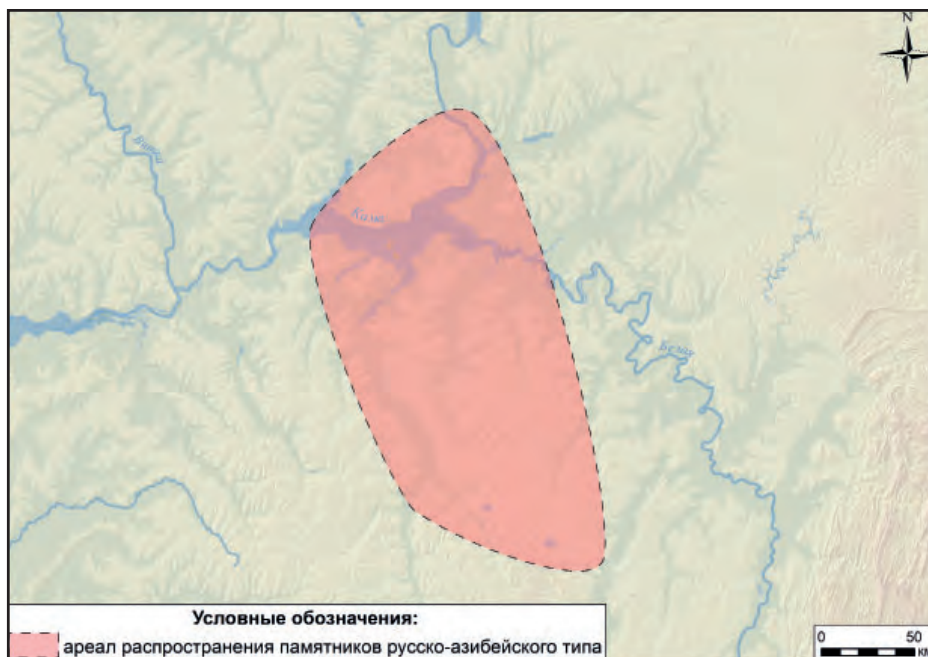

Рис. 50. Ареал распространения памятников русско-азибейского типа

Памятники русско-азибейского типа фиксируются в третьей четверти V тыс. до н. э.

Формирование русско-азибейского типа происходит в результате влияния самарской на ее позднем этапе и, возможно, хвалынской энеолитических культур на камскую неолитическую культуру.

Ареал распространения памятников данного типа делится на ряд локальных групп, приуроченных к широкой пойме нижнего течения р. Камы по её левому берегу, Икско-Бельскому междуречью, среднему течению р. Ик и бассейну р. Дёмы (рис. 50). В междуречье Камы и Вятки воротничковая керамика встречена на стоянках Мысы и Непряха VI, в пермском течении р. Камы – на стоянке Заюрчим I. Отдельные местонахождения такой керамики фиксируются по р. Волге от устья Камы до Казани.

Основным типом русско-азибейских памятников были поселения. Они располагались на останцах вторых пойменных террас, а также на берегах пойменных и старичных озерах. Значительная часть памятников располагалась на месте поселений камской неолитической культуры. Их размеры небольшие – 2500–4000 кв. м.

Жилища можно рассмотреть на примере сооружения, выявленного на эпонимной Русско-Азибейской I стоянке (рис. 51: 1). Сооружение подчетырехугольной формы размерами 23–25×8–10 м было неглубоко – на 25–40 см – углублено в землю. В нем был зафиксирован тамбурообразный вход, а внутри котлована отмечены очажные и хозяйственные ямы. Хозяйственные ямы были обнаружены и на стоянке Сауз II.

Керамика русско-азибейского типа производилась способом кольцевого налёпа из глины с искусственными примесями шамота, а иногда и органики. Поверхность сосудов заглаживалась с обеих сторон. В керамическом комплексе выделено три типа глиняной посуды (рис. 51: 2–12). К двум из них относятся круглодонные с яй-

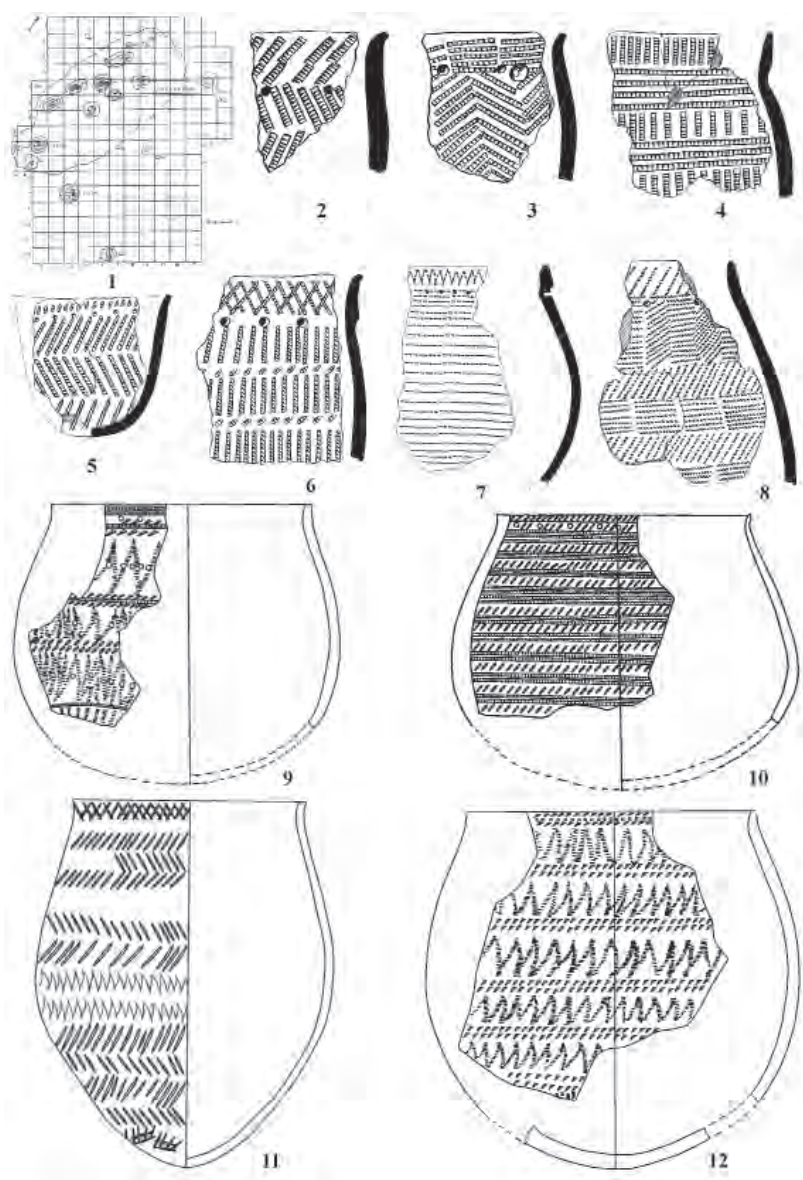

Рис. 51. Постройки и керамика памятников русско-азибейского типа.
1 – план раскопа и жилища стоянки Русский Азибей; 2–12 – керамика
(по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Выборнов, Шпилов, 2021).
Масштаб разный

цевидным или шаровидным туловом сосуды, причем первый тип имеет закрытое устье горловины, а второй – слабо выраженную подцилиндрическую шейку. Третий тип глиняной посуды обладает суженной верхней частью, тулово расширено, дно уплощенное. Большая часть русско-азибейской керамики имеет характерный воротничок в верхней части шейки сосуда. Основными элементами орнамента были оттики прямого и косозубого гребчатого штампа разной длины и размеров, ямчатые

вдавления и спорадически отпечатки перевитого шнура. В свою очередь элементы орнамента объединялись в ограниченное число орнаментальных мотивов, таких как горизонтальные ряды зубчатой «шагающей» гребенки, пояса из вертикально или горизонтально поставленных оттисков зубчатого штампа, «флажки», плетенки из заштрихованных прямоугольников и треугольников, горизонтальные ряды ямок под срезом венчика.

За время своего существования воротничковая керамика русско-азибейского типа переживает два этапа своего развития. К памятникам раннего этапа отнесены поселения, в орнаментике которых отсутствуют отпечатки шнура, а в морфологии – меньшая вариабельность венчиков. Для керамики второго, позднего этапа присущи сосуды приземистых очертаний, выраженная профилировка горшковидных сосудов и большое разнообразие форм венчиков.

В то же время особенности морфологии и орнаментального оформления керамики несут в себе две традиции. Первая относится к проявлениям наследия камской неолитической культуры, таким как полуяйцевидная форма сосудов, скошенные вовнутрь, округлые и плоские венчики, а также использование мелко- и среднезубчатых штампов, мелкозубчатой «шагающей» гребенки, преобладание сплошной орнаментации поверхности посуды и наличие разделительных зон орнамента.

Вторая традиция связана с появлением новых элементов, не относящихся к местному неолиту. В их числе профилированные сосуды, воротнички на шейках сосудов, уплощенные днища, разреженность орнаментации, косозубый и короткий изогнутый зубчатый штамп, перевитой шнур. Исследователи связывают появление этих элементов с влиянием самарской энеолитической культуры на ее втором этапе развития и, возможно, хвалынской культуры. Появление такого орнаментального мотива, как ряды ямок под воротничком или на тулове сосудов, связываются с воздействием носителей ямочно-гребенчатой керамики.

Каменный инвентарь памятников русско-азибейского типа изготавливался из светло-серого узкополосчатого (яшмовидного) кремня на крупных пластинах с односторонней ретушью. Орудийный набор представлен скребками, ножами, ножами-ложками, свёрлами, комбинированными орудиями, наконечниками стрел листовидной и ромбовидной формы, а также кельтеминарского типа. Деревообрабатывающие орудия производились из кремневых и некремневых пород камня и представлены различными рубящими орудиями, топорами, теслами и долотами.

Хозяйственная деятельность носителей культуры памятников русско-азибейского типа была сосредоточена на индивидуальном и коллективном рыболовстве, а также охоте и собирательстве. Главными промысловыми животными были лось, медведь, кося, бобр, заяц, куница.

Памятники татарско-азибейского типа (первая половина IV тыс. до н. э.) представляют финал неолита – начало энеолита. К данному культурному типу относятся памятники с керамикой, украшенной накольчатым орнаментом.

Проблема генезиса памятников татарско-азибейского типа дискуссионна. Так как типологически керамика татарско-азибейского типа близка к западносибирской посуде с накольчато-прочерченным орнаментом, высказано предположение о происхождении прикамской керамики от боборыкинской или липчинской культур. Однако первая старше татарско-азибейской и в её морфологии присутствуют конструктивные отличия, а вторая младше по возрасту и не может быть источником возникновения прикамской керамической традиции. Другая точка зрения считает возможным

Рис. 52. Ареал распространения памятников татарско-азибейского типа

говорить об автохтонности татарско-азибейского типа и происхождении его от более ранних культур с накольчатой и гребенчатой керамической традициями.

Ареал распространения памятников татарско-азибейского типа ограничен Икско-Бельским междуречьем, однако отдельные находки керамики отмечены в Среднем Прикамье (рис. 52). Основными памятниками данной культуры были поселения. Они располагались на дюнах или низких пойменных террасах р. Камы, Белой, Ик и их притоках, а также на берегах старичных озер приустьевой части р. Белой (рис. 53: 1).

Следы построек зафиксированы только на Татарско-Азибейском II поселении. Они подразделяются на два типа: первый относится к наземным сооружениям с углубленным полом подквадратной или прямоугольной формы, вероятно с бревенчатыми стенами; второй также относится к наземным сооружениям, он имел округлые очертания и является легким сооружением типа чума или шалаша (рис. 53: 2). Внутри построек располагались открытые очаги и хозяйственные ямы.

Керамика татарско-азибейского типа изготавливалась из глины с искусственными примесями шамота. Основными типами сосудов были плоскодонные тонкостенные банки и горшки с раздутыми туловом. Орнамент располагался по внешней стороне сосуда, в верхней и придонной частях, а также по внутренней стороне, на которой он размещался под венчиком (рис. 53: 3–10). Элементы орнамента представлены наколами овальной или треугольной формы, вдавлениями, а также насечками, которые располагались по срезу венчика. Наколы нанесены в отступающей манере и образуют орнаментальные мотивы в виде волнообразных, вертикальных и горизонтальных рядов. Общая композиция орнамента на стенках сосуда представляет собой чередование этих рядов или же их пересечение. На донцах иногда присутствует со-

Рис. 53. Поселения, постройки, и керамика памятников татарско-азибейского типа.

1 – Татарско-Азибейское II поселение и Татарско-Азибейская III стоянка;

2 – сооружения Татарско-Азибейского II поселения; 3–10 – керамика

(по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Морозов, Выборнов, Лыганов, 2021). Масштаб разный

лярный орнамент в виде концентрических вписанных друг в друга кругов, а также пересекающихся под прямым углом линий, окантованных кругами, и т. п.

Каменный инвентарь памятников татарско-азибейского типа изготавливался из кремня, в том числе узкополосчатого (яшмовидного) и красно-коричневого цвета. Орудий комплекс представлен скребками (концевыми и боковыми), резцами на сло-

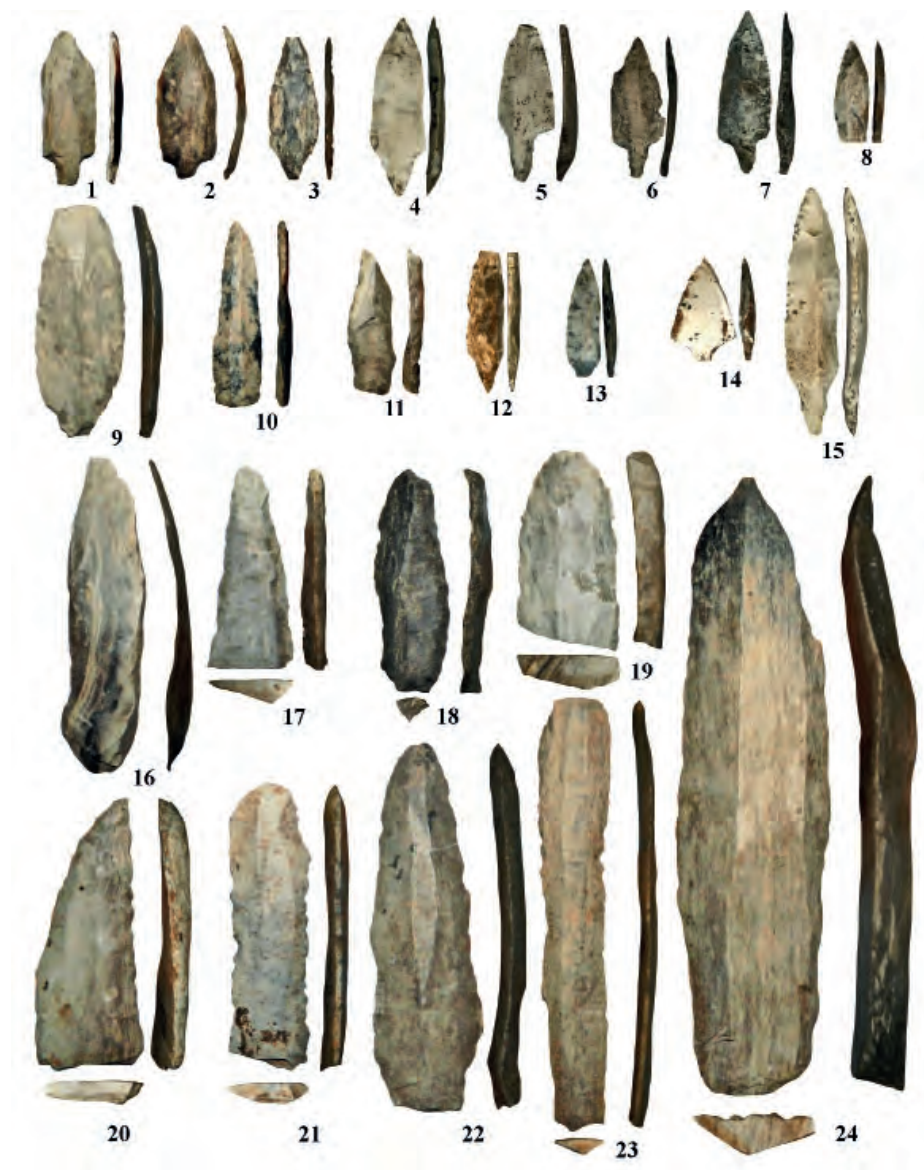

Рис. 54. Кремневый инвентарь татарско-азийского типа.

1–15 – наконечники стрел; 16, 17, 20–23 – ножи; 18 – пластина с крутой ретушью по периметру; 19 – фрагмент орудия; 24 – кинжал (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Морозов, Выборнов, Лыганов, 2021). Масштаб разный

ме пластины, ножами (рис. 54: 16, 17, 20–23), ножами-ложкарями, кинжалом (рис. 54: 24), проколками, пластинами с ретушью (рис. 54: 18), заготовками и фрагментами орудий (рис. 54: 19) и наконечниками стрел (рис. 54: 1–15). Последние изготавливались на узких пластинах с плечиками и зауженным черешком, причем краевая ретушь на спинке сочеталась с полой или полукрутой ретушью на брюшке.

Хозяйственная деятельность носителей культуры памятников татарско-азийского типа, судя по концентрации их поселений в поймах рек и на старичных озерах,

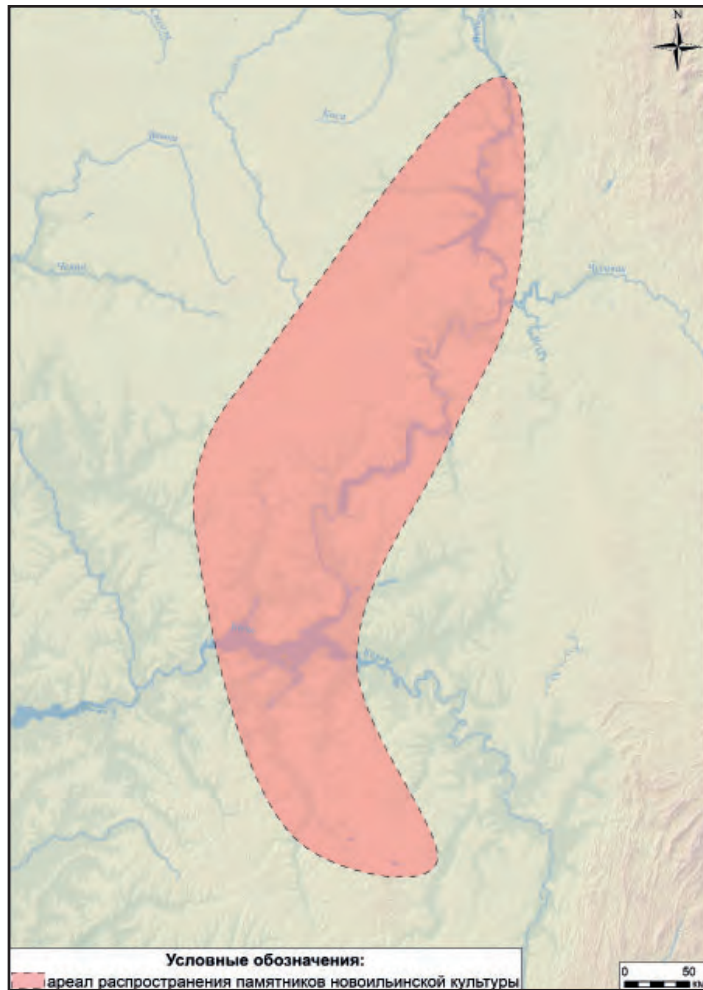

Рис. 55. Ареал новоиулинской культуры

базировалась на рыболовстве. В то же время многочисленность наконечников стрел свидетельствует и об охотничьей направленности хозяйства. Находка в хозяйственной яме Татарско-Азибейского II поселения обломка оплавленного тигля в сочетании со шлаками и сплесками меди может свидетельствовать о начале металлопроизводства у местного населения. Об этом же говорят изделия на крупных пластинах, производство которых невозможно без металлических орудий.

Новоиулинская культура бытовала от последней четверти V тыс. до середины IV тыс. до н. э. и являла переход от неолита к энеолиту. В настоящее время можно констатировать, что ее генезис происходил на основе камской неолитической культуры и её последующей трансформации в результате проникновения носителей западных археологических культур, возможно с территории вятско-ветлужского региона.

Территория новоиулинской культуры распространяется на Среднюю и Нижнюю Каму в границах Пермского края, Республик Башкортостан и Татарстан, а также Удмуртской Республики (рис. 55). Ее памятники располагались на первых и вторых пойменных террасах р. Камы и её притоков. Поселки насчитывали от одного до трех

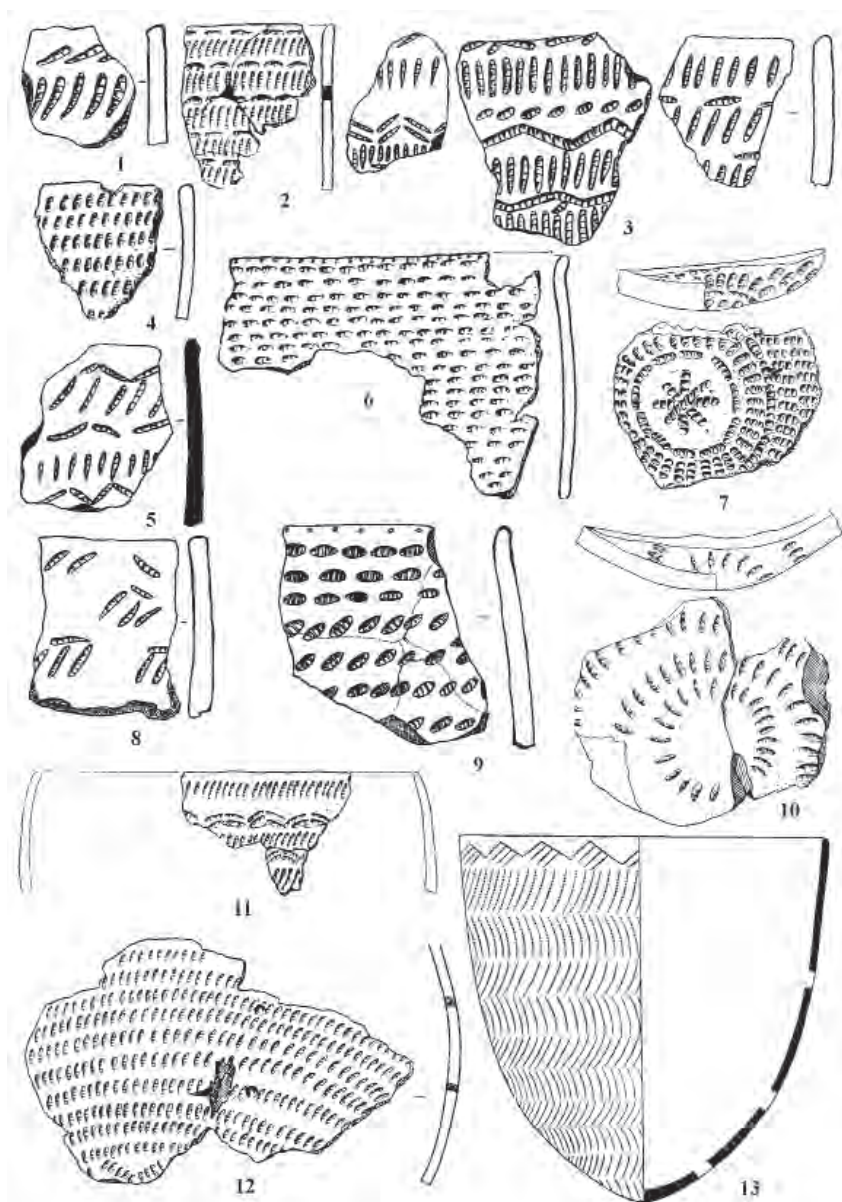

Рис. 56. Керамика памятников новоильинской культуры (по: Археология Волго-Уралья. Т. I / Выборнов, Лычагина, Гусенцова, Шпилов, Цыгвинцева, 2021) Масштаб разный

жилищ, которые располагались вдоль края террасы и соединялись крытыми переходами. Судя по глубине котлованов от 0,25 до 1 м, они относятся к наземным сооружениям с углубленным полом и полуземлянкам. Жилища имели подпрямоугольную и подквадратную форму, размеры их варьировали от 7×7 м до 13×7,5 м. Выход из жилища оформлялся в виде тамбура или коридора длиной до двух метров. Внутри жилищ располагались открытые кострища.

Новоильинские сосуды имели полуяйцевидную форму с прямой или открытой горловиной (рис. 56: 13). Керамика изготавливалась из глины с искусственными

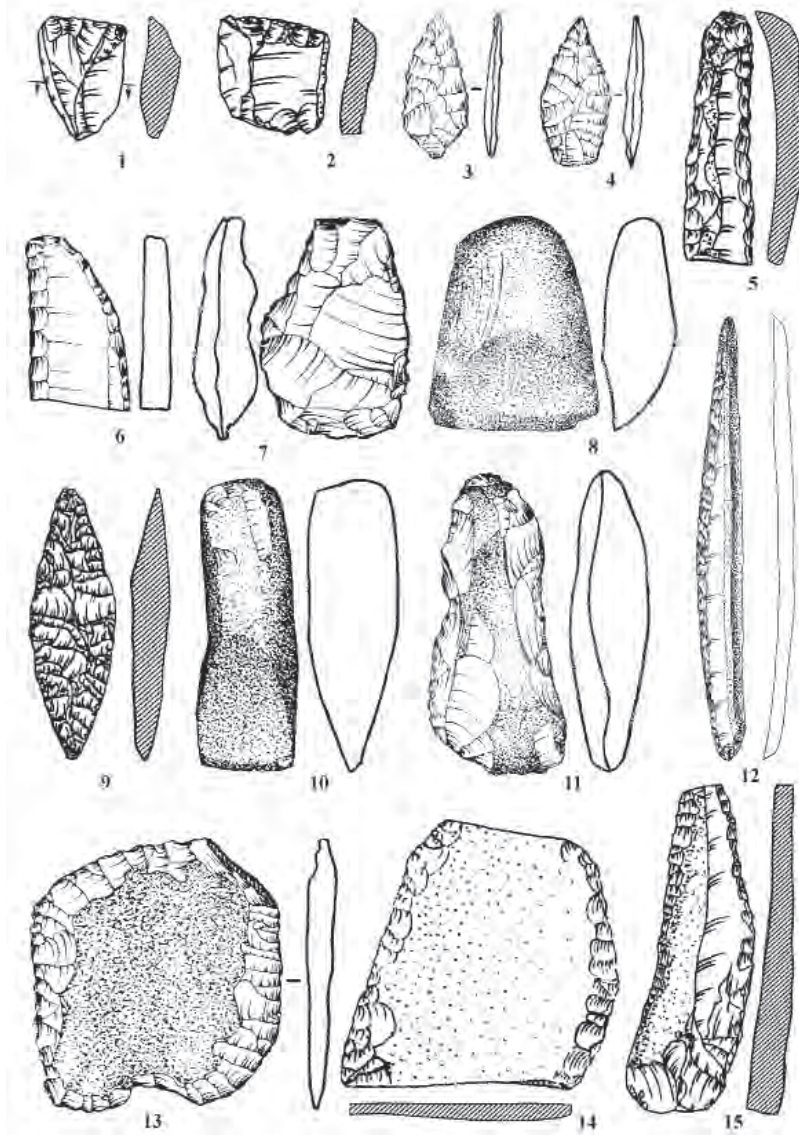

Рис. 57. Кремневый инвентарь новоильинской культуры.
1, 2 – скребки; 3, 4, 9 – наконечники стрел; 5, 6, 12–15 – ножи; 7 – заготовка топора;
8, 10 – тесло; 11 – заготовка орудия (по: Археология Волго-Уралья. Т. I /
Выборнов, Лычагина, Гусенцова, Шипилов, Цыгвинцева, 2021). Масштаб разный

примесями шамота, а на поздних этапах – органики. Донца были округлые, конические, а иногда и плоские. Обе поверхности заглаживались, а сосуды, изготовленные с добавками органики к глине, в ряде случаев изнутри покрывались расчесами, выполненными зубчатым штампом. На некоторых сосудах на срезе венчика присутствовали пальцевые защипы. Основными элементами орнамента был средний и короткий гребенчатый штамп прямоугольной, овальной и изогнутой формы, а также ямчатые вдавления (рис. 56: 1–13). Орнаментальные композиции представлены горизонтальными рядами наклонных или прямых оттисков гребенки, сочетанием

Рис. 58. Ареал распространения памятников красноостовского типа

горизонтальных и наклонных рядов, наклонных рядов и горизонтального зигзага, рядов длинных оттисков, разделенных отпечатками короткой гребенки. Встречаются и более сложные композиции, в которых сочетаются треугольники, вертикальный зигзаг, ромбы, косая решетка, флажки.

Каменный инвентарь производился на основе местных материалов. В междуречье Ика и Белой использовали полосчатый тёмно-серый кремнь. В Среднем Прикамье для этих целей применяли два вида кремня: плитчатый и молочно-голубоватый галечниковый.

Способы расщепления кремня через орудие-посредник способствовали выработке массивных удлинённых прямоугольных отщепов с трёх- и четырёхгранными спинками. Известны также орудия на длинных пластинах (кинжал и нож), изготовленные с помощью ударной техники. Орудийный комплекс представлен скребками (рис. 57: 1, 2), скрёблами, свёрлами, ножами прямолезвийной, саблевидной, трапецевидной и листовидной формы (рис. 57: 5, 6, 12–15), остриями (рис. 57: 11) и комбинированными орудиями (скребки-ножи). Довольно многочисленны наконечники стрел листовидной, ромбической, треугольной и миндалевидной формы (рис. 57: 3, 4, 9). Деревообрабатывающие орудия производились из сланца и кремня. Это тёсла (рис. 57: 8, 10), долота и топоры (рис. 57: 7), многие из которых были отшлифованными.

Следы меднолитейного производства выявлены только на многослойных памятниках, на которых присутствовали более поздние энеолитические слои. На стоянках, где поздние артефакты отсутствуют, следы меднолитейного производства не зафиксированы. По этой причине вопрос о наличии металлопроизводства у носителей но-воильинской культуры остается дискуссионным.

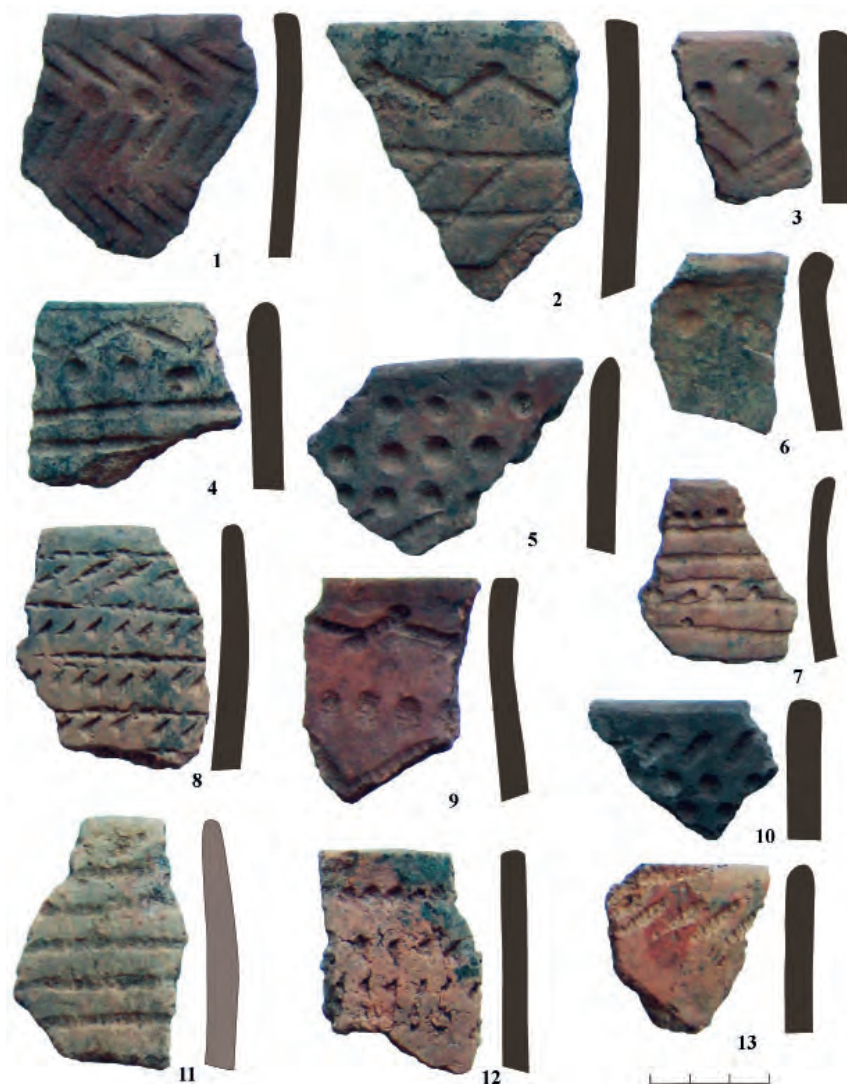

Рис. 59. Керамика памятников красноостовского типа
(по: Андреев, Выборнов, Андреева, Кулькова, 2023)

Хозяйственный уклад носителей новоильинской культуры, судя по размещению поселений в низкой пойме Камы и её притоков, а также присутствию в составе коллекций многочисленных наконечников стрел, можно охарактеризовать как основанный на сочетании охоты и рыболовства.

На базе новоильинской культуры складывается гаринская культура эпохи энеолита.

К западу от Прикамья, на территории лесного Марийского Поволжья, распространялись памятники *красноостовского типа* (их на настоящий момент около 13) (рис. 58), которые по времени (последняя четверть V – первая четверть IV тыс. до н. э.) близки к новоильинским. Такие поселения, как Красный мост II и III, содержат по несколько жилищ.

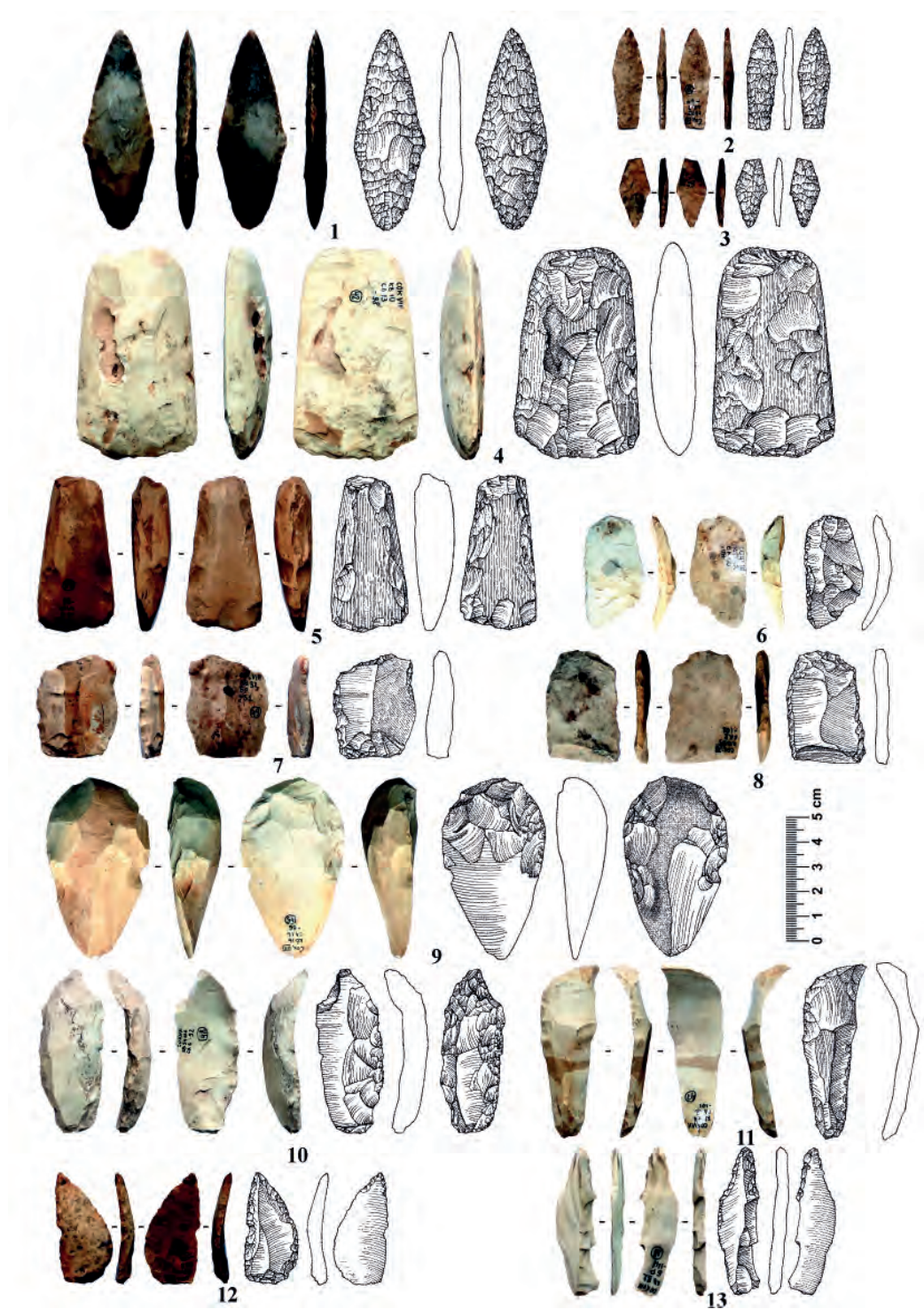

Рис. 60. Кремневый инвентарь памятников красномостовского типа. 1–3 – наконечники стрел, 4 – тесло, 5 – топор, 6–9 – скребки, 10–13 – перфораторы (по: Никитин, 1984)

Толстостенная керамика изготовлена из илистой глины с примесью шамота и органического раствора (рис. 59). Сосуды округлодонные, прямостенные или чуть прикрытой формы. По срезу венчика зачастую встречаются пальцевые вдавления. Внешняя и внутренняя поверхности черепков заглажены мягким предметом. Орнамент наносился по всей поверхности гребенчатым штампом средней длины и ширины, короткими овальными отпечатками зубчатого инструмента, а также неглубокими округлыми ямками, причем процент последних весьма велик. Распространены сочетания способов орнаментации. Этим красноостовская посуда отличается от новоильинской. Есть различия и в орнаментальных композициях: средневожские более многочисленные и разнообразные – елочка, горизонтальные зигзаги, косая решетка, диагональные и горизонтальные поля и пр. Как и в новоильинской, отсутствует шагающая гребенка.

Каменный инвентарь характеризуется применением галечного и валунного сырья различных цветов. Основной заготовкой для изготовления орудий служили отщепы. Среди набора инструментов представлены скребки концевые и боковые типов (рис. 60: 6–9), наконечники стрел ромбической и листовидной формы (рис. 60: 1–3), сверла (рис. 60: 10–13), топоры (рис. 60: 5) и тесла с пришлифовкой (рис. 60: 4). На единственном памятнике с гомогенным слоем следы металлообработки не обнаружены.

Что касается происхождения памятников красноостовского типа, то они являются результатом взаимодействия носителей камской и ямочно-гребенчатой культур, которые в лесном Среднем Поволжье на определенном временном отрезке сосуществовали. Дальнейшая судьба их связана с генезисом местной волосовской культуры энеолита.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев К.М., Выборнов А.А.* Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. 272 с.
- Археология Волго-Уралья. Т. I / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. 444 с.
- Археология Мордовского края. Каменный век. Эпоха бронзы / Ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гум. наук при правительстве Республики Мордовии, 2008. 552 с.
- Археология Республики Коми (с древнейших времен до средневековья) / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. 758 с.
- Бадер О.Н.* Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // У истоков древних культур (эпоха мезолита) / МИА. № 126 / Ред. Н.Н. Гурина. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 194–205.
- Бадер О.Н.* Уральский неолит // Каменный век на территории СССР / МИА. № 166. / Отв. ред. А.А. Формозов М: Наука, 1970. С. 157–171.
- Березина Н.С.* Каменный век Чувашского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 8–261.
- Волокитин А.В., Панин А.В., Зарецкая Н.Е.* Начальное заселение Верхней Вычегды в связи с геоморфологическими условиями в позднеледниковье – раннем голоцене: мезолитические стоянки Парч 1 и 2 // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология, Антропология». 2017. Т. 19. С. 42–57.
- Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.
- Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2003. 226 с.
- Галимова М.Ш.* Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М.-Казань: Янус-К, 2001. 272 с.
- Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1993. 240 с.
- Исторический Башкортостан в эпоху камня / В.Г. Котов, В.С. Мосин // История башкирского народа. В семи томах. Том I / Ред. В.В. Овсянников, В.К. Федоров, Ф.Г. Хисаметдинова. М.: Наука, 2009. 400 с.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов, Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов. Самара: Издательство СНЦ РАН, 2000. 312 с.
- Карманов В.Н.* Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. 226 с.
- Лычагина Е.Л.* Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ, 2020. 364 с.
- Мосин В.С.* Южный Урал в каменном веке / История Южного Урала: в 8 томах. Т. 1. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 408 с.
- Никитин В.В.* Красноостовские поселения финального неолита (предварительный анализ) // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья / Отв. ред. Н.Л. Наговицын. Ижевск: НИИ при Совете Министров Удм. АССР, 1984. С. 31–43.
- Никитин В.В.* Каменный век Марийского края / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1996. 180 с.
- Павлов П.Ю.* Культурные связи населения Уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета, 2012. Серия История. № 1 (18). С. 6–23.
- Пещерное святилище Шульган-таш (Каповая) / сост и отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: Китап, 2019. 360 с.

ГЛАВА 1. КАМЕННЫЙ ВЕК

Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2007. 138 с.

Третьяков В.П., Выборнов А.А. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев: КГПИ, 1988. 88 с.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МарАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960. 188 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

ГЛАВА 2

ЭНЕОЛИТ

Название периода «энеолит» состоит от двух слов: латинского «аэнеус» (медный) и греческого «литос» (камень). Таким образом, энеолит переводится как медно-каменный век. В этом термине подчеркивается переходный характер энеолита, когда на фоне продолжающегося использования каменных орудий появляются изделия из меди.

Индустрия каменных изделий в энеолите достигла расцвета, получили распространение техники усиленного отжима крупных ножевидных пластин, нередко составляющих в длину 20 и более сантиметров. Для окончательной отделки каменных орудий ретушью начали применять медные орудия. В ареале лесных культур широкое распространение получили зооморфные и антропоморфные фигурки из кремня. В энеолите были достигнуты заметные успехи в производящем хозяйстве. За пределами ранних земледельческих центров в поясе степей Европы складывается тип хозяйства пеших подвижных скотоводов. Более сложной становится общественная организация, оформляется вождество. Новые явления в обществе отразились на погребальном обряде (увеличение размеров могильников, усложнение и дифференциация погребального обряда с условно богатыми и бедными захоронениями, широкое применение окраски охрой, появление символов власти – наверший скипетров и булав, возникновение новых явлений в религиозной сфере и искусстве). В энеолите устанавливаются связи между группами населения, разделенными обширными пространствами, складываются крупные общности, объединенные сходными проявлениями хозяйства и культуры, большое значение приобретает обмен.

Энеолит как исторический период входит в эпоху раннего металла, к которой, кроме него, относится и бронзовый век.

Первые медные изделия были представлены в виде украшений (бусы, трубчатые подвески) и небольших орудий (проколки, рыболовные крючки). С развитием металлургических технологий получили распространение крупные орудия (ножи, тесла, топоры) и оружие (наконечники копий, ножи, секиры).

При составлении данной главы использованы разделы II тома «Археология Волго-Уралья» за авторством Кузьминых С.В., Королева А.И., Ставицкого В.В., Моргуновой Н.Л., Чижевского А.А., Шпилова А.В.; Никитина В.В.; Мельничука А.Ф., Карманова В.Н., Косинской Л.Л.

Наиболее древние кованные изделия из самородной меди появляются на Ближнем Востоке в местах расположения медных месторождений в конце VIII–VII тыс. до н. э. В этой же зоне, от Анатолии до Иранского нагорья, в VI–V тыс. до н. э. формируются первичные металлургические центры, в которых освоили выплавку и последующую обработку изделий из меди.

Метод группировки ранних металлоносных культур предложил Е.Н. Черных. В его основу он положил крупные производственные подразделения, т. н. металлургические провинции, которые включают в себя очаги металлургии и металлообработки.

По определению Е.Н. Черных, металлургическая провинция – это огромная производственная структура, которую объединяют единые технологии производства металла и традиции изготовления предметов определенных форм, единых для всей территории. В ее основе лежат обменные процессы, которые возникают между владельцами месторождений и потребителями металлов. Наряду с металлами распространялись и производственные достижения в виде состава металла, технологических приемов металлообработки и более совершенных форм изделий.

В составе металлургической провинции выделяются очаги металлургии и очаги металлообработки. В первом случае, в очаге металлургии, существовал полный цикл металлопроизводства: горное дело (добыча руды), выплавка металла из руд и металлообработка. В очаге металлообработки работали на привозном сырье, поэтому цикл металлопроизводства был неполный, ограниченный лишь металлообработкой.

Наибольшее влияние на нео – энеолитические культуры Северной Евразии в целом и Среднего Поволжья в частности оказала Балкано-Карпатская металлургическая провинция, самая ранняя и единственная в энеолите, которая сложилась в IV тыс. до н. э. на богатых медными месторождениями территориях Балканского полуострова и Карпатских горах. Торговые связи балкано-карпатских металлургов через Северное Причерноморье достигали территории Среднего Поволжья.

2.1. КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПИ И СЕВЕРА СТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Самарская культура (V тыс. до н. э.). Хронология культуры разработана по материалам могильников в большей степени для её раннего этапа. Датировка второго этапа требует уточнения. В конце VI – начале V тыс. до н. э. из Северного Прикаспия на Среднюю Волгу продвинулись носители прикаспийской культуры. Их хозяйство основывалось на разведении мелкого рогатого скота, охоте и рыболовстве. В Среднем Поволжье они оказались в среде местного неолитического населения и в результате активных контактов с ним сложилась самарская культура. Самарская культура была выделена на основании раскопок могильника у с. Съезжее на р. Самаре. Антропологический состав населения могильника представлен пришлой южной европеоидной и местной древнеуральской группами. Типологический и технологический анализ керамики показал сочетание различных традиций изготовления керамики.

Территория включает лесостепное Волго-Уральское междуречье (рис. 1). Основная концентрация памятников самарской культуры выявлена в бассейнах рек Самара и Сок, левых притоков Волги. Её влияние на носителей камской культуры выразилось в распространении материалов русско-азибейского типа в левобережье нижней

Рис. 1. Ареал самарской культуры

Камы и керамики воротничкового комплекса в левобережье Республики Марий Эл. Западнее отдельные проявления самарской культуры отмечены в Посурье.

Материалы раннего этапа (начало V – середина V тыс. до н. э.) представлены могильником у с. Съезжее, вытянутыми погребениями Максимовского I и могильника Екатериновский мыс, Виловатовской стоянкой. Могильник у с. Съезжее относится к началу раннего этапа (4900–4800 л. до н. э.), а могильник Екатериновский мыс – к его окончанию (4750–4500 л. до н. э.). Могильники грунтовые, в них зафиксированы погребения взрослых и детей, размещенных в одиночных и коллективных погребениях. Могильные ямы, как правило, были неглубокими и их очертания не фиксируются. Умерших хоронили лежа на спине в вытянутом положении, руки располагались вдоль тела (рис. 2: 1, 2). Широко применялась посыпка охрой. Большая часть погребений сопровождалась инвентарем из камня, кости, речных и ископаемых морских раковин. Инвентарь представлен тѣслами из кремня и зеленокаменных пород (рис. 2: 13), кремневыми и кварцевыми ножевидными пластинами (рис. 2: 14, 15), крупными и небольшими кольцами (рис. 2: 23–25), ложками, кинжалами и гарпунами (рис. 2: 21) из кости. В культурном слое могильников встречены вкладыши для составных орудий, наконечники треугольной формы с выемкой в основании, скребки. Большим разнообразием отличались украшения, состоящие из раковинных бус и подвесок (рис. 2: 26, 27), подвесок из резцов сурка, бобра, зубов куниц, костяных пронизок и колец (рис. 22: 22–25), крупных пластин-подвесок из клыков кабана (рис. 2: 11), фигурок быков (рис. 2: 10), лошадей (рис. 2: 16, 17), лосей (рис. 2: 9), уток (рис. 2: 12), прямоугольных нашивок с поперечными нарезками из кости и клы-

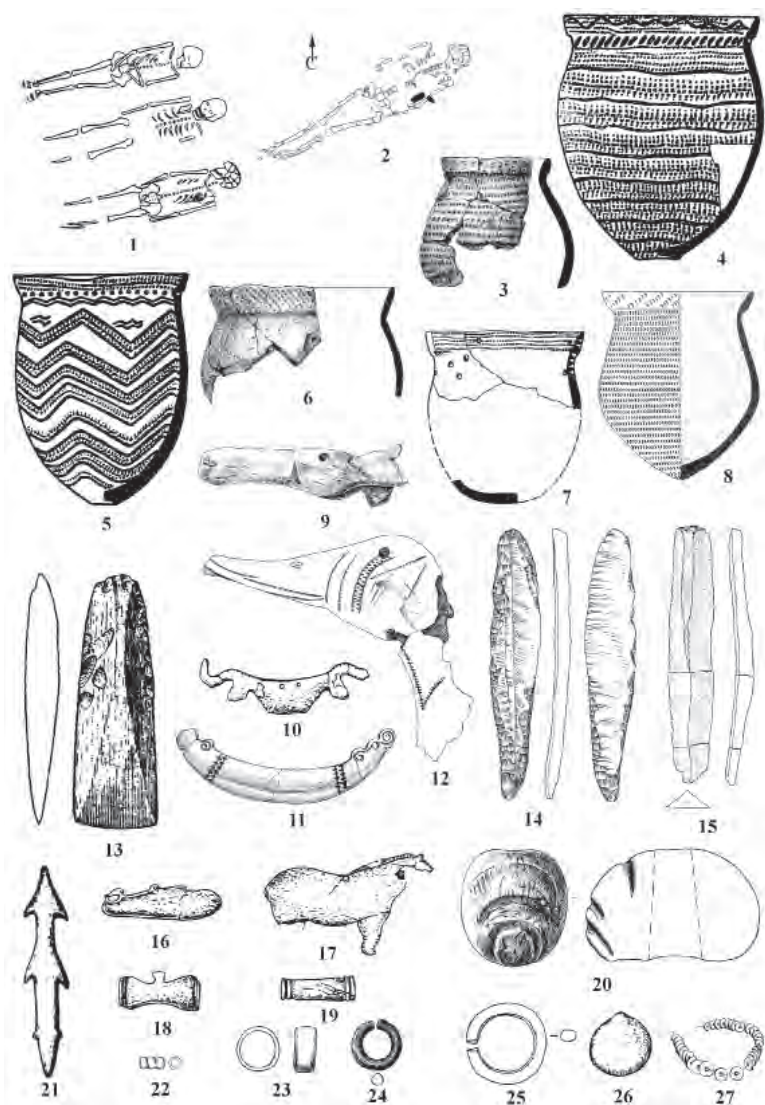

Рис. 2. Погребальный и поселенческий инвентарь самарской культуры.

Могильник у с. Съезжее (1, 4, 10, 13, 16–19, 21, 26). Могильник Екатериновский мыс (2, 3, 6, 9, 11, 12, 14, 15, 20, 22–24, 27). Турганикское поселение (7). Гундоровское поселение (8). Ивановский могильник (25). (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Моргунова, 2021). Масштаб разный. 3, 4, 6–8 – керамика; 9, 12 – навершия жезлов; 10, 16, 17 – фигурки животных; 11 – подвеска; 13 – тесло; 14, 15 – ножевидные пластины; 18, 19 – нашивки; 20 – навершие скипетра; 21 – гарпун; 22 – пронизь; 23–25 – кольца; 26 – подвеска; 27 – бусы. 1, 2 – погребения; 3–8 – керамика; 9, 12 – рог; 10, 16, 17, 21, 22 – кость; 11, 18, 19 – клык кабана; 13, 14 – кремль; 15 – кварцит; 20, 24, 25 – камень; 26, 27 – раковина

ков кабана (рис. 2: 19). Отдельные погребения сопровождалось символами власти: каменными (рис. 2: 20) и роговыми навершиями булавы и скипетров. Каменные тёсла нередко были специально разбиты в ходе обряда «порчи вещей». Вся керамика в могильниках выявлена на ритуальных площадках, где зафиксирована плоскодонная (Съезжее) или округлодонная (Екатериновский мыс) посуда колоколовидной

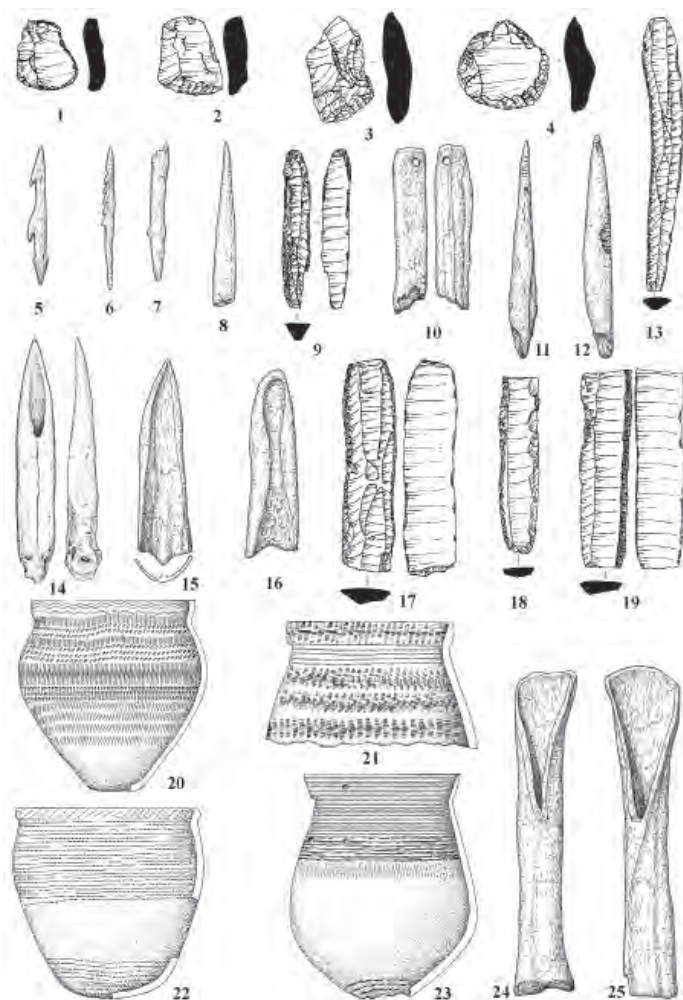

Рис. 3. Поселенческий инвентарь самарской культуры. 1–4 – скребки; 5–7 – гарпуны; 8, 14, 15 – острия; 9, 13, 17–19 – ножевидные пластины; 16, 24, 25 – долотовидные орудия; 20–23 – керамика ((по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Моргунова, 2021)). Масштаб разный. 1–4, 9, 13, 17–19 – кремль; 5–8, 10–12, 14–16, 24, 25 – кость и рог; 20–23 – глина

формы с примесью толченой раковины (рис. 2: 3–8). Её характерной особенностью являются утолщения венчиков на внешнюю сторону – воротнички, орнамент в виде прочерченных линий, образующих многорядные зигзаги, меандровые композиции, состоящие из рядов «шагающей гребенки», оконтуренной прочерченными линиями, елочки, горизонтальные ряды и полосы отисков гребчатого штампа, зигзаги. Под венчиком присутствуют ряды ямок. Ритуальные площадки использовались многократно и посыпались охрой.

Стоянки раннего этапа самарской культуры малочисленны и представлены преимущественно керамикой (рис. 3: 20–23). Они располагаются на относительно высоких пойменных террасах и у берегов стариц и не содержат следов жилищ.

К самарской культуре ряд исследователей относит и долговременные поселения Лебяжинка III и Гундоровка с углубленными в материк котлованами жилищ в виде

неправильного вытянутого овала площадью 95–110 кв. м, представлявшими остатки полуземлянок с каркасно-столбовой конструкцией и неукрепленными очагами. Большая концентрация находок в сооружениях у очагов и ограниченное количество их вне котлованов позволило сделать предположение о функционировании жилищ в холодное время года. Для керамики характерны использование в примеси раковины пуха птиц, венчики с различными, в том числе воротничковыми, утолщениями, округлые и уплощенные днища, орнаментация гребенчатым и веревочным штампами, широкое применение «шагающего» мотива. Для каменного инвентаря характерны орудия на крупных отщепах: скребки (рис. 3: 1–4) и ножевидные пластины (рис. 3: 9, 13, 17–19). Костяной инвентарь представлен гарпунами (рис. 3: 5–7), остриями (рис. 3: 8, 14, 15) и долотовидными орудиями (рис. 3: 16, 24, 25). Выявленный в жилищах каменный и костяной инвентарь, а также керамика существенно отличаются от погребального инвентаря раннего этапа самарской культуры. Эти материалы сложились в бассейне р. Сок по мере продвижения сюда населения самарской культуры. Их своеобразие дало основание для выделения памятников *лебяжинского типа*.

Второй этап самарской культуры был выделен на материалах Ивановской стоянки на р. Самаре. На развитом (ивановском) этапе самарской культуры примерно в середине V тыс. до н. э. наблюдаются процессы взаимодействия с населением с *хвалынской* культуры, результаты которого нашли отражение в керамике Ивановского поселения. В этот период в степи и на юге лесостепи побеждают новые энеолитические традиции, устанавливаются контакты с Балкано-Карпатской металлургической провинцией. Именно в это время на памятниках самарской культуры появляются медные изделия. Так, на Турганинском поселении найдены медные брусок и пластина, а в Красноярском могильнике обломки медного кольца. Кроме того, трасологические исследования костяных изделий Ивановского поселения показали, что они были выработаны с помощью металлических инструментов. Характеристика ивановского этапа может быть дана по материалам стоянок и разрушенному Ивановскому могильнику (р. Ток), на площадке которого был собран инвентарь погребений. Собранные материалы включают наконечники, сделанные на ножевидных пластинах, каменные кольца, булаву, зеленокаменное тесло небольших размеров и подвеску, бусы и прямоугольные нашивки из раковин. Каменные орудия из культурного слоя Турганинского поселения с ивановской керамикой изготовлены в основном из кремневых ножевидных пластин.

На этом этапе выделены две группы керамики, которые с некоторыми вариациями продолжают гончарные традиции раннего (съезжинского) этапа.

К первой группе принадлежит керамика «ивановского» типа, выделенная по материалам Ивановского поселения. Она отличается баночной или горшковидной формой с венчиком, плавно переходящим в горловину, и наличием воротничка. Донца сосудов небольшие и имеют несколько вариантов – уплощенные, округлые и плоские. Такая керамика формой, технологией изготовления, орнаментацией близка посуде хвалынской культуры.

Ко второй группе относится керамика *токского типа*. Как правило, она полуяйцевидной формы с плавно профилированной верхней частью и имеет крупные размеры. Венчики с плоским или округлым срезом. Донца округлые и плоские. В отличие от ивановского типа на токской керамике воротничковые утолщения и оттиски плетеных материалов не зафиксированы. Токская керамика встречается вместе с ивановской на одних поселениях и имеет ряд близких черт в морфологии

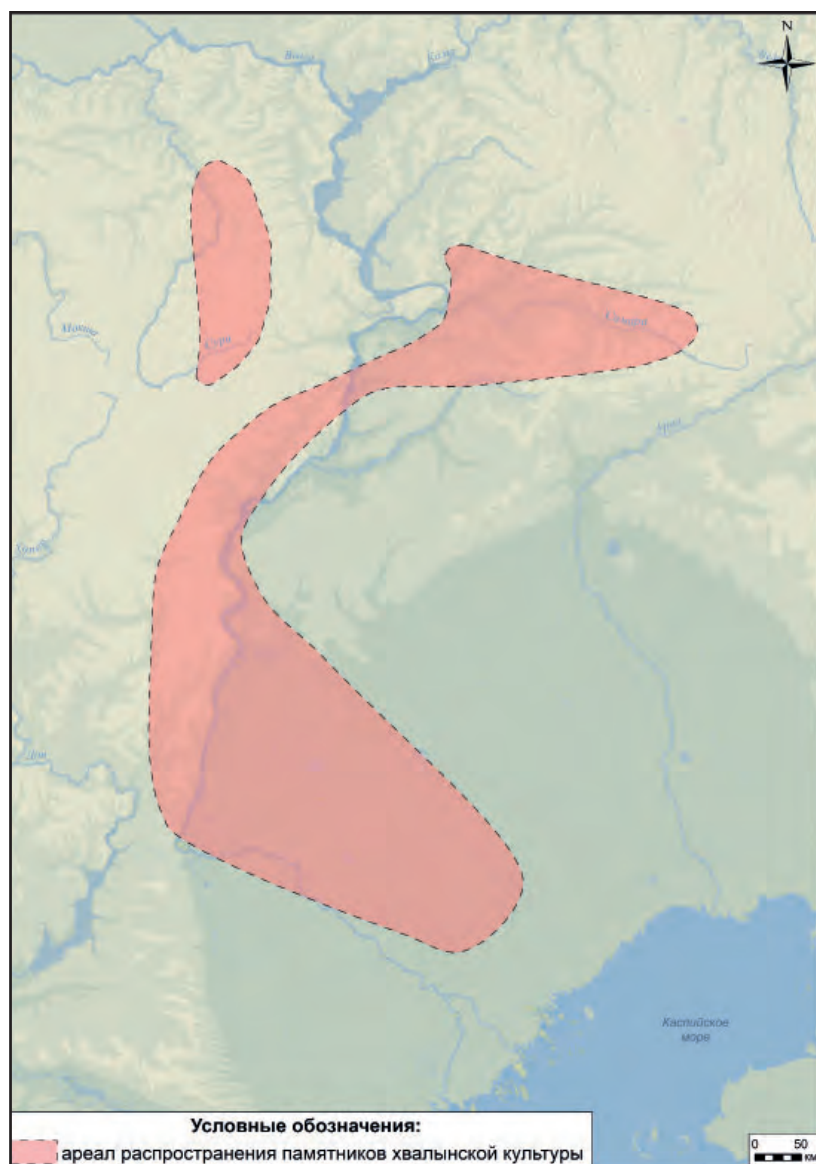

Рис. 4. Ареал хвалынской культуры

и технологии изготовления. Это дало основания для их совместного рассмотрения в рамках ивановско-токского типа. Таким образом, был определен многокомпонентный состав самарской культуры на втором этапе.

Вопросы финала самарской культуры и его хронологии, дальнейшие судьбы её носителей изучены недостаточно и остаются дискуссионными. С ними связывают несколько подкурганных погребений могильника Бережновка I, а также появление материалов *гундоровского* и *репинского* типа.

Хвалынская культура, первая достоверно энеолитическая археологическая культура Волго-Уралья, относится к восточному скотоводческому ареалу Балкано-Карпатской металлургической провинции. Хронология хвалынской культуры в пределах

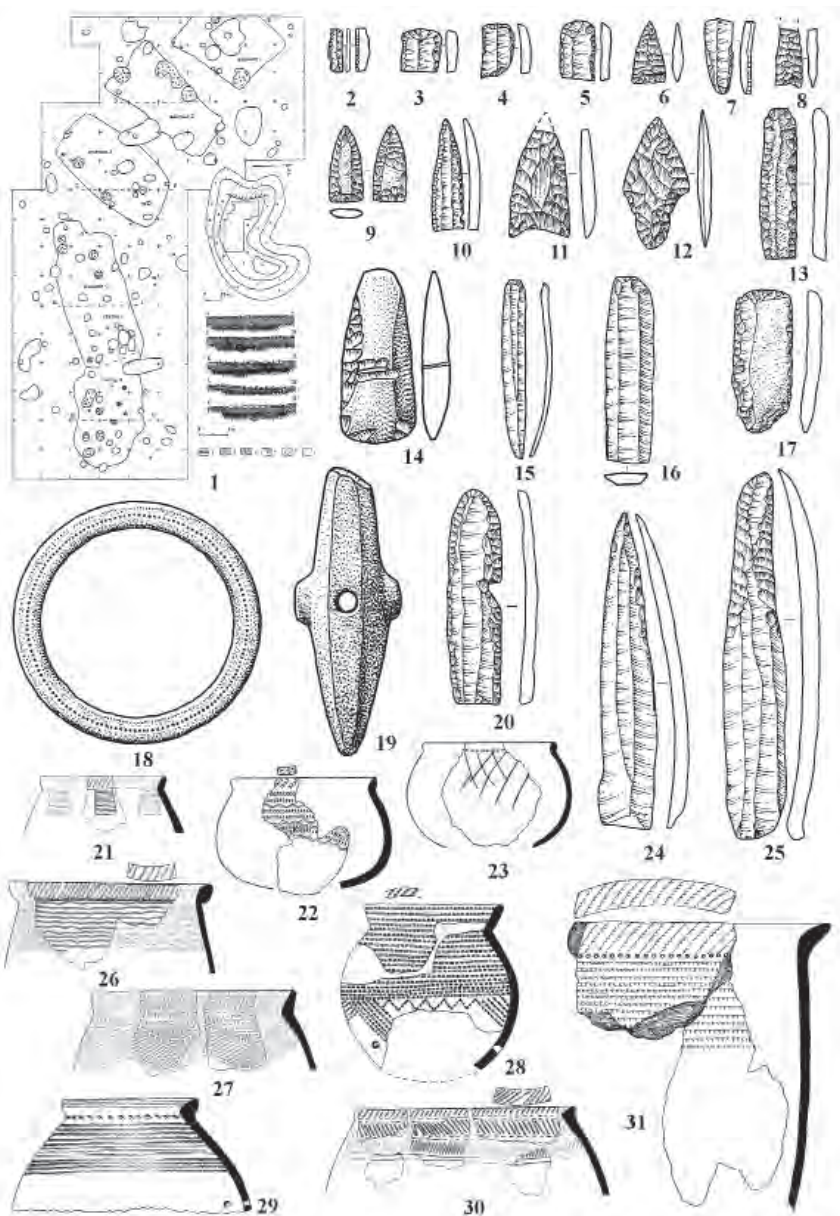

Рис. 5. Поселенческий инвентарь хвалынской культуры. 1 – план поселения Русское Третье I; 2, 7, 10, 13, 15, 16, 20, 24, 25 – ножевидные пластины; 3–5, 17 – комбинированные орудия; 6, 8, 9, 11, 12 – наконечники стрел; 14 – тесло; 18 – кольцо; 19 – топор-клевец; 21–23, 26–31 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Королев, Ставицкий, 2021). Масштаб разный. 2–17, 20, 24, 25 – кремнь; 18, 19 – камень; 21–23, 26–31 – глина

5000–4300 гг. до н. э. была установлена в основном по образцам керамики и костям человека из могильников. Проверка точности этих дат была осуществлена по образцам из костей животных. Они выявили «резервуарный эффект», удревняющий даты по кости человека примерно на 300 лет, и позволили скорректировать хронологию в сторону омоложения.

Памятники хвалынской культуры занимают пространства от Северного Прикаспия на юге до Среднего Посурья на севере, от Примокшанья на западе до верховьев р. Самары на востоке (рис. 4).

Вопросы происхождения хвалынской культуры в настоящее время дискуссионны. Просматривается близость с материалами самарской культуры, особенно на её втором этапе. В некоторой степени ответом на них могут быть результаты антропологических исследований, согласно которым было сделано заключение о южном или юго-западном происхождении европеоидного и южноевропеоидного хвалынского компонента. Второй компонент представлен местным древнеуральским типом.

Поселения с жилищами пока открыты только на северной периферии хвалынской культуры на поселениях Русское Труево I и Утюж I (рис. 5: 1). Они имели подпрямоугольную или подквадратную форму и были заглублены на глубину до 40 см. На дне сооружений выявлены хозяйственные и столбовые ямы, очаги. Наличие подобных сооружений на севере ареала культуры рассматривается исследователями как попытка адаптации к новым условиям обитания. На поселениях выявлены многочисленные изделия из кремня: ножевидные пластины (рис. 5: 2, 7, 10, 13, 15, 16, 20, 24, 25), комбинированные орудия (рис. 5: 3–5, 17), наконечники стрел (рис. 5: 6, 8, 9, 11, 12), тесла (рис. 5: 14), а также массивные изделия из камня – топоры-клевцы (рис. 5: 19) и украшения в виде колец (рис. 5: 18). Многочисленна керамика с примесью раковины в глиняном тесте, представленная в основном горшковидными сосудами (рис. 5: 21–23, 26–31).

Погребальный обряд известен по материалам Хвалынского I и II, а также Хлопковского могильников, расположенных в правобережье Нижней Волги (рис. 6: 1, 2). Все они грунтовые (т. е. бескурганые), хотя имеется ряд подкурганных захоронений, отношение которых к хвалынской культуре имеет дискуссионный характер.

Погребения содержат захоронения мужчин, женщин и детей. Они были одиночными, парными (рис. 6: 3–5) и коллективными, в которые помещали до семи человек. Известны и вторичные погребения, в которых скелеты лежали с нарушением анатомического порядка. Погребения могли размещаться в виде одного яруса или нескольких, одно над другим.

В могилах погребенные люди лежали на спине с согнутыми в коленях ногами, часто посыпанные красной охрой. Иногда погребения обкладывались и перекрывались камнями (рис. 6: 4). На некоторых могильниках отмечены жертвенники, которые содержали кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, фрагменты сосудов и др.

Значительная часть могил содержит инвентарь. Наибольшими сериями, до двух тысяч в погребении, представлены бусы, изготовленные из створок раковин. В могилы клали также подвески из пресноводных и морских раковин (рис. 6: 14, 16), бусы и подвески из камня и кости (рис. 6: 10), пронизки (рис. 6: 17) и кольца (рис. 6: 31) из трубчатых костей животных, подвески-натуралии из зубов животных, флейты из трубчатых костей птиц и млекопитающих (рис. 6: 32), пластины (рис. 6: 18), ножи, острия из кости, пластины из клыков кабана (рис. 6: 27) и бобра. Встречаются изделия, связанные с рыболовством: гарпуны (рис. 6: 21, 22) и рыболовные крючки (рис. 6: 25) из кости. Найдены молоток и жезл из рога.

Зафиксирован также керамический предмет в виде лопаточки с отверстием (рис. 6: 29).

Многочислен каменный инвентарь, для изготовления которого использовались кремль, кварцит, окремненный известняк. В материалах могильников, как и на по-

Рис. 6. Погребальный инвентарь хвалынской культуры.

1 – план Хлопковского могильника; 2 – план Хвалынского I могильника; 3 – Хлопковский могильник, костяк 18; 4 – Хвалынский I могильник, костяки 40, 94; 5 – Хвалынский I могильник, костяки 40, 94; 6–9, 17 – пронизи; 10–16, 19, 20, 23, 24, 27, 30 – подвески; 18 – накладка; 21, 22 – гарпуны; 25 – рыболовный крючок; 26 – наконечник стрелы; 28 – топор-клевец; 29 – зооморфное изделие; 31 – кольцо; 32 – флейта; 33, 34 – скипетры; 35–40 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Королев, Ставицкий, 2021). Массив разный. 6–9, 12, 13, 15, 19, 20, 23–25, 30 – медь и бронза; 10, 17, 18, 21, 22, 27, 32 – кость и рог; 14, 16 – раковины; 26 – кремь; 28, 31, 33, 34 – камень; 29 – глина; 35–40 – глина

селениях, фиксируются ножевидные пластины, скребки, наконечники стрел и дротиков (рис. 6: 26), нуклеусы, тесла из камня зеленого цвета и кремня и т. д. Представлены каменные скипетры (4 экз.) в виде условных изображений головы лошади (рис. 6: 33, 34) и втульчатые топоры-клевцы с боковыми выступами-цапфами (рис. 6: 28). Они указывают на становление вождества.

Важным маркером энеолита являются медные изделия, выявленные в погребениях хвалынской культуры, всего их около 320. Значительная часть из них является украшениями: крупными и мелкими кольцами (рис. 6: 11, 19, 23, 24), цепочками из двух – четырёх колец, подвесками (рис. 6: 15, 20, 30), бусами в виде «скорлупок» с отверстием (рис. 6: 12, 13), пронизками (рис. 6: 6–9), заготовками и слитками металла. Спектральный анализ металла из погребений помог установить тот факт, что изделия изготовлены из меди, происходящей с территории Балкано-Карпатской металлургической провинции.

Круглодонная керамика с утолщениями-валиками на венчике выявлена во всех могильниках. Керамику впервые начали помещать в погребения, причем сосуды чаще располагались в захоронениях детей. В ряде случаев их устанавливали вверх дном. Отмечена керамика с рельефными налепами по венчику, миниатюрные сосудики, а также «сосуд-погремушка». Почти вся глиняная посуда орнаментирована, её украшали оттиски прямозубого и косозубого гребенчатого штампа, скобковидные вдавления, волнистые и прямые прочерченные линии, насечки и наколы, отпечатки мягких орнаментов (плетеные фактуры) (рис. 6: 35–40).

На территории степной зоны скотоводство являлось основной отраслью хозяйства носителей хвалынской культуры, на северных поселениях Посурья кости домашних животных не зафиксированы. Судя по составу костей, они выращивали мелкий и крупный рогатый скот, который требовал обширных пастбищ и обусловил высокую мобильность хвалынского населения. Об этом же свидетельствует отсутствие долговременных поселений на юге ареала хвалынской культуры. Занятие подвижным скотоводством носителей данной культуры объясняет распространение её на широких пространствах Нижнего и Среднего Поволжья. Окончание хвалынской культуры, хронология позднего периода и дальнейшие судьбы её носителей изучены недостаточно. Ряд исследователей связывает их с распространением ямной культуры.

Поздний энеолит лесостепного Поволжья (V тыс. до н. э.) характеризуется тремя группами населения, которые использовали токский/чекалинский, лебяжинский, турганинский/гундоровский типы керамики. Имеющиеся данные свидетельствуют о своеобразии этих культурных типов, близких по своему облику к культурам лесной зоны, но не идентичных им. Территориально эти памятники располагаются в самарской части лесостепного Поволжья на правобережье и на левобережных притоках Волги – реках Сок и Самаре. Токский и чекалинский типы входят в обширный ареал близких лесостепных материалов, ограниченный на юге и востоке бассейном р. Самары, на севере – левыми притоками нижней Камы, на западе – Посурьем (рис. 7).

Первая группа населения объединяет памятники *токского типа* и *Чекалино IV*. Судя по имеющимся данным, формирование этих групп основывается на единой основе средневожжской культуры эпохи неолита, на которую оказали воздействие носители традиции воротничковой керамики. Это влияние на территориях вокруг р. Самары было сильнее, поэтому воротничковые традиции в большей степени воплотились в керамике токсского типа. Памятники, концентрировавшиеся вокруг р. Сок, были меньше затронуты влиянием пришельцев из степной зоны,

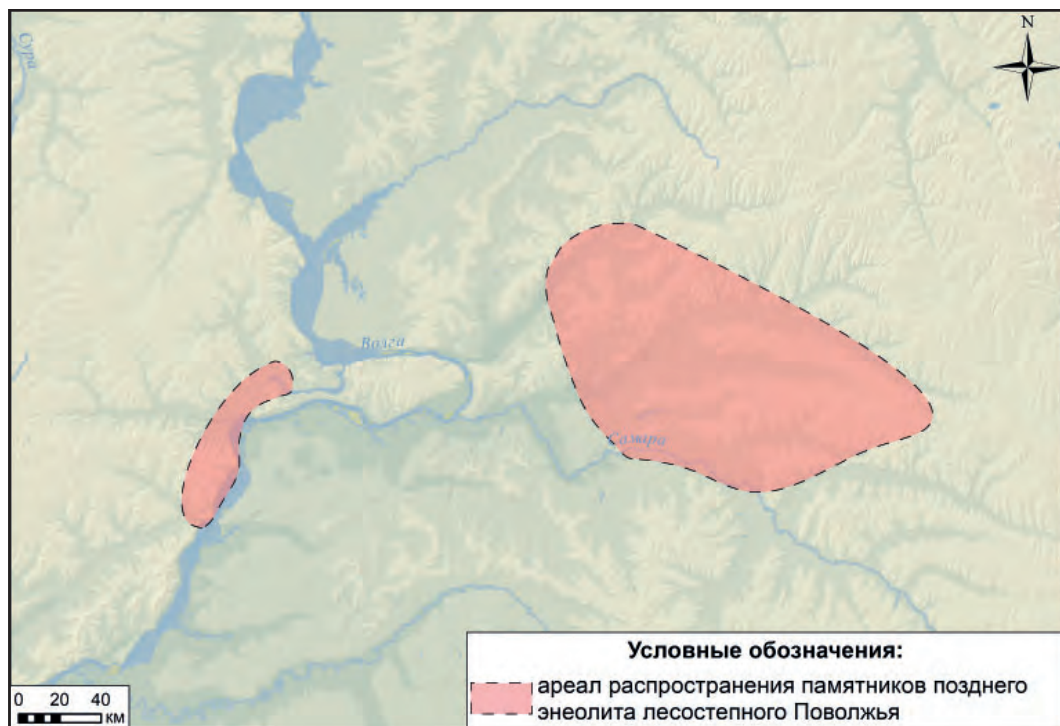

Рис. 7. Ареал распространения памятников позднего энеолита лесостепного Поволжья

и здесь образовался культурный тип Чекалино IV с преобладанием местных традиций, восходящих к неолиту.

Керамика *токского типа* изготавливалась из ила и илистых глин, кроме того, в качестве примесей в её состав входили органический раствор, раковина и шамот (рис. 8: 1–10).

Характеристика формы тулова токской керамики была дана ранее. Венчики сосудов могли быть прямыми и отогнутыми с плоским, округлым или приостренным срезом. Орнамент располагался по всей поверхности сосуда и на срезе венчика, в редких случаях на его внутренней поверхности. Основными элементами орнамента были гребенчатые штампы, прочерченные линии, ямки, иногда веревочный штамп. Элементы орнамента объединялись в горизонтальные ряды, зигзаг, горизонтальные полосы, а также их сочетания. Такой яркий мотив орнамента, как «шагающая» гребенка, использовался редко.

На материалах Турганикского поселения по ^{14}C удалось выделить два этапа развития токской керамики: 1) 4898–4440 до н. э. и 2) 4237–3790 до н. э.

К токскому типу близка керамика *типа Чекалино IV*, которая выявлена на памятниках бассейна р. Сок (рис. 8: 11–15). Глиняную посуду данного типа лепили из илистых глин с добавками к глиняному тесту дробленой раковины, органического раствора, изредка обожженной глины. Исключительно редко фиксируется пух птиц. Внешняя и внутренние поверхности сосудов заглаживались, внутренняя иногда покрывалась расчесами. Донца сосудов могли быть округлой, уплощенной и вогнутой формы. Большая часть керамики украшалась орнаментом – как правило, он размещался по всей внешней поверхности сосуда. Основными элементами орнамента

Рис. 8. Поселенческая керамика памятников токского типа (1–10) и Чекалино IV (11–15). (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Королев, 2021). Масштаб разный. Всё глина

были гребенчатые штампы, ямки различной формы, оттиски эпифизов костей небольших животных или птиц. Изредка фиксируются отпечатки шнура и аммонита. Элементы орнамента образуют такие орнаментальные мотивы, как горизонтальные ряды оттисков штампа, поставленные прямо и наклонно, горизонтальные оттиски штампа в виде полос, наклонные ряды, сочетания горизонтальных и наклонных рядов, горизонтальный зигзаг, сетку, сочетания горизонтальных полос и зигзага, штамп в виде «отпечатков птичьих лап» и силуэтов плавающих птиц. Радиоуглеродное датирование позволило наметить время существования керамики чекалинского типа в пределах 4500–3650 лет до н. э.

Вторая группа населения, основу которой также составляли носители средневожской культуры, испытала сильное воздействие со стороны самарской культуры, в результате этого влияния появляется *лебяжинский тип* керамики. Памятники ле-

бязжинского типа расположены в среднем течении р. Сок в пойме и занимают возвышенные места у стариц.

Для раннего периода существования лебяжинского типа известно одно жилище на поселении Лебяжинка III (рис. 9: 1), оно зафиксировано в виде котлована подовальной формы вытянутых пропорций, глубиной 25 см, площадью 110 кв. м. У длинных стен отмечены хозяйственные ямы и очаги. Всего было выявлено четыре очага, причём один вне котлована. По центральной оси сооружения фиксировались столбовые ямы. Исследователи реконструировали данную постройку как каркасно-столбовую конструкцию с двускатной крышей.

Количество известных жилищ на позднем этапе больше, все они выявлены на Гундоровском поселении (рис. 9: 2, 3). Жилище № 5 аналогично сооружению из поселения Лебяжинка III. Два жилища, № 3 и 4, отличаются по форме, они подквадратные, по площади около 70 кв. м. Внутреннее устройство их такое же, как у лебяжинского. Все жилища Гундоровского поселения были соединены переходами.

Наиболее массовый материал с памятников лебяжинского типа представлен керамикой, изготовленной из илов или илистой глины (рис. 9: 45–50). В качестве искусственных примесей к глиняному тесту использовали органические растворы, дробленую раковину, пух птиц.

В коллекции лебяжинской керамики более всего сосудов крупных и средних размеров с диаметром венчика 17,5–34 см. Венчики отогнутые и прямые, безворотничковые немного преобладают над воротничковыми. Донца представлены округлыми, уплощенными и, как исключение, плоскими формами. Керамика покрывалась орнаментом по всей внешней поверхности, орнаментировался также срез венчика, иногда и с внутренней стороны.

Основными элементами орнамента были длинные прямые гребенчатые штампы, реже оттиски веревочки, накрученной на палочку, ямки. Наиболее популярными орнаментальными мотивами были горизонтальные ряды и полосы гребенки, горизонтальная «ёлочка», зигзаг, «сетка». Часто использовались полосы «шагающей гребенки», ориентированные в разных направлениях.

С поздним этапом лебяжского культурного типа связано Гундоровское поселение. На этой стоянке выявлена керамика «волосовского» облика с использованием таких искусственных добавок, как дробленая раковина, птичье перо, органический раствор. Сосуды изготавливались лоскутным налепом на форме-основе. Размеры керамики составляли от 12 см до 60 см в диаметре. В коллекции представлены как горшки, так и банки, с утолщенными венчиками и воротничками. Донца уплощенные и округлые.

Орнамент наносился по всей поверхности. Наиболее распространенными элементами орнамента был гребенчатый штамп, малочисленны рамчатые, шнуровые и ямочные отпечатки. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными и наклонными рядами, зигзагами, ромбами, прямой и косой сеткой, горизонтальной «елочкой со стеблем», вертикальной елочкой, полосы «шагающей гребенки».

Изделия из камня изготавливались преимущественно из отщепов кремня и кварцита. В коллекции присутствуют скребки (рис. 9: 19, 29, 35), ножи с двусторонней и односторонней ретушью (рис. 9: 23, 24, 33, 34), фрагмент ножа с «пуговкой», перфораторы, свёрла, наконечники стрел из кремня и кварцита (иволистной, листовидной, ромбической формы, а также в виде «рыбки» и т. д.) (рис. 9: 4–16), дротики (рис. 9: 18, 44), шлифованные долота, тёсла (рис. 9: 17, 22), скобели, орудия с вогну-

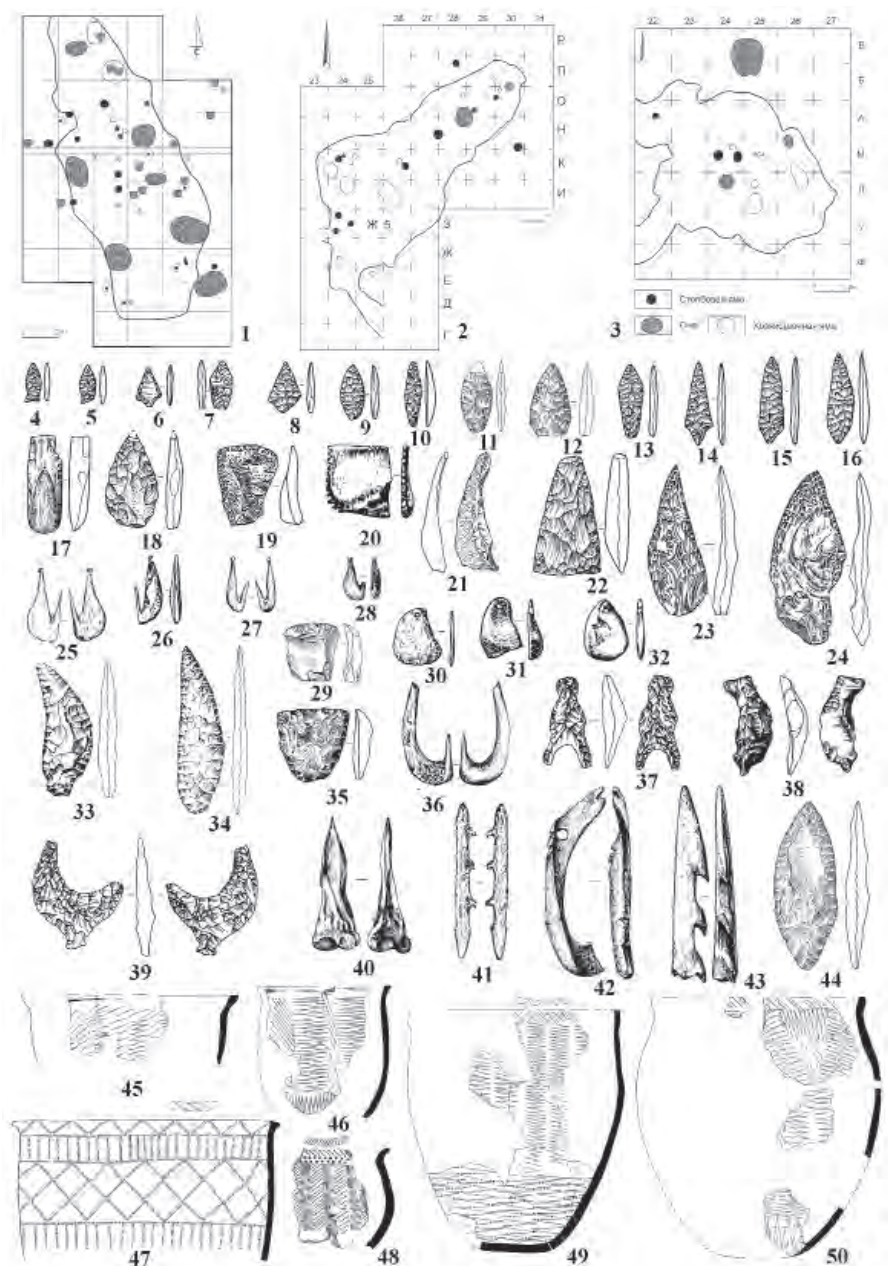

Рис. 9. Жилища и поселенческий инвентарь памятников лебяжинского типа.

1 – поселение Лебяжинка III, жилище; 2 – Гундоровское поселение, жилище 4;

3 – Гундоровское поселение, жилище 5; 4–16 – наконечники стрел; 17, 22 – тесла; 18, 44 – дротики; 19, 29, 35 – скребки; 20 – орнамент; 21 – орудия с вогнутым лезвием, на удлинённых отщепах с протяжённой выемкой; 23, 24, 33, 34 – ножи; 25–28, 36 – рыболовные крючки; 30–32 – подвески; 37–39 – антропоморфные и зооморфные фигурки; 40 – проколка; 41, 43 – гарпуны; 42 – изделие неясного назначения; 45–50 – керамика

(по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Королев, Ставицкий, 2021). Масштаб разный.

4–17, 19, 21–24, 29, 33–35, 37–39, 44 – кремь; 18 – кварцит;

20, 25–28, 30, 32, 36, 40–43 – кость и рог; 31 – камень; 45–50 – глина

тым лезвием, на удлинённых отщепах с протяжённой выемкой (рис. 9: 21). Следует отметить кремневые антропо- и зооморфные фигурки (рис. 9: 37–39), а также сланцевые подвески, найденные на Гундоровском поселении (рис. 9: 30–32). Абразивы выполнены из песчаника.

Изделия из кости представлены проколами, рыболовными крючками, гарпунами, подвесками, орнаментиром, подвесками-натуралиями из зубов животных и др. (рис. 9: 20, 25–28, 36, 40–43).

Основой хозяйства носителей лебяжинского типа на раннем этапе были охота и рыболовство. Охотились на лосей, косуль, первобытных быков, верблюдов, медведей, барсуков, выдр, бобров, зайцев, различных птиц и черепах. Ловили сомов, осетровых, окуня.

Датируется лебяжинский культурный тип, согласно данным радиоуглеродного анализа, V – началом IV тыс. до н. э.

Третья группа населения выделяется в *турганикский тип* на р. Самаре и *гундоровский тип* на р. Сок.

Турганикский тип выделен на основе Ивановской стоянки и фиксируется в коллекциях ещё нескольких поселений: Старо-Елшанской, Елшанской береговой и Виловатовской.

Генезис памятников турганикского культурного типа связан с памятниками ивановского этапа самарской культуры и токсского типа.

Материалы турганикского типа представлены исключительно керамикой (рис. 10: 2–6). Глиняная посуда изготавливалась из илистых глин и илов с примесью раковины и органического раствора. Наружная поверхность сосудов заглажена, внутренняя покрывалась расчёсами гребенчатого штампа. Тулово округлое с раструбовидной или прямой горловиной, венчики могли быть с плоским, округлым или приостренным срезом. Донца трех типов округлые, уплощенные, плоские.

Наиболее распространенным элементом орнамента был гребенчатый штамп, насечки и ямки использовались как разделители зон орнамента. Орнаментальные мотивы разнообразны, среди них горизонтальные, вертикальные и наклонные ряды оттисков штампа, горизонтальный зигзаг, вертикальный зигзаг, горизонтальные полосы штампа, елочка, заштрихованные треугольники и т. д.

Радиоуглеродные даты, полученные для памятников турганикского типа, находятся в пределах 3790–3370 лет до н. э.

Керамический комплекс *гундоровского типа* впервые был выделен на материалах коллекции Гундоровского поселения. Впоследствии такая посуда была отмечена в материалах стоянок Чекалино IV, Лебяжинка IV и VI, Большая Раковка II, Чесновка II.

Гундоровские гончары добавляли в керамику толченую раковину, органический раствор и птичий пух (рис. 10: 31–37). Все поверхности сосудов обрабатывали расчёсами с использованием гребенчатых штампов, а затем заглаживали. Наибольшее распространение имели горшки, но использовались также банки и чаши. Шейки горшковидных сосудов (раструбовидные и цилиндрические) в большинстве случаев отделялись от тулова внутренним ребром – сильным перегибом горловины. На шейках часто присутствуют воротнички. Донца имели уплощённую и округлую форму.

Основными элементами орнамента были гребенчатый штамп с мелкими зубцами и мелкие овальные вдавления, выполненные угловой частью штампа. Орнаменталь-

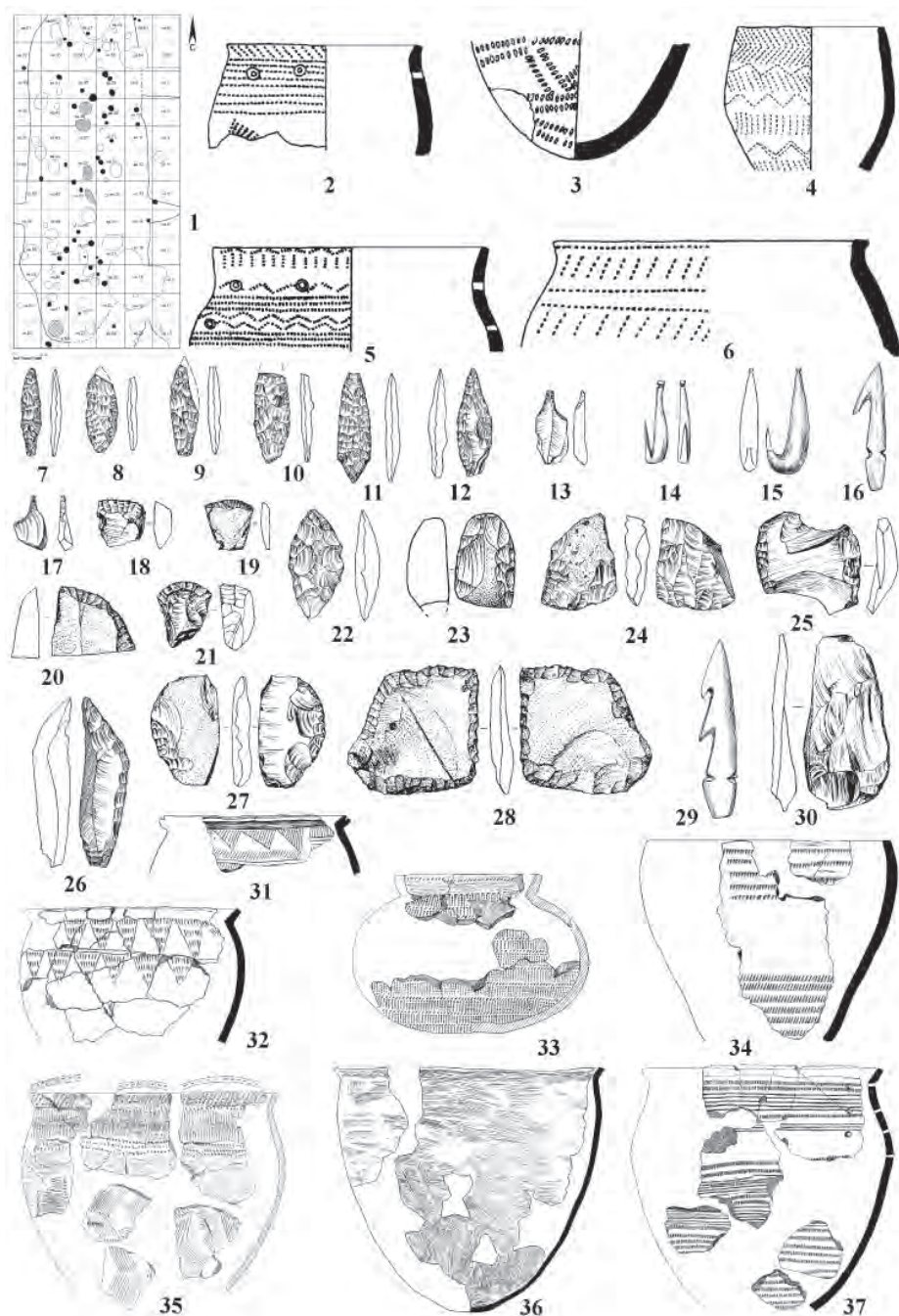

Рис. 10. Поселенческий инвентарь памятников турганинского (2–6) и гундоровского (7–37) типов. 1 – поселение Лебяжинка VI. Жилище 1; 2–6, 31–37 – керамика; 7–11, 22 – наконечники стрел; 12, 13, 17, 26 – перфораторы; 14, 15 – рыболовные крючки; 16, 29 – гарпуны; 18–21 – скребки; 23 – шлифованное рубящее орудие; 24 – рубящее орудие; 25 – орудие с выемчатым лезвием; 27, 28, 30 – ножи (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Королев, 2021). Масштаб разный. 2–6, 31–37 – глина; 7–13, 17–27, 30 – кремень; 28 – кварцит; 14–16, 29 – кость и рог

ные мотивы с применением гребенки разнообразны: это и горизонтальные полосы из горизонтальных оттисков штампа, горизонтальные ряды вертикальных оттисков штампа, горизонтальный зигзаг, наклонные ряды оттисков гребенки и ямчатых вдавлений, косая «сетка», заштрихованные треугольники. Зафиксирована перебивка орнамента: поверх ранее нанесённой «шагающей гребенки» набивался горизонтальный зигзаг или горизонтальный гребенчатый штамп. Роль разделителей зон выполняли пояса ямок и не покрытые орнаментом зоны.

На поселении Лебяжинка VI выявлены жилища с керамикой гундоровского типа (рис. 10: 1). Их размеры составляют в длину около 28 м, в ширину до 8 м и в глубину 0,2–0,3 м. Зафиксировано два выхода с длинных сторон, на дне отмечены хозяйственные и столбовые ямы, очаги. По инвентарю из этого сооружения можно охарактеризовать каменный и костяной инвентарь гундоровского типа. Каменные орудия делали из кремня, кварцита, халцедона, песчаника. Набор каменного инвентаря – листовидные, треугольно-черешковые наконечники стрел (рис. 10: 7–11, 22), перфораторы (рис. 10: 12, 13, 17, 26), скребки (рис. 10: 18–21), ножи (рис. 10: 27, 28, 30), скобели (рис. 10: 25), рубящие орудия (рис. 10: 23, 24), выпрямители древков стрел – в основном аналогичен изделиям лебяжского типа.

Костяные изделия многочисленны, они представлены остриями из трубчатых костей птиц, долотовидными орудиями, рыболовными крючками и гарпунами (рис. 10: 14–16, 29), зубчатыми штампами, подвесками и пронизками, подвесками-натуралиями из зубов животных, раковинными бусами и пронизками.

Свидетельством использования медных изделий служит найденный в жилище поселения Лебяжинка VI небольшой окисел меди.

Судя по остеологическим находкам, население занималось в основном охотой на барсука, бобра, волка, выдру, зайца, куницу, лося, медведя, сайгу, сурка, лисицу, черепаху. Скотоводство было менее развито, кости домашних животных – мелкий и крупный рогатый скот, собака – составляют около трети от всего объёма фаунистических остатков. Отношение лошади к домашнему хозяйству не определено.

Время существования гундоровского культурного типа ограничено рамками последней трети V – начала IV тыс. до н. э. Дальнейшие судьбы этого населения в настоящее время остаются неизвестными.

Позднеэнеолитические памятники Сурско-Свияжского междуречья (середине IV – III тыс. до н. э.). В бассейнах Суры и Свияги поселения позднего энеолита располагаются в поймах, на дюнах и останцах, изредка они фиксируются на первой надпойменной террасе (рис. 11). Несмотря на то что культурная принадлежность этих памятников остаётся дискуссионной, в настоящее время определено их происхождение, которое связано с особой лесостепной линией развития памятников алтаинско-алексеевского типа.

На территории восьми поселений исследованы жилые постройки (рис. 12: 1, 2). Планиграфия поселений разнообразна: так, на поселении Ховрино V жилищные котлованы располагались в две линии по направлению запад – восток, дистанция между ними была около 30 м, а расстояния между домами 5–10 м. На поселении Утюж V зафиксировано перекрывание поздними жилищами более раннего, на двух других поселениях – Грабово I и Белавка – выявлены переходы между жилищами.

Котлованы жилищных построек имели подквадратную форму площадью до 54 кв. м, глубиной 0,3–1,3 м. Входами жилища были обращены к реке. Исследователи реконструировали жилые постройки сурско-свияжского междуречья как полу-

Рис. 11. Ареал распространения памятников позднего энеолита
Сурско-Свияжского междуречья

земляночные с бревенчатыми стенами, на которые опиралась крыша. Внутри жилища располагались очаги с противоположной стороны от входа и хозяйственные ямы. Кроме того, в них выявлены лежанки с земляной и деревянной основой. Иногда сооружения соединялись переходами.

Могильники населения сурско-свияжского междуречья представлены единичными погребениями, зафиксированными на Мало-Кокузинском поселении, Пензенских стоянках, в жилище № 6 Ховринского поселения. Сохранность костяков в погребениях очень плохая, а в случае с ховринским поселением предполагается вторичный характер захоронения. В погребениях фиксируются фрагменты пористой керамики, изделия из кремня и кварцита, сланцевые подвески, охра и угольки.

Керамический комплекс сурско-свияжских памятников, по мнению исследователей, имеет ряд общих признаков, что свидетельствует об их единой культурной принадлежности. В качестве искусственных примесей к глиняному тесту использовались растения, толчёная раковина, органика, изредка птичий пух и перья. Большая часть сосудов горшковидной формы, но встречаются и банки, венчики отогнуты наружу. Донца чаще всего плоские, реже округлые. Форма среза венчиков разнообразна, она могла быть округлой, плоской, уплощённой, Г-образной и Т-образной.

Отдельные сосуды покрыты изнутри, а иногда и снаружи расчесами, выполненными зубчатым штампом. Основными элементами орнамента были зубчатые вдавления, ямки различной формы (прямоугольной, овальной, ногтевидной, каплевидной треугольной, округлой), в некоторых случаях использовались прочерченные линии и шнур. На основании этих элементов оформлялись орнаментальные мотивы с использованием зубчатого штампа, образующего горизонтальные ряды прямо или

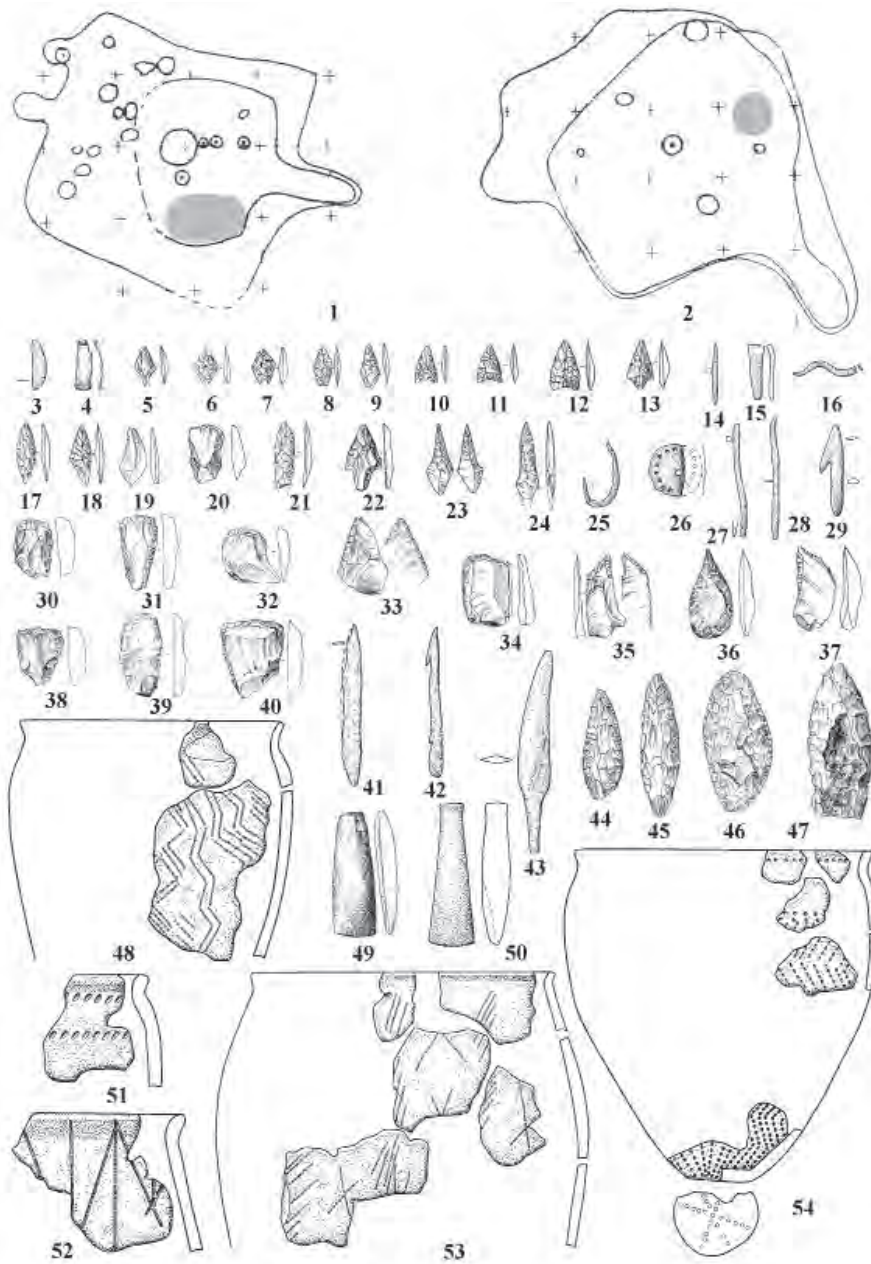

Рис. 12. Поселенческий инвентарь памятников позднего энеолита Сурско-Свияжского междуречья. 1 – поселение Ховрино V, жилище 2; 2 – поселение Ховрино V, жилище 5; 3, 19, 33, 41, 43 – ножи; 4 – пластина часть составного браслета; 5–13, 17, 18, 21, 22 – наконечники стрел; 14, 27, 28 – шилья; 15 – клин топора; 16 – фигурка змейки; 19, 23, 24, 36 – перфораторы; 20, 30–32, 34, 38–40 – скребки; 25 – рыболовный крючок; 26 – бляха с круговым пуансонным орнаментом; 29, 42 – гарпуны; 35, 37 – сверла; 44–47 – наконечники копий и дротиков; 49, 50 – долота; 48, 51–54 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Ставицкий, 2021). Масштаб разный. 3, 4, 14–16, 25–29, 41–43, 50 – медь; 5–13, 17–24, 30–40, 44–47, 49 – кремень и кварцит; 48, 51–54 – глина

наклонно поставленных отпечатков, а также сочетание диагональных и горизонтальных рядов. Кроме того, использовались вертикальные и горизонтальные зигзаги, косая сетка, а также шагающая гребёнка, заштрихованные треугольники и прямоугольники, ёлочка с асимметрично расположенными ветвями.

Вызывает интерес керамика, происходящая из поселения Грабово I (рис. 12: 48, 51–54), где были зафиксированы фрагменты сосудов с отогнутыми наружу венчиками, орнамент состоял из композиций, оформленных прочерченными линиями, короткими отпечатками зубчатого штампа, наколами. Этот орнамент имеет признаки имеркской культуры.

Каменный инвентарь сурско-свияжских памятников представлен орудиями, изготовленными на кремнёвых и кварцитовых отщепах. В его состав входят скребки (рис. 12: 20, 30–32, 34, 38–40), скрёбла (рис. 12: 35, 37), двулезвийные ножи (рис. 12: 19, 33), резчики, перфораторы (рис. 12: 19, 23, 24, 36), проколки, свёрла, долотовидные орудия (рис. 12: 49), наконечники копий и дротиков листовидной формы (рис. 12: 44–47), наконечники стрел (треугольные с выделенными шипами и вогнутым основанием, иволистные, подромбические, треугольно-черешковые, листовидные и т. д.) (рис. 12: 5–13, 17, 18, 21, 22), абразивные плитки, отщепы со следами обработки. Каменные украшения представлены шлифованными подвесками. Часть каменных изделий была изготовлена с использованием металлических орудий.

Металлические изделия известны по материалам Ховринского поселения, среди них ножи (рис. 12: 3, 41, 43), пластины (рис. 12: 4), бляхи (одна из них с пуансонным орнаментом) (рис. 12: 26), долота, массивное желобчатое тесло (рис. 12: 50), рыболовный крючок (рис. 12: 25), четырёхгранные шилья (рис. 12: 14, 27, 28), острия, однозубые гарпуны (рис. 12: 29, 42), клин топора (рис. 12: 15), фигурка змейки (рис. 12: 16) и т. д.

Свидетельством наличия местной металлообработки являются капли меди, ошлакованные обломки от сосудов, которые использовали в качестве тиглей.

2.2. КУЛЬТУРЫ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Ранние энеолитические могильники Усть-Камья (середина – вторая половина V тыс. до н. э.).

Территория, занимаемая усть-камским населением, ограничена левобережьем Приустьевого Прикамья и прилегающими регионами Среднего Поволжья (рис. 13).

Существующие данные позволили сделать заключение о том, что на местное население камской культуры неолита оказали влияние переселенцы с юга, которые образовали северный вариант хвалынской культуры.

В настоящее время известно только одно поселение, Гулькин Бугор (Гулькинское), связанное с усть-камскими энеолитическими могильниками. Топография памятника, а именно размещение его на не затапливаемом весенними разливами останце первой надпойменной террасы в пойме Волги, подчеркивает приуроченность его к реке и околоречным низинам.

На территории поселения были зафиксированы три ямы, связанные с энеолитом, которые располагались по одной линии вдоль береговой полосы. Они входили в состав наземного жилого сооружения и использовались как хранилища, об этом свидетельствуют находки в ямах сосуда и наконечников стрел.

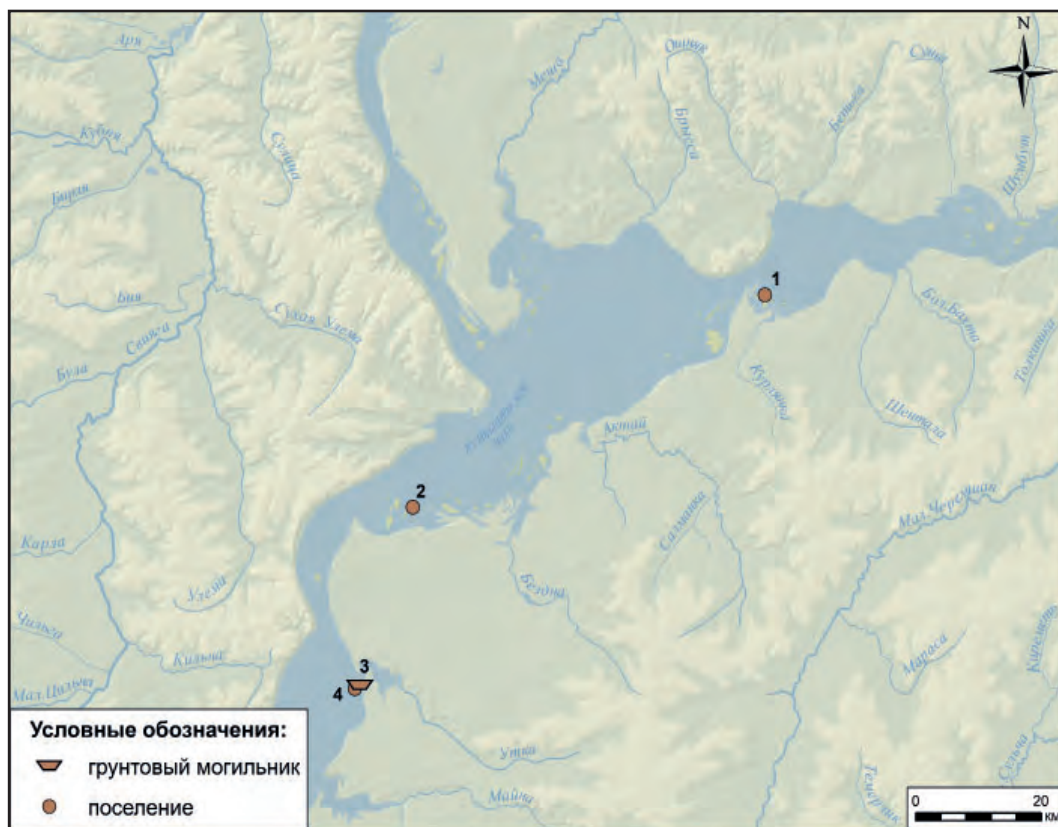

Рис. 13. Памятники культурного типа усть-камских могильников. 1 – Муржихинский II могильник; 2 – Тенишевский могильник; 3 – Гулькинский II могильник; 4 – поселение Гулькин Бугор (Гулькинское) (по: Чижевскому А.А., Шипилову А.В.)

Со стоянкой связаны круглодонные сосуды котловидной или чашевидной формы с примесью органики в глиняном тесте, венчики отогнуты наружу (рис. 14: 13–16, 19, 20, 26). Основными элементами орнамента были круглые ямки и оттиски гребенки. Тулова и шейки сосудов покрывают отпечатки гребенчатого штампа, чаще всего это фризы наклонного штампа и зигзаг. Ярким маркером усть-камской керамики была композиция в виде девятилучевой звезды, состоящей из расширяющихся поясов, внутри которых по кругу располагается фриз гребенчатого штампа. На дне располагается фигура из четырех квадратов.

Каменный инвентарь представлен изделиями из кварцита, двуцветного и одноцветного кремня. Многочисленны наконечники стрел (листовидной, иволистной, треугольной формы) (рис. 14: 1–10), наконечники копий и дротики иволистной формы (рис. 14: 23), топоры трапециевидной формы, долота (рис. 14: 21), ножи (рис. 14: 24, 25), ложка (рис. 14: 17, 22), тесла (в том числе из зеленого сланца) (рис. 14: 18), скребки, фигурные изделия (рис. 14: 11), подвески из серпентина (рис. 14: 12).

Размещение поселения на первой надпойменной террасе рядом с обширными пастбищами было обусловлено направленностью хозяйственной деятельности, связанной со скотоводством.

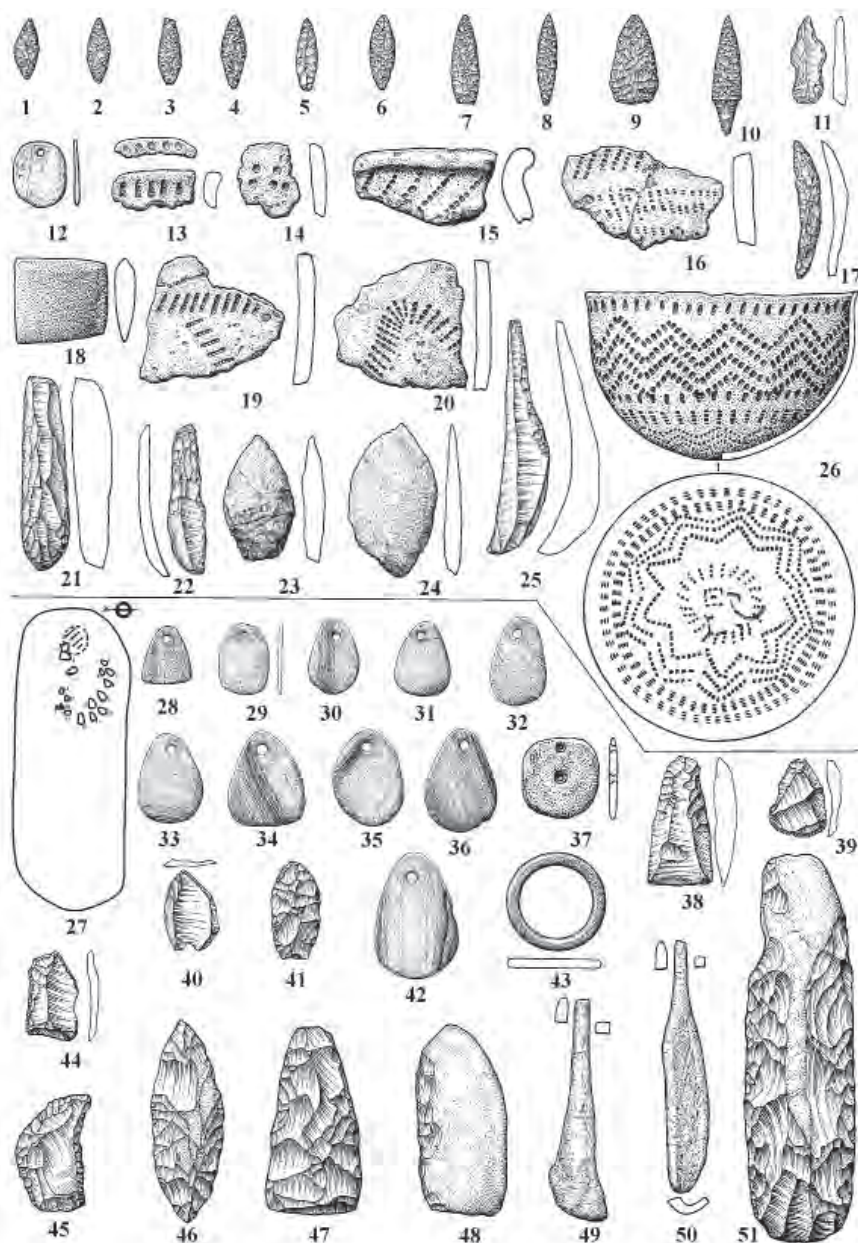

Рис. 14. Поселенческий и погребальный инвентарь усть-камских энеолитических могильников. 1–26 – поселение Гулькин Бугор; 27–36, 42 – Гулькинский II могильник; 37–41, 43–51 – Мурзахинский II могильник. 1–10 – наконечники стрел; 11 – фигурное изделие; 12, 28–37, 42 – подвески; 13–16, 19, 20, 26 – керамика; 17, 22 – ножи-ложжари; 18 – тесло, фрагмент; 21 – долото; 23 – наконечник дротика; 24, 25 – ножи; 27 – Гулькинский II могильник, погр. 1965 г.; 38, 47, 51 – тесла; 39, 45 – скребки; 40 – наконечник стрелы; 41 – наконечник дротика; 43 – «браслет»; 44 – стамеска-скребок-строгальный нож; 46 – кинжал; 48 – нож на кремневой плитке; 49, 50 – стамески (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Чижевский, Шипилов, 2021). Масштаб разный. 1–11, 17, 21, 22, 25, 38–41, 44–48, 51 – кремнь; 12, 18, 28–37, 42, 43 – сланец; 13–16, 19, 20, 26 – глина; 23, 24 – кварцит; 49, 50 – кость

Рис. 15. Погребальный инвентарь усть-камских энеолитических могильников.

1 – Тенишевский могильник, погр. 20; 2 – Мурзихинский II могильник, погр. 102;
3 – Мурзихинский II могильник, погр. 90; 4–6, 19, 20 – височные кольца; 7 – фигурка, головка кулика; 8 – фигурка лебедя; 9 – фигурка, головка копытного животного;
10 – антропоморфная фигурка; 11 – фигурка птицы; 12 – «геометрическая» подвеска;
13, 15–18, 21, 27–29 – подвески; 14 – кольцо; 22, 34 – керамика; 23, 31 – ножи; 24 – топор;
25 – скребок; 26 – мотыгообразное орудие; 30 – нож-ложкарь; 32 – гарпун; 33 – орудие кинжаловидной формы (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Чижевский, Шипилов, 2021).
Масштаб разный. 4–6, 19, 20 – медь; 7, 8, 12, 18, 32, 33 – кость и рог; 9–11, 23, 25, 30, 31 – кремень; 13–17, 21, 27–29 – сланец; 22, 34 – глина; 24, 26 – окремненный известняк

Все три известных усть-камских энеолитических могильника (Гулькинский II, Мурзихинский II, Тенишевский) грунтовые и располагаются на левом берегу рр. Камы и Волги на не затопляемых весенними разливами частях пойменной террасы.

Погребения на некрополях располагались рядами, кроме того, имелись захоронения, не входящие в ряды. Могильные ямы были круглой, овальной и подчетырехугольной формы (рис. 14: 27; 15: 1–3). Все погребения были совершены по обряду ингумации, но иногда уже в могилах обжигались, во многих могильных ямах отмечена охра.

В Мурзихинском II могильнике большая часть могил были коллективными и содержали от двух до четырех погребенных. Все погребенные располагались сидя или на спине, с подогнутыми ногами. Судя по наиболее полно сохранившимся костякам, умерших людей размещали сидя, с полусогнутыми ногами, направленными вверх коленями, руки предплечьями помещали на колени, голова свешивалась на грудь. В Гулькинском II и Тенишевском могильниках погребенные располагались лежа на спине, в первом случае ноги у костяка отсутствовали, во втором скелеты не сохранились, поэтому положение ног не установлено.

Погребальный инвентарь представлен керамикой, каменным и костяным инвентарем. Каменный инвентарь состоит из тёсел, шлифованных и нешлифованных (рис. 14: 38, 47, 51), долот, скобелей, скребков (рис. 14: 39, 45), стамесок (рис. 14: 44), различных пластин с ретушью, ножей (в том числе и с «пуговкой») (рис. 14: 48; 15: 23, 31), ложкарей (рис. 15: 30), наконечников стрел иволистной и листовидной формы (рис. 14: 40), наконечников дротиков (рис. 14: 41), топоров ладьевидной формы с асимметричным проухом (рис. 15: 24), кинжалов (рис. 14: 46), скребков (рис. 15: 25), резчиков, мотыги (рис. 15: 26) и др.

Костяной инвентарь также весьма разнообразен. В его состав входили стамески (рис. 14: 49, 50), долота, стилеты, наконечники стрел, кинжаловидное оружие (рис. 15: 33), гарпуны (рис. 15: 32).

Украшения из камня представлены подвесками каплевидной, овальной, круглой, подтреугольной, подчетырехугольной, подтрапециевидной и полулунной формы (рис. 15: 13, 15–17, 21, 27–29) из зеленого филлита и зеленоватого, серо-черного и белого сланца, на некоторых из них отмечены рисунки в виде рядов параллельных линий и горизонтального зигзага. Из серпентина изготовлены кольцо (рис. 15: 14) и браслет, выполненный в виде кольца (рис. 14: 43). Из кремня выполнены миниатюрные изображения головы травоядного животного, фигурки птицы и антропоморфа (рис. 15: 9–11). Интерес представляет находка кремневой конкреции в форме человеческой стопы, окрашенной красной охрой.

Кроме того, в коллекциях могильников найдены украшения из раковины (бисер), округлых кремневых конкреций или галек и янтаря.

Украшения из кости включают подвески круглой и овальной формы, с орнаментом, подобным узорам на подвесках из сланца (рис. 15: 18), а также орнитоморфные в виде гуся и кулика и «геометрическую» подвески (рис. 15: 7, 8, 12).

Медные изделия представлены фрагментами пластинчатого украшения, височным кольцом, кольцами, изготовленными из овальной в сечении «провода» (рис. 15: 4–6, 19, 20).

Погребальный инвентарь содержит кости диких животных, указывающих на охотничью деятельность носителей памятников усть-камского типа, а также

фрагмент лопатки крупного рогатого скота, подтверждающий наличие скотоводства у усть-камского населения.

Погребальная керамика представлена только в захоронениях Мурзихинского II могильника (рис. 15: 22, 34). Это сосуды, аналогичные керамике поселения Гулькин Бугор, с круглым дном чашевидной формы, в глиняном тесте присутствует органическая примесь или дробленая раковина. Орнаментирована мурзихинская керамика с использованием гребенчатого штампа. На одном из сосудов представлена композиция в виде многолучевой звезды и поясков фризов.

Исторические судьбы населения, оставившего усть-камские могильники, ещё до конца не определены, можно предположить возможность влияния усть-камского населения на формирование более поздних энеолитических культур Волго-Камья IV тыс. до н. э.

Майданская культура – средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности (IV – середина III тыс. до н. э.).

Ареал культуры располагается на территории Марийско-Чувашского Поволжья (рис. 16). Поселения располагались на малых реках, на террасах, окаймленных водоемами, а также по берегам проточных озёр. Как правило, эти поселения размещались группами.

В большинстве случаев поселенческая структура одно- и двухрядная, однако зафиксированы поселки с многорядной структурой, кучной и даже Т-образной. Сооружения в поселках соединялись переходами в торце жилища, но известны случаи обустройства переходов в центральной части длинной стены. Постройки площадью менее 60 кв. м составляют половину от всех известных сооружений майданской культуры, с площадью 61–80 кв. м – 27%, 81–100 кв. м – 16%, более 100 кв. м – 7%. Из 78 построек одна относится к культовым сооружениям, а две небольших размеров (3,3×2,2; 3,2×2,2 м), по всей видимости, были нежилыми.

Постройки были подквадратной, подпрямоугольной формы (рис. 17: 1), на позднем этапе изредка встречаются овальные сооружения. Входы были выполнены в виде ровика от пределов пола и повышающегося за ее пределы. Переходы между зданиями конструктивно были идентичны выходам и соединяли ближайшие постройки. Входы в постройки с глубокими котлованами оборудовались ступеньками.

Керамика майданской культуры представлена толстостенными сосудами (0,6 до 1,2 см), вытянуто-полуяйцевидной, приближающейся к котловидной формы, встречаются банки, донца плоские или уплощённые (рис. 17: 2–13). Глиняное тесто пористое с добавками растительных примесей или толчёной раковины, песка, шамота. По горловине выделены три вида сосудов: 1) с прикрытым горлом; 2) с прямой шейкой; 3) с приостренным венчиком и незначительно отогнутой шейкой.

Орнамент покрывал всю поверхность сосуда (рис. 17: 2–13). Для орнаментации использовался гребенчатый или овальнозубый штамп, овальные вдавления. Часть посуды украшена гребенчато-ямочной техникой. Орнаментальные композиции состоят из традиционных, с небольшими вариациями, распространенных еще в неолите мотивов: поясов наклонных оттисков гребенки, елочки со стеблем и без него, горизонтальных поясков гребенки в сочетании с поясками ямок, комбинации косой сетки и наклонных поясков гребенки с ямками, комбинации ямки с полосами гребенки и т. п. Для позднего этапа характерны следующие мотивы: сетка, зигзаг, ёлочка, ёлочка со стеблем, горизонтальные пояса, лучи, пояса заштрихованных зон. Часто встречаются сочетания различных штампов и нарезок, изображения рыб и птичьих

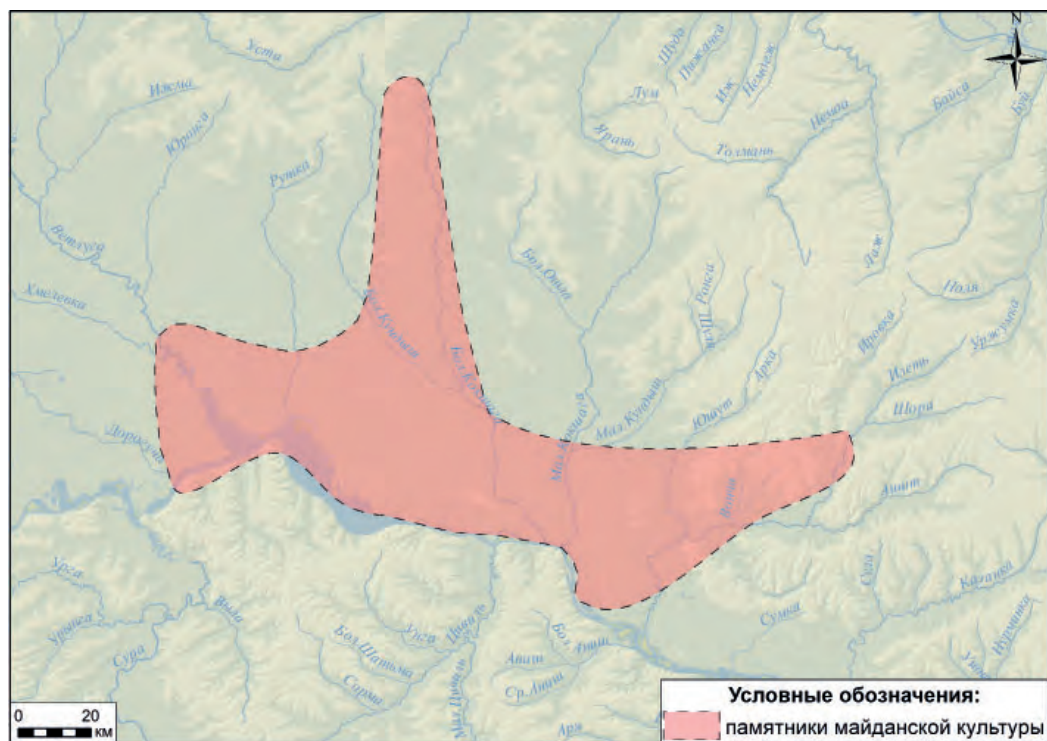

Рис. 16. Ареал майданской культуры, средневожский вариант воловской культуры

лапок, иногда фиксируются прочерченные рисунки животных (рис. 18: 50, 55). В качестве орнаментов использовался шнур, намотанный на стержень, аммониты и аммонитоподобные штампы. Однако большая часть сосудов позднего этапа не имеет орнамента. На поселениях встречены глиняные фигурки (антропоморфные и зооморфные), которые рассматриваются исследователями как игрушки (рис. 18: 13, 14, 30, 32, 59).

Каменный инвентарь представлен изделиями из местных пород кремня, доломита, сланца, песчаников, окремнелых известняков, изредка яшмы, опалов и кварцитов. В коллекциях присутствуют резцы, скребки, скребки-ложкари, скобели, ножи (рис. 18: 52, 62, 64, 65), ножи-резчики, ложкари, всевозможные перфораторы (проколки, сверла, развертки), наконечники (стрел, дротиков и копий) (рис. 18: 1–8, 35–42), тесла (рис. 18: 56, 67), долота, стамески, топоры, мотыги, молоты с перехватом (рис. 18: 63, 66), клинья, отбойники, ретушеры, тёрочки и терочные плитки, абразивы и грузила.

Украшения представлены сланцевыми (рис. 18: 34, 45–47, 51) и янтарными подвесками. Отдельно следует отметить фигурный камень – антропоморфные (рис. 18: 20–23), зооморфные (рис. 18: 16–19, 24, 25, 31, 43, 44) и орнитоморфные фигурки (рис. 18: 26–29).

На поселениях майданской культуры в массовом порядке встречены тигли (рис. 18: 60), глиняные трубки (рис. 18: 33, 61), кусочки и сплески металла, известны глиняные формы для отливки предметов, что свидетельствует о наличии местного металлопроизводства. Фиксируются также и готовые изделия: проволока, шилья

Рис. 17. Поселенческий инвентарь майданской культуры.

1 – Майданская стоянка. Жилище № 1 и 2; 2–13 – керамика

(по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Никитин, 2021). Масштаб разный. 2–13 – глина

(рис. 18: 53, 54), тесло (рис. 18: 57), дисковидная подвеска-лунница (рис. 18: 15), наконечник стрелы (рис. 18: 48), височные кольца (рис. 18: 10–12), трубчатая подвеска (рис. 18: 9); браслет, слитки металла, проволочные скобки, скрепляющие поврежденную керамику (рис. 18: 49).

Религиозные культы можно реконструировать на основании ритуальных комплексов, изученных на Удельно-Шумецкой и Чирковской стоянках. В первом случае комплекс представлял собой углубление подчетырехугольной формы (3×1,5 м), наполненное обгорелыми костями и фрагментами керамики. В массе своей кости принадлежали лапам медведя.

Во втором случае на площадке размерами 3,2×1,8 м были найдены 17 сосудов и кости животных, сырые (четыре челюсти медведя, зубы лося) и пережженные

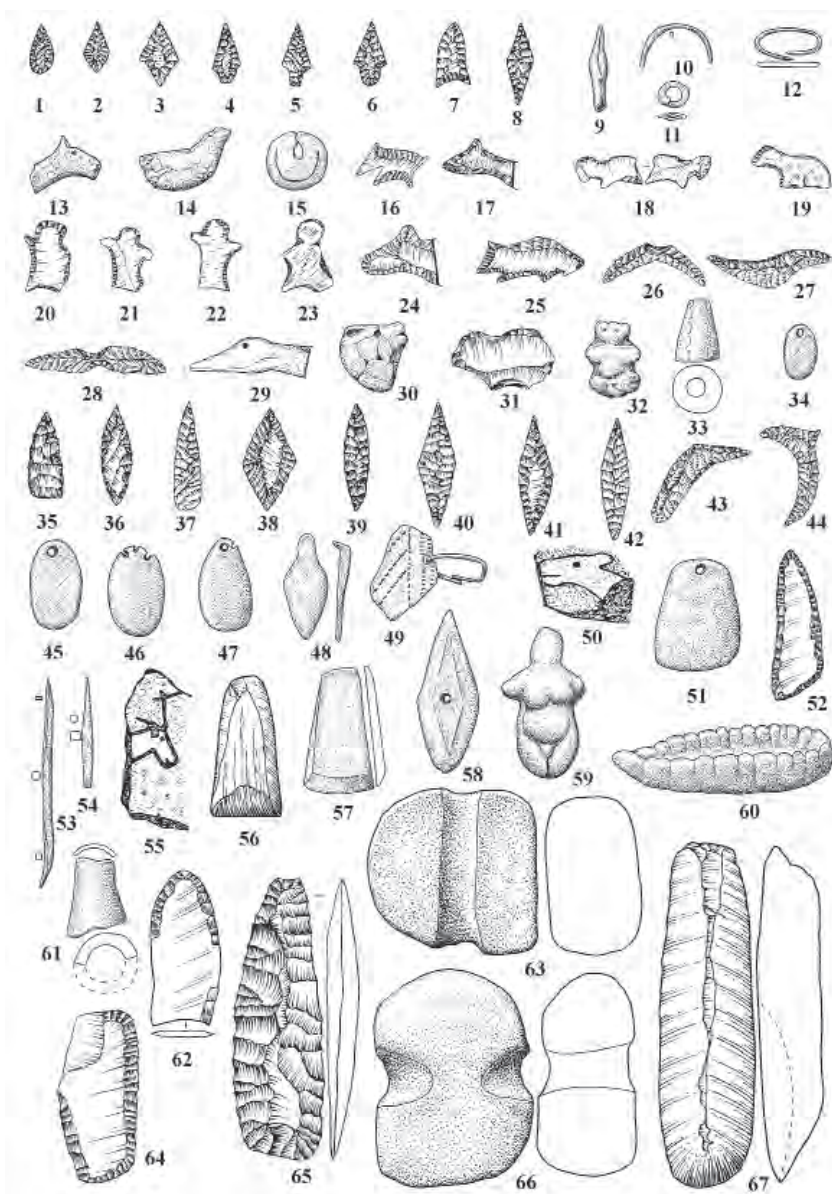

Рис. 18. Поселенческий инвентарь майданской культуры.

1–8, 35–42 – наконечники стрел; 9 – трубчатая подвеска; 10–12 – височные кольца; 13 – фигурка, голова травоядного животного; 14 – фигурка, тело травоядного животного (?); 15 – подвеска-лунница; 16, 18, 19, 25, 31, 32 – фигурка животного; 17, 24, 43, 44 – фигурка, голова животного; 20–23, 59 – антропоморфные фигурки; 26–28 – орнитоморфные фигурки (?); 29 – голова птицы; 30 – голова медведя; 33, 61 – предметы меднолитейного производства; 34, 45–47, 51, 58 – подвески; 48 – наконечник стрелы; 49 – фрагмент керамики со скобкой; 50, 55 – фрагменты керамики с изображением травоядного животного; 52, 62, 64, 65 – ножи; 53, 54 – проколки; 56, 57, 67 – тесла; 60 – тигель; 63, 66 – молоты (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Никитин, 2021). Масштаб разный.

1–8, 16–19, 20–29, 31, 35–44, 52, 56, 62, 64, 65, 67 – кремь; 9–12, 15, 48, 53, 54, 57 – медь; 13, 14, 30, 32, 33, 50, 55, 59–61 – глина; 34, 45–47, 58 – сланец; 49 – глина и медь; 63, 66 – камень

(в том числе и медвежьи), а также кремневые орудия. Жертвенные комплексы, отражающие культ лося и медведя в виде ям с костями этих животных, сырыми и пережжёнными, встречены и на других поселениях майданской культуры.

Могильники в ареале обитания майданской культуры не выявлены.

Отличительными признаками финального этапа майданской культуры служит керамика с волнистым оформлением края горла, а также присутствие в коллекциях плотно орнаментированных сосудов и превалирование неорнаментированной глиняной посуды. В это время появляются тонкостенная керамика, наlepные валики в верхней части сосуда. В орнаменте преобладают нарезные и прочерченные линии, плоские и ногтевидные штампы, изогнутая гребенка.

Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности трансформировался в ряд культур бронзового века: займищенский культурный тип, чирково-сейминскую и другие культуры.

Борский тип памятников (конец IV – середина III тыс. до н. э.).

Генезис памятников *борского типа* связан с новоильинской культурой, на памятниках которой в Приуралье впервые фиксируется пористая керамика. Изменение технологии обработки камня и появление крупнопластинчатой технологии обусловлено влиянием лесостепных энеолитических культур Волго-Уралья. Таким образом, материальная культура памятников борского типа возникла из новоильинской, которая трансформировалась под южным влиянием.

Территория, занимаемая памятниками борского типа, располагается в приустьевой части р. Чусовой и пермском течении р. Камы на её левом берегу. Ниже по течению Камы памятники борского типа встречены единично.

Самое крупное поселение борского типа – Бор V, на котором исследовано семь жилищных котлованов, причём четыре из них относятся не к борским, а к гаринским постройкам. Всего в ареале памятников борского типа известно восемь борских жилищ (рис. 19: 1, 2). Самое крупное сооружение размерами 36×6 м выявлено на поселении Боровое озеро, имеет глубину 0,8 м и явно относится к полуземлянкам. Внутри котлована зафиксированы очаги и ниши, размещённые по длинным стенкам. На поселении Малое Боровое озеро изучено двухкамерное сооружение, в составе которого отмечены котлован полуземлянки и длинное сооружение, соединённые переходом.

Керамика борского типа пористая с примесью раковины в глиняном тесте, имеет открытую полуяйцевидную, котловидную и чашевидную форму, донца округлые и приострённые (рис. 19: 35–40).

Основным элементом орнамента борской керамики были гребенчатые отпечатки, «ёлочки» и др. композиции. Присутствует также ямочная орнаментация. Характерной особенностью борской керамики являются длинные горизонтальные ряды гребенчатого штампа, «ёлочка», разнообразные зигзаги и «флажки».

С поселения Бор III происходит сосуд, украшенный стилизованными изображениями рогатых животных, размещённых над горизонтальной зигзагообразной линией. Над животными размещено изображение уточки (рис. 19: 35). Под венчиком между рядами «псевдошнурового» орнамента, отмечен поясок ямок.

Каменный инвентарь представлен листовидными наконечниками стрел вытянутых пропорций, с округлым и приострённым основанием (рис. 19: 3, 5–11, 14, 16, 19, 26, 27), концевыми скребками (рис. 19: 13, 18, 23), резцами (рис. 19: 20, 22), перфораторами (рис. 19: 12, 15, 21), ножами (рис. 19: 25, 28, 29, 31), комбинирован-

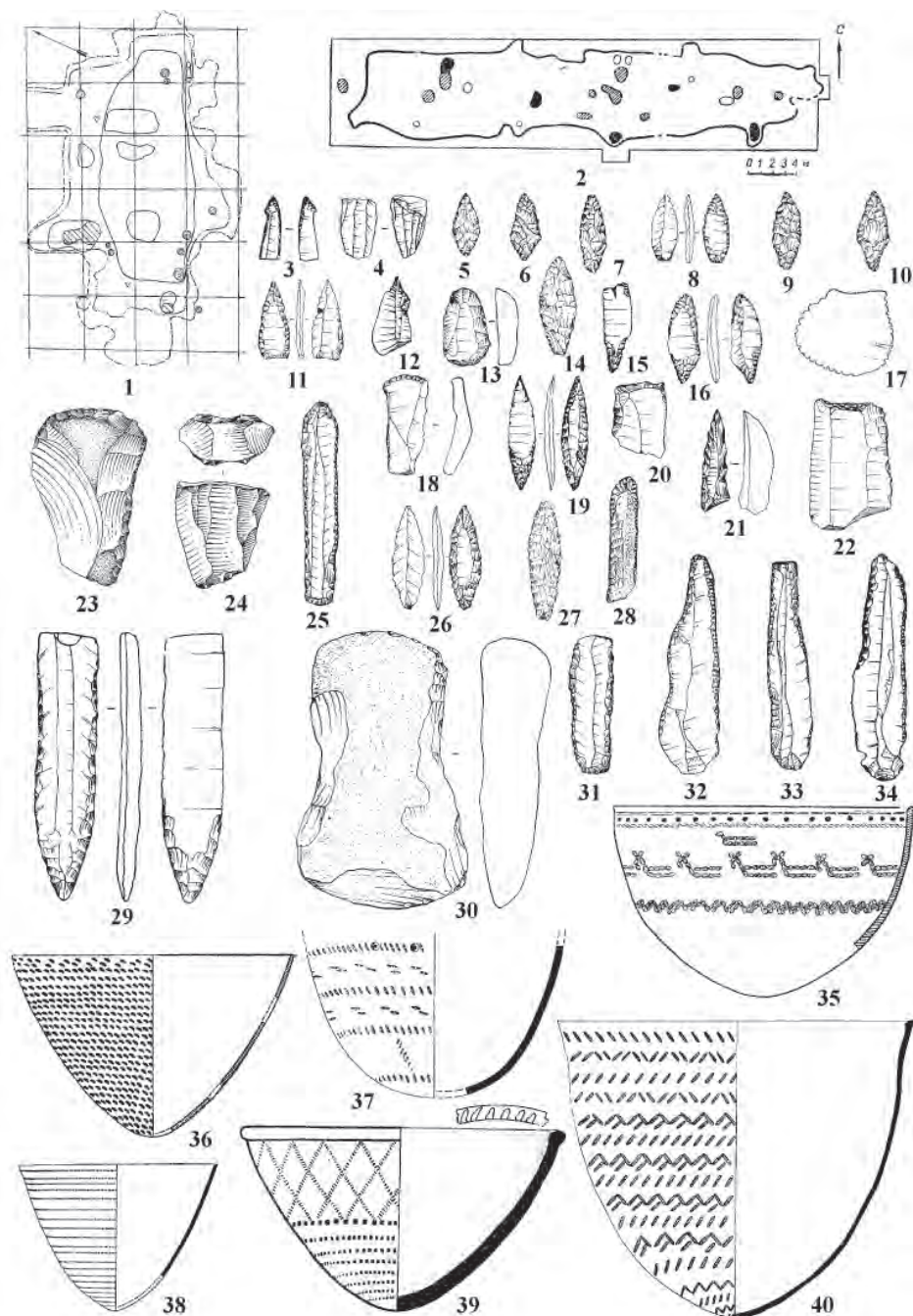

Рис. 19. Жилища и поселенческий инвентарь памятников борского типа.
 1 – поселение Бор III, жилище; 2 – поселение Боровое озеро VI, жилище;
 3, 5–11, 14, 16, 19, 26, 27 – наконечники стрел; 4, 24 – нуклеусы;
 12, 15, 21 – перфоратор; 13, 18, 23 – скребки; 17 – орнаментир; 20, 22 – резцы;
 25, 28, 29, 31 – ножи; 30 – топор с перехватом; 32–34 – «скребки-ножи»;
 35–40 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Мельничук, 2021). Масштаб разный.
 3–34 – кремень; 35–40 – глина

ными орудиями, т. н. «скребками-ножами» (рис. 10: 32–34), топорами с перехватом (рис. 19: 30) и орнаментом (рис. 19: 17).

Особенностью борской индустрии является пластинчато-отщеповая техника и использование широких массивных пластин, которые скалывались с макролитических нуклеусов, высотой до 30 см (рис. 19: 4, 24).

Металлические изделия и следы металлургии выявлены лишь на поселении Бор V, в котором имеются как борские, так и гаринские жилища. В борском жилище № 2 было найдено семь предметов, изготовленных из меди. В их числе шило, пластина, два литника и три капли. Тем не менее по спектральному составу металла эти предметы были отнесены к гаринским изделиям, вероятно попавшим в котлован борского сооружения случайно. Борская культура отнесена к энеолиту на основании наличия в составе её материальной культуры длинных пластин и тонкой обработки кремня, применение которых связывают с появлением металлических инструментов.

Хозяйство носителей культуры памятников борского типа было основано на охоте и рыболовстве.

Гаринская культура (середина – конец III тыс. до н. э.).

Генезис гаринской культуры связан с камской культурой эпохи неолита и проявляется в преемственности керамических традиций (форме и декоре глиняной посуды), а также схожих особенностях обработки каменных изделий. В то же время на формирование гаринской культуры оказали влияние археологические культуры лесостепной и степной зон Волго-Уралья эпохи палеометалла, такие как самарская культура.

Территория гаринской культуры охватывает бассейн р. Камы, причём наибольшая концентрация памятников наблюдается в Пермском и Удмуртском Прикамье. Известны гаринские памятники и в Иско-Бельском и Вятско-Камском междуречьях (рис. 20).

Поселения располагаются на вторых надпойменных террасах, рядом со старичными озёрами. На поселениях фиксируются жилищные впадины. В южной части ареала культуры часто насчитывается до десяти сооружений, в северной их количество не превышает восьми. К настоящему времени изучено около 200 жилищ гаринской культуры.

Исследователями установлено, что на ранних этапах существования гаринской культуры сооружались многокамерные жилища полуземляночного типа, в котлован которых глубиной около одного метра помещали срубы. Всего в таких многокамерных конструкциях насчитывалось от двух до шести построек, соединённых переходами в виде заглублённых в землю коридоров (рис. 21: 1). На поздних гаринских памятниках строили жилища уже другой конструкции – в виде прямоугольных сооружений, не соединённых коридорами. Площадь одиночных жилищ составляла 40–100 кв. м.

Керамический комплекс гаринской культуры состоит из пористой глиняной посуды с примесями раковины в глиняном тесте. Сосуды имеют полуяйцевидную форму с округлым или приостренным дном (рис. 21: 13, 14, 16–18).

Керамика гаринской культуры крупная в начале её существования (диаметр более 28 см), к позднему периоду существования стала уменьшаться в размерах, стали обиходными сосуды диаметром 18–27 см, возросло количество посуды открытых форм.

На раннем этапе отмечены венчики с постепенным переходом к стенке, с напылом вовнутрь, Г-образные, Т-образные. На позднем этапе возрастает число сосудов с округлыми венчиками, по размерам они, как правило, тоньше стенок.

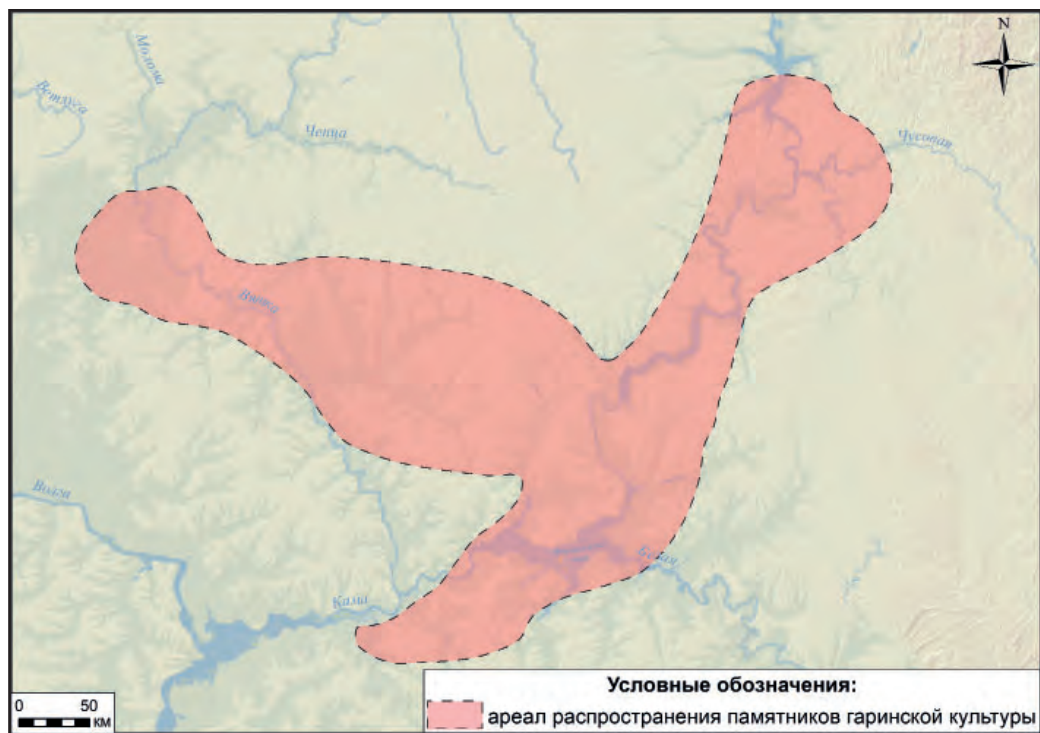

Рис. 20. Ареал гаринской культуры

Основным элементом орнамента гаринской керамики был гребенчатый штамп, как длинный, до 5 см с пятью-семью зубцами, так и короткий, с двумя-тремя зубцами. Иногда на глиняной посуде фиксируются ямочные вдавления, ногтевидные насечки, вдавления.

В течение раннего периода существования культуры срез венчика украшался косо поставленными отпечатками зубчатого штампа или овальными вдавлениями.

Наиболее распространёнными орнаментальными мотивами были «ёлочка», ромбы, решётка, треугольники.

На тулове орнамент был зональный в виде горизонтальных, вертикальных, диагональных блоков. Отдельные элементы орнамента свободно заполняли всю внешнюю поверхность сосудов. Иногда декор располагался на внутренней стороне верхней части сосуда.

Типичными композициями гаринской керамики были повторяющиеся пояса косо поставленных отпечатков длинного (до 6 см) или короткого (1,5–2 см) зубчатого орнамента. Зачастую между ними располагались ряды прямо поставленного короткого зубчатого штампа. Для керамики раннего периода характерна композиция в виде рядов «шагающей гребенки».

На позднем этапе существования гаринской культуры орнамент на глиняной посуде становится более бедным, исчезают сложные композиции, распространяется декор в виде разреженных рядов наклонного мелкозубчатого штампа. Появляются плоскодонные сосуды с открытой горловиной, отогнутым гофрированным венчиком, валиками, иногда с ушками по бокам (рис. 21: 2–13, 15, 19).

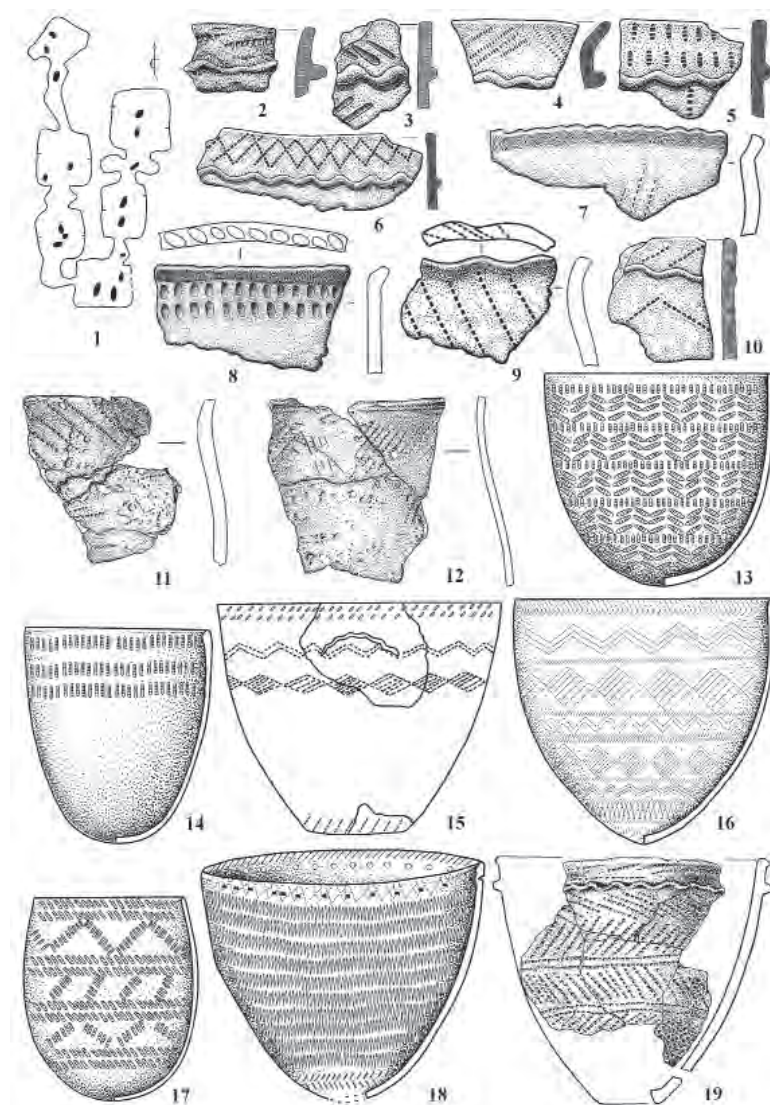

Рис. 21. Поселенческий инвентарь гаринской культуры.

1 – планировка жилищ гаринской культуры; 2–12 – фрагменты керамики; 13–19 – полные формы и реставрированные сосуды (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Мельничук, Шипилов, 2021). Масштаб разный. 2–19 – глина

Каменные орудия гаринской культуры представлены различными орудиями, изготовленными на отщепках, сколах и плитках. В их числе наконечники стрел (рис. 22: 12, 17, 25, 26, 31–34) и дротиков (листовидной формы, с усечённой или выемчатой базой) (рис. 22: 36, 52), ножи (рис. 22: 38, 47–51, 56, 57), скребки (рис. 22: 47–51, 56, 57), свёрла, проколки, шлифованные топоры, тёсла (рис. 22: 29, 30, 55), долота. Кроме того, зафиксированы молоты с перехватом (рис. 22: 53), абразивные плиты из песчаника, рыболовные грузила от сетей, отбойники и куранты. Интересны шлифованные орудия небольших размеров из сланцевого шифера: пилки, ножи, наконечники стрел, миниатюрные сланцевые тёсла и долота.

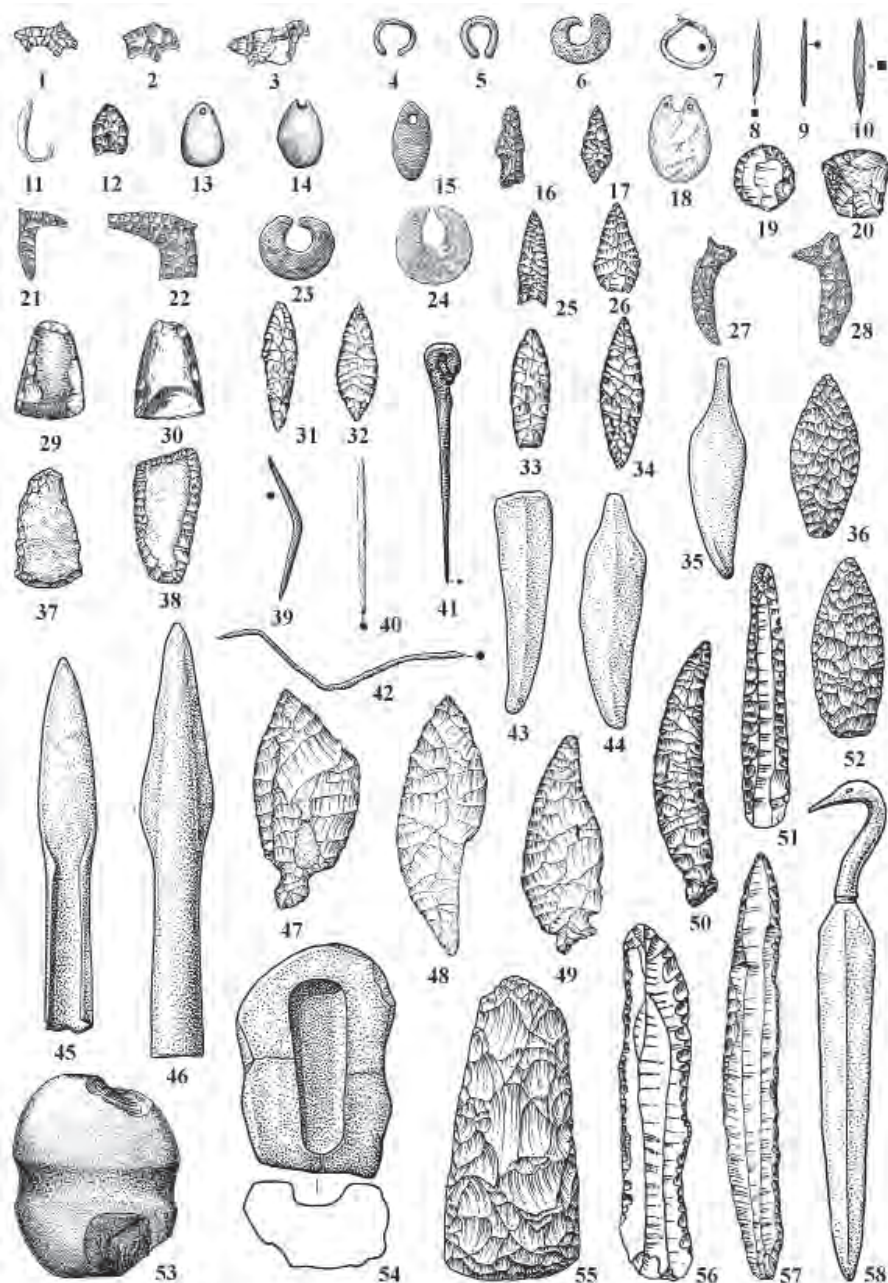

Рис. 22. Поселенческий инвентарь гаринской культуры.

1–2, 21, 22, 27, 28 – зооморфные фигурки; 3 – орнитоморфная фигурка; 4, 5, 7 – височные кольца; 6, 13–15, 18, 23, 24 – подвески; 8–10, 39, 40 – шилья; 11 – рыболовный крючок; 12, 17, 25, 26, 31–34 – наконечники стрел; 16 – антропоморфная фигурка; 19, 20, 37 – скребки; 29, 30, 55 – тесла; 35, 38, 43, 44, 47–51, 56, 57 – ножи; 36, 52 – дротики; 41, 42 – булавки; 45, 46 – наконечники копий; 53 – молот с перехватом; 54 – литейная форма; 58 – кинжал (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Мельничук, Шипилов, 2021). Масштаб разный.

1–3, 12, 16, 17, 19–22, 25–34, 36–38, 47–52, 55–57 – кремль;
4–11, 23, 24, 35, 39–46, 58 – медь; 13–15, 18 – сланец; 53 – камень; 54 – глина

Украшения представлены сланцевыми сверлѐными подвесками овальной и округлой формы (рис. 22: 13–15, 18), изредка встречаются и янтарные украшения. Встречаются изделия из фигурного кремня в виде птиц (рис. 22: 3), животных (рис. 22: 1–2, 21, 22, 27, 28), рыб и единичные антропоморфные фигурки (рис. 22: 16).

Металлургия цветных металлов гаринской культуры согласно данным спектрального анализа основывалась на местных медистых песчаниках. И хотя свидетельства цветной металлургии (остатки медеплавильного сооружения, глиняные тигли, литейные формы) (рис. 22: 54) отмечены лишь на четырёх поселениях (Красное Плотбище, Заосиновское I, Русско-Азибейское III, Новобиксинтевское), следы металлообработки выявлены практически на всех поселениях. На Новобиксинтевском поселении зафиксирована яма с кладом медной руды. В составе металлического инвентаря данной культуры присутствуют: шилья (рис. 22: 8–10, 39, 40), кольца (рис. 22: 4, 5, 7), крючки (рис. 22: 11), листовидные ножи (рис. 22: 35, 43, 44), подвески-лунницы (рис. 22: 6, 23, 24), булавки (рис. 22: 41, 42) наконечники копий (рис. 22: 45, 46). Интересен нож с орнитоморфной рукоятью в виде головы лебедя из Усть-Курбинского поселения (рис. 22: 58).

Гаринская культура послужила основой для формирования таких культурных образований бронзового века лесной части Волго-Уралья, как памятники заосиновского типа и ерзовская культура.

Имеркская культура (первая половина II тыс. до н. э.).

Имеркская культура сложилась под влиянием миграции верхнеднепровской (восточно-полесской) и дубровической культур на территорию волосовской культурно-исторической общности.

Территория, занимаемая данной культурой, располагается в бассейне р. Мокши, известны её поселения на р. Оке, Верхней Суре, территории Ярославского Поволжья (рис. 23).

Поселения располагаются в пойме на дюнах, иногда на мысах первой надпойменной террасы. Судя по мощности культурного слоя, значительная часть поселений имела долговременный характер, но известны и кратковременные стоянки.

Известно семь жилищ имеркской культуры, которые изучены полностью или фрагментарно (рис. 24: 1). Глубина котлованов сооружений небольшая (20–60 см), что соответствует наземным постройкам с заглублѐнным полом (20 см) и полуземлянкам (30–60 см).

Односекционные постройки имели подчетырехугольную форму и площадь около 40 кв. м, двусекционные сооружения – соответственно 44 и 36 кв. м. Внутри котлована устанавливались перегородки, а по бокам широкие выступы – основания нар, очаги размещались в ямах внутри котлована.

Керамика имеркской культуры плотная, изготовленная методом лоскутного налепа, содержала примеси охры, оолитов, возможно птичий помёт. Поверхности сосудов заглаживались мягким предметом, иногда галькой.

Сосуды имели приострѐнные с шиповидным завершением, округлые, плоские и вогнутые донца (рис. 24: 2–12). Характерной особенностью имеркских сосудов был наплыв с внутренней стороны венчика, который был сформирован с помощью налепа глиняной ленты.

Орнамент у большей части керамики располагался по всей внешней поверхности, в том числе и на донце. Внутренняя поверхность сосуда декорировалась в исклю-

Рис. 23. Ареал имеркской культуры

чительно редких случаях. Орнаментальная зона под венчиком украшалась наколами или оттисками зубчатого штампа. Некоторые сосуды не имели декора.

Основными элементами орнамента имеркской культуры были прочерченные линии и наколы полукруглой, скобковидной, овальной, треугольной, квадратной формы, а также в виде узких насечек и оттисков щепки с неровными краями. Реже используются отпечатки зубчатого штампа, очень редко применялись оттиски верёвочки, в том числе и накрученной на палочку или кость.

В декоре имеркской керамики использовались орнаментальные мотивы, состоящие из прочерченных линий, объединённых в горизонтальные ряды косых чёрточек, «паркетные» зоны, заштрихованные треугольники; горизонтальные и вертикальные зигзаги; ряды вертикальных прочерков; косая сетка; ёлочка со стеблем и т. д.

Каменный инвентарь представлен скребками подквадратной, подпрямоугольной, подтреугольной, трапецевидной, овальной и округлой формы (рис. 25: 14, 15, 26, 32, 34), скобелями, ножами с одним, реже двумя лезвиями (рис. 25: 9, 10, 13, 16, 20, 23–25, 28, 29, 33, 35, 37, 38), единичны ложки (рис. 25: 8). Нечасто встречаются резцы и резчики. Широко распространены перфораторы: свёрла, проколки и развёртки (рис. 25: 11, 12, 17–19, 21, 22, 27, 31, 39). Рубящие орудия редки, в их составе отмечены топоры клиновидной формы, долота с желобком и без такого (рис. 25: 30), тёсла. Редко фиксируются и молоты. Наконечники стрел разнообразны по форме, встречены треугольно-черешковые, листовидные, миндалевидные и ромбические (рис. 25: 1–7). На поселениях отмечены отбойники на валунах. Широко распространены комбинированные орудия, сочетающие несколько функций, например скобель-нож и т. д.

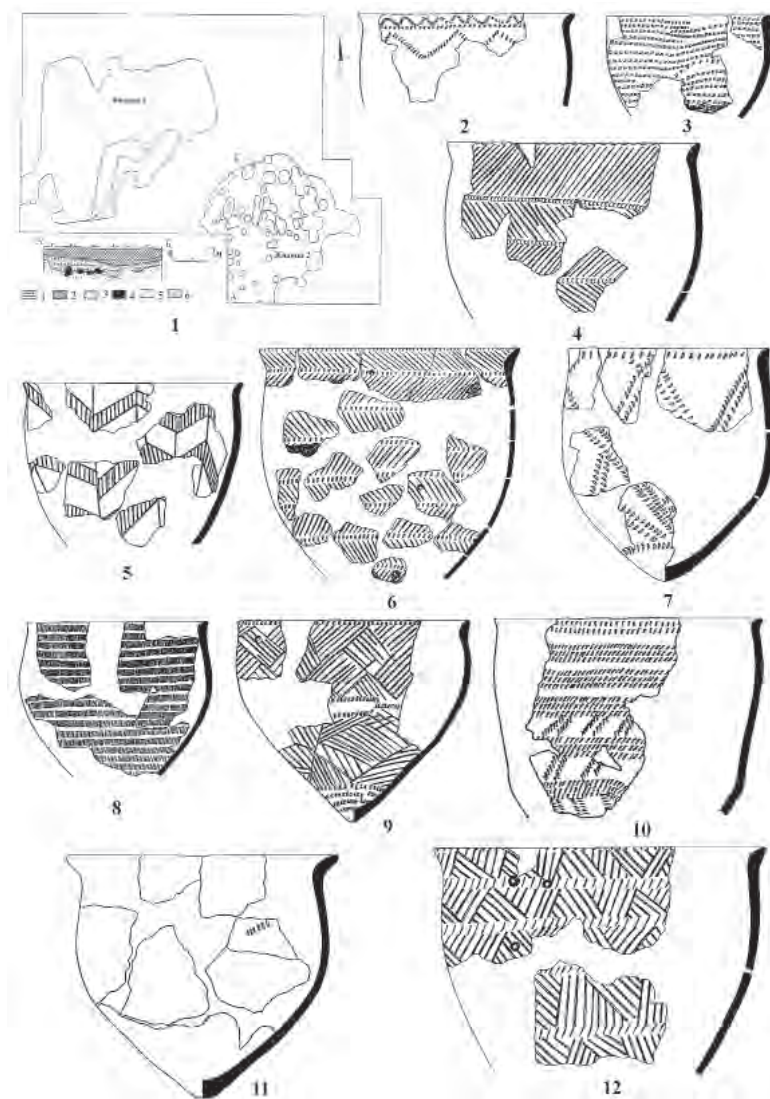

Рис. 24. Поселенческий инвентарь имеркской культуры.
1 – поселение Новый Усад IV, жилища; 2–12 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Королев, Ставицкий, 2021). Масштаб разный. 2–12 – глина

Местная металлургия базировалась на медистых песчаниках Приуралья. Собственно наличие металлургии как таковой фиксируется по находкам на поселениях имеркской культуры льячек чашевидной формы с корольками меди (рис. 25: 40–42), тиглей, сосудов с ошлакированной поверхностью, керамических односторонних литейных форм (рис. 25: 36, 43). Известен молот с выемками для крепления, предназначенный для проковки отлитых предметов. Непосредственно количество металлических предметов, выявленных на имеркских памятниках, невелико: это нож, сплески меди и изогнутая пластинка.

Окончание существования имеркской культуры относится ко времени проникновения на территорию Примокшанья носителей культур бронзового века, таких как

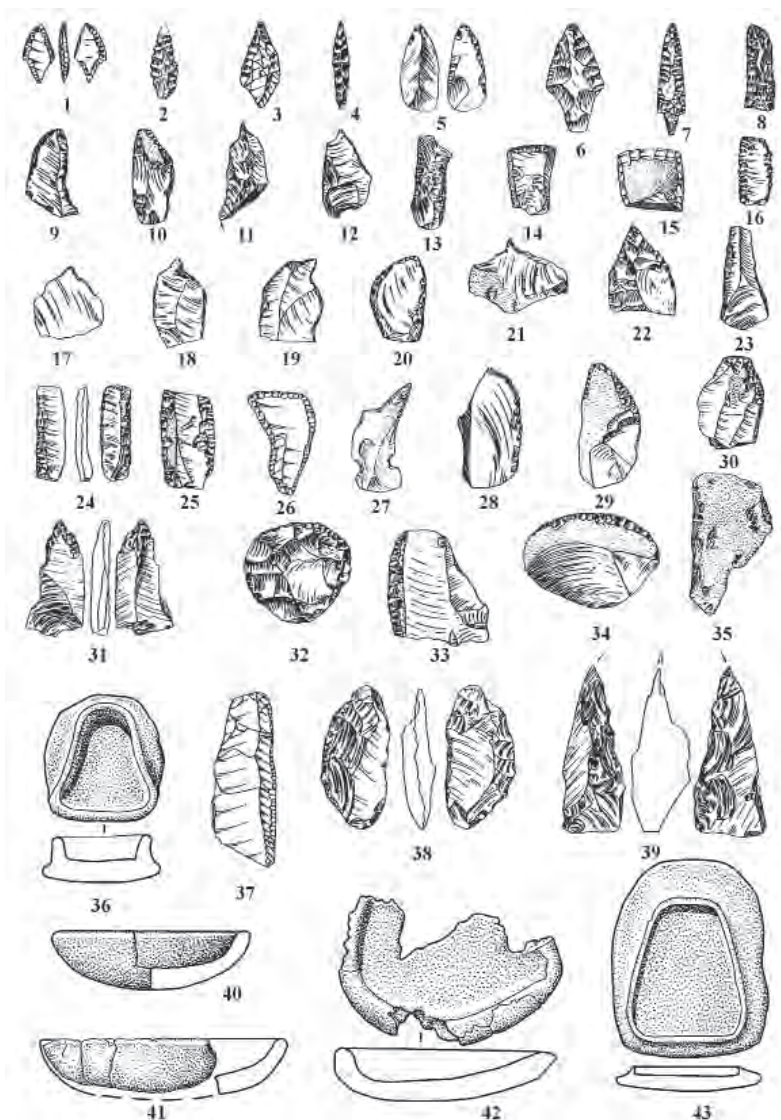

Рис. 25 Поселенческий инвентарь имерской культуры. 1–7 – наконечники стрел; 8 – нож-ложкарь; 9, 10, 13, 16, 20, 23–25, 28, 29, 33, 35, 37, 38 – ножи; 11, 12, 17–19, 21, 22, 27, 31, 39 – перфораторы; 14, 15, 26, 32, 34 – скребки; 30 – долото; 36, 43 – литейные формы; 40–42 – тигли (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Королев, Ставицкий, 2021).
Масштаб разный. 1–35, 37–39 – кремень; 36, 40–43 – глина

фатьяновско-балановская культура и примокшанский вариант ивано-бургской культуры.

Чойновтинская культура (рубеж IV/III – начало II тыс. до н. э.).

Образование чойновтинской культуры связано с трансформацией местных неолитических культур, камской и льяловской, под гаринско-борским влиянием. Существует точка зрения о формировании чойновтинской культуры из новоильинской, носители которой мигрировали на территорию Европейского Северо-Востока из Волго-Камья.

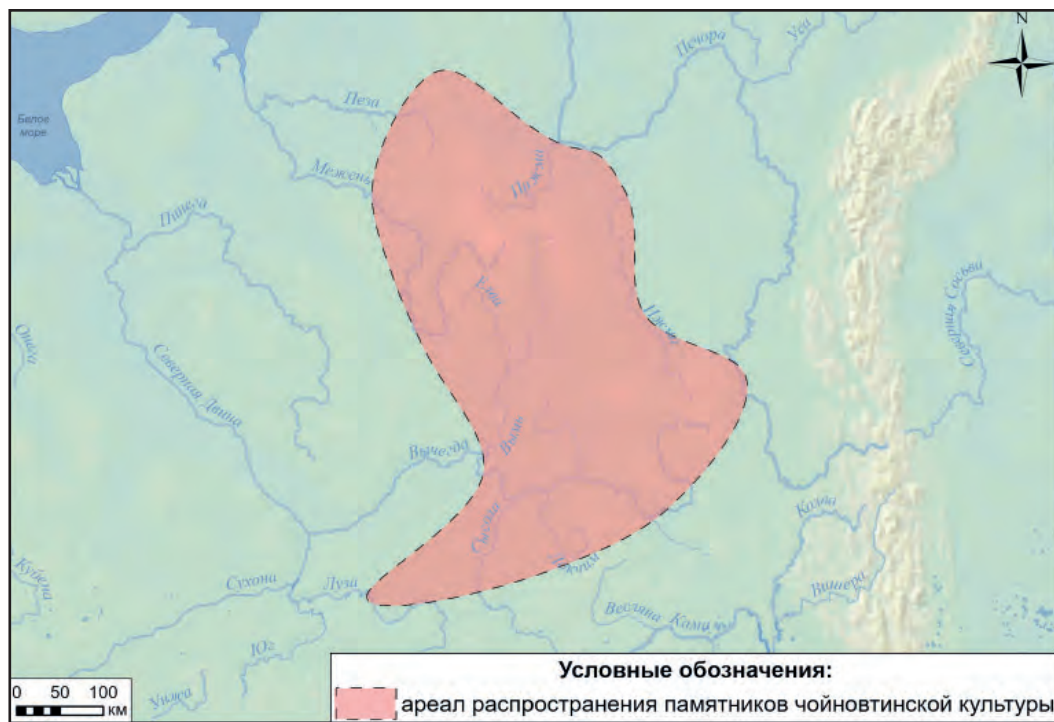

Рис. 26. Ареал чойновтинской культуры

Территория чойновтинской культуры располагается в бассейнах рр. Мезени, Вычегды, на притоке Вычегды Выми, вокруг озёр Синдор, Ямоозеро, Косминские, а также на р. Печоре и её притоке Ижме (рис. 26).

Поселения чойновтинской культуры располагаются на территории надпойменных террас современных рек или старичных русел. Жилища на площадке поселения имеют два варианта размещения: компактно или рассредоточено на расстоянии десятков метров друг от друга.

Выделяются зимники – поселения со стационарными заглублёнными в землю жилищами и очагами внутри котлованов – и летники с легкими наземными жилищами, очаги в этих поселениях размещались вне жилищ. Выделяются собственно жилища и мастерские – кремнеобрабатывающие и металлообрабатывающие.

Постройки чойновтинской культуры имели каркасно-столбовую конструкцию, как правило, форма котлованов была подпрямоугольной, площадь их составляет от 12–15 до 50–100 кв. м (рис. 27: 1). Выходы в жилищах (один-два) были канавообразной формы. Очаги размещались внутри котлована в ямах или на подсыпке в центре жилища. Полы довольно часто посыпали охрой. Вдоль стен нередко выкапывались ямы хозяйственного назначения. Постройки небольших размеров, по предположению исследователей, были пирамидальной формы, а сооружения крупных размеров имели двускатную крышу. Отдельные постройки малых размеров, ввиду того что они не имели очага, относят к хозяйственным сооружениям.

Керамика чойновтинской культуры пористая, изготавливалась с использованием ила с добавлением органики в виде раствора и дробленой раковины (рис. 27: 21,

24–26, 28–31). Формировались сосуды с помощью лоскутного налепа. После изготовления поверхность сосуда подвергалась штриховой обработке с использованием щетки или травы.

Распространены глубокие полуяйцевидные, конусовидные и чашевидные сосуды (рис. 27: 25, 28, 30, 31). Венчики плоские или уплощенные, реже округлые, брусковидные или скошенные внутрь Г-образной, Т-образной («грибовидной») формы.

Орнамент покрывал сосуды по всей внешней поверхности, включая срез венчика. Основными элементами орнамента были оттиски коротких зубчатых штампов (с широкими и узкими зубцами, личинковидные, овальные); оттиски гладких и шнуровых (в виде шнура, намотанного на палочку) штампов. Иногда использовались ямки, наколы, рамчатый штамп.

Основным орнаментальным мотивом был ряд наклонных оттисков штампа в различных вариациях. Композиционно ряды оттисков покрывали весь сосуд горизонтальными рядами, иногда они группировались в горизонтальные елочки, которые чередовались наклонными столбцами. Кроме рядов наклонного штампа изредка использовались мотивы в виде рядов ямок и горизонтальный зигзаг. Неорнаментированные сосуды известны в единичных случаях. Кроме того, из обломков керамики на Шиховском II поселении изготавливались пряслица (рис. 27: 9).

Каменный инвентарь чойновтинской культуры изготавливался, в массе своей, из кремня с тепловой обработкой поверхности для подготовки его к расщеплению. Он включает наконечники стрел с вогнутым или прямым насадом (листовидной, треугольной, миндалевидной формы) (рис. 27: 3–5, 7, 8, 11, 12), наконечники копий и дротиков (рис. 27: 18, 20, 42), отщепы с краевой ретушью (ножи), собственно ножи (в том числе и с «пуговкой») (рис. 27: 22), скребки (рис. 27: 6, 10), фигурные камни, абразивные плиты и оселки (рис. 27: 18); шлифованные и нешлифованные рубящие орудия: тесла, топоры, долота, клинья (рис. 27: 13, 19).

Известна в чойновтинской культуре и миниатюрная кремнёвая скульптура: из её поселений происходят фигурки водоплавающей птицы, рыбы, медведя, головы лося (?), выдры (?) и лунницы. Антропоморфное изображение только одно, оно происходит из поселения Усть-Кедва II и изготовлено из песчаника (рис. 27: 14). На двух поселениях найдены подвески из янтаря и сланца (?) (рис. 27: 23).

Следы медеплавильного производства на поселениях чойновтинской культуры довольно многочисленны: это обломки тиглей (рис. 27: 27), шлаки, фрагменты ошлакованной глины, сплески, слитки металла. Медные изделия, напротив, весьма немногочисленны, в их числе игла, обломок четырехгранного острия, П-образная скобка, фрагмент очковидной подвески из плоской проволоки и т. п. (рис. 27: 2, 15, 17).

Носители чойновтинской культуры вели охотничье-рыболовческое хозяйство, подтверждением этому являются находки костей лесных копытных животных, бобра, птицы, рыбы. Наличие зимних и летних поселений свидетельствует, вероятно, о практике сезонной смены угодий.

Могильники чойновтинской культуры крайне немногочисленны, известно только одно место захоронения на поселении Вис II, предположительно связанное с этой культурой (рис. 27: 32). На этом некрополе исследованы два погребения без костных останков, они были пересыпаны охрой и содержали погребальный инвентарь в составе 22 пуговиц, выполненных из янтаря (рис. 27: 33–41) в одном захоронении, и наконечник копья, изготовленный из кремня в другом погребении (рис. 27: 42).

Рис. 27. Поселения и погребения. Поселенческий и погребальный инвентарь чойновтинской культуры. 1 – поселение Ниремка I, планировка сооружений; 2 – фрагменты четырехгранного острия; 3–5, 7, 8, 11, 12 – наконечники стрел; 6, 10 – скребок; 9 – пряслице; 13, 16 – вкладыш составного рубящего орудия; 14 – миниатюрная скульптура; 15 – П-образная скобка; 17 – игла; 18 – незавершенный наконечник копья; 19 – обломок рубящего орудия, переделанный в абразив; 20, 42 – наконечник копья; 21, 24, 29 – фрагменты керамики; 22 – незавершенный нож(?); 23 – подвеска, 25, 28, 30, 31 – керамика, реконструкция; 27 – тигель; 32 – поселение Вис II, погребения; 33–41 – пуговицы (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Карманов, Косинская, 2021). Масштаб разный. 2, 15, 17 – медь; 3–8, 10–12, 18, 20, 22, 42 – кремний; 9, 21, 24–31 – глина; 13, 16 – камень (окремненный известняк?); 14, 19 – песчаник; 23 – сланец (?); 33–41 – янтарь

Чужьяёльская культура (втор. пол. IV – нач. III тыс. до н. э.).

Происхождение чужьяёльской культуры связано с инфильтрацией на Европейский Северо-Восток носителей гребенчатого керамического комплекса позднего этапа камской неолитической культуры с юга, накольчатого керамического комплекса с Верхней Волги или Южного Урала, а также миграцией энеолитического населения Нижнего Приобья с востока, которое привнесло стиль гребенчатого геометризма.

Территория чужьяёльской культуры располагается в основном в верхнем течении Мезени (рис. 28). В низовьях Печоры, Большеземельской тундре, верховьях Вымы, среднем течении Вычегды, а также озёрах Ямоозеро, Косминские и Синдорское выявлены отдельные сооружения или группы керамики.

Поселения культуры располагались на краях надпойменных террас, покрытых сосновыми лесами и ягелем, вдоль современных рек или их притоков и стариц. Они насчитывали от одного до пяти жилищ и располагались широко на протяжении около 200 м в один ряд. Как правило, чужьяёльские жилища входили в состав разнокультурных поселений. Все поселения относятся к кратковременным стоянкам.

Известно два типа сооружений: полуземлянки глубиной до 0,8 м и наземные постройки. Площадь жилых построек составляет от 25–50 кв. м до 70 кв. м. Конструкция полуземлянок, по мнению исследователей, представлена бревенчатыми сооружениями с коридорообразным входом (одним-двумя) в торце. По периметру котлована фиксируется земляная завалинка. Внутри котлована жилища, вдоль его длинной оси, в яме или на подсыпке располагались очаги, от одного до трёх.

Рис. 28. Ареал чужьяёльской культуры

Рис. 29. Поселенческий инвентарь чусьяельской культуры.
 1, 2, 4, 5, 9, 11, 13, 15, 17, 18–21, 30, 32, 35 – скребки; 3, 6–8, 16, 31 – ножи; 38 – скобель;
 10, 25–29, 39 – наконечники стрел; 12 – фрагмент орудия; 22, 34 – подвески;
 23, 24 – керамические изделия; 33, 40 – сверла; 36, 37 – тесла; 41–49 – керамика
 (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Карманов, Косинская, 2021). Масштаб разный.
 1–21, 25–33, 35, 38–40 – кремень; 23, 24, 41–49 – глина; 22, 34 – галька; 36, 37 – камень

По периметру иногда отрывали хозяйственные ямы. Известна постройка с вентиляционным каналом, а также жилища с канавкой вдоль стен.

Керамика чужьяёльской культуры изготавливалась из плотной формовочной массы с примесью шамота, песка, иногда дресвы. Внешняя поверхность тщательно заглаживалась или ложила, а внутренняя иногда покрывалась расчёсами.

Выделяются три типа сосудов: 1) глубокие полуяйцевидные с конусовидным или округлым дном; 2) невысокие чаши, круглые и овальные в плане; 3) профилированные сосуды с выделенной или намечающейся шейкой (рис. 29: 41–49).

В ранних керамических комплексах основными элементами орнамента были отпечатки гребенчатого штампа, ямочные вдавления, гладкий штамп, наколы. В числе орнаментальных мотивов применялись наколы, выполненные в отступающей технике, схожей с ложным шнуром, использовалась и техника отступающей гребенки в виде отпечатков углом штампа.

Основными композициями были горизонтальные зоны, состоящие из рядов вертикальных оттисков, косой сетки, ёлочки, зигзагов, наклонных столбцов, сгруппированных в ромбовидные фигуры, заштрихованных ромбов и треугольников. Зоны были разделены рядами гребенчатого штампа или наколов. Ряды ямок размещались под венчиком, иногда внутри глубоких каннелюр.

В керамических комплексах среднего периода появляются низкие чаши, иногда овальной формы (рис. 29: 41, 44, 45). Простой накольчатый штамп вытесняется фигурными штампами (копытным, гладким, зубчатым арочным), появляются и широко распространяются отпечатки гребенчатого штампа с фигурными зубцами.

Простые орнаментальные мотивы в виде зональных узоров постепенно вытесняются геометрическими, которые образуют композиции из заштрихованных ромбов, треугольников, фестонов, многорядных зигзагов, сеток, с наколами-глазками в ячейках. Встречаются изображения птиц. Ямочные вдавления по-прежнему располагаются под венчиком в 1–3 ряда, иногда на дне каннелюр, появляются сосуды, украшенные сотовыми узорами из шестиугольных фигур.

Поздний керамический комплекс чужьяёльской культуры выделяется сильной запесоченностью глиняного теста и отсутствием сложных геометрических узоров. Характерной особенностью керамического комплекса этого времени является присутствие пористой керамики чойновтинской культуры.

Изделия из камня чужьяёльской культуры изготавливались из небольших размеров галек. Нуклеусы разнообразны по морфологии. Каменный инвентарь представлен скобелями, перфораторами (свёрлами и проколками) (рис. 29: 33, 40), скребками (рис. 29: 1, 2, 4, 5, 9, 11, 13, 15, 17, 18–21, 30, 32, 35), ножами (рис. 29: 3, 6–8, 16, 31; ножами-ложкарями (рис. 29: 21); скобелями (рис. 29: 38); отщепами с ретушью, фрагментами орудий (рис. 29: 12). Наконечники стрел очень немногочисленны, они имеют листовидную форму с обоюдоострыми концами (рис. 29: 10, 25–29, 39). Из некремнёвых материалов изготавливали рубящие орудия трапецевидной формы (рис. 29: 36, 37) и абразивы, в том числе желобчатые орудия.

К украшениям можно отнести подвеску из гальки с отверстием (рис. 29: 22), керамическую скульптуру птицы (рис. 29: 23, 24), плоскую округлую гальку отверстием, просверленным в центральной части (рис. 29: 34).

Носители чужьяёльской культуры занимались охотой и рыболовством и вели подвижный образ жизни. Признаков металлообработки на поселениях не выявлено.

Могильники чужьяёльской культуры неизвестны.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Волго-Уралья. Т. II / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 728 с.
- Археология Мордовского края. Каменный век. Эпоха бронзы / Ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гум. наук при правительстве Республики Мордовии, 2008. 552 с.
- Богданов С.В.* Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 286 с.
- Карманов В.Н., Макаров А.С., Зарецкая Н.Е.* Новые данные по хронологии чужьяёльской культуры (крайний северо-восток Европы) // РА. 2017. № 2. С. 55–62.
- Королев А.И.* Поселение Волгапино и проблема контактов волосовской и имеркской культур на Мокше и Верхней Суре // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 1998. С. 300–307.
- Королев А.И., Ставицкий В.В.* Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.
- Королев А.И., Шалапинин А.А.* К вопросу о хронологии и периодизации энеолита степного и лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. Т.16, № 3. Самара, 2014. С. 266–275.
- Косинская Л.Л.* Неолит // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э. А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 146–212.
- Кочкина А.Ф., Королев А.И., Сташенков Д.А., Хохлов А.А.* Грунтовый могильник раннего энеолита Екатериновский мыс в Самарском Поволжье: материалы и исследования. Самара: СГСПУ, 2024. 328 с.
- Мельничук А.Ф.* О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 97–104.
- Мельничук А.Ф.* Хронология гаринской культуры в Среднем Приуралье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб: Скифия-принт, 2013. С. 157–160.
- Моргунова Н.Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Южный Урал, 1995. 222 с.
- Моргунова Н.Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.
- Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова Н.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Файзуллин А.А., Хохлова О.С.* Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: ОГАУ, 2017. 300 с.
- Наговицын Л.А.* Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья / Отв. ред. Л.А. Наговицын. Ижевск: УИИЯЛ, 1990. С. 82–96.
- Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III начало II тысячелетия до н. э.). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1991. 152 с.
- Никитин В.В.* На грани эпохи камня и металла. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности / Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. 765 с.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Труды МАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 162 с.
- Рындина Н.В., Дегтярева А.Д.* Энеолит и бронзовый век: Учебное пособие. М.: МГУ, 2002. 226 с.
- Ставицкий В.В.* Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.
- Ставицкий В.В.* Проблема происхождения гаринской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 229–233.

ГЛАВА 2. ЭНЕОЛИТ

Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперь. Саратов: СГУ, 2003. 167 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Чижевский А.А., Шипилов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Выборнов А.А. Самара: СГСПУ, 2018. С. 80–84.

Шипилов А.В. Энеолит Иско-Бельского междуречья (по материалам поселенческих памятников). Казань: АН РТ, 2021. 358 с.

ГЛАВА 3

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Переход от энеолита к бронзовому веку происходит на рубеже IV–III тыс. до н. э. Первоначально металлургия бронзы была открыта на территории Анатолии и Кавказа, затем распространилась на другие регионы.

Традиционная периодизация разделяет бронзовый век на три этапа: ранний, средний и поздний.

Самые древние искусственные сплавы бронзы были выработаны на основе меди с примесями мышьяка в количестве от 0,5%. Такие сплавы называются мышьяковыми, они бытовали на территории Северной Евразии на протяжении раннего и среднего бронзового веков.

Продвижение стереотипов металлургического производства, работающего на мышьяковой бронзе, связано с Циркумпонтийской металлургической провинцией, которая на протяжении раннего и среднего бронзового веков функционировала в основном вокруг Черного моря. На территорию европейских степей вплоть до р. Волги мышьяковые бронзы и технология их изготовления распространяются с Кавказа в начале III тыс. до н. э.

Несмотря на очевидные преимущества, повышенную жидкотекучесть, которая позволяла делать отливки с большей точностью, и повышенную прочность по сравнению с медью, мышьяковая медь имела и значительные недостатки. Самым главным из них была её токсичность, даже при незначительном нагреве мышьяк выделялся из сплава в виде белых паров с чесночным запахом и подвергал риску отравления работающего.

На смену мышьяковой бронзе пришли оловянные бронзы. Оловянная бронза – это искусственный сплав, состоящий из меди и примеси олова, обычно в количестве 12–12,5%. О месте изобретения данного метода изготовления искусственных сплавов существуют разные точки зрения в отечественной и зарубежной историографии.

¹ При составлении данной главы использованы разделы II тома «Археология Волго-Уралья» за авторством Моргуновой Н.Л., Кузнецова П.Ф., Мимохода Р.А., Мочалова О.Д., Купцовой Л.В., Лыганова А.В., Колева Ю.И., Соловьева Б.С., Ставицкого В.В., Кузьминой О.В., Мельникова А.Ф., Митрякова А.Е., Королева А.И., Патрушева В.С., Чижевского А.А., Азарова Е.С., Кузьминых С.В.

Распространение оловянных бронз в Северной Евразии относится к позднему бронзовому веку, к концу III – первой половине II тыс. до н. э., и связано с сейминско-турбинским транскультурным феноменом, носители которого мигрировали в Восточную Европу с территории Алтая. Движение этих племен маркировано находками отдельных вещей и могильников, поселения до сих пор не известны. Племена, составлявшие основу сейминско-турбинского транскультурного феномена, принесли на новые территории бронзы, изготовленные с использованием олова из алтайских месторождений касситерита – оловянного камня.

Распространению оловянных бронз способствовала их безопасность и сопоставимые с мышьяковыми бронзами качества сплавов, такие как твердость и коррозионная стойкость.

3.1. КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ СЕВЕРА СТЕПНОЙ ЗОНЫ И ЮЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Ямная культура/культурно-историческая общность (34/35 – 29/28 вв. до н. э.) раннего бронзового века возникла на раннем – репинском – этапе в результате взаимодействия хвалынской и среднестоговской культур и памятников бережновского типа. Выделяется три этапа развития культуры: уже упомянутый репинский, развитой и полтавкинский. Принадлежность последнего этапа к ямной культуре некоторыми исследователями оспаривается, альтернативную точку зрения мы рассмотрим в отдельной части, которая называется «Полтавкинская культура».

Памятники ямной культуры располагаются в широком ареале степной зоны Восточной Европы от Поднестровья до Казахстана и Южного Урала. Восточная часть обитания ямной культуры – Южное Приуралье – в климатическом отношении суровая, здесь континентальный климат с жарким сухим летом и холодной снежной зимой (рис. 1). Этапы развития ямной культуры совпадают с изменениями климатических условий региона: на репинском этапе развивалась аридизация климата, развитой этап характеризуется благоприятной погодой с уровнем влажности более высоким, чем в современности, на полтавкинском этапе климат вновь ухудшается, становится более сухим и контрастным.

Поселения известны только для репинского этапа. В результате стационарных полевых исследований установлено, что в Северном Прикаспии располагались стоянки-зимники, а в бассейне р. Самары – летники. На примере поселений Кызыл-Хак I и II можно предполагать, что площадь подобных стоянок составляла около 500 кв. м. На каждом из этих поселений выявлено по одному наземному жилищу. При исследовании на поселениях фиксируется плоскодонная и круглодонная керамика (рис. 2: 5–19), изделия из кости и рога (рис. 2: 4), медные предметы: ножи (рис. 2: 3), шилья (рис. 2: 2), украшения (рис. 2: 1).

В погребальном обряде ямной культуры выделяются две обрядовые группы, по антропологическим данным первая относится к североевропеоидному типу (рис. 3: 1–22), вторая – к южноевропеоидному (рис. 3: 23–41). Умерших хоронили под курганами, оконтуренными кольцевыми канавками. Известны как курганы с одним погребением, так и курганы, содержащие несколько погребений. Погребенные лежали в скорченном положении на спине или на правом боку, головой на восток с отклонениями, в глубоких и широких ямах.

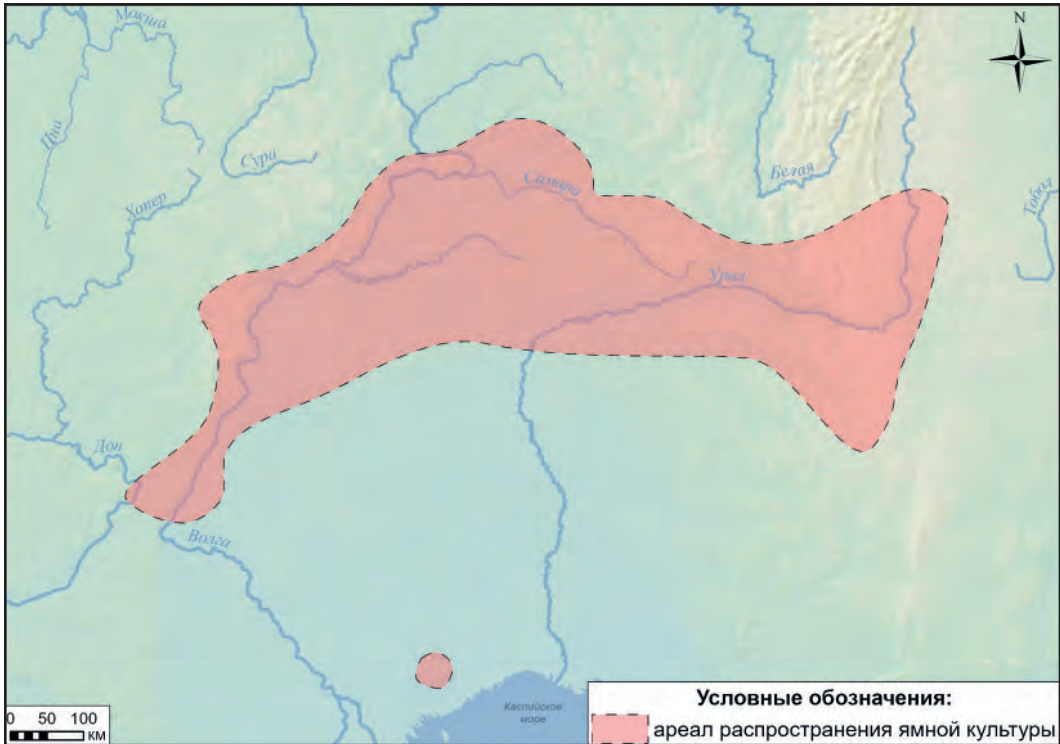

Рис. 1. Ареал ямной культуры

Большая часть погребенных – мужчины, женщин и детей очень мало. Значительная часть погребений не имеет инвентаря, однако в захоронениях второй группы число погребений с инвентарем возрастает до 60%. Во всех погребениях выявлены следы подсыпки охрой, иногда в могильной яме фиксируются циновки и деревянные перекрытия. Отмечено использование «подушек», изготовленных из трав.

В погребения помещали немногочисленные предметы из глины – сосуды (рис. 3: 9, 16, 20–22, 24, 26, 27, 30, 33, 38), литейные формы (рис. 3: 15, 29); камня – наконечники стрел и дротиков (рис. 3: 11, 13, 14, 19); кости – булавки-амулеты с короткими рожками (рис. 3: 4–5, 8), пластины из клыка кабана, музыкальные инструменты («флейта Пана») (рис. 3: 12); меди – ножи (рис. 3: 6, 7, 39, 43, 54) и шилья (рис. 3: 35, 46, 47), долота (рис. 3: 40), стамески (рис. 3: 31, 48, 51), тёсла (рис. 3: 28, 52), топоры-клевцы (рис. 3: 25) и топоры утеевского типа (рис. 3: 34), втульчатые наконечники копий (рис. 3: 53), кинжалы (рис. 3: 37), меч-скипетр, а также украшения – подвески (рис. 3: 2, 3) и бляхи (рис. 3: 10); камня – пест (рис. 3: 18, 49), речную гальку (рис. 3: 45). Немногочисленны изделия из метеоритного железа: диск (рис. 3: 44), тесло-молоток (рис. 3: 51), тесло (рубанок) из меди с приваренным лезвием из метеоритного железа (рис. 3: 55), разметчик из четырехгранного медного стержня с ромбическим железным навершием (рис. 3: 41). К середине III тыс. до н. э. появляются погребения с частями колесных повозок.

Керамика ямной культуры круглодонная полуяйцевидной формы с прикрытым горлом, поверхность покрыта расчёсами гребенчатого штампа. Орнамент, выполненный шнуром или широкозубым штампом, располагался в верхней части сосуда.

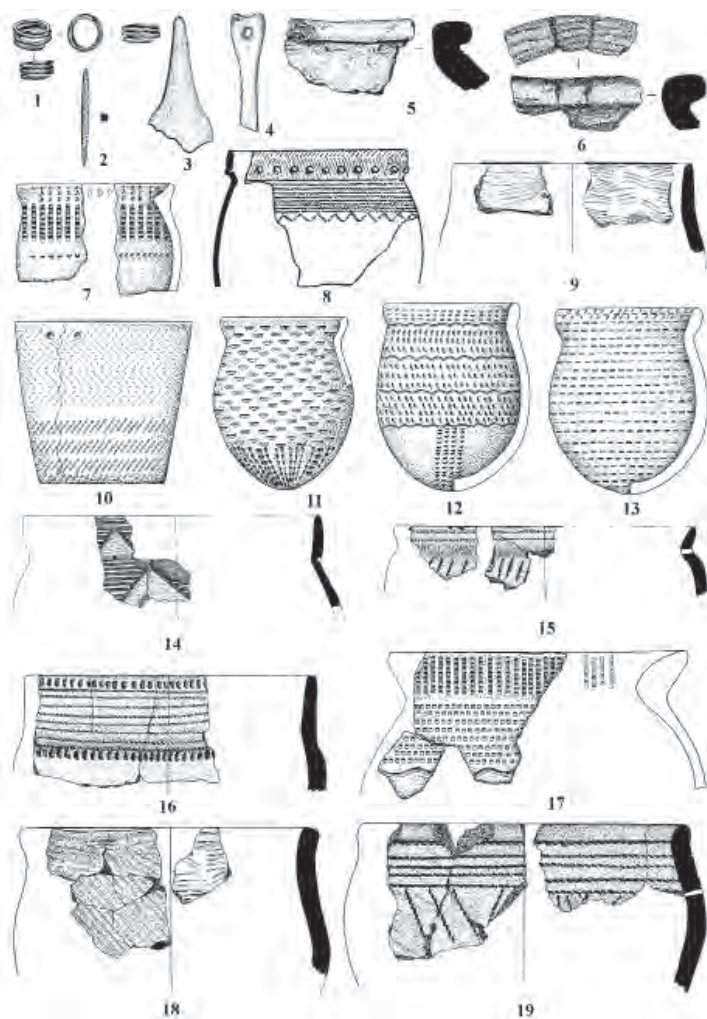

Рис. 2. Поселенческий инвентарь ямной культуры.

1 – височное кольцо; 2 – шило; 3 – фрагмент ножа; 4 – булавка-амулет с редуцированными рожками; 5–19 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Моргунова, 2021).

Масштаб разный. 1–3 – медь; 4 – кость; 5–19 – глина

На позднем этапе существования ямной культуры появляется плоскодонная керамика.

Хозяйство ямной культуры было многоотраслевым, ведущей отраслью было скотоводство, ямники разводили овец, крупный рогатый скот, лошадей, собак. Причём в подавляющем количестве на поселениях встречаются кости овцы, 2/3 от общего количества. Как предполагают исследователи, состав стада ямной культуры типичен для кочевого скотоводства, об этом свидетельствуют и повозки, выявленные в погребениях.

Охота и рыбная ловля были вспомогательными направлениями хозяйства.

Продукты животноводства, такие как шерсть и кожа, использовались для выделки подстилок, подушек и одежды. Широко распространена была практика изготовления циновки простым переплетением. Находки на поселениях глиняных пряслиц

Рис. 3. Погребения и погребальный инвентарь ямной культуры. 1 – курганный могильник Кутулук 4/1; 2, 3 – подвески; 4–5, 8, 36 – булавки-амулеты; 6, 7, 39, 43, 54 – ножи; 9, 16, 20–22, 24, 26, 27, 30, 33, 38 – керамика; 10 – бляха; 11, 13, 14, 19 – наконечники стрел и дротиков; 12 – «флейта Пана»; 15, 29 – литейные формы; 17 – курганный могильник Першин 1/4; 18 – пест; 23 – курганный могильник Тамар-Уткуль VIII 4/1; 25 – топор-клевец; 28 – тесло; 31, 48, 51 – стамески; 32 – одиночный курган Шумаево II, п.2; 34 – топор утевского типа; 35, 46, 47 – шилья; 37 – кинжалы; 40 – втульчатое долото; 41 – разметчик; 43 – Болдырево 1/1; 44 – диск; 45 – речная галька; 49 – пест-молот; 50 – тесло-молоток; 52 – тесло с цапфами; 53 – наконечник копья; 55 – рубанок (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Моргунова, 2021). Масштаб разный. 2, 3, 6, 7, 10, 25, 28, 31, 34, 35, 37, 39, 40, 43, 46–48, 50, 52–54 – медь; 4, 5, 8, 12, 36 – кость и рог; 9, 15, 16, 20–22, 24, 26, 27, 29, 30, 33, 38 – глина; 11, 13, 14, 19 – кремний; 18, 45, 49 – камень; 41, 55 – медь и железо; 44, 51 – железо

и грузиков для натяжения нитей ткацкого станка свидетельствуют о производстве тканей.

В качестве отдельных отраслей хозяйства выделяются металлургия и металлообработка, которая базировалась на местном сырье из Каргалинского месторождения. Металлурги лили металл в открытые двухсторонние и трехсторонние формы. Для изготовления втулок применяли вставные стержни. Литейные формы были двух видов – глиняные и каменные, перед использованием их прогревали. Для доводки формы отливки в горячем состоянии дополнительно проковывали.

Развивалась деревообработка, в том числе и плотничество, некоторые исследователи выделяют ювелирное дело и камнеобработку. Ткачество и гончарство оставались на уровне домашних промыслов.

Анализ погребального обряда выявил наличие как малых курганов диаметром 7–10 м, так и больших – диаметром 30–110 м, а также зависимость между размерами насыпи кургана и сложностью дополнительных элементов оформления подкурганной площадки и могильных ям. Всё это, по мнению исследователей, является доказательством наличия социальной дифференциации в ямном обществе. Отмечается разделение и по профессиональной деятельности, а также наличие жречества и вождей.

Полтавкинская культура (2 половина XXIX – первая половина XXIV вв. до н. э.) среднего бронзового века образовалась на основе взаимодействия местной ямной культуры с носителями новотиторовской культуры из степной зоны Северного Кавказа.

Памятники полтавкинской культуры располагаются на территории Волго-Уральского междуречья от Самарской Луки до Каспийского моря (рис. 4).

Изучение полтавкинской культуры основывается почти исключительно на могильниках, ещё одной категорией памятников являются местонахождения полтавкинской керамики, которые встречаются на более поздних поселениях. Собственно поселения полтавкинской культуры, такие как Кок-Мурун, Буровая 22, Кызыл-Хак II, встречены лишь в Северном Прикаспии, где в полупустынях фиксируются участки, покрытые скоплениями керамики, и фрагменты сохранившихся культурных слоёв.

Могильники курганные, по сочетанию разных элементов погребального обряда выделено шесть обрядовых групп, отражающих региональную специфику полтавкинской культуры (рис. 5: 1–6). Полтавкинские курганы располагаются поодиночке или курганными группами. Как правило, они были двух типов: небольшие (диаметром около 10 м) и очень крупные (диаметром 44–110 м), причем некоторые из них окружены кольцевыми ровиками. Погребения могли быть как основными в кургане, так и впускными в более ранние полтавкинские курганы или в курганные насыпи ямной культуры.

В зависимости от обрядовой группы могильные ямы могли быть очень крупными (длина до 5 м, ширина до 4,5 м) и глубокими (до 2,7 м), средними по параметрам и мелкими небольших размеров. Ямы имели овальную и прямоугольную форму, в ряде случаев их архитектура усложнялась ступеньками или уступами по бокам. В могилах фиксируются деревянные перекрытия и обкладки стенок, столбовые ямы в углах или центре могильной ямы, а также канавки вдоль стенок.

Погребенных размещали на подстилки из бересты, камыша, травы. Отмечены случаи использования покрывал и обкладки умершего корой. Дно могилы и костяки

Рис. 4. Ареал полтавкинской культуры

покрыты охрой, в ряде случаев отмечены следы сгоревших внутримогильных конструкций.

В могилах костяки лежали на правом либо левом боку или на спине, но с разворотом направо, головой ориентированы на северо-восток и восток, иногда на юг – юго-запад. Известны и вторичные погребения.

Погребальный инвентарь представлен металлическим, каменным и костяным инвентарём. В составе металлического инвентаря были предметы вооружения и орудия: наконечник копья листовидной формы (рис. 5: 38), топоры утевского типа (рис. 5: 30), черенковые двулезвийные ножи (рис. 5: 29, 31), проколки и шилья (рис. 5: 15, 16, 23), штыковидные изделия с крюком (рис. 5: 17, 26), тёсла (рис. 5: 33, 36), стилеты (рис. 5: 27, 35). Уникальным является навершие стилета из метеоритного железа, происходящее из кургана 1 Утевского могильника (рис. 5: 27).

Металлические украшения представлены бронзовыми, золотыми и билоновыми подвесками в полтора и два с половиной оборота (рис. 5: 10–12), одновитковыми кольцами из раскованного прутка, полусферической формы (рис. 5: 8, 9), спиральными пронизками (рис. 5: 14), наконечниками ремня (рис. 5: 13), бляшками-накладками.

В составе каменных изделий были полированные жезлы-песты из зеленого камня (рис. 5: 39, 40), булавы (рис. 5: 37), наконечники стрел с выемкой у основания (рис. 5: 19–22), скребки (рис. 5: 18, 32), пластины и отщепы из кремня и кварцита. В инвентаре погребений отмечены также каменные бусы круглой, цилиндрической

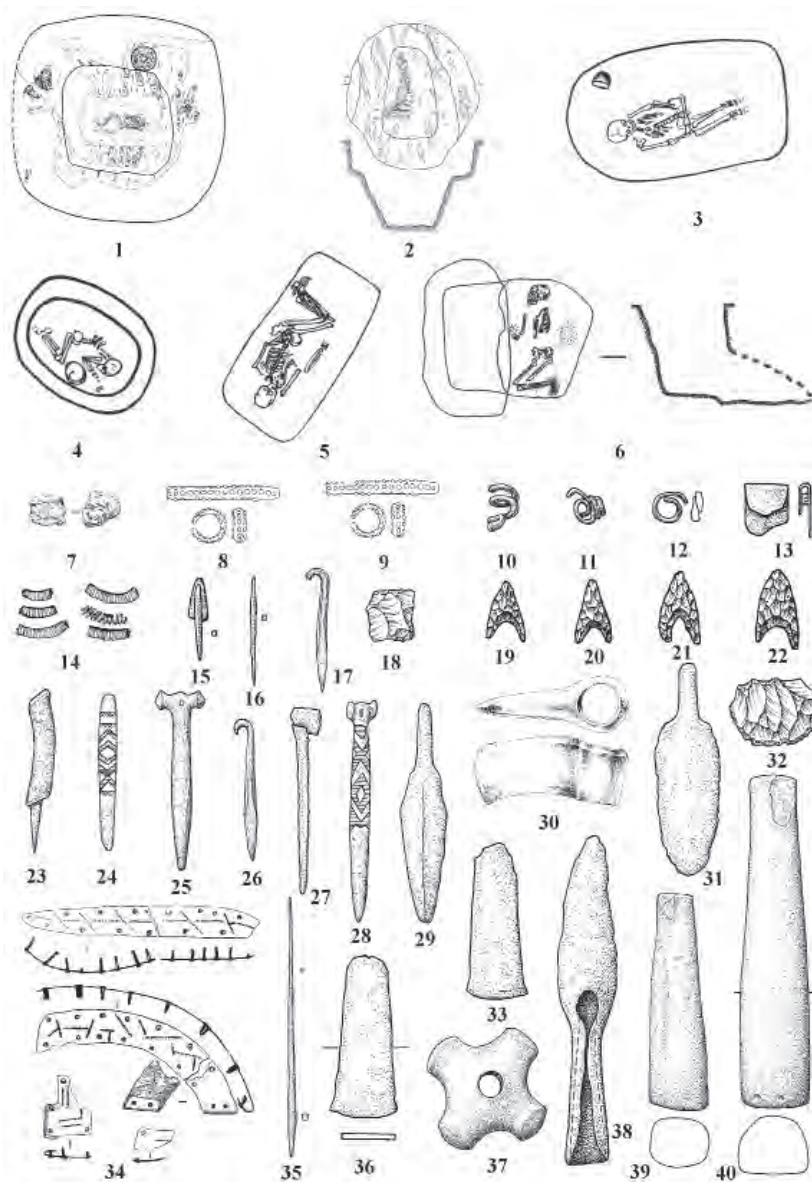

Рис. 5. Погребения и погребальный инвентарь полтавкинской культуры. 1 – Шумаевский II одиночный курган, п. 2, первая обрядовая группа; 2 – Красносамарское IV, к. 2, п. 2, вторая обрядовая группа; 3 – Эльтон, к. 7, п. 1, третья обрядовая группа; 4 – Волжский, к. 2, п. 10, четвертая обрядовая группа; 5 – Политотдельское, к. 10, п. 6, пятая обрядовая группа; 6 – Красносамарское IV, к. 2, п. 3, шестая обрядовая группа; 7 – бусина; 8, 9, 10–12 – подвески; 13 – наконечник ремня; 14 – спиралевидные пронизки; 15, 16, 23 – проколки и шилья; 17, 26 – штыковидные изделия с крюком; 18, 32 – скребки; 19–22 – наконечники стрел; 24, 25, 28 – булавки; 27, 35 – стилеты; 29 – нож; 30 – топор утевского типа; 31 – нож-кинжал; 33, 36 – тесла; 34 – металлическая обкладка деревянной чаши; 37 – булава; 38 – наконечник копья; 39, 40 – жезлы-песты (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Кузнецов, 2021). Масштаб разный. 7 – шлак; 8, 9 – золото; 10–13, 15–17, 29–31, 33, 34(?), 35, 36, 38 – медь; 14 – серебро или биллон; 18–22, 32 – кремень; 23 – медь и кость; 24–26, 28 – кость; 27 – медь и железо; 37, 39, 40 – камень (змеевик?)

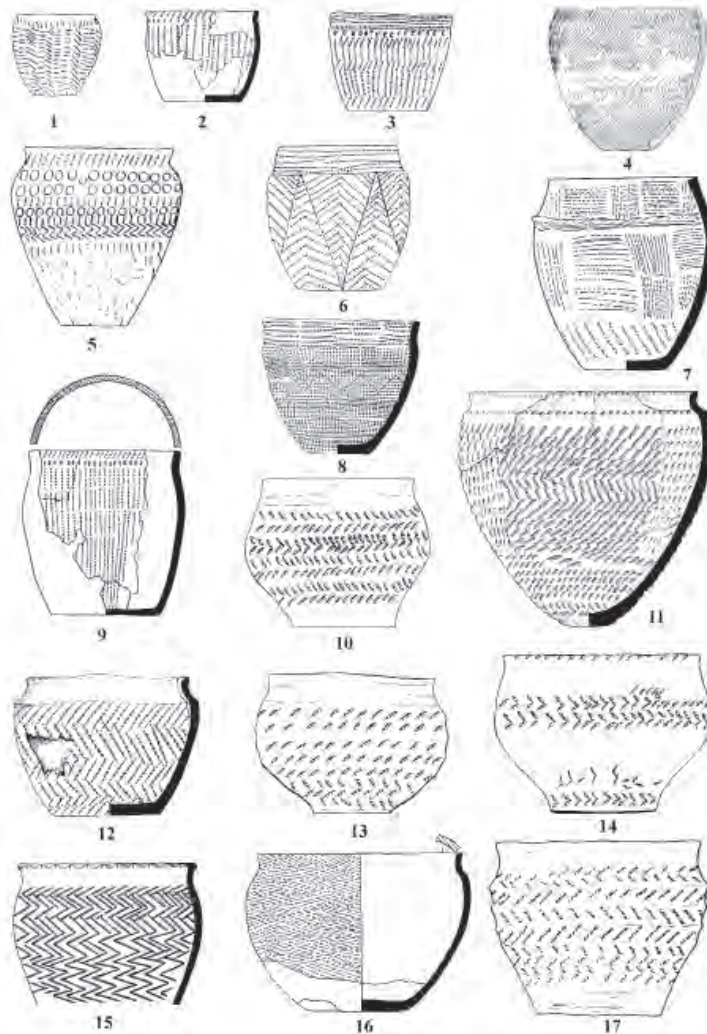

Рис. 6. Погребальная керамика полтавкинской культуры.

1–9, 11 – керамика раннего облика; 10, 12–17 – керамика позднего облика
(по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Кузнецов, 2021). Масштаб разный. 1–17 – глина

и овално-усечённо-конической формы (рис. 5: 7). В двух погребениях отмечены куски медной руды.

Костяной инвентарь представлен молоточковидными булавками (рис. 5: 25, 28), булавками без молоточков (рис. 5: 24), бусами, перстнями, наконечниками стрел, подвесками натуралии из зубов хищной рыбы. Кроме того, в некоторых могилах зафиксированы кости животных.

Керамика полтавкинской культуры подразделяется на две группы: банки (рис. 6: 1–4) и горшки (рис. 6: 5, 8–17). Характерной особенностью горшков является уступ в верхней части тулова (рис. 6: 6, 7), однако встречаются и сосуды без уступа.

Единично встречены воронки, литейные формы, сопла, курильницы и миниатюрные сосуды. Известны деревянные сосуды, укрепленные металлической обивкой (рис. 5: 34).

Основными элементами орнамента были зубчатый штамп, перевитой шнур, прореченные линии и ямки. Встречаются также отпечатки ногтей, пальцевые вдавления, налепы в виде прямых и волнистых валиков. Наиболее популярным элементом орнамента был зубчатый штамп.

Элементы орнамента группировались в такие орнаментальные мотивы, как наклонные ряды, горизонтальные ряды и вертикальная елочка, выполненная в виде шагающей гребенки.

Орнаментальные композиции представлены в основном сочетаниями мотивов зубчатого штампа. Самая сложная для полтавкинской культуры композиция выполнена перевитым шнуром и состоит из горизонтальных треугольников, расположенных вершинами вниз. Немногочисленные сосуды, орнаментированные ямками и проречиванием.

Трансформация погребального обряда полтавкинской культуры привела, по мнению некоторых исследователей, к оформлению в XXIV в. до н. э. волго-уральской постполтавкинской культурной группы. Другие исследователи рассматривают культуры постполтавкинского времени как посткатакомбные.

Посткатакомбные памятники (XXII–XVIII вв. до н. э.) сформировались в конце среднего бронзового века на основе катакомбных культур. Выделяется два культурных круга (объединения культур, близких по материальной культуре и духовным традициям): 1. Бабино, включающий днепро-прутскую, днепро-донскую и волго-донскую археологические культуры; 2. Лола, охватывающий лолинскую культуру, архонскую, кубанскую и волго-уральскую культурные группы. Формирование этих культурных объединений связано с миграциями. Культурный круг Бабино оформился в результате миграции населения из Центральной Европы и карпато-балканского региона в среду среднедонской и волго-донской катакомбных культур.

Культурный круг Лола сформировался в результате влияния населения Восточного Кавказа на раннелолинскую культуру. После формирования лолинской культуры часть населения мигрировала из предкавказских степей в Волго-Уральское междуречье. Здесь в состав формирующейся культуры вошли, вероятно, и позднеполтавкинские группы. Существует и другая гипотеза формирования волго-уральской культурной группы, согласно которой она возникла в результате трансформации полтавкинской культуры.

В данной главе мы рассматриваем лишь территорию Волго-Уралья, которая относится к восточной окраине посткатакомбного мира. На этой территории существовали волго-донская бабинская культура, занимавшая волго-донское междуречье вплоть до Приуралья, и волго-уральская культурная группа, располагавшаяся соответственно в Волго-Уралье (рис. 7). Посткатакомбные культуры изучались исключительно по могильникам.

Могильники волго-донской бабинской культуры были курганными. Погребения могли быть основными, в досыпках курганных насыпей или впускными в курганы ямной культуры. Погребенных в скорченном положении на левом боку помещали непосредственно в могильные ямы, однако известны и подбойные могилы (рис. 8: 1–4). Иногда встречаются остатки деревянных перекрытий могильных ям, следы подстилki, засыпка охрой и угольки.

В подавляющем количестве преобладали одиночные погребения, парные погребения встречаются единично. Ориентировка умерших очень вариабельна, но преобладает северо-восточное направление. Положение рук является важным культуроо-

Рис. 7. Ареал распространения посткатакомбных памятников

пределяющим фактором. Для волго-донской бабинской культуры типично вытянутое к коленам расположение левой руки, правая рука согнута таким образом, что её кисть лежит в области таза или на коленях. Вторым по распространенности положением рук является размещение их в вытянутом положении к коленям.

Почти в 60% погребений размещали кости животных, чаще всего мелкого рогатого скота, крупный рогатый скот встречается реже, иногда в могиле фиксируются одновременно кости и тех и других.

Погребальный инвентарь в погребениях посткатакомбных культур встречается очень редко, безынвентарность – характерная особенность этих культур.

Тем не менее в 8% погребений бабинской культуры помещали плоскодонную глиняную посуду. Она представлена двумя группами: к первой относятся горшки с многоваликовой орнаментацией и корчаги (рис. 8: 28, 30: 31), ко второй – сосуды вольско-лбищенского типа. В Подонье, кроме того, встречается керамика воронежской культуры.

Изделия из кости и рога в погребениях бабинской культуры крайне немногочисленны, известны только кольцевидная пряжка (рис. 8: 24) и тупик – коженное оружие из тазовой кости животного (рис. 8: 29).

Набор каменных и бронзовых орудий также очень беден. Каменные изделия представлены наконечником стрелы с выемками у основания (рис. 8: 22) и отщепами (рис. 8: 25), бронзовые – ножом листовидной формы без перекрестия (рис. 8: 27) и рыболовным крючком (рис. 8: 26). Кроме того, известны бронзовые обивки от деревянных сосудов.

Рис. 8. Погребения и погребальный инвентарь посткатакомбных памятников. 1–4 – волго-донская бабинская культура Волго-Уралья; 1 – Николаевка 3 3/3, первая обрядовая группа; 2 – Скатовка 21/7, вторая обрядовая группа; 3 – Бережновка I 5/21, третья обрядовая группа; 4 – Утевка V 4/1, третья обрядовая группа; 5–7 – волго-уральская культурная группа; 5 – Восточно-Курайли I 1/1, первая обрядовая группа; 6 – Перевозинка 2/32, первая обрядовая группа; 7 – Смеловка, гр. мог./20, вторая обрядовая группа; 8 – Бахтияровка 32/4, лопинская культура; 9, 23 – височное кольцо; 10 – скребок; 11 – трубчатое изделие; 12 – пластина с отверстием; 13, 19, 27 – ножи; 14 – плитка с округлым углублением; 15 – пест; 16 – фрагменты гребня; 17 – пронизи; 18, 21, 28, 30, 31 – керамика; 20 – тесло; 22 – наконечник стрелы; 24 – кольцевидная пряжка; 25 – отщеп; 26 – рыболовный крючок; 29 – тупик (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Мимоход, 2021). Масштаб разный. 9, 13, 19, 20, 23, 26, 27 – металл; 10, 22, 25 – кремь; 11, 12, 16, 17, 24, 29 – кость; 14, 15 – камень; 18, 21, 28, 30, 31 – глина.

Несколько шире представлены металлические украшения, в их составе височные кольца, изготовленные из бронзы (рис. 8: 23) и серебра, бусы из сурьмы.

Могильники волго-уральской культурной группы также подкурганые, а непосредственно обряд захоронения умерших близок культуре волго-донского Бабино (рис. 8: 5–7). Кроме деревянных перекрытий могильных ям и побоев известны каменные в виде плит. В могилах присутствуют следы огня (угольки, зола) и засыпка охрой. Почти все погребения, кроме одного, одиночные. Погребенные располагались скорченно, в основном на левом боку, но есть и лежащие на правом – около 14%. Умершие были ориентированы головой на юго-запад с отклонениями, остальные направления единичны. Руки располагались в позе адорации (моления).

Почти в половине погребений были зафиксированы кости животных (мелкого и крупного рогатого скота). Керамика плоскодонная горшковидная и банковидная (рис. 8: 18, 21). На сосудах гладким штампом показан довольно сложный орнамент в виде лесенок (рис. 8: 21). Известна и вольско-лбищенская керамика из контактной зоны с вольско-лбищенской культурой.

Костяной инвентарь представлен тупиком, фрагментами костяных гребней-кардов, пронизками (рис. 8: 16, 17). Металлические орудия в погребениях волго-уральской культурной группы единичны, в их числе шило, тесло (рис. 8: 20) и листовидный нож (рис. 8: 19).

Погребения собственно лолинской культуры в Волго-Уральском междуречье единичны (рис. 8: 8). Здесь найдены изделия из металла: нож, височное кольцо (рис. 8: 9, 13), а также предметы из кости: пластина с отверстием и трубчатое изделие (рис. 8: 11, 12) – и камня: плитка с округлым углублением и пест (рис. 8: 14, 15).

Завершение существования волго-донской бабинской и лолинской культур, а также волго-уральской культурной группы связано с формированием и экспансией колесничных культур, в частности синташтинской, на их территорию. Это привело к вытеснению культур Бабино и Лола с территории Волго-Уралья и частичной ассимиляции их с формирующимися культурами позднего бронзового века.

Вольско-лбищенская культура (2 половина III – начало II тыс. до н. э.) эпохи средней бронзы. Происхождение культуры, по мнению исследователей, связано с миграцией культур, близких к культурам шнуровой керамики и боевых топоров.

Территория памятников вольско-лбищенского типа распространяется на правый берег Волги от Самарской Луки до границ современных Волгоградской и Саратовской областей. Здесь в лесостепной зоне они занимают высокие участки Жигулёвских гор и Приволжской возвышенности. Немногочисленные памятники данной культуры зафиксированы на левобережье Волги и в пойме р. Сок. Местонахождения керамики вольско-лбищенского типа встречаются также на всем протяжении Волго-Уральского междуречья в его лесостепной и степной части, отдельные находки отмечены в полупустынях Северного Прикаспия (рис. 9).

Памятники вольско-лбищенской культуры представлены исключительно поселениями. Наиболее полно исследованы поселения у с. Лбище и у г. Вольска (рис. 10: 1, 2). Оба они располагаются на высоких участках коренных террас, подобным образом размещена и значительная часть других памятников вольско-лбищенской культуры. Размещение поселений в естественно укрепленных природой местах является характерной особенностью вольско-лбищенской культуры, для остальных культур эпохи бронзы степной и лесостепной зон наличие укрепленных поселений не характерно.

Рис. 9. Ареал вольско-либищенской культуры

Наиболее массовым материалом на поселениях была плоскодонная керамика банковидной и горшковидной формы с примесью дроблёной раковины и органики, известны и миниатюрные сосуды (рис. 10: 3, 8, 9, 12–14, 16–18, 21, 23). Черепки сосудов плотные, равномерно обожженные. Венчики разнообразной формы приотстрённые, уплощенные, овальные, скошенные, утолщенные. На шейках части сосудов присутствуют валики.

На крупных сосудах орнамент располагался в верхней части, на маленьких занимал всю наружную поверхность. Иногда орнаментировались также срезы венчиков и донце.

Для украшения сосудов использовались зубчатый штамп, перевитый шнур, ямка. Основным элементом орнамента был вертикальный, наклонный зубчатый и шнуровой штамп, широко применялись также насечки.

Элементы орнамента объединялись в орнаментальные мотивы, наиболее распространенными из которых были ряды горизонтального или наклонного штампа. Использовались также зигзаг, ряды горизонтальной ёлочки, бахромка.

В керамических коллекциях выделено 12 композиций, основывающихся на сочетаниях отпечатков зубчатого и шнурового штампа различного наклона и направленности. В ряде случаев к ним добавляются ямочные вдавления. Наиболее сложные композиции образуют геометрические фигуры в виде заштрихованных треугольников, меандров и сетки. Для нанесения узоров на керамику использовались специальные орнаменты, такие были найдены на поселении Лбище – это были гребенчатые штампы, изготовленные на основе речных раковин (рис. 10: 10, 11).

Рис. 10. Поселенческий инвентарь вольско-либищенской культуры.

1 – поселение Лбище; 2 – Вольское городище – «Попово блюдечко»; 3, 8, 9, 12–14, 16–18, 21, 23 – керамика; 4 – подвеска; 5, 6 – пряслица; 7, 19, 24 – заготовки изделий; 10, 11 – штампы (орнаменты); 15 – наконечник стрелы; 20 – фрагмент топора; 22 – грузило; 25 – пест; 26 – заготовка булавы (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Кузнецов, 2021). Масштаб разный. 3, 8, 9, 12–14, 16–18, 21, 23 – глина; 4 – медь; 5, 6, 20, 22, 25, 26 – камень; 7, 19, 24 – кость; 10, 11 – раковина; 15 – кремнь

Каменный инвентарь малочислен, он представлен заготовками булавы (рис. 10: 26) и подшлифованного топора (рис. 10: 20), грузилом (?) (рис. 10: 22), пестами (рис. 10: 25), фрагментами тёлочных плит, наконечником стрелы с усеченным основанием (рис. 10: 15), пряслицами (рис. 10: 5, 6).

Костяной инвентарь еще более малочислен, к нему относятся лишь заготовки изделий из трубчатых костей животных (рис. 10: 7, 19, 24).

Время существования вольско-лбищенской культуры определяется частыми находками керамики данной культуры вместе с полтавкинской посудой, кроме того, определенные аналогии в орнаментации и форме сосудов вольско-лбищенской культуры имеются с абашевской, позднеполтавкинской и постполтавкинской керамикой.

В начале II тыс. до н. э. вольско-лбищенская культура прекращает своё существование, а её носители входят в состав формирующейся раннесрубной (покровской) культуры.

Потаповская культура (XX–XVIII вв. до н. э.) – одна из так называемых колесничих культур, которые относятся уже к следующей фазе эпохи бронзы – позднему бронзовому веку. Происхождение культуры связано с трансформации абашевского населения лесостепного Поволжья и, видимо, постполтавкинского при взаимодействии с вольско-лбищенской культурой.

Территория потаповской культуры сравнительно небольшая, она располагается на левобережье р. Волги и ограничена реками Сок и Самарой (рис. 11).

Могильники потаповской культуры курганные, они образуют курганные поля на краю низких участков первых надпойменных террас крупных рек. Курганы насыпались на ровных площадках в местах слияния малых рек с крупными реками. Как правило, на этих участках уже существовали курганные некрополи предшествующих эпох, связанные с ямной или полтавкинской культурами. Иногда потаповцы хоронили, а по археологической терминологии «впускали», умерших в более ранние курганные насыпи.

Погребальный обряд потаповской культуры реконструирован довольно подробно. Погребение совершалось на специально подготовленной площадке, причём фаза докурганного существования была длительной и только по истечении некоторого времени над ним насыпали насыпь диаметром 12–30 м, в настоящее время высота этих курганов составляет около 0,5 м (рис. 12: 1).

В центре насыпей располагались ямы больших размеров (рис. 12: 2, 3), в которых погребали взрослых людей, на периферии кургана в обычных по размеру могилах хоронили как взрослых, так и детей. В центральных могилах выявлены довольно сложные конструкции, такие как деревянные перекрытия в виде наката брёвен и настилов из досок, в стенках погребений выкапывали ступеньки, а на дне – ямки и канавки. Часто на дне фиксируются остатки специальной обмазки, а иногда охры.

Под перекрытием на досках в погребении 4 кургана 6 Утевского VI могильника были выявлены остатки разобранной на части колесницы и двух лошадей.

На дне могильных ям помещали умерших людей на левом боку в слабо скорченном состоянии, руки согнуты в локтях, иногда одна из них вытянута. В абсолютном большинстве умерших хоронили по обряду ингумации (труположения), но известно одно вторичное погребение. Преобладающая ориентировка погребенных – головой на север с отклонениями. В некоторых случаях совершались многоярусные погребения, когда над основным погребенным помещали останки расчлененных взрослых людей и детей.

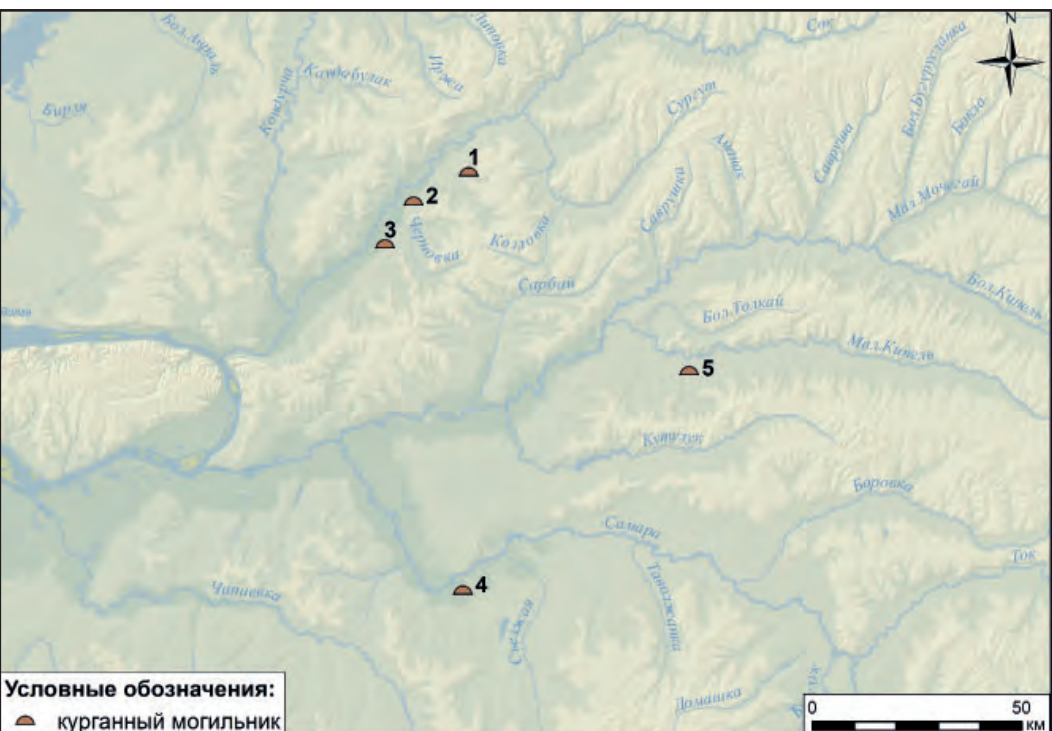

Рис. 11. Памятники потаповской культуры. 1 – Потаповский могильник; 2 – Лопатинский II могильник; 3 – могильник Грачевка II; 4 – могильник Утевка VI; 5 – могильник Кутулук I (по: Кузнецову П.Ф., Мочалову О.Д.)

В могильных ямах и на подкурганных площадках размещали жертвенных животных: скелеты, черепа, кости ног лошадей, быков, овец и коз, собак. В некоторых погребениях на периферии курганный насыпи фиксируются черепа и конечности быков и овец, исследователи предполагают, что это остатки чучела животного. В центральных могилах в ногах умерших размещали тела собак в сидячем положении.

Самым необычным погребением было погр. 1 кургана 3 Потаповского могильника, в котором погребенный лежал на спине с подогнутыми ногами и следами охры на костях левой руки. Вместо человеческого черепа у него на плечах лежал череп коня (рис. 12: 4).

Наиболее массовой категорией погребального инвентаря была плоскодонная керамика горшковидной и банковидной формы (рис. 12: 5–16).

Орнамент на керамике потаповской культуры довольно разнообразен. Выделяется композиция в виде елочного орнамента, нанесенного на тулово сосуда, его дополняют орнаментальные мотивы на горловине в виде заштрихованных треугольников, ромбов и зигзагов. На ряде сосудов встречаются и более сложные элементы орнамента, такие как уточки, овы, заштрихованные зигзаги, перевернутые ступенчатые пирамидки. Иногда фиксируются желобки. Известен горшковидный сосуд раскрашенный охрой.

На сосудах из трех могильников потаповской культуры зафиксированы отпечатки тканей, что позволяет предположить изготовление керамики на форме-основе.

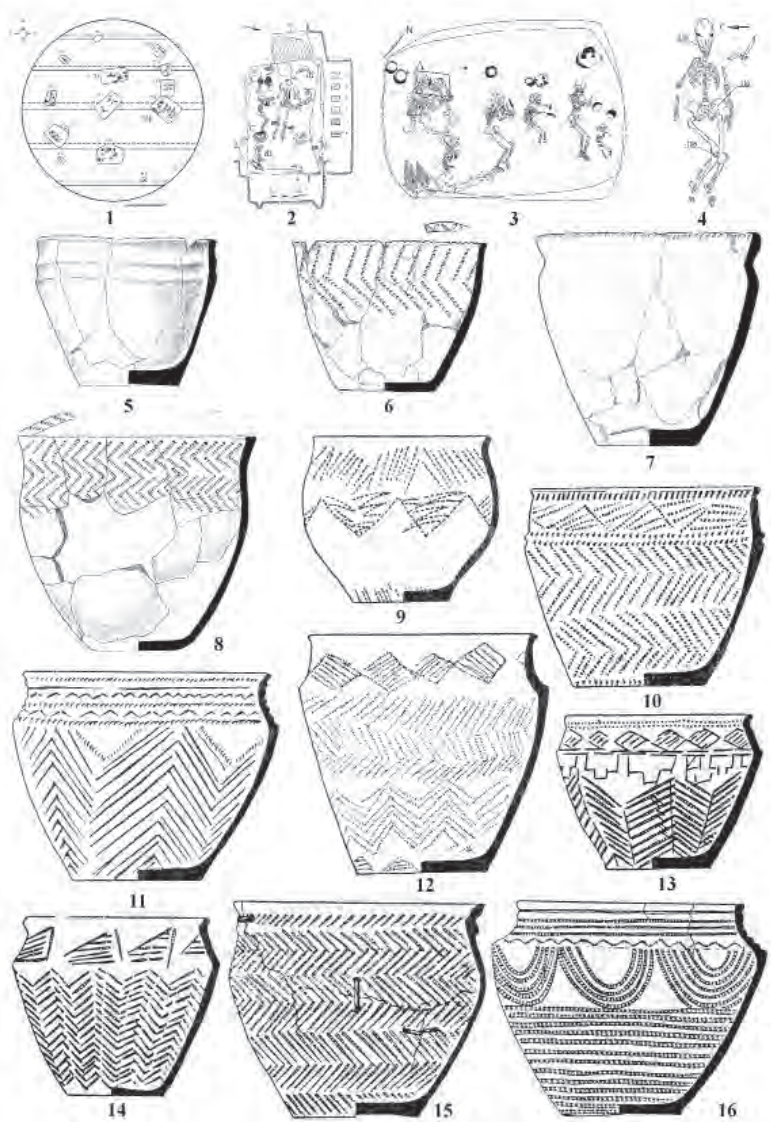

Рис. 12. Погребения и погребальный инвентарь потаповской культуры. 1 – курган 6 могильника Утевка VI; 2 – курган 3, погр. 1 Потаповского могильника; 3 – погребение 2 кургана 6 могильника Утевка VI; 4 – курган 3, погр. 1 Потаповского могильника; 5–16 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Кузнецов, Мочалов, 2021). Масштаб разный.
5–16 – глина

Ткань, которая изготавливалась потаповскими мастерами, была выполнена из шерсти и пуха с помощью простого полотняного переплетения.

Металлический инвентарь был довольно многочисленным, в него входили ножи с ромбической пяткой, кинжалы с роговыми рукоятями (рис. 13: 27, 35, 37, 38), ножи-бритвы, ножи-серпы (рис. 13: 36), долота, тесла плоские (рис. 13: 26) и со свернутой втулкой (рис. 13: 32), шилья (рис. 13: 11, 29), иглы, крючки (рис. 13: 17). Редкой находкой был наконечник копья (рис. 13: 39), найденный в единственном виде.

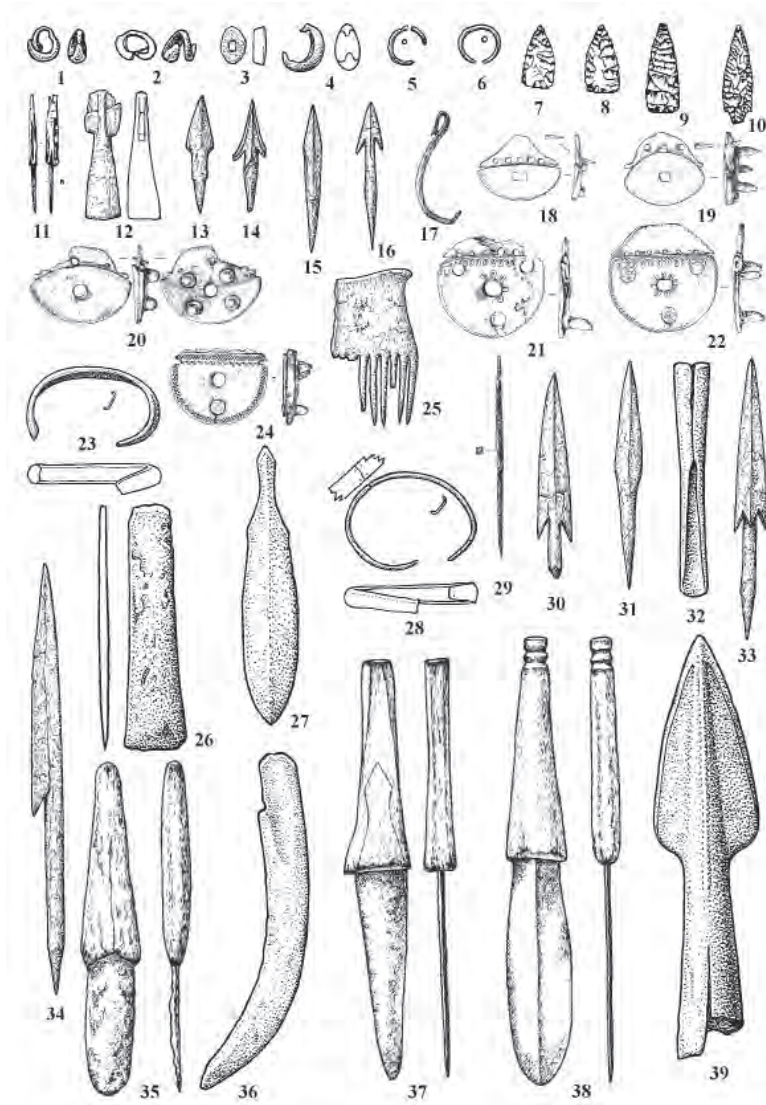

Рис. 13. Погребальный инвентарь потаповской культуры. 1, 2 – подвески в 1,5 оборота; 3 – диск с отверстием; 4 – подвеска; 5, 6 – височные кольца из свернутых трубочек; 7–10, 13–16, 30, 31, 33, 34 – наконечники стрел; 11, 29 – шилья; 12 – втульчатая лопатка-тупик; 17 – крючок; 18–22, 24 – дисковидные псалии; 23, 28 – браслеты; 25 – гребень; 26 – плоское тесло; 27, 35, 37, 38 – ножи-кинжалы; 32 – тесло со свернутой втулкой; 36 – нож-серп; 39 – наконечник копья (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Кузнецов, Мочалов, 2021). Масштаб разный. 1, 2, 5, 6, 23, 26–29, 32, 36, 39 – медь и бронза; 3, 12–22, 24, 25, 30, 31, 33, 34 – кость и рог; 4 – золото; 7–10 – кремень; 11, 35, 37, 38 – медь и кость

В качестве предметов импорта можно рассматривать ножи сейминско-турбинского типа.

Украшения из металла также были разнообразны, в их числе были бляшки-накладки с пуансонным орнаментом, широкие желобчатые браслеты (рис. 13: 23, 28), полые височные подвески в полтора оборота (рис. 13: 1, 2), височные кольца (рис. 13: 5, 6), медные бусины и пронизки, как исключение следует отметить золотую

сережку из желобчатой пластины (рис. 13: 4). Кроме того, фиксируются каменные и фаянсовые бусы.

Каменные изделия встречались во многих погребениях потаповской культуры. С металлическими орудиями встречались куски галечника, которые использовались в качестве оселков. Многочисленны кремневые наконечники стрел (черешковые, бесчерешковые, с выемкой у основания) (рис. 13: 7–10).

Костяной инвентарь включает дисковидные псалии (рис. 13: 18–22, 24), которые происходят исключительно из центральных погребений. Шипы на псалиях были двух типов: монолитные и вставные, встречаются орнаментированные экземпляры. Кроме того, в погребениях встречаются наконечники стрел (рис. 13: 13–16, 30, 31, 33, 34), плоские диски и цилиндры с центральным отверстием, бусины-трубочки, гребень (рис. 13: 25), втульчатая лопатка-тупик (рис. 13: 12).

В XVIII в. до н. э. происходит очередная трансформация потаповской культуры, которая вошла в состав формирующейся покровской культуры.

Срубная культурно-историческая общность (XIX–XV вв. до н. э.) – одно из крупнейших образований позднего бронзового века. Происхождение срубной КИО на разных территориях связывают с разными археологическими культурами. В Днепровско-Донецком междуречье срубная КИО образовалась в результате взаимодействия бабинской и донской абашевской культур. В Волго-Уралье – на основе позднекатакомбной, абашевской, синташтинской и потаповской культур.

Ареал распространения срубной КИО обширен. Её территория простирается от Северного Причерноморья на западе до Приуралья на востоке и от Нижнего Прикамья на севере до Прикубанья на юге. Отдельные срубные памятники известны даже на территории Средней Азии.

Непосредственно в Волго-Уралье памятники срубной КИО фиксируются в степной и лесостепной зонах на берегах Волги, Камы и их притоков (рис. 14).

Поселения размещались в поймах рек, как правило на их возвышенных участках или первых и вторых надпойменных террасах. Известны как небольшие поселения, площадь которых составляла несколько десятков метров, так и крупные, площадью 20 и более тысяч квадратных метров (рис. 15: 1). Исследователи предполагают, что размеры памятников обусловлены их назначением, таким образом, малые поселения являются временными – сезонными стоянками, а крупные – долговременными стационарными поселениями.

В состав поселений входили постройки жилищно-хозяйственного и хозяйственно-производственного назначения. В первом случае сооружения сочетали в себе признаки жилой постройки, в которой часть пространства была отдана под хозяйственную деятельность. Хозяйственно-производственные сооружения были специализированными постройками, в которых осуществлялась производственная деятельность, здесь встречаются различные заготовки из кости, рога, камня, а также следы металлургической деятельности.

Постройки срубной КИО были полуземляночного типа или наземными, построенными как каркасные сооружения. Иногда фундамент выкладывался крупными камнями.

Жилые и хозяйственные строения в срубном поселке строились широко, они окружались хозяйственными площадками, на которых размещали открытые очаги, колодцы, хозяйственные ямы, навесы, места производства различных изделий (рис. 15: 2).

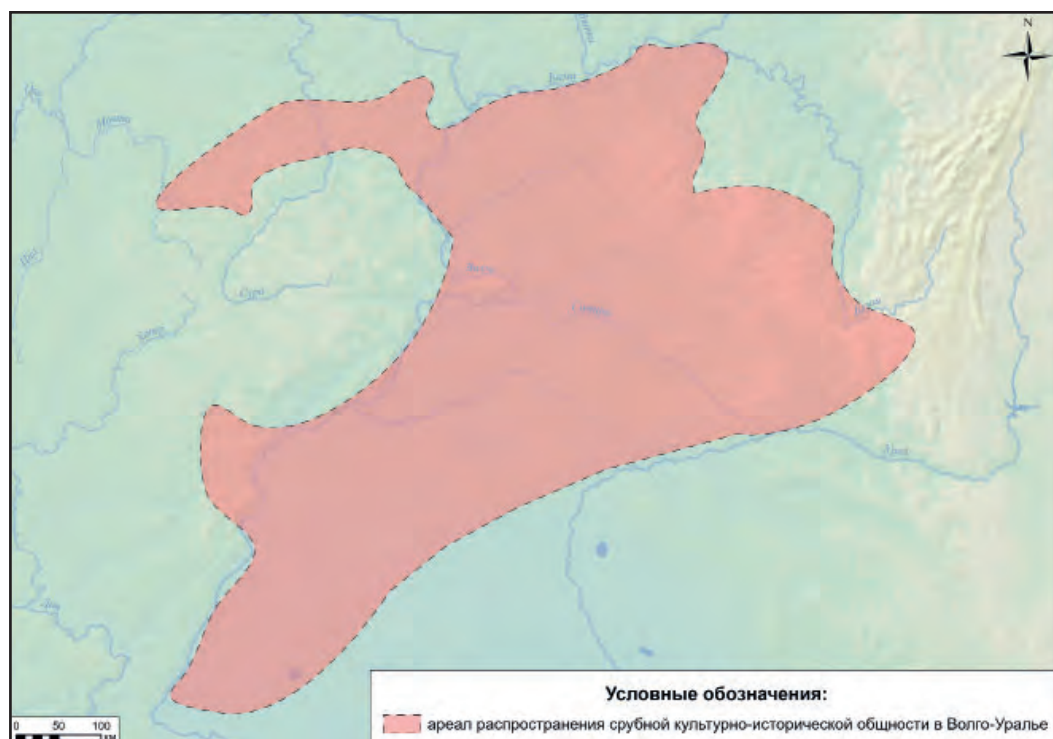

Рис. 14. Ареал срубной культурно-исторической общности

Инвентарь поселений срубной КИО довольно разнообразен. Здесь представлены изделия из металла, кремня, кости и глины. В состав металлических изделий входят: украшения (рис. 15: 5), предметы быта (ножи, шилья, иглы) (рис. 15: 6, 13, 15, 16, 24), орудия труда (рис. 15: 20, 25, 31, 32) и оружие (рис. 15: 22), а также различные мелкие предметы (рис. 15: 7) и заготовки (рис. 15: 14). Кремневых изделий немного, чаще всего встречаются наконечники стрел (рис. 15: 4). Предметы из кости и рога представлены пронизками (рис. 15: 3), спицами (рис. 15: 9) и проколками (рис. 15: 12), пряслицами (рис. 15: 19) и небольшими крышечками (рис. 15: 8). Единично встречаются желобчатые псалии (рис. 16: 23). Встречаются также гарпуны (рис. 15: 21), струги (рис. 15: 18), муфты для составных орудий (рис. 15: 27) и даже такая экзотика, как коньки для катания на льду (рис. 15: 23). В составе глиняных изделий выделяются пряслища, как обычные, так и изготовленные из стенок сосудов (рис. 15: 10, 11, 17), и керамика. Глиняная посуда представлена плоскодонными горшками и банками, орнаментированными гребенчатыми гладким штампом (рис. 15: 28–30, 33–37).

Могильники срубной КИО в большинстве своем курганные (рис. 16: 1–4), хотя известны и грунтовые, распространены одиночные курганы и курганные группы, насчитывающие до 20 курганов. Умерших хоронили в неглубоких ямах подпрямоугольной формы, в скорченном положении на левом боку, руки помещались у лица или груди, в так называемой позе адорации. Головой погребенные были ориентированы на север, с отклонениями к востоку (рис. 16: 5, 14, 22, 28).

В погребальном обряде первого этапа срубной КИО (XIX в. до н. э.) отчетливо проявляются черты более ранних культур посткатакомбного круга. В их числе

Рис. 15. Поселенческий инвентарь срубной культурно-исторической общности. 1 – поселение I у с. Габдрафиково, Переволоцкий район Оренбургской области; 2 – план постройки поселения I у с. Малоюлдашево; 3 – пронизка; 4 – наконечник стрелы; 5 – крестообразная подвеска; 6 – шило; 7 – скоба; 8 – крышечка; 9 – спица; 10, 11, 17, 19 – пряслица; 12 – проколка; 13, 24 – ножи; 14 – прутки; 15, 16 – иглы; 18 – струг; 20, 25, 31, 32 – серпы; 21 – гарпун; 22 – топор; 23 – конёк для катания на льду; 26 – сопло; 27 – муфта; 28–30, 33–37 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Купцова, Лыганов, 2021). Масштаб разный. 3, 9, 12, 19, 21, 23, 27 – кость и рог; 4 – кремь; 5–7, 13–16, 20, 22, 24, 25, 31, 32 – медь и бронза; 8, 10, 11, 17, 26, 28–30, 33–37 – глина

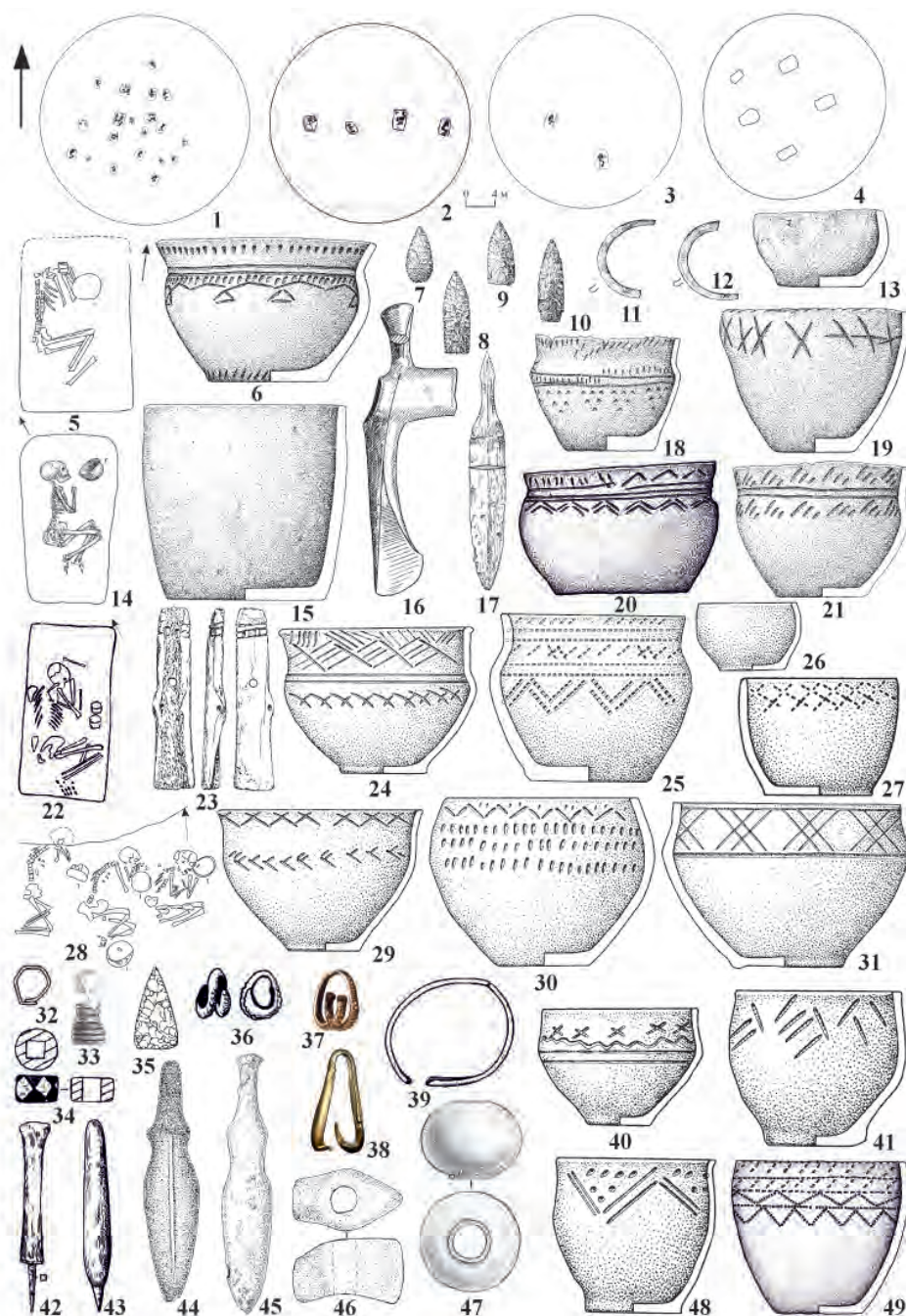

Рис. 16. Погребения и погребальный инвентарь срубной культурно-исторической общности. 1 – Твердиловский курганный могильник, курган 1; 2 – Боголюбовский курганный могильник, курган 12; 3 – курганный могильник Каменка, курган 2; 4 – Комиссаровский курганный могильник, курган 2; 5 – Старокуйбышевский могильник; 6, 13, 15, 18–21, 24–27, 29–31, 40, 41, 48, 49 – керамика; 7–10, 35 – наконечники стрел; 11, 12 – височные кольца; 14 – Новомордовский II могильник; 16 – топор синташтинского типа; 17, 44, 45 – ножи-кинжалы; 22 – Батынгузские (Торецкие) курганы; 23 – желобчатый

ямы подпрямоугольной или овальной формы; скорченное положение костяков в позе адорации, ориентировка на север, северо-восток, восток и бедность погребального инвентаря, в составе которого присутствуют плоскодонные баночные сосуды без орнамента.

В погребальном обряде присутствуют – менее выражено – признаки культур синташтинско-потаповского круга. К таковым следует относить широкие и глубокие могильные ямы, органические подстилки, плавно профилированные горшки и сосуды с перегибом профиля в верхней трети высоты.

II этап срубной КИО, иначе называемый покровским этапом (XIX–XVIII/XVIII – XVII вв. до н. э.), характеризуется появлением курганных насыпей с несколькими могилами (рис. 16: 5, 14); широко распространяется практика размещения в центре кургана погребальных камер крупных размеров, перекрытых накатом из стволов дерева или каменными плитами. В ямах иногда фиксируются подстилки и покрывала из органики, отмечена также охра. В Нижнем Прикамье и лесостепной части Казанского Поволжья появляются расчлененные и вторичные погребения и – крайне редко – погребения на правом боку.

Инвентарь состоит из керамики (рис. 16: 6, 13, 15, 18–21), украшений (рис. 16: 11, 12), кремневых наконечников стрел (рис. 16: 7–10; 35), а также ножей (рис. 16: 17), каменных булав (рис. 16: 47), каменных топориков (рис. 16: 46), костяных пряжек, наверший плетей (рис. 16: 33, 34) и т. п. В единственном числе представлен топор синташтинского типа (рис. 16: 16).

Со II этапом связано заселение территории Нижнего Прикамья и лесостепной части Казанского Поволжья носителями срубной КИО (рис. 16: 22, 28). В составе погребального инвентаря массово встречается плоскодонная керамика с орнаментом, выполненным гребенчатым штампом (рис. 16: 24–27, 29–31). В это же время устанавливаются устойчивые контакты с носителями раннего этапа алакульской культуры. Эти связи определяются по появлению керамики с раннеалакульской орнаментацией и некоторым видам украшений.

На погребальных памятниках III этапа (вторая пол. XVIII – первая пол. XVI/XVI–XV вв. до н. э.) могильная яма перекрывалась плахами, которые зафиксированы примерно в трети могильных ям. В Приуралье (Оренбургской области и Башкирии) могильные ямы иногда перекрывали каменными плитами.

Погребальный инвентарь небогат, чаще всего в него входила керамика (рис. 16: 40, 41, 48, 49), в женских погребениях отмечены различные украшения, такие как бронзовые височные подвески в полтора оборота (рис. 16: 36–38), височные кольца (рис. 16: 32), браслеты (рис. 16: 39), бисер. В ряде случаев бронзовые изделия были плакированы золотой фольгой (рис. 16: 37, 38).

Судя по появлению в срубных погребениях кожумбержынской и федоровской керамики, развиваются связи с Западной Сибирью. Инокультурной традицией было также появление трупосожжений, каменные ящиков и оградки над погребениями.

псалий; 28 – могильник Девичий городок; 32 – височное кольцо; 33 – втулка; 34 – кольцо; 36–38 – желобчатые подвески в 1,5 оборота; 39 – браслет; 42, 43 – шилья; 46 – топорик; 47 – навершие булав (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Купцова, Лыганов, 2021). Масштаб разный. 6, 13, 15, 20, 21, 24–27, 29–31, 40, 41, 48, 49 – глина; 7–10, 35 – кремнь; 11, 12, 16, 17, 32, 36, 39, 44, 45 – медь и бронза; 23, 33, 34 – кость и рог; 37, 38 – бронза и золото; 42, 43 – бронза и кость; 46, 47 – камень

В погребения зачастую помещали погребальную пищу, поэтому в могилах фиксируются ребра крупного и мелкого рогатого скота. В межмогильном пространстве совершали тризны, сопровождавшиеся поминальными ритуалами, свидетельством чему являются жертвенные комплексы, включающие скелеты, черепа и конечности мелкого и крупного рогатого скота, а также лошади.

Хозяйство срубной культуры было многоотраслевым, превалировало скотоводство, преимущественно выращивали крупный и мелкий рогатый скот, однако в лесостепной зоне была распространена и свинья. Существуют две гипотезы относительно характера срубного скотоводства: 1) ортодоксальная – скотоводство носило придомный характер, и 2) сравнительно новая – срубное скотоводство имело подвижный характер.

В срубных коллективах существовало высокоразвитое производство металла, свидетельством чему на поселениях являются многочисленные находки литейных форм, тиглей, сопл (рис. 15: 26), металлургических шлаков. Медь добывали в специализированных горно-металлургических центрах, которые размещались в большинстве своем в пределах Каргалинского рудного поля. Здесь существовали поселки металлургов (Горный I и др.), которые занимались добычей руды, выплавкой металла и производством изделий из него для ближнего и дальнего обмена. Кроме жилых и производственных построек в поселениях металлургов сооружали колодцы, выложенные каменной кладкой, и каменные ванны для промывки и обогащения руды.

Продукцией срубных металлургических центров были кельты, кинжалы (рис. 16: 44, 45), косари, серпы ибракаевского типа (рис. 15: 20, 25, 31, 32), долота, ножи (рис. 15: 13, 24), тесла, шилья (рис. 5: 6; 16: 42, 43), иглы (рис. 15: 15, 16). Значительная часть металлических срубных изделий сосредоточена вкладах. Наиболее известнымикладами являются Ибракаевский и Богатыревский.

Кроме скотоводства и металлургии носители срубной КИО занимались охотой и рыболовством, большое распространение получило гончарство, косторезное и кожевенное производство.

В XV в до н. э. срубная культура в Волго-Уралье прекращает свое существование. Причины этого явления до сих пор не определены, возможно, это связано с увеличением сухости климата и миграцией населения. На смену срубной КИО в Волго-Уралье приходят культуры круга валиковой керамики.

Культура валиковой керамики (ивановская/хвалынская) (XV/XIV–XIII/XII вв. до н. э.) эпохи поздней бронзы относится к общности культур валиковой керамики (ОКВК). Происхождение ивановской культуры исследователи связывают со срубной КИО, которая, вероятно, была основной в её сложении, при участии федоровской и черкаскульской культур андроновской КИО. Благоприятные условия формирования ивановской культуры сложились ещё в эпоху срубно-алакульского взаимодействия, которые заложили основу для взаимопроникновения срубных и андроновских традиций.

ОКВК занимает огромные территории степной и лесостепной зон Северной Евразии от Дуная до Алтая. Ареал ивановской (хвалынской) культуры располагается примерно в середине ареала ОКВК на юге лесостепного Волго-Камья (Приуралье, Самарское Поволжье) и в степном Поволжье (Волго-Донское междуречье, Саратовское Поволжье, Северо-Восточное Приазовье) (рис. 17).

Памятники ивановской культуры представлены в основном поселениями. Как правило, ивановские поселения располагаются на месте срубных поселков, площадь

Рис. 17. Ареал культуры валиковой керамики (ивановская/хвалынская)

их достигает 10 000 кв. м. Культурный слой концентрируется в основном на месте построек, вне его мощность невелика. Часть поселков располагается на высоких мысах.

Постройки ивановской культуры полуземляночного типа подпрямоугольной формы площадью около 100 кв. м (рис. 18: 1, 2). Встречаются сооружения с длинным коридорообразным входом-тамбуром (рис. 18: 3).

Наиболее массовым материалом на поселениях была плоскодонная керамика с примесью шамота в глиняном тесте (рис. 18: 26–38). Верхняя часть сосуда по горловине украшена валиками (одним, реже двумя), охватывающими шейку сосуда по её основанию, причём концы валиков свисают вниз. Поверх валика наносился орнамент в виде косых крестов, елочки или сетки, такой орнамент в сочетании с воротничками округлой или уплощенной формы отличает керамику ивановской культуры от западных культур ОКВК.

Значительную часть ивановской керамики составляют сосуды, в которых орнамент в виде валика дополнен орнаментальными композициями, выполненными гладким или зубчатым штампом. В числе элементов геометрического орнамента представлены треугольники, обращенные вершинами вниз, уже упомянутые ёлочка и сетка. Кроме того, имеется глиняная посуда, украшенная горизонтальными рядами глубоких круглых ямок, образующих выпуклины-жемчужины на внутренней или внешней сторонах сосуда.

В сериях керамики из ивановских поселений встречаются кубковидные сосуды на поддоне, орнаментированные заштрихованными косоугольными треугольниками

Рис. 18. Постройки, поселенческий и погребальный инвентарь, клады и случайные находки культуры валиковой керамики. 1 – пос. Смеловка I; 2 – пос. Григоревка I; 3 – пос. Нижняя Орлянка II, постр. 2; 4 – пуговица с отверстием-ушком; 5 – заготовка; 6 – сфероид; 7–10, 13 – наконечники стрел; 11, 12 – накладки на лук; 14, 15 – «лепешки»; 16 – серп-косарь; 17 – нож-кинжал; 18–20 – кельты; 21 – наковальня; 22 – котёл; 23 – нож-бритва; 24 – «корыто»; 25 – серп; 26–38 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Колев, 2021). Масштаб разный. 4, 14, 15, 24, 26–38 – глина; 5 – кость; 6, 21 – камень; 7–13 – кость и рог; 16–20, 22, 23, 25 – медь и бронза

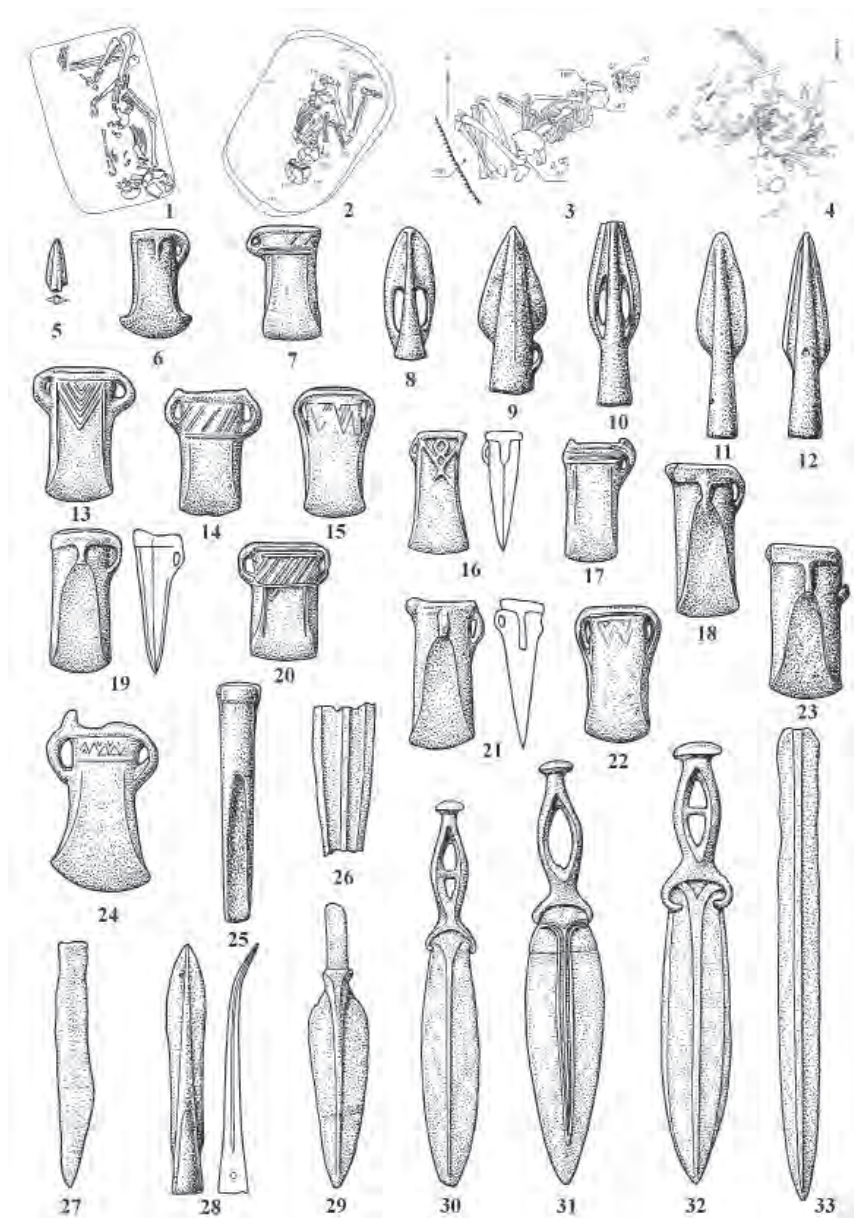

Рис. 19. Погребения, погребальный и поселенческий инвентарь, клады и случайные находки культуры валиковой керамики. 1 – мог. Утевка VI, грунт. погр. 1; 2 – пос. Петровский городок, погр. 5; 3 – мог. Сабуровский, погр. 3; 4 – пос. Шигоны III, раскоп VII, погр. 2; 5 – наконечник стрелы; 6, 7, 13–24 – кельты; 8–12, 28 – наконечники копий; 25 – долото; 26, 30–33 – кинжалы; 27 – однолезвийный горбатый нож; 29 – нож-кинжал (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Колев, 2021). Масштаб разный. 5–33 – медь и бронза

ми, каннелюрами и зигзагами. Данные сосуды рассматриваются как предметы импорта из свиты культур андроновской КИО Среднего Поволжья и Западной Сибири.

Интерес представляют и другие изделия из глины, такие как корыта (рис. 18: 24) и лепёшки (рис. 18: 14, 15), немногочисленны находки пуговиц (рис. 18: 4).

На поселениях находки металлических изделий встречаются редко, они представлены ножами (рис. 19: 27) и шильями с прямоугольным сечением, иногда кельтами (рис. 18: 20), кинжалами (рис. 19: 33) и наконечниками стрел (рис. 19: 5). Значительно шире номенклатура металлических изделий ивановской/хвалынской культуры представлена вкладах. В них представлены кинжалы с прорезными рукоятями (рис. 19: 26, 30–32), ножи-кинжалы с кольцевым упором (рис. 19: 29), серпы-косари (рис. 18: 16), серпы дербеденевского или кабаковского типа (рис. 18: 25), втульчатые желобчатые долота (рис. 19: 25), ножи-бритвы (рис. 18: 23), одноушковые и двуушковые кельты (рис. 18: 18, 19; 19: 6, 7, 13–24), наконечники копий с прорезными и непрорезными крыльями и литой втулкой (рис. 19: 8–12).

Каменные изделия немногочисленны, они представлены наковальней дисковидной формы (рис. 18: 21) и сфероидом (рис. 18: 6). Предметов из кости также немного: это прежде всего наконечники стрел (рис. 18: 7–10, 13), накладки на лук (рис. 18: 11, 12), заготовки различной формы (рис. 18: 5).

Для ивановской/хвалынской культуры характерно использование оловянных бронз, изготовление изделий со слепой втулкой, употребление каменных литейных форм.

Изделия из кости и рога представлены наконечниками стрел с плоским удлиненным черешком и овальным или ромбическим сечением пера, наконечниками стрел с овальным сечением пера и коротким уплощенным черешком, накладками на лук, стержневидными псалиями со взаимопересекающимися отверстиями, пуговицами с ушком, а также большим количеством изделий и заготовок неясного назначения.

Могилики ивановской/хвалынской культуры выделяются лишь предположительно. К первому этапу относят погребения в грунтовых или курганных могиликах с андронидной керамикой. В курганных могиликах умершего погребали под курганом, сооружая над каждым погребением индивидуальную насыпь. В могильные ямы, как в грунтовых, так и курганных могиликах, погребенных размещали скорченно на правом боку головой на восток и юг.

Ко второму этапу относят могилики непосредственно с валиковой керамикой под курганами и в грунтовых могиликах (рис. 19: 1–4). Умерших помещали в могильные ямы на правом боку в скорченном положении, головой на юго-восток.

Погребальный инвентарь схож с находками из поселений и кладов. В составе погребального инвентаря встречаются ножи (рис. 18: 17), единично котлы (рис. 18: 22) и наконечники копий (рис. 19: 28).

Основным направлением хозяйственной деятельности ивановской культуры было скотоводство, разводили в основном крупный рогатый и мелкий рогатый скот, лошадь, а также свиней, но в меньшем количестве.

В последней четверти II тыс. до н. э. традиция изготовления валиковой керамики в Волго-Уралье исчезает, а вместе с ней исчезает и ивановская культура. Причина её исчезновения до конца неясна. В настоящее время существует две версии этих событий. Первая гипотеза связывает исчезновение ивановской культуры с усилившейся аридизацией климата, которая вынудила носителей данной культуры искать новые формы хозяйства и изменить ареал обитания. Вторая версия предполагает внешнее давление на ивановскую культуру со стороны носителей памятников «нурского» типа, заставивших её мигрировать на правобережье Волги.

3.2. КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ

Балановская и атликасинская культуры. Существуют разные оценки времени существования данных культур – от XXV–XXII вв. до н. э. до последней четверти III – первой четверти II тыс. до н. э. Таким образом, балановская и атликасинская культуры относятся к концу среднего – началу позднего бронзового веков. Выделение отдельных балановской и атликасинской культур из состава фатьяновской культуры оспаривается.

Входят в состав свиты культур обширной области шнуровой керамики. Происхождение культур шнуровой керамики исследователи связывают с Южной Прибалтикой, Поднепровьем, Карпатами. В конце III начале II тыс. до н. э. из этих областей происходит миграция на восток носителей культур шнуровой керамики, которые легли в основу складывавшейся фатьяновско-балановской общности. В центре европейской части России они столкнулись с поздневолосовскими племенами и заняли их территорию. В Волго-Камье фатьяновско-балановская общность соприкоснулась с местными аборигенными культурами: чирковской, позднегаринской, волосовской. Контакты с носителями абашевской культуры, также мигрировавшими на территорию Волго-Камья, были, вероятнее всего, военными, об этом свидетельствуют абашевские могильники с коллективными погребениями воинов со следами смертельных ранений (Пепкинский и др.).

Территория расселения балановской и атликасинской культур распространяется на Среднюю Волгу с её притоками в Казанском, Марийском и Чувашском течении, а также Ветлужско-Вятское междуречье (рис. 20).

Поселения *балановской культуры* большей частью располагаются в поймах рек на дюнах и первых надпойменных террасах. Немного меньше их выявлено на высоких мысах по берегам рек, еще меньше на водоразделах близ оврагов и источников воды.

Поселенческие памятники подразделяются на неукрепленные – стоянки и селища – и естественно укрепленные мысовые поселения.

Большая часть построек балановской культуры – это полуземлянки подпрямоугольной формы, конструктивно они относятся к каркасно-столбовому типу, площадь их составляет 20–50 кв. м. Землянок выявлено немного, в настоящее время известны только две такие постройки овальной формы.

Существование наземных построек только предполагается на основании наличия на поселениях каменных вымосток площадью около 120 кв. м с отложениями золы и керамики.

Стенки котлованов балановские строители обтягивали тонкими кусками бревен, расколотых вдоль, стены из плетня, покрытого глиной, в наземной части укреплялись столбами. В углубленных в землю постройках размещали очаги, а в наземных сооружениях – кострища.

Могильники балановской культуры грунтовые и курганные (рис. 21: 1, 2), умерших размещали в глубокие, около 2 м, и просторные могильные ямы длиной до 3 м и шириной до 2,2 м овальной или подчетырехугольной формы. Сверху они перекрывались накатником из массивных бревен. В могильные ямы впускали массивные деревянные конструкции, известны случаи обмазки стенок известкой и выкладки деревом дна могилы. В засыпи погребений отмечены скопления

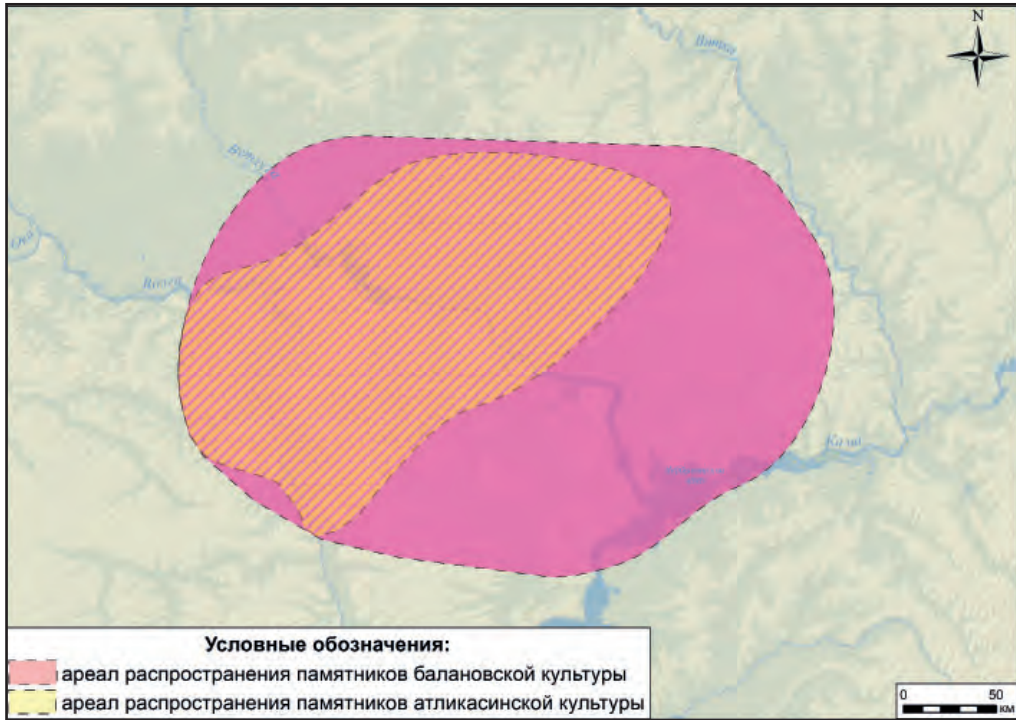

Рис. 20. Ареал балановской и атликасинской культур

угля. Над могилами фиксируются следы поминальных ритуалов – кости животных и керамика.

Умерших размещали в скорченном положении поодиночке (рис. 21: 3) или совершали коллективные захоронения, отмечены также впускные погребения. Одна рука располагалась вытянуто вдоль тела, вторая сгибалась в локте, кистью у лица. Мужчин укладывали на правый бок головой на юг, запад или юго-запад. Женщин размещали на левом боку, головой на юг и юго-восток.

В мужские погребения помещали предметы вооружения: медные наконечники копий (рис. 21: 18, 20, 22, 23), вислообушные топоры (рис. 21: 10–12, 19), каменные сверленные топоры (рис. 21: 13–17); посуду: чернолощенные бомбовидные горшки (рис. 21: 21, 24–29); амулеты из зубов животных. В женские погребения размещали в больших количествах керамику, в том числе реповидные амфоры и лощенные сосуды. Детские погребения сопровождала миниатюрная посуда, игрушки, глиняные модели сверленных топоров.

Курганные могильники размещались на склонах водораздельных террас и останцов, вблизи ручьев или небольших рек, они включали от одной до трех насыпей диаметром от 12 до 28 м, высотой от 0,3 до 2 м. Погребальные площадки окаймлялись кольцевыми ровиками. Под курганными насыпями размещали одиночные и впускные погребения. Конструкция могильной ямы, ритуалы и погребальный инвентарь аналогичны грунтовым погребениям. Наличие ям без человеческих останков подразумевает размещение кенотафов.

Из предметов материальной культуры наиболее многочисленны керамические сосуды. Керамика балановской культуры круглодонная, изготовлена из глины с при-

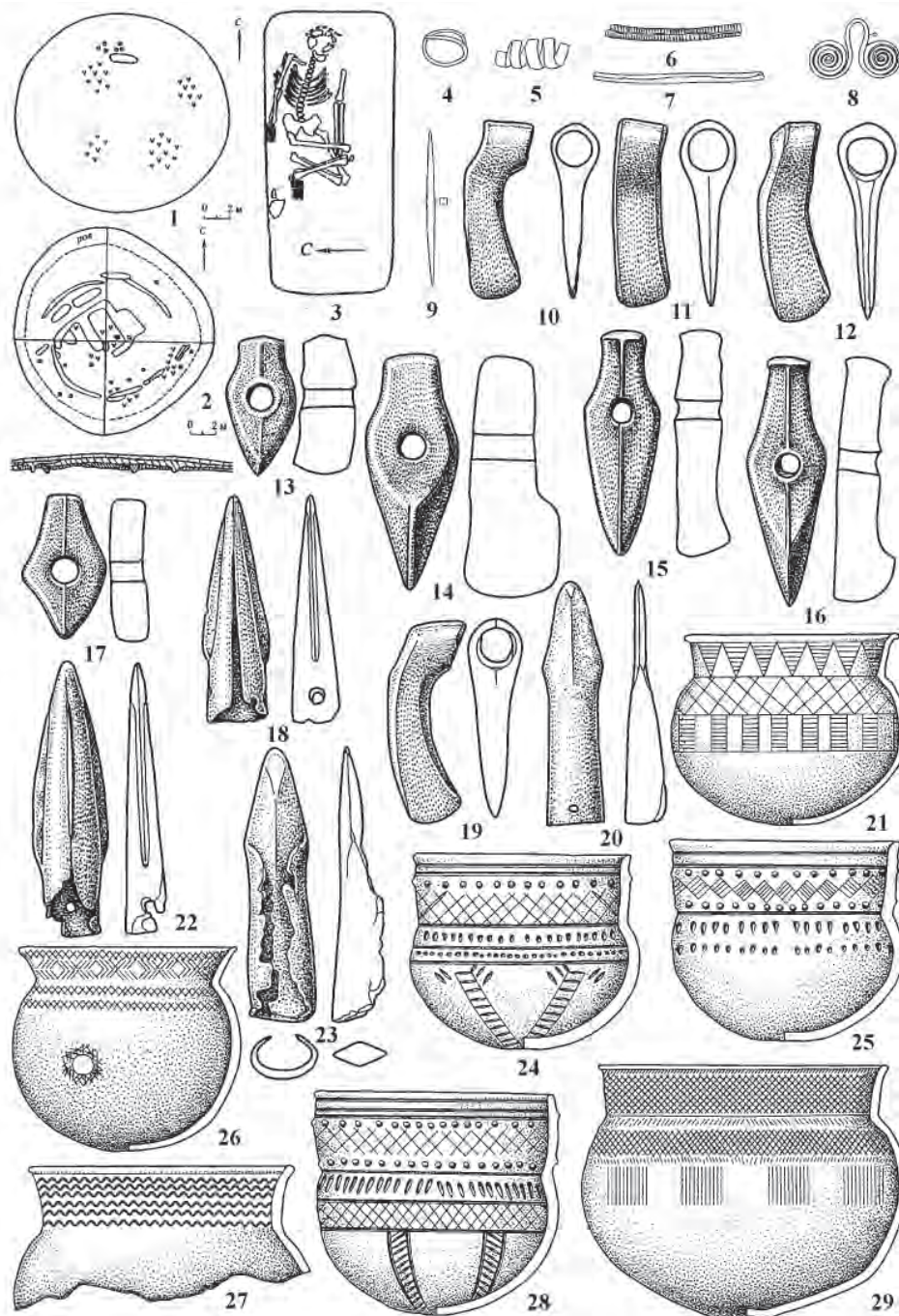

Рис. 21. Погребения и инвентарь балановской культуры.

1 – Медякасинский курган; 2 – Мамалаевский курган; 3 – Козловка; 4, 5 – височные кольца; 6, 7 – пронизи; 8 – очковидная подвеска; 9 – проколка; 10–12, 19 – топоры металлические; 13–17 – топоры сверленные; 18, 20, 22, 23 – наконечники копий; 21, 24–29 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Соловьев, Ставицкий, 2021). Масштаб разный.
4–12, 18–20, 22, 23 – медь; 13–17 – камень; 21, 24–29 – глина

месью шамота. Она подразделяется на «реповидную» и представляет собой шаровидные амфоры с узким горлом, «бомбовидную» с хорошо выраженной шейкой, а также чашевидную (рис. 21: 21, 24–29).

Орнамент наносился оттисками зубчатого штампа и прочерченными линиями, использовали также «шнуровые» отпечатки, округлые и треугольные ямки, выпуклины, лепные валики. Основными орнаментальными мотивами были многорядные зигзаги, горизонтальная и вертикальная елочка, косая решетка, вертикальные фестоны.

Из глины изготавливали также двухстворчатые формы для отливки втульчатых вислообушных топоров, ложки и черпаки, погремушки с ручками, модели колес от игрушечных повозок, копии каменных сверленных топоров, дисковидные пряслица, грибовидные пробки.

Каменный инвентарь. Наиболее известны шлифованные сверленные каменные топоры (рис. 21: 13–17), общее количество которых достигает тысячи экземпляров. Встречаются также шлифованные плоские клиновидные топоры, клиновидные топоры с выделенным черешком, топоры с перехватом.

Многочисленны молоты различных типов. В отдельную категорию выделены булавы. Среди массивных каменных орудий выделяются песты различной формы, полировальные и терочные плиты.

Значительно количество кремневых изделий, в их числе дротики (с треугольным пером, закругленным или приостренным черешком) и наконечники стрел – ромбически-листовидные, листовидные со сглаженным шипом, подтреугольным пером и т. д. Среди орудий бытового назначения представлены ножи, скребки, перфораторы.

Немногочисленный костяной инвентарь представлен орудиями труда: перфораторами, клиновидным орудием (мотыга?), сверленным астроголом, использующимся в кожевенном производстве; украшениями: пронизиями, амулетами-натуралиями из зубов и клыков травоядных и хищных животных, орнаментированными пластинами, гребнем.

Балановская металлургия базировалась на сырье из песчаников Поволжья и Приуралья и входила в Циркумпонтийскую металлургическую провинцию. Металлические изделия изготавливались из меди, из которой ковали наконечники копий (рис. 21: 18, 20, 22, 23), втульчатые топоры нескольких типов (рис. 21: 10, 12, 19), тесло, шилья (рис. 21: 9), иглы, пронизы (трубчатые и спиральные) (рис. 21: 6, 7), пластинчатые накладки, кольца (проволочные и пластинчатые) (рис. 21: 4), спиральные кольца (рис. 21: 5), очковидные подвески (рис. 21: 8).

Поселения *атликасинской культуры* делятся на долговременные неукрепленные (селища) и укрепленные (городища) и недолговременные – стоянки и местонахождения керамики.

Постройки атликасинской культуры относятся к срубным наземным изолированным домам с углубленным полом, наклонной и плоской крышей, с опорой на поперечную балку, подпираемую столбами. На поселении Галанкина Гора одиночные постройки соединялись тамбурными переходами (рис. 22: 1).

Известны как курганные, так и грунтовые могильники. Грунтовые погребения атликасинской культуры выявлены на Балановском могильнике, где они выделяются в атликасинский этап развития некрополя. Обряд погребения атликасинских погребений близок или аналогичен балановскому, отличается только керамический комплекс, в состав которого входят сосуды атликасинского типа. Могильные ямы глубокие, 120–170 см. Погребения совершались в скорченном положении на боку. Муж-

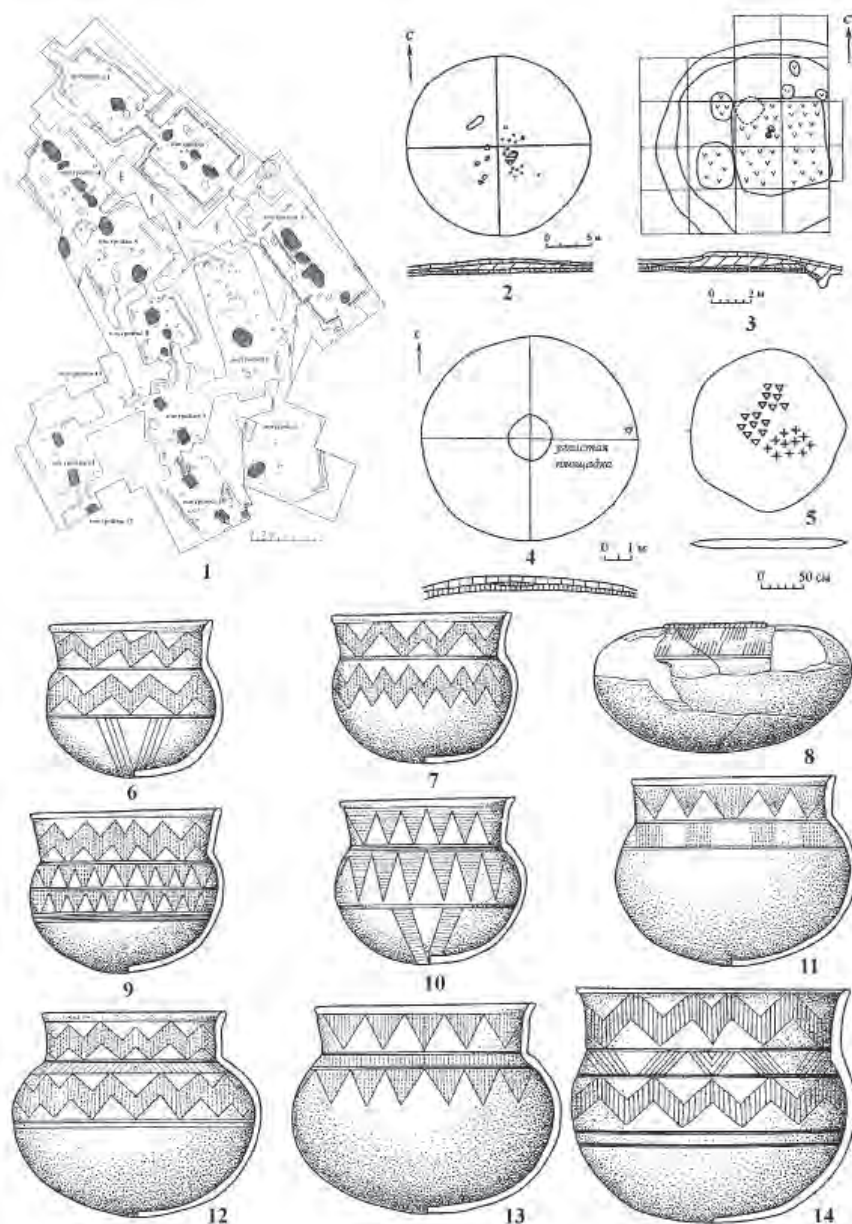

Рис. 22. Поселения, курганы и инвентарь атликасинской культуры. 1 – поселение Галанкина гора; 2 – Кумакасы; 3 – Синцово; 4, 5 – Саруй, курган и углистая площадка в центре; 6–14 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Соловьев, Ставицкий, 2021). Масштаб разный. 6–14 – глина

чин укладывали в могильную яму на правом боку головой на юг, запад или юго-запад. Женщин размещали на левом боку, головой на юг и юго-восток. Выделяются как одиночные, так и коллективные погребения.

Курганные могильники атликасинской культуры располагаются на склонах водораздельных террас и включают от одного до двух курганов диаметром 9–20×12–27 м

и высотой 0,9–2,75 м (рис. 22: 2–5). Погребальные площадки, так же как и у балановской культуры, окружены ровиками. Умерших хоронили с разными вариациями погребального обряда: с помощью труположения (ингумации), трупосожжения (кремации), известны и кенотафы. В засыпи могильных ям, фиксируются скопления угля, на поверхности кострища и зольники, многочисленны фрагменты посуды – следы поминальных обрядов. Глубина могильных ям небольшая, до 35 см. Размещение костяков в могильных ямах, конструктивные особенности погребальных камер и погребальный инвентарь аналогичны грунтовым погребениям.

Керамический комплекс атликасинской культуры подразделяется на две группы посуды: 1) приземистые круглодонные горшки с высокой шейкой, выпуклым плечиком и воротничком (рис. 22: 6, 7, 9–14); 2) небольшие уплощенно-сферические сосуды, с узким валиком в верхней части шейки (4 экз.) (рис. 22: 8).

Орнамент, выполненный техникой нарезки, прочерчиванием, острым зубчатым штампом, располагается на шейке и верхней половине сосуда.

Орнаментальные мотивы представлены штрихованными зигзагами, геометрическими фигурами, такими как ромбы, квадраты, прямоугольники и т. п. Мотивы разделяют длинные линии и короткие отрезки. Дополнительными элементами орнамента, размещенными в придонной части сосудов, были «елочные», линейные и штрихованные крестообразные ленты.

Каменных орудий атликасинской культуры немного, они представлены кремневыми заготовками и наконечниками стрел с подтреугольным пером и острым черешком, пластинчатыми ножами, клиновидными и сверлеными короткообушковыми топорами, а также фрагментом булавы.

Хозяйство балановской и атликасинской культур базировалось на придомном скотоводстве с опорой на использование растительности пойм и остепнённых водоразделов.

В первой четверти II тыс. до н. э. фатьяновско-балановская общность на Средней Волге прекратила свое существование, причины этого явления неизвестны.

Абашевская культура/культурно-историческая общность (XXII–XIX вв. до н. э.) конца среднего и начала позднего бронзового веков.

Сложение абашевской культуры происходило на территории Среднего Поволжья. Об этом свидетельствует тот факт, что именно здесь, в бассейне р. Цивиль, зафиксированы самые ранние памятники данной культуры. В основе абашевской культуры, по мнению современных исследователей, лежат два компонента: пришлый – постшнуровой, происхождение которого связано с Центральной Европой, и местный восточноевропейский.

В настоящее время памятники абашевской культуры выявлены на территории Среднего и Верхнего Поволжья, Южного и Среднего Урала и Среднего Прикамья (рис. 23). В Подонье распространены только самые поздние памятники культуры. По причине значительного расширения территории абашевские популяции оказались изолированы друг от друга и приобрели некоторое своеобразие при сохранении общего культурного единства. Накопившиеся между ними различия позволили выделить два локальных варианта абашевской культуры – средневолжский и южноуральский.

Поселения в большинстве имеют временный характер и могут рассматриваться как стоянки. Соответственно, отсутствуют и жилища с котлованом. Самыми массовыми находками на данных памятниках была керамика (рис. 24: 8, 10–12, 14, 16, 26,

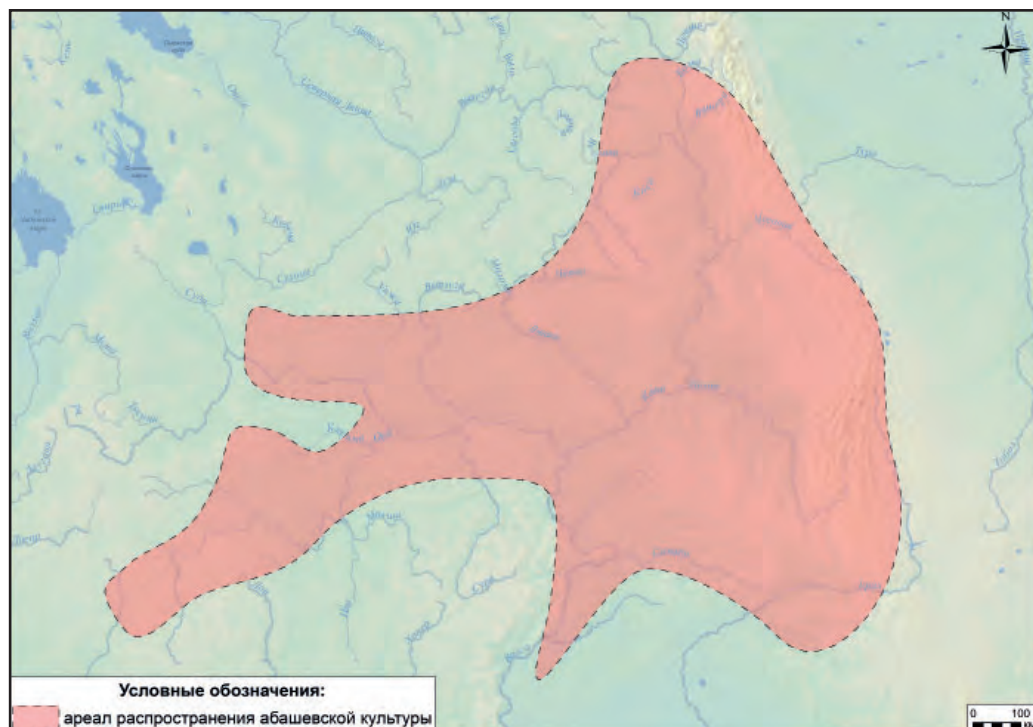

Рис. 23. Ареал абашевской культуры

29, 30). На многих абашевских поселениях, особенно на Южном Урале, зафиксированы многочисленные свидетельства металлообработки: фрагменты тиглей (рис. 24: 7, 13, 15) и литейных форм, вкладыши в литейные формы (рис. 24: 1) и т. д.

Могилики в Среднем Поволжье располагаются по берегам небольших рек, в Приуралье – по берегам рр. Демы и Белой. Реконструкция абашевского погребального обряда выглядит следующим образом: при погребении абашевцы насыпали над могилой небольшую надмогильную насыпь, окружали ее столбовой оградкой в виде одного-двух рядов, разжигали костры, в которых иногда фиксируются кости животных, и устанавливали столбы (идолы?). Через какое-то время над этим погребением или над несколькими погребениями насыпалась уже полноценная курганная насыпь, вокруг которой прокапывался ровик. Курганы Южного Урала вместо деревянных столбиков могли окружать каменной оградкой. Угли от костров встречаются в засыпи могильных ям, а в Абашевском могильнике в погребении женщины отмечена деревянная жаровня с углями и костями животных.

Подкурганные погребения могли располагаться рядами или парами, иногда встречается такое расположение, когда отдельные погребения размещали перпендикулярно основной паре или ряду.

В могильной яме погребенный лежал на спине, с подогнутыми в коленях ногами, руки располагались на тазовых костях, иногда вдоль тела или на груди. Костяки ориентированы головой на юго-восток (рис. 25: 1, 2) или восток, редко на северо-восток или юг. Погребальный инвентарь небогат, чаще всего в изголовье помещали глиняные сосуды (рис. 41, 45, 46, 48, 49, 52–56, 58–60). Встречаются также изделия из меди и бронзы, украшения, предметы быта и оружия.

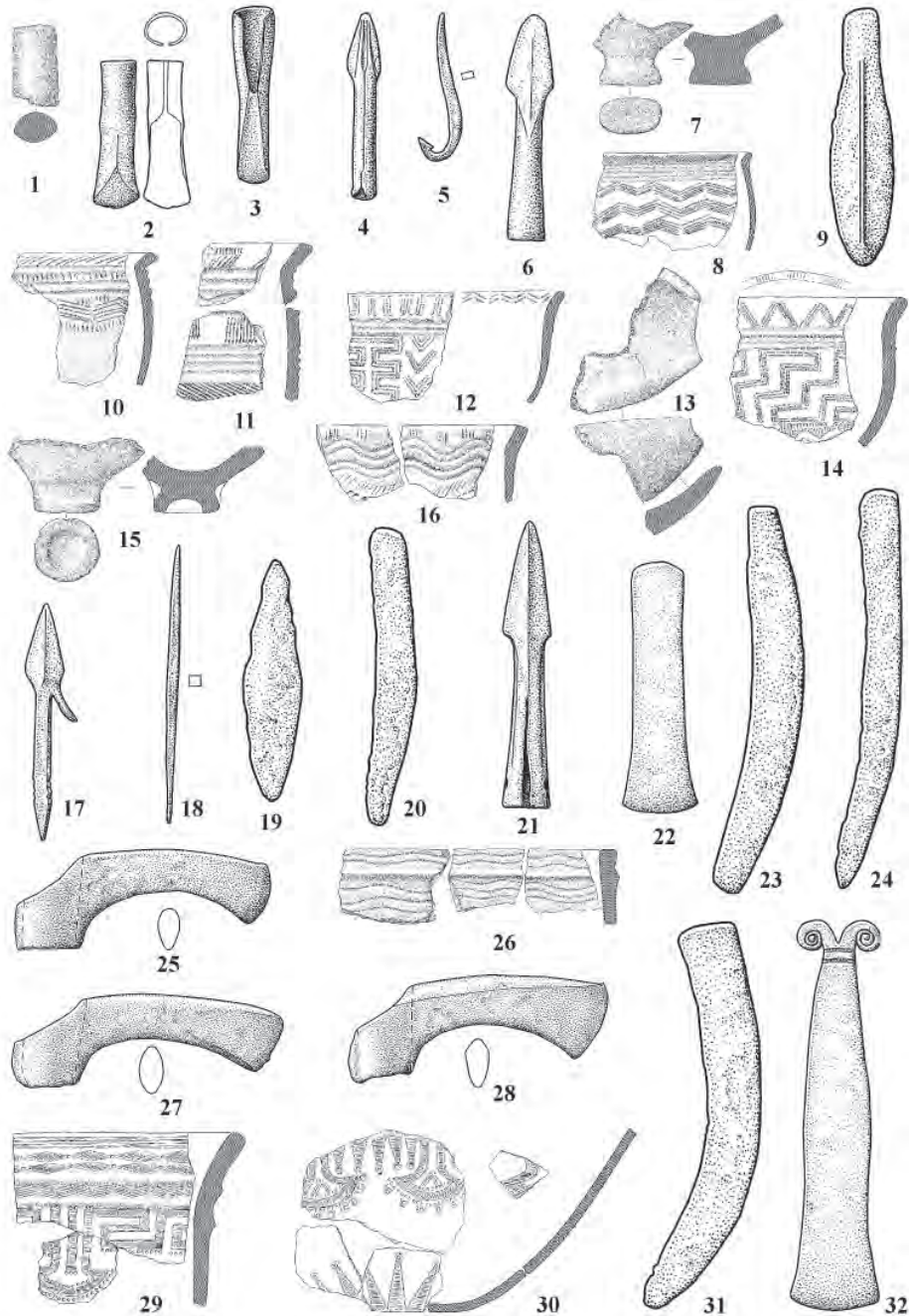

Рис. 24. Поселенческий инвентарь, клады и случайные находки абашевской культуры.

1 – вкладыш в литейную форму для отливки топора; 2 – втульчатое тесло; 3 – долото; 4, 6, 17, 21 – наконечники копий и дротиков; 5 – крючок; 7, 13, 15 – тигли; 8, 10–12, 14, 16, 26, 29, 30 – керамика; 9, 19 – двулезвийные ножи; 18 – шило; 20, 23, 24, 31 – однолезвийные ножи-серпы; 22, 32 – плоские топоры/тёсла; 25, 27, 28 – втульчатые топоры абашевского типа (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Кузьмина, 2021). Масштаб разный.
1, 7, 8, 10–16, 26, 29, 30 – глина; 1–6, 9, 17–25, 27, 28, 31, 32 – медь и бронза

На Южном Урале зафиксированы случаи сооружения могильных ям больших размеров, стенки которых обкладывались камнями или деревом. Особенностью южноуральских погребений, кроме того, были восточные и западные ориентировки. В большинстве погребений Южного Урала костяки неполны, разрознены или вовсе отсутствуют, что, по мнению исследователей, является следствием ритуальных действий. Отдельные погребения на этой территории представлены кремациями.

В позднеабашевских погребениях в могильные ямы помещали черепа, нижние челюсти и кости ног животных: барана, козы, иногда коровы или лошади. Встречаются также кости свиньи и астрагалы медведя.

Основой хозяйственной деятельности абашевского населения были две отрасли: скотоводство и металлургия.

Носители абашевской культуры выращивали крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и свиней. Крупный рогатый скот использовался в основном для производства молока.

Предполагается подвижный способ скотоводства хотя бы для отдельных групп населения, что объясняет отсутствие долговременных поселений в значительной части абашевского ареала обитания.

Следы металлообработки зафиксированы на всех поселениях культуры. По-видимому, появление абашевского населения на Южном Урале было связано именно с разработкой медных рудников. Добыча меди, в свою очередь, повлекла за собой возникновение долговременных поселений.

Характерной особенностью абашевской металлургии была опора на мышьяковые бронзы, характерные для металлургии среднего бронзового века. Другими технологиями эпохи средней бронзы, используемыми абашевскими металлургами, были глиняные литейные формы (рис. 25: 57) и применение кованных втулок для крепления изделий.

Абашевские металлурги сочетали литьё и ковку для доводки предметов, укрепляли их рабочие части ребрами жесткости, использовали как черешок, так и втулку для крепления изделия на древко.

Продукцией абашевской металлургии были оружие и орудия, такие как втульчатые узковислообушнные топоры (рис. 24: 25, 27, 28), плоские топоры-тесла (рис. 24: 22, 32), наконечники копий и дротиков с коротким пером и кованой свёрнутой втулкой (рис. 24: 4, 6, 17, 21), наконечники стрел черешковые и бесчерешковые (треугольной и ромбовидной формы) (рис. 25: 30), ножи (рис. 24: 9, 19; 25: 43, 47, 50, 51), ножи-серпы (рис. 24: 20, 23, 24, 31), однолезвийные ножи/косари, тесла с кованной втулкой (рис. 24: 2), плоские топоры/тесла, долота (рис. 24: 3), пробойники, крючки с петлёй, завернутой назад, без бородака (рис. 24: 5), стержневидные орудия, острия (рис. 24: 18).

В массовом порядке изготавливались украшения: браслеты (рис. 25: 36, 37), гривны (рис. 25: 44), бляшки-полугорошины (рис. 25: 3, 5), бляшки-розетки (рис. 25: 13), бусы/бисер, гривны, височные подвески с расширенными концами, височные кольца (рис. 25: 33, 34), обоймы (рис. 25: 6–8), очковидные подвески (рис. 25: 14), перстни/кольца (рис. 25: 15–18, 32), пронизи (рис. 25: 9, 22, 23), подвески в полтора и в два-три оборота (рис. 25: 10, 11, 12), накладки (рис. 25: 31) и т. п. Сложным видом украшений было шитьё бронзовыми украшениями по коже или ткани, для этого использовались бляшки-полугорошины, бусины, пронизи, плоские бляшки. К категории предметов одежды относятся пряжки (рис. 25: 24).

Рис. 25. Погребения и погребальный инвентарь абашевской культуры.
 1 – II Виловатовский, 17/4/костяк 1; 2 – II Виловатовский, 17/3; 3–5 – бляшки-полугорошины; 6–8 – обоймы; 9 – пронизь из гладкой кованой пластинки; 10, 11 – подвески в полтора оборота; 12 – подвеска в 2–3 оборота с обратной петлёй и завитками на концах; 13 – бляшка-розетка; 14 – очковидная подвеска; 15, 18, 32 – перстни; 16, 17 – кольца; 19, 20 – стерженьки; 21, 26–30, 39, 40 – наконечники стрел; 22 – пронизы проволоочные; 23 – пронизы кованые с рифлеными концами; 24 – пряжка; 25 – диск; 31 – накладка;

На поселениях (рис. 24: 8, 10–12, 14, 16, 26, 29, 30) и в могильниках (рис. 25: 41, 45, 46, 48, 49, 52–56, 58–60) массово встречена абашевская круглодонная и плоскодонная керамика. Характерной особенностью её является открытая подколоколовидная форма без шейки. Выделяется несколько типов абашевской керамики: чаши, миниатюрные острорёберные сосуды, стакановидные банки, большие баночные сосуды, сферические сосуды, горшки и тигли.

Абашевские сосуды богато орнаментировались прочерченными линиями и мелкозубчатым штампом. Основными элементами орнамента были геометрические, ёлочные и рельефные. Наиболее распространенными элементами были ромбы, лесенки, треугольники, горизонтальная и вертикальная ёлочка, зигзаг горизонтальный и вертикальный, сетка, шалашики, кресты прямые и косые, ямки.

Особенностью локальных вариантов является использование разных элементов орнамента. На Средней Волге это углы, состоящие из пучков длинных линий, древовидные фигуры и округлые элементы. На южном Урале сечковидные фигуры, прямоугольные и ромбовидные меандры, уточки и т. д.

К рельефным видам орнамента отнесены валики и каннелюры (прямые и волнистые). Все элементы орнамента – геометрические, ёлочные и рельефные – могли сочетаться на одном сосуде. К позднему периоду абашевской культуры число элементов орнамента сокращается и он упрощается.

Изделия из камня и кости очень редки. Каменные изделия представлены кремневыми наконечниками стрел треугольной формы с шипами и без шипов (рис. 25: 26–28), амулетом из глинистого сланца в виде прямоугольного бруска, пестами и ступками, поделками из белемнита.

Костяные изделия. На памятниках абашевской культуры встречаются костяные наконечники стрел треугольной формы с шипами (рис. 25: 21, 29, 39, 40). Известен также шиловидный наконечник стрелы. Из погребений происходят амулеты-натураллии в виде клыков кабана, медведя, бобра, собаки, подвеска в виде гребня, кольцевидная пряжка, кольца из трубчатых костей, стерженьки (рис. 25: 19, 20), тупики для обработки кожи (рис. 25: 35, 38, 42), диск (модель колеса?) (рис. 25: 25).

Под влиянием миграции пришлых племен, о происхождении которых существуют две гипотезы: первая – это были «балановцы», вторая – «сеймино-турбинцы», – носители абашевской культуры отступили со Средней Волги на Южный Урал. Здесь при участии абашевской культуры сложилась синташтинская культура. На Среднем Дону абашевская культура послужила основой формирования покровской культуры.

Чирковская культура (первая четверть II тыс. до н. э.) позднего бронзового века.

Происхождение культуры связано с проникновением в Среднее Поволжье балановско-атликасинских культурных групп и началом их контактов с местным поздневолосянским населением. В результате их трансформации и мирной взаимоассимиляции возникла чирковская культура, сочетающая на начальном этапе признаки предковых культур.

33, 34 – височные кольца; 35, 38, 42 – тупики; 36, 37 – браслеты; 41, 45, 46, 48, 49, 52–56, 58–60 – керамика; 43, 47, 50, 51 – двулезвийные ножи; 44 – гривна; 57 – форма для отливки топора (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Кузьмина, 2021). Масштаб разный. 3–15, 18, 22–24, 30–34, 36, 37, 43, 44, 47, 50, 51 – медь и бронза; 16, 17, 19–21, 25, 29, 35, 38–40, 42 – кость; 26–28 – кремнь; 41, 45, 46, 48, 49, 52–60 – глина

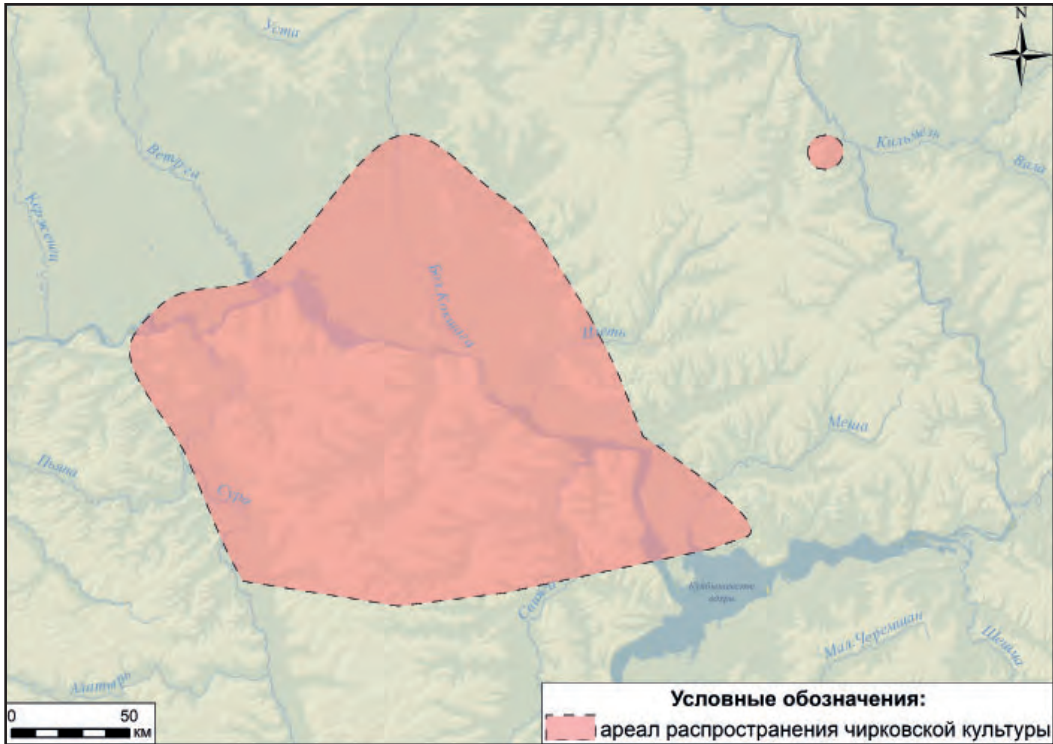

Рис. 26. Ареал чирковской культуры

Существует противоположное мнение. В процессе чирковского культурогенеза принимали участие как основной компонент фатьяновско-балановские племена и носители вольско-лбищенской культуры. Последние способствовали появлению примесей раковины в чирковской керамике. Кроме того, в этом процессе принимала участие среднелептовская культура, керамика которой близка к т. н. гибридной (чирковской) посуде. Наличие поздневоловского компонента в культурогенезе чирковской культуры представителями этой гипотезы оспаривается. По мнению этих исследователей, процесс взаимодействия мигрантов и местного населения носил военный характер и привел к вытеснению и поглощению аборигенного населения.

Ареал чирковской культуры распространяется на территорию низменного Заволжья, нижнего течения бассейнов рек Оки и Суры, Предволжье и Волго-Вятское междуречье (рис. 26).

Поселения чирковской культуры располагались на дюнах и первых надпойменных террасах. Они подразделяются на долговременные и кратковременные – стоянки. Выделяются два варианта размещения чирковских поселков. Первая группа располагалась на дюнах или надпойменных террасах и занимала территории порядка 2500–4000 кв. м. Вторая группа размещалась на высоких террасах порядка 16–60 м над уровнем реки, площадь этих поселений составляла от 1500 до 5000 кв. м.

Сооружения в чирковских поселениях размещались одним рядом вдоль мысовой площадки или двумя рядами, между которыми располагался котлован более крупного строения (рис. 27: 1).

Чирковские сооружения подразделяются на полуземлянки и наземные постройки с углубленным полом.

Полуземлянки представляют собой котлованы глубиной 0,6–0,8 м подквадратной и подпрямоугольной формы, площадью 58–154 кв. м, в которые были введены каркасно-столбовые конструкции. Входы в полуземлянки были наклонными либо ступенчатыми, известны соединительные проходы между жилищами и хозяйственными постройками. В сооружениях отмечены также внутренние перегородки, коридоры, камеры. Крыши полуземлянок чаще всего были двускатными, они покрывались берестой, лубом или камышом и опирались на столбы опоры.

Очаги овальной и прямоугольной формы располагались вдоль котлована постройки. У стенок в ямах размещались дополнительные очаги, предназначенные для обогрева сооружения.

Наземные постройки квадратной и подпрямоугольной формы являются развитием атликасинско-балановских домостроительных традиций. Они бывают двух типов: со входом в торце и центральным расположением очагов и со входом в углу и хаотичным расположением очагов. Площадь их меньше полуземлянок и составляет 12–38 кв. м.

По периметру наземные постройки окаймляет полоса глины и угольков – остатки развала стен. Конструкция очагов аналогична очагам в полуземлянках. Из внутреннего устройства наземных домов стоит отметить хозяйственные (?) ямы, заполненные глиной в верхней части, и прямоугольные земляные столики.

Реконструированы только отдельные наземные сооружения. Так, постройка Васильсурского II поселения, по мнению исследователя, была срубом с односкатной крышей. Остальные наземные постройки, как предполагают, были срубно-каркасными.

Известны и ритуальные объекты, такие как выявленный на Чирковской стоянке зольник с включениями сырых и обожженных костей лося и медведя. Здесь же были выявлены 17 сосудов, в том числе миниатюрная чашка, с изображениями редуцированных головок животных, глиняные пряслица, изделия из кремня (скребки, наконечники стрел), медные шилья.

Погребальный обряд, по мнению ряда исследователей, не предполагал погребения умерших людей в земле. В настоящее время можно предполагать лишь отдельные чирковские погребения на могильниках других культур.

Наиболее массовым материалом на поселениях чирковской культуры была керамика. Чирковские сосуды плоскодонные и круглодонные баночного типа с примесью раковины, венчики уплощенные, иногда с узким бортиком, круглые утолщенные, изредка волнистые. Реже встречаются горшковидные сосуды и ладьевидные чаши. Плоскодонные сосуды называются сосудами выжумского типа.

Чирковская керамика орнаментировалась отпечатками зубчатого штампа, нарезками, круглыми и каплевидными вдавлениями. На шейке размещались гребенчатые отпечатки, нарезка, ленты, состоящие из горизонтальных линий, наклонные отрезки, шагающая гребенка.

Ниже фиксируются овальные зубчатые вдавления, гладкие и гофрированные прямые и волнистые валики. На тулове прямые и волнистые зоны горизонтальных, наклонных, вертикальных линий, гребенки, зигзагов, заштрихованных треугольников, скошенных «лесенок». Иногда под орнаментальным полем располагается бахромка.

Рис. 27. Постройки и поселенческий инвентарь чирковской культуры.
 1 – Васильсурское V поселение; 2–6, 10, 14, 16, 18 – наконечники стрел; 7, 8 – проколки;
 9, 11, 17, 19 – ножи; 12, 13 – скребки; 15 – скобель; 20 – комбинированное орудие;
 21 – фрагмент топора; 22 – тигль; 23–25, 27, 30 – керамика с ямочно-накольчатым орнамен-
 том; 26, 28, 29, 31, 32 – керамика с гребенчато-геометрическим орнаментом
 (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Ставицкий, Соловьев, 2021). Масштаб разный.
 2–6, 9–20 – кремь; 7, 8 – медь; 21 – гранитно-гнейсовая порода; 22–32 – керамика

Днища орнаментировались изображением наклонной решетки, ломаными концентрическими окружностями и хаотичными гребенчатыми отпечатками.

Следует отметить, что на позднем этапе прекращается изготовление выжумской и валиковой керамики и начинает распространяться так называемая гибридная посуда. Гибридный керамический комплекс характеризуется обильными примесями раковины в глиняное тесто, а также глиняной посудой двух форм: 1) широкогорлой низкой с отогнутой или вертикальной шейкой и внутренним ребром и 2) вытянутой с округло заостренным дном.

В поздней чирковской керамике выделяются две орнаментальные традиции, которые являются наследием балановско-атликасинской и поздневолосовской культур. Первая характеризуется богатым геометрическим орнаментом, дополненным валиками (рис. 27: 23–25, 27, 30), вторая бедно украшена рядами вдавлений и нарезок (рис. 27: 26, 28, 29, 31, 32). Визитной карточкой чирковской культуры является волнистый формованный валик-змейка (рис. 27: 29, 32).

Каменные предметы на раннем этапе представлены изделиями, имеющими волосовские и атликасинско-балановские прототипы: сверленные топоры (рис. 27: 21), пластинчатые ножи (рис. 27: 9, 11, 17, 19), песты, листовидные и треугольно-черешковые наконечники стрел (рис. 27: 2, 3, 6, 14), скребки (рис. 27: 12, 13), скобели (рис. 27: 15), различные комбинированные орудия (рис. 27: 20).

На позднем этапе происходит деградация технологии обработки камня, причем зачастую используется некачественное сырье. В это время изготавливали разнотипные наконечники стрел с подтреугольным пером, треугольным или округлым черешком с шипами и без шипов; с листовидным пером, шипом и округлым насадом; с коротким треугольным пером, жальцами, расширяющимся книзу вогнутым черешком; ромбическо-листовидные (рис. 27: 2–6, 10, 14, 16, 18).

Крупные каменные изделия представлены обломками сверлёных топоров усеченно-ромбической формы, клиновидными топорами-теслами из плотных гранитно-гнейсовых пород.

Свидетельствами металлообработки чирковской культуры являются толсто-стенные глиняные тигли в виде чаш с уплощенным дном (рис. 27: 22). Кроме того, известны ошлакованные сосуды с вкраплениями окислов меди.

К продукции чирковской металлургии относят медные шилья (рис. 27: 7, 8), плоскую накладку с загнутым краем, круглый стержень с раскованными концами больших размеров, заготовку миниатюрного пластинчатого ножа, плоские кольца, пронизи.

Чирковская культура опиралась в своем развитии на комплексное хозяйство, сочетающее придомное пастушеское скотоводство с охотой и рыболовством. Кости домашнего скота на памятниках чирковской культуры составляют 70%. В составе стада присутствовали крупный рогатый скот, свиньи, мелкий рогатый скот, немногочисленны кости лошади. Дикие животные представлены костями лося, медведя, бобра. О существовании рыболовства свидетельствуют находки грузил для сетей.

Прекращение существования чирковской культуры связано с распространением носителей срубных, поздняяковских и андроновидных культур.

Заосиновский тип памятников (XXII–XIX до н. э.) позднего бронзового века.

Памятники заосиновского типа сложились на основе позднеэнеолитических позднегаринских древностей. Под влиянием абашевской культуры и, возможно, сей-

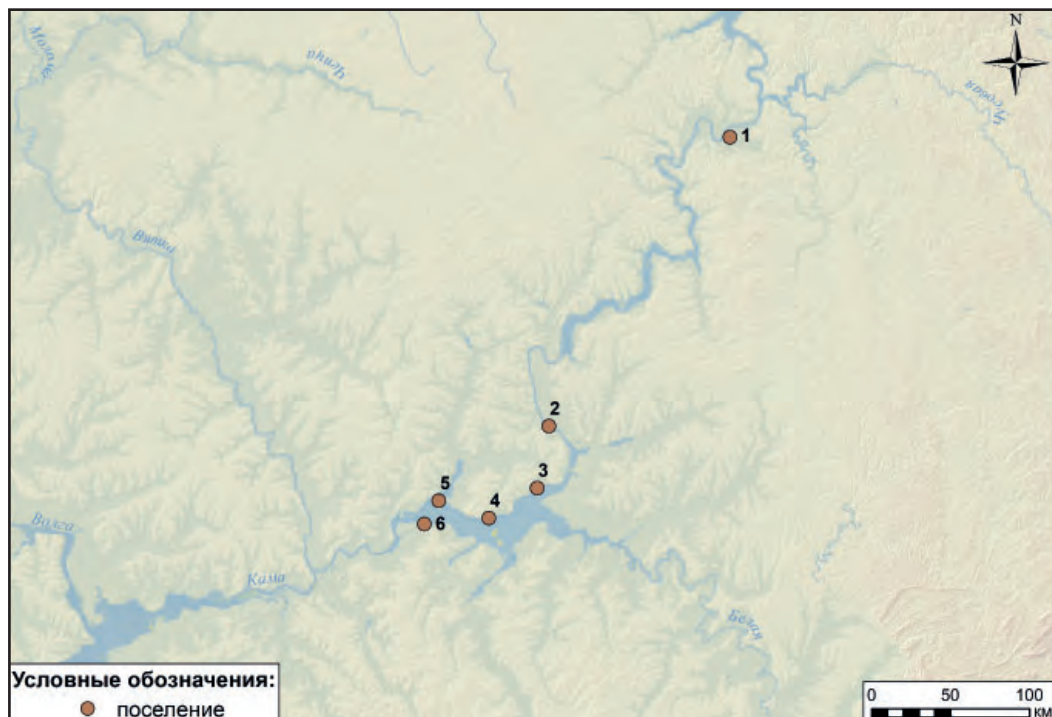

Рис. 28. Памятники заосиновского типа

1 – Заосиновское VII поселение, 2 – Непряха VII, 3 – Партизаны IV, 4 – Зуевоключевское II поселение, 5 – Рысовское III селище, 6 – Дубовогривская II стоянка
(по: Мельничуку А.Ф., Лыганову А.В., Митрякову А.Е.)

минско-турбинского транскультурного феномена сформировался культурный тип, в котором аборигенные и иноплеменные черты слились в культуру позднего бронзового века.

Область распространения памятников заосиновского типа не выходит за пределы р. Камы в её нижнем и среднем течении, причем максимальная концентрация этих памятников приходится на стык Нижнего и Среднего Прикамья (рис. 28).

Поселения заосиновского типа располагаются на дюнах, возвышенных участках поймы р. Камы, первых и вторых надпойменных террасах.

Судя по материалам Зуевоключевского VII поселения, постройки могли размещаться довольно плотно, в один-два ряда или поодиночке, как в Дубовогривской II стоянке (рис. 29: 1).

Постройки заосиновской культуры подразделяются на наземные с углубленным полом подчетырехугольной формы площадью 56–108 кв. м и полуземлянки овальной формы площадью около 40 кв. м.

В котлованах заосиновских сооружений зафиксированы глинобитные очаги, каменные выкладки и хозяйственные ямы.

Могильники заосиновского типа не выявлены, но наблюдается определенная связь поселений с находками, маркирующими некрополи сейминско-турбинского транскультурного феномена и абашевской культуры.

Керамический комплекс заосиновского типа представлен совокупностью плоскодонной пористой горшковидной керамики с примесью раковины в глиняном тесте

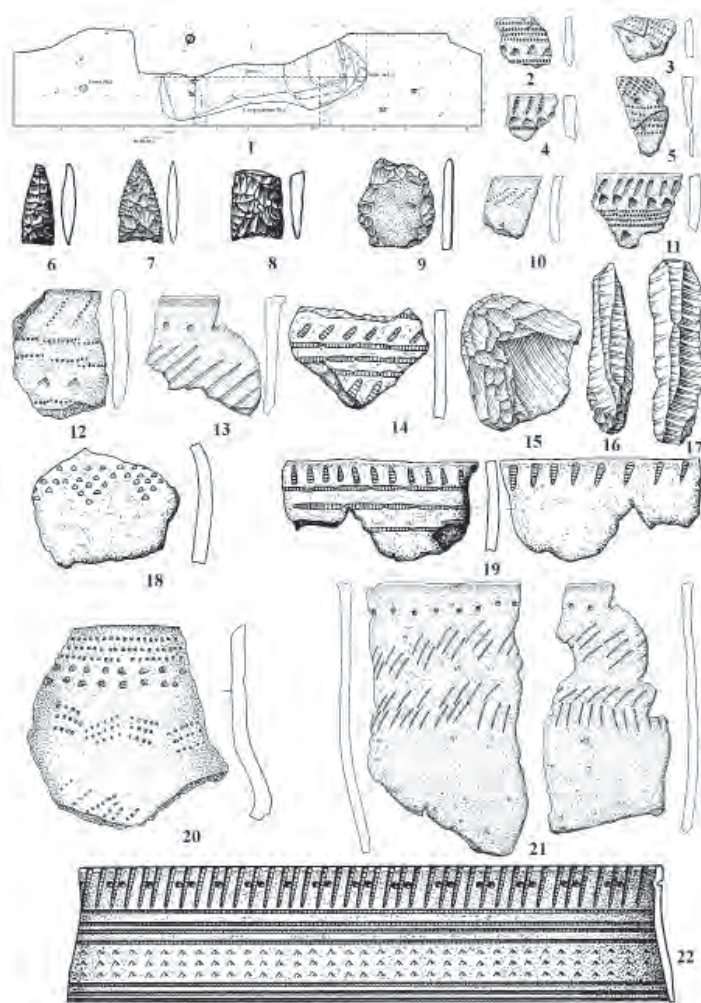

Рис. 29. Постройки и поселенческий инвентарь памятников заосиновского типа. 1 – план раскопа и жилища раскопа I Дубовогривской II стоянки; 2–5, 10–14, 18–22 – керамика; 6–8 – наконечники стрел; 9 – комбинированное орудие; 15 – фрагмент нуклеуса; 16, 17 – ножи (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Мельничук, Лыганов, Митряков, 2021). Масштаб разный. 2–5, 10–14, 18–22 – глина; 6–9, 15–17 – кремнь

(рис. 29: 2–5, 10–14, 18–22; рис. 30: 1–17). Орнамент выполнен различными сочетаниями гребчатого, резного и гладкого штампа, глубокими ямками с жемчужинами на внутренней и внешней стороне сосуда треугольной, подчетырехугольной и овальной формы.

Основными орнаментальными мотивами были отпечатки гребенки: горизонтальные пояски, наклонные отпечатки, зигзаг, ёлочка, решётка, оттиски с двумя-тремя зубцами, «гусенички». Кроме того, использовались ряды ямочных вдавлений и уголкового штампа. Встречена также керамика с геометрическим орнаментом в виде ромбов, треугольников и флажков.

В орнаментальной композиции часто сочетаются различные гребчатые мотивы с рядами ямок или жемчужин и уголкового штампа.

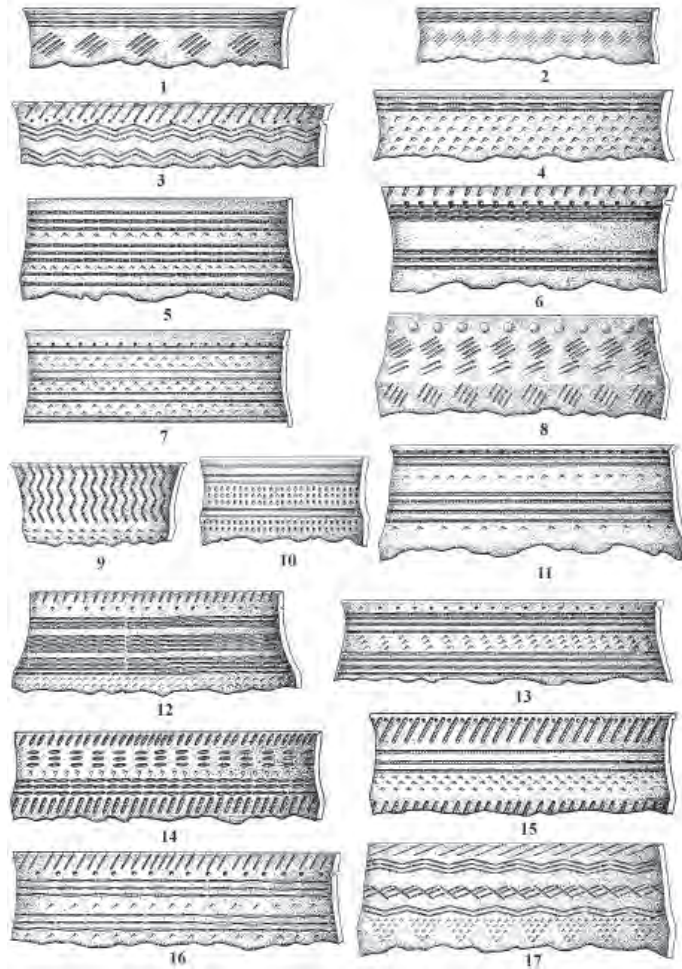

Рис. 30. Поселенческий инвентарь памятников заосиновского типа. 1–17 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Мельничук, Лыганов, Митряков, 2021). Масштаб разный. 1–17 – глина

В керамическом комплексе Заосиновского VII поселения выявлено три сосуда с тальковой керамикой, которые атрибутированы как коптяковские и происходят из Зауралья.

Изготовление каменных изделий базировалось на использовании сколов и расколотых плоских галек в качестве заготовок для производства орудий. Известна была и технология использования орудий на пластинах.

Основными категориями каменных изделий были долота, скребки, ножи (рис. 29: 16, 17), резак, проколки, комбинированные скобляще-режущие орудия (рис. 29: 9), наконечники стрел листовидной и подтреугольной формы с усеченными, реже выемчатыми основаниями (рис. 29: 6–8), нуклеусы (рис. 29: 15). Крупные каменные изделия представлены тёрочной плитой и шлифованным зеленокаменным пестом.

Носители заосиновского типа памятников обладали навыками металлургии, об этом свидетельствуют находки фрагментов тиглей, фрагменты медного предмета, медные шлаки.

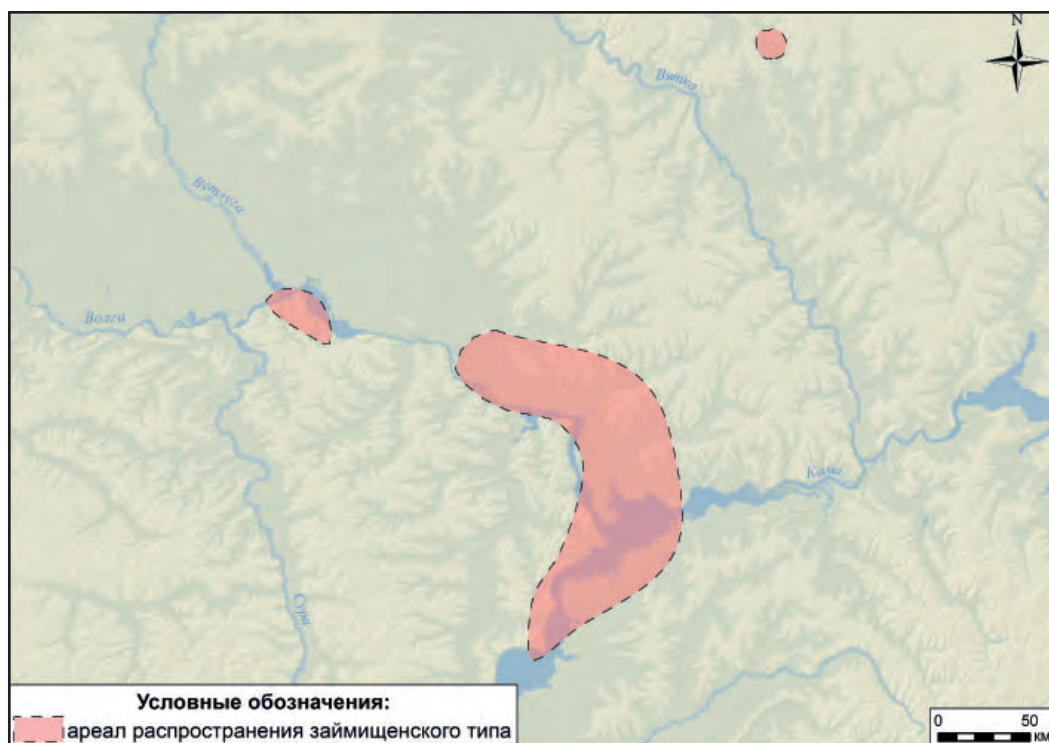

Рис. 31. Ареал распространения памятников займищенского типа

Хозяйственный уклад заосиновского типа памятников изучен слабо, судя по кремневому инвентарю, население, обитавшее в заосиновских поселениях, занималось охотой и рыболовством. Расположение стоянок в поймах рек подразумевает занятие скотоводством, но, так как они размещались на многослойных поселениях, достоверное отнесение остеологических находок к заосиновскому времени представляется весьма проблематичным.

Под влиянием зауральских культур, вероятнее всего коптяковской, в конце времени существования заосиновского типа памятников произошла трансформация заосиновского керамического комплекса в русле раннеандроновских традиции и формирование луговской культуры.

Займищенский тип памятников (первая треть II тыс. до н. э.) позднего бронзового века.

Происхождение памятников займищенского типа связано с трансформацией средневолжского варианта волосовской культурно-исторической общности, которая происходила под воздействием носителей покровской культуры/этапа срубной культурно-исторической общности. Влияние покровской культуры распространилось с территории Закамья, куда проникали носители этой культуры. Далее покровские традиции разносились уже без их носителей исключительно в виде культурного влияния в Предкамье и Марийское Поволжье.

Ареалом распространения памятников займищенского типа была Волга с её левыми притоками рр. Ветлугой, Юшут, Илетью, Бездной, Уткой и приустьевая часть р. Камы с притоками рр. Мешей и Актай (рис. 31).

Рис. 32. Поселения, постройки и поселенческий инвентарь памятников займищенского типа. 1 – план Займищенских III и II стоянки; 2 – план раскопа на Займищенской III стоянке; 3 – фрагмент изделия; 4 – пластина; 5–13 – наконечники стрел; 14 – пряслице; 15, 17–20, 22–25 – керамика; 16 – крючок; 21 – острокопчик (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Лыганов, 2021). Масштаб разный. 3, 4, 16 – медь, 5–13 – кремнь, 14, 15, 17–20, 22–25 – глина, 21 – кость

Все поселения займищенского типа являются долговременными стационарными селищами, не имеющими укреплений. Они располагались на останках, первых и вторых надпойменных террасах и пойменных дюнах (рис. 32: 1). В среднем площадь займищенского поселения составляет 1000 кв. м.

Постройки на поселениях, от одной до девяти на одном памятнике, располагались вдоль края террасы. Все сооружения, исследованные на займищенских посел-

ках, относятся к полуземлянкам подквадратной формы, площадью 30–100 кв. м, и соединены переходами (рис. 32: 2). Внутреннее устройство займищенских сооружений позволяет говорить о каркасно-столбовой конструкции этих построек. Крыша над постройками, по мнению исследователей займищенских поселений, была двускатной.

В котлованах займищенских сооружений выявлены многочисленные очаги (от 8 до 36), они размещались в ямах котловидной или цилиндрической формы. Судя по концентрации находок вокруг очагов, можно говорить о разделении отдельных частей жилища по производственному признаку.

Наиболее многочисленной категорией материальной культуры была керамика. Займищенские сосуды имели плоское дно (рис. 32: 25) и были изготовлены из глины с примесью раковины в глиняном тесте. Орнамент размещался на верхней части сосуда и был выполнен мелким и средним зубчатым штампом и вдавлениями (рис. 32: 15, 17–20, 22–25).

Орнаментальные композиции представлены зонами горизонтальных отрезков и линий, зигзагами, рядами овальных и угловых вдавлений, под венчиком размещались ряды выпуклин-жемчужин. Встречаются композиции, состоящие из рядов закрашенных ромбов и треугольников. В ряде случаев поверхность сосудов покрывалась расчесами.

Из глины изготавливались также бусы, шарики без отверстий, пряслица (рис. 32: 14), льячки.

Свидетельством наличия ткачества у населения, оставившего памятники займищенского типа, являются находки сосудов с отпечатками ткани на внутренней стороне. Об этом же говорят находки глиняных пряслиц (рис. 32: 14), выявленные на поселениях.

Существование займищенского металлопроизводства подтверждается находками медных шлаков, фрагментов льячек и тиглей в форме толстостенных чаш. Продукцией местных мастеров были шилья, рыболовные крючки (рис. 32: 16), пластины (рис. 32: 4), фрагменты изделий (рис. 32: 3).

Судя по результатам спектрального анализа, займищенские мастера получали металл из месторождений Южного Урала и Казахстана. Для производства изделий использовалась исключительно «чистая» медь.

Кремневые изделия представлены наконечниками стрел подтреугольной формы с прямым или вогнутым основанием; черешком округлой формы; с шипами и треугольным черешком (рис. 32: 5–13). Кроме того, на поселениях в большом количестве встречаются концевые скребки. Известны также изделия из кости (рис. 32: 21).

Основным направлением хозяйственной деятельности населения, оставившего памятники займищенского типа, была охота на северного оленя, лося, бобра, зайца-беляка, волка, их находки на поселениях составляют большую часть костных останков. Многочисленны кости диких птиц и рыб. Свидетельством развитого рыболовства являются. Существует и другая гипотеза формирования волго-уральской культурной группы, согласно которой она возникла в результате трансформации полтавкинской культуры. я медные крючки на крупную рыбу.

Скотоводство занимало меньшую долю в хозяйственной деятельности, разводили свиней, крупный рогатый скот и лошадь. По мнению исследователей, для населения займищенского культурного типа было характерно придомное скотоводство. Земледелие займищенскому населению не было известно.

Рис. 33. Могильники, погребения и погребальный инвентарь памятников займищенского типа. 1 – Новомордовский III могильник, 2 – Новомордовский II могильник (выделены погребения займищенского типа, остальные погребения покровские); 3–4 – погр. 1 и 2 Новомордовского VI могильника; 5 – погр. 8 Новомордовского II могильника; 6–13 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Лыганов, 2021). Масштаб разный. 6–13 – глина

Могильники займищенского типа были курганными и грунтовыми. В первом случае погребения совершали под небольшими курганами (рис. 33: 1, 2), иногда вместе с захоронениями покровской и потаповской культур. Могильные ямы неглубокие как в грунтовых, так и курганных могильниках.

В погребениях зафиксированы скелеты мужчин, женщин и детей. Известны как одиночные, так и парные погребения. Ориентировка погребенных неустойчивая,

известны погребения, ориентированные на север и юг с отклонениями к востоку и западу, а также западная ориентировка умерших.

Умершие размещались на дне ямы, на спине в вытянутом положении или на спине с поворотом на левый бок и подогнутыми ногами (рис. 32: 3–5). Руки погребенных размещались вдоль тела или на тазовых костях.

Погребальный инвентарь могильников займищенского типа небогат, в могильную яму помещали один-два сосуда (рис. 32: 6–13) или кремневые наконечники стрел.

Займищенский тип памятников прекращает свое существование в конце первой трети II тыс. до н. э. В Закамье его территорию заняла срубная культурно-историческая общность, в Предкамье займищенские памятники запустевают, а территория вплоть до середины II тысячелетия остается незаселенной.

Поздняковская культура (1900–1700 гг. до н. э.) позднего бронзового века.

Памятники поздняковской культуры располагаются в долине Оки в её среднем и нижнем течении и Нижегородском Поволжье (рис. 34).

Существуют две гипотезы происхождения поздняковской культуры. Первая связывает её формирование с миграцией ранней срубной культуры в ареал местных допоздняковских, фатьяноидных, шагарских и примокшанских культур.

Вторая гипотеза говорит о влиянии катакомбной и среднеднепровской культур на шагарскую, которая стала одним из компонентов сложения поздняковской археологической культуры.

Поселения приурочены к долинам рек и располагаются на первых надпойменных террасах и на пойменных дюнах. Отдельные поселения позднего этапа располагаются на территории третьих надпойменных террас.

Все места обитания поздняковской культуры относятся к неукрепленным поселениям, причем зафиксированы как долговременные, так и недолговременные поселки.

Исследованные на поселениях постройки поздняковской культуры относятся к полуземлянкам и наземным постройкам с углубленным полом (рис. 35: 1). Все они имеют подчетырехугольную форму и, судя по реконструкциям, относятся к сооружениям с каркасно-столбовой конструкцией, двускатными крышами и тамбурным входом. Внутри котлованов построек располагались очаги, которые могли размещаться непосредственно на полу или в очажных ямах. Один из очагов по кругу был окружён плетнем, внутри которого на высоту до 15 см подсыпался белый речной песок. Площадь поздняковских сооружений составляла 54–242 кв. м. Находки на поселениях представлены в основном керамикой (рис. 35: 2–22).

Некрополи поздняковской культуры были курганными и грунтовыми, размещались они около поселений в тех же топографических условиях, как и сами поселения (рис. 36: 1).

Поздняковские курганы невысоки, они достигают высоты 1 м, диаметр их составляет от 10 до 18 м. Самой крупной курганной насыпью поздняковской культуры является курган из курганной группы Борисоглебского могильника, его высота составляет 4 м, а диаметр 35 м. Курганы окружались ровиками. Довольно часто до возведения насыпи кургана на этом месте разводили костры, слой золы и угля в этом случае перекрывал погребения.

В насыпи кургана встречаются остатки поминальных обрядов: целые и разбитые сосуды, кости животных. Ритуальные кострища встречаются и на поверхности

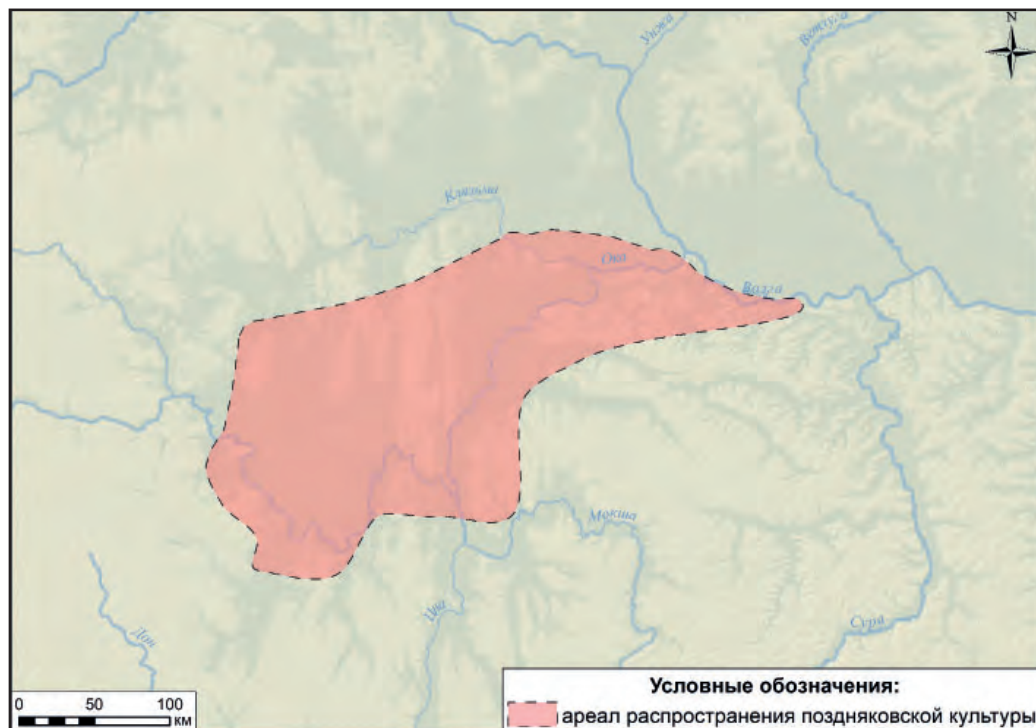

Рис. 34. Ареал поздняковской культуры

грунтовых могильников, иногда очень большие, до 10 м длиной и мощностью 0,6 м (мог. Фефелов бугор).

Под курганной насыпью в могильных ямах могло располагаться как одно погребение, так и несколько (рис. 36: 2), зафиксированы также погребения на уровне погребенной почвы, непосредственно под курганной насыпью.

Формы могильной ямы обычно подчетырехугольные с закругленными краями. Глубины ям различны: от неглубоких – 0,12 м, до очень глубоких – 2,5 м. Размеры их также различны: ширина 0,85–2,8 м, длина 1,9–4 м.

Погребения совершались по обряду ингумации (труположения) и кремации, причем трупосожжения чаще встречаются в грунтовых могильниках. Умерших хоронили в основном в одиночных погребениях, но зафиксированы и парные. Погребенный располагался в могиле в скорченном положении головой на север с отклонениями к востоку и западу, встречается также ориентировка на запад и восток. В грунтовых погребениях положение костяка более разнообразно: сильно скорченное, вытянутое со слегка согнутыми ногами, вытянутое на спине. На дне могильных ям иногда находят подстилки из растений.

Погребальный инвентарь небогат, он включал глиняные сосуды, наконечники стрел из кремня (рис. 36: 5–7, 10–21), ножи, скребки, изделия из бронзы: украшения, наконечники копий, ножи и кинжалы.

Ранний керамический комплекс поздняковской культуры известен по материалам Среднего Поочья. Это керамика с примесью шамота в глиняном тесте, с плоским, иногда округлым дном. Сосуды представлены горшками (рис. 35: 6, 9–13, 15–18, 21, 22), реже банками (рис. 35: 14, 19, 20).

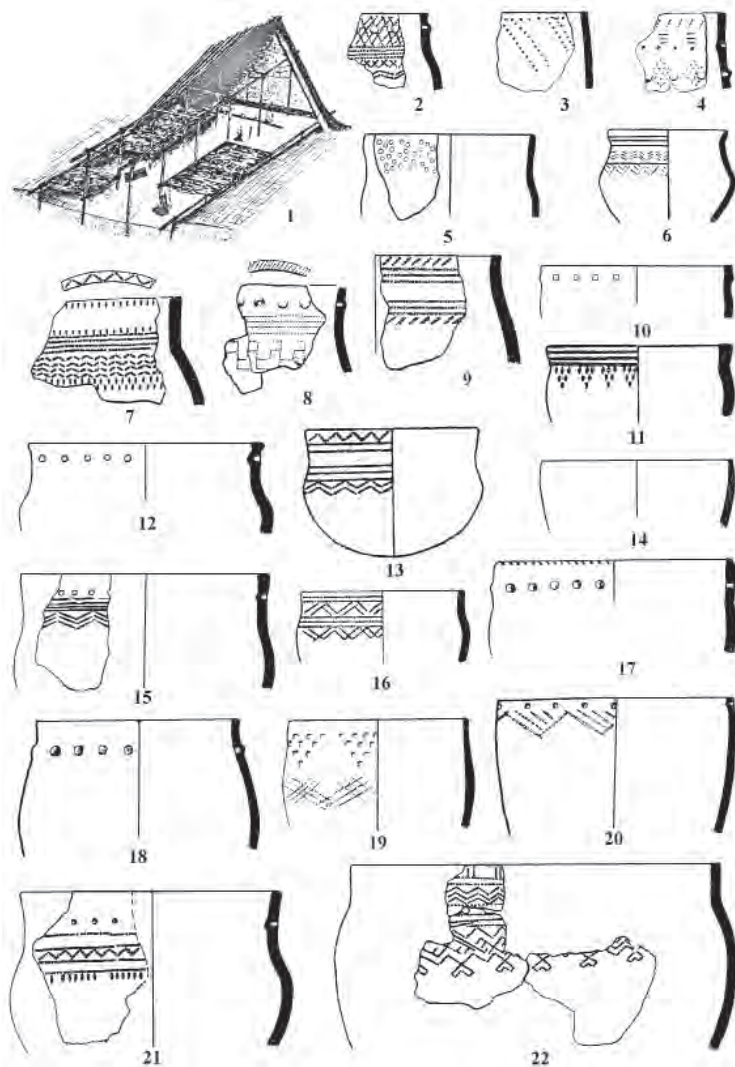

Рис. 35. Постройки и поселенческий инвентарь поздняяковской культуры. 1 – реконструкция жилища Наумовского поселения; 2–22 – керамика Аkozинского поселения (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Ставицкий, Королев, 2021). Масштаб разный. 2–22 – глина

Орнамент на банках располагался в верхней части и состоял из рядов ямок или жемчужин, известны также сосуды без орнамента.

Орнамент на горшковидных сосудах был богаче и располагался на всей внешней поверхности (рис. 35: 2–22). В оформлении использовались отиски зубчатых штампов, отпечатки шнура, насечки и нарезки. Характерной особенностью поздняяковской керамики являются горизонтальные ряды ямок-жемчужин, которые располагались на шейке сосуда.

Для поздняяковской керамики типична зональность орнаментальных мотивов в композициях, состоящих из прямых или ломаных линий, зигзагов, бахромки, меандра, свастики, флажков, сетки, треугольников, выполненных ямками, и т. д.

Керамика позднего этапа известна по материалам Акозинской стоянки (рис. 35: 2–22), там зафиксирована плоскодонная посуда с примесью дресвы и песка, встречаются также сосуды с примесью раковины. Поверхность керамики заглаживалась снаружи и внутри гребенчатым штампом, небольшая часть сосудов покрыта текстильными отпечатками. В количественном отношении преобладают банки, горшков существенно меньше. Встречаются также чаши, миниатюрные чашки и тарелки с толстыми стенками.

Орнамент располагается в верхней части сосудов, хотя известно несколько орнаментированных донцев. Основными элементами орнамента были клиновидные насечки, отпечатки крупного и мелкого зубчатого штампа, ямочные вдавления, жемчужины, резные линии.

Элементы орнамента объединялись в орнаментальные мотивы, клиновидные насечки, ямки и жемчужины располагались в один или два ряда, клиновидные нарезки образуют узоры в виде зигзагов и ёлочек. Крупнозубчатый штамп образует зигзаги, ёлочки, заштрихованные ромбы и треугольники, которые сочетаются с жемчужинами, располагающимися в виде одного ряда под венчиком. Единично встречен орнамент, нанесенный шнуром или оттисками поллой трубочки.

Поздний этап развития поздняяковской керамики характеризуется расширением диапазона орнаментальных мотивов, состоящих из ямок, ряды жемчужин становятся более разреженными, увеличивается число небрежно изготовленной керамики, возрастает доля текстильного орнамента.

Спектр каменных изделий поздняяковской культуры довольно узок, в его составе зернотерки, песты, скребки, булавы (рис. 36: 37), наконечники стрел и дротиков треугольно-черешковой формы, а также треугольные с ровным или слабоогнутым основанием (рис. 36: 5–7, 10–21).

На памятниках поздняяковской культуры выявлено три группы изделий из металла: орудия труда, оружие, украшения. Орудия труда представлены серпами с крюком, двулезвийными ножами с длинным плоским черешком (рис. 36: 35, 36, 41, 42, 44, 45), бритвой листовидной формы, шильями (рис. 36: 9). Предметы вооружения представлены лишь одной категорией – бронзовыми втульчатыми наконечниками копий (рис. 36: 40, 43, 46), причем часть из них имеет треугольное боковое ушко на втулке. Украшения поздняяковской культуры являются наиболее многочисленной группой металлических изделий. В их числе браслеты проволочные, желобчатые из узкой пластины (в том числе с витыми концами), широкие пластинчатые с заходящими концами (рис. 36: 24–34, 38, 39); височные кольца в один и полтора оборота (рис. 36: 3, 4, 8, 22, 23); нашивные бляхи круглой и овальной формы, украшенные точечным орнаментом и выпуклинами; бочонковидные бусины; стержневидные пронизки. Почти все предметы поздняяковской культуры сделаны из оловянной бронзы, кроме отдельных бус, изготовленных из сурьмы. Особняком стоит кольцо из Борисоглебского могильника, выполненное из золотой пластины, которая вставлена в бронзовую основу и дополнительно украшена насечками и «шишечками».

Значительную часть поздняяковских металлических предметов исследователи связывают с импортом с территории срубной культурно-исторической общности. Однако поздняяковские мастера выработали и свои стандарты в некоторых категориях изделий, к таковым следует отнести пластинчатые браслеты. Свидетельства местной металлообработки являются также фрагменты двусторонней литейной

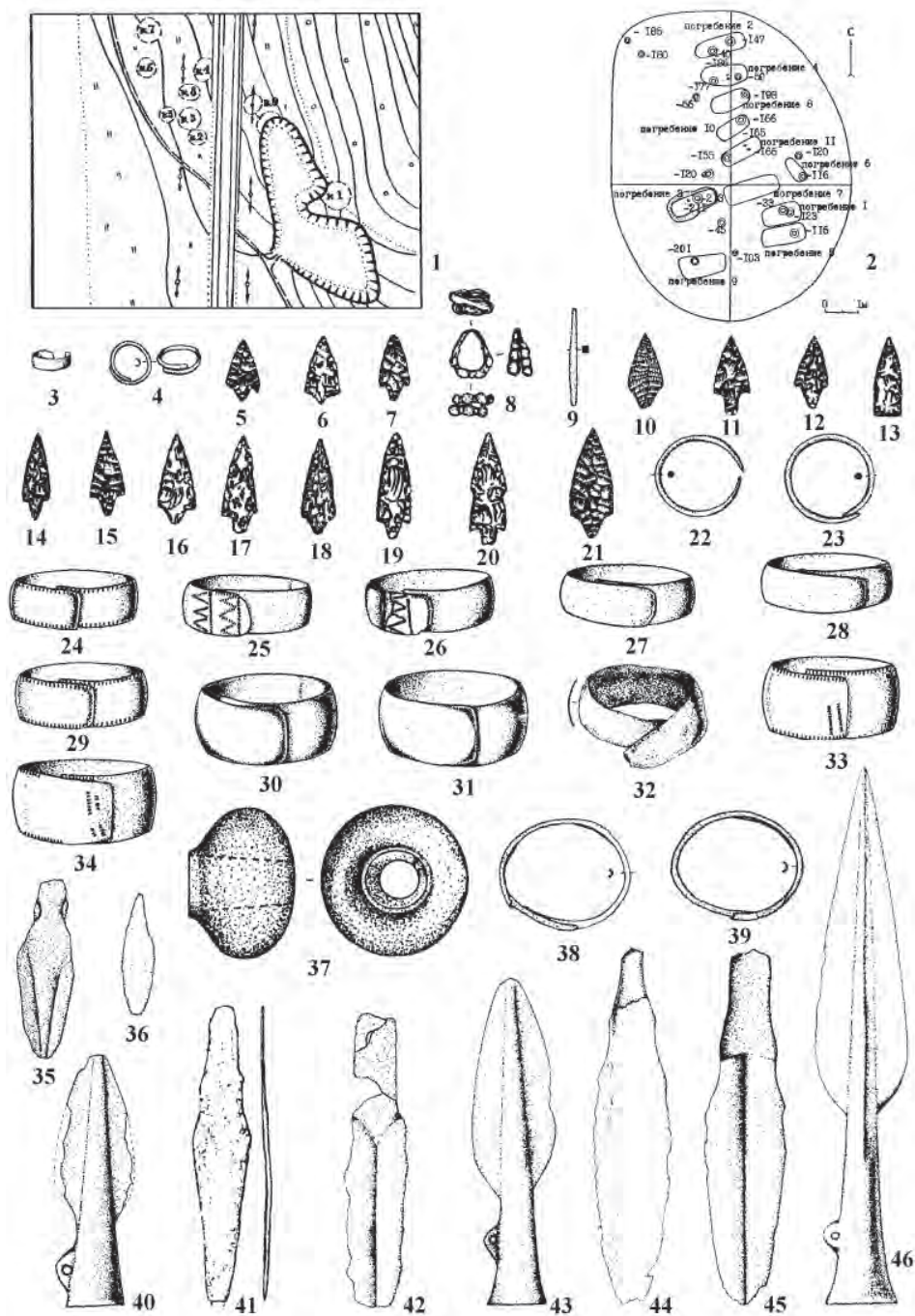

Рис. 36. Погребения и погребальный инвентарь поздняяковской культуры.
 1, 2 – Засеченский курганный могильник; 3, 4, 8, 22, 23 – височные кольца;
 5–7, 10–21 – наконечники стрел; 9 – шило; 24–34, 38, 39 – браслеты;
 35, 36, 41, 42, 44, 45 – ножи; 37 – булава; 40, 43, 46 – наконечники копий
 (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Ставицкий, Королев, 2021). Масштаб разный.
 3, 4, 8, 9, 22–36, 38–46 – медь и бронза; 5–7, 10–21 – кремнь; 37 – камень

формы для отливки втульчатого наконечника копья, многочисленные льячки и шлаки, найденные на поселениях. В своей металлообработке поздняяковцы опирались на импорт медных слитков и руды из Волго-Уралья.

Хозяйство поздняяковской культуры носило комплексный характер. Ведущей отраслью было скотоводство. Судя по местам расположения, поздняяковские поселки тяготели к пойменным лугам, удобным для выпаса скота. В местах, неблагоприятных для животноводства, таких как Озерная Мещёра, носители поздняяковской культуры занимались охотой и рыболовством.

Прекращение существования поздняяковской культуры связано с миграцией на её территорию носителей текстильной/сетчатой керамики из Верхнего Поволжья. Часть поздняяковского населения была вытеснена в Примокшанье, где приняла участие в формировании аким-сергеевской культуры. По мнению некоторых исследователей, на территории восточной части ареала носители поздняяковской культуры были ассимилированы населением формирующейся луговской культуры.

Луговская и сусканская культуры (XVII–XV вв. до н. э.) позднего бронзового века.

Ареал распространения луговской культуры лежит в бассейне Камы в её среднем и нижнем течении, на р. Волге она занимала территории от р. Ветлуги до р. Утки, ряд памятников данной культуры отмечен на Свияге. Территория сусканской культуры располагалась в Самарском Поволжье, её памятники размещаются по берегам р. Волги и её притокам рр. Кондурче, Сок, Черемшан, Большой Кинель (рис. 37).

Формирование луговской культуры базировалось на местных культурах Волго-Уралья, которые в первой половине II тыс. до н. э. подверглись значительному культурному влиянию андроновской культурно-исторической общности. Это событие изменило автохтонные культуры и придало им андроновидный облик. Касается это прежде всего керамики, в которой появились федоровские и черкаскульские орнаментальные мотивы, и отдельных типов металлических предметов.

В связи с формированием луговской культуры необходимо затронуть вопрос о её соотношении с сусканской культурой. Прежде всего, это родственные культуры, которые различаются в некоторых деталях оформления орнамента. В числе этих отличий для луговской культуры следует назвать ямки на тулове некоторых сосудов и керамику, близкую по орнаменту к черкаскульской.

Территориально эти культуры также отличаются: луговская занимает регионы, расположенные в лесостепи, в зоне широколиственных лесов, и заходит в подтаежную зону, сусканская – территорию лесостепной зоны.

Все поселения луговской и сусканской культур относятся к долговременным селениям, в среднем мощность культурного слоя на них достигает 1 м. Они располагались на первых и вторых надпойменных террасах, на возвышенных местах возле проток и старичных озер, а также на пойменных дюнах (рис. 38: 1, 2). Площадь поселений составляет от 1000 до 20 000 кв. м.

Обычно на поселениях располагались четыре-шесть построек, соединенных углубленными переходами (рис. 38: 3). Жилища размещались в один или несколько параллельных рядов, застройка была плотной, часто сооружения примыкали друг к другу.

Постройки луговской культуры подразделяются на два типа: наземные с углубленным полом и полуземлянки. Площадь сооружений варьирует от 18 до 180 кв. м. Наземные постройки имеют аморфные очертания, в то время как полуземлянки

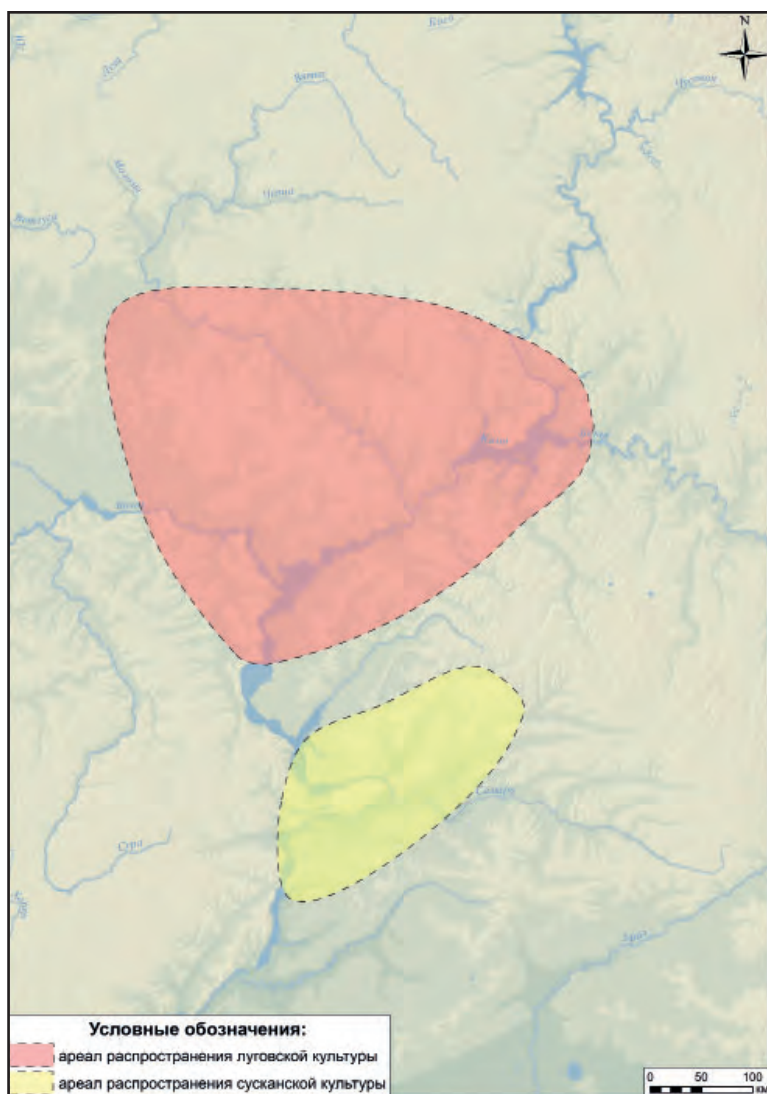

Рис. 37. Ареал луговской и сусканской культур

были прямоугольной формы (рис. 38: 4). Отмечено наличие различных типов крыши двускатного, наклонного односкатного и шатрового.

В котлованах построек фиксируются очаги, они могли располагаться возле стен и в центральной части сооружения. Известны постройки без очагов. По мнению исследователей, они были подсобными сооружениями или сараями для содержания скота.

Некрополи луговской и сусканской культур фиксируются на первых и вторых надпойменных террасах больших рек и их притоков, пойменных дюнах и останцах, в основном на значительном расстоянии от поселений. Четыре могильника располагались на месте более раннего или синхронного поселения.

Встречаются как грунтовые (рис. 39: 11, 12; 13, 14; 16, 20, 25; 17, 23; 18, 19; 21, 22, 26), так и подкурганные захоронения (рис. 39: 1–6; 7–10, 15; 24, 27, 28). Курганы

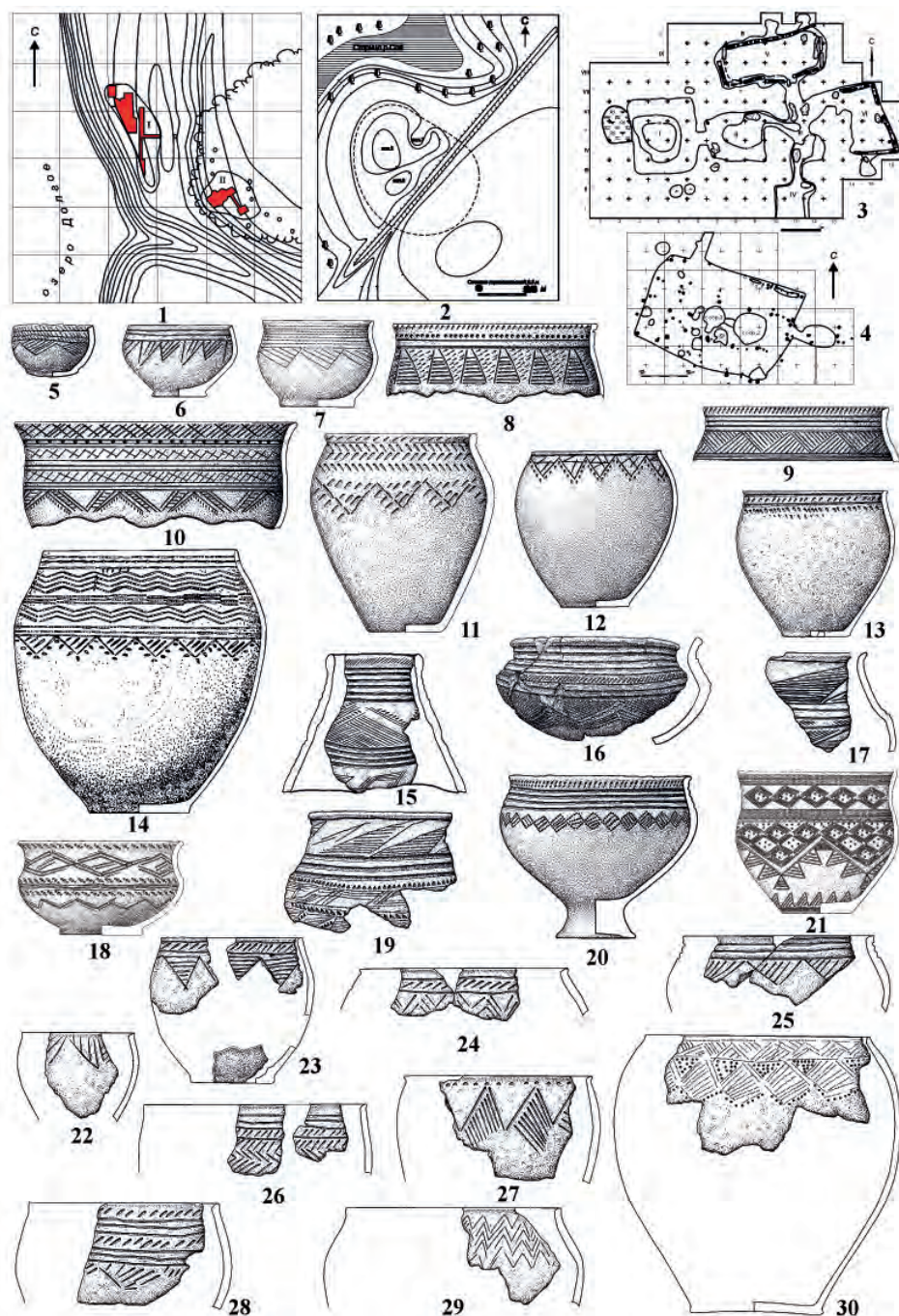

Рис. 38. Постройки и керамика луговской и сусканской культур.

1 – план поселений Карташиха I и II; 2 – план поселения Нижняя Орлянка II; 3 – Луговская I стоянка, план раскопов и построек; 4 – поселение Русская Селитьба, план постройки с колодцами; 5–14 – керамика луговской культуры; 15–21 – керамика андроновского облика; 22–30 – керамика сусканской культуры (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Лыганов, 2021). Масштаб разный. 5–30 – глина

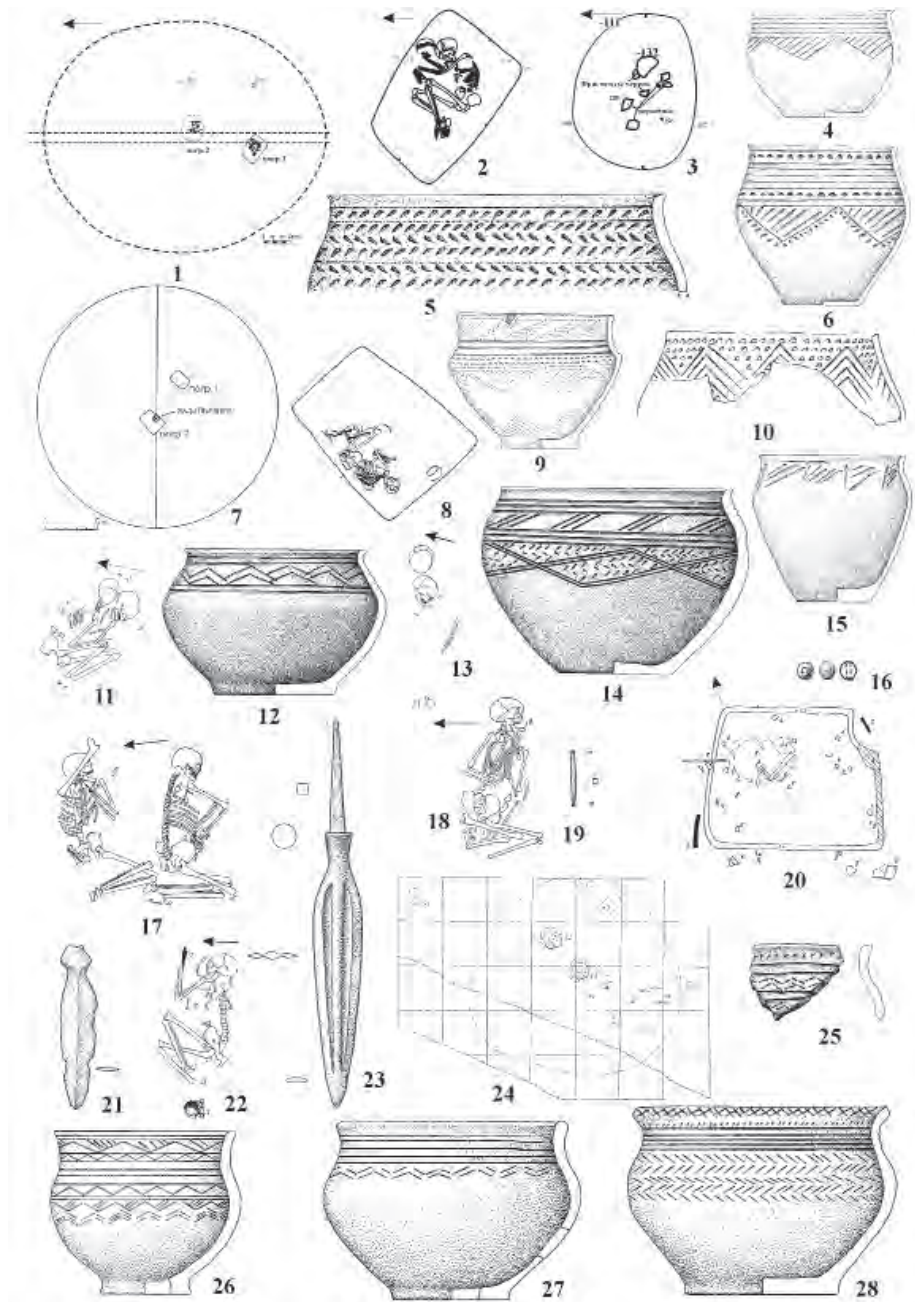

Рис. 39. Могильники, погребения и погребальный инвентарь луговской и сусканской культур.
 1–6 – Коминтерновский I курган; 7–10, 15 – курган из могильника Студенцы;
 11, 12 – погр. 11 Мурзихинский II могильник; 13, 14 – погр. 13 Мурзихинский II могильник;
 16, 20, 25 – погр. 18 Мурзихинский II могильник; 17, 23 – погр. 84 Мурзихинский II могиль-
 ник; 18, 19 – погр. 85 Мурзихинский II могильник; 21, 22, 26 – погр. 145 могильника Тактала-
 чук; 24, 27, 28 – Подгорнобайларский курган. 4–6, 9, 19, 12, 14, 15, 25–28 – керамика;
 16 – бусина; 19 – проколка; 21 – нож; 23 – кинжал (по: Археология Волго-Уралья. Т. II /
 Лыганов, 2021). Масштаб разный. 4–6, 9, 19, 12, 14, 15, 25–28 – глина; 16, 19, 21, 23 – бронза

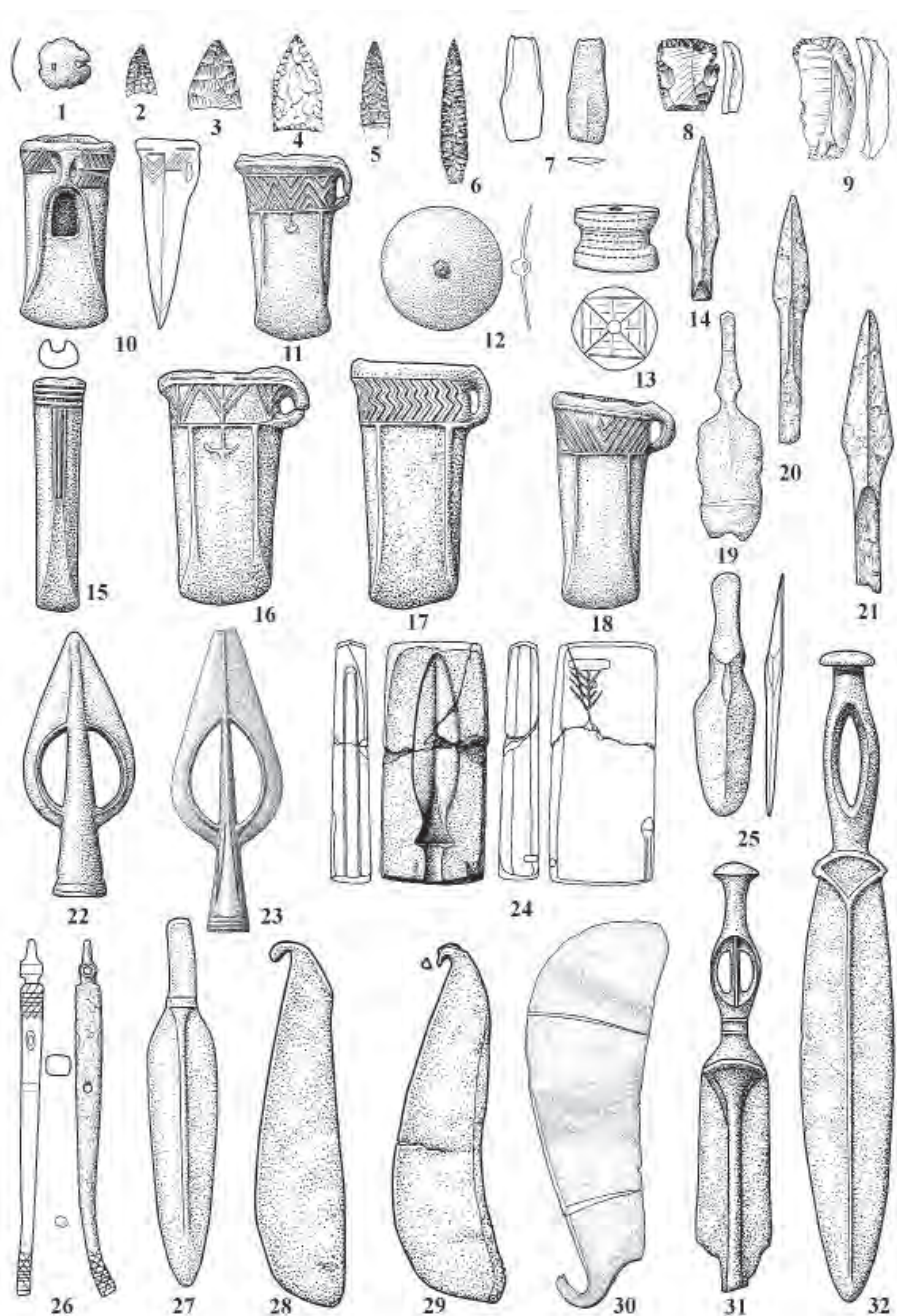

Рис. 40. Инвентарь из кладов, поселений и случайные находки луговской и сусканской культур. 1, 12 – бляхи; 2–6, 14, 20, 21 – наконечники стрел; 7, 25, 27 – ножи; 8, 9 – скребки; 10, 11, 16–18 – кельты; 13 – напряслице; 15 – долото; 19 – бритва; 22, 23 – наконечники копий; 24 – литейная форма; 26 – псалий; 28–30 – серпы дербеденевского типа; 31, 32 – кинжалы сосновомазинского типа (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Лыганов, 2021). Масштаб разный. 1, 7, 10–12, 15–19, 22, 23, 25–32 – медь и бронза; 2–6, 8, 9 – кремень; 13 – глина; 14, 20, 21 – кость; 24 – камень

небольших размеров, высотой около 0,6 м, под одной насыпью могли размещаться от одного до пяти погребений. В межмогильном пространстве фиксируются жертвенные комплексы, в составе которых были глиняные сосуды.

Большая часть погребенных хоронилась по обряду ингумации (труположения) (рис. 39: 2, 3, 8, 11, 13, 17, 18, 22), в двух случаях по обряду кремации (рис. 39: 20). Умерших размещали в могильные ямы подчетырехугольной формы в скорченном на боку или вытянутом на спине положении. В подавляющем большинстве случаев костяки были ориентированы головой на восток с отклонениями к северу или югу, чаще всего головой на восток и юго-восток. Умерших хоронили в одиночных погребениях, парные (рис. 39: 17) и коллективные погребения единичны.

Погребальный инвентарь представлен изделиями из глины, металла, камня и кости. Чаще всего в могильную яму помещали один или несколько сосудов (рис. 39: 4–6, 9, 19, 12, 14, 15, 25–28). Металлические предметы клали реже, в их числе были ножи (рис. 39: 21), кинжалы (рис. 39: 23), иглы, проколки (рис. 39: 19), наконечники копий, бусины (рис. 39: 16), нашивные бляхи, височные подвески.

Каменный (рис. 40: 4) и костяной (рис. 40: 21) инвентарь в могильниках луговской и сусканской культур представлен только наконечниками стрел.

Керамика луговской (рис. 38: 5–14; 39: 4–6, 12, 14, 25–28) и сусканской (рис. 38: 22–30; 39: 9, 10, 15) культур плоскодонная с примесями раковины в глиняном тесте. Выделяются три группы сосудов, в их числе горшки с высокой шейкой, банки, горшки с намеченным ребром на месте перехода от шейки к тулову.

Орнамент, выполненный зубчатым штампом, гладкой гребенкой или ямками, располагался в верхней трети сосуда.

Основными орнаментальными мотивами были ряды горизонтальных линий, выполненных протаскиванием гладкой гребенкой, ряды горизонтальной елочкой, ряды наклонных отрезков, вдавления, вертикальные ёлочки, зигзаги, косоугольные и прямые заштрихованные треугольники, ромбы, иногда с бахромкой. Круглые ямки на луговской посуде встречаются редко, на сусканской отсутствуют.

На поселениях, кроме того, в небольшом количестве встречена посуда, выполненная в андроновских традициях (рис. 40: 15–21), орнаментированная рядами горизонтальных каннелюр, меандров, косоугольных треугольников, мелких вдавлений.

Кроме керамики из глины изготавливали напряслица цилиндрической и катушковидной формы (рис. 40: 13), что свидетельствует в том числе о существовании ткачества в среде сусканского и луговского населения.

Каменный инвентарь луговской и сусканской культур, выявленный на поселениях, невелик, он представлен скребками (рис. 40: 8, 9) и стрелами потреугольной формы без выраженного черешка (рис. 40: 2, 3, 5, 6). Известны также костяные наконечники стрел (рис. 40: 14, 20) и псалий (рис. 40: 26).

Следы металлопроизводства: сплески, шлаки, тигли, литейные формы (рис. 40: 24) – на значительной части исследованных поселений позволяют говорить о существовании самостоятельной выработки металлических изделий луговскими и сусканскими мастерами.

Изделия из бронзы представлены кельтами дербеденевского типа с одним ушком и рельефным орнаментом в верхней части (рис. 40: 11, 16–18), массивными орнаментированными кельтами с лобным ушком и пещеркой (рис. 40: 10), наконечниками копий с широкой прорезью пера (рис. 40: 22, 23), втульчатыми долотами (рис. 40: 15), двулезвийными ножами (рис. 39: 21; 40: 7, 25, 27) и кинжалами с кольцевидным

упором или плоским перекрестием на рукояти (рис. 39: 23; 40: 31, 32), бритвами (рис. 40: 19), серпами дербеденевского типа с кованым крюком рукоятки (рис. 40: 28–30), иглами, проколами.

Украшения довольно разнообразны, в их составе нашивные круглые бляхи с пуансонным орнаментом и без него (рис. 40: 1), бляхи со стерженьком на обороте (рис. 40: 12), височные подвески, пронизки, бусины

Необходимо отметить, что среди металлических предметов выделяется две группы, происхождение которых различно: первая связана с андроновским миром, это прежде всего украшения, ножи, кельты с пещеркой; вторая имеет отношение к местному дербеденевскому очагу металлургии, к этой группе относятся серпы и двуушковые кельты.

Хозяйственная деятельность носителей луговской и сусканской культур базировалась на скотоводстве и земледелии.

Скотоводство луговской и сусканской культур базировалось на выращивании крупного рогатого скота, лошади, в значительно меньшей степени мелкого рогатого скота и свиней.

Свидетельством наличия развитого земледелия являются данные палинологического анализа Гулюковской III стоянки. Состав выращиваемых сельскохозяйственных культур в настоящее время неизвестен.

Охота и рыбная ловля играли вспомогательную роль в обеспечении населения продовольствием. Охотились на лося и кабана, пушная охота была не развита.

Завершение существования луговской культуры в XIV в. до н. э. связано с изменением культурных стереотипов позднелуговских памятников и постепенной трансформацией их в памятники атабаевского этапа маклашеевской культуры. Сусканская культура в северной части ареала сменяется памятниками с атабаевско-межовской керамикой, а южнее совершает трансформацию в ивановскую/хвалынскую валиковую культуру.

Аким-сергеевский тип памятников (XIII–XI вв. до н. э.) позднего бронзового века.

Территория распространения памятников аким-сергеевского типа располагается в лесостепи в междуречье рр. Суры и Цны, на юге она ограничена верховьями р. Хопёр, на севере р. Мокшей (рис. 41).

Сложение аким-сергеевского типа памятников произошло на основе поздняяковской культуры, которая подверглась культурному воздействию носителей андроновидных культур, вероятнее всего луговской. Не случайно в керамическом комплексе аким-сергеевской типа фиксируют черты как поздняяковской, так и луговской керамики.

Аким-сергеевские поселения располагаются на первых надпойменных террасах и пойменных дюнах (рис. 42: 1). На ряде исследованных поселений выявлены сооружения площадью 36–45 кв. м с котлованами подпрямоугольной формы, среди них выделяются наземные постройки с углубленным полом и полуземлянки (рис. 42: 2). Коридорообразные выходы из построек располагались на длинной стороне сооружения. В котлованах построек отмечены очаги и столбовые ямки по периметру, последнее свидетельствует в пользу каркасно-столбового типа данных построек.

Керамический комплекс аким-сергеевского типа включает сосуды горшковидного типа с небольшим плоским, круглым или уплощенным донцем (рис. 42: 28–37). В глиняном тесте отмечены примеси песка, редко шамота или дресвы. Горловина сосуда плавно выгнута вовне, плечики округлые, на отдельных сосудах

Рис. 41. Ареал распространения памятников аким-сергеевского типа

отмечены воротнички. Внутренняя поверхность сосудов обрабатывалась зубчатым штампом или щеткой таким образом, что она покрывалась неглубокими бороздами, известны отдельные сосуды, покрытые расчесами на внешней поверхности в придонной части.

Основными орнаментальными мотивами были зубчатый штамп, круглые ямки и жемчужины, на некоторых памятниках зафиксирован прочерченный орнамент. По богатству и технике орнаментации выделяются две группы керамики.

Первая группа объединяет сосуды со сложным орнаментом, выполненным среднезубчатым штампом, который часто сочетался с горизонтальными рядами ямок, жемчужин, или одновременно и тех и других. Вторая группа сосудов украшена простым орнаментом, выполненным рядами ямок и жемчужин.

Орнаментальные мотивы разнообразны, в их числе: горизонтальные и вертикальные зигзаги, прямые ряды, заштрихованные треугольники и ромбы, вертикальные, наклонные и перекрещивающиеся короткие линии, сетка, вертикальная ёлочка, бахромка, окаймляющая треугольники/орнаментальное поле, ряды ямок, асимметричные лесенки, заштрихованные углы и т. д.

Кроме посуды из глины изготавливали пряслица блоковидной, битрапиевидной, бочонковидной и воронковидной формы (рис. 42: 21, 22), известна также ложка с овальной лопастью (рис. 42: 19).

Свидетельства металлургического производства на поселениях аким-сергеевского типа встречаются нечасто: это мелкие фрагменты литейных форм (рис. 42: 25) и тигель (рис. 42: 27). Изделия из металла единичны, в их числе фрагменты шильев

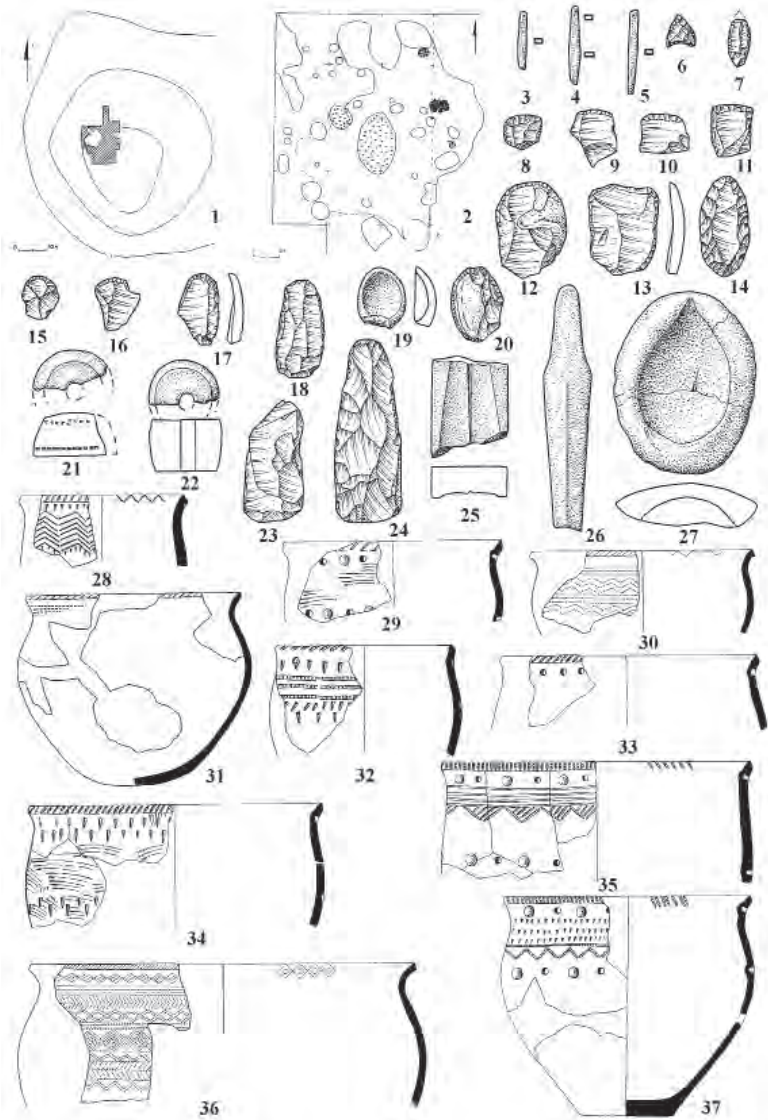

Рис. 42. Поселения, постройки и поселенческий инвентарь памятников аким-сергеевского типа. 1 – поселение Шаверки 2, план; 2 – жилище, поселение Шаверки 2;

3–5 – проколки; 6, 7 – наконечники стрел; 8–13, 15, 16 – скребки;

14 – наконечник дротика; 17, 18, 20 – ножи; 19 – фрагмент ложки; 21, 22 – напряслица;

23, 24 – тёсла; 25 – фрагмент литейной формы; 26 – нож; 27 – тигель; 28–37 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Ставицкий, 2021). Масштаб разный.

3–5, 26 – медь и бронза; 8–18, 20, 23, 24 – кремнь; 19, 21, 22, 25, 27–37 – глина.

прямоугольного сечения (рис. 42: 2; 3–5), двулезвийный нож (рис. 42: 26) и двуушковый кельт.

Изделия из камня на поселениях также немногочисленны, среди них преобладают скребки на отщепах (рис. 42: 8–13, 15, 16), кроме того, известны наконечники стрел (треугольные с выемкой в основании, треугольно-черешковидные, ивовидные и т. д.) (рис. 42: 6, 7), наконечник дротика листовидной формы (рис. 42:

14), тесла (рис. 42: 23, 24), ножи (рис. 42: 17, 18, 20), проколки, отщепы и сколы с ретушью.

Могильники аким-сергеевской культуры неизвестны.

В конце II тыс. до н. э. в связи с ухудшением погодных условий, похолоданием и смещением границ лесной зоны на юг начинается миграция носителей текстильной керамики на территорию аким-сергеевского культурного типа. В северной части ареала, испытавшего влияние культуры текстильной керамики, возникают гибридные формы глиняной посуды, сочетающие аким-сергеевские и «текстильные» черты. В южной части аким-сергеевской территории возникает северный вариант бондарихинской культуры с характерной тычковой орнаментацией.

Средневожская культура текстильной керамики (вторая четверть II тыс. до н. э. – X в. до н. э.) позднего бронзового века. Возникновение традиции украшения поверхности сосуда текстильным раппортом относится к первой четверти II тыс. до н. э. Она сформировалась в Верхнем Поволжье на Валдае, западе и юге Ярославской области. Формирование собственно средневожской культуры текстильной керамики (средневожской КТК) связано с миграцией носителей «текстильной» традиции из Верхнего Поволжья на территорию Среднего Поволжья и Поочья во второй – третьей четверти II тыс. до н. э.

Ареал распространения памятников средневожской КТК располагается между двумя крупнейшими притоками Волги, рр. Окой и Камой (рис. 43). Ядром территории этой культуры является участок Волги между устьем Оки и Казанки и Нижнего Поочья от устья Клязьмы, именно здесь располагаются поселения, содержащие исключительно текстильную керамику, ниже этого участка по р. Волге и в приустьевой части Камы вплоть до правого берега р. Вятки текстильные керамические комплексы в чистом виде не встречены.

Поселения средневожской КТК размещены на первых и вторых террасах, дюнах и останцах террас, в пойменной части больших рек (Волги и Камы), в приустьевой части их притоков и на озерах.

Лишь 21% поселений средневожской КТК имеет однородную текстильную керамику, на остальных поселениях она фиксируется совместно с керамикой других археологических культур. Все поселения данной культуры не укреплены и являются долговременными селищами или временными стоянками. Площадь долговременных поселений составляет 700–40000 кв. м.

Количество сооружений на поселениях невелико, на разных памятниках зафиксировано от одной до десяти построек (рис. 44: 1, 2). На территории поселений они располагались параллельно реке в один-два ряда, застройка была плотной и котлованы сооружений размещались неподалеку друг от друга.

Выделяется три типа построек: 1) сооружения с заглубленным полом; 2) полуземлянки; 3) землянки. На ряде памятников у построек зафиксированы тамбурные входы и углубленные переходы между сооружениями. Иногда в стенках котлованов фиксируют ниши прямоугольной формы.

Площадь построек составляла 14–152 кв. м, котлованы были в основном прямоугольной формы (рис. 44: 1, 2). Все жилища однокамерные, следов перегородок не выявлено. Большинство построек имело каркасно-столбовую конструкцию, хотя были и срубные сооружения. Крыши были двускатными, наклонными односкатными и шатровыми.

Рис. 43. Ареал средневолжской культуры текстильной керамики

Внутри котлованов сооружений отмечены очаги, от одного до семи, но чаще всего небольшие постройки имели один-два очага. Очаги размещались в ямах округлой или овальной в плане формы и котловидное дно. Иногда их обкладывали кусками и плитами песчаника или известняка и обмазывали глиной.

Наиболее массовыми находками на поселениях средневолжской КТК были фрагменты керамики (рис. 44: 27–30, 32, 33). Целые формы сосудов данной культуры круглодонные с примесью песка в глиняном тесте, подразделяются на две группы: горшки и чаши, причем преобладают горшки с прямой или слабоотогнутой горловиной (рис. 44: 34, 35).

Керамика средневолжской КТК покрывалась текстильными отпечатками, которые являются видом раппорта, особой техники нанесения узора, когда один элемент повторяется многократно, образуя фон, на котором возможно размещение дополнительных элементов орнамента. Выделяется несколько вариантов текстильных отпечатков, которые наносились штампами в виде валиков или выбивались колушками. На керамике присутствовали три вида отпечатков текстильного раппорта: «ниточные», «рябчатые», «ниточно-рябчатые», причем преобладали «ниточные» отпечатки.

Поверх раппорта на сосудах средневолжской КТК наносились другие виды орнамента: округлые ямки, каплевидные, клиновидные, овальные и подтреугольные вдавления, нарезки, оттиски длинного мелкогребенчатого, реже крупного зубчатого, овального и каплевидного штампа. Очень редко встречаются отпечатки тонкого шнура и «жемчужины». У горшковидных сосудов орнаментом украшалась только

Рис. 44. Поселения, постройки и поселенческий инвентарь средневолжской культуры текстильной керамики. 1 – поселение Мольбище VI; 2 – Кокшамарское II поселение; 3–6, 9, 25 – скребки; 7, 14–16, 18, 21–24 – наконечники стрел; 8 – долото; 10, 11, 20 – ножи; 12, 13 – ножи-ложкари; 17 – клиновидное орудие; 19 – скобель; 26 – скребло; 27–30, 32–35 – керамика, 31 – пренуклеус из кварца (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Чижевский, Соловьев, Азаров, 2021). Масштаб разный. 5–26 – кремль; 27–35 – глина

верхняя треть, а у чашевидных – сосуд целиком. Срез венчика покрывался насечками, мелкой короткой гребенкой, а иногда и текстильными отпечатками.

Среди орнаментальных композиций преобладают горизонтальные ряды ямочных вдавлений, которые использовались в сочетании с другими элементами орнамента и отдельно от них. На чашах ямки были единственным элементом орнамента. Менее распространены клиновидные и каплевидные вдавления, из которых со-

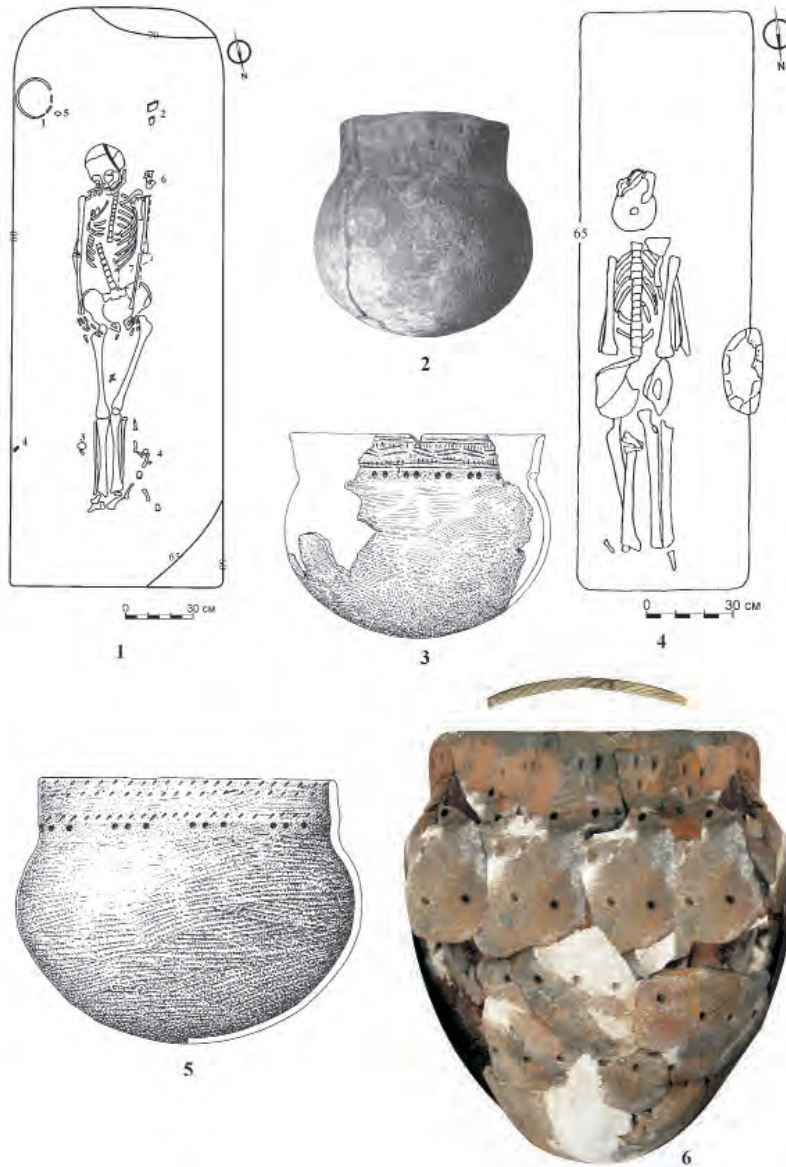

Рис. 45. Погребения и погребальный инвентарь средневолжской культуры текстильной керамики. 1 – Мурзихинский II могильник, погр. 221; 2, 3, 5, 6 – керамика; 4 – Мурзихинский II могильник, погр. 70 (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Чижевский, Соловьев, Азаров, 2021). Масштаб разный. 2, 3, 5, 6 – глина

ставлялись горизонтальные ряды и фигуры в виде опущенных вершинами вниз треугольников.

Использовались и другие композиции: горизонтальные и вертикальные одинарные и повторяющиеся зигзаги, горизонтально вытянутые ромбы без внутренней штриховки, горизонтальные линии, пояски редких скошенных отрезков, небрежно выполненные широкие зоны наклонной решетки, ряды отпечатков короткого овального штампа, изредка встречается «бахромка».

В последней четверти II тыс. до н. э. средневолжская КТК, сохраняя свои основные особенности (неорганические примеси в глиняном тесте, ямочную орнаментацию, круглое дно), стала использовать орнаментальные мотивы и характерные приемы оформления верхней части сосуда маклашеевской культуры позднего этапа (цилиндрическая горловина и воротничок).

Металлический и костяной инвентарь на поселениях средневолжской КТК не выявлен. Каменный инвентарь представлен в основном отщепами, техническими сколами, фрагментами аморфных сколов с участками ретуши утилизации, заготовками нуклеусов (рис. 44: 31). Тем не менее в коллекциях присутствуют и орудия: скребки (рис. 44: 3–6, 9, 25) и скрёбла (рис. 44: 26), скобели (рис. 44: 19), долота (рис. 44: 8), ножи на отщепах (рис. 44: 10, 11, 20), ножи-ложжари (рис. 44: 12, 13), резчики, проколки (рис. 44: 17), наконечники стрел (вытянуто-листовидные с усеченным основанием, листовидно-черешковые, подтреугольные с выраженными шипами и треугольным черешком) (рис. 44: 7, 14–16, 18, 21–24).

Могильники средневолжской культуры неизвестны, предполагается, что умерших хоронили не в землю, а были какие-то иные способы погребения. Отдельные погребения средневолжской КТК известны на некрополях позднего этапа маклашеевской культуры. Погребальный обряд данных захоронений не отличается от обряда маклашеевской культуры. Могильные ямы этих погребений простой конструкции, полуовальной или подпрямоугольной формы. Отмечены как одиночные (рис. 45: 1, 4), так и коллективные погребения. Погребения совершались по обряду ингумации (труположения). Известно также погребение с имитацией вторичного погребения (рис. 45: 4), когда у умершего надрезали сухожилия на больших суставах и помещали в могилу с конечностями, сложенными в положении, обратном естественному. Погребённого размещали на дне могильной ямы вытянуто на спине, головой на юго-восток и юг. Погребальный инвентарь представлен круглодонными сосудами с текстильным раппортом (рис. 45: 2, 3, 5, 6) и сколами кремня.

Хозяйственный уклад средневолжской КТК относится к комплексному лесному типу, сочетавшему охоту и скотоводство. Так как все категории инвентаря, кости диких и домашних животных фиксируются на всех изученных поселениях, это свидетельствует об отсутствии производственной специализации.

В зоне широколиственных лесов население данной культуры преимущественно занималось скотоводством, на втором месте была охота. В подтаежной зоне преобладала охота, а скотоводство было вспомогательным направлением хозяйства. Состав стада средневолжской КТК состоял из крупного рогатого скота, свиней и лошадей. В зоне широколиственных лесов преобладала лошадь, в подтаежной зоне – крупный рогатый скот. Охотились на лося, бобра, медведя, барсука, лису, речную черепаху.

К IX в. до н. э. интеграционные процессы между средневолжской КТК и маклашеевской культурами сформировали новую аказинско-ахмыловскую культуру раннего железного века.

Маклашеевская культура (XIV–X вв. до н. э.) позднего бронзового века.

Маклашеевская культура сложилась в результате распада «андроноидного» мира, частью которого на территории Волго-Камья были луговская, а в Приуралье – черкаскульская культуры. В XIV вв. до н. э. под влиянием изменения климата стала меняться материальная культура, орнамент на керамике упрощается, на венчике или шейке сосудов появляются валики. В результате трансформации луговской и чер-

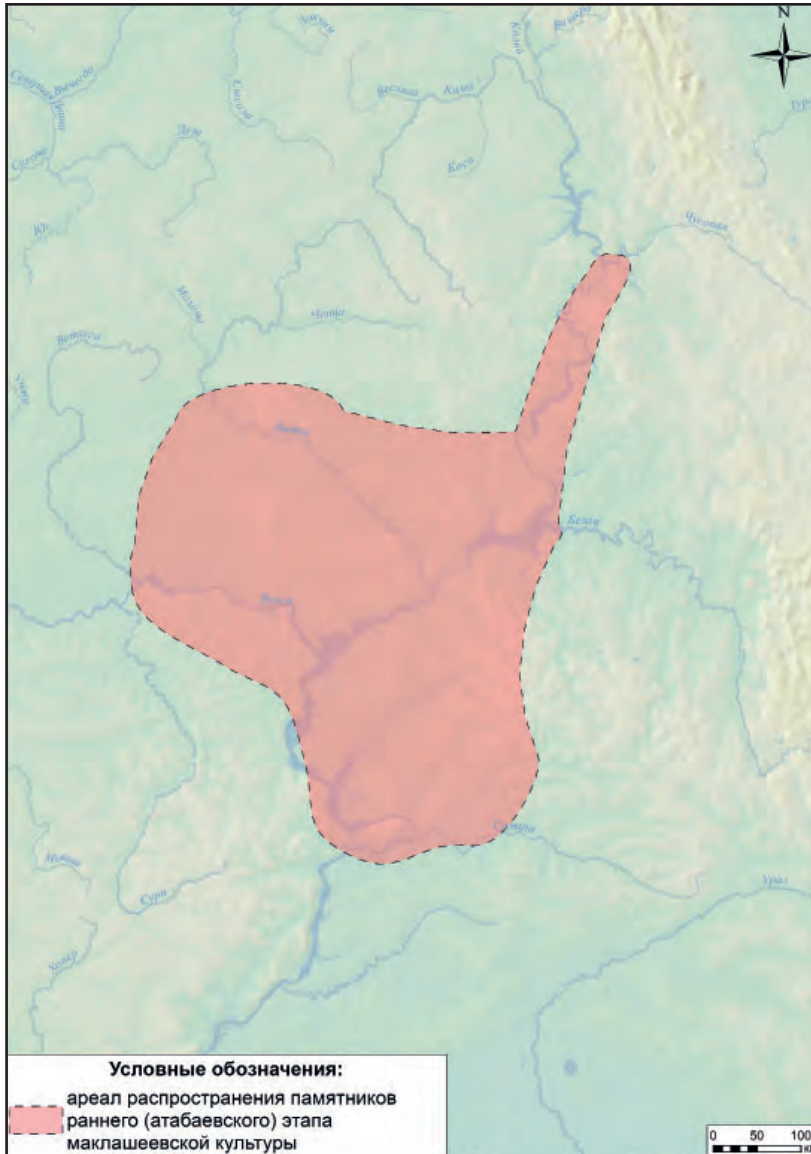

Рис. 46. Ареал раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры

каскульской культур возникли маклашеевская культура в Волго-Камье и межовская на Урале.

Объединяет их наличие валиковой керамики, однако орнаментальные мотивы отличаются. К рубежу II–I тыс. до н. э. атабаевский и межовский керамические комплексы сближаются, причем межовская культура заимствует орнаментальные мотивы маклашеевского типа керамики; на территории Башкирии такую керамику относят к культуре курмантау.

Близки к керамическому комплексу маклашеевской культуры на её атабаевском этапе памятники атабаевско-кайбельского типа в Ульяновском и Самарском Поволжье и аким-сергеевского типа в Посурье и Помокшанье.

Рис. 47. Постройки и поселенческий инвентарь раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры. 1 – Атабаевская стоянка I; 2 – Ошут'яльское III поселение, соор. 1–4; 3, 6 – диски; 4, 5 – пряслица; 7, 8, 25 – скребки; 9, 10, 16, 18, 20–23, 28, 29 – кельты; 11, 12, 15, 19 – наконечники копий; 13 – наконечник стрелы; 14 – сверло-долотце; 17, 24, 26, 27, 32 – ножи; 30, 31 – литейные формы; 33 – скребок на отщепе с двумя лезвиями; 34 – кинжал; 35–44 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021). Масштаб разный. 3–6, 35–44 – глина; 9–12, 15–24, 27–29, 34 – медь и бронза; 13, 14, 25, 26, 32, 33 – кремнь; 30, 31 – камень

Ареал памятников атабаевского этапа маклашеевской культуры располагается на территории Среднего Поволжья – от р. Цивиль и Большой Кокшаги до Самарской Луки – и Прикамья в его нижней и южной части от р. Чусовой до камского устья (рис. 46).

Маклашеевская культура делится на два этапа: ранний – атабаевский и поздний – маклашеевский.

Ранний, *атабаевский этап* маклашеевской культуры датируется XIV–XIII вв. до н. э.

Все поселения атабаевского этапа относятся к неукрепленным долговременным местам обитания с культурным слоем, достигающим 1 м. Они располагаются на первой и второй надпойменных террасах, в пойме на останцах террас и на дюнах, а также на высоких мысах коренного берега. Площадь поселений составляет от 1000 до 15 000 кв. м.

На поселениях располагались постройки в количестве от одной до четырнадцати (рис. 47: 1, 2). Чаще всего они размещаются в один-два ряда параллельно реке, но бывают и другие способы застройки.

Постройки раннего этапа маклашеевской культуры подразделяются на три типа: 1) сооружения с заглубленным полом; 2) полуземлянки; 3) землянки. Жилища во многих случаях соединялись углубленными переходами. Характерной особенностью атабаевских поселений являются жилые двухкамерные постройки, состоящие из котлованов, соединенных тамбуром.

Конструкция атабаевских сооружений каркасно-столбовая, перекрытия крыши двускатные, наклонные, односкатные и шатровые. Площадь построек 20–150 кв. м, форма котлованов – подчетыреугольная.

Внутри построек фиксируются очаги, от одного до пяти, они располагались на полу либо в очажной яме, иногда очаг обкладывался кусками песчаника, обломками известняка или обмазывался глиной.

Керамический комплекс атабаевского этапа маклашеевской культуры во многом продолжает традиции луговской культуры (рис. 47: 35–44). Это проявляется в использовании луговских элементов орнамента: ямок, резных линий, гребенчатого штампа, а также орнаментальных мотивов, таких как горизонтальный зигзаг, заштрихованные треугольники и четырехугольники, горизонтальные линии, размещения орнамента на шейке и плечиках сосудов.

Атабаевская керамика горшковидная плоскодонная с примесями раковины в глиняном тесте, встречаются также сосуды с примесями шамота, дресвы и песка. По сравнению с луговской культурой значительно уменьшается диаметр дна относительно горловины, это явление связано с появлением сосудов с круглым дном.

Характерной особенностью атабаевской керамики был налепной валик с острым или каплевидным краем, располагающийся у края венчика. В это же время возникает новая традиция: появляются сосуды с узким воротничком.

Основными орнаментальными мотивами были горизонтальные ряды небольших по размерам и неглубоких ямок или клиновидных углублений; горизонтальный зигзаг, выполненный гребенкой или резными линиями; косая сетка; горизонтальные ряды перекрещивающихся отпечатков зубчатого штампа; горизонтальные линии, выполненные прочерчиванием, зубчатым штампом или шнуром; флажки.

Кроме керамики на поселениях атабаевского этапа выявлены и другие изделия из глины, такие как пряслица (линзовидной, двояковыпуклой, плоско-выпуклой,

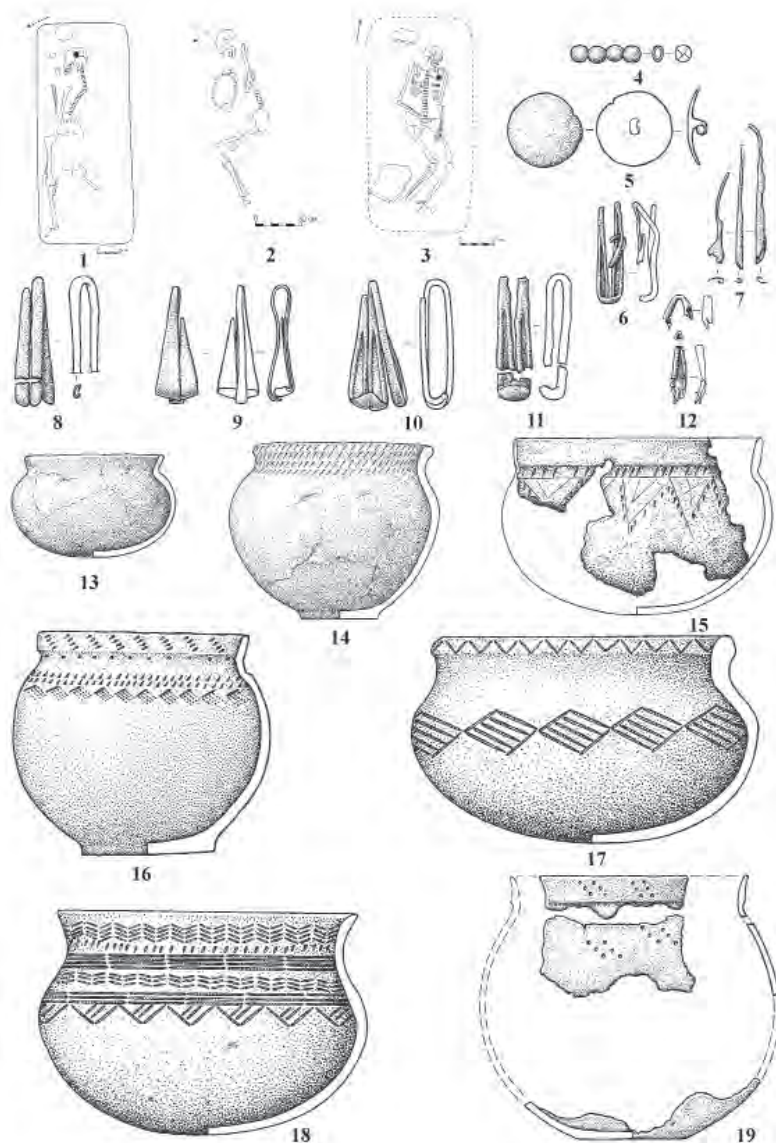

Рис. 48. Погребения, погребальный инвентарь и украшения раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры. 1 – Большеотарский I могильник, погр. 1; 2 – Рождественский I могильник, погр. 1; 3 – Луговской курганный могильник, курган 2, погр. 2–3; 4 – бусы-обоймицы; 5 – бляха; 6–12 – височные подвески; 13–19 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021). Масштаб разный. 4–12 – бронза; 13–19 – глина

вогнуто-выпуклой, шаровидной формы) (рис. 47: 4, 5), а также вылепленные из глины или выточенные из стенок сосудов диски (рис. 47: 3, 6).

Изделия из камня представлены скребками (рис. 47: 7, 8, 25, 33), одно- и двулезвийными ножами, проколками, сверлами (рис. 47: 14), наконечниками стрел (с листовидным и треугольным пером) (рис. 47: 13), ножами (рис. 47: 26, 32), молотами, терочными плитами из сливного песчаника, литейными формами (рис. 47: 30, 31).

Изделия из металла изготавливались из меди и бронзы, в основном это оружие, де-ревообрабатывающие орудия, украшения, предметы быта и рыбалки.

К оружию относятся двуушковые кельты (рис. 47: 9, 16, 21, 28, 29), кельты с лобным ушком и разноформатными фасками (рис. 47: 10, 18, 20, 22, 23), наконечники копий (с прорезным и непрорезным пером) (рис. 47: 11, 12, 15, 19), втульчатые тесла-долота.

Украшения представлены: круглыми бляхами, трубчатыми пронизками и желобчатыми височными подвесками подтреугольной формы (рис. 48: 6, 9, 11).

К предметам быта относятся четырехгранные шилья и двулезвийные ножи (рис. 47: 17, 24, 27).

Орудия рыболовства представлены крючками разных размеров с прямым и изогнутым цевьем.

Могильники атабаевского этапа немногочисленны, они располагались на окраинах поселений на вторых надпойменных террасах рр. Волги и Камы и единично на пойменной дюне. Известны как курганные, так и грунтовые некрополи. Курганы были небольшими, диаметром 7–11 м и высотой насыпи 0,5–1 м. Под курганной насыпью размещались одиночные погребения.

Могильные ямы атабаевского этапа имели подпрямоугольную и подчетыреугольную форму, в ряде случаев сохранились элементы обкладки стен камнями. Выявлены как взрослые, так и детские погребения, причем все они были одиночными. Костяки лежали вытянуто на спине либо скорченно на правом боку (рис. 48: 1–3). Ориентировка погребенных неустойчива, зафиксированы направления на все стороны света, речная ориентировка также не фиксируется.

Погребальный инвентарь представлен плоскодонной (рис. 48: 14, 16, 19) и круглодонной (рис. 48: 13, 15, 17, 18) керамикой, кинжалом (рис. 47: 34), кельтами двуушковым и с лобным ушком; проколками четырехугольного сечения; круглыми бляхами с петлей на обороте (рис. 48: 5); полушарными бляхами-обоймицами без петли (рис. 48: 4); желобчатыми височными подвесками подтреугольной формы (рис. 48: 7, 8, 10, 12); пронизью из трубчатой кости животного.

Основой жизнеобеспечения носителей атабаевского этапа маклашеевской культуры являлось придомное скотоводство с преобладанием крупного рогатого скота. Признаки существования земледелия фиксируются по наличию пыльцы культурных растений на атабаевских поселениях, но площади засеваемых полей и набор культурных растений неизвестны. Кроме того, в стаде присутствовали лошади, мелкий рогатый скот и свиньи. Охота и рыболовство, по данным археозоологии, носили вспомогательный характер.

Следы металлообработки на атабаевских поселениях представлены сплесками, шлаками, кусками медной руды, чашевидными тиглями, ложковидными льячками, литейными формами. Судя по данным спектрального анализа, раннемаклашеевская металлообработка базировалась на привозном сырье.

Немногочисленные находки костяных изделий свидетельствуют о развитом косторезном производстве.

В XII в. до н. э. керамический комплекс атабаевского этапа под влиянием миграции носителей средневолжской КТК изменяется и происходит его трансформация в поздний маклашеевский этап маклашеевской культуры.

Поздний, *маклашеевский этап* маклашеевской культуры датируется XII–X вв. до

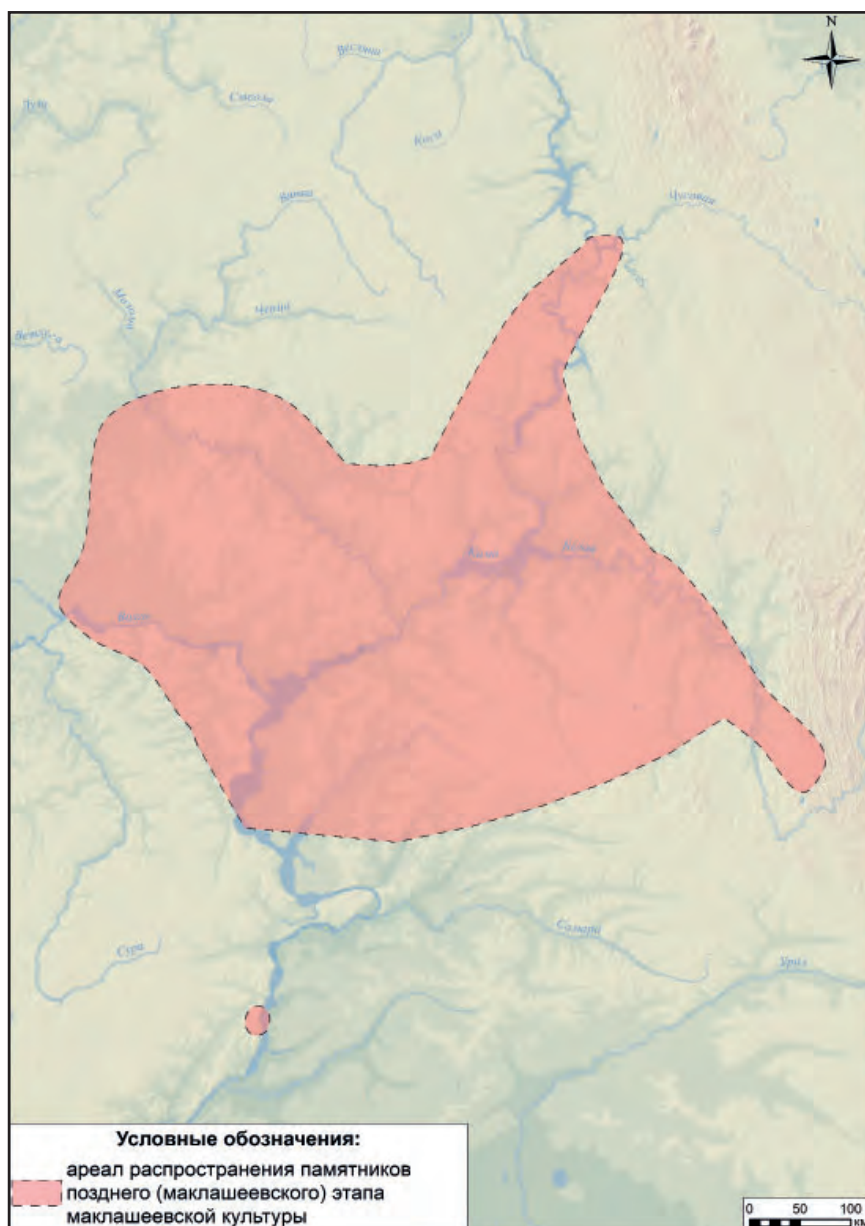

Рис. 49. Ареал позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры

н. э. Территория данного этапа во многом совпадает с территорией раннего этапа маклашеевской культуры (рис. 49).

Как уже отмечалось, миграция носителей средневолжской КТК из Нижегородско-Марийского Поволжья изменила керамический комплекс маклашеевской культуры и привела к формированию классического стереотипа маклашеевской керамики: круглодонной, с цилиндрической или блоковидной горловиной, орнаментированной по шейке ямками, размещенными группами от двух до пяти, а также оттисками гребчатого штампа и резными линиями (рис. 50: 36–40; 51: 33, 39–41).

Рис. 50. Постройки, поселенческий инвентарь и случайные находки позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры. 1 – Кокшайское IV поселение; 2 – Мензелинская I стоянка; 3, 5, 7, 8, 16, 25 – скребки; 4, 10 – ложки; 6, 9, 11, 12, 14, 15, 19 – заготовки наконечников стрел; 13, 31 – наконечники стрел; 17 – долото; 19–24, 26, 34, 35 – кельты; 27 – булава; 28 – заготовка булав; 29 – нож; 30, 32, 33 – наконечник копья; 36–40 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021). Масштаб разный. 3–18, 25, 31 – кремь; 19–24, 26, 27, 29, 30, 32–35 – бронза; 28 – камень; 36–40 – глинам

Наибольшему влиянию миграция средневожской КТК оказала на западные регионы маклашевской культуры, восточные сохранили атабаевские традиции изготовления и украшения керамики.

Все поселения маклашевской культуры не укреплены, выделяются долговременные селища и кратковременные стоянки, городища отсутствуют. Поселения размещаются на первой и второй надпойменных террасах, пойменных дюнах, высоких мысах коренного берега. Площадь поселений маклашевского этапа составляет от 250 до 15 000 кв. м. Очень часто маклашевские поселки располагаются на месте атабаевских поселений.

Большая часть поселений позднего этапа маклашевской культуры небольшая, на них фиксируются по 1–2 постройке, отмечены также поселения с 3–6 сооружениями, редко с 9–12. На территории поселений котлованы построек размещались в два ряда вдоль береговой полосы. Жилища могли размещаться как вплотную друг к другу, так и на отдалении, на расстоянии от двух и более метров (рис. 50: 1, 2).

Постройки позднего этапа маклашевской культуры подразделяются на два типа: 1) сооружения с углубленным полом; 2) полуземлянки. Землянки полностью исчезают.

Керамика маклашевского этапа во многом отлична от атабаевской, посуда с плоским и уплощенным дном сменяется круглодонной, налепной валик с острым краем или же косым срезом венчика уступает место безваликовой керамике, узкий воротничок заменяется широким (рис. 50: 37–40; 51: 33, 39–41).

В глиняном тесте сосудов маклашевского этапа отмечены примеси раковины или песка и дресвы. Орнамент на сосудах наносился на шейку, реже на шейку и плечики.

Под влиянием средневожской КТК орнамент на керамике позднего этапа маклашевской культуры упрощается, ямки, размещавшиеся на шейке сосуда группами от двух до пяти, становятся основным элементом декора. Прямым продолжением атабаевской орнаментальной традиции был сдвоенный горизонтальный зигзаг (рис. 50: 37, 40; 51: 33, 39–41), который в виде одиночного или многорядного зигзага был распространен и на атабаевском этапе. На маклашевском этапе парный зигзаг стал окаймляться горизонтальными линиями, под которыми обычно размещались ямки.

Многие традиционные элементы орнамента, присущие атабаевскому этапу, сохраняются (заштрихованные треугольники и четырехугольники, флажки, перекрещивающиеся отпечатки штампа, косая сетка, насечки-реснички), но также существенно упрощаются, часто превращаясь в оконтуренные резными линиями геометрические фигуры, заполненные насечками. В западных районах маклашевской культуры на многих сосудах появляется текстильный раппорт на поверхности сосудов.

Из глины на поселениях маклашевского этапа изготавливали пряслица, с помощью которых делали нити для производства ткани. Использовали в основном два типа пряслиц – линзовидной и шаровидной формы. Пряслица, выточенные из стенок сосудов, и керамические диски на позднем этапе маклашевской культуры не используются.

Каменная индустрия переживает упадок, исчезают из обихода крупные каменные орудия, преобладают мелкие, помимо изделий из кремня распространяются орудия из кварцита и кремневого известняка.

В числе каменных орудий маклашевского времени присутствуют скребки (рис. 50: 3, 5, 7, 8, 16, 25), двулезвийные ножи на пластинах, ножи-ложжари (рис. 50:

4, 10), скобели, небольшие долотовидные орудия (рис. 50: 17), наконечники стрел (с узким иволистным пером (рис. 50: 13, 31), листовидные с усеченным основанием, вытянуто-ромбические наконечники с коротким основанием) и их заготовки (рис. 50: 6, 9, 11, 12, 14, 15, 19), булавы (рис. 50: 27), терочные плиты из сливного песчаника, овальные или дисковидные терочки.

Набор изделий из металла (меди и бронзы) представлен предметами вооружения, орудиями деревообработки, украшениями и предметами быта.

К предметам вооружения относятся кельты с лобным ушком (рис. 50: 19–24, 26); двуушковые кельты с петлями, расположенными ниже края втулки (рис. 50: 34, 35); наконечники копий со сплошными и прорезными крыльями пера (рис. 50: 30, 32, 33); булава с четырьмя округло-уплощенными шипами (рис. 50: 27).

Украшения довольно разнообразны, они представлены круглыми бляхами с «глухим» ушком и «пещеркой» на обороте, височными кольцами из тонкого прутка, гвоздевидной и очковидными подвесками.

К предметам быта относятся четырехгранные шилья и двулезвийные ножи с крутыми выраженными плечиками (рис. 50: 29).

Хозяйство населения маклашеевского этапа базировалось на скотоводстве и земледелии. Изменение климата в сторону увлажнения и похолодания, начавшееся еще на раннем этапе маклашеевской культуры, не способствовало занятию земледелием, поэтому оно сохранялось на минимальном уровне. На этом этапе происходит существенное увеличение стада домашнего скота, причем животных часто содержали в жилищах, по всей вероятности в зимний период. В составе стада доминирует крупный рогатый скот, однако доля лошади существенно возрастает, уменьшается количество мелкого рогатого скота, значительно падает роль свиньи. Охотничья деятельность носила вспомогательный характер. О наличии рыболовства свидетельствуют находки бронзовых крючков (рис. 51: 8) и костяной гарпун, однако и это направление носило исключительно вспомогательный характер.

Следы металлообработки (сплески, ошлаковка, куски медной руды, чашевидные тигли, ложковидные льячки, литейные формы) на поселениях маклашеевского этапа свидетельствуют о существовании развитого металлопроизводства.

Многочисленные проколки, шилья, скребки, подвески из трубчатых костей животных свидетельствуют о наличии косторезного производства, но уровень его по этим изделиям оценить сложно.

Могильники маклашеевского этапа располагаются на второй надпойменной террасе рр. Волги, Камы и их притоков, высоких третьей и четвертой террасах Волги, а также останце высокой коренной террасы. Некрополи размещаются в стороне от поселений и лишь Луговской курганный, который начал функционировать на раннем (атабаевском) этапе, располагался на окраине поселения.

Могильники позднего этапа подразделяются на грунтовые и курганные, причем только длинные курганы были собственно маклашеевскими, погребения в небольших круглых курганах были вводными в курганные насыпи предшествующего этапа. В качестве примера можно указать длинный курган из Маклашеевского II могильника, который имел длину 35 м, ширину 8 м, высоту 0,2 м.

Могильные ямы были овальной, круглой и подчетырехугольной формы, выделяются узкие ямы-траншеи (рис. 51: 1–3). В погребениях отмечены захоронения всех половозрастных групп – мужчины, женщины и дети.

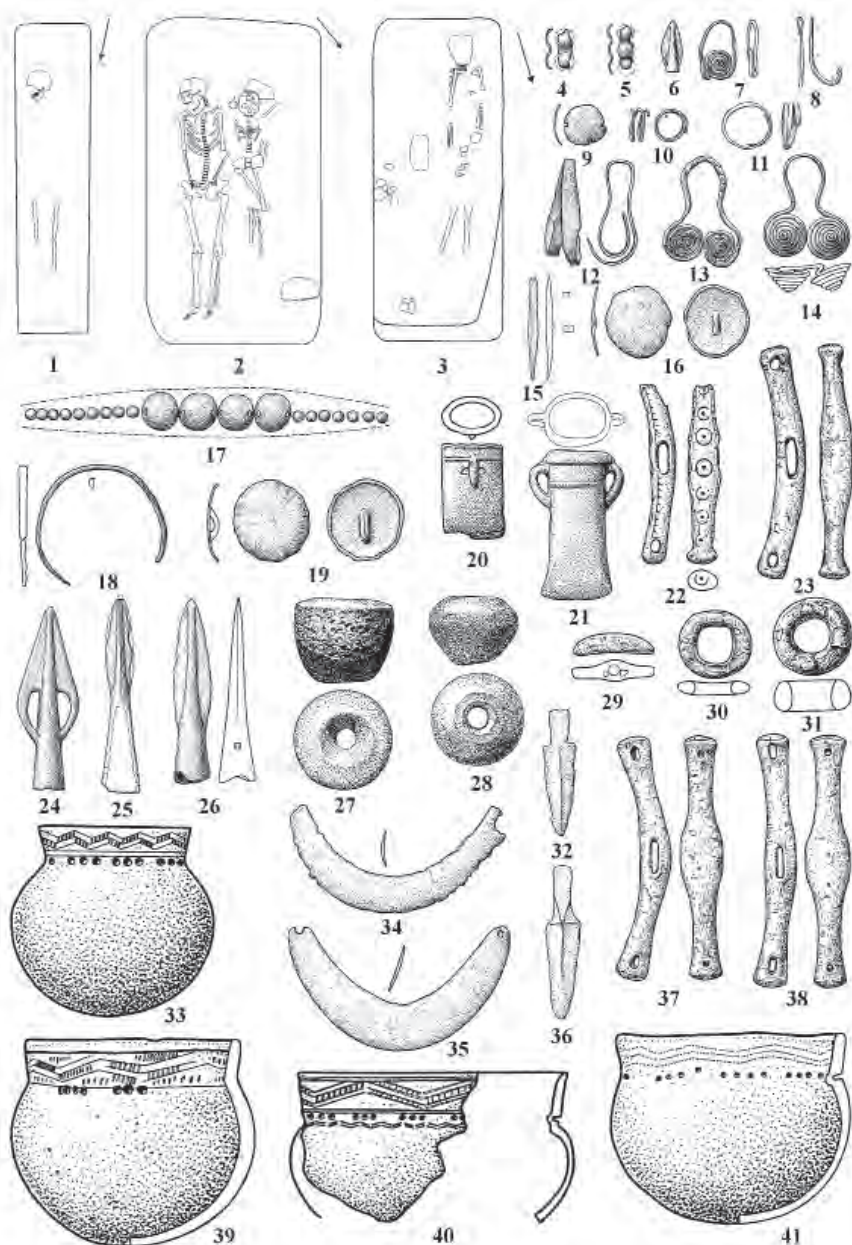

Рис. 51. Погребения и погребальный инвентарь позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры. 1 – Мурзихинский II могильник, погр. 219; 2 – Луговской курганный могильник, курган 2, погр. 2; 3 – Мурзихинский II могильник, погр. 120; 4, 5 – накладки; 6 – наконечник стрелы; 7, 12 – височные подвески; 8 – рыболовный крючок; 9 – нашивная бляха; 10, 11 – височные кольца; 13, 14 – очковидная височная подвеска; 15 – проколка; 16, 19 – бляхи с петлей на обороте; 17 – налобный венчик; 18 – браслет; 20, 21 – кельты; 22, 23, 37, 38 – псалии; 24–26 – наконечники копий; 27, 28 – булавы; 29–31 – элементы упряжи; 32, 36 – ножи; 33, 39–41 – керамика; 34, 35 – серповидные гривны (по: Археология Волго-Уралья. Т. II / Чижевский, Лыганов, Кузьминых, 2021). Масштаб разный.
4–21, 24–26, 32, 34–36 – медь и бронза; 22, 23, 29–31, 37, 38 – кость и рог;
27, 28 – камень; 33, 39–41 – глина

Погребения совершались по обряду ингумации, вторичного погребения и имитации вторичного погребения, когда у умершего надрезали сухожилия на больших суставах и помещали в могилу с конечностями, сложенными в положении, обратном естественному.

Чаще всего умерших размещали в индивидуальные погребения, но известны также парные и коллективные погребения. В подавляющем количестве случаев погребенные лежали на спине с вытянутыми вдоль тела руками (рис. 51: 1–3). Ориентировка неустойчива, зафиксированы направления на все стороны света, речная ориентировка также нехарактерна.

Погребальный инвентарь небогат, но разнообразен, в погребения помещали круглодонную керамику (рис. 51: 33, 39–41), предметы вооружения: наконечники стрел из камня, кости и бронзы (рис. 51: 6); наконечники копий из камня и бронзы (рис. 51: 24–26); каменные булавы (рис. 51: 27, 28); кельты двушковые (рис. 51: 21) и с лобным ушком (рис. 51: 20), а также конскую упряжь (стержневые трехдырчатые псалии из рога; костяные кольца, изделия из челюстной кости лошади) (рис. 51: 22, 23, 29–31, 37, 38); украшения, предметы быта, кости животных.

Чаще всего встречаются украшения: височные кольца (рис. 51: 10, 11); височные подвески очковидные (рис. 51: 13, 14) или спиралевидные (рис. 51: 7, 12); накладки (рис. 51: 4, 5), серьги; составные украшения из обоймиц – пекторали; плоские серповидные гривны (рис. 51: 34, 35); дротовые браслеты (рис. 51: 18); налобные венчики из пронизок, нашивных блях и пронизок (рис. 51: 17); бляхи нашивные (рис. 51: 9) и с петлей на обороте (рис. 51: 16, 19). Ожерелья из стеклянных бус редки.

Большая часть металлических украшений изготавливалась из меди, редко из серебра, но известны также случаи плакировки золотом.

В погребения помещали предметы быта: огнива; ножи бронзовые (рис. 51: 32, 36) и каменные; проколки из кости, бронзы (рис. 51: 15) и железа; астрагалы; тесла; медный крючок и костяной гарпун; терочки; оселки.

Кости животных в погребениях представлены домашними (мелкий рогатый скот, лошади, свиньи) и дикими (бобры, медведи, птицы) животными, отмечены также белемниты и двустворчатые раковины.

Над грунтовыми погребениями присутствовали надмогильные сооружения, о чем свидетельствуют следы столбовых ям над ними. В конце маклашеевского этапа в междурядьях грунтовых могильников начинают устанавливать каменные изваяния (стелы) без изображений.

Судя по данным изучения погребального обряда и поселений, маклашеевское общество было эгалитарным без специализированных производственных групп и социальных страт.

В начале IX в. до н. э. в результате внутренних процессов развития происходит трансформация маклашеевской культуры и на её основе возникает ананьинская культурно-историческая область (АКИО) раннего железного века.

ЛИТЕРАТУРА

- Азаров Е.С.* Погребальные памятники культуры текстильной керамики Окского бассейна // *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы* / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 352–373.
- Археология Волго-Уралья. Т. II / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 728 с.
- Археология Мордовского края. Каменный век. Эпоха бронзы / Ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гум. наук при правительстве Республики Мордовии, 2008. 552 с.
- Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА. № 99. М.: АН СССР, 1961. 198 с.
- Бадер О.Н.* Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: АН СССР, 1963. 372 с.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Балановская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Краснов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 76–83.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. 336 с.
- Большов С.В.* Средневожская абашевская культура / Труды МАЭ. Т. VIII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. 182 с.
- Бочкарев В.С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол, 2010. 231 с.
- Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н. э.). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2006. 232 с.
- Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е.* Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок (Предварительная публикация) // Древние культуры лесостепного Поволжья. (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 50–110.
- Кузнецов П.Ф.* Полтавкинская культурно-историческая общность. Препринт. Свердловск-Куйбышев: ИИА УрО АН СССР, 1989. 73 с.
- Кузьмина Е.Е.* Откуда пришли индоарии. М.: Калина, 1994. 463 с.
- Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Отв. ред. А.А. Ткачев. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.
- Кузьмина О.В.* Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье: учебное пособие к спецкурсу. Самара: СГПИ, 1992. 128 с.
- Лыганов А.В., Чижевский А.А.* Погребения луговой культуры Мурзихинского II могильника в приустьевом Закамье // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 298–323.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. 152 с.
- Моргунова Н.Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. 348 с.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.* Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: Наука, 1994. 153 с.
- Мочалов О.Д.* Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 2008. 252 с.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / Труды МАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 162 с.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: Учебное пособие. М.: МГУ, 2002. 226 с.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

Соловьев Б.С. К вопросу об атликасинской культуре // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / IV Халиковские чтения: материалы науч. конф., посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2007. С. 176–191.

Соловьев Б.С., Карпелан К., Кузьминых С.В., Михайлов Е.П. Каменные орудия балановской культуры (Чувашская Республика): научное электронное издание. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 107 с.

Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза: ПГПУ, 2005. 160 с.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / Труды МарАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960. 188 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. Вып. В 1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Краснов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 139–146.

Халиков А.Х. Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Краснов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 136–139.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / МИА. № 172. М.: Наука, 1970. 180 с.

Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов / Каргалы. Т. V. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Чижевский А.А. Гулюковская III стоянка: экологическая адаптация и факторы хозяйственно-культурного развития // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 25–30.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 99–123.

Чижевский А.А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II – начала I тыс. до н. э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 93–112.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Эпоха ранних металлов, протяженность существования которой достигала более четырёх тысячелетий, сменилась железным веком, когда изделия, ранее вырабатывавшиеся из камня, меди и бронзы, стали изготавливаться из железа.

Первые железные орудия появились задолго до начала железного века, в эпоху энеолита в VI тыс. до н. э. Они изготавливались из метеоритного железа и отличались большой концентрацией никеля, что увеличивало твердость и хрупкость металла. Соответственно, и методика обработки метеоритного железа была возможна с применением методов, выработанных при изготовлении каменных орудий, с помощью различных ударных техник и давления. В то же время известны предметы, полученные с помощью холоднойковки, а также отдельные изделия, обработанные по технологии горячейковки.

На территории Северной Евразии ранние находки железных изделий выявлены в коллекциях раннего и среднего бронзового веков. Как правило, это орудия труда и оружие. Таковы изделия ямной и катакомбной культур, но ремесленники афанасьевской культуры из железа изготавливали исключительно украшения.

Метеориты встречаются очень редко, поэтому и изделия из метеоритного железа не смогли заменить собой медь и бронзу, для этого потребовалось совершить открытие технологии получения рудного железа.

Первые свидетельства выплавки железа из руд относятся к концу IV тыс. до н. э. – первой половине II тыс. до н. э. и связаны с Малой Азией. В Северной Евразии технологию изготовления кричного железа пытались освоить носители катакомбной культуры в эпоху среднего бронзового века, однако изделия из рудного железа у них единичны. В эпоху позднего бронзового века предметов из железа уже больше, на памятниках срубной, сабатиновской, ноуа культур найдено несколько десятков шильев, ножей и кинжалов.

¹ При составлении данной главы использованы разделы III тома «Археологии Волго-Уралья» за авторством Кузьминых С.В., Чижевский А.А., Таиров А.Д., Мышкин В.Н., Очир-Горяева М.А., Скрипкин А.С., Патрушев В.С., Волкова Е.В., Черных Е.М., Коренюк С.Н., Васкул И.О., Ашихмина Л.И., Воробьева С.Л., Ставицкий В.В., Мясников Н.С., Зубов С.Э., Гришаков В.В., Сташенков Д.А., Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Бугров Д.Г., Бернц В.А., Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М., Перескоков М.Л.

В конце бронзового века железные и биметаллические предметы распространились ещё шире, они известны на памятниках еловской и маклашеевской культур, а также культур валиковой керамики. Наибольшее число железных изделий кинжалов, шильев, фибул встречено на памятниках белозерской, бондарихинской культур и культуры фракийского гальштата.

На территории Северной Евразии процесс перехода от бронзового века к железнному имел значительную протяженность и специфику в разных регионах. На Северном Кавказе, в Северном Причерноморье и Волго-Камье он начался в IX–VIII вв. до н. э., в остальных регионах позже. Технологический переход к использованию железа в умеренной зоне Северной Евразии произошел в промежутке между VIII и III вв. до н. э.

Для понимания эпохи раннего железного века Волго-Уралья важна периодизация древностей этого региона. Ранний железный век подразделяется на два больших подразделения – две фазы, материальная культура которых резко отлична. Первая фаза связана с существованием скифо-сибирского мира в степной зоне и ананьинской культурно-исторической области в лесной, вторая – с сарматским миром в степной зоне, а также постананьинскими культурами в лесных и лесостепных областях.

4.1. КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА СТЕПИ, ЛЕСА И ЛЕСОСТЕПИ IX–III ВВ. ДО Н. Э.

Культуры севера степной зоны

Переходный период от бронзового века к железнному в степной зоне Волго-Уралья (X – первая половина VIII в. до н. э.). В степях Волго-Уралья переходный период синхронен культурам предскифского времени Северного Причерноморья. Памятники этого времени изучены на территории Южного Приуралья и Зауралья в его российской и казахстанской частях, а также в Самарском Заволжье (рис. 1).

Исследования показали отсутствие генетической связи между культурами финала бронзового и начала раннего железного веков. Специалисты в области раннего железного века предполагают, что в результате аридизации климата население эпохи бронзы покинуло территорию степной зоны до начала раннего железного века.

Формирование степного населения в начале переходного периода происходило, по мнению исследователей, под значительным киммерийским влиянием из Северного Причерноморья. На завершающем этапе переходного периода усиливается воздействие миграций с востока, в результате которых в степи появился обряд погребения в вытянутом положении.

Памятники переходного времени в степях Волго-Уралья представлены курганными могильниками с невысокими 0,2–0,35 м каменными насыпями, диаметром 5,5–7,5 м, которые размещались на вершинах холмов или небольших возвышенностях рек. Известны также курганы с земляными насыпями высотой 0,12–0,28 м и диаметром 12 м, иногда окруженные каменным кольцом. Умерших людей размещали в простых могильных ямах или, единично, в каменном ящике, сооруженном из вертикально установленных плит. Могильные ямы располагались в центре кургана, они могли быть как основными, так и впускными в насыпи более раннего времени. Известны также впускные захоронения в ранее совершенные погребения. В ряде случаев над могилами зафиксированы остатки деревянных насти-

Рис. 1. Ареал культур переходного периода от бронзового века к железному в Волго-Уралье, опирающихся на известняковые плитки. На настилах отмечены кости лошади или коровы.

Погребения содержат захоронения мужчин, женщин и детей, которые размещались в погребениях в форме неправильного овала или удлиненного прямоугольника с закругленными углами. Погребения были одиночными, парными и коллективными. Умерших людей хоронили по обряду трупоположения (ингумации), иногда трупосожжения (кремации).

По особенностям погребального обряда выделяются две группы погребений. Первая объединяет погребения, в которых умерших размещали скорченно на левом боку, головой на юго-запад или восток (рис. 2: 5). Во второй погребенных людей укладывали в могильную яму вытянуто на правом боку или спине, вытянуто на спине с разворотом на левый бок, на правом боку с небольшой степенью скорченности, головой на запад, юго-запад, северо-запад или юго-восток (рис. 2: 1–3, 6).

Погребальный инвентарь довольно разнообразен. В его состав входят кости животных (овцы, лошади, коровы); изделия из кости и рога: бараньи астрагалы, наконечники стрел (с лавролистной, ромбической в сечении головкой и скрытой втулкой) (рис. 2: 4, 10, 12); деревянные цилиндрические предметы с толщиной стенок 0,5–1,0 см.

Кроме того, в состав погребального инвентаря входят украшения из бронзы и меди: височные подвески в виде полукольца из проволоки, пуговица полушаровидной формы с припаянной внутри проволокой, спиралевидная пронизка из тонкой проволоки (рис. 2: 8); конская упряжь – уздечная застежка, изготовленная из бронзы (рис. 2: 15); железные ножи (рис. 2: 9, 11).

Рис. 2. Погребальные и поселенческие памятники переходного периода от бронзового века к железнному на Южном Урале и Самарском Поволжье. 1, 2, 4, 9 – курганный группа Верблюжьих Горки, курган 2; 3, 21 – могильник Шатмантамак I, курган I, могильная яма 2; 5, 22 – могильник Утевка IX, курган I, погребение 1; 6, 7 – могильник Полудни II, курган 2, погребение 1; 8 – Покровский II могильник, курган 24, погребение 1; 10 – могильник Илекшар I, курган 6, могильная яма 10, погребение 5; 11 – одиночный курган Макан I; 12 – курган 2 у с. Новая Белогорка, погребения 38; 13, 14, 16–19 – поселение Илемовское; 15 – курган 4 у с. Ягодное, погребение 1; 20 – поселение Максимовское (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Таиров, 2021).
4, 10, 12 – наконечники стрел; 8 – украшения из бронзы и меди; 9, 11 – ножи;
13, 14, 16, 22 – керамика; 15 – уздечная застежка.
4, 10 – кость; 7, 13, 14, 16–22 – глина; 8, 12, 15 – бронза; 9, 11 – железо

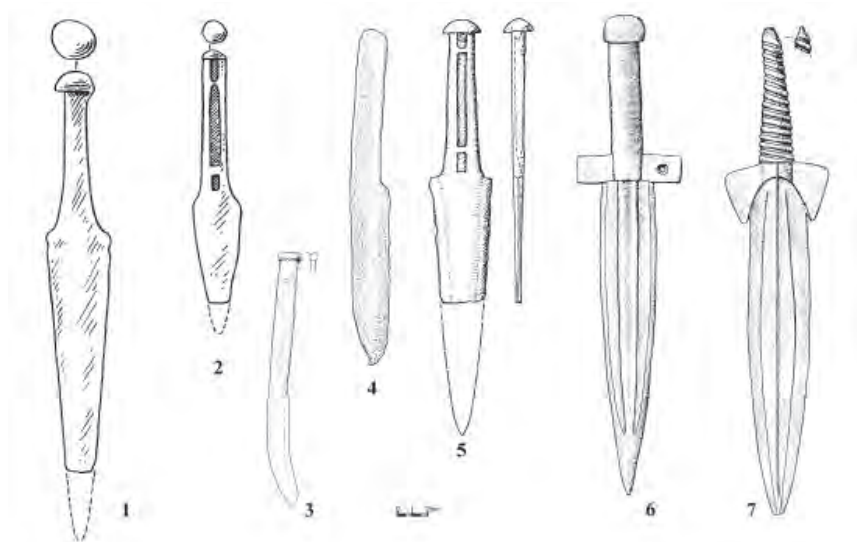

Рис. 3. Находки клинкового оружия переходного периода от бронзового века к железному в Южном Зауралье.
1 – Сулейманова (Сулейменево); 2 – Ильчигулово; 3 – Клястицкое;
4 – Ларино; 5 – Анненское; 6 – Магнитогорск; 7 – Кушмурун
(по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Таиров, 2021). 1–7 – бронза

Погребальная посуда из памятников переходного периода лепная и представлена немногочисленной плоскодонной керамикой. В ее составе фрагменты сосуда, орнаментированные наклонными вдавлениями; сосуд горшковидной формы с примесью шамота и дресвы, украшенный изображением животного, выполненным черной краской; сосуд нурского типа баночной формы со сливом, украшенный оттисками «жемчужин» (рис. 2: 4, 21, 22).

Население степной зоны Самарского Заволжья в переходный период обитало на поселениях с керамикой нурского типа. Как правило, это недолговременные дюнные стоянки со слабо выраженным культурным слоем.

Нурская керамика представлена плоскодонными сосудами баночной и горшковидной формы с хорошим обжигом и примесью песка, шамота или дресвы в глиняном тесте (рис. 2: 13, 14, 16–20). Горшковидные сосуды имеют разнообразную профилировку: от слабопрофилированных до сосудов с резким переходом шейки в сильно раздутое тулово. Венчики уплощенные, иногда с грибовидными утолщениями. Орнамент бедный: сосуды украшены по венчику и шейке пальцевыми защипами, жемчужинами или ямками. Встречается керамика с налепными валиками, разделенными глубокими защипами, насечками по внешнему краю венчика.

К переходному времени относится также большое количество случайных находок, чаще всего это бронзовые кинжалы: карасукского типа, «киммерийские» – и однолезвийные ножи (рис. 3: 1–7).

Завершение переходного периода связано с миграционными процессами, которые привели к формированию в середине VIII в. до н. э. раннекочевнического комплекса в Южном Зауралье. В Южном Приуралье и Самарском Заволжье влияние этих миграций не зафиксировано.

Рис. 4. Ареал предсавроматского и савроматского времени в Волго-Уралье

ка имеют много общего, было сделано предположение об участии нурского населения в формировании савроматской культуры.

Савроматская культура (VI–IV вв. до н. э.). Происхождение савроматской культуры носит дискуссионный характер, но большая часть из существующих гипотез предполагает миграционный характер её формирования. Высказывались предположения о переселении групп населения из Приаралья, низовьев Амударьи и Сырдарьи, Кавказа и других территорий.

Название «савроматская культура» степным памятникам Поволжья и Южного Предуралья дал П.Д. Рау, который связал их с савроматами, упоминаемыми античными авторами.

С самого начала савроматская культура входила в состав обширного скифо-сибирского мира, объединённого близкими традициями в изготовлении предметов вооружения и конской упряжи, а также звериным стилем – направлением в искусстве, практиковавшим украшение предметов фигурами животных.

Памятники савроматской культуры представлены некрополями и случайными находками, они распространены на территории степных и частично лесостепных районов Среднего Поволжья и Южного Предуралья, в границах современных Оренбургской, Самарской и Ульяновской областей, а также Республики Башкортостан (рис. 4).

Савроматские могильники курганные, они располагались на возвышенностях – речных террасах и водоразделах, иногда на дюнах. Курганы племенных элит в ряде случаев возводили отдельно от курганов рядовых общинников, и они образовали обособленные некрополи.

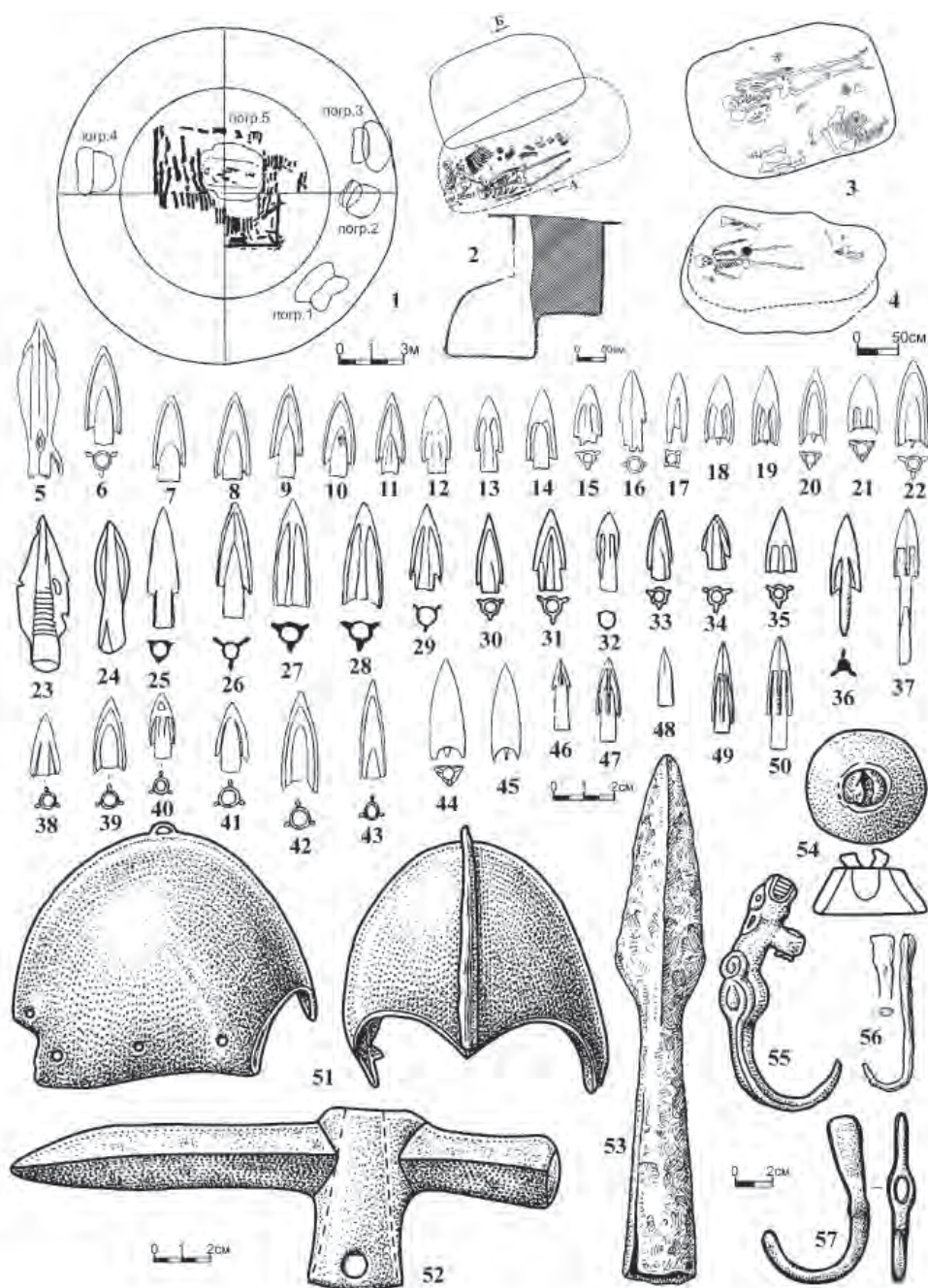

Рис. 5. Савроматская культура. Некрополи, предметы вооружения.
 1 – Любимовка, курган 1, погребение 5; 2 – Покровка 2, курган 17, погребение 1; 3 – Липовский могильник, курган 5; 4 – Болдыревский I могильник, курган 9; 5, 16, 23, 24 – втульчатые двулопастные наконечники стрел; 6–15, 17–22, 25–35, 38–43, 46–50 – втульчатые трехлопастные наконечники стрел; 36, 37 – черешковые трехлопастные наконечники стрел;
 51 – шлем кубанского типа; 52 – чекан; 53 – наконечник копья; 54 – ворворка;
 55–57 – колчанные крючки (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Мышкин, 2021).
 5–52, 54–57 – бронза, 53 – железо

Савроматские погребения совершали либо в специально насыпанные курганы, либо вводили в курганы эпохи бронзы (рис. 5: 1). Зачастую отдельные курганы, которые возводили савроматы, размещали в составе курганных могильников эпохи бронзы.

Погребения совершали в грунтовых ямах подпрямоугольной, круглой или овальной в плане формы, изредка могильная яма сопровождалась подбоем. Иногда в качестве дополнительного элемента погребального сооружения в нем оформляли отдельный коридорообразный вход (дромос) (рис. 5: 2, 3).

Спорадически в могилах фиксируются перекрытия – остатки плах, травы и камыша, часто со следами обжига, а над погребениями следы деревянных построек сложной формы. Органические остатки фиксируются и на дне могильных ям. Исследователи предполагают, что это подстилки из травы или камыша.

В бассейнах рек Самары и Урала отмечены курганы под насыпями, в которых были выявлены мавзолеи из сырцового кирпича. В отдельных случаях мавзолеем окружался ровом четырехугольной формы. Внутри мавзолея размещалась могильная яма, к которой от крыши шел дромос.

Чаще всего умерших людей в могилы помещали по одному, но известны парные и коллективные захоронения. Расположение людей в коллективных погребениях разнообразно: несмотря на то что чаще всего умершие лежали головами в одном направлении, известны захоронения ногами друг к другу или же головами в разных направлениях.

В большинстве случаев в могилах погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад, часто с отклонениями, однако зафиксированы случаи использования восточного сектора ориентировок погребенных (рис. 5: 2, 3). Замечено, что могильные ямы прямоугольной формы в большинстве случаев были ориентированы в широтном диапазоне. Отмечены также региональные отклонения в ориентировках: так, на некрополе Березки I превалирует южная ориентировка погребенных.

Перед могильными ямами в качестве жертвенных комплексов помещали различные вещи. Примерно такой же комплекс предметов размещали и непосредственно в могильные ямы. В мужские погребения укладывали предметы вооружения (мечи, кинжалы и стрелы), воинскую амуницию (наборный пояс из кожи и бронзовых пластин, бронзовый шлем кубанского типа) (рис. 5: 51), конскую упряжь.

В женские погребения помещали различные украшения; зеркала ольвийского типа с рукоятями, украшенными зооморфными изображениями (рис. 6: 20, 21); обычные зеркала с рукоятями и без них (рис. 6: 18, 19); косметические наборы; каменные блюда (переносные алтари) (рис. 6: 9, 14–16), амулеты (рис. 6: 8). Некоторые блюда из камня несут на себе зооморфные изображения. Кроме того, в могильные ямы помещали заупокойную пищу: мясо – части туши баранов и/или лошадей, жидкую пищу и напитки разливали в глиняные сосуды.

Керамика савроматской культуры представлена плоскодонными сосудами с плохо обработанной поверхностью, как правило горшками и банками, шаровидной или яйцевидной формы (рис. 6: 17, 22–26). Дополнительно сосуды могли снабжаться трубчатými носиками-сливами и ручками. Иногда встречаются сосуды с лощеной поверхностью. В савроматской посуде в качестве отошителей для жирной глины использовали шамот, песок, иногда тальк, навоз и жидкую органику применяли для тощей глины.

Чаще всего савроматская керамика не орнаментировалась, но в тех случаях, когда на неё наносили орнамент, он ограничивался самыми простыми элементами – ямка-

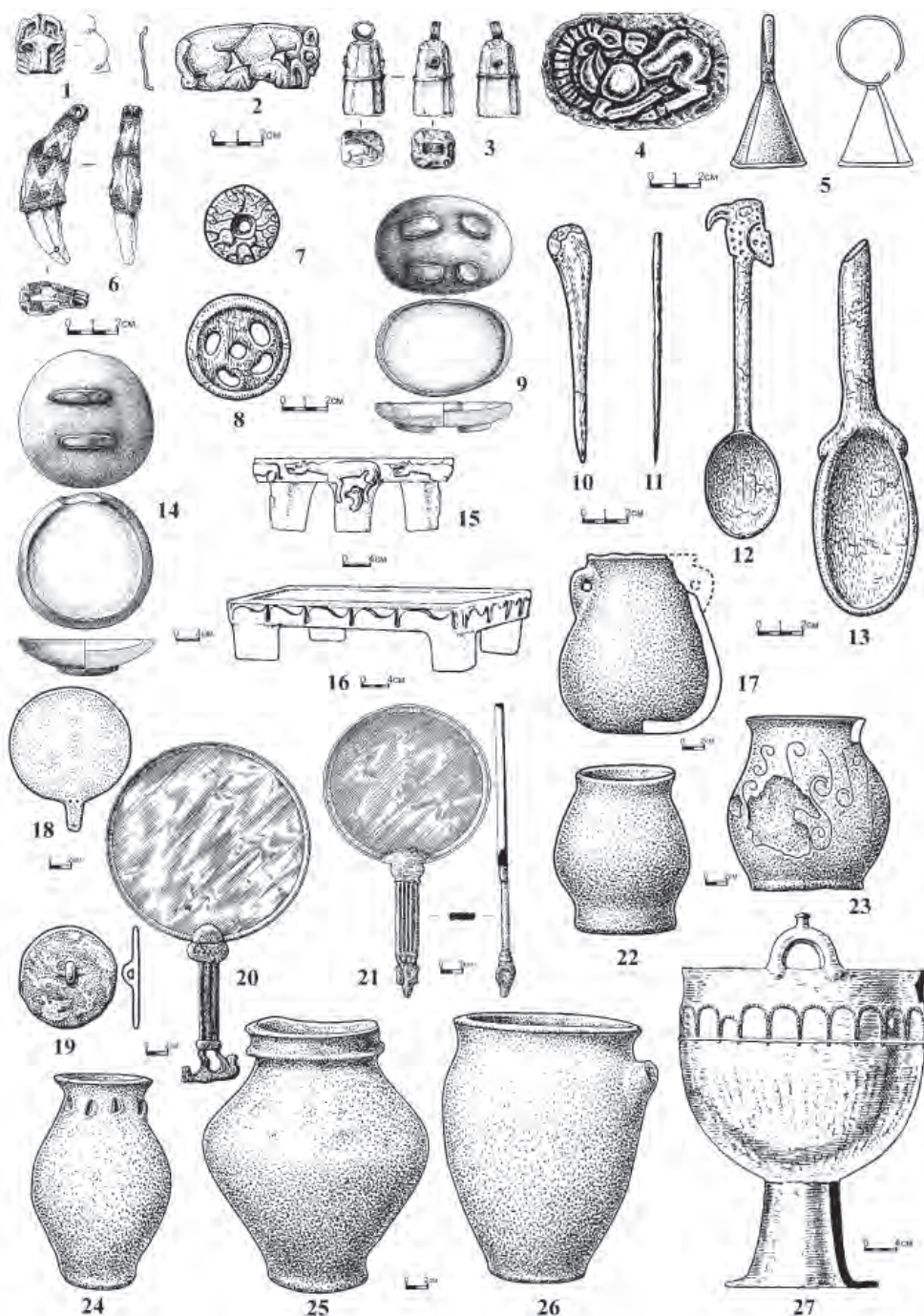

Рис. 6. Савроматская культура. Украшения, зеркала, алтари, керамика, котлы.
 1, 2, 4 – нашивные бляшки; 3, 6 – подвески; 5 – серьги; 7 – пряслице; 8 – амулет-колёсико;
 9, 14–16 – алтари; 10 – проколка; 11 – игла; 12, 13 – ложки (по: Археология Волго-Уралья.
 Т. III / Мышкин, 2021). 17, 22–26 – керамика; 18–21 – зеркала; 27 – котёл.
 1, 2, 4, 5 – золото; 3 – золото и халцедон; 6 – кость и золото; 7, 17, 22–26 – глина;
 8, 18–21 – бронза; 9, 14–16 – камень; 10–13 – кость; 27 – медь

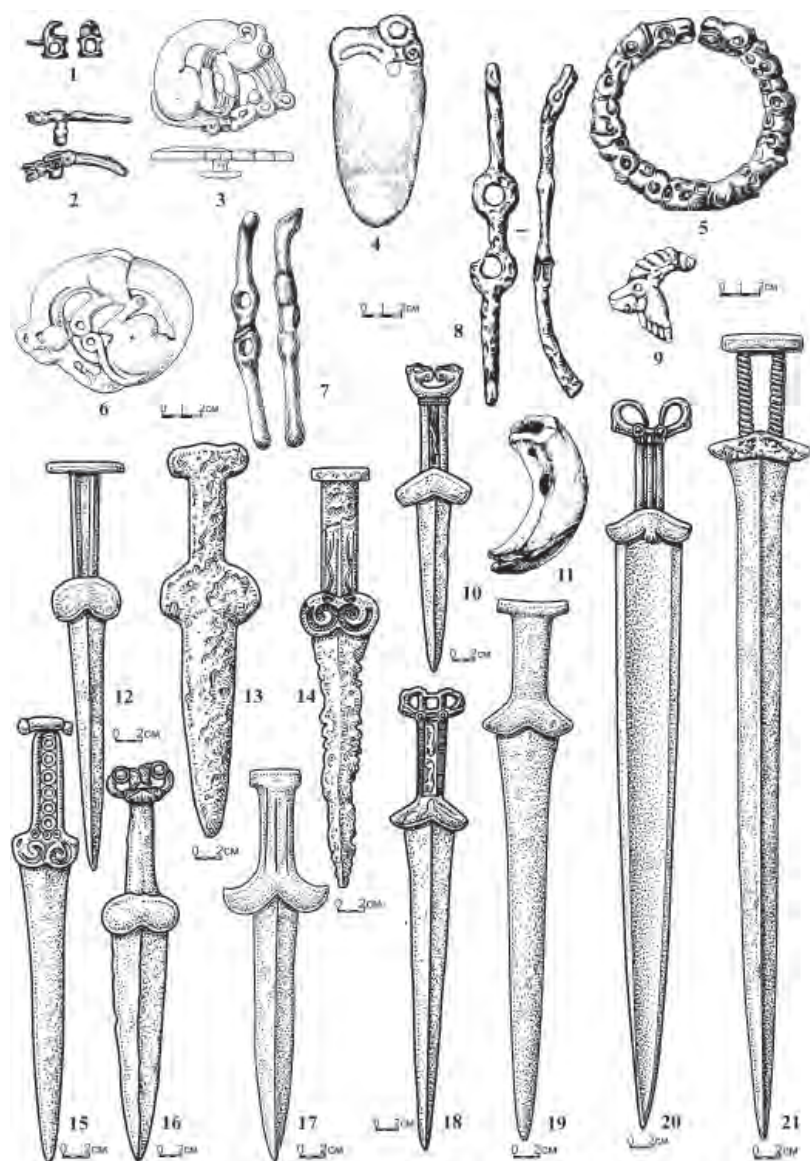

Рис. 7. Савроматская культура. Конская упряжь, мечи.

- 1 – обойма для уздечных перекрестных ремней; 2 – уздечная бляшка-подвеска;
3, 5, 6 – подпружинные застёжки; 4 – налобник; 7, 8 – псалии; 9 – уздечная бляшка;
10, 12–21 – мечи и кинжалы; 11 – уздечная подвеска из клыка кабана
(по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Мышкин, 2021).
1–4, 6, 9 – бронза; 5 – золото; 7, 8, 10, 12–21 – железо; 11 – кость

ми, наклепками, резными и прочерченными линиями. В единичных случаях орнамент на сосудах отличался сложностью и, возможно, нес какую-то символическую нагрузку. В качестве примера можно привести сосуд с орнаментом в виде спиралей и латинской буквы S или сосуд с орнаментом, выполненным прочерченными линиями, которые на отдельных участках образуют изображения птиц, в нижней части данный этот рисунок ограничен прочерченным зигзагом.

В некоторых погребениях (Березки I, курган 5; Покровка, курган 2) отмечены металлические обкладки краёв деревянных сосудов, оформленных как стилизованные изображения головы птицы или крыла. Известны находки стеклянных сосудов импортного происхождения: флакона от косметики, украшенного нитевидным орнаментом, усечённо-конической формы с уплощенным дном из кургана 5 могильника Березки I, а также сосуда синего цвета из кургана 2 у с. Покровка.

В курганах, принадлежащих племенной элите, размещали бронзовые котлы и жаровни (рис. 6: 27).

Наибольшего распространения в мужских погребениях получили бронзовые трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники стрел, встречаются также и черешковые наконечники (рис. 5: 5–50). О том, что стрелы в погребения помещали в колчанах, свидетельствуют находки колчанных крючков (рис. 5: 55–57).

В погребальном инвентаре широко представлены короткие мечи-акинаки разных типов и форм (рис. 7: 10–21). Особенно много выявлено акинаков с бабочковидным, ложнотреугольным и когтевидным перекрестием (рис. 7: 16, 18, 20). Немногочисленны мечи с брусковидным навершием и почковидным или бабочковидным перекрестьем, перекрестьем, оформленным рельефными изображениями головок грифонов или хищных птиц (рис. 7: 12, 14, 15), с серповидным навершием и сердцевидным, почковидным или же бабочковидным перекрестьем.

В погребальном инвентаре савроматской культуры многочисленны находки конской упряжи, которая представлена подпружными пряжками, петельчатыми удилами, двудырчатыми бронзовыми и железными псалиями (рис. 7: 7, 8), налобниками (рис. 7: 4), уздечными бляхами, подвесками (рис. 7: 2, 11), бляшками-обоймами для перекрестных ремней (рис. 7: 1), подпружными застёжками (рис. 7: 3, 5, 6), пронизками, ворворками (рис. 7: 54). Некоторые бляхи оформлены в зверином стиле, изображая фигуры свернувшегося хищника, другие плакированы золотой фольгой и рельефным изображением многократно повторенных голов животных или хищных птиц. Также звериным стилем украшен бронзовый псалий из погребения 3 кургана 1 могильника Березки I, который оформлен изображениями голов хищных птиц.

В женских погребениях кроме упомянутых ранее зеркал и каменных столиков встречаются различные украшения: бусы, браслеты, кольца, серьги (рис. 6: 5), височные подвески, нашивные бляшки; предметы быта: булавки, иглы, проколки (рис. 6: 10, 11), пряслица (рис. 6: 7); предметы туалета: костяные ложки (рис. 6: 12, 13), зачастую оформленные в зверином стиле, и раковины *Grifea* с красками.

Уникальными находками являются халцедоновая печать в золотой оправе с петлей для подвешивания (рис. 6: 3), клыки в золотой оправе (рис. 6: 6), нашивная бляшка из золота с изображением горного козла (рис. 6: 4), бляхи с изображением льва, как полностью, так и частично – в виде головы кошачьего хищника (рис. 6: 1, 2).

В число случайных находок, оставшихся, вероятно, от разрушенных курганов, входят предметы вооружения (мечи, наконечники стрел, биметаллический и бронзовый чеканы, железный наконечник копья и т. п.) (рис. 5: 52, 53), алтари, зеркала, детали конской упряжи, украшения.

Савроматское общество было разделено на рядовых общинников и племенную элиту, что нашло отражение в погребальном обряде. Рядовых общинников погребали под небольшими курганами с ограниченным количеством погребального инвентаря, элиту – в больших курганах с разнообразным инвентарем, который помещался в могильные ямы в значительном количестве.

Основным направлением хозяйственной деятельности савроматов было кочевничество – особый хозяйственный уклад, для которого характерно использование подвижного скотоводства, сопряженного с круглогодичным внестойловым содержанием скота на подножном корму. Отсюда вытекала сезонная мобильность скотоводов в пределах принадлежащего им пастбищного пространства.

По античным письменным источникам известно, что в IV в. до н. э. в Северном Причерноморье появился новый народ – сарматы. По мнению исследователей, основой для его формирования стали савроматы.

Этот факт подтверждается данными археологии, согласно которым первоначально сарматы (носители похоровской культуры) сформировались в Южном Приуралье и уже оттуда в конце V в. до н. э. стали проникать в степи Заволжья. Там они вступили во взаимодействие с оставшимися носителями савроматских традиций.

Прохоровская – раннесарматская культура (IV–I вв. до н. э.). Несмотря на то, что в последние годы все сильнее укрепляется мнение о непрерывности развития культуры кочевников Южного Приуралья с VI по III вв. до н. э., в археологии сохраняется выделение этапов её развития в качестве традиционных археологических культур.

В настоящее время является общепризнанным тот факт, что первоначальным районом формирования раннесарматской культуры было Южное Приуралье. В этом процессе принимало участие местное и лесостепное зауральское население, а также сакские группы Приаралья. Именно в Южном Приуралье, а точнее Южном Зауралье, отмечены самые ранние проявления раннесарматской культуры. Они характеризуются южной ориентировкой погребенных; распространением узких прямоугольных, подбойных ям с заплечиками; помещением мела и белой глины в могилы; присутствием в погребении погребальной пищи – ноги овцы с лопаткой.

Территория распространения памятников раннесарматской культуры на севере проходит по Самарской области преимущественно по левобережью Волги. Восточная граница распространения ранних сарматов достигает р. Оби, куда проникают отдельные элементы этой культуры. На юге граница достигает Западного Казахстана, северных районов Приаралья и плато Устюрт. Наибольшая концентрация раннесарматских памятников приходится на Южное Приуралье и Нижнее Поволжье. Здесь располагаются такие известные некрополи, как Мечет-Сай, Филипповка, Покровка. Западной границей раннесарматской культуры служил Нижний Дон, территории современных Калмыкии, Ставропольского края, частично Прикубанье и Предкавказье (рис. 8).

Формирование раннесарматской культуры завершилось к концу IV в. до н. э. Основным источником, характеризующим данную культуру на этом этапе, являются курганные могильники. Для раннего периода характерно сочетание в отдельных некрополях небольших и крупных курганов, высота последних составляла 6–7 м, а диаметр более 100 м. Небольшие курганы достигали высоты 1,5 м, диаметр их был от 15 до 40 м (рис. 9: 1).

Под курганными насыпями размещались могильные ямы прямоугольной формы с подбоями. Распространяются погребения в широких прямоугольных ямах, в которых умерших укладывали по диагонали (рис. 9: 2, 3). В коллективных погребениях под большими курганами устраивали дромосные ямы прямоугольной, круглой или крестовидной формы. Над дромосами из бревен воздвигали шатровые конструкции.

Известны как одиночные погребения, так и коллективные, умерших хоронили по

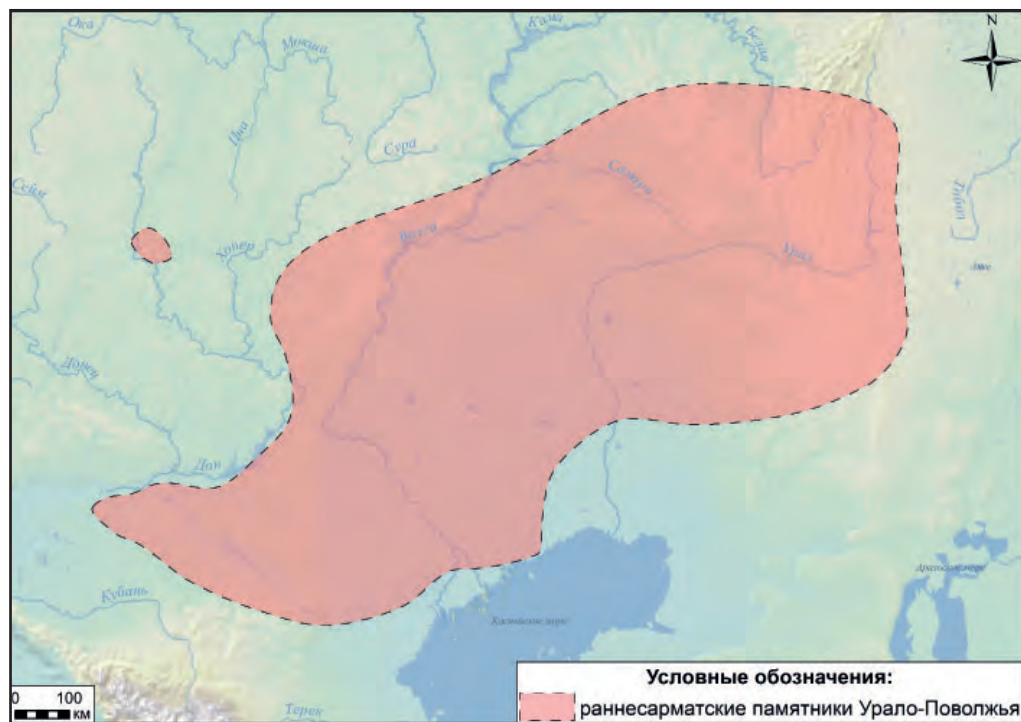

Рис. 8. Ареал раннесарматских памятников Волго-Уралья

обряду ингумации. В могильные ямы умерших размещали вытянуто на спине, головой они были ориентированы преимущественно на южный сектор.

В качестве жертвенных животных использовалась овца и лошадь, причем в больших курганах фиксируется до 20 захоронений лошадей.

В мужских погребениях широко представлены мечи т. н. переходного типа с изогнутым или сломанным под тупым углом перекрестием и слегка изогнутым навершием (рис. 9: 30, 35, 36), пережиточно встречаются мечи с бабочковидным перекрестием. Массово встречаются бронзовые втульчатые наконечники стрел, чаще всего трехлопастные (рис. 9: 9, 15–17, 22–29) и железные втульчатые наконечники копий (рис. 9: 33).

Конская упряжь представлена железными и биметаллическими двусоставными удилами (рис. 9: 13, 18–20) и псалиями, а также ворворками (рис. 9: 10, 11).

В самом известном на данный момент раннесарматском памятнике – Филипповском I могильнике – обнаружены деревянные чашеобразные сосуды, украшенные золотыми и серебряными обкладками в зверином стиле (рис. 9: 5, 6, 12, 31), а также бронзовые котлы (рис. 9: 32). Кроме того, здесь выявлено большое количество золотых предметов, таких как гривны, браслеты, нашивные бляшки, украшенное золотом клинковое оружие (рис. 9: 36), конская упряжь, предметы импорта (рис. 9: 21).

В женских погребениях встречались разнообразные украшения: височные подвески; бусы, изготовленные из стекла, сердолика, агата, горного хрусталя, а также зеркала (рис. 9: 4, 8).

В погребальном инвентаре как мужчин, так и женщин часты находки лепной круглодонной керамики и плоскодонной керамики с примесями талька в глиняном тесте.

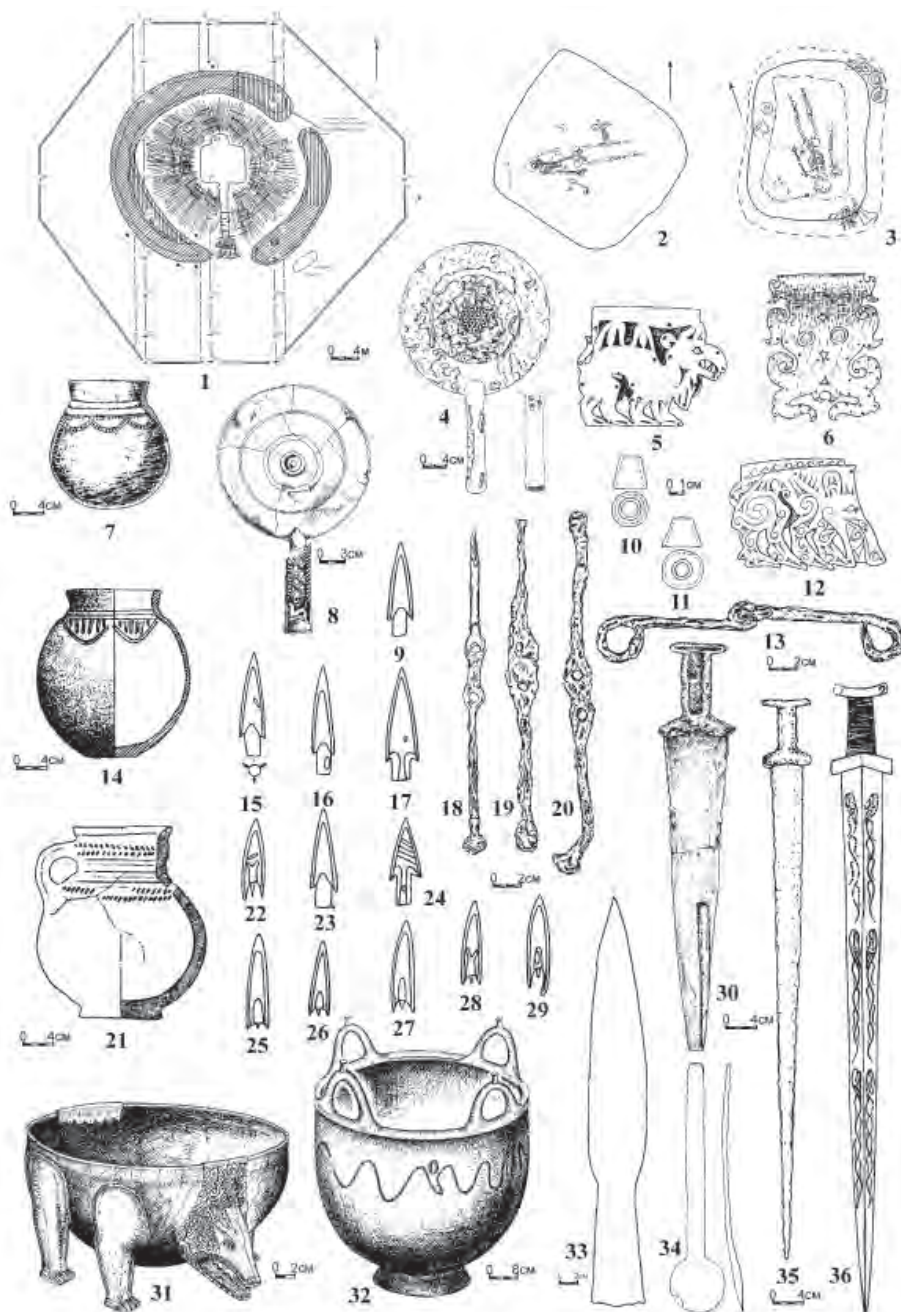

Рис. 9. Раннесарматские погребальные комплексы и инвентарь IV в. до н.э.
 1 – Филипповка, курган 6; 2 – Орск, курган 3; 3 – Высочино, курган 13 погр. 3;
 4, 8 – зеркала; 5, 6, 12 – оковки деревянных сосудов; 7, 14, 21 – керамика;
 9, 15–17, 22–29 – наконечники стрел; 10, 11 – ворворки; 13 – удила; 18–20 – псалии;
 30, 35, 36 – мечи и кинжалы; 31 – чаша; 32 – котёл; 33 – наконечник копья; 34 – ритуальная ложка (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Скрипкин, 2021).
 4, 8, 9–11, 15–17, 22–29, 32 – бронза; 5, 6, 12 – золото; 7, 14, 21 – глина;
 13, 18–20, 30, 33, 35, 36 – железо; 31 – дерево и золото; 34 – кость

В верхней части сосуда размещался несложный орнамент в виде нарезных горизонтальных линий, зигзага, сетки (рис. 9: 7, 14).

На рубеже IV/III вв. до н. э. происходят изменения погребального обряда (рис. 10: 1). Уходят в прошлое погребения с дромосами и диагональные погребения в широких ямах. Распространяются захоронения в простых ямах прямоугольной формы и в погребениях с подбоями (рис. 10: 2). В меньшей степени использовались ямы с заплечиками и катакомбы, вырытые в торцовых стенках входных ям. Ориентировка погребенных в этот период была преимущественно на южный сектор. Распространилась традиция размещения нескольких захоронений под одной курганной насыпью, исчезают большие курганы с богатыми погребениями.

В погребальном инвентаре мужских погребений ведущее место занимают мечи и кинжалы с прямым перекрестием и серповидным навершием (рис. 10: 4–7), а также бронзовые втульчатые и железные трехлопастные черешковые или втульчатые наконечники стрел (рис. 10: 8–12, 15–17).

Исчезает круглодонная керамика, место которой занимают лепные плоскодонные горшки и кувшины, орнаментированные вертикальными прочерченными линиями, много и неорнаментированной керамики (рис. 10: 14, 18). Распространяется и импортная посуда из драгоценных металлов (рис. 10: 13).

Многочисленны находки бронзовых зеркал с валиком по краю диска и штырем для рукояти (рис. 10: 19, 20).

Во II–I вв. до н. э. погребальный обряд ранних сарматов на большей части ареала культуры остаётся неизменным, но отдельные территории демонстрируют некоторое своеобразие. Так, на Нижнем Дону и в бассейне Иловли распространяется ориентировка умерших головой на северный сектор и захоронения в деревянных колодах.

В мужских погребениях появляются мечи новых типов: длинные с ромбическим железным или бронзовым коротким перекрестьем и длинным штырем рукояти, а также мечи и кинжалы с прямым перекрестьем и кольцевым навершием (рис. 10: 34–37).

Распространяются бронзовые поясные ажурные пряжки, наиболее типичным изображением, представленным на них, были заключенные в рамку лежащие верблюды или сцены терзания верблюда кошачьим хищником (рис. 10: 23–26, 28–30). В костюмном комплексе появляются фибулы – вид булавок с замком (рис. 10: 21, 22).

Керамика, как и ранее, встречалась как в мужских, так и женских погребениях и представляла собой плоскодонные слабо орнаментированные сосуды (рис. 10: 27, 31, 33). По-прежнему распространены бронзовые котлы с раструбовидным поддоном (рис. 10: 32).

Сарматы, так же как и савроматы, были кочевниками, которые совершали длительные перекочёвки от летних пастбищ к зимним. Отдельные группы ранних сарматов могли осуществлять сезонные перекочевки от Северного Прикаспия до территории современной Самарской области.

Социальная дифференциация у ранних сарматов наблюдается начиная с IV в. до н. э. Племенная аристократия хоронила своих умерших под большими курганными насыпями со сложными погребальными конструкциями. Погребения сопровождал обильный погребальный инвентарь, который включал дорогие, статусные и импортные предметы. В то же время исследованы многочисленные курганы с небогатым погребальным инвентарем. В III в. до н. э. раннесарматское общество становится более эгалитарным, погребальный обряд унифицируется, такое состояние общества сохраняется вплоть до I в. до н. э.

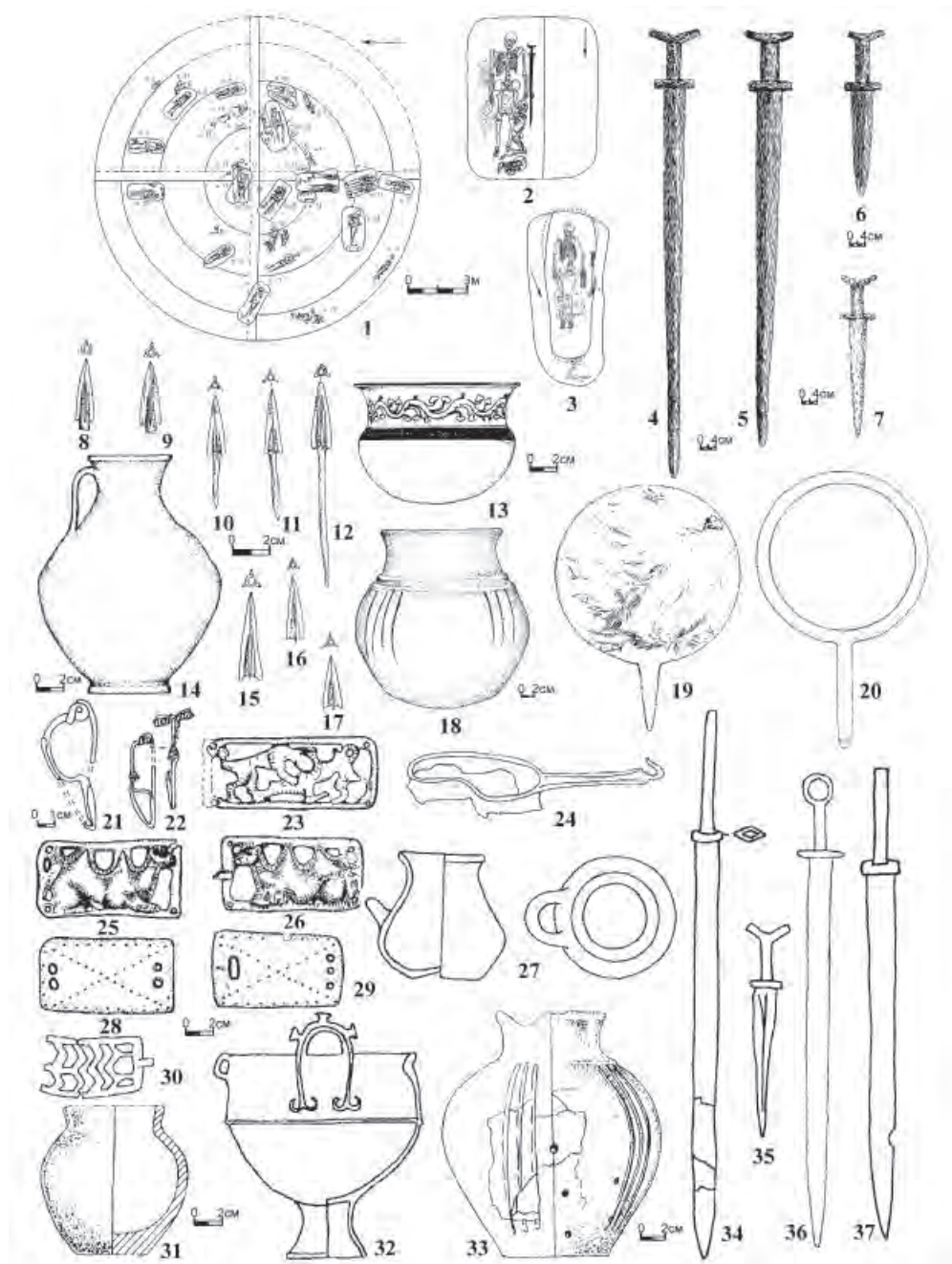

Рис. 10. Раннесарматские погребальные комплексы и инвентарь III–II в. до н.э.
 1–20 – комплексы III в. до н.э. 1 – Старые Киишки, курган 18; 2 – Венгеловка, курган 2, погр. 8; 3 – Прохоровка, кург. «б», погр. 4; 4–7 – мечи; 8–12, 15–17 – наконечники стрел; 13, 14, 18 – керамика; 19, 20 – зеркала (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Скрипкин, 2021). 21–37 – комплексы II в. до н.э.; 21, 22 – фибулы; 23–30 – поясные пряжки; 24 – ковш; 27, 31, 33 – керамика; 32 – котёл; 34–37 – мечи и кинжалы (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Скрипкин, 2021). 4–7, 12, 34–37 – железо; 8–11, 15–17, 19–26, 30, 32 – бронза; 13 – серебро; 14, 18, 27, 31, 33 – глина; 28, 29 – гагат

Исследователи идентифицируют ранних сарматов как известных по историческим источникам даев (дахов), племенной союз которых занимал территории Южного Приуралья и Поволжья и активно участвовал в войнах против персов, за персов против Александра Македонского, а впоследствии в составе армии Македонского в его завоевании Средней Азии и в индийском походе. По античным письменным источникам известно о том, что сарматские войска в качестве наемников привлекались Митридатом в борьбе против Рима.

Начавшаяся во II–I вв. до н. э. миграция кочевников из пограничных с Китаем областей привела к изменению материальной культуры ранних сарматов и формированию новой среднесарматской культуры.

Культуры лесной и лесостепной зоны

Городецкая культура (VIII–III/I вв. до н. э.). Происхождение её до настоящего времени носит дискуссионный характер. Согласно одной из последних гипотез, формирование городецкой культуры обусловлено синтезом двух культур носителей традиций изготовления круглодонной текстильной керамики и бондарихинской плодородной тычковой посуды.

Памятники городецкой культуры распространяются по лесостепи и границе леса: она охватывает Среднее и Нижнее Поочье до устья Оки, Посурье и вниз по Волге от Самарской Луки до границы современных Саратовской и Волгоградской областей. На западе культура занимает территории в левой части бассейна Дона, южнее Воронежа, и далее вверх по Дону до его истоков (рис. 11).

Основным источником изучения городецкой культуры являются поселения неукрепленные (селища) и укрепленные (городища) (рис. 12: 1–3). Известно несколько вариантов их размещения: 1) в пойме, 2) на первой надпойменной террасе, 3) на коренном берегу или второй надпойменной террасе. Селища в основном располагались в пойме и на первой надпойменной террасе, городища – на коренном берегу.

Селища городецкой культуры изучены слабо и раскапывались по большей части случайно при исследовании многослойных памятников, поэтому специально на них мы останавливаться не будем.

Часто возведению городища предшествовал долгий период его существования в качестве неукрепленного поселения. Укрепления возводились на мысах рек и балок, в местах сужения мысовой площадки, валы и рвы располагаются поперек гребней и защищают городища с наиболее пологих склонов. Некоторые насыпи были укреплены камнями, поверх них возводились укрепления, выполненные с помощью плетня или дерева. В дальнейшем насыпались дополнительные валы, иногда с внутренней стороны от существующих укреплений. Простая система укреплений, состоящая из вала и рва, характерна для первой половины I тыс. до н. э., позднее возникла необходимость в более сложных фортификациях.

Специфическим элементом городищ городецкой культуры были сооружения в виде длинных домов, расположенных по периметру, которые сочетали оборонительное и бытовое назначение, так называемые «жилые стены». Они возводились сразу после начала строительства городища, и лишь потом начиналось сооружение насыпи вала и рва.

Постройки на территории городищ могли размещаться по ее периметру, в два ряда поперек городищенской площадки, или группироваться в одном из углов поселения.

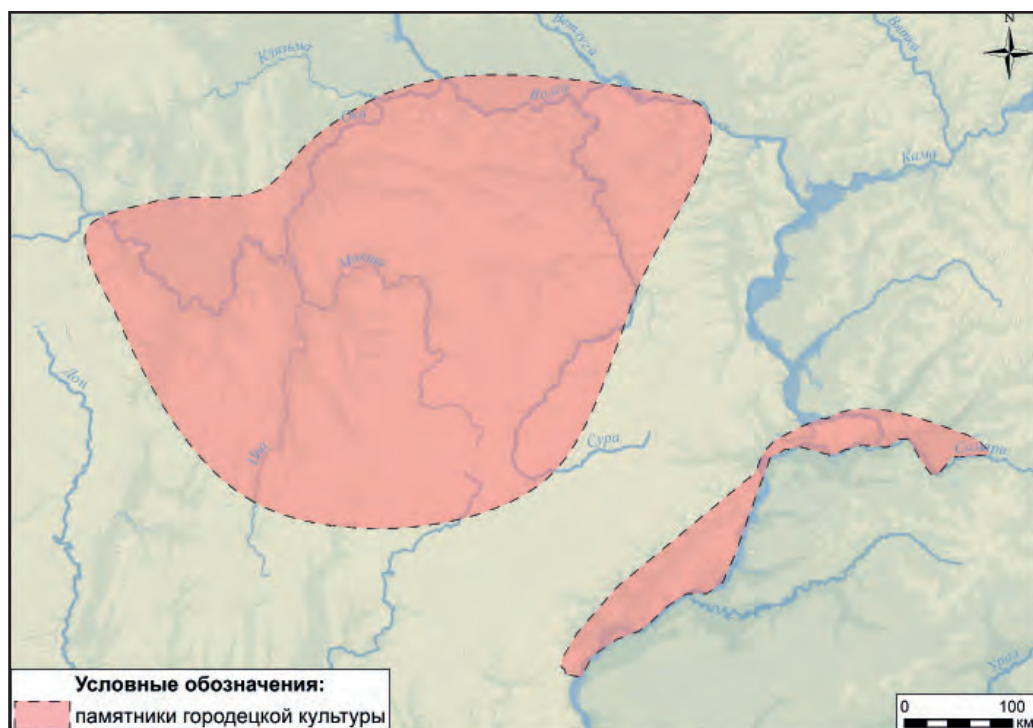

Рис. 11. Ареал городецкой культуры

Постройки городецкой культуры прямоугольной и овальной формы относятся к наземным сооружениям с углубленным полом, полуземлянкам и землянкам, размеры их были небольшими по площади 8–34 кв. м (рис. 12: 4). Каждая постройка имела несколько очагов, обложенных камнями или обмазанных глиной. Вне построек отмечены хозяйственные ямы.

Наземные сооружения реконструируются как каркасно-столбовые или срубные, вероятно навесы, шалаши или наземные дома.

В свою очередь, существующие реконструкции воспроизводят городецкие полуземлянки и землянки как каркасно-столбовые или срубные сооружения со стенами из дерева или плетня, с односкатной крышей из толстых колотых досок или плах, сверху засыпавшихся землей.

Зафиксированы жилые постройки, культовые и производственные. Жилые постройки определяются по наличию очагов, остатков костей животных, фрагментов керамики и других находок. Культовые сооружения имели вид ям-зольников или колодцев, заполненных золой, углем, керамикой, кальцинированными костями, и сопровождалась большим количеством столбовых ямок. Производственная постройка зафиксирована на Теньгушевском городище. Это была металлообрабатывающая и косторезная мастерская, размещавшаяся в землянке. Внутри помещения располагался глинобитный очаг, рядом с которым производились работы. У очага были выявлены куски шлака, железные крицы, льячки и тигли. Здесь же происходила обработка кости, о чем свидетельствуют кости и куски рога со следами обработки, а также готовые изделия: наконечники стрел (рис. 12: 6–14, 17–23), иглы, шилья, проколки (рис. 12: 15), дротики, кочедык, мотыги (?) (рис. 12: 16) и заготовки орудий.

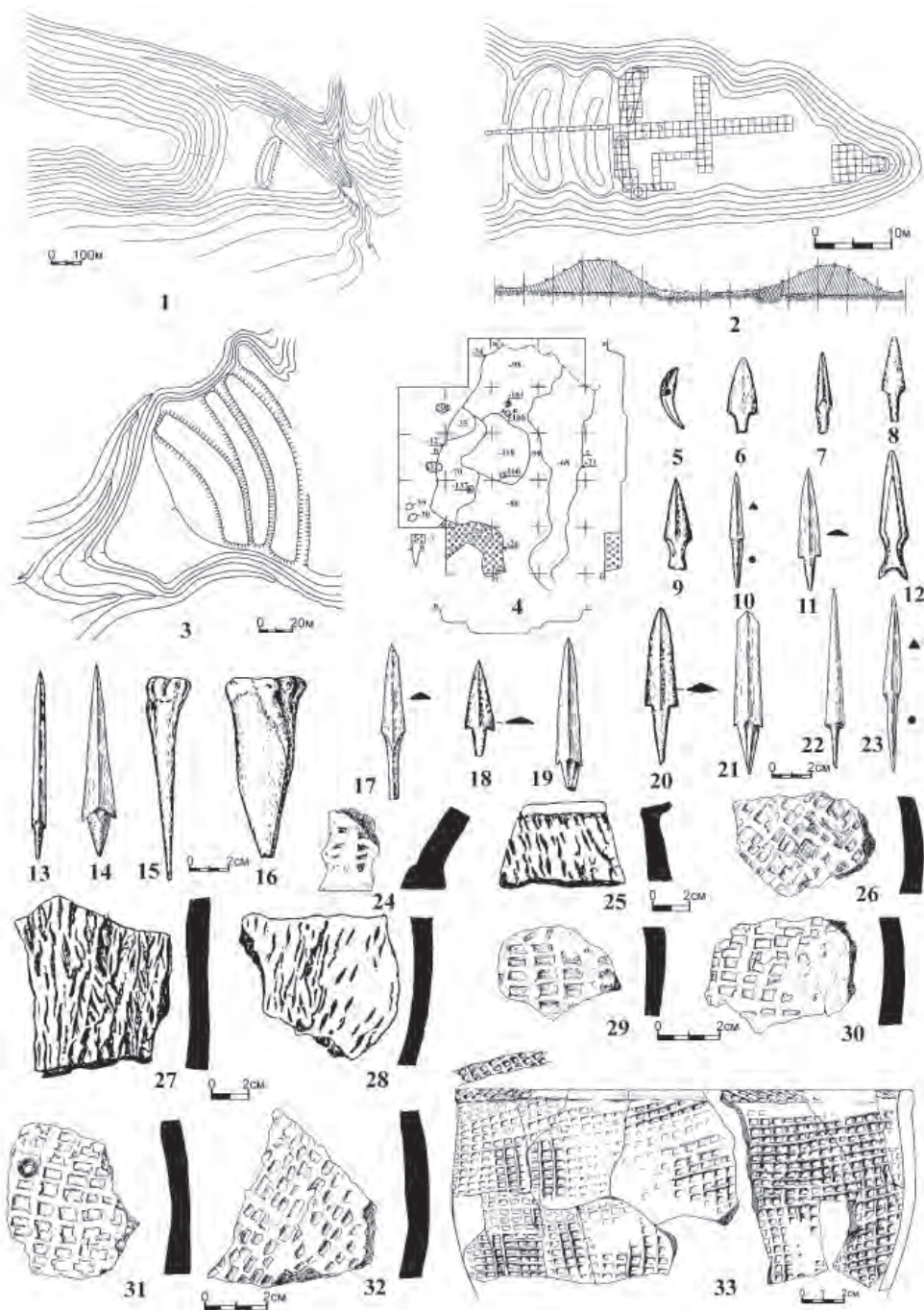

Рис. 12. Городища и поселенческий инвентарь городецкой культуры.

- 1 – Паевское городище; 2 – Пургасово городище план и разрез вала; 3 – Каргашинское городище; 4 – жилище Тенгушевского городища; 5 – амулет из клыка хищного животного; 6–14, 17–23 – наконечники стрел; 15 – проколка; 16 – мотыга(?); 24–33 – керамика (1–23 – по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Ставицкий, 2021; 24–33 – по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Волкова, 2021). 5–23 – кость; 24–33 – глина

Глиняная посуда городецкой культуры плоскодонная, с примесью дресвы или шамота, часто в керамике присутствует мелкая примесь слюды (рис. 12: 14–33). Изредка встречаются примеси песка, кровавика – гематита (железной руды красного цвета), известняка и органики. Керамика подразделяется на горшки, банки, крышки, миски и чаши. По способу обработки или украшения поверхности она подразделяется на рогожную, сетчатую (текстильную) и гладкостенную. В свою очередь, по форме ячеек рогожные отпечатки подразделяются на квадратные и прямоугольные.

Орнамент на рогожной керамике располагался на венчике, для украшения использовались пальцевые вдавления, насечки, рогожка и вдавления по обрезу венчика. Для сетчатой (текстильной) керамики характерно нанесение орнамента на тулово сосуда (пальцевыми вдавлениями или защипами, прочерченными вертикальными и горизонтальными линиями, ямками по шейке, иногда по тулову), венчики украшены пальцевыми защипами и насечками.

Изделия из глины представлены пряслицами, которые подразделяются на вылепленные (уплощенно-цилиндрические, цилиндрические, округлые, катушковидные, горшковидные и др.) и выточенные из стенок сосудов. Кроме того, из глины изготовлены абразивы из стенок сосудов, грузила (усеченно-пирамидальные и др.), льячки в виде ложек и одна овально-приплюснутая бусина.

Каменный инвентарь представлен тёрочниками, пестами, терочными плитами, молотами, точильными камнями, пряслицами (плоскими и цилиндрическими).

Из кости и рога изготовлены проколки, наконечники стрел, тупики, челноки, наконечники гарпунов, кочедыки, иглы и шилья, наконечники копий и дротиков, двухдырчатые псалии, пряжки.

Изделия из бронзы и железа малочисленны. Бронзовые предметы представлены трехлопастными втульчатыми наконечниками стрел и украшением в виде проволочного височного кольца. Железные – втульчатыми трехлопастными и двухлопастными наконечниками стрел, а также ножами с горбатой спинкой, шильями, серпами, мотыжкой и топором.

Предметы культа изготовлены из глины и кости. Из глины выполнены глиняные лепешки (иногда орнаментированные точками), шарики и полусферы, фрагменты антропоморфных фигурок и изделий округлых форм с намеченным отверстием, миниатюрные сосуды, колокольчик, «рогатые» кирпичи. К культовым предметам относят бабку из таранной кости с орнаментом в виде косых перекрещивающихся насечек и клык с пропилом (рис. 12: 5).

Хозяйство городецкой культуры базировалось на скотоводстве и рыболовстве. Земледелие и охота были вспомогательными отраслями хозяйства.

Скотоводство имело мясо-молочное направление, в составе стада преобладали лошади и крупный рогатый скот, далее следуют свиньи, и на последнем месте – мелкий рогатый скот. Выпас скота в летнее время был свободным, и лишь на зиму животных загоняли в стойла.

Земледелие диагностируется находками фрагментов железных серпов и зерен культурных растений – пшеницы, ржи (?), ячменя, проса, чечевицы. Этот набор культурных растений характерен для скифов, поэтому существует предположение о заимствовании земледелия у скифских племен. Предполагается, что земледелие у носителей городецкой культуры было подсечным.

Найденные на поселениях глиняные сопла, железные шлаки и керамика с прилипшими к ней шлаками и натеками железа свидетельствуют о самостоятельной об-

работке железа носителями городецкой культуры. О производстве изделий из цветных металлов говорят находки тиглей и льячек.

Отсутствие могильников городецкой культуры не позволяет в полной мере определить социальную составляющую городецкой культуры, поэтому этот вопрос пока остается дискуссионным.

Финал существования городецкой культуры в южной части ареала распространения исследователи объясняют продвижением сарматских племен в Северное Причерноморье через городецкую территорию. В результате в III в. до н. э. носители городецкой культуры были вынуждены уйти из Самарского Поволжья и Подонья в северную часть своего ареала. Здесь памятники городецкой культуры существуют до I в. н. э. и заканчивают существование с приходом носителей культуры памятников писеральско-андреевского типа. Последующие судьбы населения городецкой культуры традиционно связывают с финно-угорскими народами Поволжья.

Ананьинская культурно-историческая область (ананьинский мир) включает четыре культуры: акозинско-ахмыловскую, постмаклашеевскую, ананьинскую классическую и вятско-ветлужскую.

Понятия «культурно-историческая» или «археологическая общность», которые используются для обозначения культур объединенных общностью происхождения, не могут быть применимы для культур ананьинского мира. По своему культурному облику, происхождению и, вероятно, этнической принадлежности культуры, входящие в состав ананьинского межплеменного объединения, были различны: постмаклашеевская культура явилась прямым продолжением волго-камской маклашеевской; симбиозом «текстильных» и маклашеевских древностей стала акозинско-ахмыловская культура; ананьинская классическая культура сложилась на основе архаичного среднекамского варианта маклашеевской культуры; истоки вятско-ветлужской культуры восходят к лебяжской культуре, происходящей из территории в бассейнах рек Печоры и Вычегды. Все это заставляет нас рассматривать данные культуры в рамках ананьинской культурно-исторической области, которая является объединением археологических культур, не связанных общностью происхождения.

Акозинско-ахмыловская культура ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (IX–VI/V вв. до н. э.) названа по двум крупнейшим в Среднем Поволжье могильникам – Акозинскому и Старшему Ахмыловскому.

На территорию Среднего Поволжья носители традиции изготовления текстильной керамики начали проникать еще в начале позднего бронзового века. Здесь они столкнулись с местными племенами, с которыми вступили во взаимодействие, вероятно мирное. К концу позднего бронзового века в результате взаимоассимиляции образовалась особая археологическая культура, сочетающая традиции текстильного и ананьинского миров.

Территория акозинско-ахмыловской культуры АКИО располагается в Среднем Поволжье между реками Сурой и Казанкой, частично захватывая Приустьевое Прикамье. В Верхнем Поволжье, на территории Ярославской, Ивановской и Нижегородской областей, акозинско-ахмыловские памятники малочисленны. Значительно больше их отмечено на Ветлуге, Унже и в Костромском Поволжье. На северо-западе граница акозинско-ахмыловской культуры проходит по Тверскому Поволжью, на севере доходит до Вологодской области (рис. 13).

Поселения акозинско-ахмыловской культуры подразделяются на укрепленные и неукрепленные. К укрепленным относят поселения, защищенные валом и рвом

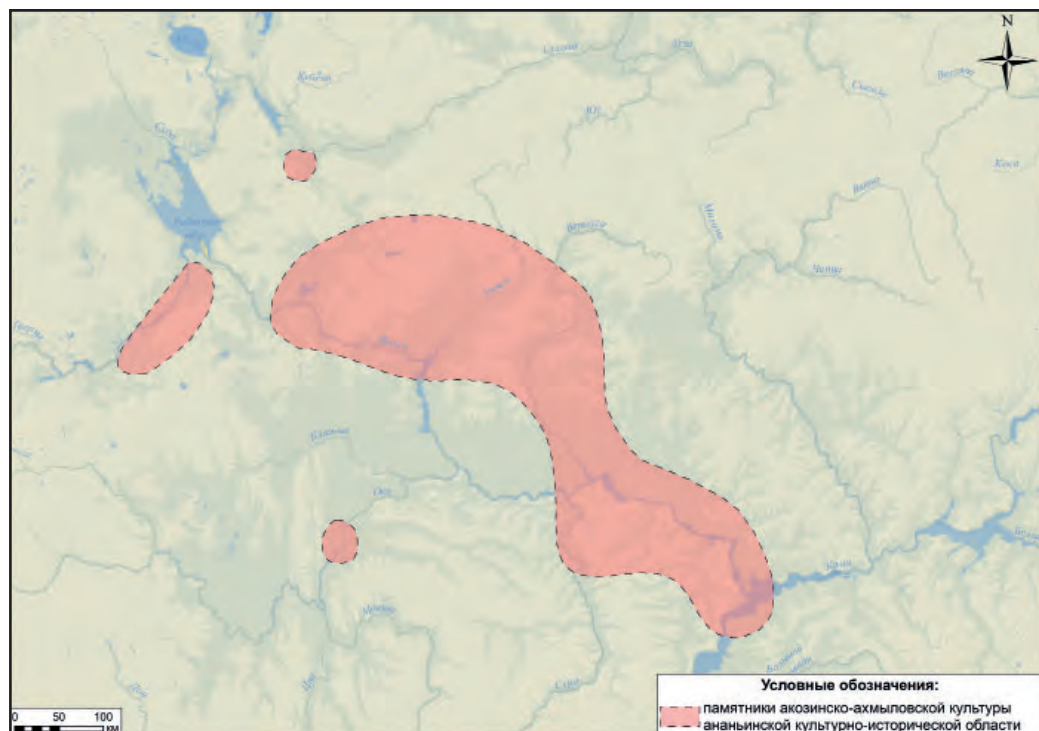

Рис. 13. Ареал аkozинско-ахмыловской культуры
ананьинской культурно-исторической области

(рис. 14: 1–3). Все они размещались на мысах береговых террасах рек. В большинстве случаев они располагались по одному, но иногда на соседних мысах строились два городища: одно маленькое, а другое большое.

Неукрепленные поселения располагались в поймах рек, на не затопляемых по- лодьем пойменных террасах и коренных мысах. Они подразделяются на времен- ные – охотничьи стоянки – и постоянные – селища.

Постройки на поселениях располагались по одной линии, как вдоль мыса, так и поперек его. Жилища аkozинско-ахмыловской культуры были наземными со слабо углубленным земляным полом, посыпанным песком (рис. 14: 4). Они были прямоу- гольной формы, срубной конструкции и имели двускатную или односкатную крышу из бревен, обмазанных глиной. Внутри жилых построек параллельно стенам на грун- те располагались очаги от одного до семи.

Керамика аkozинско-ахмыловской культуры круглодонная, с примесями песка в глиняном тесте, однако встречаются сосуды с примесями раковины и песка и рако- вины одновременно (рис. 14: 22–34). Сосуды подразделяются на две группы: горшко- видные и чашевидные. Большая часть керамики покрыта текстильными отпеча- тками, занимающими орнаментальное поле сосуда целиком или частично, образуя фон, на котором возможно размещение дополнительных элементов орнамента. Поверх тек- стильных отпечатков наносился орнамент, характерный для АКЮ; чаще всего это были ряды ямочных вдавлений, покрывающих весь сосуд от среза венчика до при- донной части, или же один ряд ямок по шейке. По срезу венчика наносились косые ногтевые насечки или гребенчатые вдавления. Часто ямки сочетались с зубчатым

Рис. 14. Городища и поселенческий инвентарь акинско-ахмыловской культуры АКИО.
 1 – Васильсурское II городище; 2 – Ардинское городище; 3 – разрез вала Васильсурского II городища; 4 – жилище городища Казанка I; 5 – трехчастная накладка; 6 – пронизка; 7, 18 – проколка; 8 – «восьмерковидная» бляха; 9, 10 – наконечники стрел; 11 – многофункциональное орудие для резьбы по дереву; 12 – скребок; 13, 14 – заготовки наконечников стрел; 15 – нож; 16, 17 – пряслица; 19 – долото; 20 – медвежий клык; 21 – лопатка-тупик; 22–34 – керамика; 35 – литейная форма (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Чижевский, Кузьминых, Патрушев, 2021). Масштаб разный.
 5, 6, 8 – медь и бронза; 7, 15 – железо; 9, 10, 18–21 – кость;
 11–14 – кремнь; 16, 17, 22–34 – глина; 35 – известняк

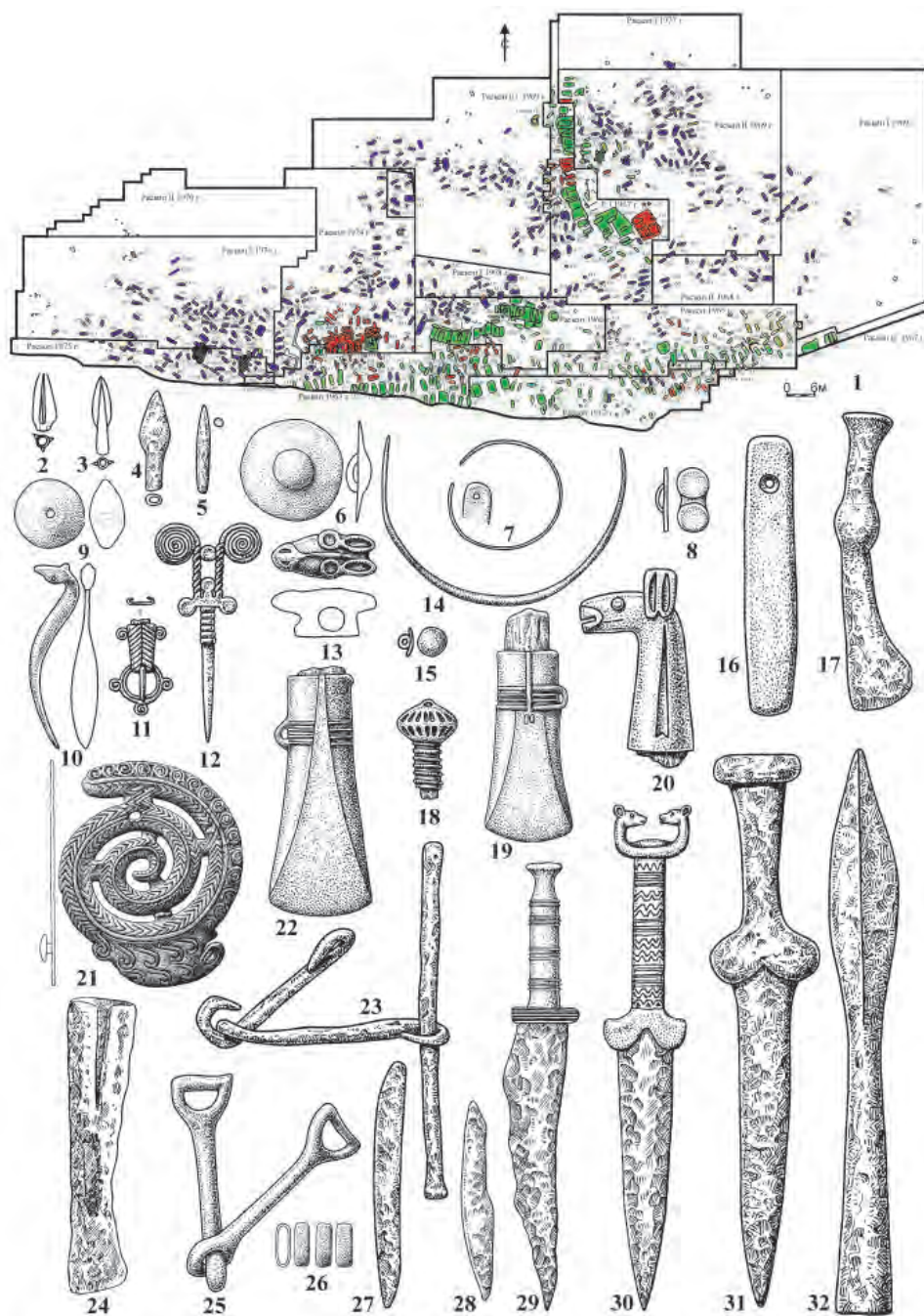

Рис. 15. Могильники и погребальный инвентарь аkozинско-ахмыловской культуры АКИО.
 1 – Старший Ахмыловский могильник, план: а – погребения аkozинско-ахмыловской культуры (синий цвет); б – погребения постмаклашевской культуры (зеленый цвет); в – погребения вятско-ветлужской культуры (красный цвет).
 2–5 наконечники стрел; 6 – бляха; 7 – височное кольцо; 8 – «восьмёрковидная» бляшка; 9 – пряслице; 10 – кочедык; 11, 26 – поясная гарнитура; 12 – булава; 13 – обойма для уздечных перекрестных ремней; 14 – гривна; 15 – бляшка; 16 – оселок; 17 – секира;

штампом и шнуром. Шнуровые отпечатки объединялись в две-три горизонтальных линии, иногда на сосудах присутствует волна, также выполненная шнуром. Зубчатый штамп образовывал горизонтальный зигзаг и ряды наклонных и прямых отпечатков. Распространены гребенчато-шнуровые композиции, в которых сочетаются линии горизонтального шнура и выполненные гребенчатым штампом ряды зигзагов, наклонных и прямых линий штампа; в ряде случаев они комбинировались с ямочными вдавлениями.

Каменный инвентарь представлен заготовками орудий, скребками, ножами-ложкарями, долотами, стамесками, оселками, черешковыми наконечниками стрел с треугольным пером, единично представлен каменный топор-молот с боковыми цапфами (рис. 14: 11–14).

Изделия из глины немногочисленны; в их числе лишь тигли и пряслица (рис. 14: 16, 17).

Судя по находкам литейных форм для отливки бронзовых аказинско-меларских кельтов (рис. 14: 35), они изготавливались непосредственно на поселениях. Здесь же обнаружены украшения из бронзы – пронизи, нашивные трехчастные бляхи и «восьмерковидные» бляшки с петлей на обороте (рис. 14: 5, 6, 8).

К предметам быта относятся железные ножи с горбатой спинкой и проколки (рис. 14: 7, 15). Изделия из кости и рога представлены черешковыми наконечниками стрел, фрагментом псалия с двумя отверстиями, заготовками гарпунов, проколками, лопатками-тупиками, долотами, втоками, сверлеными медвежьими клыками (рис. 14: 9, 10, 18–21).

Хозяйственная деятельность носителей аказинско-ахмыловской культуры базировалось на скотоводстве, охота и рыболовство были вспомогательными отраслями. В составе стада преобладала лошадь, второе место было у свиньи, на третьем – крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот занимал самую маленькую нишу в скотоводческой деятельности.

С данной культурой связан аказинский очаг металлообработки, в котором был выработан своеобразный набор типов орудий труда и оружия, работавший на привозном сырье из оловянных и оловянно-мышьяковых бронз.

О развитой железообработке у носителей аказинско-ахмыловской культуры свидетельствуют данные металлографических исследований.

Известно пять могильников с погребениями данной культуры и лишь на одном из них – Убеевском – содержатся исключительно аказинско-ахмыловские погребения, на остальных хоронили умерших и других культур АКИО – постмаклашеевской и вятско-ветлужской.

Некрополи размещались на пойменных террасах Волги и её притоков. Все аказинско-ахмыловские погребения грунтовые, на территории поликультурных некрополей они размещались скоплениями без выраженной рядности и концентрировались отдельно от могил других культур АКИО (рис. 15: 1).

Погребения подразделяются на простые могильные ямы и деревянные гробницы. Следует уточнить, что деревянные гробницы – это погребальные сооружения с дере-

18, 20 – навершие; 19, 22 – кельты; 21 – умбон щита; 23, 25 – удила; 24 – пешня;
27, 28 – ножи; 29–31 – кинжалы; 32 – наконечник копья (по: Археология Волго-Уралья.
Т. III / Чижевский, Кузьминых, Патрушев, 2021). Масштаб разный.
2, 3, 6–8, 13–15, 18, 21, 22, 25, 26, 31, 32 – медь и бронза; 4, 5, 17, 23, 24, 27, 28 – железо;
9 – глина; 12, 29, 30 – бронза и железо; 16 – камень; 19, 20 – бронза и дерево

вянными конструкциями, которые располагаются полностью под землей.

В погребениях зафиксированы как мужские, так и женские костяки. Подавляющее большинство погребений аказинско-ахмыловской культуры совершены по обряду ингумации, но в пяти случаях отмечена кремация. Известны частичные погребения голов человека.

Большая часть захоронений – одиночные, парные встречаются редко, коллективные погребения единичны. Умерших помещали в вытянутом положении на деревянный настил, установленный на дно могильной ямы. Головой погребенные были ориентированы в основном на западный сектор.

Ограниченное количество антропологических определений не позволяет проследить распределение инвентаря по половому признаку. Можно предположить, что предметы вооружения и инструменты помещались в мужские погребения, а головные уборы и предметы, связанные с ткачеством и шитьем, – в женские.

В погребениях преобладают находки однолезвийных железных ножей, глиняных и бронзовых пряслиц, проколов из железа и игл из бронзы (рис. 15: 5, 9, 27, 28). На третьем месте по встречаемости рубящие орудия – пешни и тесла, далее следуют оселки и кочедыки (рис. 15: 10, 16, 24).

Предметы вооружения представлены трубчатыми аказинско-меларскими кельтами, железными секирами и топорами, наконечниками копий и стрел (рис. 15: 17, 19, 22, 32). Во всех случаях бронзовые наконечники – втульчатые двух- и трехлопастные, железные двухлопастные – втульчатые и черешковые (рис. 15: 2–4).

Престижным оружием ввиду его немногочисленности, видимо, считались кинжалы железные и биметаллические (рис. 15: 29–31). Они представлены однолезвийными и двулезвийными формами, зафиксированы также стилеты. Единственная находка каменной булавы зафиксирована в погребении 3 Младшего Волосовского могильника. Редки находки щитов, которые выявлены в трех погребениях (рис. 15: 21). Отмечены также находки конской упряжи: удила, обоймы для перекрестных ремней (рис. 15: 13, 23, 25).

Многочисленны украшения: дрововые гривны (рис. 15: 14), бусы, пластинчатые височные кольца (рис. 15: 7), спиральные подвески, браслеты, крупные умбовидные бляхи (рис. 15: 6), круглые и «восьмерковидные» бляшки (рис. 15: 8, 15), кольцо из проволоки и перстень из пластины со спиральным щитком. Кроме того, в погребениях встречаются предметы поясной гарнитуры (рис. 15: 11, 26), бронзовые зеркала, стержневидные булавки (рис. 15: 12), бронзовые гребни с ажурными рукоятками, а также наперстки (рис. 15: 18, 20).

Керамика с текстильными отпечатками в аказинско-ахмыловских погребениях не зафиксирована.

По данным погребального обряда, на фоне массы простых общинников выделяется небольшая группа людей, для которых изготавливали особые погребальные сооружения и помещали в могилы большее количество вещей. Эта неравномерность свидетельствует о начале социальной стратификации аказинско-ахмыловского общества.

Исторические судьбы аказинско-ахмыловской культуры связаны с взаимодействием с носителями постмаклашеевской культуры АКИО. К концу VI до н. э. ассимиляция аказинско-ахмыловских общин завершилась заимствованием ими постмаклашеевских традиций изготовления керамики. На основе этого взаимодействия складывается новое население Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, ко-

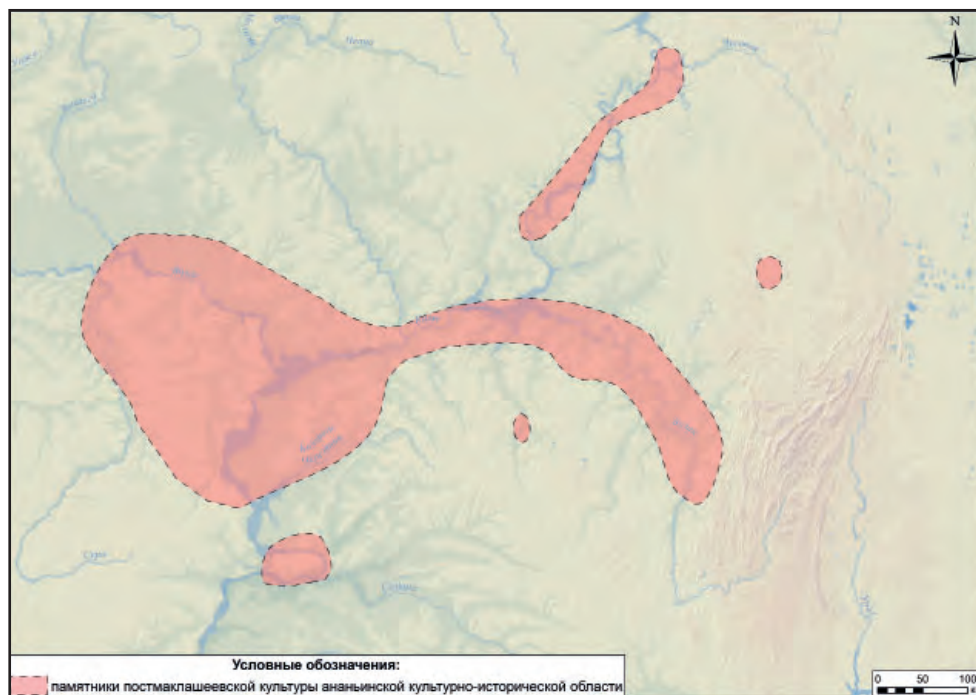

Рис. 16. Ареал постмаклашеевской культуры ананьинской культурно-исторической области

торое обитало здесь в поздний период АКИО – оно отождествляется с постмаклашеевской культурой на поздних этапах ее развития.

Постмаклашеевская культура АКИО (IX–III вв. до н. э.). Формирование её происходило на рубеже бронзового и раннего железного веков на основе маклашеевской культуры финала бронзового века.

Ареал культуры располагается в Среднем Поволжье от рр. Казанки и Свияги до Самарской Луки и в Нижнем Прикамье от устья Камы до р. Вятки в Предкамье, а в Закамье – от устья Камы до р. Белой. В бассейне Белой памятники постмаклашеевской культуры распространялись от устья до её среднего течения (рис. 16).

Поселения (городища и селища) размещались по берегам крупных рек и их притоков. Городища занимали высокие мысы; с фронтальной стороны их защищали ров и один или два вала (рис. 17: 1, 2). Как правило, городища располагались по одному, но в ряде случаев – парами, причём одно городище по площади было больше другого.

Неукрепленные поселения располагались за валами городищ или отдельно от городищ на коренных террасах и в поймах рек. Раскопки поселений позволили установить их отличия: это временные – стоянки и стационарные – селища. Временные поселения имели незначительный культурный слой, жилые постройки на них отсутствовали. Изучение состава костей животных позволило установить охотничью специализацию стоянок. Исследование стационарных поселений показало наличие на них мощного культурного слоя, жилых и хозяйственных построек.

Жилые постройки постмаклашеевской культуры представляли собой наземные дома подпрямоугольной или подквадратной в плане формы с углубленным полом

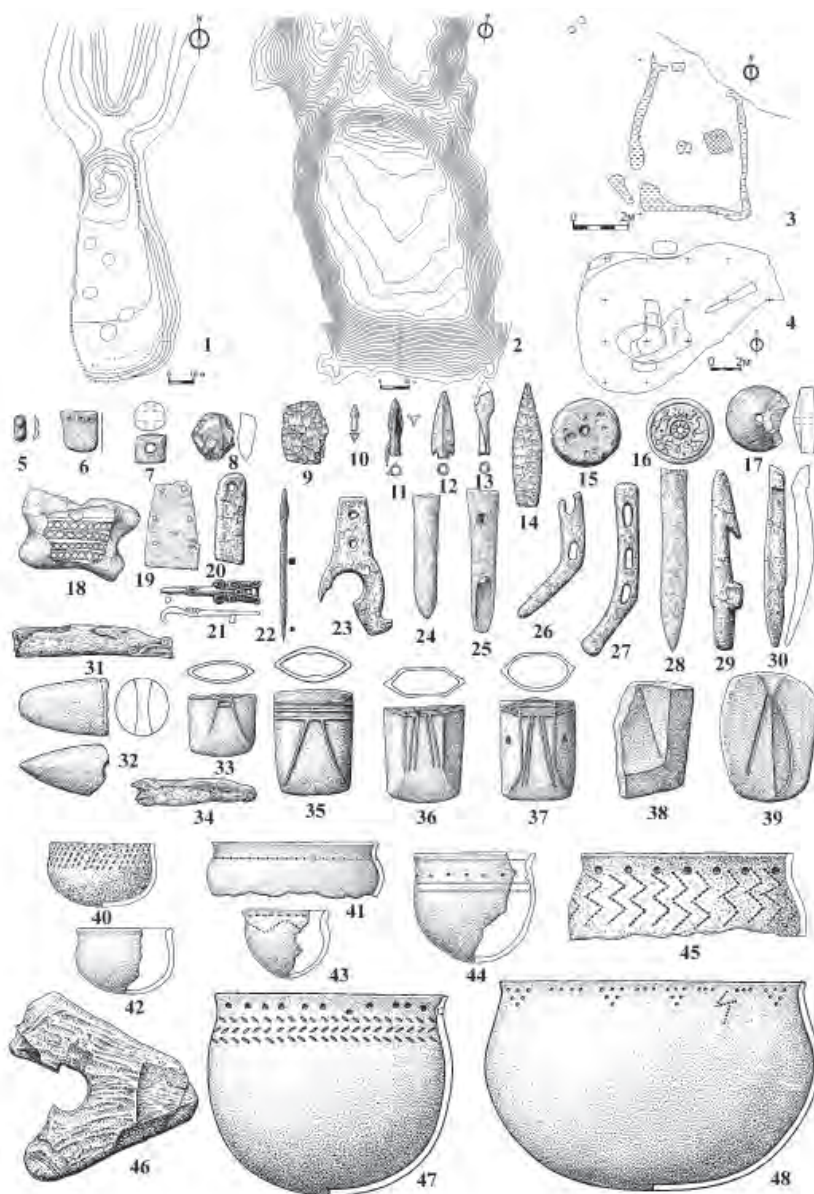

Рис. 17. Городища и поселенческий инвентарь постмаклашеевской культуры АКЮ.
 1 – Маклашеевское II городище; 2 – Троицко-Урайское I городище; 3 – Маклашеевское II городище, сооружение 1, 2014 г.; 4 – Сорочьегогорское городище, сооружение 1, 2007 г.;
 5 – накладка с парными выпуклинами; 6, 19 – накладки; 7 – обойма для уздечных перекрестных ремней; 8 – скребок; 9 – кресальный камень; 10–14 – наконечники стрел;
 15–17 – пряслица; 18 – таранная кость лося с орнаментом; 20 – оселок; 21 – поясной крючок; 22 – проколка; 23 – лопатка-тупик; 24, 28 – острие; 25 – вток; 26, 27 – палии;
 29 – гарпун; 30 – кочедык; 31, 34 – ручки от ножа; 32 – фрагмент топора; 33, 35–37 – кельты; 38, 39 – литейные формы; 40–45, 47, 48 – керамика; 46 – мотыгообразное орудие (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Чижевский, Волкова, 2021). Масштаб разный.
 5, 6, 10, 11, 19, 21, 33–37 – бронза; 7, 12, 18, 23–31, 34, 46 – кость и рог; 8, 9, 14 – кремень; 15–17, 20, 32 – камень; 13, 22 – железо; 38, 39 – песчаник; 40–45, 47, 48 – глина

(рис. 17: 3, 4). Они имели каркасные стены, но отмечены также постройки в виде срубов. Внутри жилища отапливались очагами кострового типа, в редких случаях отрывалась специальная яма, дополнительно укрепленная глиняной обмазкой. Внутри производственных сооружений располагались ямы с золой и углями, а также фрагменты тиглей и сплески цветного металла, что свидетельствует об использовании их в качестве бронзолитейных мастерских. Вне построек располагались ямы хозяйственного назначения и столбовые конструкции, которые интерпретируются как лабазы.

Массовыми находками на поселениях были фрагменты керамики с примесью раковины в глиняном тесте. Наиболее распространенной формой посуды были горшки, реже встречаются чаши (рис. 17: 40–45, 47, 48). Постмаклашевская глиняная посуда украшалась по шейке и плечу, известны и сосуды без орнамента. Узоры состояли из ямок, вдавлений, отпечатков гребенчатого штампа и шнура, но на всем протяжении культуры доминировал простой орнамент в виде ряда ямок.

Наиболее многочисленной категорией орудий из кремня были скребки (рис. 17: 8), из кварцита – скобели. В числе часто встречающихся изделий были «зернотерки», кресальные кремни, ножи, оселки, отбойники (рис. 17: 9). В коллекциях каменных орудий изредка встречаются наконечники стрел (рис. 17: 14), проушные топоры (рис. 17: 32), пряслица (рис. 17: 17), чаши, литейные формы для изготовления наконечников копий, кельтов и ножей (рис. 17: 38, 39).

Глиняные изделия представлены пряслицами, тиглями и льячками (рис. 17: 15, 16). На селищах иногда находят изделия из бронзы: кельты с линзовидной и шестигранной втулкой (рис. 17: 33, 35–37), наконечники копий и стрел (двулопастные и трехлопастные) (рис. 17: 10, 11), ножи, в том числе биметаллические, и т. п.

Встречаются бронзовые или медные накладки различной формы (рис. 17: 5, 6, 19), в том числе в форме лука (рис. 18: 19), нашивные пластины, зооморфный поясной крючок (рис. 17: 21). В единственном числе представлен медный сосуд – ваза, найденная у с. Атабаево.

Набор изделий из железа невелик: это ножи с горбатой спинкой, шилья, втульчатые наконечники стрел, рыболовный крючок (рис. 17: 13, 22). Многочисленны изделия из кости и рога, среди которых больше всего бытовых вещей, таких как лопатки-тупики, стамески, долота, кочедыки, ложки, острия, пряслица, проколки, рукояти с зооморфным оформлением (рис. 17: 23, 24, 28, 30, 31, 34).

Из кости изготовлены предметы вооружения и охоты: наконечники стрел, гарпуны (рис. 17: 12, 29). Нередко встречаются подвески-натуралии из клыков, челюстей и костей хищных животных или амулеты из костей животных, украшенные орнаментом (рис. 17: 18). Изредка фиксируются элементы конской упряжи: псалии, пронизи-распределители, подпружные пряжки (рис. 17: 7, 26, 27) – и орудия сельского хозяйства: мотыги из лосиного рога, топорообразные и клиновидные предметы (рис. 17: 46).

В поздний период на поселениях появляются глиняные ритуальные фигурки (рис. 18: 10).

Основными направлениями хозяйственной деятельности постмаклашевской культуры были скотоводство и земледелие. Охота и рыболовство были второстепенными отраслями.

Главное место в стаде занимала лошадь, далее крупный рогатый скот, свинья, мелкий рогатый скот и собака. Археоботанические и полевые исследования под-

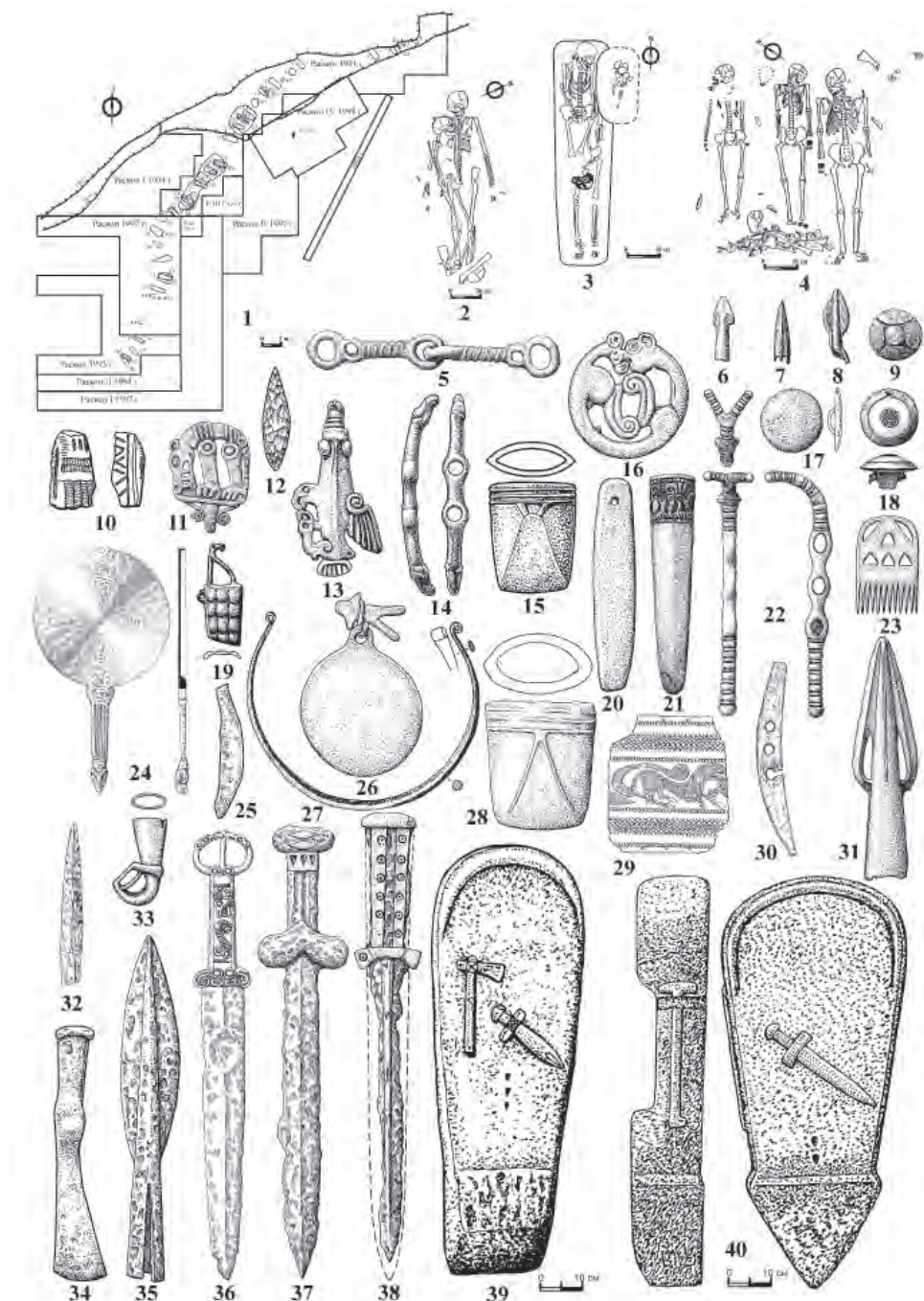

Рис. 18. Могильники, погребальный и поселенческий инвентарь постмаклашеевской культуры. 1 – Мурзихинский I могильник; 2 – Мурзихинский II могильник, погр. 81; 3 – Тетюшский могильник, погр. 52; 4 – Мурзихинский II могильник, погр. 56; 5 – удила; 6–8, 12, 32 – наконечники стрел; 9, 16–18 – бляхи; 10 – ритуальная фигурка; 11 – булавка; 13 – поясной крючок; 14, 22, 30 – псалии; 15, 28 – кельты; 19 – подвеска; 20 – оселок; 21 – ножи; 23 – гребень; 24, 26 – зеркала; 25 – нож; 27 – шейная гривна;

твердили существование земледелия у носителей постмаклашеевской культуры, они выращивали злаки, такие как ячмень, просо и технические культуры – лён.

Постмаклашеевская культура входила в ананьинский очаг металлургии, работавший на местном и привозном сырье. О развитой металлургии железа свидетельствует находка горна ямного типа и оригинальные типы изделий местных кузнецов (наконечники копий и кинжалы).

Некрополи постмаклашеевской культуры были грунтовыми (рис. 18: 1). Могилы располагались рядами, иногда один из рядов размещался перпендикулярно остальным. В междурядьях устанавливали каменные стелы, размещали поминальные дары в берестяных туесках или деревянных ящичках, здесь же находят остатки поминальной трапезы. Стелы устанавливались поодиночке или группой по три в ряд; они подразделяются на стелы новомордовского типа с полукруглым завершением и иличевского типа с прямым завершением (рис. 18: 39, 40). На стелах новомордовского типа рельефом изображены топоры, кинжалы, мечи, молоты, а также арковидный бордюр в верхней части стелы. Контррельефом переданы подтреугольные и каплевидные изображения (капающей крови?), которые располагались под кинжалами и мечами.

На поверхности погребения обозначали небольшими земляными насыпями, деревянными столбами или же помещали в «дома мертвых». «Дома мертвых» – это наземные срубно-каркасные сооружения, которые использовались в качестве склепов, после заполнения погребениями они сжигались.

Среди погребений постмаклашеевской культуры выделяются простые могильные ямы, погребения с отдельными камнями обкладки стенок, деревянные гробницы и каменные ящики. Каменные ящики встречаются только на могильниках двух культур АКИО – постмаклашеевской и ананьинской классической. Погребения в каменных ящиках встречаются очень редко, известно лишь две таких конструкции, стенки их были сложены из крупных камней, а сверху они были перекрыты каменными плитами.

Все погребения были совершены по обряду ингумации, однако в некоторых случаях отмечено частичное обгорание костяка в результате сожжения погребального сооружения. Известны и частичные погребения. Наибольшее количество погребений были одиночными, обустраивались также кенотафы (пустые захоронения), парные и коллективные могилы (рис. 18: 2–4). Внутри могильных ям погребенные размещались вытянуто на спине, в редких случаях женщин хоронили на боку в скорченном положении. Преобладают ориентировки на южный и северный сектора. Мертвых укладывали непосредственно на дно могильной ямы, однако в некоторых случаях зафиксированы остатки органической подстилки, деревянные настилы, следы деревянных перекрытий.

В погребениях постмаклашеевской культуры встречаются орудия труда, оружие, украшения, конская упряжь, предметы туалета (зеркала и т. п.), погребальные сосуды. Массовыми находками в погребальном инвентаре являются железные ножи, оселки, кресальные кремни, керамика, пряслица, погребальная пища (кости живот-

29 – накладка; 31, 35 – наконечники копий; 33 – бутероль; 34 – топор; 36–38 – кинжалы; 39–40 – стелы (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Чижевский, Волкова, 2021). Масштаб разный. 5–9, 11, 13–17, 19, 21–24, 26–29, 31, 33 – бронза; 10 – глина; 12 – кремнь; 18 – медь, стекло, золото; 20 – песчаник; 25, 34, 35 – железо; 30, 32 – кость; 36, 38 – бронза и железо; 37 – железо и золото; 39, 40 – известняк

ных) (рис. 18: 20, 25). Из предметов вооружения широко представлены бронзовые кельты линзовидного сечения (рис. 18: 15, 28), (рис. 18: 31, 35), чеканы (бронзовые и биметаллические), наконечники стрел из кремня, бронзы, кости и железа (рис. 18: 6–8, 12, 32). Кинжалы редки, по всей видимости, они относятся к престижным видам оружия (рис. 18: 36–38), изредка встречаются бутероли от ножен или непосредственно ножны (рис. 18: 21, 33). Находки деталей щитов (умбонов) и каменных молотов единичны. Разнообразны украшения: гривны, браслеты, бляхи, височные подвески, бусы. Встречаются украшения из золота или серебра, но в массе это медные или бронзовые (рис. 18: 27, 29). Предметы одежды и гигиены встречаются в женских погребениях в могильниках и в качестве подъемного материала из разрушенных могил, среди них поясные крючки, булавки, гребни и зеркала (рис. 18: 11, 13, 24, 26).

Конская упряжь представлена удилами (двукольчатыми, стремечковидными и однокольчатыми), псалиями (трех- и двудырчатыми) и различными бляхами из бронзы и железа (рис. 18: 5, 14, 22, 30).

Судя по данным погребального обряда, в среде населения, оставившего постмаклашеевскую культуру, начались процессы стратификации и выделения особой группы лидеров-воинов или военных вождей. Наряду с выделением небольшой прослойки выдающихся людей, в обществе сохранялась патриархальная семейная община.

Самые поздние памятники постмаклашеевской культуры АКИО относятся к IV–III вв. до н. э., а затем исчезают, вероятно под давлением ранних сарматов. На востоке своего ареала постмаклашеевская культура трансформируется в пьяноборскую культуру второй фазы раннего железного века.

Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики) АКИО (IX–III вв. до н. э.) сформировалась на территории Среднего Прикамья. Особенностью среднекамского варианта маклашеевской культуры на позднем этапе было сохранение архаичных черт керамического комплекса раннего (атабаевского) этапа. Одним из таких архаизмов была керамика со шнуровой орнаментацией. На основе этих групп маклашеевского населения в начале раннего железного века сформировалась классическая ананьинская культура, ярким признаком которой на ранних этапах была сложношнуровая керамика. Территория культуры занимала Среднее (до р. Обвы) и Нижнее Прикамье вплоть до устьев рр. Белой и Вятки (рис. 19).

Городища на территории ананьинской классической культуры сначала возникли в южной части ареала, в Нижнем Прикамье, в IX – середине VIII вв. до н. э. и лишь в VI в. до н. э. распространились в Среднем Прикамье. Городища размещались на мысах р. Камы и ее притоков, укрепления на них возводились в местах сужения мысовой площадки (рис. 20: 1, 4). В подавляющем большинстве случаев городища располагались поодиночке, но в ряде случаев размещались парой на соседних мысах или же в устье и в глубине оврага, во всех этих случаях одно городище значительно превышало другое по площади. Неукрепленные поселения – селища располагались вблизи городищ, занимая незатапливаемые участки пойменных и коренных террас.

В конце V–III вв. до н. э. в северной части ареала ананьинской классической культуры АКИО на основе ряда поселений возникают общинные святилища, которые в более позднюю эпоху (II–I вв. до н. э.) были преобразованы в жертвенные места – костища.

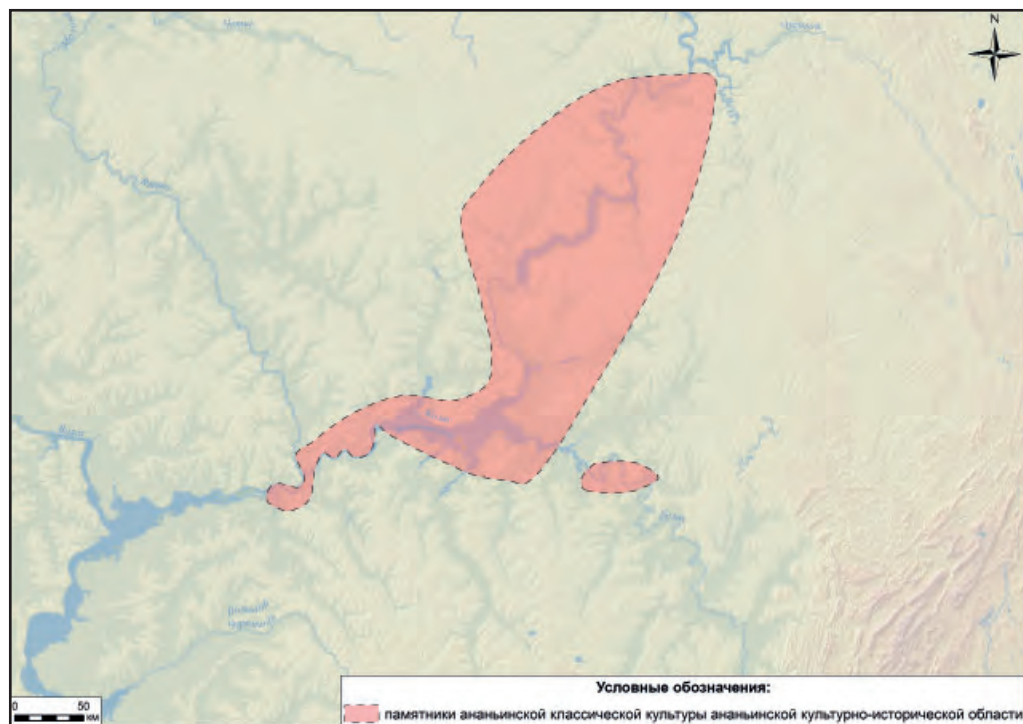

Рис. 19. Ареал ананьинской классической культуры
ананьинской культурно-исторической области

Известно как минимум три способа застройки поселений:

1. постройки размещались тремя рядами, вытянуто вдоль мыса;
2. пятью-шестью рядами поперек жилой площадки;
3. гнездами.

В южной части ареала ананьинской классической культуры жилые постройки были наземными прямоугольной формы с бревенчатой кладкой стен (рис. 20: 2, 3). Внутри жилища устанавливались опорные столбы для балок перекрытия, на них настилали следи, образующие обрешетку двускатной крыши, которая покрывалась тонкими жердями, ветками деревьев, корой, лубом и берестой. В северной части ареала культуры наземные дома сооружались каркасно-столбовым способом. Внутри помещения располагались очаги (от двух до пяти) кострового типа, а также на приподнятых площадках из глины. Вдоль боковых стен располагались нары-лежанки. Вход в виде тамбура размещался в одной из торцевых стен. Хозяйственные ямы располагались как внутри жилища, так и вне его.

Постройки ананьинской классической культуры подразделяются на жилые, производственные и культовые. Жилые постройки содержат кухонные остатки, керамику. Производственные постройки связаны с металлургией. В культовых сооружениях изучены остатки ритуальных кострищ, вымостки из камней, жертвенные погребения людей, черепа лошадей и медведей, медвежьи лапы и амулеты, антропоморфные фигурки.

Посуда ананьинской классической культуры горшковидная и чашевидная, округлодонная, с примесью раковины в глиняном тесте (рис. 20: 19–22; 31, 35–40).

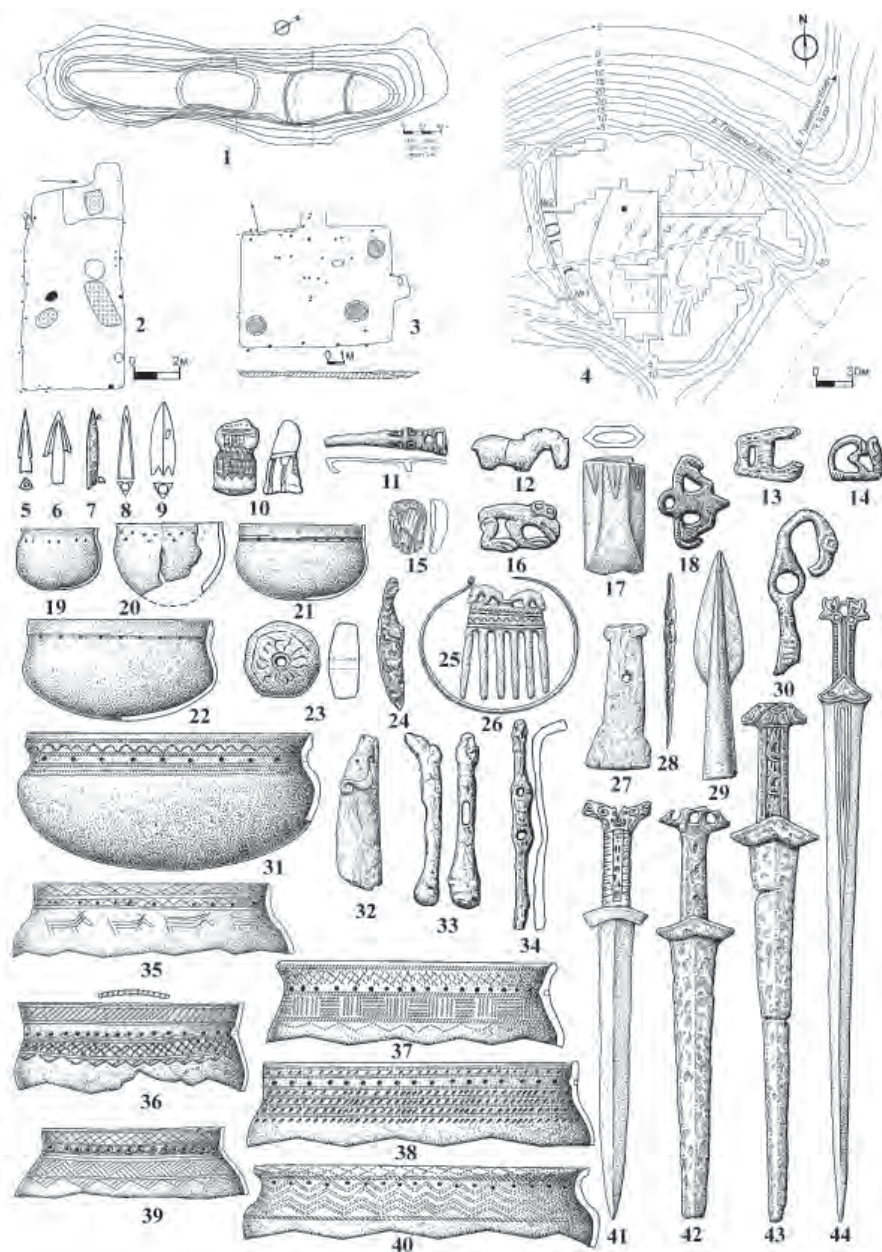

Рис. 20. Городища и поселенческий инвентарь ананьинской классической культуры АКИО. 1 – Саузовское (Бельский Шихан) городище; 2 – Тарасовское поселение, жилище 1; 3 – Заюрчимское I поселение, жилище № 1/86; 4 – Зуевоключевское I городище; 5–9 – наконечники стрел; 10, 12 – ритуальные фигурки; 11 – поясной крючок; 13 – пряжка; 14, 16 – бляшка; 15 – скребок; 17 – кельт; 18 – подвеска; 19–22, 31, 35–40 – керамика; 23 – пряслице; 24 – нож; 25 – гребень; 26 – гривна; 27 – лопатка-тупик; 28 – проколка; 29 – наконечник копья; 30 – уздечная подвеска; 32 – рукоять; 33, 34 – псаля; 41–44 – мечи и кинжалы (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Чижевский, Черных, Коренюк, 2021). Масштаб разный. 5, 6, 8, 9, 11, 14, 16–18, 26, 29 – медь и бронза; 7, 13, 25, 27, 32, 33 – кость и рог; 10, 12, 19–23, 31, 35–40 – глина; 15 – кремль; 24, 28, 30, 34, 41–44 – железо

Для украшения сосудов использовались в основном две техники орнаментации: шнуровые отпечатки и ямки. Сложношнуровая орнаментация характерна только для ранних этапов существования культуры. В дальнейшем использование шнура сократилось, стали превалировать сосуды с ямками.

В составе каменного инвентаря на поселениях представлены скребки (рис. 20: 15), оселки, терочные плиты (зернотерки), наконечники стрел, каменные пряслица, ножи на пластинах, долота, грузила. Из глины изготовлены бусы, пряслица биконической, линзовидной, цилиндрической формы, иногда украшенные прочерченным орнаментом (рис. 20: 23). Известны также пряслица, изготовленные из стенок сосудов. Многочисленны чашевидные и ладьевидные тигли и льячки. На памятниках позднего периода появляются зооморфные и антропоморфные (женские) фигурки (рис. 20: 10, 12).

Среди изделий из цветных металлов преобладают украшения, пронизы, бляшки и накладки, бусины, подвески в виде лука (рис. 20: 14, 16, 18), фигурки змей. В коллекциях встречены также зооморфные и орнитоморфные подвески, гривна, поясные крючки, наконечники стрел (трёхлопастные и трёхгранные), кельты (шестигранные и линзовидные в сечении) и наконечники копий (рис. 20: 5, 6, 8, 9, 11, 17, 26, 29).

На территории ананьинской классической культуры находят бронзовые парадные секиры, которые являются одним из наиболее ярких ее элементов. Выделяют два типа парадных секир: пинежский и галановский (рис. 21: 27). Железные изделия представлены шильями и ножами, немногочисленны находки втульчатых наконечников копий, мечей и кинжалов, уздечных подвесок, стержневых двудырчатых псалиев (рис. 20: 24, 28, 34, 41–44). Многочисленны на поселениях предметы из кости и рога; среди них доминируют проколки, остря, кочедыки, лопатки-тупики, пронизки, застежки, поясные крючки, подвески-натуралии из зубов и костей животных, псалии концецгорского типа и т. п. (рис. 20: 33). На поселениях также находят костяные рукояти для ножей, наконечники стрел, гарпуны, втоки (мотыжки), единичны рамчатые пряжки, двудырчатые псалии, гребни (рис. 20: 7, 13, 25, 32).

Основой хозяйственной жизни носителей ананьинской классической культуры АКИО было скотоводство. В составе стада преобладали лошадь и крупный рогатый скот, значительно меньше свиньи и мелкого рогатого скота, очень мало костей собаки. Охота и рыболовство играли вспомогательную роль. Наличие земледелия у населения ананьинской классической культуры пока не доказано. С данной культурой связан ананьинский очаг металлургии, работавший на местном и привозном сырье.

Могильники ананьинской классической культуры АКИО располагались по берегам р. Камы на коренных террасах либо в пойме на высоких дюнах. По всей вероятности, все они были привязаны к синхронным им поселениям. Могильники были грунтовыми, лишь шесть погребений Ананьинского могильника, предположительно, размещались под курганной насыпью. Погребения ананьинской классической культуры образуют вытянутые вдоль берега группы, количество рядов на могильнике может быть от одного до четырех (рис. 21: 1). В междурядьях отмечены следы кострищ и остатки погребальной трапезы.

Носители ананьинской классической культуры хоронили умерших в четырёх типах погребальных сооружений: могильных ямах, погребениях с отдельными камнями обкладки стенок, деревянных гробницах и каменных ящиках. В погребальном обряде широко применялась ингумация, которая включала в том числе вторичные и частичные погребения. Несмотря на то что был распространен обычай обжига

Рис. 21. Могильники, погребальный и поселенческий инвентарь ананьинской классической культуры. 1 – раскоп XI Зуевключевский II могильник; 2 – Зуевключевский II могильник, погр. 48; 3 – Першинский могильник погр. 63, 64; 4 – Першинский могильник «Дом мертвых» №4; 5–9 – наконечники стрел; 10 – пронизка; 11, 17 – бляшки; 12 – «восьмёрковидная» накладка; 13 – «восьмёрковидная» бляшка; 14, 16, 32 – подвески; 15, 18, 25 – накладки; 19 – крестовидная бляха; 20 – височное кольцо; 21, 22 – зеркала; 23 – оселок; 24 – рукоять плети; 26 – секира; 27 – парадная секира галановского типа; 28, 34 – ножи; 29, 31 – кельты; 30, 36 – наконечники копий; 33 – чекан; 35 – псалий концеворского типа; 37 – шейная гривна; 38, 40–43 – керамика; 39 – бляха; 44 – меч с ножнами; 45, 47 – мечи и кинжалы; 46 – бутероль (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Чижевский, Черных, Коренюк, 2021). Масштаб разный.

5 – кремень; 6–22, 25, 27–33, 36, 37, 39, 45, 46 – медь и бронза; 23 – сливной песчаник; 24, 35 – рог; 35 – рог и железо; 38, 40–43 – керамика; 26, 44 – железо и бронза; 47 – железо

или даже полного сжигания деревянных конструкций погребального сооружения, полная кремация встречается редко, лишь в пяти захоронениях и «домах мертвых». Кремированные кости размещались в домах мертвых в берестяных туесах или рассыпались по дну могильной ямы (рис. 21: 4).

Доминируют одиночные погребения; парные, коллективные и кенотафы встречаются крайне редко. Мертвых укладывали непосредственно на дно могильной ямы (рис. 21: 2), но в ряде случаев отмечены остатки бревенчатых настилов, вытянуто на спине, ногами к реке, головой в западный и северный сектора. Известны случаи размещения на боку со слабо подогнутыми ногами. В погребениях размещался погребальный инвентарь, включающий орудия труда, оружие, украшения, предметы туалета (зеркала) (рис. 21: 21, 22), керамику, кости животных. Пятая часть захоронений была без инвентаря.

В погребениях преобладают железные однолезвийные ножи, оселки, пряслица, проколки (рис. 21: 23, 28, 34). Примерно в 40% погребений встречено оружие. Чаще всего это кельты с шестигранным сечением втулки, реже кельты с линзовидной втулкой, наконечники стрел и копий, костяные втоки (рис. 21: 5–9, 29, 30, 31, 36). Встречаются кинжалы, иногда с бронзовыми втоками или ножнами, чеканы, а также боевые топоры (рис. 21: 26, 33, 44–47). Украшения находят реже, чем предметы вооружения; среди них бронзовые пластинчатые и проволочные кольца, гривны (бронзовые и железные), а также бусы (стеклянные, бронзовые и костяные) и пронизи (рис. 21: 10, 18, 20, 25, 37). Редко встречаются височные подвески и серьги из золота, серебра, меди и кости. Зато широко представлена фурнитура и украшения одежды: поясные наборы, состоящие из блях, накладок и поясных крючков из бронзы и железа, а также остатки головных уборов в виде в виде одиночных блях или налобных венчиков (рис. 21: 11–13, 15, 16, 17, 32, 39).

Конская упряжь в погребениях редка, она представлена трехдырчатыми и двухдырчатыми псалями, двухкольчатыми удилами, из железа, бронзы и кости. Наибольший интерес в этой связи вызывают костяной двухдырчатый псалий в виде всадника из погр. 82 Луговского могильника (рис. 21: 35) и рукоять плети из Зуевского могильника (рис. 21: 24). Сопровождают конскую упряжь круглые и крестовидные бронзовые бляхи, а также подвески (рис. 21: 14, 19).

Глиняная лепная круглодонная посуда, аналогичная поселенческой, встречается примерно в трети погребений (рис. 21: 38, 40–43).

Судя по данным погребального обряда, можно говорить о слабой имущественной стратификации носителей ананьинской классической культуры АКИО. Однако разница в трудозатратах на строительство погребальных сооружений, в одних случаях простых, в других сложных, свидетельствует об обособлении небольшой прослойки людей, выделяющихся по своему положению в социуме и требующих оказания им больших почестей при погребении, чем рядовые общинники.

В конце существования АКИО происходит трансформация ананьинской классической культуры и возникновение на ее основе во II в. до н. э. новых археологических культур второй фазы раннего железного века – пьяноборской и гляденовской.

Вятско-ветлужская культура АКИО (VIII – середина/VII вв. до н. э. – III/II вв. до н. э.). Происхождение культуры дискуссионно. Существует точка зрения о том, что она возникла в Пермском Прикамье в результате смешения носителей ананьинской классической культуры и лебяжской культуры Северного Приуралья. Имеется и другая точка, представители которой предполагают формирование традиции изго-

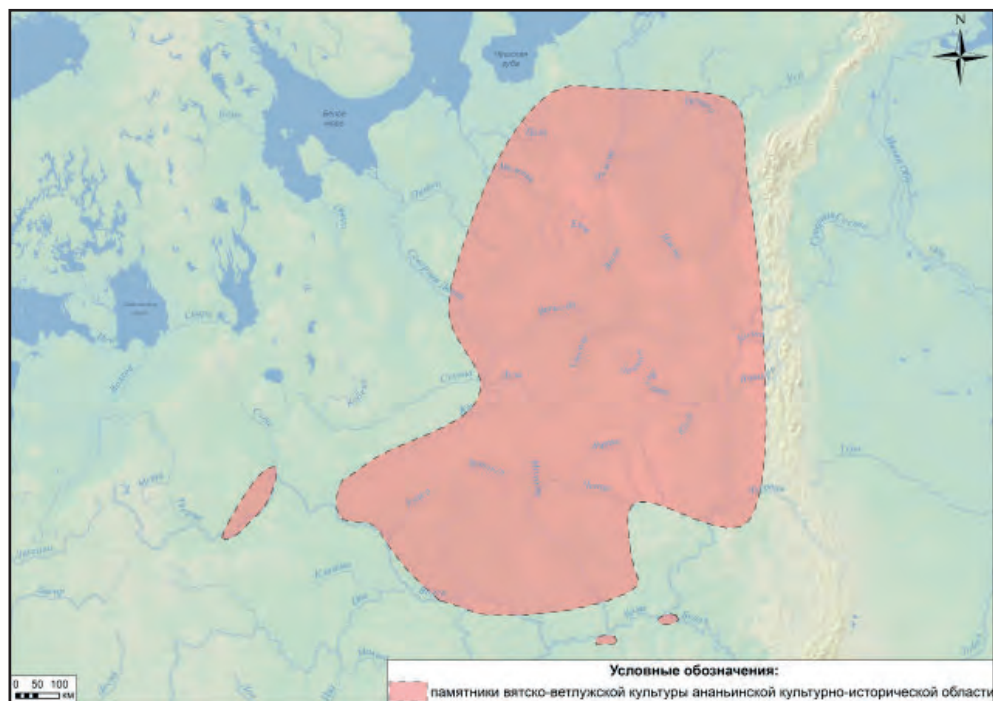

Рис. 22. Ареал вятско-ветлужской культуры ананьинской культурно-исторической области

товления гребенчато-шнуровой керамики на территории Европейского Северо-Востока. Кроме того, предполагается участие в этом процессе местного, постмаклашеевского населения.

Еще одна точка зрения предполагает её формирование непосредственно на территории Вятки и Ветлуги в результате трансформации местной маклашеевской культуры, сохранившей атабаевские традиции изготовления керамики.

Центральными регионами вятско-ветлужской культуры АКИО были реки – Вятка и Ветлуга, кроме того, она распространялась на территории севера Средней Камы и ее верховий, Европейского Северо-Востока и Верхнего Поволжья (рис. 22).

Основным источником изучения культуры являются поселения – городища, селища и стоянки. Для размещения городищ выбирались высокие террасы, часто в местах слияния двух рек. Как правило, городища размещались по одному, но в двух случаях – парой, занимая соседние мысы. С напольной стороны городища укреплялись одним валом и рвом (рис. 23: 1, 2). Вал сооружался в виде конструкции из двух рядов бревенчатых стенок с заполнением пространства между ними землей и камнем. В насыпях валов выявлены следы строительных ритуалов – черепа лошадей и крупного рогатого скота, уложенные параллельно оси вала.

Неукрепленные поселения располагались в поймах рек на пойменных террасах, дюнах, останцах, коренных террасах рек, а также на берегах озер. Среди неукрепленных поселений выделяются долговременные (селища) и кратковременные (стоянки) поселения. Селища характеризуются наличием жилых сооружений, кострищ, ям и культурного слоя. На стоянках находят обломки сосудов либо единичные очаги без следов построек с фрагментами керамики, культурный слой отсутствует.

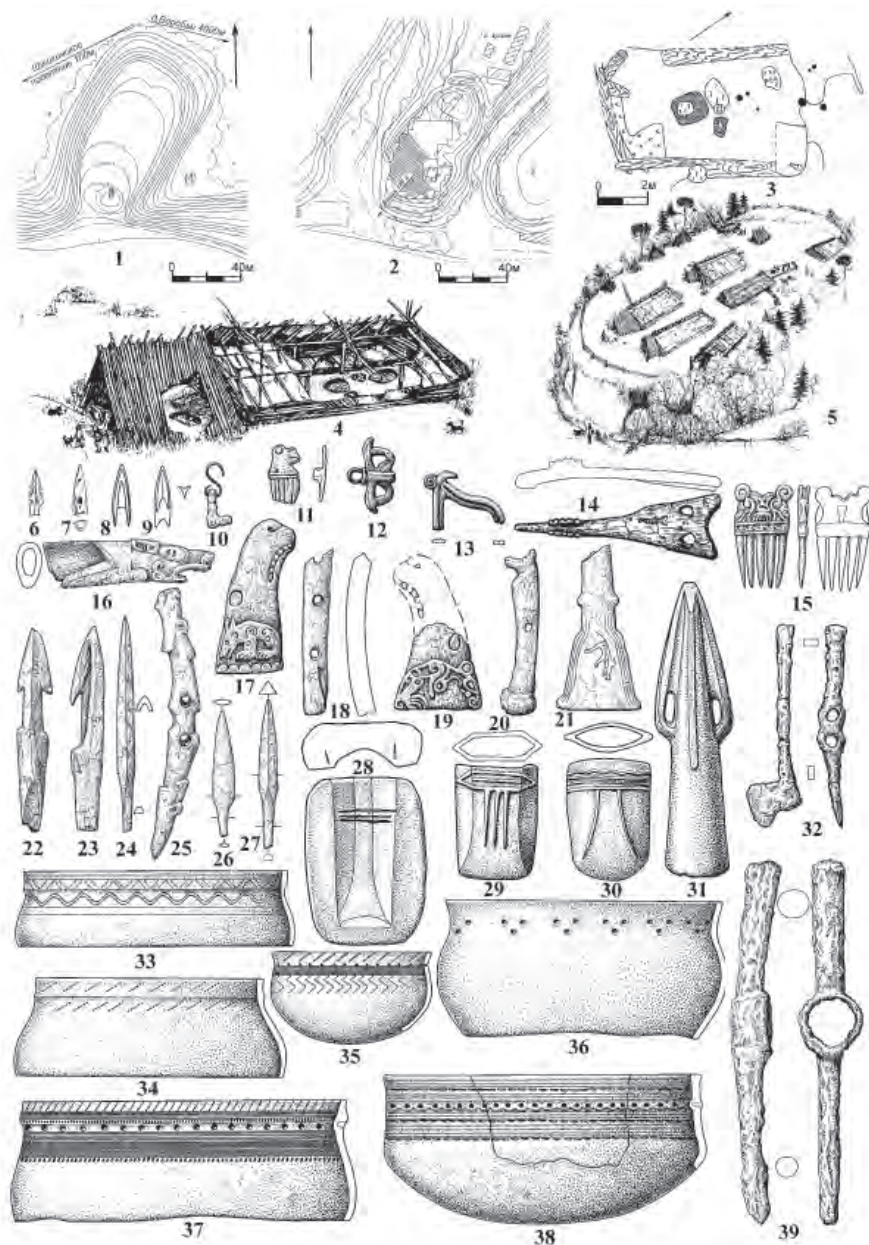

Рис. 23. Городища и поселенческий инвентарь вятско-ветлужской культуры АКЮ.
 1 – Ройское городище; 2 – Аргыжское городище; 3 – план жилища IX Аргыжского городища; 4 – реконструкция жилища I Аргыжского городища; 5 – реконструкция ананьинского поселения на Аргыжском городище; 6–9 – наконечники стрел; 10, 12, 13 – подвески; 11 – уздечная бляха; 12 – поясной крючок; 15 – гребень; 16, 17, 19 – рукояти; 18, 20, 25, 32 – псалии; 21 – лопатка-тупик; 22, 23 – наконечники гарпунов; 24, 26, 27 – наконечники стрел; 28 – литейная форма; 29, 30 – кельты; 31 – наконечник копья; 33–38 – керамика; 39 – чекан
 м(по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Черных, Чижевский, 2021). Масштаб разный.
 6–13, 29–31 – медь и бронза; 14–27 – кость и рог;
 28 – песчаник; 32, 39 – железо; 33–38 – глина

Рис. 24. Могилишки, погребальный и поселенческий инвентарь вятско-ветлужской культуры.

1 – погр. 134 Старшего Ахмыловского могилишки; 2 – погр. 202 Старшего Ахмыловского могилишки; 3 – погр. 104 Старшего Ахмыловского могилишки; 4 – погр. 80 Старшего Ахмыловского могилишки; 5 – погр. 161 Старшего Ахмыловского могилишки;
 6–10, 14, 16, 18 – наконечники стрел; 11 – бляшка; 12 – «восьмёрковидная» накладка;
 13 – «восьмёрковидная» бляшка; 15, 17 – ножи; 19 – скребок; 20 – идол; 21 – отбойник;
 22–24, 28 – пряслица; 25, 45 – псалий; 26 – пешня; 27 – подвеска; 29, 32, 34 – кельты;
 30 – проксимальная фаланга крупного рогатого скота с орнаментом; 31 – лопатки-тупики;
 33, 36 – удила; 35 – налобный венчик; 37 – вток; 38 – ложка; 39 – топор-секира; 40 – оселок;

Поселения застраивались рядами; так, на Аргыжском городище было зафиксировано три ряда построек, располагавшихся поперек мыса (рис. 23: 5). В центре поселка располагались крупная хозяйственная постройка и культовое сооружение, жилища занимали крайние ряды. Все постройки вятско-ветлужской культуры – наземные, прямоугольной формы, бревенчатые, площадью до 100 кв. м с двухскатной крышей и тамбуром перед входом. Жилища отапливались открытыми очагами (рис. 23: 3, 5). Хозяйственные ямы были вынесены за пределы жилой зоны и занимали отдельный ряд на окраине поселка. На позднем этапе известны жилища меньших размеров, с полами, обмазанными глиной.

Керамика на поселениях вятско-ветлужской культуры многочисленна, она круглодонная с примесью раковины в глиняном тесте, реже дресвы или шамота. Как и в других культурах АКИО, использовались сосуды горшковидных и чашевидных форм. На ранних этапах вятская керамика нарядно украшалась плотными гребенчатыми и шнуровыми отпечатками, почти всегда на Вятке сопровождавшимися глубокими ямками, в то время как на Ветлуге ямочный орнамент встречается редко (рис. 23: 33, 35, 37, 38). На поздних этапах существования культуры орнаментация становится более скудной, упрощаются композиции узоров, распространяются сосуды без орнамента или украшенные только ямками, редкими отпечатками шнура и редким гребенчатым штампом (рис. 23: 34, 36).

Многочисленны на поселениях изделия из кости и рога: наконечники стрел с трехгранным сечением пера и узким пером, одно- и двушипные наконечники острог, гарпуны, манки (рис. 23: 22–24, 26, 27; 24: 18).

Конская упряжь представлена псалиями трехдырчатыми, двухдырчатыми и однодырчатыми конецгорского типа, подпружными пряжками (рис. 23: 18, 20, 25; 24: 25). Встречаются детали оленьей и собачьей упряжи. Широко распространены костяные острия: проколки, кочедыки, ножи и «ножички», скребки по коже. Многочисленны мотыгообразные орудия (втоки), лопатки-тупики, рукояти орудий, орнитоморфные и зооморфные поясные крючки, отмечены также бабки животных, сверленные или покрытые орнаментом, застежки, ложки, гребни, пронизки, подвески (рис. 23: 14–17, 19, 21; 24: 27, 30, 31, 37, 38). Многие из них украшены зооморфными изображениями. Имеются кости животных (бабки) с просверленными отверстиями, иногда покрытые орнаментом.

Каменный инвентарь представлен наконечниками стрел, ножами, скребками, проколками, отбойниками, топорами, зернотерками, кресальными камнями, тёрочниками, оселками (рис. 24: 14, 16, 19, 21). Большой интерес вызывают каменные пряслица, особенно с сюжетными рисунками (сцены терзания копытных хищниками) или сложными геометрическими и растительными узорами (рис. 24: 22–24, 28).

Глиняные изделия представлены пряслицами, льячками и тиглями.

Изделия из бронзы довольно разнообразны, в их числе наконечники стрел (двух- и трехлопастные и трехгранные), кельты с линзовидной и шестигранной втулкой, наконечники копий, кинжалы, ножи, различные украшения для одежды и конской упряжи, зооморфные поясные крючки, подвески и бляшки (рис. 23: 6–13, 29–31).

41, 46 – наконечник копья; 42 – бляха нагрудная; 43, 47–49 – керамика; 44 – шейная гривна (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Черных, Чижевский, 2021). Масштаб разный.

6–10, 15, 17, 26, 36, 39, 45, 46 – железо, 11–13, 20, 29, 32–35, 41, 42, 44 – медь и бронза;

14, 16, 19 – кремь; 18, 25, 27, 30, 31, 37, 38 – кость и рог;

21–24, 28 – камень; 40 – сливной песчаник; 43, 47–49 – глина

Количество железных изделий невелико, чаще всего это ножи, шилья. Предметы вооружения представлены чеканом, колчанными крючками, наконечником копья и мечом (рис. 23: 39). Конская упряжь немногочисленна, известны лишь находки двудырчатых псалиев (рис. 23: 32).

Основным направлением хозяйственной деятельности вятско-ветлужской культуры было придомное скотоводство. В составе стада были представлены свиньи, лошади, крупный и мелкий рогатый скот. Наличие земледелия для носителей вятско-ветлужской культуры пока не доказано. Охота имела вспомогательное значение, в то время как рыболовство, судя по количеству и разнообразию приспособлений для ловли, занимало значительное место в хозяйственном укладе.

Мастера вятско-ветлужской культуры занимались только металлообработкой в составе ананьинского очага металлургии, но работали на привозном сырье. О местном производстве бронзовых изделий свидетельствуют каменные литейные формы для изготовления кельтов с шестигранной втулкой (рис. 23: 28), шильев, различных украшений, тигли и сплески металла на поселениях.

Могильники вятско-ветлужской культуры располагались в основном в устье Ветлуги, они располагаются на поликультурных некрополях: Акозинском, Козьмодемьянском, Старшем Ахмыловском – и зачастую приурочены к местам размещения постмаклашеевских погребений. Все известные погребения грунтовые. Как правило, они размещались рядами вдоль берега реки.

Почти все погребения относятся к грунтовым ямам, и лишь стенки одного погребения обложены камнями. Зафиксированы случаи сооружения «домов мертвых», конструктивно таких же, как и в постмаклашеевской культуре, – однокамерных и многокамерных. После заполнения «дома мертвых» сжигались.

В могилах отмечены мужские, женские и детские костяки. Большую часть погребений вятско-ветлужской культуры составляют одиночные захоронения и кенотафы, количество парных и коллективных невелико. Выявлены как труположения, так и частичные погребения (рис. 24: 1–5). В могилах погребенных помещали на органическую подстилку или деревянный настил, вытянуто на спине. Чаще всего умершие были ориентированы головой в северо-западный сектор, речная ориентировка неустойчива.

Умершие сопровождалась погребальным инвентарём; безынвентарными были только 10% погребений. В погребения вятско-ветлужской культуры помещали орудия труда, оружие, конскую упряжь, украшения, сосуды, жертвенную пищу и т. п. Чаще всего в состав погребального инвентаря включали железные однолезвийные ножи и проколки, оселки (рис. 24: 15, 17, 40). Также многочисленно оружие: кельты (с шестигранной втулкой, иногда с линзовидной), наконечники копий, наконечники стрел (рис. 24: 6–10, 29, 32, 34, 41, 46). Единичны находки железных топоров-секир, железных кинжалов и длинных однолезвийных ножей, тиглей и железных пешней (рис. 24: 26). Конская упряжь немногочисленна, она представлена бронзовыми двукольчатыми и железными однокольчатыми удилами, а также трехдырчатыми костяными и железными псалиями (рис. 24: 33, 36, 45).

Набор украшений состоит из гривен, височных колец, многовитковых подвесок из бронзы и серебра, ожерелий из сердоликовых и стеклянных бус, блях, накладок и т. п. (рис. 24: 11–13, 35, 42). В некоторых погребениях зафиксированы бронзовые фигурки людей, т. н. идолы или ритуальные фигурки (рис. 24: 20).

Керамика представлена круглодонными сосудами с гребенчато-шнуровым и шнуровым орнаментом (рис. 24: 43, 47–49).

Судя по данным погребального обряда, общество вятско-ветлужской культуры было эгалитарным, в котором начались процессы стратификации и выделения небольшой группы привилегированных людей. Сохранялись большие семейные коллективы типа патриархальной семьи.

Вятско-ветлужская культура АКИО доживает до III в. до н. э., а на территориях Европейского Северо-Востока – до II в. до н. э. Судьбы носителей остаются во многом неопределенными. Не ясна судьба населения бассейна р. Ветлуги, остается дискуссионной преемственность с памятниками пьяноборской культуры бассейна Вятки. Можно предполагать только, что какая-то часть её представителей вошла в состав гляденовской культуры.

Памятники ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока (ЕСВ) (VIII–III вв. до н. э.). Формирование археологических культур ананьинского времени на территории ЕСВ происходило на основе лебяжской культуры бронзового века при значительном влиянии ананьинской классической культуры и зауральских культур раннего железного века.

Территорией распространения памятников является современная Республика Коми (рис. 25).

Основным источником изучения культур ананьинского времени являются неукрепленные поселения, кроме того, здесь зафиксированы пещерные святилища, могильник, местонахождения, погребения на поселениях и случайные находки.

Поселения в северо-таежной зоне располагаются по берегам озер, террас и останцах в поймах рек, иногда на коренных террасах, в тундровой зоне – на яреях (котловинах выдувания на песчаных участках).

Площадка поселения обычно размещалась у ручья, в месте, ограниченном оврагами или логами. Поселения подразделяются на охотничьи и рыболовецкие стоянки, поселения-мастерские. Общей особенностью является невыразительность культурного слоя, исключение – водораздельные стоянки, на которых мощность слоя больше.

Постройки, площадью 60–67,5 кв. м, размещались вдоль поселенческой площадки и параллельно реке. Они имели подпрямоугольную форму и один или два входа. Известно вторичное использование котлована жилища энеолитического времени. Вдоль стен размещались невысокие завалинки, которые, вероятно, несли функцию утепления жилища. Отмечены как наземные постройки, так и углубленные в землю. Внутри постройки обычно размещались очаги кострового типа (два и более), но зафиксирован и очаг, обложенный камнями, а также хозяйственная яма. Изредка внутри очагов фиксируются отдельные камни и каменные вымостки. По раскопкам поселения Топыд-Нюр известно, что полы были деревянные, покрытые берестой.

В глиняной посуде выделяют четыре культурно-хронологических типа – Ластва, Перный, Ямашор и Чаркабож. Все сосуды лепные с примесью дресвы, реже раковины в глиняном тесте. К типу Ластва (VIII–VI вв. до н. э.) относятся круглодонные чашевидные сосуды, орнаментированные отпечатками гребенчатого штампа и горизонтальных оттисков шнура в сочетании с ямками. На отдельных поселениях отмечены также змеевидные отпечатки, которые располагались параллельно оттискам шнура. В керамических комплексах отдельных поселений зафиксировано использование валиков на горловинах сосудов. Данный тип керамики продолжает традиции лебяжской глиняной посуды; используются все орнаментальные мотивы данной культуры, обогащенные шнуровыми отпечатками.

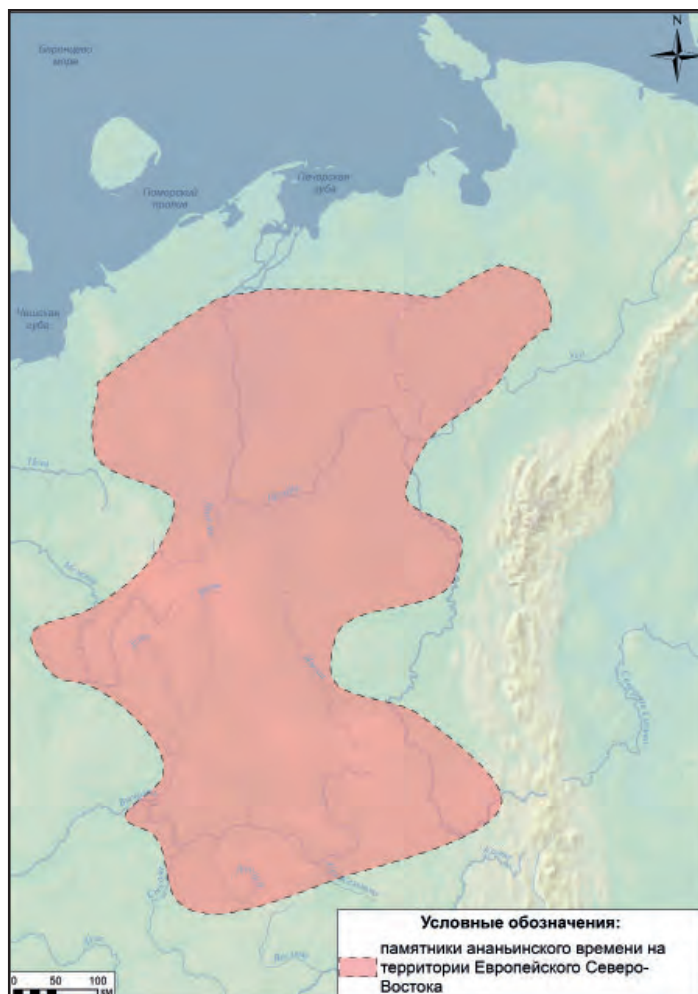

Рис. 25. Ареал распространения памятников ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока

Для керамики типа Чаркабож (первая четверть I тыс. – VI в. до н. э.) присуще использование дресвы в глиняном тесте, украшение крестовым орнаментом, как в сочетании со шнуровыми оттисками, так и отдельно (рис. 26: 6, 14, 23). Некоторые исследователи соотносят такую керамику с посудой зауральской гамаюнской культуры. Наряду с примесями дресвы, в глиняном тесте посуды типа Чаркабож встречается тальк. Памятники этого типа располагаются преимущественно в бассейне Верхней и Средней Печоры и Верхней Вычегды. Керамика с крестовым орнаментом отмечена также на Вятке.

Керамика типа Перный (VI–III вв. до н. э.) имеет характерный воротничок на шейке, гребенчатый орнамент, зачастую в виде двузубого штампа, используются также оттиски шнура и его комбинации с зубчатым штампом (рис. 26: 8, 12, 15). Некоторые исследователи считают данную культуру родственной вятско-ветлужской, но не идентичной ей. В качестве аргумента называются различия в изготовлении глиняного теста – примесь дресвы на ЕСВ, раковина – на Вятке и Ветлуге. Другие

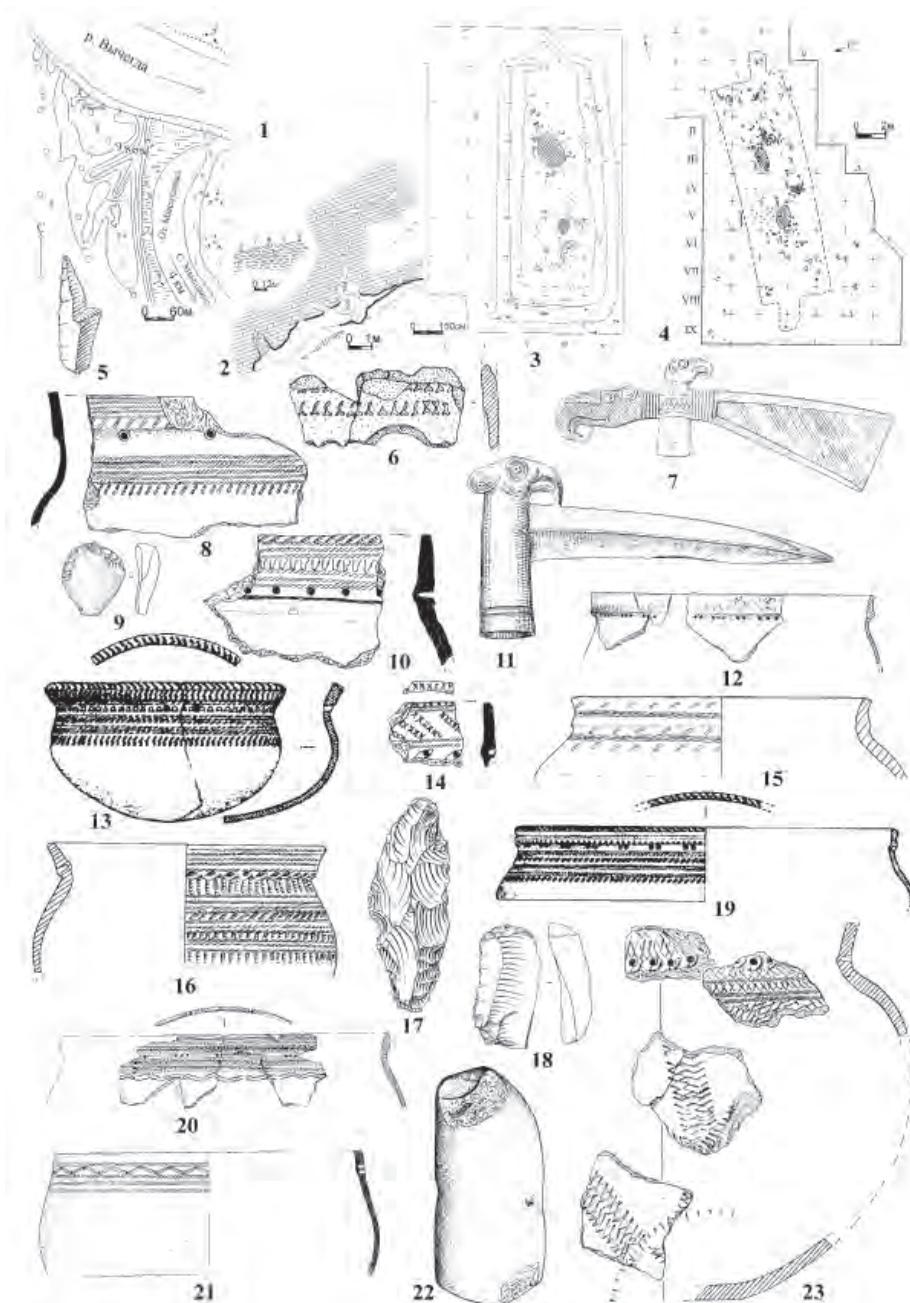

Рис. 26. Поселения и инвентарь памятников ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока. 1 – поселение Мыселдино; 2 – Канинская пещера; 3 – поселение Борганзель I. План жилища VIII; 4 – поселение Ягу-Яр. Раскоп V. План жилища; 5 – проколка; 6 – тип Чаркабож; 7 – парадная секира; 8, 12, 15 – тип Перный; 9, 18 – скребок; 10, 16 – типа поселения Заюрчим VI; 11 – чекан; 13, 19 – тип Ямашор; 14, 23 – тип Чаркабож; 17 – заготовка наконечника; 20, 21 – тип Ласта; 22 – отбойник (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Васкул, 2021). Масштаб разный.
5, 9, 17, 18 – кремьнь; 6, 10, 12–16, 19–21, 23 – глина; 7, 11 – бронза; 22 – камень

исследователи отмечают увеличение примесей раковины, появление валика и двойного воротничка, что характерно для позднеананьинской керамики Вятки и Прикамья.

Керамика типа Ямашор (VI–III вв. до н. э.) распространяется севернее других типов посуды, в глиняном тесте присутствует дресва, изредка раковина. Сосуды представлены чашами и горшками (рис. 26: 13, 19). В качестве элементов орнамента использовались ямки, шнур, зубчатые отпечатки, волнистые линии и фигурные оттиски. Последние характеризуют археологические культуры Западной Сибири. Исследователи полагают, что появление западносибирских традиций в украшении керамики связано с проникновением на ЕСВ населения из-за Урала, что привело к формированию керамики гибридного типа.

Кроме того, на поселении Себьяг I встречена керамика аналогичная глиняной посуде поселения Заюрчим VI в Пермском крае (рис. 26: 10, 16).

Каменный инвентарь на памятниках ананьинского времени представлен нуклеусами, скребками, ножами, проколками, свёрлами, заготовками наконечников копий и стрел, гальками-отбойниками, плитками для заточки орудий (рис. 26: 5, 9, 17, 18, 22). Единственный найденный наконечник стрелы – листовидный с усеченным основанием.

Металлические изделия немногочисленны, в их числе фрагменты бронзовых кельтов и кельт с шестигранной втулкой, наконечники стрел – черешковый с листовидной формой пера и втульчатый трехгранный. Украшения представлены бронзовыми бляхами и литыми бусами. Культовые вещи единичны, в их составе бляшка-личина, плакетка с петлей в виде противостоящих животных и т. п. Предположительно, предметами культа являлись костяное изображение головы животного с поселения Борганъель I и глиняные фигурки водоплавающих птиц со стоянки Синявом I.

Стекланные изделия также немногочисленны: как правило, это глазчатые бусы прозрачного голубого стекла.

Основными направлениями хозяйственной деятельности населения памятников ананьинского времени на территории ЕСВ были охота и рыболовство. Основными объектами охоты были бобр, лось, северный олень, заяц, лисица, соболь или куница. Получило дальнейшее развитие производство каменных, костяных, деревянных изделий и цветная металлообработка. С металлообработкой связаны поселения-мастерские позднего периода АКИО. Отмечены также находки складов сломанных бронзовых изделий. На поселениях-мастерских находят толстостенные тигли ладьевидной формы, льячки с носиком, формы для отливки кельтов. В очагах, предназначенных для работы с металлом, кроме сплесков, капель и обломков цветного металла, а также тиглей и льячек обнаружены обломки железных изделий. По-видимому, здесь выполнялись одновременно работы по ремонту или изготовлению железных предметов.

Погребальные памятники ЕСВ в ананьинское время представлены одиночными погребениями на поселениях и Шиховским могильником. Одиночные погребения были выявлены на поселениях Шойнаты II и Угдым III. Все погребения грунтовые, непосредственно над погребениями или рядом с ними были расчищены камни, возможно остатки намогильных сооружений. На дне могильных ям отмечены каменная вымостка, следы кострищ и фрагменты керамики, в одном случае выявлен сильно коррозированный железный предмет. В погребении на поселении Шойнаты II найдены кальцинированные кости человека (?). Остальные погребения не имели остан-

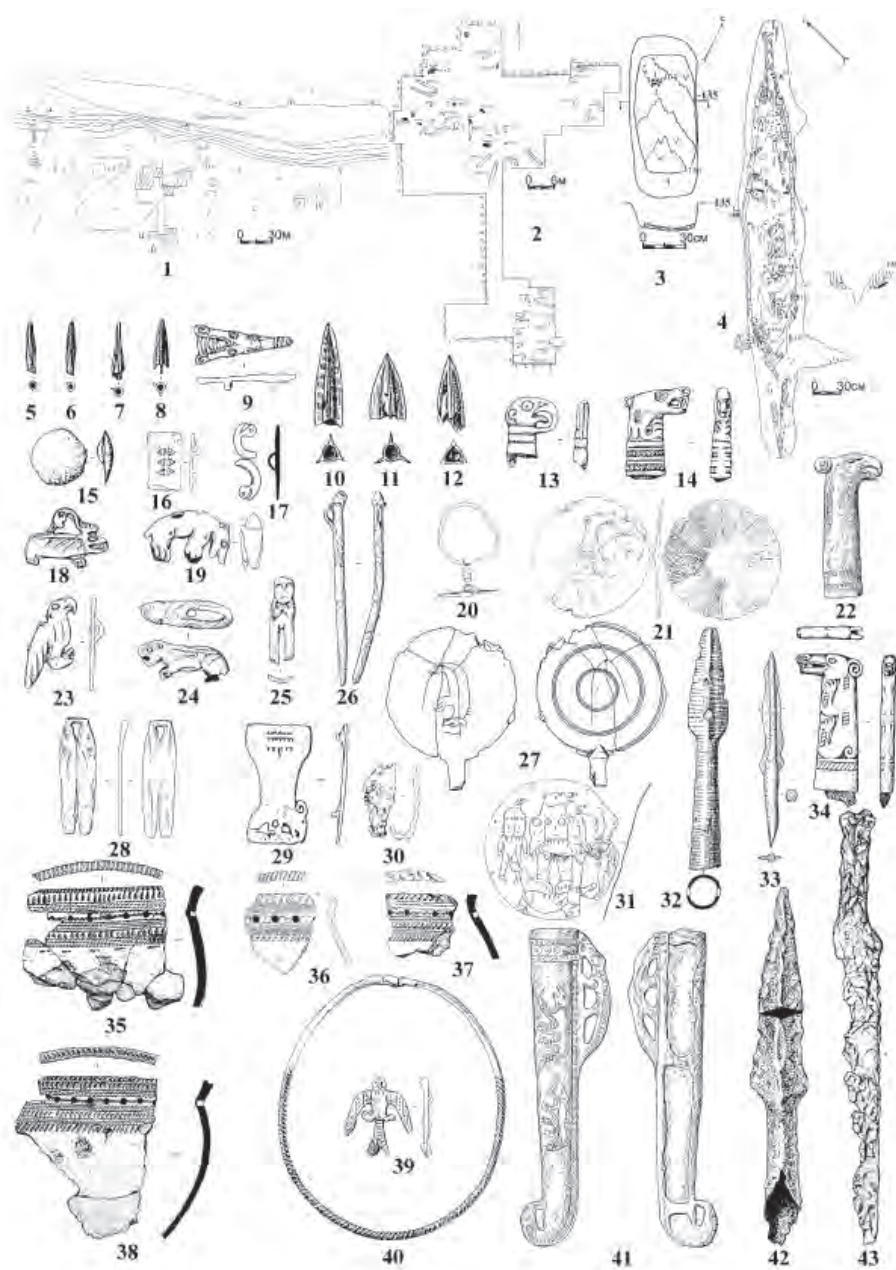

Рис. 27. Могильники и инвентарь из памятников ананьинского времени на территории Европейского Северо-Востока. 1 – ситуационный план Шиховского могильника; 2 – план раскопа Шиховского могильника; 3 – погр. 11 Шиховского могильника; 4 – погр. 28 Шиховского могильника; 5–8, 10–12, 33 – наконечники стрел; 9, 30 – поясной крючок; 13 – наконечник ножен; 14, 22, 34 – рукояти кинжалов; 15–17, 29 – бляхи; 18, 23, 39 – подвески; 19, 24 – полые зооморфные пронизки; 20 – височное кольцо; 21, 27, 31 – зеркала; 25 – антропоморфная фигурка; 26 – булавка; 28 – «модель лыжи»; 32, 42 – наконечник копья; 35–38 – керамика; 40 – шейная грива; 41 – ножны; 43 – кинжал отбойник (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Васкул, 2021). Масштаб разный. 5–24, 26–29, 31–34, 39–41 – медь и бронза; 25 – кость; 30, 42, 42 – железо; 35–38 – глина

ков человека, по-видимому, не сохранились или являются кенотафами.

Шиховской могильник располагается на одной из пойменных террас левого берега старицы р. Мачи (приток Печоры) (рис. 27: 1, 2). Все 33 погребения располагались на территории некрополя группами. Судя по находкам столбовых ям возле могил, на поверхности они были обозначены столбами или другими конструкциями.

Выделяются три группы могил, которые отличаются длиной ям. Форма погребений прямоугольная и овальная (рис. 27: 3, 4). В тех ямах, в которых сохранились остатки внутримогильных конструкций, они представлены настилами из плах. Изучены также остатки колод и лодок-долблёнок. На дне одной лодки были зафиксированы фрагменты ткани. Умерших людей хоронили по обряду кремации, реже – ингумации, отмечено также частичное погребение. Почти все погребения одиночные и только два парные; умерших в основном ориентировали на север.

Погребальный инвентарь представлен украшениями и предметами одежды: бронзовыми бляхами (рис. 27: 15–17, 29), железными и бронзовыми гривнами, подвесками (рис. 27: 18, 19, 23, 24, 39), пронизками, височными кольцами (рис. 27: 20), бусами бронзовыми и стеклянной глазчатой, а также поясными крючками (рис. 27: 9, 30), булавками (рис. 27: 26) и шейными гривнами (рис. 27: 40). В погребения также укладывали оружие: железные кинжалы (рис. 27: 43) и их рукояти из бронзы (рис. 27: 14, 22, 34), ножны (рис. 27: 13, 41), железный и бронзовые наконечники копий (рис. 27: 32, 42), шестигранный кельт, бронзовые втульчатые трехлопастные (рис. 27: 5–8, 10–12) и костяной наконечники стрел, зооморфный колчаный крючок. Кроме того, в погребениях были обнаружены керамика, предметы быта (зеркала (рис. 27: 21, 27, 31), кремневые скребки, железные ножи). Особенный интерес вызывают находки культовых предметов в виде лыж (рис. 27: 28) антропоморфных (рис. 27: 25) и зооморфных фигурок из бронзы и кости. Керамика Шиховского могильника представлена типами Перный и Ямашор (рис. 27: 35–38).

Пещерные святилища обнаружены в Адакской I и Канинской пещерах (рис. 26: 1); обе расположены на берегах рек. Характерными признаками святилищ являются наличие кострищ, находки литых культовых изделий (фигурка медведя из бронзы с гравировкой на туловище в виде человеческих изображений). Из святилищ происходят также наконечники стрел (бронзовые втульчатые трехлопастные), частично поврежденные украшения из бронзы, керамика, орнаментированная шнуром, ямками, волнистыми линиями, змеевидным штампом.

Из случайных находок интерес представляют находки бронзовой ананьинской секиры, завершение втулки и обух которой выполнены в виде головы хищной птицы (рис. 26: 7), и бронзовый чекан, втулка которого также оформлена головкой хищной птицы (рис. 26: 11).

В культурах ананьинского времени ЕСВ стала выделяться небольшая группа людей, которая требовала особого обряда погребения на поселениях, по всей вероятности, это были социально значимые люди – вожди или жрецы.

Различные формы погребения (ингумация и кремация) на Шиховском могильнике свидетельствуют о развитых представлениях о переходе в иной мир и, вероятно, о наличии социальной стратификации в обществе охотников и рыболовов того времени.

На основе археологических культур ананьинского времени ЕСВ примерно во II в. до н. э. оформились джудждыгская и пиджская культуры гляденовской культурной общности.

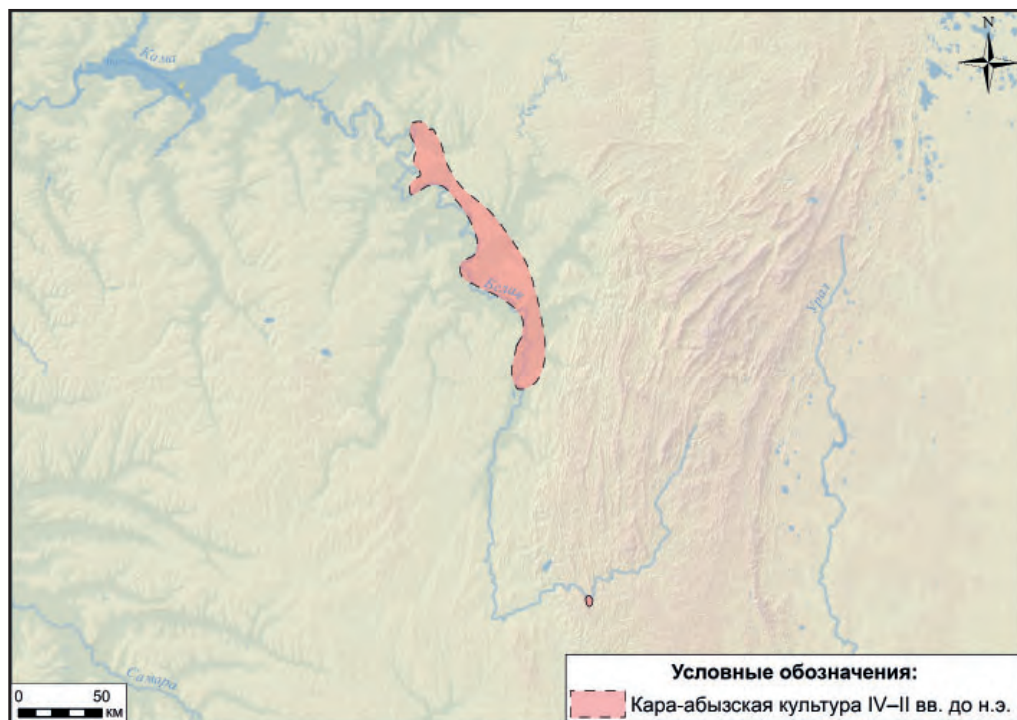

Рис. 28. Ареал раннего этапа кара-абызской культуры

Кара-абызская культура. Гафурийский и убаларский типы. С первой фазой РЖВ связаны 1 и 2 этапы культуры (IV–II вв. до н. э.).

Генезис кара-абызской культуры связан с местным (постмаклашеевским и классическим ананьинским) населением, а также с пришлым кочевническим, с носителями т. н. «гафурийского типа» или «гафурийского культурного комплекса». Происхождение памятников гафурийского типа дискуссионно, одни специалисты рассматривают их как раннепрохоровские, другие высказывают предположение о принадлежности их к зауральским лесостепным культурам. Убаларские памятники, возможно, представляют собой вариант кара-абызской культуры, сформировавшийся на ее южной периферии. Ареал кара-абызской культуры включает территорию лесостепной зоны Южного Предуралья в нижнем и среднем течении р. Белой (рис. 28).

Поселения укрепленные (городища) и неукрепленные (селища) располагаются на мысовидных выступах коренной террасы правого берега р. Белой, но есть и исключения – Бирское поселение и Черниковское селище, размещавшиеся на низких участках местности в широкой котловине или надпойменной террасе. Исследователи выделяют долговременные поселения большой площади со значительной толщиной культурного слоя и сезонные (или временные) поселения с тонким культурным слоем, слабо насыщенным находками. Укрепленные поселения-городища с напольной стороны укреплялись валами (одним или двумя) и рвом (рис. 29: 1–3).

Изученность поселений кара-абызской культуры незначительна, количество изученных построек невелико. В настоящее время известны сооружения полуземляночного типа, наземные жилища и хозяйственные ямы. Внутри построек располагались открытые очаги, обложенные по кругу диаметром 1–1,5 м камнями.

Посуда кара-абызской культуры на раннем этапе – лепная круглодонная с примесью песка, дресвы или раковины в глиняном тесте, чашевидной с высокой вертикальной шейкой, горшковидной формы (рис. 29: 8, 12–21, 23–26). Она орнаментировалась ямочным орнаментом по шейке, иногда в сочетании с отпечатками гребенчатого штампа или шнура, по внешнему виду полностью совпадает с постмаклашеевской керамикой. Именно эта посуда стала ассоциироваться с собственно кара-абызской. Вторая группа керамики также с примесью раковины, орнаментированная ямкой, шнуром и зубчатыми отпечатками, имеет аналогии в ананьинской классической культуре. Третья группа керамики относится к гафурийскому типу, изготавливалась она из глины с примесью талька и мелкого песка, орнамент резной и желобчатый. Четвертая группа – гибридная – имеет признаки как кара-абызской, так и гафурийской керамики, ей присущи колоколовидные формы сосудов, примесь раковины в глиняном тесте и орнамент с преобладанием каннелюр и резных зигзагов. Известны также сосуды-курильницы.

Поселенческий инвентарь кара-абызской культуры представлен украшениями (стеклянной бусиной и бисером, подвеской гиревидной формы), орудиями труда (молотком из кварцита, точильными камнями, глиняными пряслицами), оружием (втульчатыми трехлопастными базисными наконечниками стрел из бронзы (рис. 29: 4), костяными наконечниками стрел, зооморфным колчаным крючком из бронзы, а также железными изделиями: обломком меча с бабочковидным перекрестием, наконечником копья (рис. 29: 27). Кроме того, на поселениях встречаются предметы быта (ножи) и костюма (поясные крючки, бляхи и пластины) (рис. 29: 5, 9–11, 22).

Основой хозяйственной деятельности кара-абызской культуры было пастушеское и полукочевое скотоводство. В составе стада на первом месте был мелкий рогатый скот, затем по убыванию лошадь, крупный рогатый скот и свиньи. Охота и рыболовство носили вспомогательный характер. Земледелие у населения кара-абызской культуры не зафиксировано. Металлообработка базировалась на местном и привозном сырье, причем металл поступал от кочевников – носителей раннепрохоровской культуры. О местном производстве цветного металла свидетельствуют находки на поселениях сплесков металла и шлаков, а также металла в виде фрагментов и целых предметов эпохи бронзы (рис. 29: 7).

Известны грунтовые и курганные могильники кара-абызской культуры (рис. 30: 1, 2). Они располагаются рядом с поселениями, как правило на коренных террасах реки Белой и её притоков. Современные размеры курганов 8–30 м в диаметре, высота насыпи 0,15–1,5 м. Под курганной насыпью размещались несколько погребений, которые могли иметь разную ориентировку. В грунтовых могильниках погребения образовывали групповые скопления. В основном погребения совершались в простых могильных ямах, но встречаются и ямы со стенками, обложенными камнями (рис. 30: 3). Могилы имели овальную и четырёхугольную форму. В погребениях зафиксированы мужские, женские и детские костяки, почти все они индивидуальные. Чаще всего умерших размещали вытянуто на спине ногами к реке, головой на юго-восток, север, северо-запад. В засыпке могильных ям фиксируются угли и камни.

В могилах находят керамику, оружие, конскую упряжь (железные одноколычатые удила и двудырчатые псалии (костяные и железные), сбруйные бляхи) (рис. 30: 11, 23, 38), украшения и предметы одежды, предметы быта (железные однолезвийные

Рис. 29. Городища и поселенческий инвентарь раннего этапа кара-абызской культуры.
 1 – Уфимское (Чертово) городище; 2 – Охлебинино-1, городище;
 3 – Курмантай-3 (Михайловское), городище; 4 – наконечник стрелы; 5 – нож;
 6 – пластина; 7 – бляха бронзового века (металлолом); 8, 12–21, 23–26 – керамика;
 9 – поясная бляха с двумя петлями на обороте; 10, 11 – поясной крючок;
 22 – нож; 27 – наконечник копья (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Воробьёва, 2021).
 4 – бронза; 5, 6 – железо; 7 – бронза; 8, 12–21, 23–26 – глина;
 9 – бронза; 10, 11, 22, 27 – железо

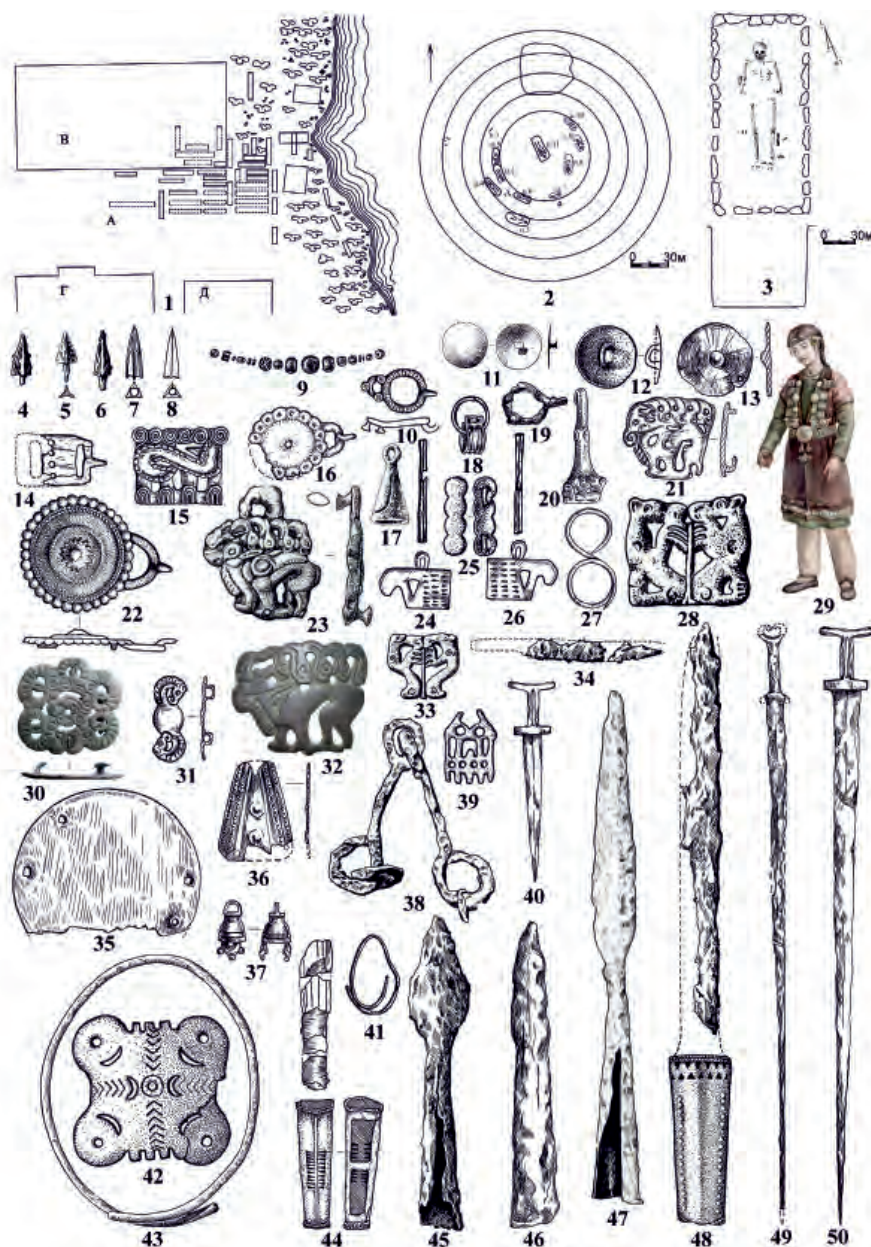

Рис. 30. Могильники и погребальный инвентарь раннего этапа кара-абызской культуры. 1 – Уфимский могильник; 2 – Шиповский курганный могильник; 3 – Охлебининский могильник; 4–8 – наконечники стрел; 9 – бусы; 10 – обувная пряжка; 11, 23 – сбруйная бляха; 12, 13, 21 – бляхи и бляшки; 14, 16, 19, 20, 22, 30, 31 – поясные пряжки; 15, 28, 32, 33 – поясные накладки; 17, 24, 26, 36, 37, 39 – подвески; 18, 27 – височные подвески; 29 – женский костюм кара-абызской культуры IV–III вв. до н. э.; 34 – нож; 35, 42 – накладки; 38 – удила; 40 – кинжал; 41 – браслет; 43 – шейная гривна; 44, 48 – боевой нож в ножнах; 45–47 – наконечники копий; 49, 50 – мечи (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Воробьева, 2021). Масштаб разный. 4–6 – железо; 7, 8, 10–13, 15–17, 20–28, 30–33, 35–37, 39, 41–43 – бронза; 9 – камень и стекло; 14 – кость; 18 – бронза и золото; 34, 38, 40, 45–47, 49, 50 – железо; 44, 48 – железо и бронза.

ножи) (рис. 30: 34), ритуальные предметы (глиняные курительницы), кости животных. Керамика представлена круглодонными сосудами с примесью раковины или дресвы, орнаментированными пояском ямок по шейке, и плоскодонными сосудами гафурийского типа с примесью талька и орнаментом из насечек, сгруппированных в вертикальные «елочки».

Оружие довольно разнообразно. В составе погребального инвентаря на раннем этапе были бронзовые трехгранные наконечники стрел (базисные и с выступающей втулкой) (рис. 30: 7, 8), затем костяные и железные черешковые наконечники стрел (рис. 30: 4–6). Кроме того, в погребениях отмечены железные наконечники копий (рис. 30: 45–47), мечи и кинжалы (с серповидным навершием и брусковидным перекрестием; с кольцевым навершием) (рис. 30: 40, 49, 50), боевые ножи в бронзовых ножнах (рис. 30: 44, 48). Очень разнообразны в кара-абызской культуре украшения и предметы одежды. Это височные подвески (в виде знака вопроса и с изображением головы хищной птицы), колоколовидные и котловидные подвески, пряжки с неподвижным язычком, с изображением оленей и сцен терзания, пластинчатые пряжки (железные и костяные), накладки с изображением хищных птиц, бронзовые шейные гривны и зооморфные поясные крючки, браслеты, бусы из стекла и камня и т. п. (рис. 30: 9, 10, 12–22, 24–28, 30–33, 35–37, 39, 41–43). На основании такого огромного материала были созданы реконструкции костюмных комплексов кара-абызской культуры (рис. 30: 29).

Кара-абызское общество сформировалось в результате тесного взаимодействия кочевников и оседлого населения; на протяжении длительного времени эти группы сохраняли свою культурную идентичность. По всей видимости, на основе этих разных этнических групп формировались отдельные страты кара-абызского общества. Проживали носители данной культуры отдельными родовыми коллективами, о чем свидетельствуют данные погребального обряда. Различие в оформлении могильных ям – с обкладкой камнями и без них – говорит о выделении отдельных представителей социума, которым требовались более сложные погребальные конструкции, чем рядовым общинникам.

Во II в. до н. э., с началом второй фазы РЖВ, в кара-абызской культуре наблюдаются важные трансформации, характеризующиеся вторым и четвертым этапами развития данной культуры.

4.2. КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА СТЕПИ, ЛЕСА И ЛЕСОСТЕПИ II В. ДО Н. Э. - II/ III В. Н. Э.

Культуры севера степной зоны

Среднесарматская культура (I в. н. э. – пер. пол. II вв. н. э.). Вопросы происхождения среднесарматской культуры остаются в настоящее время дискуссионными. Одной из основных гипотез является та, которая связывает распространение элементов среднесарматской культуры с появлением в Восточной Европе аланов. Другие гипотезы предполагают постепенное изменение материальной культуры раннесарматских племен, но не отрицают влияния миграционного фактора.

Территорией распространения памятников среднесарматской культуры были Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Подонье, Поволжье и Южное Предуралье (рис. 31).

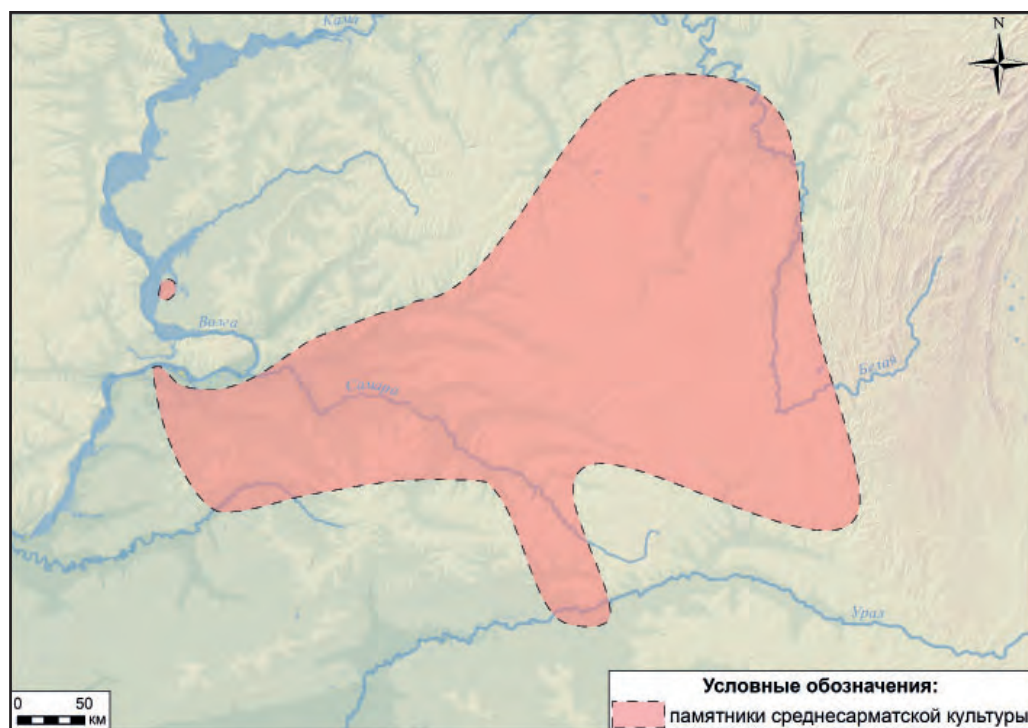

Рис. 31. Ареал среднесарматской культуры

Основным источником изучения среднесарматской культуры являются курганные могильники. Среднее Поволжье и Южное Предуралье были периферией сарматского мира, что и определило характер погребальных памятников этого региона. Погребения здесь небогатые, а предметы импорта немногочисленны, немного и собственно погребений этого времени.

Сарматские погребения могли быть как основными, так и впускными в более ранние курганные насыпи. Курганы высотой 0,6–1 м и диаметром 10–15 м насыпали над одним погребением, редко над двумя-тремя. Мертвых размещали в простых могильных ямах прямоугольной, квадратной или овальной в плане формы (рис. 32: 1–3; 33: 1–3). Отмечены также отдельные погребения в ямах с подбоями. В некоторых могильных ямах сохранились фрагменты деревянных перекрытий, облицовка могилы деревом, настил на дне ямы в виде досок или других органических материалов. Выявлены остатки покрытия умерших людей корой и другими материалами.

Подавляющее количество погребений одиночные. Умерших людей хоронили по обряду трупоположения вытянуто на спине, иногда в атакующей позе с согнутой в колене ногой или в позе всадника с согнутыми в коленях ногами и руками, нешироко разведенными в стороны и согнутыми в локтях. В большинстве случаев костяки были ориентированы головой на южный сектор. В квадратной или широкой прямоугольной могиле типично размещение умершего по диагонали (рис. 32: 3; 33: 1, 3).

В сарматских погребениях зафиксированы угли, отражающие культ огня, мел, охра, сера, посыпка дна могильной ямы мелом и/или золой. Кроме того, в могилы помещали погребальную пищу – ноги и лопатки барана.

Рис. 32. Погребения и погребальная керамика среднесарматской культуры.
 1 – Гвардейцы I могильник, курган 30, погребение 1; 2 – Кардаиловский I могильник, курган 19, погребение 1; 3 – Герасимовка I могильник, курган 9, погребение 1;
 4, 8, 11, 18–20 – импортные сосуды; 5–7, 9, 10, 12–17 – сосуды среднесарматской культуры
 (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Мышкин, 2021). Масштаб разный. 4–20 – глина

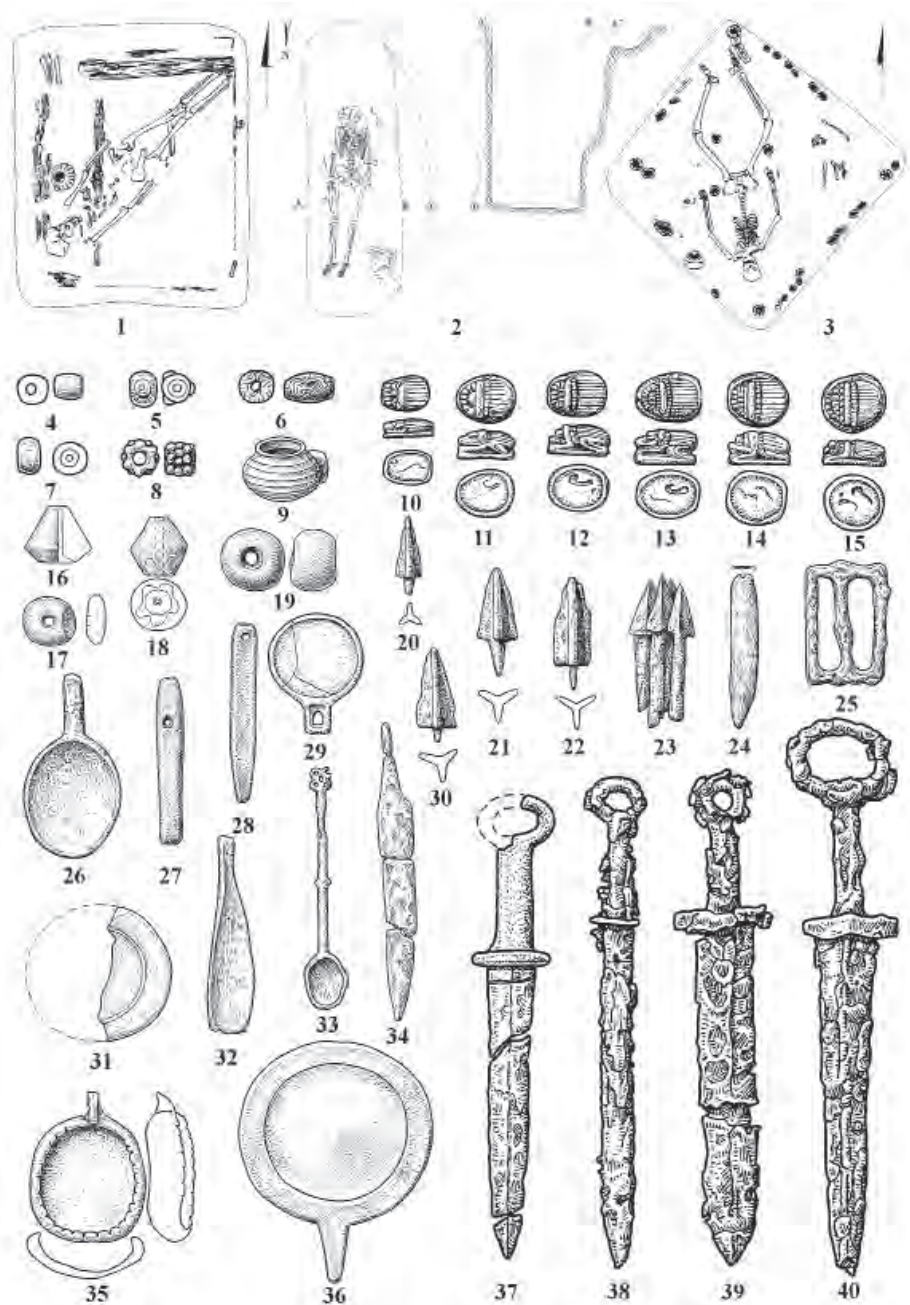

Рис. 33. Погребения и погребальный инвентарь среднесарматской культуры.
 1 – Кардаиловский I, курган 20, погребение 1; 2 – Иргиз I, курган 1, погребение 5; 3 – Сорочинский, курган 4, погребение 2; 4–8, 19 – бусы; 9 – миниатюрный сосудик; 10–15 – пронизи; 16–18 – пряслица; 20–23, 30 – наконечники стрел; 24 – накладка от лука; 25 – пряжка; 26, 32, 33 – ложки; 27, 28 – оселки; 29, 31, 36 – зеркала; 34 – нож; 35 – чашечка; 37–40 – мечи (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Мышкин, 2021). Масштаб разный.
 4, 5, 7, 8, 19 – стекло; 6, 16–18, 27, 28 – камень; 9, 35 – алебастр; 10–15 – фаянс; 20–23, 25, 30, 34, 37–40 – железо; 24, 26, 32, 33 – кость; 29, 31, 36 – бронза

Погребальная посуда представлена плоскодонной и круглодонной керамикой, лепной и гончарной. Лепная керамика создавалась непосредственно сарматами, которые изготавливали преимущественно горшковидные сосуды с шаровидным туловом и цилиндрической или воронкообразной шейкой (рис. 32: 5–7, 9, 10, 12–17). Отмечены также лепные кувшины и чаши круглодонные и плоскодонные. Гончарная керамика импортная, она представлена кувшинами с одной ручкой, горшками и мисками с примесью песка в глиняном тесте, на некоторых сосудах отмечены следы красной глазури (рис. 32: 4, 8, 11, 18–20). Орнамент на сосудах в виде прочерченных вертикальных полос или волнистых линий располагается на шейке, иногда на тулове. Встречаются сосуды, украшенные на плечиках желобками, ниже на тулове лощением наносились вертикальные или наклонные линии. Иногда сосуды орнаментировались округлыми вдавлениями.

Другим типом погребальной посуды были лепные плоскодонные курильницы, которые помещали в могилы по одной или по две. Курильницы были цилиндрической или раструбовидной формы (рис. 32: 5). Одна из них была декорирована прочерченными линиями в виде дерева с полукруглыми вдавлениями по венчику. Иногда в курильницах сохраняются следы нагара, а под донцем фиксируют угли.

Кроме глиняных сосудов в среднесарматских погребениях находят алебастровые сосудики и чашечки (рис. 33: 9, 35). Ручка одного из них была выполнена в виде хищника, положившего голову на передние лапы.

Предметы вооружения представлены прежде всего двулезвийными кинжалами, короткими мечами с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем, иногда сохраняются костяные обкладки рукоятей и деревянных ножен (рис. 33: 37–40), а возле мечей находят пряжки (рис. 33: 25).

Свидетельством широкого использования луков являются находки в могилах железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (рис. 33: 20–23, 30). Бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел в воинских наборах среднесарматского времени редки. Встречаются в погребениях и остатки луков в виде костяных накладок на кибить (рис. 33: 24), колчаные крючки, а также фрагменты древков от стрел, окрашенные в красный цвет. Кроме того, в могилах находят железные наконечники дротиков и стержни-остроконечники. Конская упряжь представлена немногочисленными находками железных удиц.

Украшений также немного. Наибольшее разнообразие проявляется среди стеклянных бус, выявлены бусины бочковидной, округлой и цилиндрической формы (рис. 33: 4, 5, 7, 8, 19). Некоторые из них с внутренней позолотой, с выпуклинами, глазчатые, синие, красные, или из непрозрачного стекла различного цвета. Бисер имеет три основных цвета – апельсиновый, голубой и сиреневый.

Из бронзы и золота изготавливали нашивные бляхи, пронизи, височные кольца, серьги и перстни. Бусы использовали не только как шейно-нагрудное украшение, но и расшивали ими женскую одежду, головные уборы и обувь. Также в качестве украшений одежды использовали и небольшие бляшки. Головной убор могли украшать подвески из клыков кабана, алебаstra и камня. Интерес вызывают пронизи в виде скарабеев, выполненные из синего фаянса (рис. 33: 10–15), и фигурки львов из светло-зеленого фаянса, бусы бочковидной и кубической формы из минералов (рис. 33: 6).

В женские погребения помещали небольшие бронзовые зеркала с валиком по краю или утолщенным краем, целиком или фрагментами (рис. 33: 29, 31, 36). В од-

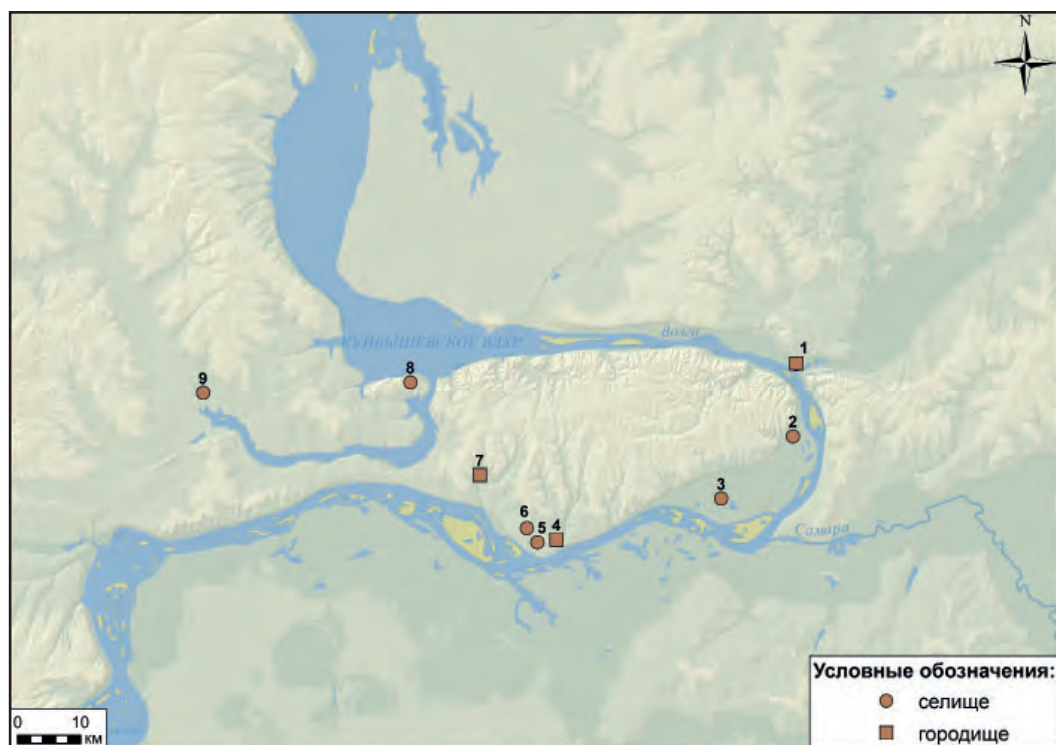

Рис. 34. Памятники позднескифского круга

- 1 – Царев курган; 2 – Подгорское селище; 3 – Новинковское селище; 4 – городище Лбище;
5 – Лбищенское селище; 6 – Севрюкаевское селище; 7 – городище Большая Рязань;
8 – Березовское селище; 9 – Шигонское селище (по: Сташенкову Д.А.)

них случаях рукояти зеркал изготовлялись в виде стержня, на который насаживалась деревянная или костяная рукоятка. В других случаях вместо рукояти зеркало оформлялось петлей для подвешивания. К числу предметов, связанных с косметикой, относят костяные ложки с рукоятками (рис. 33: 26, 32, 33), украшенными зооморфными или геометрическими изображениями.

Предметы быта представлены пряслицами (глиняными, каменными и алебастровыми) (рис. 33: 16–18), оселками (рис. 33: 27, 28), железными однолезвийными ножами (рис. 33: 34) и проколками.

Большой удачей для археологов была находка двух монет Боспорского царства, датированных 73–63 и 63–47 гг. до н. э. Они найдены в погребении 4 Иштугановского I могильника в Южном Предуралье. По мнению исследователей, здесь был погребён воин, который мог принимать участие в военных действиях Боспорского царства и Рима.

Отсутствие видимой стратификации среднесарматского общества в Среднем Поволжье и Предуралье, по всей вероятности, связано с пограничным характером этих территорий и относительной бедностью местного населения.

Во второй половине II в. н. э. начинаются миграции военных групп кочевого населения с востока на территорию сарматов. Восточные кочевники частично замещают, а частично включают в свой состав местное население. В результате этих процессов сформировались инновации в материальной культуре и погребальном об-

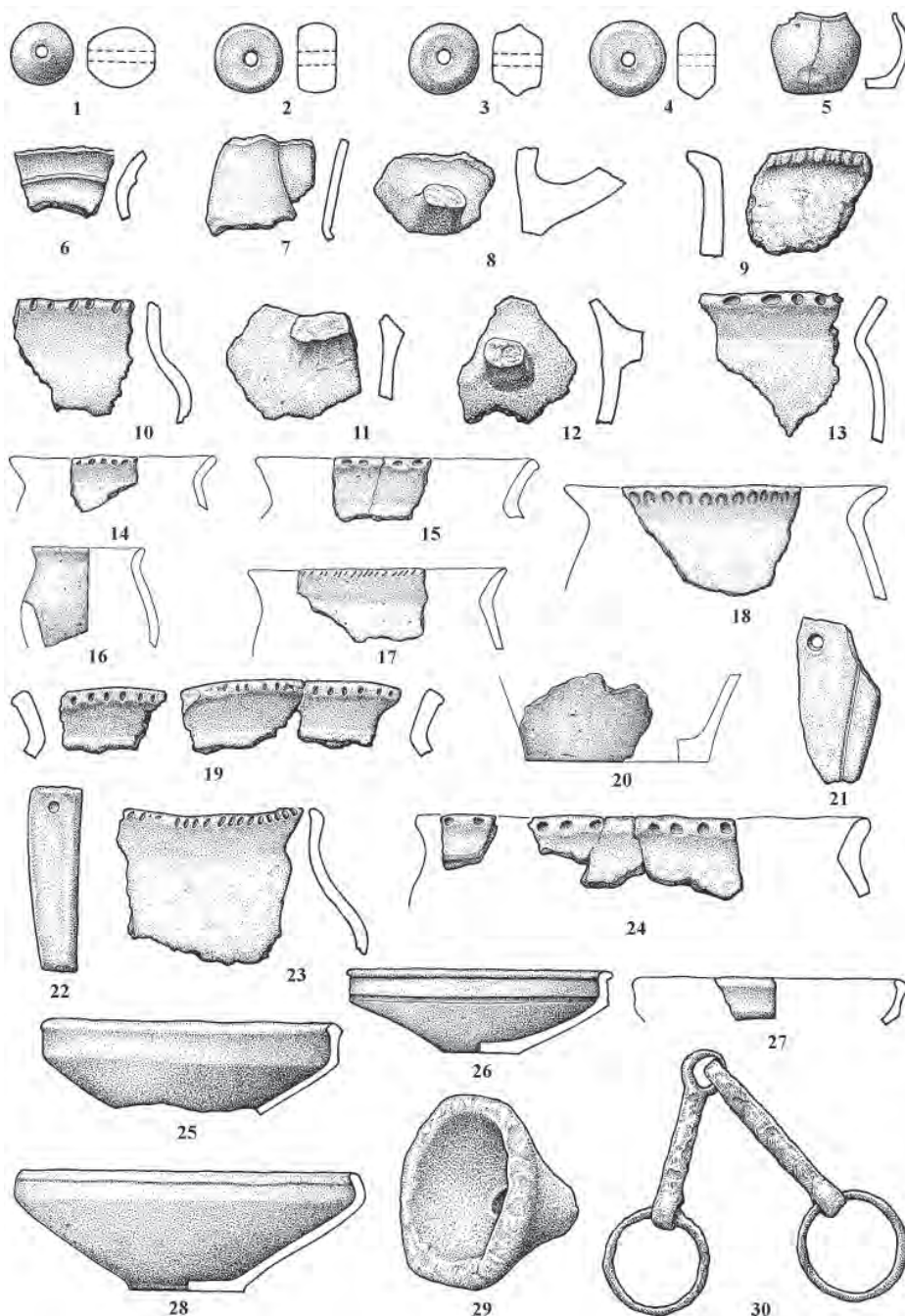

Рис. 35. Поселенческий инвентарь памятников позднескифского круга.
 1–4 – пряслица; 5 – миниатюрный сосудик; 6, 9 – фрагменты дисков; 7, 8, 11, 12 – фрагменты кувшинов; 10, 13, 23, 24 – фрагменты венчиков; 14–19, 27 – реконструкции верхних частей сосудов; 30 – придонная часть сосуда; 21, 22 – точильные бруски; 25–28 – миски; 29 – воронка; 30 – удила (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Зубов, Гришаков, Мясников, 2021). Масштаб разный
 2–20, 23–29 – глина, 21, 22 – камень, 30 – железо

ряде кочевого волго-уральского населения, которые принято отождествлять с новой позднесарматской культурой.

Памятники позднескифского круга в Среднем Поволжье (I–III вв. н. э.) принадлежали оседлому населению, родственному обитателям позднескифских поселений Нижнего Подонья и Саратовского Поволжья.

Ареал распространения памятников в Поволжье невелик, он занимает территорию Самарской Луки и прилегающие участки правобережья и левобережья Волги (рис. 34).

Основным и единственным источником изучения памятников позднескифского круга являются неукрепленные поселения. На поселениях выявлены полуземлянки с котлованом, заглубленным на 1,2–1,5 м, и наземные (?) дома. К сожалению, они мало изучены и информации об их конструкции недостаточно. В одной из полуземлянок удалось проследить очертания входа-тамбура длиной до 2,5 м и очаг диаметром 0,8 м в яме, обложенной камнями и обмазанной глиной.

Предположительно, с позднескифской культурой связаны три безынвентарных грунтовых захоронения на поселении Царев Курган. Погребенные в них были похоронены по обряду труположения; лежали вытянуто на спине, головой к реке на запад и юго-запад.

Проблема определения основных направлений хозяйственной деятельности обусловлена многослойностью поселения Царев Курган, единственного раскопанного большими площадями. Основные материалы этого памятника связаны с первыми веками н. э. и на этом основании можно вполне определенно полагать, что основная масса остеологических находок связана с позднескифской культурой. Исследователи считают, что хозяйство носителей культуры памятников царевокурганского типа базировалось на придомном скотоводстве в сочетании с охотой. Наличие земледелия у позднескифского населения не доказано.

Керамика памятников позднескифского круга представлена в основном материалами из поселения Царев Курган (71%). На основе коллекции этого памятника была построена типология глиняной посуды позднескифского типа. В керамическом комплексе поселения выделены: острорёберные миски, горшки с раструбовидной горловиной, кувшины и миниатюрные сосуды, диски-сковороды, диски (ритуальные хлебцы?) (рис. 35: 5–25, 27, 28). Большая часть посуды лепная, но найдено несколько мисок, выполненных на гончарном круге (рис. 35: 26). Все сосуды плоскодонные с примесями дробленой кальцинированной кости, мелкого и среднего шамота и органики (возможно, навозной выжимки) в глиняном тесте. В отдельных случаях в качестве примесей к глиняному тесту использовалась дробленая раковина и органика (навоз?). В единичных сосудах известны и другие рецепты примесей к глине. Обжиг глиняной посуды костровой. Орнаментировались в основном горшки, хотя отмечены и неорнаментированные экземпляры. Орнамент на сосудах простой; наносился по краю венчика пальцевыми вдавлениями или насечками. Основное количество позднескифской керамики относится к нелощеной посуде, но на поселении Царев Курган известно несколько лощеных сосудов.

Второй по количеству находок категорией на поселениях являются пряслица, представленные несколькими типами: биконическими, бочонковидными, уплощенными, цилиндрическими (рис. 35: 1–4). Единичны находки точильных брусков с наметченными, но не до конца просверленными отверстиями (рис. 35: 21, 22), железных удилов, глиняная воронка (рис. 35: 29, 30).

Судя по тому, что отдельные черты материальной культуры позднескифских поселений присутствуют на более поздних памятниках киевского круга Самарского лесостепного Поволжья, ее носители не исчезли с исторической арены. Их судьбы тесно связаны с последующими раннесредневековыми культурами Среднего Поволжья, в которые они вошли в качестве одного из компонентов.

Культуры лесной и лесостепной зоны

Кара-абызская культура (II в. до н. э. – II в. н. э.). На рубеже IV–III вв. до н. э. продолжился процесс интеграции кара-абызской культуры с населением лесостепного Зауралья и, по всей видимости, с прохоровской культурой.

Территория распространения памятников кара-абызской культуры на этом этапе простиралась по среднему течению р. Белой, где они располагались преимущественно на её правом берегу (рис. 36).

В это время продолжают функционировать все поселенческие памятники раннего периода кара-абызской культуры, но возникают и новые поселения. Часть поселений использовалась для проживания в зимний период (зимники), к ним относятся городища и селища. Летом население перемещалось на летники – неукрепленные селища на низких пойменных террасах, возле воды.

Городища и селища располагались на мысах коренной террасы, а также на отдельных высоких возвышенностях правого берега р. Белой. Городища защищали один или несколько валов, иногда дополнительно укрепленных известняковыми плитами и глиной, и рвы (рис. 37: 1–3). В отдельных случаях на вершинах насыпей вала фиксируются остатки деревянных конструкций (частоколов?).

Известно два типа построек кара-абызской культуры – наземные и полужемлянки. В котлованах некоторых из них выявлены очаги диаметром 1–1,5 м, обложенные крупными камнями. Отмечены также очаги, вырубленные в скальном основании в виде овальной ямы. Выделяются жилые постройки с очагами для готовки пищи; в них найдены кости животных и керамика. Изучены также производственные сооружения, предназначенные для металлургии и металлообработки, в которых фиксируются сплески металла, шлаки, орудия обработки металла.

Особый интерес вызывает воинское святилище на городище Акбердино 2. На нем был изучен комплекс разновременных предметов вооружения в составе железного чекана типа Аржан 2, мечей – биметаллического савроматского и железного «ханьского» типа, а также бронзовой фигурки птицы. Считают, что в святилище были установлены два столба, на одном из которых были подвешены мечи и чекан, и каменная конструкция. Исследователи интерпретируют это святилище в связи с культом оружия и войны.

Наиболее массовой находкой на кара-абызских поселениях является лепная керамика. Она представлена открытыми чашами, горшками с низкой и средней шейкой, горшковидными сосудами полуяйцевидной формы с высокой вертикальной шейкой (рис. 37: 15–17, 22). Отмечена также импортная керамика – курильницы и чаши, изготовленные на гончарном круге.

Сосуды украшались поясками ямок или подтреугольных и прямоугольных наколов, желобками, вдавлениями, выполненными гладким штампом, образующим вертикальную и горизонтальную ёлочку, резными линиями, образующими треугольники и зигзаги. Орнамент наносился на шейку и плечики сосуда. Но много

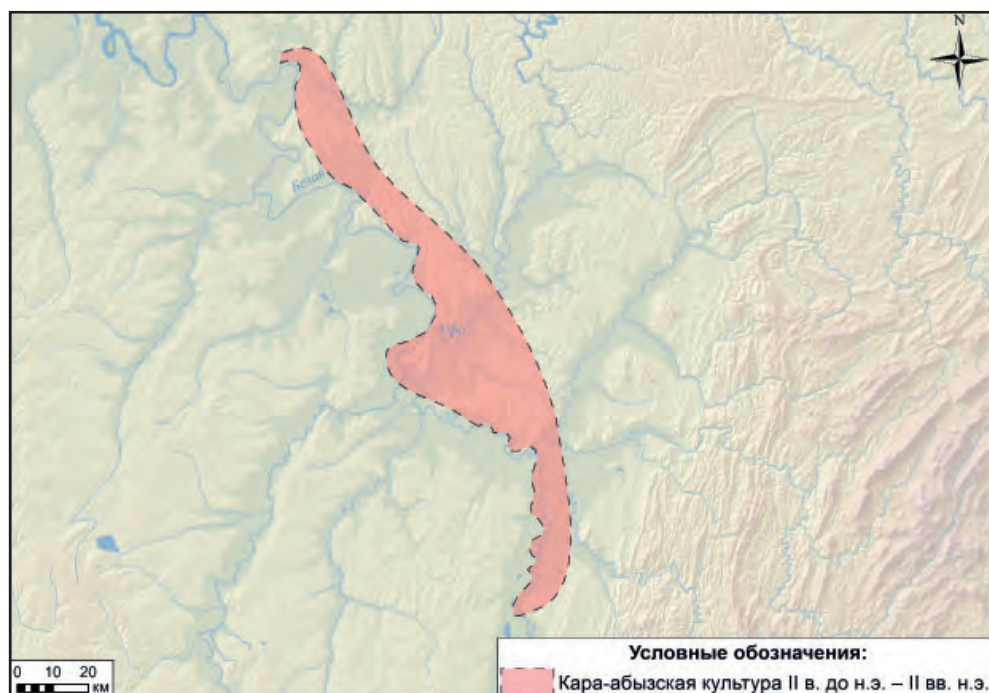

Рис. 36. Ареал кара-абызской культуры III в. до н. э. – II вв. н. э.

и неорнаментированной керамики. Посуда гафурийского типа постепенно замещается керамикой убаларского типа. Убаларская керамика тонкостенная, круглодонная и плоскодонная, в тесте преобладают примеси песка, мелких камешков и дресвы, орнамент чаще всего отсутствует. Кара-абызская керамика начинает изготавливаться из глины с примесью песка в сочетании с раковинной или только с песком, орнамент на ней постепенно исчезает. Она преимущественно круглодонная, но встречаются и уплощенные днища. Как отмечают исследователи, на этом этапе много керамики, изготовленной по смешанным рецептам – убаларским и кара-абызским.

Кроме керамики, из глины изготавливались многочисленные пряслица, в том числе сделанные из стенок сосудов (рис. 37: 11–13).

К изделиям из бронзы относят трехлопастные наконечники стрел, базисные и с выступающей втулкой, височные подвески, фрагменты котлов, обломки гривен, бляшки, обоймы, проколки, бляху в виде головы льва (рис. 37: 6–9). Изделия из железа представлены в основном однолезвийными ножами и трехлопастными черешковыми наконечниками стрел, втульчатыми наконечниками копий, удилами, шильями (рис. 37: 10, 19). Костяной инвентарь – черешковые наконечники стрел, гарпуны, ложила из тазовой костей лошади, изделия для обработки кожи (тупики). Каменных изделий немного: это оселки и абразивные плиты, молотки для обработки металла, каменные молоточки ритуального назначения, терочные плиты, скобели (рис. 37: 23, 24).

Основой хозяйственной деятельности кара-абызского населения на этом этапе оставалось пастушеское скотоводство. Стадо включало мелкий и крупный рогатый скот, лошадей и свиней. О возрастающей роли пушной охоты говорят многочисленные находки костей бобра. Зафиксированы также свидетельства рыбной ловли.

Рис. 37. Поселенческий инвентарь (4–13, 15–17, 19, 22, 23, 24) и погребальная керамика (14, 18, 20, 21, 25–28) кара-абызской культуры III в. до н. э. – II вв. н. э. 1 – Табынское 2 городище (Воскресенское городище); 2 – Табынское 1, городище; 3 – Биктимирово 4 городище (Биктимировское городище); 4 – пронизка; 5 – бляшка; 6–9 наконечники стрел; 10 – фрагмент шила; 11–13 – пряслица; 14 – миниатюрный сосуд; 15–17 – фрагменты керамики; 18, 20–22, 25–28 – керамика; 19 – фрагмент ножа; 23 – тёрочник; 24 – скребло для обработки шкуры (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Воробьева, 2021). Масштаб разный. 4–9 – бронза; 10, 19 – железо; 11–18, 20–22, 25–28 – глина; 23, 24 – камень

Металлообработка базировалась в основном на местном сырье. О возросшей роли металлургии и металлообработки свидетельствует распространение крупных производственных центров, таких как селище Курмантау. Здесь зафиксированы все признаки развитой производственной деятельности: производственные площадки, многочисленные бронзовые и железные изделия, медные и железные шлаки, заготовки украшений, сплески металла, ошлакованные слитки меди.

Могильники кара-абызской культуры в рассматриваемый промежуток времени размещались на высоких террасах, рядом с зимниками. В настоящее время известны как курганные, так и грунтовые некрополи (рис. 38: 1–3).

Технология и этапы строительства курганов реконструированы на примере Шиповского курганного могильника. Первоначально на погребальной площадке размещали центральное и несколько периферийных погребений, затем сооружалась насыпь из дерновых блоков. Спустя некоторое время в неё вводились дополнительные погребения, совершались поминальные обряды, а затем курган вновь досыпался. Курганные насыпи невысокие, их современная высота составляет 0,4–0,8 м, диаметр 5–11 м. Очертания могильных ям не прослежены. В погребениях костяки располагались вытянуто на спине и были ориентированы преимущественно на северный сектор. В грунтовых могильниках изучены захоронения мужчин, женщин и детей в могильных ямах прямоугольной формы. Все они индивидуальные. Ориентировка костяков разнообразна и передает практически все стороны света. Умерших укладывали вытянуто на спине, иногда с подогнутыми ногами, руки вдоль тела. Многократные случаи намеренного повреждения костяков заставили исследователей высказать предположение о существовании обряда обезвреживания покойников. Судя по сохранившимся остаткам коры, умерших заворачивали в луб. Зафиксированы многократные перекрытия ранних погребений более поздними.

Погребальный инвентарь представлен деталями костюма, оружием, предметами быта, конской упряжью (железными удилами), украшениями, керамикой и костями животных.

Многочисленны детали костюма: в погребениях находят пуговицы, пряжки (рис. 38: 22–26, 28, 29, 36, 38, 39, 43, 47, 48), бляхи-зеркала (рис. 38: 30), накладки, крючки, пронизки.

Вооружение размещали в мужских погребениях. Из бронзы изготовлены только бронзовые наконечники стрел – трехлопастные базисные и с выступающей втулкой (рис. 38: 10, 12). Из кости изготавливали черешковые наконечники стрел (рис. 38: 40, 41). Много железного оружия: трехлопастные наконечники стрел, втульчатые наконечники копий, двулезвийные мечи и кинжалы с серповидными наконечниками и прямыми перекрестиями, а также палаши и боевые ножи (рис. 38: 9, 11, 13, 49–52). Конская упряжь также изготавливалась из железа (рис. 38: 42). Предметы быта насчитывают три категории: костяные проколки, пряслица, железные ножи.

Украшения концентрируются в основном в женских погребениях. Это стеклянные и каменные бусы (двух- и трехсоставные, округлые и цилиндрические кирпичного цвета, подвески из египетского фаянса, горного хрусталя, халцедона) (рис. 38: 19–21). Разнообразны бронзовые украшения – височные, нагрудные и поясные подвески (последние в виде колокольчиков и стилизованных фигурок животных), накладки и накладки из противопоставленных голов грифонов, поясные пряжки прямоугольной формы в зверином стиле, гривны, лировидные стилизованные подвески,

Рис. 38. Погребальный инвентарь кара-абызской культуры III в. до н. э. – II вв. н. э.
 1 – Шиповский могильник; 2 – Шиповский курганный могильник, II группа курганов. План раскопа I; 3 – Охлебининский могильник группа А, раскоп 1 1965 г.; 4, 5, 7, 8, 15 – бляшки; 6, 19–21 – бусы; 9–13, 40, 41 – наконечники стрел; 14, 18 – височные подвески; 16, 17 – подвески; 22–26, 28, 29, 36, 38, 39, 43, 47, 48 – пряжки; 27, 30, 37 – поясные накладки; 31, 32 – браслеты; 42 – удила; 44 – накладка; 45, 46 – наконечники; 49–52 – наконечники копий (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Воробьева, 2021). Масштаб разный. 6 – стекло; 4, 5, 7, 8, 10, 12, 14, 15, 18, 22–34, 36–39, 43, 45–47 – бронза; 9, 11, 13, 42, 49–52 – железо; 16, 17, 40, 41, 44, 48 – кость; 19–21 – стекло и камень; 35 – раковины

поясные застёжки и накладки, браслеты (рис. 38: 5, 7, 8, 10, 12, 14, 15, 18, 22, 24, 25, 27–34, 36, 37, 39, 47). В погребениях отмечены также наконечники (рис. 38: 45, 46). Отдельные украшения были плакированы золотой фольгой или изготовлены из золота. Из кости выполнены подвески «свистки», небольшие прямоугольные накладки с ажурным оформлением и отверстиями по краям (рис. 38: 16, 17). В погребениях отмечены также накладки из раковины (рис. 38: 35).

В мужских погребениях находят бронзовые и костяные поясные пряжки с неподвижным крючком, пронизки, отдельные бусины, поясные пластинчатые пряжки прямоугольной формы, обувные пряжки с неподвижным язычком, ремённые подвески, длинные накладки с отверстиями по краям (рис. 38: 4, 6, 23, 26, 38, 43, 44, 48). Встречаются накладки на пояс из зубов медведей.

Погребальная керамика представлена сосудами гафурийского, убаларского и кара-абызского типов.

Изучение погребального обряда позволило выделить богатые и бедные погребения кара-абызской культуры, по всей вероятности, это свидетельствует о начале социального расслоения общества. В то же время погребения воинов и наличие святилищ, связанных с воинскими культами, свидетельствуют о существовании здесь института военной демократии.

Дальнейшее развитие кара-абызской культуры относится уже к её позднему этапу и будет рассмотрено в отдельной главе.

Пьяноборская культурно-историческая общность. В южной части Волго-Камского междуречья ананьинский мир на поздней фазе раннего железного века сменяет свита археологических культур, объединяемых в пьяноборскую культурно-историческую общность. Период их расцвета пришелся на время благоприятных для первобытной экономики климатических условий. Многочисленные поселенческие памятники и богатые инвентарем некрополи Прикамья рубежа эр свидетельствуют о значительном росте населения.

Пьяноборские могильники впервые были изучены в конце XIX в. у с. Пьяный Бор и д. Нырғында. Новые масштабные раскопки, проведенные в середине – второй половине XX столетия, массовость и выразительность полученных материалов позволили исследователям говорить о пьяноборской эпохе, или пьяноборской культурно-исторической общности, в Прикамье, рассматривая в ее ареале и гляденовские памятники Верхнего Прикамья. В настоящее время взгляды исследователей на этот культурный феномен носят дискуссионный характер. Часть придерживается выделения узко локальной пьяноборской культуры II в. до н. э. – II/III в. н. э. Другие настаивают на более высоком ранге – культурно-историческая общность, с широким ареалом и временем существования (II в. до н. э. – V в. н. э.). Пьяноборская КИО в этой схеме включает три самостоятельных археологических культуры: чегандинскую (тарасовскую) в Удмуртском Прикамье и на Нижней Белой, худяковскую в бассейне Вятки и кара-абызскую в среднем течении р. Белой. Памятники позднего этапа КИО (III–V вв.) – мазунинской/бахмутинской и азелинской – некоторые исследователи рассматривают как самостоятельные археологические культуры. В данном разделе мы рассмотрим пьяноборскую КИО в узком понимании как пьяноборскую культуру, материалы других археологических культур этого времени будут излагаться отдельно.

Памятники пьяноборской культуры занимают территорию на стыке Нижнего и Среднего Прикамья, а также бассейны рек Ик и Белой (рис. 39).

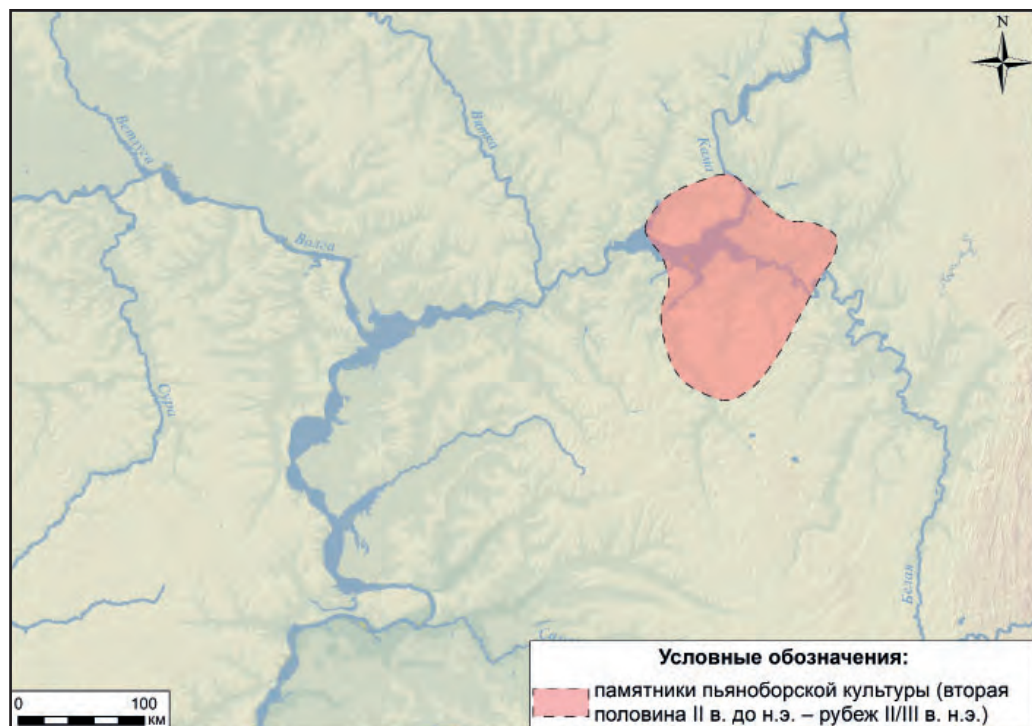

Рис. 39. Ареал пьяноборской культуры II в. до н. э. – II вв. н. э.

Основным источником изучения пьяноборской культуры служат поселения и могильники. На правобережье р. Камы также известно 12 кладов, содержавших украшения и импортную бронзовую посуду II – начала III вв.

Поселения пьяноборской культуры (более 300) подразделяются на укрепленные – городища – и неукрепленные – селища. Городища устраивались на высоких мысах коренного берега, часто на месте более ранних ананьинских. Подразделяются на одноплощадочные и многоплощадочные в зависимости от количества валов; чаще всего строились городища с одной линией валов, но известны и двух- и трехплощадочные. Насыпи валов по форме различны, выделяются прямые, дуговидные, полукольцевые и кольцевые (рис. 40: 1–4). Известны и комбинированные фортификационные сооружения, состоящие из кольцевых валов, дополненных поперечными насыпями укреплений. Площадь укрепленных поселений очень разная – от совсем небольших (500–1000 м²) до очень крупных (30–40 тыс. м²). Отсюда и назначение городищ разное – места постоянного обитания, общинные убежища, производственные центры и культовые места, причем некоторые поселения могли одновременно выполнять функции городищ-убежищ и центров производства или культовых мест.

Селища размещались на низких пойменных террасах, гривах и дюнах, реже краях коренного берега. На поселениях изучены остатки жилых построек – до девяти на одном памятнике. Изученные большой площадью городища Чеганда I, Нырғындынское II, Зуевключевское I свидетельствуют об их улично-рядовой планировке. Жилища располагались рядами, по три-четыре вдоль склонов поселения; на Чегандинском городище ещё один ряд из двух построек располагался поперек первых двух. Все сооружения выходили торцовыми стенами к улице.

Рис. 40. Поселенческий инвентарь пьяноборской культуры. 1 – Дербешкинское городище; 2 – Кырнышское городище; 3 – Новомедведевское II городище; 4 – Юлдашевское («Петер-Тау») городище; 5 – Реконструкция чегандинского жилища (экспозиция НМ УР им. К. Герда); 6 – жилище № 1 Кухтинского городища (по Ю.А. Полякову); 7–9 – пронизи; 12–14, 20–22, 26, 27 – наконечники стрел; 15, 24, 25, 30 – бляшки; 16–18 – височные подвески; 19 – подвеска; 23 – накладка; 28 – крючок; 29 – проколка; 31 – браслет; 32, 33, 36 – керамика; 34 – умбонovidная бляха; 35 – нож (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Черных, Бугров, 2021). Масштаб разный. 7–11, 15–19, 23–25, 30, 31, 34 – медь и бронза; 12, 13, 20, 26, 27 – кость; 14, 21, 22, 28, 29, 35 – железо; 32, 33, 36 – глина

Жилые постройки – срубные наземные сооружения площадью 40–80 кв. м с углубленным полом – имели прямоугольную форму (рис. 40: 5, 6). Для перекрытия пролётов длиной более 12 м в центре устанавливали столб, поддерживавший коньковую балку. По периметру стен дома утеплялись завалинкой из глины, обшитой деревян-

ной опалубкой. Полы в домах были земляными, реже глинобитными. Вход чаще всего располагался в торце здания, реже со стороны длинной стены.

Жилища отапливались открытыми очагами; когда очагов было два-три, они размещались по осевой линии помещения. Самые ранние очаги размещали непосредственно на полу, позднее появились приподнятые площадки из глины, иногда обложенные камнями. Рядом с очагом располагались хозяйственные ямы. Вдоль длинных стен или у стены, противоположной входу, были устроены нары-лежанки.

Хозяйственные сооружения (кладовые, погреб, летние очаги) и производственные площадки (ямы для варки железа) размещались на удалении от жилых домов, вблизи валов и склонов. На производственных площадках фиксируются каменные инструменты, абразивы, оселки, песты, наковаленки, глиняные литейные формы.

На поселениях находят предметы хозяйственно-бытового назначения, керамику, украшения, предметы вооружения. Набор предметов хозяйственно-бытового назначения довольно стандартен: это изделия из железа (однолезвийные ножи, четырехгранные шилья, рыболовные крючки) (рис. 40: 28, 35, 39), глины (пряслица лепные и выточенные из стенок сосуда, «хлебцы») и камня (зернотерки, песты, рыболовные грузила).

Керамика лепная круглодонная с примесью толченой раковины и растительных остатков, реже с песком и шамотом (рис. 40: 32, 33, 36). В керамическом комплексе выделены горшки, миски, чаши. Орнамент простой, чаще всего сосуды украшались круглыми, треугольными или ромбовидными ямками по горловине и насечками и защипами – по венчику. На ранних сосудах изредка продолжает использоваться орнамент в виде шнура.

Набор украшений на поселениях широкий, только стеклянных бус зафиксировано более 30 типов. Кроме того, на поселенческих памятниках отмечены бронзовые пронизки и обоймы, височные подвески различных типов, подвески в виде плоского кольца и «лировидная», круглые и подчетыреугольные бляшки, крупные круглые умбовидные бляхи, накладки разной формы, перстни и браслеты (кованые и литые) (рис. 40: 7–11, 15–19, 23–25, 30, 31, 34).

В пьяноборской культуре происходит полное замещение меди и бронз железом в сфере изготовления орудий труда и оружия. Ямы для выработки железа изучены на многих городищах. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел и деталями колчанов. На раннем этапе у лучников были стрелы с бронзовыми наконечниками (втульчатые трехлопастные с выступающей и внутренней втулками), которые затем сменились железными черешковыми наконечниками с головкой (рис. 40: 14, 21, 22). На всем протяжении существования археологической культуры в ходу были костяные наконечники стрел – черешковые и втульчатые трехгранные. Эта категория наконечников стрел была самой многочисленной (рис. 40: 12, 13, 20, 26, 27).

Второй по количеству находок группой предметов вооружения были железные черешковые наконечники, трехлопастные, с треугольной головкой (рис. 40: 14, 21, 22). Бронзовые наконечники стрел – втульчатые трехлопастные базисные и с выступающей втулкой – встречаются значительно реже.

Хозяйство пьяноборского населения реконструируется как комплексное, в основе которого было скотоводство. Предполагается также наряду с придомным скотоводством существование развитого рыболовческого уклада. Прикамское население ин-

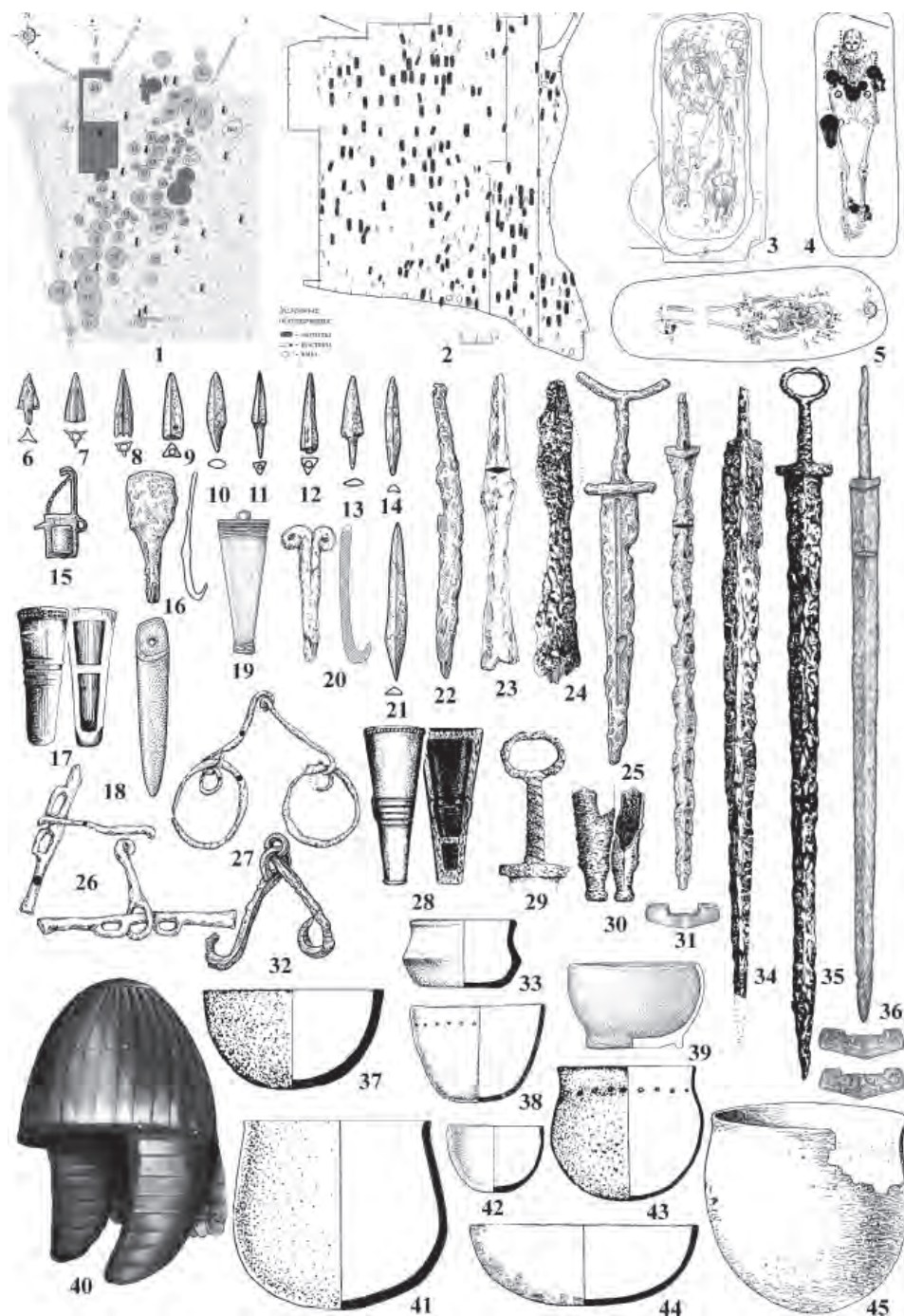

Рис. 41. Могильники и погребальный инвентарь пьяноборской культуры. 1 – Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник, план; 2 – Ныргындинский II могильник, план; 3 – Старокиргизовский I могильник, раскоп I, погр. 83; 4 – Чегандинский II могильник, погр. 15; 5 – Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник, раскоп II, погр. 14; 6–14, 21 – наконечники стрел; 15 – подвеска; 16, 20 – крючки; 17, 19, 28, 30 – бутеролы (наконечники ножен);

тенсивно осваивает приречные долины с богатыми пойменными лугами в среднем и нижнем течении Камы и Белой.

На сегодняшний день известно более 40 некрополей, расположенных на надпойменных и коренных террасах рек. Могильники пьяноборской культуры, как правило крупные, представлены грунтовыми захоронениями: Чеганда II (224 погр.), Ныргында II (308 погр.), Ново-Сасыкульский (418 погр.), Тарасовский (495 погр. I–II вв.). На Тарасовском могильнике, самом крупном, всего изучено 1880 погребений, часть из них относится к I–II вв. Исключением является Кипчаковский I могильник в Башкирии, где встречаются как грунтовые, так и подкурганные погребения (рис. 41: 1). В Кипчаковском I могильнике зафиксировано 54 визуально наблюдаемых курганных насыпей высотой от 0,1 до 1 м и диаметром от 4 до 16 м. Эти курганы образуют несколько примыкающих друг к другу цепочек. В насыпях курганов находят кости животных, преимущественно лошади. Под насыпями располагались погребения, от одного до пяти, причем одно захоронение обычно размещалось в центре кургана.

Погребения на грунтовых могильниках располагались группами и рядами (рис. 41: 2). Все захоронения совершены по обряду ингумации, в ряде случаев отмечены ритуальные разрушения костяков, погребения людей с отрубленной кистью, захоронения головы человека или человека без головы. Подавляющее число погребений одиночные (рис. 41: 4, 5), но отмечены и коллективные захоронения, в которых размещалось от двух до восьми человек (рис. 41: 3). Большинство погребений сопровождалось инвентарем. Мужские погребения содержат колчаные крючки (рис. 41: 16, 20), ножны, наконечники стрел и копий, удила, точильные камни (рис. 41: 18); женские – пряслица, бусы, бисер, браслеты, гривны, головные уборы, перстни, сюльгамы, фибулы, шилья, сосуды (рис. 41: 33, 37–39, 41–45). Ножи и пояса отмечены и у женщин, и у мужчин (рис. 41: 22).

Предметы вооружения представлены древковым (стрелы и копья) и клинковым (мечи, палаши, кинжалы и боевые ножи) оружием, а также защитным вооружением (шлем и ламеллярные доспехи). Наиболее часто встречаются бронзовые, железные и костяные наконечники стрел (рис. 41: 6–14, 21); железные втульчатые наконечники копий с ромбическим или листовидным пером (рис. 41: 23, 24); колчаные крючки. Реже встречаются находки пластин от доспехов, железных палашей с антенновидными навершиями, боевых ножей, двулезвийных мечей сарматских форм, бронзовых литых ножен конической и прямоугольной формы (рис. 41: 17, 19, 25, 28–30, 34, 35). Единично представлены пластинчатый шлем (рис. 41: 40), а также четыре экземпляра китайских мечей или их подражаний (рис. 41: 31, 36).

Конская упряжь изготавливалась из железа, в её составе отмечены удила, кольчатые или стержневые псалии, дополненные боковыми петлями. Седла, очевидно, были мягкими, от них сохранились только подпружные костяные и бронзовые застёжки (рис. 41: 26, 27, 32).

В составе украшений многочисленны изделия из бронзы: пронизки-трубочки одинарные и двучастные, одинарные пронизки-сапожки, ажурные накладки и на-

18 – оселок; 22 – нож; 23, 24 – наконечники копий; 25, 35, 36 – мечи; 26, 27, 32 – удила; 29 – рукоять меча; 31, 33, 34, 37–43 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Голдина, Бернц, 2021; Археология Волго-Уралья. Т. III / Зубов, Саттаров Тагиров, 2021). Масштаб разный. 16, 20, 22–27, 29, 30, 32, 25, 36 – железо; 7, 8, 15, 17, 19, 28 – медь и бронза; 9–14, 21 кость и рог; 18 – камень; 31, 33, 34, 37–43 – глина

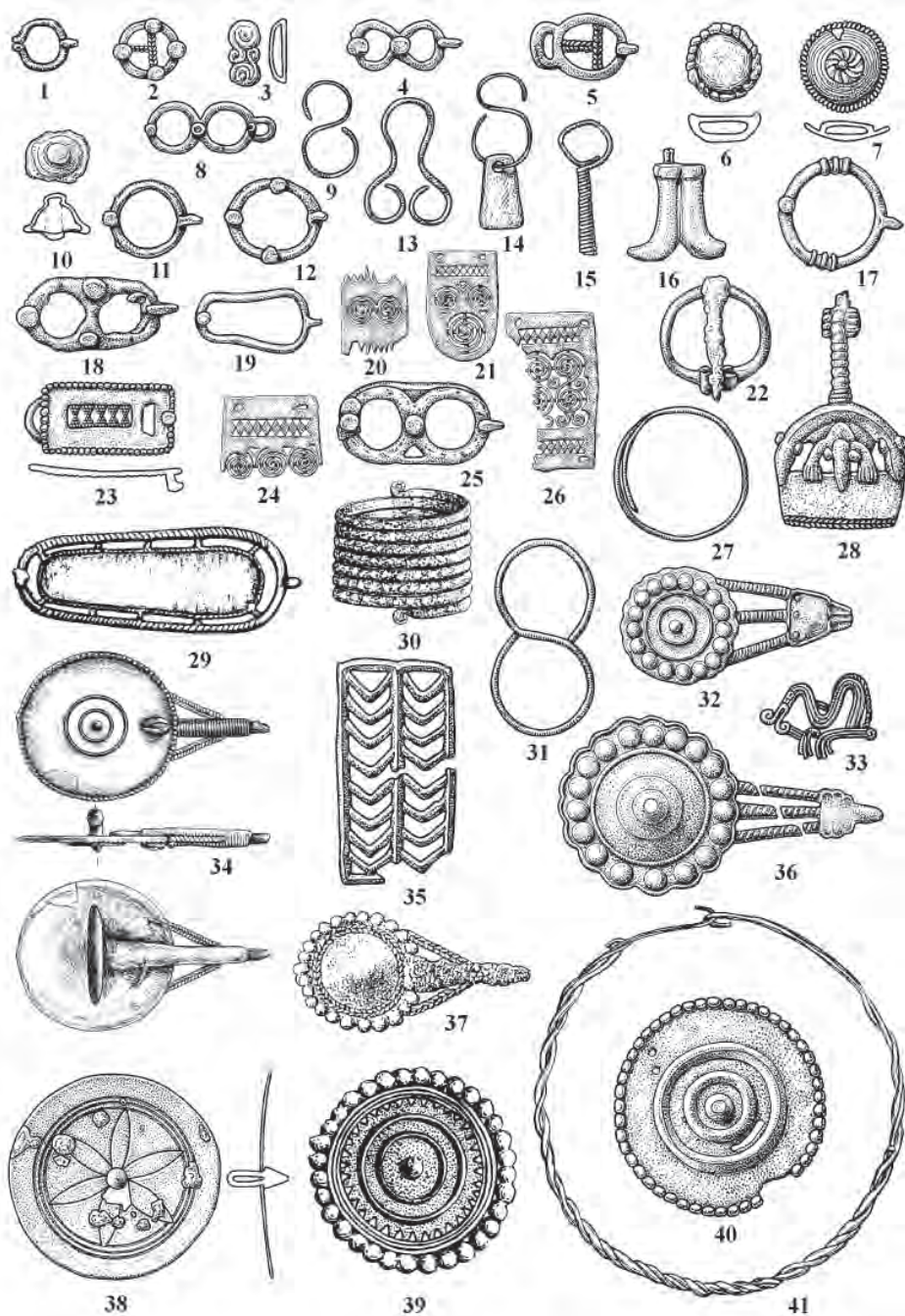

Рис. 42. Погребальный инвентарь пьяноборской культуры. 1, 2, 4, 5, 17–19, 23, 25, 29 – пряжки; 3, 6, 7, 10–12 – бляшки; 9, 13–16, 31 – височные подвески; 20, 21, 24, 26, 35 – ажурные накладки; 22 – сюльгама; 27 – браслет; 28 – поясной крючок; 30 – браслет; 32, 34, 36, 37 – эполетообразные застёжки; 33 – литая комбинированная накладка; 38–40 – бляхи; 41 – гривна (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Голдина, Бернц, 2021; Археология Волго-Уралья. Т. III / Зубов, Саттаров Тагиров, 2021). Масштаб разный. 1–40 – медь и бронза

грудные подвески (рис. 42: 20, 21, 24, 26, 35), щитковые перстни, височные подвески с узкой конической трубицей, листовидной привеской или бусиной (рис. 42: 9, 13–15, 31), подвески в виде кошачьей или утиной лапки, лука в горите (рис. 41: 15), подвески (рис. 42: 16), гривны (рис. 42: 41) и браслеты (рис. 42: 27, 30), очковидные застёжки и т. п. Разнообразны бусы: стеклянные (одноцветные, многоцветные, с металлической прокладкой), каменные из янтаря, из египетского фаянса, бронзовые, из раковин, костяные подвески-натуралии.

Предметы одежды также разнообразны, они изготовлены из бронзы и железа. Особым знаком культуры служат эполетообразные застёжки (рис. 42: 32, 34, 36, 37), иногда очень крупных размеров. В погребениях встречаются круглые сюльгамы с завернутыми в трубочку концами (рис. 42: 22), сюльгамы из пластины с ребром посередине, поясные крючки (рис. 42: 28), рамчатые пряжки (круглые, подквадратные, восьмеркообразные) (рис. 42: 1, 2, 4, 5, 8, 11, 12, 17–19, 25), застёжки с неподвижным и подвижным язычком (рис. 42: 23, 29), круглые бляхи и бляшки с петлей на обороте (рис. 42: 6, 7, 38–40) или стерженьком (рис. 42: 10), восьмерковидные бляшки (рис. 42: 3). В составе бытовых предметов встречаются оселки (рис. 41: 18) и проколки. Керамика в погребениях редка и представлена круглодонными лепными сосудами, аналогичными поселенческим. В погребениях встречено значительное количество «дальнего» импорта: бронзовые фибулы, ковши и чаши, стеклянная чаша и каменная курительница.

Памятники писеральско-андреевского типа (I–III в. н. э.). Происхождение памятников писеральско-андреевского типа дискуссионно. Высказывались разные точки зрения, но почти все они подразумевают миграционный, инвазивный, компонент в становлении культуры памятников данного типа. В качестве такового рассматривались пшеворо-зарубенецкий, южно-сибирский, саргатский и кара-абызский культурные компоненты. Однако в последние годы возобладали концепции западносибирских или позднескифских истоков этих мигрантов. В качестве местного компонента, принимавшего участие в культурогенезе памятников писеральско-андреевского типа, рассматривались носители пьяноборской и городецкой культур, но и здесь возникают вопросы и гипотезы об альтернативной – текстильной/сетчатой – подоснове аборигенного населения.

Территорией распространения памятников писеральско-андреевского типа является правобережье Волги в границах Сурско-Свияжского междуречья и Нижнего Посурья (рис. 43).

Основным источником изучения писеральско-андреевского типа являются могильники – курганные и грунтовые, а также поселения.

Поселения писеральско-андреевского типа располагаются в долинах малых рек – притоков рр. Суры, Волги и Свияги. Как правило, городища занимали мысы при слиянии нескольких рек или оврагов. Неукрепленные поселения – селища располагаются на коренных террасах в долинах малых рек. Городища с напольной стороны укреплены одним-двумя валами, прямыми или дугообразными, а также рвами. В отдельных случаях фиксируются следы изгородей по периметру городища. На городищах изучены остатки построек (до 14 на одном памятнике). Постройки наземные, столбовой конструкции, площадью 34–60 кв. м. Высота стен, судя по завалившимся остаткам, была до двух метров. Внутри сооружений в центре располагались очаги открытого типа, обложенные кусками песчаника.

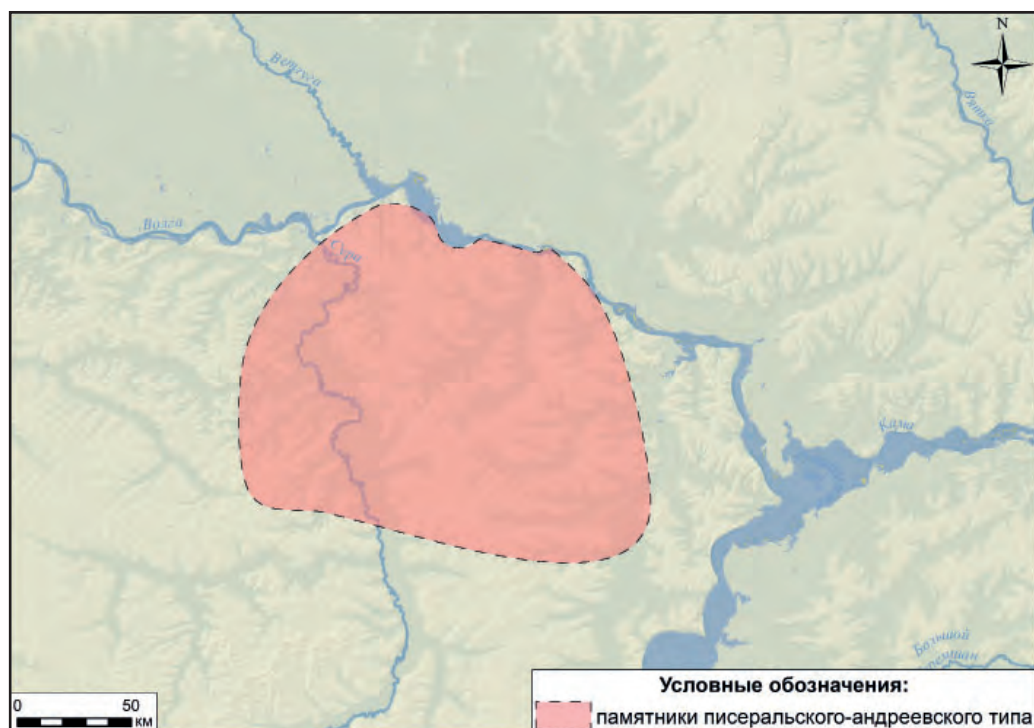

Рис. 43. Ареал памятников писеральско-андреевского типа

Могильники, всего их пять (три курганных и два грунтовых), располагаются на коренных берегах или возвышенных террасах малых рек. Исключением является Пильнинский II могильник, занимавший низкий мыс второй пойменной террасы. Писеральско-андреевские курганы невысокие – 0,6–1,2 м, диаметром 8×15–30 м. Наиболее яркий курганный могильник – Андреевский курган – входил в группу из трех курганных насыпей, причем погребения были найдены лишь под одной из них. Остальные курганы, по предположению исследователей, являлись обрядово-поминальными объектами. Под одним из них выявлены остатки кострищ, кости животных, фрагменты деревянных плах от внутренних конструкции, яма и сосуд с псевдо-рогожными отпечатками.

Реконструкция последовательности сооружения Андреевского кургана выглядит таким образом: первоначально на его месте располагались грунтовые могилы, в центре размещалось основное погребение, а вокруг него группировались остальные захоронения (рис. 44: 1). Позже над ними была сооружена курганная насыпь. В дальнейшем в эту насыпь стали вводить дополнительные – впускные – погребения.

В кургане отмечены коллективные, парные и одиночные погребения мужчин и женщин, такая же картина наблюдается и в других могильниках. Умерших людей хоронили по обряду ингумации вытянуто на спине в прямоугольных могильных ямах. В ямах иногда выкапывали плечики для установки деревянного перекрытия. На перекрытие центрального погребения укладывали череп и конечности лошади. Преобладает северный сектор ориентировки погребенных, хотя зафиксированы также южное и восточное направления. Внутри могильные ямы обкладывали деревом; остатки деревянного настила отмечены также на дне погребения.

Остальные курганные могильники (Писеральский, Климкинский, Староардатовский) подразделяются на курганы, вмещающие одно погребение, и курганы с несколькими погребениями. В курганах с несколькими захоронениями фиксируются только основные погребения. Известны случаи, когда сначала насыпались курганы над каждым погребенным, а затем – общая насыпь над всеми. Размещение нескольких погребений внутри кургана вариабельно, в одних случаях они располагались так же, как и в Андреевском кургане, в других наблюдается рядность погребений, а иногда отдельные погребения выходят за пределы насыпей. Кроме прямоугольных, в некоторых курганах фиксируются и овальные могильные ямы, в которых люди лежали вытянуто на спине. Так же как и в Андреевском кургане, в других курганных могильниках фиксируются остатки деревянных конструкций, иногда кости или зубы лошади.

Пильнинские I и II могильники грунтовые, очень мало раскапывались и известны только по отдельным погребениям с типично писеральско-андреевским инвентарем.

Погребальный инвентарь писеральско-андреевских могильников представлен украшениями, предметами вооружения, конской упряжью, орудиями труда и быта. В захоронениях находят многочисленные украшения из бронзы и золота. Большим разнообразием отличаются височные подвески: в виде колец с приостренными концами (часть из них с напускными стеклянными бусами), спиральные, подвески с каплевидным грузиком на конце, пластинчатые подвески (рис. 44: 2, 3). Распространенными категориями украшений были также бронзовые гривны со «скользящей петлей» и браслеты из бронзы и железа (рис. 44: 40, 41, 44–46). Однако наиболее многочисленной категорией в писеральско-андреевских некрополях были стеклянные бусы, представленные такими устойчивыми сериями, как золоченые, краснопастовые, синие, желтые, зеленые, темно-лиловые, бирюзовые, бесцветные и разные типы полихромных бус. Единичны сердоликовые, хрустальные, янтарные, медные бочонковидные, керамические шаровидные. Широко распространены пластинчатые ажурные бляхи с орнаментом в виде геометрических фигур, с петлями или иглой с приемником на обороте (рис. 44: 42, 43). Известны также женские составные нагрудники, нашитые на основу (берестяную, кожаную, матерчатую), сочетающие бусы и металлические украшения, а также накошники (рис. 44: 47, 48). Многочисленны бляшки-накладки разной формы (рис. 44: 10–13, 21), бляхи с петлей на обороте (рис. 44: 24–27, 30), а также бляхи, вырезанные из зеркал, и плоские полированные бляхи с петлями на обороте. Наравне с ними широко применялись застежки, такие как сюльгамы различных форм (рис. 44: 38, 39), фибулы типа «Avcissa» и ажурные застежки (рис. 44: 28, 29).

Ременная гарнитура представлена пряжками (в том числе и зооморфными) (рис. 44: 4–9, 12, 15, 16, 19, 20, 33–37), накладками и подвесками. Разнообразны поясные подвески, из которых наиболее необычными по форме были «сапожковидные» и «лапчатые» (рис. 44: 14, 17, 18, 22, 23, 31, 32).

Милитаризованный облик мигрантов обусловил высокую степень вооруженности воинов, погребенных в писеральско-андреевских некрополях. Воинские погребения выделяются многочисленным клинковым оружием: двулезвийные мечи в ножнах, однолезвийные палаши в деревянных ножнах, обтянутых красной кожей (рис. 45: 31–34). На окончаниях ножен размещались бронзовые бутероли (рис. 45: 23, 25–27). В могилах фиксируются также кинжалы с кольцевым навершием и без него, а также боевые ножи (рис. 45: 30). Столь же многочисленны железные нако-

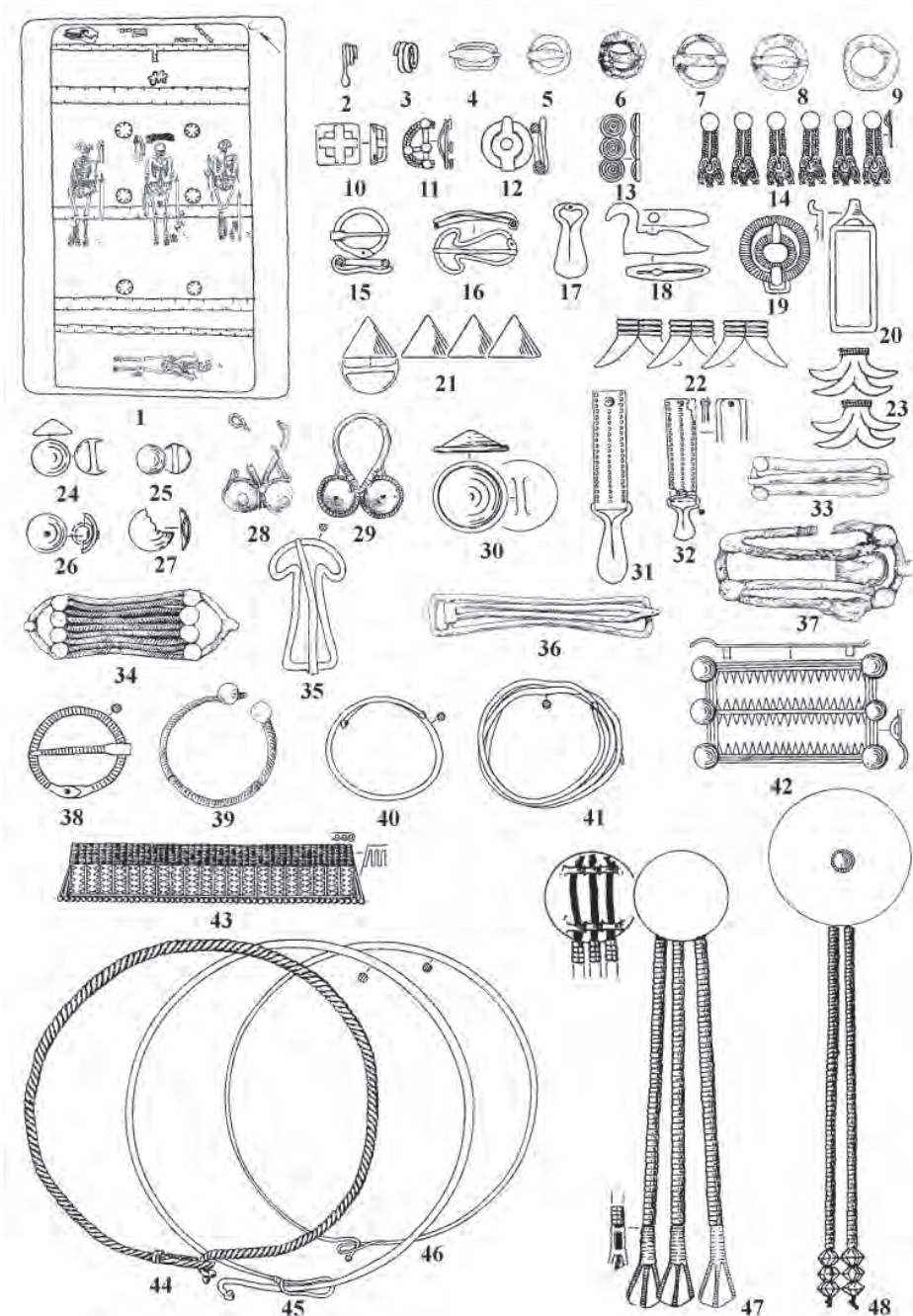

Рис. 44. Погребения и погребальный инвентарь памятников писеральского-андреевского типа. 1 – Андреевский курган, погребение 25; 2, 3 – височные подвески; 4–9, 12, 15, 16, 19, 20, 33–37 – пряжки; 10–13, 21 – накладки; 14, 17, 22, 23, 31, 32 – поясные подвески; 24–27, 30 – бляшки; 28, 29 – ажурные застежки; 38, 39 – сьюльгамы; 40, 41 – браслеты; 42, 43 – ажурные бляхи; 44–46 – гривны со «скользящей петлей»; 47, 48 – наконечники (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Зубов, Гришаков, Мясликов, 2021). Масштаб разный. 2, 3 – желтый металл; 4–47 – бронза; 48 – бронза и стекло

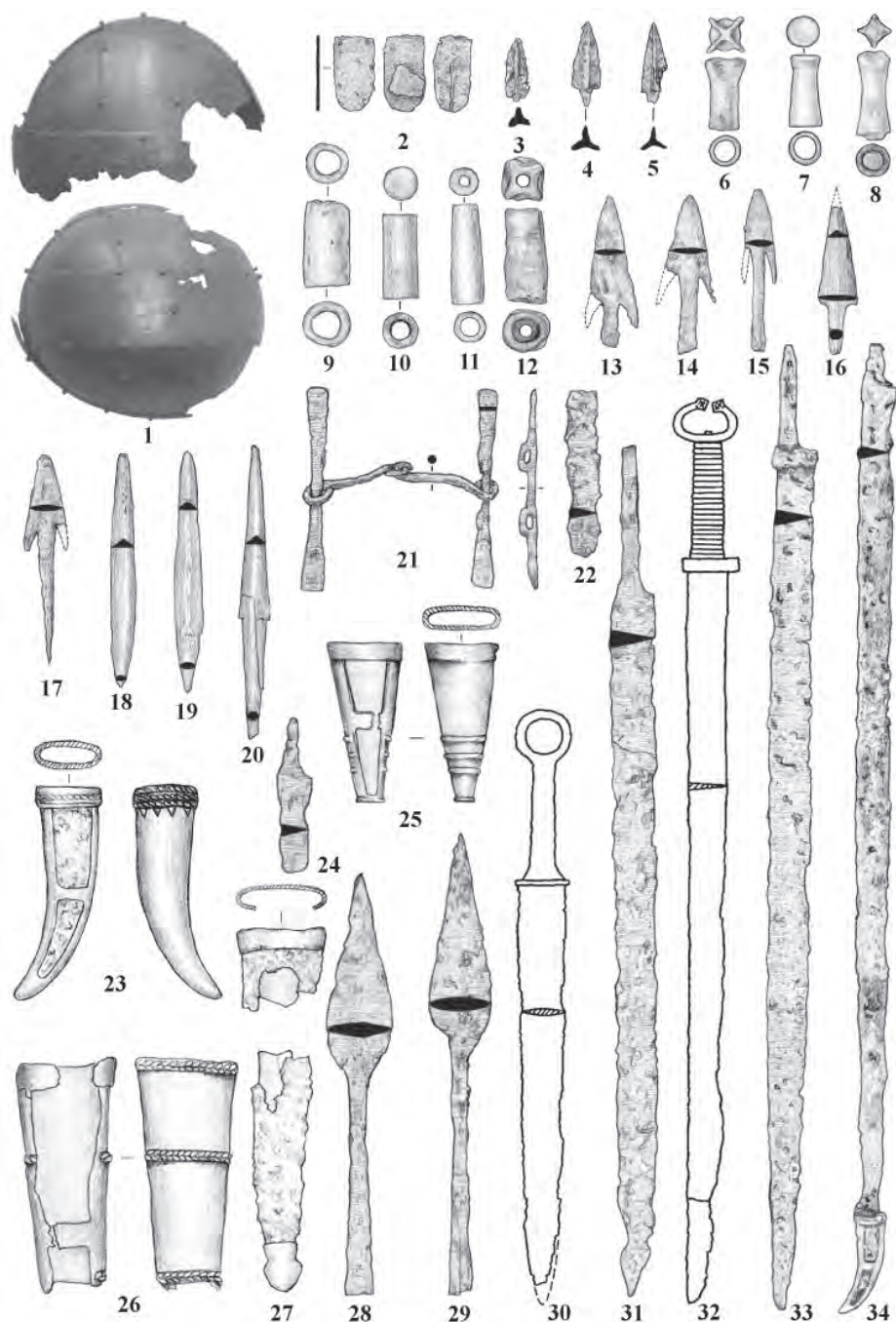

Рис. 45. Погребальный инвентарь памятников писеральского-андреевского типа.
1 – шлем типа «Шпангенхельм»; 2 – чешуйки от ламеллярного доспеха; 3–20 – наконечники стрел; 21 – конская упряжь (удила и псалии); 22, 24 – ножи; 23, 25–27 – наконечники ножен (бутероли) клинкового оружия; 28, 29 – наконечники копий; 30–34 – мечи (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Зубов, Гришаков, Мясников, 2021). Масштаб разный.
1, 3–5, 13–17, 21, 22, 24, 28–34 – железо; 6, 7, 23, 25–27 – бронза; 8–12, 18–20 – кость

нечники копий и дротиков (рис. 45: 28, 29). В двух случаях на наконечники были надеты футляры из оловянистой бронзы. Самой массовой находкой предметов вооружения были черешковые наконечники стрел из железа (двухшипные и трехлопастные) (рис. 45: 3–5, 13–17), а также черешковые и втульчатые наконечники из кости (трехгранные, ромбовидные, цилиндрические) (рис. 45: 8–12, 18–20) и бронзовые (рис. 45: 6, 7). Найдены также берестяные колчаны, скорее всего подпрямоугольной формы.

В качестве защитного вооружения использовались кольчуги, ламеллярный доспех и шлемы, выполненные из железных пластин (рис. 45: 2) и крепившиеся к мягкому оголовью. Редкой для Волго-Уралья находкой являются два шлема типа «Шпангенхельм» из Пильнинского I могильника (рис. 45: 1).

Конское снаряжение представлено трензельными удилами и псалиями различных типов, изготовленных из железа и бронзы (рис. 45: 21). Сохранившаяся в некоторых случаях ременная упряжь была украшена бронзовыми накладками, бляхами и обоями.

В числе предметов быта, выявленных в погребениях, были железные ножи (рис. 45: 22, 24), футляры для ножей и шильев из бронзы, оселки, бронзовые и железные ворворки, железные штыри из двух скрученных стержней. Орудия труда в некрополях представлены железными изделиями, такими как скобели, топоры-кельты, шилья. В некоторых погребениях отмечены также кремневые кресала.

На поселениях находят многочисленные изделия из глины: грузила от ткацкого станка, пряслица и посуду. Керамика на памятниках писеральско-андреевского типа плоскодонная, лепная с примесью шамота в глиняном тесте, представлена в основном слабопрофилированными горшками, банками и мисками, а также бокаловидными и чашевидными сосудами.

Кроме глиняной посуды, в могильниках встречается привозная бронзовая посуда: чаша южноиталийского производства и кованый котелок галло-римского производства с железной дужкой и железным обручем под венчиком. Отмечены также фрагменты посуды из дерева.

Военизированные группы, составившие основу памятников писеральско-андреевского типа, были пришлыми, очень малочисленными и поэтому довольно быстро смешались с местным населением. По мнению исследователей, сформировавшееся на этой основе население приняло участие в образовании нескольких групп волжских финнов – окских, верхнесурских – верхнемоксанских и нижнесурских.

Гляденовская культурно-историческая общность (в данном разделе рассматриваются ранний и средний этапы культуры (II в. до н. э. – начало III в. н. э.)). Гляденовская КИО формируется на основе памятников позднего этапа ананьинской КИО. По мнению исследователей, процесс трансформации в новое культурное образование сопровождался внутренними конфликтами и переселением населения на возвышенные участки поймы. В составе гляденовской КИО выделены собственно гляденовская культура Среднего Прикамья, а также археологические культуры Европейского Северо-Востока – джудждыгская и пиджская.

Ареал памятников гляденовской КИО Среднего Прикамья приходится на бассейн р. Камы: от верховьев её левого притока, р. Тулвы, на юге до устья р. Косью, левого притока Камы, на севере (рис. 46).

Основным источником изучения гляденовской КИО являются поселения, могильники и костыща.

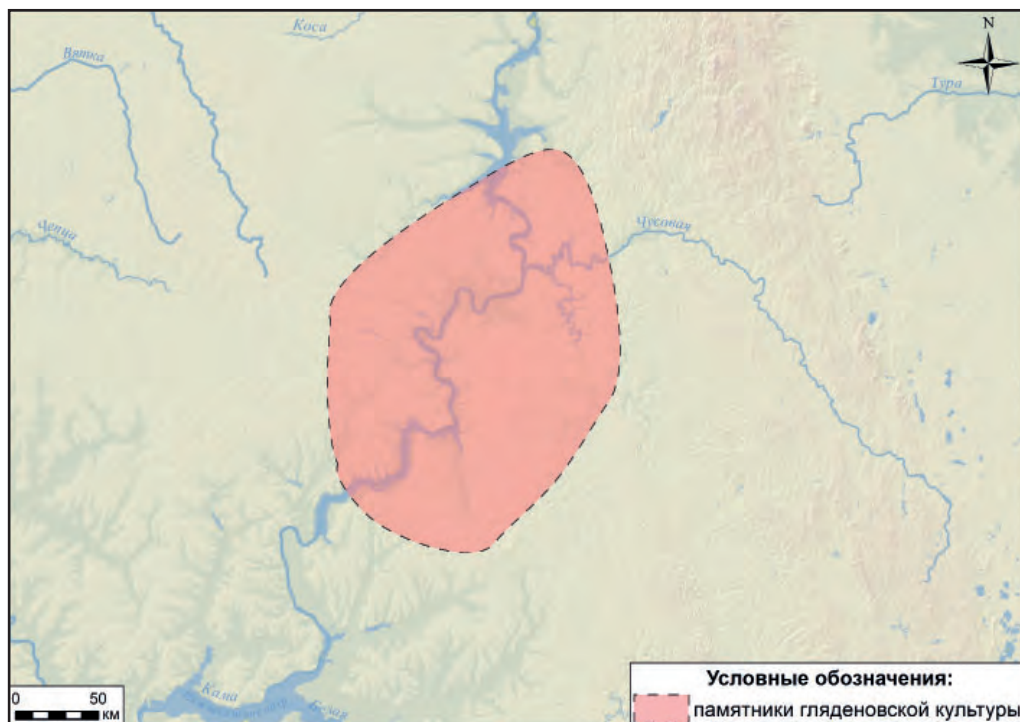

Рис. 46. Ареал гляденовской культуры

На раннем этапе существования культуры поселения, преимущественно городища, располагались на высоких террасах коренного берега (рис. 47: 1). Неукрепленные поселения в долине р. Камы и её крупных притоков, заброшенные в позднеананьинское время, частично восстанавливаются, некоторые вторично используются как некрополи. На среднем этапе (начало новой эры) начинается освоение новых территорий при сохранении топографических стереотипов выбора мест для поселений, повторно заселяется пойма Камы, строятся новые городища.

Домостроительство гляденовского времени сохраняет ананьинские традиции. На поселениях изучены долговременные жилища прямоугольной формы со срубными стенами и углубленным земляным или глинобитным полом, дренажными канавками вдоль длинных стен, очажными площадками и хозяйственными ямами в интерьере (рис. 47: 2, 3).

Гляденовская керамика представлена сосудами чашевидной формы. Значительная часть сосудов неорнаментирована. На тех сосудах, где орнамент присутствует, он несложный, причем украшались в основном венчик и шейка сосуда. Для орнаментации использовались отпечатки шнура (многорядные, волны, подковки), резная техника, гребенчатый штамп, ямочные вдавления (рис. 47: 20, 22, 23, 30–32). Различия в технике орнаментации позволили выделить локальные варианты гляденовской культуры. Так, на посуде пермского варианта использовалась в основном резная орнаментация, на керамике осинского варианта – гребенчатая. В керамическом комплексе тулвинско-частинского варианта доминировали ямки и вдавления.

Предметы материальной культуры на поселениях представлены вещами хозяйственно-бытового назначения, оружием, орудиями труда, украшениями и предметами

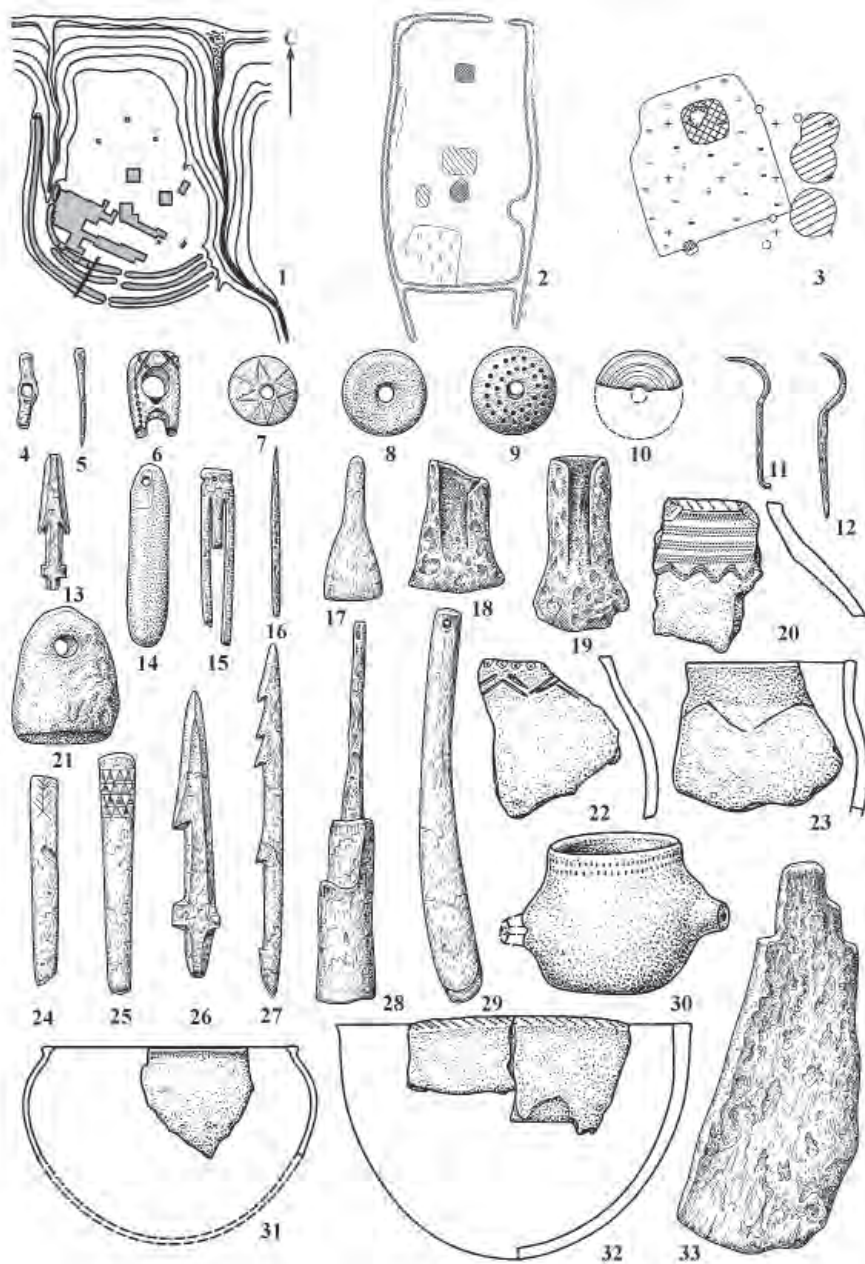

Рис. 47. Бытовой и хозяйственный инвентарь поселений и костяк гладыновской культуры. 1 – Бутырское городище; 2 – жилище, Федотовское городище; 3 – жилище, селище Болгары VIII; 4 – застёжка; 5 – игла; 6 – пряжка; 7–10 – пряслица; 11, 12 – ложки; 13, 26, 27 – наконечники гарпунов; 14 – оселок; 15 – варган; 17, 29 – лопаточки; 18, 19, 25 – мотыжки; 20, 22, 23, 30–32 – керамика; 21 – грузило; 24 – накладка лука; 25 – кочедык; 28 – стамеска с рукоятью (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Коренюк, Перескоков, 2021). Масштаб разный.

4, 6, 13, 15, 17, 24–27, 29 – кость; 5, 11, 12, 16, 18, 19 – железо;
7–10, 20–21, 30–32 – глина; 14 – камень; 28 – железо и кость; 33 – рог

одежды. К предметам хозяйственно-бытового назначения относятся железные однолезвийные ножи. На раннем этапе встречаются ножи с горбатой спинкой. На поселениях находят оселки (рис. 47: 14), костяные и железные иглы (рис. 47: 5), проколки (рис. 47: 16), кочедыки (рис. 47: 25), костяные штампы, лопаточки (рис. 47: 17, 29), стамески (рис. 47: 28), ложки (рис. 47: 11, 12) и струги. Наиболее распространенной категорией предметов вооружения являются наконечники стрел из кости (с треугольным, ромбовидным, трапециевидным сечением) без выраженного черешка, с узким или широким черешком. Региональную специфику имеют башнеобразные наконечники стрел с притупленным острием. На памятниках встречаются железные наконечники стрел – плоские с листовидным или треугольным пером и трехлопастные с треугольной головкой. О наличии у гляденовцев сложного лука свидетельствуют находки костяных пластин – усилителей основы лука (рис. 47: 24). Конская упряжь представлена находками железных удил различных типов, костяных псалиев и застёжек (рис. 47: 4).

Орудия труда представлены глиняными пряслицами (рис. 47: 7–10), железными и роговыми мотыгами (рис. 47: 18, 19, 33), тиглями, литейными формами, льячками, каменными наковальнями и молотами. К орудиям охоты и рыболовства относятся костяные гарпуны (рис. 47: 13, 26, 27).

Предметы одежды и украшения на раннем этапе изготавливали в основном из меди, бронзы и кости; на поселениях находят височные украшения (кольца, подвески), бляшки и пронизки, сюльгамы, пряжки с неподвижным крюком (рис. 47: 6), фибулы и эполетообразная застёжка. На среднем этапе появляются изделия из серебра и бронзы. Многочисленны золотостеклянные и глазчатые бусины, бусы из египетского фаянса. К области духовной культуры относятся находки костяных варганов (рис. 47: 15).

Хозяйство гляденовской КИО базировалось на скотоводстве и земледелии. В стаде на первом месте были лошадь и крупный рогатый скот, затем идут свиньи, кости мелкого рогатого скота единичны. Земледелие было подсечно-огневым, выращивали полбу, ячмень, в минимальных количествах мягкая пшеница и овёс. Охота и рыболовство играли в хозяйственной деятельности второстепенную роль.

Могильники гляденовской КИО располагаются на дюнных всхолмлениях, коренных террасах, пойменных возвышенностях, в ряде случаев в устьях более мелких рек или ручьев. Все гляденовские могильники на раннем этапе (Заосиновский I, Городок) грунтовые, погребения неглубокие, располагаются рядами вдоль обрыва или берега реки. Отдельные некрополи размещаются на заброшенных ананьинских поселениях. Мертвых хоронили по обряду ингумации головой почти на все направления: запад, юг, северо-восток, восток и север. В большинстве погребений умершие лежали вытянуто на спине. Почти все погребения индивидуальные (рис. 48: 2), но встречаются и парные захоронения, отмечены также кенотафы. В некоторых некрополях возле погребений располагались ямы и углубления, в которых найдены черепа и кости людей или черепа лошадей и кости животных. Эти ямы связывают с погребальными ритуалами.

Инвентарь погребений бедный, изредка в них находят керамику (рис. 48: 41, 42) и железные ножи. Только на следующем этапе развития культуры, с рубежа эр, с налаживанием торгово-обменных контактов с сарматским миром, захоронения на могильниках начинают сопровождаться разнообразными предметами, в том числе ближним и дальним импортом, подпадающими синхронизации и хронологизации.

Рис. 48. Инвентарь погребений и костниц гляденовской культуры. 1 – Гляденовское городище-костница, план раскопов 2003–2005 гг.; 2 – могильник Верхний Ирьяк, погр. 30; 3 – могильник Качка, раскоп II (1959 г.); 4, 5, 24, 26 – бляшки; 6 – бусина; 7, 19 – подвески; 8–10 – фигурки змей; 11 – наконечник ремня; 12 – перстень; 13, 14 – votивные топоры и чеканы; 15, 21, 22, 35 – антропоморфные фигурки; 16, 17 – фигурки волков; 18, 36, 37 – мно-

На позднем этапе существования гляденовской КИО (III–V в.) на некрополях появляются захоронения под курганами (рис. 48: 3) при сохранении обычая совершения грунтовых погребений. Появление курганного обряда, наряду с целым комплексом не характерных для Прикамья вещей, рассматривается как свидетельство миграции сюда небольших воинских групп. В погребениях этого времени в могильных ямах фиксируются следы деревянных перекрытий и настилов. Облик погребального инвентаря, прежде всего поясные наборы, все больше начинает соответствовать общевосточной моде. В воинских наборах выделяются двулезвийные мечи, железные палаши, копья, кинжалы, топоры. Погребение под курганом со временем стало признаком высокого статуса для гляденовского населения.

Характерным только для гляденовской КИО типом памятников были костяца (рис. 48: 1). Это особый вид святилищ, сопряженных с массовыми жертвоприношениями животных, приношениями жертвенных предметов, таких как украшения (рис. 48: 4, 5, 7, 11, 12, 19, 24, 26), бусы (рис. 48: 6), наконечники стрел, миниатюрные сосуды (рис. 48: 40), votivные предметы (рис. 48: 13, 14), монеты (рис. 48: 23, 25). Самыми ранними, наиболее известными в научной литературе и самыми крупными из костяц были Гляденовское и Юго-Камское. Костяца возникали первоначально на территории позднеананьинских поселений, но свой расцвет они переживают уже в гляденовское время. Считают, что расцвет таких святилищ приходится на первые века н. э., но в Верхнем Прикамье они продолжали функционировать вплоть до V–VII вв., то есть уже в составе новых раннесредневековых культур (ломоватовская культура), как «малые» костяца.

В пору максимального расцвета структура святилищ была подчинена определенной схеме: в центре костяца располагались очаги-жертвенники, по периметру – зольники, скопления костей, малых очагов, площадки-выкладки из гальки, ямы и регулярные выкладки из костей и черепов животных. Предполагается, что особо почитаемыми на территории святилища были деревянные идолы и деревья, к которым прикреплялись жертвенные вещи. Отдельно размещались производственные площадки, где изготавливались металлические предметы звериного стиля – орнито- (рис. 48: 20, 27), серпенто- (рис. 48: 8–10), антропо- (рис. 48: 15, 18, 21, 22, 35–37) и зооморфные (рис. 48: 16, 17, 28) фигурки, штырьки и иголки из железа для прикрепления вещей к деревьям, костяные и металлические наконечники стрел (рис. 48: 29–34). Здесь же в постройках содержали животных, предназначенных для жертвоприношений.

Социальное устройство гляденовской КИО реконструируется как теократия с выделившейся прослойкой жрецов для обслуживания костяц. На этом фоне развитие общества двигалось от эгалитарного (общества равных) на раннем этапе с его грунтовыми погребениями, одинаковыми для всех, к обществу, в котором наряду со жречеством выделилась группа воинов, погребаемых под курганами, подчеркивающими их высокий социальный статус.

Дальнейшее развитие гляденовского общества связано с переходом к позднему этапу гляденовской КИО, который датируется началом III в. – первой четвертью V в.

гофигурные композиции; 20 – фигурки птиц; 23 – монета, Кушанское царство; 25 – монета, Китай; 29–34 – наконечники стрел; 40–42 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Коренюк, Перескоков, 2021). Масштаб разный. 4, 5, 7–12, 15–28, 35–37 – медь и бронза; 6 – стекло; 13, 14, 30, 31, 34 – железо; 29, 32, 33 – кость; 40–42 – глина

Памятники гляденовской культурно-исторической общности на территории Европейского Северо-Востока (ЕСВ) (конец III/II вв. до н. э. – IV/ первая половина V в. н. э.). В составе гляденовской КИО на территории ЕСВ выделяют две археологические культуры: джудждыдьягская и пиджская.

Джудждыдьягская культура сложилась на основе культурных образований ананьинского времени ЕСВ. В настоящее время известно 26 памятников этой культуры, все они располагаются в бассейне р. Вычегды в лесотаёжной зоне ЕСВ (рис. 49). Источниками изучения культуры являются поселения, святилища и могильник.

Поселения размещаются по берегам озёр и рек, на первой и второй пойменных террасах и останцах. Как правило, поселенческие площадки располагаются на мысах или краевых участках террасы, в местах, защищенных естественными препятствиями – оврагами, ручьями, малыми реками, болотами (рис. 50: 1). Почти все поселения имели незначительный культурный слой, что позволяет отнести их к временным стоянкам. Предметы материальной культуры фиксируются чаще всего в очагах, хозяйственных ямах или рядом с ними. Есть и исключение – поселение Пожегдин II, которое можно рассматривать как стационарное, предназначенное для длительного проживания.

Жилища – наземные постройки подчетырехугольной формы с углубленным полом площадью 10–22 кв. м – размещали вдоль края террасы (рис. 50: 2). Непосредственно на неровном полу в центре или с небольшим смещением к одной из стен устраивались очаги, некоторые были заглублены в землю, форма костровых ям овальная или подчетырехугольная, в ряде случаев зафиксирована подсыпка очага галькой. Очаги подразделяют на бытовые и производственные; возле последних обнаруживают скопления металлолома, предназначенного для переплавки. Наличие очагов вне сооружений, располагавшихся в ряд возле кромки берега, может свидетельствовать о наличии легких наземных сооружений. Судя по находкам столбовых ям, такие постройки имели каркасный тип несущих конструкций, внутри некоторых из них изучены хозяйственные ямы. Иногда джудждыдьягское население использовало под свои жилища заплывшие котлованы более ранних сооружений эпохи энеолита – бронзы.

Единственная культовая постройка площадью около 5 кв. м выявлена на поселении Пожегдин II, она имела подпрямоугольную форму и очаг внутри помещения. К культовым памятникам отнесено святилище Джудждыдьяг, на территории которого зафиксированы два параллельных ряда кострищ. Рядом с ними обнаружен характерный для гляденовских кострищ Среднего Прикамья набор предметов.

На поселениях отмечены многочисленные свидетельства производства каменных изделий: гальки-отбойники, нуклеусы, сколы и отщепы. Выявлены следы производства цветных металлов, в основном оловянной бронзы: тигли, льячки, литейные формы, шлаки, слитки и капли бронзы. По химическому составу джудждыдьягский цветной металл близок к пьяноборскому. Кроме того, на поселениях осуществляли варку железа. Изделия из железа представлены в основном поковками, изготовленными из криц. В работе была и сырьевая сталь.

На памятниках джудждыдьягской культуры изучены керамика, предметы быта, орудия труда, оружие, украшения, культовые изделия. Среди находок наиболее многочисленна керамика с примесью раковины или шамота и песка в глиняном тесте, имеющая характерные легко узнаваемые формы – широкогорлые сосуды со слабо-

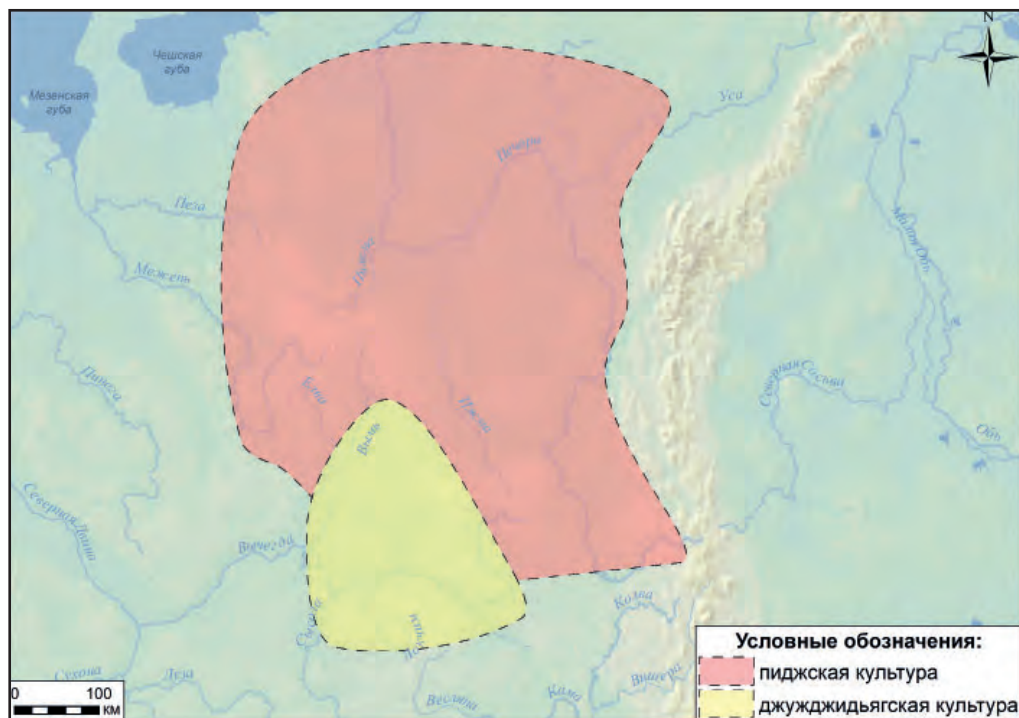

Рис. 49. Ареал джудждыгской и пиджской культур

выпуклым туловом и округлым или уплощенным дном. Группы населения, изготовлявшие керамику с примесью раковины, обитали в бассейне р. Вычегды, а население, вырабатывавшее керамику с примесью шамота и песка, – на средней и нижней Печоре, Мезени, водораздельных озерах Тимана и Малоземельской тундры. На поселениях позднего времени количество шамота в глине увеличивается.

Количество орнаментированных сосудов на памятниках джудждыгской культуры составляет около 60%. Орнамент наносился на венчик, шейку и плечики. Основными элементами орнамента на венчике были насечки, зубчатые оттиски, защипы и овальные вдавления. Шейка и плечики украшались резными узорами, шнуром, ямками, зубчатым штампом, вдавлениями (овальными, клиновидными треугольными) и каннелюрами (рис. 50: 40–47).

Орудия труда и предметы быта представлены железными ножами с горбатой и прямой спинками (рис. 50: 21, 25, 38), шильями (рис. 50: 22), иглами, костяными иглами, лопаточкой и втульчатым орудием, кремневыми скребками (рис. 50: 30, 31, 33) и скрёблами, отщепами с ретушью, гальками-отбойниками, оселками и грузилом. К группе предметов, связанных с металлургическим производством, относятся глиняные льячки, обломки тиглей и литейная форма для отливки ажурной подвески (рис. 50: 29).

Предметы вооружения представлены железными черешковыми двушипными и листовидными наконечниками стрел (рис. 50: 23, 36). Из кости вырезали наконечники с ромбовидной и листовидной формой пера (рис. 50: 19, 20, 24).

Распространенным видом украшений являлись прежде всего стеклянный бисер и бусы, в том числе с металлической прокладкой и глазчатой. В единичных экзем-

плярах фиксировались бронзовые литые бусы (рис. 50: 7, 8), а также из египетского фаянса и глины.

Среди украшений костюма широко представлены височные подвески (спиралевидная, каплевидная, ромбовидная и ажурная) (рис. 50: 6, 14, 17, 27). Многочисленны бляшки различной формы: одинарные (сферические, конусовидные, умбоновидные и плоские в сечении) и двойные с крестопрорезной верхней и ажурной нижней частью (рис. 50: 3–5, 16, 18, 28). Поясные принадлежности немногочисленны, в их числе железные поясной крючок и наконечник ремня, а также бронзовая эполевидная пряжка (рис. 50: 26, 34, 39).

Культовые предметы представлены зооморфными (рис. 50: 9, 12, 13, 15), орнитоморфными (рис. 50: 10) и антропоморфными (в том числе личинами) (рис. 50: 11) фигурками, отлитыми в односторонние формы. Отмечены также крупные бляхи круглой и четырехугольной формы, последние украшены изображением всадников (рис. 50: 32, 35, 37).

Основу хозяйства населения джудждыгской культуры составляли охота и рыболовство. На первом месте среди объектов охоты был бобр, далее по убыванию лось и северный олень. Кроме того, охотились на медведя, зайца, соболя, куницу, хоря и норку.

К сожалению, информация о видах рыб отсутствует, хотя костных останков рыбы на поселениях довольно много; имеются также данные о наличии сетей и удочек.

На территории святилища Джудждыг выявлены три грунтовых погребения в ямах овальной формы небольших размеров (рис. 51: 3). В двух погребениях найдены кальцинированные или частично кальцинированные кости, третье погребение не содержало костей человека. В погребении с частичной кремацией лежал только череп человека. Погребальный инвентарь невелик: это сосуды с резным и шнуровым орнаментом, железный нож с горбатой спинкой и железный поясной крючок.

Основу социального устройства общества населения джудждыгской культуры составляли малые семьи, которые объединялись в родовые общины; последние в свою очередь входили в состав более крупных территориальных образований.

Судьбы носителей джудждыгской культуры исследователи связывают с предками современных пермских народов – коми и коми-пермяков.

Пиджская археологическая культура (конец III в. до н. э. – III в. н. э.) сформировалась на основе культурных типов Перный и Ямашор первой фазы раннего железного века, а также западносибирских и прикамских культур. Территория пиджской археологической культуры занимает лесную и лесотундровую зоны бассейна р. Печоры, Мезени и Малоземельскую тундру (рис. 49).

Основным источником изучения культуры являются поселения, могильники и пещерные святилища. Для поселения выбирались участки на первой и второй пойменных террасах, останцах и по берегам озер (рис. 51: 1). Как правило, они размещаются в естественно защищенных местах: мысах, участках террасы, ограниченных оврагами, ручьями, речками и болотами. Большинство из поселений относятся к сезонным стоянкам с толщиной культурного слоя около 10 см. Однако известны и долговременные поселения с толщиной культурного слоя более 30 см.

Постройки на памятниках пиджской культуры не изучены; предполагается, что с ними связаны кострища, устроенные в неглубоких западинах, площадью около 16 кв. м. По всей вероятности, жилищами пиджской культуры служили легкие на-

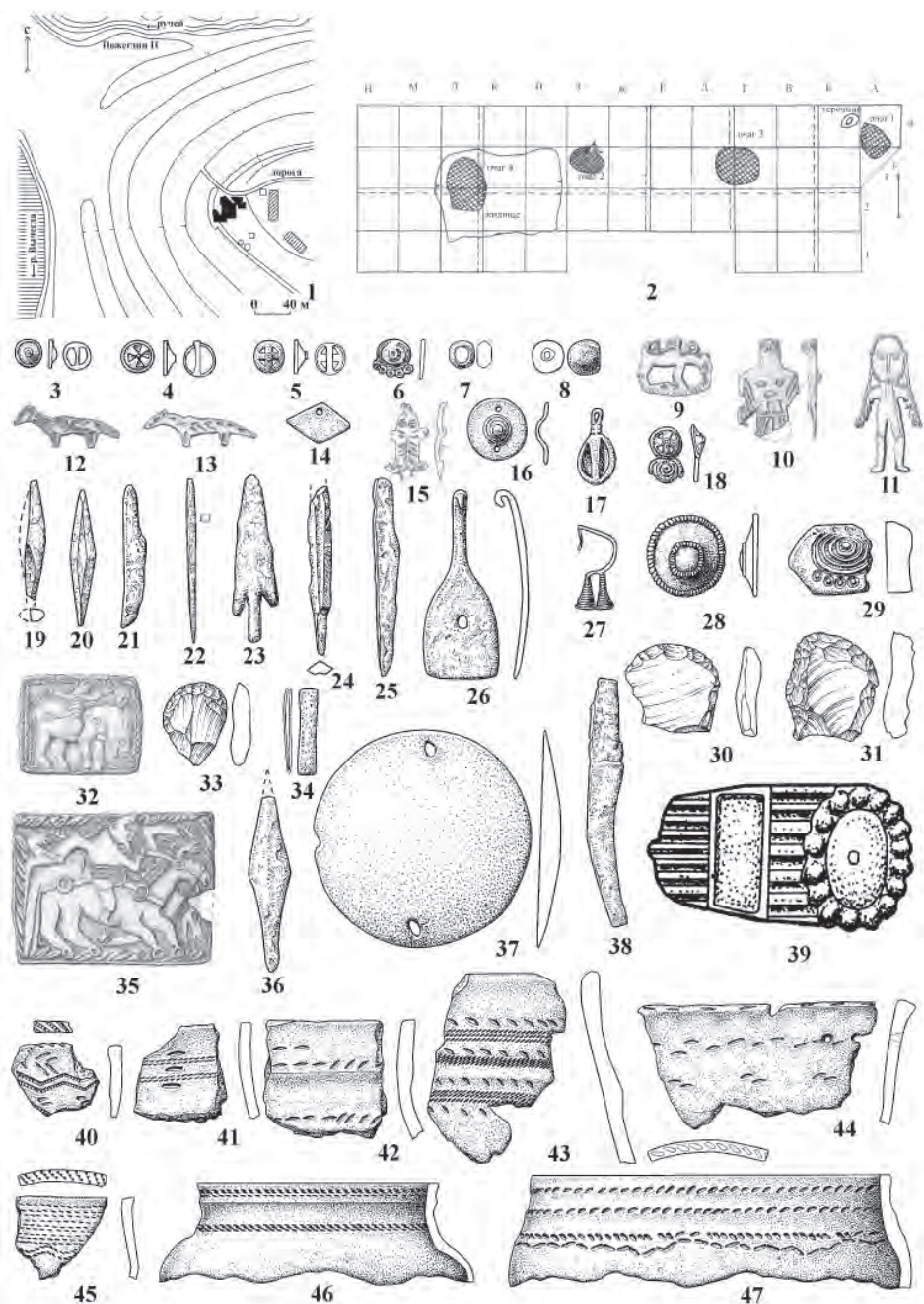

Рис. 50. Поселенческий инвентарь джуджыдыгской культуры. 1 – поселение Пожегдин II; 2 – поселение Себъяг I; 3–5, 16, 18, 28 – бляшки; 6, 14, 17, 27 – подвески; 7, 8 – бусы; 9, 12, 13 – зооморфные фигурки; 10 – орнитоморфная фигурка; 11 – антропоморфная фигурка; 19, 20, 23, 24, 36 – наконечники стрел; 21, 25, 38 – ножи; 22 – проколка; 26 – поясной крючок; 29 – литейная форма; 32, 35, 37 – бляшки; 30, 31, 33 – скребки; 34 – наконечник ремня; 39 – эполетообразная застёжка; 40–47 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Васкул, 2021). Масштаб разный. 2–7, 9–18, 27, 28, 32, 35, 37, 39 – медь и бронза; 8 – стекло; 19, 20, 24 – кость; 21, 22, 25, 26, 34, 36, 38 – железо; 29, 40–47 – глина; 30, 31, 33 – кремнь

земные сооружения с очагом в центре. Некоторые очаги имели подсыпку из галечника. Другим видом сооружений были неглубокие хозяйственные ямы, в которых находят обломки керамики, кремь, кости животных. Судя по планиграфии поселений, ямы тяготеют к кострищам (рис. 51: 2).

Предметы материальной культуры на поселениях представлены керамикой с примесями дресвы и раковины, реже – песка, предметами быта и орудиями труда, оружием, украшениями и принадлежностями костюма, культовыми предметами.

Коллекция керамики включает сосуды с широким горлом, слабовыпуклым туловом и округлым или уплощенным дном (рис. 51: 40–45). Сосуды подразделяются на две группы: с шейкой и без неё. На ранних сосудах имеется воротничок, который со временем пропадает. Орнамент располагался в верхней части сосуда, на венчике, шейке и плечиках. Орнамент по венчику представлен насечками и гребенчатым штампом. Реже встречаются защипы, четырехугольные, овальные и клиновидные вдавления, ямки, наколы. По шейке керамика украшена резными узорами, которые являются характерным признаком пиджской культуры. Далее по распространенности следуют ямки, шнуровые отпечатки, каннелюры, гребенчатые оттиски и овальные вдавления. Орнаментальные мотивы состоят из горизонтальных линий, рядов, зигзагов. Ряды ямок и каннелюры – признаки, отличающие пиджскую керамику от джуджыдыгской.

Предметы быта и орудия труда представлены ножами с прямой спинкой и уступом при переходе от лезвия к черенку (рис. 51: 33), шильями, иглами, предметами металлургического производства, кремневыми скребками (рис. 51: 13, 21, 32), гальками-отбойниками, оселками (рис. 51: 39), отщепами с ретушью.

Комплекс предметов вооружения включает наконечники стрел: железные – втульчатый двухлопастной и черешковый трехлопастной (рис. 51: 26, 28); костяные – двушипные бесчерешковые (рис. 51: 27); бронзовые – втульчатые трехлопастные наконечники (рис. 51: 38). Деталью чешуйчатого доспеха были, вероятно, бронзовые бобовидные выпуклые бляшки (рис. 51: 25).

Украшения и принадлежности костюма на поселениях и некрополях представлены стеклянными (в том числе с металлической прокладкой) (рис. 51: 4–7, 17) и бронзовыми бусами (рис. 51: 8). Немногочисленны, но разнообразны по форме бронзовые подвески: трапецевидные (рис. 51: 15, 36), височная в виде знака вопроса, подковообразная со спиралевидными окончаниями, с изображением хищной птицы и человеческой личиной на груди. Кроме того, отмечены бронзовые обоймы, литые и из согнутой пластины (рис. 51: 9–11, 19), бляшки (одинарные, сложные и фигурные) с перекладиной, петлей или штифтом на обратной стороне (рис. 51: 12, 14, 16, 22, 23), накладки (рис. 51: 18, 24). Крупные бляхи также разнообразны: круглые – сферические и умбовидные, плоские – круглые, овальные и трапецевидные, вырезанные из бронзовых зеркал (рис. 51: 20, 29–31, 34, 35). К принадлежностям одежды относятся наконечник ремня из бронзы и обломок язычка составной пряжки.

Основным направлением хозяйственной деятельности носителей пиджской культуры были охота и рыболовство. Охотились на бобра, медведя, лося, северного оленя, зайца, соболя, куницу, хоря, норку. В охоте предпочтение отдавали бобру, лосю и северному оленю. Многочисленны кости рыб, которых ловили при помощи сетей и заколов.

Развита была обработка цветных металлов. На поселениях найдены капли, сплески металла и фрагмент дутьевой трубы. Для литья использовали в основном оловя-

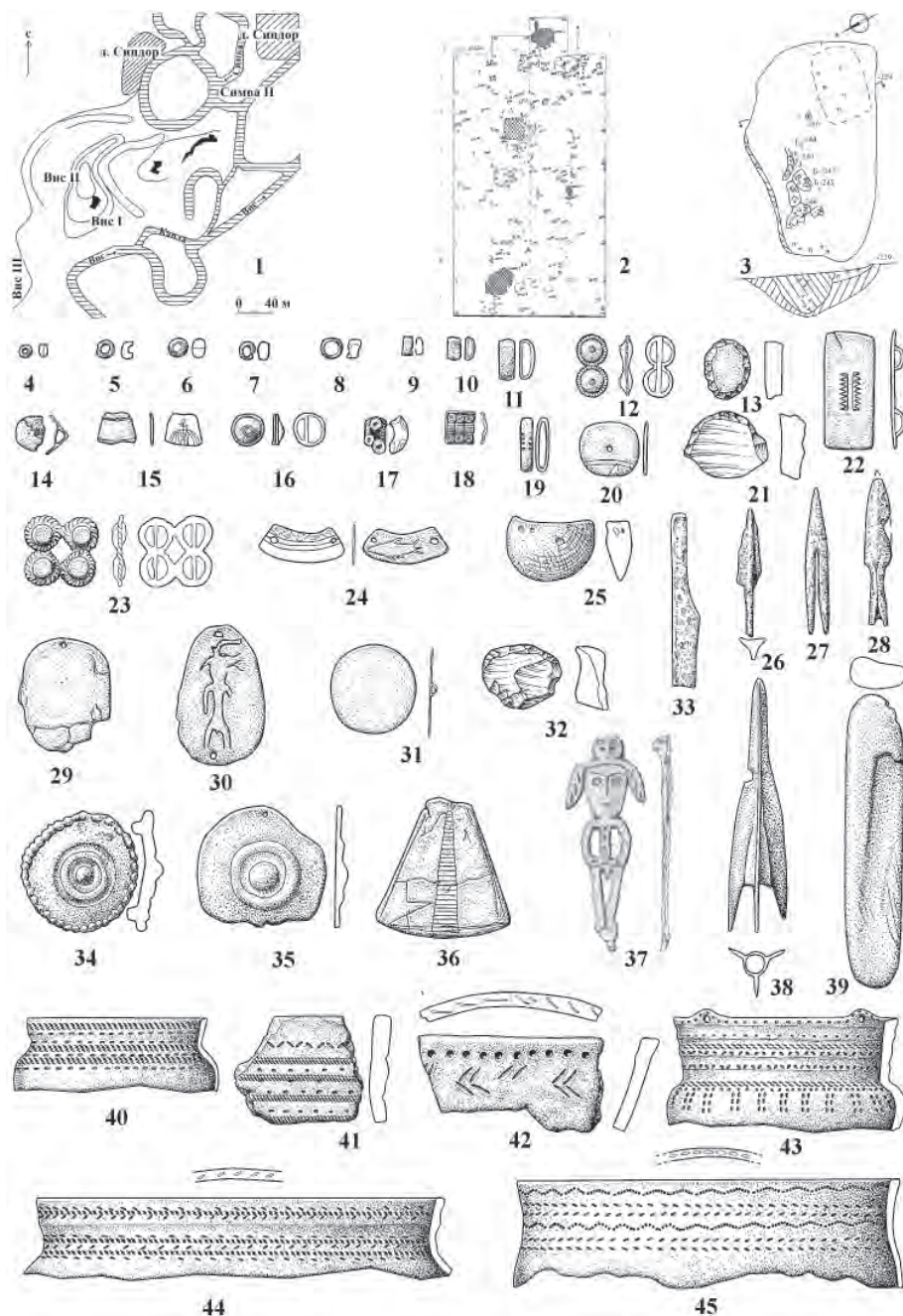

Рис. 51. Поселенческий инвентарь пиджской культуры. 1 – поселение Китостав; 2 – поселение Китостав. План и профиль раскопа; 3 – Шиховской могильник, погребение 37; 4–8, 17 – бусы; 9–11, 19 – обоймочки; 12, 14, 16, 22, 23 – бляшки; 13, 21, 32 – скребки; 15, 36 – подвески; 18, 24 – накладки; 20, 29–31, 34, 35 – бляхи; 25 – панцирная пластина; 26–28, 38 – наконечники стрел; 33 – нож; 37 – антропоморфная фигурка; 39 – оселок; 40–45 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. III / Васкул, 2021). Масштаб разный.
4–7, 17 – стекло; 8–16, 18–20, 22–25, 29–31, 34–38 – медь и бронза;
21, 32 – кремень; 26, 28, 33 – железо; 27 – кость; 39 – камень; 40–45 – глина

нистую бронзу. Находки железных предметов и их обломки на поселениях пиджской культуры свидетельствуют о наличии обработки железа, причем все изделия отковывались из криц.

Могильники пиджской культуры представлены двумя грунтовыми некрополями и отдельным погребением. Они занимают края боровых террас. Захоронения на самом крупном некрополе – Шиховском – располагаются группами. В насыпи могильных ям отмечены следы прокала и угли, а также обугленные внутримогильные конструкции в виде настила из плах, ящика, короба или туеса. Преимущественная ориентировка погребений по линии север – юг с отклонениями. Наиболее полно сохранившиеся могильные ямы небольшие (36–99×33–70 см) и имеют четырехугольные, округлые или овальные очертания. Захоронения совершались по обряду кремации, иногда неполной (рис. 51: 3).

Погребальный инвентарь представлен керамикой, бронзовыми украшениями костюма и пояса (к ним относятся подвески, бляхи, бляшки, обоймицы), предметами вооружения, зеркалами, предметами быта и культовыми изделиями, гляденовская керамика фиксируется в межмогильном пространстве. Все зеркала найдены в погребениях могильника Новый Бор I. Они относятся к изделиям с валиком и боковой ручкой-штырем, на поверхности зеркал нанесены прочерченные изображения.

Культовые предметы найдены при исследовании пещерных святилищ, могильника Новый Бор I и вкладах. Большая их часть – это фигурки из бронзы, отлитые в односторонней форме, но имеются изображения, прочерченные на украшениях в культовых целях. В настоящее время выделены зооморфные, антропоморфные (рис. 51: 37), орнитоморфные сюжеты, а также композиции с изображениями человека, птиц и зверей. Святилища выявлены в трех пещерах Припечорья: Адакской I, Канинской и Уньинской. Все они располагаются на берегах рек. Их использование гляденовским населением относится к I–III вв. н. э. Общими чертами пещерных святилищ являлись: наличие кострищ, наконечников стрел, преднамеренно испорченных украшений, отсутствие литых культовых предметов, малочисленность керамики и бус.

Дальнейшие судьбы носителей пиджской археологической культуры исследователи связывают с памятниками бичевницкого культурного типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Волго-Уралья. Т. III / Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 676 с.
- Археология Республики Коми с древнейших времен до средневековья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар: ДиК, 1997. 758 с.
- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: Отечество, 2014. 300 с.
- Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н. э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.
- Васкул И.О.* Хронология и периодизация памятников пьяноборской эпохи на Европейском Северо-Востоке / Серия «Научные доклад». Вып. 287. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. 20 с.
- Васкул И.О.* Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований) / Серия «Научные доклады». Вып. 451. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2002. 52 с.
- Вооружение сарматов: региональная типология и хронология / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 210 с.
- Воробьева С.Л.* К вопросу о хронологии кара-абызской культуры (по материалам Охлебининского грунтового могильника) // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей, 2015а. С. 208–221.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 2004. 420 с.
- Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М.* Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III. Казань, Ижевск: ИА АН РТ, УдГУ, 2015. 297 с.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. К проблеме этнокультурного взаимодействия. М.: Знак, 2009. 262 с.
- Зубов С.Э.* Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011. 201 с.
- История башкирского народа. Т. 1 / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. 423 с.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Отв. ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. 424 с.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
- Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: б/и, 2014. 472 с.
- Мышкин В.Н.* К проблеме реконструкции системы сезонных перекочевок кочевников Волго-Уральского междуречья в VI–I вв. до н. э. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 81–87.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С.* Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.
- Очир-Горяева М.А.* Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 486 с.
- Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГНИУ, 2018. 320 с.
- Пишеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа, 1973. С. 162–243.

Пиеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград: ВолГУ, 2017. 293 с.

Ставицкий В.В. К вопросу о хронологии и периодизации памятников писеральско-андреевского горизонта // Поволжская археология. 2017. № 3. С. 231–266.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.

Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н. э. М.: Офорт, 2005. 149 с.

Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. С. 3–205

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 274 с.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачёва М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. 318 с.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края / Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МКИ, 1962. С. 7–187.

Халиков А.Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века // СА. 1963. № 3. С. 180–190.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа) / МИКВАЭ. Т. 16. Ижевск: УдГУ, 2008. 272 с.

Черных Е.М., Ванчиков В.А., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: ИКИ, 2002. 188 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А. Оборонительные сооружения мысовых городищ Волго-Камья в раннем железном веке и раннем средневековье // Археология Евразийских степей. 2020. №2. С. 8–277.

ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Эпоха Великого переселения народов представляет собой переходный период от Античности к Средневековью в Евразии, отличающейся наивысшей интенсивностью миграционной активности. Именно этот период стал временем радикальных изменений в культурном ландшафте Евразии.

Однако реконструкция и интерпретация этих процессов сопряжена со значительными трудностями, прежде всего из-за нерешенных вопросов датировки отдельных памятников и целых археологических комплексов. Само понятие «эпоха Великого переселения народов» нередко трактуется по-разному, что во многом зависит от принятых хронологических рамок этого исторического периода.

В современной исторической науке принято отсчитывать начало этой эпохи с Маркоманских войн 166–180 гг. н. э., что нашло отражение в семитомном монографическом исследовании «Археология Волго-Уралья. Т. 4». В системе европейской истории период подразделяется на три основных этапа: германский (II–IV вв.), гуннский (IV–V вв.) и славянский (VI–VII вв.). Вопреки прежним представлениям о гуннах как главных действующих лицах, современные исследования трактуют Великое переселение народов как уникальное взаимодействие «варварства» и «цивилизации», которое привело к формированию новых народов и государств.

Великое переселение народов было вызвано комплексом факторов, включая климатические изменения, демографический рост и социальное расслоение, что стимулировало военные походы и эволюцию общественных структур. Одним из ярких примеров служит миграция готов в III в. из Скандинавии в Северное Причерноморье, где они взаимодействовали с местными племенами и создали мощное государство под властью королевской династии Амалов. Наибольшего расцвета Готская держава достигла в середине IV в. при короле Германарихе (Эрманарихе), который

¹ При составлении данной главы использованы разделы IV тома «Археологии Волго-Уралья» за авторством Бернц В.А., Валиева Р.Р., Вихляева В.И., Воробьевой С.Л., Вязова Л.А., Гаврилухина И.О., Голдиной Р.Д., Грибова Н.Н., Гришакова В.В., Зеленева Ю.А., Иванова В.А., Казакова Е.П., Казанцевой О.А., Колонских А.Г., Красноперова А.А., Кривошеева М.В., Лещинской Н.А., Малашева В.Ю., Мясникова Н.С., Никитиной Т.Б., Останиной Т.И., Перескокова М.Л., Петровой Д.А., Сабирова Т.Р., Сабировой Т.М., Сташенкова Д.А., Ютиной Т.К.

подчинил славянские племена Поднепровья. Восточные границы распространения этой культуры простирались до верховьев Северского Донца и Дона.

Появление гуннов в Европе стало важной вехой в этом процессе: их миграции спровоцировали цепную реакцию перемещений народов. Археологические находки позволяют реконструировать гуннскую культуру и военное искусство, подчеркивая их роль в дестабилизации региона. Миграции славян, которые расселились по обширным территориям Европы и активно взаимодействовали с различными этносами, завершили этот масштабный процесс, заложив основу для средневековых этнических конфигураций.

Волго-Уралье не оставалось в стороне от этих событий, которые оказывали существенное влияние на местные культуры и население. В настоящей главе мы обратимся к археологическим свидетельствам этих процессов, рассмотрев важнейшие культуры региона начиная с позднесарматского периода.

5.1. КУЛЬТУРЫ СТЕПИ, ЛЕСОСТЕПИ И ЛЕСА ВО II–IV ВВ.

Культуры степной зоны

Позднесарматская культура (середина II – IV вв. н. э.). В середине – второй половине II в. н. э. на степных пространствах от Зауралья до Нижнего Дона распространяется новая волна кочевников – носителей позднесарматской культуры (рис. 1).

Основными археологическими памятниками являются курганные могильники. Сведения о поселениях отсутствуют. Курганы возводились на вершинах водоразделов. Погребения – подкурганные, насыпи земляные, реже каменно-земляные (рис. 2: 1–3). В насыпях встречаются кости животных и посуда, а в Южном Приуралье – кострища. Захоронения совершались в подбоях или ямах с использованием подстилок, покровов, луба, гробов или колод. Преобладали индивидуальные погребения вытянуто на спине, реже – на боку, животе или скорченные; руки располагались вдоль тела или на бедрах, ноги вытянуты, перекрещены или согнуты. Ориентировка – головой на север (Южное Приуралье), юг (Волго-Дон) (рис. 2: 4–6, 10, 11). Широко распространена деформация черепа (до 70% в Южном Приуралье). В Волго-Донском междуречье иногда встречаются катакомбы, что свидетельствует о сохранении среднесарматских традиций (диагональное положение, южная ориентировка).

Наиболее массовой категорией инвентаря в погребениях являются лепные и круговые керамические сосуды (рис. 2: 8, 9, 12–35). Круговые формы мелкой столовой посуды, одно- и двуручных кувшинов, мисок, горшков поступали к степному населению из производственных центров Северного Кавказа, Нижнего Дона и Средней Азии. Северокавказская керамика наиболее часто использовалась как в Волго-Донском регионе, так и в Южном Приуралье (рис. 2: 24, 25, 28, 31–35). Среднеазиатские сосуды (рис. 2: 23, 26, 29) к западу от Волги неизвестны.

Предметы вооружения представлены преимущественно мечами и кинжалами. В позднесарматское время господствующим становится тип мечей без навершия и перекрестия (рис. 3: 37–41, 42); получают распространение детали в виде каменных (нефритовых, халцедоновых) наверший и скоб (рис. 3: 10, 11), которые, как правило, маркируют статусные воинские комплексы. Ведущим типом становятся кинжалы без навершия и перекрестия, хотя все еще встречаются экземпляры с прямым

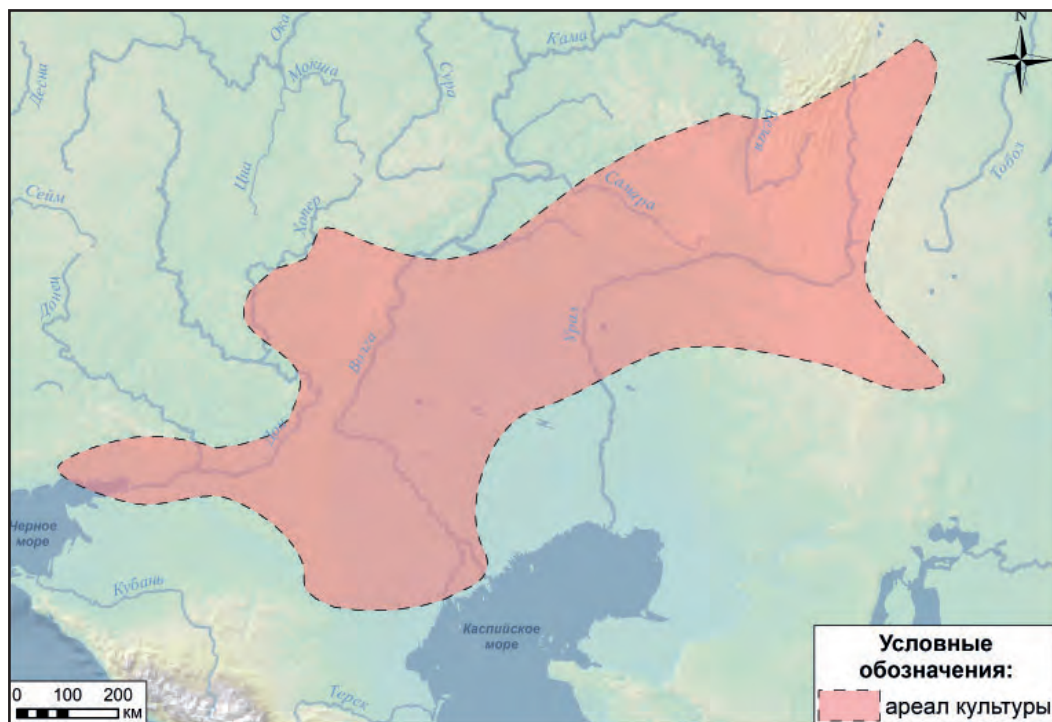

Рис. 1. Ареал позднесарматской культуры

перекрестием и кольцевым навершием (рис. 3: 37). Характерным позднесарматским элементом воинского набора стали оселки, длина которых могла достигать 63 см (рис. 3: 38). В позднесарматских памятниках распространение получают сложно-составные луки. В погребениях фиксируются костяные концевые и срединные накладки. Стрелы в могилы клали достаточно редко, как правило в виде единичных наконечников, вероятно, обозначая их присутствие (рис. 3: 2–9).

Конская сбруя представлена удилами, преимущественно с кольчатым трензелем (рис. 3: 12). Изредка встречаются колесовидные или с секировидными окончаниями псалии (рис. 3: 13, 15). В состав сбруйных наборов входили также нащечники (рис. 3: 14, 15), бляхи-подвески, зажимы (рис. 3: 21, 22), кольца с зажимами и округлые крепежные накладки. Особенностью южноуральских сбруйных наборов является украшение ремней (ошейника или нагрудного ремня) накладками (бляхами) прямоугольной формы с загнутыми краями, имитирующими массивность изделия; в состав комплексов часто входят морфологически близкие бляхам пряжки (рис. 3: 16–20).

Характерным признаком начала позднего сарматского периода является изменение в декорировании бронзовых предметов. В качестве украшения деталей ременных гарнитур появляется фасетировка (рис. 3: 13, 22, 23). Широкое распространение получают наконечники ремней (рис. 4: 1, 8, 9, 18, 19). Применение каменных и стеклянных вставок, скани и зерни в оформлении ременных гарнитур встречается крайне редко (рис. 4: 8, 9, 14, 17).

Одной из опорных в хронологическом отношении категорий инвентаря являются фибулы (рис. 4: 22–24, 32–43). Отмечается поступление фибул преимущественно

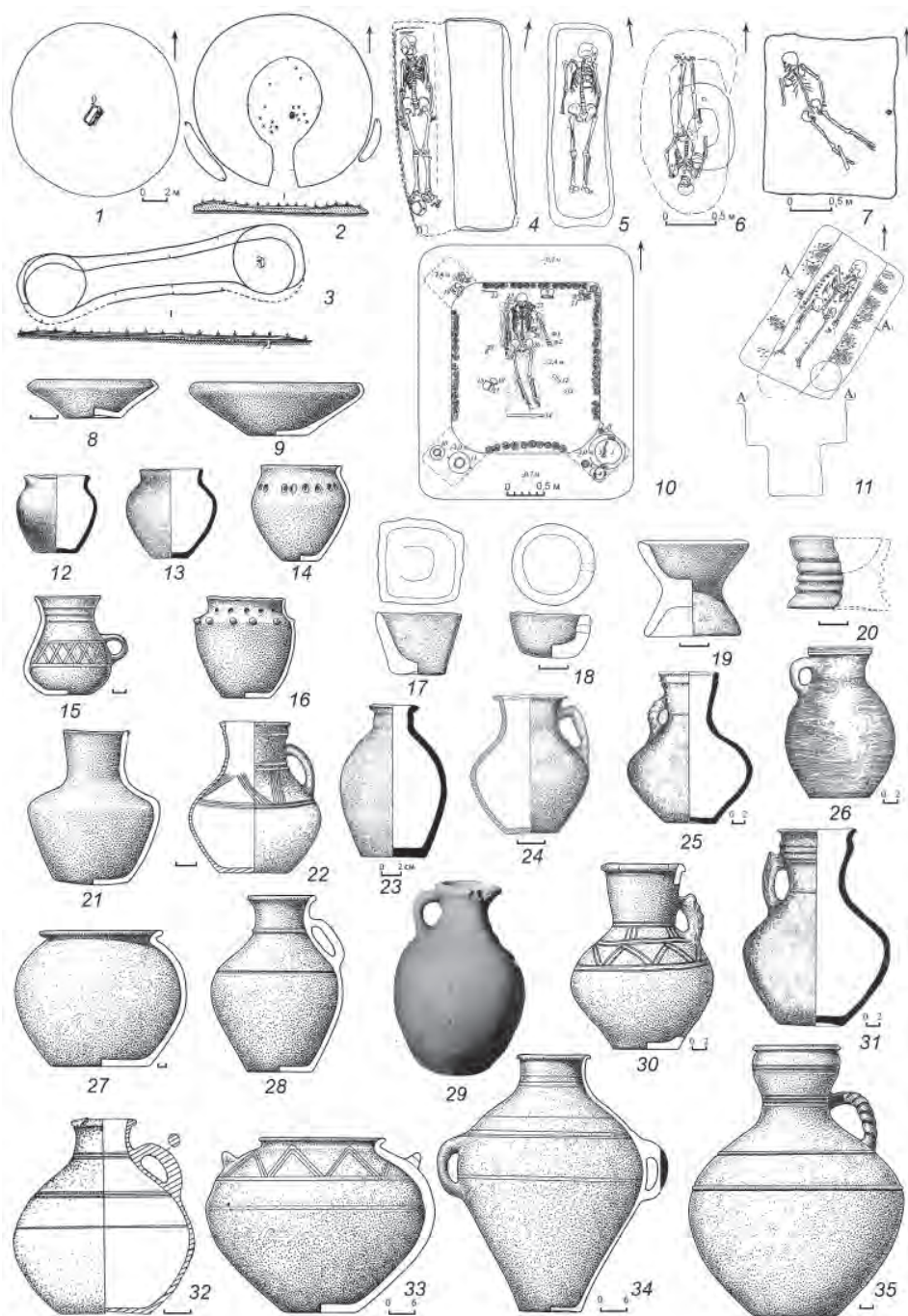

Рис. 2. Погребения и погребальная керамика позднесарматской культуры.
 1 – Покровка 10, к. 24; 2 – Лебедевка V, ограда 2; 3 – Лебедевка VI; 4 – Покровка 10, к. 22, погр. 2; 5 – Покровка 10, к. 107, погр. 1; 6 – Кировский III, к. 1, погр. 2; 7 – Жутово, к. 2, погр. 1; 8, 9, 15, 22–29, 31–35 – круговая керамика; 10 – Лебедевка, к. 2, погр. 1; 11 – Кировский I, к. 1, погр. 2; 12–14, 16–21, 30 – лепная керамика. 8, 9, 12–35 – глина.
 Масштаб разный (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Малашев, Кривошеев, 2022)

Рис. 3. Предметы вооружения, конская сбруя, античный импорт и металлические котлы позднесарматской культуры: 1–11, 37–43 – предметы вооружения; 12–22 – сбруйные наборы; 23, 30, 31 – котлы; 25–29, 32–35 – античный импорт. Масштаб разный.
1, 10 – нефрит; 2–4, 16–21 – железо; 5–9 – кость; 11 – железо; янтарь, бронза, золото, стекло; 12, 37, 40, 42 – железо и бронза; 13, 15, 22, 23 – серебро; 14 – серебро, золото, сердолик; 24, 26, 27, 29–36 – бронза; 25, 28 – стекло; 38 – железо, дерево, бронза, серебро; 39 – камень; 41 – железо, бронза, золото, серебро, стекло, янтарь, нефрит, дерево; 43 – железо, дерево, халцедон, бронза (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Малашев, Кривошеев, 2022)

из нижнедонских производственных центров. После разрушения нижнедонских городищ в середине III в. большая часть фибул поступает из северокавказских мастерских и из районов распространения черняховской культуры. В южноуральских памятниках, кроме т. н. северопричерноморских типов, застежек были широко распространены пружинные фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (рис. 4: 39, 41, 42), а также крупные одночленные фибулы с широкой раскованной орнаментированной ножкой (рис. 4: 34, 43). Встречаются также провинциально-римские шарнирные фибулы с эмалью (рис. 4: 22–24).

В позднесарматское время распространяются иные, чем прежде, типы зеркал: наиболее популярными становятся зеркала-подвески с боковым ушком и орнаментом на обратной стороне (рис. 4: 20, 21, 28, 30), а также зеркала с центральной петелькой (рис. 4: 7, 29, 31). Оба типа существуют на всем протяжении позднесарматской культуры. Встречаются китайские зеркала (рис. 4: 52, 53) и подражания им.

Среди погребального инвентаря встречаются вещи импортного производства. В первую очередь это металлическая римская посуда: тазы, ковши, кувшины, цедилки (рис. 3: 25–29, 30, 33–35). Как правило, вещи импортного производства маркируют высокостатусные погребения.

Для южноуральских древностей позднесарматского времени характерны находки полых серег калачевидной формы с проволочной дужкой (рис. 4: 25–27), вероятно среднеазиатского производства. Известны также проволочные серьги в один оборот, украшенные навивкой (рис. 4: 10–12).

В составе инвентаря женских погребений встречаются ожерелья, состоящие из спиралевидных пронизей (из серебряной или бронзовой проволоки) и 14-гранных бусин (рис. 4: 5), а также ожерелья из подвесок-лунниц (рис. 4: 6) и каплевидных подвесок, инкрустированных камнями (рис. 4: 13).

К сакральной категории инвентаря принято относить глиняные курильницы. Наиболее характерным типом для позднесарматской культуры стали курильницы кубической и усеченно-пирамидальной формы, однако в Южном Приуралье встречаются и иные формы (рис. 2: 17–20). Яркой находкой в позднесарматских памятниках являются разнообразные по форме и размерам колокольчики (рис. 4: 15, 16, 44, 51). В женских захоронениях получают распространение железные пружинные ножницы, зеркала (рис. 4: 50). В погребениях, преимущественно в женских, в большом количестве встречаются пряслица, имеющие большое морфологическое разнообразие (рис. 4: 45–49). Редкой находкой, как правило маркирующей статусные погребения, являются бронзовые литые котлы (рис. 3: 24, 31, 32).

Вопрос об этнической принадлежности носителей позднесарматской культуры остается одним из самых сложных и дискуссионных. Первоначальные предположения о принадлежности культуры аланам не получили в дальнейшем достаточной аргументации и, несмотря на укоренение в научной литературе, лишены доказательной базы. На сегодняшний день не представляется возможным дать аргументированную этническую характеристику этой культуре и связать ее с конкретным этнонимом, включая аланов. Наиболее вероятной представляется связь с ираноязычными кочевниками.

Последующее развитие позднесарматской культуры в регионах разλιно. Часть культуры Южного Приуралья вошла в состав населения лесостепных районов (Салиховский, II Ахмеровский могильники). Небольшие группы могли мигрировать

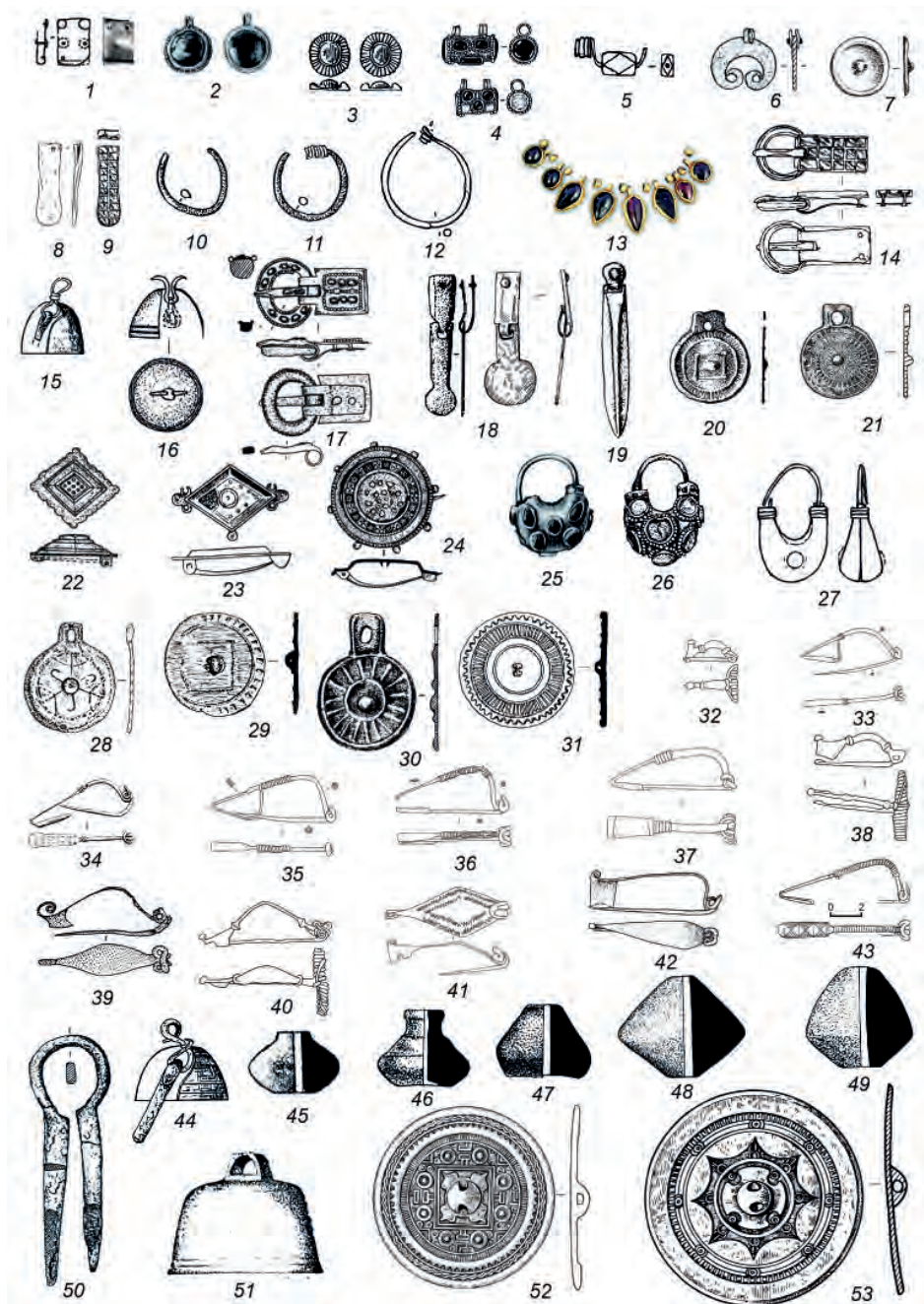

Рис. 4. Ременная гарнитура, предметы быта, украшения позднесарматской культуры: 1, 8, 9, 18, 19 – ременная гарнитура (наконечники ремней); 2–6, 10–13, 25–27 – украшения; 7, 20, 21, 28–31, 52, 53 – зеркала; 14, 17 – ременная гарнитура (пряжки); 15, 16, 44, 51 – колокольчики; 22–24, 32–43 – фибулы; 45–49 – пряслица; 50 – ножницы.
1, 12, 15, 18–21, 28–31, 33–44, 51 – бронза; 5 – сердолик, бронза;
6, 10, 11, 16, 32 – серебро; 7 – билон; 13 – золото, гранат;
8, 9, 14, 17 – золото, сердолик; 22–24 – бронза, эмаль; 45–49 – глина; 50 – железо.
Масштаб разный. (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Малашев, Кривошеев, 2022)

в Приаралье. Нижнедонское население к IV в. ассимилировано аланами. Возможно, часть участвовала в формировании гуннского объединения.

Климатические изменения могут объяснять отсутствие памятников в Южном Приуралье в позднем III в. и сокращение в Нижнем Поволжье в IV в.

Остатки носителей культуры, сконцентрировавшиеся в Астраханском Правобережье после середины III в., могли покинуть территорию из-за климата до прихода гуннов. Даже если население оставалось до 70-х годов IV в., их сопротивление/включение в гуннский союз не отразилось на культуре эпохи Великого переселения народов.

Культуры лесостепной полосы

Памятники лбищенского типа (III–IV вв. н. э.). В южной части Самарской Луки выделяются два городища лбищенского типа: Лбище и Переволоки (рис. 5). Основной материал для изучения культуры происходит из раскопок городища Лбище.

Городище Лбище расположено у села Севрюкаево Ставропольского района Самарской области. Исследования с 1981 г. выявили уникальность укреплений, керамики и материальной культуры, указывая на связи с именьевской и зарубинецкой культурами. Масштабные раскопки (1982–1984 гг. и позднее, свыше 4160 кв. м) позволили обнаружить обломки сосудов, украшения, элементы костюма и кузнечный инструмент.

Переволокское городище (исследовано в 1988 г.) в Сызранском районе Самарской области продемонстрировало сходство с находками из Лбища, что позволило выделить лбищенский тип памятников III–IV вв. н. э.

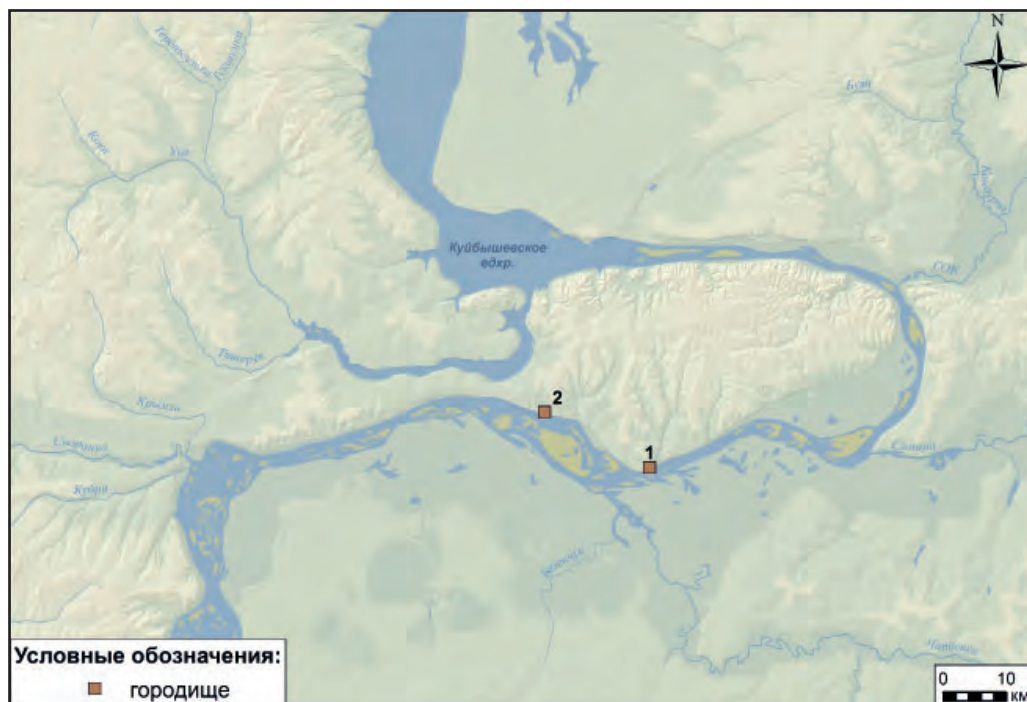

Рис. 5. Памятники лбищенского типа на Самарской Луке: 1 – городище Лбище; 2 – Переволокское городище (по: Вязову Л.А., Сташенкову Д.А)

Рис. 6. Городище Лбище. Топографический план и профиль оборонительных сооружений по линии А–В (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Вязов, Сташенков, 2022)

Оба городища имели укрепления, наиболее сложные – на Лбище (рис. 6). Городище занимало площадь 23 га на мысу коренного берега Волги. Фортификации: ров (около 200 м) и вал (375 м) с 14 полукруглыми выступами («бастионами»). Переволжское городище имело схожие, но менее масштабные укрепления.

На Лбище исследовано более 80 сооружений. Жилые постройки располагались близ укреплений. «Жилищные котлованы» – небольшие углубления (до 10 кв. м, 0,2–0,6 м глубиной) с очагом и иногда пандусным входом. Некоторые соединялись переходами. Хозяйственных ям немного (1–2 на котлован), они округлой или аморфной формы.

Некрополи не обнаружены. Захоронения осуществлялись на территории поселений: в отдельных могильных ямах (северная ориентация, иногда – погребальный инвентарь), в «жилищных котлованах» и ямах (разное положение тела, погребальный инвентарь, нарушенный порядок костей). Считается, что это проявление специфического погребального обряда, а не последствия нападения. Наличие искусственной деформации черепов указывает на связь части населения с сарматами.

Керамика лбищенского типа характеризуется разнообразием форм (горшки, миски, крышки) и обработки поверхности (грубая, лощеная). Горшки округлобокие

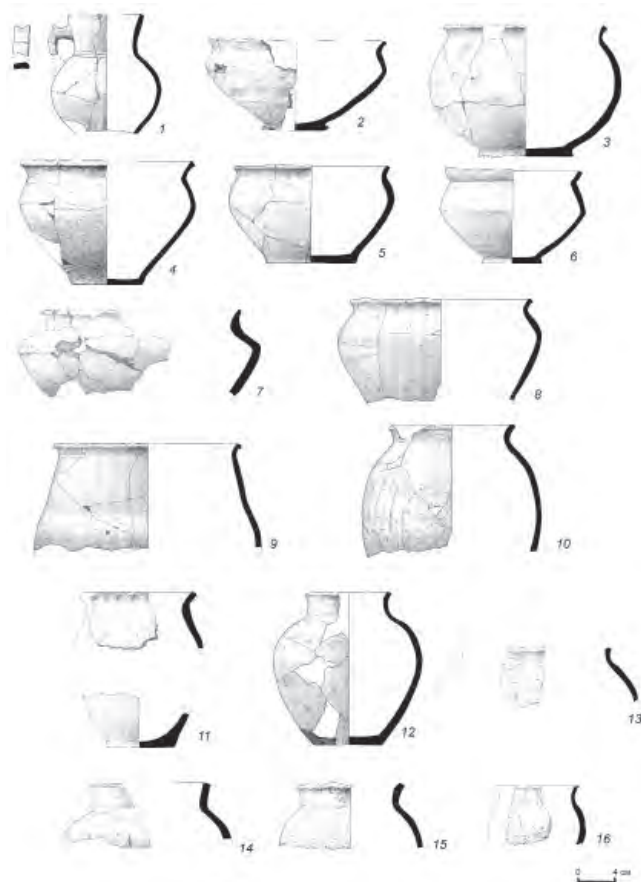

Рис. 7. Керамический комплекс городища Лбище: 1 – кувшин; 2–7 – миски, 8–16 – горшки (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Вязов, Сташенков, 2022)

и остросереберные. Миски округлобокие, с зигзаговидным профилем. Кувшины немногочисленны (рис. 7).

Прямых аналогий керамике Лбища в регионе нет, но отдельные элементы встречаются в памятниках типа Царев Курган и киевской культуры. Выявлено разнообразие рецептов формовочных масс, что указывает на культурную неоднородность.

Вещевой комплекс представлен украшениями костюма, орудиями труда, конским снаряжением и вооружением (рис. 8).

Экономика населения, оставившего памятники лбищенского типа, базировалась на животноводстве, земледелии и кузнечном деле. Преобладающую роль играло животноводство, о чем свидетельствуют палеозоологические исследования, выявившие кости исключительно домашних животных. Основу стада составлял крупный рогатый скот (59%), значительна была доля лошадей (28%), а мелкий рогатый скот и свиньи составляли меньшую часть (соответственно 9,4% и 4–8,33%). Земледелие подтверждается находкой известнякового жернова. Ключевую роль играло кузнечное дело, о чем свидетельствует обнаруженный клад инструментов и результаты металлографических исследований, указывающие на высокий уровень развития кузнечного ремесла.

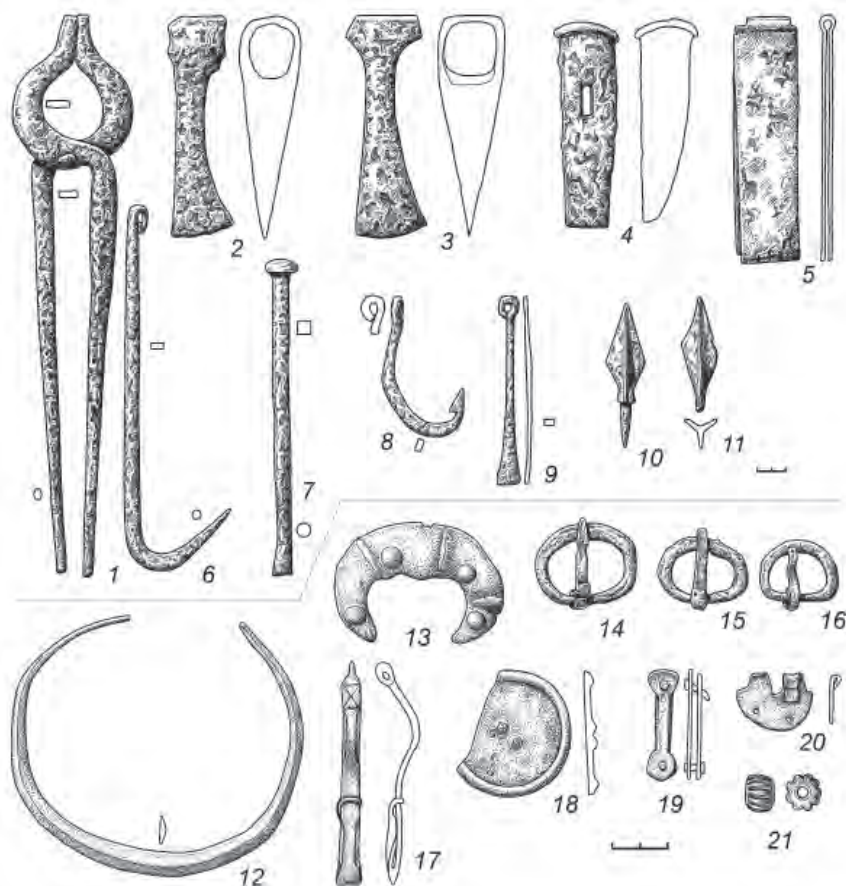

Рис. 8. Изделия с городища Лбище: 1 – клещи; 2–3 – топоры; 4 – молоток; 5 – обойма; 6 – крюк; 7 – долото; 8 – рыболовный крючок; 9 – кресало; 10–11 – наконечники стрел. 12 – гривна; 13 – лунница; 14–16 – пряжки; 17 – фибула; 18 – зеркало; 19 – накладка; 20 – щиток от пряжки; 21 – бусина. 1–4, 6–11, 14–16 – железо; 5, 12, 13, 17–20 – бронза; 21 – стекло (по: Матвеева, 2000).

Городище Лбище и памятники лбищенского типа датируются III–IV – началом V вв., и, вероятно, прекратили свое существование в результате гуннского нашествия на рубеже IV–V вв.

Существует несколько гипотез о происхождении населения, оставившего эти памятники, связывающих его с миграцией зарубинецкого населения, пшеворским влиянием, сарматами, миграцией черняховского населения и/или центральноевропейских групп, а также с миграцией из Верхнего Подонья. Некоторые исследователи видят связь с ранним этапом именьковской культуры. Территориальное распространение памятников лбищенского типа на данный момент не определено.

Памятники средневожского варианта киевской культуры (тип Сиделькино – Темяшево) (III – начало V в. н. э). На первых этапах исследования памятники, обнаруженные в 1940–1970-х гг. на территории Среднего Поволжья и относящиеся к средневожскому варианту киевской культуры, зачастую интерпретировались как поселения именьковской культуры. Тем не менее отдельные исследователи указывали на отличительные черты керамического комплекса этих поселений.

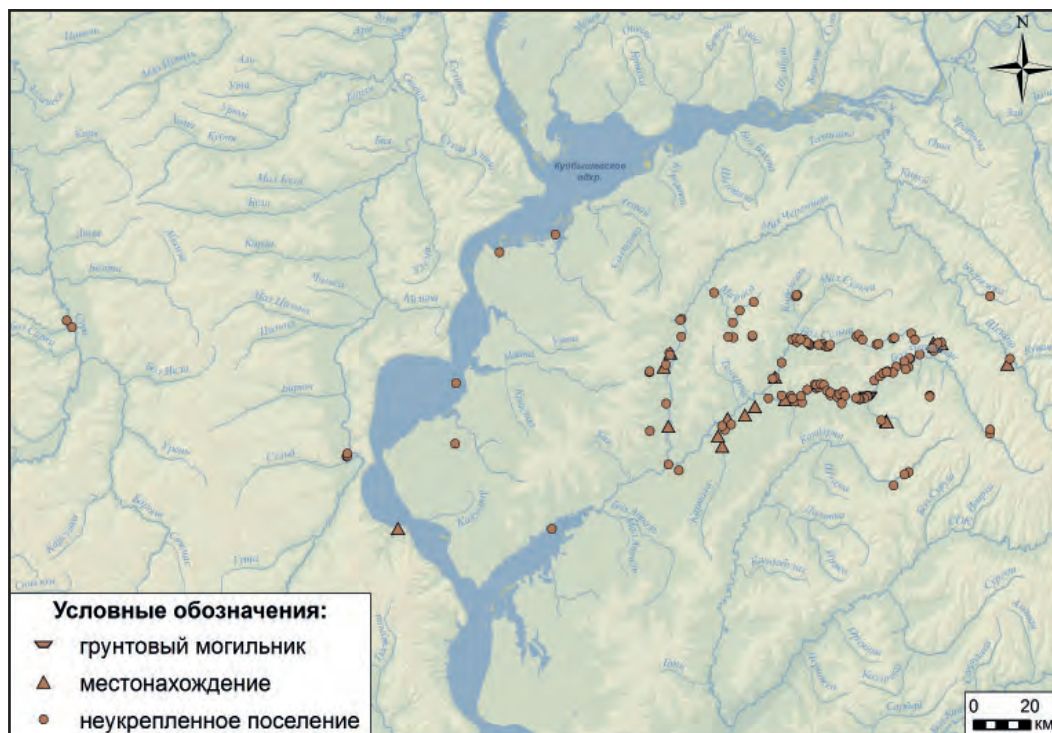

Рис. 9. Памятники средневожского варианта киевской культуры
(по: Сташенкову Д.А., Вязову Л.А.)

Впоследствии, на основе анализа накопленных данных, была выдвинута гипотеза о выделении особой группы памятников – так называемых «памятников славкинского типа», датируемых I–III вв. н. э. и связываемых с первой волной миграции (пра) славянского населения в регион. Дальнейшие исследования позволили выделить самостоятельный культурный тип Сиделькино – Тимяшево, отнести его ко второй четверти I тыс. н. э. и установить связь с киевской культурой.

Памятники этого типа найдены в лесостепи Среднего Поволжья (от Суры до Шешмы). В основном это неукрепленные поселения, сосредоточенные южнее ареала именьковской культуры, особенно в бассейне р. Б. Черемшан (рис. 9). Известно лишь одно вероятное городище (Пролетарское) и грунтовый могильник (Сиделькинский II).

Поселения приурочены к небольшим рекам, занимают поймы и террасы. Преобладают однослойные памятники до 6 га с усадебной планировкой. Наблюдаются зоны с разной концентрацией находок. Жилища – слабо углубленные подквадратные постройки со столбом в центре (иногда без него). Аналоги известны в культурах с зарубинецким наследием. Хозяйство представлено металлургической мастерской (Сиделькино II), цилиндрическими и подпрямоугольными ямами.

Для населения рассматриваемых памятников были свойственны бескурганные погребения, совершенные по обряду кремации и ингумации. Погребальные комплексы исследованы на территории Сиделькинского II грунтового могильника, который располагался на окраине синхронного ему поселения.

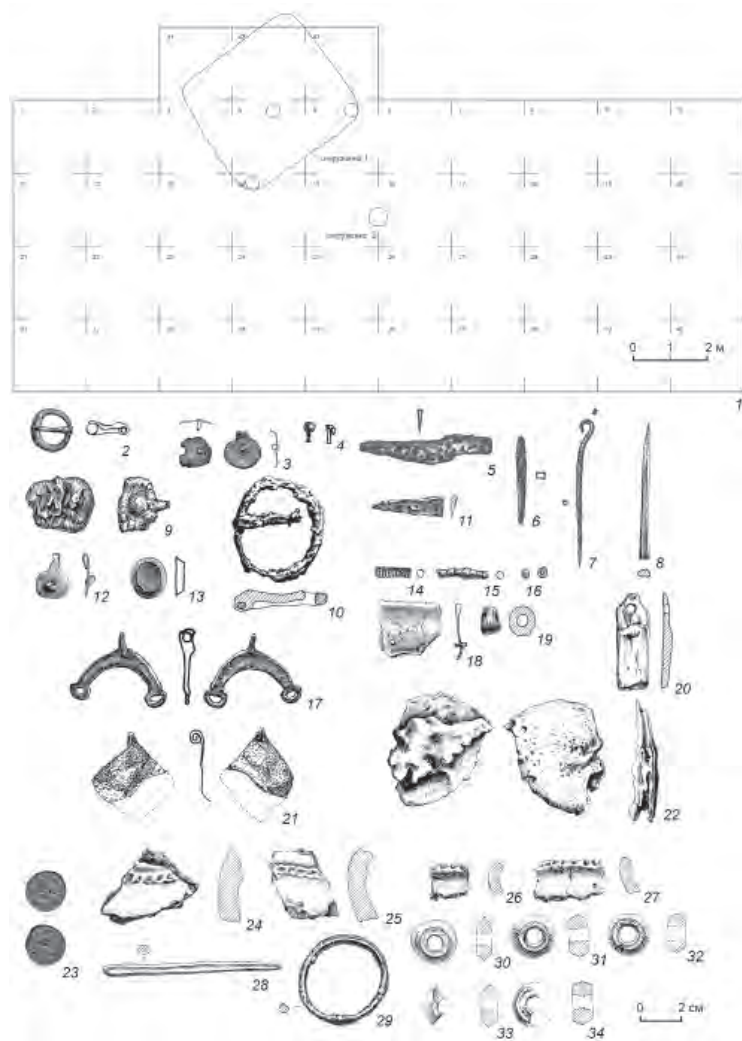

Рис. 10. Памятники средневолжского варианта киевской культуры: 1–23 – Сиделькинское II селище; 24–34 – селище Крепость Кондурча II. 1 – план участка раскопа с жилищем; 2, 9, 10 – пряжки; 3 – щиток от пряжки; 4 – штифт; 5, 11 – фрагменты ножей; 6 – шило; 7 – булавка; 8 – проколка; 12 – подвеска; 13 – вставка от перстня; 14–15 – пронизки; 16, 19 – бусина; 17 – лунница; 18 – оковка венчика сосуда; 20 – амулет; 21 – фрагмент фибулы; 22, 28 – бронзовый слиток; 23 – монета; 24–27 – фрагменты лепных сосудов; 29 – кольцо; 30–34 – пряслица. 2–4, 12, 14, 15, 17, 18, 21, 22, 28 – бронза; 5–7, 9–11, 29 – железо; 8 – кость; 13, 20 – камень; 16, 19 – стекло; 23 – серебро; 24–27, 30–34 – глина.
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Сташенков, Вязов, 2022)

Вещевой комплекс памятников средневолжского варианта киевской культуры небогат, представлен преимущественно бытовыми предметами и орудиями труда. Уникальной находкой является монета боспорского царя Рескупорида V (264–265 гг. н. э.). К деталям костюма относятся железные булавки (рис. 10: 7), элементы поясной гарнитуры (рис. 10: 2–3, 9–10), бронзовая сюльгама, лунница и фрагмент фибулы (рис. 10: 17, 21). С металлургией связаны тигли, льячки, шлаки, слитки (рис. 10: 22, 28). Из орудий труда встречаются серпы, из вооружения – втульчатый наконеч-

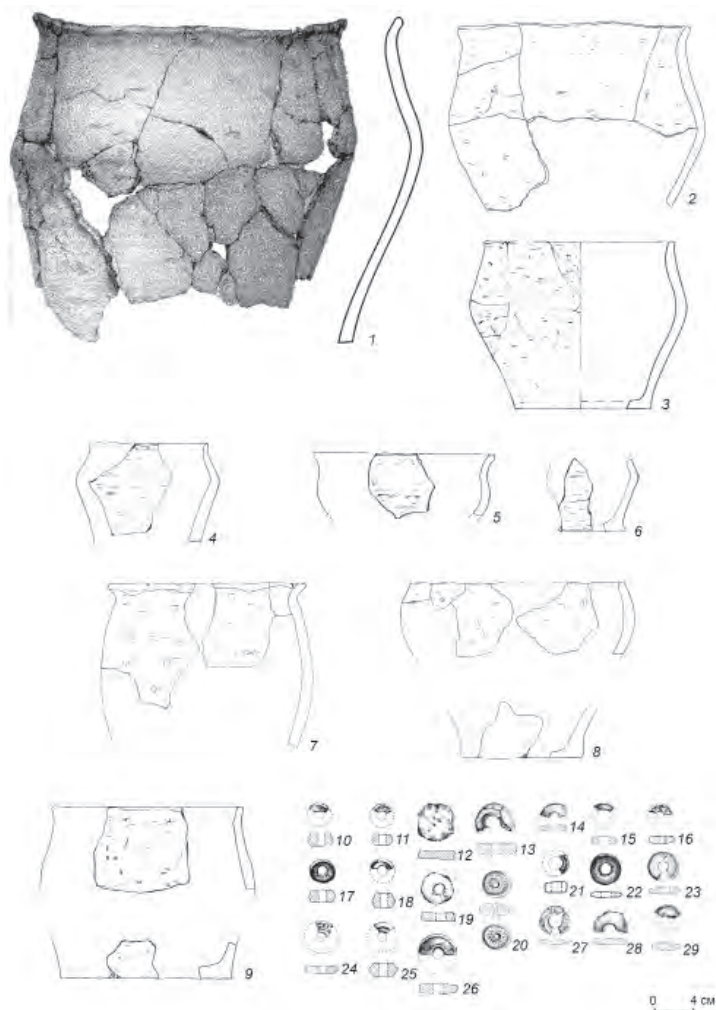

Рис. 11. Памятники средневолжского варианта киевской культуры.
Сиделькинское II селище: 1–9 – фрагменты лепных сосудов; 10–29 – пряслица.
1–29 – глина. (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Сташенков, Вязов, 2022)

ник стрелы. Среди бытовых предметов преобладают пряслица усеченно-биконической формы, встречаются также уплощенно-цилиндрические и из стенок сосудов (рис. 11: 19, 28). Также находят глиняные «жетоны» (рис. 11: 12), фрагменты глиняных фигурок животных, ножи, шилья и другие предметы. Керамический комплекс представлен плоскодонными лепными сосудами (в основном горшки и лепешечницы) из глины с примесью шамота, в основном не орнаментированными. Выделяются типы сосудов по цвету поверхности. На Сиделькинском II найдены лепные лощеные сосуды из глины с шамотом и навозом. Типичные горшки слабопрофилированы, с плоским дном, разных форм верхней части (рис. 11: 1–4, 7–8). Встречаются диски-лепешечницы и миски (рис. 11: 5), а также миниатюрные сосудики, кувшины и горшки с сосковидными налелями. Керамика близка киевской культуре. Разнообразие формовочных масс и технологий указывает на смешанный состав населения и контакты с другими культурами.

Население, оставившее памятники типа Сиделькино – Тимяшево, вело комплексное хозяйство, в котором наряду с земледелием и придомным скотоводством незначительную роль играли охота и рыболовство.

В формировании населения, оставившего памятники типа Сиделькино – Тимяшево, могли участвовать как представители киевской культуры, так и позднесарматских групп.

Памятники этого варианта, расположенные в Самарском Поволжье, представляют собой самые северо-восточные проявления киевского круга.

Культуры лесной полосы

Кара-абызская культура позднего этапа (II–IV вв. н. э.). В II–IV вв. н. э. продолжала существовать кара-абызская археологическая культура. Ареал охватывал лесостепь Южного Приуралья, примыкающую к горнолесной зоне Южного Урала, в основном в центральной части Башкирии. Он простирался от Уфимского полуострова на севере до Гафурийского района Республики Башкортостан на юге (рис. 12).

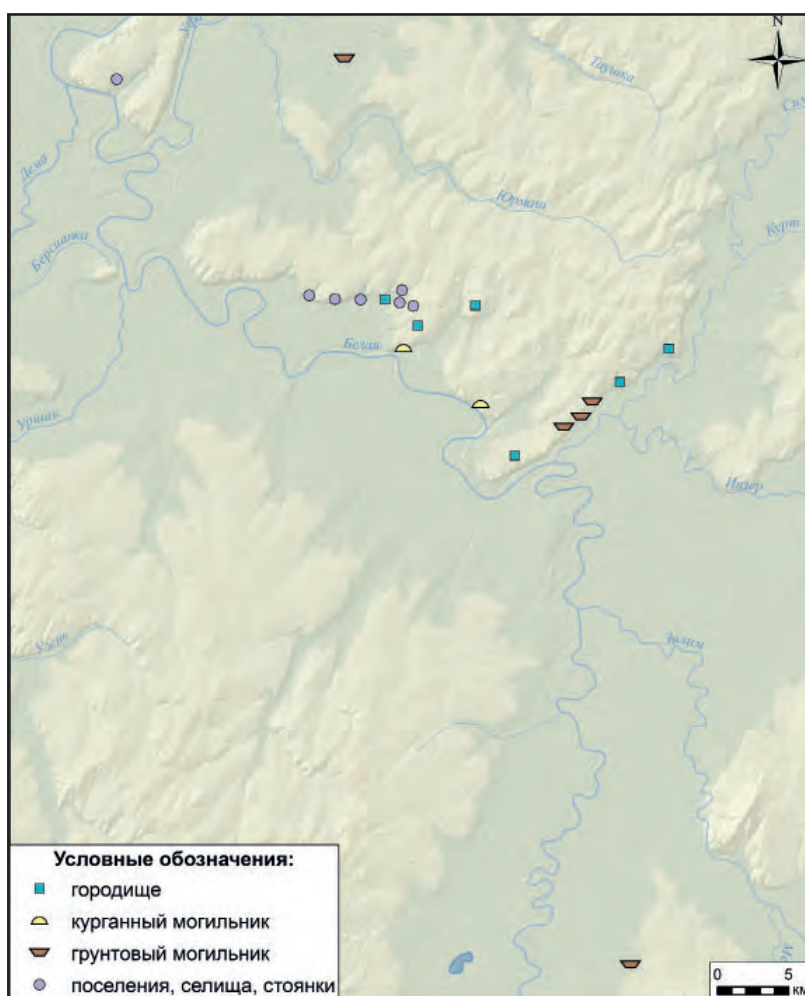

Рис. 12. Памятники кара-абызской культуры II–IV вв. н. э. (по: Воробьевой С.Л.)

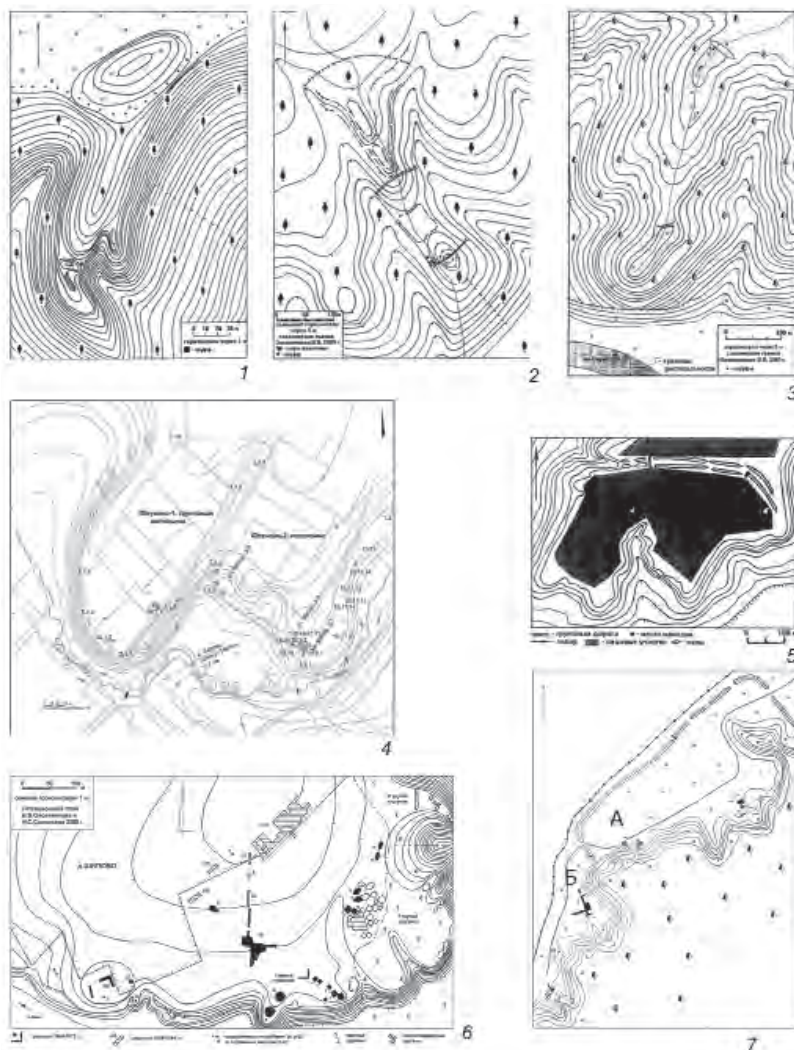

Рис. 13. Топографические планы памятников кара-бызской культуры II–IV вв. н. э.: 1 – Акбердино-3, городище, 2 – Акбердино-2, городище; 3 – Акбердино-1 (Кыз-кала-тау), городище, 4 – Юлуково-1, грунтовый могильник и Юлуково-2, поселение; 5 – Шиповское городище; 6 – Шиповский могильник; 7 – Охлебининский археологический комплекс: А – Охлебининское II городище, Б – Охлебининский грунтовый могильник (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Воробьева, 2022)

Характерны городища, селища и могильники (рис. 13). Городища и селища располагались преимущественно на коренных террасах правого берега рек Белой и Зилим. Крупные городища (Шиповское, Акбердинские, Охлебининское) начали функционировать еще в IV в. до н. э. Активно использовались и сезонные селища (возможно, как «зимники»).

Полноценные раскопки поселений этого периода практически отсутствуют. Керамический комплекс представлен убаларским, имендяшевским и убаларско-имендяшевским типами: убаларская керамика – это слабопрофилированные чаши с примесью песка, с орнаментом в виде зигзагов и елочек или без него (рис. 14: 20, 35, 46,

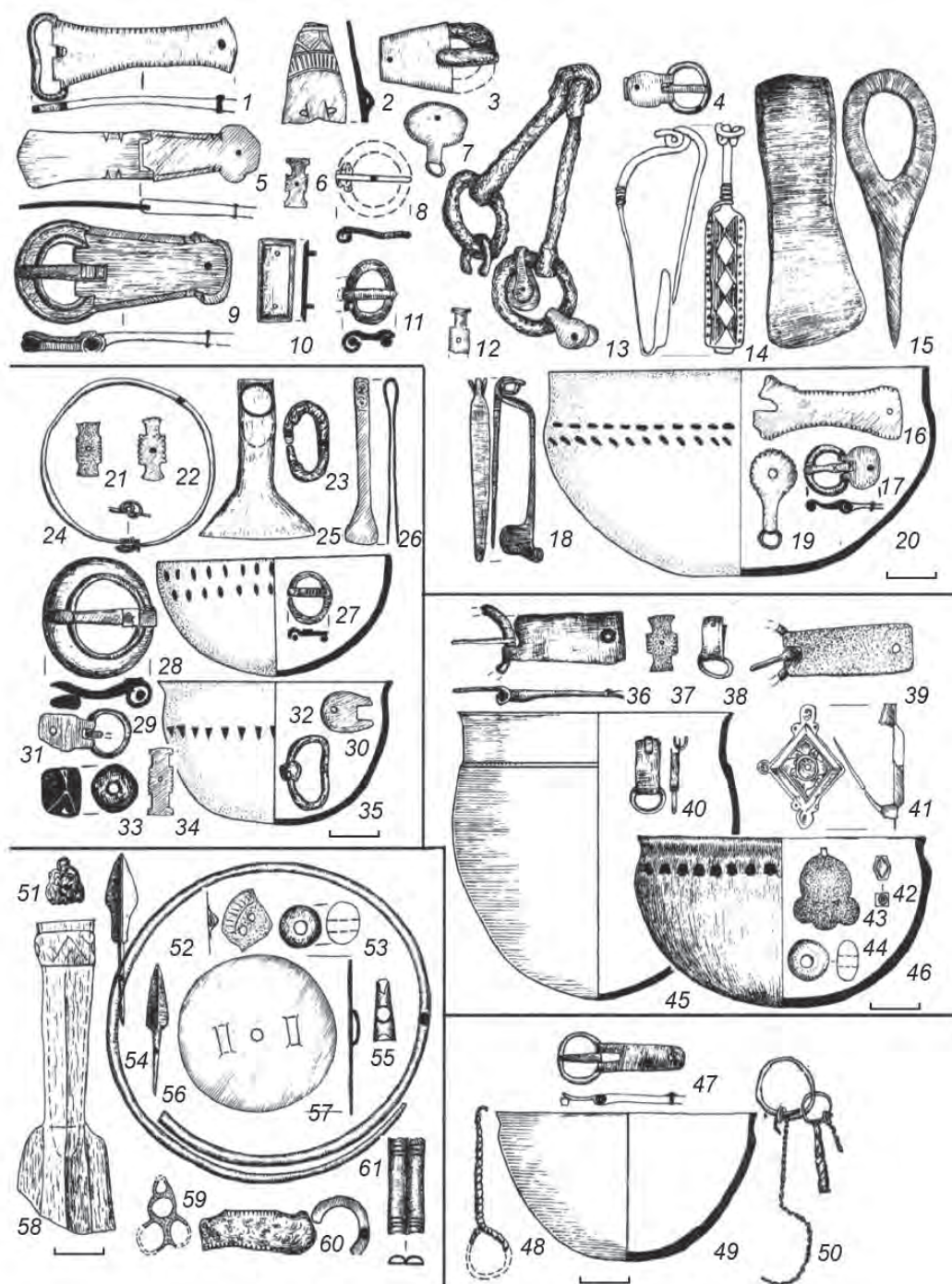

Рис. 14. Хронологическая таблица раскопа XIII Шиповского грунтового могильника кара-абызской культуры: 1–20 – IV в., 21–35 – 2-ая половина III в. н. э. – начало IV в. н. э., 36–50 – 1-ая половина III в. н. э., 51–60 – 2-ая половина II – начало III вв. н. э. (по: Овсянников, 2006, рис. 2, с. 93)

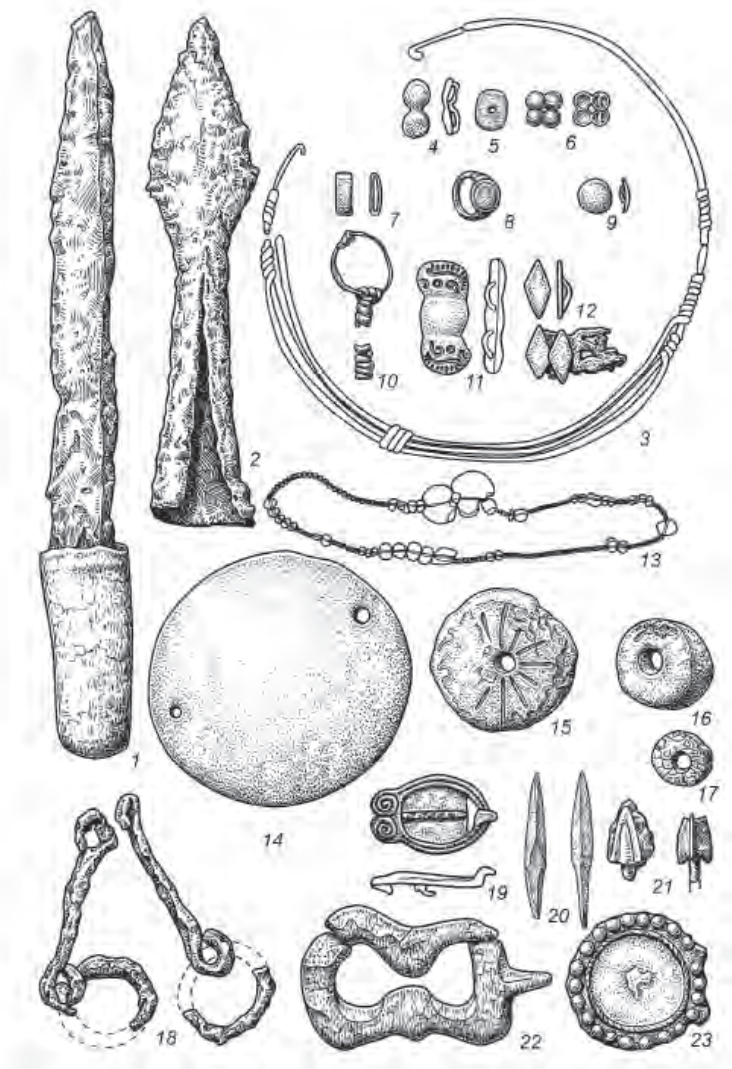

Рис. 15. Инвентарь погребений Охлебнинского могильника II–III вв. н. э.:
 1 – кинжал, 2 – наконечник копья, 3 – гривна, 4–6, 9 – бляшки, 7 – пронизка, 8 – перстень,
 10 – височная подвеска, 11, 12 – поясные накладки, 13 – бусы, 14, 15 – поясные бляхи,
 16, 17 – пряслица, 18 – удила, 19, 22, 23 – застёжки, 20, 21 – наконечники стрел. Масштаб
 разный. 1 – железо, бронза, 2, 18, 21 – железо, 20, 22 – кость, 3–12, 14, 19, 23 – бронза,
 13 – стекло, камень, 15 – раковина, 16 – керамика, 17 – камень
 (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Воробьева, 2022)

49); убаларско-имендяшевская керамика включает тонкостенные чаши и горшки с небольшим количеством орнамента (чаще поясок вдавлений) или без него (рис. 14: 28); имендяшевская керамика представлена открытыми чашами без шеек с лощением и, реже, чашами с высокой шейкой, орнаментированными треугольниками или насечками.

К позднекара-абызским могильникам относятся Охлебнинский, Шиповский, Ново-Уфимский, Юрмаш 1 и Юлуково 1. Охлебнинский могильник функционировал до III в. н. э. Могильник Юлуково 1 датируется III–IV вв. н. э., в то время как

остальные использовались на протяжении всего периода существования позднекара-абызской культуры (II–IV вв. н. э.). Наиболее изучены Шиповский и Охлебининский могильники.

Шиповский могильник находится на правом берегу р. Белой. Здесь исследовались захоронения с индивидуальными могилами, ориентированными в основном с севера на юг и северо-запада на юго-восток. Также встречаются следы разрушения могил. Сопровождающий инвентарь соответствует полу погребенного: оружие для мужчин и украшения с бытовыми предметами для женщин (рис. 14) – наборы стрел с костяными наконечниками, железные пряжки, ножи, шилья, пряслица, амулеты и кости животных (рис. 14: 20, 28, 35, 45, 46, 49).

Охлебининский могильник расположен на правом берегу реки Белой и частично занимает территорию Охлебининского городища (рис. 13: 7). Для поздних захоронений характерна одинаковая северо-западная – западная ориентировка погребений, а также оружие (костяные и железные наконечники стрел, меч сарматского типа (рис. 15: 2–7)), височные подвески (рис. 16: 1–2), бронзовые накладки и пряжки (рис. 15: 2–6, 8–10, 12–14), гривны, керамика убаларского типа (рис. 14: 20, 35, 46, 49).

На поселенческих памятниках зафиксированы следы металлообработки, бронзолитейного производства, обработки железа, косторезного ремесла, но не земледелия. В погребениях найдены кости мелкого рогатого скота, что может указывать на скотоводство.

Поздний этап гляденовской культуры III–V/VI вв. н. э. Единого мнения о позднем этапе гляденовской культуры нет. На сегодняшний день разработано несколько периодизаций и большинство их привязывается к одному ключевому моменту – появлению в Прикамье населения, оставившего курганы харинского типа. Одни исследователи включают памятники харинской эпохи (V–VI вв.) в гляденовскую культуру и переносят раннюю дату ломоватовской в VI в. В рамках позднего этапа гляденовской культуры различают хронологические группы 2 (III – середина IV в.) и 3 (3-я четверть IV – 1-я четверть V в.), горизонт/группа Тураево – Кудаш, и 4 – V/VI вв., практически синхронную группе 3. Группа 4 является переходной к культурам, уходящим в Средневековье.

По мнению других, существование гляденовской культуры завершается с появлением курганных могильников в харинском этапе ломоватовской культуры, который датируется концом IV – VI вв. Курганные могильники Сылвенско-Иренского поречья относятся к бродовской (конец IV–V в. н. э.) и верх-саинской (VI в.) стадиям неволинской культуры.

Памятники представлены городищами, селищами и уникальными костямищами с костями, жертвенниками и множеством зооморфных и антропоморфных изображений (рис. 16).

В этот период появляется большое количество укрепленных поселений, что связано с изменением политической обстановки. Городища классифицируются по уровню фортификации: одновальные и многовальные (рис. 17: 1–8). По функциональному назначению делятся на жилые и городища-убежища. Жилые городища часто имели производственные комплексы и были экономическими и политическими центрами.

Неукрепленные поселения многочисленны. Планиграфия долговременных поселений отличается от городищ, постройки расположены на большем расстоянии друг от друга.

Рис. 16. Ареал гляденовской культуры на позднем этапе

Селища гляденовской культуры делятся на два типа: расположенные на террасах или мысах (долговременные поселения с капитальными постройками) и расположенные на дюнах или поймах (сезонные поселки с легкими постройками).

Известно более 60 комплексов данного этапа культуры, интерпретируемых как жилища или постройки. Выделяют две домостроительные традиции: бревенчатые дома на долговременных поселениях и каркасно-столбовые постройки для сезонных поселений.

Материальная культура представлена домашней утварью: керамикой, каменными пестами, зернотерками, пряслицами, оселками, костяными наконечниками стрел, иглами и железными ножами. Предметы металлообработки найдены в основном на городищах. Керамика хорошо изучена и характеризуется сочетанием гребенчатой, шнуровой, резной и ямочной орнаментации.

Хозяйство носило комплексный характер с доминирующим скотоводством и подсечно-огневым земледелием. Преобладали лошади и крупный рогатый скот. Известны находки полбы и ячменя.

Обработка железа развивалась независимо, без ощутимого внешнего влияния. В сфере цветной металлообработки продолжалось развитие местных традиций, однако появление импортных ремennых гарнитур стимулировало освоение производ-

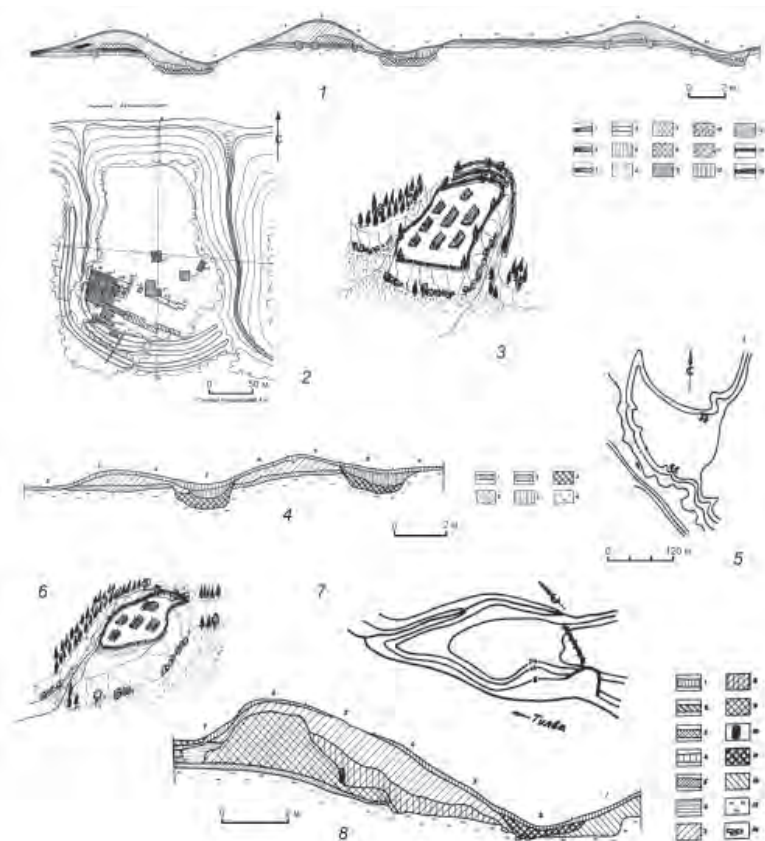

Рис. 17. Городища позднего этапа гляденовской культуры:

1–3 – Бутырское городище: 1 – разрез системы укреплений; 2 – топографический план; 3 – графическая реконструкция городища; 4, 5 – Юго-Камское II городище: 4 – разрез системы укреплений городища; 5 – топографический план; 6–8 – Пещерское городище. 6 – графическая реконструкция, 7 – топографический план, 8 – разрез системы укреплений (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Перескоков, 2022)

ства латуни. Находки слитков металла свидетельствуют об использовании импортного сырья.

Расположение и хронология могильников коррелируют с поселениями, костямищами и миграционными процессами.

На позднем этапе, по мнению некоторых исследователей, появляется обряд «обезвреживания» погребенных и курганные погребения (рис. 18: 8, 9), связанные с притоком пришлых групп населения. Формируется погребальный обряд, характерный для могильников харинского типа, сочетающий курганный и бескурганный части. Курганы становятся маркером высокого социального статуса, а данный обряд сливается с местной традицией «домов мертвых» (рис. 18: 1). Получают развитие частичная и полная кремация, а также частичная ингумация (рис. 18: 2–5).

Материальная культура представлена различными деталями костюма, поясной гарнитурой и вооружением (рис. 19).

На позднем этапе гляденовской культуры продолжают функционировать костища – святилища, связанные с жертвоприношениями животных и предметов. Харак-

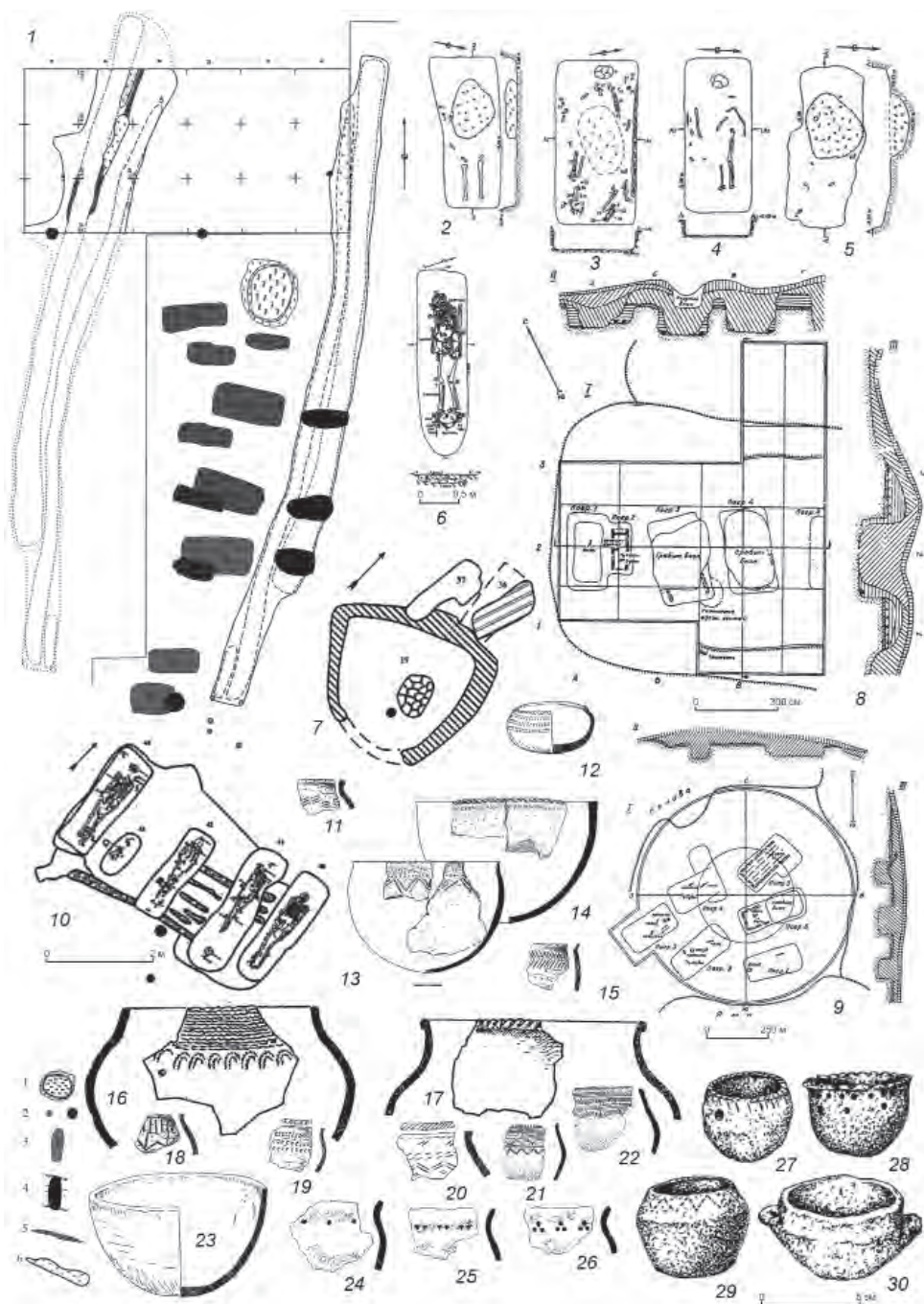

Рис. 18. Погребальные сооружения позднего этапа гляденовской культуры. 1 – «длинный курган» в ранней постройке, 2–6 – погребения, 7–9 – курганные погребения, 10 – «Дом мертвых», 11–29 – керамика, 1–5 – Мокино, поселение-могильник, 6–7, 10 – могильник Верхний Ирьяк, 8–9, 12, 20, 23 – Качка, могильник, 11, 15, 18–19 – Осинское городище, 21–22 – Заюрчим VI, поселение, 16–17 – Опутятское городище, 24–26 – Калиновское городище, 27–30 – костице Слешушка (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Перескоков, 2022)

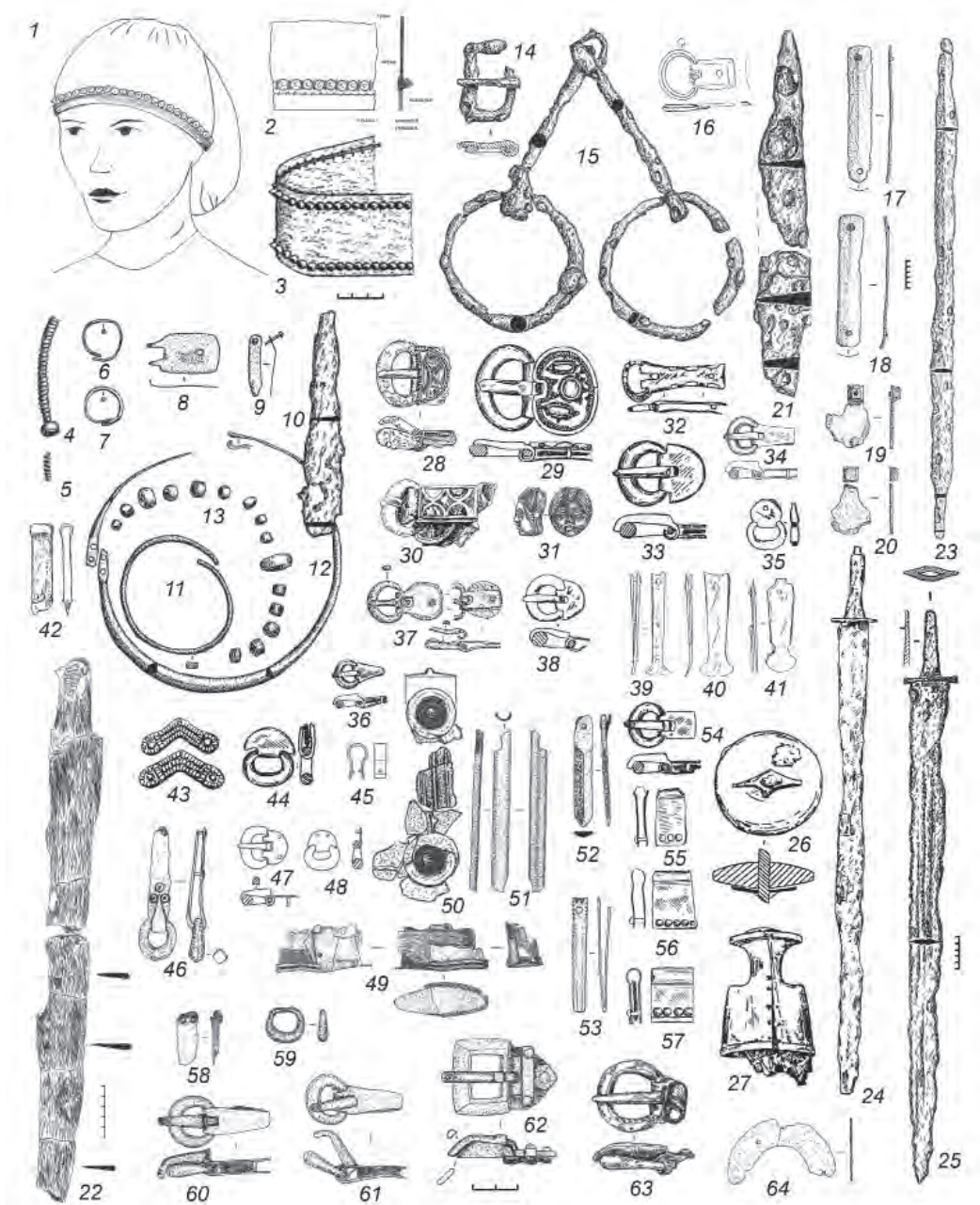

Рис. 19. Пермское Приуралье в эпоху Великого переселения народов. Детали костюма, поясная гарнитура и оружие (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Перескоков, 2022)

терно использование культовой металлопластики с образами птиц, волков, медведей, змей и антропоморфными мотивами. Прекращение функционирования костич связано со сменой социально-политического устройства и переносом обрядов на могильники, а также с возможным уменьшением эффективности скотоводства из-за изменений климата.

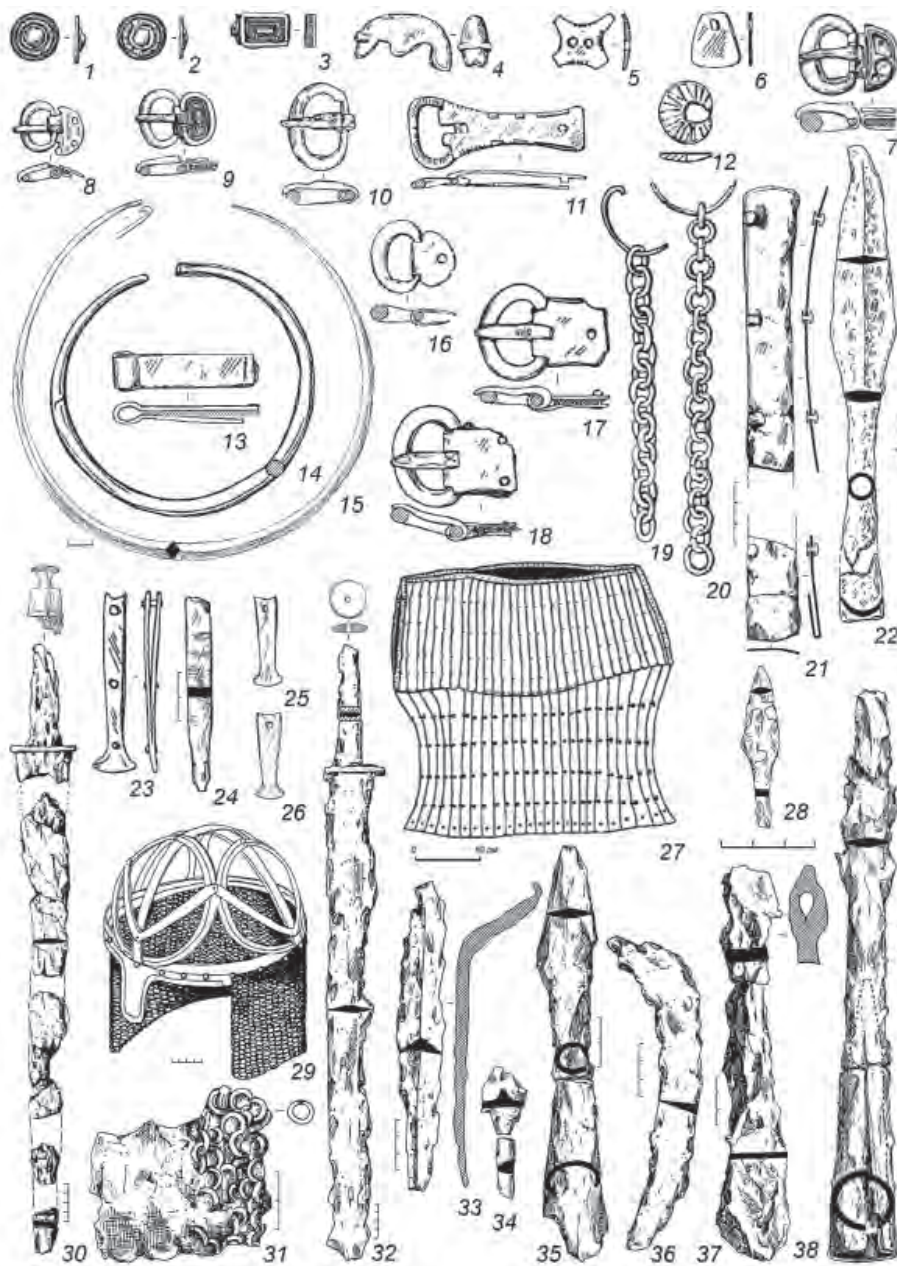

Рис. 20. Кудашевский I курганно-грунтовый могильник:

1-3, 5 – накладки; 4 – пронизка; 6, 19, 20 – подвески; 7-11, 16-18 – пряжки, 12 – фрагмент пряжки (?); 13, 23, 25, 26 – наконечники ремней; 14 – браслет; 15 – гривна; 21 – пластина от доспеха; 22, 35, 38 – наконечники копий; 24 – слиток; 27 – доспех; 28, 34 – наконечники стрел; 29 – реконструкция шлема (выполнена: Казанцева О.А., Волков С.Р., Липина Л.И.); 30, 32 – мечи с наконечниками; 31 – реконструкция доспеха (выполнена Казанцевой О.А.); 33 – боевая коса; 36 – серп; 37 – метательная секира. Масштаб разный.
1, 2 – золото, гранат; 3, 9 – серебро, камень; 4-6, 10-20, 23 – бронза; 7 – бронза, позолота; 8, 25, 26 – серебро; 21, 22, 27, 28, 31, 33-38 – железо; 24 – олово, свинец; 30 – железо, серебро; 32 – железо, халцедон (по: Голдина, 2025)

Рис. 21. Кудашевский I могильник. Грунтовая часть. Погребение 314. Навершие рукояти меча, золото, камень (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Казанцева, 2022)

Одним из опорных памятников этого времени является **Кудашевский I курганно-грунтовый могильник**, расположенный на юге Пермского края. Могильник состоит из курганной и грунтовой частей. Выявлено не менее пяти курганных насыпей.

Население, оставившее этот могильник, было неоднородным: местные финно-пермские племена и пришлые группы. Курганный способ захоронения не характерен для финно-угров. Биобрядность, разные конструкции могил в грунтовой части отражают погребальные традиции разных этнических групп. По мнению некоторых исследователей, в предметах вооружения прослеживается влияние «восточногерманцев» (мечи, шлемы, топоры-мотыги, боевые серпы) и степного населения (поздних сармат). Импорт (бусы из янтаря и халцедона, подвески) – общая для Европы тенденция.

30% могил содержат оружие, характерное для воинов-профессионалов (рис. 20), и столько же – жертвенные комплексы (автохтонное население гляденовской культуры). Памятник связан с местным финно-пермским этносом и гунно-сарматским миром. Разный стиль полихромных изделий, оформление вооружения, состав инвентаря и устройство могил – аргументы в пользу этой гипотезы. Расположение в контактной зоне удмуртского и пермского Прикамья, этнокультурная ситуация и связи населения придают своеобразие некрополю.

Основными характеристиками погребального обряда являются преобладание одиночных захоронений с ориентацией головы на юго-запад; выделение детских погребений и различия в положении погребенных в зависимости от пола; использование древесины (настилы, гробы, колоды, плахи); применение огня (22,1% случаев) и охры (6% могил); наличие 36 ям без находок, возможно связанных с культовыми действиями; важные элементы обряда: порча погребального инвентаря, использование гальки в засыпи, наличие фрагментов зубов лошади.

Вещевой комплекс сопровождает большинство умерших, встречаются жертвенные комплексы, предметы вооружения (шлемы, кольчуги, доспехи, мечи, наконечники стрел и копий и др.). Навершие рукояти (рис. 21) украшено гранатом и зернью. Отмечается отсутствие единого стандарта комплекта вооружения. В могилах и межпогребальном пространстве найдены глиняные сосуды (миски, блюда и подражания им). Орудия труда (шилья, косы-горбуши, ножи) также представлены. Найдены наборные украшения из би-

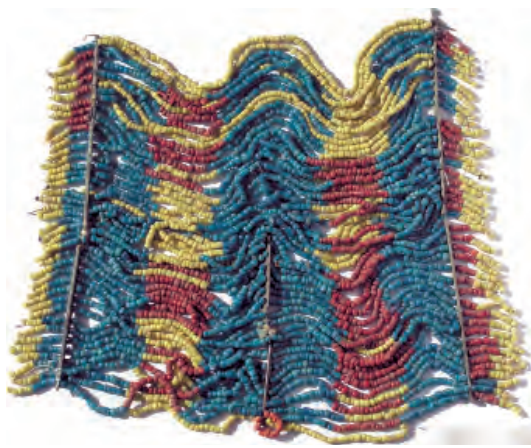

Рис. 22. Кудашевский I могильник. Курган 1. Погребение 2. Наборное украшение из бисера, стекло, бронза (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Казанцева, 2022)

сера (рис. 22), а также бронзовые изделия (фибулы, пряжки, подвески, пронизки, подвески-цепочки, накладки, наконечники ремня, браслеты, гривны). Обнаружены бронзовые дроты, по мнению некоторых исследователей служившие своеобразными деньгами. Вещевой комплекс датируется III–V вв. н. э.

Материалы могильника важны для изучения этнической истории, материальной и духовной культуры в Приуралье в середине I тыс. н. э.

Мазунинская культура III–V вв. (раннебахмутинская или бахмутинская культура III–VIII вв.). Мазунинская культура занимает территорию, включающую часть современной Удмуртии и Башкортостана, северо-восточные районы Татарстана и юго-запад Пермского края (рис. 23). Здесь зафиксировано около 480 памятников. В удмуртском Прикамье население проживало на правобережье Камы и в бассейнах ее крупных притоков, а также в верховьях р. Кильмези. В башкирском Прикамье население было сконцентрировано на правобережье Белой в бассейнах рек Б. Таныш, Бири, Уфы и на р. Буй. Восточная граница определена памятниками среднего течения р. Сивы и правобережья Тулвы. Западная граница проходит по правобережью Тоймы и верховьям р. Кильмези.

Формирование культуры происходило на рубеже II–III веков н. э. и в первой половине III в. Во второй половине III вв. активно осваивались новые территории к северу от Камы и на притоках Белой.

У исследователей эпохи Великого переселения народов сложилось практически единогласное мнение о формировании мазунинской (раннебахмутинской) культуры на местной предшествующей основе – населении пьяноборской и кара-абызской культур. Однако существуют терминологические сложности. Вопрос о происхождении и самостоятельности мазунинской культуры остается дискуссионным. Существуют различные точки зрения: одни исследователи выделяют мазунинскую культуру как самостоятельное образование, другие рассматривают мазунинские памятники как вариант бахмутинской культуры (на раннем этапе), а третьи – как позднюю стадию чегандинской культуры.

Основными типами памятников являются городища и селища. Городища делятся на сторожевые крепости и городища-поселения. Сторожевые городища занимали небольшую площадь (0,5–3,5 тыс. кв. м) на высоких мысах вдоль крупных рек, имели минимальные укрепления и бедны находками. Они часто располагались на окраинах территории культуры – например, Староигринское городище, где обнаружены следы сигнальных костров. Городища-поселения (рис. 24: 1–6) служили постоянным местом жительства. Усиление защиты достигалось за счет земляных валов, иногда с использованием дерева и эскарпированием склонов (рис. 24: 3).

На городищах обнаружены остатки наземных срубных жилищ прямоугольной формы. Размеры жилищ варьируются от больших (около 120 кв. м) до средних (около 40 кв. м). Внутри жилищ, вдоль стен, располагались нары-лежанки, а на земляном полу находились 1–2 открытых очага и несколько хозяйственных ям. Очаги использовались для приготовления пищи и обогрева, а ямы – для сбора мусора и хранения продуктов (рис. 25).

Селища с небольшим количеством находок располагались преимущественно на невысоких берегах рек (3–6 м), распространенных на площади от 0,5 до 15 тыс. кв. м.

На поселениях обнаружено небольшое количество находок: пряслица, наконечники стрел, ножи, шилья, бусы, точильные бруски, песты и зернотерки. Керамический комплекс представлен округлодонными сосудами с хорошо обработанной

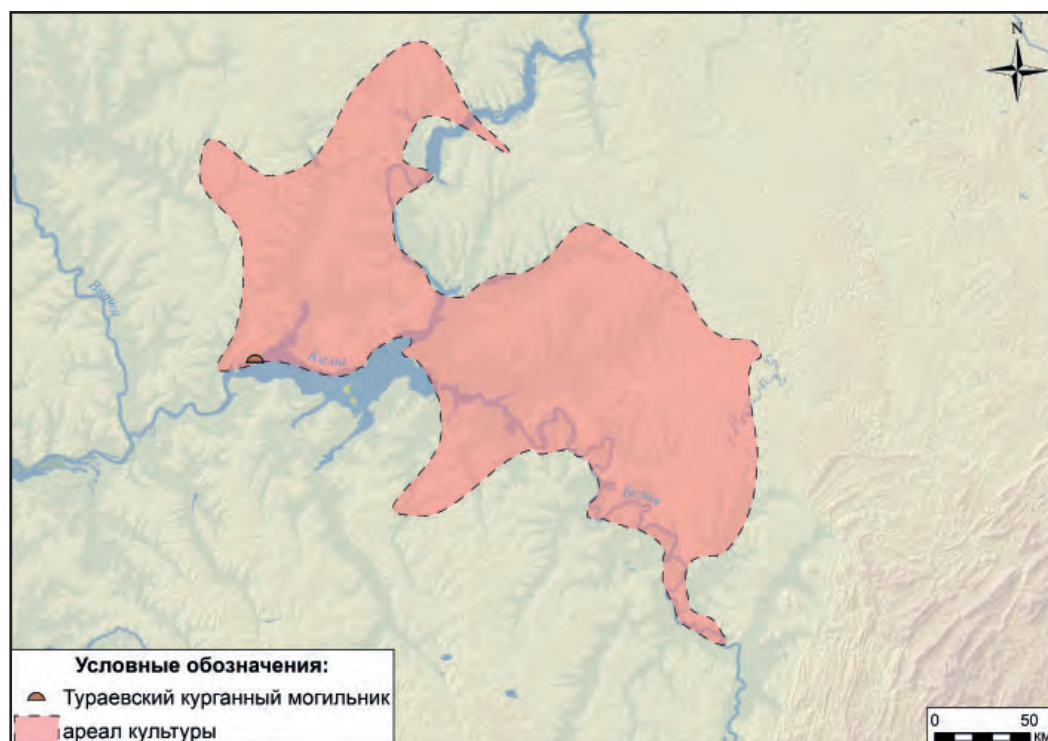

Рис. 23. Ареал мазунинской культуры

внешней поверхностью. В глиняное тесто добавляли растительность, размельченную раковину, песок или песок и мелкую гальку. Выделяется четыре типа сосудов: горшки с отогнутыми шейками, горшки с прямыми шейками, горшки с шейкой закрытого типа и стопки. Преобладали сосуды средних размеров (диаметр 16–25 см). Орнамент наносился на верхнюю часть сосуда и включал защипы, насечки, горизонтальные ряды ямок, хаотично расположенные ямки по тулову и узоры в виде елочки (рис. 26).

На территории мазунинской культуры зафиксировано более 30 могильников и отдельных захоронений, из них два являются пьяноборскими (Ныргында I, Афонинский), но содержат погребения раннего этапа (III в.) культуры. Два могильника (Бахмутинский и Бирский) имеют погребения других, более поздних археологических культур. Крупномасштабные раскопки были проведены более чем на 20 могильниках. Уникальным археологическим объектом, крупнейшим памятником является **Тарасовский могильник** на Средней Каме, изученный Камско-Вятской археологической экспедицией, на площадке которого изучено 1880 могил, 870 из которых относятся к мазунинской культуре, остальные – к пьяноборской (рис. 27).

Могильники располагались у рек, на возвышенностях. Могильные ямы прямоугольные с закругленными углами. Преобладают одиночные захоронения, но встречаются и групповые. В могилах обнаружены остатки деревянных погребальных конструкций (рис. 28). Ориентация умерших определялась расположением реки. Преобладает трупоположение вытянуто на спине, руки вдоль тела. В части захороне-

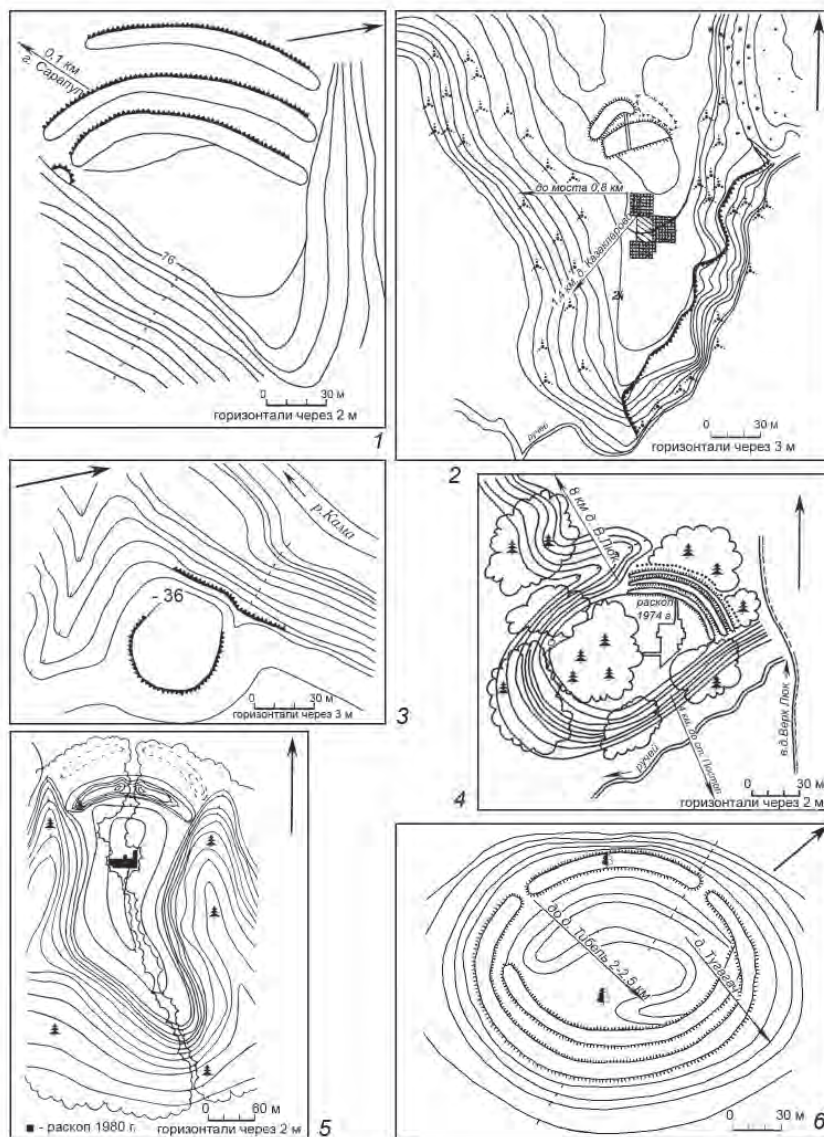

Рис. 24. Топографические планы городищ-поселений: 1 – Чупихинское, 2 – Казакларовское I, 3 – Сайгатское I, 4 – Постольское (Кленовый мыс), 5 – Верхнеутчанское, 6 – Тибельское (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Останина, 2022)

ний обнаружены предметы (украшения, орудия труда, оружие), часто уложенные не на месте ношения, а отдельно, вероятно в емкости, в виде «жертвенного комплекса».

Культуропределяющими предметами являются: височные подвески мазунинско-го/бахмутинского типа, нагрудные застёжки бабочковидного и сайгатского типов, каплевидные подвески, поясные накладки, железные гривны с бронзовой пластинчатой навивкой, украшения из раковин моллюсков, головные украшения с железной основой кольчужного плетения, кольцеобразные и спиральновитые пронизки, подвески-цепочки, ножны для шила и ножа (рис. 29).

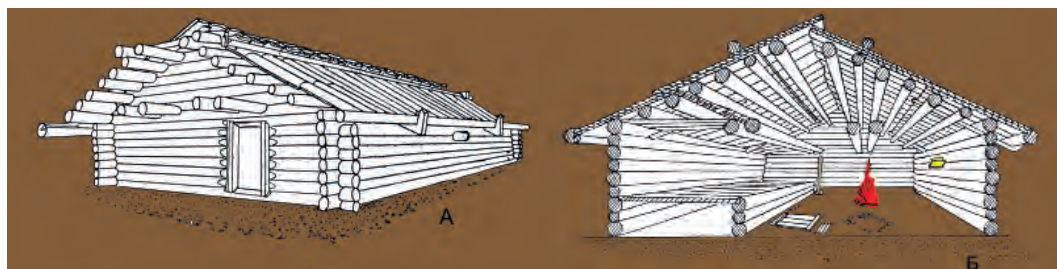

Рис. 25. Постольское городище. Реконструкция жилища:
А – общий вид жилища с юго-востока, Б – интерьер жилища. Автор архитектор О.К. Грачев
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Останина, 2022)

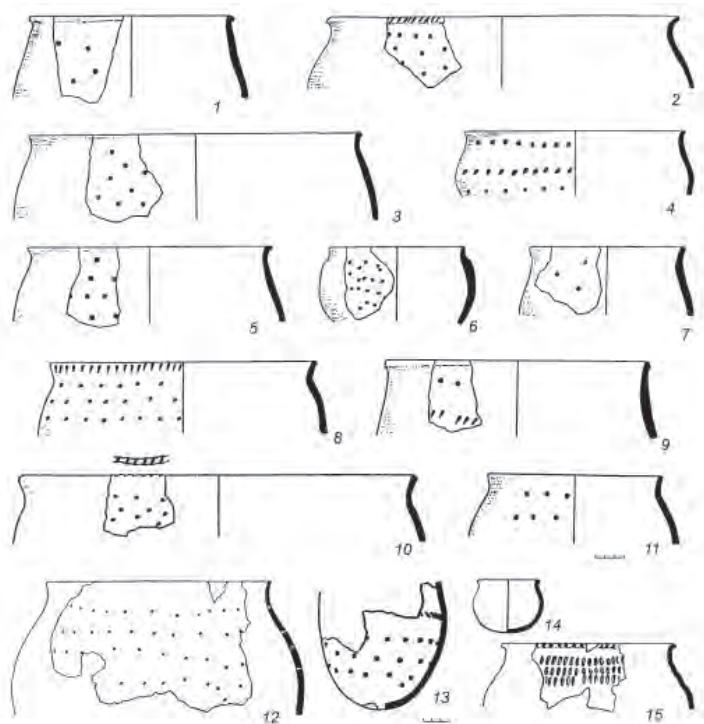

Рис. 26. Реконструкция верхней части глиняных сосудов:
1–11 – Барьязское городище, 12–14 – Казакларовское 1 городище,
15 – Сосновское городище (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Останина, 2022)

Теми же самыми морфологическими признаками археологи из Башкирии характеризуют бахмутинскую культуру Бельско-Уфимского междуречья, выделенную в 1960-е годы на материалах Бирского, Бахмутинского могильников и серии городищ, в керамике которых присутствовала (и преобладала) керамика, украшенная ямочными наколами по всему тулову. Но это было подвергнуто сомнению со стороны ижевских исследователей.

Поскольку в обеих культурах – мазунинской и бахмутинской – присутствуют одни и те же признаки погребального обряда и типов вещей, у современных архео-

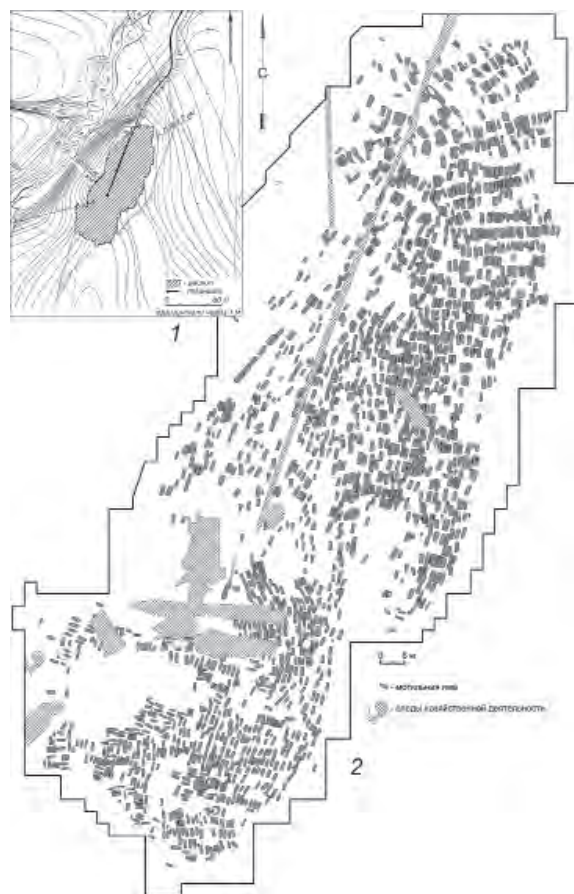

Рис. 27. Тарасовский могильник: 1 – топографический план; 2 – план раскопа
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Голдина, Бернц, Сабиров, Сабирова, 2022)

логов до сих пор существует мнение, что обе эти культуры – мазунинская и бахмутинская – составляют локальные варианты одной и той же культуры (удмуртского и башкирского). Но название этой культуры у исследователей до сих пор не отрегулировано. Поэтому для исследователей из Удмуртии Бельско-Уфимское междуречье – это ареал мазунинской культуры. Для исследователей из Башкирии – этот же район с выходом в Удмуртское Прикамье – является ареалом бахмутинской культуры.

Мнения ученых о дальнейшей судьбе мазунинских/бахмутинских племен расходятся. В IV в. в бассейне среднего течения р. Белой появляются носители турбаслинской культуры. Ареал их расселения в регионе был небольшим, но, судя по стратиграфии культурного слоя городища Уфа-II, «турбаслинцы» могли потеснить «бахмутинцев» к северо-западу вниз по течению р. Белой. В бассейне р. Белой известен единственный могильник – Бирский, на территории которого известны четко локализирующиеся планиграфически участки собственно бахмутинских и турбаслинских погребений, что дает возможность отображать данную этнокультурную ситуацию и как сосуществование двух групп населения, и как вытеснение «турбаслинцами» «бахмутинцев» с данной территории.

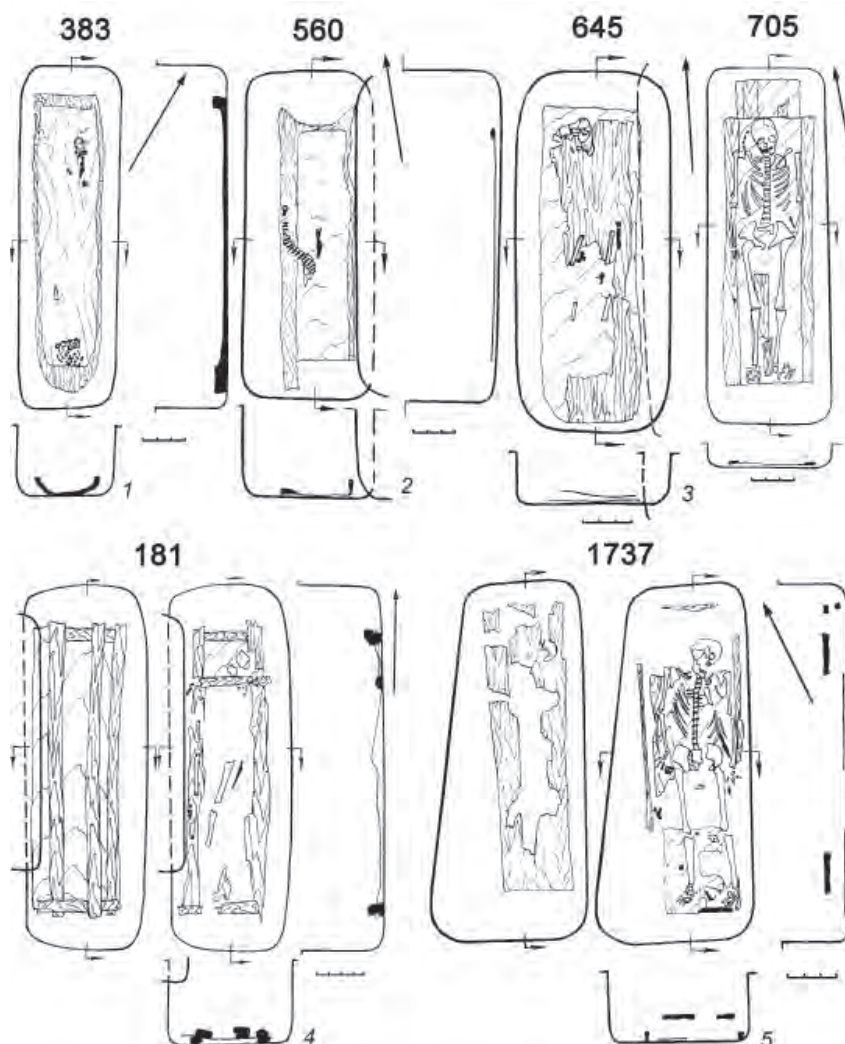

Рис. 28. Тарасовский могильник. Планы погребений III–V вв.
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Голдина, Бернц, Сабиров. Сабирова, 2022)

Во всяком случае, по данным краниологии, участие «турбаслинцев» в расогенезе приуральского населения не прослеживается.

На рубеже VI–VII вв. междуречье Белой и Уфы было занято носителями кушнаренковской археологической культуры, своим происхождением связанными с западносибирскими уграми. Об их отношениях с «бахмутинцами» и «турбаслинцами» можно только предполагать, но, как бы то ни было, ни в бахмутинских, ни тем более турбаслинских материалах артефактов позже VII в. не прослеживается. То есть обе эти культуры сходят с этнокультурной карты Башкирского Предуралья именно после появления здесь «кушнаренковцев». Детали этого процесса пока проследить очень сложно.

Ясно только, что «турбаслинцы» на каком-то этапе могли контактировать с «кушнаренковцами». На это указывают несколько погребений Бирского могильника, со-

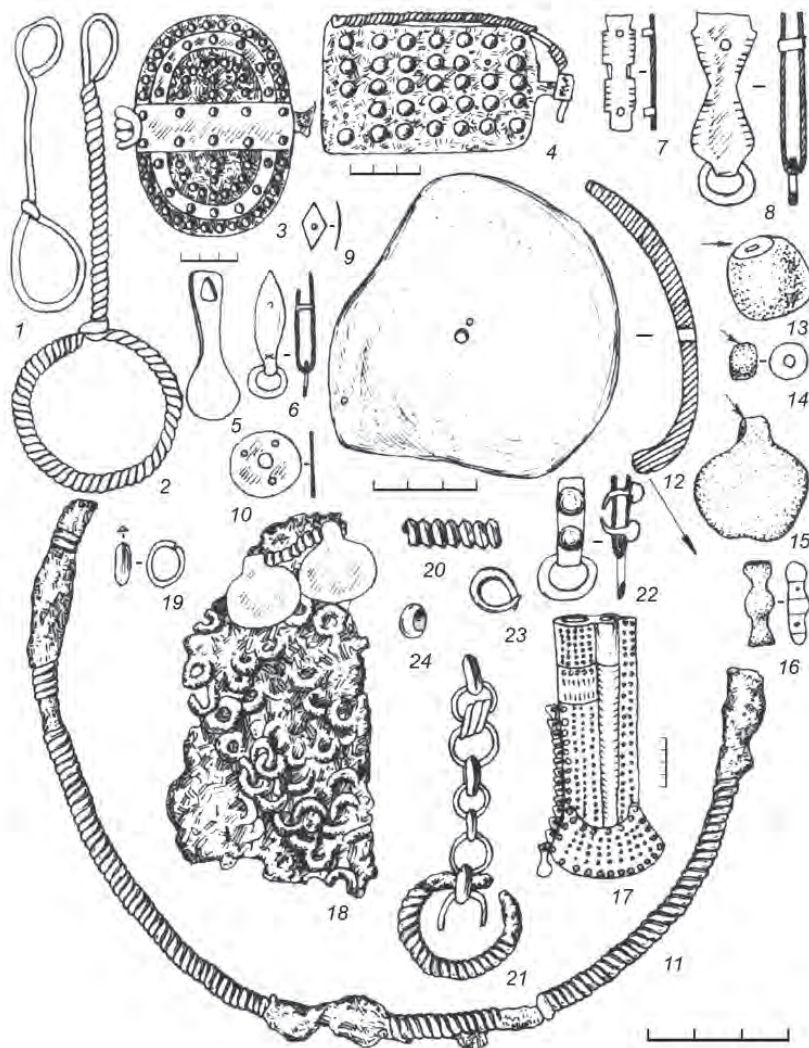

Рис. 29. Комплекс вещей мазунинской культуры:

1–2 – височные подвески, 3–4 – фибулы-застежки (бабочковидная и сайгатского типа), 5 – каплеобразная подвеска, 6–10, 22 – поясные накладки, 11 – гривны с бронзовой навивкой, 12–16 – изделия из раковин моллюсков, 17 – ножны для ножа, ножа и шила, 18 – головные украшения с железной основой кольчужного плетения, 19, 23, 24 – кольцообразные пронизки, 20 – спиральновитые пронизки, 21 – подвески-цепочки.

1, 2, 5–10, 19, 20, 22–24 – бронза, 12–16 – раковина,
3, 4, 11, 18, 21 – бронза, железо (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Останина, 2022)

державших сосуды турбаслинских форм, украшенные кушнаренковским орнаментом в виде поясков горизонтальных линий, мелкой косой сетки и «полулунниц».

Относительно хозяйственной деятельности населения Бельско-Уфимского междуречья можно сказать, что носители мазунинской/бахмутинской культуры вели оседлый образ жизни и занимались скотоводством, земледелием, охотой и рыболовством. Земледелие, вероятнее всего, было подсечным, поскольку тяжелых пахотных орудий на бахмутинских/мазунинских памятниках не найдено (кроме ручных зер-

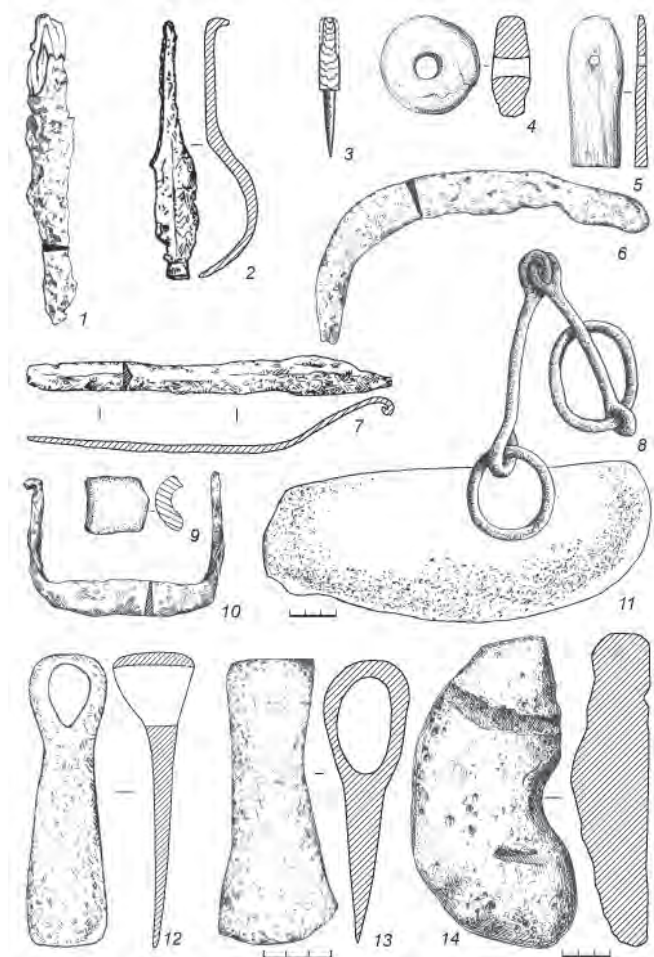

Рис. 30. Орудия труда: 1 – нож, 2 – ложкарь, 3 – шило, 4 – пряслице, 5 – точильный брусок, 6 – серп, 7 – «коса-горбуша», 8 – удила, 9 – обломок грузила, 10 – скобель, 11 – зернотерка, 12 – тесло, 13 – проушной топор, 14 – обломок жернова. 1–3, 6–8, 10, 12, 13 – железо, 4, 9 – глина, 5, 11, 14 – камень (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Останина, 2022)

нотерок с Юмакаевского городища и обломка каменного ручного жернова с Казаровского городища), но зато в погребениях частой находкой являются топоры (рис. 30: 12, 13). Скотоводство (мясо-молочное) маркируется многочисленными находками на поселениях костей крупного и мелкого рогатого скота, свиней и лошадей. А также серпов для заготовки фуража (рис. 30: 6, 7).

Охота обеспечивала дополнительные запасы мясной пищи и мехового сырья. Охотились на бобра, медведя, лося, кабана и пушного зверя.

Рыболовство было важным подспорьем в питании. Преобладал сетевой метод ловли. Обнаружены обломки глиняных грузил от сетей (рис. 30: 9).

Население занималось металлургическим производством и литьем цветных металлов. Из железа делали орудия труда, оружие, поясную гарнитуру, украшения. Обнаружены куски шлака, крицы и фрагменты керамики со следами ошлаковки.

Бронзолитейное производство подтверждается находками обломков тиглей и слитков цветного металла. Развиты домашние ремесла: деревообработка (топоры, тесла (рис. 30: 12), скобели (рис. 30: 10), ножи (рис. 30: 1), ложки (рис. 30: 2), берестяная посуда), косторезное дело, выделка шкур (ремни (2–4 см), ложила, проколки, шилья (рис. 30: 3) и прядение/ткачество (пряслица (рис. 30: 4), ткани, местные красители).

На западной границе мазунинской культуры располагается Тураевский могильник, в котором изучены курганный и грунтовый части. Это является причиной дискуссии о принадлежности памятника.

Тураевский курганный могильник расположен у с. Тураево Менделеевского района Республики Татарстан, на плато у коренной террасы реки Камы. Раскопки, проведенные в 1959–1960 гг. и 1969 г., выявили девять насыпей с одним – тремя погребениями под каждой на площади 108 кв. м; всего исследовано 15 подкурганных и восемь грунтовых могил (рис. 31).

Могильник входит в микрорайон памятников, расположенных между селами Тураево и Икское Устье. Есть сложности в соотношении курганов с грунтовыми погребениями мазунинской культуры. Помимо восьми грунтовых могил раскопаны еще 266 могил мазунинской культуры рядом с курганами.

В работах исследователей датировка Тураевских курганов варьируется от конца IV до второй четверти V в. н. э. или четвертой четверти IV в. Но сейчас исследователи установили более конкретную дату памятника – четвертая четверть IV в.

Характерным признаком Тураевских курганов является отсутствие в них женских и детских погребений. В погребениях обнаружен разнообразный инвентарь, отражающий именно военный характер погребений (рис. 32).

Относительно появления Тураевских курганов в Прикамье исследователи выдвигают несколько гипотез. Согласно одной из них, под Тураевскими курганами были

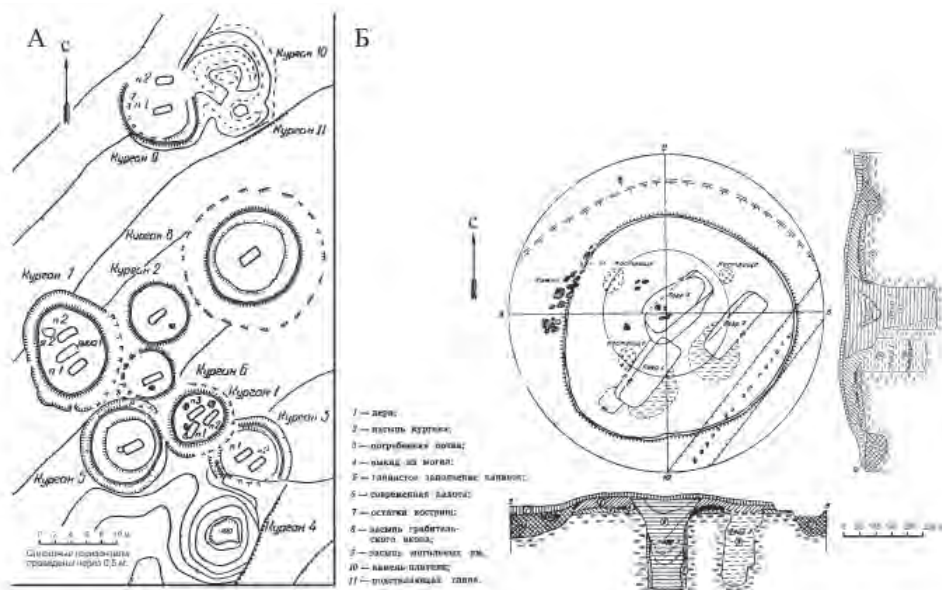

Рис. 31. Тураевский курганный могильник: А – план могильника. Б – план кургана 1 (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Гавритухин, Красноперов, 2022)

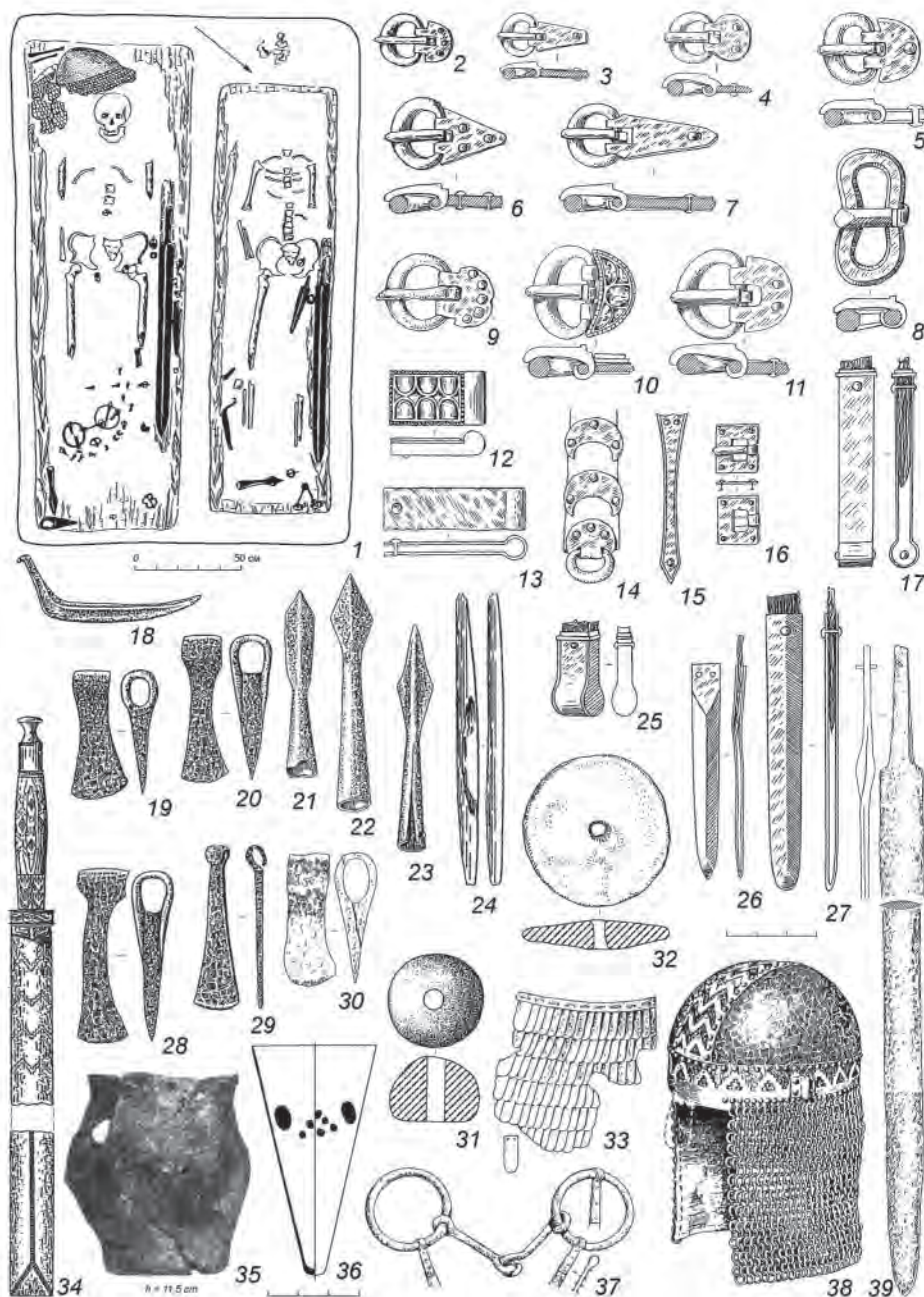

Рис. 32. Тураевские курганы: 1 – план погр. 1а, б кургана VII; 2–11, 16 – пряжки; 12, 13, 15, 17, 25–27 – наконечники ремней; 14 – накладки; 18 – боевая коса; 19, 20, 28, 30 – топоры; 21, 22 – наконечники стрел; 23 – наконечник копья; 24 – точило; 29 – метательная секира; 31 – бусина; 32 – диск; 33 – фрагмент доспеха; 34 – меч с рукоятью в ножнах; 35, 36 – сосуды; 37 – удила; 38 – шлем; 39 – меч. Масштаб разный. 2–9, 11, 13–15, 17, 25, 27 – бронза; 10, 12 – бронза, золото, стекло; 16, 26 – серебро; 18–23, 28–30, 33, 37, 39 – железо; 24 – сланец; 31, 32 – халцедон; 34 – серебро, дерево, кожа, бронза, железо; 35 – глина; 36 – стекло; 38 – железо, бронза, серебро (по: Голдина, 2025)

погребены члены гото-славянской воинской дружины, пришедшей с разведывательно-грабительскими целями в Прикамье, но уничтоженной местными «мазунинцами». Причем «мазунинцы» завладели оружием пришельцев и впоследствии использовали его.

Согласно другой, курганы связаны с базой воинов-мужчин, расположенной вдали от оседлых поселений, где хоронили умерших во время стоянки отряда. Вероятно, эта база существовала недолго – немногим более 10 лет. Экономика воинов основывалась на военных походах к населению мазунинской и азелинской культур, а также на дальних вылазках в Северное Причерноморье и на Средний Восток. Возможно, эти походы были связаны с участием камских отрядов в акциях гуннов, что объясняет контакты с аланами и находки вещей причерноморского круга. Находки, связанные с Сасанидским Ираном, указывают на походы в Закавказье. В результате походов часть воинов могла погибать, другие возвращались домой, а некоторые становились членами разбойничьих отрядов.

Обе гипотезы представляют интерес, но требуют дальнейшего изучения, в частности проведения дополнительных полевых работ по доисследованию Тураевских курганов и грунтовой части могильника мазунинской культуры.

Азелинская (худяковская) культура (конец I–V/VII вв.) занимала в основном территорию Волго-Вятского междуречья, прилегающие части Волги и низовий р. Камы, а также части левобережья р. Вятки (рис. 33).

В составе памятников азелинской культуры выделяют три основные группы: в бассейне р. Вятки (вятская группа памятников), в междуречье Волги и Илети (памятники Марийского Поволжья) и в приустьевой части р. Камы (нижекамская группа памятников).

В научном сообществе сложилось два основных взгляда на происхождение и культурную принадлежность археологических памятников рассматриваемой территории. Первая точка зрения связывает эти памятники со смещением пьяноборского населения из Камско-Бельского междуречья на территорию вниз по Каме, вплоть до Волги, и на Вятку, считая, что именно этот процесс привел к формированию азелинской культуры. Другая точка зрения, напротив, акцентирует внимание на местном развитии. Согласно этой теории, памятники азелинского типа представляют собой поздний этап развития пьяноборской культурно-исторической общности, уходящей корнями в местную ананьинскую и раннепьяноборскую среду. В рамках этой теории выделяется худяковская культура, рассматриваемая как вятский локальный вариант пьяноборской общности. Развитие худяковской культуры подразделяется на этапы: «первомайский» (III–I или II–I вв. до н. э.), «ошкинский» (I – начало III в. н. э.) и «азелинский» (III–V вв. н. э.). Памятники VI–VII вв. интерпретируются как ранний этап формирования еманаевской культуры.

Концепция непрерывного развития культуры населения Вятского бассейна с ананьинского времени пока не может быть подтверждена ввиду неоднозначности оснований для деления позднеананьинской (IV–III вв. до н. э.) и «раннепьяноборской» керамики и отсутствия в регионе памятников, достоверно датированных III–I вв. до н. э.

Памятники представлены городищами, селищами, кладами и отдельными находками.

Азелинские городища располагались на мысах, защищенных валами и рвами. Поселения исследованы слабо, но известно, что жилища были наземными, дере-

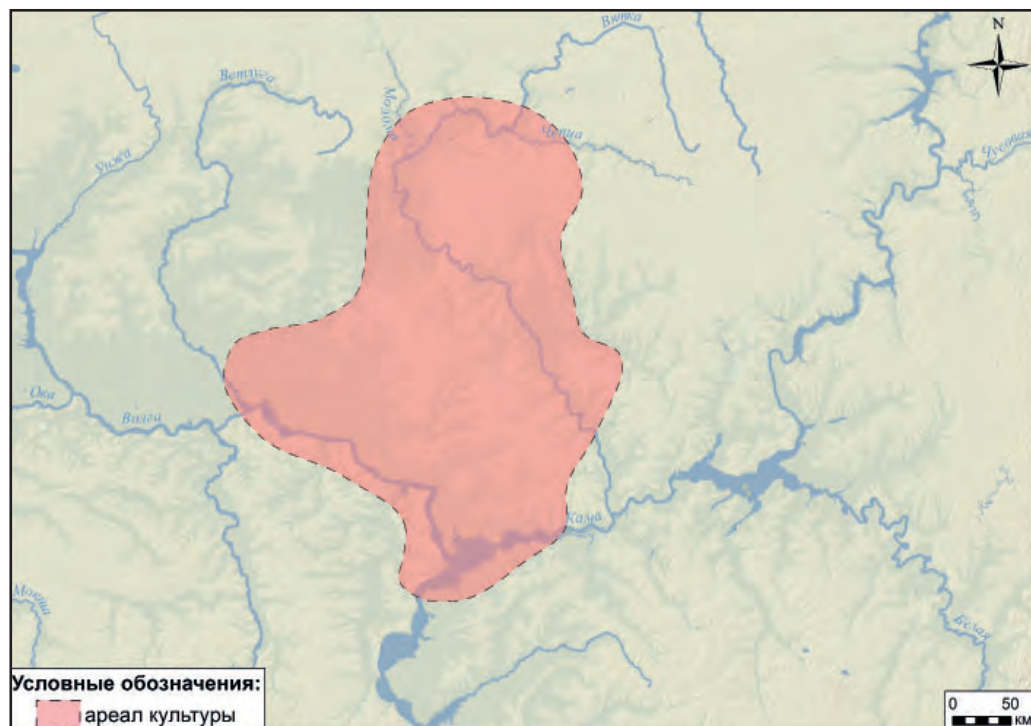

Рис. 33. Ареал азелинской культуры

ванными. На поселениях найдены ямы-кладовые, очаги, керамика, орудия труда, украшения. Поселенческая посуда представлена лепными круглодонными сосудами с примесью органики (преимущественно раковины) в тесте. Выделяется комплекс сосудов баночной формы или слабопрофилированных чаш, как правило неорнаментированных, иногда со сквозными отверстиями (рис. 35: 40–42).

Более изучены могильники, располагавшиеся на возвышенностях. Захоронения совершались в могильных ямах, преимущественно подпрямоугольной формы, часто со слегка закругленными углами. Погребения мужчин, ремесленников и кузнецов совершались в более крупных ямах. Основной обряд – труположение. Умерших обычно хоронили вытянутыми на спине, с руками вдоль тела. В засыпке некоторых погребений встречаются кости лошади (череп, кости конечностей). Кости лошади сопровождали не только мужчин-воинов, но и женщин-ремесленниц и подростков. Могильные ямы с костями лошадей по конструкции не отличаются от остальных захоронений: они имеют прямые стенки без подбоев (рис. 34: А).

Особенностью погребального обряда вятских могильников является появление в III в. н. э. на нескольких памятниках биобрядности. Обряд кремации наиболее ярко зафиксирован на Худяковском могильнике. При обряде кремации в вятских могильниках сожжение умершего производилось на стороне, без вещей. В большинстве случаев осуществлялась полная кремация, при которой кальцинированные кости, часто с остатками погребального костра (углистые пятна, прокалы), располагались бессистемно в засыпи могилы.

Погребальный инвентарь разнообразный (рис. 34, 35). Представлен элементами убранства костюма, предметами вооружения, орудиями труда. Раскопки азелинских

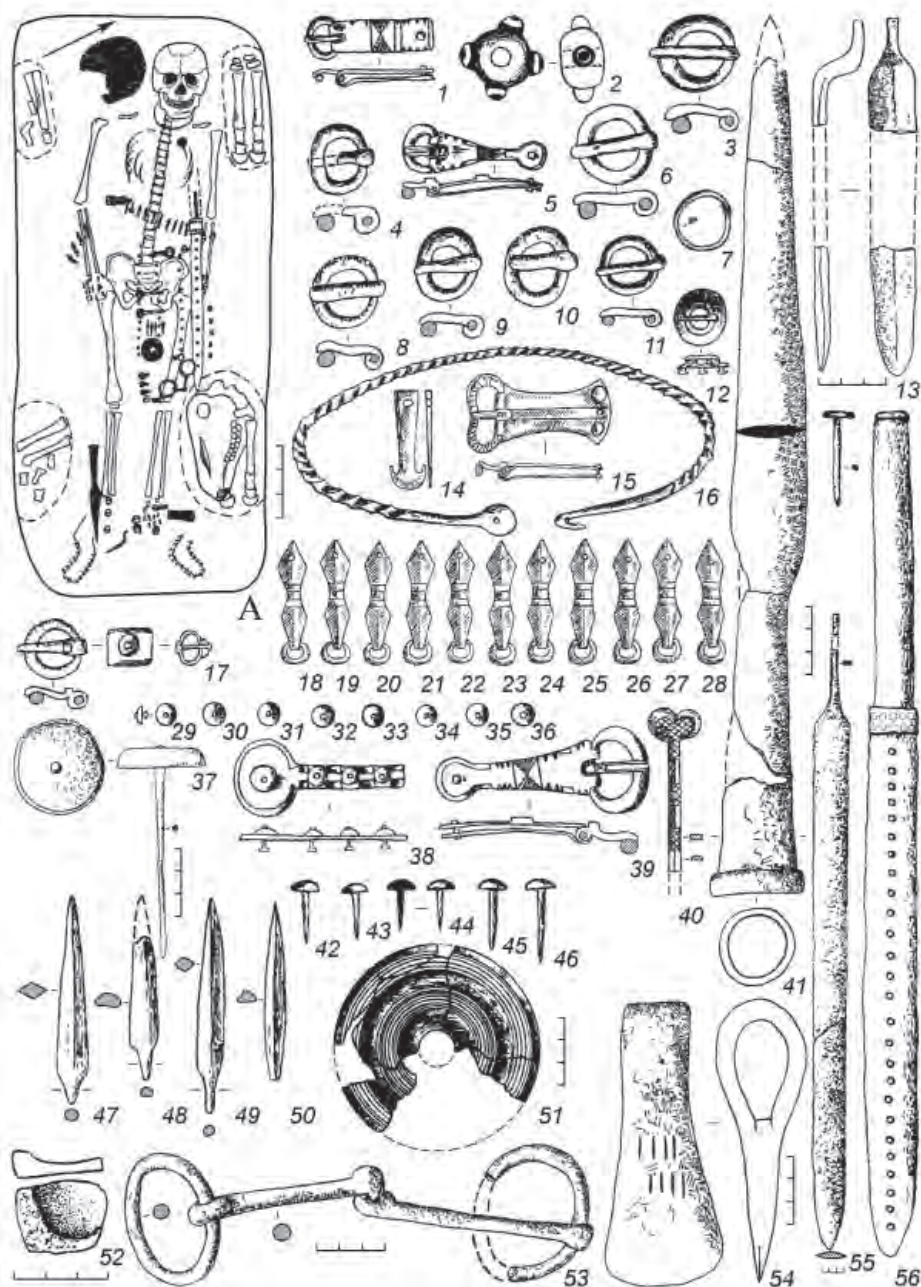

Рис. 34. Рождественский V могильник. Погребение 117: 1, 3–6, 8–12, 15, 17 – пряжки; 2 – бусина; 7 – перстень; 13 – боевая коса; 16 – гривна; 18–28 – поясные накладки; 29–36 – бляшки от колчана; 37 – навершие меча; 40 – рукоять плети; 41 – наконечник копья; 42–46 – гвозди от кожаной сумки с деревянными ручками; 47–50 – наконечники стрел; 51 – застежка; 52 – фрагмент сосуда; 53 – удила; 54 – проушный топор; 55 – меч; 56 – меч в кожаном футляре; 10, 29–36, 38, 39, 53 – уздечный набор. Масштаб разный. 1, 3–12, 14–36, 38–40, 42–46, 51 – бронза; 2 – стекло; 13, 41, 53–55 – железо; 37 – железо, бронза; 47–50 – кость; 52 – камень; 56 – кожа, дерево, бронза, железо (Старостин, 2009; Голдина, 2025)

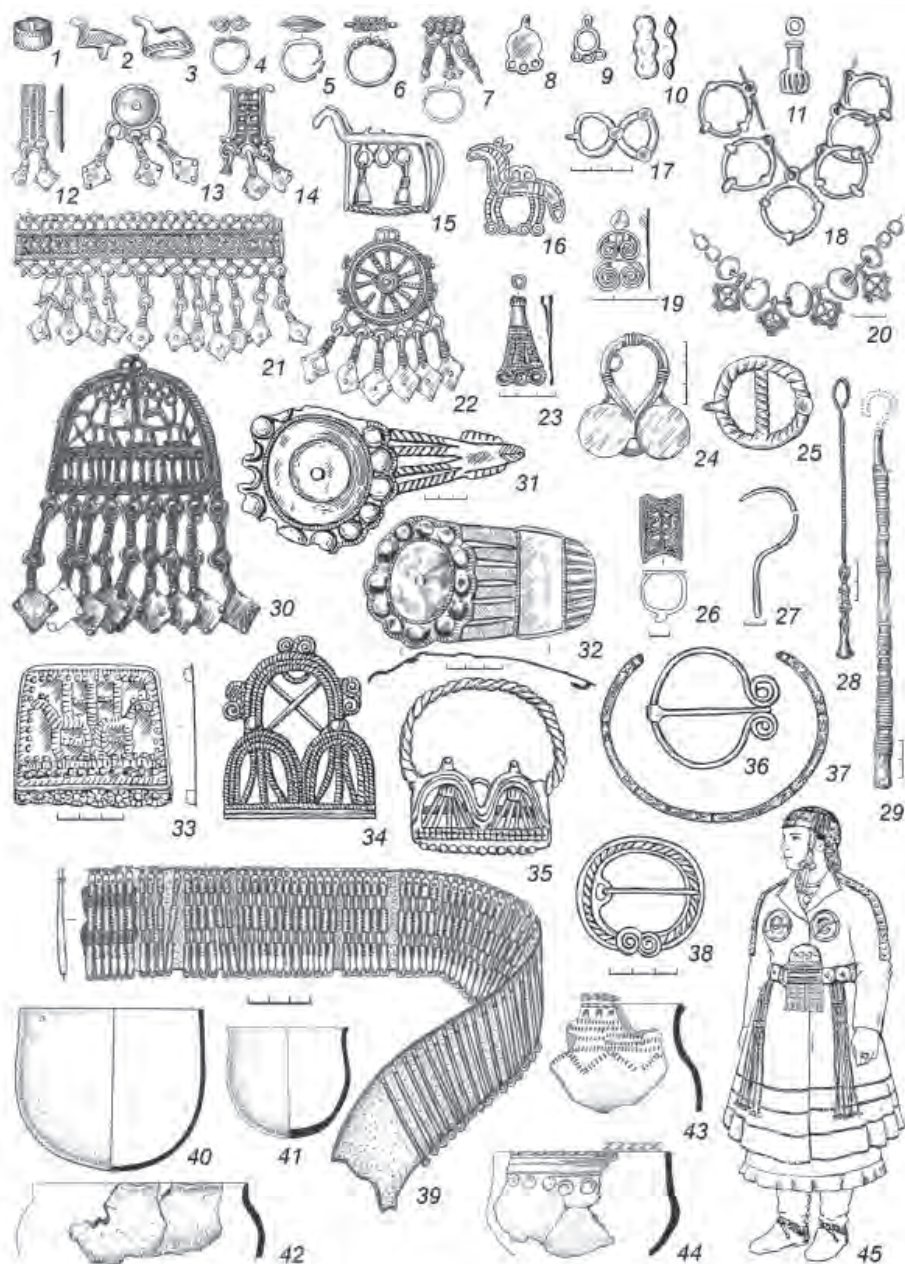

Рис. 35. Инвентарь азелинской культуры: 1, 4-7, 26 – перстни; 2, 3, 11 – пронизки; 8, 9, 12-16, 18, 19, 21-23, 30, 34, 35 – подвески; 10 – бляшка; 17, 24, 25, 31, 32, 34-36, 38 – застежки; 20 – ожерелье; 27-29 – височные подвески; 33 – нагрудная пластина; 37 – гривна; 39 – фрагмент пояса с накладками; 40-44 – сосуды; 45 – реконструкция женского костюма В.Ф. Генинга по материалам погр. 5 Суворовского могильника. Масштаб разный. 1, 3, 4, 28, 34, 37 – Суворовский могильник; 2, 29, 32, 40 – Худяковский могильник; 5-7, 12, 14, 15, 17, 19, 21-27, 31, 42-44 – Первомайский могильник; 8-11, 16, 33, 35, 36, 38 – Ошкинский могильник; 13, 20, 30, 41 – могильник Тюм-Тюм; 18, 39 – Аргыжский клад. 1-19, 21-38 – бронза; 20 – бронза, стекло, халцедон; 39 – кожа, бронза; 40-44 – глина (по: Голдина, 2025)

Рис. 36. Реконструкции элементов женского костюма из Суворовского могильника азелинской культуры: 1 – погребение 5. Реконструкция головных и нагрудных украшений; 2 – погребение 14. Реконструкция нагрудника и ожерелья; 3 – погребение 28. Реконструкция гривны с бусами и халцедоновыми дисками; 4 – погребение 14. Реконструкция женского пояса с халцедоновыми дисками (по: Генинг, 1963)

могильников позволили реконструировать женский костюм. Головные уборы представляли собой шапочки с бронзовыми украшениями и мешочки-накосники с обоями (рис. 36). Носили височные кольца с бусами и перстни. Рубахи украшались бляхами, накладками, подвесками и нагрудниками (пластинчатые с фигурками лошадок или рамочными из полосок и бусин). Верхней одеждой служили шерстяные кафтаны с бронзовыми бляхами и красные кожаные пояса с застежкой и украшениями. Обувь представляла собой кожаные/меховые сапожки с ремешками и бляшками.

Среди орудий труда, кроме топоров, ножей, шильев, изредка встречаются железные мотыжки, точила, скобели, ложки, крючки, в единичных экземплярах ральник, серп, тесло. В ряде мужских погребений IV – начала V в. появляются многокомплектные наборы железного инструментария, связанного с обработкой черного металла. Наиболее часто в их состав входили наковальни, мо-

лотки, клещи, напильники, пробойники (рис. 37: 1–6, 8–16). Здесь же находилась готовая продукция: орудия труда, оружие (за исключением импортных изделий).

Часть погребального инвентаря в азелинских захоронениях Вятки размещалась компактным скоплением в определенной части могильной ямы в составе «жертвенных комплексов». Глиняная посуда встречается в некрополях редко.

Системного анализа экономической сферы жизнедеятельности не проводилось. Вместе с тем можно говорить о значительной роли животноводства в системе хозяйственного комплекса, судя по остеологической коллекции Буйского городища. В структуре домашнего стада преобладали лошади, свиньи, меньшая доля приходилась на крупный и мелкий рогатый скот. Все направления животноводства были неспециализированными, с комплексным использованием животных. По сравнению с предшествующим периодом не снижалась, а даже чуть возросла роль охоты. Наиболее многочисленны на памятнике кости лося, что указывает на выраженное мясное направление охоты. Второе место занимают кости медведя. О пушном промысле говорят находки костей бобра, куницы, лисицы, волка, зайца.

Отмечается высокий уровень развития металлургии, прежде всего цветной металлообработки. Крупные поселения содержат производственные площадки с находками шлаков, тиглей, льячек, литейных форм, изделий. Известны специализированные погребения ювелиров, кузнецов. Коллекция бронзовых украшений отличается мно-

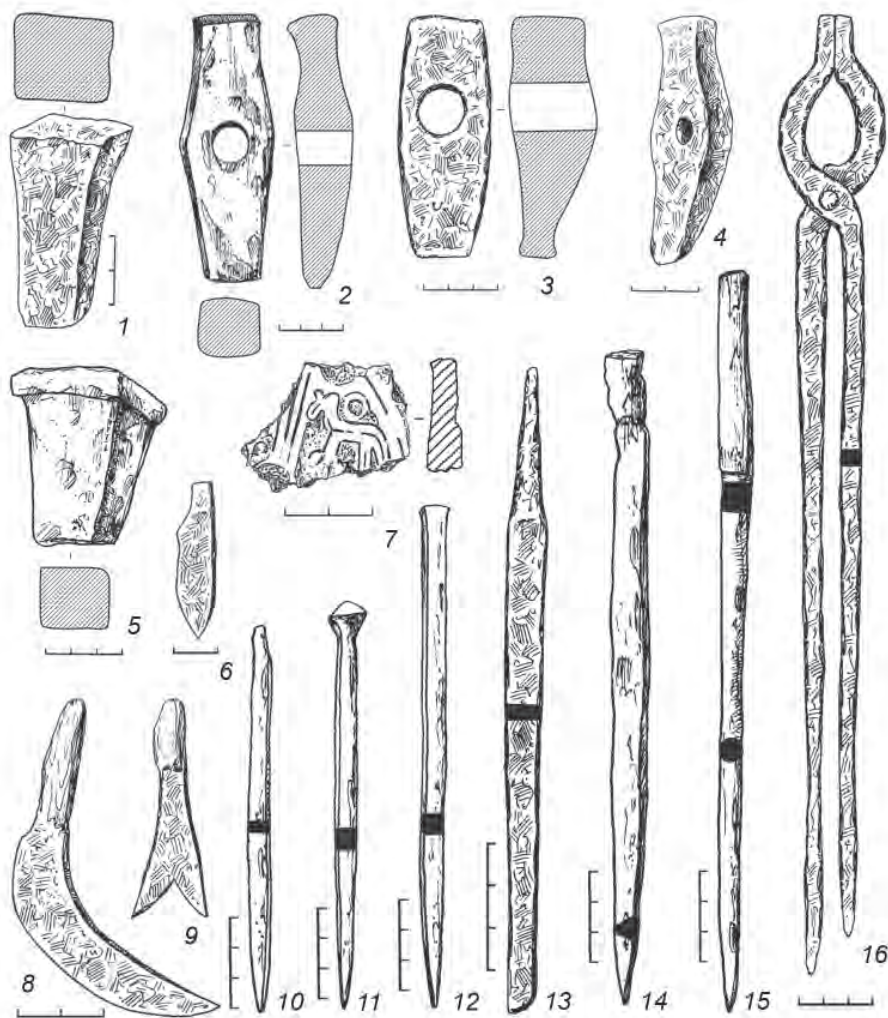

Рис. 37. Орудия труда из памятников азелинской культуры III–V вв.: 1–6, 8–16 –железный инвентарий; 7 – глиняная литейная форма. 1, 4 – Суворовский мог.; 2, 5, 10–15 – Тюм-Тюмский мог.; 3, 6, 8, 9, 16 – Азелинский мог.; 7 – Аргыжское городище. (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Лещинская, 2022)

гообразием типов, оригинальностью и сложностью форм, применением разнообразных технических приемов. Химический анализ некоторых изделий Суворовского могильника и серии предметов Ошкинского, Первомайского, Худяковского могильников показал, что самыми распространенными в цветной металлургии были оловянистые бронзы и сплавы на ее основе (чаще с присадками цинка и свинца).

Судя по широкому ассортименту железных изделий в памятниках, железопроизводство играло не меньшую роль, чем цветная металлургия. Металлографический анализ коллекции кузнечных изделий Тюм-Тюмского могильника и Буйского городища показал, что большинство бытовых предметов (ножи, топоры, молотки, скобели, шилья) и наконечники копий изготовлены ковкой целиком из железа или сырцового стали, из пакетных заготовок, что характерно для местного технико-технологическо-

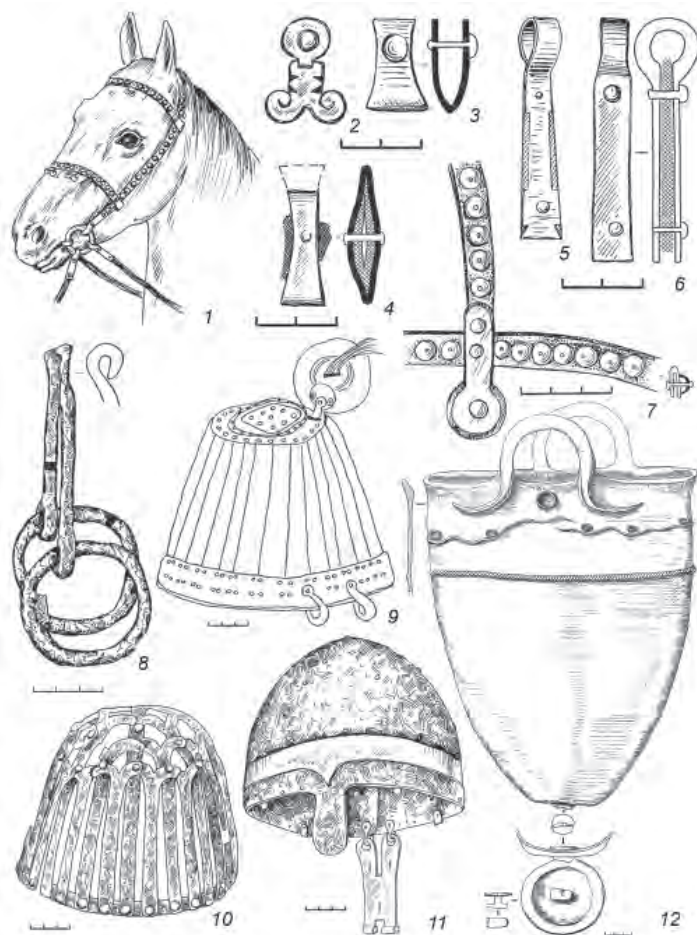

Рис. 38. Погребальный инвентарь могильников азелинской культуры III–V вв.: 1–8 – конская упряжь: 1 – реконструкция по: Генинг, 1963; 2–7 – бронзовые детали упряжи; 8 – железные удила; 9–11 – шлемы; 12 – бронзовый котел. Могильники: 2–6, 8 – Азелинский; 7, 9, 12 – Тюм-Тюмский; 10, 11 – Суворовский (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Лещинская, 2022)

го стереотипа. Мечи же, изготовленные из литой (тигельной) стали, были предметом импорта в азелинскую среду.

С середины IV в. фиксируется значительный рост количества оружия и воинского снаряжения, что свидетельствует об усилении воинской субкультуры (рис. 38). В науке существуют различные интерпретации этого явления. Одна точка зрения предполагает внедрение инокультурной военной группировки в III–IV вв. Другая точка зрения объясняет это внутренними процессами, такими как реакция на появление иноэтнических групп на границах азелинского мира, прямое или опосредованное получение престижных ценностей, внутренняя перегруппировка населения, а также усложнение социальных механизмов в условиях Великого переселения народов. В дальнейшем азелинские традиции прослеживаются в вятских памятниках VI–VII вв., которые одни ученые считают поздними азелинскими, а другие – ранним этапом еманаевской культуры.

Памятники Нижнего Посурья во II–III вв. н. э. (Сендимиркино – Таутово).

Древности второй половины – конца II – первой половины III вв. н. э. типа «Сендимиркино – Таутово» являются переходными от памятников типа Андреевка – Писералы к «древнемордовской» культуре. Генетически данные древности являются развитием памятников писеральско-андреевского типа и расположены на территории Нижнего Посурья по обоим берегам Суры (рис. 39).

Ряд комплексов этого времени обнаружен на территории Нижнего Посурья: погребения Таутовского могильника и Сергачский могильник «Кожина слобода». Материалов поселенческого типа, узко датированных этим временем, на Нижней Суре пока не обнаружено (отдельные находки с городища «Ножа Вар» и Напольновского селища).

Могильники располагались на мысовидных уступах коренного берега рек и оврагов. Погребальный обряд включал рядную планировку, овальные и прямоугольные могильные ямы, одиночные ингумации на спине. Ориентировка погребенных отличалась. Тела укладывали или заворачивали в кору.

Погребальный инвентарь располагался в могиле в соответствии с порядком ношения, керамические сосуды чаще всего находились в изголовье. Характерной осо-

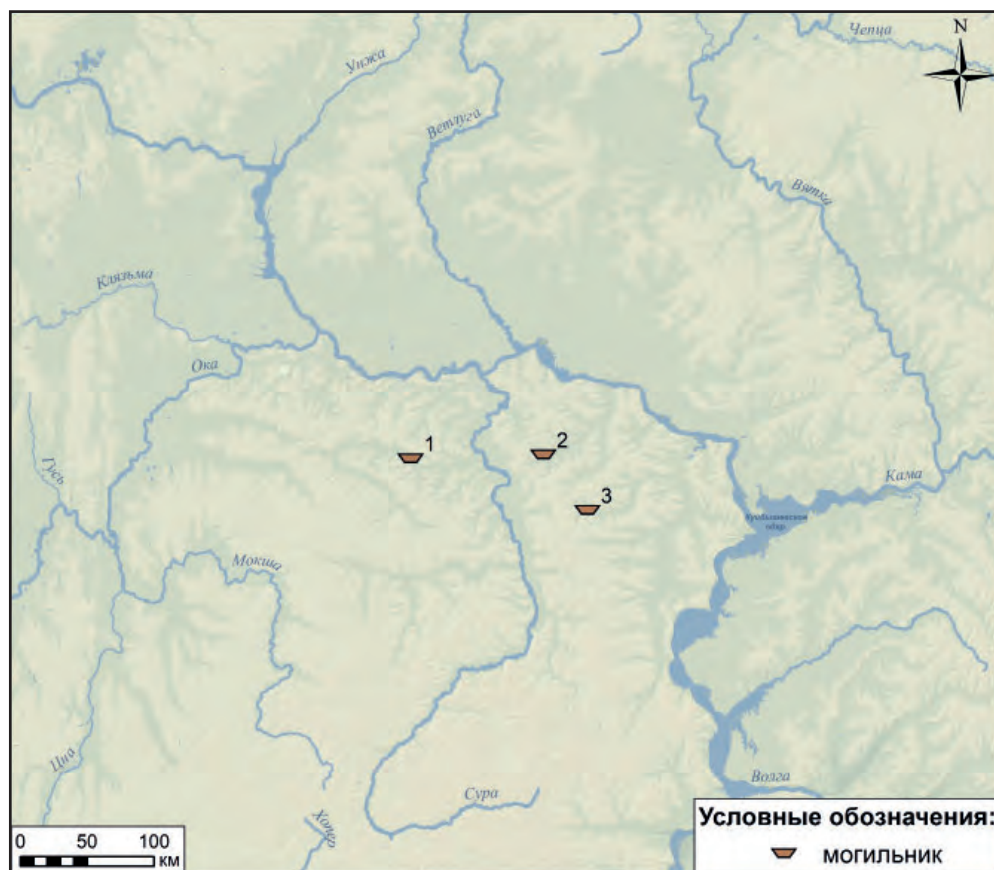

Рис. 39. Могильники типа Сендимиркино-Таутово:
1 – Сергачский «Кожина слобода», 2 – Таутовский, 3 – Сендимиркинский
(по: Гришакову В.В., Мясникову Н.С.)

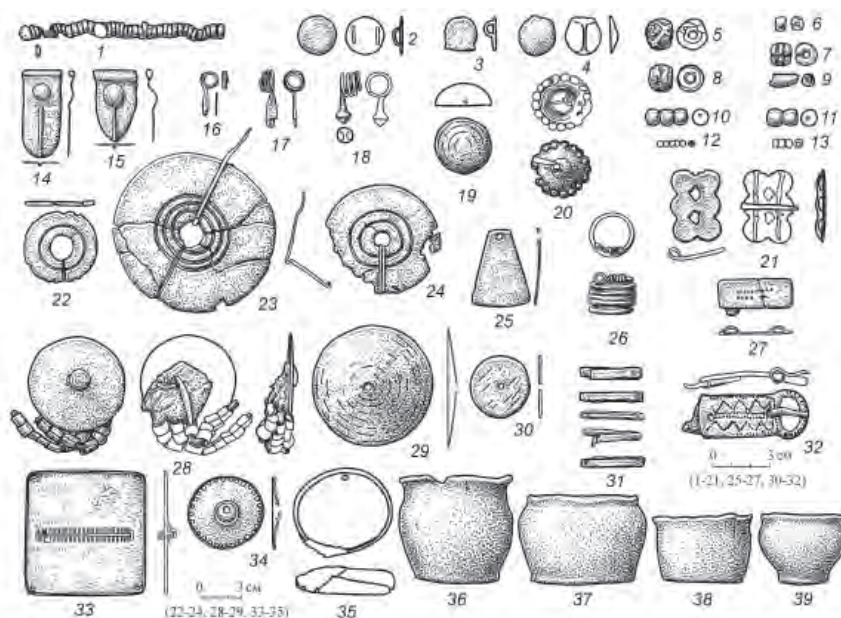

Рис. 40. Сандимирский могильник. Погребальный инвентарь: 1, 14, 15, 19 – детали головного убора, 2–4, 34 – бляшки-накладки, 5–13 – бусы, 16–18 – височные подвески, 20–24, 33 – бляхи-застежки, 25 – подвеска, 26 – перстень, 27 – поясная накладка, 28–30 – детали поясных кистей, 31 – детали составного ремennого наконечника, 32 – пряжка, 35 – браслет, 36–39 – сосуды. 5–13 – стекло, 36–38 – керамика, остальное – бронза (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Гришаков, Мясников, 2022)

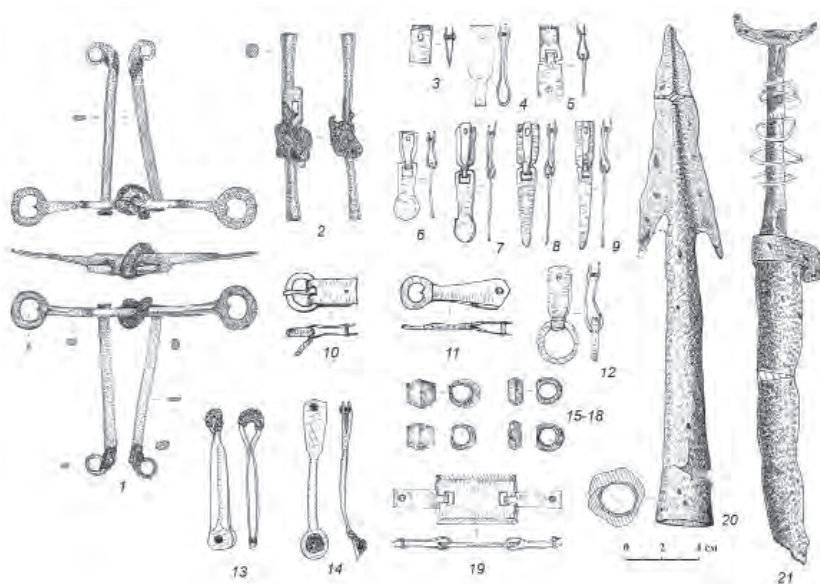

Рис. 41. Таутовский могильник. Погребальный инвентарь. Оружие и конское снаряжение: 1–2 – псалии, 13–14, 19 – детали конского оголовья, 15–18 – уздечные бусы, 20 – наконечник копья, 21 – обломок палаша. 1, 2, 13, 21 – бронза, железо; 20 – железо, остальное – бронза (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Гришаков, Мясников, 2022)

Рис. 42. Сендимиркинский могильник. Реконструкция женского головного убора из погребения 34 (автор: А.А. Мамонова) (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Гришаков, Мясников, 2022).

бенностью является наличие в могилах жертвенных комплексов. Вещевой комплекс включал украшения, оружие, конское снаряжение, орудия труда и бытовые предметы (рис. 40, 41).

По материалам погребения 34 Сендимиркинского могильника удалось восстановить конструкцию и цвет шапочки (рис. 42). Она была изготовлена из двух видов шерстяной ткани: основная часть – из синей ткани простого полотняного переплетения, а нижняя часть – из красной ленты саржевого переплетения. Поверх красной ленты в три ряда крепились металлические обоймицы, надетые на плоские кожаные шнуры. От темени к затылку проходили кожаные ремешки:

один – по темени с прорезями и круглой плоской бляшкой, и два – по диагонали, оканчивающиеся на затылке круглыми бляшками меньшего размера. Ниже этих ремешков крепился еще один, с двадцатью лопастными подвесками. Лишний объем ткани на затылке формировался по форме головы и фиксировался круглой затылочной бляхой с иглой.

Вещевые материалы и погребальный обряд рассмотренных памятников наиболее близки к т. н. древнемордовским могильникам в Верхнем Посурье и Примокшанье (Пензенский, Селиксенский, Ражкинский, Алферьевский, Шемышейский, Усть-Узинский).

Памятники связаны с началом формирования локальной группы древнемордовской культуры в Нижней Суре и Прициவில். Характерно влияние прикамских традиций (височные подвески, бляхи-нагрудники, бляшки женского костюма), которое объясняется близостью к прикамским культурам и культурным наследием андреевско-писеральского населения.

Население Нижнего Посурья испытывало сарматское влияние. Также ощущается «поздне斯基фская» традиция (высокие горшки, подлощенные миски). Обнаружены лунницы восточноевропейских выемчатых эмалей (конец II – первая половина III вв.), что может указывать на юго-западное направление связей.

Памятники бассейна Суры и Мокши в III–V вв. В III–V вв. междуречье Оки, Суры и Цны (левого притока р. Мокши) было заселено финно-угорскими племенами (рис. 43). Культурно-хронологическая привязка и этническая атрибуция археологических памятников этого региона являются предметом научных дискуссий.

Согласно одной из точек зрения, памятники рассматриваемой территории объединяются в единую «древнемордовскую культуру». Однако отнесение комплексов Нижнего Посурья и территории у впадения р. Цны в р. Мокшу к этой культуре остается спорным вопросом.

В частности, высказывается мнение, что памятники Нижнего Посурья второй половины II – первой половины III веков н. э. (типа Сендимиркино – Таутово) представляют собой переходный этап от культуры типа Андреевка – Писералы к «древнемордовской».

Рис. 43. Памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья III–V вв. Могильники: 1 – Сандимиркинский, 2 – Таутовский, 3 – Степановский, 4 – Абрамовский, 5 – Тезиковский, 6 – Ражкинский, 7 – Пензенский, 8 – Селиксенский, 9 – Селикса-Трофимовский, 10 – Степановский, 11 – Алферьевский, 12 – Шемышейский, 13 – Усть-Узинский, 14 – Армиевский, 15 – Сергачский «Кожина слобода», 16 – Сергачский «Святой Ключ», 17 – Кошибеевский, 18 – Польно-Ялтуновский. Городища: 19 – Баранниковское, 20 – Ножа-Вар, 21 – Пичке-Сорче (по: Вихляеву В.И., Зеленееву Ю.А.)

В то же время памятники кошибеевского типа, расположенные по реке Цне, по мнению ряда исследователей, относятся к культуре рязано-окских могильников, что подтверждается анализом погребального обряда и инвентаря.

Проблема происхождения «древнемордовской культуры» долгое время обсуждалась в научной литературе. Ранние гипотезы связывали ее с миграцией племен из Прикамья, но впоследствии утвердилась концепция автохтонного развития на основе традиций городецкой культуры, хотя миграционные влияния с юга (сарматоидные племена) также играли определенную роль.

Памятники «древнемордовской культуры» представлены поселениями и могильниками. Поселения изучены недостаточно, большинство из них обследованы лишь поверхностно. Единственным раскопанным памятником является Баранниковское городище на р. Сундовик, где обнаружен культурный слой с керамикой городецкой

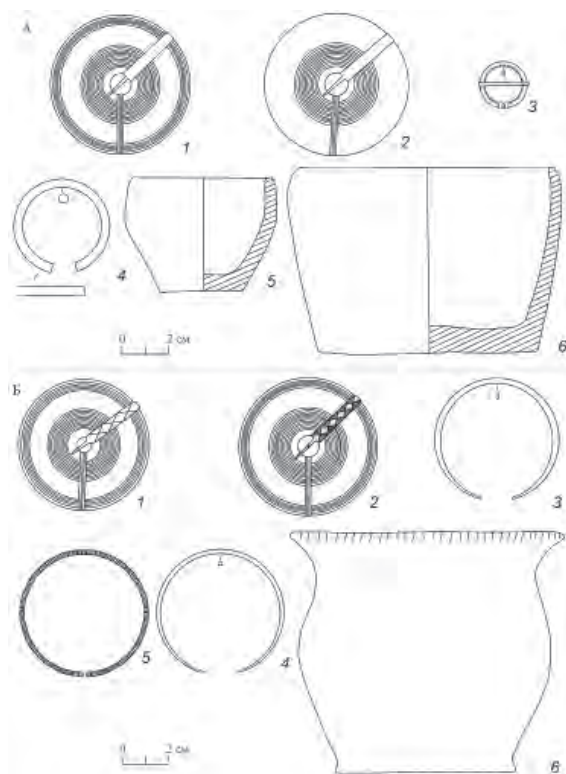

Рис. 44. Вещевой комплекс погребений древнемордовской культуры:

А: вторая половина III в.: 1–2 – бляхи; 3 – сюльгама; 4 – браслет; 5–6 – сосуды. 1–4 – бронза, 5–6 – керамика.

Б: конец III – первая половина IV в.: 1, 2 – бляхи; 3–5 – гривны; 6 – сосуд. 1–3, 5 – бронза, 4 – железо, 6 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Вихляев, Зеленева, 2022)

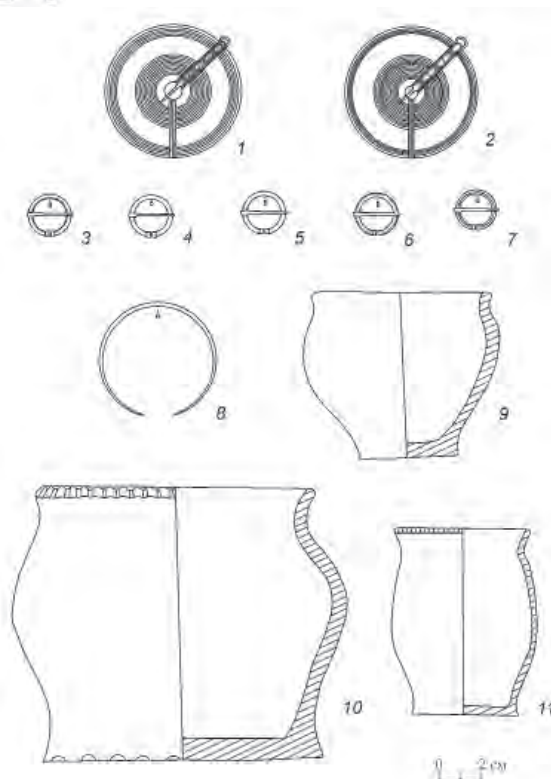

Рис. 45. Вещевой комплекс погребений древнемордовской культуры IV в.:

1–2 бляхи; 3–7 – сюльгамы; 8 – гривна; 9–11 – сосуды. 1–7 – бронза, 8 – железо, 9–11 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV/ Вихляев, Зеленева, 2022).

Рис. 46. Вещевой комплекс погребений древнемордовской культуры второй половины IV – начала V в.:

1 – бляха; 2–5 – гривны; 6–8 – сосуды.

1–5 – бронза, 6–8 – керамика

(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Вихляев, Зеленец, 2022)

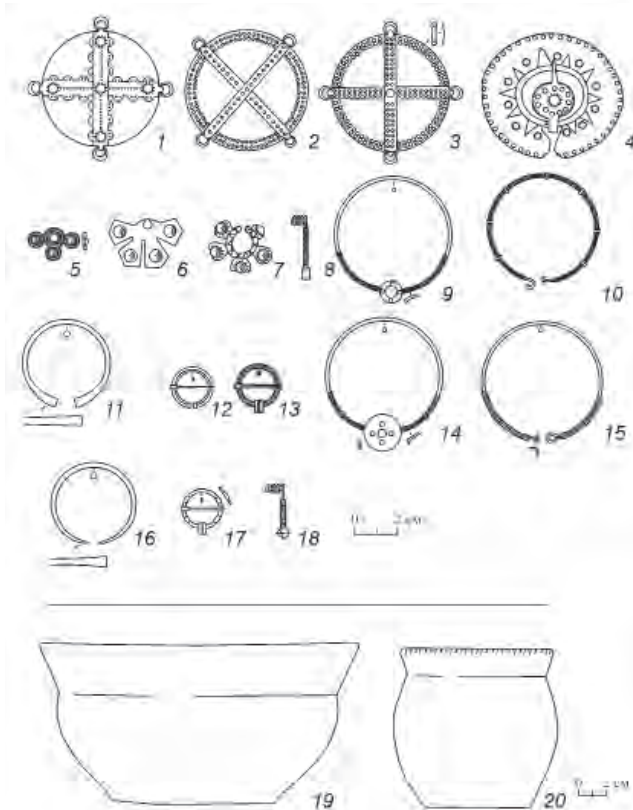
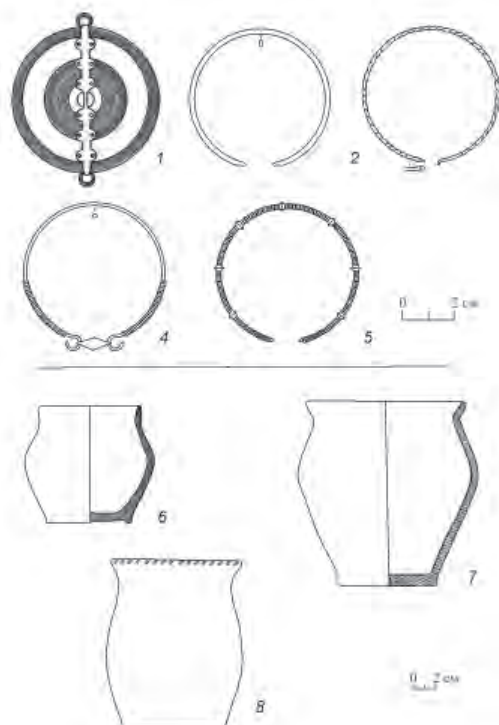

Рис. 47. Вещевой комплекс погребений древнемордовской культуры конца IV–V в.:

1–4 – бляхи; 5–8 – височные украшения; 9, 10 – гривны;

11 – браслет; 12, 13 – скульгамы;

14, 15 – гривны; 16 – браслет;

17 – скульгама; 18 – височное

украшение; 19, 20 – сосуды.

1–18 – бронза, 19–20 – керамика
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV/ Вихляев, Зеленец, 2022)

и «древнемордовской культур», а также височные подвески, украшения, орудия труда и кости животных.

Могильники изучены значительно лучше. Как правило, они располагаются у пойм рек, часто на первой террасе. Для погребений характерны прямоугольные, рядовые ямы глубиной 0,5–2 м. Преобладают вытянутые труположения, реже встречаются трупосожжения. Умерших обычно заворачивали в луб, иногда дно могилы устилалось древесиной. Встречаются также следы кострищ и жертвенной пищи.

В мужские погребальные комплексы входят мечи, копья, стрелы, кольчуги, ножи, детали конского снаряжения, инструменты и украшения, такие как гривны, браслеты, фибулы и сюльгамы. Женские погребения содержат головные уборы с височными подвесками, наконечниками и бляхами, ожерелья из бус, пояса, браслеты и керамику. Основным этноопределяющим признаком для этих могильников является женский головной убор, включающий в себя височную подвеску в виде стержня, обмотанного проволокой, с грузиком на нижнем конце и отогнутой под углом 90° спиралькой на верхнем (рис. 44–47).

5.2. КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА СТЕПНОЙ ЗОНЫ, ЛЕСОСТЕПИ И ЛЕСА В КОНЦЕ IV–IX ВВ.

Культуры севера степной зоны и лесостепной полосы

Гуннская эпоха в Самарском Поволжье. В эпоху Великого переселения народов Самарское Поволжье характеризовалось сосуществованием оседлого и кочевого населения. Памятники делятся на две группы: оседлые (киевский круг, лбищенский тип, именковская культура) и кочевнические древности позднесарматского и гуннского времени (рис. 48).

К заключительному этапу позднесарматской культуры (середина III – IV вв.) относятся находки в Андреевском и Гвардейском могильниках, а также материалы кургана 9 могильника Конезавод I (рис. 49–51). На Сиделькинском II селище исследованы ингумационные погребения с признаками искусственной деформации черепов, датируемые серединой – второй половиной III в. С сарматами связывают находку статера Рескупорида V и фрагмента фибулы на Сиделькинском II селище (рис. 52: 1, 2). Сарматские комплексы второй половины IV в. не выявлены.

Данных об устойчивых контактах позднесарматского и гуннского населения нет. Важным является захоронение 1 кургана 3 I Кряжского могильника, относимое к раннему гуннскому или гунно-сарматскому кругу и датируемое III–IV вв. В захоронении найдены нож и пряжка (рис. 52: 5, 6), а также фрагменты сосудов (рис. 52: 3, 4).

Памятники гуннского круга немногочисленны, но выразительны. В 1928 г. опубликован комплекс из Федоровки, включавший оружие, украшения, детали ременной гарнитуры (рис. 53). Датировки этого комплекса разнятся – от первой четверти V в. до VI–VII вв. Впускное погребение у Владимировки (рис. 54А) содержало останки ребенка с богатым инвентарем, имевшим следы огня. Датировки также варьируются от второй половины V в. до VI – середины VII в.

Погребение в Лузановском IV курганном могильнике (рис. 54Б) датируется гуннским временем на основании находки серьги. Разрушенный комплекс у 113 км г. Самары включает фрагменты котла (рис. 52: 7) и золотую фольгу, датируется концом

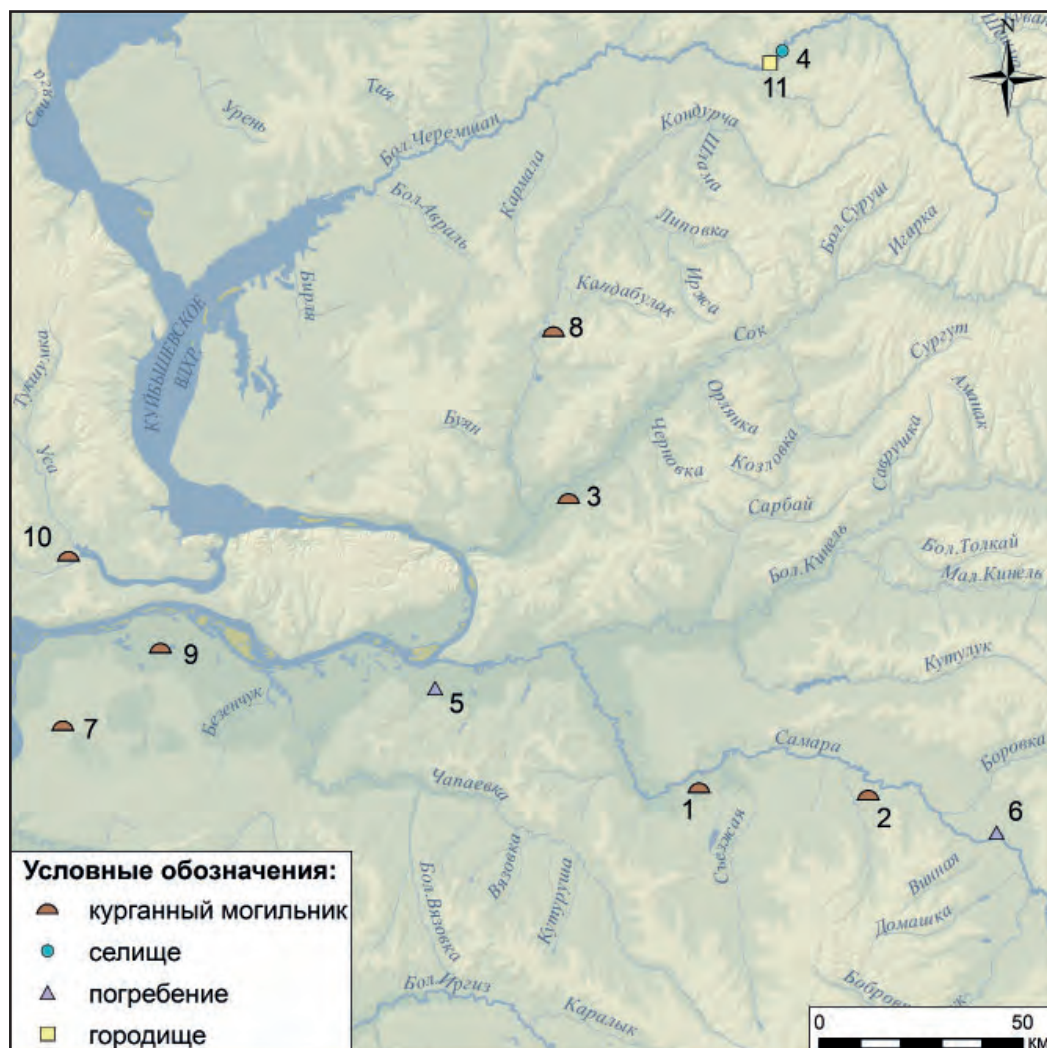

Рис. 48. Памятники гуннской эпохи в Самарском Поволжье:

- 1 – Андреевский курганный могильник; 2 – курганный могильника Гвардейцы I;
 3 – курганный могильник Конезавод I; 4 – Сиделькинское II селище; 5 – 113 км г. Самара;
 6 – Федоровское погребение; 7 – Владимировский курганный могильник; 8 – Лузановский
 IV курганный могильник; 9 – курганный могильник Кряж I; 10 – Муранский могильник;
 11 – Пролетарское городище (по: Сташенкову Д.А.)

IV–V в. В Среднем Поволжье найдены другие котлы этого типа: бронзовый котел, найденный в 1884 г. у д. Осоки в Симбирской губернии, и бронзовый котел, обнаруженный в 1980 г. у д. Татарское Сунчелеево Республики Татарстан (рис. 52: 8, 9). Золотой колт найден на Муранском могильнике (рис. 54: 1), а два аналогичных – у Крестова городища (рис. 54: 2).

Характерные черты погребальной обрядности гуннской эпохи: культ огня, размещение предметов в стороне от захоронения, наличие золотых изделий.

В IV веке в Самарское Поволжье проникают угорские племена. На Пролетарском городище найдены следы построек, характерных для саргатской культуры, и соот-

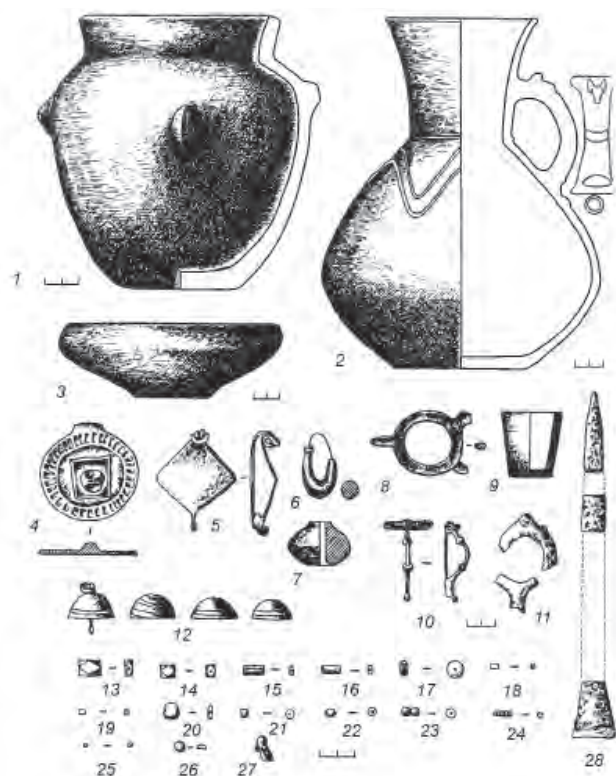
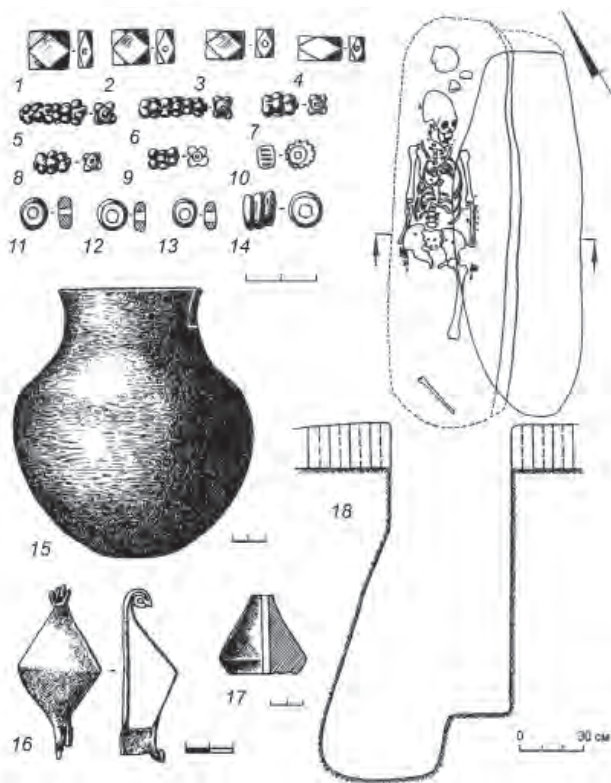

Рис. 49. Андреевский курган-могильник. Вещи из погребения 2 кургана 9 (2, 3, 8, 9, 11, 28) и погребения в кургане 13 (1, 4-7, 12-24):

1 – лепной сосуд; 2 – кувшин; 3 – миска; 4 – зеркало; 5, 10 – фибулы; 6 – серьга; 7 – пряслице; 8 – пряжка; 9 – курильница; 11 – кольцо; 12 – подвески-колокольчики; 13-25 – бусы; 26-27 – бляшки; 28 – наконечник копья. 1-3, 7 – глина; 4 – биллон; 6, 10, 12, 27 – бронза; 8 – кость; 11, 28 – железо; 13-17, 20-25 – стекло; 18-19 – пирит (?); 26 – серебро. (по: Мышкин, Скарбовенко, 2000)

Рис. 50. Курганный могильник Гвардейцы I. Вещи из погребения 1 кургана 26:

1-14 – бусы; 15 – сосуд; 16 – фибула; 17 – пряслице; 18 – план погребения. 1-4 – гранат; 5-14 – стекло; 15, 17 – глина; 16 – бронза (по: Мышкин, Скарбовенко, 2000)

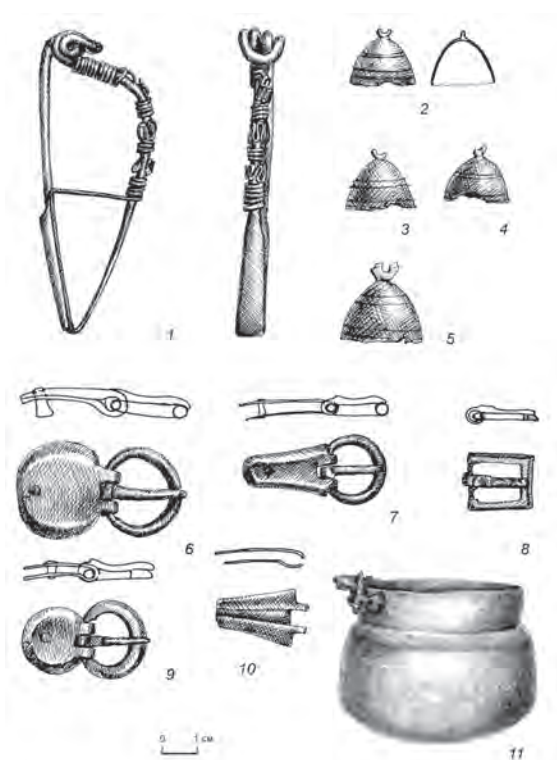

Рис. 51. Курганный могильник
Конезавод I. Вещи из погребения
кургана 9: 1 – фибула;
2–5 – подвески-колокольчики;
6–9 – пряжки; 10 – щиток от пряжки;
11 – котел (без масштаба). 1–11 – бронза
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV /
Сташенков, 2022)

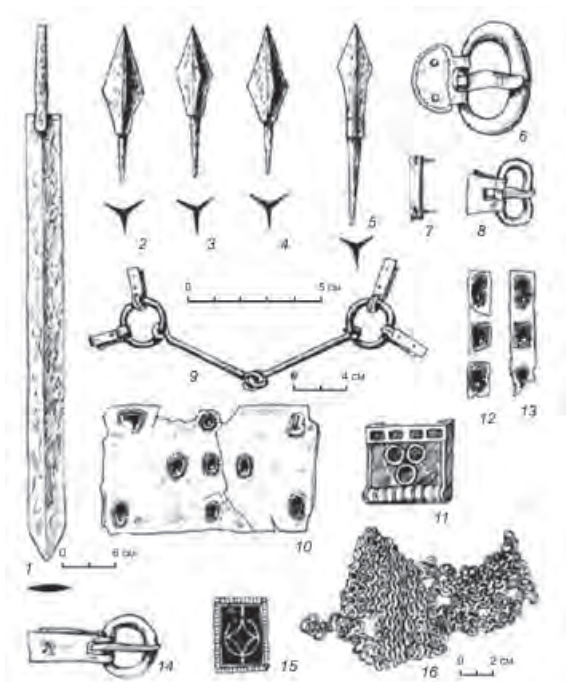

Рис. 53. Федоровское погребение:
1 – меч; 2–5 – наконечники стрел;
6, 8, 14 – пряжки; 7 – накладка;
9 – удила; 10 – фрагмент диадемы;
11 – наконечник ремня; 12, 13, 15 – на-
кладки; 16 – фрагмент кольчуги.
1–5, 16 – железо; 6–8, 14 – серебро;
9 – железо, серебро; 10–13, 15 – золото,
гранаты (по: Археология Волго-Уралья.
Т. IV / Сташенков, 2022)

Рис. 54. Находки гуннского круга
в Среднем Поволжье:

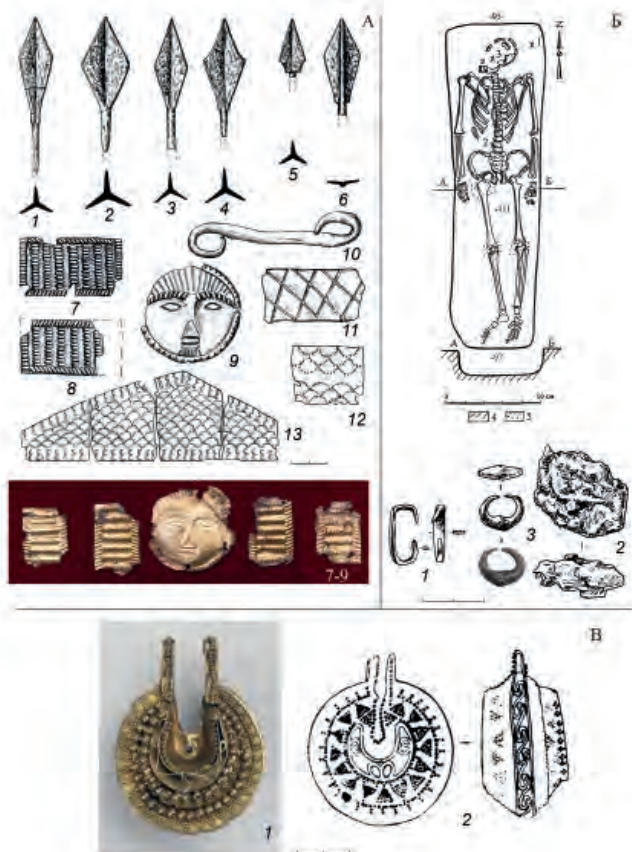
А – Владимировский курганный
могильник. Вещи из впускного
погребения кургана 4.

1–6 – наконечники стрел;
7–9, 11–13 – накладки;
10 – фрагмент удила.
1–6, 10 – железо;
7–9, 11–13 – золото.

Б – Лузановский IV курганный
могильник. План и вещи из по-
гребения 2 кургана 1.

1 – обойма; 2 – пряжка (?);
3 – серьга. 1, 3 – бронза;
2 – железо.

В – Колты. Золото. 1 – Муран-
ский могильник; 2 – около Кре-
стового городища
(по: Археология Волго-Уралья.
Т. IV/ Сташенков, 2022)

ветствующая керамика. Комплексы этого городища датируются вплоть до первой половины V в.

С появлением гуннов связывают гибель городищ Лбище и Сиделькино – Тимяшево в начале V в. Гуннская эпоха характеризуется сложным этническим составом населения, миграционными процессами и формированием именьковской культуры.

Турбаслинская культура (V – рубеж VI–VII вв.) существовала в Предуралье, занимая территорию в среднем течении реки Белой, от Бирска до устья реки Сим, с наибольшей концентрацией на территории Уфы и ее окрестностей («Уфимский полуостров») (рис. 55). Центром был Уфимский полуостров, где обнаружено большинство погребений и городище Уфа II. Носители этой культуры были пришлым населением, не связанным с местной мазунинской/бахмутинской культурами.

Памятники турбаслинской культуры представлены поселениями и могильниками. Поселения турбаслинской культуры располагались на краях надпойменных террас (Ново-Турбаслинское II, Кушнаренковское, Улукулевское, городище Уфа II). Обнаружены полуземлянки квадратной формы с тамбурами (рис. 55: 1), ямами для столбов и остатки очагов. Рядом с жилищами находились хозяйственные ямы.

Вещевой материал поселений представлен многочисленными фрагментами глиняной посуды. Метрический анализ показал преобладание низкоротлых сосудов со слабо- или средневыпуклыми плечиками. Шейка сосудов прямая, слабоотогнутая или среднеотогнутая (рис. 56: 2–9). Полная форма – плоскодонные горшки с прямыми или отогнутыми наружу шейками. Орнаментированы 28% сосудов наклонными насечками по венчику. Найдено небольшое количество кувшинов и ручек от кувшинов, изготовленных спирально-лоскутным налепом из запесоченной глины с добавлением шамота и органики.

Погребальный обряд турбаслинской культуры характеризуется биритуальностью – захоронениями под курганами и без них. Подкурганный погребальный обряд характеризуется захоронениями в могилах, двух типов. Большинство (свыше 50%

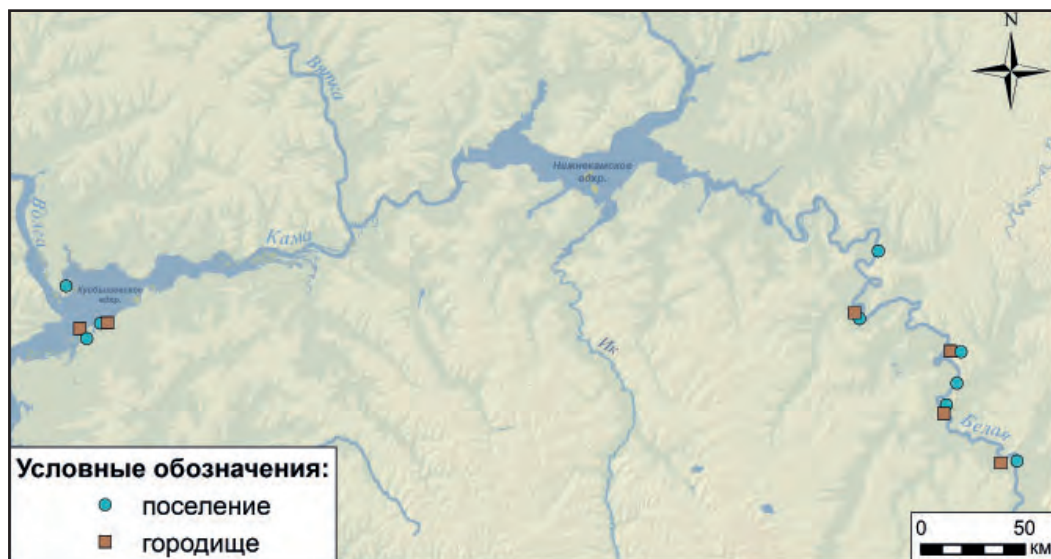

Рис. 55. Памятники турбаслинской культуры (по: Иванову В.А.)

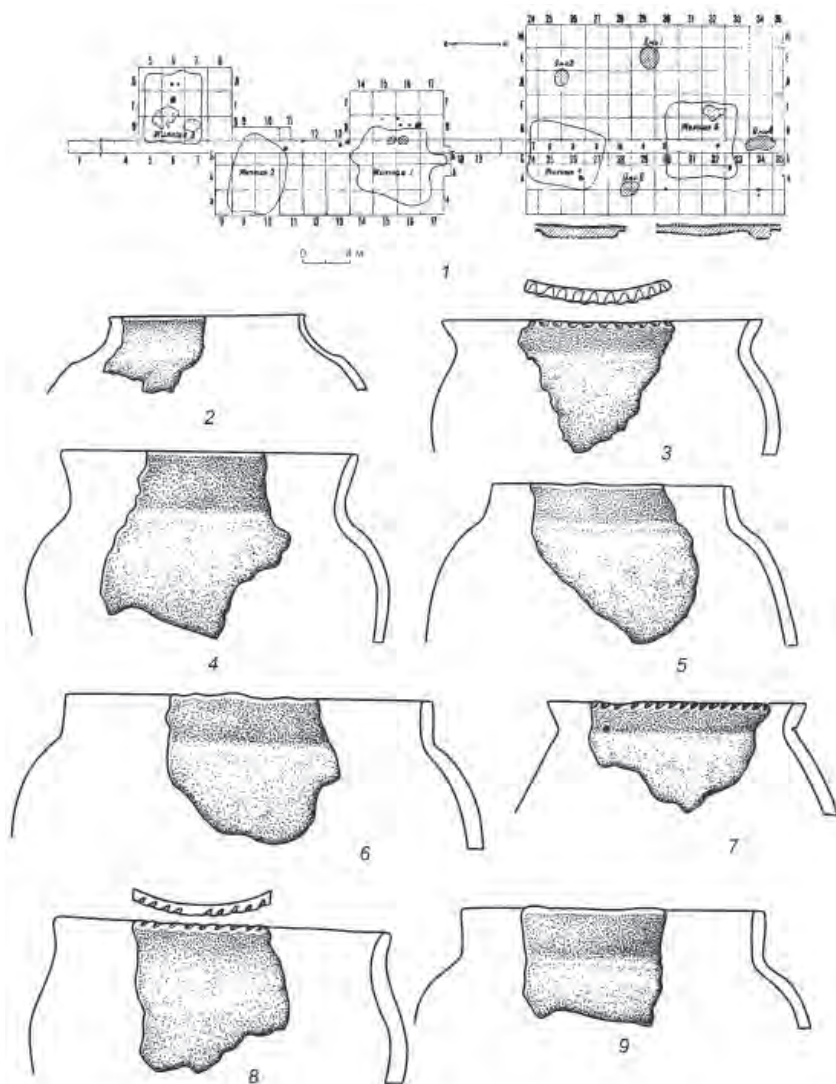

Рис. 56. Жилища и керамика поселений турбаслинской культуры:
1 – план раскопа с жилищами на Ново-Турбаслинском поселении;
2–9 – керамика городища Уфа II (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Иванов, 2022).

известных погребений) – это простые ямы с вертикальными стенками и плоским дном; 33% – захоронения в ямах со ступеньками-заплечиками вдоль длинных стенок и/или нишей-подбоем в короткой стенке, как правило в изголовье могилы. Поза погребенного – вытянуто на спине, ориентация головой на север, северо-запад или северо-восток.

Из деталей погребального ритуала в могилах чаще всего присутствуют остатки заупокойной пищи в виде отдельных костей лошади и глиняных сосудов, помещенных в изголовье.

Набор сопровождающих вещей беден и однообразен. В основном это поясные накладки и пряжки, серьга-кольцо или серьга в виде несомкнутого кольца с грузиком

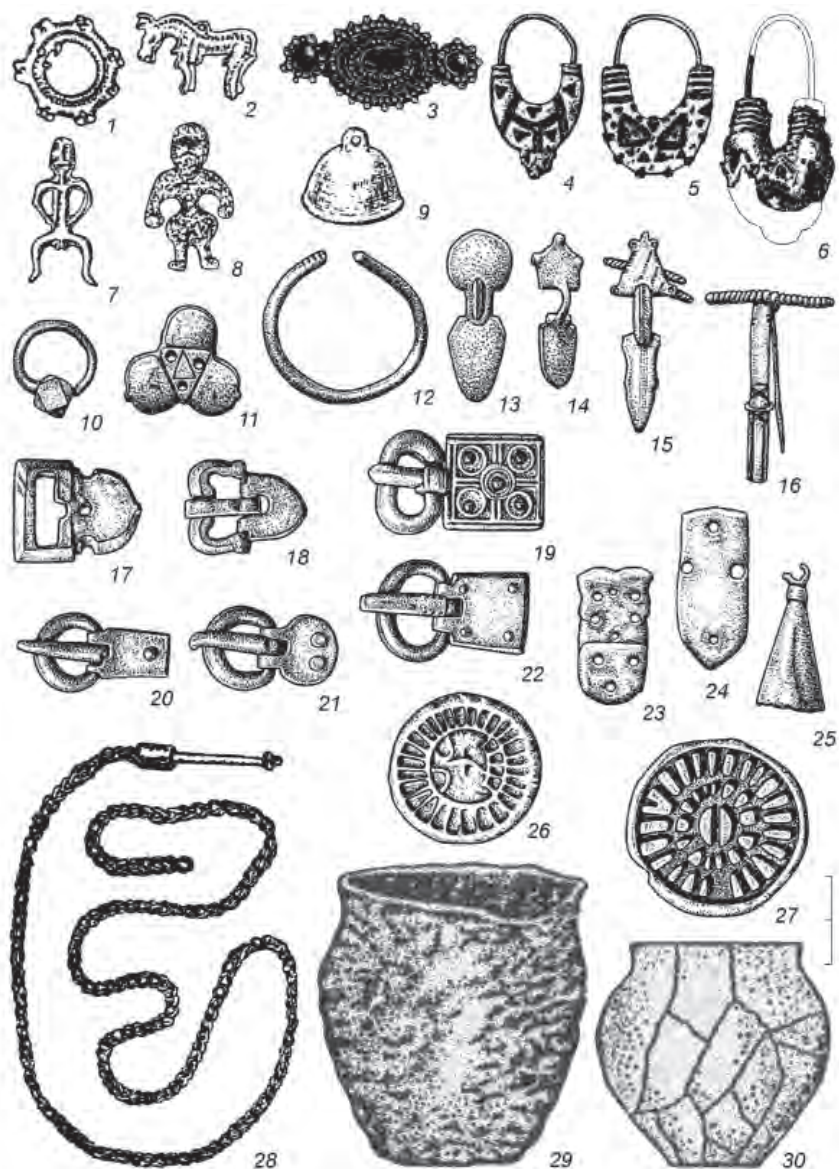

Рис. 57. Турбаслинская культура: 1, 2, 7-9, 25 – подвески; 3 – перстень; 4-6, 10 – височные подвески; 11, 23, 24 – накладки; 12 – браслет; 13-16 – фибулы; 17-22 – пряжки; 26, 27 – зеркала; 28 – цепь; 29, 30 – сосуды. Масштаб разный.
1, 2, 6-18, 20-27 – бронза; 3, 19 – золото, стекло; 4, 5 – серебро, камень; 28 – серебро; 29, 30 – глина (по: Голдина, 2025)

на конце, подвеска-колокольчик, бусы, браслет, т. н. «штурваловидные» подвески, железный нож. Вооружение практически отсутствует (рис. 57).

Для бескурганых погребений турбаслинской культуры характерны простые могильные ямы и северо-западная ориентировка погребенных (в большинстве могил ориентировка не устанавливается). В качестве заупокойной пищи также чаще всего встречаются кости лошади и глиняные сосуды, помещённые в нишу-подбой в изго-

ловье могилы. Причем ниши со стоящими в них сосудами в бескурганных погребениях встречаются более чем в четыре раза чаще, нежели в подкурганных.

Бескурганные погребения отличаются частыми находками предметов вооружения (железные и костяные наконечники стрел, топор), ожерельями из бус, среди которых присутствуют раковины-каури, нож. Детали поясной гарнитуры те же самые, что и в подкурганных, но встречаются заметно чаще.

В целом ассортимент сопровождающего инвентаря в турбаслинских погребениях эклектичен, он находит множество аналогий в синхронных памятниках юга Евразии и не содержит каких-то вещей, специфических именно для турбаслинской культуры.

Результаты формального сравнительно-статистического анализа погребальных комплексов турбаслинской культуры показывают, что подкурганные и бескурганные погребения обнаруживают между собой невысокий коэффициент типологического сходства – 0,4, или 40%. Это дает исследователям основание сомневаться в принадлежности указанных групп погребений к одной археологической культуре. Очевидно, здесь речь может идти о том, что пришлые турбаслинские племена (по мнению некоторых исследователей, поздние сарматы), оказавшись в близком соседстве с многочисленными носителями бахмутинской культуры в Бельско-Уфимском междуречье, довольно быстро ассимилируются ими, о чем свидетельствуют бескурганные погребения с турбаслинскими сосудами на территории Бирского могильника.

Многочисленные аналогии предметам погребального инвентаря позволяют датировать турбаслинскую культуру 4 четв. IV – пер. пол. VII вв. На верхнюю дату указывают находки поясной гарнитуры т. н. «геральдических типов», появление которых в Предуралье связано с приходом сюда носителей кушнаренковской археологической культуры.

Относительно этнической принадлежности «турбаслинцев» исследователями высказывались различные точки зрения: от тюркской и угорской до позднесарматской и гото-славянской. В настоящее время доминируют две точки зрения, и обе они, так или иначе, связаны с именковской культурой.

Одни и те же типы украшений, сходство керамических форм, а также присутствие на востоке именковской территории могильников с турбаслинским погребальным обрядом, типа Коминтерновского I, дали основание выдвинуть гипотезу об именковско-турбаслинской этнокультурной общности, созданной поздними сарматами, перешедшими к оседлости.

Другая точка зрения предполагает, что «турбаслинцы» связаны происхождением с памятниками джетыясарской культуры в Приаралье.

Прекращение функционирования турбаслинских могильников в бассейне средней Белой и их появление в Поволжье означало завершение индоиранского периода в этнокультурной истории Предуралья и начало нового – «угорского».

Кушнаренковская культура (конец VI – первая половина VIII вв. н. э.). Кушнаренковская археологическая культура была выделена в середине 1950-х годов по материалам раскопок Кушнаренковского могильника и поселения на левобережье Средней Белой. Вначале как особый тип керамики – куштирякский, поскольку наиболее богатая на то время коллекция характерных для этой культуры сосудов была собрана даже не на памятниках у с. Кушнаренково, а на поселении, исследованном в верхнем течении р. Ик, на территории современного Бакалинского района Республики Башкортостан.

Рис. 58. Памятники кушнаренковской культуры
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Иванов, 2022)

Однако с обнаружением большого числа памятников – поселений и могильников, где «кушнаренковская/куштирякская» керамика была представлена в «чистом виде», особенно в погребениях (Манякский, Такталачукский, Сынтыштамакский могильники, Староянзигитовское погребение), понятие «кушнаренковская культура» закрепилось и прочно утвердилось в археологии Волго-Камья и Южного Приуралья.

Памятники кушнаренковской культуры распространены по территории центрального и северо-западного Башкортостана, восточного Татарстана, Прикамской Удмуртии и Пермского Предуралья в бассейне р. Сылвы. Географическим ядром распространения этой культуры является бассейн среднего и нижнего течения р. Белой, пограничье лесного и лесостепного ландшафтов (рис. 58).

Поселения кушнаренковской культуры представлены городищами и открытыми селищами. Городища, содержащие кушнаренковскую керамику, в основном расположены в бассейне среднего течения р. Белой (Караякуповское, Таптыковское, Уфа-II, Старо-Калмашевское), селища – в низовьях р. Ик (Меллятамакское, Русско-Шуганское, Татарско-Азибейское).

Для поселений кушнаренковской культуры характерно расположение на высоких мысах надпойменных террас. Культурный слой городищ не отличается мощностью, поэтому проследить стратиграфию кушнаренковской керамики относительно других керамических типов (бахмутинского/мазунинского, караякуповского) очень сложно. Точно так же невозможно пока выяснить технологию оборонительных сооружений этой культуры. Неизвестны до сих пор и кушнаренковские жилища.

Керамика кушнаренковской культуры очень своеобразна и заметно отличается от других керамических типов даже на одном и том же памятнике. Это низкогор-

Рис. 59. Планы погребений и вещевой комплекс из могильников кушнаренковской культуры: 1, 2 – планы погребений Маняжского могильника; 3–9, 13 – поясные накладки «геральдического» типа; 10–12, 14, 26 – поясные пряжки; 15, 16 – височные подвески; 17, 18 – пронизки; 19, 20 – подвески-колокольчики; 21 – серьга; 22 – подвеска; 23, 24 – стремени; 25 – костяные подпружные пряжки; 26 – костяные подпружные пряжки; 27 – костяные обкладки лука; 28 – железные наконечники стрел; 29–31 – глиняные сосуды (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Иванов, 2022)

лые слабопрофилированные сосуды с вертикальной или слабоотогнутой шейкой. Практически все сосуды орнаментированы по венчику, шейке и плечикам. Орнамент располагается горизонтальными зонами и состоит из таких элементов, как косые насечки, прочерченные горизонтальные линии, мелкая косая сетка, косые оттиски мелкозубчатого штампа и оттиски в виде «полулунниц», являющиеся отличительным признаком кушнаренковской глиняной посуды. Посуда в основном круглодонная, но в погребениях встречаются и плоскодонные сосуды (рис. 59).

Погребальный обряд кушнаренковской культуры известен по материалам могильников, среди которых выделяются как курганные, так и бескурганные: Береговский II, Булгарский, Красногорский II, Лагереvский, Манянский, Ново-Биккинский, Сынтыштамакский, Такталачук и др. Большинство погребений (58,5%) формально происходят из бескурганных (грунтовых) могильников. Но это стоит под вопросом, поскольку планиграфия таких могильников – Манянского, Такталачукского – такова, что позволяет предполагать наличие над погребениями небольших земляных курганов, уничтоженных поздней распашкой.

В некоторых насыпях явно кушнаренковских курганов содержатся конские черепа – следы ритуальных конских захоронений. Захоронения совершались в простых могильных ямах в положении вытянуто на спине, головой на северо-запад или север. В большинстве погребений присутствуют глиняные сосуды, поставленные в изголовье.

Состав погребального инвентаря типичен для кочевнических культур эпохи: стремена (рис. 59: 23, 24), железные наконечники стрел и костяные обкладки лука (рис. 59: 27, 28), поясные накладки и пряжки (рис. 59: 3-14, 26), серьги-подвески (рис. 65: 21), подвески-колокольчики (рис. 59: 19, 20), круглые подвески (рис. 59: 15, 16), пронизки-рожки (рис. 59: 17), железный нож.

Этническая принадлежность носителей кушнаренковской культуры долгое время была предметом дискуссии между исследователями Волго-Уралья. Одна точка зрения предполагает тюркское происхождение, основываясь на сходстве материалов кушнаренковской культуры – украшения, детали поясных наборов – с материалами джетыасарской культуры в Средней Азии. Другие исследователи региона доказывают зауральско-западносибирское, угорское происхождение этой культуры. Материалы, полученные в последние годы тюменскими и челябинскими археологами, подтверждают данную точку зрения, поскольку по многим своим признакам кушнаренковская культура находит параллели в памятниках угорского этнокультурного ареала бакальской историко-культурной общности Зауралья и Западной Сибири.

Прекращение функционирования памятников кушнаренковской культуры связывается с появлением в Приуралье носителей караякуповской культуры (предположительно, древних угров-мадьяр) во второй половине VIII в. Возможно, «кушнаренковцы» растворились среди своих этнических сородичей или ушли за Каму и Волгу.

Именьковская культура (IV–VII вв.) распространена в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье (рис. 60). Ареал охватывает территорию от среднего течения р. Суры до р. Белой и от Самарской Луки до нижнего течения р. Мешы. Памятники распределены неравномерно, концентрируясь вдоль речных долин. Выделяют несколько территориальных групп: в Посурье, в долинах рек Свияги и Волго-Свияжском междуречье, на Самарской Луке и наиболее плотно – в районе слияния Волги и Камы, в Закамье и Заволжье. К востоку от этой территории находятся небольшие группы памятников по берегам Камы, а также в нижнем течении рек Шешмы и Зай.

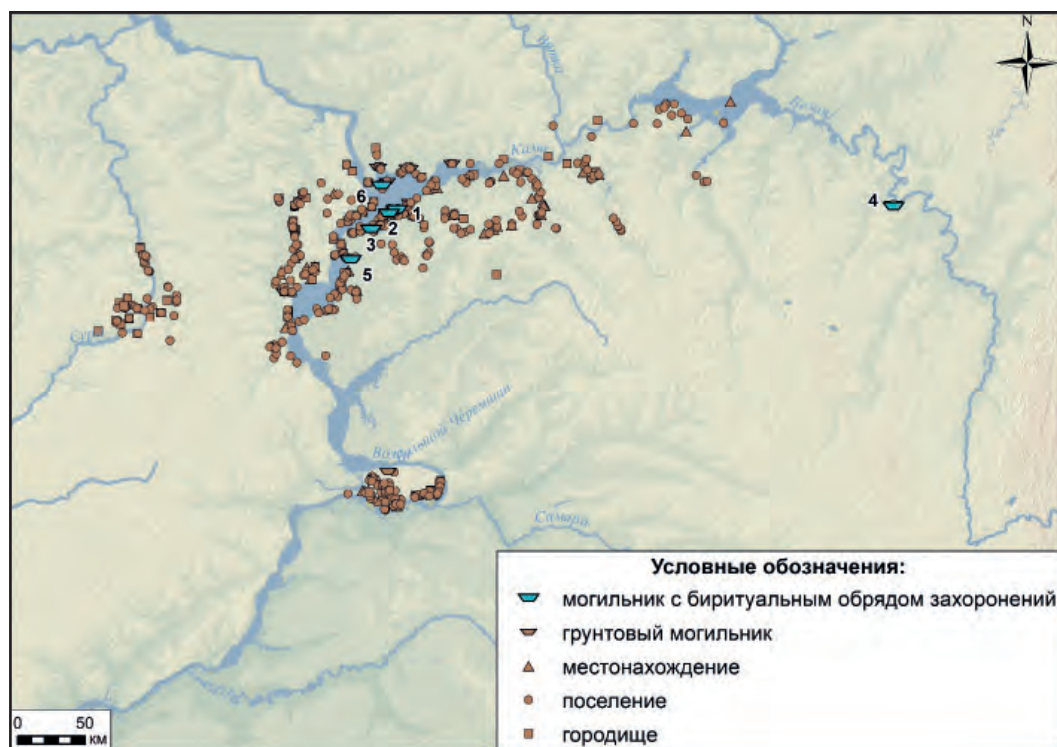

Рис. 60. Памятники именьковской культуры. 1 – Коминтерновский II могильник; 2 – Измерский IX могильник; 3 – Новославский II могильник; 4 – Кушнаренковский могильник; 5 – Маклашеевский V могильник; 6 – Ташкирменский могильник (по: Сташенкову Д.А, Вязову Л.А.)

К именьковской культуре некоторые современные исследователи также относят группу памятников «романовского типа» и турбаслинской культуры в среднем течении р. Белой.

Именьковские памятники представлены укрепленными и неукрепленными поселениями (городища и селища), грунтовыми могильниками с кремациями, производственными сооружениями и отдельными находками. Памятники образуют локальные группы, состоящие из нескольких селищ, одного-двух городищ и нескольких могильников.

Городища располагались на мысовидных выступах коренного берега, защищены валами и рвами (иногда двойными или тройными), занимали центральное положение в группах поселений. Наиболее характерны для Посурья, Посвияжья и Нижнего Прикамья. Селища – наиболее многочисленный тип памятников (более 500), располагались у высоких террас, рядом с оврагами или старицами, площадью от 0,5 до 10 га. Часто примыкали к городищам. На поселениях выделяются два типа планировки: усадебная (хозяйственные сооружения вокруг жилищных котлованов) и уличная (постройки рядами вдоль улиц). Примеры усадебной планировки можно увидеть на Ош-Пандо (Сайнинском) и Маклашеевском II городищах (рис. 61: 2), Комаровском IV селище, Новинковском V селище, Карлинском I селище, Ош-Пандо-Нерь II и городище Старая Майна (рис. 61: 1). Уличная планировка обнаружена на Старомайинском городище и Урнякском селище.

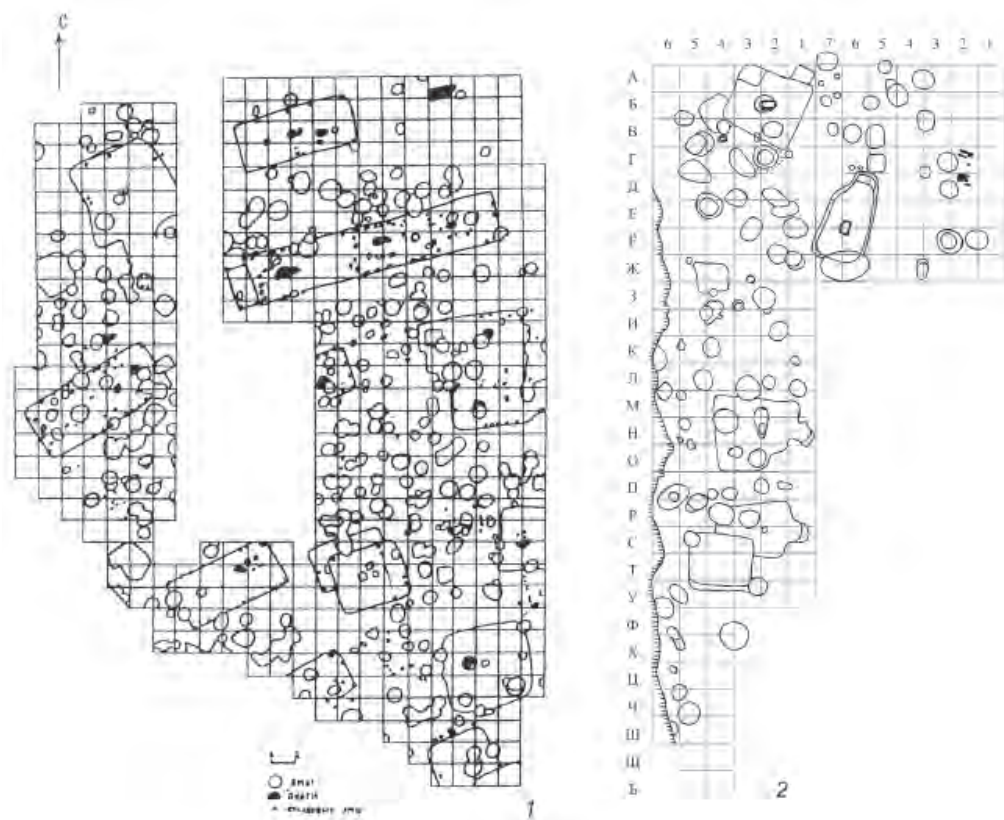

Рис. 61. Планировка поселений именковской культуры
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Сташенков. Вязов, 2022)

Именковские постройки – полуземлянки, наземные жилища не обнаружены. Типы жилищ: однокамерные квадратные/прямоугольные (12–64 кв. м) с бревенчатым срубом, очагом и тамбуром; многокамерные прямоугольные («длинные дома») размером 4,2–5,7×8,7–12 м; круглые полуземлянки с ямами и очагом. Многочисленны хозяйственные ямы (цилиндрические и колоколовидные). Использовались для хранения зерна и складирования мусора.

Производственные сооружения представлены металлургическими горнами разных типов: наземной и ямной конструкции.

Именковские некрополи представлены грунтовыми могильниками. Могильники располагались у поселений, без внешних признаков. Преобладал обряд кремации на стороне, ингумации единичны (рис. 62: А). Характер погребений: фрагменты кальцинированных костей помещались в ямы цилиндрической, овальной или прямоугольной формы, урновые захоронения не встречены. Часто – останки одного человека, реже – парные и коллективные.

В погребальную яму укладывались сосуды, пряслица, детали костюма и конской упряжи, бусы, ножны, реже оружие. Инвентарь, кроме сосудов, имеет следы повреждений.

Могильники типа Коминтерн существенно выделяются из общей массы некрополей наличием значительного числа ингумаций (рис. 62 Б). Их появление связывают

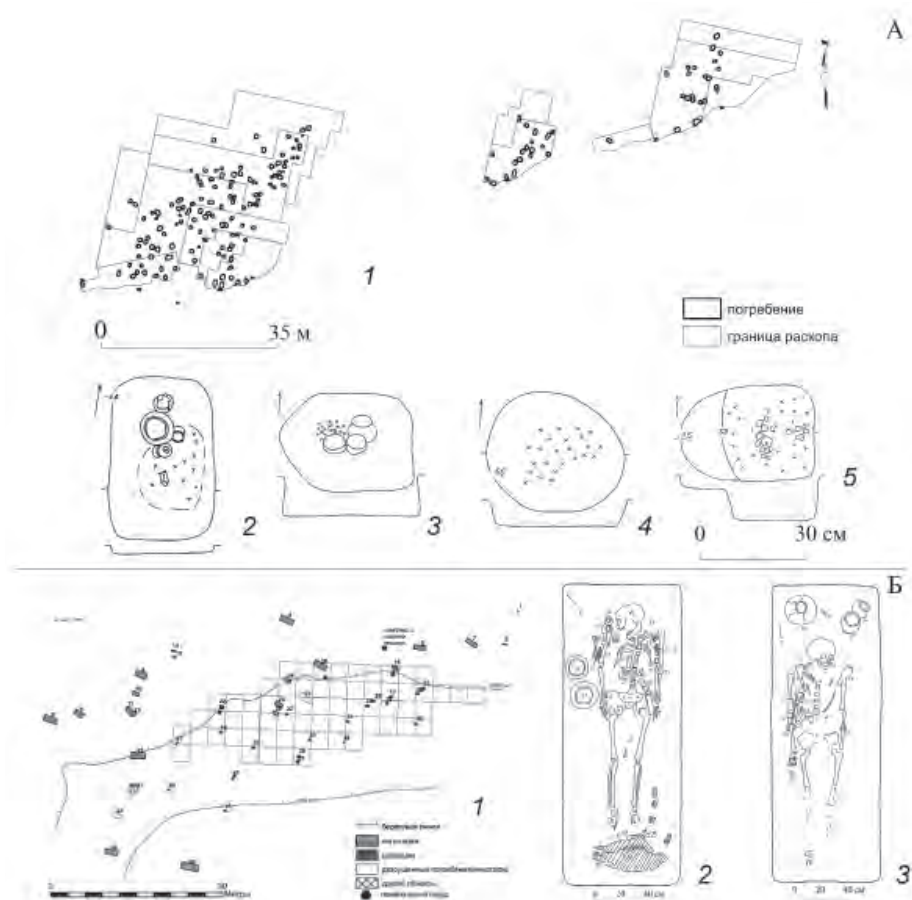

Рис. 62. Некрополи и погребения именковской культуры: А: план раскопа Маклашеевского IV могильника (1) и планы погребений (2-5); Б: план раскопа центральной части Коминтерновска II могильника (1) и планы погребений (2-3) (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Сташенков. Вязов, 2022)

с проникновением кочевого населения в оседлую именковскую среду в V–VI вв. Существует мнение, что Коминтерновский II могильник оставлен именковско-турбаслинским населением, которое связано с поздними сарматами.

Керамика именковской культуры – это лепные изделия, включающие плоскодонные горшки, миски, банки, диски-сковороды и миниатюрные сосуды (рис. 63: 23–27). В составе преобладает примесь крупного шамота и органики. Культура отличается высоким уровнем развития железообработки и кузнечного дела. Важными элементами хозяйства являлись земледелие (с использованием наральников, серпов, кос) и развитое придомное скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней). Существенную роль играли охота (в том числе пушная) и рыболовство.

Военное снаряжение представлено железными трехлопастными наконечниками стрел «гуннского типа» и костяными накладками на лук. Вооружение ближнего боя включало наконечники копий, мечи и боевые ножи, а также панцирные пластины. Топоры, вероятно, использовались в хозяйстве.

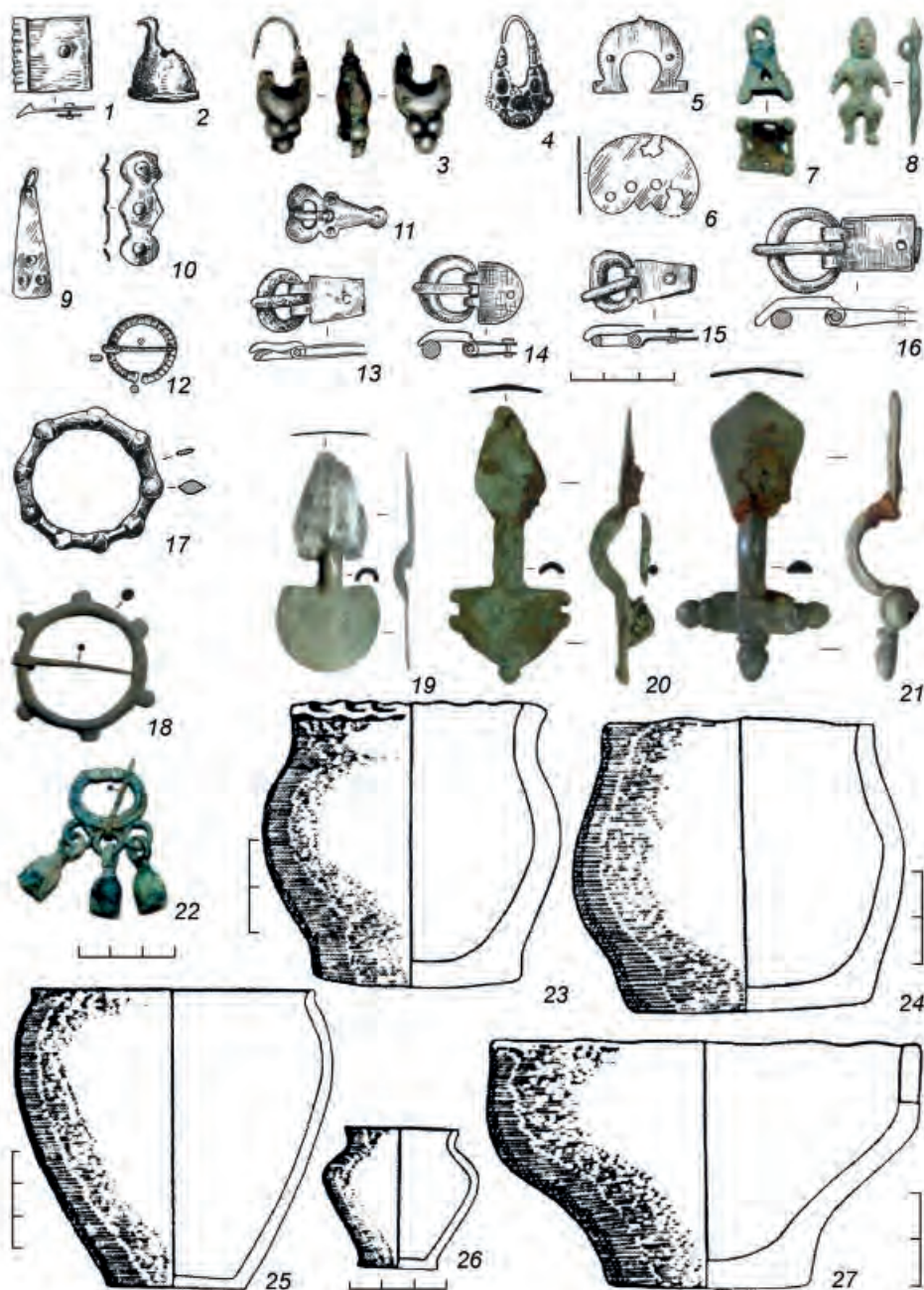

Рис. 63. Инвентарь именковской культуры: 1, 5, 10 – накладки; 2 – пронизка; 3, 4 – височные подвески; 6, 7, 9, 17 – повески; 8 – антропоморфное изображение; 11, 13–16 – пряжки; 12, 18, 22 – сюльгамы; 19–21 – фибулы; 23–27 – сосуды. Масштаб разный.
1, 6, 10 – Рождественский могильник; 2, 9, 11, 15–17 – Щербетское островное I селище; 3, 7, 8, 18–22 – Новославский II могильник; 4 – Маклашеевское II городище; 5 – городище Шолом; 12, 13 – Именковское I городище; 14 – поселение Курган; 23–27 – разные памятники. 1, 2, 5–11, 13–18, 20–22 – бронза; 3, 19 – серебро; 4 – серебро, позолота, стекло; 12 – бронза, железо; 23–27 – глина (по: Голдина, 2025)

Предметы быта: железные ножи двух типов (с «горбатой спинкой» и с прямой спинкой), оселки и точильные камни двух типов, каменные плитки для выпрямления стрел (или заточки игл?), кресальные кремни, костяные иглы-проколки.

Украшения немногочисленны: бусы (стекло, кость, камень), бронзовые пронизки, булавки, ременные пряжки и накладки. Разнообразны бусы, включая синие кольцеобразные, одночастные бочонкообразные коричневые и желтые уплощенные таблетковидные. Присутствуют бронзовые кольцевые подвески с выпуклинами (рис. 63: 1–22). Встречаются металлические булавки и часть двухпластинчатой фибулы. На поселениях находят резные подвески из кости и амулеты из костей животных.

Происхождение и этническая принадлежность носителей именьковской культуры с самого начала ее изучения дискутировались и продолжают обсуждаться археологами региона. В 1960–1970-е годы выдвигались точки зрения о ее тюркской, затем балтской, затем славянской принадлежности. Последняя точка зрения нашла поддержку у ведущих советских археологов и востоковедов того времени.

В 90-е годы дискуссия прекратилась, но в начале текущего столетия была высказана гипотеза о том, что «именьковцы» и родственные им «турбаслинцы» – это поздние сарматы, перешедшие к оседлости. В последние годы отстаивается концепция славянской (гото-славянской) принадлежности носителей именьковской культуры. Вероятнее всего, именьковская культура сложилась в результате взаимодействия различных этнических групп и носила многокомпонентный, полиэтнический характер, включавший ираноязычные, славянские и финно-угорские элементы.

Верхнеутчанская культура (VI–IX вв.) расположена в южной части Камско-Вятского междуречья, на правобережье р. Камы от устья р. Вятки на юго-западе и до устья р. Сивы на северо-востоке, включая бассейны правобережных притоков р. Камы: Ижа, Тоймы. Единичные памятники известны в междуречье в бассейнах Валы, притока р. Кильмези, левобережного притока р. Вятки и Сивы (рис. 64).

Верхнеутчанская культура представлена селищами и городищами. Селища малоизучены, располагались на невысоких мысах, группируясь вокруг городищ. Городища были жилыми, оборонительными, наблюдательными пунктами и, возможно, ремесленными и административными центрами. Укрепления состояли из валов и рвов (рис. 65: 1, 2). Жилища верхнеутчанской культуры представлены сооружением подквадратной формы с зольниками и очагами и полуземлянкой с очагом и ямами (рис. 65: 3–5).

Керамика верхнеутчанской культуры изготовлена способом ленточного налепа, имеет характерную, довольно низкую округлодонную чашевидную форму с разными вариантами оформления горловины: профилированную открытую и закрытую, а также непрофилированную прямостенную (рис. 66: 53–57), связана своим происхождением с мазунинской культурой. Также встречается посуда кушнаренокского и именьковского типов.

Из могильников верхнеутчанской культуры исследован один – Петропавловский. Он находится на высокой террасе р. Голышурминки, правого притока р. Иж, в д. Петропавловке Алнашского района Удмуртии. Исследовано 28 захоронений VI–VII вв. Могилы располагались нечеткими рядами и группами. Ориентировка могильных ям двух видов – широтная и меридиональная.

Зафиксированы два обряда погребения: трупоположение в гробовище, вытянуто на спине, и трупосожжение на стороне, без вещей. Остатки праха ссыпали в гроб

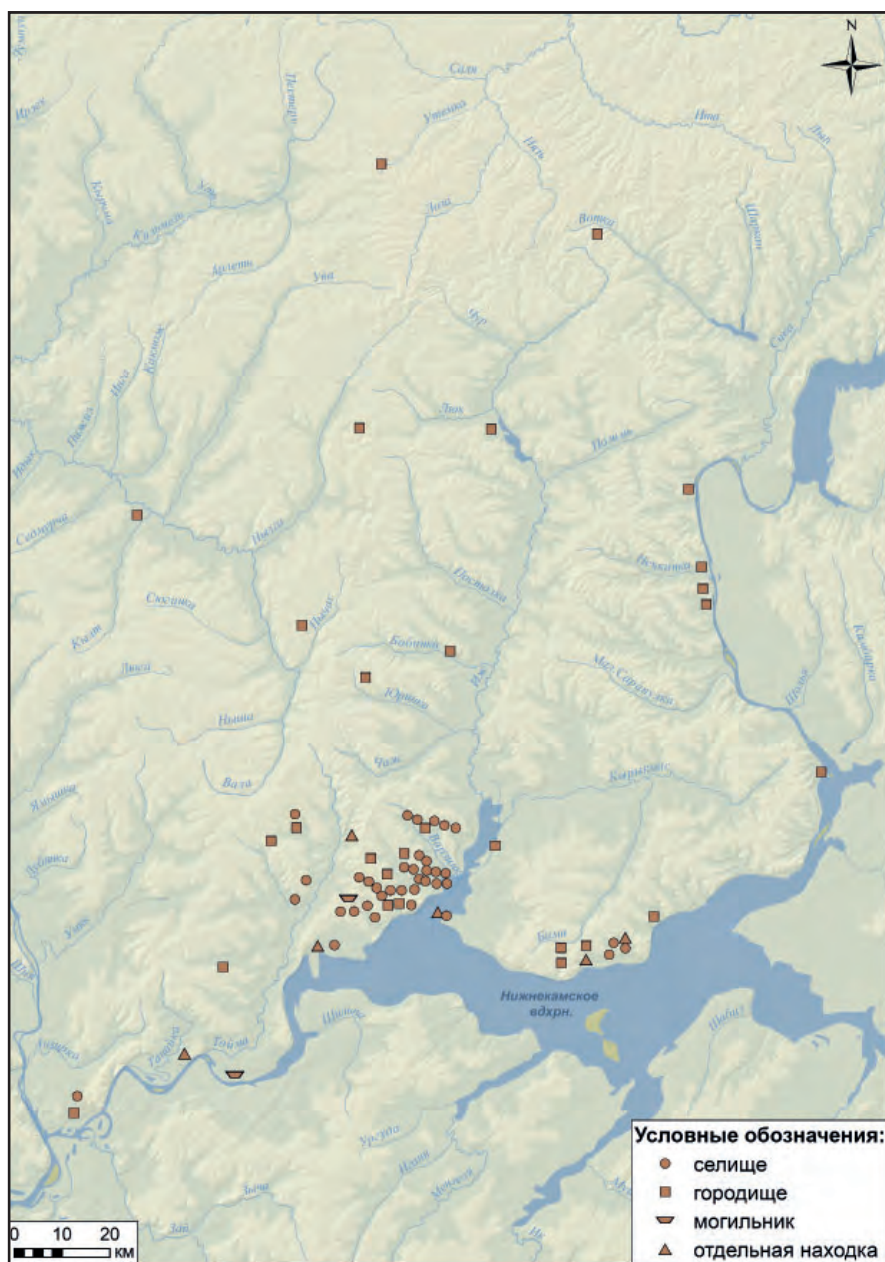

Рис. 64. Памятники верхнеучканской культуры (по: Голдиной Р.Д., Ютиной Т.К.)

в беспорядке. Украшения и сопровождающий инвентарь бросали в могилу по мере ее заполнения.

На Петропавловском некрополе собрано большое число поясной гарнитуры геральдического облика: пряжек, различных вариантов накладок, наконечников ремней. Встречались также сердоликовые и стеклянные бусы, височные и нагрудные подвески, пронизки, шейные гривны, различные бляшки, фибулы и другие вещи. Многочисленны железные предметы: наконечники стрел, удила, шило, ложкарь,

Рис. 66. Инвентарь верхнеутчанской культуры: 1, 4, 6, 8–21 – накладки; 2, 3, 32 – височные подвески; 5, 7, 22–24, 27–31, 33, 34, 40, 45 – подвески; 25 – перстень; 26 – пронизки; 35 – сложносоставная подвеска; 36, 37 – бляшки; 38, 39, 41–44, 46 – пряжки; 47, 48 – шьюлгамы; 49–52 – наконечники ремней; 53–57 – фрагменты сосудов; 58, 59 – реконструкция поясов с накладками (по Т.И. Останиной). Масштаб разный. 1, 2, 9, 10, 21, 22, 38, 42, 58, 59 – Кузбаевский клад; 3, 11–20, 26–33, 35–37, 39, 40, 43–46, 48–51 – Петропавловский могильник; 4–7, 23–25, 41 – Благодатское I городище; 8, 52, 53, 57 – Кузбаевское I городище; 34 – Быргындинские III находки; 47 – Ныргындинское II городище; 54–56 – Верхнеутчанское городище. 1–8, 11–21, 23–41, 43–52 – бронза; 9 – бронза, стекло; 10 – медь с серебром, позолота; 22, 42 – свинцово-оловянный сплав; 53–57 – глина; 58, 59 – латунь, позолота, серебрение (по: Голдина, 2025)

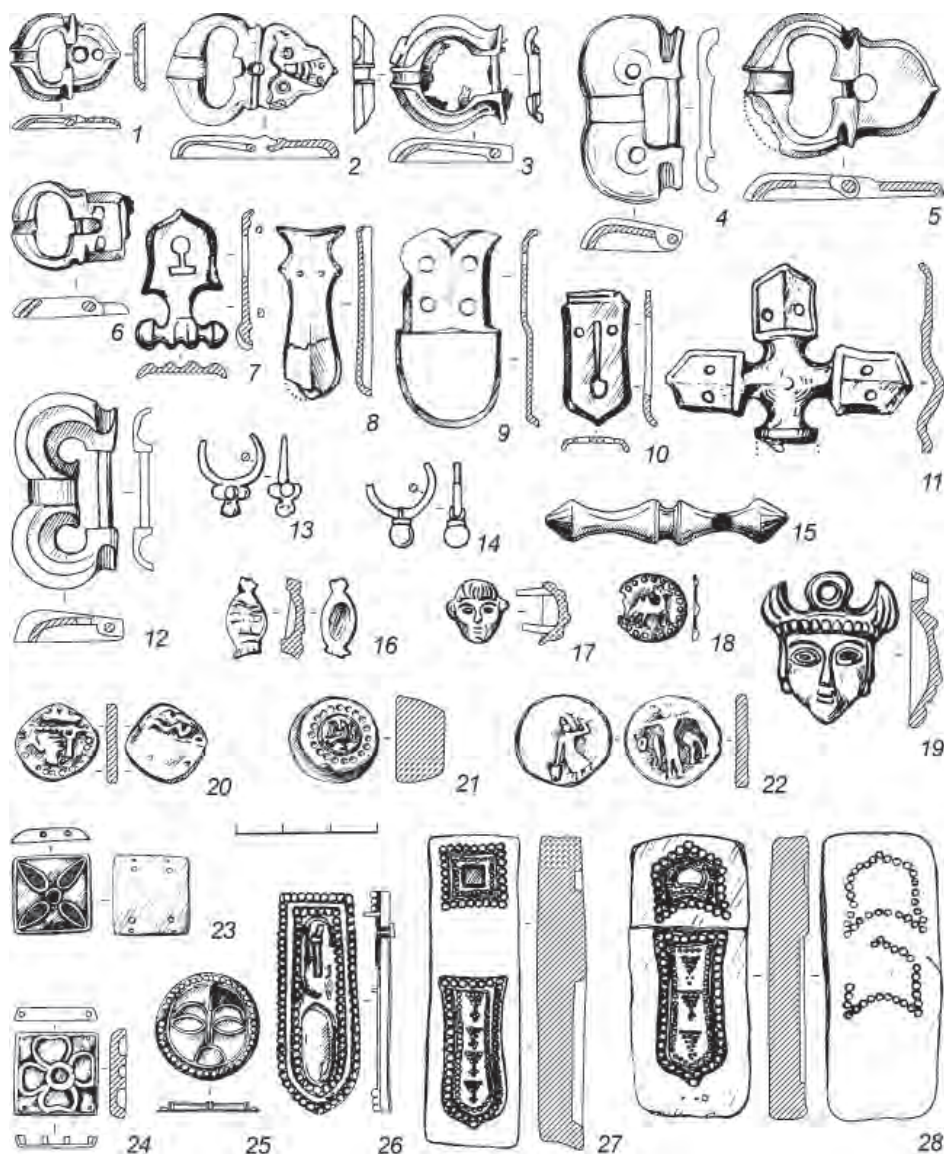

Рис. 67. Кузобаевский клад: 1–6, 12 – пряжки; 7–11, 17, 18, 23–25 – накладки; 13, 14 – височные подвески; 15 – костылек; 16, 19 – антропоморфные подвески; 20, 22 – монеты; 21 – основа для изготовления литейной формы (А.Б. Никитин); 26 – наконечник ремня; 27, 28 – басменные доски. 1–5, 7–11, 13–16, 19 – свинцово-оловянный сплав; 6, 12, 17, 18, 20 – бронза; 21 – глина; 22 – медь; 23, 25 – бронза, стекло; 24 – медь с серебром, позолота; 26 – латунь, позолота; 27–28 – оловянная бронза (по: Голдина, 2025)

лирные инструменты, элементы поясов, среднеазиатские монеты, латунное блюдо, фрагменты стеклянных сосудов, а также латунные и бронзовые слитки (рис. 67). Среди исследователей нет единого мнения относительно происхождения и целостности этой коллекции. Одна точка зрения предполагает, что это цельное собрание артефактов, датируемых VII веком, в то время как другая гипотеза указывает на то, что клад является собранием предметов, обнаруженных на различных памятниках

юга Удмуртии так называемыми «черными копателями». Согласно этой версии, клад может происходить из нескольких разграбленных объектов, включая могильники раннего железного века, содержащие бронзовые наконечники стрел VII–IX вв. до н. э. Тем не менее большая часть находок относится к VII веку и включает в себя бронзовые изделия в геральдическом стиле.

Традиции верхнеутчанской культуры видны в последующем в чумойтлинской культуре X–XIV вв., а далее в многочисленных могильниках XVI–XIX вв., принадлежащих южным удмуртам.

Культуры лесной полосы

Неволинская культура в конце IV–IX вв. возникла из смешения двух компонентов: местного населения гляденовской культуры, оставившего костыща, и пришлого населения, принесшего в конце IV в. традицию подкурганных захоронений.

Ареал культуры занимает бассейн р. Сылвы от устья до впадения р. Тис (рис. 68). Известно более 270 памятников (городища, селища, могильники, клады, костыща). Городища мысовые, закрыты одной линией обороны (ров, вал) с напольной стороны, но известна и замкнутая система обороны (рис. 69). Селища располагались по одному и группами (до 38), занимая мысы, выступы или склоны невысоких террас.

На площадках поселений выявлены жилища. Одни из них представляли собой небольшие срубные полуземлянки с шатровой или двухскатной крышей. Исследователи связывают их с западносибирским пришлым компонентом, но отмечают близость к именковским постройкам, а также жилищам древней мордвы, мери и муромы. Другие жилища прямоугольного плана, небольшой глубины залегания, с тамбуром перед входом, с центральным расположением очага и ямы, присущим местной пермской домостроительной традиции. Характерны и культовые постройки, которые представляли собой слегка углубленные круглые в плане сооружения, отапливаемые кострыщами.

Могильники неволинской культуры представлены тремя типами: курганы, курганно-грунтовые и бескурганные. Курганы (IV–VII вв.) располагались на Средней Сылве и Нижней и Средней Шакве. Курганно-грунтовые некрополи (IV–IX вв.) обнаружены у поселений Броды и Верх-Сая. С VII вв. появляются бескурганные могильники (Неволино, Усть-Иргино). Уникальным памятником является Бартымский I могильник, где обнаружено массовое захоронение (рис. 70) погибших в результате вражеского нападения. Данный могильник датируется 615–642 гг.

Курганные могильники Сылвенского поречья располагались в разных местах (у подножий возвышенностей, на берегах рек). Курганы размещались рядами или группами и имели небольшие насыпи, окруженные канавками. Могильные ямы – прямоугольной формы. Захоронения совершались в гробовищах или срубках, иногда со стенками, обложенными камнями. Основной обряд – трупоположение, умершие вытянуты на спине, ориентированы на запад, юг или северо-восток. Украшения располагались на умерших, как при жизни.

С VII вв. курганы перестают сооружать, рядом с ними располагаются бескурганные могилы. Форма могильных ям аналогична курганным. Захоронения совершались в гробовищах и долбленых колодах, иногда гроб обертывали берестой или шкурой животного. Преобладали индивидуальные трупоположения, встречались и коллективные захоронения. Умерших хоронили в праздничной одежде с украшениями и инвентарем.

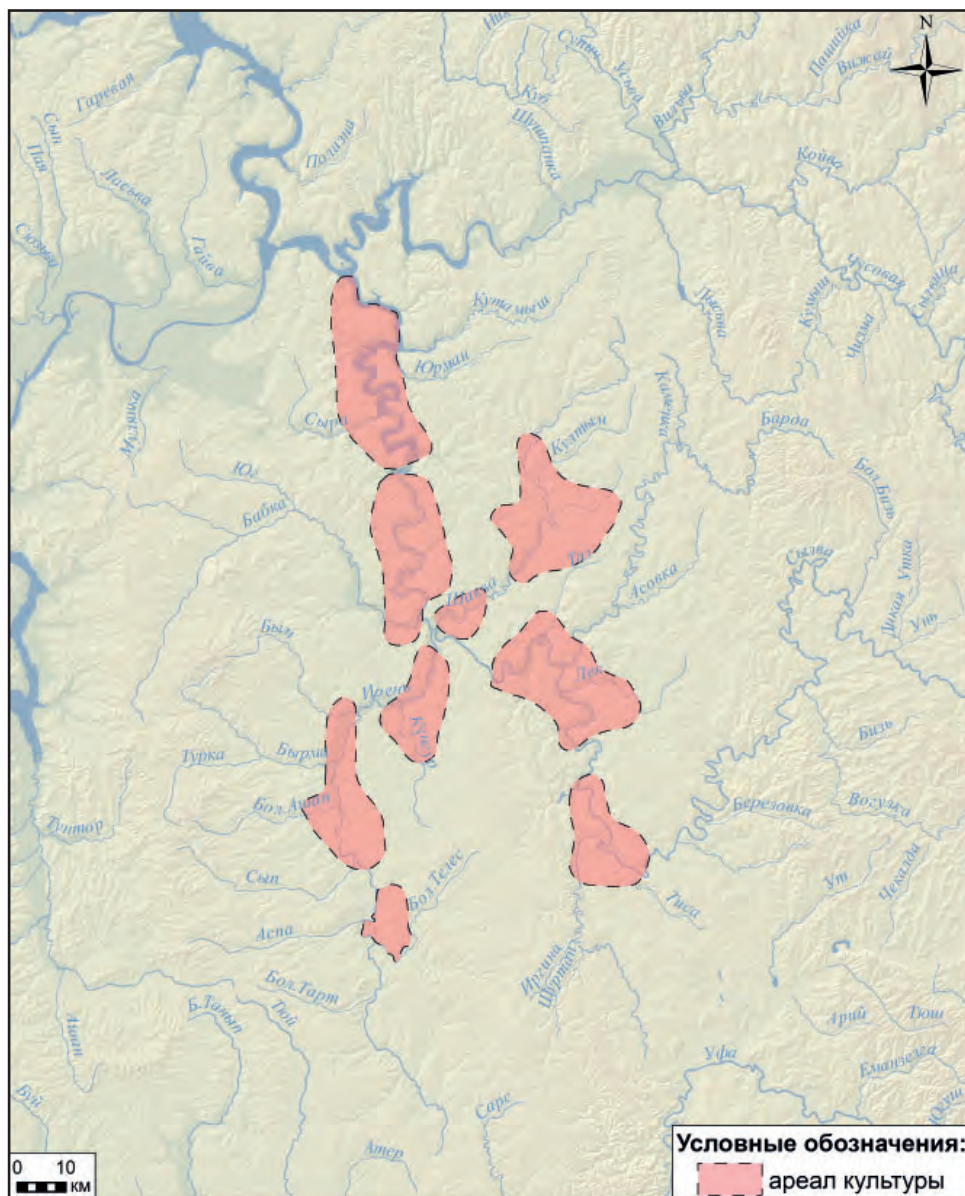

Рис. 68. Ареал неволинской культуры (по: Голдиной Р.Д.)

На памятниках неволинской культуры обнаружено множество артефактов, свидетельствующих о развитом хозяйстве и культуре населения (рис. 71). Интересной находкой является медная гирица византийского купца (рис. 71: 7), датируемая VII в., что свидетельствует о торговых связях населения Прикамья.

Среди хозяйственных и бытовых изделий найдены глиняные тигли, льячки, мотыжки (рис. 72: 7), серпы (рис. 72: 8, 9), стамески (рис. 72: 10, 11), обломок ножниц (рис. 72: 15), топорик (рис. 72: 18), костяные рукояти (рис. 72: 16, 17), глиняные пряслица (рис. 72: 1–7), костяные иглы (рис. 72: 16–18) и обломки варганов (рис. 72: 19–21). На поселении Верх-Сая I обнаружены самые ранние в Северном Прикамье

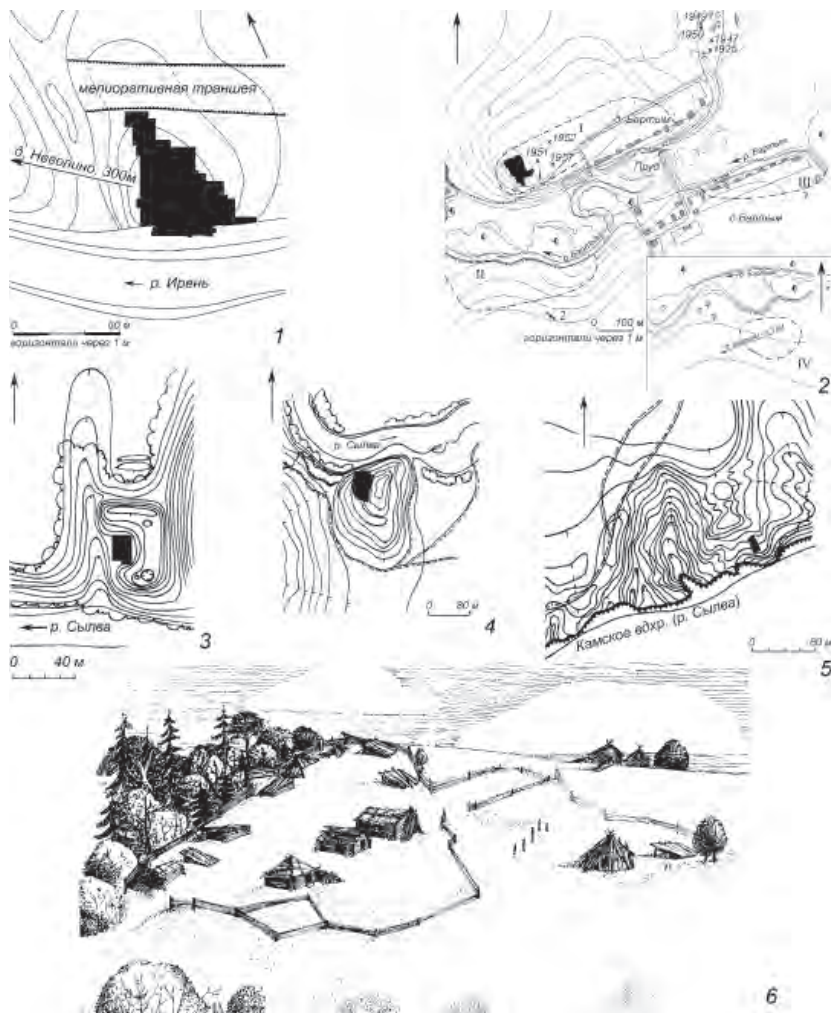

Рис. 69. Планы памятников неволинской культуры: 1 – Невольинский могильник; 2 – Бартымские (I–IV селища, 1–2 – Бартымские I, II могильники, х – Бартымские клады разных лет); 3 – Подкаменное городище; 4 – городище Лобач; 5 – Елкинское городище; 6 – реконструкция общего вида поселка VI–VII вв. по материалам Бартымского I селища (авторы Е.М. Черных и Л.И. Липина) (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Голдина, 2022)

каменные жернова (рис. 72: 12–14). Оружие и орудия труда представлены костяными (рис. 72: 8–15, 22) и железными (рис. 72: 23–28, 31, 32) наконечниками стрел и железными ножами (рис. 72: 29, 30).

Глиняная посуда неволинской культуры представлена большим количеством сосудов с поселений и могильников (рис. 71: 35–37). Преобладают округлобокие чаши с прямой или блоковидной горловиной, а также блюдообразные сосуды. Для ранних памятников характерны сосуды без шейки. В состав глиняного теста, наряду с раковинной, добавляли песок и шамот. Посуда обильно орнаментирована, особенно венчики. Основные типы орнаментов: резные узоры, гребенчатый, шнуровой и ямки.

На территории неволинской культуры обнаружено 20 кладов, среди которых два содержат шаманские изображения, а остальные – серебряную посуду (иранского,

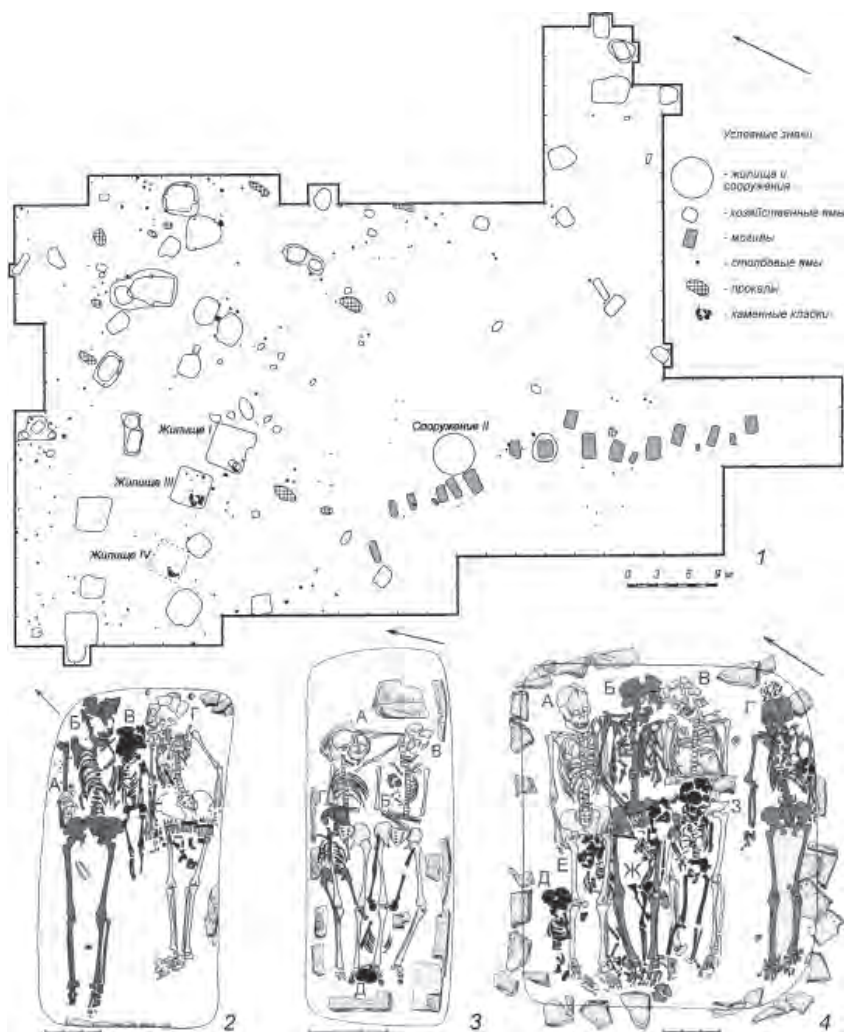

Рис.70. Бартымское I селище и могильник: 1 – план раскопа; планы погребений: 2 – погр. 11; 3 – погр. 7; 4 – погр. 16 (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Голдина, 2022)

среднеазиатского и византийского происхождения), монеты (византийские и сасанидские), украшения и слитки цветного металла (рис. 73).

Неволинская культура в VIII – начале IX вв. демонстрирует тесные связи с салтовским миром и Волжской Болгарией. Сходство с салтовской культурой проявляется в элементах материальной культуры, таких как поясная гарнитура и коньковые подвески с изображениями конских голов, обнаруженных также в салтово-маяцкой культуре.

Предметы, происходящие, вероятно, из Приуралья (колокольчики, височные подвески, крестовидные подвески, перстни, бубенчики, костыльки, колесовидные и круглые подвески с изображением коня) свидетельствуют о контактах неволинцев с северодонецкой и таманской группами салтовской общности. Влияние салтовского мира прослеживается и в появлении круговой посуды салтовского типа на городищах Лобач и Верх-Сая I.

Рис. 71. Инвентарь неволинской культуры: 1–5 – височные подвески; 6, 9–11, 13–18, 21–23 – подвески; 7 – византийская гирька; 8 – маска-нагубник; 12, 19, 20 – пронизки; 24, 25 – стремена; 26, 30 – боевые проушные топоры; 27–29 – наконечники стрел; 31, 32 – наконечники копий; 33 – сабля; 34 – пояс с накладками, пряжкой, наконечником; 35–38 – сосуды. Масштаб разный. 1, 2, 18, 21, 26–29 – могильник Сухой Лог; 3, 12–16, 19, 32, 38 – Верх-Сая, могильник; 4–6, 11, 17, 23–25, 30, 31, 33–36 – Невolino, могильник; 7, 37 – Верх-Сая I, городище; 8 – Горбунята, могильник; 9 – Броды, могильник; 10, 20, 22 – Бартым, могильник. 1–7, 9–22 – бронза; 8 – золото; 23 – дерево, кожа; 24–33 – железо; 34 – бронза, кожа; 35–37 – глина; 38 – дерево, серебро, золото, сердолик, бронза (Голдина, 2025)

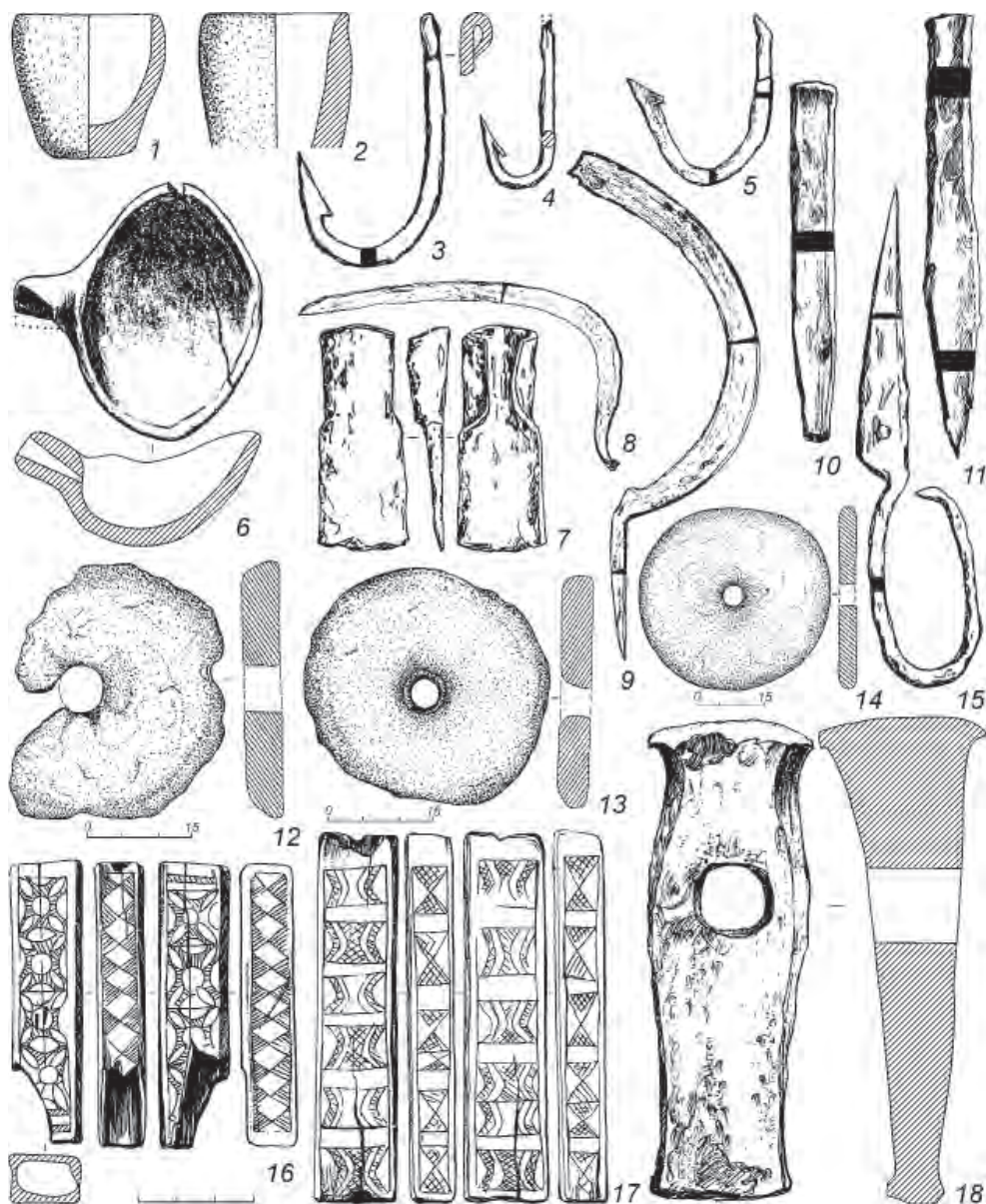

Рис. 72. Верх-Саинское I городище. Бытовые изделия и орудия труда: 1–2 – тигли; 3–5 – рыболовные крючки; 6 – льячка; 7 – мотыжка; 8, 9 – серпы; 10, 11 – зубила; 12–14 – жернова; 15 – обломок ножа; 16, 17 – рукояти; 18 – кузнечный молоток.
1, 2, 6 – глина; 3–5, 7–11, 15, 18 – железо; 12–14 – камень; 16, 17 – кость
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Голдина, 2022)

Волжская Болгария, сформировавшаяся в IX–X вв., включала пермское население ломоватово-неволинско-поломского типа, что подтверждается археологическими находками (украшения, посуда) и антропологическими данными. Процесс переселения пермского населения в Болгарию проходил в несколько этапов начиная с VIII в.

Серебряное блюдо. VI в. н. э. Византия. Д. Бартым Березовского района Пермского края

Серебряная чаша. IV–V вв. н. э.; 272 серебряные византийские монеты Ираклия и Ираклия – Константина, 615 г. Византия. Д. Бартым Березовского района Пермского края

Серебряный кубок. IV–V вв. н. э. Византия. Д. Бартым Березовского района Пермского края

1 – серебряная чаша. III в. н. э. Иран;
2 – серебряная чаша. VIII в. Хорезм;
3 – серебряная чаша. IV–V вв. н. э. Византия.
Д. Бартым Березовского района Пермского края

Рис. 73. Импортные вещи из Бартымского клада
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Голдина, 2022).

Взаимодействие с болгарами, первоначально мирное, сменилось набегами на неволинскую территорию, что привело к перемещению части населения на север и в Волжскую Болгарию.

Неволинская культура, занимая юго-восточную часть финно-пермского мира, стала посредником между степными народами, государствами юга Евразии и пермскими племенами. На ее территории сосредоточились ценные изделия иранского, среднеазиатского и византийского происхождения. Неволинцы, творчески перерабатывая эти влияния, создали уникальную культуру, оказавшую влияние на пермян (коми-пермяков, коми-зырян, удмуртов), угров (хантов, манси, венгров), тюрок (болгар, татар, башкир) и славян (русских).

Ломоватовская культура в конце IV–IX вв. Ломоватовская культура возникла из-за миграции двух групп населения на Верхнюю Каму: племен гляденовской культуры (из Средней Камы) и населения из Западной Сибири. От гляденовской культуры унаследовала костища и керамику, а от западносибирского населения – кур-

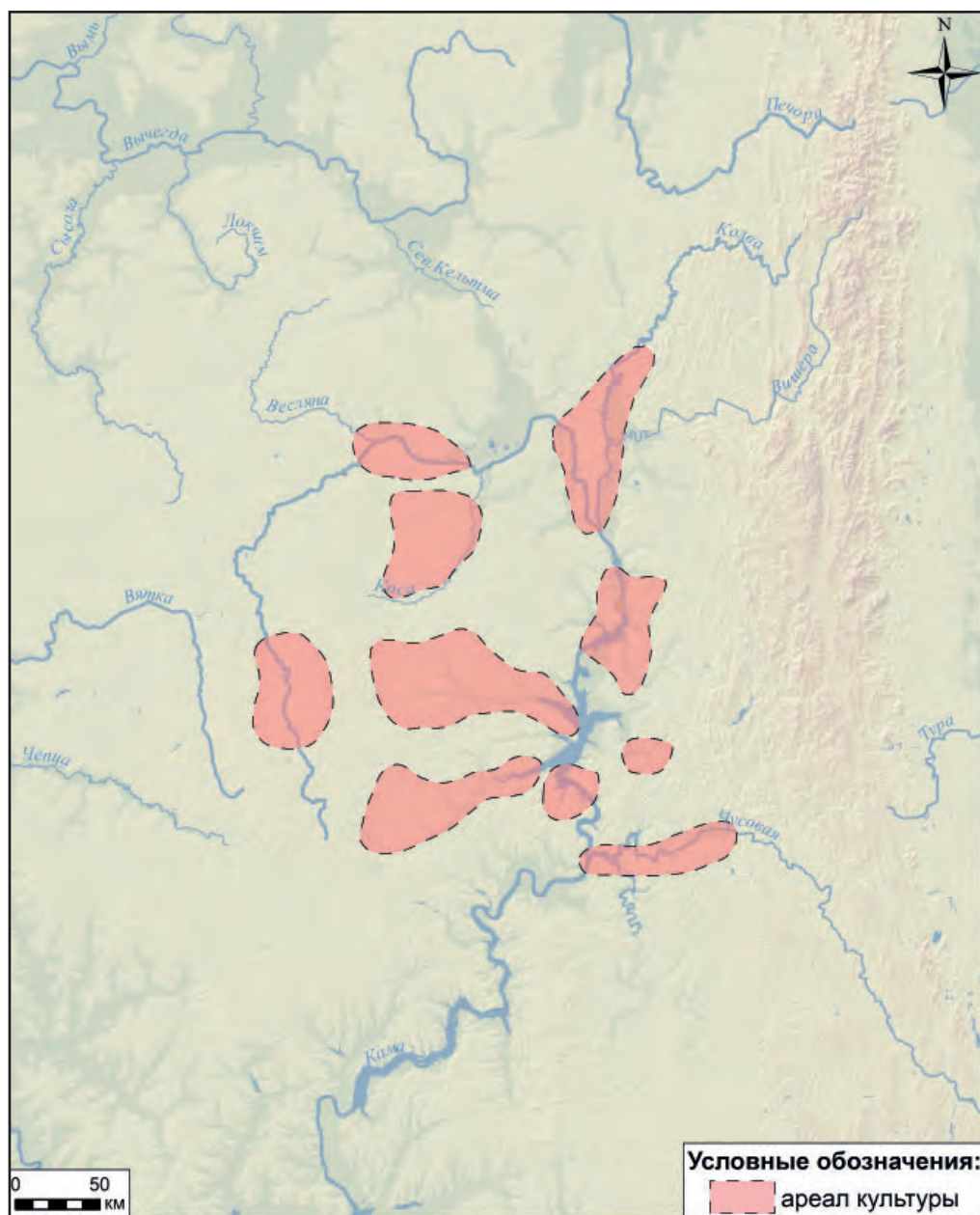

Рис. 74. Ареал ломоватовской культуры (по: Голдиной Р.Д.)

ганные могильники. Миграция из Зауралья в конце IV в. связана с исчезновением гляденовских памятников в Среднем Прикамье.

Ареал занимает бассейн р. Камы от верховьев до устья р. Качки и р. Сюзвы (рис. 74). Выделяют локальные варианты: верхокамский, гайнинский, косинский, вишерско-камский, яйвинско-камский, инвенский, косьвинский, обвинский, туйско-гаревской, чусовской.

К настоящему времени обнаружено более 300 поселений (городищ и селищ).

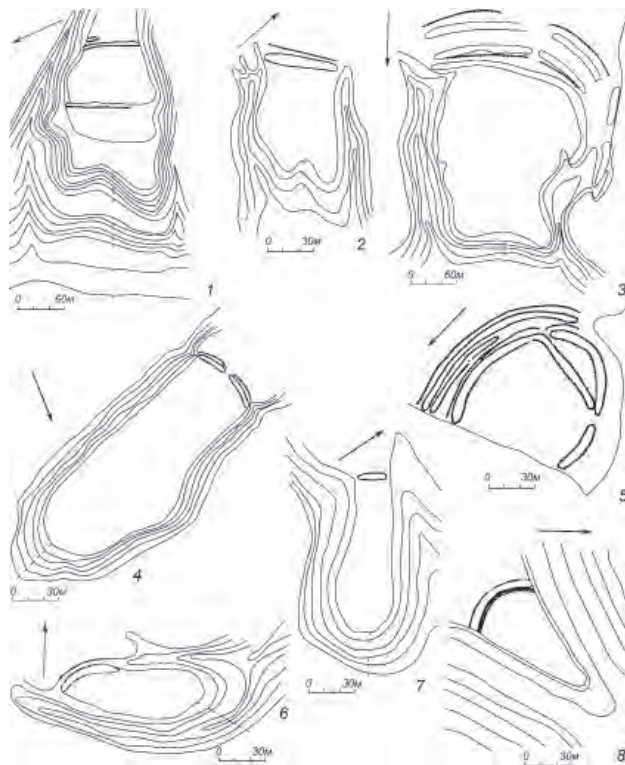

Рис. 75. Планы городищ ломоватовской культуры. 1 – Назаровские; 2 – Сибирское II; 3 – Бутырское; 4 – Меркушевское; 5 – Устин II; 6 – Сибирское I; 7 – Гилевское; 8 – Карчейское (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Голдина, 2022)

Городища располагаются на мысах с крутыми склонами на высоте 6–26 м над поймой и укреплены валами и рвами с напольной стороны. В большинстве случаев городища имели одну линию укреплений, но встречаются и с двумя-тремя. Система защиты Опутятского городища примечательна наличием шести валов и рвов. Реже городища располагались на сплошной береговой террасе. Бисеровское II городище выделяется валом и кольцевым рвом в центре. По особенностям площадок можно выделить одноплощадочные и двухплощадочные (рис. 75: 1) городища. Крупные городища (рис. 75: 3) датируются ранним периодом. Опутятское городище в V в. являлось крупным металлургическим центром. Городища меньшего размера использовались в VII–IX вв. и служили территориальными и производственными центрами.

Селища располагаются на невысоких террасах (2–6 м), небольших возвышенностях, выступах террас, а иногда и в пойме, без четких топографических ориентиров. Площадь селищ варьируется от 2–6 тыс. кв. м до 7–12 тыс. кв. м, за исключением Сибирского II селища (120 тыс. кв. м). Толщина культурных напластований достигает 60–75 см. Внешних признаков сооружений, как правило, не обнаружено. На Сибирском I селище зафиксированы пятна, возможно связанные с жилищами. Время существования селищ охватывает период с V по IX вв.

Выделяются две группы жилищ: комплексы из кострищ, ям и столбовых ямок, образующих площадки трапециевидной или прямоугольной форм, и стационарные наземные или углубленные прямоугольные постройки из бревен.

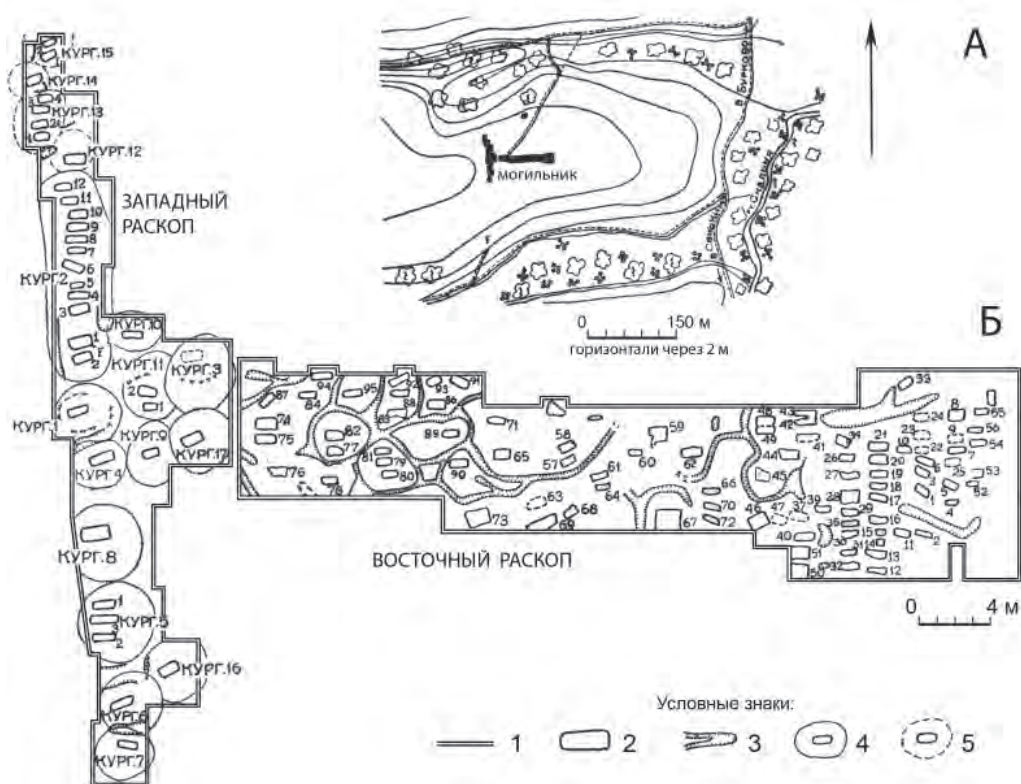

Рис. 76. Бурковский могильник: А – топографический план; Б – план раскопа В.Ф. Генинга; 1 – граница раскопа; 2 – очертания могильных ям; 3 – границы канавок и ям; 4–5 – очертания курганов (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Голдина, 2022)

Могильники делятся на курганные и бескурганные (часто встречаются смешанные). Курганные могильники сооружались с IV по VII в. и располагались группами на возвышенностях. Курганы имели диаметр 4–9 м и высоту до 90 см. Под курганом находилось 3–5 захоронений, выполненных по обрядам трупоположения (рис. 76), трупосожжения в ямах или на древней поверхности. Могильные ямы прямоугольные, иногда с деревянным срубом или гробовищем. Погребенные лежали вытянуто на спине, в могилах найдены украшения и оружие. Бескурганные могильники располагались на террасах. Захоронения не имели внешних признаков и располагались рядами. Использовались обряды трупосожжения и трупоположения. Характерной чертой является наличие фрагментов разбитых сосудов и черепов лошадей в засыпи могил. При трупоположении умершие укладывались вытянуто на спине, в захоронениях встречаются украшения, оружие, посуда и серебряные маски.

Глиняная посуда представлена сосудами с поселений и могильников. Изготавливалась вручную, с примесью толченых раковин, остатков растений, песка или шмота. Цвет серый или красновато-коричневый, поверхность заглажена. По форме – чашевидные приземистые сосуды трех типов: высокие с прямой горловиной; средние с расширением; низкие чаши. Погребальная посуда – сосуды типа 1. Преобладает орнаментация венчиков, использовались оттиски шнура и гребенчатого штампа (рис. 77: 30–32).

Рис. 77. Инвентарь ломоватовской культуры: 1–3 – височные подвески; 4 – костылек; 5 – гривна; 6, 7, 11–14, 16, 24, 25 – подвески; 8 – уздечные накладки; 9 – маска-наглазник; 10, 17, 31 – зооморфные изображения; 15 – пронизка; 18 – антропоморфное изображение; 19, 20 – наконечники стрел; 21 – удила; 22 – копоушка; 23 – составная подвеска; 26 – коробочка; 27 – наконечник копья; 28, 29 – ножны для ножей; 30, 32, 33 – сосуды; 34 – проушный топор. Масштаб разный. 1, 8, 20, 21, 27, 30 – Авериное, могильник; 2, 4, 6, 7, 9, 11, 14–16, 26, 34 – Деменки, могильник; 3, 13, 25, 29 – Урья, могильник; 5, 23 – Агафоново I, могильник; 10, 17, 18, 31 – Пешково, клад; 12 – Шукино, могильник; 19, 28 – Канево, могильник; 22, 24 – Баяново, могильник; 32 – Опутята, городище; 33 – Урья, клад. 1–4, 6, 7, 10–18, 22–26, 31, 33 – бронза; 5, 8, 9, 33 – серебро; 19–21, 34 – железо; 27 – железо, бронза; 28 – дерево, серебро; 29 – дерево, бронза; 30, 32 – глина (Голдина, 2025)

Сасанидское серебряное блюдо с изображением тигра у дерева. I-я пол. VII в. Найдено в 1907 г. у д. Климовой Кудымкарской волости (по К.В. Тревер и В.Г. Луконину)

Бронзовая культовая пластина с изображением головы медведя, р.Кын, Лысьвенский район Пермского края. IV–V вв. (по В.А. Оборину и Г.Н. Чагину)

Сасанидское серебряное, частично позолоченное, блюдо с изображением Шапура III и леопарда. IV в. Найдено в 1907 г. у д. Климовой Кудымкарской волости (по К.В. Тревер и В.Г. Луконину)

Бронзовая культовая пластина с изображением всадника на коне-лосе. Под ногами коня десять голов ящеров. Верхний ряд образуют семь голов досей и собака. V–VI вв. Верхнее Прикамье (по В.А.Оборину и Г.Н.Чагину)

Сасанидская серебряная бутыль с изображением пяти женских фигур. V–VI вв. Найдена в 1896 г. у д. Кватъ-Пелева Верх-Иньвенской волости (по К.В. Тревер и В.Г.Луконину)

Бронзовая культовая пластина с изображением стоящей на ящере трехликой крылатой богини. VIII–IX вв. Д. Усть-Канб, Чердынского района Пермского края (по В.А.Оборину и Г.Н. Чагину)

Рис 78. Изделия из кладов ломоватовской культуры (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Голдина, 2022)

На городищах и селищах обнаружены украшения, предметы быта, оружие, орудия земледелия и металлопроизводства, что позволяет составить представление о различных аспектах жизни населения (рис. 77).

Клады делятся на три группы: клады с украшениями, клады с блюдами и клады с культовыми предметами. Клады с украшениями обнаружены в северных районах ломоватовской культуры и состоят из ценных украшений и монет. Клады с блюдами содержат импортную металлическую посуду (блюда, чаши, кувшины) и часто сопровождаются монетами V–VI вв. Культовые предметы представлены изображениями, найденными в кладах у д. Пешковой и с. Редикор. В Пешковском кла-

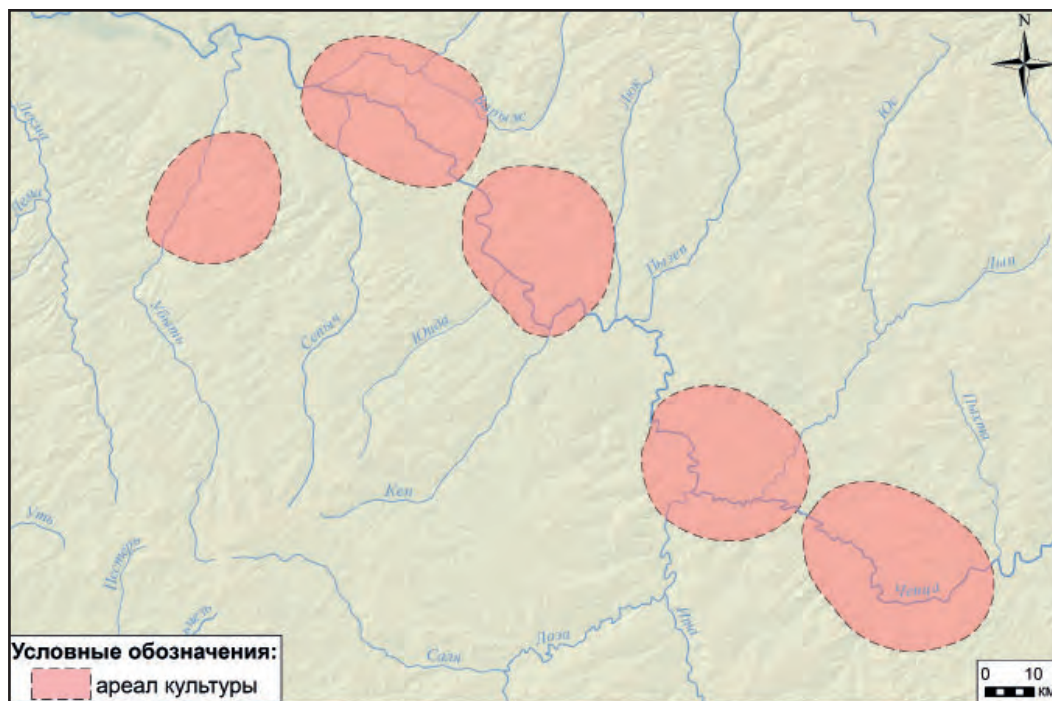

Рис. 79. Ареал поломской культуры (по: Голдиной Р.Д.)

де обнаружены бронзовые пластины с изображениями человеколось и животных, предположительно служившие украшениями ритуальной одежды шаманов или при жертвоприношениях (рис. 78). Отдельно выделяют костыща – места находок костей животных, керамики, украшений и других артефактов.

Существует мнение о преемственности ломоватовской культуры и современных коми-пермяков.

Поломская культура в конце IV–IX вв. Поломская культура располагалась преимущественно по правобережью верхнего течения р. Чепцы (рис. 79). Существуют разные теории о происхождении этой культуры, связывающие ее с выходцами с Верхней Камы, Вятки или гляденовцами, с включениями мазунинского и позднеазелинского населения. Вторая точка зрения предполагает, что основу культуры составляло автохтонное пермское население – преимущественно ломоватовское (коми-пермяцкое) и еманаевское (удмуртское). Связь поломской культуры с ломоватовской подтверждается и антропологией (сходство с черепами из Деменковского могильника), при этом отмечается и азелинский компонент.

К настоящему времени известно около 100 памятников (городища, селища, могильники и клады) поломской культуры. Памятники располагались преимущественно по правобережью верхнего течения р. Чепцы от с. Дебессы на востоке до с. Адам на западе. Протяженность территории с востока на запад – 120 км, с юга на север – около 80 км.

На территории поломской культуры преобладали городища, что указывает на повышенные меры безопасности. В VI–VIII вв. процент городищ был особенно высок. В IX в. возросла нестабильность, подтверждаемая находками кладов.

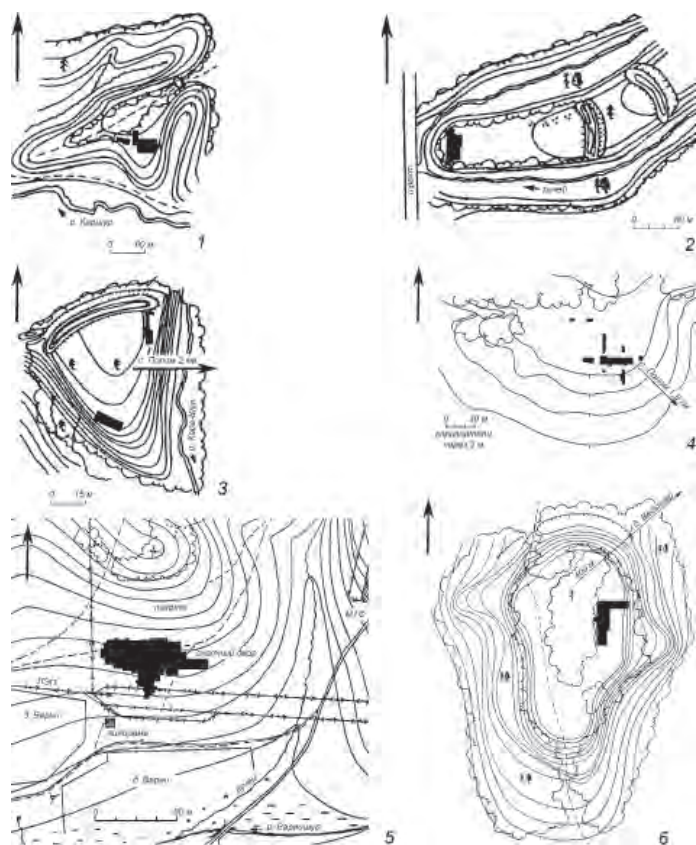

Рис. 80. Планы памятников полумской культуры: 1 – план Варнинского I городища; 2 – план Полумского II (Гыркесшур) городища; 3 – план Полумского I (Каравалес) городища; 4 – Аммональский склад I селище; 5 – план Варнинского могильника; 6 – план Весьярского городища (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Голдина, 2022)

Городища располагались на труднодоступных мысовидных холмах с крутыми склонами, часто достигающих значительной высоты. Форма площадок определялась природной конфигурацией мысов (треугольные, овальные, прямоугольные и др.). Основная масса городищ одноплощадочные с одной линией обороны (вал и ров), реже двухплощадочные (рис. 80). Валу представляли земляную насыпь с частоколом. Рвы сохранились хуже. Часто проводились подсыпка площадки и подрезка склонов.

Мощность культурных остатков зависела от наклона площадки. Преобладали небольшие городки. В каждой территориальной группе был административный центр – городище большей площади.

Наряду с городищами существовали селища, число которых увеличилось в IX в. Основные находки – обломки посуды, кости животных, предметы быта, украшения. Исследованы наземные срубные жилища без фундамента, с очагами на полу или глинобитным/каменным основанием (рис. 81: 2, 4), хозяйственные ямы. Обнаружены также амбары, сараи, хлева, культовые постройки (рис. 81: 1, 3). Полумские жилища имеют много общего с домостроительными традициями ананьинско-гляденовского населения.

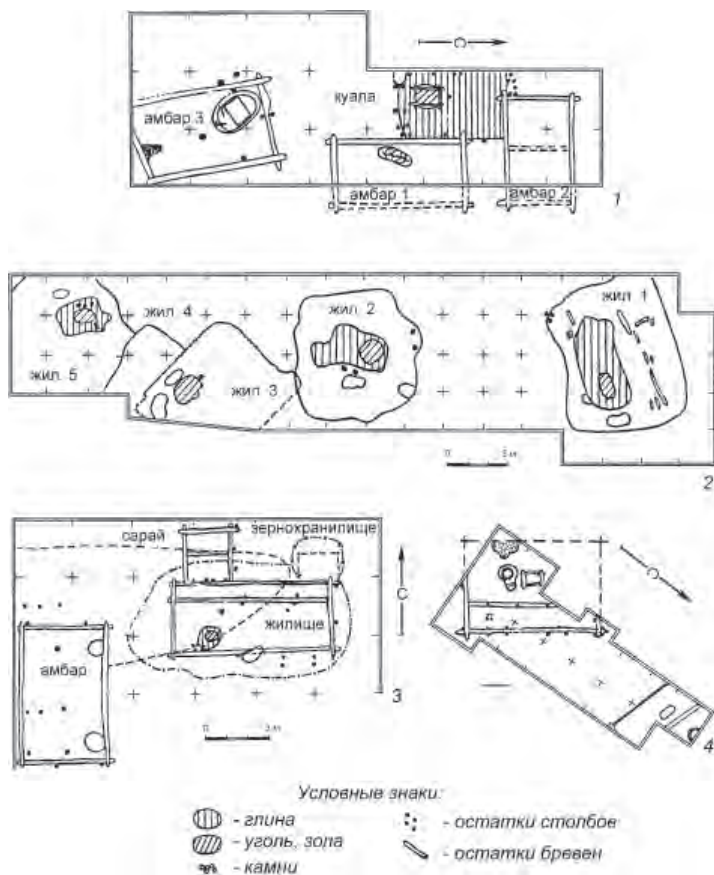

Рис. 81. Планы жилищ полумской культуры. 1 – планы построек Полумского II городища; 2 – планы построек Полумского II городища; 3 – план объектов раскопа II Варнинского I городища; 4 – план раскопа селища Аммональный склад I (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV/ Голдина, 2022)

Глиняная посуда – яркий признак полумской культуры – известна как по могильникам, так и поселениям (рис. 83: 24, 25). Тесто содержит добавки толченой раковины, иногда растительных остатков, реже песка. Посуда отличается низкими пропорциями, округлым дном и приземистостью; горшковидные формы отсутствуют. Распространены чаши с округлым туловом и разными вариантами профилировки верхней части. На поселениях много чаш без шеек, интересны прямостенные чаши. В могильниках преобладают округлобокие чаши с выраженной отогнутой шейкой. Поселенческая посуда чаще (74,3%), чем погребальная, украшена по венчику насечками, гребенчатым штампом и защипами. Погребальная посуда в большинстве случаев украшена по шейке оттисками шнура и фигурными штампами. Поселенческая посуда характеризуется как гребенчато-шнуровая или шнурово-фигурно-штампованная, погребальная – как шнурово-фигурно-штампованная. Фигурные штампы (треугольник и квадрат) имеют прикамское происхождение и связаны с местными традициями, усложняя гребенчатый штамп.

На исследованных могильниках изучено более 1000 захоронений. Некрополи занимали возвышенные площадки мысов или их склоны. Все объекты расположены

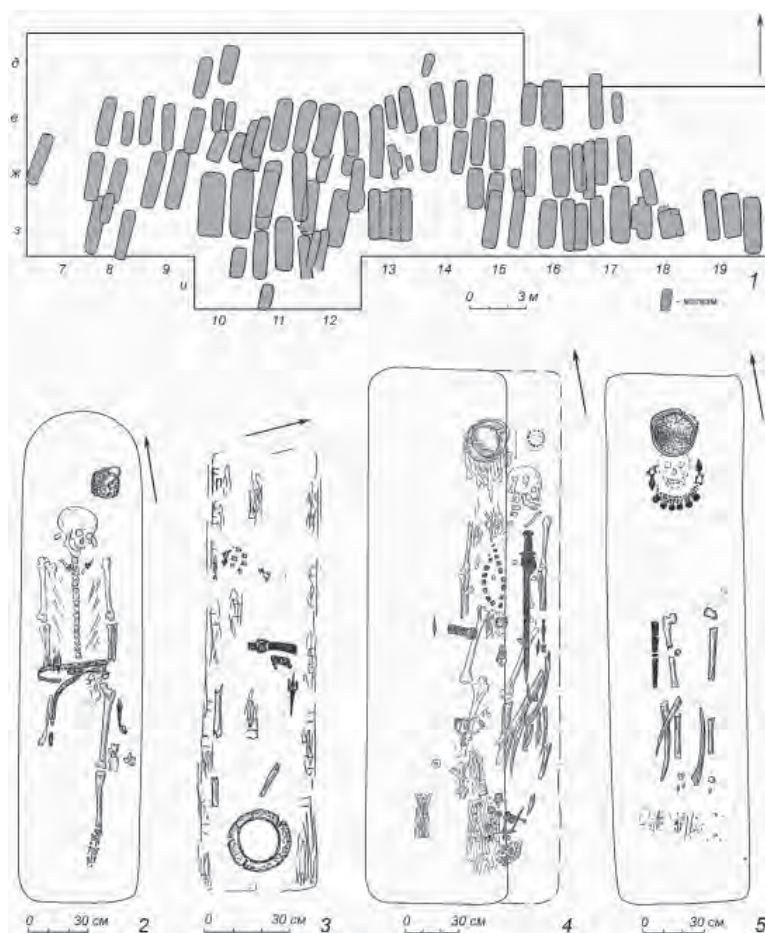

Рис. 82. Могильник Мыдлань-шай: 1 – план раскопа; 2 – план погр. 11; 3 – план погр. 41; 4 – погр. 50; 5 – план погр. 74 (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Голдина, 2022)

на берегах р. Чепцы. Могильники полоумского времени находились поблизости от поселений, обычно на соседнем мысу. Как правило, расстояние между могильником и поселением не превышало 0,2–0,5 км.

Могильники занимают большие площади и содержат множество захоронений. Захоронения располагались рядами с высокой плотностью могил. Могилы прямоугольной формы. Присутствуют внутримогильные конструкции: дощатые гробы, берестяные подстилки.

Основной способ погребения – труположение на спине (рис. 82: 2, 5). Ориентировка погребенных различна. В могилах много вещей (89,5% могил с инвентарем). В женских захоронениях – височные подвески, браслеты, перстни, пояса, ножи, шилья; в мужских – браслеты, пояса, ножи, конская упряжь, оружие. Инвентарь расположен как при жизни (рис. 83).

Характерны «жертвенные комплексы»: височные подвески, бусы, пояса, шилья, пряслица, ножи, браслеты, перстни, размещаемые в берестяных сосудах в изголовье (рис. 82: 4), у ног, в нише. Топоры, ножи и наконечники стрел вне гроба также выступали погребальными дарами.

Рис. 83. Инвентарь поломской культуры: 1, 5, 7, 10–13 – подвески; 2 – составная подвеска; 3, 4 – височные подвески; 6, 8 – пронизки; 9, 24, 25 – сосуды; 14, 15 – наконечники стрел; 16, 17, 22 – наконечники копий; 18 – боевой проушный топор; 19, 21 – ложки; 20 – удила; 23 – меч; 26 – стремя. Масштаб разный. 1–11, 13, 19, 20, 22, 23, 26 – Варни, могильник; 12, 14–18, 21, 24, 25 – Мыдланьшай, могильник. 1–8, 10–13 – бронза; 9 – дерево, бронза; 14–18, 20, 22, 23, 26 – железо; 19, 21 – кость; 24, 25 – глина (Голдина, 2025)

В могилах встречаются глиняные сосуды, железные и бронзовые котелки, берестяные и деревянные сосуды с костяными и деревянными ложками. В сосуды клали напутственную еду (мясо крупного рогатого скота, ребе – лошадей и др.). Черепа, челюсти, зубы, кости животных в засыпи символизировали животное, которое должно служить хозяину на том свете.

Случайные находки и клады немногочисленны. Известны Ягошурский, Седьярский, Глазовский клад монет и вещей. Лесогуртский клад содержал пластины, гривны, шкатулку и монеты (самая поздняя 841–842 г. н. э.). Большинство кладов находилось на левобережье р. Чепцы, датируются IX в. В составе поломских кладов отсутствуют предметы восточного импорта III–VII вв.

В результате их дальнейшего социально-экономического развития в X в. они трансформировались в чепецкую культуру (X–XIII вв.).

Еманаевская культура (VI–IX вв.). Незначительное количество археологических источников VI–VII вв. в Вятском крае затрудняет однозначную интерпретацию их культурной принадлежности. Согласно одной точке зрения, вятские могильники являются поздне- или постазелинскими, формирующими поздний этап азелинской культуры. С точки зрения других исследователей, раннесредневековые могильники вместе с синхронными и культурно близкими поселенческими памятниками, занимающими компактную территорию бассейна р. Вятки и верховья рр. Илети, Кокшаги, выделяют в самостоятельную еманаевскую археологическую культуру, сформированную на позднеазелинской платформе.

Памятники еманаевской культуры территориально охватывают бассейн р. Вятки с право- и левобережными притоками, верховья рр. Большой, Малой Кокшаги и Илети – левобережных притоков марийского течения р. Волги (рис. 84). Существует точка зрения, что на Еманаевском и Ижевском городищах проживало древнемарийское население.

Городища еманаевской культуры (Буйское, Скорняковское, Еманаевское, Ижевское) – мысовые, расположены на террасах рек. Оборонительные системы включали вал-ров и укрепления склонов. На Буйском и Скорняковском городищах использовались модернизированные ананьинско-пьяноборские фортификации. Валы укреплялись глиной, щебнем, камнями, прокаленной глиной (Буйское), чередованием слоев рыхлого и плотного грунта (Скорняковское) (рис. 85).

На городищах не выявлено жилых комплексов. На Буйском городище возможно использование пьяноборского жилища под средневековую срубную постройку. Изучены производственные комплексы, связанные с металлургией (железные орудия, тигли, льячки, шлаки, производственные площадки и др.). На Буйском городище зафиксирована производственная зона вдоль привальной полосы. Изучены производственные сооружения (легкие наземные столбовые постройки), двухкамерная постройка земляночного типа.

Погребальные памятники еманаевской культуры – небольшие грунтовые могильники, содержащие от 30 до 80 захоронений, расположенные вблизи водоемов (рис. 86: 1, 2). Захоронения совершались в простых подпрямоугольных ямах с закругленными углами (рис. 86: 3–7). В Тат-Боярском могильнике зафиксированы ниши-выступы в стенках могил для жертвенных комплексов (рис. 86: 4, 5). Использование ниш, вероятно, имеет корни в позднеазелинском этапе (Суворовский, Нармонский, Рождественский V, Арзобеяльский, Мари-Луговской могильники). Глубина погребений варьируется и коррелирует с количеством инвентаря. В качестве внутримогильных

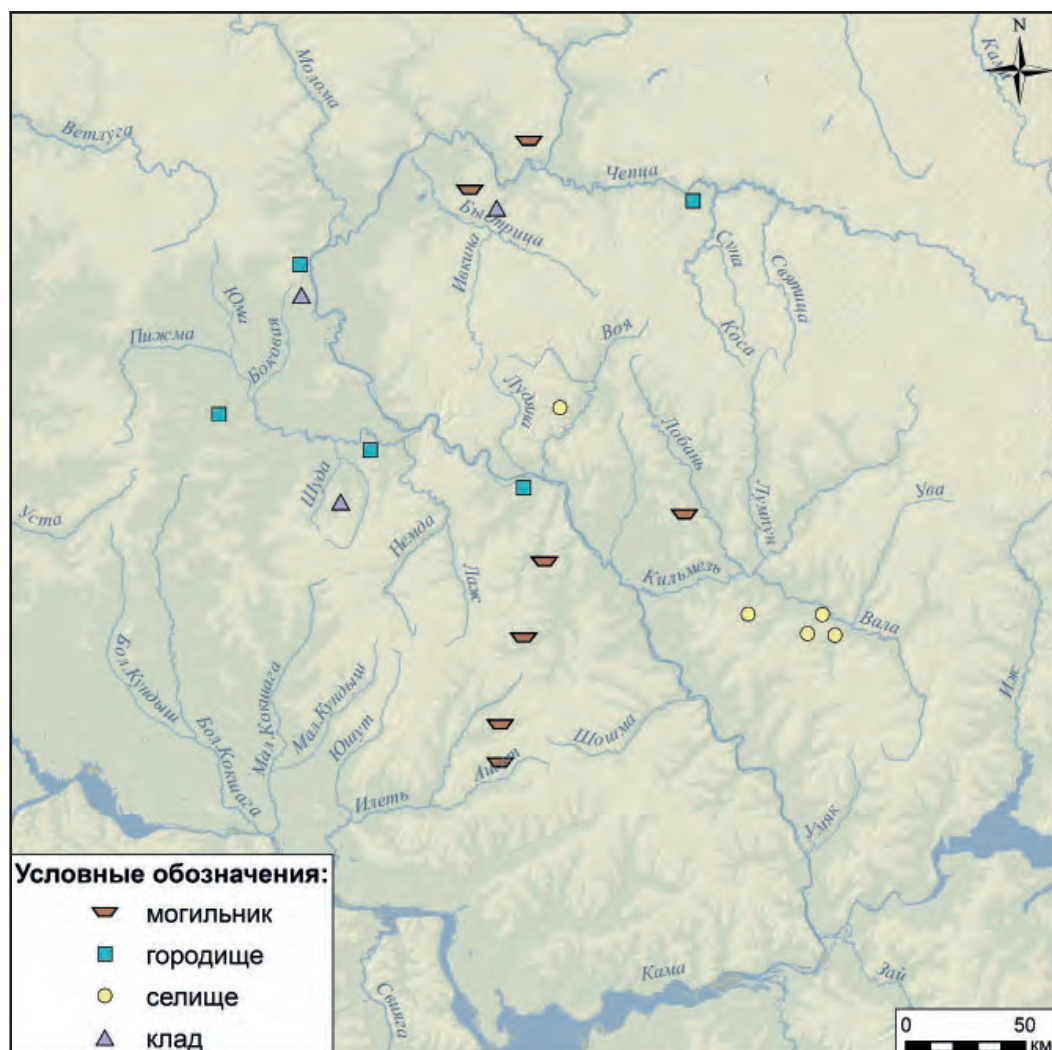

Рис. 84. Памятники еманаевской культуры (по: Лещинской Н.А.)

конструкций использовались деревянные гробовища (рис. 86: 7) и колоды (рис. 86: 6).

Захоронения совершались по обряду ингумации с вытянутым положением тела на спине и просеверной ориентацией. В Тат-Боярском могильнике обнаружен кено-таф (рис. 86: 5).

Вещевые комплексы сопровождали большинство погребений, среди которых преобладают украшения. Для мужского костюма характерны гривны с пронизью, ажурно-прорезные бляшки, кольцевые застёжки, сьюльгамы, браслеты и перстни, пряжки, накладки и наконечники.

Женский костюмный комплекс имеет параллели с позднеазелинскими материалами: эполетообразные застёжки, уточки-пронизы, многозвеньевые бляшки, шумящие подвески. Новый комплекс украшений включает височные гарнитуры головного убора из височных колец с подвесками (рис. 87: 6) или кожаных ремешков с наклад-

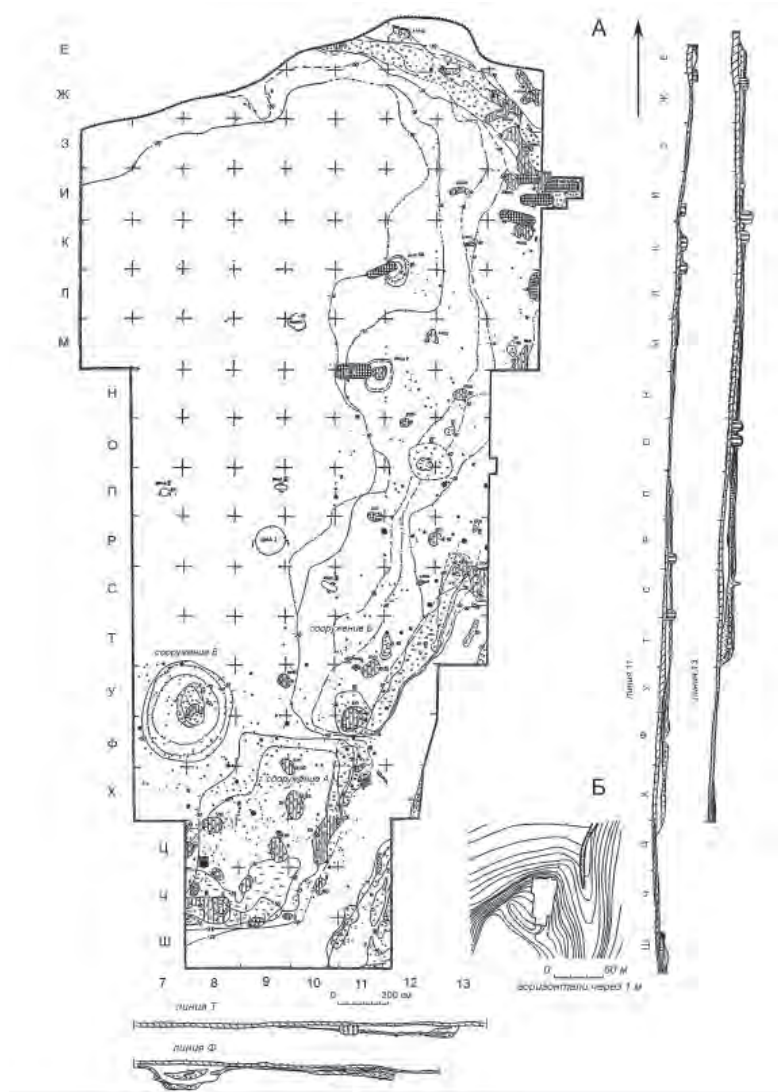

Рис. 85. Еманаевское городище: А – общий план раскопа; Б – топографический план памятника (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Лещинская, 2022).

ками, парные шумящие подвески (рис. 87: 9), крупные бляхи-застежки с ажурным краем и застежки с шумящей гарнитурой, наборные украшения из мелких подвесок на ремешке. В погребениях VIII в. появляются штампованные изделия. Новым элементом становятся подвески-лунницы (рис. 87: 25, 26). Костюм дополняли бусы, гривны, перстни, браслеты.

В мужских захоронениях часто встречаются ножи, орудия труда (топоры, скребки, ложки, косы-горбуши, шилья, долота), оружие (наконечники копий, стрел, мечи, кинжалы, удила).

Глиняная посуда встречается чаще, чем в азелинских некрополях; крупнейшая коллекция – в Тат-Боярском могильнике, где фрагменты посуды найдены в 42,6% погребений, преимущественно в засыпи могильной ямы. Фрагментированная по-

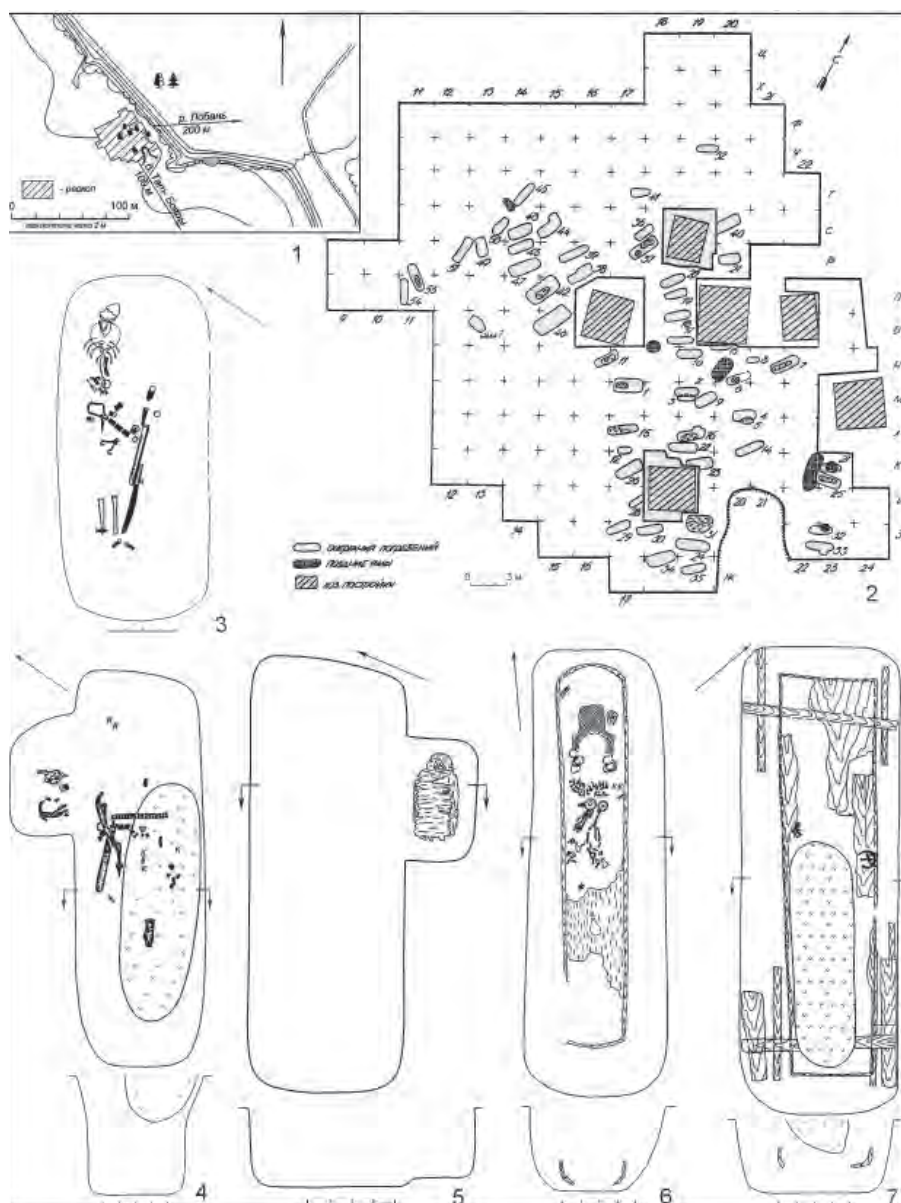

Рис. 86. Тат-Боярский могильник VI–VIII вв.:
1– топографический план; 2– план раскопа; 3–7– планы погребений № 4, 16, 33, 51, 53
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Лещинская, 2022)

суда, вероятно, связана с поминальным ритуалом. Керамика представлена лепными чашевидными сосудами с округлым туловом, блоковидной горловиной и низкой шейкой. Примеси в тесте: органика, песок, шамот. Орнамент: псевдорезная техника, шнуровая и гребенчатая орнаментация, реже – ямочная (рис. 87: 12–14). С рубежа VII–VIII вв. меняются пропорции сосудов (приземистые формы), увеличивается доля неорнаментированной посуды. Керамика близка к «прикамскому» ареалу древнепермского этнокультурного массива.

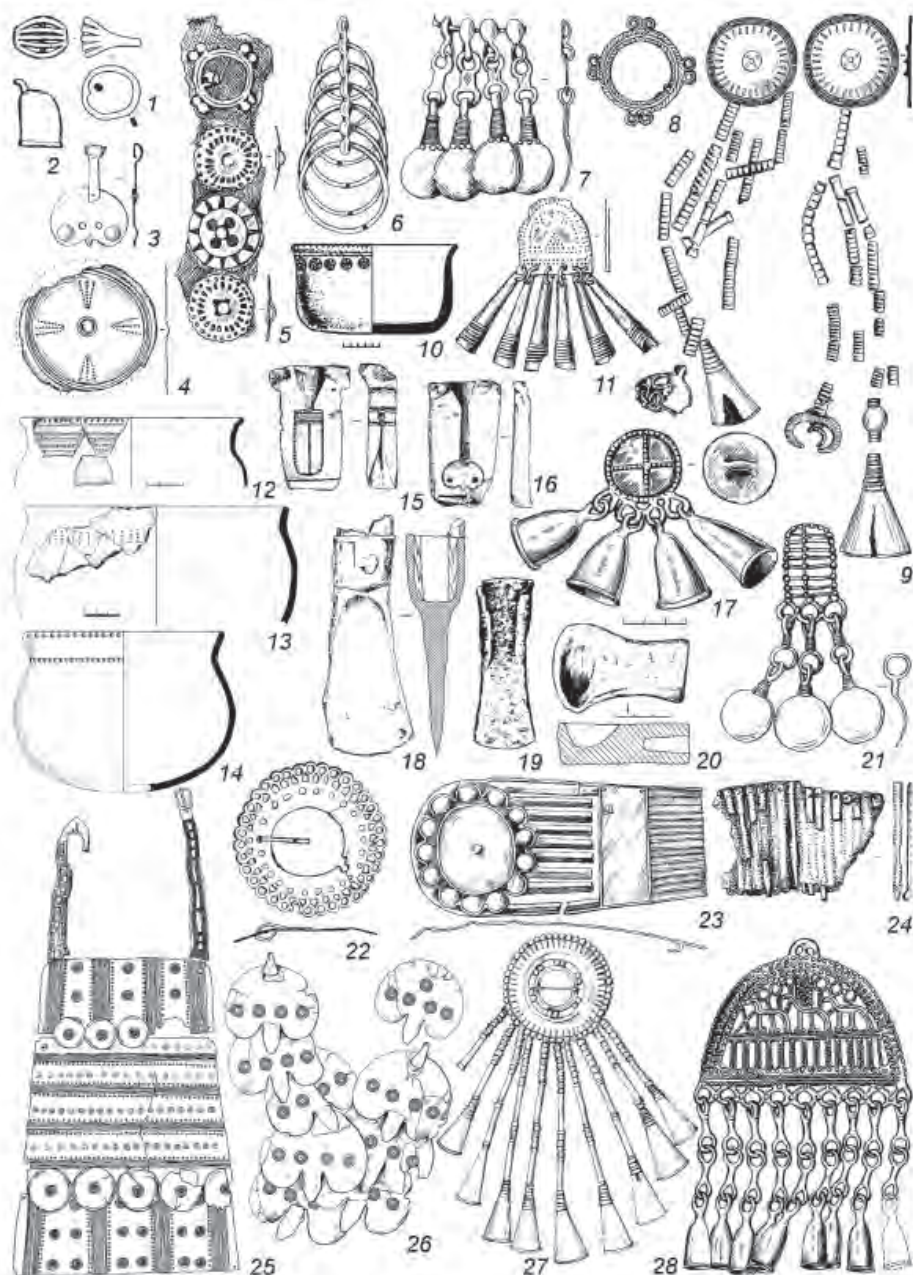

Рис. 87. Инвентарь еманаевской культуры: 1 – перстень; 2 – пронизка; 3, 7, 11, 17 – подвески; 4 – бляха; 5 – фрагмент ткани с сюльгамой и бляшками; 6 – височная подвеска; 8, 22, 23, 27 – застёжки; 9, 21, 28 – шумящие подвески; 10, 12–14 – сосуды; 15, 16 – литейные формы; 18 – топор; 19 – тесло; 20 – льячка; 24 – фрагмент пояса; 25 – нагрудник; 26 – нагрудное украшение. Масштаб разный. 1–9, 11–14, 17, 18, 21–28 – Тат-Боярский могильник; 10, 19, 20 – Еманаевское городище; 15, 16 – Буйское городище. 1–3, 6–9, 11, 17, 21–23, 27, 28 – бронза; 4, 25, 26 – серебро; 5 – ткань, бронза; 10, 12–14, 20 – глина; 15, 16 – камень; 18, 19 – железо; 24 – кожа, бронза (по: Голдина, 2025)

В засыпи могил, помимо фрагментов посуды, находили небольшое число украшений и фрагменты железных предметов. Возможно, существовал ритуал намеренной деформации вещей.

Характерны жертвенные комплексы, размещенные в берестяных емкостях в нишах, чаще сопровождают мужские захоронения. В жертвенных комплексах женских захоронений встречаются головные и шейно-нагрудные украшения. В мужские наборы входили орудия труда (скобель, ложкарь, серп, шило, наконечник копья, удила), браслеты, пронизи, гривны, элементы поясной гарнитуры.

В верхней части засыпи могил часто находят кальцинированные кости и зубы животных, что, вместе с фрагментированной посудой, говорит о проведении тризн. Важную роль играл «культ огня», о чем свидетельствуют углистые пятна и угли в заполнении могильных ям.

Основу хозяйства средневекового населения бассейна р. Вятки составляло скотоводство (преобладали МРС и лошади, позднее – в равной пропорции КРС, МРС и лошади). Сохранялась роль охоты (лось, бобр, северный олень, медведь, косуля). На Еманаевском городище преобладала свинья.

Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, предполагается наличие земледелия (косы-горбуши, серп, втульчатые тесла, топоры). Вероятно, использовалось подсечное земледелие с ручной обработкой земли.

Металлургическое производство получило развитие (крупные производственные площадки, специализированные поселки металлургов). Основным кузнечным сырьем было кричное железо и сырцовая сталь. Еманаевские кузнецы соответствовали общему развитию кузнечного ремесла прикамских культур.

Цветная металлургия обеспечивала спрос на бронзовые украшения. Местные изделия выполнены из оловянистых бронз и сплавов на их основе с присадками цинка, свинца, никеля и мышьяка.

Вятский край являлся зоной активных этнокультурных и торговых связей. Население взаимодействовало с древнепермским ломоско-ломоватовским, поволжско-финским и центральноазиатским мирами, а также с именьковскими племенами. Это выражалось в заимствовании культурных элементов, распространении определенных типов изделий (украшений, керамики), а также возможном обмене технологиями в земледелии и металлообработке. В финале еманаевской культуры происходило взаимодействие между различными этническими группами: западными группами древних пермян, древних марийцев, позднее древнерусским населением.

Могильники безводнинско-ахмыловского типа (V–VIII вв.). Погребальные памятники окского устья середины – третьей четверти I тыс. н. э. ранее не рассматривались как единая культурная традиция из-за небольших масштабов раскопок и периферийного положения.

Развернутое обоснование возможности объединения безводнинско-ахмыловских памятников в рамках своеобразной культурной традиции было предложено в начале 2000-х гг.

Археологические объекты безводнинско-ахмыловского круга из-за малого числа известных могильников, небольшого количества изученных комплексов и сходства с соседними культурами сложно однозначно отнести к определенной культурной группе. «Ядро» составляют Безводнинский, Желтухинский и Подвязьевский могильники, определяющие центральную часть культурного ареала в районе устья

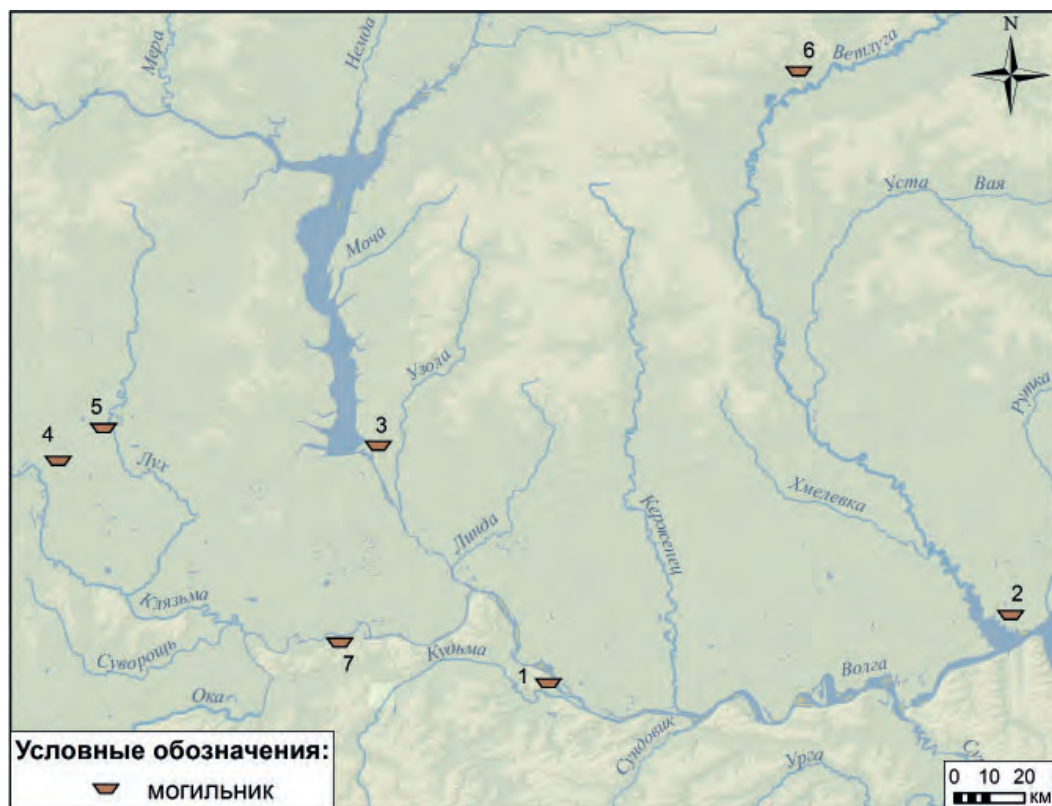

Рис. 88. Моги́льники безводнинско-ахмыловского круга:
1 – Безводнинский; 2 – Младший Ахмыловский; 3 – Желтухинский; 4 – Кочкинский;
5 – Холуйский; 6 – моги́льник на Чортовом городище; 7 – Подвязьевский
(по: Грибову Н.Н.)

р. Оки. Периферийная часть представлена памятниками, имеющими общие черты с центральными. Моги́льники тяготеют к порубежным районам на стыке Средней и Верхней Волги и Среднего Поволжья и Нижнего Поочья. Безводнинско-ахмыловские моги́льники располагаются в основном в долинах Волги и Оки (рис. 88).

Наиболее представительные комплексы происходят из Кочкинского, Безводнинского, Младшего Ахмыловского, Желтухинского и Подвязьевского моги́льников. Рядом располагаются слабоизученные или утраченные моги́льники: Холуйский, моги́льник на Чортовом городище, Юльяльский и Гавриловский.

Кочкинский моги́льник (Ивановская область) был обнаружен в 1956 г. и исследован в 1959, 1961, 1962 гг. на площади 540 кв. м. В результате раскопок выявлено 34 человеческих погребения, девять погребений животных, две кремационные ямы и около 20 кострищ. Среди погребальных обрядов преобладали ингумации, отмечены также трупосожжения, вторичные захоронения и кенотафы. В составе погребально-инвентаря найдены височные кольца, головной жгут, гривны, скульгамы, крестовидная фибула и поясная пряжка со стилизованной головой животного.

Младший Ахмыловский моги́льник (Республика Марий Эл) исследовался с 1960-х гг. Площадь раскопок – около 1300 кв. м. Изучено 75 захоронений. Преобладали одиночные ингумации, около 20% – кремации, 5,3% – кенотафы. Конских

погребений не встречено, но обнаружены следы от лошадиных черепов. В могилах найдены угли, следы деревянных покрытий/подстилок. Среди инвентаря – поясные наборы, железные мечи, височные дровяные кольца, головные венчики. Ранее могильник относили к азелинской культуре, но это было оспорено. Датируется второй половиной VI–VII вв.

Безводнинский могильник (Нижегородская область) открыт в 1970 г., исследован почти полностью (3500 кв. м). Обнаружено 169 могил: 91 труположение, 27 трупосожжений, 21 вторичное захоронение, 11 без следов захоронений, 21 конское погребение. Преобладала рядовая планировка. Обнаружены ритуальные ямы, уголь/зола в могилах, следы деревянных конструкций. В мужских погребениях – оружие, в женских/детских – глиняные сосуды (рис. 89).

Желтухинский могильник (Нижегородская область) открыт в 1974 г., полностью раскопан (340 кв. м). Исследовано 24 могилы: восемь труположений (два с конем), четыре трупосожжения, три вторичных погребения, девять кенотафов. Преобладала северо-восточная ориентация. Найдены головной жгут/венчики, нагрудные бляхи, наконечник, фибулы, сьюлгамы, височные кольца, поясная пряжка.

Подвьязевский могильник (Нижегородская область) открыт в 1959 г., стационарные раскопки проводились в 2012–2015 гг. (282 кв. м). Исследовано 59 погребений: ингумации, кремации, вторичные погребения, конские погребения. В расположении могил отмечены ряды, группы, ярусы. Обнаружены следы деревянных настилов. Датируется серединой III – первой половиной VIII вв.

Выделяют три типа расположения: на высоких мысах коренных берегов (Безводнинский, Подвьязевский, Желтухинский), на низких надпойменных террасах (Младший Ахмыловский, Гавриловский) и на водоразделах рек (Кочкинский, Холуйский).

Основными культурными признаками являются: широкое использование браслетообразных височных колец (рис. 91: 1, 2), головных жгутов (рис. 90: 28; 5: 10) и венчиков (рис. 91: 9), конские погребения без инвентаря, лепная плоскодонная керамика (рис. 91: 18) и сьюлгамы (рис. 91: 3, 4). Также встречаются наконечники (рис. 91: 9) и нагрудные бляхи (рис. 91: 5). Характерны человеческие кремации.

Отличия от соседних культур: отсутствие височных подвесок в виде стерженька, грузика и спиральки, как у мордвы; большее распространение браслетообразных височных колец, наличие головных жгутов и конских погребений в сравнении с рязано-окскими могильниками; плоскодонная посуда и специфика конских захоронений, широкое распространение сьюлгам и красных пастовых бус, украшения женских голов по сравнению с прикамскими финнами. Есть общие черты с финскими памятниками: обряды заворачивания тела умершего в луб и «обезвреживания», деревянные настилы в могилах и тризны, «женские дары» в мужских могилах, железные шилья и керамические пряслища среди инвентаря.

Были выделены пять культурно-хронологических групп: первая (середина III – первая пол. IV вв.) (рис. 90: 1–13), вторая (вторая пол. IV – середина V вв.) (рис. 90: 14–29), третья (вторая пол. V – первая пол. VI вв.) (рис. 91), четвертая (вторая пол. VI–VII вв.) (рис. 92: 1–10) и пятая (конец VII – первая пол. VIII вв.) (рис. 92: 11–17).

Поселенческие памятники, связанные с безводнинско-ахмыловскими могильниками, малочисленны и изучены недостаточно. Маркером таких поселений являются фрагменты лепных сосудов с примесью дресвы. Селища располагаются на водораз-

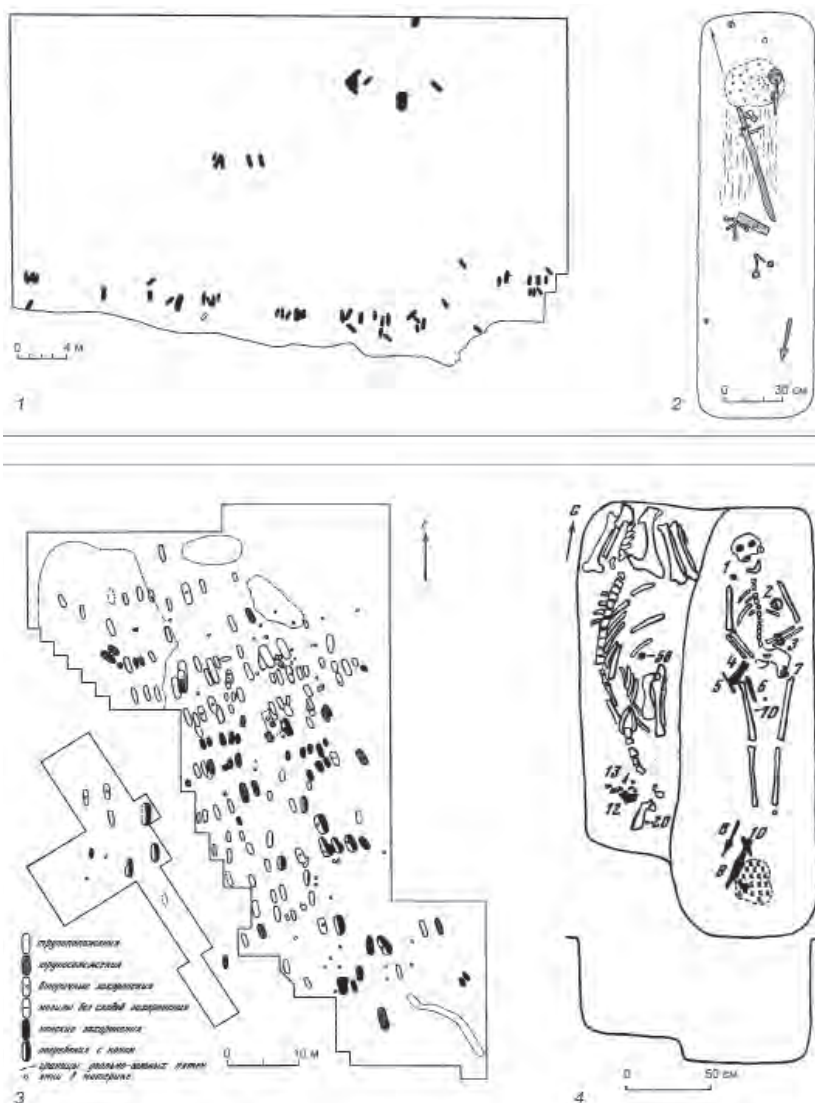

Рис. 89. Планы безводнинско-ахмыловских могильников (1, 3) и отдельных погребений (2, 4): 1 – раскопанная часть Младшего Ахмыловского могильника; 2 – трупосожжение (погр. 128), Младший Ахмыловский могильник; 3 – раскопанная часть Безводнинского могильника; 4 – парное погребение с конем (мужское трупоположение с женской кремацией, погр. 54/55), Безводнинский могильник (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Грибов, 2022)

делах правого берега Оки и Волги, на берегах малых рек, их размеры не превышают 1,5 га. Обнаружены следы освоения поймы.

Судя по конским погребениям, костям домашней свиньи, остаткам шерстяной одежды и приуроченности могильников к поймам, в хозяйстве важную роль играло скотоводство, особенно коневодство.

Предки населения с безводнинско-ахмыловскими традициями появляются в западной части ареала в позднеримское время – не позднее середины – второй пол. III в. Их связывают с грунтовыми погребениями того периода на

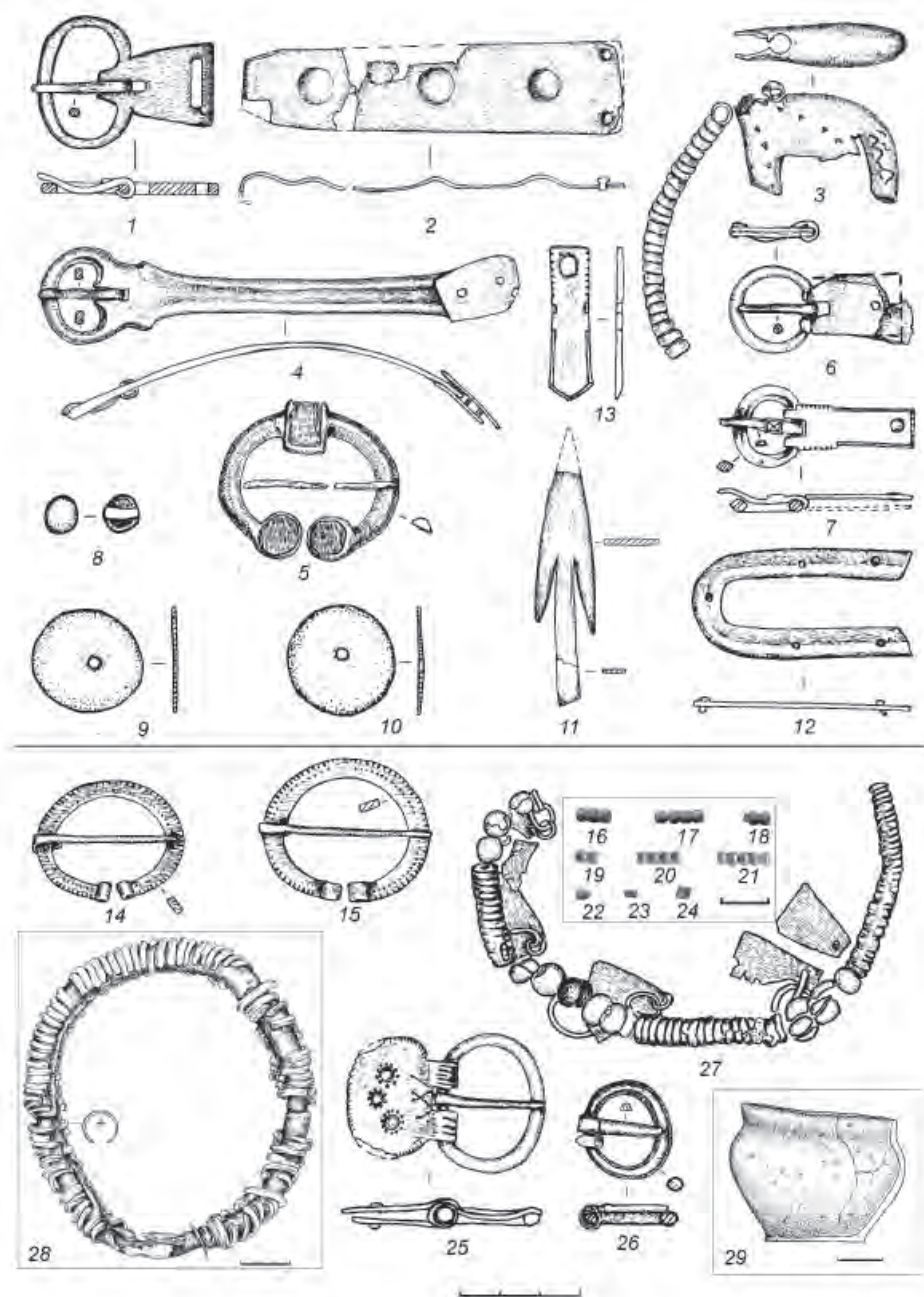

Рис. 90. Памятники безводнинско-ахмыловского круга. Подвyezhevский могильник. Инвентарь первой (1–13) и второй (14–29) культурно-хронологических групп погребений: 1, 4, 6, 7, 25, 26 – пряжки, 2 – обойма, 3, 13 – подвески; 5 – фибула с эмалью; 8 – бляшка; 9, 10 – бляхи; 11 – наконечник стрелы; 12 – наконечник ремня; 14, 15 – сольгамы; 16–18, 22–24 – стеклянный краснопастовый бисер; 19–21 – многочастный золотостеклянный бисер; 27 – наборное украшение; 28 – головной жгут; 29 – сосуд. 9, 10 – серебро; 1–8, 12–15, 25, 26 – бронза; 27 – бронза+стекло; 16–24 – стекло; 28 – дерево+бронза; 29 – глина (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Грибов, 2022)

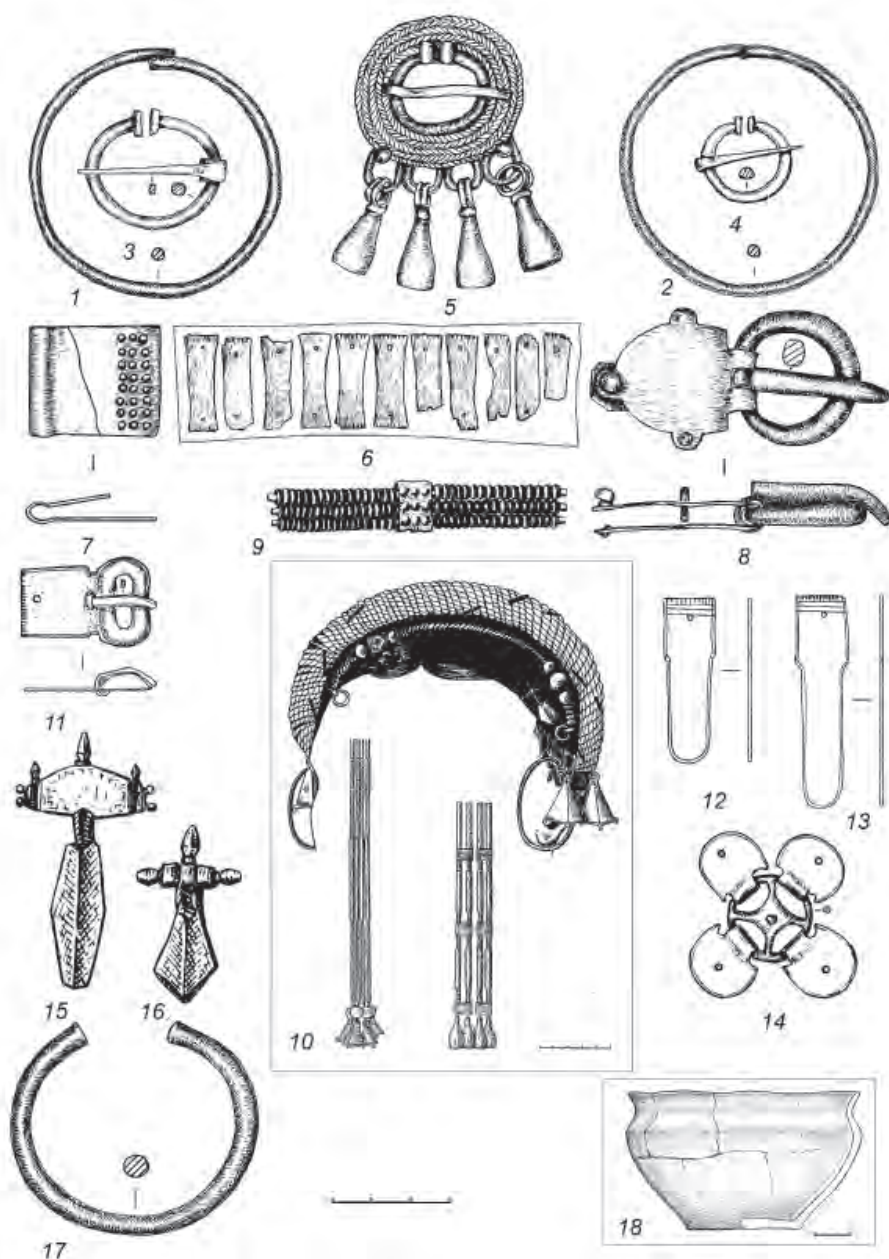

Рис. 91. Памятники безводнинско-ахмыловского круга. Инвентарь третьей культурно-хронологических группы погребений из Безводнинского (15, 16), Младшего Ахмыловского (10) и Подвязьевого (1–9, 11–14, 17, 18) могильников: 1, 2 – височные кольца; 3, 4 – сюльгамы;

5 – ажурная сюльгамовидная пряжка; 6 – фрагмент пояса с накладками;

7, 12, 13 – наконечники ремней; 8 – поясная пряжка; 9 – фрагмент головного венчика;

10 – комплекс женских головных украшений; 11 – пряжка; 14 – распределитель ремней от портупей; 15, 16 – крестовидные фибулы; 17 – браслет; 18 – миска. 1, 2, 7, 11–13, 15,

16 – серебро; 6 – серебро+кожа; 8, 14 – серебро+бронза; 3–5, 9, 10, 17 – бронза; 18 – глина

(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Грибов, 2022)

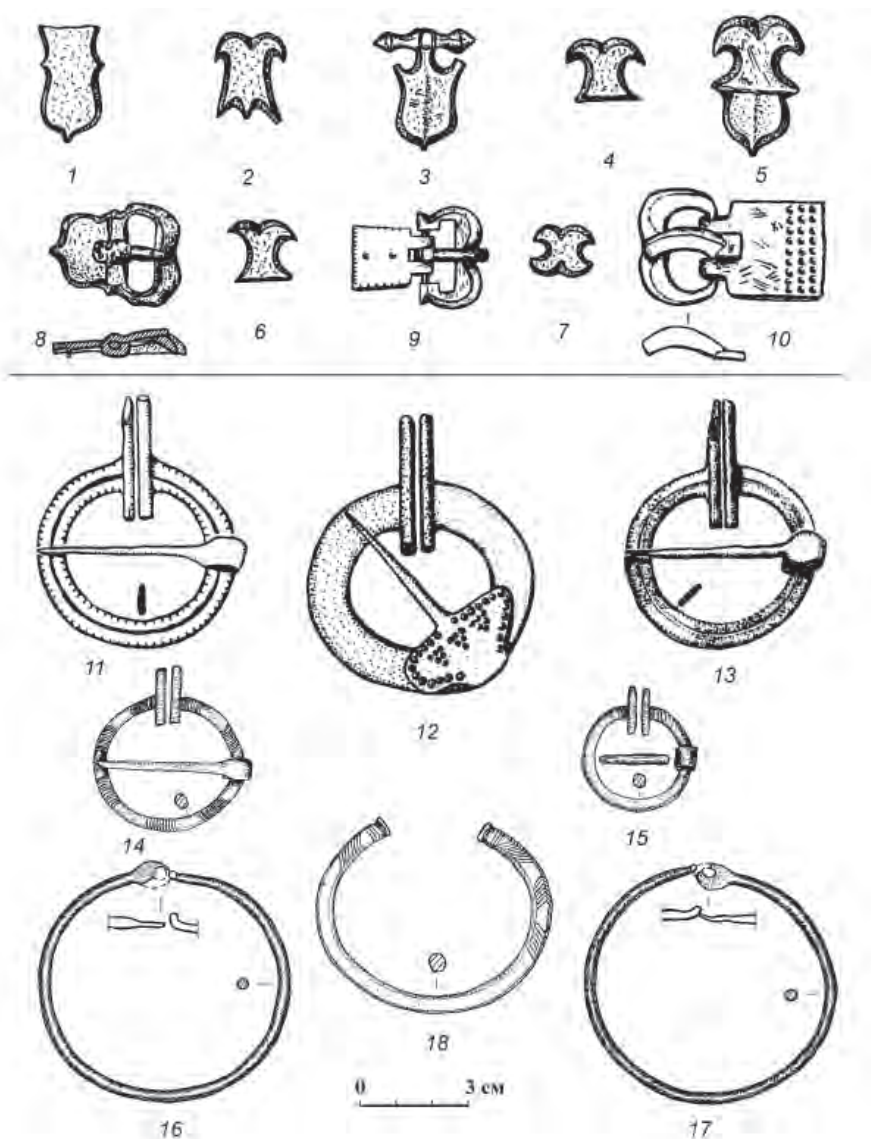

Рис. 92. Памятники безводнинско-ахмыловского круга: Инвентарь четвертой (1–10) и пятой (11–17) культурно-хронологических групп погребений из Безводнинского (1–13) и Подвязьевского (14–17) могильников: 1–7 – поясные накладки; 8–10 – пряжки; 11, 13–15 – сьюлгамы; 12 – бляха с «крылатой» иглой; 16, 17 – височные кольца; 18 – браслет. 1–10, 16, 17 – серебро; 11–15, 18 – бронза (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Грибов, 2022)

Нижней Оке, одновременно с началом существования первых рязано-окских могильников. Ранние комплексы походят на кошибеевский этап рязано-окских могильников.

По мнению исследователей, безводнинско-ахмыловское население появилось у окского устья с волной переселения носителей культуры рязано-окских могильников в V или IV–V вв. Этническая принадлежность спорна, но материалы привле-

кались для реконструкции истории мери, муромы и марийцев. Иногда носителей безводнинско-ахмыловской обрядности считают генетической основой муромы и марийцев, чаще – только марийцев.

Культурное своеобразие памятников безводнинско-ахмыловского типа формируется в гуннский период (конец IV – середина V вв.). В сформировавшемся виде безводнинско-ахмыловская традиция проявляется в период конца V – первой половины VIII вв. Ее появление предположительно можно связать с рядом последовательных проникновений в район устья р. Оки западного массива населения из Поднепровья или Окско-Донского междуречья, инкорпорированного в среду местных финнов. С мигрантами можно связать заметное увеличение численности местного населения и расширение географии расселения – к востоку от окского устья.

Прекращение погребальной практики одновременно с началом захоронений на марийских и муромских могильниках, а также сходство инвентаря и обрядности позволяют считать это население общими предками марийцев и муромы.

Окско-сурско-цнинское междуречье в VI – первой половине VIII в. В VI – первой половине VIII в. древнемордовская культура продолжала развиваться на боль-

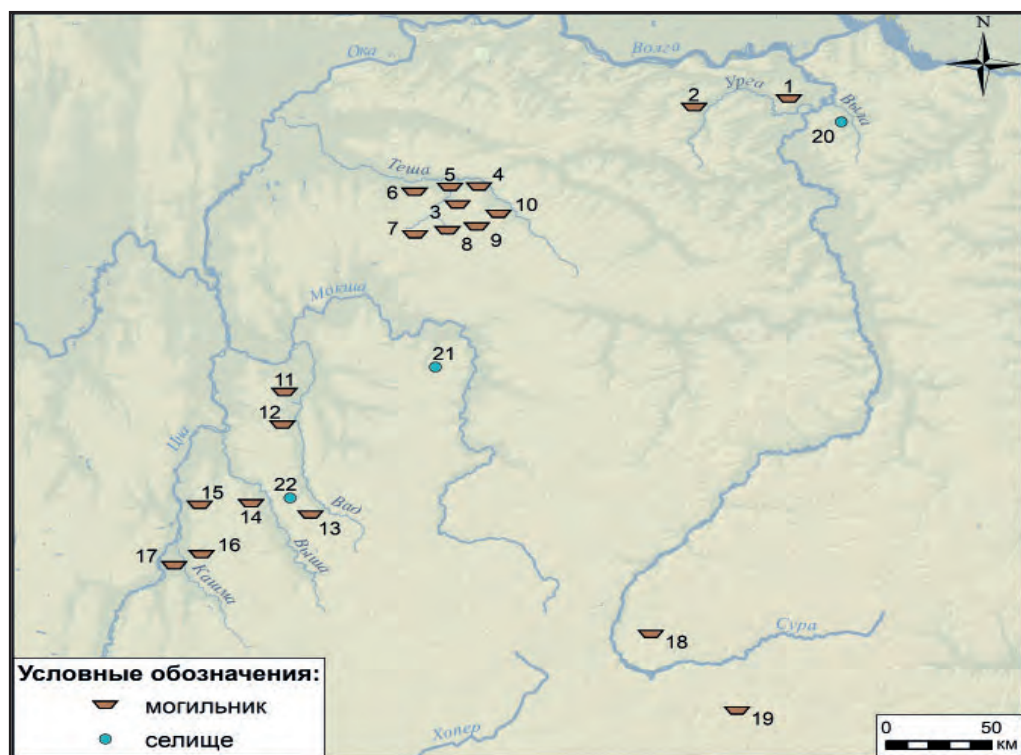

Рис. 93. Мордовские памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья VI – первой половины VIII вв. Могильники: 1 – Ивановский; 2 – Волчихинский; 3 – Стековский 2; 4 – Абрамовский; 5 – Красное 3; 6 – Личадево 5; 7 – Старший Кужендеевский; 8 – Погибловский; 9 – Хохловский; 10 – Заречное 2; 11 – Заря 1; 12 – Журавкинский 1; 13 – Старобадиковский 2; 14 – Пановский; 15 – Серповской; 16 – Елизавет-Михайловский; 17 – Крюково-Кужновский; 18 – Селиксенский; 19 – Армиевский 1; Поселения: 20 – Ножа-Вар; 21 – Новый Усад 5; 22 – Старобадиковское (по: Вихляеву В.И., Зеленецу Ю.А.)

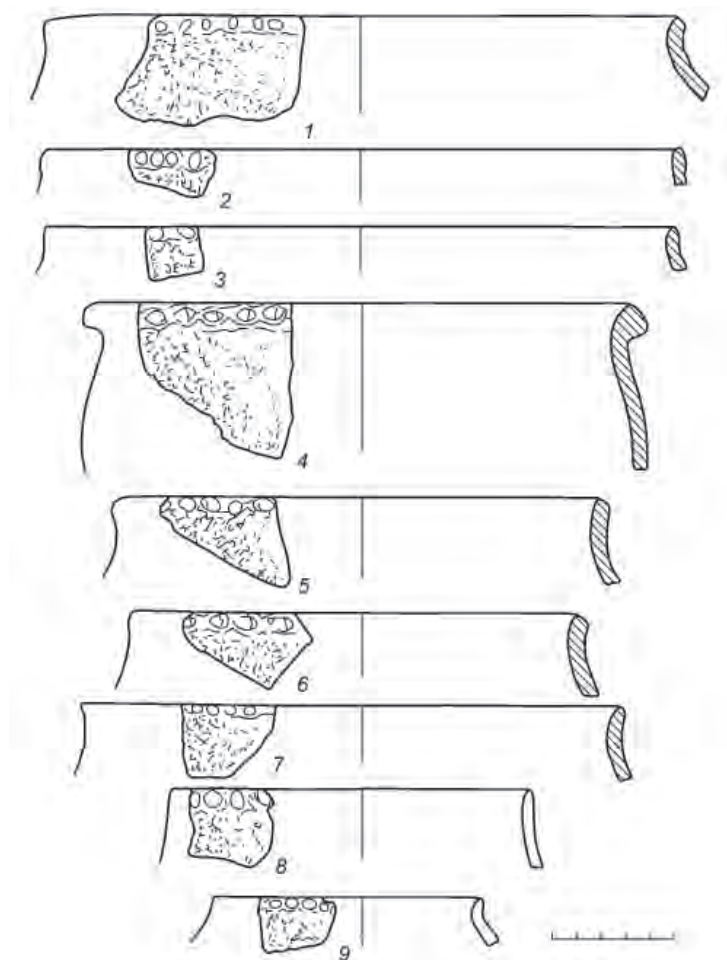

Рис. 94. Сосуды с зашипным орнаментом Старобадиковского селища
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV/ Вихляев, Зеленева, 2022)

шей части Окско-Сурско-Цнинского междуречья. Параллельно фиксируются влияния иноплеменных культур: древнемуромской в правобережье Оки и именковской в Среднем Посурье (рис. 93).

Исследования начались с Серповского могильника, затем изучались многочисленные могильники (Волчихинский, Армиевский 1, Селиксенский) и поселения (Старобадиковское, Новый Усад 5).

Ключевым вопросом является этническая интерпретация памятников: представляют ли они единую «древнемордовскую культуру» или свидетельствуют о формировании «древнемокшанской» и «древнеэрзянской» субкультур. Существуют различные точки зрения.

Сторонники изначальной раздвоенности связывают памятники Нижней Оки с «древнеэрзянской» культурой, а южные памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья – с «древнемокшанской». Наиболее распространенная точка зрения: в VI–VII вв. начинается разделение единой культуры, что отражается в различиях в погребальном обряде (ориентация погребенных).

Высказывается также мнение о более позднем разделении, относящемся к началу II тыс. н. э.

Среди мордовских погребений выделяются две хронологические стадии: VI–VII вв. и конец VII – первая половина VIII в.

Армиевский тип могильников (VI – начало VIII в.) рассматривается как продолжение более ранней культуры с выделением нескольких хронологических стадий VI–VII вв.

В этот период происходят изменения в составе населения региона: исчезают могильники кошибеевского типа, фиксируется продвижение имениковской культуры, формируется муромская культура.

Главная особенность развития «древнемордовской культуры» – формирование «древнемокшанской» (южная ориентация, горшки) и «древнеэрзянской» (северная ориентация, трупосожжения, мисковидные сосуды) субкультур. К мокшанским памятникам относят Селиксенский, Армиевский 1, к эрзянским – Волчихинский, Ивановский.

Материальная культура поселений представлена находками на Старобадиковском селище (шлаки, бронзовые изделия, лепная керамика (рис. 94)), селище Новый Усад 5 (погребя, лепная керамика с ангобом).

Погребальный инвентарь продолжает традиции III–V вв. В мужских погребениях – оружие, в женских – сложные накосники (рис. 95), бусы. Формируется новый тип нагрудных блях (рис. 96: 3).

Для датировки разработаны хронологические системы, выделяют два периода: VI–VII вв. (бляхи с крестовидными накладками, кованые сюльгамы, дрововые гривны (рис. 96)) и конец VII – первая половина VIII вв. (височные подвески, дисковидные бляхи, поясные наборы (рис. 97)). Преобладали погребения в вытянутом положении, ориентированные в разные стороны света.

Разнообразие ориентировок свидетельствует о формировании «древнемордовской культуры» под влиянием различных этнических компонентов. К поздней стадии относят Селиксенский, Крюково-Кужновский могильники. Сурские и цинские могильники относят к мокшанской субкультуре, расположенные в районе р. Теша – к эрзянской.

«Древнемордовское» общество сохраняло черты первобытного строя, формировались союзы племен. На формирование союзов повлияли внутренние факторы и внешняя угроза со стороны Хазарского каганата. Развитие «древнемордовской культуры» продолжается и после середины VIII вв., формируются территориальные границы мокшанского и эрзянского племенных союзов.

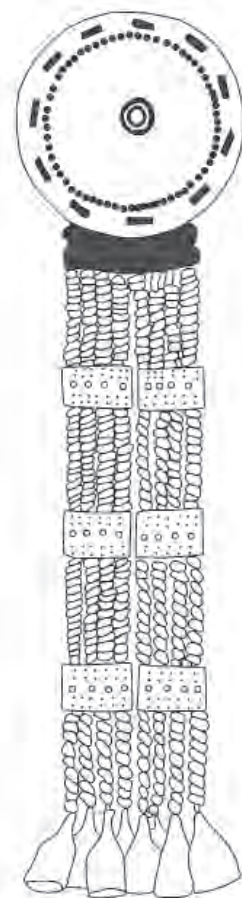

Рис. 95. Накосник из Армиевского 1 могильника
(по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Вихляев, Зеленев, 2022)

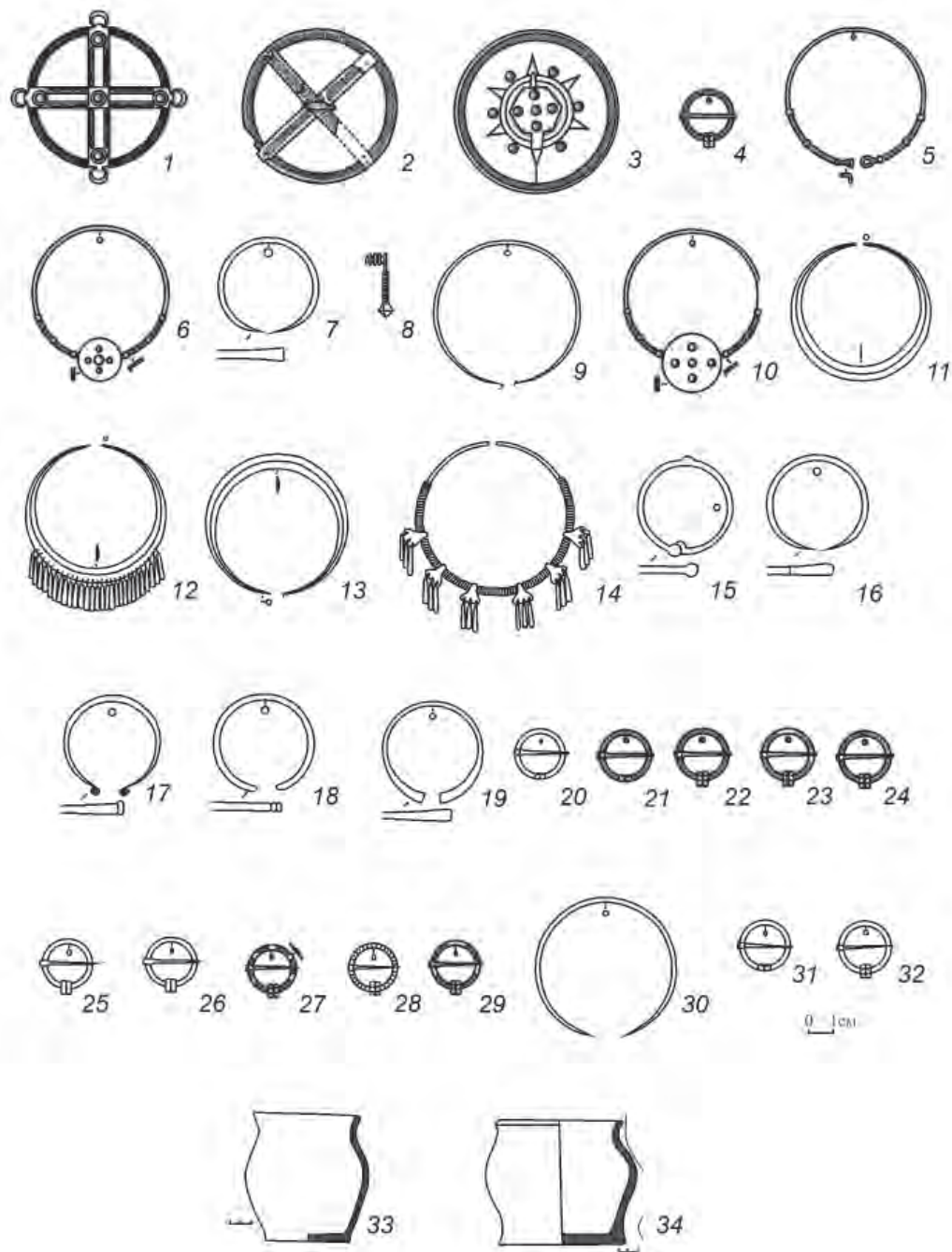

Рис. 96. Вещи ранней стадии древнемордовских могильников VI – первой половины VIII вв. (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Вихляев, Зеленева, 2022)

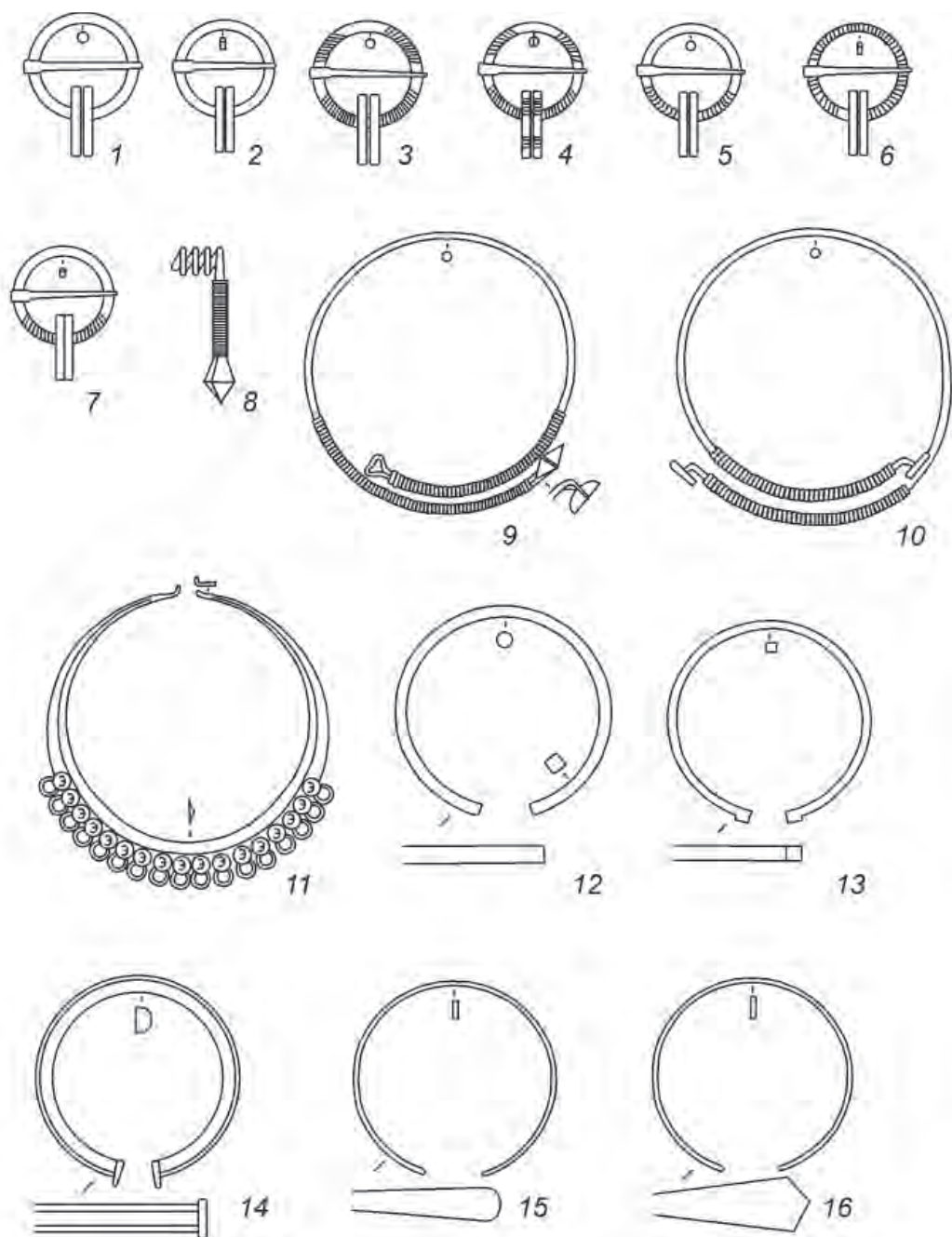

Рис. 97. Вещи поздней стадии древнемордовских могильников VI – первой половине VIII вв. (по: Археология Волго-Уралья. Т. IV / Вихляев, Зеленеев, 2022)

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Волго-Уралья. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. 700 с.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Вагант, 2009. 285 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Страницы истории «Земли Пермской»: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII вв. Пермь: Книжный мир, 1995. 176 с.
- Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. 336 с.
- Вихляев В.И., Петербургский И.М., Седышев О.В. Древние и средневековые поселения мордвы. Саранск: изд-во Мордовского ун-та, 2013. 216 с.
- Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
- Голдина Р.Д. Великое переселение народов в Приуралье (по материалам археологии) / МИКВАЭ. Т. 33. Ижевск: Удмуртский университет, 2025. 192 с.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 2004. 422 с.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 499 с.
- Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Перевозчикова С.А., Черных Е.М., Голдина Е.В., Перевозицков С.Е. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья / МИКВАЭ. Т. 23. Ижевск: Институт истории и культуры народов Приуралья УдГУ, 2012. 264 с.
- Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск: Мордовский гос. педагогический институт, 2005. 95 с.
- Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 221 с.
- Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В. Южный Урал в эпоху средневековья (V–XVI вв. н. э.). Уфа: БГПУ, 2013. 280 с.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука, 2000. 422 с.
- История Удмуртии: с древнейших времен до XV в. / Под ред. М.Г. Ивановой. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2007. 304.
- Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / МИКВАЭ. Т. 27. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2014. 472 с.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.
- Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.
- Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.
- Очерки археологии Пермского Предуралья: учебное пособие / Ред. А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова. 2-е изд., испр. и доп. Пермь: ПГГПУ, 2022. 315 с.
- Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие / Ред. П.Н. Старостин и др. Казань: Школа, 2001. 256с.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь: ПГУ, 2018. 320 с.

Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Приволжское кн. изд-во. Пензенское отделение, 1977. 88 с.

Пишеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Скрипкин А.С. Сарматы. Монография. Волгоград: ВолГУ, 2017. 293 с.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры / САИ. Вып. Д1-32. М.: Наука, 1967. 97 с.

Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э. // Раннеславянский мир. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2005. 150 с.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.). Уфа: Гилем, 1998. 168 с.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат». 2004. 172 с.

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 2011. 336 с.

Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2008. 272 с.

Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 323 с.

ГЛАВА 6

СРЕДНИЕ ВЕКА (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)

Данная глава посвящена важнейшему периоду средневековой истории народов Волго-Уралья, нашедшему отражение в археологических источниках VIII – первой трети XIII вв. Именно в это время закладываются основы этногенеза многих народов региона, обусловившие этническое многообразие региона в наши дни. В рассматриваемый период на территории Восточной Европы появляются первые государственные образования – Хазарский каганат на юге (VIII в.), во многом продолжающий традиции Великой Болгарии Кубрат хана (VII в.), Киевская Русь (IX в.) и Волжская Болгария на Средней Волге (рубеж IX–X вв.) – государства, влияние которых оказывало на соседние регионы Волго-Уралья. На обширных пространствах формируются самобытные культуры, важнейшие элементы которых сохранились в традициях народов Поволжья и Приуралья.

6.1. ПАМЯТНИКИ VIII – НАЧАЛА X ВВ.

Памятники хазарского времени в нижневолжских и донских степях

Исторический период VIII–X вв. связан в Нижневолжском регионе с эпохой Хазарского каганата. Памятники этого времени, известные в археологии под названием салтово-маяцкой культуры, занимающей большие территории в Восточной Европе, в хорошо изучены в Волго-Донском междуречье, а также дельте Волги.

На освоение низовий Волги значительное влияние оказывали регулярные трансгрессии Каспийского моря, в ходе которых изменялся климат, площади суши и связанная с этим хозяйственная деятельность. Большинство памятников эпохи Средне-

¹ При составлении данной главы использованы разделы V тома «Археологии Волго-Уралья» за авторством Лифанова Н.А., Иванова В.А., Васильева Д.В., Зиливинской Э.Д., Кравченко Э.Е., Белорыбкина Г.Н., Вихляева В.И., Зеленеева В.А., Белавина А.В., Крыласовой Н.Б., Ивановой М.Г., Мурыгина А.М., Савельевой Э.А., Баранова В.С., Кочкиной А.Ф., Семькина Ю.А., Белорыбкина Г.Н., Губайдуллина А.М., Измайлова И.Л., Руденко К.А., Валиева Р.Р., Кокориной Н.А., Валиулиной С.И., Пальцевой Д.У., Шакирова З.Г., Валеева Р.М., Мухаметшина Д.Г., Никитиной Т.Б., Голдиной Р.Д.

вековья обнаружены на вершинах бэровских бугров², на которых выявлены остатки поселений и могильников.

Природная уникальность территории низовьев Волги определила условия для специфического развития средневековых социумов. Сравнительный анализ каспийской гидрологии показал, что регулярные изменения уровня Каспийского моря оказывали значительное влияние на организацию поселенческой структуры средневековых сообществ в этом регионе и на ведение хозяйства.

Понижение уровня моря приводило к переформированию берегов и опустыниванию прибрежных территорий, обуславливало снижение уровня грунтовых вод, сопровождалось значительными изменениями экосистемы Каспия. В период снижения уровня моря природопользование и хозяйственная деятельность человека были основаны на активном освоении освобождающихся от морских вод береговых территорий. Повышение уровня, в свою очередь, приводило к изменению природных, социально-экономических и медико-экологических условий прибрежных территорий в процессе их затопления и подтопления. Все это вызывало переселение значительных масс населения из зон затопления. В зависимости от динамики уровня Каспийского моря подобные волны расселения людей, ранее компактно проживающих на территории Северного Каспия, были неоднократными.

В первой половине X в. воды Каспийского моря поднялись на 4 м. Это привело к затоплению суши и отразилось на жизнедеятельности населения. Последующий подъем уровня моря еще на 4 м (с -28 до -24 м от уровня моря) за полтора десятилетия (950–965 гг.) повлиял на этот регион Хазарского каганата, вызвав массовое переселение населения с затопляемых территорий. В ходе археологических исследований на 37 памятниках Нижнего Поволжья поселенческого типа были обнаружены материалы X в. В XI–XII вв. уровень Каспийского моря понижается до -32 м от уровня моря, в результате чего освобождается ранее затопленная суша. Начинается развитие поселенческого пространства области Саксин. В настоящее время выявлено 92 археологических памятника X–XII вв., в числе которых 3 городища, 35 поселений, 8 курганных и 50 грунтовых могильников (рис. 1).

В X–XII вв. степи и пустынные земли Волжского Понизовья, расположенные севернее волжской дельты, представляли собой зону активного оседлого хозяйства, что и отразилось в малом количестве обнаруженных кочевнических памятников. Именно здесь находится большое количество поселений домонгольского времени. В начале XIII в. начинается подъем уровня Каспийского моря (с -30 до -25 м от уровня моря к началу XIV в.). Уменьшается освоенная территория. Эти процессы совпадают с нашествием монголов и освоением ими низовьев Волги. В золотоордынский период Нижнее Поволжье становится столичным регионом Улуса Джучи (Золотой Орды).

В верховьях и выше Волжской дельты обнаружены кочевнические захоронения второй половины VII–IX вв. Они совершены в курганах, окруженных квадратными в плане ровиками. Подкурганные ровики сооружались не в целях добычи грунта для насыпи кургана. Они являются одним из архитектурных элементов площадок, сооружавшихся для проведения ритуальных действий, свойственных хазарам и бол-

² Бэровские бугры, описанные впервые в 1856 году академиком Карлом Эрнстом фон Бэром, представляют собой дюнные образования, сложившиеся под влиянием ветров в виде параллельных песчаных и супесчаных холмов в низовьях Каспия.

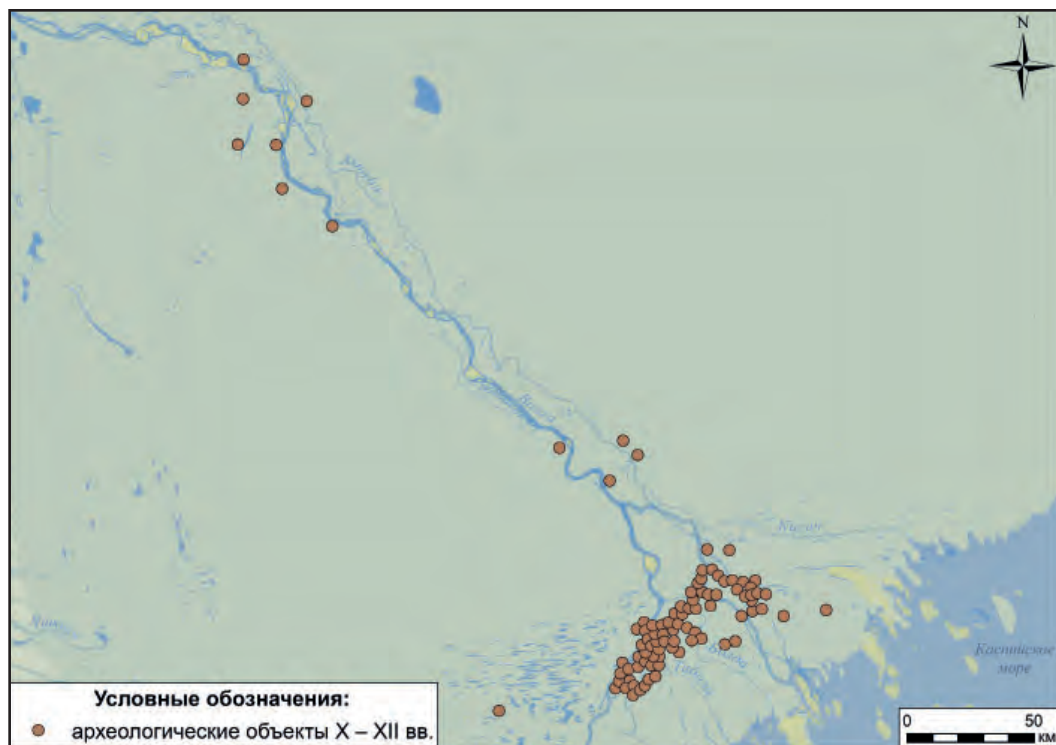

Рис. 1. Карта Нижнего Поволжья памятников эпохи Хазарского каганата (по: Пигареву Е.М.)

гарам – двум близкородственным тюркским народам, у которых, по сведениям современников, языки очень похожи.

У кочевников хазарских степей VII–X в. среди внутрикурганных ровиков различаются кольцевые, квадратные, квадратные с дополнительной П-образной пристройкой и прямоугольные площадки. Выделяются следующие типы могильных ям: 1) с подбоями в длинных боковых стенках; в них хоронили во второй половине VII в. всадников с растянутыми рядом с ними шкурами или целыми остовами коня; 2) со ступеньками вдоль длинных стен и нишами в узких сторонах; они представлены во второй половине VII – начале VIII в. захоронениями всадников с останками коня над погребенными и во второй половине VIII в. сменяются грунтовыми и подкурганными могилами зливкинского типа; 3) ямы-катакомбы, представленные курганно-грунтовыми могильниками конца VII – начала VIII в. на Северном Кавказе (Дагестан) и одиночными подкурганными погребениями на Дону, в Калмыкии и на Средней Волге.

Грунтовые и курганные подбойные погребения связываются с хазарами. Подкурганные без ровиков и грунтовые захоронения зливкинского типа трактуются как болгарские. Катакомбные захоронения многие исследователи увязывают с аланскими.

Основной территорией расселения кочевников Хазарского каганата в первой половине VIII в. было Азово-Каспийское междуморье. На этой территории в первой – третьей четвертях VIII в. преобладают погребения, оставленные хазарами. Курганные и грунтовые погребения зливкинского типа в ямах со ступеньками вдоль длинных стен и нишами в узких стенах встречаются на этой территории эпизодически.

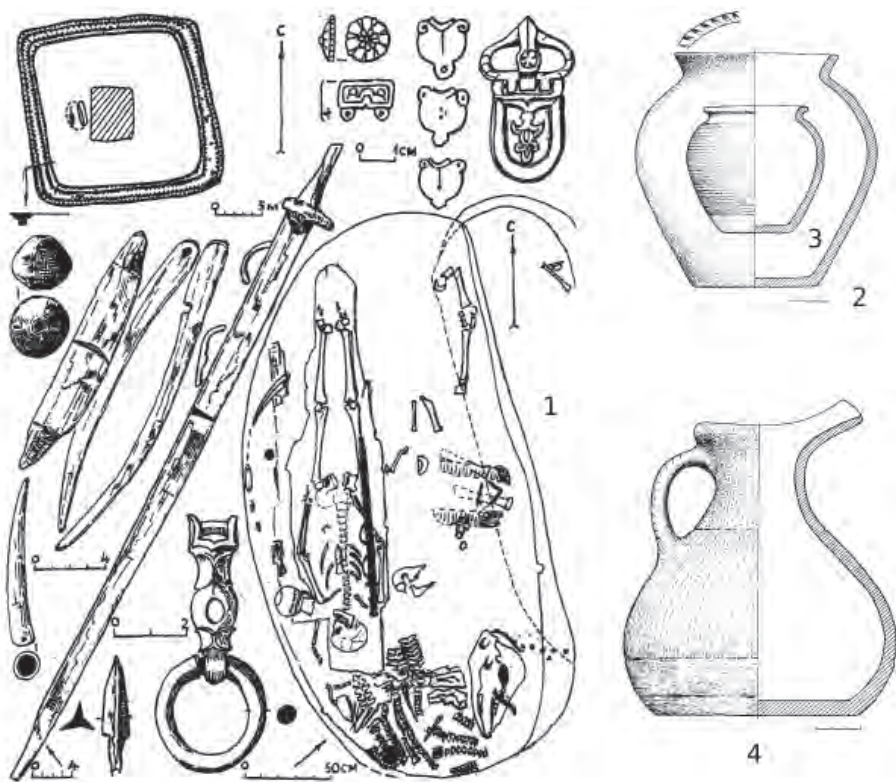

Рис. 2. Погребения на Кривой Луке и их инвентарь
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Васильев, Зиливинская, 2022)

Ряд захоронений хазарского периода обнаружен в составе курганных могильников на правобережье Волги (Кривая Лука). Среди них исследован курган, относящийся к эпохе раннего Средневековья. Подкурганный ровик (19,5×19,5 м) был ориентирован по сторонам света. На дне рва расчищен скелет барана, уложенного в ритуальной позе – с закинутой на спину головой и поджатыми ногами. После засыпки и утрамбовки этой части рва в верхней части произвели не менее 15 жертвоприношений. Их остатки обнаружены в виде скоплений костей овец и крупного рогатого скота. Затем ров был засыпан и утрамбован. Могила совершена в яме с подбоем. Входная яма достигала 2 м в глубину, погребальная камера в подбое – на 1 м глубже. На полу ямы прослеживалась меловая подсыпка. Могила была ориентирована по линии север – юг, при этом покойник (взрослый мужчина) был похоронен головой на юг на тростниковой циновке и был перекрыт деревянными плашками. Рядом с покойником располагались обращенное головой на юг взнузданное и оседланное чучело коня и чучело барана. За головой располагалась заупокойная пища – куски баранины с воткнутым в кость ножом, куски конины, лепной горшок, деревянная чашечка, окованная серебром. Захоронение богатого воина сопровождалось луком, кистенем, палахом, а также поясом, украшенным золотыми и серебряными накладками. Более того, после совершения захоронения в центре огражденной рвом площадки был устроен деревянный настил для каких-то ритуальных действий (рис. 2).

В междуречье Волги и Дона известно еще несколько могильников, в которых были обнаружены схожие погребения.

Помимо подкурганых захоронений, на территории Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья известны и грунтовые погребения. Общими чертами захоронений являются ямы с подбоями, со ступенькой и северо-западная ориентировка погребенных. В захоронениях встречен разнообразный инвентарь, а также сероглиняные лощенные кувшины. Такие погребения относятся к болгарскому населению салтово-маяцкой культуры и датируются в рамках VIII–IX вв.

Военные столкновения с арабами в первой половине VIII в. оказались неудачными для хазар. Катастрофические последствия для них имел поход арабского войска во главе с Мерваном в 737 г. Каган был принуждён отказаться от тенгрианства и принять ислам. Хазарские могильники для этого времени уже не известны. Площадки с погребениями перестают ограждаться квадратными ровиками, появляются самые обычные бескурганные памятники.

Одним из последствий походов Мервана было переселение в лесостепные районы Среднего Дона и Северского Донца полиэтнического населения с Северного Кавказа. Основным населением степной и лесостепной центральной и северо-западной частей Хазарского каганата со второй половины VIII в. становятся аланы и болгары. в степных районах междуречья Дона и Северского Донца и на Нижнем Дону стали концентрироваться болгары.

Именно здесь начиная с середины VIII в. появляется важнейший центр устойчивой оседлости и начинается формирование салтово-маяцкой археологической культуры. Возникают многочисленные поселения и селища, а по её границам – укрепленные крепости с каменными стенами и городища с мощными цитаделями. В лесостепной зоне это Салтовское, Маяцкое, Сидоровское; на Нижнем Дону – Правобережное Цимлянское, Семикаракорское и др. крепости. Тогда же, на рубеже VIII и IX вв., происходит известное по письменным источникам событие – принятие иудаизма на государственном уровне.

На бугре «Татарский», располагавшемся на восточной окраине г. Астрахани рядом с территорией городища Мошаик, захоронения могильника возникают в IX–X вв. Здесь исследовано 25 погребений, большинство которых, принадлежавших болгарам, оказались мусульманскими.

Языческие захоронения IX–X вв. были совершены в прямоугольных или овальных ямах с подбоями и со ступеньками вдоль длинных бортов. Умершие похоронены в деревянных гробах и ориентированы головами в западном направлении. Инвентарь в большинстве случаев концентрировался в головах погребенного или в нише подбоя. Здесь ставили красноглиняные или сероглиняные кувшины с полочатым лощением и сливом. В одном захоронении обнаружена деревянная миска с медными обкладками венчика и богатый набор женских украшений: бронзовый витой браслет, костяные пуговицы, ожерелье из гешировых и стеклянных бус и подвесок, кусок мела. В одном из мужских захоронений обнаружен берестяной колчан со стрелами и кожаный мешок – налучье. Остатки погребальной пищи представлены костями барана. В большинстве захоронений зафиксированы следы обряда обезвреживания покойного – разрушены костяки, отсутствуют части скелетов, сломана часть погребального инвентаря.

Подобные захоронения трактуются как раннеболгарские из-за их типологической близости с погребениями ранних болгар на Средней Волге, а так-

Рис. 3. Глиняная посуда Самосдельского городища: кувшины, кружки, котлы, миски (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Васильев, Зиливинская, 2022)

же из-за наличия в захоронениях типичных болгарских лощеных кувшинов со сливами.

Одним из поздних памятников салтово-маяцкой культуры и периода после завершения трансгрессии Каспия и затопления в низовьях Волги является **Самосдельское городище**, расположенное в дельте Волги. Культурные отложения в центральной части городища оказались весьма значительными – до 2,5 м. Слой накоплен в основном в период существования города в домонгольский период. Толщина культурного слоя на городище достигает 3 м. Нижележащие слои хазарского времени второй половины X в. имеют небольшую мощность.

В нижних слоях городища выявлены остатки турлучных стационарных округлых (юртообразных) жилищ, которые хорошо известны в укрепленных поселениях хазарского времени. На Самосдельском городище они заглублены в землю, стены выстроены из жердей и плетня, обмазанного глиной. Другой тип ранних жилищ – это легкие каркасные постройки квадратной или прямоугольной формы. Выявлены остатки зданий из кирпича или комбинированных из известнякового камня и речной гальки на известковом растворе.

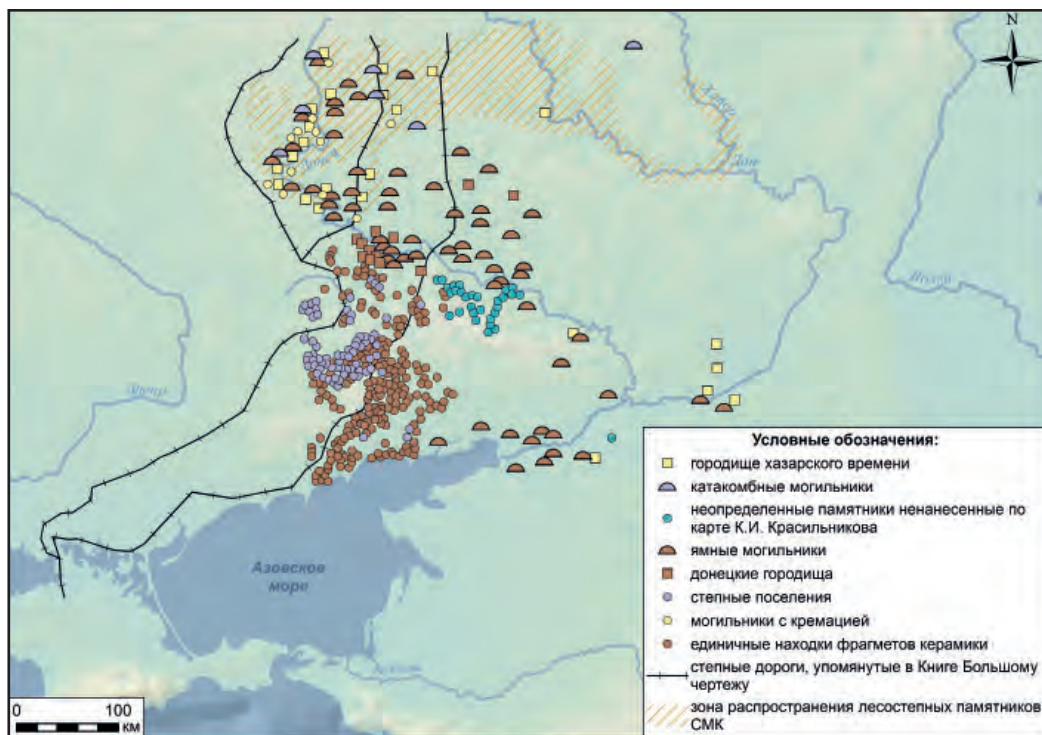

Рис. 4. Карта распространения памятников хазарского времени в Донецком регионе (по: Кравченко Э.Е.)

Керамика является основным датирующим материалом на Самосдельском городище, так как металлические вещи почти не сохраняются из-за сильной засоленности почв. Значительная по объему группа керамики представлена красноглиняной керамикой. В нижних горизонтах возрастает доля лепной кухонной посуды. В основном это котлы и горшки, встречаются также крышки, кружки, сковороды, блюда (рис. 3).

Керамический комплекс круговых сосудов общеболгарского облика – высокогорлые кувшины, миски, хумы, кринки, горшки и кружки – появляется во второй половине X в. и бытует и после монгольских завоеваний в XIII в.

Территория к западу от р. Дон и к востоку от р. Днепр в VIII–X вв. входила в западную часть **Хазарского каганата**. Северная часть региона (верховья Северского Донца) находятся в пределах лесостепи, здесь выявлены памятники т. н. «аланского» варианта салтово-маяцкой культуры. Лесостепные памятники отличаются разнообразием. Здесь присутствуют многочисленные могильники: преимущественно катакомбные, кремационные, биритуальные захоронения, находящие параллели среди аланских некрополей Северного Кавказа, а также ямные, близкие степным могильникам болгар. Захоронения в катакомбах в степном регионе практически не встречаются, что свидетельствует о существенном отличии проживавшего здесь населения от жителей лесостепи (рис. 4).

В среднем и нижнем течении Северский Донец пересекает степную зону. По своим природным условиям среднее течение Северского Донца напоминает лесостепь. Расположение на стыке двух природных зон, население которых имело отличия

в культурном и этническом плане, обусловило своеобразие материальной культуры населения этой территории. Ее памятники относятся к «болгарскому» варианту салтово-маяцкой культуры. Основным видом некрополей в регионе были могильники «зливкинского» типа, которые, как мы уже отмечали, оставлены болгарами. Здесь же находится их эталонный Зливкинский могильник.

Памятники среднего течения Северского Донца представлены неукрепленными поселениями, городищами и грунтовыми могильниками.

Неукрепленные поселения появлялись в местах, удобных для хозяйственной деятельности: на речных террасах, участках близ впадения в Северский Донец его притоков, близ крупных старичных озер. Поселений много, их сотни – стойбища, кочевья, селища. На левом берегу Северского Донца, напротив двух крупных городищ – Маяцкого и Сидоровского (участок площадью 6×10 км), насчитывается не менее 10 поселений площадью от 0,5 до 2,5 га. Керамика населения салтово-маяцкой культуры встречается практически на всех удобных для жизни участках, что свидетельствует о густой заселенности рассматриваемой территории в эпоху раннего Средневековья.

Неукрепленные поселения обычно сопровождаются некрополями «зливкинского» типа. В среднем течении Северского Донца их более четырех десятков. Захоронения производились в ямах с прямыми стенками, иногда с заплечиками. Встречаются подбои в боковых стенках, нишки в головах и ногах погребенного. Ямы имели деревянное перекрытие. Покойник ориентирован головой на запад. Инвентарь небогат: детали одежды, украшения и сосуды с пищей. Обычной находкой в могилах являются кости козы/овцы (ножки, череп) и нож. Орудия труда, предметы вооружения и конской упряжи встречаются крайне редко. Такие погребения принадлежат болгарам.

Городища преимущественно небольших размеров, расположены цепочкой вдоль правого берега Северского Донца. Особый интерес представляют укрепленные поселения, площадь которых с прилегающими к ним селищами и могильниками составляет 60–120 га. Таких памятников известно четыре: у сел Маяки, Сидорово, Новосёловка и пос. Кировское. Крупнейшим из городищ является Сидоровский археологический комплекс, занимающий площадь с прилегающими двумя селищами и четырьмя могильниками более 120 га.

К крупным жилым городищам прилегают языческие могильники болгар. Раннемусульманские некрополи находятся у крупных укрепленных населенных пунктов. Так, на городище у с. Маяки исследована группа захоронений в ямах с заплечиками вдоль длинных сторон. Умершего укладывали головой на запад, на правом боку. Череп развернут лицевой частью к югу. Положение костей некоторых скелетов свидетельствует о том, что погребенные были завернуты в саван.

Мусульманские некрополи входят также в состав археологического комплекса у с. Сидорово. Здесь в одних рядах с погребениями, произведенными по мусульманским канонам, были выявлены захоронения, не отличающиеся от погребений салтовских безынвентарных некрополей. В отдельных могилах содержались вещи. В целом процент погребений со строгим исполнением требований мусульманской погребальной обрядности на некрополях Сидоровского комплекса очень высок (90%). Первые подобные захоронения, связанные с мусульманизацией населения, появились не позднее середины IX в.

Во второй половине IX в. политическая обстановка на западных окраинах Хазарии усложняется. С приходом в степь печенегов, которые к 80-м годам IX в. стали полными хозяевами Северного Причерноморья, гибнут поселения на территории Донецкого края и на Азовском побережье. Укрепленные поселения на Северском Донце погибли в начале X в. Значительная часть оседлого населения покинула эту территорию. О возможных направлениях миграционных потоков свидетельствует археологический материал. Следы салтовского влияния хорошо прослеживаются на землях, занятых памятниками балкано-дунайской культуры (Дунайская Болгария) и Северном Кавказе, а также в Среднем Поволжье, где в это время происходило формирование Волжской Болгарии.

Памятники хазарского времени в Среднем Поволжье

Единичные памятники этого времени, оставленные раннеболгарскими переселенцами с юга, были зафиксированы еще в конце XIX – начале XX вв., но начало систематического их изучения относится лишь к середине и второй половине XX в. В Заволжье были найдены отдельные кочевнические захоронения конца VII – начала VIII вв. на Самарской Луке, объединенные в «новинковский культурный тип» (рис. 5).

Памятники собственно новинковского культурного типа имеют вид уплощенных насыпей до 15–20 м в диаметре и до 50–60 см высотой с выступающими на поверхность известняковыми камнями. Под курганами находятся до 10 погребений, часто разновременных. Кроме того, между и около курганов обнаруживаются грунтовые могилы.

Надмогильные конструкции представлены каменными выкладками: в виде сплошных панцирей или же скоплений камней над отдельными захоронениями, поверх которых сооружалась единая земляная насыпь. Встречаются надмогильные сооружения в виде прямоугольных каменных оград, а также кольцевые ровики вокруг курганов. Погребенные лежат преимущественно вытянуто на спине; зафиксированы костяки, уложенные в скорченной позе. Они ориентированы головой на восток – северо-восток (их большинство) или же на север и запад – северо-запад.

Конструкции могильных ям в основном простые, но встречаются и усложненные: в длинных стенках могилы устроены ступеньки или подбои. На ступеньках нередко фиксируются останки лошадей в виде условно полного скелета или его имитации – черепа и ног, вытянутых в анатомическом порядке. Для погребальной обрядности новинковского населения характерны различного рода искусственные повреждения человеческих останков, вероятно в целях обезвреживания покойников путем частичного разрушения костяков.

Погребальный инвентарь составляют лепные горшки, орнаментированные вдавлениями по венчику, лепные и гончарные кувшины. В мужских могилах встречаются сабли, наконечники стрел, копий и топоры.

Ранние комплексы памятников новинковского круга свидетельствуют о появлении на Средней Волге населения с тюркской по происхождению культурой в конце VII – начале VIII вв. Исходной территорией для этой кочевой группировки являлась степная полоса юга Восточной Европы от Предкавказья до Днепра, где фиксируются близкие новинковским по обряду и инвентарю кочевнические захоронения ранней Хазарии.

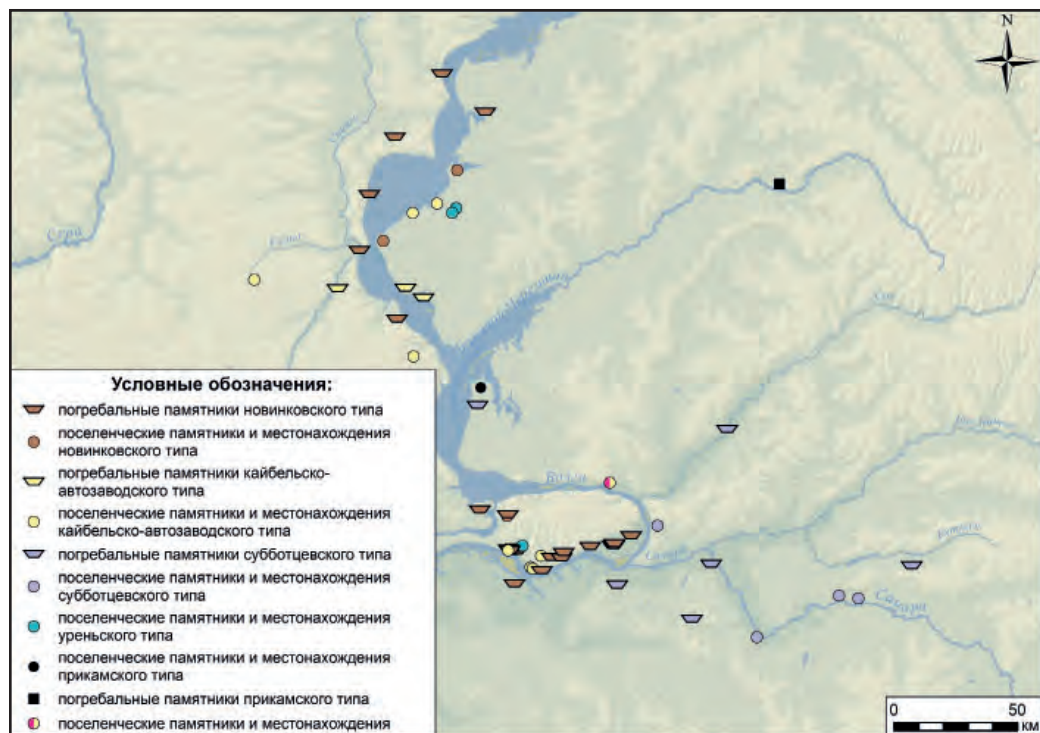

Рис. 5. Памятники хазарского времени на территории Среднего Поволжья
(по: Лифанову Н.А.)

Материалы Автосаводского и Кайбельского могильников конца VIII – начала IX вв., их погребальная обрядность соответствует зливкинскому (болгарскому) варианту погребальных памятников салтово-маяцкой культуры. Характерной особенностью этих могильников являются окружающие их рвы квадратной и прямоугольной, в одном случае округлой, формы. В заполнении рвов сохранились следы поминальных обрядов: кости животных (фрагменты челюстей и зубы лошади), обломки керамических сосудов, угли и сажа.

Могильные ямы имеют простую конструкцию, ориентировка погребённых – северо-западная. Погребальный инвентарь немногочислен и представлен лепными горшками и кувшинами, предметами конской сбруи (удила и пряжки) и вооружения (колчаный крюк и фрагмент копья), а также украшениями из бронзы. В Автосаводском могильнике выявлены конструкции ям со ступеньками вдоль продольных стенок и/или нишами в торцах.

Эти группы погребальных памятников юга Среднего Поволжья обладают общими чертами в обрядности и инвентаре захоронений. Они находят соответствия в материалах могильников салтово-маяцкой культурной общности более южных регионов Восточной Европы. По мнению исследователей, салтово-маяцкий, вернее, болгарский культурный элемент являлся в рассматриваемую эпоху на этой территории преобладающим.

Вышеописанные болгарские захоронения имеют сходство с другим ключевым памятником средневолжской лесостепи хазарского времени – *Большетарханским некрополем*, расположенным в Тетюшском районе Республики Татарстан. Боль-

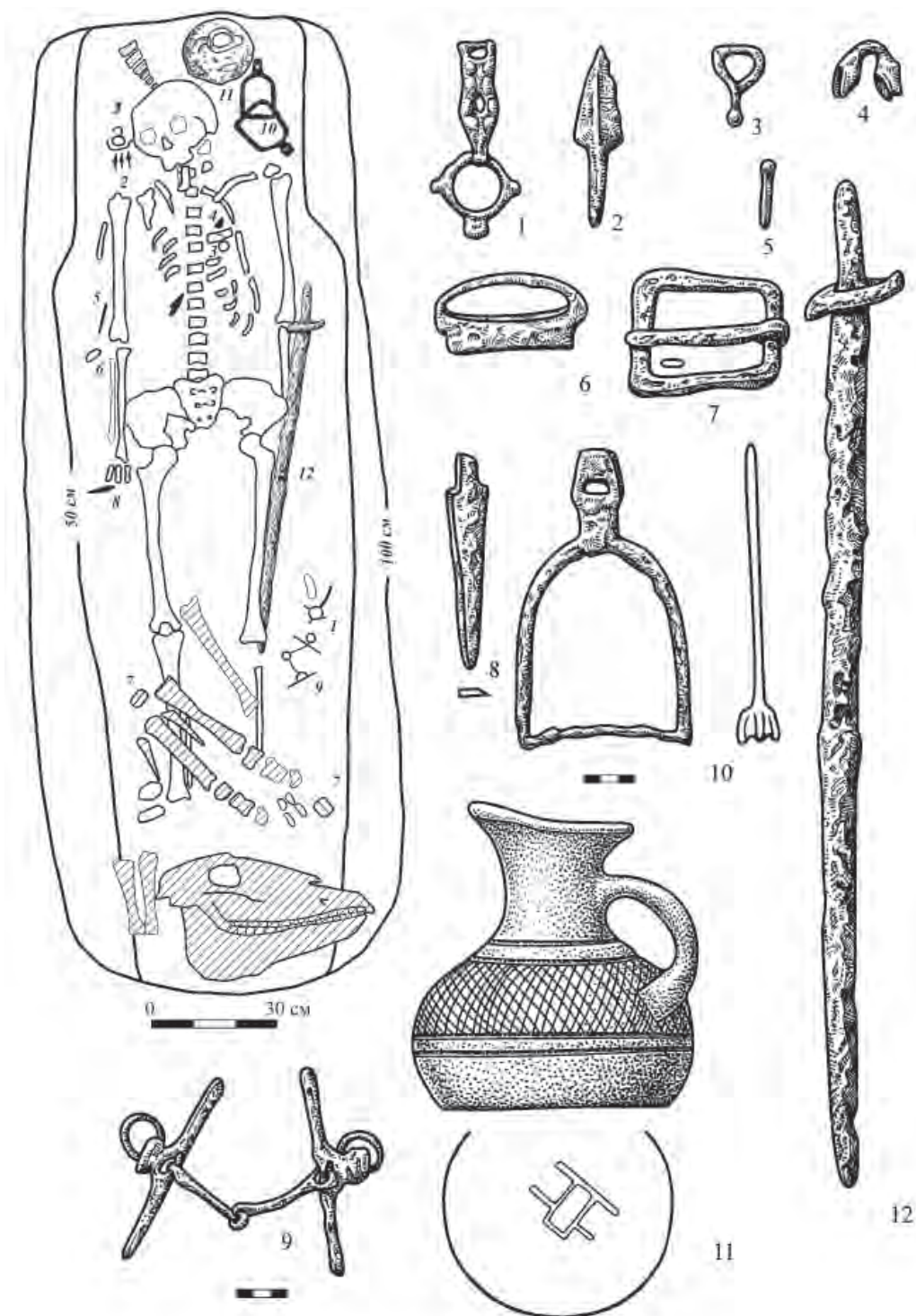

Рис. 6. Большетарханский I могильник. План и погребальный инвентарь погребения 143 (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Казаков, 2022)

шетарханский могильник второй половины VIII – первой половины IX вв. имеет захоронения в грунтовых ямах, и в настоящее время никаких внешних признаков не сохранилось. Могильные ямы имели в плане подпрямоугольную форму. Четко выделяются два типа ям: простые грунтовые с отвесными стенками, ровным дном и ямы с заплечиками и подбоем. Уступы-заплечики служили для укладки перекрытия – настила из жердей или досок. Если в простых ямах умерших хоронили в деревянных гробах, то в ямах с заплечиками умерших укладывали прямо на землю, т. е. на дно ямы, а сверху перекрывали деревянным настилом. Большинство захоронений одиночные, но встречаются и коллективные. В них хоронили, очевидно, членов одной семьи (рис. 6).

Костяки в могилах лежали вытянуто на спине головой на запад, иногда с небольшими отклонениями. В нескольких могилах отмечены следы культа огня в виде мелких угольков, рассыпанных на дне ямы, обугленных досок и обожженного черепа лошади. Обнаружены кости домашних животных: лошади, овцы и коровы. Вместе с костяками лошади находились детали конской сбруи: удила, стремяна, подпружные пряжки. Череп и кости ног лошади клали исключительно в погребения взрослых, преимущественно мужчин, но не всех, а богатых, имеющих возможность при смерти убивать коня.

Изготовленные на гончарном круге кувшины, лепные горшки и чаши обычно ставили у головы, изредка у ног погребенного. В погребениях обнаружены орудия труда, оружие и украшения, но их немного. В женских могилах наиболее многочисленны глиняные пряслица. Только в мужских захоронениях встречены железные ножи, кресала и кремни для высекания огня. Редко, преимущественно в женских захоронениях, находят железные иглы с остатками деревянных футляров. Обнаружены шилья, серп, амулеты из зубов диких животных, рыбьих позвонков, астрагалов барана. Среди предметов вооружения многочисленны наконечники стрел; изредка обнаруживаются остатки колчана с двумя или тремя наконечниками. В одном погребении лежал пучок из четырех наконечников стрел. В некоторых погребениях с черепом и костями лошади обнаружены остатки конской сбруи. Украшения и принадлежности костюма немногочисленны. Они находятся там, где их носили при жизни: серьги около головы, подвески – на груди, пряжка – около таза.

Гончарная керамика состоит преимущественно из кувшинообразных сосудов с ручкой и сливом, наибольшим диаметром тулова в нижней части. Они находят ближайшие аналогии в памятниках салтово-маяцкой культуры. Кувшины с приземистым туловом являются характерными для болгаро-аланского населения лесостепных районов.

Лепные сосуды горшковидной формы с волнистым орнаментом обычно в верхней половине тулова и насечками по краю венчика определяются как кочевнические, применявшиеся в быту тюркоязычных племен. Чашевидные и горшковидные сосуды с округлым или уплощенным дном, украшенные веревочным и гребенчатым узорами, имеют истоки в памятниках южных районов Западной Сибири и Зауралья, в древнеугорской среде.

Орудия труда из погребений представлены относительно небольшим количеством предметов преимущественно бытового назначения: ножи, кресала, гвозди, шилья, пряслица и иглы. Предметы вооружения и снаряжение боевого коня включает богатый набор железных наконечников стрел, костяные обкладки и накладки, крючки и от колчана, наконечники копий, сабли, кольца от кольчуги, а также удила,

стремена и пряжки от сбруи.

Украшения в комплексе погребального инвентаря Большетарханского могильника немногочисленны. Серьги них в основном серебряные, реже медные или бронзовые, очень редко золотые украшения находились преимущественно в женских захоронениях и лежали попарно в области черепа. Нагрудные украшения представлены медными и бронзовыми подвесками и пронизками, обнаруженными преимущественно в детских и реже в женских погребениях. Бусы немногочисленны, что отличает Большетарханский могильник от синхронных могильников Волго-Камья.

Время функционирования установлено на основе нумизматических и археологических данных – рубеж VII–VIII – первая половина IX вв. Этническая принадлежность населения, оставившего Большетарханский могильник, на основе ближайших аналогий погребального обряда и инвентаря с известными материалами болгарских (салтово-маяцких) памятников юга Восточной Европы, в особенности Подонья, была определена как болгарская.

Караякуповская культура. В VI–VII вв. в Южном и Западном Предуралье, Пермском Предуралье, Прикамье появляются пришлые из Зауралья и Западной Сибири племена, увязываемые с уграми. Они оставили после себя кушнареновскую археологическую культуру. В середине – второй половине VIII в. из Зауралья появляются новые группы населения, родственные кушнареновской культуре. Археологическая культура, сформировавшаяся с их приходом и бытовавшая затем в регионе до середины, а возможно до второй половины IX в., получила название караякуповской по городищу у с. Кара-Якупово в Чишминском районе Башкортостана. Эта культура представлена погребальными и поселенческими памятниками.

Поселения включают селища и городища. Городища размещены на высоких мысах, возвышенностях. В фортификационном отношении городища защищены одной, двумя или тремя линиями валов, но встречаются те, на которых следы земляных укреплений отсутствуют. Известны городища-убежища.

Селища расположены на надпойменных террасах рек. Все поселенческие объекты характеризуются тонким, бедным находками, культурным слоем.

Большая часть погребений караякуповской культуры происходит из курганных могильников. Немало погребений и в грунтовых могильниках. Могила простая, иногда встречаются уступы вдоль левой стенки. Ориентировка погребённого на запад. Поза – на спине с вытянутыми руками. Встречаются погребения, где левая рука погребенного согнута в локте и кисть руки уложена на таз. Из деталей ритуала фиксируются наличие костей животных (лошади) в могиле и глиняного сосуда в изголовье могилы и принадлежности сбруи, уложенные у ног погребенного, наконечники стрел, костяные обкладки лука, сабля, поясные наборы т.н. «тюркского типа» в виде отдельных деталей (пряжки, накладки) или целиком, шумящие подвески коньковые или арочные, бусы, перстни, браслеты, фигурные пронизки, листовидные серебряные медальоны.

Керамика лепная, тонкостенная с округлым дном, яйцевидным, реповидным или шарообразным туловом. Встречаются небольшие чашевидные сосуды. Как правило, поверхность керамики тщательно заглаживалась и орнаментировалась отпечатками мелкозубчатого штампа и горизонтальными линиями, характерны пояски из ямок и выпуклин – т.н. «жемчужины».

Основой хозяйства караякуповского населения являлись земледелие и скотоводство. Известны находки, которые можно связать с наличием металлообработки (тиг-

ли, льячки), ткачества (керамические пряслица), рыболовных промыслов (крючки рыболовные).

К кругу памятников караюakupовской культуры на территории Среднего Поволжья относится Большетиганский могильник, принадлежащий древневенгерскому населению.

Большетиганский могильник стал ключевым памятником в изучении проблем раннесредневековой истории Волго-Уралья в плане взаимоотношений угорского и болгарского населения. Он был обнаружен в 1974 г. в 20 км к югу от с. Большие Тиганы. В течение долгого времени распахивался, поэтому погребения не имели внешних признаков. Могильные ямы подпрямоугольные в плане с небольшим расширением в области ног или головы. Большинство с вертикальными стенками и ровным дном. Встречены уступы-заплечики вдоль продольной стенки. Выявлены одиночные захоронения (женские, мужские, детские и подростковые), а также два кенотафа. Встречаются коллективные захоронения: в одном из погребений было три женских, в другом – два детских костяка с характерным набором мужчины-воина. Имеются погребения с двумя детскими останками и погребение женщины с младенцем (рис. 7).

Под костяками встречены остатки деревянных гробовищ, а также войлока, грубой ткани или бересты. В изголовье погребенных находились кости животных, представляющие собой остатки погребальной пищи.

Характерным является сопровождение многих захоронений комплексом из черепа, костей четырех ног, иногда хвостовых позвонков лошади, которые находились на дне или на заплечиках могилы в ногах погребенных или сбоку от них. Нередко комплексы сопровождалась стремянами, удилами или уздечным набором. Иногда комплекс заменялся только черепом лошади.

Примечательной чертой обряда является применение погребальных лицевых покрытий, обнаруженных в восьми погребениях. Лицо умершего закрывалось тканью или кожей, на которое на место глаз пришивались накладки, вырезанные из пластинчатого серебра.

В значительном количестве могил найдены глиняные сосуды или деревянные чаши с серебряными обкладками, располагавшиеся в изголовье, а также железные ножи, иглы. В некоторых мужских захоронениях у тазовых костей лежали предметы огнива (кресала, кремни). Отличительным элементом женского костюма были головные уборы с пояском налобной повязки, украшенной металлическими накладками. Весьма специфичными и многочисленными являются пряжки, наконечники ремней, накладки. В основном они литые из серебра или бронзы. Удивительно богаты формы и орнаментация изделий, выполненных на высоком профессиональном уровне.

Предметы вооружения – сабли, луки, колчаны, стрелы, топор и кинжал – обнаружены лишь в мужских захоронениях. Сабли лежали, как правило, вдоль тела с левой стороны. Остатки луков найдены в десяти погребениях слева или справа от костяков, колчаны содержали от 3 до 10 стрел.

Специфические черты погребального обряда Большетиганского могильника, в частности погребальные маски, комплексы из черепа и костей лошади, находят прямые аналогии в древневенгерских памятниках на Дунае.

Большинство предметов из погребений Большетиганского могильника были широко распространены в памятниках степной и лесостепной зоны Восточной Европы, в частности в памятниках Верхнего Прикамья второй половины VIII – первой по-

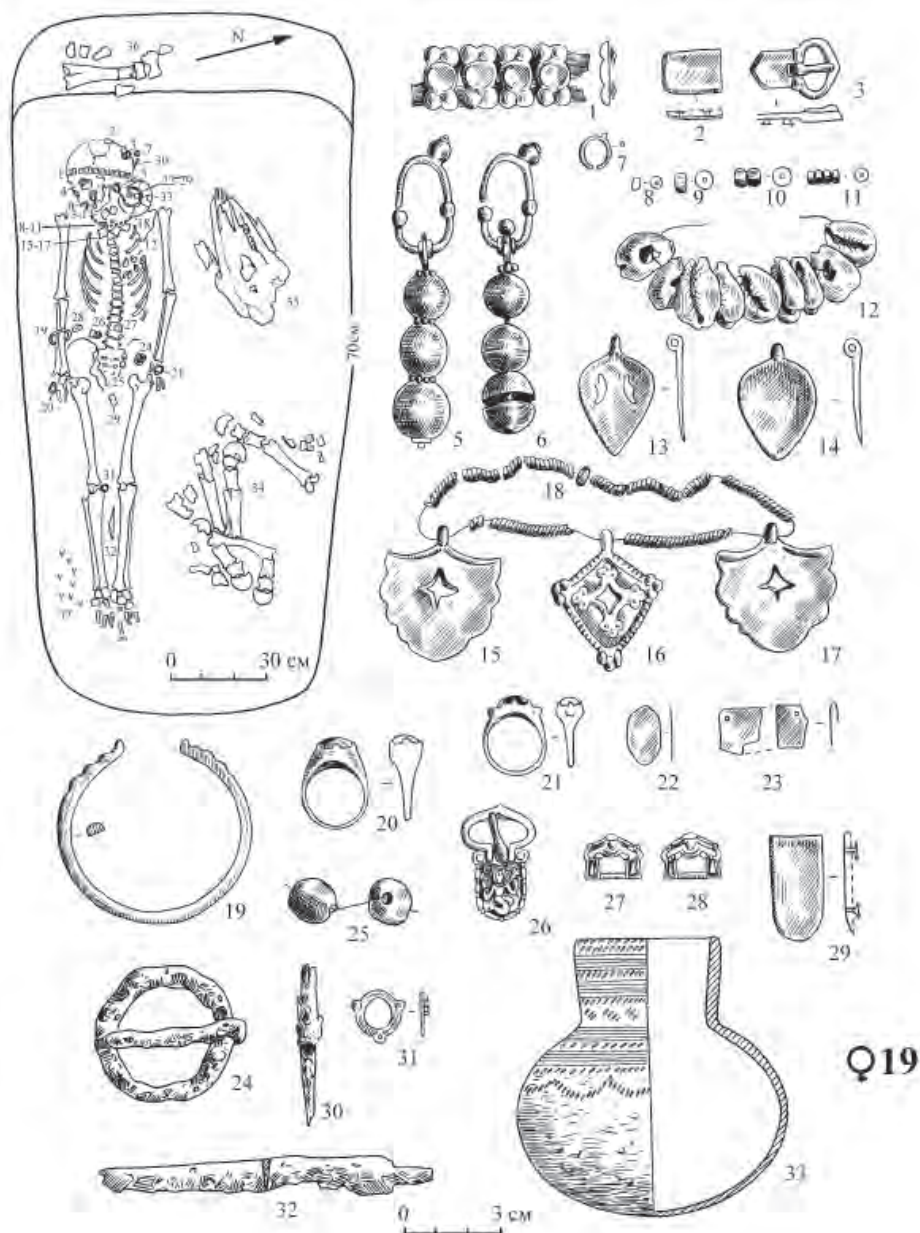

Рис. 7. Большетиганский могильник. Погребение 19 (женское захоронение).
 1 – медная накладка на кожаную повязку (37 экз.), 2 – серебряный наконечник, 3 – серебряная пряжка; 5, 6 – бронзовые серьги с нанизанными бусами, 7 – золотое колечко;
 8, 9 – белые, желтые и синие пастовые бисера (187 экз.), 10, 11 – двух- и трехзвеньевые бусы (8 экз.), 12 – раковины каури, 13, 14 – листовидные подвески из бронзы;
 15, 16, 17, 18 – медная подвеска с спирально-навитыми пронизями, 19 – бронзовый браслет;
 20, 21 – бронзовые перстни, 22, 23 – серебряные накладки, 24 – железная пряжка;
 25 – костяные бусины, 26 – серебряная пряжка, 27, 28 – серебряные накладки,
 29 – серебряный наконечник ремешка, 30 – обломок железного шила,
 31 – бронзовое колечко, 32 – железный нож, 33 – глиняный сосуд
 (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Казаков, Ситдилов, Хузин, 2022)

ловины IX вв., в могильниках Южного Урала второй половины VIII–IX вв. а также в памятниках салтовской культуры Подонья. Монетный материал, происходящий из погребений, позволил датировать основное время функционирования могильника самым концом VIII – IX вв.

Среди погребений могильника были и более поздние, совершенные в X в. Очевидно, Большетиганский могильник принадлежит группе населения Южного Урала, которые позднее совместно проживали с волжскими болгарами и постепенно ассимилировались, став частью средневекового тюркского мира Волго-Уралья.

На средневековом татарском городском кладбище г. Чистополя (Республика Татарстан), расположенном примерно в 50 км к востоку от с. Большие Тиганы, обнаружены болгарские надгробные камни XIV в. Один из них стоял на могиле «давшего воспитание ученым, любившего набожных, мечети воздвигавшего, множество благих дел совершавшего Маджара-кази сына Исмагиля». Это, вероятно, население, оставившее Тиганский могильник и связанное с домонгольским и золотоордынским населением восточных районов Волжской Болгарии, принявших ислам. Захоронения мусульманизированных, вероятно тюркизированных, угров совместно с болгарским населением выявлены в могильниках чияликской культуры верховий рек Ик и Белой. Их связь с населением, оставившим Большетиганский могильник, подтверждается и палеогенетическими данными домонгольского Гулюковского могильника чияликской культуры.

Танкеевский могильник является выдающимся памятником истории ранних болгар на Средней Волге. В его материалах нашли отражение те сложные культурные процессы, которые происходили в Волжской Болгарии в IX–X вв. и привели в конечном счёте к формированию единой средневековой тюрко-татарской общности Волго-Уралья в домонгольский и золотоордынский период.

Могильник расположен на территории д. Танкеевка Спасского района Республики Татарстан, в 20 км к юго-востоку от Болгарского городища. К сегодняшнему дню здесь вскрыто около 1200 погребений (общее количество погребений около 5–6 тыс.). На раскопанной площади выделяются языческая (около 95% от общего количества могил) и мусульманская части. В языческой части выявлены коллективные захоронения, пустые могилы – кенотафы, детские и подростковые захоронения (около 30% от общего количества захоронений); остальные (66%) принадлежат взрослому населению.

Широко распространенными являются поминальные комплексы, состоящие из лепных круглодонных и плоскодонных горшковидных сосудов и костей животных: черепов, челюстей, костей ног, лопаток лошадей и других животных. Раскопками выявлено более двухсот таких комплексов. Они встречаются обычно в слое чернозема на глубине 30–60 см от современной поверхности. Данные комплексы привязаны к погребениям и расположены в небольших ямах, которые находились у ног богатых вещами мужских захоронений (рис. 8).

Глубина могильных ям колеблется от 80 до 140 см, встречаются как более глубокие (иногда до 220 см), так и небольшой глубины (50–60 см) ямы. Длина ям от 160–180 см до 181–220 см. Ширина основной массы могил 40–60 см.

Подавляющее большинство погребений совершено в простых ямах с отвесными стенками; часть могил имела уступы-заплечики вдоль стен или подбои. На дне зафиксированы остатки гробовищ. Костяки лежат вытянуто на спине, головой на запад с различными отклонениями (рис. 8).

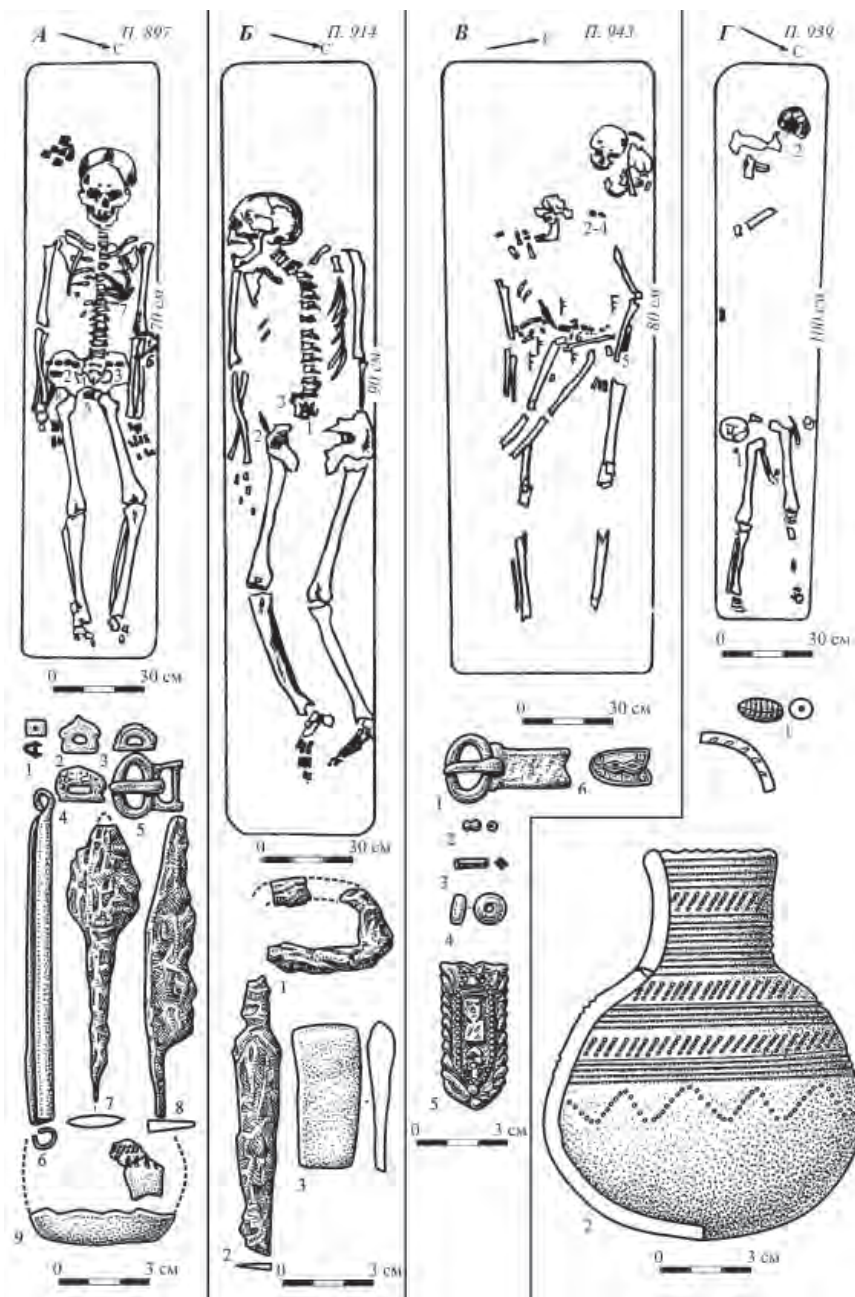

Рис. 8. Танкеевский могильник. Планы и вещевые комплексы погребений 897, 914, 943, 939. (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Казаков, 2022)

Языческие погребения, за редким исключением, имеют сопровождающие вещи: предметы одежды и украшения, посуду, орудия труда и оружие, детали конского снаряжения и т. д. Из предметов одежды и украшений наиболее массовыми являются накладки головного убора, височные подвески, бусы и бисер, разнообразные подвески, пронизки и обоймы, украшавшие грудь и шею; перстни и браслеты,

а также предметы поясного набора. В некоторых погребениях вблизи окислившихся бронзовых изделий сохранились фрагменты меха и ткани одежды (рис. 8). Тонкая шёлковая ткань встречается, как правило, у черепов скелетов. Это, скорее всего, остатки масок – своеобразных покрытий лица покойника. Состоят они из пластинчатых серебряных личин с прорезями для глаз и рта и шелковой подкладкой под них (рис. 10).

Височные подвески располагались обычно попарно у височных костей скелетов. Для мужских погребений обычны кольцевидные подвески, для женских характерны более сложные, в частности салтовского типа, подвески.

Бусы и бисер, встреченные в четверти всех погребений могильника, располагались обычно там, где носили их при жизни. Некоторые из бус, вероятно, вплетались в косы. Бисер встречается по всей верхней части скелетов или же концентрируется у кистей рук. В состав ожерелья детских и подростковых погребений часто входили подвески из клыков животных.

В женских и детских погребениях найдены шумящие подвески, располагавшиеся в верхней части груди скелетов. Они являлись украшениями груди или вплетались в концы женских кос.

Перстни располагались у костей кисти правой руки погребенного. В некоторых погребениях встречено по два перстня. Характерным украшением рук являются также браслеты, которые обычно находились на правой, редко на левой руке, а иногда на обеих руках. Предметы поясного набора встречаются всегда у тазовых костей скелета.

Глиняные, деревянные и железные сосуды ставились обычно у изголовья погребенных, хотя имеются случаи расположения их у ног или над коленями. В некоторые из сосудов были положены костяные ложечки. В большинстве погребений было по одному сосуду, в некоторых – по два.

Из орудий труда и оружия наиболее многочисленными являются топоры, ножи, предметы огнива, шилья, напоя, наконечники стрел. Значительно реже встречаются детали колчана, тесла, копыя, сабли, серп и др.

Железные проушны топоры происходят из мужских погребений. Ножи располагались у пояса, в ногах или редко у изголовья погребенного. Предметы огнива (кремни, трубицы от трута, кремешки), иногда вместе с остатками поясных сумочек, найдены у поясов, у левой или правой сторон мужских скелетов. Железные шилья, иглы, пряслица положены у изголовья, у пояса, в районе ног или рук.

Стрелы находились в колчанах, хорошо сохранившиеся остатки которых обнаружены в двух погребениях. В некоторых мужских погребениях у ног скелетов находились железные наконечники копий, а также сабли, уложенные справа от погребенного, острием к его голове. Предметы конской сбруи – удила, подпружные пряжки, соединительные кольца – располагались обычно у ног костяков. В могилах часто встречаются кости животных.

Лепная керамика представлена круглодонной посудой низких пропорций, плоскодонными изделиями, а также одноручными кувшинами (рис. 9). Среди керамики, имеющей урало-прикамские истоки, преобладают приземистые формы с широко открытой горловиной. Орнаментированы преимущественно гребенчато-шнуровыми, решетчато-шнуровыми и другими видами узора. Аналогии имеются во многих финно-угорских памятниках Верхнего и Среднего Прикамья, Приуралья, Среднего и Южного Урала и лесного Зауралья. Исходными районами для керамики с веревоч-

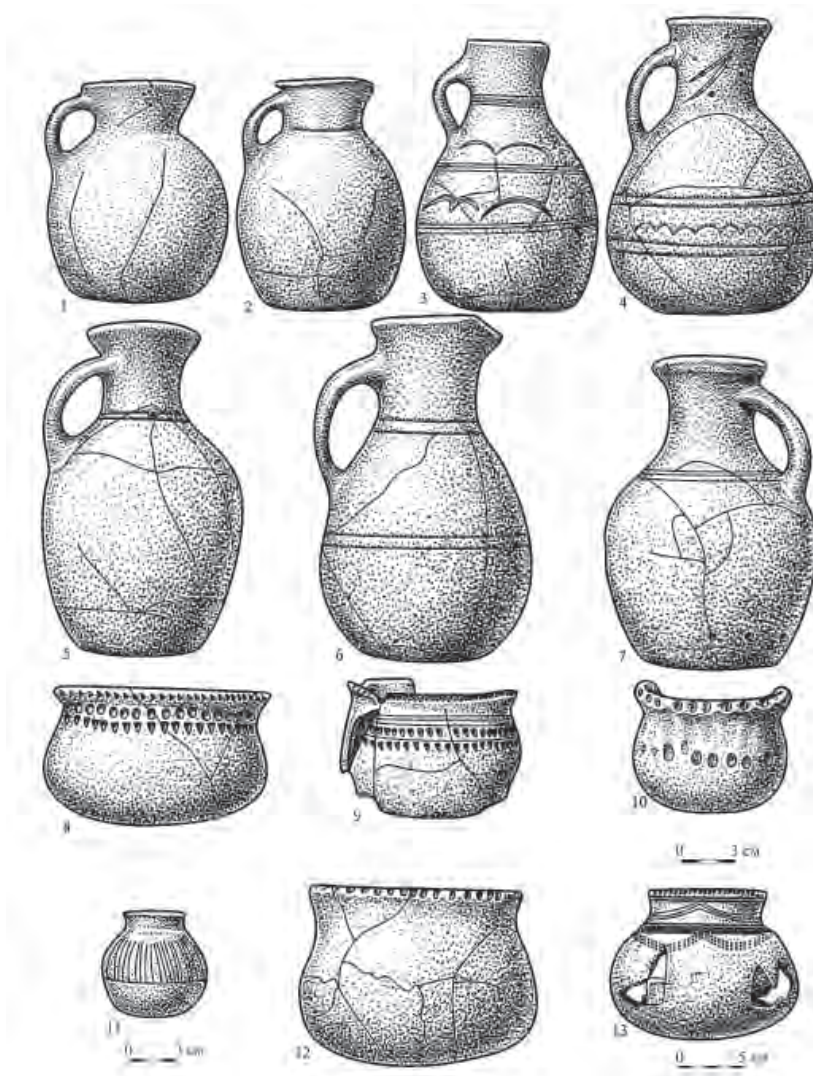

Рис. 9. Танкеевский могильник. Круговые одноручные кувшины и лепная посуда
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Казаков, 2022)

но-гребенчатой орнаментацией являются Средний Урал (памятники петрогромского типа) и Верхнее Прикамье (раннеломоватовские памятники).

Круговая посуда Танкеевского могильника представлена одноручными кувшинами, кувшинообразными сосудами без ручек, кружкообразными сосудами, корчагами, амфоровидным сосудом, горшком и триподом. Аналогии круговой керамике Танкеевского могильника имеются в салтово-маяцких памятниках второй половины VIII – начала X вв.

Аналоги серьгам, украшенным по кольцу пирамидками зерни, фиксируются только в ломоватовских и поломских памятниках второй половины VIII – IX вв. Серьги с напускными бусами по своему происхождению связаны с салтово-маяцким кругом памятников.

Рис. 10. Танкеевский могильник. Погребальные маски
1 – погребение 83, 1961 г., 1964 г., 2 – погребение 1092, 1977 г., 3 – погребение 272,
4 – погребение 40, 1961 г. (из фондов МА РТ ИА АН РТ)

Шумящие подвески из бронзы с трапециевидным, прямоугольным, круглым, треугольным щитком и с щитком в виде конских головок связаны с культурой приуральско-прикамских финнов и датируются X в.

Как видим, погребальный обряд и инвентарь этого уникального некрополя объективно отражают сложные этнокультурные процессы населения, состоявшего из взаимодействующих между собой тюркоязычных (болгары) и финно-угорских групп. Среди последних легко определяется население Верхнего и Среднего Прикамья (группы восточных финнов), чётко выделяется угорский компонент. В Танкеевке обнаружено захоронение мещеры, свидетельствующее об этнических связях с волго-окским финским населением.

Памятники кочевников степного и лесостепного Предуралья

В настоящее время в степях Южного Предуралья и Заволжья известно 73 могильника огузо-печенежского времени, т. е. IX – первой половины XI вв., изучено около 170 погребений (рис. 11).

Погребальный обряд этих памятников характеризуется следующими признаками: 1) захоронения под земляными курганами, погребения в большинстве своем впускные в более ранние насыпи; 2) в насыпи содержится по одному погребению,

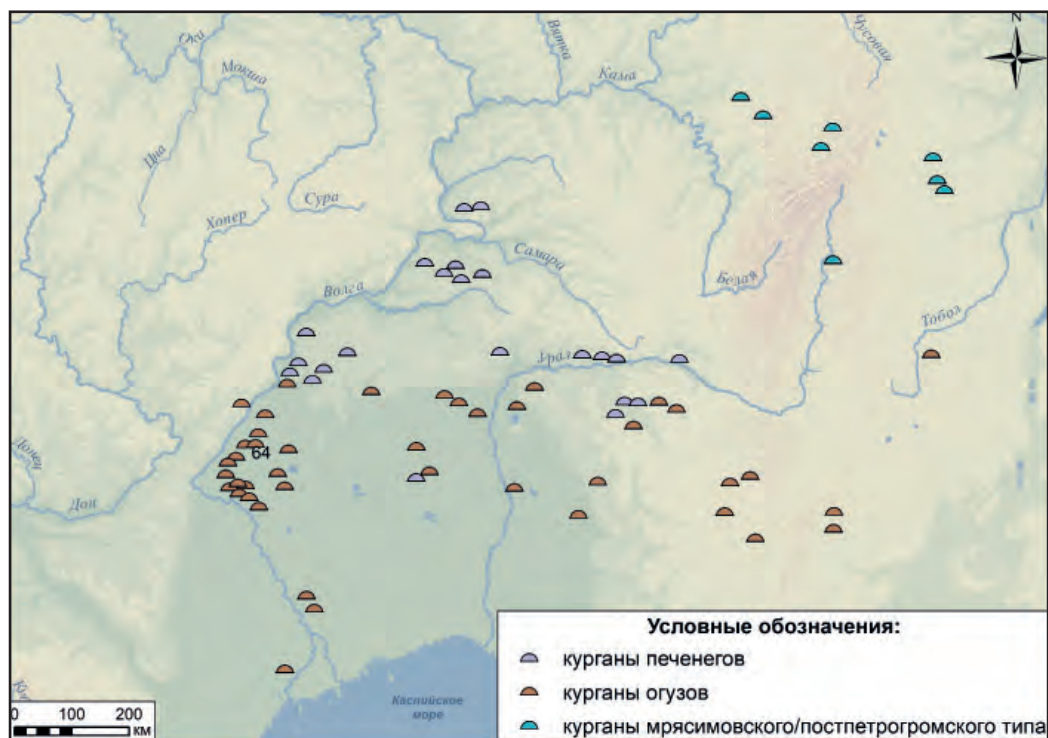

Рис. 11. Карта-схема основных курганных могильников огузо-печенежского времени (X–XI вв.) в Волго-Уралье (по: Иванову В.А.)

но часто встречаются курганы с двумя погребениями; 3) более четверти всех могил перекрыты деревянными плахами; часто встречаются захоронения в дощатых гробах или на древесной подстилке; 4) остатки конских захоронений представлены черепом и костями ног (шкуры коня), расположенными слева от человека или над ним; ряд погребений содержит принадлежности конской сбруи, но без коня; 5) абсолютно преобладает ориентировка погребенных в западном секторе (запад, северо-запад, юго-запад); 6) из остатков заупокойной пищи отмечены кости овцы; 7) среди сопровождающего инвентаря преобладают принадлежности конской сбруи – стремена и удила – и предметы вооружения – железные наконечники стрел, костяные обкладки лука, сабля; из украшений и убранства костюма – поясные пряжки и накладки, серьги-подвески, в основном кольцевидные, а также птицевидные подвески и подвески-копоушки; из бытовых предметов – ножи и железные кресала с кремнем.

Часть погребений не содержит вещей. Полагают, что такие погребения могут свидетельствовать о начале проникновения ислама в кочевническую среду Волго-Уралья.

Из письменных источников известно, что в X в. в степях Заволжья и Южного Предуралья кроме огузов обитали и печенеги. Археологические культуры огузов и печенегов при всей схожести их культур имеют свои четко выраженные морфологические признаки, позволяющие различать их между собой. Археологические признаки огузского типа выделены в погребениях кочевого населения, обитавшего в степях Волго-Уралья преимущественно к востоку от Волги. В степном Заволжье и Южном Предуралье, на обширном пространстве вплоть до Днестра на западе, ло-

Рис. 12. Керамика мрясимовского (постпетроградского) типа из могильников Предуралья (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Иванов, 2022)

кализуются погребения, в инвентаре которых присутствуют характерные признаки печенежской культуры.

В конце IX и в течение X в. в степях Южного Предуралья и Заволжья огузы и печенеги жили по соседству. Об этом есть свидетельства средневековых авторов. Следуя их данным, археологи очерчивают ареал огузских курганов степного Заволжья и Предуралья и границы Огузской степи X в. На западе это Волга, являвшаяся границей между огузами и Хазарией; южная граница фактически совпадает Прикаспием. Печенеги стали существенной силой в противоборстве с Хазарскими каганатом и киевскими князьями. Ближайшими северными соседями огузов и печенегов были племена в составе Волжской Болгарии.

Ближайшими северными соседями огузов и печенегов Заволжья и Южного Предуралья были племена, оставившие в памятники мясимовского или постпетрогромского типа. Почти все погребения совершены под земляными курганами 5–8 м в диаметре. Преобладают погребения в курганах, содержащих от двух и более захоронений (семейные усыпальницы?). Важной этнографической чертой курганов мясимовского типа являются захоронения черепов и костей ног лошади в полах курганов. Очень редко в могилах фиксируются остатки берестяной обертки на костях человека. Почти каждое третье погребение содержит плечевую кость лошади, что является племенным признаком населения, оставившего эти памятники. Многие погребения содержат глиняные сосуды, поставленные в изголовье могилы. Данные группы населения наиболее близки к оставившим после себя археологические следы на поселенческих памятниках Волжской Болгарии – округлодонные лепные сосуды с толчёной раковиной в тесте, украшенные насечками по краю венчика, оттисками верёвки в несколько линий по цилиндрической шейке и гребенчатым орнаментом (зигзаги, ёлочки) по плечу. Эта керамика генетически связана с более ранней петрогромской культурой Зауралья и получила название постпетрогромской. В XII в. ее сменяет в Предуралье родственная чияликская культура (рис. 12), формировавшаяся при сильном взаимодействии с Волжской Болгарией.

Поселений мясимовского (постпетрогромского) типа в Предуралье не обнаружено. Фрагменты керамики находят на ряде городищ Предуралья, как и в центральных, закамских территориях Волжской Болгарии. Они составляют не более 5–7% от общего количества посуды, отражая единое этнокультурное пространство Волжской Болгарии и ее восточных регионов в верховьях рек Белой и Ик.

Мордовские памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья

Наиболее распространенными в Окско-Сурско-Цнинском междуречье во второй половине VIII – первой половине XI в. являются памятники древнемордовской культуры, в недрах которой продолжают складываться две субкультуры – мокшанская и эрзянская. Они концентрируются в бассейнах рек Тёши и Мокши (правые притоки р. Оки) с её притоками Цной и Вадом. Небольшое число памятников фиксируется в бассейне Верхней Суры (рис. 13).

Северо-западная окраина рассматриваемой территории – правобережье Оки – была заселена племенами муромской культуры. На северо-востоке по правому берегу Волги и в низовьях её притока Суры проживали древнемарийские племена.

Поселения и их вещевой инвентарь второй половины VIII – первой половины XI в. исследованы слабо. Городища располагаются либо на мысах надпойменных террас, либо в овражных системах. Их площадки бывают подтреугольной, подтрапиевидной или неправильной в плане формы. Городища с напольной стороны защищены валом, часто с проходом и рвом с его внешней стороны. Более сложным по планировке является Фёдоровское 1 городище на р. Тёше. Основная его площадка окружена валом с проходом и рвом, рядом располагается ещё одна площадка с валом и рвом с внешней стороны.

Городища являлись не только убежищами для населения в периоды опасности нападения врагов, но и производственными центрами, о чем свидетельствуют остатки ремесленной деятельности на ряде памятников.

Селища средневековой мордвы, небольшие по площади (1,5–2 га), располагались на надпойменных террасах, на пологих склонах и коренных берегах рек.

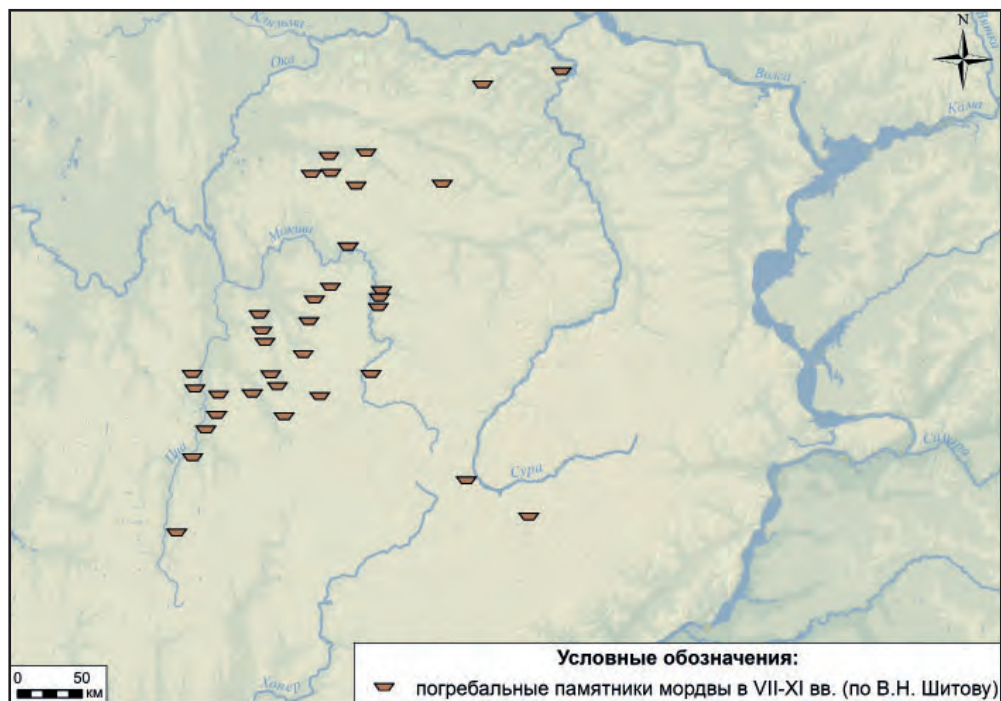

Рис. 13. Мордовские памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья второй половины VIII – первой половины XI в. (по: Шитову В.Н.)

На селищах и городищах в это время встречается только лепная керамика: горшки, банки, чаши, миски; появляются сковороды. Поверхность сосудов либо грубая и бугристая, либо хорошо заглаженная, иногда лощёная. У части сосудов края венчиков украшены насечками или отпечатками зубчатого штампа.

На мордовских городищах и селищах второй половины VIII – первой половины XI в. найдены строительный инвентарь (проушные и втульчатые топоры, тесла, пила, долота, зубила, стамески, сверло, гвозди, пробойники), предметы вооружения (наконечники дротиков, копий и стрел), детали конской сбруи, украшения (серебряные и бронзовые височные кольца, браслеты, серьги, шейные гривны, перстни, бубенцы, сьюльгамы, застёжки, привески и подвески разнообразных форм, стеклянные и костяные бусы), арабские монеты IX–X вв. и прочие находки. Височные подвески, имеющие грузик и спираль, являются этноопределяющим признаком для мордовских могильников второй половины VIII – первой половины XI в.

Кроме погребальных и поселенческих памятников исследованы остатки древнего святилища VIII–IX вв. Оно располагалось в бассейне верхней Суры на холме, окаймленном по краям крупными камнями. Груда камней выявлена и на вершине холма. Здесь обнаружена глинобитная площадка с остатками многочисленных кострищ на глубине более 1 м. На ней находился жертвенный камень со следами длительного воздействия огнём. В центре святилища на глубине 1,2 м найден ствол соснового дерева с раздвоенными и обрубленными концами, возможно остатки священного дерева, которому поклонялись.

На сегодняшний день известно более 35 мордовских могильников. Данные некрополи рассматриваемого времени грунтовые. Ямы глубиной от 0,4 до 2,4 м, чаще все-

го подпрямоугольной формы с закругленными углами. Встречаются овальные ямы с детскими погребениями. В засыпной земле фиксируются угли, зола, обугленная кора в виде прослоек – следы кострищ. Встречаются небольшие сосуды, отдельные вещи и их фрагменты, кальцинированные кости и крупные кости домашних животных. На дне могильных ям отмечены обожженные плашки, охра, остатки небольшого костра, а также подстилка в виде деревянных плашек, коры, луба. Над погребениями встречаются луб, кора и ткань. Имеются захоронения в деревянных гробовищах.

Основным обрядом мордовских могильников второй половины VIII – первой половины XI в. является труположение. Имеются парные захоронения. Умершие обычно лежат на спине в вытянутом положении. В цнинских могильниках руки у женщин расположены на груди или в области таза. Обнаружено небольшое количество мужских и женских захоронений, лежащих на боку с вытянутыми или согнутыми ногами.

Мокшанские и эрзянские погребальные памятники различаются по особенностям погребального обряда. Для первых характерна ориентация покойников головой в южном направлении, для вторых – в северном, иногда отклонениями на запад. Эрзянские памятники второй половины VIII – первой половины XI в. занимают бассейны рек Тёши и Пьяны. Мокшанские памятники располагаются по течению р. Мокши и её притоков Вада и Цны.

Более десяти из раскопанных к настоящему времени могильников содержат погребения, совершённые по обряду трупосожжения. Наибольшее их количество фиксируется в погребальных памятниках на реках Вад и Цне. В эрзянских погребальных памятниках на р. Тёше трупосожжений значительно меньше. При кремации останков она совершалась на кострищах вне могильной ямы. Их остатки содержали угли, золу, куски обожжённой глины, фрагменты керамики, кости домашних животных: коровы, лошади, свиньи, овцы, кальцинированные человеческие кости. Кальцинированные кости вместе с золой и углями помещались в могильные ямы, рассыпались по всему дну или гробовищу либо складывались кучкой в ее центре или, как у мокши, в южной части, а эрзи – в северной. Набор украшений располагался или в порядке ношения, или укладывался на кучку кальцинированных костей, иногда рядом с ней, или в беспорядке.

В мордовских женских комплексах чаще всего встречаются украшения: налобные венчики, височные подвески с грузиком, гривны, ожерелья из бус, пронизок и подвесок, сюльгамы, браслеты, перстни, разнообразные подвески, часто нашитые на полотняную и шерстяную одежду. Несколько менее часто находят накосники, круглые пластинчатые нагрудные и поясные бляхи, поясные наборы, украшения обуви. Во многих погребениях встречена лепная посуда. Довольно часты находки ножей и пряслиц. Имеются предметы хозяйственного обихода: железные серпы, топоры, глиняные формочки для изготовления мелких украшений льячки, шилья, кресала, фитильные трубки, вязальные крючки (рис. 14).

Для мужских погребений характерны находки предметов вооружения, снаряжения коня: наконечники копий, мечи и сабли с остатками деревянных или бронзовых ножен, наконечники стрел, боевые топоры-чеканы (в основном на мокшанских памятниках), кинжалы, наконечники пик, удила и стремена. Из орудий труда встречаются втульчатые и проушные топоры, долотовидные орудия, ножи, фитильные трубки, кресала с кремешками. Редкими находками являются мотыжки, топоры-молоты, скобели, гарпуны, точильные камни. Найдены лепные сосуды. Они не часто

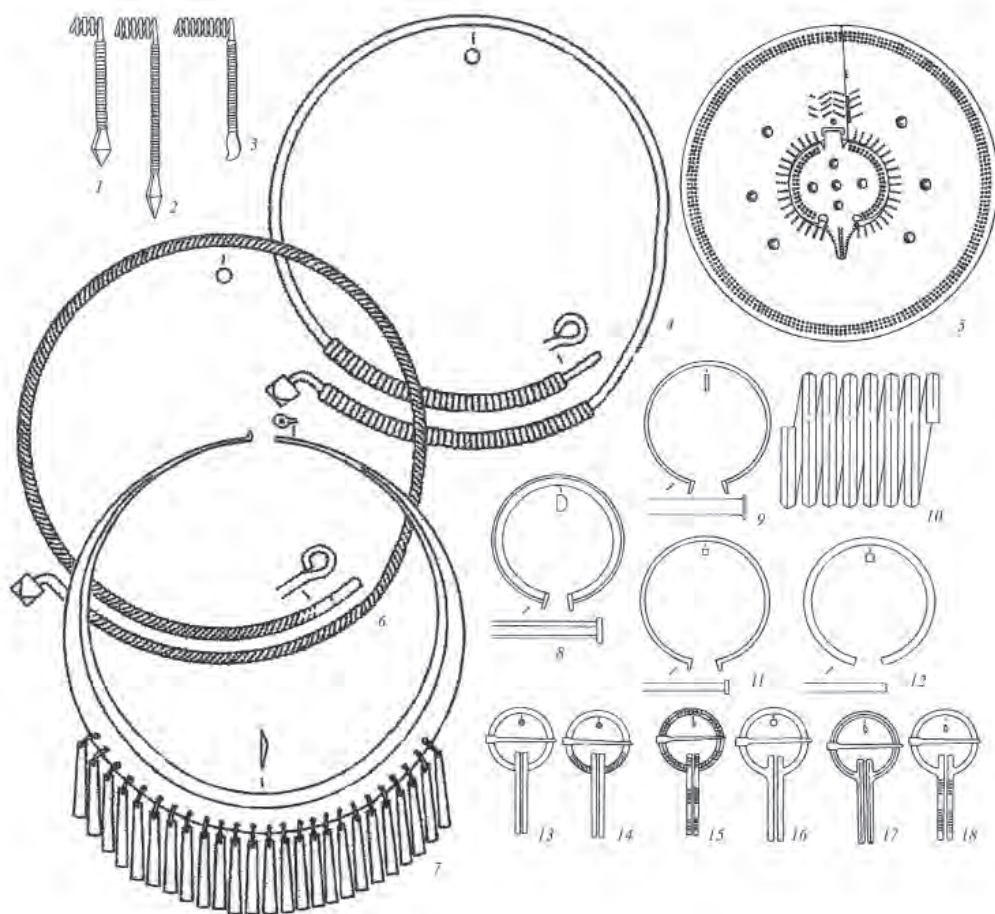

Рис. 14. Вещи ранней стадии мордовских могильников (вторая половина VIII–IX вв.): височные подвески с грузиком (1-3), шейные гривны (4, 6, 7), дисковидная нагрудная бляха (5), браслеты (8-12), сьюлгамы (13-18) (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Вихляев, Зеленец, Зеленцова, 2022)

встречаются в мокшанских мужских погребениях. Непременной принадлежностью мордовских мужских погребений являются поясные наборы.

В мужских погребальных комплексах много украшений, в основном таких же, что и в женских. В ряде захоронений они помещались кучкой, иногда в берестяной коробочке или просто на куске бересты.

Имеющиеся археологические материалы дают общее представление о хозяйственной жизни древней мордвы. Во второй половине VIII – первой половине XI в. продолжает развиваться земледелие, известное еще с первой половины I тысячелетия н. э. О нем свидетельствуют находки серпов, мотыжек, топоров, обломков жерновов, глиняных сковородок для выпечки хлеба.

Земледелие тесно связано с развитием скотоводства, археологическими свидетельствами которого являются находки костей различных домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней). Расцветает домашнее ремесло, о чём свидетельствуют разнообразные изделия, обнаруженные на поселениях

и могильниках. Развивается чёрная и цветная металлургия, на что указывают развалы плавильных печей, крицы, шлаки, слитки металла, тигли, льячки, ювелирные пинцеты. Зафиксировано наличие прядения и ткачества, обработки кости и дерева, кожевенное и гончарное дело. Значительное место в хозяйстве занимали охота, рыболовство и бортничество.

Памятники Среднего Предуралья

Археология этого региона интересующего нас времени представлена памятниками *ломоватовской культуры*. К этой культуре принадлежит около 400 археологических памятников – городищ, селищ, могильников, кладов (святилищ) (рис. 15).

Ломоватовские памятники расположены отдельными группами, разделенными обширными болотистыми или лесистыми пространствами. Каждая группа включает в себя 1–2 городища, 2–4 селища, 1–3 могильника. Эти группы принадлежали, скорее всего, отдельным родам ломоватовских племен.

Лучше изучены могильники VIII–X вв. Значительные раскопки производились на Агафоновском II (более 450 погребений), Рождественском (более 300), Огурдинском (более 200), Баяновском (более 400) могильниках. На могильниках хоронили в течение нескольких столетий. Многие бескурганые могильники VII–VIII вв. существовали вплоть до X–XI вв. Такие могильники занимают обширную площадь и содержат по несколько сотен погребений.

Большая часть захоронений совершена по обряду ингумации (труположения), но присутствуют и захоронения по обряду кремации. Грунтовые захоронения располагаются рядами. Неглубокие могильные ямы имеют прямоугольную или овальную форму. Погребённые укладывались преимущественно ногами к реке с ориентацией головой на север, с отклонением на северо-запад. Преобладало положение погребённых вытянуто на спине, с руками, уложенными вдоль туловища. На дне могил фиксируются остатки деревянного настила и бересты, реже – следы дощатой рамы или гробовища из досок, в отдельных погребениях прослеживаются долблённые колоды либо лодки-долблёнки. Нередко фиксируются следы ритуальных действий, направленных на очищение. Около 70% погребений содержат проявления культа огня – углисто-золевые скопления из поминального костра, прокал. Частыми, особенно в мужских погребениях, являются находки фрагментированных черепов и конечностей коня, деталей конского снаряжения – удила, подпружных пряжек и стремян. Комплекс коня, лодки и сани, судя по этнографическим данным, связаны с традицией снабжать умерших транспортом для движения в загробный мир.

На ряде могильников встречены жертвенно-поминальные комплексы в межмогильном пространстве: небольшие округлые ямы, окруженные столбовыми ямками от кольев, в которые помещалась поминальная пища, единичные украшения, а зачастую – фрагменты конских черепов или удила. В погребения помещались сосуды с заупокойной пищей: керамические, изготовленные специально для погребального ритуала и отличающиеся плохим обжигом; деревянные, иногда украшенные по венчику серебряными обкладками, изредка – медные котлы.

В могилы, кроме вещей, находящихся на парадных одеждах погребённых, укладывали их личные вещи. В женских погребениях встречаются пряслица, швейные и вязальные иглы, в мужских – наборы хозяйственных и производственных орудий: рыболовные крючки и наконечники мотыг, деревообрабатывающие инструменты, реже – специализированные инструменты кузнецов и литейщиков. В мужских по-

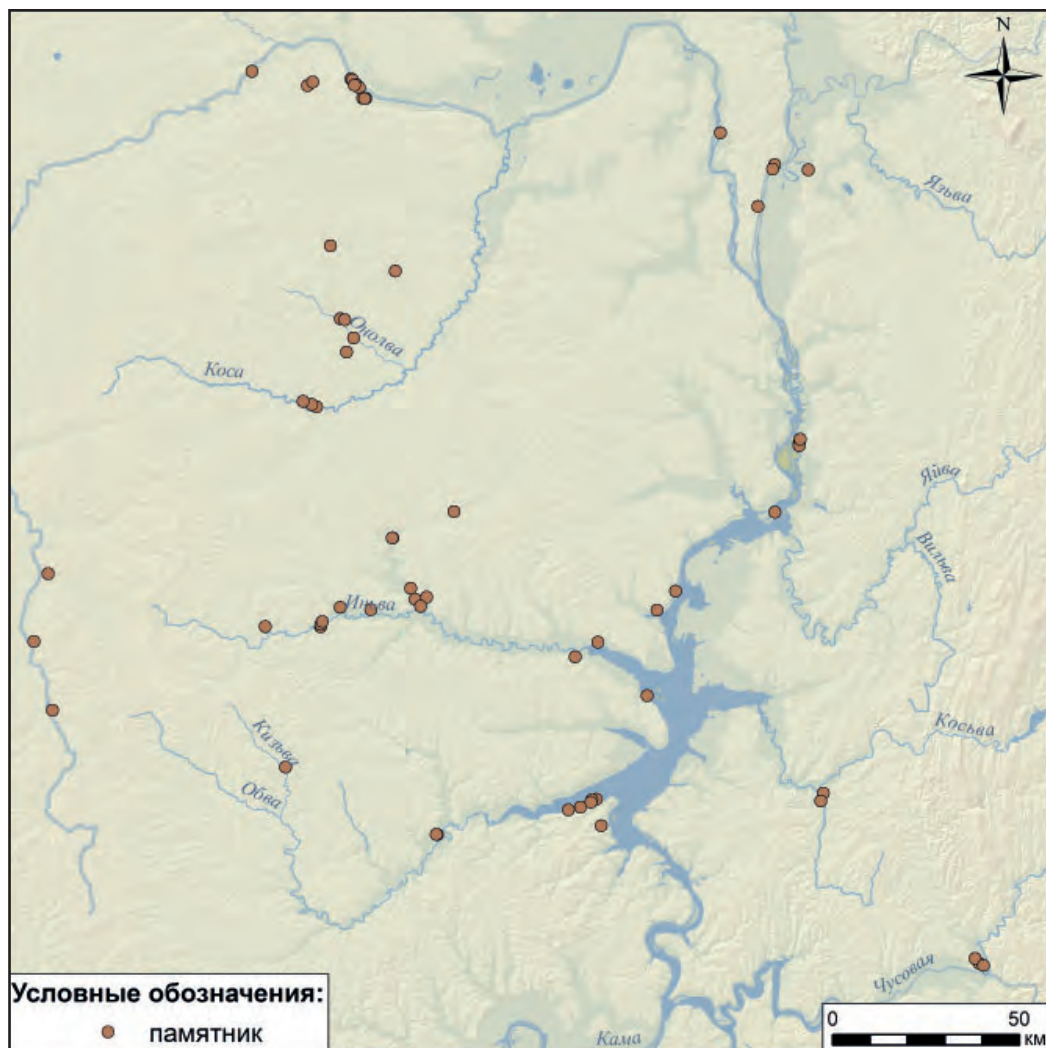

Рис. 15. Основные памятники ломоватовской культуры VII–XI вв.
(по: Белаину А.М., Крыласовой Н.Б.)

гребенях положены предметы вооружения: боевые топоры, наконечники стрел, копий и дротиков, резе сабли (рис. 16).

Особой чертой погребальной обрядности носителей ломоватовской культуры является распространение серебряных погребальных масок. Они нашивались на куски шелкового покрывала, закрывавшего лицо покойного. Маски встречаются в основном в мужских воинских погребениях. Использование погребальных металлических масок характерно для погребений Танкеевского могильника, венгерских могильников Паннонии в IX–X вв. «периода обретения Родины». В этнографической современности в погребениях угров Западной Сибири (хантов и манси) маски являются одной из характерных черт погребального обряда.

Поселения ломоватовской культуры представлены укрепленными городищами и неукрепленными селищами, которые обычно находились недалеко от городищ.

Наиболее полно изучено Запосельское селище на Верхней Каме между городами Соликамском и Березники. Общая площадь памятника составляла около 6 га. На нем вскрыто большое количество объектов: жилища, хозяйственные ямы, столбовые конструкции. Наиболее интересным является полностью изученное жилище прямоугольной формы площадью 67,5 кв. м (15×4,5 м). Стены его были бревенчатые, построенные в столбовой технике, крыша односкатная, по периметру жилого сооружения располагались нары, в центре размещалось глинобитное отопительное устройство типа камина (чувала). В жилищно-хозяйственном комплексе кроме жилища присутствовали мостки, ведущие от южного входа к ручью, хозяйственный пристрой для содержания скота, ямы для сбора золы, объекты производственного назначения. Жилище и окружающее его пространство были тщательно обустроены для создания комфортных условий жизни и ведения хозяйственной деятельности.

Основную часть находок на селище Запоселье составляли фрагменты лепной посуды, железные ножи и шилья, резцы, зубила, гвозди; бронзовые и серебряные украшения, в том числе характерные для Пермского Предуралья коньковая подвеска, стеклянные и хрустальные бусы; многочисленные предметы, связанные с бронзолитейным производством (тигли, форм, ложка-лячка) и пр.

Жители этого поселения вели комплексное хозяйство, основанное на скотоводстве и мотыжном земледелии с высокой долей охоты и рыболовства. Уже на первых порах жизни на новом месте они начали активно развивать металлургию. Источником сырья для черной металлургии являлись болотные руды, в изобилии разбросанные вдоль побережья Чашкинского озера. Цветная металлургия базировалась на Кушгортском месторождении медистых песчаников с поверхностным залеганием руды.

Особый тип археологических памятников – ремесленные (металлургические) посёлки. Они располагались обособленно от поселений, жители которых занимались сельским хозяйством и охотой. Ярким примером ремесленных поселков является селище Володин Камень I на берегу Чашкинского озера. Здесь исследованы остатки двухкамерного, углубленного в землю сооружения, связанного с бронзолитейным делом. О его назначении свидетельствуют многочисленные медные шлаки, тигли, бракованные отливки, разломанные литейные формы, а также готовые изделия из бронзы и меди. На этом же поселении велась и выплавка меди из руды: выявлены следы производственной площадки, на которой располагался металлургический горн, и отдельная площадка, где проводилась подготовка сырья и топлива для плавки.

Укрепленные поселения – городища сооружались обычно на мысах разной высоты и формы. Оборонительные сооружения обычно просты: вал и ров с напольной стороны. В IX–X вв. на ряде городищ появляются дополнительные системы укреплений – количество валов доходит иногда до 3–4. По гребням валов устанавливались частоколы из брёвен. Земляная часть валов вместе с частоколами образовывали стену высотой до 5 м. Площадь городищ небольшая – до 1 га, реже встречаются и значительно более крупные памятники.

Раскопками изучено немного ломоватовских городищ VIII–X вв.: Володин Камень, Лаврятское, Бисеровское II, Ором, а также ряд городищ, возникших в ломоватовское время до X в. и продолжавших существовать вплоть до XIII–XIV вв. (Шудьякар, Анюшкар, Рождественское).

Типичным ломоватовским городищем является Лаврятское, расположенное на левом берегу р. Вильвы (приток Косьвы, левого притока Камы) в Добрянском

Рис. 16. Серебряные маски IX–X вв. из ломоватовских могильников
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Белавин, Крыласова, 2022)

районе Пермского края. Площадь его (вместе с валом и рвом) составляет около 1 га. Городище расположено на мысу с крутыми склонами, с южной, напольной стороны укреплено валом и рвом. На памятнике частично исследованы два жилища IX–X вв. каркасно-столбовой конструкции с остатками очага в виде слоев золы и прокалённой глины, печи-чувала. Изучена яма-кладовка с костями домашних животных и раздавленными сосудами, в одном из которых собраны зёрна ячменя, а в двух других – большое количество обожженных глиняных шариков. Керамика представлена типичными лепными сосудами чашевидной и горшковидной формы. В основном они имеют характерную для ломоватовской культуры орнаментацию в виде многорядного «шнура» по шейке в сочетании со шнуровыми и гребенчатыми «подковками» по плечу.

На городище найдены железные и костяные наконечники стрел, ножи, серп, каменная зернотёрка, глиняная литейная форма для отливки умбоновидной подвески, металлические бляхи (изображающие людей и животных), пряслица, кочедыки, орнаментированная рукоять шила, бронзовые украшения, в том числе фрагмент салтовского перстня со вставкой из синего стекла, стеклянные бусы. Найден железный ральник – свидетельство раннего (X в.) возникновения пашенного земледелия в Предуралье.

Материалы раскопок наглядно свидетельствуют о комплексном характере хозяйства ломоватовского населения. Его основу составляли подсечное лесное мотыж-

Рис. 17. Женский и мужской костюмы IX–X вв.
По материалам Баяновского могильника. Реконструкция Н.Б. Крыласовой
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Белавин, Крыласова, 2022)

ное земледелие и пастушеское скотоводство. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней. Активно занимались охотой, бортничеством, рыбной ловлей. Собака использовалась не только на охоте, но и как ездовое животное, о чем свидетельствуют костяные части поводков, вертлюжков от упряжки и застёжки-псяики, найденные на Анюшкаре и Рождественском городище.

В ломоватовское время возросло значение промысловой охоты, особенно пушной. Первое место в промысле занимал бобр, добыча которого шла повсеместно и кости его составляли до 50% всех диких животных. Кроме бобра добывались горностай, соболь, куница, белка. Меха стали основным эквивалентом в транзитной торговле. Ради мяса охотились на лося, кабана и северного оленя. Северный олень использовался не только на мясо, но и как ездовое животное, о чём свидетельствуют находки костяных элементов оленьей упряжи. Основным орудием охоты был сложный лук из дерева и костяных пластин.

Наиболее массовой категорией находок являются фрагменты глиняной посуды, представленной в виде лепных круглодонных чаш разного размера и функционального назначения. Характерной особенностью является наличие в тесте примеси толчёной раковины. Поселенческая бытовая посуда слабо орнаментирована. Сосуды с так называемой гребенчато-шнуровой орнаментацией изготовлены более тщательно – они, вероятно, служили в качестве столовой, ритуальной и погребальной посуды.

С X в. среди посуды встречаются многочисленные изделия из Волжской Болгарии: гончарные кувшины, кружки, светильники. Встречаются и медные котлы болгарского производства. Керамические и другие предметы материальной культуры отражают тесные контакты и присутствие болгарского населения в Предуралье.

Костюм носителей ломоватовской культуры, в особенности женский, изобилует металлическими деталями и украшениями. В качестве украшений головы и мужчины и женщины использовали в X–XI вв. височные подвески с гроздьевидной и с «грушевидной» привеской. Женские височные украшения иногда соединялись бронзовой цепочкой, обрамляющей подбородок.

Характерной чертой женского костюма являлись украшения кос в виде арочных, биконьковых, колесовидных и умбоновидных подвесок (рис. 17).

Биконьковые подвески – украшения, в основе которых лежит изображение двух голов коней, повернутых мордами друг от друга, известны еще с VII–VIII вв., но встречаются вплоть до конца XI в. Наиболее массово подвески представлены на памятниках Пермского края. Известны они и в родственных культурах от Западной Сибири до Поволжья. Подвески-накосники крепились на кожаных шнурах, унизанных бронзовыми пронизками и бусами, которые спускались вдоль кос. Они обычно были парными.

На груди женщины носили ожерелья из бус в одну или несколько низок или более крупные нагрудники с рядами бус, раковин каури, металлическими подвесками. Женские пояса чаще, чем у мужчин, украшались наборами металлических бляшек, дополнялись кистями из низок бронзовых и стеклянных бус, завершающиеся колокольчиками. Иногда на поясе помещались туалетные коробочки – характерные медальоны-коробочки с шумящими привесками, или «самоварчики», заимствованные из салтово-маяцкой культуры и получившие в Прикамье дальнейшее развитие вплоть до изысканных ювелирных образцов. На поясе носили и игольники, амулеты в виде ложечек, сумочки. Руки женщины украшали пластинчатыми или дровяными металлическими браслетами и перстнями.

Мужской костюм украшался скромнее, но украшения в нем играли в основном роль социального маркера.

Этнокультурная принадлежность ломоватовских племен характеризуется как памятники тюркизируемых угров или финно-пермяков, что отражает сложную этническую картину края, возможно чересполосное обитание в этом ареале угорских и болгарских групп населения. Начало тюркизации края относится ещё к гуннским временам, что документируется находками бронзовых котлов и существенными изменениями в погребальной обрядности аборигенного населения в харинскую эпоху ломоватовской культуры. Находки ювелирных изделий из Хазарии в могильниках наглядно свидетельствуют о присутствии в составе населения торговцев, скорее всего болгарских, из юго-западных регионов Восточной Европы.

Памятники Северного Приуралья: бассейн р. Вычегды

Выявленные памятники рассматриваемого времени объединяются в *ванвиздинскую археологическую культуру*. Население этой культуры проживало в основном в районах средней, в меньшей степени верхней и нижней Вычегды, бассейна верхней и средней Мезени.

Формирование ванвиздинской археологической культуры на Европейском Северо-Востоке совпадает с эпохой Великого переселения народов, когда началось про-

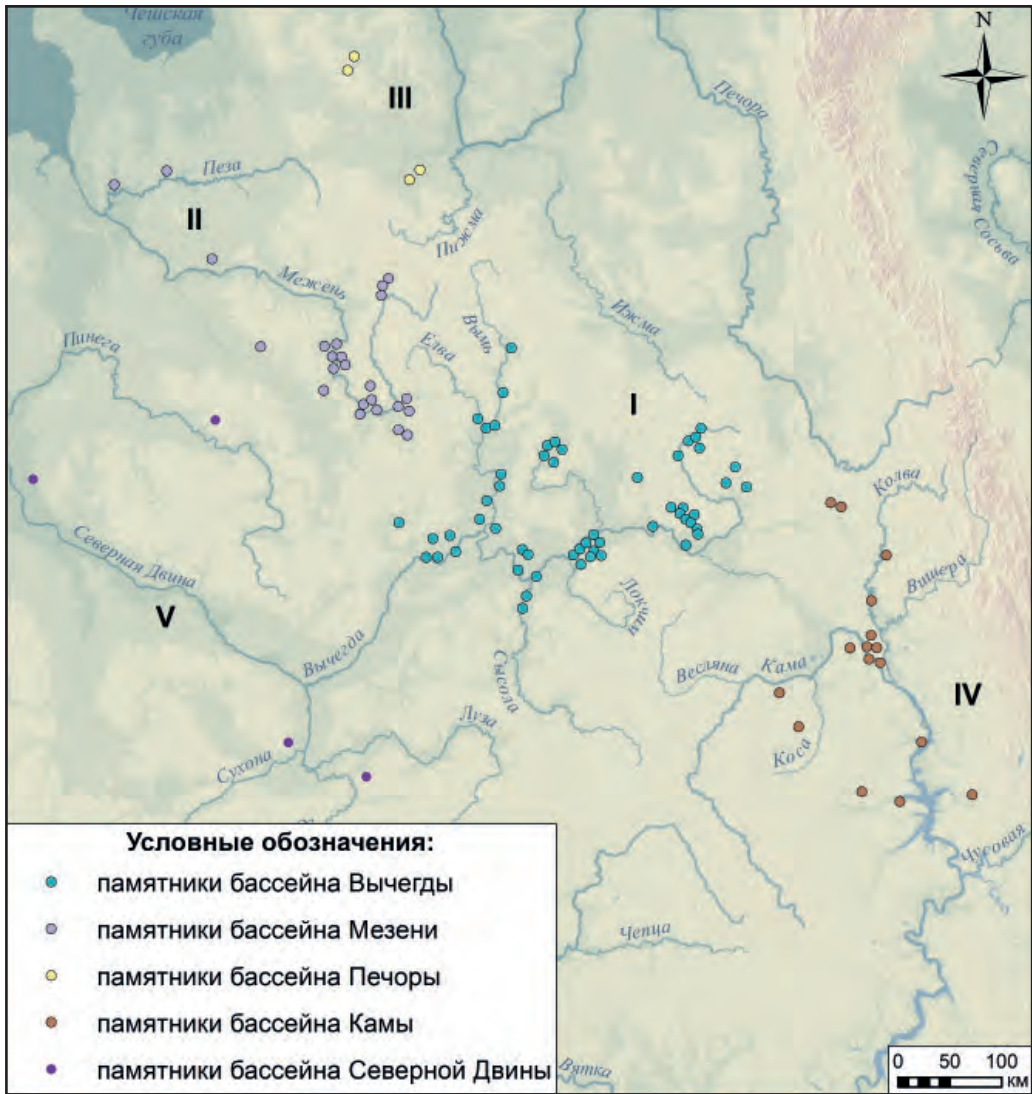

Рис. 18. Карта памятников ванвиздинской археологической культуры
(по: Мурыгину А.М., Савельевой Э.А.)

никновение на Вычегду и далее на Печору из Прикамья носителей курганного обряда захоронения. Появлению захоронений V–VI вв. н. э. под насыпями, содержащими сходные с верхнекамскими материалы, благоприятствовали позитивные изменения в окружающей среде: потепление климата с температурами выше современных подготовило благоприятную почву для освоения переселенцами северных территорий.

К VII в. н. э. активная фаза взаимодействий местных и пришлых племена на Европейском Северо-Востоке, сопровождавшихся глубокими изменениями в культуре, в основном завершилась. Сложились новые археологические образования. Наиболее полно изученной из них является как раз ванвиздинская культура, разделенная на четыре хронологических этапа; нас интересуют в первую очередь последние два этапа: тохтинский (VII–VIII вв.) и лозымский (IX–X вв.). К настоящему времени

известно более 80 памятников данной культуры: поселения, могильники, случайные находки и клады (рис. 18).

Поселения ванвиздинской культуры неукрепленные. Они, как правило, расположены по берегам рек и озёр. К числу наиболее изученных относятся Веслянское I, Лозымское поселения, Угдымские памятники, комплексы памятников у озёр Синдорского, Шойнаты и др. Значительная часть поселений многослойные. Исследованы и однослойные поселения, площадь которых составляет от 0,25 до 0,5 га. Мощность культурного слоя обычно не превышает 20 см, культурные остатки располагаются непосредственно под растительным слоем, концентрируясь в пределах кострищ, жилищ и вблизи них.

На ряде поселений выявлены следы жилищ и производственных сооружений, хозяйственных и столбовых ям. Жилища – наземные или слегка углублённые в землю. Площадь одного из них, раскопанного на поселении Вис II, около 50 кв. м (11×4,5 м). Оно имело вид большого двухскатного шалаша, по контуру которого сооружался деревянный сруб. На поселении Тохта зафиксированы остатки прямоугольной в плане наземной постройки с ямами от столбов, поддерживавших кровлю. Остатки наземных жилищ зафиксированы и на других поселениях.

На поселениях часто встречаются мощные зольные напластования, очаги и кострища, связанные с металлургическим производством: в них найдены обломки тиглей, льячек, литейные формы из глины, многочисленные шлаки, слитки металла, железные орудия и украшения из бронзы. Ванвиздинские поселения с мощными кострищами, остатками жилищ и производственных построек свидетельствуют о длительном обитании на них. Небольшие поселения с незначительными культурными остатками могли быть сезонными, промысловыми становищами.

Погребальный обряд населения ванвиздинской культуры изучен по средневековым грунтовым могильникам. Погребения совершены в простых ямах длиной 1,4–2,7 м, шириной 0,6–1,0 м и глубиной 0,3–0,75 м. Они ориентированы по-разному: север – юг, запад – восток с сезонными отклонениями. Встречаются как трупоположения, так и трупосожжения. Характерно отсутствие погребального инвентаря в половине погребений, невыразительность и малочисленность вещей в остальных, а также почти полное отсутствие костей в могилах.

На Веслянском I могильнике захоронения совершены способом трупоположения. Погребённые располагались в могильных ямах, расположенных в ряд. Отмечены пласты бересты, покрывавшие умерших, а на дне ям – остатки досок. В ряде погребений содержались жертвенные комплексы из украшений. В поздней группе погребений представлен богатый набор вещей: монеты, мечи, кинжалы, кольчуга, поясные наборы, браслеты, шумящие подвески, бусы, ритуальные сосуды.

Погребальный инвентарь могильника Шойнаты I составляют сосуды, украшения, ножи, кинжал. На могильнике в четырёх случаях можно предполагать кремацию, в одном – ингумацию. Остатки кострищ на площади могильников и развалы глиняных сосудов свидетельствуют о совершении поминальных тризн. Аналогичная картина наблюдается на Веслянском I могильнике.

Евдинский могильник на р. Выми демонстрирует другой тип погребального обряда. Захоронения здесь совершены по обряду трупосожжения на стороне с последующим помещением праха в ямы глубиной 0,6–0,7 м. На дне ям прослежены остатки деревянных ящиков или срубов, перекрытых сверху жердями.

На памятниках ванвиздинской культуры наиболее массовой категорией находок является керамика.

Тохтинский этап представлен сосудами грубой выделки, у которых венчик был украшен пальцевыми вдавлениями; сравнительно высок процент сосудов, украшенных лишь ямками под венчиком и пальцево-ногтевыми защипами. Сосуды чаще видные с хорошо профилированной, отогнутой шейкой. Для керамики лозымского этапа типичны приземистые сосуды чашевидной формы с отогнутой шейкой, с округлым или уплощенным дном и преобладанием примеси дресвы в глине. Основные элементы орнамента – ямки, оттиски зубчатого штампа и горизонтальные отпечатки толстого шнура; встречаются кружковые вдавления.

Орудия труда из металла немногочисленны. Преобладают железные ножи. Наконечники стрел все черешковые плоские. На поселении Угдым II найден обломок трехлопастного наконечника. Из других железных орудий труда найдены долота, шилья и иголки, ювелирные щипчики, скобель, наковаленка и др.

Наряду с металлом для изготовления орудий труда и быта широко использовалась кость. Среди костяных изделий преобладают наконечники стрел, встречаются проколки-острия, которые использовались для шитья одежды и обуви из шкур и кожи животных.

Большое количество промысловых и бытовых предметов изготовлено из дерева. Среди них – поплавки от сетей, удильные крючки, весло, лыжи, полозья саней, стрелы и мотыга, лопаточки, гвозди и другие предметы. Из дерева изготавливали многие бытовые вещи: рукоятки ножей, шильев, ложки, посуду и т.п. Были распространены изделия из бересты. Туески, сумочки и накладки из бересты сохранились, в частности, на Веслянском I могильнике.

Украшения найдены преимущественно в могильниках. Наиболее многочисленную категорию составляют бусы. Большинство из них стеклянные (в том числе стеклянный бисер синего и желтого цвета), меньше и единично – сердоликовые, бронзовые и янтарные, глиняные. Среди стеклянных бус встречены с позолотой и серебрением. К украшениям относятся бронзовые височные и каплевидная подвески. Найдены детали шумящих подвесок. Встречены бронзовые пронизки – провололочные спиральновитые, в виде фигурки медведя, подвеска-уточка – и навершие с фигуркой медведя. Украшения рук представлены браслетами и перстнями.

Для ванвиздинской культуры характерны металлические предметы культового литья (т. н. «пермский» звериный стиль) в виде реалистических и фантастических зооантропоморфных фигурок. Среди них – птицевидные и человекоподобные идола, бляшки, подвески с изображениями лося, медведя, птицы, «ящера». Особенно часто встречаются изображения лосей и человеко-лосей (рис. 19).

Основными источниками существования населения ванвиздинской археологической культуры оставались традиционные промыслы – охота и рыболовство. На это указывают железные и костяные наконечники стрел, фрагменты деревянных луков и стрел. На вычегодских поселениях найдены кости бобра, куницы, северного оленя, бурого медведя, лося, собаки, соболя, выдры, лисицы, волка, белки, зайца, птиц и рыб. Преобладают кости пушных зверей. Более половины из них принадлежат бобру, второе место занимают кости лося, затем северного оленя, куницы. По количеству особей преобладают пушные звери, по количеству костей – животные, являющиеся прежде всего источником мясной пищи и обеспечивающие потребности населения в шкурах для изготовления теплой одежды. При охоте ван-

Рис. 19. Ванвиздинская археологическая культура. Предметы культового литья из бронзы (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Мурыгин, Савельева, 2022)

виздинцы употребляли лыжи и, видимо, сани с собачьей упряжкой; части их были найдены на поселении Вис II. Не исключено использование охотничьих собак, кости которых встречаются на поселениях.

Свидетельством развития рыбной ловли являются кости рыб, а также находки рыболовных крючков, гарпунов, жерлиц. Во II Виском торфянике выявлены остатки рыболовных заграждений, верши, поплавков от сети.

К ванвиздинской эпохе относятся первые свидетельства развития животноводства, роль которого в хозяйстве была ещё незначительна. В остеологических комплексах имеется небольшое количество костей лошади, коровы, овцы или козы.

На памятниках ванвиздинской культуры нет прямых свидетельств о занятиях земледелием. В то же время на II Виском поселении найдены орудия, которые могли использоваться для обработки почвы: деревянные мотыги, коленчатые рукояти топоров-кельтов.

Среди домашних ремесел у ванвиздинского населения большое распространение имела обработка шкур диких животных. Для выделки шкур животных использовались массивные кремневые скребки. На поселениях найдены железные шилья, которые использовались при пошиве меховой одежды. Развивались прядение и ткачество. На многих поселениях встречаются орнаментированные и неорнаментированные глиняные пряслица.

Практически на всех ванвиздинских поселениях выявлены те или иные признаки развития металлургии и металлообработки – фрагменты бронзолитейных рюмкообразных глиняных тиглей, иногда с застывшими каплями бронзы, сильно ошлакованные обломки сосудов (тигли или льячки), шлаки. Сырьем для производства железа служили местные дерново-болотные руды, широко распространенные в бассейнах рек Вычегды и Мезени.

Из числа культурных остатков выделяется немногочисленный инвентарь, свидетельствующий о торговых связях местного населения с соседними племенами. Украшения из драгоценных металлов, в том числе уникальный серебряный ритон из Веслянского I могильника, сердоликовые и стеклянные бусы, сасанидские монеты, попадали из Средней Азии и Причерноморья. Основной торговый путь из южных регионов шел, вероятно, через Поволжье (Волжская Болгария) и Прикамье, а далее через притоки рр. Вычегды и Печоры.

Основным источником избыточного продукта, шедшего на обмен, являлся пушной промысел. Мехающую торговлю с Прикамьем и Северным Приуральем вели волжские болгары. В обмен на меха они привозили серебряные ювелирные изделия, стеклянные и сердоликовые бусы.

По мнению исследователей, ванвиздинскую культуру следует рассматривать в качестве северной параллели ломоватовской культуры Прикамья, отражающей разделение во второй половине I тыс. н. э. древнекоми этнической общности на коми-зырян и коми-пермяков. Культура коми-зырян сложилась в процессе взаимодействия носителей местных (гляденовских эпохи железа) и привнесенных этнокультурных традиций, который завершился в бассейне верхней и средней Вычегды интеграцией неоднородных компонентов в общий хозяйственно-культурный комплекс.

6.2. АРХЕОЛОГИЯ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ (X – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIII В.)

Территория, этнический состав населения

Процесс образования государства у болгарского союза племён, переселившихся на Среднюю Волгу с юга, происходил в VIII–IX вв. В первой четверти X в. мы видим все признаки государственности у волжских болгар: лидирующий правитель в лице Алмыш/Джа'фара ибн-Абдаллаха и подвластное ему население; монотеистическая религия (ислам); начало чеканки монет; города как центры монументальной архитектуры, благоустройства, ремесла и торговли, столица государства – Болгар.

К настоящему времени на археологической карте Волжской Болгарии X–XIV вв. отмечено около 2 тысяч болгарских памятников: 190 городищ, около 1000 сельских поселений, не менее 80 грунтовых могильников и 600 отдельных местонахождений, расположенных на территории Татарстана, Чувашии, Ульяновской, Самарской и Пензенской областях и даже в Пермском крае (рис. 20).

Подавляющее большинство их – около 170 городищ, более 700 селищ, несколько десятков могильников – относится к домонгольскому времени.

Достоверно установлено, что юго-восточные районы бассейна Свияги вплоть до Суры были заселены мусульманским болгарским населением. Здесь открыто более 100 памятников. Значительное число болгарских поселений на Суре и Восточном Приокшанье убеждает нас в том, что западные границы достигали этих террито-

рий. Они формировали единое культурное пространство с тюркскими оболгаризованными буртасами XI–XIII вв.

Вполне очевидно, что болгары, представляющие собой одно из крупнейших объединений в составе полиэтнического Хазарского каганата, не полностью покинули свое прежнее место обитания и после распада этого государства в конце X в. Сохранялось болгарское население в низовьях Волги. Об этом свидетельствуют сведения путешественника XII в. Абу Хамида ал-Гарнати о городе Саксине: «В середине города живет эмир Болгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут болгары».

В плане более точного определения домонгольской территории расселения болгар большой интерес представляют средневековые памятники Верхнего, отчасти Среднего Прикамья, верховий Белой и Ика, в которых встречаются многочисленные вещи Волжской Болгарии. Огромное количество болгарских материалов в указанном регионе: гончарная посуда, которая в процентном отношении иногда достигает более половины всей керамики, указывающая на местное производство болгарскими гончарами этой посуды; двухъярусные высокопроизводительные гончарные горны классически болгарского типа, открытые на Рождественском и Кыласовом (Анюшкар) городищах; мусульманские погребения в окрестностях этих памятников; некоторые категории вещей, например специфические украшения и туалетные принадлежности болгарских женщин, а также земледельческие орудия труда, инструментарий ремесленников-ювелиров и т. д., наконец, богатая тюркская топонимия края, восходящая к домонгольскому пласту лексики, – есть яркое свидетельство происходившего в X–XIII вв. активного взаимодействия и заселения болгарским населением Пермского Приуралья и верховий Белой. Огромный интерес представляют новые материалы исследований на Рождественском и Кыласовом городищах, представляющих собой остатки исторически известных городов Афкула и Чулымана, построенных болгарами еще в X–XI вв. На их территории открыты производственные сооружения, доказывающие существование не только гончарных, но и косторезных, бронзолитейных мастерских и даже стеклоделия.

Таким образом, домонгольская территория Волжской Болгарии, реконструируемая на основании письменных и археологических источников, включала в себя земли от бассейна р. Казанки и низовий Вятки на севере до Самарской Луки на юге, от рек Суры и Мокши на западе до низовий Ика на востоке и юго-востоке. Указанная территория была заселена неравномерно. Плотность населения была велика в закамских районах. Территории на севере и востоке, расположенные в Верхнем Прикамье и Приуралье, находились в тесном взаимодействии, отражавшемся во взаимопроникновении культурных традиций населения. Периферийные юго-восточные земли использовались, вероятно, в целях формирования поселенческой структуры по торговым маршрутам, связанным с переходами караванов. Важной является устойчивость поселенческой структуры, отражающей и интенсивность их освоения в более поздний, золотоордынский период, и сложение на этой территории в золотоордынское время средневекового тюрко-татарского населения.

На очерченной территории в конце IX–X вв. проживали различные, в основном тюркоязычные племена. На всей территории складывается единая культура, основанная на общности языка, духовной и материальной культуры, имеющая отдельные региональные особенности, связанные с процессом включения в общее культурное пространство традиций местных и пришлых групп населения. Следует подчеркнуть

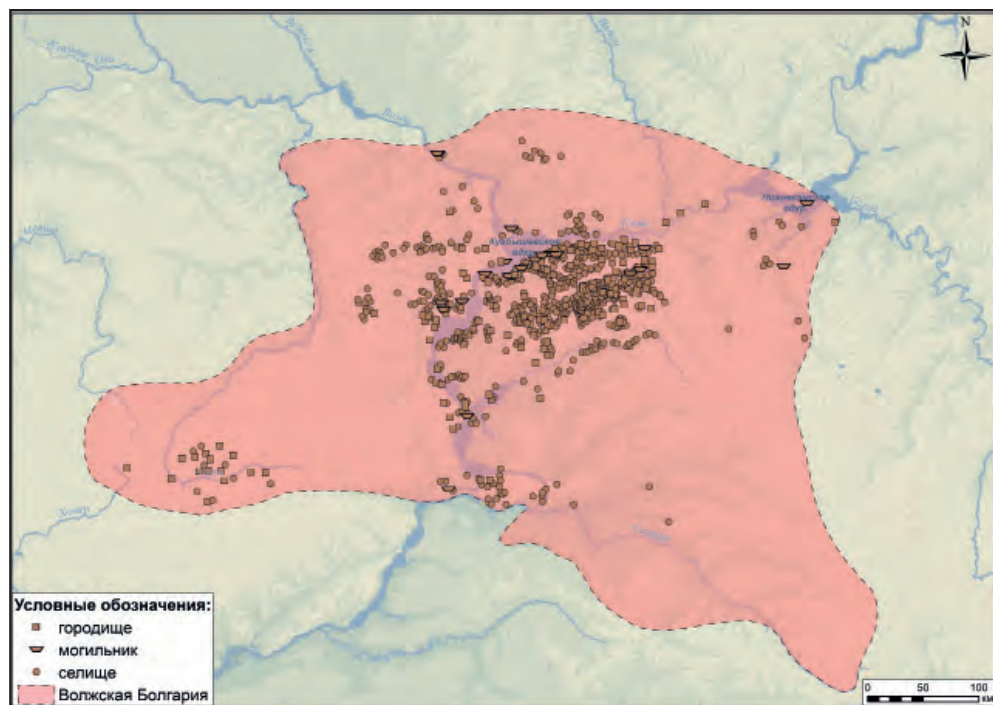

Рис. 20. Карта распространения археологических памятников Волжской Болгарии домонгольского времени

консолидирующую роль мусульманской религии, объединявшей все входящие в состав населения Болгарии племена вокруг единого правителя. Восточные писатели и русские летописцы однозначно называют население страны одним именем – болгары (булгары), а саму страну – Болгарией, Болгарской землей.

В Болгарии проживали и регулярно проникавшие из соседних земель разные этнокультурные группы, в числе которых были предки современных финских народов – марийцев, удмуртов и мордвы. В южных и восточных районах страны проживали представители тех племен, с которыми болгары соседствовали. Среди них источники отмечают тюркоязычных гузов, печенегов, кыпчаков. В последние годы появились интересные археологические факты, свидетельствующие о заметном участии кыпчакского компонента в формировании этноса и культуры волжских болгар XI – начала XIII вв.

Половецкие кочевья доходили практически до южных пределов Волжской Болгарии. Исследования археологов выявили многочисленные курганные могильники кыпчаков-половцев в районе Самарской Луки, Южного Урала и Западного Приуралья. Тесные контакты, которые существовали между родственными кыпчаками и болгарами в домонгольское время, нашли отражение в письменных источниках. Русские летописи отмечают, что у кыпчаков «с болгары язык и род един». Они же рассказывают о неоднократных проникновениях отдельных половецких отрядов в центральные области Болгарии и участии их в сложных политических событиях XII столетия.

Тесные взаимоотношения населения Волжской Болгарии с различными группами населения региона нашли яркое отражение в археологических материалах, осо-

бенно в керамике. Археологи выделяют около двух десятков этнокультурных групп глиняной посуды, производство которых связано с племенами поволжских и приуральских финно-угров; отмечена также немногочисленная группа посуды славяно-русского населения.

Поликультурность населения домонгольской Болгарии демонстрируют также материалы немногочисленных могильников, где есть отдельные захоронения с языческими элементами погребального обряда. Эти погребения оставлены, скорее всего, финно-угорскими переселенцами с соседних территорий (Верхнего и Среднего Прикамья, Вятско-Ветлужских земель) и степными тюркскими группами, которые еще сохраняли свои языческие традиции.

Археология болгарских городов

На основной территории Волжской Болгарии учтено около 170 городищ домонгольского времени. Большинство исследователей среди этих поселений выделяют города, военные крепости и феодальные замки.

Размеры укрепленных поселений демонстрируют их сложную поселенческую структуру: укрепленные площади подавляющего большинства городищ не превышают 10 га (134 памятника); городища средних размеров имеют площадь от 10 до 50 га (17 памятников). Выделяются крупные городища с укрепленной площадью от 50 до 100 га (Суварское, Городищенское на Волге, Кокрятьское, Богдашкинское, Красноключинское, «Городок» на Каме, Николаев-Баранское II). К числу крупнейших относятся городища с укрепленной площадью более 100 га (Билярское – 620 га, Балынгузское – 400 га, Староалейкинское – 130 га, Кашан I – 108 га, Муромский городок – более 200 га).

Общепринятой в археологии средневековых городов Восточной Европы является, однако, типология, учитывающая степень использования особенностей рельефа при их планировке:

I тип – городища с планировкой укреплений, подчинённой окружающему рельефу местности (всего 80 памятников). В своём подавляющем большинстве это мысовые памятники типа городищ Джукетау, древней Казани, Алабуги и др.;

II тип – городища с планировкой оборонительных сооружений, лишь частично использующей защитные свойства рельефа местности, – всего 16 памятников (Ромашкинское, Большетаябинское и др.);

III тип – городища, не подчиненные рельефу (42 памятника). Они располагаются на ровной местности или одной стороной примыкают к обрыву, краю террасы. Обычно эти памятники имеют относительно правильную геометрическую форму (округлую, подпрямоугольную, как, например, Билярское, Богдашкинское и др. городища);

IV тип – городища со сложным планом (четыре памятника). Они занимают несколько мысов или площадок, которые иногда объединены вместе общей линией обороны или имеют самостоятельные укрепления, но составляют единое в хронологическом и культурном плане поселение: Балынгузское, Муромский городок, Большетарханское и Рождественское.

На протяжении всего исследуемого периода мы видим значительное преобладание укрепленных поселений I типа. Это говорит о предпочтении болгар полного использования защитных свойств рельефа местности. Строительство укреплений

мысовых городищ не требовало больших земляных работ и создавало максимально эффективную оборону.

У почти половины городищ всех типов преобладает простая схема – один вал, один ров. Следующая группа городищ (25%) характеризуется двумя валами и двумя рвами. Таким образом, эти две системы можно назвать «классическими» применительно к памятникам фортификации болгар Среднего Поволжья. Имеются городища, окружённые одним валом и двумя рвами с внутренней и внешней стороны оборонительной насыпи или же двумя валами и одним ровом. К группе городищ с двумя валами и тремя рвами относятся два памятника.

Довольно значительна в Волжской Болгарии группа укреплённых поселений, защищённых более мощной системой обороны. Среди них отметим 17 городищ, имеющих три вала и три рва. В их число входит Билярское городище – остатки Великого города русских летописей, укрепления которого состоят из двух отдельных поясов – внешнего со схемой «три вала и три рва» и внутреннего со схемой «два вала и два рва». Значительно меньше по численности группа поселений, имевших три вала и два рва (шесть памятников). К группе «четыре вала и четыре рва» относятся два городища – Бураковское I (Закамье) и Золотаревское (Предволжье). Нижнекатмисское городище (Предволжье) имеет три вала с четырьмя рвами.

Широко распространенным приёмом в фортификации многих народов является эскарпирование склонов для придания им большей крутости и для организации дополнительных укрепленных протяженных коленчатых въездов. Разрывы в валах, которые фиксируются в наше время, можно отождествить (но не всегда) с древними проездами.

Домонгольский Болгар. Великий Болгар, как его называли русские летописцы XIV в., является одним из двух историко-археологических памятников в России, включенных в 2014 году в Список памятников Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Он располагался в 30 км от устья Камы и в 6 км от Волги. Сохранившееся на сегодня городище имеет подтреугольную форму, ограниченную с запада, юга и востока земляным валом и ровом золотоордынского времени протяженностью более 5,5 км, а с севера – берегом протекавшей речки Меленки. Площадь городища в пределах укреплений около 400 га (рис. 21).

Укрепления Болгарского городища домонгольского периода не сохранились. Археологические их следы прослеживаются в виде двух линий рвов глубиной 2,5–3 м и шириной 4–7 м. По обеим сторонам восточного рва выявлены следы деревянной стены в виде столбов, стоявших на расстоянии около 2 м друг от друга. Они могут быть реконструированы как бревенчатые, забранные в глубоко врытые в землю столбы. Эти укрепления возникли в начале X в. Как показали исследования, первоначально Болгарское городище, охватывающее площадь около 9 га в пределах указанных укреплений, имело мысовой характер, как и многие другие городища домонгольской Болгарии. За пределами укреплений располагался неукрепленный посад. Общая площадь Болгарского городища X–XI вв. с учетом территории посада достигала 30 га.

Первоначальные рвы были засыпаны в X в. и построены новые. В предмонгольское время возводится система укреплений в виде рва и земляного вала. Предполагаемая длина укреплений достигает около 1,3 км. Площадь укрепленной части городища определяется в 25 га, а включая территорию посада – около 70 га.

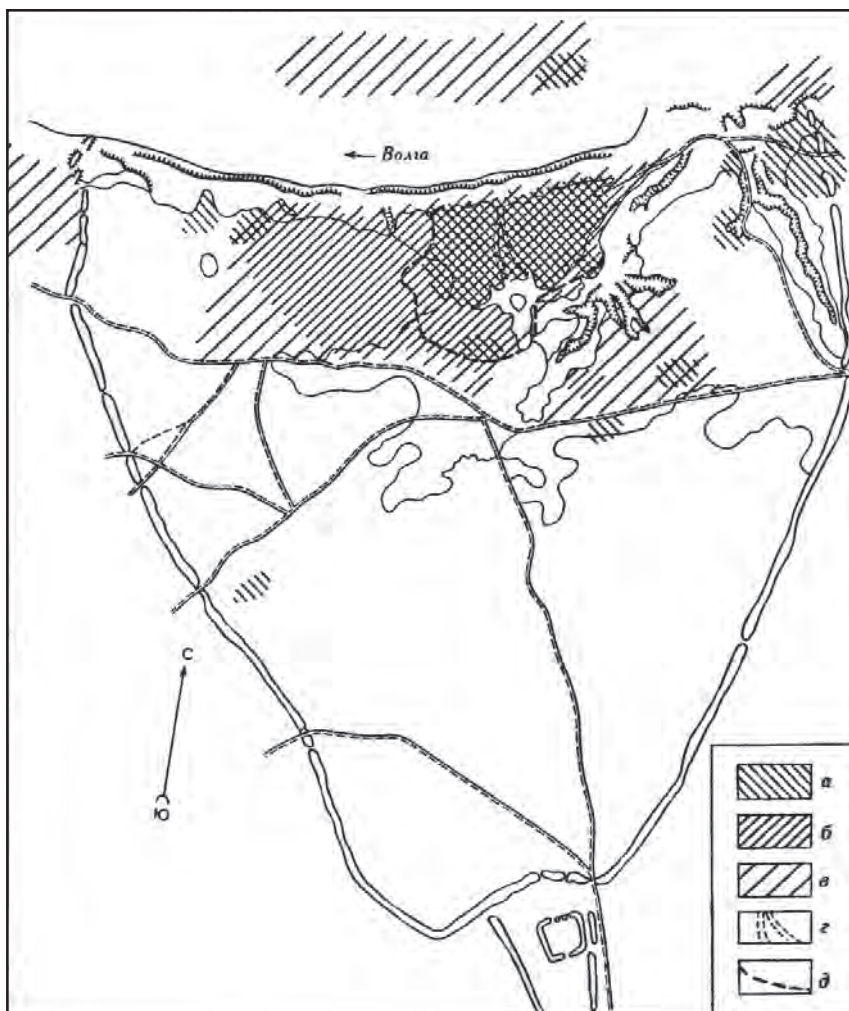

Рис. 21. План Болгарского городища (по Т.А. Хлебниковой).

а – площадь распространения VI слоя X–XI вв.; б – площадь распространения V слоя XII–XIII вв.; в – площадь распространения IV золотоордынского слоя; г – линия укреплений X–XI вв.; д – линия укреплений XII – начала XIII вв.

Культурные напластования раннего Болгара, сильно нарушенные в процессе интенсивной строительной деятельности золотоордынского периода, сохранились фрагментарно. Слой VI (древнейший) отражает первоначальный этап истории города, возникшего на рубеже IX–X вв. Второй этап в истории Болгара, относящийся к XII – началу XIII вв., археологически отражен в слое V.

Выявлены жилые сооружения (полуземлянки, наземные жилища) и вещественные находки. Встречаются монеты X в., в том числе и болгарской чеканки, и привозные изделия, свидетельствующие о торговом характере поселения. Представляют интерес остатки производственных сооружений, представленные в виде находок (литейные формы, сфероконусы, железные крицы и шлак) и развалов металлургических горнов X в., занимавших в домонгольский период территорию около 1 га. Выявлены признаки медеплавильного ремесла, кожевенных мастерских.

Городские некрополи раннего периода освоения города пока не известны. Предмонгольские захоронения выявлены на посаде близ оборонительных укреплений («Четырёхугольник») и в урочище «Бабий бугор».

В целом домонгольские слои Болгарского городища характеризуются обилием находок, сооружений и строительных остатков. На сегодня это самое раннее известное болгарское укрепленное поселение в Поволжье, имевшее в начальный период своей истории не только торговое, о чем свидетельствуют восточные источники, но и административное значение, на что указывает факт чеканки собственных монет.

Биларское городище и его округа. Городище расположено почти в центре Западного Закамья в бассейне р. Малый Черемшан. Территория городища окружена концентрически вписанными друг в друга земляными валами и рвами, которые образуют внутренний и внешний город. В плане они подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированными по сторонам света (рис. 22).

Внутренний город обнесён двумя линиями валов и рвов. Протяженность основной линии валов около 4,8 км, дополнительной, недостроенной в некоторых участках линии – 5,4 км. Обитаемая площадь внутреннего города вне укреплений – 116 га, с укреплениями – более 130 га.

Укрепления внешнего города состоят из трёх разновременных линий. Внутренняя (основная) линия валов имеет общую протяженность более 9 км; длина средней, местами недостроенной линии валов достигает почти 9,5 км, а наружной, отстоящей на 80–100 м от первых двух – более 10 км. Территория внешнего города с укреплениями – 490 га. Таким образом, общая площадь городища вместе с укреплениями составляет 620 га. За пределами городских стен, вплотную примыкая к ним, располагаются пригородные поселения. С учётом неукрепленных пригородов общая площадь Биларского комплекса приближается к 800 га. Это один из крупнейших городов средневекового мира.

Культурные отложения памятника относятся целиком к домонгольскому времени, а мощные золисто-углистые прослойки с разрозненными человеческими костями, прослеженные под пашней, указывают на гибель города во время монголо-татарского завоевания Волжской Болгарии осенью 1236 г.

Центральное место среди изученных сооружений внутреннего города занимали остатки большой мечети, состоявшей из двух частей – деревянной и каменной. Более ранней является деревянная мечеть. Каменная часть мечети была, вероятно, построена в период пребывания на болгарской земле Багдадского посольства 922 г. (рис. 23).

К юго-востоку от Соборной мечети располагался некрополь знати, где было вскрыто около 50 мусульманских захоронений, часть которых лежала в кирпичных склепах.

Рядом с мечетью, с северо-восточной стороны, исследованы руины кирпичного здания с подпольной системой отопления и с архитектурными деталями, характерными для строительной традиции Ближнего Востока и Средней Азии IX–X вв. Функциональное назначение здания определяется как общественная баня.

На раскопах внутреннего города изучены руины ещё двух кирпичных зданий с подпольной системой отопления, служивших общественными банями, а также большое количество жилищ и хозяйственных построек, около двух десятков колодцев с относительно хорошо сохранившимися деревянными срубами у дна.

К северу от мечети вскрыты остатки двух наземных домов, нескольких кузнечных горнов, комплекс усадьбы кузнецов-металлургов. Во внутреннем городе откры-

Рис. 22. Аэрофото Билярского городища. Снимок 1973 г.
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Хузин, Шакиров, 2022)

ты также остатки стекольного производства – мастерские по производству стеклянной посуды и оконного стекла.

Внешний город не отличался густой застройкой. У восточных ворот внутреннего города располагалось оригинальное кирпичное здание общественной бани, входившее в комплекс одного из караван-сараяв Биляра. В нём было более 10 комнат, в пяти из которых выявлены дымоходные каналы, соединённые с топочной камерой. От западного угла отходит водосток – необходимый элемент сооружений банного типа.

Один из крупнейших ремесленных районов Биляра – гончарная слобода – располагался на берегу р. Билярки в юго-западной части города. Здесь было исследовано около десятка довольно хорошо сохранившихся гончарных горнов и остатки мастерских с различным инструментарием ремесленников. Исследованный квартал, занимающий площадь около 10 га, начал функционировать не позднее второй половины X в. Среди находок встречаются сельскохозяйственные орудия труда. Во внешнем городе располагались наиболее ранние некрополи. По мере возрастания плотности населения они перемещаются за пределы укреплений.

Почти одновременно с основанием города за пределами его внешних оборонительных стен появляются пригородные поселки. Показательны в этом отношении материалы северного пригородного поселения, в керамических материалах которо-

Рис. 23. Билярское городище. Остатки Соборной мечети и рядом расположенного кирпичного здания бани (тахаратханэ). Аэрофотоснимок 1975 г. (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Хузин, Шакиров, 2022)

го заметное место занимали обломки лепной посуды ранних типов, в том числе от горшковидных сосудов салтово-маяцкого типа.

Все исследователи подчёркивали большую концентрацию болгарских памятников в бассейне Малого Черемшана, исторически обусловленную расположением в этом районе столичного города Биляра. Археологические материалы округа Биляра представлены 250 памятниками X–XIV вв., среди которых 140 селищ, 17 городищ, 12 могильников, монетных кладов и одно святилище, относящиеся к домонгольскому времени.

Город Сувар, упоминаемый в восточных источниках, известен по материалам раскопок в 1933–1937 гг. А.П. Смирнова. Остатки Суvara представляют собой городище площадью подчетырёхугольной формы, окруженное мощными валами и рвами протяженностью около 4,5 км. С северной стороны городища по левому берегу реки Утки, где расположена небольшая деревушка Татарский Городок, следы древних укреплений едва заметны – они уже уничтожены временем. Площадь древнего города внутри укреплений составляет 64 га, а вместе с укреплениями превышает 90 га. На основании находок удалось зафиксировать полное отсутствие на городище предметов золотоордынского времени.

За пределами валов почти по всему периметру городища располагаются обширные пригородные поселения – Покровское, Татарский городок I и II, селища домонгольского времени (рис. 24).

В центре городища были исследованы остатки кирпичного здания и связанных с ним сооружений, тщательно выявлялись конструкции оборонительных укреплений.

ний, изучено около десятка мусульманских захоронений на вновь выявленных двух городских некрополях.

Земляные валы городища сохранили в себе остатки деревянной стены из срубов (4×5 м), поставленных впритык один к другому. Срубы-клетки изнутри были засыпаны утрамбованной глиной и кирпичным щебнем. На всем своем протяжении крепостные стены имели боевые башни, расположенные на определенном расстоянии друг от друга. Первоначальная глубина рва, вырытого с внешней стороны стены, достигала 5 м. Его склоны были укреплены горизонтальными слегами, а дно – вертикальными кольями с заостренным концом.

Были изучены жилища – деревянные срубы с подпольями. Обогревались они печами сводчатой формы и в виде цилиндров. Вокруг них располагались хозяйственные ямы, в основном зернохранилища и погребки различных типов. Иногда в них содержались зёрна культурных злаков. Интересным для изучения проблем становления болгарской монументальной архитектуры домонгольского периода оказалось кирпичное здание, открытое в центральной, аристократической части города.

Городище Джукетау домонгольского времени расположено на высоком (до 20 м) с крутыми склонами мысу, образованном коренным левым берегом р. Камы и ее притоком рч. Килёвкой (прежде – Жукоть, Жукотинка). С напольной юго-восточной стороны городища сохранились остатки трех оборонительных валов высотой и двух рвов между ними. Городище площадью около 6 га имеет подтреугольную форму (рис. 25).

Крутогорское селище («восточный посад») относительно синхронно городищу и расположено за пределами оборонительных укреплений на высокой террасе правого берега рч. Килёвки. Часть территории занята посёлком Крутая Гора – пригородом г. Чистополя. Подъёмный материал встречается на площади 7,5 га. На территории селища, недалеко от оборонительных укреплений, расположен Крутогорский могильник домонгольского времени.

Донауровское селище – западный посад-пригород домонгольского и золотоордынского времени – расположено на противоположном низком берегу рч. Килёвки, напротив городища и Крутогорского селища, на широком мысу высокой террасы. На территории селища расположен Донауровский могильник домонгольского и золотоордынского времени.

Рис. 24. План городища Сувар (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Хузин, Шарифуллин, 2022)

Рис. 25. Джукетау. Вид на городище со стороны западного посада-пригорода
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Набиуллин, 2022)

Домонгольским временем датируются некоторые типы наконечников стрел, железный топор, лировидные пряжки, одноцилиндровые замки «болгарского типа» и лопаткообразный ключ от замка X–XI вв., шиферные пряслица, сердоликовые бусины, стеклянная бусина-лимонка, лазуритовые подвески подтреугольной формы, грушевидные, шаровидные, каплевидные медные подвески. Имеется также ряд предметов широкого хронологического бытования, но более характерных для домонгольского времени, – калачевидные кресала, бронзовая «копоушка», обломки костяных гребней и др. Среди нумизматического материала с территории Донауровского селища – обломки двух дирхемов, в том числе монета первой половины X в., которая была найдена непосредственно в культурном слое памятника. Последние, несмотря на единичный характер, имеют важное значение для датировки нижней границы слоя первоначального поселения, а также процесса становления городского статуса. Верхняя граница домонгольского слоя логически вытекает из связи с вышележащим слоем, исторически ее можно предположительно связывать с событиями 1236 г.

На территории городища исследованы оборонительные сооружения, выявлены остатки наземных и полужемляночных жилищ с отопительными печами, хозяйственные постройки. Следует подчеркнуть факт отсутствия среди находок городища и прилегающего к нему Крутогорского селища, восточного пригорода, вещей золотоордынского времени.

На Донауровском селище – западном посаде Джукетау – также изучен ряд объектов домонгольского времени. Среди них было два сооружения наземного типа размерами не менее 6×7 м, одно из которых с остатками неоднократно ремонтировавшейся печи из известнякового камня; верхняя часть печи была глинобитной.

Комплекс вещевых материалов из раскопок Джукетау отражает практически все области жизнедеятельности его населения – ремесло и сельское хозяйство, торговлю и промыслы, военное дело, быт и духовную культуру.

Городище и прилегающие к нему территории правобережья рч. Килёвки, её левобережье начали осваиваться ещё в самом начале домонгольского времени. Во второй половине X–XI вв. эта территория занимала береговую полосу р. Камы и рч. Килёвки, а в последующее время росла к югу и юго-западу. В золотоордынскую эпоху западный посад-пригород стал основной территорией города «открытого типа».

Древняя Казань. В Казанском кремле были исследованы древнейшие укрепления города в виде каменных стен, датированные XII в., открыты остатки жилых и хозяйственных построек, ремесленных мастерских и других объектов, относящихся к домонгольскому, золотоордынскому и ханскому периодам (рис. 26).

На территории Кремля и прилегающей к нему территории средневекового посада раскопки проводились на площади около 5 га при средней мощности культурного слоя около 3 м. На раскопах, расположенных преимущественно в северной половине Кремля, а также в восточном посаде, выявлен древнейший слой. Разработана стратиграфическая шкала культурного слоя, которая делится на пять разновременных слоев, нижний из которых, пятый, самый ранний, накоплен в домонгольское время. Мощность слоя небольшая – от 5 до 20, местами до 25 см вне объектов. Относительно слабо насыщен находками и сооружениями.

Определение времени отложения древнейшего слоя памятника всецело базируется на вещественных находках из раскопок. В числе массовых находок из древнейшего слоя следует отметить фрагменты гончарных сосудов (горшки, корчаги, кувшины, кринки, миски, чашки, кружки, триподы), широко распространенных в памятниках Волжской Болгарии X – начала XIII вв. Керамика общеполгарского типа сопровождается находками архаичной глиняной посуды, изготовленной вручную с подправкой на медленно вращающемся гончарном круге. Среди них обращают на себя внимание обломки горшковидных сосудов шамотного или шамотно-песочного теста, украшенных небрежно нанесенным волнистым узором по плечу, рифлением по тулову и косыми насечками по краю венчика. Они сопоставляются с кухонной посудой лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры Подонья. Эта керамика полностью исчезает в начале или первой половине XI в. (рис. 27).

Украшения – стеклянные, сердоликовые бусы, лазуритовые подвески, бронзовые браслеты и пр. – составляют довольно многочисленную группу находок из домонгольского слоя. Наиболее ранние из бус были широко распространены в VIII–IX вв., но встречаются вплоть до XI в.

В коллекции женских украшений древней Казани имеются браслеты. Один из них, обломок стеклянного браслета темно-оливкового цвета, крученого с белым перевитием, относится к продукции киевских мастерских второй половиной XII – начала XIII вв. Два браслета изготовлены из бронзового дрота с утолщенными четырех- и шестигранными концами. Поверхность украшена циркульным (кружковым) орнаментом. Подобные находки обычны в памятниках поволжских и пермских финнов, особенно древних марийцев, IX–X вв. Верхним хронологическим пределом их бытования считается рубеж X–XI вв. или начало XI в.

К группе находок, связанных с вооружением и снаряжением коня, относятся наконечники стрел, петля от колчана, подпружные пряжки и соединительное кольцо ремня, а также бронзовая накладка на ремень конской сбруи. В домонгольском слое обнаружено более трех десятков железных наконечников стрел, большинство которых были распространены в домонгольское время.

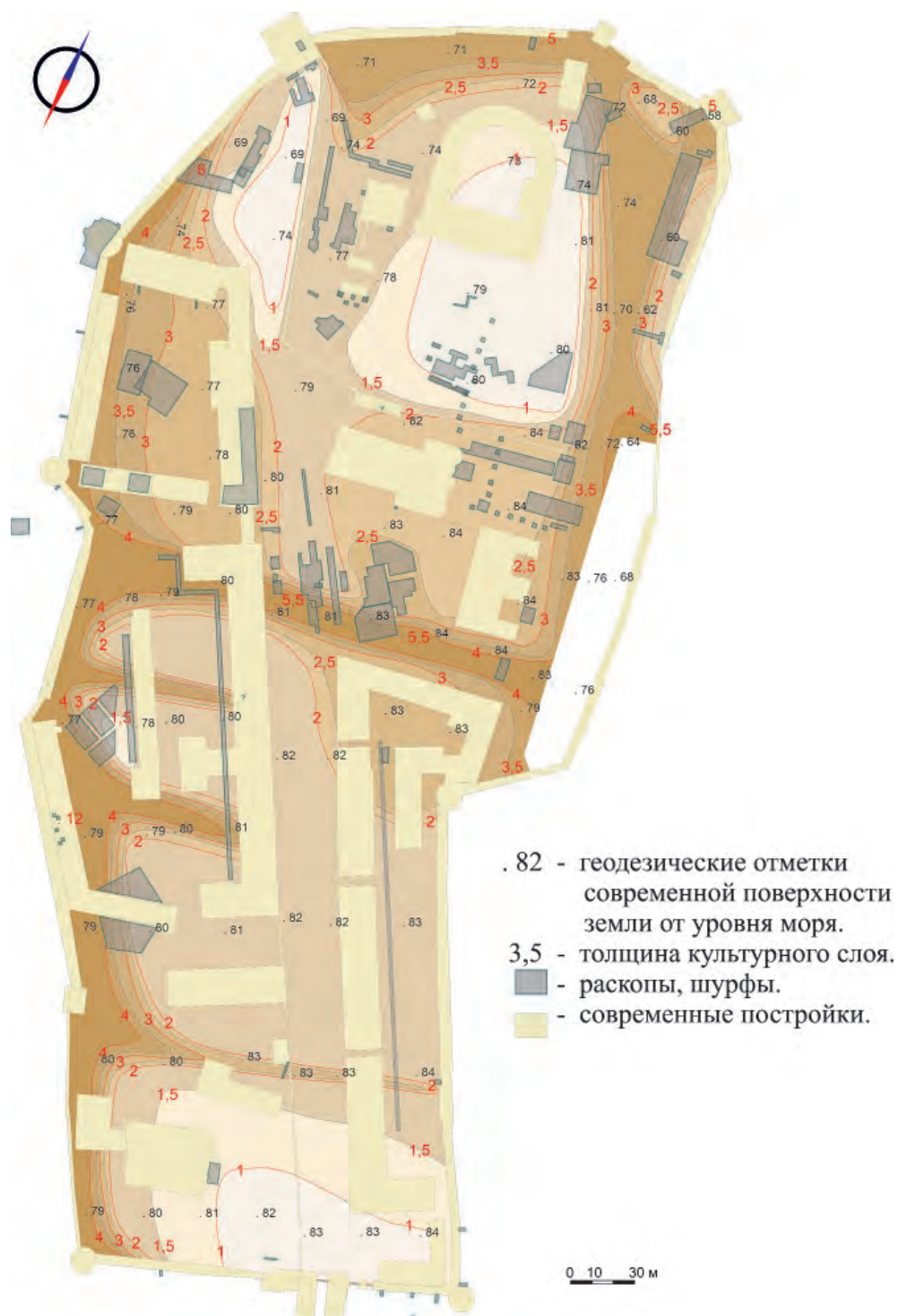

Рис. 26. План Казанского кремля с обозначением геодезических отметок, раскопов, толщины культурного слоя (по: Ситдикову А.Г.)

Рис. 27. Фрагменты лепной и гончарной посуды из V слоя Казанского кремля (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Хузин, Ситдилов, 2022)

Рис. 28. Чешская «монета» и обломок дирхема из раскопок Казанского кремля. (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Хузин, Ситдилов, 2022)

Интересна бронзовая накладка на ремень конской узды, обнаруженная при исследовании мастерской кожевенника первой половины XVI в. Она оказалась здесь в результате переотложения из древнейшего слоя. Такие находки на территории Восточной Европы обнаруживаются крайне редко, но в массовом виде встречаются в венгерских памятниках периода завоевания родины преимущественно до середины X в.

Уникальной находкой оказалась чешская «монета» из свинца, чеканенная в 929–930-х годах в Праге при князе Вацлаве. В числе монетных находок из слоя – обломок серебряного арабского дирхема, чеканен, скорее всего, в первой половине X в. и находился в хождении до рубежа X–XI вв. Саманидский дирхем и западноевропейские монеты не относятся к числу редких находок в болгарских памятниках раннедомонгольского времени. Подобные монеты встречаются и в культурном слое поселений и, наиболее часто, в составе кладов (рис. 28).

Комплексный анализ вышеперечисленных находок с точки зрения хронологии древнейшего слоя Казанского Кремля не оставляет места сомнениям о домонгольском возрасте его накопления. Раскопки выявили находки, верхняя дата бытования которых ограничивается рубежом X–XI вв. Археологические даты подтвердили результаты изучения керамики и древесного угля методами естественных наук.

Перечисленный набор предметов характеризует данный памятник как поселение, связанное с внешней торговлей. Древнюю Казань – крепость на Волге площадью не более 5–6 га и посадом около 10 га, защищенную в начале XI в. древо-земляными укреплениями и перестроенными в белокаменную стену, возведенную не позднее XII в., – следует рассматривать не как изолированное поселение в рассматриваемом регионе, а в системе укрепленных торгово-ремесленных болгарских городских поселений, возникших и функционировавших на Волге и Каме в X–XI вв.

Древняя Алабуга включает в себя знаменитое Елабужское («Чёртово») городище с рунированными остатками белокаменной мечети, посад-пригород и три некрополя, функционировавшие в X–XVI вв.

Городище расположено юго-западнее исторического центра города на правобережье устья р. Тоймы, правого притока р. Камы. Занимает северо-восточную половину большого мыса коренной террасы Камы, возвышающегося над ней на 50–64 м. Восточный склон мыса представляет собой крутой каменистый спуск к реке; с западной стороны примыкает глубокий (до 40 м) и длинный овраг (рис. 29).

Общая площадь городища составляет 3,4 га. Особенно сильно пострадали участки, обжитые в болгарское время. Белокаменное сооружение с частично уцелевшей и отреставрированной в XIX в. башней – единственное наземное архитектурное сооружение домонгольской Болгарии – располагается у восточного склона средней части площадки городища.

В культурных отложениях памятника присутствуют материалы, относящиеся к ананьинскому (VII–V вв. до н. э.), пьяноборско-мазунинскому (III в до н. э. – V в. н. э.), именьевскому (IV–VII вв.), домонгольско-болгарскому (X – первая треть XIII вв.), болгаро-татарскому (XIII–XVI вв.) и русскому (XVII–XVIII вв.) времени.

Следы средневекового поселения в исторической части современного города обнаружены примерно в 2 км северо-востоку от городища на правом берегу р. Тоймы. В ходе раскопок удалось выделить слои домонгольского и болгаро-татарского времени, насыщенные обломками гончарной и лепной керамики, бытовыми вещами

Рис. 29. Общий вид на городище (в верхней части фото). Вид с посадской части города (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Нигамеев, 2022)

(ножи, шилья, пряслица и пр.). К настоящему времени следы посада прослеживаются на территории более 3 га.

Елабужский II некрополь располагался южнее городища. У края обрыва мыса было зафиксировано несколько разрушенных погребений. Изучено женское захоронение с украшениями, состоящими из двух медных шумящих подвесок, имеющих прямые аналогии в угорском мире, и серебряного височного кольца с шаровидной пронизкой. Височное кольцо принадлежит к изделиям болгарских ремесленников X–XII вв.

Елабужский IV некрополь располагается в южной части мыса, образованного р. Тоймой и безымянным ручьём, в 500 м восточнее посада. Изучено несколько погребений конца X – начала XII вв., принадлежащих к пермскому (поломо-ломоватовскому) населению, испытывавшему культурное воздействие болгар.

Елабужский клад серебряных изделий в 1911 г. на ул. Казанской (хранится в фондах Гос. Эрмитажа) состоит из четырех серебряных серёг так называемого киевского типа с бусами и 17 серебряных гривен. Дата клада XI–XIII вв.

Среди керамики домонгольского времени значительное место занимает лепная круглодонная посуда с гребенчато-шнуровой орнаментацией, Памятники с такой посудой, относимые к постпетрогромской культуре, исследованы на широкой территории Приуралья и Прикамья. С населением связан расположенный в 50–150 м южнее городища языческий II некрополь второй половины X–XI вв.

Выгодное месторасположение Елабужского городища сделало его весьма значимым военно-политическим объектом Волжской Болгарии. Первый (внутренний) вал в болгарское время существенно увеличился и по высоте, и по ширине. Увеличение численности мусульманского населения в данной местности и рост товарообмена

по Камской магистрали в связи с потерей торговых позиций на Верхней Волге в XII в. сделали Елабужское городище значимым военным и культовым центром края. Болгарами были воздвигнуты еще две линии обороны.

С домонгольским периодом истории городища связана большая часть находок из раскопов. Кроме прикамско-приуральской и общebolгарской керамики часто обнаруживаются шиферные и глиняные пряслица, цилиндрические замки и ключи к ним, стеклянные бусины, железные и костяные наконечники стрел различных типов, наконечники ремней и пряжки, пробойники, костяные изделия, гвозди, ножи и т. д.

Муромский городок и его округа. В ряду крупнейших городов Волжской Болгарии домонгольского периода значится город на Самарской Луке, археологические остатки которого известны под названием «Муромский городок»

Территория Самарской Луки была южной окраиной Волжской Болгарии, граничащей со степным кочевым миром. В непосредственной близости от городищ существуют неукрепленные крупные селища. Большинство болгарских селищ находится в центральной и западной части Луки – в ближней и дальней округе Муромского городка. С самого момента возникновения Муромский городок играл роль важного стратегического пункта на южной границе Болгарского государства и являлся административным, торгово-ремесленным и культурным центром региона. К началу XIII в. площадь города составляла около 150 га (рис. 30).

Использование рельефа местности в целях обороны поселения было типично для болгарских городов. Самой древней частью Муромского городка являлся внутренний город, заключённый между двумя отрогами оврага. Культурный слой здесь отличается большей мощностью, обильно насыщен находками. Внутренний город был защищён с юга и севера оврагами. С западной стороны первоначально был прорыт ров до 3 м глубиной. Затем этот ров был засыпан, а вместо него сооружен внутренний вал. С восточной стороны также был сооружён вал между оврагами, который с напольной стороны переходил в пологий склон площадки «восточного» города.

Вокруг внутреннего города располагался внешний город, который делился на северную, южную и западную части. Северная часть внешнего города была защищена с северо-востока оврагом, а с севера и северо-запада – валом и рвом. Культурный слой здесь составляет 40–80 см.

Наиболее обширна южная часть внешнего города. Она прорезана двумя отрогами оврага и защищена с юго-востока оврагами, а с юго-запада – двумя валами и рвами, которые идут параллельно друг к другу. В XI в. в его восточной части у оврага существовал ремесленный район, где был выявлен и исследован гончарный горн.

Древнейшим оборонительным сооружением является ров, соединявший овраги, ограничивающие внутренний город с севера и с юга. Он был засыпан в конце XI в., а вместо него был сооружен вал и ров, глубина которого составляет более 3 м при ширине 5–7 м. Ров мог быть заполнен водой, так как водоносный слой здесь залегает неглубоко. Возможно, он одновременно служил водоёмом, снабжавшим водой металлургическое производство, расположенное в западной части внутреннего города. На дне рва найдено большое количество шлаков.

Подтверждением городского характера городища является наличие объектов кирпично-каменной архитектуры. На Муромском городке исследованы остатки фундаментов нескольких зданий размерами около 10×11 м, сложенных из кирпича и известняковых камней. Для кладки использовался кирпич размерами

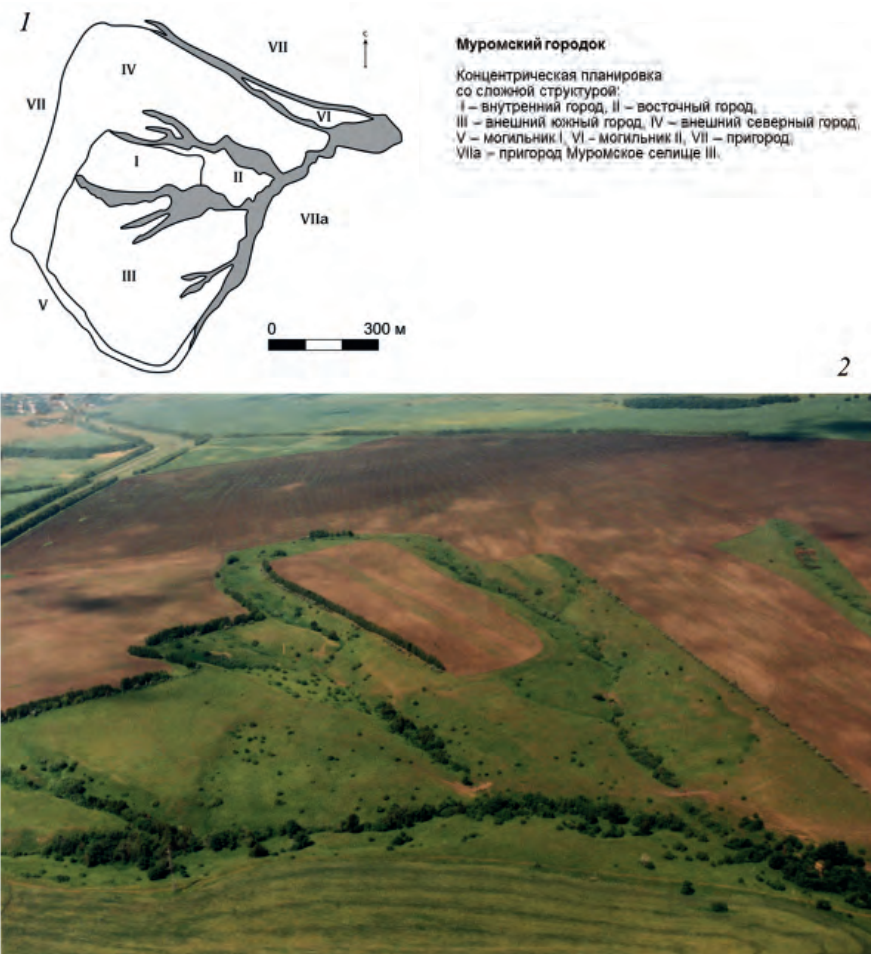

Рис. 30. Муромский городок (Валынское городище). 1 – схематичный план;
 2 – Муромский городок. Фотоснимок с дельтаплана. 1996 г.
 (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Кочкина, 2022)

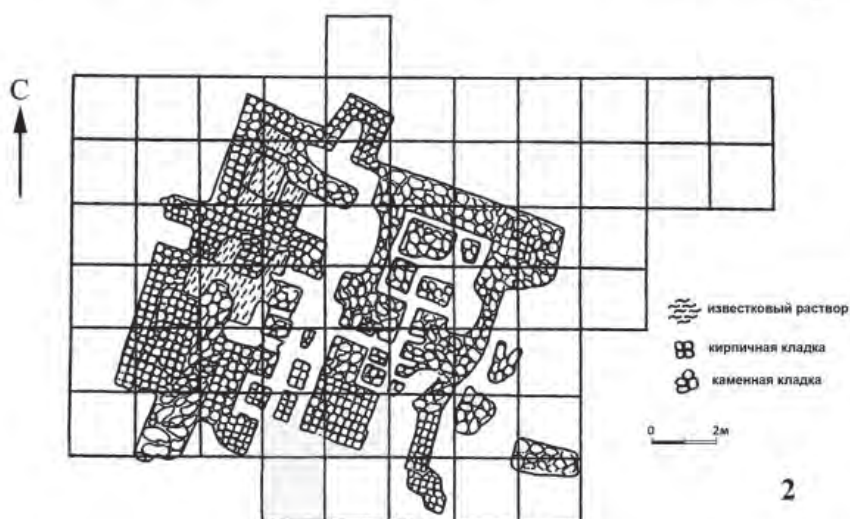
25×25×5 см на глиняном растворе. Топки, располагавшиеся с внешней стороны зданий, соединялись магистральными каналами с системой дымоходов. Местами сохранились участки водонепроницаемого пола из известняково-алебастрового цемента (рис. 31).

Здания имеют все характерные черты построек домонгольского времени, выявленных на других памятниках Волжской Болгарии: размеры кирпича, подпольное отопление, внутренняя планировка и др. Судя по планировке, здание, скорее всего, являлось баней, как и большинство кирпичных зданий в других болгарских городах. Исследованы остатки жилищ срубного типа площадью 14–16 кв. м с печным отоплением.

На Муромском городке в настоящее время обнаружены и частично исследованы два мусульманских могильника. Площадь Муромского I могильника составляет не менее 10 га. Исследовано около 100 погребений, совершенных по мусульманскому обряду. В большинстве захоронений встречены находки железных гвоздей, фик-

1

2

Рис. 31. Муромский городок. Исследование кирпичных зданий:
1 – раскопки В.В. Гольмстен, 1929 г.; 2 – план здания
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Кочкина, 2022)

сировались остатки древесного тлена гробовищ. Хронологию это некрополя можно определить в пределах XI – начала XIII вв.

Муромский II некрополь выявлен за северо-восточной окраиной городища на площадке между оврагами. На могильнике раскопано 30 погребений по мусульманскому обряду захоронения. Своеобразной деталью обряда является наличие в насыпи погребений угольков, присутствие единичных вещей, сопровождающих погребенных. Не исключено, что этот могильник является более ранним и синхронен первоначальному периоду существования городища.

Пригород Муромского городка по площади почти в два раза превышал площадь самого города, общая площадь составляла не менее 400 га. Освоение пригородной зоны Муромского городка началось, скорее всего, в XI в.

Из известных на Самарской Луке 30 болгарских памятников почти половина расположена в районе Муромского городка. В радиусе 5–10 км от города находятся более 10 селищ, почти столько же поселений удалены на 10–15 км. Учитывая то обстоятельство, что вся Самарская Лука в поперечнике имеет протяженность около 30 км, ее западная часть, центром которой является Муромский городок, может рассматриваться как Муромская городская агломерация. Устойчивость ее усиливается связкой Муромский городок – Междуреченское городище. Возникновение последнего относится также к XI в. Оно расположено на берегу Волги, на южной кромке Самарской Луки. Обеспечивая функционирование Волжского торгового пути, Междуреченское городище служило своего рода речными воротами Муромского городка.

Красносюндюковское городище расположено в 300 м к юго-востоку от с. Красное Сюндюково Ульяновской области на пологом склоне надпойменной террасы правого берега р. Свияги. Городище площадью около 50 га делится на две части: детинец и посад. Детинец подтреугольной в плане формы площадью 3,6 га расположен в северной части памятника. Он со всех сторон ограничен валами и рвами и является наиболее укрепленной частью городища.

Посад занимал обширную площадь (46 га) к юго-западу от детинца. Оборонительные сооружения по периметру посада сохранились только в восточной и частично в южной части городища. Высота валов на городище достигает 1,5 м, а глубина рвов – 5 м. С южной стороны городища наблюдается двойная линия валов и рвов. В 70 м к югу от этой линии рвов расположен ещё один ров длиной 400 м.

В 750 м к востоку от Красносюндюковского I городища находится Красносюндюковское II городище площадью около 10 га. Красносюндюковское I и II городища вместе с примыкающими к ним селищами, скорее всего, составляют единый комплекс. Из объектов посадской части I городища наиболее интересными оказались остатки кирпичной усадебной бани домонгольского периода.

В северо-восточном секторе посада городища исследовано помещение для хранения керамической посуды. Рядом располагалась гончарная мастерская, о чём свидетельствовали находки фрагментов оплавленных кирпичей, характерных для керамических горнов. В этом же районе города открыты жилища и хозяйственные сооружения с соответствующими находками.

Болгарские города в бассейне Суры. Известно более 30 городищ и около 40 селищ в Сурско-Мокшанском междуречье. С XI по XIII вв. здесь жили буртасы, болгары, мордва. В группе памятников Верхнего Посурья выделяются **Юловское и Золотарёвское городища**. Первое из них, расположенное в центре г. Городище (Городищенский район Пензенской обл.), занимает укрепленную площадь около 22 га. С напольной стороны Юловское городище ограждает вал со рвом, а внутри располагается цитадель, огороженная крепостной стеной из двух валов и трёх рвов. Это самый крупный город Верхнего Посурья. От него остался мощный культурный слой (толщиной более 60 см) с многочисленными фрагментами гончарной керамики, костями животных, предметами труда, ремесла и быта. Сохранились следы плотной застройки жилых, хозяйственных и производственных сооружений. Материалы раскопок Юловского городища позволяют сделать вывод о существовании

Рис. 32. Реконструкция оборонительных линий Золотарёвского городища (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Белорыбкин, 2022)

Рис. 33. Путь из Болгара в Киев (по А.П. Моце и А.Х. Халикову)

многочисленных ремёсел: железоделательного, кузнечного, гончарного, ювелирного, косторезного.

Продукция гончаров представлена в основном хорошо обожжённой глиняной посудой коричнево-красных цветов. Преимущественно это горшки, корчаги, кувшины, миски, триподы, светильники, очень близкие по форме посуде населения центральных (закамских) районов Болгарии. Лепной керамики мало – не более 4% от общего количества.

Уникальным памятником археологии Пензенской области является *Золотарёвское городище*. Оно располагается на мысу и перегорожено четырьмя поперечными валами, которые разделяют площадь в 3 га древнего поселения на четыре зоны. Возле городища находятся три селища и дополнительная система укреплений в виде широкой полосы (до 200 м) ловчих ям с диаметром и глубиной до 1 м. Золотарёвское городище представляло собой довольно крупное для Верхнего Посурья поселение с мощной крепостью в центре и большим посадом вокруг. Общая площадь его составляет 14 га. В X в. буртасы захватили Золотарёвское городище. Позднее они вошли в состав Волжской Болгарии. С XI по XIII вв. здесь жили буртасы, болгары, мордва (рис. 32).

Сильнейшее влияние на развитие Золотарёвки, как в прочем и Юлова, оказывал торговый сухопутный путь из Болгара в Киев. На этом пути, у переправы через Суру, и возникло Юлово. Имеющиеся материалы (детали торговых весов, гирьки, грузики и пр.) свидетельствуют о единой торгово-денежной и весовой системе в Посурье и Примокшанье, которая характерна для Волжской Болгарии (рис. 33).

Примечательны находки киевских и новгородских гривен из раскопок Золотарёвки. Среди находок много привозных вещей, в том числе украшения из золота, серебра и драгоценных камней. Имеются предметы, импортируемые из Китая и Ирана.

Активно развивалось свое собственное производство. Наиболее ярко представлено ювелирное ремесло, о чём свидетельствует обилие матриц и ювелирных молоточков. Очевидно, у стен Золотарёвской крепости функционировал крупный ремесленный центр. Основа ремесленного производства болгарская, хотя имеются изделия, характерные для местных мастеров.

Большое количество предметов вооружения и конской сбруи с Золотарёвского городища является свидетельством сражения с монголами в 1237 г. Территория, на которой развернулось сражение, выходит далеко за пределы крепости – останки убитых людей были обнаружены на площади 14 га. Кроме того, на поле сражения осталось большое количество оружия, частей доспеха, деталей конской упряжи. Наконечников стрел из раскопок в пределах укреплений крепости насчитывается около 25 тыс. экз., из которых 5 тыс. характерны для монгольской армии.

Болгарские города в Пермском Предуралье. К числу болгарских городов, расположенных за пределами основной территории Волжской Болгарии, принадлежат два памятника в Пермском Предуралье: Рождественское городище с прилегающим посадом и могильником на р. Обве (правый приток Камы) и Кыласово городище (Анюшкар) на р. Иньве при впадении ее в Каму. Первое из них пермские археологи идентифицируют с «касабой Афкуль», второе – с городом Чулыман по арабским источникам XIII–XV вв. На обоих поселениях открыты остатки ремесленной деятельности, в частности гончарные горны, следы кузнечного, косторезного, ювелирного и даже стекольного производств. По мнению исследователей, большинство

Рис. 34. Билярское городище. Комплекс музеефицированных остатков Соборной мечети и общественной бани (тахаратханэ)

жителей были выходцами из Волжской Болгарии. Для них была построена мечеть. Умерших хоронили на мусульманском кладбище.

Как показывают изложенные выше материалы, города Волжской Болгарии X – начала XIII вв. по уровню своего социально-экономического и культурного развития не уступали средневековым городам Древней Руси и Западной Европы.

Монументальные здания, рядовые жилища и хозяйственные постройки

Исследования археологов позволили в общих чертах реконструировать облик средневекового болгарского мусульманского города.

Неотъемлемым элементом высокоразвитой городской культуры средневековых государств являются памятники монументальной архитектуры. Как было сказано выше, руинированные остатки кирпичных и каменных зданий X – начала XIII вв. были открыты и исследованы на Билярском, Елабужском, Суварском, Хулашском, Красносуюндюковском городищах и Муромском городке.

Еще в середине XVIII в. русский историк и общественный деятель В.Н. Татищев писал, что в центре Билярского городища «портал или врата великого храма и столпы видимы». Посетившему городище в 1769 г. Н.П. Рычкову удалось обмерить «преогромный каменный столп, построенный из красного кирпича, смешанного с диким камнем». По его словам, местные жители называли его «татарской мечетью». Следы этого монументального здания, состоявшего из белокаменной и деревянной частей, были изучены археологами в 1970-х годах (рис. 34).

Следы конструкций деревянной мечети были выявлены в виде множества ям от столбов, служивших подпольными опорами («стульями») для укладки лаг и нижних венцов сруба. Эти ямы располагались параллельными рядами на прямоугольной площади более 1400 кв. м. Каменная часть мечети, от которой сохранились лишь следы фундамента в виде известково-щебенистых полос, состояла, как и деревянная, из

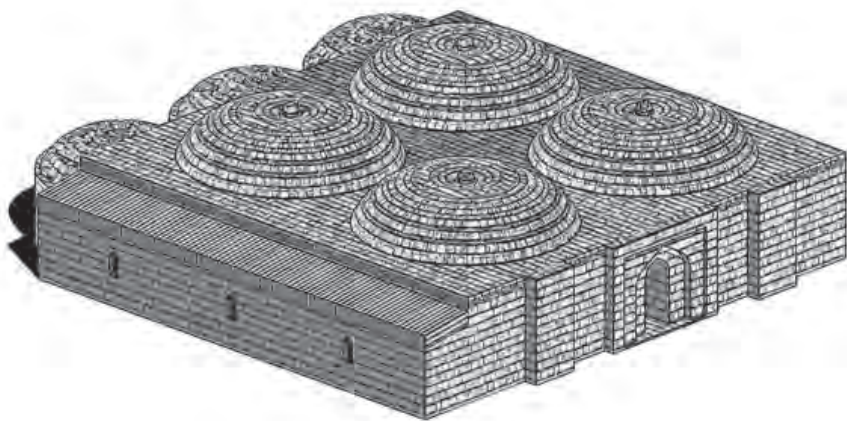

Рис. 35. Реконструкция общественной бани у мечети, выполненная Э.Д. Зиливинской

большого пространного зала, внутри которого стояли поддерживавшие перекрытие 24 колонны, расположенные симметрично в шесть рядов. Общая площадь каменной части мечети 1076 кв. м. Рассматриваемый комплекс представляет собой крупнейшее монументальное сооружение болгарской архитектуры домонгольского периода.

Строительство мечети началось, скорее всего, в период основания города, т. е. тогда, когда данный район еще не застраивался и был отведен под постройку государственного важного культового сооружения. Деревянная половина здания функционировала уже в конце IX в., а каменная часть пристроена в историческом 922 г. при участии мастеров-строителей, приехавших в Болгарию в составе Багдадского посольства. Любопытно, что в районе мечети располагались каркасно-глинобитные жилища с печами-тандырами. В них жили приезжие мастера-строители из Центральной Азии.

Рядом с мечетью находятся руины кирпичного здания с подпольной системой отопления и с архитектурными деталями, характерными для строительной традиции Ближнего Востока и Средней Азии IX–X вв. Оно сохранилось на уровне фундамента и цокольной части. Кладка стен производилась из стандартных кирпичей квадратной формы (26×26×5 см). В основании фундамента отмечены остатки антисейсмической подушки из двух рядов сырцовых и плохо обожженных кирпичей. Этот строительный прием является ярким доказательством деятельности в болгарских городах восточных мастеров.

Основная часть здания имела в плане квадрат размерами 11×11 м, разделенный внутренней крестообразной перегородкой на четыре равные части площадью 16 кв. м каждая. В здании открыта интересная система централизованного отопления. Печь находилась в северо-западном углу. От нее двумя магистральными дымоходными каналами отходила разветвленная отопительная система, расположенная под полом. Функциональное назначение здания первоначально было определено как жилое («дом знатного феодала»), однако убедительнее аргументы в пользу функционирования его в качестве общественной бани (рис. 35).

Примерно в 200 м севернее комплекса Соборной мечети на аэрофотоснимках 1973 г. четко выделялось пятно кирпичного здания. Плохо сохранившиеся остатки кирпичного здания с системой подпольного отопления занимали подквадратную

Рис. 36. Кирпичное здание общественной бани в караван-сарайе Биляра после консервации

площадь размерами 10×12 м. К зданию с юго-восточной стороны примыкал деревянный пристрой с двухкамерной отопительной печью.

Основание наружных и внутренних стен покоилось практически на культурном слое. Отсутствие прочного фундамента здания служило причиной того, что еще в период функционирования некоторые части его деформировались вследствие наличия под ним ранних ям с рыхлым заполнением.

Здание состояло из двух основных частей, разделенных на несколько помещений. Наличие в них дымоходных каналов подпольного отопления, топочной пристройки с печью и платформой цистерны позволяют считать здание общественной баней. Она состояла из трех отапливаемых помещений: предбанника, мыльни и горячей мыльни. Следует заметить, что здание считается построенным в XII в. по проекту не приезжих, а местных, болгарских мастеров. Данный факт свидетельствует о сложении к этому времени своей собственной архитектурной школы.

Еще одна общественная баня X–XII вв. находилась за пределами внутреннего города Биляра, недалеко от восточных ворот. Здание имело в плане форму прямоугольника (1715 м) и было возведено из обожженных и сырцовых кирпичей с использованием связующего раствора из глины с примесью извести. Здание включало в себя тринадцать комнат-помещений, в пяти из которых выявлены дымоходные каналы, соединенные с топочной камерой, расположенной в северо-восточной его части (рис. 36).

«Суварский дворец» – кирпичное сооружение домонгольского болгарского города – сохранилось на уровне фундамента и цокольной части. Здание, по мнению исследователей, было двухэтажным и имело в плане форму вытянутого прямоугольника (7×4 м) с башней. Фундамент основного здания, сложенный из сырцового кирпича на глиняном растворе, находился в котловане глубиной 1 м; фундамент «башни» введен в более глубокий (до 2 м) котлован. Основание стен покоилось на подушке из сырцового кирпича, служившей антисейсмическим приемом в архитектуре Средней

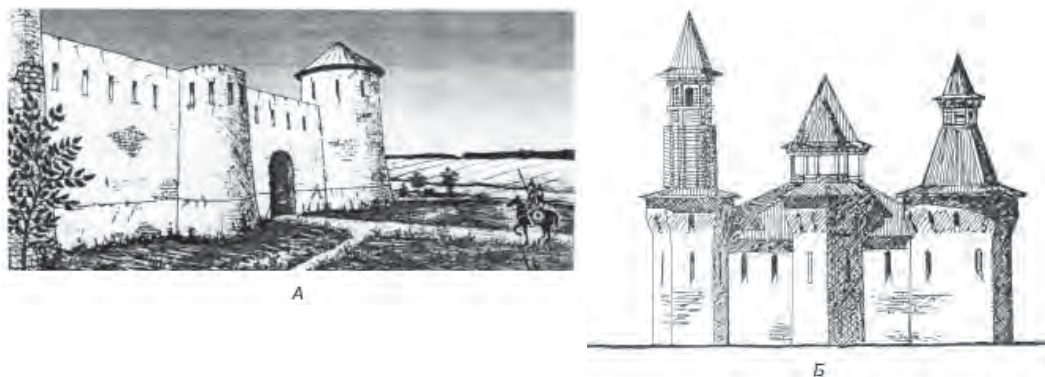

Рис. 37. Варианты реконструкций белокаменной мечети-крепости на городище Алабуга:
а – по Ф.Х. Валееву; б – по С.С. Айдарову

Азии. Главный фасад оживлялся двумя пилонами, от которых остались основания со стрельчатой аркой в верхней части. Выявлена разветвленная система подпольного отопления, дымоходные каналы которого периодически обновлялись. В ходе раскопок найдены и водопроводные трубы.

Здание было построено в конце X – начале XI вв. и функционировало до конца жизни города, претерпев несколько капитальных ремонтов и перестроек (рис. 37).

Изученное в Суваре кирпичное здание по своим важнейшим конструктивным особенностям принципиально ничем не отличается от рассмотренных выше билярских, определяемых специалистами как банные сооружения.

Кирпичное здание с подпольным отоплением было открыто и при раскопках Хулаша, относящегося к типу малых городов домонгольской Болгарии. Сохранившийся фундамент здания, сложенного из большемерных сырцовых и обожженных кирпичей, заглублен в материк на 95 см. Сооружение подпрямоугольное в плане (933,5 м), состояло из двух основных помещений. Кирпичи стен и пола положены непосредственно на культурный слой,

Подпольная система отопления состояла из заглубленной ниже пола печи, сложенной из камня и кирпичей, предпечной ямы и каналов-дымоходов. Вдоль длинной оси здания проходил магистральный дымоход, идущий от топочной камеры. От него отходили боковые ответвления, часть из которых попарно соединялась или заканчивалась вертикальными дымоходами, положенными в толще стен.

Исследователи памятника считали, что хулашский дом имел жилое назначение и принадлежал богатому торговцу. Однако больше аргументов в пользу определения его в качестве небольшой общественной бани, имеющей прямые аналогии в средневековых банях Крыма и Кавказа.

На Муромском городке изучались четыре здания XI–XII в. Они были построены из обожженного квадратного кирпича стандартных для болгар размеров 25×25×5 см, подтесанных каменных плит, скрепленных глиняным раствором. Остатки топочных камер, дымоходных каналов, перекрытых сверху каменными плитами, находки керамических труб позволяют определить назначение здания в качестве бани.

Обращает на себя внимание архитектурное сооружение на Елабужском («Чертовом») городище. До нас дошла круглая каменная башня этого сооружения, отставрированная в 1867 г. городским главой И.В. Шишкиным, отцом знаменитого художника-пейзажиста (рис. 38).

Рис. 38. Елабужское городище. Остатки белокаменной мечети с сохранившейся башней-минаретом (по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Нигамеев, 2022)

В 1888 г. раскопками известного русского археолога А.А. Спицына впервые был выявлен план этого сооружения, имеющего квадратную форму (21×21 м) с круглыми угловыми и полукруглыми пристенными башнями.

Тщательные исследования памятника проводились в 1990-х годах. Сохранилось здание на уровне фундамента, сложенного из плитчатого известняка на известковом растворе. Средний диаметр угловых башен около 5 м; более высокая юго-восточная дозорная башня, дошедшая до наших дней, достигала 14 м в диаметре. Юго-западная башня (минарет) оказалась шестигранной. Среди пристенных своей треугольной формой, обращенной острием строго на Мекку, выделялась башня юго-западной стены. По мнению исследователей, изученное сооружение изначально было построено болгарами как мечеть-крепость на Камском торговом пути.

Интересно кирпичное здание на Красносудюковском I городище в Ульяновской области, которое является оригинальным образцом усадебной бани. (рис. 39).

Сохранившаяся часть постройки имела в плане линейно-прямоугольную форму (6,6×3,6 м). Для ее возведения строителями был выкопан котлован, повторявший в основном очертания здания. Фундамент бани был сложен из квадратных, хорошо обожженных кирпичей-плинф размерами 28×28×4,5–5 см. Кладка велась на глиняном растворе. Толщина стен фундамента бани составляет 60 см.

Баня состояла из пяти отдельных помещений: 1 – предбанник, 2 – моечное помещение; 3 – моечно-парильное помещение; 4 – парильня; 5 – топчанная камера. Внутри помещений 2 и 3 были выявлены остатки вмурованных в плинфовые стены чанов для воды. Интересны детали системы водоснабжения (фрагменты керамических труб) и сливной канализации. Вода внутрь бани поступала самотёком из источника, расположенного в нескольких метрах восточнее постройки. Это обеспечивалось тем, что уровень пола бани был ниже уровня родника. А для отвода использованной воды из бани был прорыт специальный арык, облицованный изнутри и перекрытый сверху досками.

Рис. 39. Красносюндюковское I городище.
Сохранившаяся нижняя часть бани после консервации
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Семькин, Гисматуллин, 2022)

Для освещения в бане имелись окна, снабженные стеклами круглой формы с бортиком по краю. Подобные стекла изготавливались в Биляре.

На основании комплекса находок время функционирования бани определено XI–XII вв.

Основу застройки болгарского города составляли массовые жилища рядовых горожан и связанные с ними хозяйственные постройки. Они дошли в виде углублений подполий домов, иногда со следами древесной трухи от нижних венцов сруба.

Распространение получили наземные срубные дома. В центре Биляра изучены остатки жилого дома XII в. с сохранившимися следами печи. Нижняя часть одного из таких домов – прямоугольной срубной постройки (4×3,3 м) – была углублена в землю всего на 50 см. Вход располагался с восточной стороны, печь – справа от входа в северо-восточном углу дома. Основание печи покоилось на глиняной подушке толщиной 4–6 см, занимавшей прямоугольную площадку (60×75 см). На этой площадке выявлено скопление камней с обломками кирпичей и глиняной обмазки, а также с золой и углем. Сохранилась часть пода в виде сильно прокаленной глиняной обмазки толщиной 3–4 см. В центре помещения под полом находилась хозяйственная яма для хранения продуктов.

Среди наземных жилищ достаточно выразительны в слоях болгарских городищ следы каркасно-глинобитных (турлучных) сооружений, в том числе круглых (юртообразных), хорошо известных на средневожских и нижневожских болгарских памятниках (рис. 40).

В центре внутреннего города Биляра у Соборной мечети было выявлено прямоугольное турлучное сооружение в виде большого пятна красноглиняной массы (6,8×6,6 м), смешанной с остатками перегнившей древесины и имеющей местами следы прокала. В основании слоя почти на всей площади пятна прослежена тонкая глинистая обмазка пола, на которой покоились основания печи типа тандыра. После

Рис. 40. Остатки круглого турлучного каркасно-глинобитного (юртообразного) жилища во внешнем городе Биляра

снятия нижнего наслоения пола выявились пятна столбовых ям, окаймляющих постройку.

Своими истоками турлучное домостроительство связано, возможно, с культурой населения Хазарского каганата. Отметим, что цилиндрические печи типа билярских тандыров достаточно близки к тандырам салтовских жилищ Подонья.

Часто встречаются в болгарских городах и сельских поселениях полуземлянки прямоугольной в плане формы площадью от 12 до 30 кв. м, пол которых углублен от 0,4 до 1,4 м от дневной поверхности. В некоторых из них выявлены глинобитные сводчатые печи или же открытые очаги-каменки. Встречаются также дома со срубной и столбовой конструкцией стен. В обоих случаях в котлован опущена нижняя часть конструкции, а верхняя часть находится выше уровня земли.

Гораздо реже в болгарских городах и сельских поселениях встречаются землянки – однокамерные постройки прямоугольной и квадратной формы площадью от 10–11 до 30 кв., углубленные в землю на 1,4–2 м. Отапливались они преимущественно открытыми очагами или глинобитными печами. Среди них встречаются землянки, основу конструкции которых составляет сруб, опущенный в глубокий котлован, и т. н. «столбовые», когда каркас дома составляли вертикальные столбы, при помощи которых стенки котлована облицовывались горизонтально положенными досками или горбылями. Наиболее вероятная форма перекрытия – шатровая, опирающаяся на крупный столб в центре жилища.

Самыми многочисленными среди разнообразных объектов, изучаемых при раскопках болгарских поселений, являются хозяйственные сооружения: ямы-зернохранилища, ямы-кладовки, погреба, амбары-клетки, а также колодцы.

Хозяйственные ямы, которыми пользовались в болгарских городах, подразделяются на следующие основные типы: 1) цилиндрические – округлой (овальной) в плане формы диаметром от 0,6 до 2,5 м с вертикальными или чуть скошенными стенками и плоским дном, углубленным от дневного уровня до 1,7–2 м; 2) прямо-

угольной (квадратной) в плане формы размерами от 1×1,5 до 2,2×2,5 м и плоским дном, глубина которого варьирует в пределах от 0,9–1,0 до 1,8 м; 3) усеченно-конические (колоколовидные) – обычно округлой формы с диаметром устья 0,5–0,8 м и диаметром у дна от 0,8 до 1,4 м; ровное дно выявляется обычно на глубине 0,8–1,8 м. Некоторые ямы этого типа, имеющие почти прямые или слегка скошенные стенки в верхней части и плавно расширяющиеся к чашевидному дну, получили в литературе название «грушевидных»; 4) чашевидные – обычно круглые в плане, диаметром 0,6–1,4 м, со скошенными стенками, слегка сужающимися к округлому дну на глубине 0,8–1,2 м.

В таких ямах хранили в основном зерно и другие виды продуктов. При раскопках в ямных сооружениях обнаружены отдельные зерна и большие скопления зерен пшеницы, проса, гороха, а также малины. Встречаются находки яичной скорлупы, костей и чешуи рыб.

Клети-полуземлянки – тип хозяйственных сооружений, мало чем отличающихся по конструктивным особенностям от жилищ. У болгар бытовали полуземляночные деревянные клетки двух видов – срубные и столбовые. Небольшие размеры срубов и столбовых конструкций (от 4 до 7 кв. м), отсутствие следов печей и характерных для жилищ находок позволяют рассматривать их как подполья построек хозяйственного назначения. Вероятно, они служили в качестве клеток, где хранились производственный и бытовой инвентарь, другие предметы повседневной необходимости, а также продовольственные припасы. В одной из таких построек XII в., по внутреннему периметру которой (3,2×2,8 м) прослеживались отпечатки нижнего венца сруба, обнаружено большое количество зерен полбы и проса, содержащихся в деревянном ящике.

Наземные амбары-зернохранилища и клетки, уничтоженные в огне пожара 1236 г., сохранились в виде углисто-золистых пятен, насыщенных древесной трухой. Пятно одного из сооружений занимало площадь 3,6×1,8 м. На этой площади были расчищены развалы 15 сосудов различных форм, деформированных под сильным жаром горевших деревянных конструкций. Почти во всех сосудах и рядом с ними найдены скопления обугленных зерен пшеницы, овса, ячменя. В амбарах зерно хранилось в деревянных ларях, так как в районе скоплений зерна обычно много древесного угля.

Интересна еще одна группа сооружений. Они изучены в основном при раскопках Билярского городища. Это колодцы, при помощи которых жители центральной части города, удаленной от естественных источников воды, обеспечивали себя питьевой водой.

На раскопках центральной части внутреннего города изучено около двух десятков разновременных колодцев, нижние части которых имели достаточно хорошую сохранность благодаря тому, что находились в воде. Колодезные срубы или ящики, изготовленные из дуба, впущены в глубокие (4,6–7,6 м) ямы округлой в плане формы, сужающиеся книзу. Под нижним венцом срубов, характерных для колодцев XII – начала XIII вв., устроены небольшие водосборные камеры в виде квадратных дощатых коробов. Последние отсутствуют у более ранних колодцев, «срубы» которых делались преимущественно из тонких досок или толстых дубовых плах (рис. 41).

Крупные города были окружены мощными укреплениями с крепостными башнями и проездными воротами, некоторые из которых, судя по народным преданиям,

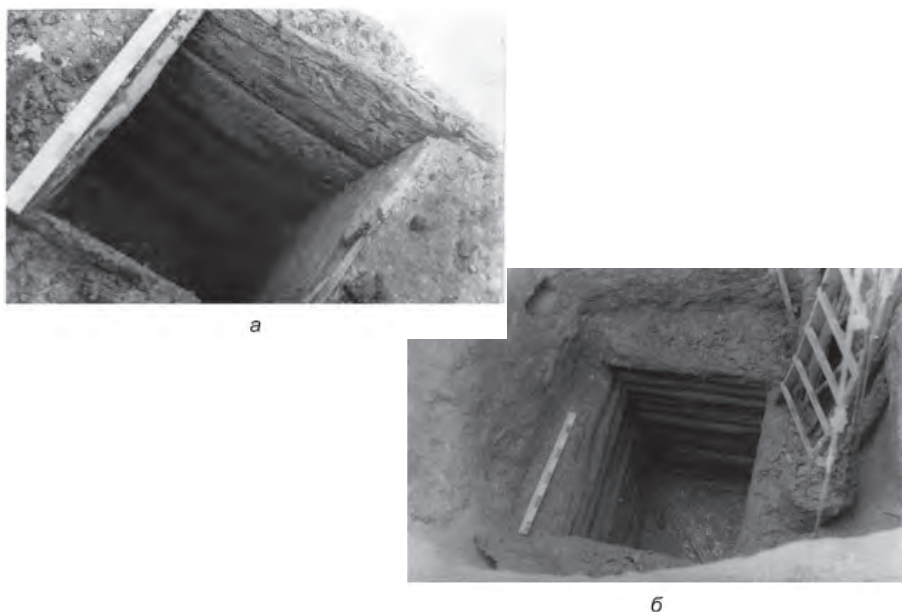

Рис. 41. Билярское городище. Раскоп XVII. Сохранившиеся части срубов в колодцах № 2 и 3

назывались «золотыми». В этих городах находились караван-сараи для приезжих купцов, имелись мечети с высокими минаретами и религиозные школы-медресе при них. Центральные площади оживлялись базарами с их своеобразными постройками – лавками, небольшими мастерскими, складскими помещениями и т. д. Из массы рядовых жилищ, надо полагать, выделялись богатые дома, нередко двухэтажные, общественные бани и другие здания, сооруженные из камня и кирпича.

Сельские поселения

По сведениям археологических карт регионов Среднего Поволжья, Посурья и Восточного Примокшанья известно около 1000 селищ, подавляющее большинство которых (78%) в Центральном Закамье. По площади преобладающими среди болгарских селищ являются поселения средних размеров (до 6 га). Существенно реже встречаются очень крупные селища (более 10 га) и совсем небольшие (менее 1 га).

Как правило, селища располагались на берегах рек или оврагов, поблизости от воды. Нередко небольшие по размеру селища тяготеют к одному из поселений – крупному селищу или расположенному поблизости городищу, образуя своеобразный куст археологических памятников. В Предкамье часть селищ занимала участки плодородной поймы притоков небольших речек. В ряде случаев поселения располагались на высоких мысах поблизости от ручьев или родников. Очень невелико число селищ, находившихся далеко от коренного берега в пойме. В XII в. в Центральном Закамье зафиксированы единичные селища на водоразделах, как правило в районах крупных городских агломераций.

Имеющиеся данные позволяют сделать предположения о статусе и характере некоторых поселений, основываясь на специфике их материальной культуры.

Открытые торгово-ремесленные поселения представлены I–IV Семеновскими, Измерским и Головкинским селищами. Расположены они поблизости от крупных

речных артерий – Камы, Волги и на их притоках. На этих селищах встречаются многочисленные предметы торговли – весы для малых взвешиваний, металлические гири, монеты, монетные слитки, импортные изделия (стеклянные и каменные бусы, торевтика), большое число изделий ремесленного массового производства (серийные металлические поясные накладки, пряжки), предметы вооружения. В небольшом числе встречаются сельскохозяйственные орудия. Расцвет этих селищ приходится на вторую половину X – начало XI в., хотя большая часть из них продолжила своё существование вплоть до начала XIII в., потеряв при этом прежние функции.

В качестве ремесленной слободы определяется Лаишевское селище (Чакма) XI–XIII вв., расположенное на краю надлуговой террасы, поблизости от р. Брыссы, правого притока Камы. Здесь выявлены остатки металлургических горнов и кузниц, в подъёмном материале и в раскопах найдено около 50 кг металлургических шлаков, крицы, куски руды. Значителен ассортимент находок: навесные замки, ключи, ножи, гвозди, наконечники стрел, металлические детали конского снаряжения, а также декоративные накладки на него. Кроме того, здесь же обнаружены, полуфабрикаты, заготовки этих изделий и производственный брак. Заметное место занимают предметы торговли: детали весов для мелких взвешиваний, железные гири, мелкие обрубленные серебряные слитки.

На Остолоповском поселении на левом берегу Камы встречены многочисленные предметы болгарского ремесла, а также привозные и импортные изделия: поливная керамика среднеазиатского и иранского производства, а также местной выделки, стеклянные изделия: парфюмерная посуда, украшения (браслеты, бусы), янтарь-сырец и изделия из него, каменные бусы (гешир) и прясла (шифер). На этом селище среди находок из раскопок заметное место занимают детали вооружения (пластины от доспеха), наконечники стрел и дротиков, костяные колчаные петли, обкладки налучий, металлические и костяные детали и украшения конского снаряжения. Встречены предметы письменной культуры, например глиняная чернильница. Единичными находками представлены предметы, связанные с сельским хозяйством: серпы, косы. На селище зафиксированы следы ювелирного производства.

Ремесленным посадом города были IV и V Старокуйбышевские селища. Здесь найдены скопления товарных железных криц, следы металлургического и ювелирного производства, серийные изделия из железа, клады медной посуды (котлы, кумганы). На одном из селищ работали гончарные мастерские, выпускавшие на рынок столовую круговую посуду. На IV селище найдены серебряные ювелирные изделия. В XIX в. на месте этих поселений был найден клад серебряных и золотых украшений.

Мурзинское селище, находившееся близ Камы и её притоков, специализировалось на обслуживании Камской переправы, торговом транзите (в весеннее половодье) и рыболовстве. Здесь встречаются рыболовные грузила и крючки, гарпуны; в хозяйственных ямах в значительном количестве встречается рыба чешуя и кости. На поселении найдены предметы вооружения: наконечники стрел, копий; бронзовое навершие булавы. Немало здесь и импортных предметов, в том числе стеклянных бус.

Болгарская сельская усадьба состояла из жилого дома с двором и надворных построек. В ряде случаев выделяется передний двор – открытая часть усадебного пространства без каких-либо построек, и задний двор, занятый сараями, овинами, амбарами и т. п. На заднем дворе находились и овины – места для сушки снопов.

На дне таких ям имеются следы от кострищ или очагов. Скот, вероятно, содержался на внутреннем дворе, а в зимнее время в утепленных стойлах. Археологически их можно зафиксировать по более гуммированной почве из-за большого количества навоза, отлагавшегося здесь. Центром усадьбы был жилой дом. Он, скорее всего, не выходил непосредственно на улицу, а был «отодвинут» вглубь усадьбы. Эта ситуация прослежена на VI Алексеевском селище, где была высокая скученность построек.

Ограда двора или усадьбы могла быть различна: дощатый забор (VI Алексеевское селище); плетень из прутьев (Измерское, V Рождественское), ограда из жердей, крепившаяся к врытым столбам (Остолоповское селище). Интересен и тот факт, что пока ни на одном из исследованных селищ не выявлены колодцы: видимо, воду брали непосредственно из реки, хотя водоносный горизонт, вероятно, располагался не очень глубоко.

Хозяйство населения Волжской Болгарии

Экономика Волжской Болгарии домонгольского периода носила комплексный характер и включала в себя сельское хозяйство с развитым для того времени земледелием и скотоводством, ремесла, внутреннюю и внешнюю торговлю, а также различные промыслы, рыболовство и охоту.

Основная масса населения, проживающая в сельских местностях, занималась земледелием и скотоводством. О большой роли земледелия в экономике Болгарского государства свидетельствуют письменные источники. Арабский географ начала X в. Ибн Русте писал: «Болгары – народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: пшеницу, ячмень, просо и другие». Ибн Фадлан отмечает, что «пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница, и ячмень [у них] в большом количестве».

Земледелие не только удовлетворяло внутренние потребности страны в хлебе, оно создавало довольно значительный сельскохозяйственный продукт, шедший на экспорт. Болгары вели с Русью регулярную торговлю зерновым хлебом. В Лаврентьевской летописи под 1024 г. говорится, что во время голода в Суздальской земле русские отправились в «Болгары и привезоша жито и тако ожиша». Под 1229 г. в летописях имеется следующее сообщение: «Болгары возили жито по Волге во все грады русские и продавали, и тем великую помощь сделали. Князь же болгарский прислал в дар великому князю Юрию 30 насадов с житами, которые князь великий принял с благодарностью».

Немногочисленные письменные источники по болгарскому земледелию находят солидное археологическое подтверждение. Находки почвообрабатывающих орудий, орудия уборки и переработки урожая, а также богатый палеоботанический материал, т. е. остатки зёрен культурных растений и сопутствующих сорняков, позволяют достоверно реконструировать применявшуюся тогда систему земледелия и состав возделываемых сельскохозяйственных культур.

Рало, соха, плуг – вот основные виды болгарских пахотных орудий. В археологических материалах они представлены такими деталями, как наральники, плужные лемехи с ножами-череслами и сошники с полицей.

Сошники и полицы достаточно широко были распространены в Волжской Болгарии. Без значительных конструктивных изменений двузубые сохи с перекидной полицей в Волго-Камье просуществовали вплоть до начала прошлого столетия. Факт появления орудий сошного типа знаменует собой становление паровой системы зем-

леделия. Достаточно сказать, что по конструктивным и функциональным особенностям сохи абсолютно не приспособлены для обработки степных целинных почв, а предназначались для старопахотных земель.

Основным орудием для обработки почвы служил тяжёлый однолемешный плуг с резаком и приспособлением для регулирования глубины вспашки. На территории Волжской Болгарии известны в количестве более 70 экз. Железные лемехи от плуга-сабана имеют вид массивного полотна с овальной несомкнутой втулкой-трубицей и подтреугольной симметричной или асимметричной лопастью. Почти полное сходство металлических частей болгарского плуга и позднего татарского сабана свидетельствует об их генетическом родстве. Обязательной принадлежностью болгарского плуга были резаки-чересла, или плужные ножи, которые прикреплялись к оглобле слева перед лемехом и предназначались для резания верхнего слоя почвы, перед тем как она будет поднята рабочим органом – лемехом. Такими сабанами, влекомыми парой волов или лошадей, обычно поднимали целину и успешно обрабатывали тяжёлые, плотно задернованные степные и лесостепные почвы. Время появления плуга в Волжской Болгарии специалисты определяют X–XI вв.

Обильные палеоботанические находки из раскопок болгарских поселений дают наглядное представление о составе сельскохозяйственных культур, выращиваемых волжскими болгарями в X–XIII вв. В зерновых материалах выявлено около 20 видов культурных растений. Среди зерновых преобладают пшеница мягкая, просо, ячмень и полба-двухзернянка. В сравнительно небольшом количестве обнаружены пшеница твёрдая, чечевица, горох, гречиха, вика посевная. Рожь, которая на Руси повсеместно возделывалась с XI в., у болгар занимала весьма скромное место. Предки татар заимствовали её у русских, о чём говорит и этимология татарского слова «арыш» – «рожь». Овёс, как считают палеоботаники, специально не высевался и являлся лишь примесью к другим культурам. Из технических культур популярностью пользовался лён; конопля встречается значительно реже.

Специалисты отмечают высокую степень засорённости болгарских полей. В зерновых материалах Биляра определено 42 вида сорных растений с преобладанием засорителей яровых посевов. Это обстоятельство свидетельствует о том, что зерновые хлеба возделывались на старопахотных землях, так как на новых в собранном урожае почти не бывает сорняков.

Новые палеоботанические и археологические данные иллюстрируют господство залежно-переложной системы, при которой использованный в течение нескольких лет и потому утративший плодородие участок земли забрасывался и спустя несколько лет вновь вводился в севооборот. С этой системой земледелия связаны орудия плужного типа. При освоении залесённых районов применялась также подсечно-огневая система. Не исключается применение и паровой системы, на что указывает наличие среди пахотных орудий сох, которыми обрабатывались преимущественно паровые поля.

Ручные почвообрабатывающие орудия Волжской Болгарии представлены мотыжками и оковками для лопат.

Урожай зерновых убирали железными серпами, близкими по форме к современным. В археологических коллекциях имеется около 80 экземпляров болгарских серпов, отличающихся большой производительностью.

Обмолачивали хлеба способом хлестания, обивки палкой, также копытами животных, лошадей, волов. Первые два способа вообще характерны для ранних этапов

земледелия, последний же типичен для оседающих кочевников, переходящих к земледелию.

Орудия переработки (помола) урожая в археологических материалах представлены каменными жерновами от ротационных мельниц и тёрочниками.

При помощи больших каменных жерновов диаметром до 70–90 см зерно мололи на муку или рушили в крупу. Верхний камень-бегунок, имевший в центре коническое углубление для зерна, приводился в движение лошадьми или волами. Небольшие жернова были приспособлены для работы вручную.

Животноводство было после земледелия второй важной отраслью сельского хозяйства Волжской Болгарии. Оно стабильно обеспечивало население страны мясо-молочными продуктами. Кроме того, лошади использовались в транспортных целях, волы – как тяговая сила на пашне. Шерсть шла на изготовление войлока и различных тканей. Кожевенное и косторезное ремесла в значительной степени базировались на сырье, поставляемом животноводством.

Болгары разводили крупный рогатый скот, лошадь, овцу и козу. Судя по остеологическим остаткам, в стаде крупного рогатого скота выделяются две различные породные группы – древнерусская лесная (в меньшинстве) и степная среднеазиатская. Средний рост в холке крупного рогатого скота первой группы (для коров) составлял в пределах 95–105 см, второй группы – 109–124 см, обнаруживая при этом значительное сходство со скотом древнего Хорезма.

Примерно такую же картину наблюдают специалисты при исследовании костных остатков лошадей. По данным археозоологов, большая часть (63%) болгарских лошадей была довольно однородной, с высотой в холке 132–136 см. Единичными (не более 4%) были низкорослые лошади древнерусской лесной породы высотой в холке 120–128 см, а лошади более крупные, высотой в холке 137–148 см, составляли примерно одну треть от общего их количества. Болгарские лошади сопоставимы с лошадьми степных кочевников Южного Казахстана домонгольского времени. Любопытно отметить предположение специалистов о зачатках племенного дела в Волжской Болгарии. Знать имела возможность разведения хороших коней, используемых не столько в хозяйстве, сколько в военном деле и развлечениях.

В мясном рационе болгарского населения домонгольского периода основную долю составляет говядина. В связи с широким распространением ислама свинина оказывается в числе запрещенных (харам) для употребления продуктов; впрочем, болгары, до недавнего времени народ степной, кочевнический, и так не разводили свиней. Любопытно заметить, что единичные кости свиней археологи обнаружили на Билярском городище при раскопках жилищ-мастерских ремесленников-ювелиров русского происхождения, занимавшихся изготовлением янтарных украшений.

Овцеводство занимало не менее важное место в болгарском животноводстве. Любопытно, что в некоторых крупных поселениях Самарской Луки, например на Муромском городке, население которых жило в условиях остепнённого лесостепья, кости овец составляют более 80% от общего количества костей домашних животных. Как показывает остеологический анализ костных остатков из раскопок Биляра, основное поголовье овец представлено весьма крупными, рослыми особями, достигавшими в холке 70–73 см. Для сравнения: овцы соседнего финно-угорского населения (на примере древнеудмуртского городища Иднакар) имели высоту в холке 63,5–66,5 см. Специалисты утверждают, что болгарские овцы были близки

к современным крупным породам – туркменской курдючной и казахской курдючной. В остеологических материалах средневожских памятников болгар обнаруживаются кости верблюда, являющиеся «свидетелями» активных торговых связей Болгарского государства с среднеазиатским регионом.

Мы располагаем очень скудными данными о характере содержания скота. Климатические условия Среднего Поволжья требовали стойлово-пастбищного содержания животных. О стойловом содержании могут свидетельствовать частые находки железных кос для заготовки кормов на зиму.

Рабочий скот, особенно боевой конь, требовал постоянного ухода. Предметы ухода за ними в археологических материалах представлены железными скребницами, путами, боталами, подковами, а также т. н. пружинными ножницами для стрижки овец.

Конское снаряжение представлено железными удилами различных типов, бронзовыми бляхами для соединения ремней узды и подпружными пряжками.

Болгары разводили также домашних птиц – кур, может быть уток и гусей. Кости кур известны среди остеологических материалов многих поселений, а яичная скорлупа обнаружена в хозяйственных ямах-погребках Биляра и Сувара.

Чёрная металлургия и кузнечное дело. Ведущими отраслями ремесла в Волжской Болгарии были чёрная металлургия и металлообработка, являющиеся основой экономической мощи любого общества. От уровня развития чёрной металлургии зависел прогресс во всех других отраслях хозяйства, в том числе в земледелии и военном деле.

Успешное развитие металлургии железа волжских болгар зависело от обеспеченности их сырьевыми ресурсами: железными рудами, топливом, флюсами и строительными материалами. Вопрос об источниках сырья для чёрной металлургии решается относительно легко. Основным сырьём служили болотные, озёрные и луговые руды с большим количеством фосфора в шлаке, отличающиеся легкоплавкостью и значительным содержанием в них железа (до 40%). Территория Волжской Болгарии входила в зону распространения болотных руд. Не исключается возможность использования бурых и красных железняков, которые также имеют в составе металла повышенный процент фосфора. Никелевая руда, применявшаяся при плавке железа в качестве легирующих добавок, привозилась, скорее всего, со Среднего и Южного Урала.

После добычи производилось обогащение руды, т. е. предварительное удаление пустых пород путём промывки, просушивания и обжига в специальных печах-жаровнях, остатки которых обнаружены на Муромском городке.

В качестве топлива, необходимого в большом количестве для чёрной металлургии и кузнечного ремесла, служил древесный уголь. Углевыхигательные ямы исследованы также на Муромском городке.

Относительно развития конструкций металлургических горнов Волжской Болгарии некоторое представление можно получить на основе результатов исследования металлургических сооружений X–XII вв. в Болгаре, Биляре, на городище Хулаш и Муромском городке.

На поселениях раннего домонгольского периода использовались горны ямного типа с принудительным воздушным дутьём. Такие горны наследовали традиции населения салтово-маяцкой культуры. Недавно на территории Болгарского городища были исследованы горны ямного типа с керамической колбой тиглем, искусствен-

ным воздушным дутьём и каналом для отвода шлака в предгорновую яму. Такого типа горны обнаружены и на Хулашском городище.

Горны наземной конструкции раннего Болгара, изготовленные из глины, полусферической формы, напоминали широкую чашу, перевёрнутую вверх дном. Высота их достигала 50 см, внутренний диаметр составлял 60 см. Для загрузки шихты и выхода газов в верхней части находилось круглое отверстие. Горны с внутренней стороны были прокалены на глубину до 4–5 см. Установлено, что ранние горны работали с применением искусственного воздушного дутья.

Готовое железо и сталь отправляли в кузнечные мастерские с горнами, служившими для нагревания полуфабрикатов железа и стали при кузнечной ковке и готового изделия при термической обработке.

Болгарский кузнец – высокопрофессиональный мастер, владевший всеми тонкостями технологии металла, доступными в то время, – имел богатый набор инструментов. Среди них тяжелые молоты-кувалды, молотки-ручники, наковальни различных форм и размеров, зубила и пробойники, напильники, клещи большие и малые, которые нередко обнаруживаются во время раскопок.

В кузнечном деле существовала определенная специализация. В одних мастерских производили сельскохозяйственные орудия – плужные лемехи, сошники, косы, серпы и пр.; в других работали кузнецы, которые снабжали население необходимыми в повседневном быту вещами (ножи, ножницы, кресала, гвозди, пробои и т. д.); в третьих – оружейники, изготавливающие мечи и сабли, наконечники стрел, боевые топоры, кистени и булавы.

Металлографический анализ кузнечных изделий выявил разнообразные и весьма сложные технологические приёмы обработки чёрного металла. Городские кузнецы применяли 11 технологических схем, среди которых всевозможные приемы горячей и холоднойковки железа и сырцовой неравномерно науглероженной стали, цементация железа и стали, ковка из цельностальных заготовок, вварка стальной лезы в основу из железа, ковка в технологии пакетного металла, трёхслойный пакет, боковая и торцовая наварка стальной полосы на железную основу, V-образная наварка, двухполосная сварка. Особым мастерством отличались кузнецы Биляра, которые владели всеми известными для своего времени операциями горячей и холодной свободнойковки. Кузнечная сварка, основной технологический приём соединения частей кузнечной продукции в монолит, была освоена билярскими мастерами и исполнялась ими на высоком уровне качества.

Высокий уровень развития цветной металлургии и ювелирного дела в Волжской Болгарии основывается на находках литейных форм, инструментария ювелиров и большого количества медных и бронзовых изделий, обнаруживаемых на болгарских поселениях. Кроме того, на Болгарском городище были изучены остатки металлургических горнов, шлаки и плавильные ямы, которые были отнесены к меднолитейному производству, а на городище Муромский городок выявлена производственная площадка для первичной обработки медной руды и остатки горнов. Показательны находки из раскопок Билярского городища: куски медной руды, шлаки цветного металла, черновая медь в виде лепёшек и медные чушки в виде брусков. Помимо этого, найдены многочисленные полуфабрикаты и готовые материалы для производства: рулончики листовой меди, мотки медной проволоки, обрезки медных листов, стерженьки из цветного металла. Помимо всего прочего, следует учесть наличие месторождений меди на территории Волжской Болгарии и прилегающих зем-

лях. Все это свидетельствует о наличии собственной сырьевой базы для цветной металлургии в Волжской Болгарии домонгольского времени.

Такие компоненты сложных сплавов и металлы для легирующих добавок, как, например, свинец и олово, а также серебро и золото, отсутствующие на территории Волжской Болгарии, были предметами импорта. Слитки свинца и олова весом до 3 килограммов обнаружены на многих городских поселениях и даже селищах. Анализ археологических коллекций показывает, что болгарские медники очень часто использовали вторичное сырье – утилизированные части медной посуды: котлов, чаш, тазов, ковшей и др., во множестве находимых на болгарских поселениях. Значительная часть этих фрагментов, судя по материалам Билярского городища и ряда селищ, были специально деформированы, разрублены на куски для переплавки.

Утилизированные поделки и монетный металл особенно часто использовались в ювелирном деле при изготовлении изделий из золота, серебра и меди.

Остатки меднолитейных горнов вскрыты раскопками Болгарского и Билярского городищ, Муромского городка. Вокруг горнов встречались кусочки медного шлака. В разных частях Биляра обнаружены слитки меди лепёшкообразной формы весом до 3 килограммов. Из раскопа, расположенного к востоку от Соборной мечети, происходит такой же формы слиток олова, являющийся, скорее всего, предметом импорта из районов Алтая, где известны его коренные месторождения. Слитки серебра имеются в коллекциях Билярского, Болгарского и Елабужского городищ, а также в составе монетных и вещевых кладов.

Обработка цветных металлов теснейшим образом связана с *ювелирным ремеслом*, которое у волжских болгар достигло высокого совершенства. Ювелирные мастерские располагались, как правило, в центральной части города, ближе к заказчику и потенциальному потребителю. Специальных мастерских археологически пока не выявлено, если не считать остатков размытого жилища ювелира на Семеновском I поселении с находками литых накладок поясного набора, пронизки и обрезков бронзового полотна. Но достаточно многочисленны следы производства в виде тиглей и литейных форм, ремесленного инструментария и великолепных образцов готовой продукции. Так, на поселениях низовий Камы обнаружены различные инструменты ювелиров, обломки каменных литейных форм, штампы-матрицы, мотки медной и серебряной проволоки для сканых изделий и т. п.

Очень часто при раскопках болгарских городов встречаются глиняные тигли – узкие и высокие подцилиндрические сосудики с округлым дном, которые предназначались для плавки и заливки жидкого металла в литейные формы. В билярских коллекциях насчитывается более 200 тиглей подобной формы. Обнаружены они, но не в таком большом количестве, и в Суваре, Муромском городке, Ошеле, Хулаше и в других домонгольских городах.

Изделия из цветных металлов, в первую очередь ювелирные, очень часто отливались в каменных литейных формах. Среди них преобладают составные формы, имеющие две (в большинстве случаев) и более створок; открытые, односторонние формы без литниковых каналов (металл заливался непосредственно в углубления горизонтально лежащей формы) немногочисленны.

В археологических коллекциях болгарских городов, население которых занималось ювелирным делом, имеются металлические матрицы. Они служили при массовом изготовлении ювелирных изделий с применением техники тиснения, штамповки и чеканки. Это массивные литые пластины толщиной 0,2–0,8 см дисковидной,

прямоугольной, квадратной и миндалевидной форм с нанесенными на них орнаментальными узорами. На них накладывали тонкую пластину из меди, серебра или золота и при помощи осторожных ударов деревянным молотком по штампу получали четкий рельефный оттиск на металл. Таким способом делали не только накладки с растительными узорами, но и бусины, бляшки и другие украшения.

Наряду с тиглями, литейными формами и матрицами деятельность болгарских ювелиров в городах археологически представлена разнообразным набором инструментария, включающего молотки-чеканы, наковальни, напильники, пунсоны, пинцеты, мелкие пробойники и зубила.

Ассортимент продукции болгарских ювелиров весьма обширен. Излюбленными украшениями женщин были плетёные и пластинчатые браслеты, серьги-лунницы с ложнозернёным оформлением лицевой стороны, перстни и височные подвески, изготовленные из серебра, меди, реже из золота. Один из центров изготовления плетеных браслетов и гривен находился на Старокуйбышевском IV поселении. Шумящие привески и другие украшения финно-угорского облика были рассчитаны на экспорт. Богат также ассортимент поясных украшений, принадлежностей одежды и предметов женского туалета. На Измерском I поселении обнаружены следы производства зооморфных и прочих типов накладок. В Биляре производили бронзовые замки в виде рогатых барсов, серебряные и золотые височные кольца.

В продукции болгарских ювелиров имеются изделия различного качества изготовления: в мастерских работали ремесленники разной квалификации и сами вещи были рассчитаны на разного потребителя. Однако высокопрофессиональные мастера знали сложнейшие приёмы обработки драгоценных металлов. Они владели, например, техникой скани (филиграни) и зерни. Сканые украшения делались из золота и серебра. Из одного грамма золота щипцами через отверстия в стальной пластине – волочительной доске можно было вытягивать тончайшую нить длиной до 2500 м. Из раскопок Болгарского городища известна небольшая металлическая дощечка с рядами мелких круглых отверстий разного диаметра, служившая волочительной доской. Сканые изделия часто украшались зернью – мелкими гладкими шариками, напаянными на узоры. Техника изготовления и закрепления зерни требовала от мастера большого искусства, точности исполнения и терпения. Великолепным образцом совершенства ювелирного ремесла по праву считаются классические болгарские изделия XI–XII вв. – золотые височные подвески в виде кольца с тремя желудеобразными бусинами-пронизками, ажурной фигуркой утки в центре и тремя привесками-бусами на тонких цепочках, свисающих пучком от средней бусины кольца. Бусины-пронизки и бусины-привески красиво украшены орнаментом из треугольников тончайшей зерни, в то время как крылья, грудь и шея утки сплошь покрыты тонкой сканой веревочкой – филигранью. Такие украшения выполнялись по специальным заказам и были рассчитаны главным образом на удовлетворение потребностей высшей знати и ее окружения (рис. 42).

Близко к ювелирному делу, не по технологическим приёмам, а по функциональному назначению производимой продукции, стоит обработка драгоценных и полудрагоценных камней. При раскопках многих болгарских городищ находят не только готовые украшения в виде бус, подвесок, кулонов, перстней из сердолика, горного хрусталя, лазурита, халцедона, янтаря и т. п., но и их заготовки-полуфабрикаты и отходы производства. В центральной части внутреннего города Биляра, примерно в 130–150 м к югу от белокаменной Соборной мечети, были исследованы остатки

двух наземных построек с подпольями и хозяйственными сооружениями вокруг них. Они относятся к XII в. В одной из построек удалось собрать около 3 килограммов, в другой – более 6 килограммов необработанного янтаря. При раскопках мастерской алхимика и стеклодува обнаружено более 1 килограмма янтаря Готовых украшений или их заготовок обнаружено немного, среди них: каплевидные и подтреугольные бусы-подвески, шаровидные и других форм бусы различной степени готовности. Тем не менее функциональное определение построек не может вызвать возражений – это жилища-мастерские ремесленников, причём довольно зажиточных, специализировавшихся на изготовлении янтарных украшений.

По характеру сопровождающих находок (фрагменты древнерусской посуды, глиняные яйца-писанки и свистульки, кости свиньи, шиферные пряслица, обломок стеклянного браслета, древнерусская вислая печать) установлено, что в них жили русские мастера по янтарю, работавшие на заказ, может быть специально приглашенные болгарской знатью из древнерусских городов.

Гончарное ремесло относится к числу основных производств Волжской Болгарии. Уровень болгарского гончарства наглядно демонстрируют не только десятки высокопроизводительных горнов для обжига посуды, открытых археологами на городских и сельских поселениях, или же целые сосуды и их обломки – самый массовый вид археологических находок, но и сам факт чрезвычайно широкого распространения этой посуды на обширных территориях Восточной Европы. В ремесленном гончарном производстве болгарские мастера стояли несравнимо выше своих соседей. Разнообразие, практическая целесообразность форм, изящество орнамента, хороший обжиг, приятный глазу внешний вид высоко характеризуют их продукцию. Типично болгарские двухъярусные горны, состоящие из нижней топочной и верхней обжигательной камер, отделенных друг от друга горизонтальной перегородкой с продухами-отверстиями для движения горячего воздуха, открыты во Владимиро-Суздальской земле и Верхнем Прикамье. Поражает широкий ассортимент продукции гончаров, сочетающийся со стандартизованностью форм, что свидетельствует о работе мастеров не только на заказ, но и на рынок. Кувшины, кринки, горшки, корчаги, хумы, чаши, плошки, миски, котлы, сковородки, светильники, туваки, игрушки и т. д. – далеко не полный перечень их товаров.

Гончарные горны домонгольского времени изучены в Биляре, Хулаше, Муромском городке, на Большетаябинском и Юловском городищах.

В Биляре гончары занимали особый район во внешнем городе на правом берегу речки Билярки. Территория гончарной слободы, выделяющаяся от окружающего пространства наличием на пашне пятен обожженной глины, скоплений обломков кирпичей от разрушенных горнов и отходов гончарного производства, достигает

Рис. 42. Височное кольцо

3 га, и этот факт наглядно свидетельствует о значимости гончарства в экономике государства.

Все обнаруженные печи для обжига неполивной и поливной посуды представляют собой один тип: круглый двухъярусный, периодически действующий, с восходящим движением газов. Представлены двумя видами: 1) со сплошным перекрытием топочной камеры горизонтальной перегородкой с отверстиями-продухами между топкой и обжигательной камерой; 2) с несплошным перекрытием топочной камеры в форме горизонтальной полки и круглым центральным каналом, соединяющим топку с камерой обжига. В горнах первого вида обжигалась в основном бытовая посуда, в горнах второго вида – столовая поливная посуда. Горны различаются между собой и по устройству опоры перекрытия топочной камеры: со столбовой конструкцией опорных устройств и без них. Последние преобладают.

Подавляющее большинство болгарской посуды имеет признаки высококачественного обжига – без прослоек в разломе черепка.

На базе гончарного дела или под его влиянием зародились две совершенно новые отрасли ремесла – *производство строительного кирпича и стеклоделие*. Первое из них, в сущности, не отличалось от гончарства. Оно появилось в условиях широко развернувшейся градостроительной деятельности первых болгарских правителей, когда требовалось громадное количество кирпича для возведения жилых домов богатых горожан, общественных бань и других зданий, число которых только в Бияляре достигало почти полсотни. Горны для обжига кирпича, очевидно, были в каждом городе, где строились кирпичные сооружения. Но пока они открыты только в Бияляре и Муромском городке.

Прямоугольный горн на Муромском городке изначально был предназначен для обжига кирпича. Он имел двухъярусную конструкцию. Сохранилась только топочная камера горна, представляющая собой несколько углубленный в материковый грунт котлован (2,2×2,2 м), стенки которого были обложены стандартными кирпичами квадратной формы. В восточной стенке котлована находилось устье топочной камеры, стенки и под (дно) которого были обмазаны глиной. Перед устьем топочной камеры располагалась предгорновая яма, заполненная обломками кирпича. Горн функционировал долго, о чем свидетельствуют сильная прокаленность стенок и ошлакованная под воздействием высокой температуры глиняная обмазка поверхности стенок.

Многочисленные находки обломков посудного и оконного стекла, а также стеклянных бус и браслетов из раскопок Бияляра, Суvara, Муромского городка и некоторых поселений низовий Камы указывают на массовое производство изделий из стекла. Учитывая обилие и многообразие многчастных бус-лимонок из желтого стекла на Семеновском I поселении, бус-пронизок из зеленого стекла, подтреугольных бус из желтого и коричневого стекла с желтыми и синими глазками на Измерском I поселении, археологи предполагают их местное производство. Тем более на этих же поселениях были обнаружены полуфабрикаты и большое количество бракованных экземпляров бусин.

Раскопками внутреннего города в центральной части Биялярска выявлены остатки производства поливной монохромной посуды коричневого и зеленого цвета. Удалось изучить и следы уникального производственного комплекса – мастерской алхимика и стеклодува. Открыто несколько горнов, располагавшихся в неглубоких ямах округлой или подпрямоугольной формы. Горны выложены кирпичом или камнем

со следами нагара и копоти. В заполнении с включениями древесного угля и золы встречены куски глиняной обмазки, извести и стеклянного шлака, фрагменты сфероконусов и глиняной посуды, в том числе днище с невыработанной стекломассой, лепёшечка-фритта – смесь сырьевых материалов, из которой варили прозрачное стекло, и аламбики – стеклянные сосудики цилиндрической формы с округлым дном и отводной трубкой в верхней части. В одной из ям в районе горнов обнаружен клад, содержащий 176 фрагментов от 29 аламбиков и один целый сосудик. На разных участках раскопа найдены глиняные тигли с каплями стекла, сфероконусы, огнеупоры и более 300 осколков стеклянных изделий, в основном аламбиков.

Остатки во многом аналогичных горнов были обнаружены также в районе развалов большого кирпичного здания. Здесь производили оконное стекло – круглые диски диаметром около 20–28 см, которые использовались для остекления окон богатых домов (рис. 43).

В биларских мастерских производили также стеклянную посуду – банки, кубки, рюмки, флакончики, отличающиеся простотой форм и приемов орнамента. Как показал спектральный анализ образцов стекла, при изготовлении стеклянной посуды болгарские мастера использовали местное сырье: низкосортный кварцевый песок Волго-Камской песчаной провинции, доломиты и доломитизированный известняк, золу местных растений – галофитов. Сравнительное изучение рецептов стекловарения и технологии производства позволило установить тесную связь с крупнейшими мусульманскими ремесленными центрами Средневековья. Болгарская школа стеклоделия сложилась, безусловно, под сильным влиянием ближневосточной при посредстве закавказской и среднеазиатской школ.

Следует подчеркнуть исключительно городской, элитарный характер стеклоделия. Оно могло возникнуть только в крупных производственных центрах с богатыми ремесленными традициями (особенно в гончарном деле и металлургии), и факт освоения этого вида производства болгарами является ярчайшим показателем общего уровня развития экономики страны в целом.

Косторезное ремесло считается одной из традиционных отраслей хозяйства, уходящей своими корнями в глубокую древность. Следы этого производства выявлены практически на всех поселениях в виде полуфабрикатов или готовых изделий, однако пока нигде не найдено специальных мастерских ремесленников. Набор инструментов косторезов, обнаруженных при раскопках городских поселений, включает ножи, свёрла, пилы, напильники, резцы-двузубцы для нанесения циркульного орнамента, а также простой токарный станок, характерные следы которого прослежены на многих предметах.

Номенклатура костяных изделий весьма обширна: предметы домашнего обихода (рукоятки ножей, ложки, проколки, иголки и пр.), боевое и охотничье снаряжение (наконечники стрел, налучные накладки, колчанные петли, рукоятки нагаек и пр.), предметы туалета и украшения (гребни, копоушки-уховёртки, пуговицы, застёжки, бусы и пр.), игральные кости (шахматные фигурки, кубики с «очками», альчики для игры в бабки и др.), культовые предметы (амулеты различных форм и назначений, лопатки со знаками) и др. Они изготовлены в основном из костей крупных домашних животных, а также из лосиных и оленьих рогов, иногда из зубов диких животных. Использовали даже ископаемые кости. В этой связи уместно привести слова ал-Гарнати о добыче и использовании болгарами бивней мамонта: «А под землей есть бивни мамонтов, белые как снег, тяжёлые как свинец... И вывозят их в Хорезм

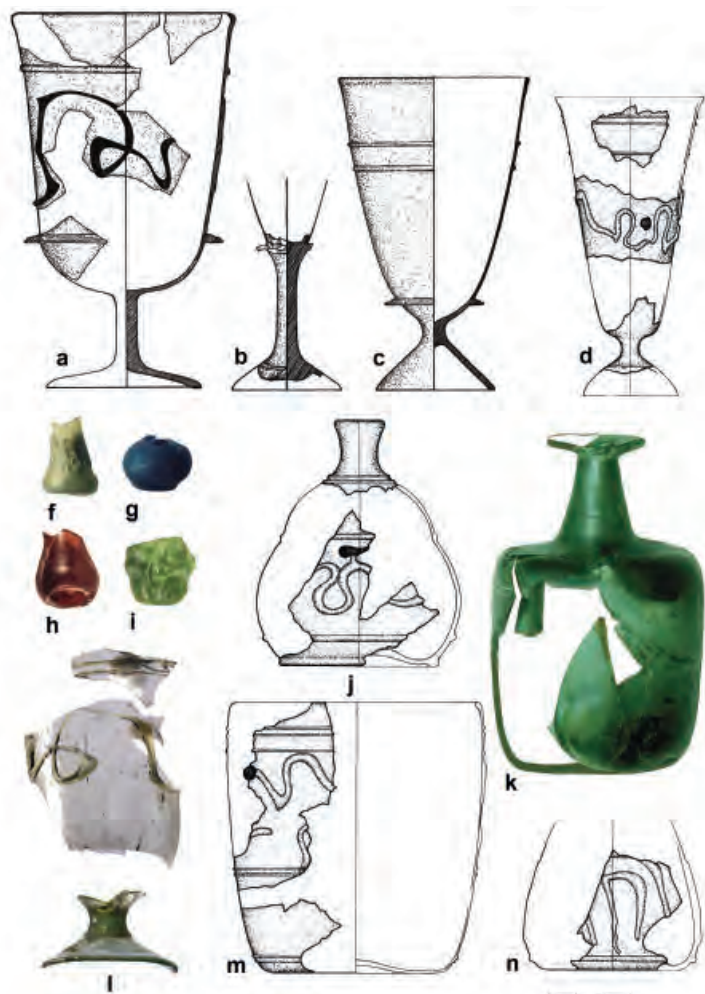

Рис. 43. Стекло Биляра XI первой трети XIII вв.
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Валиулина, 2022)

и Хорасан. Из них изготовляют гребни и шкатулки и другое, так же, как изготовляют из слоновой кости, но только это – крепче слоновой кости: не ломается».

Кожевенное дело – обработка шкур животных и изготовление из них различных изделий относится также к традиционной области хозяйства болгар. Во многих странах Востока и Запада чрезвычайно высоко ценился особый сорт тонко обработанной кожи (юфть), называемый «болгари». Под 985 г. «Повесть временных лет» сообщает о болгарских воинах, которые «суть вси в сапозех».

Кожаная продукция болгарских мастеров имела богатый ассортимент: детская и взрослая обувь самых различных форм и размеров, головные уборы, куртки, ремни, бурдюки, кошельки, сумки, предметы конского снаряжения и прочее. К сожалению, кожа плохо сохраняется в культурном слое и поэтому во время раскопок болгарских городов археологи находят лишь отдельные детали вышеперечисленных изделий, главным образом это подошвы, каблуки и обрывки голенищ обуви. На ремесленном посаде близ исторического центра Болгарского городища зафиксирова-

ны следы производства кожаной обуви (до 800 фрагментов кожи), прослеживаемые начиная с напластований домонгольского времени. Обрывки кожаных изделий нередко обнаруживаются и при раскопках Биляра. В одном из колодцев XII в. найдены куски полуовальных пластин-нашивок кожаной основы панциря (щита). К частым находкам археологов относятся инструменты кожевников: сапожные ножи, сходные с обычными кухонными, но более короткие, с широким полотном и кривым лезвием, шилья, проколки, иглы.

Сохранившиеся остатки кирпичных и каменных зданий, деревянных домов, хозяйственных построек и крепостных сооружений документируют высокий уровень строительного дела в болгарских городах. Об этом же свидетельствует разнообразный инструментарий строителей: топоры, тёсла, пилы, долота, свёрла, скобели, стамески, ложжари и т. д. О существовании каких-либо строительных объединений типа артелей прямых сведений у нас нет, хотя предполагать это можно.

Имеющиеся источники позволяют говорить и о других видах хозяйственной деятельности горожан – прядении и ткачестве, обработке дерева и камня и др. Однако у нас нет достаточных оснований говорить о выделении их в самостоятельные отрасли ремесла. Как и в более поздние времена, пряли и ткали почти в каждом доме, о чём свидетельствуют глиняные и шиферные пряслица от веретен, обнаруживаемые повсеместно при раскопках городских и сельских поселений.

Изучение болгарских городов характеризует их как крупные центры внутренней и внешней торговли. Роль торговли – одного из мощных факторов в возникновении средневековых городов – в экономике государства была настолько значимой, что Волжская Болгария в представлении иностранцев была страной, сплошь населённой торговцами.

Чрезвычайно выгодное географическое расположение Болгарии при слиянии Волги и Камы – магистральных водных путей Восточной Европы – стимулировало внешнюю торговлю (рис. 44). Исследователи признают, что Болгарское государство ещё в X в. превратилось в крупнейший центр транзитной торговли. Болгарские цари проводили политику активного благоприятствования внешней торговле, поскольку она приносила огромный доход.

Важную роль в торговле играли постоянно действующие городские рынки – базары, расположенные, как правило, на центральной площади крупных городов, и международные ярмарки, проводимые один-два раза в течение года. По описанию Ибн Фадлана, «место рынка... бывает бойким во всякий [благоприятный] момент. На нём продаются многочисленные ценные вещи».

Торговый инструментарий (весы и их детали, железные и бронзовые гири, свинцовые грузики-пломбы), монеты и их обрезки, слитки серебра и т. п. являются ярким показателем присутствия торговцев в болгарских городах (рис. 45). Самые многочисленные находки, связанные с торговой деятельностью горожан, обнаружены на Билярском городище, Измерском I и Семеновском I поселениях. Известны они из Сувары, Муромского городка, Хулаша и других городов. Чекан собственных монет в X в. был в городах Сувар и Болгар и продолжался до начала XI в.

Торговый инструментарий Билярского городища включает весы для малых взвешиваний, стерженьки от коромысел и чашки весов. Более десяти складных весов и их деталей, часто встречаемых на памятниках X–XI вв. по Волжскому торговому пути, известно на торгово-ремесленных поселениях низовий Камы. Наиболее многочисленную категорию находок торгового инвентаря составляют гири. Они в ос-

Рис. 44. Карта зоны торгово-экономических контактов Волжской Болгарии домонгольского времени

новном двух типов: железные кубические и железные сферические (бочонковидные, полусферические, реже восьмигранные), в большинстве случаев покрытые сверху бронзовой оболочкой.

Свинцовые грузики-пломбы также относятся к числу частых находок в болгарских городских поселениях. Они, по предположению исследователей, использовались в качестве пломб, которые привешивались к связкам шкурок пушных зверей.

По своему характеру, направлениям и ассортименту товаров можно выделить несколько форм торговли: локальную (внутригородскую, между городом и ближайшей сельской округой); внутригосударственную (между болгарскими городами и их округой в пределах страны); региональную (торговля с поволжско-приуральскими, преимущественно финно-угорскими народами); внешнюю, или международную (торговля с Русью и древнерусскими княжествами, с далекими странами Востока и Запада).

Во внутригосударственной торговле главенствующая роль принадлежала торговцам в силу большого значения этого города как крупнейшего ремесленного центра, продукция которого предназначалась не столько для внешнего, сколько для внутреннего рынка.

Волжская Болгария занимала особое положение в межрегиональной торговле. Она держала в своих руках всю торговлю с народами Поволжья, Прикамья и далекого Севера, откуда поставлялась драгоценная пушнина, пользующаяся огромным спросом на мировом рынке. Связи с поволжско-приуральскими народами были традиционные и своими истоками уходят к более ранним периодам истории. Эти наро-

Рис. 45. Монеты Волжской Болгарии X в. (по Вяч. С. Кулешову)

ды сыграли заметную роль в формировании этнических основ населения Волжской Болгарии. В X–XI вв. на их землях возникают торговые фактории болгарских купцов.

Волжская Болгария играла исключительно активную роль в международной торговле. Являясь самым северным форпостом средневекового мусульманского мира, особо тесные отношения она поддерживала со странами Востока. По Волге, Каме и их крупным притокам плыли торговые суда, направляющиеся в Северо-Восточную Русь, в Хазарию (Итиль), Саксин, Крым и Кавказ. Торговые караваны двигались по хорошо известным сухопутным магистралям, находящимся под контролем и охраной государства, по чьей территории они проходили.

Волжская Болгария и Киевская Русь, а позже древнерусские княжества всегда поддерживали между собой тесные торговые контакты. Мирное сотрудничество между ними нередко нарушалось военными столкновениями, возникавшими на почве несовпадения интересов сторон в сфере торговли. Однако определяющими в русско-болгарских отношениях были все же мирные, торгово-экономические связи. Свинцовая вислая печать Всеволода Большое Гнездо или его сына Юрия найдена в усадьбе русского ремесленника-ювелира в центре Биляра (рис. 46).

Хорошо налаженные и строго регламентированные торговые связи Волжской Болгарии с Киевской Русью и русскими княжествами нашли отражение в специальных договорах, заключенных между ними в 985, 1006 и 1229 гг.

Перечень импортируемых товаров, приведённый в письменных источниках, небольшой, но он дополняется археологическими материалами.

Предметы болгарского экспорта (иногда даже следы проживания болгарских купцов) обнаружены в древнерусских городах Киеве, Старой Рязани, Муроме, Городце, Москве, Суздале, Владимире, Ярославле, Серенске, Ярополче Залесском, Ростове Великом, Новгороде, а также в других городах и их округах. Отдельные находки, в том числе и монеты болгарской чеканки, известны в Псковской и Новгородской землях, Белоруссии, в Украине и Молдове, а также в странах Прибалтики, Скандинавии, Венгрии. Наиболее часто встречаемые болгарские находки на древнерусских землях представлены высококачественной гончарной керамикой, ювелирными украшениями, бронзовыми замками в виде фигурок животных.

В археологических материалах домонгольских болгарских городов выделяются предметы древнерусского, восточного и западноевропейского импорта.

Особенно насыщен привозными изделиями культурный слой Билярского городища. Древнерусский импорт представлен здесь украшениями, шиферными пряслицами, янтарем и др. Интересны материалы, свидетельствующие о постоянном проживании русских в Биляре. Судя по рассказу Лаврентьевской летописи о смерти в Биляре – Великом городе «нового мученика» Авраамия (1229 г.), в столице болгар находился значительный контингент русских, очевидно купцов и ремесленников. У них в городе было даже свое православное кладбище, «идеже все христиане лежат».

В списке древнерусского импорта в Болгарию, помимо глиняной посуды и некоторых видов украшений, которыми пользовались сами русские жители, значатся стеклянные сосуды, браслеты, христианские предметы культа, железные иглы с кольцами, зооморфные привески-амулеты и коньковые подвески, рубчатый перстень, некоторые типы стеклянных бус и т. д. Биляр даёт самое большое количество пряслиц, изготовленных из овручского шифера в южнорусских мастерских, – более 160 из раскопок и ещё несколько сотен экземпляров в различных музейных коллекциях. Очевидно, из этого центра они распространялись по деревням близлежащей сельскохозяйственной округи и вывозились в другие болгарские города.

Восточный импорт из Биляра представлен большим количеством материалов, отражающих торговые связи Болгарии и её столицы со Средней Азией, Ближним Востоком, Византией и Закавказьем. Это находки восточных монет, фаянсовой посуды с люстровой росписью, поливной керамики, сфероконусов, стеклянных сосудов, украшений и изделий из цветного металла, а также костей верблюдов, свидетельствующих о существовании сухопутных магистралей, соединяющих восточные страны с городами Волжской Болгарии. К раннему этапу восточной торговли относятся немногочисленные монеты, чеканенные Аббасидами. В перечне вышеуказанных товаров уникальной является богато декорированная фаянсовая чаша на поддоне, атрибутированная как изделие иранского производства XI в. (рис. 47).

Список иранских предметов роскоши может быть дополнен стеклянной посудой в виде флаконов цилиндрической и грушевидной формы и миниатюрными гранёными флакончиками, в которых хранили парфюмерные изделия, ароматические вещества и лекарства. Иран вместе с близлежащими областями мог выступать поставщиком в Болгарию, а через неё и в соседние земли, полудрагоценных камней-самоцветов и готовых изделий из них (например, бус, подвесок, вставок в перстни). Из Ирана в Болгарию поступали йеменский сердолик, из более южных стран – мадагаскарский горный хрусталь, из Мавереннахра шли согдийский хрусталь и среднеазиатская бирюза, из Хорезма – сердолик, из Синда (Индия) – горный хрусталь, из Бадахшана (Северный Афганистан) привозили лазурит.

Интересны коллекции грузинского оконного и посудного стекла, а также пробирных камней для определения пробы золота, имеющих, как показал петрографический анализ образцов, кавказско-прикаспийское происхождение. Связи с Византией и ее

Рис. 46. Вислая печать Всеволода
Большое Гнездо из раскопок Биляра
(по: Хузин, 2007)

Рис. 47. Иранская чаша XI в. из раскопок Биляра

провинциями отражают находки стеклянных браслетов, поливной и стеклянной посуды. Среди массы керамического материала выделена продукция причерноморских ремесленных центров: гончарные сосуды розового цвета, глазурованные блюда с орнаментом сграффито и амфоры с округлым дном и грушевидным туловом. Такие амфоры, служившие тарой для перевозки оливкового масла и различных вин, производили в керамических мастерских Таврики,

в частности в Херсоне.

Торговые связи Волжской Болгарии с государствами Западной Европы были спорадическими и осуществлялись они, скорее всего, через посредничество Руси. В материалах городища имеются обломки западноевропейского витражного стекла. Такие изделия встречаются во Владимире и Суздале, куда могли попасть через Волжскую Болгарию. Более тесные связи у болгар существовали с русами-варягами из Скандинавии, о чем свидетельствуют письменные и ежегодно возрастающие археологические источники.

6.3. АРХЕОЛОГИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ И ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ X–XIII ВВ.

Памятники Окско-Сурско-Цнинского междуречья

Основная часть территории междуречья Оки, Суры и Цны во второй половине XI – первой половине XIII в. была занята племенами мордовской культуры с субкультурами мокшанской и эрзянской. Памятники этой культуры сосредоточены в бассейнах р. Тёши и Мокши (правые притоки реки Оки). Северную окраину рассматриваемой территории в XI в. заселяли племена древней муромы, которые затем или ассимилируются славянами, или уходят на юг в мордовские и болгарские земли (рис. 48).

В бассейне Суры бесспорных памятников мордвы второй половины XI – первой половины XIII в. не обнаружено. Верховья Суры были заняты населением, оставившим памятники типа Золотарёвского городища. Низовья Суры, заселенные средневековыми марийцами, были представлены немногочисленными памятниками этого населения.

Большинство памятников Окско-Сурско-Цнинского междуречья относятся к средневековой мордовской культуре. Сегодня известно более 48 памятников. В составе этой общности археологи выделяют две субкультуры: мокшанскую и эрзянскую, формирование которых прослеживается еще в I тыс. н. э. Точное распределение по субкультурам поселенческих памятников невозможно, но принято считать, что городища и селища, расположенные в бассейне р. Тёши относятся к средневековой

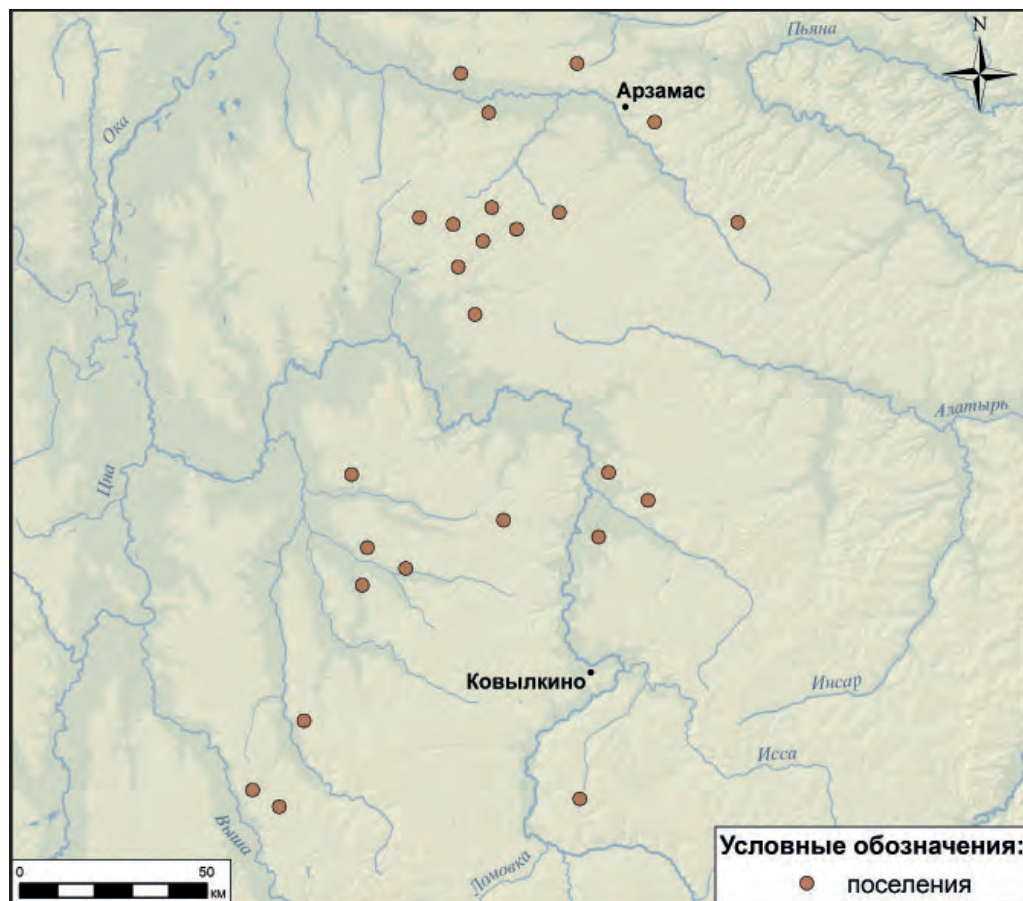

Рис. 48. Мордовские поселения Окско-Сурско-Цнинского междуречья второй половины XI – первой половины XIII в. (по: Белорыбкину Г.Н., Вихляеву В.И., Зеленецеву Ю.А.)

эрзянской, а поселения бассейна р. Мокши (с притоками Вад и Цной) – к средневековой мокшанской культуре.

Принадлежность погребений к мокше или эрзе определяется не только территориально, но и по погребальному обряду. К мокшанской средневековой культуре относятся погребальные памятники с ориентировкой покойников головой на юг и юго-восток, к эрзянской – головой на север и северо-запад (рис. 49).

Городища древней мордвы расположены обычно на мысах коренных берегов рек, в овражных системах, часто в их верховьях. Площадки городищ бывают подтреугольной, подпрямоугольной, трапециевидной или неправильной в плане формы. С напольной стороны они защищены валом и рвом. Некоторые городища имеют особую систему укреплений, разделяющих их на две или три площадки. Основные площадки с напольной стороны укреплены двумя или тремя валами и соответствующим числом рвов. За этими укреплениями находятся вторая и третья площадки, защищённые с напольной стороны валом и рвом (Жуковка I). Такие городища располагаются группами вместе с другими городищами (Жуковка I–III, Выша I–III). В них население с наиболее ценным имуществом пряталось от вражеской опасности.

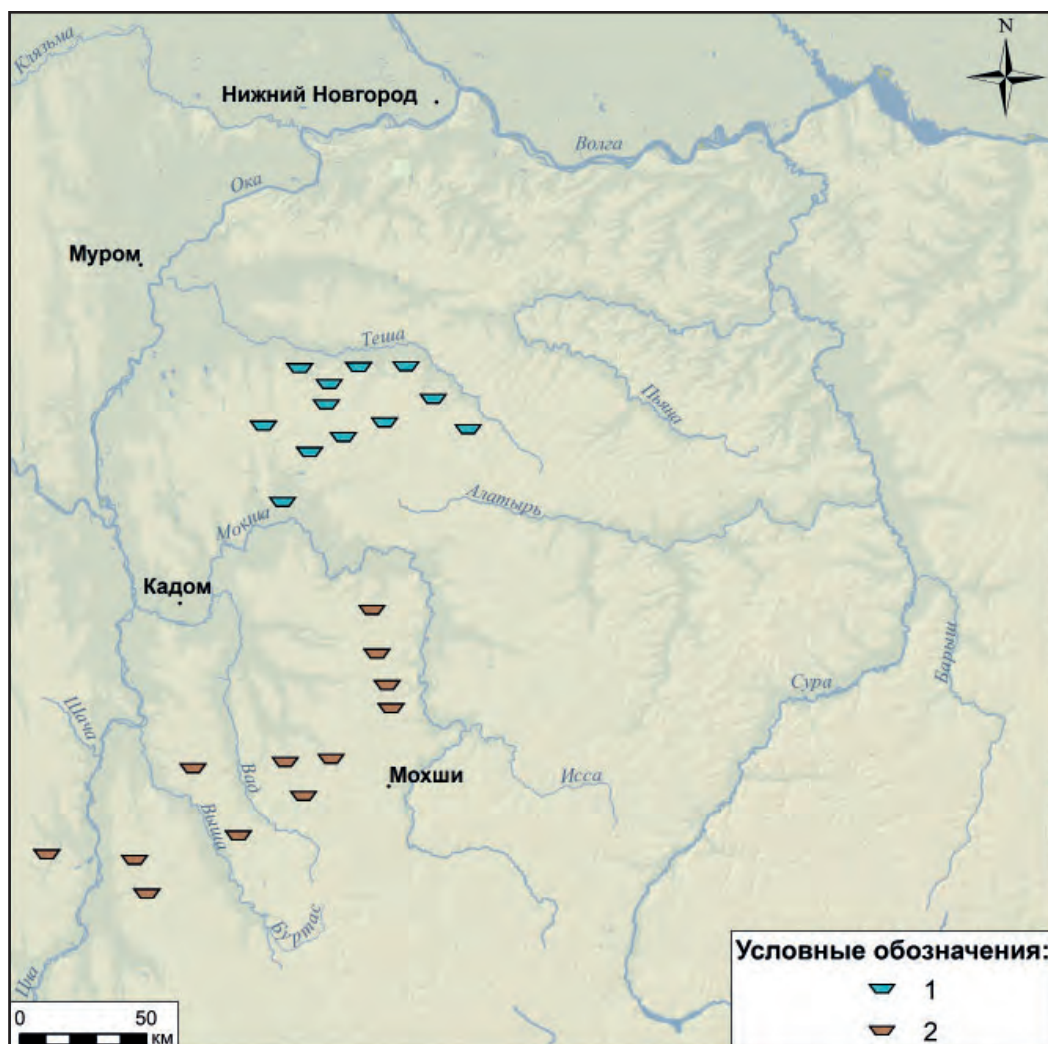

Рис. 49. Мордовские могильники Окско-Сурско-Цнинского междуречья второй половины XI – первой половины XIII в. (по: Белорушкину Г.Н., Вихляеву В.И., Зеленецу Ю.А)

- 1 – погребальные памятники эрзянской средневековой культуры;
2 – погребальные памятники мокшанской средневековой культуры

Особое место среди всех городищ этого времени занимает Саровское городище. Оно расположено на длинном саблеобразном мысе и на примыкающем к нему участке береговой террасы. С одной стороны мысовое городище было укреплено тремя линиями земляных укреплений, а с другой было охвачено широкой дугой земляных укреплений длиной 1,4 км. Площадь памятника около 44 га.

Культурный слой на исследованных городищах составляет 0,2–0,5 м, иногда отсутствует вовсе. Самые большие по масштабам раскопки были произведены на городище Саров. Исследованы остатки жилища, от которого сохранился подквадратный в плане котлован размером 4×3,8 м и глубиной 0,7 м. Очаг находился в северо-восточном углу. Кровля была сооружена в виде навеса. Изучены также остатки литейной мастерской для изделий цветных металлов. Она состояла из постройки в

форме овала (3,3×2,4 м) и была углублена на 1 м. Напротив входа была сооружена глинобитная печь. Наземные стенки постройки были в виде плетня, а кровля – типа навеса. В заполнении сооружения обнаружены многочисленные фрагменты тиглей цилиндрической формы, слитки свинца и фрагменты инструментов. Рядом с постройкой располагались отдельно стоящие печи, в заполнении которых найдены слитки свинца и меди, фрагменты тиглей, шлак, фрагменты бракованных керамических изделий, многочисленные предметы из бронзы. На памятнике также обнаружены следы железоделательного и керамического производств.

На городище Саконы 2 была обнаружена кладовая – подвал в виде срубной конструкции (3,8×3,8 м), углублённая в землю на 0,5 м, и с погребом глубиной около 1,5 м. На городище Жуковка II на реке Вад было исследовано сооружение для обжига керамической посуды.

Мордовские селища XI–XIII вв. располагаются обычно на склонах коренных берегов, надпойменных террас, на берегах оврагов, на пойменных останцах. Средние размеры селищ: 100–200×60–150 м. Культурный слой не превышает 0,1–0,4 м.

На селищах и городищах встречается лепная и гончарная керамика. Формы сосудов горшкообразные, баночные, чашевидные, мискообразные, много фрагментов сковород. Поверхность чаще бугристая, реже гладкая, иногда лощёная или с красной обмазкой из раствора охры. На Саровском городище найдены лепные сосуды, окрашенные минеральной охрой и орнаментированные сложной росписью белым ангобом.

Гончарная керамика представлена сосудами болгарского производства и древнерусской посудой. Интересно, что многие мордовские лепные сосуды являются подражаниями болгарской керамике. Окраска их стенок минеральной охрой является имитацией цвета болгарской посуды. Древнерусская гончарная посуда в этот период на мордовских поселениях встречается гораздо реже болгарской керамики. Она представлена фрагментами сероглиняных горшков с линейным и волнистым орнаментом.

На мордовских городищах и селищах XI–XIII вв. найдены железные наконечники стрел, ножи, топоры лесорубные и бортные, ключи от цилиндрических замков, фитильные трубки, кресала; бронзовые сюльгамы, височная подвеска с грузиком и спиралью, подвески, пряжка, бляшки, перстни, браслеты, пронизки; стеклянные бусы; глиняные сопла от горна, диски, цилиндрики, пряслица, тигли и льячки со следами металла; костяные наконечники стрел, каменные рыболовные грузила, обломки зернотерок, точильные бруски. Встречаются изделия древнерусских мастеров: железные бронебойные наконечники стрел, складной двулезвийный нож; бронзовые витые браслеты; каменные сердоликовые и хрустальные бусы; янтарные и стеклянные бусы, шиферные пряслица. На селищах и городищах обнаружены кости домашних и диких животных: свиньи, лошади, лося, кабана.

Этноопределяющий признак для древнемордовских могильников – женский головной убор с височной подвеской, имеющей грузик и спираль, – характерен только до XI в. В XI–XIII вв. формируется новый признак мордовской археологической культуры – лопастные сюльгамы. Отогнутые концы застёжек начинают расплющивать и превращать в лопасти (рис. 50). В XII в. лопасти приобретают большую ширину, превращаясь из узких в подтреугольные расширенные. Серебряные экземпляры таких застёжек часто на лопастях богато украшаются гравировкой чернью, зернью

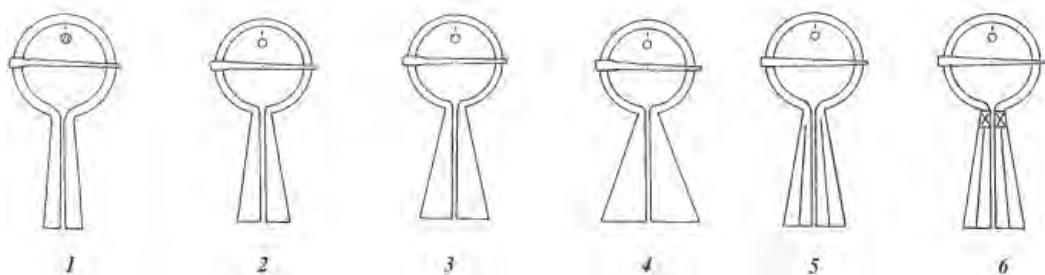

Рис. 50. Мордовские средневековые сюльгамы
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Белорыбкин, Вихляев, Зеленева, 2022)

и сканью. В памятниках других финно-угорских народов Поволжья находки лопастных застежек единичны.

Все мордовские могильники второй половины XI – первой половины XIII в. грунтовые. Могилы располагаются рядами. В Старобадиковском I могильнике мужские и женские захоронения расположены в разных частях кладбища. Могильные ямы в основном подпрямоугольной в плане формы с закругленными углами с преобладающей глубиной 0,5–0,8 м. Редко встречаются овальные ямы, в которых обычно совершены детские погребения. В насыпной земле и на дне могильных ям найдены целые сосуды и фрагменты мордовской и болгарской керамики, ювелирные украшения, кальцинированные кости животных, остатки угля и золы, зубы и остатки черепа лошади, скелеты, черепа и челюсти собаки, череп телёнка. В одном захоронении на Тёше зафиксированы остатки кострища с болгарской посудой.

Основным обрядом средневековых мордовских могильников является трупоположение. Имеются коллективные и вторичные захоронения. Мужчины лежат на спине в вытянутой позе и ориентированы головой на север, северо-восток (эрзя) или юг, юго-восток (мокша).

В ранних погребениях женщины похоронены в вытянутом положении, так же как и мужчины. С конца XI – начала XII в. их начинают помещать в могилы в скорченном положении – преимущественно на правом боку и на спине с подогнутыми ногами и руками, согнутыми в локтях так, чтобы кисти находились у лицевой стороны черепа. Ориентировка покойниц головой была такая же, как и у мужчин.

В эрзянских могильниках погребённые чаще всего лежали один поверх другого с противоположной ориентировкой. Исследованы парные и тройные погребения, совершенные в одной могильной яме. Вместе с взрослыми находились детские захоронения. На дне многих могильных ям прослеживается лубяная подстилка, в поздних погребениях Примокшанья начинают встречаться гробовища, сделанные из луба и дерева.

Захоронения коней на площади могильников – характерная черта мордовских погребальных памятников второй половины XI–XIII вв. Встречаются как отдельные погребения, так и погребения с людьми. В конских погребениях обычны находки удила, стремя, подпружных пряжек, иногда железных колец и оружия. В ряде случаев захоронения коней сопровождались захоронениями голов собак.

Особое место среди мордовских могильников второй половины XI – первой половины XIII в. занимает погребально-обрядовый комплекс. На Саровском городище он включал в себя пять погребальных сооружений, 15 очагов,

несколько обширных кострищ. Одно из этих сооружений представляет собой обычное средневековое погребение, другие – ритуальные сооружения с остатками захоронений.

XI–XIII вв. – это время фундаментальных изменений в социально-экономическом строе мордвы. Наметившийся в предшествующий период распад первобытно-общинных отношений вступил в новую фазу, когда древнемордовская археологическая культура превратилась в средневековую.

Памятники Ветлужско-Вятского междуречья

В настоящее время на территории Ветлужско-Вятского междуречья выявлено более 60 археологических памятников IX–XIII вв. Все памятники привязаны к водоёмам, и большинство из них располагается в поймах крупных рек Вятки, Ветлуги, Волги и их притоков (рис. 51).

Поселенческий материал представлен немногочисленными городищами и селищами, а также разрозненными находками на памятниках смежных археологических периодов.

Наиболее информативный материал по периоду XI–XIII вв. представлен на Васильсурском V городище, расположенном на коренной террасе правого берега р. Суры, на узком мысу между двумя глубокими оврагами. Площадка имеет длину 50 м и ширину у вала 24 м. С напольной стороны ограждена двумя валами и двумя рвами. В слое найдено большое количество фрагментов керамики, в основном от лепных плоскодонных горшков с примесью шамота, а также фрагменты гончарных сосудов с примесью органики или дресвы. Среди находок имеются глиняные пряслица и грузила, изделия из чёрного и цветного металла.

Начиная с I тыс. н. э. в этом регионе преобладают жилища наземных конструкций. В большинстве случаев от них сохраняются лишь очажные пятна. Более убедительной представляется реконструкция таких жилищ в виде построек с печным отоплением. Выявленные развалы двух печей представляли собой сплошные скопления обожженной глины подквадратно-округлой формы, имеющие в профиле форму купола. Печи, реконструированные по оставшимся развалам, в большей степени приближаются к округлым в плане глинобитным печам, хорошо известным на славянских поселениях X–XI вв.

На Васильсурском V городище прослежены также контуры постройки с подполом (4×3 м). Обнаруженные постройки с использованием данных по марийской этнографии можно реконструировать как клеть-амбар с подполом, которые обычно имели два этажа и использовались для хранения продуктов, а иногда и как место ночлега в летний период.

Постройки, использованные в качестве летнего жилища другого типа, выявлены на поселении Искра. Они представляют собой слегка углублённые прямоугольные помещения наземного типа с очагом.

На Васильсурском V городище выявлены также глинобитные площадки (2×1,7 м), которые можно интерпретировать в качестве токов для обмолота зерна. На поселении Искра, расположенном в Котельничском районе Кировской области на правом берегу р. Вятки, выявлены два сооружения, яма и слой толщиной 5–15 см, относящиеся к эпохе Средневековья. Отдельные находки XII–XIII вв. обнаружены на более поздних поселениях горного правобережья Волги на территории Марийско-Чувашского Поволжья: Носельское, Барковское, Юльяльское селища.

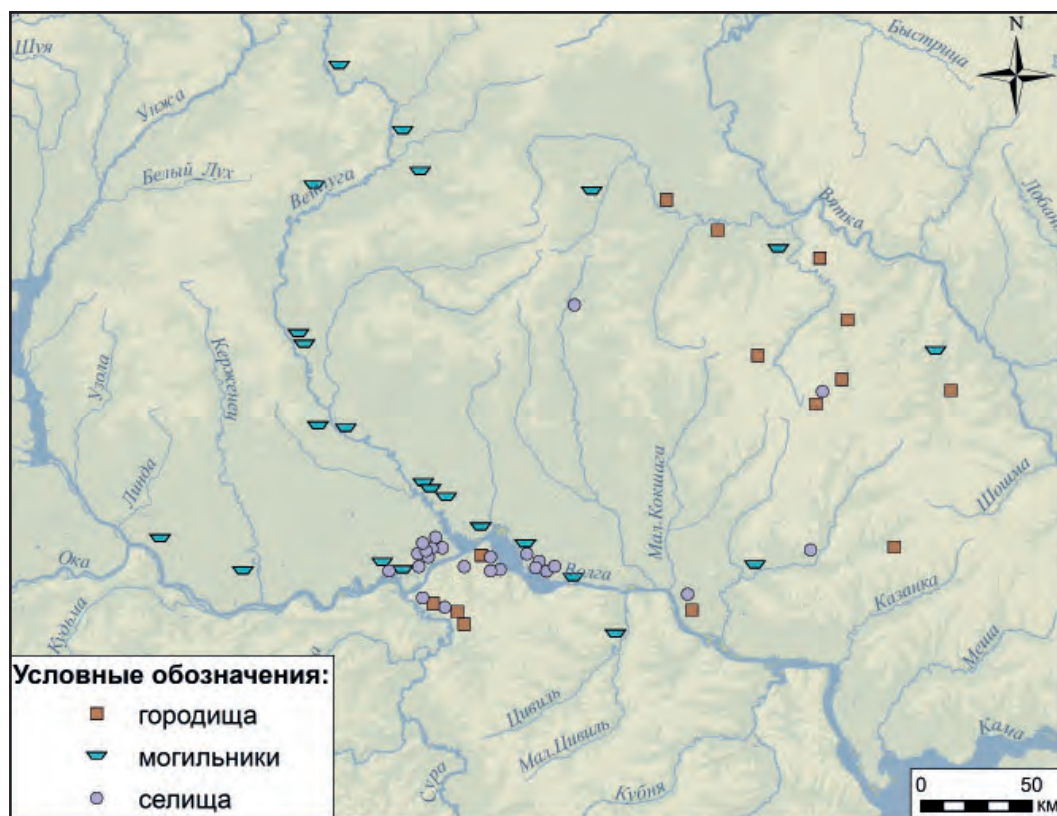

Рис. 51. Карта археологических памятников древнемарийской культуры IX–XIII вв. (по: Никитиной Т.Б.)

Наиболее массовыми, а зачастую единственными находками на поселениях являются фрагменты керамики. Керамика X–XIII вв. лепная и представлена двумя группами – плоскостной и круглодонной. Наиболее представительная серия посуды с поселений состоит преимущественно из горшковидных и мисковидных сосудов.

На рубеже I–II тыс. н. э. и в начале II тыс. н. э. сокращается количество городищ. Население в основном переходит на селища. Селищ в регионе известно более 20, к сожалению, они практически не подвергались раскопкам.

На археологической карте Ветлужско-Вятского междуречья зафиксировано около двух десятков могильников. Кантауровские и Никитинские находки расположены несколько западнее указанного региона, но характер находок убедительно указывает на X–XI в. и соответствует находкам из марийских захоронений Поветлужья. Среди указанных памятников к периоду XII–XIII вв. относятся только четыре могильника: Выжумские II и III, Руткинский и Починковский с небольшим количеством захоронений. Остальные могильники имеют датировку X–XI вв. Между памятниками X–XI вв. и XII–XIII вв. существует ощутимая разница в погребальных традициях и инвентаре.

Значительный интерес представляет Анаткасинский могильник, расположенный на правом берегу р. Волги, имеющий погребальный обряд и вещевой комплекс, также идентичный погребальным памятникам древних марийцев. На Правобережье

Волги в бассейне реки Суры и ее верховья к этому времени известны единичные памятники Средневековья, представленные в основном объектами, оставленными средневековым марийским населением.

Могильные ямы имели подпрямоугольную с закругленными углами форму, отвесные или слегка скошенные ко дну стенки. Захоронения совершались на глубине 60–70 см на подстилках из бересты, луба, дерева, войлока и меха. Кожа и мех использовались иногда в качестве покрывала; береста и дерево также в отдельных случаях закрывали костяки сверху. Преобладают одиночные погребения; коллективные захоронения являются исключением. Размеры могильных ям превышают рост погребенных, в изголовье или в ногах остается свободное пространство, которое заполнялось медными, глиняными, железными сосудами или скоплениями вещей.

Погребальный обряд представлен различными способами захоронения: труположением, трупосожжением, кенотафами. Выделяется могильник «Кузинские хутора», где вскрыто 25 погребений, из которых 22 – с обрядом кремации. Могильник характеризуется нестандартным для данного региона обрядом кремации и устройством могильных ям, а также значительным процентом вещей прикамского облика в составе сопровождающего инвентаря.

В погребениях с ингумацией и погребениях – кенотафах захоронений иногда найдены жертвенные комплексы в засыпи могильных ям, располагавшиеся почти у самой поверхности. Жертвенные комплексы, зарытые между могилами, являются поминальным элементом похоронного обряда и предназначены для того, чтобы умиловить ранее умерших сородичей.

В составе погребального инвентаря выделяются украшения, определяющие марийскую культуру Ветлужско-Вятского междуречья: головные цепочки, височные кольца, наконечники с бронзовыми и костяными пронизками, копоушки, шумящие подвески. В погребениях также встречаются кожаные ремни с металлическими пряжками, накладками, большое количество браслетов, что характерно для могильников Ветлужско-Вятского междуречья X–XI вв.

Металлическая посуда представлена бронзовыми, железными котлами и чашами из цветного металла, вероятно изготовленных в городских центрах Волжской Болгарии. Интересными находками являются чаши из оловянистой бронзы.

Марийцы использовали для различных целей и деревянную посуду. Деревянные чаши имеют хорошо обработанную гладкую поверхность, по венчику окантованы накладками из тонких серебряных пластинок, по венчику иногда орнамент в виде прорезных параллельных полос или кружевной резьбой. Серебряные пластинки часто вырезались из дирхемов.

Костюмный комплекс IX–XI вв. характеризуется четко фиксируемыми культурными признаками: головной убор, состоящий из налобного венчика и медных цепочек; браслетообразные височные кольца; ажурные пластинчатые подвески с конскими головками; арочные подвески со сплошной основой; «усатые» перстни, в том числе наконечниками, ажурными круглыми шумящими подвесками, обувными украшениями, браслетами и т. д. (рис. 52).

В XII–XIII вв. происходят изменения в составе костюмного комплекса. Проходит мода на сложные крупные шумящие украшения, в костюмном комплексе уменьшилось количество металлических изделий; возможно, их заменила вышивка. Преобладающими становятся украшения, отлитые в жестких формах, в декоре значительно шире используется техника зерни (рис. 53).

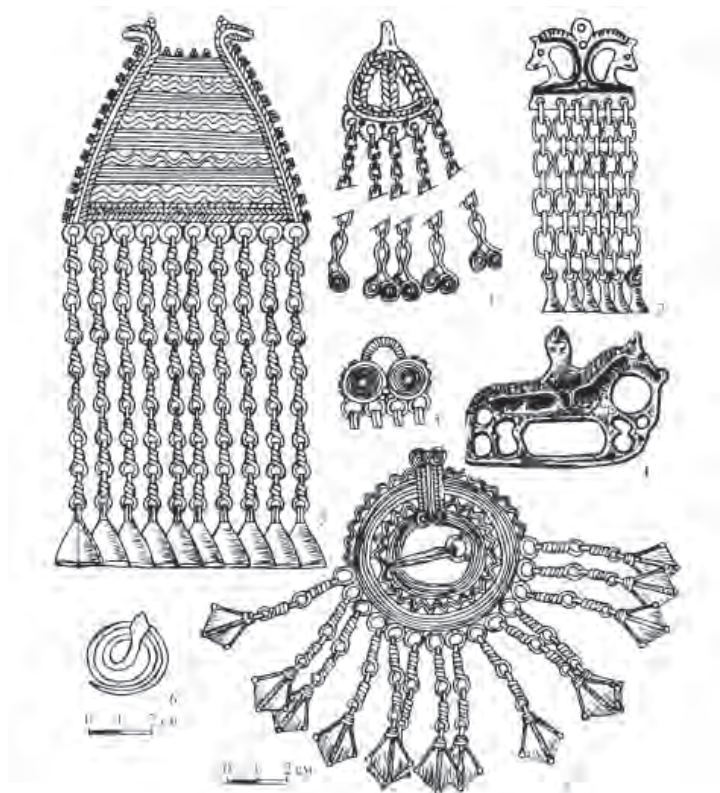

Рис. 52. Украшения марицев X–XI вв.
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Никитина, 2022)

Археологические материалы поселений и могильников содержат мало данных о хозяйстве марицкого населения Ветлужско-Вятского междуречья. Скучные материалы: остатки каши или сильно перегнившего зерна, мешочек с просом и полбой, зёрна проса в чаше – в качестве погребального дара из погребений Веселовского, Выжумского III и Руткинского могильников могут свидетельствовать о зачатках земледелия у предков средневековых марицев. Следует упомянуть также находки железных топоров для расчистки леса, обломки серпов для уборки урожая и каменных жерновов для помола зерна и пр.

В условиях сильно залесённого характера местности возможным было только подсечное земледелие. При таком способе земледелия посевные площади, освобожденные от леса, быстро приходили в негодность и подсеку забрасывали. Предпочтительнее было новую подсеку расчищать на значительном расстоянии как от жилья, так и от других подсек. Этим объясняется расселение древних марицев небольшими кратковременными посёлками. Об этом свидетельствует и характер марицких поселков – небольшие площади селищ, тонкий культурный слой и плохая их сохранность.

В археологических материалах много находок, указывающих на разведение домашних животных (свинья, лошадь, крупный рогатый скот), на занятия рыболовством и охотой. Занимались древние марицы обработкой чёрного и цветного металла, домашним хозяйством (гончарное, кожевенное и косторезное дело, ткачество и пр.).

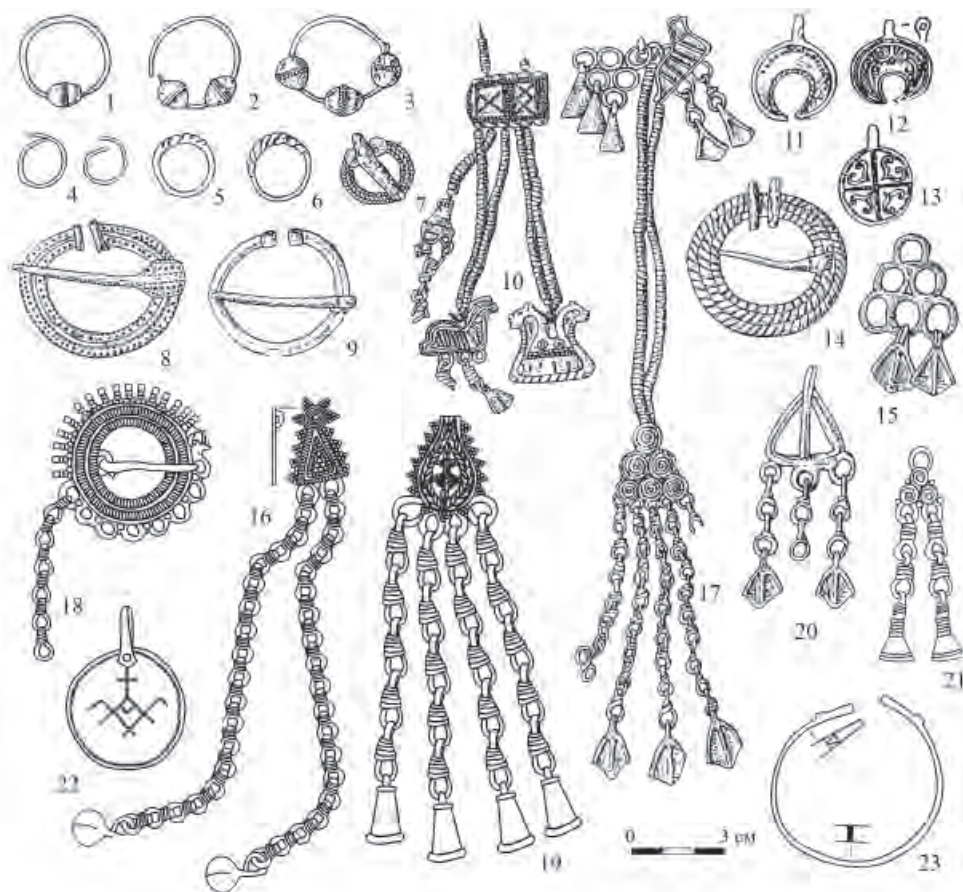

Рис. 53. Украшения мариетцев XI–XIII вв.
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Никитина, 2022)

Памятники бассейна р. Чепцы

Бассейн р. Чепцы, левого притока р. Вятки, является одним из наиболее выразительных регионов финно-угорского Средневековья с плотной системой расселения. Здесь известно свыше 300 археологических памятников, основную часть которых исследователи объединяют в две хронологически последовательные и генетически связанные культуры – полумскую конца V – начала IX вв. и чепецкую конца IX – начала XIII в., тесно связанные в своем развитии с Волжской Болгарией, а также с ломатовской и родановской культурами Верхнего Прикамья (рис. 54).

К чепецкой культуре отнесено 145 памятников. Большей изученностью и известностью выделялись городища, которые до сегодняшнего дня сохранили за собой названия, связанные с богатырским эпосом удмуртского народа. Городища (по удм. *кар* – общепермское слово, обозначающее город, городище, гнездо) содержат в названии имя одного из богатырей, как бы закрепляя его за ним: Иднакар – городище Идны, Дондыкар – городище Донды и т. д.

Городища расположены по берегам Чепцы и ее притоков на мысах между рекой и ручьем, рекой и оврагом или вблизи ручья между оврагами. Топографические

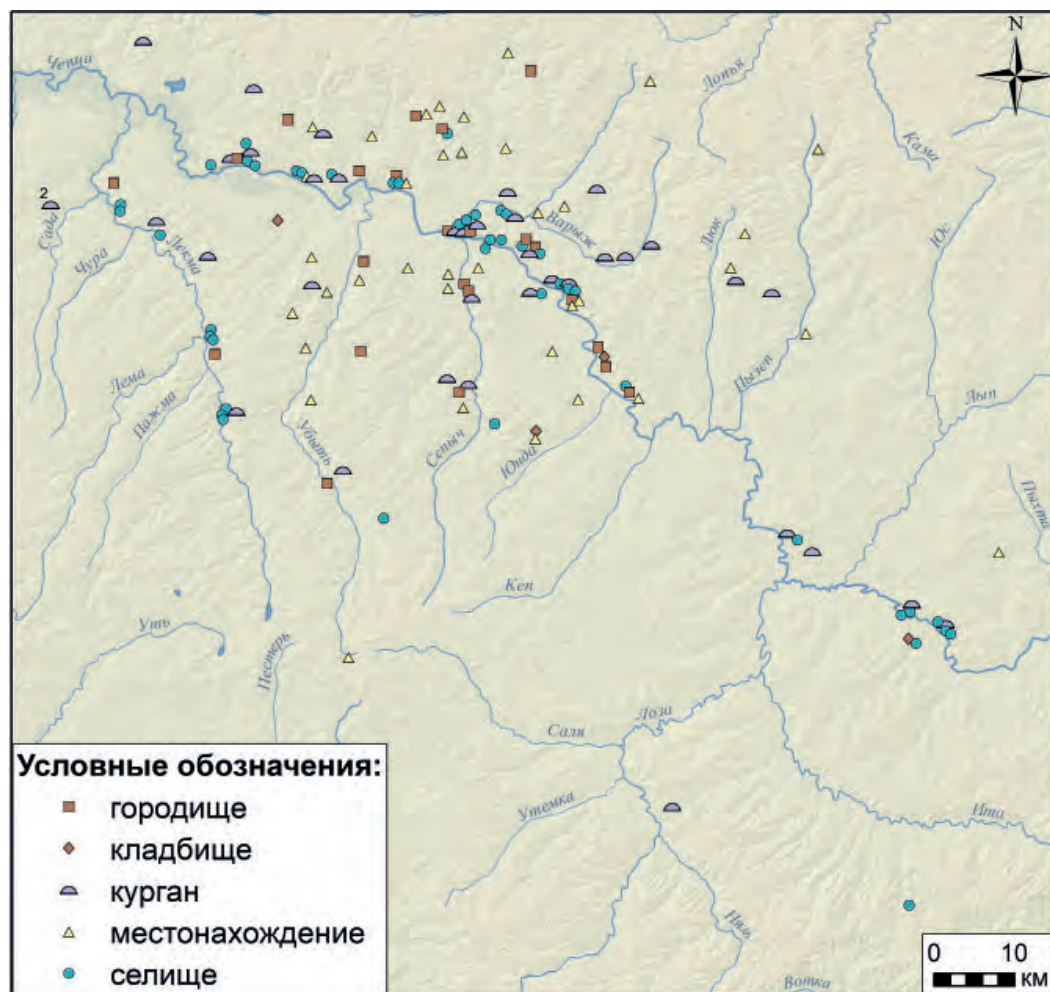

Рис. 54. Карта археологических памятников чепецкой культуры IX–XIII вв.
(по: Ивановой М.Г.)

особенности мысов предопределили весьма однообразную систему укреплений, состоявших из одной-трех линий валов и рвов, защищавших площадку с напольной стороны.

Укреплённые поселения различаются по площади и мощности культурного слоя. Городища Весьякар и Маловенижский Поркар, I и II Сепычкары, имеющие сравнительно небольшую площадь (до 0,7 га), расположены на высоких мысах, укреплены одним валом и рвом. Содержат культурный слой мощностью около 1 м. Выделяются крупные памятники площадью 2–4 га с мощной системой укреплений в две-три линии валов и рвов и слоем между оборонительными линиями: Гурьякар, Иднакар, Учкакар.

Эти городища различались по структуре поселений, количеству проживавших на них людей и характеру связей между ними. К примеру, Узьякар, Эбгакар, расположенные на высоких мысах, имеющие небольшую площадь и небольшой мощности культурный слой, использовались в качестве убежищ в периоды опасности и свя-

щенных мест в мирное время. Весьякар, Дондыкар, Маловенижский Поркар, I и II Сепычкары со значительным слоем служили локальными ремесленными и культурными центрами. Городища Гурьякар и Учкакар на крупных мысах с перспективой их расширения в напольную сторону, с неоднократным усилением фортификационных сооружений являлись центрами округа с аграрно-ремесленными функциями.

Наибольшую значимость в раскрытии многих аспектов материальной и духовной культуры имеют материалы городища Иднакар IX–XIII вв., на котором изучены характер слоя и сооружений на всех частях поселения, выявлены особенности возведения укреплений, изучены десятки жилых, производственных и хозяйственных сооружений.

Материалы, полученные на городище Учкакар, показали более сложную структуру. С применением комплексной методики геофизических исследований выявлена мощность культурного слоя, полностью изучена вся площадка с локализацией объектов планировки (сооружения, ямы, очаги), структура двух линий оборонительных сооружений и обнаружена утраченная ныне внутренняя линия, отгораживающая мысовую часть. Внутренний вал представлял собой два ряда срубов с грунтовой забутовкой. В результате проведенных исследований раскрыт процесс постепенного расширения обитаемой территории городища с возведением новой линии обороны. Жилая зона была сосредоточена на средней части, хотя первые жилища располагались на мысу. На внешней части и за пределами вала были локализованы преимущественно хозяйственно-производственные сооружения. В целом прослеживаются прямые аналогии с динамикой развития структуры городища Иднакар.

Погребальные памятники расположены по всему среднему течению Чепцы, правым и левым притокам, вплоть до её верховьев. Материалы IX–XIII вв. содержат 36 могильников, которые подразделяются на две хронологические группы. Памятники, содержащие орнаментированную керамику и вещи IX–XI вв., сосредоточены на среднем правобережье Чепцы. Другую группу составляют могильники с неорнаментированной керамикой и инвентарем XI–XIII вв., расположенные как в центральных районах бассейна Чепцы, так и на окраинах, в значительном отдалении от городищ. Наиболее крупные из этих памятников – Кузьминский, Маловенижский, Чиргинский могильники.

Чепецкие могильники грунтовые, погребения расположены четкими рядами, взаимонарушения могил редки. Захоронения одиночные, совершались в простых ямах подпрямоугольной формы с отвесными стенками и плоским дном. Захоронения совершались головой в северном направлении с небольшими сезонными отклонениями.

Остатки погребальных сооружений выявляются редко, но иногда под бронзовыми сосудами можно проследить остатки бересты, луба, ткани, меха, целые куски дерева от гроба. Умершие уложены вытянуто на спине, руки сложены вдоль тела или слегка согнуты в локтях. Встречены жертвенные комплексы, ярко выражен культ огня. Между могилами выявлены остатки поминальных тризн, костров, часты находки вещей, связанных с поминанием умерших.

В женских захоронениях инвентарь представлен преимущественно набором украшений, которые располагаются примерно в том порядке, в котором носились при жизни. Мужские захоронения сопровождают главным образом орудия труда, оружие. Сравнительное изучение обряда захоронения показывает общность черт ранней и поздней группы погребальных памятников. Необходимо отме-

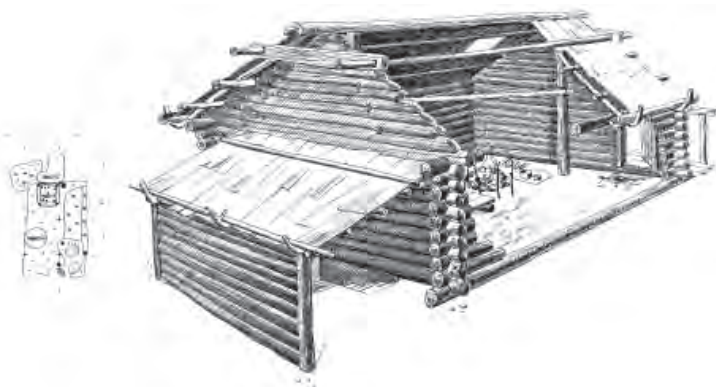

Рис. 55. Реконструкция жилого сооружения на городище Иднакар
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Иванова, 2022).

тить, что обряд захоронения чепецкого населения близок ритуалу соседних коми и марийцев.

Обнаружено более 40 селищ. Они, как правило, располагаются на пологих склонах береговых террас или высоких берегах рек поблизости от воды и удобных для распашки земель, часто группами-гнездами вокруг крупных городищ. Эти памятники исследованы крайне слабо, материалы с них ограничиваются сборами с поверхности фрагментов керамики, костей животных, шлаков и пр.

На Иднакаре изучены десятки жилых и хозяйственных сооружений. Все жилища имели прямоугольную форму площадью от 20 до 64 кв. м. Наибольшее сходство чепецкие жилища обнаруживают с верхнекамскими X–XIV вв., оставленными предками коми-пермяков (рис. 55; 56).

На поселениях преобладают лепные сосуды с выраженной шейкой, выпуклыми плечиками и уплощенным дном. В небольшом количестве представлены также сосуды баночного типа, низкие чаши с открытым или прикрытым устьем без шейки, а также неорнаментированные сосуды с ручкой.

У чепецкого населения наиболее выразительными и многочисленными украшениями были височные подвески, серьги, гривны и составные ожерелья, бусы. Особое место в средневековой культуре финно-угорских народов занимали так называемые шумящие подвески, состоящие из плоской или объемной, гладкой или ажурной основы-щитка и прикреплённых к ней на цепочках колокольчиков, бубенчиков, изогнутых утиных/гусиных лапок. Для чепецкого населения более характерны украшения с треугольным щитком. К основанию на двузвеньевых цепочках крепились прорезные бубенчики. Были распространены подвески на конусовидной основе, украшенной также имитацией зерни и скани с шаровидными привесками на длинных цепочках из щитковых звеньев. Среди зооморфных украшений особенно выразительны серебряные подвески-всадницы, изображающие женское божество на коне, попирающем змею, коньковые подвески с направленными в противоположные стороны головками, представляют интерес полая подвеска-уточка с привесками-лапками, коньковая подвеска с высокой цилиндрической шейкой (рис. 57).

Обширные материалы, полученные при раскопках укрепленных поселений, позволили с наибольшей полнотой воссоздать систему жизнеобеспечения и хозяйственную деятельность. С появлением в IX в. пахотных орудий с железными наконечниками ве-

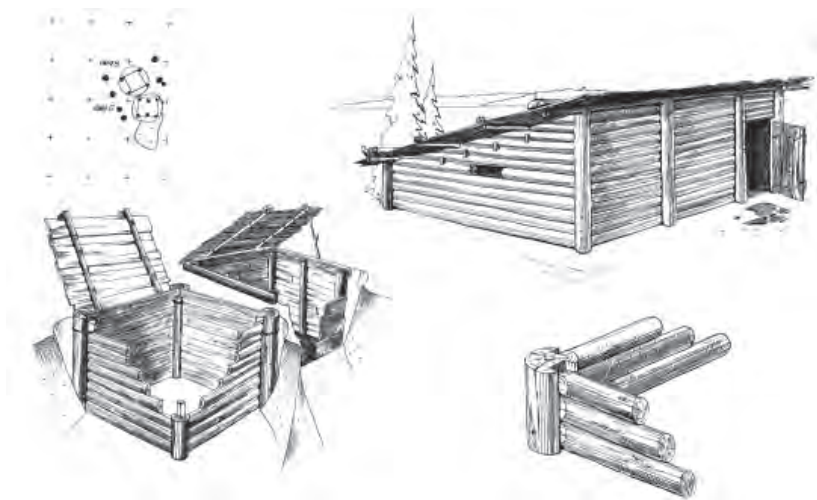

Рис. 56. Реконструкция хозяйственных ям на городище Иднакар
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Иванова, 2022)

душую роль в комплексном хозяйстве начинает приобретать земледелие. Наконечники пахотных орудий относятся к группе широколопастных наральников с плечиками и предназначались для однорукоятных рал.

На всех исследованных городищах найдены фрагменты кос-горбуш, использовавшихся для уборки урожая, серпы встречаются редко. Появление крупных жерновов и резкое увеличение их количества, имеющиеся возле каждого жилища хозяйственные ямы свидетельствует об общем увеличении урожаев. Среди зерновых культур преобладала полба, яровая рожь, овес, реже встречаются пшеница, ячмень, семена репы; только иногда – горох, карликовая пшеница, ячмень. Озимая рожь не обнаружена, возделывалась ярица, широко распространенная даже в конце XIX столетия. Из технических культур возделывали лён и коноплю, шедшие на изготовление одежды. По отсутствию в составе культур озимых следует, что паровой системы в то время не было.

Среди домашних животных преобладает крупный рогатый скот и лошади. Значительно меньше мелкого рогатого скота и свиней, имеются собаки. В условиях Приуралья скотоводство было домашним со стойловым содержанием скота, при котором требовались значительные запасы кормов.

Основным пушным охотничье-промысловым животным были бобр, лось и северный олень. Среди других промысловых животных можно назвать белку, зайца, медведя, волка, куницу, росомуху, лису, косулю, охотились и на дичь. Охотничьим оружием были лук и стрелы, использовались копья и дротики.

Благодаря большим лесным массивам Чепца и ее притоки были многоводны и, безусловно, изобиловали рыбой. Различных размеров позвонки рыб и чешуя, рыболовные крючки из железа и бронзы, блесна, находимые при раскопках, свидетельствуют о значительной роли рыболовства.

С освоением более производительного пашенного земледелия возрастает роль металлургии и кузнечного ремесла. Ярким свидетельством этому являются остатки металлургических и кузнечных горнов, скопления шлаков и отходов производства, большого количества орудий труда металлурга и кузнеца, разнообразного ас-

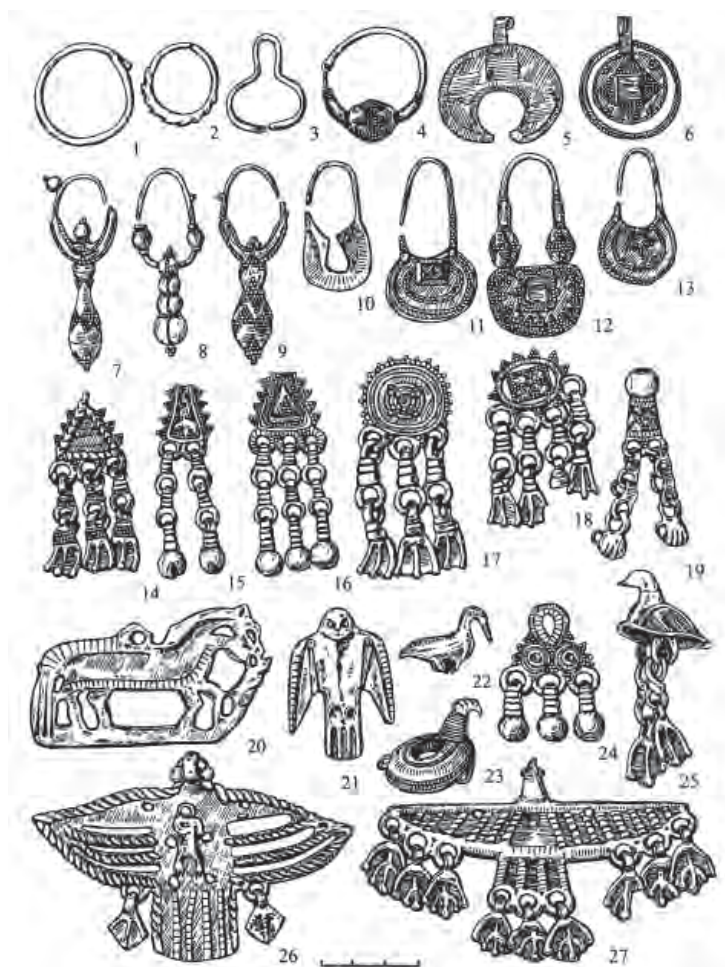

Рис. 57. Украшения чепецкого населения (из бронзы и серебра)
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Иванова, 2022)

сортимента изготовленной продукции. Крупнейшим центром железоделательного и кузнечного ремесла являлось городище Иднакар. Металлургия и кузнечное производство развивались на местном сырье. Кузнецы владели большинством приёмов и способов обработки чёрного металла.

Культурный слой городищ насыщен находками, свидетельствующими о развитии обработки цветных металлов. Многочисленные обломки тиглей, льячки, литейные формы, бронзовые пластины и их обрезки, куски бронзовой проволоки и волочила, отливки бус в глиняных литейных формах, специальные заготовки бронзы, матрицы, а также изделия, клады бронзовых и серебряных украшений не оставляют сомнений в том, что местные мастера в достаточном совершенстве владели разнообразными приемами обработки цветных металлов. Обзор инструментария иднакарских ювелиров и их продукции убеждает в высоком уровне обработки цветных металлов со многими технологическими операциями (литьё, тиснение, штамповка, гравировка, волочение проволоки, холодная ковка), обеспечивающей потребности городища и его округи.

Бассейн р. Чепцы в эту эпоху выступает своеобразным центром наибольшего распространения костяной скульптуры, широчайший ассортимент изделий является веским свидетельством наличия высокоразвитого косторезного ремесла.

Одним из наиболее ярких элементов культуры формирующихся финно-угорских объединений эпохи Средневековья являются высокохудожественные изделия из цветных металлов, кости и рога с зоо-, орнито-, антропоморфными изображениями, отражающие различные стороны материальной и духовной деятельности населения. Они вобрали в себя сложный комплекс архаических воззрений, глубинные пласты финно-угорской мифологии.

В материалах X–XIII вв. явно превалирует влияние Волжской Болгарии. Основным показателем устойчивых связей, тесного культурного взаимодействия и присутствия болгарского населения на городищах является гончарная керамика, четко выделяющаяся среди местных лепных сосудов. К предметам, поступавшим из Волжской Болгарии, относятся золотая трехбусинная кольцевидная серьга, часть поясной гарнитуры, вооружения, некоторые изделия из кости и рога: пуговицы, культовая подвеска, односторонний гребень с рукоятью арочной формы, затыльники, тигли характерной для болгар цилиндрической формы. По всей вероятности, из Волжской Болгарии привезены также чаши из светлого сплава, найденные на Иднакаре. На присутствие мастеров указывают и многочисленные изделия цветного металла, ярким свидетельством являются находки многочисленных заготовок и форм для их отливки. Несомненна роль посредников болгар в торговле прикамского населения с южными и юго-западными странами, откуда продолжали поступать серебро в виде монет, произведения восточной торевтики и особенно в больших объемах – бусы.

К XI в. относятся отдельные монеты и украшения из Западной Европы. Единичные вещи явно славянского происхождения найдены на Иднакаре в слоях X–XI вв., в XII–XIII вв. количество предметов древнерусского производства возрастает. Связи с древнерусскими и западно-финскими землями могли осуществляться как через Волжскую Болгарию, так и по Сухоно-Вычегодскому пути, хорошо известному многочисленными военными походами ушкуйников на Пермь Вычегодскую и Югру.

Исследования памятников бассейна р. Чепцы конца I – начала II тысячелетия, выразительные комплексы категорий материалов убедительно свидетельствуют о формировании здесь устойчивого этносоциального образования, население которого приняло участие в формировании удмуртской народности.

Памятники Камско-Вятского междуречья: чумойтлинская культура

Чумойтлинская культура занимает территорию, расположенную в южной части Камско-Вятского междуречья, по правому берегу р. Камы. К этой культуре относятся всего около десятка памятников: пять городищ, три селища, один могильник, жертвенное место, пять случайных находок (рис. 58).

На Дубровском селище IX–XIII вв. в бассейне р. Валы исследована землянка площадью 20 кв. м, в которой обнаружены фрагменты глиняной посуды и железный нож. На Можгинском селище XII–XIV вв. собраны обломки лепной керамики городищенского типа, а также несколько фрагментов болгарской посуды. На старых городищах иногда размещали металлообрабатывающие мастерские. Котлован такой избушки размерами 5,0×3,6 м и глубиной до 55 см с находками кусков руды, шлаков, тигля, молотом-дробильником, готовыми изделиями – железными серпом,

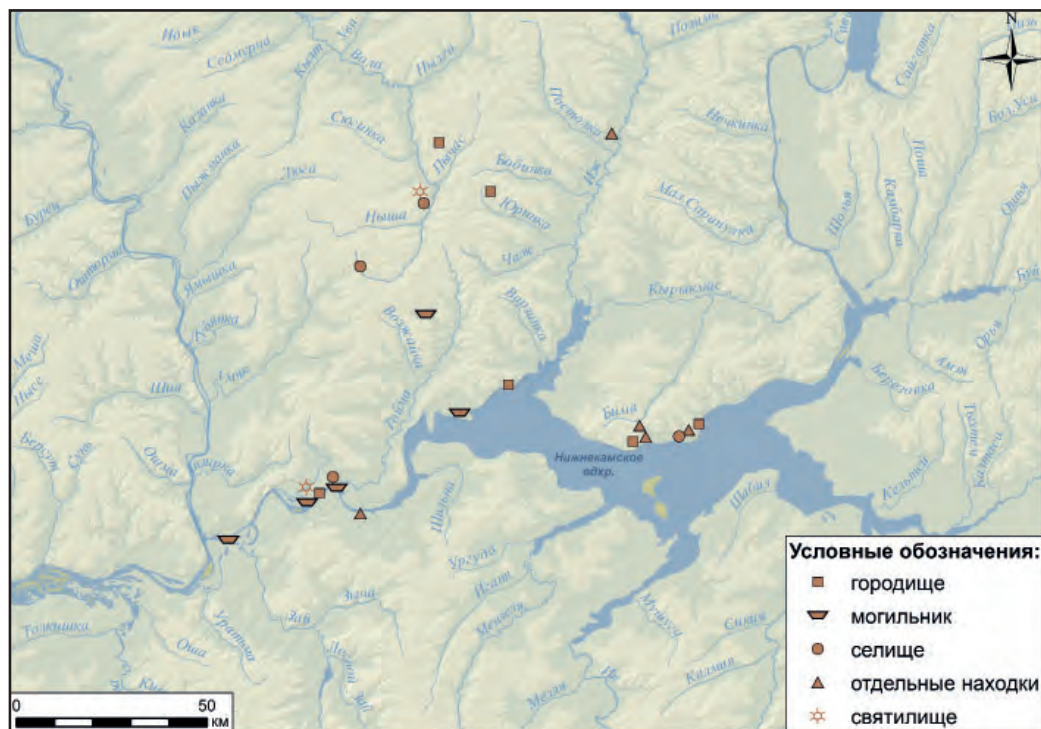

Рис. 58. Карта-схема памятников чумойтлинской культуры (по: Голдиной Р.Д.)

ножом и мелких фрагментов керамики – были обнаружены на небольшой площадке Зуево-Ключевского II городища.

Известен лишь один могильник (болгаро-финно-пермский) – Тураевский II, где изучено более 100 погребений. Умершие лежат головой на запад – юго-запад. По положению умерших выделены две группы захоронений. Половину исследованных погребений составляют погребённые, слегка развернутые на правый бок, при этом ноги согнуты вправо, нередко согнуты в локте левые руки так, что кисти уложены на правые бедра. Голова погребённых повернута на правый бок, лицом на юг или юго-восток. В некоторых могилах найдены железные скобы и гвозди, скреплявшие деревянные гробовища. Другая группа (27% всех умерших) включает погребения, в которых умершие лежат головой на северо-восток или север – северо-запад. Сопровождающий инвентарь обнаружен лишь в семи могилах: пряжки, ножи, наконечники стрел бусины от височных подвесок. Эти погребения связаны с финно-пермским населением этого региона.

Сопровождающий инвентарь обнаружен лишь в семи могилах: железные и бронзовая пряжки, железные ножи и наконечник стрелы, три бусины от височных подвесок. Из них датирующей может выступать лишь бронзовая пряжка, имеющая близкие аналогии на памятниках XI–XII вв. Пермского Предуралья и бассейна р. Чепцы (рис. 59).

Одним из ярких памятников Южной Удмуртии является жертвенное место Чумойтло XI–XII вв. возле г. Можги. Слой жертвенного места представлял собой тёмную сильно гумусированную супесь мощностью более 0,5 м, насыщенную костями животных. В центре пятна обнаружены остатки культовой бревенчатой пря-

Рис. 59. Металлические изделия чумойтлинской культуры.
1–4 6, 7 – подвески, 5 – булава, 8 – пронизка, 9 – подвеска-змеевик, 10 – привеска,
11–14 – наконечники стрел, 15 – булава-спица; 16 – удила. 1–10 – бронза, 11–16 – железо.
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Голдина, 2022)

моугольной постройки площадью около 10 кв. м со следами нескольких кострищ, на которых сжигались жертвенные животные: лось, северный олень, медведь, косуля, бобры. На прилегающих участках – кости косули, барсука, лисы, куницы, свиньи, лошади, мелкого и крупного рогатого скота, а также кости рыб.

В слое сырых костей встречались фрагменты керамики от разбитых сосудов, а также костяные наконечники стрел (70 экз.), кочедыки, копоушки, заготовки различных бытовых изделий, каменные точила, грузила и пр. Из железных изделий следует отметить втульчатый железный наконечник копья, ножи, зубило, рыболовный крючок.

В керамическом материале наряду с посудой, продолжавшей местные традиции ананьинско-пьяноборской посуды, обнаружены круглодонные, цилиндрические со шнуровой орнаментацией чашевидные сосуды (типа постпетрогром), обломки красноглиняного кувшина из Волжской Болгарии.

Судя по количеству и составу костей жертвенных животных (в основном промысловых), характерным подаркам духам (наконечники стрел), это было жертвен-

ное место охотников, которые с помощью молений, магических обрядов стремились увеличить охотничью добычу, закрепить её успех.

Чумойтлинская культура генетически связана с населением, оставившим памятники XVI–XVIII вв. на территории Удмуртии, о которых хорошо осведомлено современное местное население. Из более 100 кладбищ этого времени 60 находятся в Южной Удмуртии. Они имеют общие черты, свидетельствующие об этническом своеобразии южноудмуртского населения. Генетическая преемственность ананьинской, чегандинской (тарасовской), верхнеутчанской, чумойтлинской и удмуртской культур подтверждается и антропологическими данными: длительные контакты южных удмуртов с тюркскими народами проявились и в особенностях их физического облика.

Памятники Среднего Приуралья

Археологические памятники Среднего Приуралья IX–XV вв. общим количеством более 300 объединены в *родановскую культуру*. Она сформировалась на основе предшествующей ломоватовской культуры, но под сильным воздействием населения Волжской Болгарии. Ряд памятников, возникших в ломоватовское время, продолжал существовать и в родановское время. При посредничестве Волжской Болгарии среди приуральских народов распространялись предметы византийского, южнорусского, причерноморского, кавказского, ближневосточного и среднеазиатского производств. На домонгольских поселениях родановской культуры наряду с местной лепной посудой археологи повсеместно находят фрагменты гончарной красноглиняной болгарской керамики. И в XIII–XIV вв. прикамские гончары продолжали изготавливать лепную посуду, но параллельно широко использовались болгарские сосуды, изготовленные в Верхнем Прикамье. У родановцев появляются новые элементы быта: предметы роскоши, привозные продукты и блюда, меняется традиционный костюм. Жители пермских городищ XI–XIII вв. стали отказываться от старых этнических украшений, заменяя их продукцией массового болгарского ремесла.

Несмотря на сильное болгарское влияние, население родановской культуры сохраняло основную базу финно-угорских традиций.

Родановская культура развивалась во взаимодействии с окружающими археологическими культурами Волго-Уралья и Зауралья. Среди соседних (или предшествующих) ей культур выделяют караякуповскую, постпетромовскую, кушнаренковскую и чияликскую. Каждая из них представляла группы племён, с которыми предкам пермяков приходилось контактировать – посредством миграций, торговли, военных столкновений или культурного обмена.

Следует подчеркнуть весьма активную роль родановцев в качестве посредника между населением Восточной Европы и Сибири. Следы родановской культуры, а вместе с ними и материальной культуры Волжской Болгарии хорошо прослеживаются на памятниках Нижнего Приобья и дальше, вглубь Сибири. Так, в районах Нижнего и Среднего Приобья, в бассейне Иртыша и Тобола известно более 200 предметов болгарского импорта.

Родановская культура – важное составляющее в процессе взаимодействия болгарского и финно-угорского населения Приуралья и Сибири. С одной стороны, население сохраняло преемственность древней пермской (финно-угорской) традиции, с другой – впитала в себя элементы материальной и духовной культуры Волжской Болгарии. Благодаря этому симбиозу в Пермском крае возник своеобразный само-

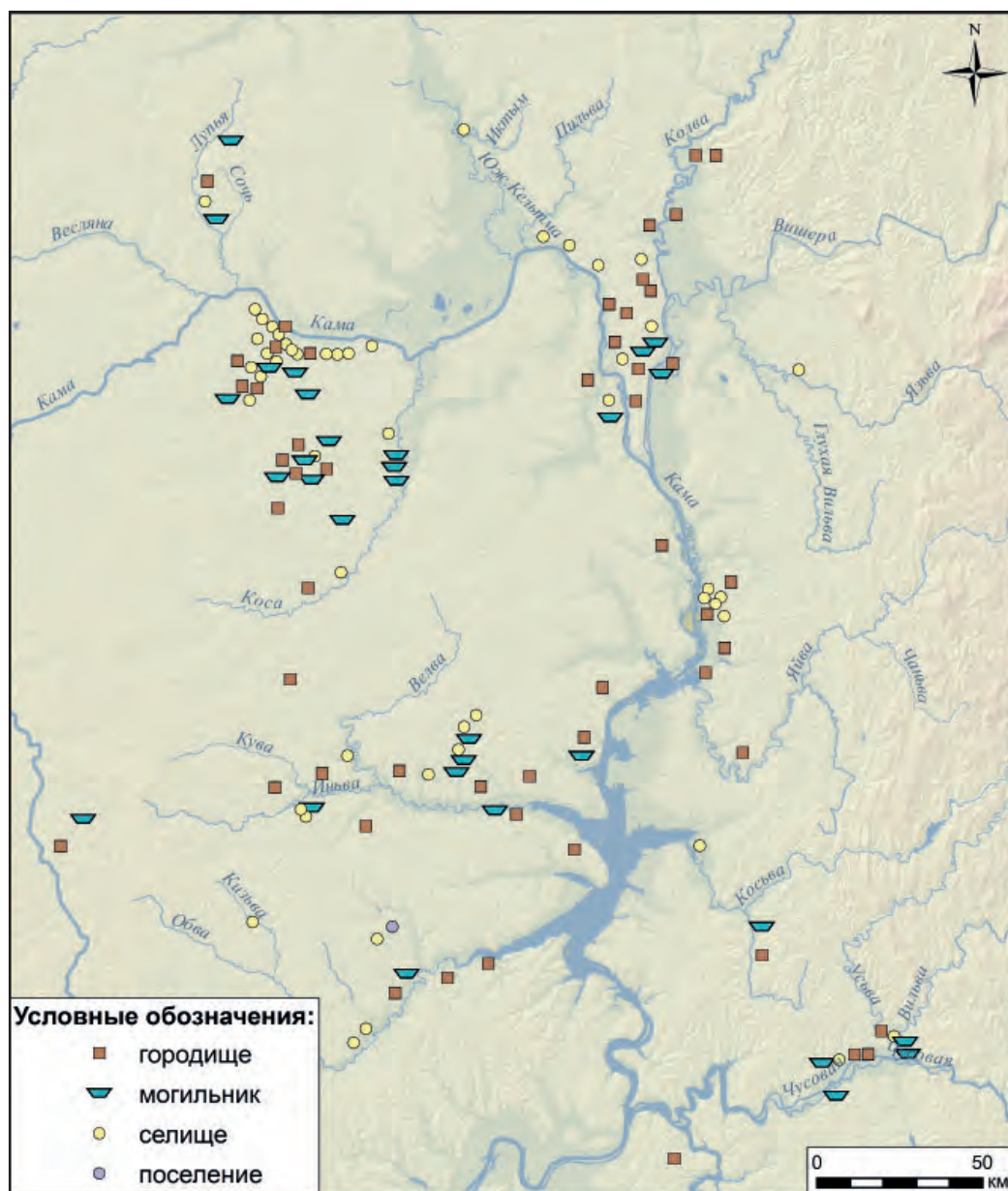

Рис. 60. Памятники Среднего Приуралья X–XIV вв. (по: Белавину А.М., Крыласовой Н.Б.)

бытный культурный ландшафт, который русские люди позднее застали как Пермь Великую.

Родановская культура стала проводником болгарского влияния среди населения Верхнего Прикамья и Западной Сибири, подготовив почву для последующего культурного развития, сложения коми-пермяцкого народа, а также тюркских групп населения в этих регионах.

Период X–XIII вв. в Среднем Приуралье представлен 170 памятниками – укрепленными и неукрепленными поселениями, могильниками и святилищами (рис. 60).

Большинство изученных городищ возникло в VII–VIII или в IX в., и некоторые из них просуществовали до XIV–XV вв. Среди городищ данного периода, как и прежде, преобладают мысовые и сложно-мысовые, подчинённые рельефу местности. На них происходило совершенствование фортификационных сооружений, крупные городища превращались в торгово-ремесленные и административные центры, приобретая признаки городов.

К числу наиболее изученных городищ принадлежит Анюшкар (Кыласово городище) на р. Иньве, недалеко от ее впадения в р. Каму. Ниже Анюшкара по р. Иньве находятся Бородкинское и Усть-Иньвенское городища, а выше – Майкор (Туманское городище), которые обеспечивали надежную защиту самой крупной иньвенской территориальной группы населения, оставившего около 100 археологических памятников.

Городище Анюшкар, защищенное с напольной стороны дугообразным валом высотой 2,5–3,7 м, занимает широкий мыс правого берега реки площадью около 1,6 га. Культурный слой имеет среднюю мощность около 1 м, уменьшаясь к концу мыса и западному склону до 0,2–0,3 м. Ранний посёлок занимал площадку от конца мыса до его центра, был укреплен невысоким валом и рвом. Жилища располагались в ряд вдоль рва. В XI в. поселок расширился за пределы рва, использовавшегося под хозяйственные и производственные сооружения.

На городище изучены жилища – остатки прямоугольных наземных бревенчатых построек с двухскатной крышей, выступающим перед входом крытым тамбуром, с глинобитным полом и очагом внутри дома. Позади домов выявлены столбовые конструкции, ограждающие небольшой дворик, где располагались ямы-кладовки и другие хозяйственные сооружения.

Хозяйственная деятельность обитателей городища отражена находками земледельческих орудий труда: наконечников мотыг и ральников, кос-горбуш для заготовки сена, ножниц для стрижки овец, костяных и железных наконечников стрел и накладок сложного лука, грузил от сетей, рыболовных крючков и острог и т. д.

Особый интерес представляют производственные сооружения, большая часть которых связана с металлургией и металлообработкой.

Городище было не только ремесленным, но и торговым центром. В культурном слое встречены вещи болгарского и древнерусского происхождения. Болгарская керамика в нижнем слое составляет более 14% всех сосудов, что, вероятно, указывает и на присутствие местного производства; предположительно привозная древнерусская составляет менее 1%.

Состав населения был смешанным, в нём заметное место занимали болгары. Об этом свидетельствуют материалы Анюшкарского могильника XIII–XIV вв., погребальный обряд которого отличается биритуальностью – в нем смешаны языческие и мусульманские элементы.

На Анюшкаре изучены и культовые комплексы в виде жертвенных ям с выкладками черепов и костей лошади и глинобитного очага в деревянной яме, у края которого найдены медный антропоморфный идол и обломки каменного жернова, скопления обгорелого зерна пшеницы и ячменя. Городище Анюшкар относится к числу поселений городского типа, которые начали формироваться в самом начале проникновения болгар в Приуралье.

Рождественское городище на р. Обве, которое соотносится с упоминаемым в письменных источниках городком Афкула, возникло на рубеже IX–X вв. и суще-

ствовало до середины XIV в., что подтверждается находками ордынских монет и радиоуглеродными датами.

В X в. здесь находилось небольшое финно-угорское поселение, занимавшее площадку на мысу, ограниченном логами. В XI в. оно было существенно расширено болгарскими и перестроено по подобию городищ Волжской Болгарии, став крупнейшим средневековым городищем Пермского края. Площадь городища вместе с укреплениями составляет 3,8 га. Оно занимает участок коренного берега, возвышающегося над рекой на 25 м. С запада и востока площадка ограничена глубокими логами, с севера – дугообразным валом шириной высотой около 4 м с напольной стороны. За пределами вала располагался неукрепленный посад с насыщенным находками культурным слоем и постройками, примыкавшими к валу. За западным логом находится небольшое Филипповское городище, за восточным – мусульманский могильник и языческий некрополь.

На городище изучены жилища площадью от 70 до 180 кв. м, построенные в каркасно-столбовой технике. В интерьере жилищ выделяются нары вдоль стен; остатки печей на ямах-подпечьях, игравших роль кладовок, иногда дополнительные очаги, которые располагались по оси или были сдвинуты к одной из стен. Малых жилищ, как на Анюшкаре, на Рождественском городище не выявлено.

Как и на Анюшкаре, здесь обнаружено множество свидетельств существования комплексного хозяйства, основанного на земледелии, скотоводстве, со значительной ролью охоты и рыболовства. Обращают на себя внимание многочисленные остатки ремесленной деятельности. Здесь изучено три болгарских гончарных горна, остатки косторезной мастерской, обнаружены бракованные бусины и крупный кусок стеклянной пасты, что подтверждает наличие стеклодельного ремесла, основанного болгарскими мастерами. Массово присутствуют свидетельства наличия кузнечного, литейного и ювелирного производства. Наиболее интересны две большие металлургические мастерские. В одной из них, площадью около 24 кв. м, обнаружено шесть, в другой – десять очагов с многочисленными обломками тиглей, медных и железных шлаков, готовых изделий из меди и железа.

Большое количество очажных конструкций и универсальное назначение мастерских позволяют предполагать, что в них работали более десятка ремесленников разной специализации. Продукция была ориентирована прежде всего на местный рынок, удовлетворяя спрос населения на украшения, детали костюма, бытовые вещи и хозяйственный инструментарий. Существовало и крупное товарное производство готовых сплавов цветных металлов, поставляемых в виде слитков за пределы Предуралья на рынки Восточной Европы.

Конструкция производственных сооружений и вещевой материал свидетельствуют о том, что большинство ремесленников были выходцами из Волжской Болгарии.

К востоку от Рождественского городища сразу за оборонительными сооружениями находится мусульманское кладбище. Большинство погребений мужские, но в одной группе содержались захоронения мужчины, женщины и ребенка – свидетельство постоянного проживания болгар-мусульман на этом городище, как и на других памятниках Верхнего Прикамья.

В 0,5 км восточнее находился языческий финно-угорский могильник, содержащий погребения X–XI вв. Погребальный обряд, керамика, традиционные украшения костюма характерны для ломоватовской археологической культуры.

Знаковым памятником, давшим название археологической культуре Среднего Предуралья, является *Родановское городище* X–XIV вв. Овальную площадку городища с юга и севера ограничивают овраги, с востока – крутой обрыв к р. Каме, с запада дугой огибают вал и ров. Площадь памятника составляла около 0,2 га.

Из ремесленных сооружений изучены остатки кузнечных горнов, возле одного из которых найдено глиняное сопло, а также металлургическая мастерская, где производились железные изделия и предметы из цветных металлов.

К числу памятников, где проводились многолетние раскопки, принадлежит *Саломатовское городище*. Оно находится на правом берегу р. Усьвы, правого притока р. Чусовой, на подпрямоугольном мысу площадью около 1 га. С напольной стороны площадка городища укреплена тремя валами. На памятнике в процессе раскопок обнаружены хозяйственные ямы разного назначения, очаги, печь, остатки металлургического комплекса с несколькими очагами и печами. Мастерская была ориентирована на кузнечную обработку и литье из цветных металлов, в ней обнаружены фрагменты тиглей, литейные формы, зубила и бородки, крицы и кузнечные заготовки. Судя по находкам, население городища поддерживало тесные культурно-экономические контакты с Волжской Болгарией и Зауральем.

К XI–XIII вв. относится около 200 открытых поселений – селищ. Их площадь от 0,1–3 до 60 га. На селищах исследованы различные объекты и сооружения: хозяйственные ямы, культовые сооружения, жилища, столбовые ямы от различных сооружений. Материальная культура жителей представлена большим количеством артефактов: железные гвозди, иглы, зубила, ножи разных типов, костяные наконечники стрел, рыболовные крючки, бронзовые украшения, костяные предметы, сердоликовые и стеклянные бусины, оселки, большое количество фрагментов лепных и гончарных (красноглиняных болгарских) глиняных сосудов.

Археологически изученных могильников, относящихся к периоду X–XIII вв., немного. Полностью раскопан Огурдинский могильник на р. Каме, датирующийся XI столетием. Погребения (их всего 276) ориентированы преимущественно головой к реке. Зафиксировано два типа погребального обряда: ингумации (на деревянном помосте и на дне ямы) и кремация. Наибольшая часть могил (85,5%) принадлежит к категории «погребений на помосте». Погребения, условно определенные как совершённые по обряду кремации (7,9%), содержали в заполнении кальцинированные кости. Большинство из них безынвентарные.

Между могилами изучены ямки со скоплениями вещей и остатков челюстей лошади, представляющие собой жертвенно-поминальные комплексы.

Материальная культура могильников представлена разнообразными головными украшениями, украшениями рук (перстни, браслеты), умбоновидными и коньковыми подвесками, серебряными монетовидными подвесками, костыльковыми и якорьковыми подвесками, полыми зооморфными пронизками и т. д. Особый интерес представляют находки двух серебряных погребальных масок. Могильник оставлен смешанной группой населения – угорское зауральское население, среди которых имелись представители вымской археологической культуры.

В последнее время получены убедительные доказательства наличия в Пермском Предуралье собственного ювелирного производства, основанного на традициях болгарской ювелирной школы. О местном производстве ювелирных изделий свидетельствует технологии изготовления, специфические формы украшений.

Переход к пашенному земледелию и мясо-молочному направлению в животноводстве привел к трансформации хозяйственно-культурного типа. Использование рала с железным наконечником с применением тягловой силы лошадей позволило расширить площади распашки и значительно увеличить количество продукции земледелия. Среди выращиваемых злаковых культур преобладали ячмень и разные виды пшениц, в меньшей степени представлены овёс, просо, рожь, горох. Для переработки зерна стали широко использоваться ручные жернова.

Наличие крупных мастерских, в которых могло одновременно работать до десятка ремесленников разной специализации, свидетельствует о размахе литейного производства. В косторезном производстве в XII в. появился токарный станок, который стал применяться и в деревообрабатывающем производстве, а также горизонтальный ткацкий станок, о чём свидетельствуют находки костяных блоков ремизок.

В повседневном быту в XI–XII вв. прослеживаются новшества, обусловленные активными взаимоотношениями с Волжской Болгарией. Есть многочисленные свидетельства не только массового употребления в быту изделий болгарских ремесленников, но и их непосредственного проживания на городищах Пермского Предуралья, где они производили продукцию, рассчитанную на местных потребителей.

Наряду с болгарскими мастерами начали активно развивать собственное дело и ремесленники-профессионалы из местной среды (ювелиры, кузнецы, бондари, косторезы и пр.).

Памятники Северного Приуралья XI–XIV вв.: бассейн р. Вычегды

Эпоха Средневековья в бассейне р. Вычегды представлена археологическими памятниками вымской культуры XI–XIV вв.: 30 могильниками, одним святилищем и двумя поселениями. В рамках культуры выделяется шесть локальных вариантов, соответствующих территориально-племенным объединениям (рис. 61).

Городища вымской культуры неизвестны. Исследованы два поселения – Жигановское на Выми и Леваты на средней Вычегде. Первое из них расположено на левом берегу р. Выми. Оно представляет особый интерес в связи с тем, что синхронно Жигановскому могильнику, датируемому XII – началом XIV в. Этот могильник расположен к югу от поселения на расстоянии около 1,4 км в глубине боровой террасы, на котором похоронены жители поселения. Площадь его составляет около 0,6 га. Культурный слой разрушен пахотой. Следы построек восстанавливаются по котлованам ям. По их расположению предполагается смешанная рядо-кучевая застройка поселения. Котлованы ям относятся к остаткам жилых и хозяйственных построек. В одной из ям выявлена постройка подпрямоугольной в плане формы размерами 1,5×1,5 м с отвесными стенками, ровным дном глубиной 60–70 см. Она являлась частью жилой наземной постройки.

Наряду с наземными выявлена постройка типа полуземлянки (2,4×1,6×1,1 м), состоящая из двух камер – северной и южной. В северной камере расчищена квадратная деревянная каркасная конструкция со столбиками по углам, дно которой покрыто двухъярусным настилом из поперечно положенных досок. В котловане располагалась прямоугольная деревянная конструкция размером 113×160 см, боковые стенки которой крепились столбиками. Основную часть камеры занимает очаг из камней. Под ними сохранились остатки настила из плах поперек камеры, уложенных на лаги. Наряду с жилыми домами на городище выявлены остатки хозяйственных

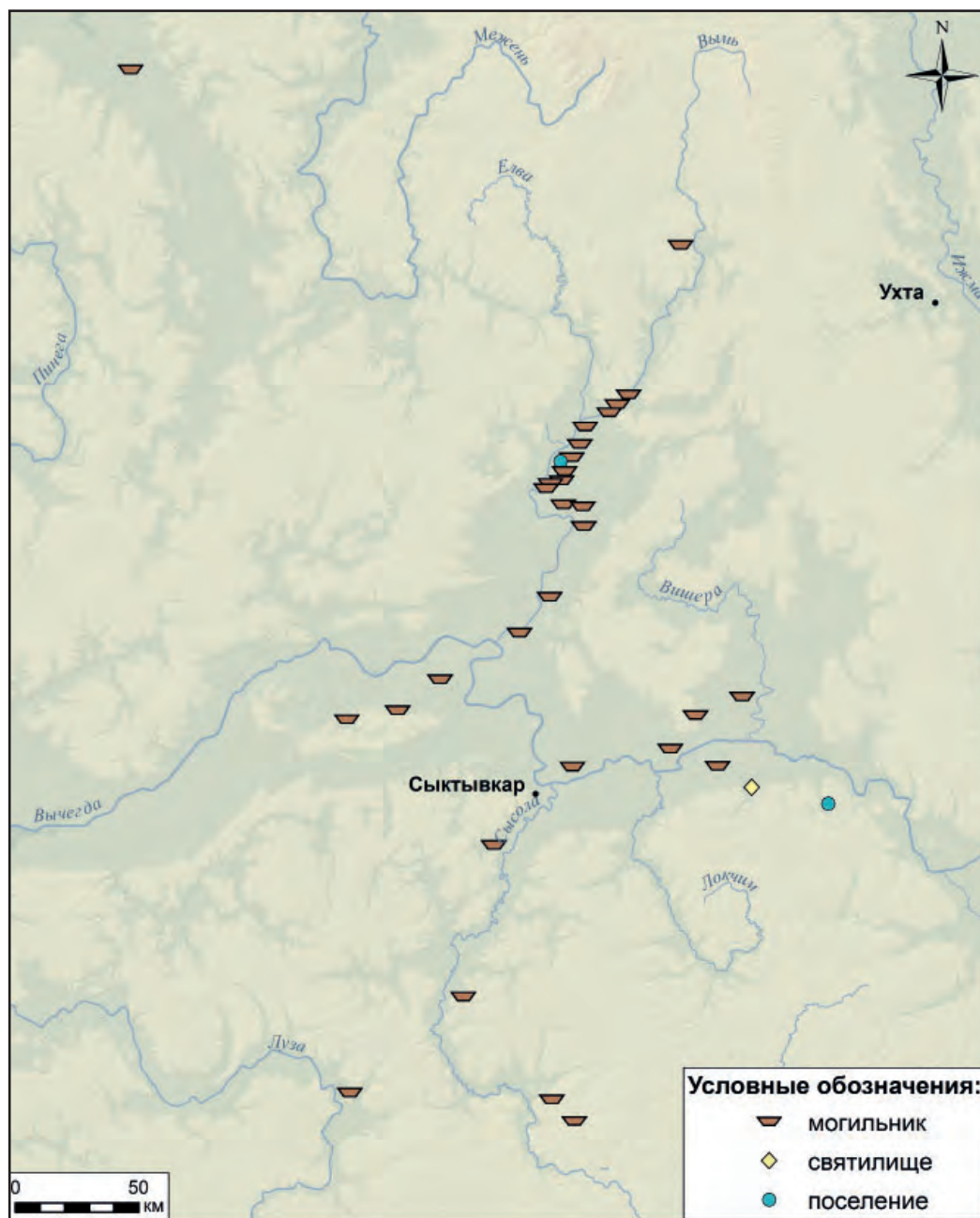

Рис. 61. Карта памятников вымской культуры
(по: Савельевой Э.А.)

построек, металлообрабатывающей мастерской.

На поселении обнаружены железные и костяные промысловые, железные боевые наконечники стрел, долота, тёсла, рыболовные крючки, железные навесные замки и ключи, кресала, кольчатые удила, глиняная ложковидная льячка, фрагмент литейной формы, бронзовая весовая гиричка сферической формы со срезанными площадками.

ми весом 24,8 г, предметы поясной гарнитуры, шумящие подвески, перстни и прочие находки. Особого внимания заслуживает фрагмент иконки-привески круглой формы с рельефным изображением на лицевой стороне Богоматери Одигитрии с маленьким Христом на левой руке. Керамическая коллекция представлена фрагментами характерных для вымской культуры лепных сосудов чашевидной, горшковидной и баночной формы, орнаментированных отпечатками зубчатого штампа, кольцевидными вдавлениями, налепами, а также древнерусских круговых, украшенных линейно-волнистым орнаментом. Преобладает местная лепная керамика. Сохранились кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади, а также лося, северного оленя, медведя, бобра, зайца, белки, птицы и рыбы.

Святылище Джуджыдъяг расположено в долине средней Вычегды, на западном берегу озера Шойнаты, на самом высоком участке восьмиметровой террасы под названием Джуджыдъяг (Высокий бор). Большинство культурных остатков относятся к эпохе раннего железного века. Комплекс позднего железного века, сопоставляемый со святылищем, выявлен в южной части поселения в пределах полосы длиной около 5 м, шириной около 1 м. В него входят два железных наконечника стрелы – черешковый ромбический и двурогий срезень, обломок железного проушного топора, нож, тесловидное орудие, многочисленные фрагменты железных предметов. Из украшений найдены бронзовые бубенчики, грушевидные и шаровидные, бутыльчатые подвески, спиралевидные и трубчатые пронизки, арочная шумящая подвеска с шатоном для вставки. К культовым предметам относятся металлическая плакетка с изображением парящей птицы, выполненная в реалистической манере техникой одностороннего литья с отверстиями на крыльях с сохранившимися в них звеньями цепочки, и круглая серебряная монетовидная подвеска, на лицевой стороне которой процарапано изображение животного в окружении людей в конических головных уборах. В комплекс святылища могла входить округлая каменная вымостка диаметром около 2,8 м с мощным углисто-зольным слоем на поверхности. Судя по незначительному количеству находок, святылище могло быть семейно-родовым капищем.

Все могильники вымской культуры грунтовые, расположены на высоких надпойменных террасах реки или старичного озера, на боровых возвышенностях, как правило примыкающих к болотистой низине. Погребения на поверхности отмечены впадинами овальной формы, расположенными рядами или группами. Встречаются одиночные захоронения, удаленные от основного массива погребений. На всех крупных могильниках выделяется несколько групп погребений, расположенных, как правило, на отдельных возвышенностях. Погребения ориентированы головой по направлению север – юг, запад – восток с сезонными отклонениями. Исключение составляет Ыджыдзьельский могильник, на котором абсолютное большинство погребений (90,4%) ориентировано с востока на запад. Как правило, погребения ориентированы на водоём.

Характерной чертой погребального обряда вымской культуры является биобрядность – сосуществование кремации и ингумации. Ингумация преобладает (незначительно) на ранних этапах функционирования могильников (XI – первая половина XII в.); со второй половины XII в. фиксируется тенденция увеличения числа кремированных. Во всех погребениях с ингумацией фиксируются следы ритуальных костров для «окуривания» ямы – традиция, зафиксированная по этнографическим материалам.

Преобладает полная кремация на стороне, при которой кальцинированные и/или обожженные кости сыпались в яму вместе с углями и золой. Реже встречается частичная кремация – в погребениях наряду с кальцинированными встречаются обожженные и сырые кости человеческого скелета. В некоторых случаях кремирован только череп или он отчленен и не тронут огнем, костные останки расположены на дне могильной ямы, а не в засыпи. В связи с песчаным грунтом при ингумации сохранность костяков неудовлетворительная. Фиксируются только фрагменты полустлевших трубчатых и черепных костей на дне ямы, пятна костного тлена, которые позволяют реконструировать положение умершего на спине. Редко сохраняются черепа. Абсолютное большинство погребений – одиночные, два парных погребения обнаружено только на Чежтыягском могильнике. Не исключено, что некоторые погребения содержат остатки ритуальных перезахоронений, о чем можно судить по нарушению анатомического расположения костей скелета в целом – они лежат кучкой, вперемешку.

Могильные ямы относятся к двум типам. Первый характеризуется преимущественно подпрямоугольной и овальной формой, наклонными стенками и плоским дном. Ко второму относятся ямы сложной конструкции со слегка наклонными стенками и неровным дном, в котором выкопаны небольшие ямки – одна или несколько, или одна в центре – глубокая колодцеобразная. Преобладают ямы первого типа. Они содержат погребения, совершенные способом ингумации и кремации.

В погребениях фиксируются остатки погребальных конструкций. Универсальными являются сооружения из бересты. Остатки их сохранились не только на дне могильных ям, но и по их стенкам, над костяком. Встречаются остатки досок на дне ямы вдоль нее. К другому типу внутрипогребальных сооружений относятся срубы в виде одновенечной прямоугольной конструкции из двух продольных и поперечных плах, установленных на ребро. Срубы обычно обожжены, обуглены, некоторые сопровождаются мощными прокалами. В одном из погребений Ыджыдзельского могильника обуглившийся сруб был обернут берестой, которая закреплялась железными клиньями, гвоздями и четырехгранным острием. Отмечены случаи втыкания острых железных предметов (ножей, наконечников стрел, иголок) в стенку сруба. В абсолютном большинстве случаев погребения в срубах совершены способом кремации.

Одной из специфических особенностей обряда погребения является помещение в могилы сломанных изделий, прежде всего железных, реже – украшений. В погребениях и между ними встречаются комплексы вещей, положенных в дар умершему в берестяную коробочку или в меховую сумочку. Они включают орудия труда, украшения, предметы быта. Характерной чертой погребального обряда вымской культуры является высокая насыщенность межмогильного пространства материальными остатками ритуалов поминально-жертвенного характера. Выявлены многочисленные кострища, располагающиеся рядом с погребениями или над ними, содержащие фрагменты керамики, развалы сосудов, ножи, украшения, другие категории вещей, редко – кости жертвенных животных.

В мужских погребениях представлены наконечники стрел и копий, ножи, скобели, топоры, резцы, шилья, тесла, кресала, оселки, стамески, предметы поясной гарнитуры, бубенчики, пронизки, перстни, височные кольца, пуговицы, разнообразные подвески. В женских погребениях преобладают украшения и фрагменты керамики, встречаются ножи, кресала, оселки, редко – наконечники стрел. Выделяются погреб-

Рис. 62. Болгарский импорт населения Северного Приуралья
(по: Археология Волго-Уралья. Т. V / Савельева, 2022)

бения с привозными серебряными изделиями, монетами, наборами разнообразных орудий, оружия и украшений, которые отражают высокий социальный статус погребенных.

Ножи составляют наиболее массовую серию изделий. Часто встречаются топоры, тесла, струги, резцы, стамески, сверла. Кузнечный инструментарий представлен молотками, клещами, волочилом), предметы вооружения – наконечниками стрел и копий.

Среди бытовых предметов, кроме железных ножей, игол, шильев, наиболее многочисленны кресала. Встречаются цилиндрические замки и их детали, представляющие собой обычные находки в болгарских и древнерусских городах.

Украшения являются одной из наиболее массовых категорий вещевого инвентаря вымской культуры. Они представлены разнообразными бубенчиками, пронизками, нагрудными и поясными привесками, перстнями, бусами, а также предметами поясной гарнитуры.

Хозяйство вычегодских пермян было комплексным. Они разводили коров, лошадей, овец, коз, свиней. К этой эпохе относятся и первые свидетельства о занятии населения земледелием, которое в неблагоприятных природно-климатических условиях не являлось надежным источником существования. Поэтому важную роль в хозяйстве продолжали играть охота и рыболовство, являющиеся важным источником существования древних коми.

С включением перми вычегодской в сферу экономических и политических интересов Волжской Болгарии и Новгородской республики, а затем Русского государства возросла роль пушного промысла. Меха стали эквивалентом обмена в торговле с иноземными купцами. На памятниках вымской культуры найдены многочисленные импортные изделия, прежде всего украшения, в том числе серебряные, являющиеся продукцией городских ремесленников из Волжской Болгарии (рис. 62) и древнерусских земель.

Значительный прогресс в эту эпоху был достигнут в металлургическом производстве. На могильниках вымской культуры обнаружены погребения кузнецов, сопровождающиеся соответствующими инструментами, а также шлаками. О развитии местного бронзолитейного производства свидетельствуют тигли, льячки, шлаки, всплески металла, бракованные изделия, редкие литейные формы. Судя по разнообразию ассортимента деревообрабатывающих орудий, одним из ведущих было бондарно-столярное производство. Развивались различные домашние производства, прежде всего керамическое, кожевенное дело, прядение и ткачество.

Вымская культура обнаруживает наибольшую близость родановской, что объясняется их общими истоками, восходящими к ананьинской культуре, а также активными культурными связями между соседними народами, внутренними миграциями, инфильтрацией небольших групп родановского и болгарского населения в бассейн Вычегды, вымско-вычегодского на Каму. Торговля и тесные контакты между Волжской Болгарией и вычегодскими пермянами на раннем этапе развития вымской культуры представлены наибольшим количеством болгарских изделий. Важную роль в формировании вымской культуры перми вычегодской позднее также сыграла древнерусское освоение региона, приведшее к кардинальным изменениям в экономике, материальной и духовной культуре местного населения.

Памятники кыпчаков (половцев) Южного Приуралья

В настоящее время в степях Заволжья и Приуралья выявлено более 40 погребений, относящихся к XII – началу XIII вв. Большинство из них найдены на территории современных Саратовской, Волгоградской и Уральской областей, по рекам Волге, Еруслан и Узени (рис. 63).

Археологические признаки погребального обряда кыпчаков домонгольского времени следующие:

- абсолютное большинство погребений (77,5%) совершены в земляных курганах, специально насыпанных над могилой; остальные погребения впущены в насыпи более ранних курганов;

- преобладают (47,5%) могильные ямы простой конструкции с вертикальными стенками и ровным дном. Вместе с тем значительное место занимают могилы с подбоем вдоль одной из длинных стенок;

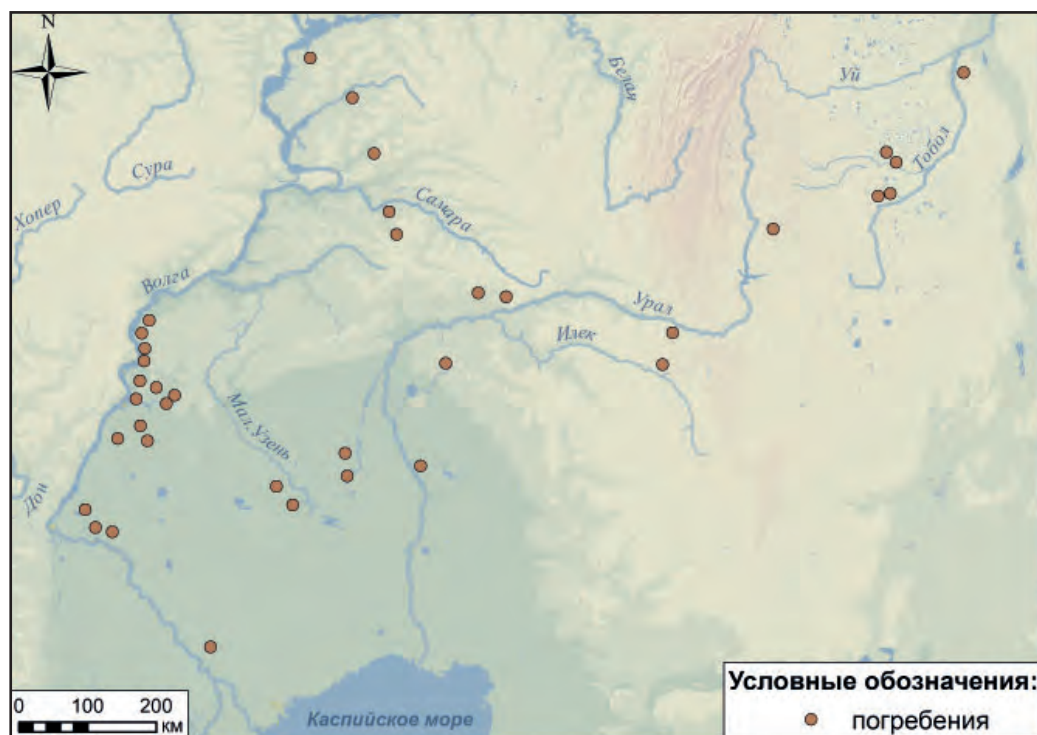

Рис. 63. Карта-схема погребений кыпчаков-половцев в Заволжье и Южном Предуралье домонгольского периода (по: Иванову В.А.)

- умерших укладывали на дно могилы (или в подбой) вытянуто на спине, головой в западном направлении или на восток;
- остатки дощатого гроба или колоды найдены в пяти погребениях;
- из общей массы погребений выделяются т. н. всаднические, содержащие остатки конской шкуры, черепа и кости ног или принадлежности конской сбруи (стремена и удила);
- оружие в погребениях представлено небогато: это железные наконечники стрел, костяные обкладки лука и остатки берестяного колчана. В трех погребениях найдены сабли, в двух – железные шлемы и кольчуга;
- погребений, которые по ассортименту сопровождающего инвентаря (бусы, подвески, ножницы) можно было бы интерпретировать как женские, немного.

Кыпчакско-половецкая принадлежность немногочисленных погребений XII – начала XIII вв. в степях Волго-Уралья определяется в целом такими признаками, как подбойные могилы и восточная ориентировка погребенных. Погребения локализуются в пределах приуральско-заволжской типчаково-ковыльной степи, главным образом в ее северной части. Именно на этой территории в предшествующее время была сосредоточена основная масса печенежских курганов региона, в которых преобладали впускные погребения. Для курганов XII – начала XIII вв. характерно преобладание погребений, совершенных под специально сооруженными для них насыпями.

Как самостоятельное этнокультурное образование, отличное от синхронных и соседних племен, кыпчаки впервые упоминаются в рунических надписях середины VIII в. как

политические противники тюркютских племен, а в конце IX–X вв. арабо-персидские авторы упоминают их среди кимаков, татар, огузов и печенегов, расселявшихся в восточной части евразийских степей.

В начале XI в. кыпчаки становятся соседями Хорезма и ведут с хорезмшахами успешные войны за приаральские пастбища, вынуждая последних идти на компромиссы и даже на династические браки. В это время кыпчакские племена составляют конфедерацию с единой материальной культурой. Во главе конфедерации стояли ханы рода Ольбурлик (Эльбари), занимавшего местность, которую исследователи локализуют в степях северо-западного Казахстана и Южного Урала. Она, эта местность, совпадает с территорией распространения курганов XII – начала XIII вв. Южного Приуралья.

Опираясь на сведения средневековых источников, ученые делают вывод о существовании на рубеже XI–XII вв. крупной кыпчакской конфедерации племен, кочевавших в предгорьях Южного Урала и степях Западного Казахстана. По мнению исследователей, среди кочевников кыпчакской конфедерации были, в основном, тюркоязычные и другие племена, в том числе и татары.

Археологические материалы на фоне материалов предшествующего огузо-печенежского и последующего золотоордынского периодов отличаются своей малочисленностью. Это указывает на то, что в XII в. степи Волго-Уральского междуречья представляли собой восточную периферию Дешт-и-Кыпчак (Половецкой степи), которая была еще слабо заселена. Тем не менее они подтверждают сведения средневековых письменных источников о кыпчаках как о доминирующем этнокультурном компоненте в составе кочевников степного Заволжья и Приуралья во второй половине XI – начале XIII вв. Кыпчакские племена осваивали Заволжье и Приуралье. Для них характерны разбросанные по степям одиночные погребения, встречающиеся, как правило, случайно. Кыпчаки играли достаточно активную роль в политических баталиях Восточной Европы XII – начале XIII вв. Имеем в виду военный поход донских кыпчаков на Волжскую Болгарию в 1117 г., участие «половцев Емяковых» в походе Всеволода Большое Гнездо на Великий город в 1183 г. и совместное с болгарами противостояние их на Яике против монголов в 1229 г. Археологи же в болгарской керамике выделяют небольшую группу, имеющую отношение к кыпчакам домонгольского времени.

Памятники кочевников Нижнего Поволжья

В X–XIII вв., на территорию Нижнего Поволжья проникают новые тюркоязычные племена – огузы (торки), печенеги и кыпчаки.

Происхождение печенегов связано с Юго-Восточным Приаральем в VI–VII вв. Тюркоязычные восточные огузы – основная часть Тюркского каганата – выдавили печенегов, также огузоязычных тюрок из Приаралья через Северный Прикаспий в южнорусские степи.

Время появления огузов о Северном Прикаспии может быть отнесено ко второй половине IX в. Какое-то время печенеги интенсивно контактировали с ранними огузами при явном доминировании последних. Это подтверждается и данными «Записок» Ибн Фадлана о подчиненном положении печенегов огузам. Среди захоронений, совершенных по печенежскому обряду, нет комплексов, достоверно датирующихся X в.

Археологические источники IX–XI вв. позволили выделить признаки погребального обряда печенегов и огузов. Раскопки последних десятилетий значительно

Рис. 64. Карта распространения огузских памятников в Поволжье и Приуралье (по: Иванову В.А., Гарустовичу Г.А.)

расширили круг источников, включающих сотни погребений огузо-печенежского времени, что позволило более детально изучить особенности погребального обряда тюркоязычных кочевников степей Юго-Восточной Европы, включая степи Южного Приуралья и Заволжья (рис. 64).

К особенностям погребального обряда огузов относятся следующие признаки: преимущественно впускной характер захоронений; сооружение простых, в основном прямоугольной формы могильных ям от 0,5 до 2,2 м глубиной; вытянутая на спине поза погребенных, ориентированных головами на запад с сезонными отклонениями к северу и югу; наличие в могилах разнообразных деревянных конструкций – перекрытий, гробов, подстилок и т. п. Отмечены положение погребенных вытянуто на бок, восточная ориентировка, загробная пища, угольные и меловые посыпки на дне ям.

Особенностью огузского погребального обряда в настоящее время большинством исследователей признается также наличие в женских и детских погребениях копоушек, птицевидных и крыловидных нашивок, привесок. Эти находки рассма-

триваются как символы распространенного у кочевников обряда почитания женского божества Умай.

Важным признаком погребального обряда огузов является сопровождение умершего костями коня: черепом и частями ног. Основной отличительной особенностью именно огузского погребального обряда является так называемое вертикальное соотношение положения коня, сопровождавшего покойного, и человека. Головы и шкуры коней укладывались огузами над останками погребенных, в насыпях могильных ям, на перекрытиях, на крышках гробов или колод, на ступеньках. Наиболее ярко и выражено обряд положения останков коня выше уровня залегания человека оказался зафиксирован в богатых мужских захоронениях военно-кочевой знати. Захоронения с расположением ритуального животного на одном уровне с человеком предположительно считают печенежскими. В редких случаях умерших сопровождали просто отделенные нижние части ног коня. Чаще погребённых сопровождало чучело, т. е. голова и набитая соломой шкура животного вместе со скаковыми конечностями, а иногда и с другими костями скелета (рёбрами, лопатками и хвостом). Растянутая и расположенная над погребённым в насыпи или на перекрытии шкура коня означала, вероятно, что воин отправляется в мир иной верхом на коне.

Одной из весьма распространённых черт погребального обряда огузов является обряд обезвреживания покойных, сопровождающийся частичным или полным разрушением скелета.

Большинство из обнаруженных в регионе захоронений IX–XI вв. укладывается в систему огузского обряда, что соответствует исторической действительности того времени. Период этнокультурной гегемонии огузов в Северном Прикаспии продолжался почти два столетия. Соответственно, период этнокультурной гегемонии печенегов в Северном Причерноморье также длился около двух веков. Но если в Северном Причерноморье огузских памятников практически нет, то печенеги, непосредственно прошедшие через степи Северного Прикаспия, оставили здесь некоторые следы своего пребывания.

Кыпчаки появляются в Заволжье в первой половине XI в. К этому времени азиатские степи были ими освоены и носили название «Дешт-и Кыпчак» («Половецкая степь»). Удар по заволжским огузам был мощным и стремительным. Преследуя бежавших кочевников, кыпчаки ворвались в южнорусские степи и в 1055 г. достигли Приднепровья. Во второй половине XI в. половцы консолидируются, создают объединения. Самыми крупными были Приднепровское и Донецкое объединения.

В Половецкой земле формируются новые погребальные традиции. Половцами оставлены курганы с камнями в насыпи, более широкое распространение получают те обряды, которые раньше встречались очень редко: восточная ориентировка погребенных, ориентировка человека и коня в противоположные стороны, захоронения нескольких коней и др. С приходом половцев появляется обряд погребения с покойником целого коня, ранее в Восточной Европе неизвестный, а также обряд погребения коня в отдельной яме. В Половецкой степи развивается искусство ваятелей каменных статуй.

Вышеизложенный археологический материал наглядно показывает заметные изменения в материальной и духовной культуре тюркоязычных, финно-угорских народов, славян, населявших Волго-Уралье. Процесс урбанизации и формирования сложных социальных структур ускорился в регионе с появлением государственных образований – Хазарского каганата, Волжской Болгарии, Киевской

Руси. В Хазарском каганате, Волжской Болгарии, тюркских государствах Восточной Европы одно из ведущих положений в материальной культуре занимали группы населения, увязываемые в археологии с обладающими болгарскими традициями материальной культуры. Специфические признаки материальной культуры, присущие им, археологически проявляются в первую очередь в массовой керамике, ювелирных изделиях, в погребальном обряде во всем обширном регионе. Археологически прослеживается факт проживания болгарского населения (торговцев и ремесленников с их семьями) среди финно-угорского населения и в русских княжествах. Приуралье и Прикамье в эпоху Средневековья находились в тесном взаимодействии и были включены в состав территорий распространения материальной культуры Волжской Болгарии. В Нижнем Поволжье, донецких степях они появились ещё в период гуннского заселения и продолжали жить далее. Есть основания утверждать, что рассматриваемый обширный Волго-Уральский регион находился в сфере активного влияния Волжской Болгарии при тесных контактах с финно-уграми лесной и таежных зон, а также тюрками степных пространств. В этот период усиливается воздействие русского населения, хорошо представленного в западных и северо-западных областях рассматриваемого региона. Влияние на население Волго-Уралья болгарского и русского населения подтверждается многими заимствованиями в сфере ремесла, земледелия и торговли в регионе между всеми народами, проживавшими на этих территориях. Тесные взаимоотношения между тюркским, финно-угорским и русским населением продолжали существовать и в последующие периоды истории региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Волго-Уралья. Т. V. Средние века (VIII – начало XIII вв.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы./ под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин, Т.Б. Никитина. Казань: Ин-т археологии АН РТ, 2002. 887 с.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СамВен, 1998. 286 с.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние вв. Уфа: Вагант, 2009. 285 с.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 603 с.
- Белорыбкин Г.Н.* Золотаревское поселение. СПб.; Пенза: ПГПУ, 2001. 198 с.
- Валиулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Изд. цент Казан. ун-та, 2005. 279 с.
- Вихляев В.И.* Происхождение древнемордовской культуры. Саранск: Красный Октябрь, 2000. 132 с.
- Вихляев В.И., Петербургский И.М., Седышев О.В.* Древние и средневековые поселения мордвы. Саранск: Изд-во МордГУ, 2013. 216 с.
- Гарустович Г.Н., Рыкушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конец IX – начало XV вв.). Уфа: Гилем, 1998. 336 с.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдмГУ, 1999. 464 с.
- Губайдуллин А.М.* Фортификация городищ Волжской Булгарии Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 232 с.
- Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Башкир. гос. пед. ун-т, 2014. 396 с.
- Иванова М.Г.* Иднакар: древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РухИЛ, 2006. 960 с.
- Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2007. 208 с.
- Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.
- Петербургский И.М.* Мордва Среднего Примокшанья в XI–XIV вв. Саранск: “Красный Октябрь”, 2009. 240 с.
- Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: Школа, 2007. 244 с.
- Савельева Э.А.* Ыджидельский могильник. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2014. 119 с.
- Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Изд-ль Р.В. Сорокин, 2011. 170 с.
- Ситдигов А.Г.* Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань: Фолиантъ, 2006. 288 с., ил.
- Средневековая Казань: возникновение и развитие / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. 294 с.

ГЛАВА 6. СРЕДНИЕ ВЕКА (VIII – НАЧАЛО XIII ВВ.)

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале. (Больше-Тиганский могильник) // Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 144 с

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 41–57.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 480 с.

Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в. Учеб. пособие для студентов вузов и аспирантов. Казань, 2006. 583 с.

ГЛАВА 7

СРЕДНИЕ ВЕКА ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВВ.

В XIII в. на Евразийском континенте в результате включения значительных территорий в состав Монгольской империи шел процесс формирования нового культурного пространства. Последующее развитие этого огромного государства привело к сложению региональных политических образований. В западной части империи одним из них стал Улус Джучи, в середине XIII в. включавший степные зоны Западной Сибири, Казахстана, Восточной Европы до Дуная, а также территории Северного Кавказа, Крыма, Нижнего Подунавья, Волжской Болгарии, Руси, области низовий Сырдарьи, Хорезма. В его состав вошли или в значительной мере испытали его влияние северные земли Волго-Уралья.

Позднее в исторической литературе за этим государством закрепилось название Золотая Орда. Оно включало несколько климатических зон, имевших специфику развития хозяйственных укладов, определяющих особенность его общественного строя, сочетавшего разные типы стратегии освоения природной среды и адаптации сложных социумов оседлых густозаселенных регионов и обширной степной зоны с меньшей численностью населения. Настоящим феноменом стало строительство крупных городских центров, сконцентрировавших ремесленную и торговую деятельность, администрирование, духовную жизнь, письменность и культуру.

Волго-Уралье в силу своего геополитического положения было интегрировано в социокультурные и политические процессы Улуса Джучи. Происходящие здесь изменения отразились на облике связанных с этим периодом объектов археологического наследия, особенностях материальной и духовной культуры, вещевом материале, обрядовых, бытовых и производственных практиках. Условия ландшафтного и кли-

¹ При составлении главы авторы опирались на материалы В.С. Баранова, А.М. Белавина, Г.Н. Белорыбкина, В.Г. Блохина, А.И. Бугарчева, Р.Р. Валиева, С.И. Валиулиной, Д.В. Васильева, Н.Н. Грибова, А.М. Губайдуллина, Ю.А. Зеленева, Э.Д. Зиливинской, В.А. Иванова, И.Л. Измайлова, А.О. Кайсина, Е.П. Казакова, П.М. Кольцова, А.Ф. Кочкиной, Н.Б. Крыласовой, Д.А. Кубанкина, Л.Э. Макласовой, А.Н. Масловского, Д.Г. Мухаметшина, Е.П. Мыськова, Н.Г. Набиуллина, Л.Д. Недашковского, А.З. Нигамаева, Т.Б. Никитиной, Д.У. Пальцевой, Е.М. Пигарева, К.А. Руденко, Э.А. Савельевой, Д.З. Сагидуллаева, Ю.А. Семькина, А.Г. Ситдикова, Д.А. Сташенкова, Ф.С. Хакимзянова, Ф.С. Хакимзянова, Р.Н. Хамзина, Ф.Ш. Хузина, З.Г. Шакирова, Л.В. Яворской, помещенные в VI томе «Археологии Волго-Уралья» (Казань, 2022).

матического разнообразия Поволжья и Приуралья, вобравшего в себя почти весь основной спектр природных зон восточноевропейского региона (лесная, лесостепная, степная, полупустыни и пустыни), определившего образ жизни и хозяйствования проживающего здесь населения, исторические, этнокультурные и социально-экономические особенности этих сообществ, а также порой географическая удаленность от основных центров ордынского государства способствовали различию протекавших здесь процессов (рис. 1).

7.1. СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ И ЗАПАДНОЕ ПРИУРАЛЬЕ

Территория Волжской Болгарии, занимавшей земли в Среднем Поволжье и Прикамье и имевшей значительное влияние на Западное Приуралье, была включена в Улус Джучи после монгольских походов 1236–1240 гг. в качестве одной из областей, известной в историографии под названием Болгарский улус, область или вилайат.

Окружение Болгарского улуса, включающее земли, находящиеся с ним в различной степени социально-экономического и политического взаимодействия еще с домонгольского времени, было достаточно разнородно в ландшафтно-географическом, социокультурном и этническом плане и обладало в эту эпоху собственными направлениями связей и приоритетами в развитии. Если для ряда территорий, включающих Верхнее Прикамье, Ветлужско-Вятское междуречье Среднего Поволжья, Верховья Белой, части бассейна Вятки, контакты с Болгарским улусом были во многом определяющими, то для таких районов, как Северное Приуралье, достаточно отдаленных географически, они носили скорее номинальный характер и диктовались прежде всего приоритетами торговли и обмена.

Границы Болгарского улуса в середине XIV в. с севера проходили в бассейне р. Казанки, с востока – по р. Белой; с запада были отмечены реками Свиягой и Булой, с юга – Майной и Сульчей. В основном с третьей четверти XIV в. в состав улуса на юге входила Самарская Лука и земли в бассейне рек Б. Кинель и Самары. На основании археологических исследований, в пределах этих земель во второй половине XIII – XIV вв. можем наблюдать определенное единство территории, населения, элементов материальной культуры, связанное с наследием Волжской Болгарии и контактировавших с ней соседних общностей. Термин «Болгарский улус», имеющий политико-административную коннотацию и применяемый прежде всего в исторической литературе, обозначает государственное формирование в составе Золотой Орды, пришедшее на смену Волжской Болгарии и во многом наследовавшее ей в территориальном и культурно-историческом плане. Использование термина «улус» в отношении совокупности этих территорий и земель наиболее точно отражает характер социально-экономических и культурных взаимодействий на данном обширном пространстве Волго-Уралья.

Общая характеристика памятников

По сравнению с домонгольским временем структура расселения жителей Болгарского улуса изменилась. Прежняя система агломераций, составлявших основу поселенческой структуры региона, под влиянием новых социально-политических условий претерпела значительные трансформации.

Археологические памятники ордынской эпохи в Среднем Поволжье и Прикамье размещены в трех зонах: 1) северной – лесной (Предкамье); 2) центральной – лесной

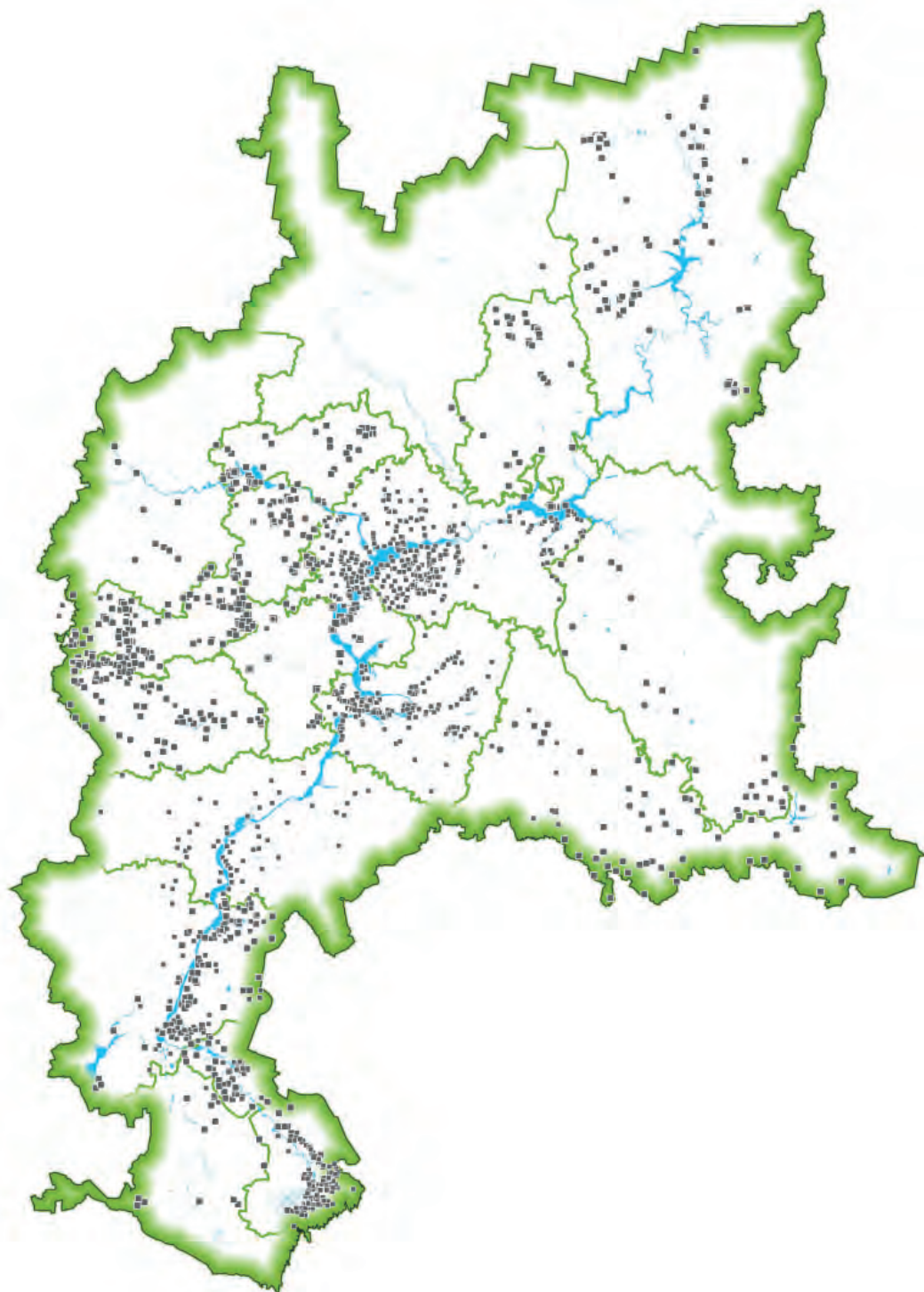

Рис. 1. Памятники золотоордынского времени на территории Волго-Уралья.
Всего около 2000 археологических объектов второй трети XIII – первой половины XV в.
Городища – 126, неукрепленных поселений – 686, некрополей – более 700

и лесостепной (Закамье и Предволжье); 3) южной – лесостепной и степной (Самарское Поволжье).

После монгольских завоеваний наиболее устойчивыми оказались поселенческие комплексы Предкамья и Предволжья, где крупные агломерации домонгольского времени в большинстве своем сохранились. Значительная часть агломераций Западного Закамья перестала существовать. Их поселенческая структура полностью изменилась: выделилась группа пойменных селищ; в районах Болгара, Биляра, Джукетау в первой половине XIV в. сложились крупные торгово-ремесленные центры в развитии предшествующих урбанистических центров, с которыми были связаны агломерации в бассейнах рек Актай, Большой Сульчи; на левобережье р. Шешмы выделилась Билярская котловина со степным ландшафтом, где со второй половины XIII в. функционировало несколько крупных поселений; значительные по размерам селища разместились в юго-восточной части Западного Закамья.

Практически не изменилась поселенческая структура Восточного Закамья, характерная для обществ с непостоянной оседлостью, причем количество небольших селищ в ордынское время здесь даже чуть выросло.

В южной зоне в домонгольский период располагалось городище Муромский городок и сеть поселений. В ордынское время большая их часть перестала существовать, а размещение новых было обусловлено природно-географическими особенностями и торговыми связями.

В золотоордынский период в Болгарском улусе известно 27 городищ. Из них только 22% возникли в эпоху Золотой Орды. Все они небольшого размера, как правило, мысовые с незначительным культурным слоем, сосредоточены в северной и центральной зонах. По сравнению с домонгольским временем количество укрепленных поселений сократилось почти в 10 раз. Часть из них продолжают существование с домонгольского периода, например Болгар в Закамье, столичный статус которого обеспечил ему особые возможности для развития.

В Казанском и Самарском Поволжье известно около 100 селищ. По сравнению с домонгольским временем их число уменьшилось в 3–4 раза, что особенно заметно в Центральном Закамье. Основными жителями стали местное мусульманское болгарское население, тюркские группы из степной зоны и Центральной Азии, а также проникало финно-угорское и русское население. Для селищ выбирали места на надпойменных террасах или склонах коренных террас, на коренном берегу и в поймах рек. На водоразделах поселения отсутствуют. Селища-погоды, самые распространенные до монгольского нашествия, в ордынское время стали крайне малочисленны. Разрушение системы болгарских домонгольских агломераций привело к угасанию специализированных поселений (Лаишевское, Остолоповское селища).

В XIV–XV вв. на территории Болгарского улуса, в Казанском Поволжье в низовьях р. Меши и на обоих берегах Волги, а также на Самарской Луке в XIII–XIV вв. появляются немногочисленные мордовские и русские поселения. Марийские поселения в это время сконцентрированы вокруг Мало-Сундырского (Важнангерского) городища, образуя округу из 10 селищ, городища, культовых мест и могильников в низовьях Суры. Тесно интегрированными в общее культурное пространство были поселения *чияликской культуры* в северо-восточной части Болгарского улуса.

Могильники Болгарского улуса Золотой Орды достаточно разнообразны. Самыми многочисленными являются грунтовые мусульманские могильники без вы-

раженных внешних признаков, иногда с единичными каменными надгробными памятниками с эпитафиями, распространенные в Среднем Поволжье и Приуралье на территориях, где шло формирование средневекового тюрко-татарского населения. Они фиксируются в непосредственной близости от поселений, реже на месте домонгольских памятников. Как правило, захоронения безымянны, имеют западную ориентировку, совершены по мусульманскому обряду. Могильники находятся в отдалении от синхронных поселений, нередко они отделены от застройки естественной преградой: оврагом, суходолом и т. п., иногда окружены невысоким валом и ровиком, а пространство кладбища организовано по определенному плану.

Городские мусульманские некрополи золотоордынского времени можно разделить на три группы: грунтовые без внешних признаков, грунтовые с внешними признаками (надгробиями) и захоронения в мавзолеях. Чаще всего эти группы совмещались. С расширением селитебной территории кладбища входили в пространство застройки, структура некрополей дополнялась участками, где имелись захоронения с каменными надгробными плитами и каменными мавзолеями, или, наоборот, захоронения в мавзолеях окружались более поздними могилами, существовавшими в XV в. На некоторых городских кладбищах есть участки, сформировавшиеся в домонгольский период. В южной части имеются подкурганные и грунтовые погребения. Преобладающий антропологический облик захоронений европеоидный.

С начала золотоордынской эпохи на Средней Волге появляются погребения кочевников. В Казанском Поволжье большая их часть датируется второй половиной XIV в. К настоящему времени на территории Татарстана известно 12 могильников и отдельных захоронений тюркских кочевников.

Болгар и Западное Закамье

Природные условия региона благоприятны для занятий сельским хозяйством и другими видами хозяйственной деятельности. В золотоордынское время здесь сформировалось 70 памятников. По сравнению с домонгольским периодом (177) их число уменьшилось.

Наиболее известным среди них является Болгарское городище, которое вместе с прилегающими к нему территориями и объектами, включающими торговую пристань Ага-Базар и поселения в пойменной части, являются археологическими остатками города Болгара, одного из наиболее крупных городов золотоордынской эпохи. Городище окружено земляным валом и рвом протяженностью 5,5 км. Площадь его составит в середине XIV в. около 400 га (рис. 2).

Важным инструментом для изучения памятника стала стратиграфическая шкала культурного слоя, мощность которого достигает в спокойном залегании 200–230 см. Эта шкала на многочисленных хроноиндикаторах, связана с периодизацией истории Волжской Болгарии и восточноевропейской средневековой историей в целом, содержит семь основных слоев.

I – современного села XX в.;

II – периода русской истории конца XVI – XIX в.;

III – Казанского ханства середины XV – XVI в.;

IV – золотоордынского периода второй половины XIII – начала XV в. (делится на IVп – позднезолотоордынский середины XIV – начала XV в. и IVр – раннезолотоордынский – середины XIII – начала XIV в.);

Рис. 2. План Болгарского городища с раскопами 2010–2018 гг. и архитектурными объектами. С 1938 по 2018 год на территории Болгарского городища произведены работы на 284 раскопах. (по: Ситдикову, Бочаров, 2024)

V–VI – слои домонгольского времени (V начал образовываться в XI в., датирован второй половиной этого периода, а VI – от рубежа IX–X до части XI в. – первой половиной периода);

VII – слой доболгарских поселений середины – второй половины I тыс. н. э.

История золотоордынского Болгара документирована IV слоем, который отложился между 1236–1431 гг. Мощность раннего горизонта этих отложений в центральной части 20–80 см, в Заречье от 10 до 25 см. Поздний горизонт вне ям – от 20 до 120 см. Формирование золотоордынского слоя начинается на горизонте, относимом ко времени монгольского нашествия 1236 г. Традиционной является точка зрения о тотальном разгроме городской территории, следы которого в виде слоя пожара с засыпкой прослежены в центральной части городища. Исследования последних лет выявили с помощью физико-химических и микробиоморфного методов преимущественно биогенную природу данного горизонта.

Когда во второй половине 30-х годов XIII в. Бату сделал Поволжье ханским домением, город Болгар стал столичным центром всего Джучиева улуса и местного региона. Этот статус подтверждается письменными источниками и чеканкой здесь первых джучидских монет с именем багдадского халифа ан-Насир лид-Дина (1180–1225), время начала которой в публикациях последних лет отнесено ко второй половине 1230-х гг. С 1250-х гг. чеканились монеты с именами монгольских каанов Менгу и Ариг-Буги. В 1266 году в Болгаре выпускаются первые монеты с тамгой хана Золотой Орды Менгу-Тимура. Работа городского монетного двора не прекращалась до начала XV в.

Восстановление города к середине XIII в. изменило его облик, который в архитектурно-строительном плане стал соответствовать задачам отражения престижа и величия ханской власти. Демонстрацией высокого положения Болгара в золотоордынскую эпоху стало масштабное каменное строительство, которое началось в первые же годы после завоевания города и продолжалось на протяжении всей эпохи. В домонгольское время строительные работы такого уровня и масштабов здесь не велись. Их проведение в это время только в Болгаре можно рассматривать в качестве одного из первых столичных градостроительных опытов ордынской администрации в Поволжье. При этом использовались навыки строительства городов Закавказья и Центральной Азии, а также традиции местного населения и близкие для него стилистические, строительные и культурные тенденции. Строительство производилось по единому плану.

Признаками, характеризующими столичность города Болгара в раннезолотоордынское время, можно считать: значительный рост территории; появление каменного и кирпичного строительства; расширение распространения ремесленных комплексов; обеспечение города объектами благоустройства; планировочные мероприятия, выражающиеся в оформлении уличной сети, структурности и дифференциации застройки; появление и распространение новых приемов и конструктивных схем жилого домостроительства, новых форм отопительных устройств и принципов отопления помещений.

В середине XIII в. на месте домонгольского городского посада, сохраняя преемственность городской культуры, активно формируется центр города. Среди зданий этого времени главную роль играет Соборная мечеть с Большим минаретом (рис. 3: 1).

Строительство мечети (32×34 м) было начато в 30-е гг. XIII в. (после 1236 г.). В 60-е гг. XIII в. здание достраивают и возводят минарет высотой 24 м. Производятся работы по укладке пола и установке колонн по схеме 4×5. На рубеже XIII–XIV вв. после пожара здание было реконструировано: заново, на более прочном растворе, от уровня пола уложены стены; уложен второй пол, у западной стены сооружены

Рис. 3. Болгарское городище. Объекты. 1 – Соборная мечеть, Большой минарет и Восточный мавзолей, современный облик; 2 – Черная палата

антресоли. В 30-е годы XIV в. мечеть снова реконструируется: в западной и восточной стенах появились дверные и оконные проемы, сделан еще один (третий) пол, колонны выставлены по схеме 6×6, снаружи построены угловые башни-контрфорсы. В конце XIII – первой трети XIV вв. рядом с мечетью было закончено строительство двух мавзолеев (Северного и Восточного), а в 30-е гг. XIV в. построена площадь, которая стала главной площадью города. Минарет мечети простоял до 1841 г.

Одновременно со строительством Соборной мечети в центральной части возводятся и другие каменные здания: дворцовый комплекс конца первой половины XIII – начала XIV в., Восточная палата – наиболее ранняя и самая крупная (39×11–19 м) общественная баня-хаммам в городе, которая функционировала с 90-х гг. XIII в. до 30–40-х гг. XIV в. На рубеже XIII–XIV вв. каменное строительство расширилось за пределы городского центра. В подгорной части была возведена общественная баня (баня № 1), а к юго-западу от центра началось строительство мавзолеев.

Территория городской застройки в раннеордынское время увеличилась по сравнению с предыдущим периодом и составила около 90 га. Увеличивается и посад. Город активно осваивает площадку волжской террасы и у ее подножия, заселяются оба берега р. Меленки. В первой трети XIV в. здесь строится еще одна баня (баня № 2). В конце второй половины XIII в. в южной и юго-восточной части городища появляются дома с канной системой отопления и деревянное здание с выраженными административными признаками. Не позднее середины XIV в. там же возводится Малый минарет.

Для жилья в городе строились также наземные деревянные дома, полуземлянки, дома смешанной строительной традиции. Они составляли усадебные комплексы, размещение которых имело уличный характер. К началу XIV в. улицы Болгара концентрируются вокруг нового городского центра – Соборной мечети, соединяют между собой отдельные его районы.

Для решения задач городского благоустройства строились гидротехнические сооружения (колодцы, водоемы-накопители, сети трубопроводов, фонтаны и водоразборные сооружения, плотины), противозерозийные (дренажно-ряжевая система, линии берегозащиты) и санитарные объекты.

Неотъемлемой частью территории были многочисленные мусульманские некрополи, часть из которых сопровождается мавзолеями. Некрополь у Греческой палаты, за границей укреплений XIV в., был связан с христианским населением города.

Основными вехами формирования позднеордынского горизонта являются расцвет Болгара в 30–50 гг. XIV в., военно-политические потрясения 60–70-х гг. XIV в. и захват города Булак-Тимуром (1361), частичное восстановление городской жизни, упадок и разрушение города (1431).

В этот период, до начала «Великой замятни» 60–70-х гг. XIV в. в Болгаре появляются новые архитектурные объекты: Черная палата, строительство фундамента которой относится к началу XIV в. (рис. 3: 2); общественные бани – Красная и Белая палаты. В юго-восточной части у Малого минарета начинается строительство комплекса мавзолеев «Ханская усыпальница» с отапливаемым помещением для омовения усопших.

В юго-восточной части городища в 1340–1360-х гг. на месте сгоревшего деревянного административного здания строится каменное здание с башней. К востоку от него продолжается бытование ремесленного поселка. В юго-западной части появляется компактная застройка около 15 га, там же, в районе Галанского озера, функционируют ремесленные (бронзоволитейные, керамические и пр.) мастерские. В 1350-х гг. был построен и функционировал до 1370-х гг. Центральный городской базар, где найдены многочисленные предметы импорта, монеты, торговый инвентарь.

В период 30–60-х гг. XIV в. городская территория в границах большого городского вала достигает около 400 га. За его пределами она включает Армянскую слободу, Малый городок и другие территории. Армянская слобода, появившаяся, вероятно, в домонгольское время, к XIII–XIV вв. была заселена полиэтничным христианским населением. Здесь строится «Греческая палата» – культовое здание, относящееся к типу армянских поминальных храмов. Рядом располагались часовня и христианское кладбище. Немаловажное значение имел Ага-базар – пригород Болгара, расположенный в 3 км от центра города у впадения р. Меленки в Волгу и до XV в. служивший торговой пристанью. Территория с внешней стороны вала, судя по нумизматическому материалу, осваивалась преимущественно в 1330–1340-х гг.

Наиболее вероятной причиной запустения южной части города некоторыми исследователями названа эпидемия чумы второй половины 40-х гг. XIV в. Первая вспышка чумы продолжалась на территории Золотой Орды с 1346 по 1349 г. В 1346 г. ею были охвачены нижеволжские и причерноморские степи, города Сарай, Хаджитархан, Бельджамен, Орнач, Закавказье. В этот период вероятен приток в Болгар населения с Нижней Волги, бежавшего от болезни. В городе в 40–50 гг. XIV в. отмечается активная строительная, ремесленная и хозяйственная деятельность. Вторая вспышка чумы (1360–1380 гг.) зафиксирована в материалах городского Усть-Иерусалимского могильника второй половины XIV в.

Городские укрепления золотоордынского времени представляют собой вал и ров, в плане подтреугольной формы, опоясывающие зоны плотной и разряженной застройки, городские пустыри и некрополи. По традиционной точке зрения, валы были укреплены деревянными стенами типа «тарас» столбовой конструкции, надолбами и башнями. Исходя из логики исторического развития города и событий, происходивших на территории Золотой Орды, время их возведения оценивается по-разному (не позднее первой трети XIV в.; в интервале 1359–1367 гг. (1359–1361);

Рис. 4. Болгарское городище. Предметы материальной культуры:
1 – корчага; 2 – монеты; 3 – «печать» (пломба торговая, гирька?); 4 – китайская ваза с изображением птицы 1 – керамика; 2 – золото, 3 – сплав на основе меди; 4 – фарфор

между 1342 и 1346 гг.). К 1376 г. линия городских укреплений Болгара, очевидно, была построена, так как, по свидетельству летописи, защитники города от войск князей Дмитрия Ивановича Московского и Дмитрия Суздальского «гром пущаще с града», т. е. применяли крепостную артиллерию со стен города.

Одним из объектов, который так и не был достроен с южной стороны города, является «Малый городок». Он мог включать как караван-сарай, так и какие-то культовые здания – мечеть и ханаку (странноприимный дом). Здесь изучены четыре здания, составляющие единый архитектурный ансамбль, которые датируются серединой – третьей четвертью XIV в. Зафиксирован также их представительский характер.

Болгар золотоордынского времени был важным ремесленным и торговым центром. Здесь зафиксированы производство и обработка черных и цветных металлов, керамические мастерские, кожевенное и косторезное дело, стеклоделие, ювелирный промысел, деревообработка. Экономические процессы 30–60-х гг. XIV в. характеризуются расширением ремесленной деятельности, появлением целых ремесленных районов. Так, в центральной части, недалеко от Соборной мечети, исследован ремесленный район с меднолитейным, ювелирным и косторезным производством, стеклоделием, черной металлургией и производством чугуна, который стал производится здесь впервые в Восточной Европе. Керамические мастерские и производства, связанные с получением и обработкой черных и цветных металлов, до 1361 г. изучены у Галанского озера. Следы металлообработки зафиксированы и в других районах города (рис. 4: 1, 3).

Торговые связи характеризуют находки кашинной керамики из Нижнего Поволжья, сирийские, византийские и русские стеклянные изделия, иранская металлическая посуда, китайский фарфор, прибалтийский янтарь, русские и восточные ювелирные украшения и т. д. (рис. 4: 2, 4)

События 1361 г., связанные с переходом Болгара и Болгарского улуса под власть Булак-Тимура, хотя и не привели к разгрому города, но существенно нарушили его развитие, став причиной прекращения деятельности ряда крупных ремесленных мастерских. Во второй половине XIV – начале XV в. количество объектов на территории городского центра уменьшается более чем вдвое.

Ремесленное производство в этот период характеризуется металлообработкой, косторезным делом. Производственная деятельность сохраняется на различных

участках городского центра (резьба по кости, кузнечное производство, медницкое дело). К западу от него до конца XIV – начала XV производились кричное железо и чугун. Признаки обработки черного и цветных металлов во второй половине XIV в. найдены у Черной палаты. В городе складывается своя школа изготовления чугуна, отличная от других центров его производства в Золотой Орде.

Наблюдается тенденция расширения площади городских некрополей за счет свободных от застройки территорий в южной части, площадок вымороченных городских усадеб, ремесленных комплексов. Между Большим и Малым оврагами возникает Усть-Иерусалимский могильник, в восточной части – у Восточного проезда – функционируют некрополи на мысовых выступах края верхней террасы. Из каменных зданий возводятся прежде всего семейные мавзолеи-усыпальницы. Становясь местом сосредоточения подобных сооружений в Поволжье, Болгар постепенно приобретает статус важного религиозного центра.

В завершении позднеордынского слоя выделен горизонт, традиционно связанный со слоем пожарища, появившемся в результате разгрома города войском князя Федора Палецкого Пестрого в 1431 г. Эти события, отмеченные в письменных источниках, ознаменовали окончание городской истории Болгара в золотоордынское время, сохранившего тем не менее значение религиозного центра в эпоху Казанского ханства и в последующие периоды.

Биляр, Центральное Закамье и бассейн р. Малый Черемшан

Регион Центрального Закамья и бассейн реки Малый Черемшан географически находятся в зоне остепненно-облесенного ландшафта. Здесь расположены остатки одного из крупнейших средневековых городов Восточной Европы – Билярского городища (X в. – 1236 г.) – и целая группа памятников, которые характеризуют культуру столичного региона Волжской Болгарии в домонгольское время, а затем одного из центров Болгарского улуса Золотой Орды. В билярской округе зафиксировано 79 объектов золотоордынского времени, 59 из них продолжали функционировать с домонгольской эпохи, 20 появились в ордынское время.

В этот период население уменьшилось, его плотность к первой половине XIV в. упала почти в три раза, до восьми человек на 1 кв. км, сократилось количество поселений, но поселенческая структура региона осталась в рамках сложившейся ранее дорожной системы. В домонгольское время здесь проходил путь на Каму и в Джукетау. В округе Биляра в XIV в. могло проживать около 2–2,5 тыс. средних семей (6–7 человек), занятых сельскохозяйственной деятельностью.

Материалы археологических исследований и данные письменных источников свидетельствуют о разрушении Биляра в 1236 г. Тем не менее известны находки джучидских монет с надписью «монета Биляра», выпуск которых производился в 70 – начале 80 гг. XIII в., вплоть до 1292/3 г., что позволяет говорить о существовании поселения с таким названием в золотоордынское время. Наиболее яркие материалы, иллюстрирующие бытование золотоордынского Биляра, получены при изучении Билярского III селища (вторая половина XIII – первая половина XIV в.). Археологическое изучение показало наличие здесь жилых построек, производственных объектов – гончарных горнов, сходных с гончарными печами болгарских памятников середины – второй половины XIII в.

Большинство посуды – круговая ремесленная общеповолжская керамика золотоордынского периода, представленная фрагментами кувшинов, хумов, горшков,

Рис. 5. Находки и объекты Билярского III селища: 1 – гульбадан с ультрамариновой и голубой глазурью; 2 – поливная чаша; 3 – развал красноглиняного кругового кувшина; 4 – сероглиняный кувшин со штампованным орнаментом; 5 – фрагмент зеркала; 6 – костяная поясная обойма с изображением дракона (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Валиулина, 2022). 1, 2 – кашин; 3, 4 – керамика; 5 – сплав на основе меди; 6 – кость

кринок, мисок. С территории памятника происходят образцы средневековой посуды из Ирана, Средней Азии, Золотой Орды, Руси, а также фрагменты ближневосточных стеклянных изделий середины XIII – XIV вв., начального этапа их поступления в Восточную Европу (рис. 5). Среди изделий известны железные предметы (ключи, детали замков, наконечник стрелы, долото и др.), редкие фрагменты чугуновых кот-

лов, из цветных металлов – зеркала, крышка, курильница. Монеты середины – второй половины XIV отсутствуют.

Золотоордынский Биляр относится к тем городским центрам, которые появились на территории Волжской Болгарии сразу после монгольского завоевания. Его основание было связано с необходимостью установления контроля над территорией, сохранившейся после разрушения домонгольского Биляра и его округи, обладавшей значительным экономическим, административно-политическим и коммуникационным (дорожная сеть) потенциалом. Новый Биляр датирован 40-ми гг. XIII – первой половиной XIV в. Он стал центром сети стационарных сельских поселений в среднем течении р. Малый Черемшан. Во второй половине XIV в. город теряет свое значение и постепенно превращается в небольшое поселение в районе горы Балынгуз.

Джукетау и прилегающие территории

Город Джукетау (X–XIV вв.) расположен на левобережье р. Камы, рядом с совр. Чистополем в Татарстане. Он возник в домонгольское время. Пережив монгольское нашествие, город восстановился и продолжил существование в золотоордынскую эпоху. С середины XIII в. Джукетау стал развиваться как город «открытого типа» за счет освоения территории посадов домонгольского города на левом берегу речки Килевки и расширения застройки в южном и юго-западном направлении (Данауровское II селище). Городище и прилегающая к нему часть посада приходят в запустение. В конце XIV в. площадь города достигает 150 га. Заселение его округи фиксируют кладбища с эпиграфическими памятниками XIII–XIV вв. (рис. 6).

Слой золотоордынской эпохи имеет мощность 25–50 см, местами разделяется на два горизонта. Верхняя граница слоя датирована началом XV в. Из объектов исследованы погребя, зернохранилища, санитарные ямы, колодец. Наблюдается преемственность между домонгольским и золотоордынским периодами. Помимо обще-

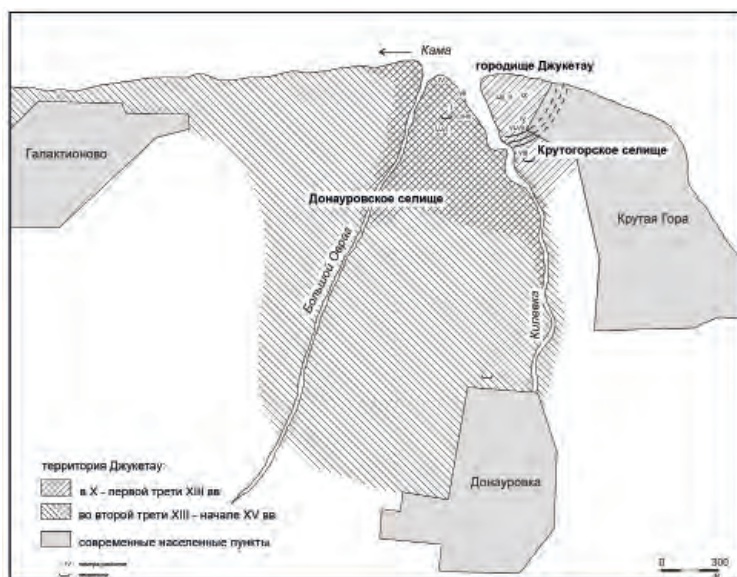

Рис. 6. План-схема археологического комплекса Джукетау (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Набиуллин, 2022)

Рис. 7. Джукетау. Предметы материальной культуры:
1 – сосуд типа «джукетау»; 2 – клад монет второй половины XIV в.;
3, 4 – предметы из джукетаусского клада 1924 г.; (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI /
Набиуллин, 2022). 1 – керамика; 2, 3 – серебро; 4 – золото

болгарской посуды количественно значимой остается керамика типа «джукетау», которая придает керамическому комплексу города своеобразие. Она появляется в домонгольское время и во всех слоях составляет от половины до двух третей от общего количества посуды (рис. 7: 1).

Археологические остатки отражают ремесло, сельское хозяйство, торговлю, промыслы, военное дело, быт, духовную культуру населения города. В Джукетау развиваются кузнечное, медницкое, ювелирное ремесла, строительство, земледелие, скотоводство, рыбная ловля. В быту применялись глиняная, чугунная и медная посуда, замки и ключи, ножи, ножницы и другие предметы. Среди находок – предметы быта, вооружение (наконечники стрел, характерных для золотоордынского времени типов), снаряжение верхового коня и всадника, украшения. Широко известен «Джукетауский клад» ювелирных изделий с золотыми монетами 1340/1341 г.

Участие в торговле отражено находками деталей весов, гирь-разновесов, «грузиков-пломб», джучидских монет и монет, чеканенных в Афганистане, Индии и Иране. Среди предметов импорта – поливная кашинная и штампованная посуда, стеклянные бусы, перстни. Характеристики домашнего скота близки к материалам Сарая и Хорезма. На одном из прибрежных участков могла находиться торговая пристань. Джукетау как один из центров Камского торгового пути контролировал переправы через р. Каму, экономически он был тесно связан с золотоордынским Биляром.

Нумизматические находки уместаются в диапазон с 1240-х по 1380-е гг., встречаются монеты 1419–1421 гг. Известны монетные клады, зарытые в период «Великой замятни» (рис. 7: 2). В золотоордынское время город становится центром экономического и, возможно, территориально-административного пространства. В русских летописях «Жукотин» и «жукотинские» «князья» упоминаются практически в одном

ряду с Болгаром и Биляром. Археологическим признаком влияния Джукетау является прежде всего распространение характерной керамики «джукетау» и общebolгарской посуды с ее элементами. Выделен «кирменско-джукетауский» локальный вариант болгаро-татарских эпиграфических памятников XIII–XIV вв.

Казань и памятники Предкамья

Во второй половине домонгольского периода Предкамье было периферией болгарского государства, центр которого размещался в Закамье. После монгольского завоевания часть жителей закамских земель переселяется в Предкамье и Предуралье. В письменных источниках конца XIV в. упоминаются предкамские города Керменчук и Кашан. Город Чаллы перестал существовать лишь после событий 1556 г. Казань и Алабуга стали в наши дни крупными городами. В конце XIV в. в Предкамье перемещается и административно-политический центр болгарских земель. Болгар ал-Джадид становится эпитетом или даже официальным названием Казани в поздnezолотоордынский период.

На территории Предкамья с золотоордынским периодом связано 11 городищ, 37 селищ, 23 могильника, 3 отдельных надгробия, 13 местонахождений, 13 находок вещей и монет и 4 клада. Из 49 памятников, определенных в целом болгарским временем, значительная часть также относится к золотоордынскому времени. По сравнению с XII – началом XIII в. ареал распространения болгарских памятников расширяется. Заселяется территория в верховьях и по течению р. Меши, Казанки, по верховьям рек Ошняк, Шумбутки и Кирменки. Городища золотоордынской эпохи занимают естественно укрепленные мысы, а селища расположены на равнинных пространствах, по малым рекам.

Казань в золотоордынский период из окраинного города Волжской Болгарии, крепости на Волжском торговом пути, становится одним из заметных региональных экономических и политических центров Поволжья. В XIV в. она появляется под своим именем на страницах русских летописей и на западноевропейских картах, растет ее население, территория, число построек, появляется посад. Золотоордынская Казань – это поселение площадью около 70 га. Внутри укрепленной части на Кремлевском холме уплотняется застройка, а к концу золотоордынского периода формируется развитая уличная планировка, с небольшими изменениями просуществовавшая до конца XVII в. Средняя мощность культурного слоя здесь составляет 2–3 м, у склонов холма достигая 6–8 и более метров.

Стратиграфическая шкала содержит пять слоев:

I слой – XIX–XX вв.;

II слой – вторая половина XVI–XVIII вв.;

III слой – вторая половина XV – первая половина XVI в.;

IV слой – вторая треть XIII – первая половина XV в.;

V слой – XII – первая треть XIII в.

В золотоордынский период укрепленная часть города на Кремлевском холме ограничивается в пределах территории, освоенной в домонгольское время. Рост неукрепленного посада проходит на прилегающих к холму участках, более удобных для ремесленного производства и торговли. В эпоху Казанского ханства в связи с интенсивным развитием города на Кремлевском холме слабый по мощности IV слой (20–60 см) оказался значительно потревожен культурными напластованиями ханской Казани (рис. 11).

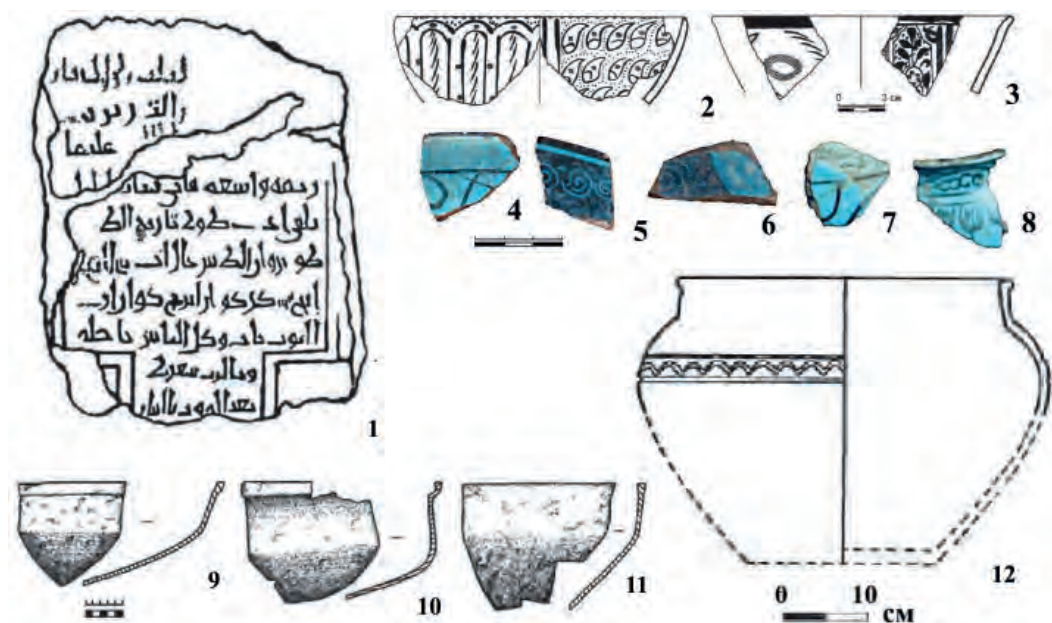

Рис. 8. Находки из культурного слоя Казани.

1 – прорисовка текста эпитафии на надгробном камне 1297 г. с Кобанского городища (Архиерейская дача); 2–8 – фрагменты поливной посуды золотоордынского времени; 9–11 – фрагменты чугунных котлов; 12 – болгарский гончарный сосуд (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Ситдииков, Хузин, 2022). 2–8 – кашин; 9–11 – чугун; 12 – керамика

Укрепления, построенные в домонгольскую эпоху, использовались и в ордынский период. В это время был проведен плановый ремонт подпорных клетей, расположенных с внутренней стороны вала. В завершении отложений IV слоя зафиксированы следы перестройки одного из участков каменной стены. В золотоордынское время появляются две новые улицы, вымощенные деревом, в дополнение к той, которая сложилась в домонгольский период.

На территории Казанского кремля было изучено более 50 жилищ и 500 хозяйственных сооружений золотоордынского времени. Основная часть рядовой жилой застройки города второй половины XIII–XIV вв. состояла из деревянных наземных срубных домов.

Топография некрополей и их хронология показывает динамику развития территории средневекового города (рис. 8: 1). Все они возникают в домонгольское время и, вероятно, функционируют до расширения города в XV в. за пределы древних укреплений.

Керамическая посуда Казани имеет аналогии в материалах Среднего Поволжья, сохранявших традиции болгарских мастеров (рис. 8: 12). Известны находки нижеволжской кашинной поливной посуды, поливных плиток для облицовки зданий (рис. 8: 2–8). Наиболее ранние монеты представлены медными пулами Менгу-Каана, чеканенными в г. Болгаре в 1250-е гг. .

В Казани в золотоордынский период сохранялась господствующая роль тюрко-татарской мусульманской части его жителей. В городе проживали также немногочисленные финно-угорские, славяно-русские группы. Единичные находки хри-

стианских предметов XIV в. указывают на пребывание в городе незначительного христианского населения.

История *Арска и Арского края* связана с событиями, протекавшими на протяжении столетий в Предкамье и в Волго-Камском регионе. Город Арск был основан в зоне активных культурных контактов финно-угров и тюркских народов. Арское городище расположено на территории современного города Арска, в 60 км от Казани, на мысу правого берега р. Казанки. Выделены три слоя культурных напластований: средневековый XIII–XVI вв., позднесредневековый XVI–XVIII вв., современный. Отложения золотоордынского времени представлены в слое XIII – первой половины XVI в., с которым связаны объекты хозяйственного назначения.

В коллекции предметов хронологически совпадают с золотоордынской эпохой вещи второй половины XIII – XIV вв.: керамика, предметы бытового и хозяйственного назначения. Наиболее ранний керамический комплекс городища представлен в основном болгарской гончарной посудой, относимой к XII–XIII вв.

Арское городище, вероятно, являлось укрепленной частью небольшого города, жители которого занимались торговлей, ремеслами, охотой. В его округе известно 12 археологических памятников болгарского времени, часть из которых бытовали в золотоордынский период. Например, остатки средневековых кладбищ и отдельно стоящих надгробий. Большинство из них относятся к эпохе Казанского ханства, но некоторые появляются в золотоордынское время. На Староашитском кладбище «Йорт Осте» зафиксировано пять надгробий первой половины XIV в.

Результаты исследований Арского городища и его округа позволяют говорить о преемственности материальной культуры населения Казанского ханства от болгарских жителей региона предшествующего времени.

Бассейн р. Меши, правого притока Камы, в домонгольский период был заселен довольно плотно. Долина реки с большим количеством стариц и суходолов была удобна для хозяйственной деятельности и при сельскохозяйственном освоении для выпаса скота или небольшой запашки. Судя по нумизматическим находкам и предметам, эти места были обитаемы до середины XV в. Монгольское нашествие, вероятно, слабо их затронуло, но разрушение инфраструктуры и утрата экономических связей выразились в слабой заселенности территории в золотоордынское время и исчезновении части поселений.

К эпохе Золотой Орды на Меше отнесен 31 памятник: 22 селища, одно городище (Утернясьское), два грунтовых могильника, два отдельных погребения и девять грунтовых некрополей с каменными надгробными памятниками. Для этого времени характерно наличие естественной преграды между кладбищем и расположенным рядом поселением (синхронно существовавшим или заброшенным).

Золотоордынские селища бассейна Меши – это небольшие по размерам памятники со слабым культурным слоем и незначительным количеством находок. Их особенностью является приуроченность к мелким притокам – небольшим речкам. К середине XIV в. некоторые пустоши поселений используются для погребений. Более интенсивной была жизнь в приустьевой части реки, где во второй половине XIII–XIV вв. функционировали Рождественский микрорегион и памятники у с. Ташкирмень. Небольшое поселение возникает на месте бывшего с. Рождествено.

В материальной культуре населения ордынского периода много инокультурных включений, например кочевнических, характерных для второй половины XIV в.

средневолжского региона. В нижнем течении реки встречаются мордовские кладбища и отдельные захоронения второй половины XIII–XIV вв. Мордовские захоронения XIV–XV вв. известны на территории именьковского Рождественского городища.

Город *Керменчук* упоминается в русских летописях среди болгарских городов, взятых войсками московского князя Юрия Дмитриевича в 1395 (1399) г., а также в «Казанской истории» (вторая половина XVI в.). С ним принято отождествлять Кирменский археологический комплекс XI–XIV вв., включающий городище, три селища и некрополь с эпиграфическими памятниками («Ханнар зираты» – «Кладбище ханов»).

Мощность культурного слоя городища 25–30 см, на отдельных участках – до 40–45 см. К золотоордынскому периоду можно отнести отложения верхнего горизонта (вторая половина XIII – XIV вв.). Городище защищено двумя линиями оборонительных рвов. В укрепленной части располагались бревенчатые наземные жилые дома с печами и подпольными ямами-хранилищами. За пределами укреплений исследовано три жилищных комплекса и хозяйственные сооружения вокруг них.

Об особенностях материальной культуры и занятиях населения свидетельствуют находки орудий труда, женские украшения, предметы вооружения и конского снаряжения, быта и домашнего обихода. Изделия имеют широкую дату бытования, включая XIV в. Керамический материал из верхних горизонтов представлен гончарной красноглиняной посудой, часть которой имеет признаки болгарского гончарства золотоордынского периода. Данные о существовании городища в XV в. отсутствуют. Судя по археологическим материалам, Керменчук пережил период своего расцвета в домонгольскую эпоху, а в золотоордынский период был небольшим городком, находящимся под влиянием города Джукетау – одного из основных городских центров Нижнего Прикамья. Анализ материальной культуры памятника показывает присутствие финно-угорского населения.

Археологические остатки города *Чаллы* (Чаллы́нское (Тя́бердинское) городище) были обнаружены в XIX в. у с. Тябердины Челны Лаишевского уезда (Рыбно-Слободский район Татарстана) на берегу р. Шумбут, правого притока Камы. Площадка городища (1,3 га) с двух сторон защищена системой земляных укреплений из четырех или, вероятно, пяти валов и рвов с одним проездом.

Город в виде крепости с посадом появился в XI–XII вв. В это время были построены три линии валов с двумя рвами между ними. В золотоордынский период третья линия укреплений обновлялась не менее трех раз с XIII по XVI вв. В эпоху Казанского ханства были построены еще два ряда укреплений, разрушенные в 1556 г. Культурный слой городища в среднем составляет 40 см. В нем изучено более 50 объектов, среди которых несколько наземных жилищ и производственное сооружение. Часть объектов отнесена к золотоордынскому времени. Среди находок присутствуют материалы XIV в., судя по которым, здесь жило смешанное в этническом отношении население. Анализ керамического материала указывает на возможное проживание в Чаллах поволжских финнов.

Посад (XI – первая половина XVI вв.) площадью около 60 га включал поселения, примыкающие к городским укреплениям. Население посада занималось земледелием, скотоводством и ремеслом. Вскрыты объекты, связанные с кузнечным производством, остатки жилищ. Среди вещей, имеющих отношение к золотоордынскому времени, обломки кашинной посуды, джучидская монета 1359–1360 гг. Рядом с городищем расположено три мусульманских кладбища.

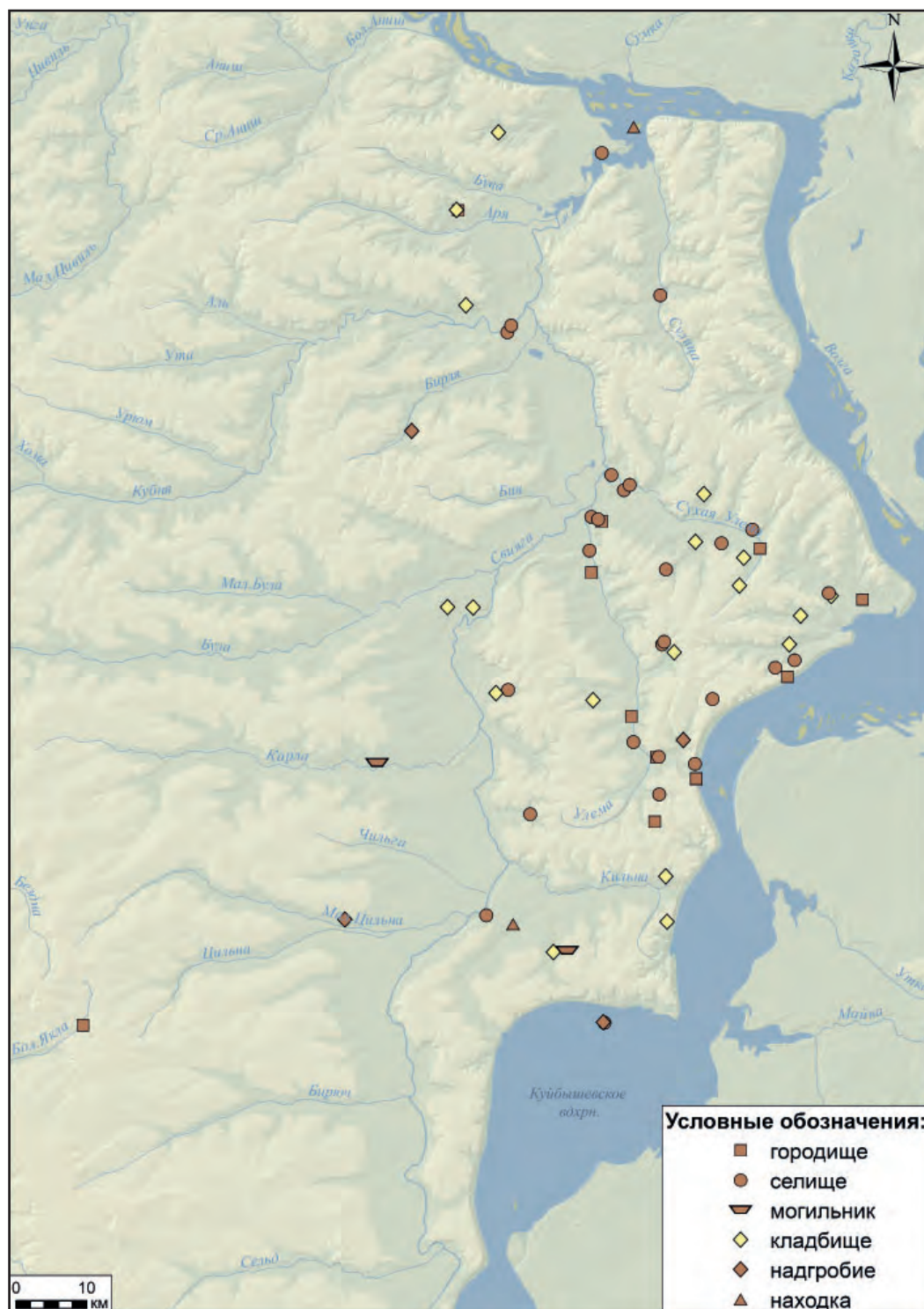

Рис. 9. Карта археологических памятников Предволжья
(по: Хамзину Р.Н.)

Рис. 10. Большеатряское селище. Украшения из цветных металлов второй половины XIII–XIV вв. (по: Руденко, Бугарчев, 2015)

Предволжье

В домонгольское время болгарские памятники появляются в среднем течении р. Свияги, образуя две компактные группы. Одна из них размещалась в районе впадения в Свиягу рек Кильны и Цильны, вторая – занимала участок в районе впадения р. Булы. Эпоха Золотой Орды внесла изменения в структуру расселения на этих землях. В Предволжье известно более 65 памятников, относящихся к золотоордынскому времени: городища, селища, кладбища с мусульманскими надгробиями, монетные клады, отдельные местонахождения. Центральным районом сосредоточения болгарских памятников в Предволжье становятся бассейны рек Улемы и Сухой Улемы, а также правый берег Волги (рис. 9).

На р. Сухой Улеме известны поселения со средневековыми городищем и кладбищами, на двух из которых есть надгробия XIV века. В районе современного города Тетюши исследованы памятники и находки золотоордынского времени: городище и селище, надгробие первой половины XIV в. В окрестностях города найден клад монет начала XV в., ниже по течению Волги – местонахождение поливной керамики XIV в.

К эпохе Золотой Орды относится Большеатряское II селище с округой, где найдены монеты и украшения первой половины – середины XIV в., а также три клада с более чем 47 000 серебряных джучидских монет. Клады зарыты в последней четверти XIV в. (1390-е гг.). В конце XIII – первой половине XIV века здесь существовало крупное торговое поселение, с которым связано кладбище с 16 надгробными камнями с датами от 1302 по 1343 гг. (рис. 10).

В золотоордынское время между нижним течением Свияги и нижним течением Суры продолжает функционировать ряд болгарских неукрепленных поселений, часть из которых появилась в домонгольский период (Устиновское, Убеевское, Досаевское селища). Находки на них фрагментов лепной посуды могут свидетельствовать о полиэтничности жителей этих селищ. У д. Досаево Красноармейского района ЧР найден клад серебряных джучидских монет (598 шт.), самая поздняя из которых относится к 1385/86 г.

К югу и юго-западу от этой группы памятников, в районе рек М. и Б. Бул, Цильны и Бездны, отмечены местонахождения и селища с археологическим материалом

болгарского облика (красноглиняная гончарная керамика), кладбища XIII–XIV в. с надгробными камнями (Арабузинский могильник, Староишлинский могильник и др.). В районе с. Яншихово найдена серебряная монета, чеканенная в Сарае ал-Джадид от имени хана Джанибека в 741 г. х. (1340/1341). Анализ топографии памятников северо-восточной части Предволжья, распространение здесь эпиграфических памятников золотоордынского времени и монетные находки свидетельствуют о том, что этот регион Болгарского улуса был густо населен. Рост числа жителей происходил за счет переселения с Верхней и Средней Свияги, где в результате нашего исследования прекращается жизнь на ряде домонгольских поселений.

Икско-Бельское междуречье

Восточное Закамье географически является территорией восточной части Среднего Поволжья и представляет собой пойменное плато на левом берегу р. Камы с речными долинами рек Шешмы, Зай, Ик, Белой и их притоков. В зональном отношении его занимают лесостепи, переходящие на юге в степи.

В золотоордынскую эпоху здесь фиксируется три основных этнокультурных компонента. Продолжается освоение региона болгарским оседлым населением, возрастает количество их поселений с остатками характерной материальной культуры. Эти памятники расположены на левобережье Камы и вдоль рек Ик и Белой, в их числе и поселенческие (Бикбуловское, Меллятамакское I селища). Здесь же обнаружены кладбища с мусульманскими надгробиями XIV вв. (Урсаево, Ст. Калмашево, Чишма и др.). Появление таких памятников может быть связано с притоком в Восточное Закамье населения из центральных районов Волжской Болгарии, которое стало основой формирования средневекового тюрко-татарского населения региона.

Чияликская культура. Была открыта в 1969 г. Е.П. Казаковым на территории Восточного Закамья и названа по селищу у дер. Чиялек на р. Сюнь в Актанышском районе Татарстана. Ее территория распространяется на лесостепную зону Южного Урала – в Предуралье и Зауралье, хронологические рамки бытования – XIII–XIV вв. Чияликской культуре предшествовала родственная **«постпетрогромская» культура** конца X – первой трети XIII в. в значительной степени мусульманизированная и тюркизированная в домонгольское время. Эти культуры, родственные по характеру и облику развивались в пространстве Волжской Болгарии в рамках **единого культурного пространства**, которая существовала с X и до начала XV вв. и имела два хронологических этапа: ранний, соответствующий «постпетрогромской культуре», поздний – «чияликской культуре». На территории от Урала до Восточного Закамья выявлено более 20 чияликских селищ и свыше 30 могильников (рис. 11).

Поселения находились на небольших возвышенностях, в долинах рек или по краям возвышенных террас (Игимское, Чияликское). Выявлены зимники и летники, характерные для населения с сезонной организацией хозяйства. Селища чияликской культуры характеризуются небольшим культурным слоем (20–40 см). Среди выявленных объектов – хозяйственные ямы, фундаменты наземных жилищ, очаги. Постройки имели стационарный (срубные, каркасно-столбовые, турлучные) и переносной характер (юрты, чумы, шалаши), известны подсобные (погребя, ямы) и культовые сооружения. На поселениях встречены орудия труда, предметы одежды, фрагменты лепных круглодонных сосудов, украшенных гребенчато-веревочным орнаментом, кости животных. В составе стада преобладал крупный рогатый скот

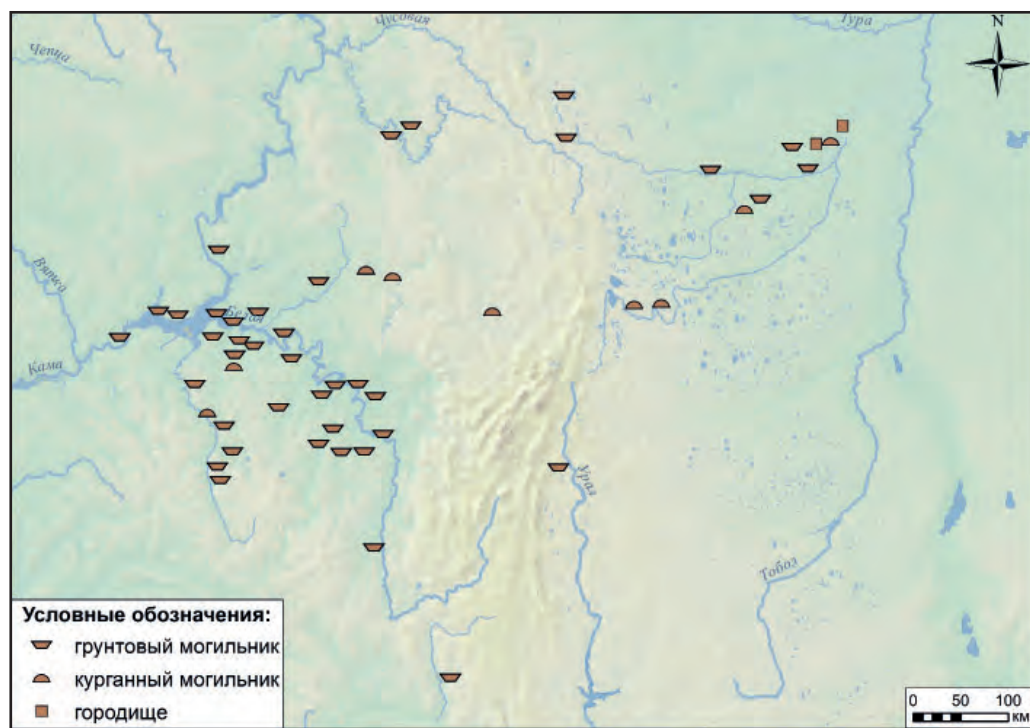

Рис. 11. Карта памятников чиялыкской археологической культуры (по Гарустовичу Г.Н.)

и лошади. Находки ральников, плужных резачков, серпов, кос свидетельствуют о наличии в XIV в. земледелия.

Керамика представляет собой круглодонные чашевидные и кринкообразные сосуды ручной формовки. Обжиг – неровный костровый. Шейка сосудов украшалась оттисками шнура, плечики – рисунком из гребенчатых или резных зигзагов, елочек, полос с бахромой, подковаков. В отличие от посуды постпетрогромской культуры, орнаментация чиялыкских сосудов беднее, на финальном этапе бытования культуры встречаются горшки без орнамента. Аналогии встречаются на памятниках низовий р. Белой, в мусульманских погребениях Такталачукского и Азметьевского I могильников, памятниках сылвенской культуры. Исследователи констатируют тот факт, что эта керамика всегда встречается вместе с гончарной болгарской посудой.

Погребения производились в грунтовых некрополях. Большинство чиялыкских захоронений изучено в Актанышском районе Татарстана. Здесь раскопаны Такталачукский, Азметьевский I, Дербешкинский могильники. На территории Башкирии, кроме грунтовых, известны единичные захоронения под небольшими курганными насыпями (Куштиряковский, Сынгряновский могильники). Погребения, совершались, как правило, по мусульманскому обряду. Умершие лежали в неглубоких ямах в соответствии с кыблой вытянуто, слегка повернутыми на правый бок, головой на запад, лицом на юг, в сторону Мекки. В ранних чиялыкских погребениях фиксируются отклонения от канонов шариата (разворот лица вверх, а не на кыблу, и др.) и наличие в могилах отдельных вещей. В поздних – мусульманский обряд более выдержанный, вещи отсутствуют. Особенностью погребального обряда является небольшая глубина могил (35–40 см), наличие гробовищ и кострищ. Между могилами в ряде

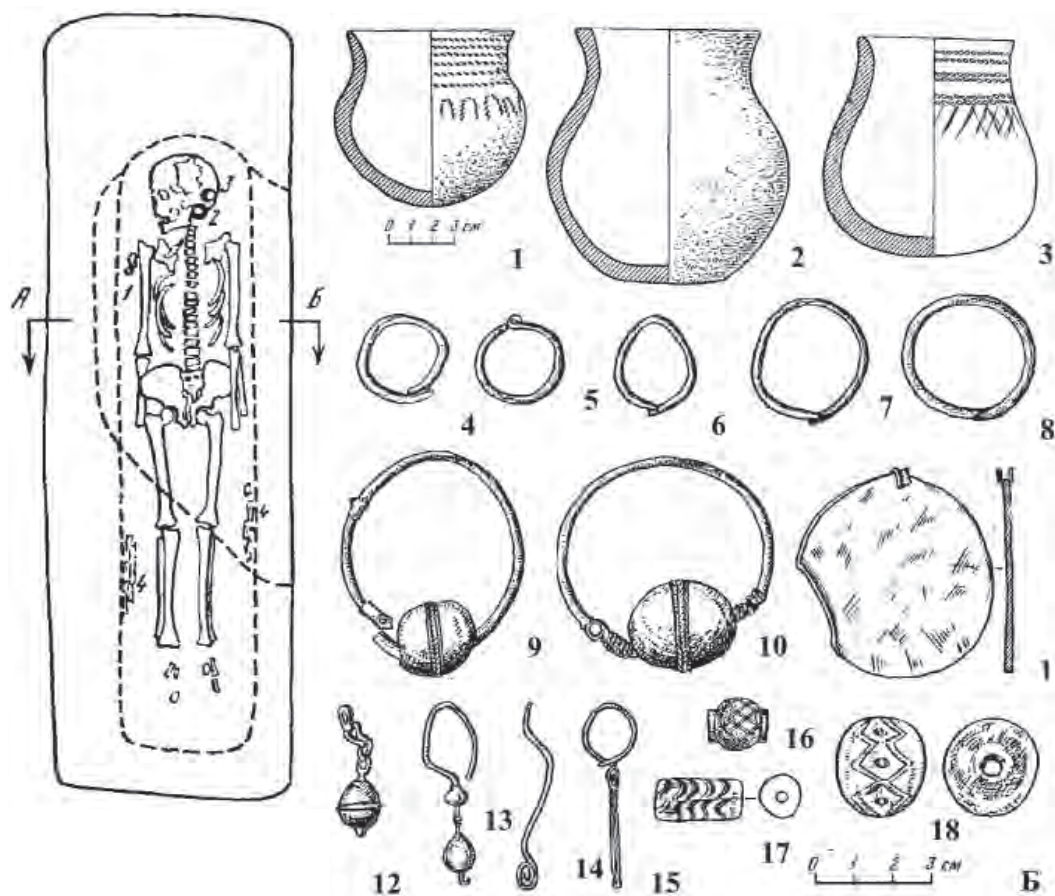

Рис. 12. Памятники чияликской культуры. Такталачукский могильник. А – план погребения. Б – вещевой инвентарь: 1–3 – керамические сосуды, 4–18 – украшения (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Казаков, 2022).
1–3, 16 – керамика; 4–15 – сплав на основе меди; 17, 18 – стекло

случаев находились зольники, ямы с остатками поминальных обрядов. Из вещей встречаются серебряные височные подвески болгарского происхождения, бусы, перстни, монеты ханов Узбека и Джанибека, металлические детали погребальных масок. Захоронения детей, видимо, еще не прошедших обряда посвящения в монотеистическую религию, сопровождалось характерными для данной культуры лепными круглодонными сосудами (рис. 12).

По облику погребального обряда кладбища чияликской культуры схожи с раннемусульманскими кладбищами на территории Волжской Болгарии раннеболгарского и домонгольского периодов. Материалы этих кладбищ, как и письменные источники, отражают процессы исламизации и тюркизации населения.

Переход в XIV в. чияликовского населения к стационарным многоукладным формам ведения хозяйства с мясо-молочным стойловым животноводством, пашенным земледелием, наличием ремесел (гончарство, обработка металлов, кости) хорошо документируется материалами селища Подымалово-1 середины – второй половины XIV в. в Приуралье, характерного и для населения Среднего Поволжья. Исследования

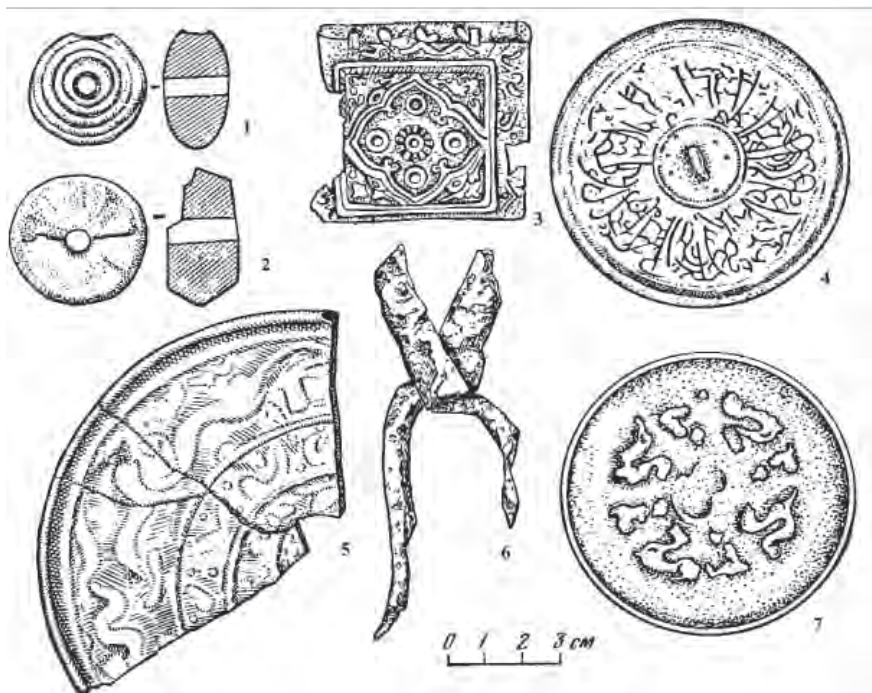

Рис. 13. Вещевой инвентарь Байряки-Тамакского могильника кочевников.
1, 2 – керамика; 3–5, 7 – сплав на основе меди;
6 – железо (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Казаков, 2022)

этого памятника и ряда других объектов этого времени (каменные мавзолеи Тура-хана и Хусейн-бека, надгробия, мусульманские погребения позднего периода Азметьевского I могильника) отражают процесс складывания на основе населения чияликской культуры групп оседлого тюрко-мусульманского населения, культура которого характеризуется тесной связью с золотоордынской Волжской Болгарией, что подтверждается сходством погребальной обрядности (мусульманский обряд захоронения) и вещевых материалов (кашинная золотоордынская посуда, обломки чугуна, красноглиняная круговая керамика золотоордынского времени, бронзовый браслет, аналогичный найденным на Болгарском городище и др.).

На территории Иско-Бельского междуречья известны памятники золотоордынских кочевников – языческий могильник XIV в. у с. Байрака-Тамак. Здесь собран комплекс вещей, характерный для кочевнических некрополей золотоордынской эпохи (пластинчатая серебряная накладка, металлические зеркала, железные ножницы, пряслица) (рис. 13). Могильник относится к периоду, когда усиливается проникновение в регион кипчакских групп, где степняки находили благоприятные возможности для ведения кочевого хозяйства. В конце XIV в. языческие курганные могильники в Южном Приуралье исчезают, сменяясь мусульманским обрядом захоронения, появляются мавзолеи (кэшэнэ) XIV–XV вв., в их числе мавзолеи Хусейн-бека и Тура-хана. Население края к этому времени было практически полностью исламизировано, в значительной мере культурно ассимилировано и в конечном итоге вошло в состав средневекового тюрко-татарского населения Золотой Орды.

Юг Среднего Поволжья, Самарская Лука

В золотоордынский период в распределении памятников на данной территории произошли серьезные изменения. Их количество по сравнению с домонгольским временем резко сократилось. Меньше стало прежде всего крупных городищ, что может свидетельствовать о серьезных хозяйственных и социально-политических сдвигах в обществе. Выделяются несколько крупных зон сосредоточения археологических памятников XIII–XV вв.: поселений (городища и селища), могильников (включая кладбища с надгробиями), кладов.

Левобережье Волги в бассейне рек Урени, Майны и Утки в домонгольский период было плотно заселено. Его северная часть замыкается на Кокрятском городище, которое, судя по находкам вещей и монет XIII–XV вв., продолжило использоваться болгарским населением. Важным центром, принимавшим участие в поволжской торговле, оставалось Старомайнское городище и его округа, откуда известны джучидские монеты, фрагменты поливной керамики, металлических зеркал. На селище «Жидова гора» выявлены следы металлургического производства золотоордынского времени. Сельские поселения продолжали существовать в бассейне р. Урени. Следует отметить наличие в регионе мусульманских кладбищ с надгробиями XIII–XIV вв.

В низовьях бассейна р. Сенгилей бытовали поселения, жители которых занимались традиционным с домонгольского времени металлургическим и кузнечным ремеслом на основе сидеритовых железных руд, выявленных в междуречье Волги и Свияги. Об этом свидетельствует находка кузнечных изделий, имеющих аналогии в коллекции Торецкого селища XIV–XV вв., и открытие Сенгилеевского клада золотоордынских серебряных монет второй половины XIV – начала XV вв. Клад был зарыт в конце первой четверти XV в. Учитывая поздний состав монет, можно предположить, что здесь вплоть до первой четверти XV в. находилось золотоордынское поселение. В этом районе мог располагаться золотоордынский и татарский город или крепость Арбухим, который, по мнению некоторых исследователей, был южным рубежом Болгарского улуса.

Археологические памятники золотоордынской эпохи остались сосредоточены в тех же регионах, что и в домонгольский период. Топографические изменения ордынского времени выразились в отсутствии или заметном снижении роли городской инфраструктуры. Жизнь сосредотачивается в открытых крупных поселениях, не имеющих фортификационных сооружений. Основным занятием на левобережье Волги было сельское хозяйство – выращивание зерновых культур, в которых нуждались нижневолжские города. На правобережье кроме сельского хозяйства традиционно занимались металлургией и кузнечным делом. Очевидно, левобережье занимало оседлое тюркское мусульманское население, на правобережье в него включались группы выходцев из более северных или северо-западных регионов. Подобная система расселения продолжала существовать до начала – первой четверти XV в., когда в связи с изменением военно-политической и торгово-экономической ситуации произошел отток тюркского мусульманского оседлого населения в северные районы. В южной части Среднего Поволжья остались отдельные и, видимо, временные поселения.

Система расселения на *Самарской луке и окружающих ее территориях*, расположенных на границе Среднего и Нижнего Поволжья, в золотоордынское время была обусловлена природно-географическими и геополитическими факторами.

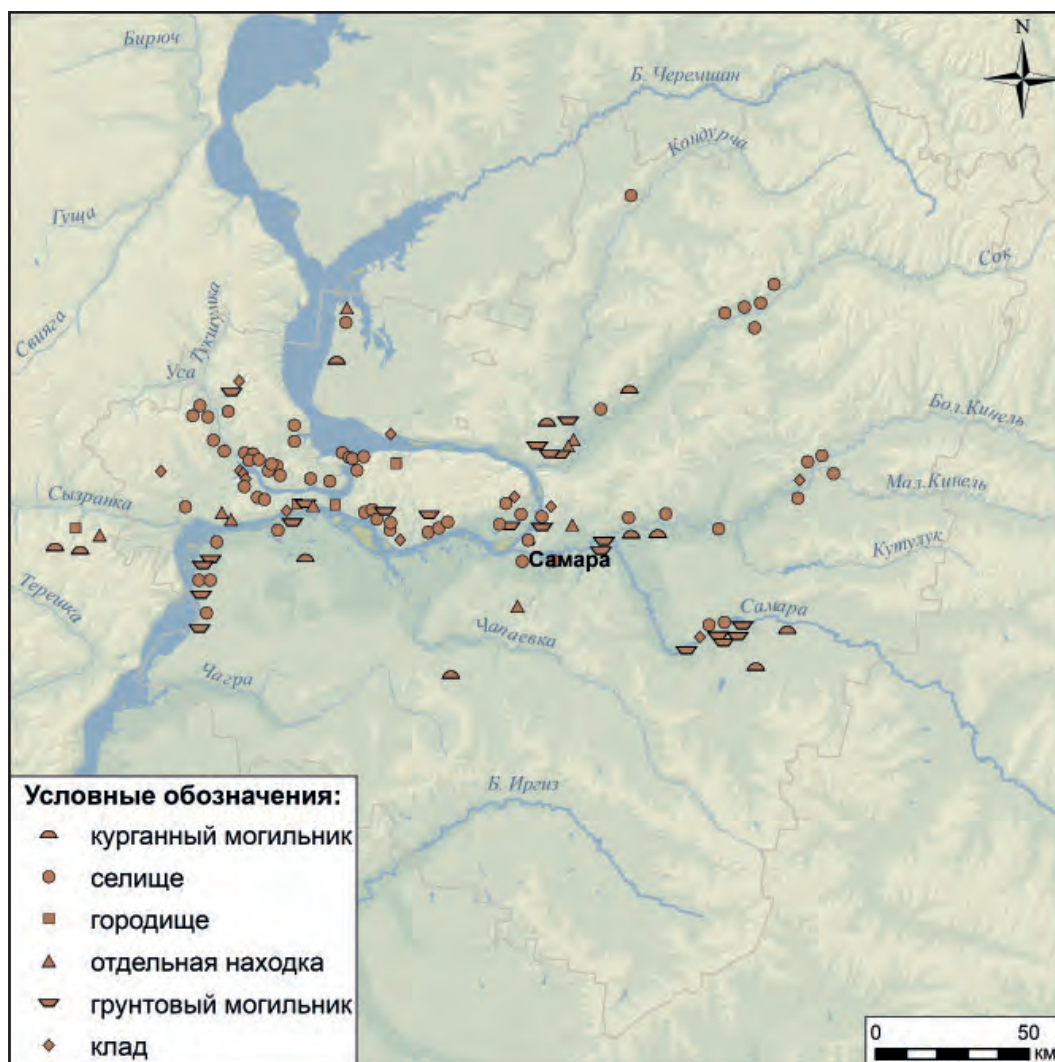

Рис. 14. Карта археологических памятников эпохи Золотой Орды в Самарском Поволжье (по: Сташенкову Д.А., Кочкиной А.Ф.)

На особенности размещения населения повлияло наступление в XIII–XIV вв. в степной зоне Поволжья климатического оптимума, а также стратегическое положение региона, где сходились водные и сухопутные маршруты, через который проходили дороги из Руси в столичные центры Улуса Джучи. Появление поселений на волжских берегах было связано с обслуживанием Волжского пути, проведением судов и переправой караванов, транзитной торговлей.

В настоящее время в Самарском Поволжье учтены сведения о 126 памятниках золотоордынского времени, что позволяет наметить структуру системы расселения (рис. 14). Немногим больше половины памятников расположены в *Правобережье*, плотно заселенном еще в эпоху Волжской Болгарии. Здесь известно 66 памятников и местонахождений золотоордынского времени, размещенных в трех зонах (Усинский и Сызранский микрорегионы, излучина Самарской Луки и волжский берег до

Сызрани). Памятники расположены вдоль береговой линии р. Волги, имеют площадь 20–50 га. Характерно наличие узловых пунктов с линейной системой взаимосвязи. Хозяйственная деятельность населения характеризуется прежде всего традиционным железоделательным и кузнечным производством. С Муранского селища, кроме различных групп керамической посуды и других находок (рис. 15: 3, 4), происходят находки чугунных котлов и чугунного лома. На Междуреченском городище найдены железные шлаки. Находки денежных кладов и монет свидетельствуют об участии населения в торговых операциях. Анализ монетного обращения свидетельствует, что *Правобережье* в третьей четверти XIII в. находилось под экономическим влиянием Болгара, а затем перешло на взаимодействие с Укеком. Поселения датируются второй половиной XIII в. – 1360-х гг.

В *Левобережье* памятники домонгольского времени редки, расположены преимущественно по правому берегу р. Большой Черемшан и в узкой зоне между реками Волгой и Кондурчей. В золотоордынский период на берегах притоков Волги появилась сеть поселений. В местах их концентрации известны грунтовые могильники, одиночные курганы, отдельные грунтовые захоронения, впускные погребения в курганные могильники других эпох. Всего в *Левобережье* известно 60 памятников: 14 грунтовых могильников и два грунтовых захоронения на селищах, 10 курганных могильников, два клада сельскохозяйственных орудий и снаряжения коня, три случайных находки отдельных монет, вещей, 28 поселений и три местонахождения. Памятники сконцентрированы в шести микрорайонах. Здесь расположены один из крупнейших грунтовых мордовских могильников XIV в. – Барбашинский и одиночный курган Светлое Поле III.

В Барбашинском грунтовом могильнике изучено более 200 погребений, совершенных по языческому погребальному обряду. Мужчин хоронили вытянуто на спине, женщин – в скорченном на боку положении, с согнутыми руками и ногами, детей – в зависимости от половой принадлежности. Большинство погребенных ориентированы головой на север, меньшая часть – головой на юг. В мужских захоронениях найдены железные ножи, топоры, шилья, копья, кресала с кремнем, ремни с бронзовыми и железными пряжками и накладками, изредка украшения. В женских – бронзовые и серебряные стюльгамы (застежки), стеклянные бусы, раковины «каури», бронзовые цепочки, перстни, браслеты, глиняные пряслица, глиняные сосуды. Встречены захоронения с полным костяком лошади.

В кургане Светлое Поле III выявлено разрушенное в древности одиночное погребение мужчины 50–60 лет монголоидного типа и жертвенный комплекс из 16 черепов лошадей. Найдено более 200 предметов погребального инвентаря: золотые украшения, предметы вооружения и конского снаряжения, фрагменты ткани. Инвентарь, облик и масштаб погребальных сооружений, несомненно, свидетельствуют о высоком статусе погребённого, принадлежавшего к элите золотоордынского государства (рис. 15: 1, 2).

Раскопки памятников золотоордынского времени позволяют реконструировать особенности хозяйственной деятельности и бытовой культуры. Керамический комплекс представлен типичными для золотоордынского гончарства формами, имеющими и болгарские домонгольские истоки, а также связь с древнерусской и мордовской посудой. Выявлены материалы, свидетельствующие о ремесле, сельском хозяйстве, торговле, бытовой культуре. В регионе совместно проживали представители различных этнических групп: тюрок, мордвы и русских.

Рис. 15. Вещевые материалы: Одиночный курган Светлое Поле III: 1 – ременная бляха; 2 – зооморфное навершие; Муранское селище: 3 – кринка; 4 – лепной горшок (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Сташенков, Кочкина, 2022).
1 – цветной металл; 2 – кость; 3, 4 – керамика

Особенности погребальных традиций в захоронениях кочевников позволяют включать памятники этого региона в локальную территориальную группу урало-волжских степей с доминирующей ролью кыпчакских племен.

Структурирование памятников Самарского Поволжья свидетельствует об их специализации и формировании в рамках золотоордынского государства региональной иерархии. Выделены локальные центры с административно-хозяйственными функциями или специализированные ремесленные центры, окруженные сельскохозяйственными поселениями и сезонными кочевыми стоянками. Подобные центры могли возникать в степной зоне Золотой Орды в конце XIII – XIV вв. повсеместно,

в результате общего экономического подъема и роста спроса на продукцию сельского хозяйства и ремесленного производства.

Регион, особенно в его левобережной части, можно рассматривать как своеобразную буферную зону между основными городскими центрами Золотой Орды и их «округой». Его активное освоение начинается в третьей четверти XIII в. После событий 1360-х гг. эта территория приходит в запустение, хотя часть оседлого населения могла сохраниться здесь и позднее, до битвы на р. Кондурче в 1391 г. Затем правобережье Самарского Поволжья, включая Самарскую Луку, окончательно приходит в запустение и становится местом сезонных перекочевков потомков позднеордынского и постордынского населения.

Археологическое изучение территории Среднего Поволжья и Западного Приуралья Болгарского улуса выявило широкий спектр памятников, составляющих основные элементы структуры расселения его жителей: укрепленные и неукрепленные поселения – городища и селища; различные формы грунтовых и курганных могильников, включая городские некрополи, древние кладбища с надгробиями и впускные погребения в курганы более раннего времени; вещевые и монетные клады. Эти объекты связаны с зональным разнообразием природно-географических условий (лесная, лесостепная и степная зоны) и непосредственно с естественным ландшафтом заселяемой территории, а также в большинстве своем имеют преемственный характер размещения, сформировавшийся еще в домонгольский период Волжской Болгарии, с доминированием на поселенческих памятниках мусульманского тюркского населения. Важное влияние на порядок их размещения имел также учет социально-экономических и управленческих факторов: приуроченность к торговым магистралям и дорожным сетям, пахотным землям и промысловым угодьям, учитывались необходимость административного контроля над территориями, группами поселений, этническими и иными сообществами, решение вопросов обеспечения их ремесленной, сельскохозяйственной продукцией, предметами импорта. Немаловажное значение имело установление коммуникативной связи внутри государства, которую решали стационарные населенные пункты, сформировавшие урбанистические центры.

7.2. ЗАПАДНОЕ ПРЕДВОЛЖЬЕ

Территории Западного Предволжья в золотоордынскую эпоху испытали в той или иной степени золотоордынское влияние. Если бытование поселений Окско-Сурского междуречья и Нижнего Посурья определялось прежде всего доминированием древнерусского культурного компонента, то области Примокшанья и Верхнего Посурья, которые еще с домонгольского времени находились под значительным влиянием волжско-болгарского населения и культуры, во второй половине XIII–XIV вв. оказались под воздействием тюрко-татарского населения Золотой Орды. Область среднего течения р. Мокши с центром в городе Наручате в золотоордынское время имела непосредственные определяющие контакты с Поволжьем.

Верхнее Посурье

Верхнее Посурье территориально может быть локализовано как район в бассейне р. Суры, образованный ее течением от истоков с востока на запад и излучиной

(с юго-запада на северо-восток). Район расположен в наиболее высокой части Приволжской возвышенности, изрезанной речными долинами и балками. Здесь преобладают лесные почвы, часть из которых (в речных поймах) широко используется в земледелии. В домонгольское время Верхнее Посурье активно осваивается с X в., когда сюда происходит продвижение буртасского и части болгарского населения и складывание памятников с характерной гончарной посудой. Для возникающих поселений был характерен т. н. «гнездовой» способ расположения – с концентрацией селищ вокруг укрепленного поселения – городища. Большинство из них уничтожено в результате монгольского завоевания, что в значительной степени изменило селитебную ситуацию. Поселения золотоордынской эпохи начинают складываться в конце XIII в. Их количество заметно меньше.

Одним из наиболее выразительных памятников этого времени на этой территории Верхнего Посурья является Никольское селище – крупный торгово-ремесленный центр региона (с. Никольское Кузнецкого района Пензенской области), расположенный на р. Труев, на торговом пути из Самарской луки в сторону Примокшанья и Руси. Часть территории поселения была обжита в домонгольское время. Мощность культурного слоя 60–90 см, из которых около 25–35 см – домонгольского и золотоордынского времени. Экономiku селища составили гончарное, ювелирное ремесла, металлургия железа и чугуна, отмечаются деревообработка и земледелие, домашнее ремесло (пряжание) и промыслы (бортничество, сбор ягод и орехов, охота и рыбная ловля). В керамическом производстве преобладает изготовление посуды, характерной для памятников, увязываемых с буртасским населением.

Многочисленные находки импортных предметов (поливной посуды, зеркал, стеклянных бус), монет и торгового инвентаря свидетельствуют об участии поселения в торговых связях региона, имеющих как региональный, так и межрегиональный характер. Состав жителей мог включать волжских болгар, буртас, мордву, а также славян и даже монголов. Во второй половине XIV в. объекты золотоордынского времени в Верхнем Посурье перестают существовать. Никольское селище, судя по нумизматическим материалам, просуществовало до 60-х гг. XIV в. Наиболее поздняя из монетных находок датирована 1364 г. Вероятную причину его гибели исследователи связывают с эпидемией чумы в Восточной Европе.

Примокшанье

На рубеже XIII–XIV вв. в составе Золотой Орды в Западном Предволжье (среднее течение р. Мокши) на границе с Болгарским улусом и Русью возникает улус Мохши. На Руси эти земли получили название «Наручадской Страны». Остатки столицы улуса – города *Наручата* (Мохши) расположены на территории современного с. Наровчат Пензенской области. Город был построен, вероятно, на месте небольшого домонгольского поселения, в черноземной лесостепи, удобной для занятий земледелием и содержания больших стад на пойменных пастбищах. Земли в бассейне рек Мокши и Суры являлись важным поставщиком хлеба, меда, воска и продуктов охоты и играли важную роль в хозяйстве Золотой Орды. Основание города завершило формирование системы золотоордынского управления Посурья (рис. 16).

Строительство города начинается со времени правления хана Узбека (1313–1341) по тем же принципам, что и золотоордынские города Нижнего Поволжья. Поводом для этого послужило размещение здесь ставки самого хана. Город первоначально не

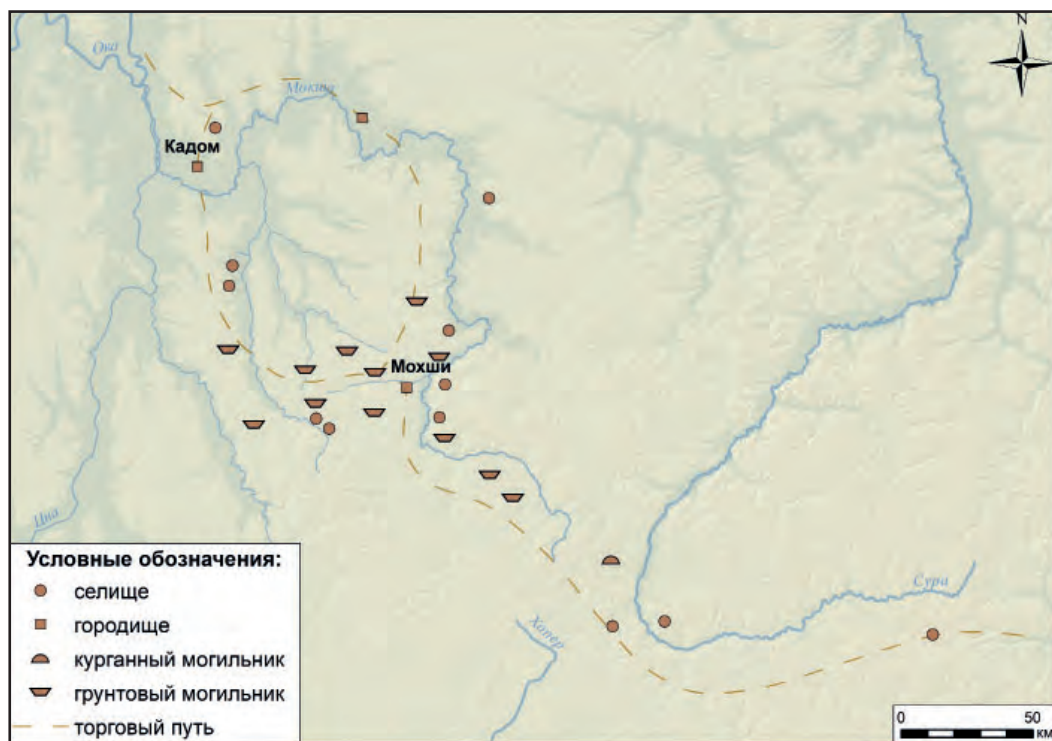

Рис. 16. Карта памятников Наручадской Страны и торговый путь
(по: Белорыбкину Г.Н.)

имел оборонительных сооружений, состоял из торгово-ремесленного района и усадеб знати. В центре торгово-ремесленной части города находилась каменная мечеть. Укрепления появились, вероятно, только во второй половине XIV в. Особенности структуры сближают Наручат с Царевским городищем. Как и на Нижней Волге, усадьбы зажиточного населения, знати и административных верхов расположены без видимого порядка за пределами торгово-ремесленной части города, часто за его пределами. В центре находились дома рядового населения со следами ремесленного производства и торговли. Значимые здания строились из камня и кирпича: мечети, караван-сарай, личные и общественные бани и другие строения. Часть зданий снабжена подпольной системой отопления. Отличительной чертой города была неравномерность застройки, сочетавшая плотно застроенный центр и усадьбы на значительном удалении друг от друга (рис. 17).

Население города было полиэтничным. В строительстве Соборной мечети и мавзолеев прослеживается влияние Болгара, среднеазиатская традиция нашла свое отражение в строительстве мавзолеев и бань. На западной окраине в районе под названием Мизгить (Мечеть) появляется мусульманское кладбище с мечетью и мавзолеем из кирпича, которое вместе с мордовским языческим Старосотенским могильником представляют собой единый городской некрополь.

Экономика города сочетала в себе элементы сельского хозяйства и ремесла, торговлю и денежное обращение, которое было обеспечено в том числе и работой местного денежного двора, выпускавшего серебряные и медные монеты. Предполагается, что в Наручате (Мохши) монеты стали чеканить после упразднения монетного

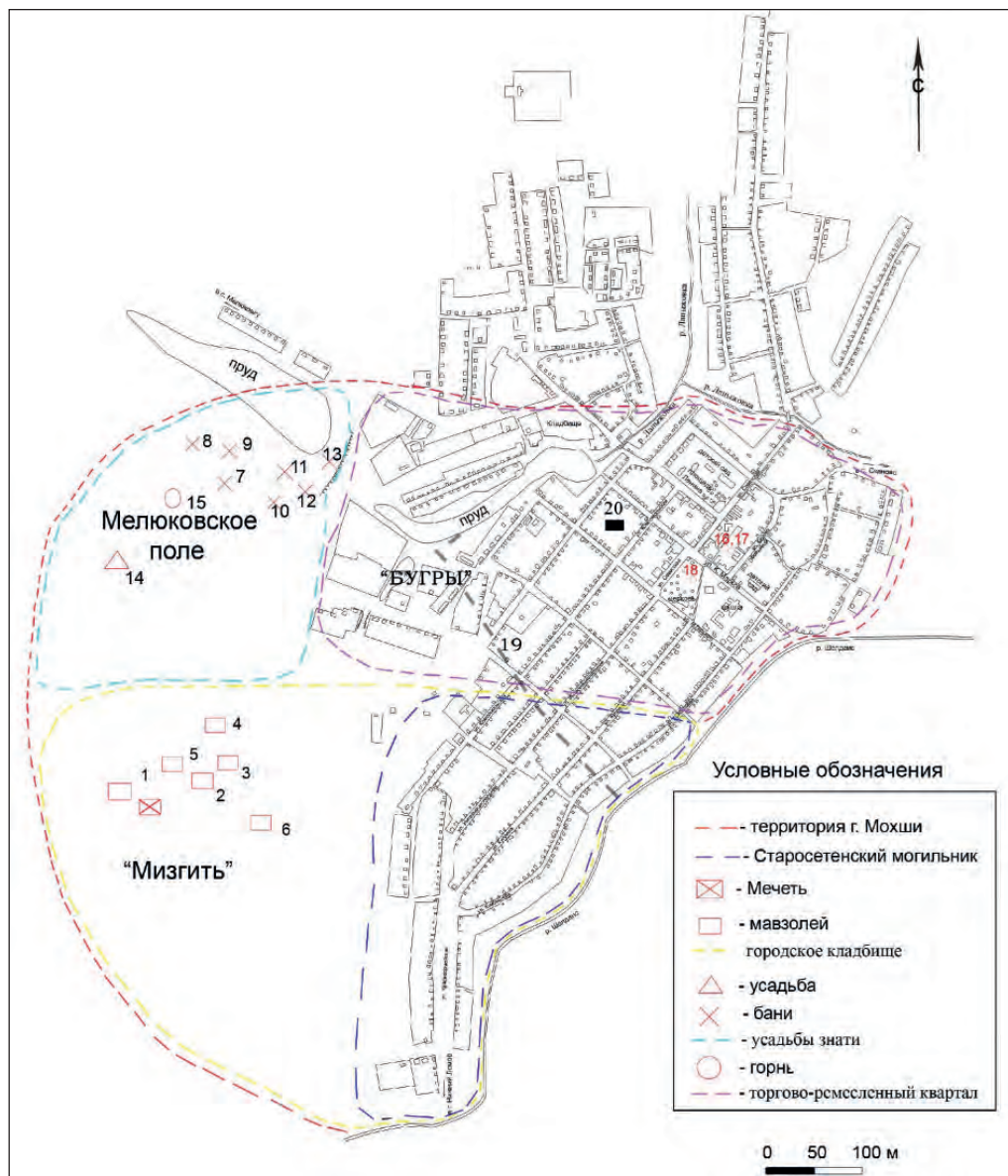

Рис. 17. План Наровчатского городища (Мохши) с границами сооружений, нанесёнными на план с. Наровчат. 1–5 – мавзолеи (раскопки 1959–1960 гг.); 6 – мавзолей (раскопки 1925 г.); 7 – баня (раскопки 1925 г.); 8–13 – бани (раскопки 1959–1963 гг.); 14 – усадьба (раскопки 1997 г.); 15 – горнь для обжига кирпича (раскопки 1925 г.); 16, 17 – горны (раскопки 1957–1959 гг.); 18 – керамическая мастерская (раскопки 1989–1990 гг.); 19 – вал; 20 – караван-сарай (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Белорыбкин, 2022)

двора в Укеке. Серебряный чекан начался, вероятно, при Токте выпуском его именных дирхемов 709 г. х. (1309 г.), впервые с указанием названия города. С воцарением Узбека мохшинский монетный двор регулярно выпускал монеты с его именем с 713 по 726 гг. х. (1312/1313–1325/1326). Серебряные монеты Мохши последующих ханов достоверно не известны. Медный чекан более разнообразен и продол-

Рис. 18. Наровчатское городище. Находки: 1 – крест-энколпион; 2, 3 – шахматные фигуры; 4, 5 – накладки; 6 – подвеска; 7–14 – посуда золотоордынского города Мохши, 15 – труба.
1, 4–6 – сплав на основе меди; 2–3 – кость; 7–15 – керамика
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Белорыбкин, 2022)

жался на три десятилетия дольше, чем серебряный. Наиболее поздними медными монетами считаются пулы Пулад-Тимура 768 г. х. (1366/1367), выпущенные в Мохши без указания места чекана. Медные монеты Мохши более позднего времени не известны.

Сельское хозяйство представлено земледелием и животноводством (разведение лошадей, крупного и мелкого рогатого скота). Ремесло – железоделательным, медеплавильным, ювелирным, деревообрабатывающим, косторезным, прядильным производствами. Обработывались железо, медь, бронза, олово и серебро, употреблялся такой прием металлообработки, как литье в тиглях. О развитии гончарного дела свидетельствует наличие разнообразной посуды, а также горнов для ее обжига (рис. 18: 2–15). Военно-политические потрясения 1360–1370-х гг. ослабили городскую экономику из-за потери традиционных связей. Приходило в упадок ремесло, строительство, население уходило на более безопасные земли, как правило на север и запад. В конце XIV в. пришел в упадок и весь улус.

Окско-Сурское междуречье

Окско-Сурское междуречье во все времена было заселено полиэтничным населением с разным хозяйственным укладом и культурными традициями. В эпоху Средневековья здесь сочетались территории под управлением ханов Золотой Орды и русских князей, границы между владениями которых были размыты. На культурную специфику и традиционный уклад жизни оказали влияние перемещения населения, заселение территорий представителями разных культур и вероисповеданий, что существенно увеличивало культурное многообразие региона. В материальной культуре это проявилось в распространении на пограничных землях «гибридных» форм археологического материала.

Рис. 19. Находки XIV – начала XV в. из раскопок г. Нижнего Новгорода 2018–2021 гг.
1 – фляга; 2, 3 – фрагменты поливных сосудов. 1 – керамика; 2, 3 – кашин
(по: Зеленцова и др., 2024)

Русские средневековые памятники Окско-Сурского междуречья представлены преимущественно селищами. Известно 197 селищ площадью от 200 кв. м до 18,5 га, размещенных на берегах рек, ручьёв, на склонах по берегам балок или оврагов. Курганные и грунтовые могильники единичны. Поселения со следами укреплений – Нижний Новгород, Оленья Гора в устье р. Сундовик и Курмыш на р. Суре. К категории мысовых городищ, очевидно, можно отнести городище «Городок», остатки укреплений которого зафиксированы на топосъёмке середины XIX в.

На правом берегу р. Оки центром «окняжения» территории стал древнерусский город Муром, заложенный во второй половине X в. Постепенно здесь разрушается племенной уклад муромских общин, коренное население утрачивает свои этнографические особенности. Местную поселенческую структуру заменяет система древнерусских поселений, ареал которых вблизи Мурома включает 25 объектов, которые располагаются в виде небольших скоплений из трёх-пяти поселений. С территорией окского правобережья связаны известия о русском средневековом городе Стародубе Вочском, упоминаемом в «Списке русских городов дальних и ближних» рубежа XIV–XV вв.

Освоение выходцами из древнерусских земель района, тяготеющего к устью р. Оки, началось не ранее появления города Нижнего Новгорода. Нижняя граница датировки известных памятников, удалённых от города не более чем на 40 км, не выходит за пределы XIII в. Летописная история Нижнего Новгорода начинается в 1221 г., когда Великим владимирским князем Юрием Всеволодовичем на мысу при впадении в Волгу р. Почайны были заложены первые дерево-земляные укрепления. Эта крепость занимала верхнюю площадку мыса высотой около 70–80 м на территории около 7,5 га. Город сразу строился как крупный военно-административный княжеский центр и к середине XIV в. стал столицей Суздальско-Нижегородского княжества.

Раскопки и письменные источники свидетельствуют о работе в Нижнем Новгороде ремесленников, участии горожан в трансконтинентальной торговле, пребывании в городе восточных купцов. Среди находок – большое количество импортов восточного происхождения: фрагменты посуды из кашина и китайского селадона, обломки хорезмийских и болгарских сфероконусов, образцы иранского люстра и ладжвар-

дина, византийской полумайолики. Найдены фрагменты чугунных и каменных котлов, бронзовых зеркал, детали бронзовых зооморфных замков и поясных накладок, стеклянные биконические бусы и перстни, изготовленные в поволжских городах Золотой Орды. В материалах середины XIV – начала XV вв. встречаются обломки болгарских кувшинов и хумообразных сосудов, керамических дымоходных труб. При раскопках города фиксируются золотоордынские медные и серебряные монеты. Собственная монета в Нижнем Новгороде появляется в 60–70-х гг. XIV в.

Большое количество золотоордынских вещей, широкое распространение образцов материальной культуры Золотой Орды свидетельствует о пребывании в городе жителей волжский городов (рис. 19: 1–3). Соседство с Мордовской землёй отражается находками бронзовых застёжек-сюльгам и лепной мордовской керамической посуды, что указывает на присутствие мордвы среди жителей города и его округи.

В середине – второй половине XV в. Нижний Новгород, как и многие другие городские центры Поволжья, благосостояние которых было основано на транзитной торговле, испытывает кризис. Результаты археологических исследований выявили запустение города в течение большей части XV в. В этот период резиденцией великокняжеской (московской) администрации, до строительства на рубеже первых двух десятилетий XVI в. Нижегородского кремля, вероятно, стало мысовое городище Городок, где вскрыты следы усадебной застройки середины XV в. – начала XVI в., отсутствующей в историческом центре Нижнего Новгорода.

Нижегородская сельская округа складывалась по мере развития города. Наиболее освоенным в середине XIII – начале XV вв. было Берёзово Поле в междуречье рек Оки, Волги, Кудьмы и Кишмы на территории около 1200 кв. км. Кроме двух грунтовых могильников в Березополе известно 170 русских селищ XIII – начала XV вв. в поймах больших и малых рек, прибрежных террасах, возвышенных водораздельных склонах. В расселении проявляется иерархичность: небольшие селища концентрируются вблизи крупных площадью свыше 1 га. Около половины из них опустели в конце XIV – первой половине XV в., в большинстве остальных жизнь возобновилась только в XVI–XVII вв. Крупные поселения по археологическому облику близки к богатым городским усадьбам (предметы восточного импорта, монеты, элементы снаряжения всадника и верхового коня, кости рыб ценных промысловых пород (осетр, севрюга, белуга, судак, жерех), следы частокольных оград) (рис. 20: 1–8). Они могут рассматриваться как большие владельческие сёла (селище Ближнее Константиново-1), экономика которых была основана на товарном производстве зерна, скотоводство носило второстепенный характер.

Значительная часть жителей округи исповедовала христианство, о чем свидетельствуют находки нательных крестов, бронзовых иконок-подвесок. Находки фрагментов колокольной бронзы, деталей бронзовой кадильницы на селище Ближнее Константиново – 1 позволяют предполагать там существование церковного строения. Проживание здесь, кроме русских насельников, представителей мордвы документировано находками бронзовых кольцевидных застёжек и лепной керамики с примесью шамота.

Территория, заселённая русскими в Окско-Сурском междуречье, тяготела к долинам крупных рек. Области мордовского расселения XI–XIII вв., напротив, были удалены от них и связаны с водоразделами на пограничье лесостепи и смешанных лесов. Хотя почвы «житницы» Нижнего Новгорода (Берёзово Поле) по плодородию уступали тёмно-серым лесным и чернозёмистым почвам большей части Мордовской

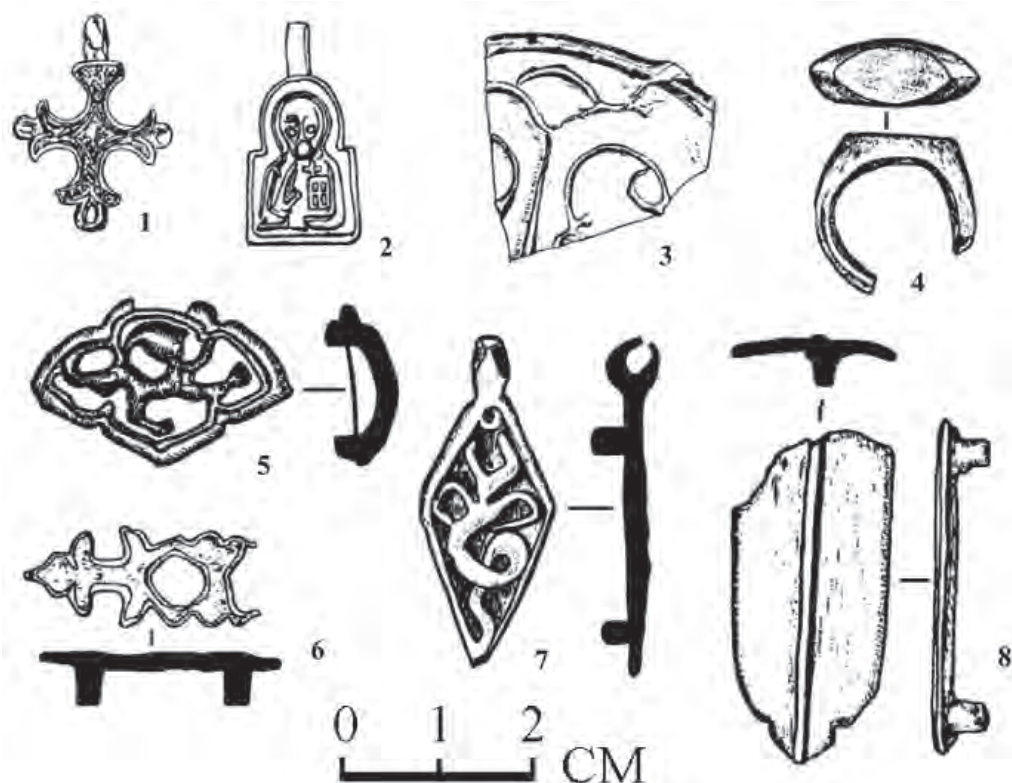

Рис. 20. Находки с селища Ближнее Константиново-1: 1 – нательный крест; 2 – иконка-привеска; 3 – фрагмент зеркала; 4 – перстень; 5–8 – поясные накладки. Все – сплав на основе меди (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Грибов, 2022)

земли, наиболее привлекательными для русских были берега Оки и Волги, так как главную стратегию славяно-русского расселения определяли преимущества жизни на больших водных транспортно-торговых путях. Таким образом, русские и мордва до определённого времени осваивали разные экологические ниши, оставаясь исторически «разведёнными» по разным ландшафтным районам до 50–60-х гг. XIV в., когда появляются первые попытки прирастить освоенную территорию за чертой Берёзова Поля в сторону владений мордвы.

В левобережье р. Суры в 200–250 км к востоку и юго-востоку от Нижнего Новгорода русские поселения располагались чересполосно с мордовскими. В этой части Посурья во второй половине XIV – начале XV вв. письменные источники указывают три населённых пункта, входивших во владения нижегородских князей. Это Сара Великая, Кишь и г. Курмыш. Известие об основании городецким князем Борисом Константиновичем на берегу р. Суры города *Курмыш* относится к 1372 г. Поселение представлено группой археологических памятников: городище (летописная крепость) Курмыш и селища Курмыш-2, 4. Крепость Курмыш локализована в черте одноимённого посёлка Пильнинского района Нижегородской области, на подтреугольном мысу, защищенном валом и рвом. Поселения Курмыш-2, 4 располагаются в непосредственной близости от городища. Эти памятники следует рассматривать в рамках единой поселенческой агломерации, которая во времена Бориса Констан-

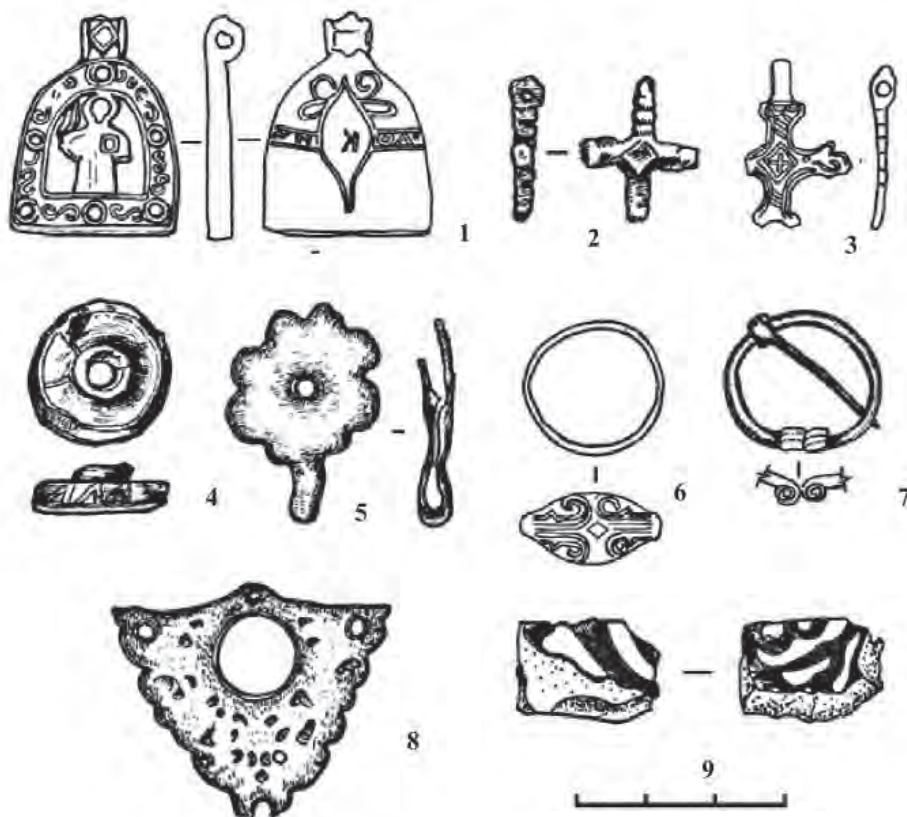

Рис. 21. Поселение Курмыш-4. Находки: 1 – иконка-привеска» 2, 3 – нательные кресты; 4 – грузик; 5, 8 – накладки; 6 – перстень; 7 – кольцевая застёжка (сюльгама); 9 – фрагмент поливного кашинного сосуда 1–8 – сплав на основе меди; 9 – кашин (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Грибов, 2022)

тиновича, возможно, являлась одним из передовых населённых мест на восточном рубеже поволжских земель, входивших в юрисдикцию нижегородских князей.

Поселение Курмыш-4 вытянуто вдоль кромки первой надпойменной террасы левого берега р. Суры на 1200 м. От единовременных нижегородских селищ, кроме больших размеров, оно отличается необычным составом керамического материала, в котором доминируют гончарная керамика с примесью раковины, изготовленной, за исключением рецептуры теста, в подражании традициям русского средневекового гончарства эпохи Золотой Орды. Второй по численности является русская средневековая посуда с примесью песка или дресвы, характерная для комплексов Нижегородского Поволжья середины XIV – начала XV вв. Влияние русских традиций прослеживается и в профилировке круговых изделий с примесью шамота в формовочной массе. К более редким разновидностям относятся фрагменты лепных сосудов с примесью шамота. Продукция ремесленных поволжских центров представлена краснощёпыми керамическими изделиями. Индивидуальные находки характерны для поволжских центров Золотой Орды: фрагменты чугунных котлов, бронзовые накладки, дужка от зооморфного болгарского замка, предметы личного благочестия (бронзовые нательные кресты, иконка-привеска с изображением

Святого Николая Чудотворца), венчик сосуда из цветного стекла, фрагменты поливной кашинной посуды, золотоордынские монеты конца 50-х гг. XIV – первых десятилетий XV вв. и др. (рис. 21: 1–9). Среди находок выделяются предметы, связанные с земледелием, получением железа и металлообработкой, бронзолитейной и чугунолитейной деятельностью, косторезной мастерских. Селище Курмыш-2, судя по сходному материалу, представляет собой северо-западную периферию этого большого средневекового поселения.

Совокупность этих памятников (городище Курмыш, селища Курмыш-2, 4) обнаруживают признаки города: наличие укрепленной части, большие размеры, следы производственной деятельности, торговли, полиэтнический состав жителей, расположение на берегу большой реки, одного из наиболее значимых волжских притоков. Массовый характер находок фрагментов чугунных изделий больше характерен для городских центров, а не для сельских поселений.

Население города имело смешанный состав: русские, тюркское население поволжских земель, представители местных финноязычных народов. В материальной культуре отчетливо проявились как русские традиции, так и бытовые предпочтения населения городов Золотой Орды.

Последующее упоминание города в летописях относится к 1445 г., когда Улу Мухаммед привозит сюда плененного великого московского князя Василия Васильевича. В Курмыше проходили переговоры об условиях его освобождения. Эти события имели непосредственную связь с формированием Казанского и Касимовского ханств.

Поселения, бытовавшие здесь во второй половине XIII–XV вв., скорее всего, выполняли роль ремесленных и торговых центров, основанных нижегородскими князьями на пересечении сухопутных и водного путей в Орду. История этих памятников фиксирует начальную стадию урбанизационного процесса в Нижнем Посурье, прерванного в самом начале XV в. После нашествия Едигея (1408–1409 гг.) эти земли приходят в упадок. Запустение края было вызвано не только масштабом этой военной акции, но и упадком поволжских золотоордынских городов, на которых держалась транзитная торговля. Функционирование подавляющего большинства русских сельских поселений в Нижегородской округе завершается в начале – первой половине XV в.

Основой хозяйства, проживающего в XIII–XV вв. на данной территории мордовского населения, было земледелие. Ремесло мордвы определяется скорее как крестьянский промысел. Обращает на себя факт существования у них временных, вероятно сезонных, поселений в поймах рек (Шаверское I поселение в бассейне реки Мокши, конец XIV – XV вв.). Здесь жители из соседних деревень занимались сезонным возделыванием пойменных земель, выпасом скота, рыболовством. Возможно, что в пойму были вынесены такие промыслы, как выплавка железа из болотной руды. Находки железных шлаков – распространенное явление на пойменных поселениях Примокшанья золотоордынского времени. Укрепленные поселения с середины XIII в. в районе расселения мордвы фактически перестают использоваться.

Особенности культуры и расселения мордвы в XIII–XV вв. можно проследить по материалам могильников (рис. 22). В этот период характерны подпрямоугольные или овальные в плане могильные ямы с отвесными стенками и плоским дном. Овальные ямы чаще встречаются при захоронении женщин. Длина мужских могил 220–290 см, ширина 70–110 см. Размеры женских могил: длина 200–240 см, ширина

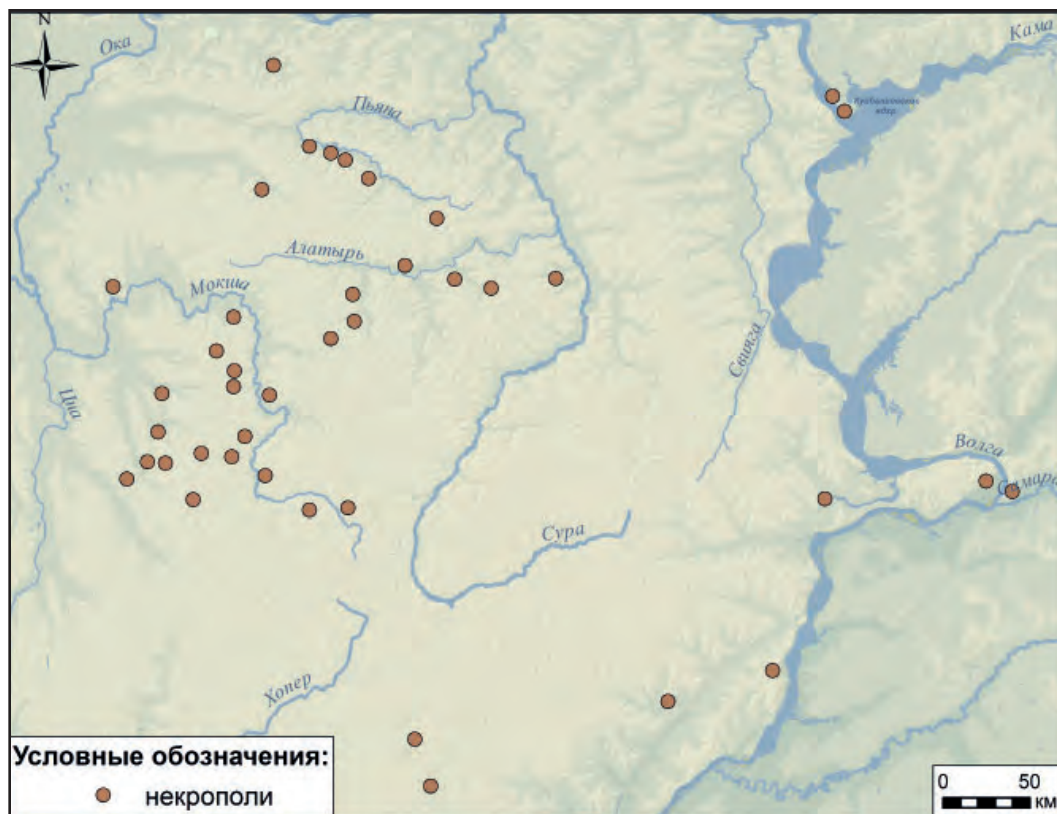

Рис. 22. Могильники мордвы XIII–XIV вв. (по: Зеленева Ю.А.).

65–100 см. Некоторые ямы отличаются неровными стенками независимо от пола погребенных (Ефаевский могильник, погребение 290 Кельгининского могильника). В XIII–XV вв. распространен обряд трупоположения. В вытянутом положении на спине хоронили, как правило, мужчин, иногда женщин, но преобладало положение покойниц на левом (иногда на правом) боку с ногами, согнутыми в коленях под прямым углом. Захоронения чаще всего без гробов, на подстилке из луба. С середины XIV в. отмечаются случаи появления лубяных гробовиц 232×56×20 см. В мокшанских могильниках распространена ориентировка покойного головой на юг или на юго-запад, реже на юго-восток, в эрзянских – погребённые ориентированы головой в северном направлении.

Существуют различия в погребальном обряде незамужней женщины (с пулокерем-накосником) и замужней женщины (без него). Украшения в женских погребениях располагаются в порядке ношения, поэтому, вероятно, умерших хоронили в праздничной одежде. Топоры в мужских захоронениях располагались чаще всего у пояса, причем иногда они были воткнуты лезвием в дно могилы. В XIV в. в мордовских могильниках начинают появляться захоронения, совершенные по мусульманскому обряду (Старосотенский могильник, Аткарский могильник). Встречаются погребения с пережитками языческой мордовской обрядности.

В XIII–XV вв. происходит изменение керамического комплекса. Наряду с лепной керамикой традиционных форм, которая продолжает применяться в качестве по-

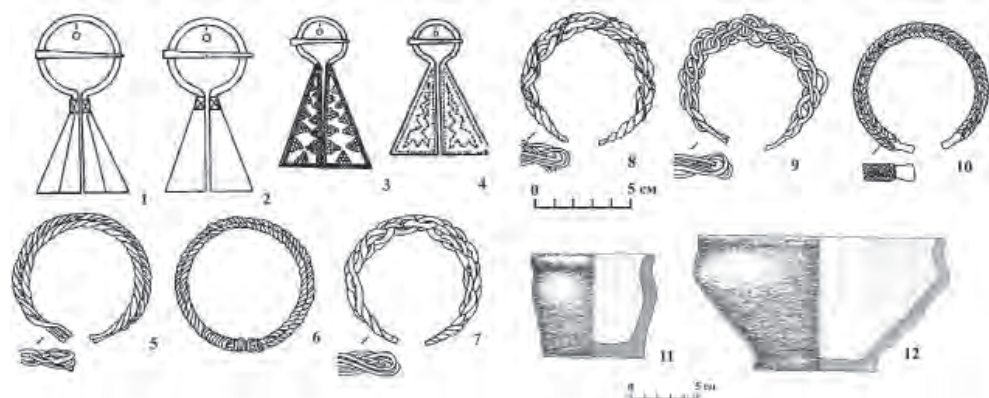

Рис. 23. Вещевой материал из памятников мордвы XIII – XIV вв. 1–4 – сюльгамы, 5–10 – браслеты, 11–12 – образцы мордовской посуды. 1–10 – сплав на основе меди; 11–12 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Зеленева, 2022; Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Голубева, 1987)

гребальной посуды, с первой половины XIV в. появляются красноглиняные мискообразные сосуды с ребром по тулову и приоткрытым горлом (Ефаевский могильник), имеющие в качестве прототипов золотоордынскую красноглиняную керамику. Их поверхность часто промазывалась глиной с целью придать сосуду красный цвет. Эта посуда изготовлялась на ручном круге мордовскими мастерами по золотоордынским образцам и обладала синкретичными чертами. В ней присутствует типично мордовская традиция использования примесей дресвы и шамота с элементами формы мордовских горшковидных сосудов. Стремление подражать ремесленникам золотоордынских городов выражается в появлении остросеребряных чашевидных форм и придании красного цвета изделию за счет красного ангоба или красной краски (Кельгининский могильник) (рис. 23: 11, 12).

На мордовских поселениях продолжает преобладать лепная керамика с примесью песка, шамота и растительных примесей. Выделяются тонкостенные (до 0,5 см) и толстостенные (более 0,5 см) сосуды. По цвету поверхности отличают черноглиняные, красноглиняные и сероглиняные сосуды. Сохраняется традиция украшать венчик защипами и насечками.

На Порецком поселении найдена бурая керамика с примесью толченой раковины, изготовленная на ручном круге или от руки, датированная концом XIII – XIV вв. Возможно, она производилась мордовским населением. Максимальное ее присутствие в культурном слое поселения составляет 25%. Постепенно она количественно уступает русской посуде XIV–XV вв. На Шаверском 4 поселении в Примокшанье обнаружены сосуды, схожие с русской посудой Порецкого поселения. Большая часть керамики изготовлена на ручном гончарном круге, в 60% – с примесью дресвы. Керамика грубая, темно-серая снаружи и черная в изломе, с отогнутыми наружу округлыми венчиками. Верхняя часть иногда орнаментировалась насечками по венчику, горизонтальными и волнистыми резными линиями по шейке и верхней части тулова. Эту посуду можно соотнести с русской керамикой XIV–XV вв. На Шаверском 4 поселении встречена лепная мордовская керамика – горшковидные сосуды, имеющие в качестве примеси дресву (66%) и шамот (25%), иногда с насечками по краю венчика.

Кроме посуды, из глины изготавливались биконические пряслица, которые иногда покрывались красным ангобом. На поселениях и в могильниках мордвы в XIV–XV вв. распространяются топоры с широким лезвием и цилиндрическим обухом, долота с четырехгранной втулкой, тесла, ножи. В XIV в. широко используются железные наконечники стрел типа срезней. Изредка встречаются железные пластинчатые браслеты.

Из украшений с XIII в. в женских захоронениях на смену височным привескам с грузиком приходят несомкнутые височные кольца (часто из серебра) с завитком на одном из концов. Используются пулокери (накосники), характерные нагрудные застежки-сюльгамы: круглопроволочные и лопастные. Наиболее распространены кольцевые застёжки с завернутыми в виде колец концами. Лопастные сюльгамы имеют пластинчатые треугольные лопасти со скругленными концами. Для XIV в. характерны сюльгамы с трехгранными лопастями с ребром посередине, иногда с крестовидной нарезкой (рис. 23: 1, 2). С конца XIV и в XV в. получают распространение сюльгамы с подтреугольной широкой и тонкой лопастью, иногда с украшением лопастей гравировкой, чернью, мелкой зернью или сканью (рис. 23: 3, 4). Встречаются круглые сюльгамы без лопастей, но с расплюснутым или с треугольным в сечении кольцом и слегка завернутыми, не выступающими за диаметр кольца усами (Ефаевский могильник, Кельгининский могильник). Чаще всего сюльгамы изготавливались из бронзы, но есть и серебряные, редко – золотые (Александровский клад). Встречаются браслеты, витые из нескольких проволок (рис. 23: 5–10), перстни с бронзовым кольцом, обернутым серебряной пластиной, и с серебряными щитками, украшенными узором с чернью.

В XIII–XV вв. в мордовских землях укрепляются торговые связи и денежное обращение. В некоторыхкладах около 59% составляли дирхемы Мохши (клад Вяземки). В 1360-х гг. стали преобладать столичные дирхемы. В монетныхкладах 1360–1370-х гг. встречаются подражания джучидским монетам. Особенностью обращения в XV в. является значительная доля старых монет и большой процент монет азакского и крымского чекана (фактор торговых связей с Азаком и Крымом), появление монет Московского и Нижегородского княжеств, которые еще не вытесняют дирхемы Токтамыша и ханов начала XV в. (Паракинский клад).

У мордовского населения, проживающего на территории Окско-Сурского междуречья в начале XIII в. происходит формирование двух субэтносов – эрзи и мокши. Ядром эрзянского (Пургасовского) объединения стал бассейн средней Тешы, мокшанского (Пурешевского) – бассейны средней Мокши и верхнего Вада. Мордовское население появляется на среднем Алатыре (Крутогорское поселение «Гладкое»), продолжает заселять территории Верхнего Посурья. На рубеже I–II тыс. в этом регионе происходит расселение тюркских групп. В X в. появляется население, идентифицируемое с историческими буртасами, а в XI–XIII вв. сюда проникают волжские болгары, привнося элементы городской культуры мусульманского востока. В этот период население Присурья становится поликультурным, к 1240 г. мордовские земли входят в состав золотоордынского государства.

Монгольское завоевание не вызвало длительного и катастрофического прерыва этнокультурного процесса в регионе. Там, где поселения и могильники в XIII в. были заброшены, в XIV в. они появляются снова. Ряд памятников существует непрерывно длительный период (Кельгининский могильник X – начала XVIII в. с погребениями XIII–XIV вв.). Погребения XIII–XIV вв. есть на

расположенном недалеко от Кельгининского некрополя могильнике у поселка Заря.

В первой половине – середине XIV в. мордва переживает демографический рост, в результате которого она не только продолжает заселять свои традиционные территории, но и осваивает новые. В XIV в. часть мордвы переселяется на территорию бывшей Волжской Болгарии, в район Самарской Луки и на Нижнюю Волгу (округа Укека, Селитренное городище). Материалы, связанные с мордвой (керамика с примесью шамота, сьюлгамы), как правило, присутствуют в культурных комплексах золотоордынских поселений наряду с золотоордынской красноглиняной керамикой и русской посудой с примесью дресвы и песка.

Причиной значительного увеличения мордовской этнической территории стала политическая стабильность в Золотой Орде в первой половине XIV в., что позволяло мордве осваивать удобные для занятий пашенным земледелием степные и лесостепные районы Нижнего Поволжья, где формируются крупные городские центры – основные потребители земледельческой продукции сельских поселений, часть населения которых была представлена мордвой.

В то же время в собственно мордовские земли в золотоордынский период усиливается проникновение из других регионов. В частности, о переселении новых групп тюрок говорит наличие в мордовских могильниках мужских захоронений с останками коня, набором вооружения и снаряжения всадника кочевнического облика (могильник Красное 1). В XIV в. возобновляется расселение русских в мордовские земли (поселения Шаверское 3 в Примокшанье и Порецкое в Посурье). Находки мордовской керамики и сьюлгам на этих поселениях позволяют говорить о совместном проживании мордвы и русских в сельских населенных пунктах XIV–XV вв.

Низовья р. Суры и Ветлужско-Вятское междуречье

Низовья р. Суры и Ветлужско-Вятское междуречье, где проживало марийское население, занимали пограничное положение между русскими землями и Болгарским улусом Золотой Орды. Карта расселения на территории Нижнего Присурья в конце домонгольского – начале золотоордынского периода отличалась сложностью и пестротой. В Цнинско-Мокшанском междуречье, в бассейне р. Алатырь и в верховьях р. Пьяны в XIII–XV вв. расселялась мордва. В пределах современной Нижегородской области, на правом берегу р. Волги вплоть до устья р. Суры, располагались немногочисленные русские селения. Вдоль правого берега и приустьевой части р. Суры расселялись марийцы. Памятники XIII–XV вв. на правобережье Волги (включая правый берег р. Суры) и прилегающих участках левобережья представлены пятью городищами, 33 селищами и семью могильниками, четыре из которых прекратили свое существование в начале XIII в. К XIV в. складывается система расселения и социального устройства населения (рис. 24). Количество городищ резко сокращается, изменяется их назначение: из убежищ они превращаются в военные и административные региональные центры, вокруг которых формируются кусты поселений, состоящие из несколько селищ, мест производственной деятельности, погребений и молений. Выделяются группы памятников, каждая из которых привязана к крупной реке (Важнангерская (Мало-Сундырская) к Волге, Красноселищенская к Суре).

Среди городищ наиболее изученным является *Важнангерское (Мало-Сундырское) городище «Аламнер»*, расположенное в устье р. Малый Сундырь, правого при-

Рис. 24 Карта археологических памятников мари в XIII–XV вв. (по: Никитина Т.Б.)

тока р. Волги, в Горномарийском районе Республики Марий Эл. Его размеры (около 6 га), планировочная структура и расположение в центре марийских поселений свидетельствуют об особом статусе объекта. Деревянно-земляные фортификационные сооружения отражают его военно-оборонительные функции. Обжитая площадь за валом составляет приблизительно 8 га. Там обнаружены землянка, культурный слой, остатки укреплений вдоль волжского склона и святилище на мысу. Важнангерское городище использовалось в качестве укрепленного административного, военного, политического и религиозного центра округа. Здесь изучены вал и ров. Высота насыпи вала достигает 1,2–1,9 м. Почти по центру в нем имеется проезд около 4 м, в южной оконечности – еще один проем шириной 10–12 м. Вал был укреплен прямоугольными деревянными срубами 390×305 см, высотой 80–95 см, которые заполнялись глиной. Со стороны Волги обнаружены следы сторожевой башни, конструктивно связанной с деревянной стеной. Пром в южной оконечности вала мог являться остатками разрушенного потайного лаза или служить для выхода к воде. Оборонительные сооружения городища имеют параллели в русских и болгарских строительных традициях.

Важнангерская округа представлена селищами, культовыми местами, торговой факторией (Юльяльское селище), могильником XIV–XV вв. Эта территория составляла единый регион и социальную единицу с экономикой, основанной на комплексном хозяйстве с преобладающей ролью пашенного земледелия и животноводства. Каждое из селищ имело ресурсную зону не менее одного 1 км, что соответствует переходу от подсечно-переложной системы к паровой системе земледелия. На каждом поселении проживала патриархальная семья. Объединять свои усилия семьи могли только для выполнения трудоемких работ, например для строительства оборонительных сооружений.

Красноселищенская группа памятников фиксируется в районе п. Васильсурск – д. Красное Селище. Она отделена от Важнангерской (Мало-Сундырской) группы

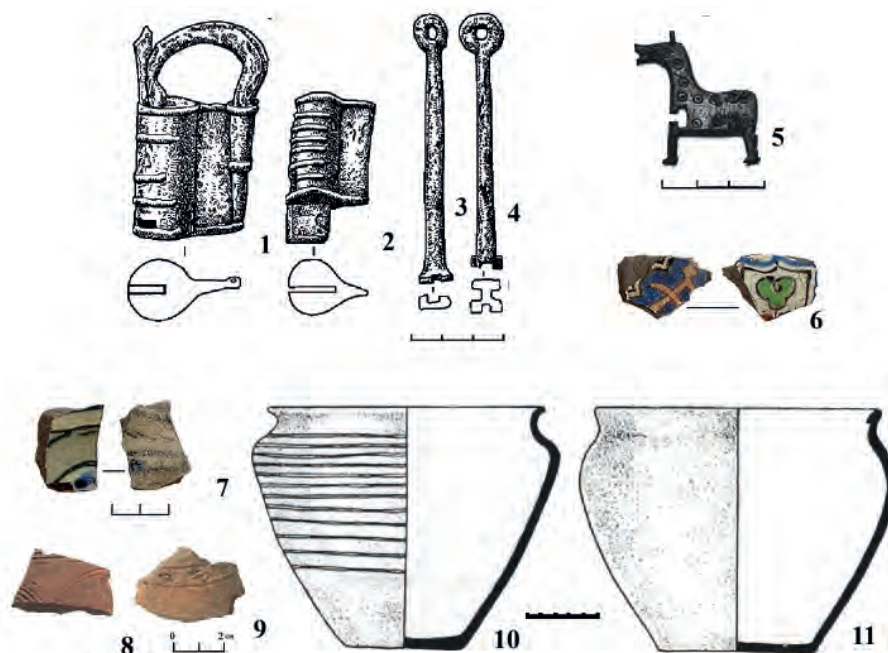

Рис. 25. 1–4 – ключи и детали замков; 5 – зооморфный замок; 6 – фрагмент сосуда с росписью «минаи» (Иран); 7 – фрагмент чаши с рельефным полихромным подглазурным орнаментом (Нижняя Волга); 8, 9 – фрагменты общеполгарской гончарной посуды (Волжская Болгария); 11, 12 – керамические сосуды. 1–6 – Важнангерское (Мало-Сундырское) городище; 7–9 – Нижнешелаболкинское I селище; 10, 11 – Красноселищенское II селище.

1–4 – железо; 5 – сплав на основе меди; 6, 7 – кашин; 8–11 – керамика
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Никитина, 2022)

памятников лесным массивом, который ограничивает территорию Важнангерской (Мало-Сундырской) округи с западной стороны.

Жилища – наземные срубные дома подквадратной формы площадью 20–30 кв. м, ориентированные по сторонам горизонта. Отапливались с помощью печей, сходных с печами в землях вятичей и у других славянских племен X–XIII вв., в строениях XIV в. г. Чебоксары. Среди хозяйственных построек можно различить клетки, амбары, погреб, кухни-«кудо» и сараи-навесы.

Располагаясь между русскими землями и Болгарским улусом Золотой Орды, население Марийского Поволжья испытывало воздействие с обеих сторон, что отразилось в его материальной культуре. На марийских поселениях встречаются вещи русских ремесленных центров: замки, ключи от замков, предметы вооружения, древнерусская посуда (рис. 25: 1–4, 10, 11). Русская гончарная традиция оказала влияние на производство посуды «славяноидного типа», доля которой составляла на поселениях от 18,67 до 36,98%. Эти факты свидетельствуют о глубоких взаимоотношениях между русским населением и марийцами и, возможно, о первых малочисленных переселенцах из русских земель, хотя следов системного освоения русскими края до XVI в. не выявлено.

Значительную роль в контактах местного населения играла торговля, чему способствовало оживление Волжского пути в XIV в. На Важнангерском городище изделия болгарского производства в основном представлены формами бронзовых на-

кладок. Болгарская посуда на поселениях Марийского Поволжья составила от 0,32 до 7,23%. Наибольший ее процент (8,7%) зафиксирован на Юльяльском селище, которое являлось торговой факторией. О существовании впоследствии на этом месте ярмарки свидетельствуют письменные источники XVII–XVIII вв. и народные предания.

Через Волжскую Болгарию осуществлялись торговые связи региона с населением золотоордынских городов Поволжья. Обнаружены обрезанные монеты ханов Узбека и Дженибека, подражания монете Гюлистана, замочки в виде животных (лошадки, собачки) и фрагмент зеркала; аналогичны изделиям из Болгара, Увека, Царевского городища и других золотоордынских городов. Фрагмент кашинной керамики относится к посуде золотоордынского времени (рис. 25: 5–9).

По антропологическим особенностям черепов из Мари-Луговского могильника, имеется группа, близкая кочевникам золотоордынских степей, некоторое время проживала в пределах Марийского Поволжья.

Для периода средневековой истории обозначить четкие границы расселения марийцев достаточно сложно. В силу особенностей хозяйственного и социального развития, а также ландшафтно-географических условий такие границы будут условными. Следы присутствия марийского населения обнаружены на памятниках Предкамья XIII–XIV вв., на поселении Курмыш-4 в Окско-Сурском междуречье.

К середине II тысячелетия в хозяйственной деятельности марийского населения повышается роль животноводства. Оно становится одной из основных отраслей хозяйства. Большинство остеологического материала XIII – середины XV вв. составляют кости домашних животных (свинья – 50%, крупный рогатый скот – 13,2%, мелкий рогатый скот – 31,6%, лошадь – 5,3%). Найдены кости домашних кур. Сохраняется также роль рыболовства. Находки рыболовных крючков, блесен и грузил от сетей, костей рыб (сом, линь, осетр), рыбьей чешуи являются доказательствами этого вида деятельности. Свидетельством развития земледелия являются находки жерновов, серпов и кос для уборки урожая. Начиная с XIII в. известны кузницы. Сохраняется роль охоты, продолжают развиваться традиционные виды хозяйственной деятельности, обработка кожи, кости, ткачество.

7.3. ПРИКАМЬЕ И СЕВЕРНОЕ ПРИУРАЛЬЕ

Бассейн Вятки

Бассейн Вятки в домонгольское время был освоен марийскими племенами и пермскими финнами (удмуртами). Племена мари в XII–XV вв. занимали притоки среднего течения правого берега реки. Как и в иных районах их проживания, неукрепленные поселения группировались «кустами» рядом с укрепленным городищем. Примером может служить куст из пяти селищ и кузницы во главе с Шорсолинским городищем в районе реки Лаж.

На левобережье Вятки, занимая бассейн ее притока р. Чепцы, проживали племена удмуртов, носителей чепецкой культуры конца IX – XIII вв. Основную их поселенческую структуру составляли группы памятников из одного или двух городищ, селища и могильника. Крупные городища имели по несколько линий укреплений. Наиболее важным центром являлось городище Иднакар с развитым ремеслом, плотной застройкой, наличием прочных связей с Волжской Болгарией, с Русью (с XII в.).

Могильники были грунтовые с ингумацией в могильных ямах, в гробах с инвентарем. Погребенные ориентированы головой на север.

Основу хозяйства составляли земледелие, скотоводство, охота, в том числе и на пушного зверя. Жилища представляли собой срубные дома (до 50 кв. м площадью) наземного типа с двускатным перекрытием, входом с торцевой стороны, глинобитными вымостками, ямами-кладовками, очагами-каменками. Керамика – чашевидных форм с оттисками шнура, гребенчатого и решетчатого штампа, сосуды более позднего времени имели ручку. В обиходе населения были украшения (калачевидные серьги, бусинные височные кольца, гривны, шумящие подвески; у мужчин – круглые бляхи, кольцевидные застёжки, наборные пояса), предметы из кости и рога. Вооружение: топоры, копья, луки, сабли. В середине XIII в. поступательное развитие региона было прервано событиями монгольского нашествия и связанным с ним перемещением населения окружающих территорий. После чего во второй половине XIII – XV вв. мог наступить период дезинтеграции населения, что выразилось в расселении его малыми группами. Вероятно, к этому времени относится Солдырский II могильник Бигершай (вторая половина XIII – XIV вв., семь захоронений).

С XII в. на территории края появляется древнерусское население, оставившее 45 объектов XII–XV вв., продолживших существование и в более поздний период (рис. 26). В основном это селища. Следы первого на Вятке догородского сельского поселения конца XII – начала XIII в. выявлены в г. Хлынов. Топография поселений имеет свои особенности: в Никулицыном микрорегионе они расположены на высоких берегах, в Котельничском – на невысоких выступах или останцах коренных террас, пижемские и лебяжско-уржумские поселения располагались на надпойменных террасах. Поселения имели прибрежную рядовую планировку и редко были более 1500 кв. м. Зафиксированы наземные срубные жилища квадратной или прямоугольной формы (4×4; 3,5×4,5 м) с печами и подпольными ямами, производственные и хозяйственные помещения, на Искре – кузница с горном, две хозяйственные ямы, следы изгороди и дренажа, на Вятском поселении – следы изгородей, построек и хозяйственных ям.

Известно 15 древнерусских городищ. Ковровское городище первоначально (XIII – начало XIV в.) было укреплено частоколом, затем (середина XIV – середина XV в.) – срубной деревянной стеной с валом и рвом. При этом на валу, вероятно, также размещалась деревянная стена. Установлены особенности их планировки и застройки (Никульчино, Хлынов, Котельнич, Орлов). Устойчивой была планировка Хлынова, что обусловлено наличием улиц, мощеных бревнами, а также строительством жилищ и хозяйственных сооружений преимущественно на одном и том же месте на протяжении длительного времени. Уличная планировка характерна также для Котельнича, Орлова и Никулицына.

На укрепленных поселениях выявлены 74 жилища (землянка, полуземлянки, наземные жилища). Землянка конца XIII – начала XIV в. подквадратной формы 4×4 м, углубленная на 1,8–2,0 м, имела бревенчатые стены, двускатное перекрытие, дощатый пол и следы печи. Полуземлянки XIII – начала XIV в. представляли собой однокамерные и двухкамерные постройки квадратных очертаний со стороной 4–6 или 2,5 м, углубленные на 0,3–0,6 м и 0,4–0,7 м, с подпольными ямами. Двухкамерные имели тамбур, вход в жилое помещение с земляными ступеньками. Жилое помещение отапливалось глинобитной печью или каменкой. Применялась столбовая и срубная конструкции стен. Из хозяйственных построек известны сараи, помещения для

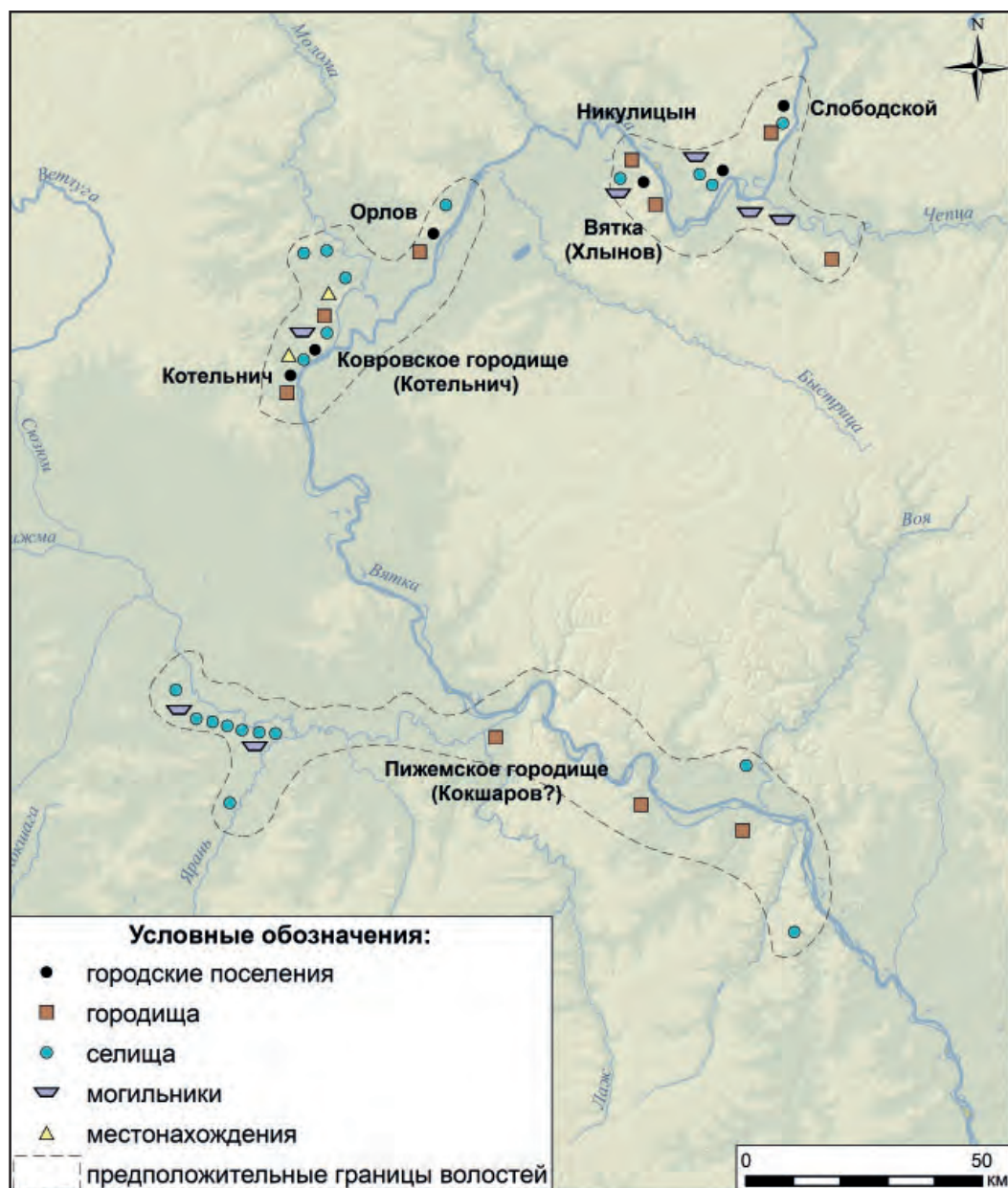

Рис. 26. Карта археологических памятников Вятской земли (по: Кайсину А.О.)

скота, погреба, хозяйственные ямы. Обнаружены объекты производственного назначения: сыродутные горны, кузницы, медеплавильные мастерские, гончарные мастерские.

Материалы погребений отражают период перехода от язычества к православию (Шабалинский, Никульчинский I, Усть-Чепецкий, Покста, Хлыновский I могильники). При исследовании кремля г. Слободского был изучен Слободской II могильник, захоронения которого ориентированы на запад – восток и север – юг, что могло

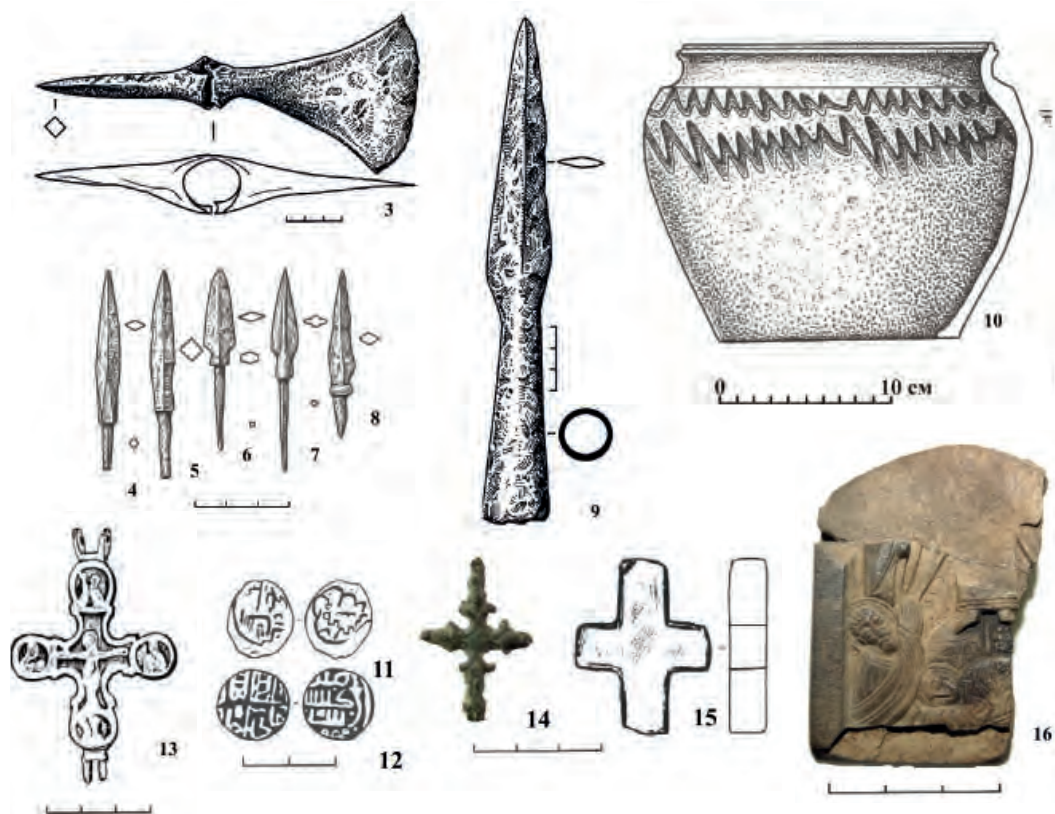

Рис. 27. Предметы материальной культуры Вятской земли XIII–XIV вв.:
1 – топор; 2–6 – наконечники стрел; 7 – наконечник копья; 8 – круговой горшок; 9 – створка креста-энколпиона; 10, 11 – джучидские монеты; 12, 13 – кресты нательные; 14 – икона «Преображение Господне» (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Кайсин, 2022).
3–9 – железо; 10 – керамика; 11–14 – цветные металлы; 15, 16 – камень

быть связано с погребальными обычаями русского и финно-угорского населения, которые жили в городе одновременно. Архаичным выглядит обряд на Еманаевском могильнике, где древнейшие могилы расходятся веером от овальной площадки с ямой в центре. Здесь выявлены одно парное захоронение, два отдельных черепа. В межмогильном пространстве найдены обломки древнерусской керамики XII–XIV вв. – вероятные следы языческого обычая битья посуды. На могильнике Покста зафиксированы следы православного храма и изгородей кладбища. Обнаружение славяно-финно-пермской посуды, коры и бересты в могилах Усть-Чепецкого, Слободского I могильников свидетельствует об этнически смешанном составе умерших.

Предметный ряд типичен для русских поселений Средневековья. Инструментарий характеризуется принадлежностями кузнечного, ювелирного, деревообрабатывающего ремесел, для косторезного и портняжного дела, плетения и прядения. Часты находки ножей, шильев, проколов, точил. Встречаются земледельческие орудия (сошники, чересла, серпы, косы, жернова), рыболовные снасти и охотничье вооружение, принадлежности для настольных игр и письма.

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел и копий, обрывками кольчуг и панцирей, кистенями, топорами, а также снаряжением всадника и верхово-

го коня (удилами, стременами, шпорами, элементами конской сбруи). Подавляющее количество предметов вооружения найдено на Никульчинском городище. Основная их часть датируется XII–XIV вв. (рис. 27: 1–7).

Среди украшений – подвески, бубенчик, фибулы, детали поясной гарнитуры, пряжки, накладки из железа и бронзы. Многие изделия находят аналогии в материалах Древней Руси, Волжской Болгарии золотоордынского времени, финно-угров Поволжья XII–XIV вв.

О развитии торговли свидетельствуют находки импортных изделий, западноевропейской товарной пломбы, монет и торгового инструментария – весов и гирек. Монеты, золотоордынские и русские, появляются во второй половине XIV в. (Никульчинское, Ковровское и Котельничское городища). Среди них дирхем хана Джанибека (1342–1357), обрезанные монеты Джанибека, имевшие хождение в 70-е гг. XIV в. монеты князя Василия I Дмитриевича (1389–1425), Улу-Мухаммеда (1419–1436) и др. (рис. 27: 10, 11)

Предметы христианского культа представлены крестами-тельниками, энколпионами, иконками и образками XII–XV вв. (рис. 27: 9, 12–14). Бронзовая кацея-кадильница обнаружена на поселении Искра XIII–XIV вв.

Почти вся посуда круговая (лепной – около 2%), но изготовлена преимущественно в домашних условиях. Преобладающей категорией посуды являются слабо орнаментированные горшки. В декоре встречаются линейно-волнистые мотивы, оттиски штампа, наколы, ямки, ногтевые насечки, на днищах – гончарные клейма. В составе формовочной массы наряду с песком и дресвой – толченая раковина, шамот, навоз, сухая глина, известняк и слюда в разных сочетаниях, которые в течение XV–XVI вв. постепенно исчезают. Формирование техники изготовления подобной посуды можно рассматривать как результат славяно-финно-пермского взаимодействия конца XII – начала XIII в. Монеты, бытовые вещи, керамика из Волжской Болгарии и Поволжья как в домонгольское, так и золотоордынское время свидетельствуют о связях бассейна Вятки с этими регионами.

Верхнее Прикамье

Археологические данные XIII–XV вв. отражают наличие на территории Пермского Предуралья критической ситуации, вызвавшей уже в XIII в. резкое сокращение численности населения. В это время на территории региона существовал 101 памятник, по сравнению с предыдущим столетием прекратили существование 41, а вновь появилось только два. В XIV в. произошло еще более резкое сокращение количества памятников: по имеющимся данным, их осталось лишь 49, а к XV в. – всего 19 (рис. 28).

Одной из причин сокращения населения могло стать общее ухудшение природно-климатической ситуации, которое отмечается в русских летописях (засухи, похолодания, бури) и для Европы в целом (1271–1291 и 1300–1309 гг. – засуха, 1312–1322 – переизбыток влаги, в 1270–1350 гг. усиливается внутрисезонная изменчивость климата). Подобные изменения могли коснуться и Прикамья.

Другим фактором мог быть отток части населения Верхнего Прикамья еще в позднемонгольское время в Зауралье, что выразилось в появлении групп населения вымской и родановской культур в Западной Сибири (Нижнее Приобье), представленных поселениями и некрополями XII–XIV вв.

Еще одной причиной сокращения населения могла быть эпидемия чумы 1346–

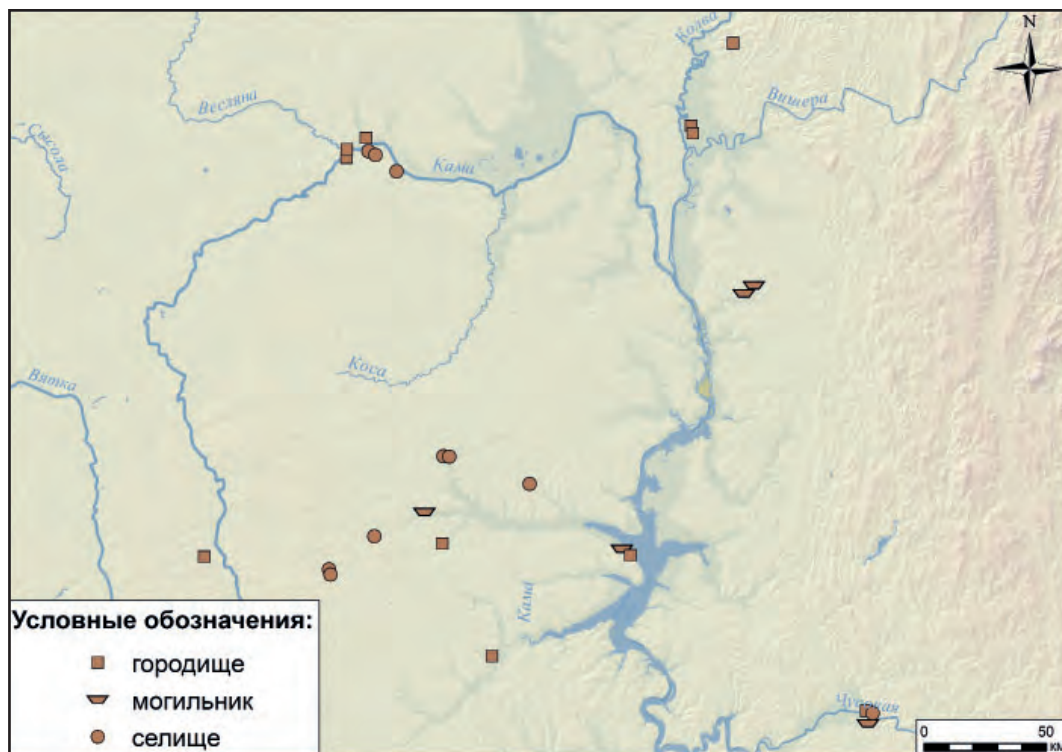

Рис. 28. Археологические памятники Верхнего Прикамья во второй половине XIII – начале XV вв. (по: Белавину А.М., Крыласовой Н.Б.)

1350-х гг., что подтверждается данными палеопатогенов чумы с некрополей Нижнего Прикамья.

Определенную роль могли сыграть монгольские походы, о чем свидетельствуют находки наконечников стрел типов, которые были занесены в Европу во время монгольского нашествия (срезни в виде лопаточек с упором). Концентрация этих наконечников на объектах фортификации Рождественского и Редикорского городища, городища Иднакар свидетельствует о боевых столкновениях.

Памятников, содержащих материалы второй половины XIII – начала XV в., очень мало. В XIV в. продолжала существовать часть городищ, селище Телячий Брод.

Особенности материальной культуры данного периода можно проследить на основе материалов могильников (Аверинский I, Плотниковский, Телячий Брод).

В погребальных комплексах XIII–XIV вв. отмечаются признаки болгарского и древнерусского влияния мусульманского и христианского обряда при одновременном стирании традиционных черт местной финно-угорской культуры. К XIV в. полностью вышли из употребления бронзовые шумящие украшения, которые на протяжении семи веков являлись элементом женского костюма. В XIII–XIV вв. сохраняются только пронизки-петушки, имеющие древнерусское происхождение, находки которых объясняются близостью вымской культуры. В комплексах XIV в. изменяется погребальная керамика, которая полностью утрачивает орнаментацию, характерными становятся приземистые сосуды с ручкой. Для керамической посу-

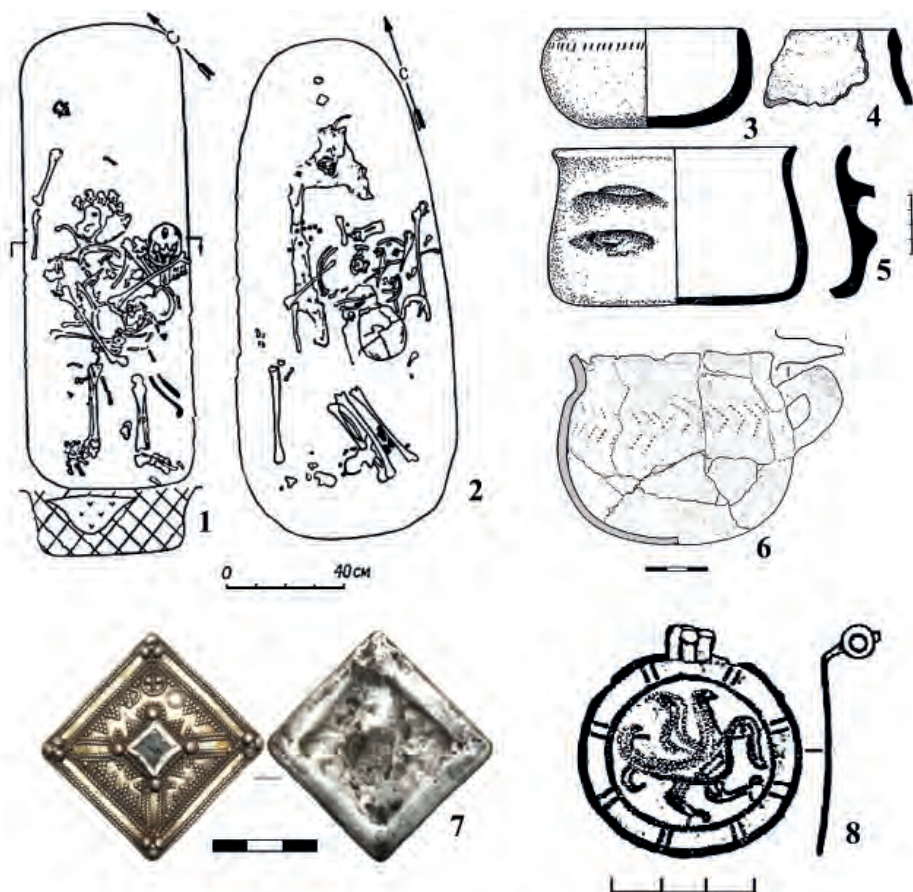

Рис. 29. 1, 2 – планы погребений Аверинского I могильника;
3–6 – посуда (3–5 – Аверинский I могильник; 6 – Плотниковский могильник);
7 – накладка, 8 – медальон с изображением птицы. 3–6 – керамика; 7, 8 – цветной металл
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Белавин, Крыласова, 2022; Брюхова, 2016)

ды могильников соседней чепецкой культуры эти тенденции объясняются влиянием болгарских традиций формообразования (рис. 29: 3–6).

В XIV в. возобновились торговые связи Волжской Болгарии в Предуралье и Зауралье, о чем свидетельствуют находки золотоордынских монет и других волжских ремесленных изделий. Из золотоордынской Волжской Болгарии на территорию Пермского Предуралья в XIII–XIV вв. попадают серьги в виде знака вопроса, продолжали использоваться бусинные височные кольца. Такие украшения были характерны для Волжской Болгарии и Древней Руси. Часть их являлась болгарским местным ремесленным производством или импортом из Среднего Поволжья. Наиболее распространенные в Пермском Предуралье разновидности изделий производились в уральских поселениях. Среди наиболее поздних бусинных колец выделяются изделия, принадлежащие к такталачукскому типу бусинных височных украшений XII–XIV вв. Для комплексов XIII–XIV вв. характерны перстни из серебра с чернью, иногда с золочением, получившие наименование «перстни болгарского типа». Вероятно, они изготавливались болгарскими мастерами в местных мастерских.

К числу распространенных находок ордынского типа принадлежат детали железной поясной гарнитуры XIV в., аналоги которой обнаружены на памятниках Куликова поля. Отдельные накладки схожих типов встречены в могильниках соседних культур – вымской, чепецкой, чияликской. Накладки в виде трилистника и розетки представлены в синхронных памятниках Пермского Предуралья, известны бронзовые накладки, копирующие железные образцы. Одновременно с железными поясными наборами существовали накладки из цветного металла. Выполненные в ювелирной технике, они имели статусное значение (рис. 29: 7).

Среди привезенных, имеющих аналогии в материалах Волжской Болгарии ордынского времени предметов второй половины XIII – XIV в. – медные рукояти вилок, бронзовые и железные зооморфные замочки; медный браслет с львиноголовыми окончаниями, детали хоросов. Фрагменты хоросов известны в Волжской Болгарии и на Руси. Выделяются кашинные бусы с поливой ярко-бирюзового цвета из золото-ордынских городов Поволжья. На проживание в XIII–XIV вв. в предуральских поселениях тюрко-болгарского населения указывают находки керамической болгарской посуды ордынского времени. На поступления восточного импорта из Поволжья указывает наличие ожерелий раковин каури. В XIII–XIV вв. наблюдается их массовое применение.

Небольшое количество восточных материалов ордынского времени в Предуралье свидетельствует как о переориентации Волжской Болгарии на торговлю с другими территориями (в частности, с Зауральем, где шло активное освоение территорий населением родановской культуры, тесно связанным с болгарскими торговыми маршрутами), так и о вытеснении болгарских товаров древнерусским и западно-прибалтийским импортом. Неотъемлемым элементом местной культуры XIII – начала XV вв. становятся предметы древнерусского происхождения или изготовленные в подражание им. Среди них выделяются перстни из бронзы и латуни, медальоны, лунницы, монетовидные и косорешётчатые подвески. Некоторые изделия оформлены изображением процветшего креста. Медальоны, монетовидные подвески и лунницы, распространенные в Пермском Предуралье в XIII–XIV вв., имеют в своей основе древнерусские прототипы (рис. 29: 8). Наличие литейных форм, технологические и стилистические особенности свидетельствуют об их местном производстве, возможно переселенцами, которые привнесли сюда традицию изготовления украшений из легкоплавких металлов. Вероятнее всего, продукцией местных ювелиров являлись и серебряные медальоны XIII–XIV вв. с изображением «сокольника». К числу изделий древнерусского производства принадлежит большинство бус из женских погребений.

По материалам чепецкой культуры прослеживается усиление связей с Русью, возрастание в XIII в. роли древнерусского влияния на местную культуру. Подобная ситуация прослеживается и в родановской культуре. В XIII–XIV вв. появляются топоры новых пропорций, связанные с древнерусским влиянием, и железные скобы для крепления топоров к поясу – топорни. Они распространяются в соседней чепецкой и вымской культурах. Ношение топоров в железной дужке или кожаной петле, закрепленной на поясном ремне, сохранялось коренными жителями вплоть до начала XX в.

К числу инноваций, связанных с влиянием древнерусской культуры, можно отнести появление железных светцов для лучин, прямоугольных и овально-прямоугольных дулезвийных кресал. Сокращается количество предметов из кости и рога.

Многие домашние орудия (лощила, шилья, кочедыки) стали изготавливать только из железа, а другие – спицы, гребни для расчесывания волокон, игольники, блоки ремизок ткацкого станка – из дерева. Изменения произошли под влиянием древнерусской культуры. Для железных изделий этого периода изготавливали торсированием – скручиванием металлического прутка вокруг своей оси.

В период XIII–XIV вв. наблюдается постепенное стирание элементов культуры, характерных для финно-угорского населения, и распространение предметов болгарского и древнерусского облика. Последние преобладали. Наличие древнерусской керамики является свидетельством начала русского заселения Прикамья. Сохранение ряда вещей, появившихся здесь в XIII–XIV вв., в быту и хозяйстве крестьян XVI–XVII вв. и начала XX в. служит подтверждением привнесения их переселенцами.

Северное Приуралье

Северное Приуралье во второй половине XIII – XIV вв. являлось территорией расселения пермских финнов, известных как пермь вычегодская (предки коми-зырян). Археологически это население прослеживается по материалам вымской культуры XI–XIV вв., расположенной в бассейне р. Вымы, правого притока р. Вычегды в ее среднем течении. Для данного населения были характерны грунтовые могильники с обрядом ингумации и полной или частичной кремации (преобладают). Погребения совершались в могильных ямах овальной, прямоугольной или более сложной формы (размеры ям 200–230×80–140, глубина 40–64 см) внутри сруба или берестяной камеры, часто с преднамеренно испорченными вещами и обрядом обезвреживания покойного. Прослеживается ориентировка могил на водоем. Основная форма расселения – селища и редкие городища-убежища. Жилища наземные, слабо заглубленные в грунт, отапливались очагами.

Керамика из формовочной массы с примесью песка и дресвы, лепная, чашевидных и баночных форм, котлы с уплощенным дном. По срезу венчика и в верхней части сосуда украшены зубчатыми и кружковыми штампами. На позднем этапе появляется древнерусская керамика. Железные изделия представлены наконечниками стрел и дротиков, гвоздями, рыболовными крючками, ножами, топорами, скобелями, ножницами, кресалами и др. Известны скопления металлических шлаков и фрагменты тиглей со следами металла (Жигановское поселение). Среди украшений известны бронзовые и серебряные бубенчики, шумящие подвески, наконечники, налобные повязки, поясные наборы (рис. 30Б: 4–10). В основе хозяйства – охота, в том числе пушной промысел, рыболовство, животноводство, земледелие. О контактах и торговых связях с Волжской Болгарией и Русью свидетельствуют предметы импорта.

На позднем этапе существования вымской культуры (XII–XIV вв.) ее носители расселяются на Средней и Нижней Вычегде, на реках Яренге, Вашке, Мезени.

Включение региона в сферу древнерусского социально-экономического, политического и культурного влияния оказало глубокое воздействие на историю коми. Предки коми-зырян («пермь» русских летописей) в XI–XII вв. являлись данниками Новгорода Великого. В начале XII в. новгородцы собирают дань в Печоре и Перми, а в последней трети XII в. – в Югре. Со времени правления Дмитрия Донского Северное Приуралье было включено в состав московских владений. В 80-х годах XIV в. была проведена христианизация вычегодских пермян.

Колонизация Европейского Севера и Северо-Востока проходила в два этапа. Первый этап – проникновение в северные земли новгородских дружинников, купцов

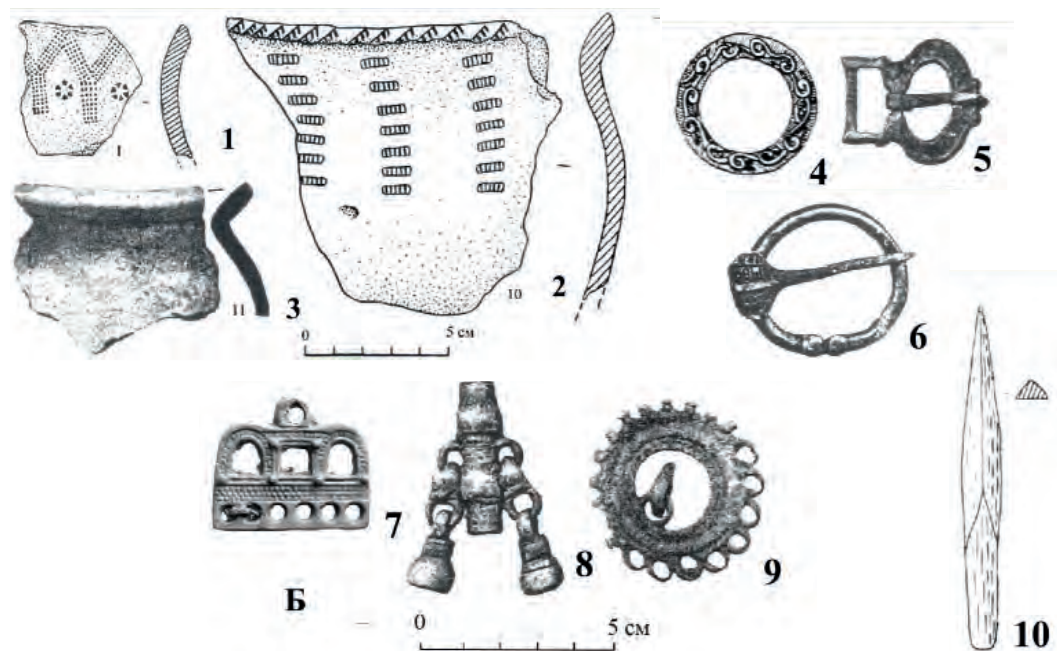

Рис. 30. А: Карта поселений XII–XIV вв. на Европейском Северо-Востоке.
 1 – Ыджыдьельское поселение; 2 – Пожеское городище; 3 – Карыйбйив, городище;
 4 – Гуль-Чунь, поселение; 5 – Новик, городище.
 Б. Археологические материалы городища Карыйбйив: 1–3 – керамика; 4–9 – бронза;
 10 – кость (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Соловьева, 2022)

и установление торговых отношений с местным населением, второй – создание русских структур сбора регулярной дани.

На большинстве памятников вымской культуры обнаружены древнерусские изделия, составляющие более половины импорта. Преобладают украшения, предметы быта, керамика, боевое оружие. Наиболее ранние появляются на рубеже XI–XII вв. вместе с западноевропейскими денариями второй половины X–XI вв. Западноевропейские монеты (германские, чешские, голландские, датские) найдены в Вотчинском, Чежтыгском, Кедвавомском, Ыджыдъельском, Кичилькосьском I могильниках. Среди импортов преобладают ювелирные изделия. Коми-русские контакты не ограничивались эпизодическим взиманием дани и торговлей. Убедительным свидетельством оседания пришлого русского населения в землях вычегодских пермян являются находки гончарной посуды древнерусского производства.

В бассейне Вычегды исследовано пять древнерусских поселений на реках Вычегде, Выми, Сыsole, появившихся во второй половине XII в. (рис. 30А) Два из них укрепленные (Пожегское и Новик), на Карыбйивском, Гуль-Чунь и Ыджыдъельском оборонительные сооружения не выявлены. Преобладают вещи древнерусского происхождения: гончарная керамика, предметы быта, украшения, боевое оружие, фрагменты кольчуг. На Карыбйивском городище найден железный лемех, в отличие от местных памятников, где железные почвообрабатывающие орудия не встречаются. Среди костей домашних животных преобладают кости свиньи.

Судя по металлографическому анализу кузнечных изделий, производство русских кузнецов на территории перми вычегодской отличалось от местного более широким распространением технологии торцевой и косой наварки при изготовлении ножей, значительным процентом терм обработанных ножей, более редким применением технологии вварки и трехслойного пакета. Сохранение технологии трехслойного пакета и вварки на древнерусских памятниках связано с возможной консервацией этих традиций в районах, удаленных от древнерусских ремесленных центров. Судя по тиглям, льячкам, бракованным изделиям, сплескам меди, литейным формам, на поселениях было развито и бронзолитейное производство. Наряду с круговой русской представлена местная лепная глиняная посуда, что свидетельствует о тесных контактах жителей поселений с местным населением (рис. 30Б: 1–3). Древнерусское культурное воздействие прослеживается в памятниках вымской культуры. На Жигановском поселении, находящемся рядом с Пожегским городищем, обнаружены древнерусские изделия: наконечники стрел, кольчужные кольца, замки и ключи, светец, бронзовая гирька, нательная иконка, более 40% керамики составляет древнерусская посуда. Древнерусская колонизация явилась фактором в формировании вымского объединения перми вычегодской. С XII в. численность населения на Выми увеличивается, возрастает приток древнерусских изделий, обмениваемых на меха. Дань также выплачивалась мехами. Спрос на меха стимулировал пушной промысел, способствовал обогащению местного населения. Важным источником его существования было и обслуживание водной магистрали на пути русских дружинников и купцов в Зауралье. Вымские коми, которым были известны дороги за Урал, становились проводниками. Все это способствовало увеличению прироста населения.

Интенсивные контакты коми и русских внесли кардинальные изменения в вымской культуре перми вычегодской. Под влиянием древнерусской культуры у коми совершенствуется система земледелия, появляются железные орудия обработки по-

чвы. Прослеживаются заимствования в области животноводства, кузнечного производства. Древнерусское культурное влияние проникает в духовную культуру коми. Начиная с XII в. встречаются предметы христианского культа. В конце XIV в. в процессе миссионерской деятельности Стефана Пермского коми-зыряне были обращены в христианскую веру. Христианизация, по существу, маркирует финал языческой культуры перми вычегодской. В истории коми-зырян начинается новый этап в составе Русского государства.

7.4. НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ И СЕВЕРНЫЙ ПРИКАСПИЙ. ДЕШТ-И-КИПЧАК

В золотоордынское время дельта р. Волги стала столичным регионом Улуса Джучи. Здесь находились столицы государства эпохи расцвета – города Сарай (Сарай ал-Махруса) и Сарай ал-Джедид. К настоящему времени обнаружено свыше 140 археологических памятников эпохи Золотой Орды – городища, поселения и могильники (рис. 31).

Памятники дельты Волги в XIII в.

Археологические исследования в дельте Волги позволили констатировать, что оседлость и традиции городской культуры возникли в Нижнем Поволжье задолго до монгольского нашествия, ещё в хазарское время, в VIII–IX вв., и существовали непрерывно в течение всего периода Средневековья. Степи и реки стали естественным природным рубежом, за которым в симбиозе с кочевой культурой возникла и существовала городская жизнь. XII–XIII вв. связаны здесь с расцветом городской культуры области Саксин, где в основном проживало мусульманское болгарское население. Эта область сформировалась после падения Хазарии, во второй половине X – конце XI вв. С городом Саксин в дельте Волги соотносимы материалы *Самосдельского городища*, которое расположено у с. Самосделка Камызякского района Астраханской области. В культурных слоях поселения содержатся остатки трёх горизонтов, последовательно сменявших друг друга: хазарского (IX–X вв.), предмонгольского (XI–XII вв.) и золотоордынского (XIII–XIV вв.) времени.

Отложения конца XII – начала XIII вв. связаны с наибольшим расцветом Саксина. В этот период продолжается расширение его территории, в дельте формируется сеть сельских поселений. Саксин становится юго-восточными торговыми воротами Европы, узловым пунктом на Волго-Каспийском торговом пути в Иран, Ширван, Закавказье, Хорезм и Волжскую Болгарию, в юго-западный и юго-восточный Прикаспий.

В северной части дельты в этот период продолжает развиваться *городище Мошаик* (окраина современной Астрахани), керамический комплекс которого практически полностью соответствует керамике Самосдельского городища. Находясь в самой узкой части волжской дельты при переходе ее к пойме, городище Мошаик обслуживало переправу через дельту караванов, следовавших с Востока на Запад. Место расположения, а также наличие значительных слоев золотоордынского времени позволяют сделать предположение, что городище Мошаик – это город Суммеркент, который посетил Вильгельм де Рубрук в 1254 г.

К моменту монгольского нашествия в дельте Волги сложилась сеть поселений, жители которых вели комплексное животноводческо-рыболовецко-земледельческое

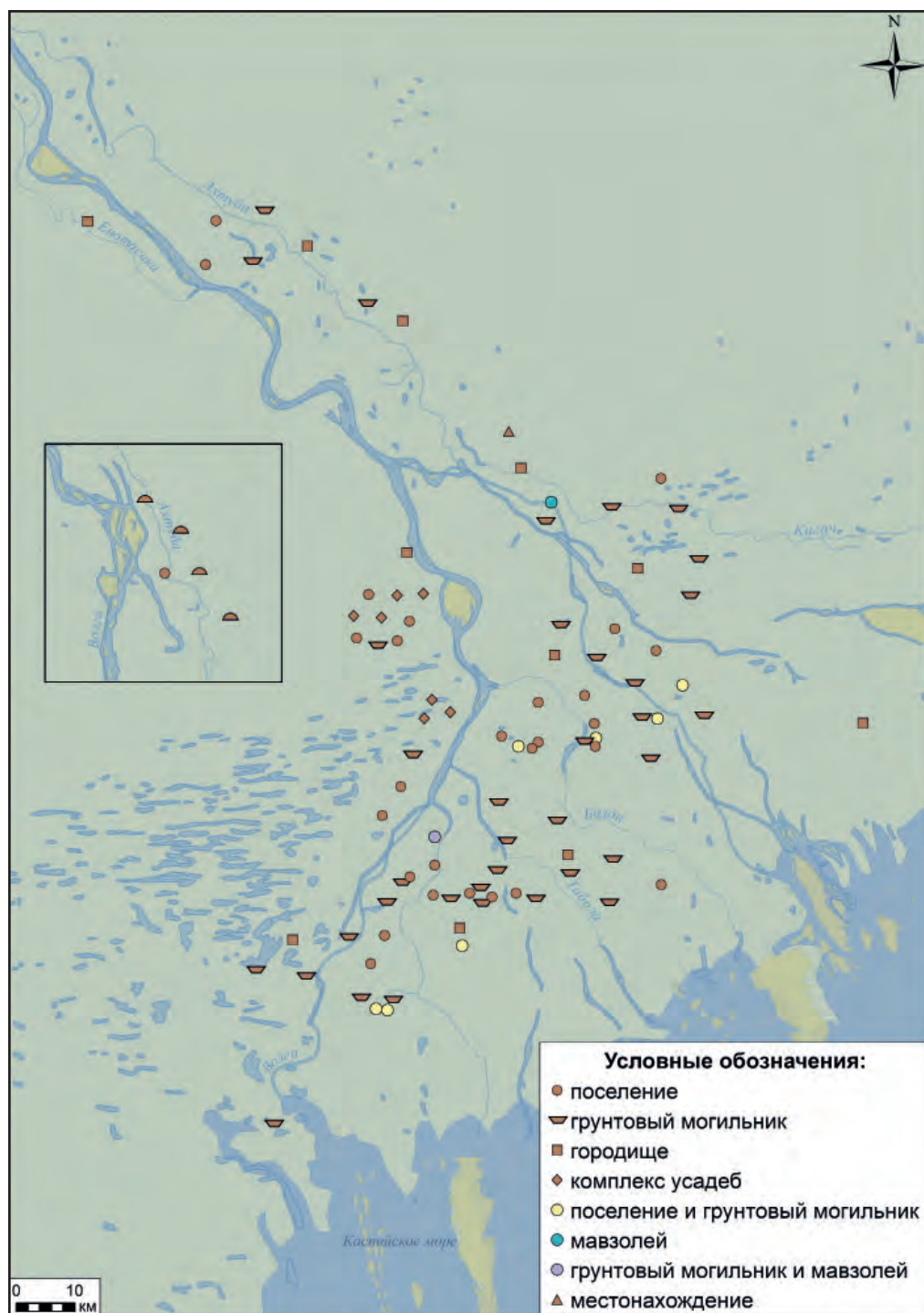

Рис. 31. Карта археологических памятников золотоордынской эпохи в дельте Волги. На врезке в левой части карты – группа памятников, расположенных к северо-западу, в отрыве от основной группы объектов, в пределах Волго-Ахтубинской поймы (по: Пигарев Е.М.)

Рис. 32. 1 – Самосдельское городище. Сооружения XIV в. Фото. 2–5 – находки золотоордынского времени с городища «Шареный бугор»: 2 – ручка кресала, XIV в.; 3 – фрагмент литейной формы, 1320 – 1340-ые гг.; 4 – фрагмент надгробия, XIV в.; 5 – сосуд для розовой воды (гульбадан), XIV в. 2 – сплав на основе меди; 3, 4 – камень; 5 – кашин (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Пигарев, 2022; Васильев, 2011)

хозяйство. В настоящий момент в дельте и зоне подстепных ильменей известно 33 поселения XII–XIII вв. Они располагаются главным образом на речных островах в средней и верхней дельте Волги.

Слой раннезолотоордынского времени на Самосдельском городище отделяется от «саксинского» мощной прослойкой пожара, связанного с монгольским вторжением. После него жизнь в городе возрождается, начинается разборка завалов, санитарная уборка улиц. В течение всего XIII в. происходит обживание руин предмонгольского периода, которые перестраиваются. Упадок города связан как с последствиями разорения, так и с неожиданным изменением природных условий: в XIV в. произошло повышение уровня Каспийского моря. Район городища оказался в прибрежной затопляемой зоне дельты. Вероятно, подъем уровня воды в дельте Волги начался еще в XIII в., что вызвало сокращение пастбищных угодий и изменение режима содержания в округе домашних животных. Население Саксина было вынуждено покинуть дельтово-пойменные угодья области и уходить на север, становясь основой жителей нижневолжских золотоордынских городов. К этому периоду относится расцвет городищ Чертово, Мошаик, существовавших с домонгольского времени. Возникает сеть небольших поселений в северной части дельты, которые располагаются на невысоких возвышенностях вдоль русел рек и содержат строительные остатки и монеты золотоордынского периода (рис. 32: 1–5). Таким образом, в XIII в. в силу природных и экономических факторов в дельте Волги происходит перераспределение населения – значительные его массы переселяются из средней дельты и в верхнюю, в районы, образующие сельскую округу Красноярского городища, которое позднее тоже будет частично подтоплено.

Селитренное городище, расположенное на надпойменной террасе левого берега Ахтубы у с. Селитренное Харабалинского района Астраханской области, является одним из крупнейших и значимых памятников золотоордынской археологии. Городище занимает площадь в 2061,5 га. Мощностъ культурного слоя памятника достигает 2 м. Далеко в степь тянутся развалины мавзолеев и мазаров некрополей, окружавших город.

Памятник изучен на площади свыше 3 га. Геофизическими методами обследована территория площадью более 50 га, в результате чего были обнаружены новые археологические объекты (рис. 33: 1).

Для Селитренного городища характерна усадебная застройка с улицами и арыками. За глинобитными стенами располагались дома владельцев усадеб, жилища ремесленников и слуг, хозяйственные постройки, водоемы. Город был благоустроен, располагал водопроводной и канализационно-сточной системами. Строительство дворцов и административно-общественных зданий велось из обожженного кирпича на известковом растворе. Дома рядовых горожан возводились из сырца и дерева. Основным элементом внутреннего интерьера жилых помещений являлись П-образные лежанки-суфы с отопительной системой типа канов. Дома и мавзолеи аристократии отличались роскошью отделки. Монументальные здания украшались глиняными и кашинными глазурованными изразцами, резным ганчем, резной и штампованной терракотой.

В ходе раскопок аристократического района, возникшего в 30-е гг. XIV в. между буграми Кучугуры и Красный, был исследован общественный центр, состоящий из Джума мечети, здания медресе или ханаки, а также общественной бани-хаммама. Общественные постройки были окружены домами рядового населения. В этом рай-

Рис. 33. Селитренное городище. 1 – план Селитренного городища с раскопами (по: Зеленева Ю.А., Пигареву Е.М.); 2–5 – находки: 2 – поливная чаша; 3–5 – красноглинная неполиваная посуда; 2 – кашин; 3–5 – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Зиливинская и др., 2022 ; Валиев и др., 2019)

оне были исследованы четыре большие аристократические усадьбы. Они были построены в 30–40-е гг. XIV в., в 60–70-е гг. приходят в упадок, а в 80–90-е гг. XIV в. на месте одной из них возникает обширный некрополь.

В округе городища обнаружены мавзолеи, грунтовые могильники золотоордынского времени, усадьбы с мастерскими, отмечено продолжение сплошной городской застройки в восточном направлении и остатки крупной усадьбы конца XIV – начала XV вв. на «Каменном бугре».

Крупные усадьбы верхов золотоордынского общества составляли целые кварталы. Комплексы усадеб окружались дувалом, состояли из центрального дома, жилищ прислуги, хозяйственных построек, мастерских, таких строений, как садовые павильоны и усадебные бани. Во дворе усадьбы могли находиться открытые очаги, бадрап, погреб, хозяйственные и мусорные ямы, арык.

Усадьбы, вероятно, были вписаны в городскую планировку, свидетельством чего является единое направление стен мечети и окружающих ее построек. Это доказывает, что в XIV в. город строился по единому плану.

Селитренное городище являлось крупнейшим центром ремесленного производства. На его территории исследованы остатки двенадцати гончарных мастерских, связанных с производством посуды, кирпича и иных керамических изделий. Локализация этих объектов позволила выделить на территории города как отдельные мастерские, так и целые гончарные районы (кварталы). Крупные керамические мастерские представляли собой большие производства – «кархана», которые находились в собственности ханов и представителей высших слоев общества. Район «Черепняного поля», где располагался такой производственный район, занимал в 1340-е гг. около 5 га. Мастерские производили все виды керамики, архитектурный декор в виде кашинной мозаики, майолики на кашине и красной глине, поливные кирпичи, резные и штампованные терракотовые плитки, резной и штампованный ганч (рис. 33: 2–5). Кроме керамического производства на Селитренном городище отмечены следы металлургического, ювелирного, косторезного и стеклоделательного ремесла.

Огромное значение для золотоордынской столицы имела международная транзитная торговля. Через Сарай проходили торговые пути, по которым в Европу поступали шёлк, восточные пряности, предметы роскоши. Ибн Баттута пишет, что в городе жили византийцы и выходцы с Ближнего Востока. На городище известны многочисленные находки керамики, изделий из стекла и металла, произведённых в Европе, Китае, Сирии, Египте, Иране, Средней Азии, Закавказье. Наличие в Сарае торговых колоний указывает на высокий уровень развития внешнеторговых связей и доходность столичной торговли для иноземных купцов даже в середине XV в.

Сарай как столица огромной империи был полиэтничным и многоконфессиональным городом. Город имел в основном мусульманский восточный культурный облик. В нем проживали тюрки, монголы, поволжские финны и выходцы из русских княжеств, Средней Азии, Кавказа, Крыма и других стран. Среди огромного количества находок, связанных с культурой ислама, встречены предметы, связанные с шаманизмом (онгоны-ильтаханы), образцы русской керамики и христианского культа (кресты-энколпионы, иконки).

В период расцвета города (30–60-е гг. XIV в.) некрополи, вероятно, находились за его пределами. После смуты 60–70-х гг. город постепенно приходит в упадок, и кладбища возникают на местах жилых кварталов.

Наиболее знатных людей хоронили в мавзолеях. Часть этих зданий имела квадратную в плане форму и отсутствие портала, стены из обожженных кирпичей на глиняном растворе или из большеформатного сырца. Полы мостились обожженными кирпичами или были глинобитными, а стены нередко покрывались штукатуркой. Другие, больших размеров, имели прямоугольную форму, состояли из квадратного в плане помещения усыпальницы и выступающего портала с айваном. Стены их сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе. Погребенные могли находиться в могильных ямах с надгробиями типа мастаба или в кирпичных склепах.

Менее знатные жители были похоронены в грунтовых могилах различной конструкции – простых прямоугольных ямах, ямах с заплечиками и подбоем. Могилы засыпались землей или перекрывались сырцовыми кирпичами, уложенными плашмя, косо на ребре или в виде свода. Антропологический состав населения был неоднороден: у захороненных на некрополе Селитренного городища аристократов преобладают монголоидные черты, у рядового населения доминирует комплекс европеоидных признаков. На городище был изучен такой тип погребальных сооружений, как склепы-мавзолеи. Они представляют собой постройки, сложенные из обожженного кирпича вторичного использования. Нижняя их часть находилась в специально вырытом котловане. Стены постепенно переходили в полусферический купол, который полностью или частично возвышался над землей. Эти купола местные жители называли «каменными кибитками» или «выходами».

Монеты 10–20-х гг. XIV в. на Селитренном городище встречаются в единичных экземплярах, а монеты XIII в. практически отсутствуют, поэтому начало жизни города, скорее всего, относится к 30-м гг. XIV в., так как начиная с 1336–1337 гг. количество монет резко возрастает. Больше всего монет относится ко времени правления Узбека, Джанибека и ханов начального периода междоусобиц (1359–1367). Во втором периоде «Замятни» (1368–1380) в Орде наступает кризис монетного дела, и нумизматических находок этого времени на Селитренном городище немного. После объединения страны Тохтамышем и проведения денежной реформы чеканка монет оживляется. В первой половине XV в. в Сарая достаточно интенсивно чеканятся серебряные и медные монеты.

В XV в. началась чеканка на монетном дворе Иль Уй Муаззама («Дом страны высочайшей») поселения Каменный бугор, расположенном на юго-восточной окраине Селитренного городища, возможно являющемся ставкой золотоордынских ханов.

С распадом Золотой Орды Сарай ал-Джедид теряет свой столичный статус, но не исчезает. В письменных источниках неоднократно встречаются упоминания о Сараях: 1554 г – поход московских войск на Астрахань; 1640–1641 гг. – путешествие Эвлия Челеби. Русские письменные источники сообщают, что монументальные постройки Сарая сохранялись до второй половины XVI в. В 1578 г. царь Федор Иоаннович приказал использовать материалы из руин городских зданий для строительства Астрахани. С этого момента началось разрушение построек Селитренного городища, продолжавшееся вплоть до XX в. Примерно в 1710 г. на месте развалин появился казенный селитренный завод и поселок, для защиты которых из золотоордынского кирпича была построена небольшая крепость. Во второй половине XVIII в. завод пришел в упадок, но у стен крепости возникло село, жители которого продолжали разбирать древние здания.

С конца XVIII в. рассматривается *вопрос о названии города*, остатками которого является Селитренное городище. В письменных источниках при упоминании

столицы встречаются названия Сарай и Новый Сарай. На роль столичного города претендовали два самых крупных в Поволжье памятника – Селитренное городище и Царевское городище. Большинство исследователей XVIII–XIX вв. считали Сараем Царевское городище, где лучше сохранился микрорельеф и были найдены богатые находки во время раскопок 1843–1851 гг. При этом некоторые считали, что Сарай был один, а Новым Сараем назывался дворец или пригород. В начале XIX в. Н.М. Карамзин высказал предположение, что первой столицей Золотой Орды, Сараем, являлось Селитренное городище. В начале XX в. исследователи придерживались гипотезы о существовании двух Сараяв, причем первоначальной столицей (Сараем) считалось Селитренное, а Новым Сараем – Царевское городище.

Работы Поволжской экспедиции под руководством Г.А. Федорова-Давыдова утверждали концепцию о том, что первая столица Золотой Орды на Нижней Волге, Сарай, была построена ханом Бату около 1250 г. на месте Селитренного городища. В конце правления хана Узбека была возведена новая столица на месте Царевского городища, и при Джанибеке туда перенесли ханскую резиденцию, где началась чеканка монет с легендой «Сарай ал-Джедид» (Новый Сарай).

На основе данных нумизматики появилась гипотеза о том, что Царевское городище – это остатки Гюлистана, а Сарай и Сарай ал-Джедид являются одним и тем же городом и находятся на Селитренном городище. Однако отсутствие культурных слоев и нумизматических находок до 30-х гг. XIV в. не позволяет считать Селитренное городище первоначальной столицей Золотой Орды. Появление города по имеющимся материалам связано с эпохой правления хана Узбека, который, вероятно, и основал новую столицу выше дельты Волги, где значительная часть более ранних поселений оказалась затопленной в результате подъема уровня воды на Каспии. Новый город вобрал в себя население из предшествующих оседлых местных поселений, продолжая урбанистическую традицию, а также пришлых групп из Хорезмийской области.

Царевское городище расположено на левом берегу старого русла Ахтубы, у с. Царев Волгоградской области, и является остатками золотоордынского города, который здесь начал строиться в конце 30-х гг., а получил свое оформление не ранее 40-х гг. XIV в. Согласно монетным находкам, это произошло за короткий промежуток времени. Территория застройки за два десятилетия выросла до 160 га, а с учетом пригородов она составила более 400 га (рис. 34: 1). Подобная динамика градостроительства – свидетельство крупного переселения. Начало междоусобной борьбы 60–70-х гг. XIV в. в Золотой Орде негативно сказалось на развитии города. В 60-х гг. объем денежного оборота сократился более чем в два раза. Втянутый в борьбу различных группировок, город подвергся сильнейшему разрушению в конце 60-х гг. XIV в. О кризисе свидетельствует приходящийся на это время пик тезаврации кладов. В отличие от Водянского и Селитренного городищ, где при Тохтамыше начинает восстанавливаться экономический и политический потенциал, городская инфраструктура Царевского городища после погрома конца 1360-х гг. в течение 70–90-х гг. XIV в. полностью деградирует. Город продолжил существовать в качестве небольшого поселка, а после завоевательного похода Тимура в 1395 г. был окончательно уничтожен. Монетных находок и кладов XV в. на Царевском городище пока не обнаружено.

Городище ограничено валом и рвом, вытянутыми с северо-запада на юго-восток. Линия вала и рва охватывала не всю городскую территорию, а прорезала жилую

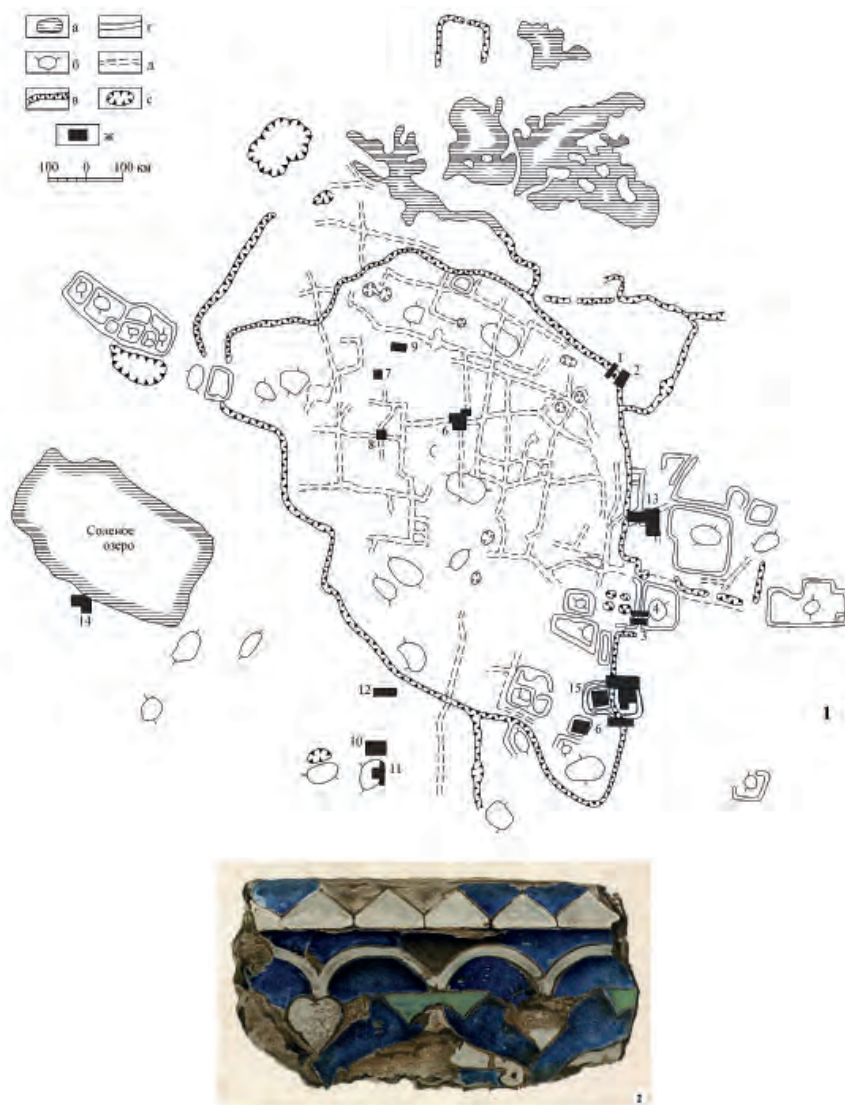

Рис. 34. Царевское городище. 1 – план городища с раскопами.

Условные обозначения: а – озера; б – всхолмления; в – рвы и арыки; г – стены усадеб; д – улицы; е – ямы, водоёмы; ж – раскопы ПАЭ. 2 – фрагмент облицовки здания (кашин) (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Яворская, Блохин, 2022)

застройку в восточном и северо-западном секторе. Исследование их показало, что остатки рва представляли собой канаву глубиной 1,5–2 м, шириной до 4 м. Насыпь вала сильно снивелирована, на исследованных участках его мощность не более 15–40 см. Остатков конструкций стены на гребне насыпи вала не обнаружено. Без них линия вала и рва, при незначительной высоте и глубине, имела весьма слабое фортификационное значение. Этот факт свидетельствует о том, что либо вал и ров являлись недостроенной линией обороны, либо они использовались в ином качестве. Возможно, ров мог использоваться в качестве обводного канала, питающего арыки города. Особенности локализации и размеры сооружения могут свидетельствовать

об ином его назначении, нежели фортификационное. Судя по данным нумизматики, он был вырыт в первой половине 1360-х гг.

В пределах укреплений находились городские улицы, идущие в широтном и меридиональном направлениях. Вдоль улиц пролегалы арыки. В центральной части раскопан перекресток улиц, где находились два арыка, расположенные перпендикулярно. В месте их пересечения обнаружены остатки деревянного мостика. Один из арыков заканчивался колодцем. Центральная и северо-западная части города с квартально-дворовой застройкой были заселены рядовым населением – мелкими торговцами и ремесленниками. Жилищами для них служили полуземлянки и наземные однокомнатные деревянные дома с кирпичным цоколем. Восточный и юго-восточный районы, где проживали золотоордынская аристократия и зажиточная часть жителей, имеют усадебную планировку (рис. 34: 2). Усадьбы огораживались глинобитным дувалом, за которым находилось многокомнатное здание из сырцового или обожженного кирпича, водоемы, дома прислуги, обедневших родственников и ремесленников, подсобные помещения, мастерские. Во дворе одной из усадеб на южной окраине были обнаружены остатки трех юрт, что свидетельствует о сохранении в среде золотоордынской верхушки кочевнических традиций.

Формирование улиц в восточном пригороде происходило постепенно. Здесь локализуются три усадьбы, принадлежавшие лично свободным ремесленникам, людям среднего достатка. Размеры усадеб 40×48, 30×30, 30×40 м. Усадебные участки огораживались и застраивались деревянными домами на сырцовом цоколе, в том числе многокомнатными домами с деревянными стенами анфиладной композиции. К жилым домам пристраивались здания мастерских или хозяйственные ямы. К востоку от центрального дома одной из усадеб располагался небольшой водоем.

За пределами линии вала и рва к северо-западу располагался пригород, который представлял собой жилой массив, населенный людьми с высоким социальным статусом. Пригород возник в 40-х гг. XIV в., на раннем этапе существования города, и функционировал не более полутора-двух десятилетий, после чего был покинут жителями. Такой же пригород, несколько меньших размеров, располагался к северо-востоку. Отдельные усадебные комплексы и участки жилой застройки существовали также к западу и югу от городища.

Некрополи Царевского городища не представляют собой единого массива. Некоторая их часть начала функционировать в золотоордынское время до образования города. Часть погребений исследована на территории города, на его юго-западной и восточной окраинах, часть – в прилегающей к нему округе. В них соседствуют языческие захоронения и погребения, принадлежащие мусульманскому населению. На городище известны захоронения в кирпичных склепах, мавзолеи, где кроме преобладающих мусульманских безынвентарных погребений встречаются и захоронения с вещами.

Часть погребений представляет собой захоронения степного тюркского населения, ориентированные на запад, со шкурой или целым остовом коня, с предметами (стремена, удила, колчан со стрелами, кресало, ножи, иногда клинковое оружие, монеты), характеризующие погребальные традиции кыпчакских объединений Нижнего Поволжья и Приуралья. Другая часть захоронений тяготеет к традициям восточной части Евразийской степи, занятой народами монгольского круга. Интерес представляют одиночные и групповые погребения, совершенные в «оградках» из сырцового кирпича, которые могли служить фундаментами для каких-то несохранившихся со-

оружий. Среди захороненных в таких оградках – кочевники-язычники, в оградках ближайших окрестностей городища преобладают погребения оседлого мусульманского населения.

Погребенные расположены, как правило, с соблюдением основных предписаний ислама – в простых или «щелевидных» ямах, без вещей, ориентированы к западу с поворотом лица к югу (на «кыблу», к Каабе). Встречаются отклонения от традиции – лицо повернуто вверх, попадают мелкие вещи – серьги, обломки перстней, однажды – серп, монеты, в верхних слоях – развалы керамических сосудов. На кладбище в южной части Царевского могильника погребенные похоронены с соблюдением всех предписаний ислама: в ямах с ляхдами (подбоями) или в «щелевидных», головой к западу, лицом к югу, без вещей. Могила устроена двумя ровными рядами.

Город был окружен возделанной в сельскохозяйственном отношении территорией. Курганные могильники, оставленные населением округи, располагаются неширокой полосой вдоль левого берега р. Ахтубы. Здесь же были расположены и небольшие поселения золотоордынского времени – зимники и ремесленные поселки.

События, связанные с междоусобицей в Улусе Джучи в конце 50-х – 60-е гг. XIV в., разгром города в конце 60-х гг. XIV в. способствовали потере им ряда важнейших функций, особенно административно-политических. Это приводит к затуханию жизни и в его окрестностях: поселки оставляются населением, некрополи прекращают функционировать. Самые поздние монеты, обнаруженные в некрополях, датируются 1361 г.

Водянское городище расположено на правом берегу Волги у г. Дубовки Волгоградской области. Площадь городища около 45 га, с севера, запада и юго-востока оно ограничено глубокими оврагами, а с востока – берегом Волги. Территория городища рассечена овражной сетью. С напольной стороны оно ограничено земляным валом высотой до 1,5 м и рвом. Протяженность оборонительной линии 480 м, ее концы упираются в глубокие отроги оврагов и балок. К югу от вала расположен пригородный могильник, состоящий из десятка небольших земляных курганов и развалин 20 кирпичных мавзолеев (рис. 35А).

В результате исследований был получен материал, характеризующий культуру мусульманского населения этого золотоордынского города, выявлены остатки раннего русского поселка и более позднего русского городского квартала. Раскопаны участки христианского кладбища, на котором исследовано 65 захоронений без инвентаря в узких прямоугольных ямах. Умерших хоронили в дощатых гробах в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Все средневековые русские комплексы, как бытовые, так и погребальные, сконцентрированы в восточной части городища. Вероятно, русские, переселенные сюда при хане Узбеке в начале 20-х гг. XIV в., были поселенцами, с которыми связано начало строительства города. Поселок с русским населением был основан в прибрежной части, представлял собой отдельно стоящие жилые и хозяйственные комплексы, в которых были найдены фрагменты русской и красноглиняной керамики, предметы быта и рыболовного промысла, украшения, железный наконечник стрелы, железные ножи, костяное кольцо для натягивания тетивы, обломки каменных жерновов. Обнаружен литой бронзовый наконечник ножен меча, предметы христианского культа: кресты-тельники, кресты-энколпионы, бронзовые нагрудные иконки (рис. 35Б: 1–3).

В середине 30-х гг. XIV в. на Водянском городище после масштабных нивелировочных работ началось строительство нового золотоордынского города, первые ком-

Рис. 35. Водянское городище. А – план Водянского городища с раскопами ПАЭ 1967–1973 гг. Б – находки с территории Водянского городища. 1 – височная подвеска, начало XIV в.; 2 – амулет; 3 – нагрудная иконка с изображениями распятия; 4 – бусина; 5–7 – фрагменты штукатурки с надписями и рисунками; 8 – поливная чаша, XIV в.
1–3 – цветной металл; 4 – стекло; 5 – кашин
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Мысков, 2022)

плексы которого перекрывали ямы русского поселка. Ранний этап этого строительства надежно датируется анонимными сарайскими пулами 30-х гг. XIV в. Новыми многочисленными мусульманскими группами населения начали возводиться жилые кварталы, а затем, в 40–50-х гг. XIV в., было построено большинство крупных общественных сооружений (бань, мечетей) и производственных комплексов (керамических мастерских).

Жилища 30–40 гг. XIV в. представлены квадратными в плане наземными домами размером от 4×4 м до 7×7 м из сырцовых кирпичей на глиняном растворе, характерными для других золотоордынских городов Поволжья. Внутренняя планировка таких домов стандартна. Напротив входа вдоль трех стен обычно располагалась П-образная лежанка-суфа высотой около полуметра. Внутрь суфы встраивались кирпичные горизонтальные дымоходы-каналы и питавшие их кирпичные печи или глиняные тандыры. Полы были глинобитными.

Мечеть, построенная в западной части городища, представляла собой прямоугольное каменное здание размером 35×26 м, вытянутое с севера на юг. Ее стены покрыты белой известковой штукатуркой. У северо-восточного угла сохранились остатки прямоугольного каменного цоколя минарета, округлый ствол которого украшали плитки с бирюзовой поливой и ганчевые вставки с геометрическими узорами и куфическими надписями «Аллах, Мухаммед». Судя по находкам монет, мечеть была сооружена в 40–50-х гг. XIV в. Ее разрушение относится к первой половине 60-х гг. XIV в.

Рядом с мечетью располагалось большое мусульманское кладбище. Над погребениями сохранились надгробия из камней и жженных кирпичей. Две могилы с кирпичными склепами вместо останков людей содержали кости жертвенных баранов. На этом кладбище раскопаны развалины двух мавзолеев. Один из них представлял собой квадратную в плане однокамерную постройку размером 6×6 м, ориентированную почти точно по сторонам света. В центре располагалось ступенчатое надгробие, под которым находилась могила с кирпичным склепом. Второй мавзолеей прямоугольной формы размером 10,4×9 м с глинобитным полом. Стены были сложены из небольших бутовых камней и слегка углублены в материк. В мавзолее обнаружено шесть могил (три детских и три взрослых).

На городище исследована общественная баня с подпольным отоплением, которая функционировала в 50-х – начале 60-х гг. XIV в. Здание бани с углубленным в грунт фундаментом из бутовых камней состояло из предбанника, «комнаты отдыха» с глинобитным полом, комнат-мылен. Баня отапливалась кирпичной печью, которая соединялась с подпольной системой отопления. Вода подавалась в баню по водопроводу из керамических труб. Использованная вода отводилась с помощью подземного сточного канала.

На Водянском городище изучены сотни хозяйственных ям. Обнаружено большое количество фрагментов красноглиняной и поливной посуды, костей животных, изделий из железа, бронзы, свинца, кости, стекла. Можно выделить амулеты, пряслица, наперстки, серьги, бусы, резные рукояти ножей и шильев, наконечники стрел (рис. 35Б: 2–8).

В начале 60-х гг. XIV в. город приходит в упадок, что связано с смутой в Золотой Орде. В это время было осуществлено строительство оборонительной линии у южной окраины городища. Археологические материалы свидетельствуют о почти полном запустении городской территории во второй половине 60-х гг. XIV в.

Город стоял в развалинах более 15 лет. К его восстановлению приступили в период временной политической и экономической стабилизации при хане Токтамыше. Город эпохи Токтамышя был построен в исторически короткие сроки по единому плану, после широкомасштабных планировочных работ. Фактически было осуществлено строительство нового города с плотной застройкой и строгой уличной планировкой. Судя по нумизматическим находкам, город эпохи Токтамышя просуществовал с начала 80-х гг. XIV в. до 1395 г., когда подвергся жестокому погрому и был полностью сожжен. Внутри печей и в других местах остались спрятанные вещи. Найден клад из 440 серебряных монет. Самая поздняя монета из клада была отчеканена в 1395 г., что совпадает с походом Тамерлана против Золотой Орды. Немногочисленные поздние сооружения Водянского городища датированы рубежом XIV–XV вв.

Увекское городище и его округа

Увекское городище и его округа (центральная часть современной Саратовской области) занимали в золотоордынском Поволжье стратегическое положение между болгарскими городами на севере и нижеволжской столичной агломерацией на юге. Город Увек, остатками которого является Увекское городище, представлял собой один из старейших золотоордынских городов. Его основание можно относить к концу 40–50-х гг. XIII в. Городище расположено на правом берегу Волги, на южной окраине современного Саратова. Укрепления городища в виде рва и земляного вала протянулись от горы Каланча к Волге. В XVIII в. их длина достигала около 864 м. С юга к городу примыкали обширные кладбища с мавзолеями и каменными надгробиями (рис. 36: А).

Увекское городище веками размывалось Волгой, сейчас его площадь превышает 205 га. В эпоху Золотой Орды она была значительно больше, а Увек был крупнейшим золотоордынским городом северной части Нижнего Поволжья. Можно предполагать, что его население в период расцвета достигало более 10 тысяч человек. Здесь в последней трети XIII – начале XIV в. работал монетный двор, что говорит о важной политической роли города. Период наиболее активной экономической жизни, судя по монетным находкам, пришелся на 1270–1360-е гг. В последней трети XIV в. город, как и многие другие центры Золотой Орды, приходит в упадок, вызванный междоусобными войнами и ослаблением ханской власти. Гибель города связана с разгромом его Тамерланом, что подтверждается письменными, археологическими и нумизматическими источниками, согласно которым Увек как город прекратил свое существование в конце XIV в.

В окрестностях Укека располагался ряд поселений и могильников как оседлого, так и кочевого населения. Его округа сложилась в последней четверти XIII – начале XIV в. и просуществовала вплоть до гибели города. Рядом с городом оседлое население заметно преобладало над кочевым. Традиции оседлости были сильны на правобережье. На левом берегу Волги находились кочевья, там, судя по данным письменных источников, размещалась ставка хана. Могильники кочевников часто располагались невдалеке от поселений. Это свидетельствует о симбиозе кочевого и оседлого населения, хотя инвентарь кочевнических захоронений заметно отличался от ремесленных изделий Увекского городища и других поселений.

Большинство населения к середине XIV в. исповедовало ислам: в Укеке и его округе более половины исследованных захоронений совершено по мусульманской

Рис. 36. Увское городище. А – план-схема: 1 – местоположения и номера раскопов; 2 – бани; 3 – мавзолеи; 4 – христианские храмы; 5 – горны гончарные; 6 – горны металлургические; 7 – граница зоны локальных выходов культурного слоя; 8 – граница зоны сплошного распространения культурного слоя.

Б – тарелка красноглиняная поливная с изображением птицы. Византия.

Вторая половина XIII в.

В – амфора группы клейма SSS, маломерная. Вторая половина XIII в.
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Недашковский, Кубанкин, 2022)

обрядности. Судя по остаткам двух православных храмов, находкам крестиков, каменных и бронзовых иконок, деталей хоросов (паникадил), было распространено и христианство. Находки металлических фигурок человека («ильтаханов», прикреплявшихся к онгонам) и другие особенности материальной культуры свидетельствуют о том, что монгольская верхушка Укека сохраняла шаманистские верования. Помимо кипчаков и монголов, по материалам погребальной обрядности прослеживается присутствие в Укеке и его округе «чёрных клобуков». В могильниках Увекского городища, среди погребений в мавзолеях и склепах, зафиксирована наибольшая в Нижнем Поволжье доля комплексов с характерной для монголов северной и северо-восточной ориентировкой. Это отражает доминирование памятников округа Укека на раннем хронологическом этапе, когда золотоордынская аристократия была слабо подвержена влиянию ислама.

В округе Укека и в самом городе часть материалов можно связать с древнерусским и древнемордовским кругом памятников, прослеживается присутствие русской и мордовской этнических групп, которые занимались пашенным земледелием, скотоводством, рыбной ловлей и бортничеством. Кости свиньи, очевидно связанные с питанием этого населения, известны из материалов Увекского городища, селищ Багаевское и Широкий Буерак.

На Увекском городище были раскопаны или отмечены в архивных документах и публикациях монументальные сооружения: мавзолеи, бани, храмы, дома знати. Известно не менее трёх мавзолеев, где выявлены элитарные захоронения с северо-восточной ориентировкой и богатым сопроводительным инвентарём. Здания были сложены из камня, сырцового и обожжённого кирпича.

Выявлено четыре общественных бани из кирпича с подпольным отоплением, глиняными трубами, чашами фонтанов. Частично раскопаны фундаменты двух христианских храмов. Один из них, наиболее ранний, 80-х гг. XIII – начала XIV в., имел пристройку с подвальным помещением. В районе храмов были найдены многочисленные предметы христианского благочестия. Гидротехнические сооружения представлены водопроводами из керамических труб. Свидетельства местных жителей позволяют связать некоторые из них с инженерным обеспечением одной из бань Укека.

Городище имело вал и ров, которые были срыты и засыпаны во второй половине XIX в. Не совсем ясно, были ли эти укрепления закончены. В XVIII – первой половине XIX в. вал имел высоту 2–3 м при ширине основания 2 м; размеры рва неизвестны, вероятно, он был глубиной не менее 1–1,5 м при ширине 1,5–2 м.

Обеспечение Укека продуктами питания производилось за счет мясного скота и молочных продуктов из кочевой степи, а также своих собственных, городских земледелия, скотоводства и промыслов. На Увекском городище найдены орудия обработки почвы и уборки урожая, предметы, связанные со скотоводством, охотой и рыболовством (костные остатки рыб, крючки, грузила от сетей).

Свидетельством наличия черной металлургии являются находки металлургических горнов, криц и железных шлаков. На городище известны горны для обжига неполивной и поливной керамики начала XIV в., найдены сепай. Местные гончары изготавливали преимущественно неполивную посуду: корчаги, кувшины, афтобы, кубуры, кружки, горшки, туваки, кубышки, копилки, чаши и амфоры. В городе работали кирпичники; возможно, были мастера, изготавливавшие черепицу. На Увекском городище обнаружены полуфабрикаты стеклянных изделий. Цветная

металлургия и ювелирное дело подтверждаются находками литейных форм, инструментария медников, литейщиков и ювелиров, бракованной продукции, керамических тиглей со следами плавленного серебра не ниже 950-й пробы и капель золота. Следы косторезного производства прослежены в виде заготовок из рога и лопаток. Возможно, в Укеке работали каменотесы и резчики по камню. Встречаются каменные блоки из сливного песчаника, известны каменный блок из местного алевролита с рельефным изображением сцены терзания льва грифоном, каменные надгробные плиты.

О развитой торговле свидетельствуют весовые гири и детали весов, монетные клады (11 – на территории городища, 10 – в его окрестностях), более 4500 отдельных находок монет, а также предметы импорта. Из Укека и его окружи известны находки монет Хулагуидов, Византийской империи, древнерусских княжеств, фрагменты амфор трапезундского и трилийского происхождения, поливная керамика Причерноморья, Ближнего и Среднего Востока, изделия ближне- и дальневосточного, среднеазиатского и западноевропейского ремесла (рис. 36: Б, В). В элитарных погребениях обнаружены шелковые одежды и детали костюма, изготовленные из привозных тканей.

В структуре керамического импорта последней трети XIII – первой половине XIV в. преобладают группы керамики, которые поступали из причерноморских центров или при их посредничестве. По поступлению керамики выделяются Юго-Восточный Крым, Юго-Западный Крым, Трапезунд, Византия, Трилия, Хиос, Крит, Италия, Малая Азия, Сирия, Ширван, Иран, Средняя Азия, Китай, Маджар, Нижнее и Среднее Поволжье.

В подвальном помещении христианского храма найдены редкие растения – рис, нут, инжир, виноград, персик, барбарис, кориандр, грецкий орех; большинство из них, без сомнения, были импортными. О наличии караванной торговли, очевидно, свидетельствуют также редкие находки костей транспортных животных, таких как верблюд и осел.

В округе Увекского городища известны 159 памятников золотоордынской эпохи, в числе которых 53 поселения, 23 местонахождения, 18 грунтовых могильников, 31 курганная группа, 21 клад монет и 13 мест отдельных монетных находок. Преобладание мелких и средних поселений свидетельствует об аграрном характере округа. Наиболее развито было земледелие: на большинстве памятников известны находки земледельческих орудий. Рыболовные принадлежности обнаружены на девяти поселениях.

Нумизматический материал позволяет, опираясь на периоды денежного обращения в Золотой Орде, выделить четыре основных этапа развития округа Укека. Первый – с 1266 г. по 1310 г. (от начала правления Менгу-Тимура до реформы Токты), второй – примерно с 1310 г. по 1365 г. (с реформы Токты до начала массового обрезывания старых дирхемов и снижения веса новых монет), третий – с 1365 г. по 1380 г. (период разгара междоусобицы в Улусе Джучи), четвертый – с 1380 г. по 1395 г. (правление Токтамыша). Самая поздняя джучидская монета датируется 797 г. х. (1395 г.) – годом разорения Тамерланом поволжских городов, с которым связаны окончательный упадок и гибель Укека и окружавших его поселений.

Памятники Левобережья Волги на втором этапе (1310–1365 гг.) количественно преобладали над памятниками Правобережья, где располагался и сам город Укек. Это связано с тем, что, пока была сильна ханская власть, могли существовать и по-

селения на Левобережье, находившиеся на маршруте кочевания ханской ставки второй половины XIII – середины XIV в. Когда ханская власть ослабела и ставка стала в 1365–1395 гг. (на третьем и четвертом этапах) кочевать лишь в низовьях Волги, жизнь в округе Уека сохранилась только на Правобережье Волги, преимущественно в ближайших окрестностях, тесно связанных с ним экономически.

Памятники междуречья Волги и Урала. Сарайчик

Образование в середине XIII в. Улуса Джучи объединило регион между Волгой и Уралом, создав условия для формирования крупных городских центров. Градостроительная политика Золотой Орды изменила поселенческий облик бассейна р. Урал. Приток городского мусульманского торгово-ремесленного населения на пространства равнин Северо-Восточного Прикаспия привел к интенсивной урбанизации региона. Города становились важными экономическими и административными центрами, обеспечивали устойчивое и безопасное функционирование региональных и трансконтинентальных торговых путей. Основными центрами Северо-Восточного Прикаспия золотоордынского времени, известными в настоящее время, являются города Сарайчик, Актобе-Лаэти, Жайык и Жалпактал. Эти памятники, исключая городище Жалпактал, расположены в русле р. Урал. Их особенностью является географическая удаленность от городских центров Нижнего Поволжья (не менее 400 км) и друг от друга. Между городищами Сарайчик, Жайык, Жалпактал – 300–400 км. Расстояние между городищем Сарайчик и Актобе-Лаэти сравнительно невелико – 40 км, что может предполагать их существование в рамках одной поселенческой агломерации (рис. 37).

Городище Сарайчик расположено на правом берегу р. Урал в 50 км севернее от современного г. Атырау. Сохранилась только треть его территории, так как городище сильно повреждено в результате разрушения береговой линии р. Урал. Площадь памятника, не считая прилегающего района с некрополем, составляет сегодня около 36 га.

Ранний этап его истории приходится на первое десятилетие XIV в. Остатки застройки этого периода сохранились вдоль берега реки на ширину около 300 м. В центре располагались здания, возведенные в основном из сырцового кирпича. К югу на окраинах выявлены остатки юрт и легких каркасных строений. Жилые постройки из сырцового кирпича имели по две-четыре комнаты 4×5 м. В комнатах были суфы, обогреваемые дымоходными каналами (канами), очаги, печи-тандыры. Стены помещений обмазывались слоем глиняной штукатурки и белились, полы утрамбовывались глиной.

Во второй период, с 1330-х гг. до конца XIV в., площадь поселения уменьшилась из-за подъема уровня р. Урал. Постройки концентрируются на возвышенностях, на острове между руслами р. Жайык. Окраины в низинах были подтоплены и пришли в запустение. Происходит уплотнение застройки за счет увеличения количества дворов на незатопленных участках. Новая застройка в значительной степени повторяет предшествующее расположение дворов, сохраняет основные направления улиц и деление на кварталы.

В третий период (XV–XVI вв.) центральная часть Сарайчика уменьшается и смещается к юго-востоку, в сторону ответвления от р. Жайык протоки Сорочки. Жилая застройка становится очень плотной. Размеры многокомнатных домов составляют 20×12 м с жилыми помещениями 4×5 м. В них традиционно имеются

Рис. 37. Карта расположения городищ Северо-Восточного Прикаспия.
(по: Сагидуллаеву Д.З.)

суфы и ташнау. В жилых помещениях пол был сложен из обожженного кирпича. В архитектуре и внутренних интерьерах соединяются традиции Нижнего Поволжья, Хорезма и района Сырдарьи.

Некрополи Сарайчика, как и других городов Золотой Орды, находились поблизости от городской застройки. Зафиксированы и внутригородские некрополи.

Городище Актобе-Лазти расположено на окраине г. Атырау в урочище Актобе к востоку от поселка Томарлы на одном из рукавов р. Урал. Его существование относится к XIII–XIV вв. Городище представляет собой остатки торгово-ремесленного поселения и имеет уникальную сохранность культурного слоя. Связанный с ним некрополь пока не найден. Рядом выявлены только более поздние захоронения.

Памятник площадью около 50 га находится на возвышенности 1–1,5 м, вытянут в меридиональном направлении. В планировке выделяется главная улица длиной около 200 м и шириной от 1,8 м до 2,5 м, вдоль которой расположены не менее 42 усадеб размером 8–10×15–20 м. После гибели поселения на его месте возникает мусульманское кладбище.

Раскопанные сырцовые усадебные дома Актобе-Лазти в отличие от других памятников региона объединяли множество помещений в одно сооружение с суфами внутри комнат. Крыши домов были сложены из камыша, уложенного на балки диаметром 8–10 см, и обмазаны сверху глиной.

Жилые постройки Актобе-Лазти формируют усадебные кварталы, которые связаны со спецификой ремесленной деятельности. Его застройка сложилась под влиянием

янием традиций пришлого степного центральноазиатского и местного домонгольского населения, а также оседлых городских групп переселенцев из Средней Азии. Доминирующими в градостроительной культуре являлись традиции мусульманских истоков, распространение которых, вероятно, шло из Средней Азии и Волжской Болгарии.

Городище Жайык находится в бассейне р. Урал в 10 км к югу от современного г. Уральска. Территория городища ограничена склоном террасы р. Урал и овражной сетью. Площадь центральной части около 7 га. На поселении изучены усадьбы, печи для обжига кирпича и извести, общественная баня-хаммам, погребальное сооружение. Следы валов и рвов не обнаружены. На прилегающей территории расположены мавзолеи, мечети, отдельные усадьбы. В 2 км к западу располагается некрополь с остатками мавзолеев.

Жилища из сырцового кирпича со стенами толщиной около 70 см. В помещениях фиксировались остатки традиционных суф с канами и боковой топочной камерой. Общественная баня-хаммам с подпольным отоплением имела крестообразную планировку и была предназначена для зажиточных слоев населения. На территории некрополя изучены два кирпичных мавзолея (Малый и Большой мавзолеи), декорированных поливными изразцами. Вероятно, в городе была мечеть, но недостаточное изучение территории памятника не дает возможности точно определить ее местонахождение.

Городище Жалнактал расположено у максимального сближения рек Малый и Большой Узень. Его площадь 68 га. Поселенческая часть занимает несколько крупных холмов высотой до 2 м и диаметром до 50 м в центральной части. На территории городища исследованы три усадебные комплексы с жилыми постройками и хозяйственными сооружениями, а также общественное здание мечети с минаретом.

Стены зданий сложены из большеформатного (40×20×10 см) сырцового кирпича. Внутри жилищ находилась отопляемая суфа.

Мечеть имела размеры 12×11 м. Пол был земляным, крыша плоской, покрытой камышом и, вероятно, обмазанной глиной, поддерживалась вкопанными в землю столбами, расположенными в четыре ряда. Вход шириной 90 см сделан в северной стене. В центре южной стены находилась ниша михраба. К северо-восточному углу здания пристроено основание минарета.

В округе находятся несколько некрополей. Самым крупный включает 75 курганов с кочевническими и мусульманскими захоронениями.

Золотоордынские памятники Северо-Восточного Прикаспия размещены в районах с многочисленными реками и озерами, имевших благоприятные условия для кочевого и оседлого хозяйства, на маршрутах караванной торговли. Так как они расположены в Каспийской низменности с резко континентальным климатом, это повлияло на конструктивные особенности и топографию объектов. На севере региона выпадает больше снега, чем в южной части, где находятся Сарайчик и Актобе-Лаэти. Застройка, как правило, привязана к рельефу, селитебная часть локализуется на возвышенностях, не подтапливаемых во время половодий. Домостроительная культура имеет прямые аналогии с городами Поволжья, Хорезма и Средней Азии. Облик поселений создавали многокомнатные усадебные дома, объединённые в кварталы с ремесленными мастерскими, торговыми рядами, зданиями мечетей и бань. Жилые постройки, состоящие из нескольких комнат, формировали различные по размеру усадьбы, внутри имели суфы с канами, очаги и ташнау, хозяйственные помещения,

как в домах золотоордынских городов Поволжья. Схожа и планировка усадеб Нижнего Поволжья и Северо-Восточного Прикаспия. Можно отметить наличие внутрирегиональных особенностей и различий в домостроительстве, истоки которых связаны с топографией местности и генезисом традиций городского населения. Во всех этих поселениях сложилась культура градостроительства, имеющая прямые аналогии в общегородской культуре Золотой Орды. Города Северо-Восточного Прикаспия, соединенные между собой караванными путями, были важными экономическими и административными центрами, создавшими общее политическое и торговое пространство.

Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь) это название территории расселения кочевников от Иртыша до Дуная и от Нижней Сырдарьи и Крыма до Волжской Болгарии. В рамках Волго-Уралья к этой области (к западной ее части, которая имела еще название «Половецкая земля», а позднее «Дикое поле») можно отнести регионы Южного Урала, Заволжья, Нижнего Поволжья. Эти территории, обладающие климатическим и географическим своеобразием, тем не менее, объединены степным ландшафтом, создающим благоприятные условия для деятельности кочевых племен и народов.

Поскольку средневековые кочевники вели подвижный образ жизни, их археологическое изучение основывается, главным образом, на материалах погребальных комплексов. Эти места, предназначенные для захоронения, – могильники («курганы», «группы курганов», «курганные могильники») и иные объекты, связанные с погребальной традицией (каменные изваяния и жертвенно-погребальные комплексы) в сознании тюрко-монгольских кочевников Золотой Орды, как правило, становились сакральными местами. Совокупность духовных представлений различных групп кочевого населения, влияние этнических, социальных и гендерных факторов определяло характер погребальной и поминальной обрядности, конструкцию захоронений и состав погребального инвентаря. Сакральное восприятие этих объектов дополнялось социальным контекстом – стремлением сородичей быть похороненными рядом с родоначальником или правителем.

Для датировки групп кочевнических погребений выделены две хронологические группы погребений: второй половины XIII – первой половины XIV в. и середины XIV – начала XV в. Данная периодизация имеет локальный характер и прежде всего отражает изменения, происходившие в материальной культуре кочевого населения региона в связи с принятием ислама. Картографирование хронологических групп кочевнических погребений Золотой Орды показывает, что в силу действия определенных социально-политических факторов, происходила постепенная смена языческой погребальной обрядности мусульманской.

Источниковая база по археологии кочевников XIII–XIV вв. на территории урало-поволжских степей – в настоящее время самая представительная в масштабах степной Евразии указанного периода, собрана В.А. Ивановым. Она включает данные по 1284 погребениям XIII–XIV вв. на территории от Алтая до Дуная. Из них более половины (51,17%) известны *на территории Волго-Уралья*. Сейчас на этой территории известны более 600 погребальных памятников кочевников XIII–XIV вв. – одиночные курганы, курганные группы, курганные могильники. Из них 90% – содержат не более десяти захоронений (большинство – 1–2 погребения), 7% – не более 20 захоронений. Остальное – могильники, состоящие из более 40 захоронений.

Рис. 38. Дешт-и-Кыпчак. Курганы кочевников Золотой Орды в Волго-Уралье (по: Иванову В.А.)

В Нижнем и Среднем Поволжье сейчас исследовано более 400 средневековых кочевнических погребений второй половины XIII – XIV в., в основном представленных в курганных могильниках Бахтияровка, Царевский, Солодовка, Абганерово, Маячный. Наибольшее распространение в этих могильниках получили надмогильные сооружения в виде земляных курганов диаметром 10–15 м с одиночным погребением под центральной частью насыпи.

В Северо-Западном Прикаспии изучено более сотни погребальных комплексов золотоордынского времени, сосредоточенных в таких могильниках как Большой Царын, Гува, Элистинский, Три Брата. Они составляют 54% от общего числа средневековых кочевнических погребений в этом регионе.

Отличительной особенностью золотоордынских кочевнических погребений этого региона является то, что почти 60% из них – впускные в более ранние курганы. Со временем вокруг них появлялись новые курганы, что приводило иногда к формированию родовых кладбищ. Все средневековые погребения, часто объединённые единством погребального ритуала с небольшими различиями, совершались, вероятно, в течение непродолжительного времени и могли принадлежать к одной родовой группе.

Топография памятников: 61% кочевнических погребений Золотой Орды располагаются на краях надпойменных террас основных рек региона – Волги и Ахтубы, Урала, Илека, Большого и Малого Узеней, Ори, Эмбы или в низовьях их более мелких степных притоков. Географически они находятся в той части Прикаспийской

низменности, которая в XIII–XIV вв. (период климатического оптимума) переживала стадию гумидизации – повышенной увлажненности (рис. 38).

В Нижнем Поволжье большинство золотоордынских курганов расположено на надпойменных террасах больших и малых рек или на берегах крупных степных озер – лиманов. Встречаются небольшие группы из 3–7 насыпей, и достаточно крупные могильники из 25–30 курганов. Обширные кладбища, иногда насчитывающие более сотни погребальных сооружений, возникали на окраинах золотоордынских городов. На пригородных могильниках преобладают погребения городских жителей – мусульман, а доля захоронений кочевников-язычников не превышает 15%.

Погребальный обряд. Среди основных морфологических признаков погребального обряда курганов выделены группы признаков по шести основным категориям: надмогильные сооружения, планиграфия кургана, конструкция могильной ямы, тип конского захоронения, ориентировка погребенного и детали ритуала, состав погребального инвентаря.

Типы надмогильных сооружений. Кочевнические погребения эпохи Золотой Орды в Волго-Уралье делятся на две группы – совершенные под *земляными курганами* (496 погребений) и совершенные под *курганами, сооруженными с применением камня* (105 погребений). В ряде случаев некоторые погребения имеют над собой комбинированные надмогильные сооружения: насыпь, сооруженную из каменных обломков, и каменную выкладку непосредственно над могилой (Новый Кумак, к. 3); каменно-земляную насыпь и каменную выкладку над могилой (Алебастрово II, Новочеркасский VII, к. 1 и 2; Тлявгуловский, к. 1, 2, 4); каменно-земляную насыпь и каменное кольцо вокруг могилы (Ново-Кумакский, к. 35); каменно-земляную насыпь, каменное кольцо и выкладку над могилой (Тлявгуловский, к. 4, у пос. Урал, к. 5); каменный «панцирь» и каменную выкладку над могилой (у пос. Большевик II, к. 2); каменную оградку прямоугольной формы вокруг могилы и каменную выкладку непосредственно над ней (Урта-Буртя, к. 2).

Погребения, совершенные под земляными и «каменными» курганами, различаются между собой не только по типам надмогильных сооружений, но и по ряду других признаков. Во-первых, географически: курганы с каменными конструкциями локализуются в восточных районах Урало-Поволжья – в степях Южного Приуралья и Зауралья, тогда как основной район концентрации земляных курганов – степи Волго-Уральского междуречья. Во-вторых, именно под земляными курганами чаще встречаются по нескольку погребений под насыпью и впускные погребения. В-третьих, под земляными курганами встречаются могилы усложненной конструкции – со ступеньками, подбоем, перекрытиями. В-четвертых, под земляными курганами преобладают захоронения конской шкуры, а под «каменными» – целой туши коня. В-пятых, если под земляными курганами преобладает ориентировка погребенных в западном секторе, то под «каменными» курганами – в северном.

С погребальной обрядностью кочевников Волго-Уралья периода Золотой Орды связаны *каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы (ЖПК)*, известные на территории региона. В настоящее время имеются данные о 107 ЖПК и 144 каменных изваяниях, большинство из которых относится к периоду Золотой Орды. Распространение ЖПК и каменных изваяний в рассматриваемом регионе зафиксировано на территории башкирского Зауралья, в степных пределах Челябинской, Оренбургской областей и на западе Казахстана. Эти памятники практически не встречаются в лесостепных областях, а севернее степной зоны, в пределах лесостепи,

данные памятники отсутствуют. Известные на севере Башкортостана жертвенно-поминальные комплексы эпохи Средневековья (Кадыровские ЖПК) представляют собой, по мнению исследователей, памятники особой хозяйственной и этнокультурной зоны. Каменные изваяния здесь не выявлены.

По морфологическим признакам ЖПК Волго-Уралья представляют собой каменные выкладки на древней поверхности диаметром 5–13 м прямоугольной или овальной формы. Никаких следов захоронений в них не обнаружено, но среди камней или под ними встречаются следы кострища, расколотые кости животных и отдельные вещи (сабля, удила и стремяна, фрагменты чугунного котла, гончарной керамики, в том числе глазурованной), по которым можно установить время сооружения. Многие ЖПК содержат каменные изваяния или их фрагменты. В отличие от половецких «каменных баб» южнорусских степей, это примитивно выполненные антропоморфные стелы со схематично обозначенными чертами лица или половыми признаками. Судя по результатам морфологического и семантического анализа, каменные изваяния эпохи Средневековья не были изображениями лиц божественного пантеона, а являлись персонифицированными отображениями духов предков. Они связаны не с погребальной, а с поминальной практикой древних племен.

Конструкция могильной ямы, тип конского захоронения, ориентировка погребенного и детали ритуала. Кочевники Волго-Уралья хоронили людей как правило в простых могильных ямах прямоугольной или овальной формы, длиной 2–2,5 м и глубиной 1,2–1,5 м. Значительная часть – более 10% всех захоронений – была совершена в могилах усложненной конструкции: со ступеньками-заплечиками вдоль длинных стенок, в могилах с подбоем.

В Поволжье широко были распространены захоронения в дощатом гробу – около 30% погребений, а в Северо-Западном Прикаспии – на подстилке из древесной коры – более 10%. На территории Северо-Западного Прикаспия женские погребения сопровождалась ровиками вокруг могилы.

Ориентировка умерших. В системе погребальной обрядности кочевников особая роль отводилась ориентировке умерших. Кочевники Золотой Орды имели четкое представление о сторонах света. Основными были четыре направления – север (тьма), юг (полдень), восток (рассвет), запад (предвечерние сумерки), с которыми сопоставлялись четыре основные стихии – земля, огонь, воздух, вода и четыре соответствующие им цвета – черный, красный, белый, синий (зеленый).

Основными направлениями ориентировок погребенных кочевнических могильников Нижнего Поволжья являются западные (около 65%), северные – (около 25%), восточные – (около 10%), южное направление практически не представлено.

Конские захоронения. Часто в погребальных комплексах золотоордынского времени находят кости лошадей – комплекс четырех ног и черепа, целых скелетов или остатков конских чучел, которые сопровождаются удилами, стремянами, подпружными пряжками, седлами. Абсолютно преобладают захоронения с остатками конских чучел, погребений с целыми костяками коней в два раза меньше. В большинстве захоронений останки коня располагаются слева от погребенного, т.к. именно слева обычно осуществлялась посадка. Чучела и костяки коней в могилах никогда не лежат спиной к своему хозяину, а либо на брюхе, либо на боку ногами к скелету человека.

Обычай помещения в могилу коня или его чучела тесно связан с традицией ори-

ентировки умерших в западном направлении. Это тюркская погребальная традиция. Такие захоронения составляют основную часть захоронений.

Погребения с костяками коней и погребения с остатками конских чучел формируют топографически обособленные группы, и представляют собой различные погребальные традиции, обусловленные причинами этнического характера.

Основным населением Золотой Орды и главным образом ее степной части остались прежние кипчакские (половецкие) племена, курганы которых в большинстве случаев датируются XIII – началом XIV в. Для них характерны могилы со ступеньками и без них, восточная или западная ориентировка погребенных, целые скелеты коней. Половецкими следует считать такие погребения, где ориентировка остова коня соответствует ориентировке человека – на запад. Обряды и набор вещей, характерные для половцев XII – начала XIII в., продолжают существовать и в золотоордынский период.

Погребения с западной ориентировкой и костями коня с черепом на запад и отчлененными по первые суставы ногами, могут быть отнесены также к печенежско-торческому населению.

Восточная ориентировка костяка человека, с северной стороны от которого найдутся кости лошади считается признаками погребального обряда половцев второй половины XIII–XIV в.

К привнесенным монголами обрядам следует отнести *захоронения, содержащие отдельные части повозок*. На территории Калмыкии обнаружены погребения второй половины XIV – начала XV в., в одном из которых содержатся остатки ступиц из цельного куска дерева, с деревянными спицами в пазах. Судя по обряду погребения, инвентарю и монголоидным чертам черепа, погребенный там индивид мог быть этническим монголом.

Типы конских захоронений, таким образом, отражают *этнический состав* кочевников Золотой Орды: захоронения конской шкуры (череп и кости ног) связаны с кипчакско-половецкой традицией и характерны для погребений под земляными курганами, а захоронения целой туши коня характеризует погребения под «каменными курганами» и связаны традицией, привнесённой из Центральной Азии.

В Нижнем Поволжье выделяется серия кочевнических захоронений (около 25%), которые можно уверенно сопоставлять с этническими монголами. Это погребения в подбойных, реже прямоугольных могилах с северной ориентировкой погребенных, без костей коня, но с предметами конской упряжи и с костями передней ноги барана в качестве напутственной пищи. Для монгольских погребений Северо-Западного Прикаспия характерны небольшие надмогильные насыпи, могилы с подбоем и северная ориентировка костяка человека. Погребение покойника головой на север, так чтобы он смотрел на юг, объясняется распространением у монголов культа Юга, в отличие от культа Востока у тюрков. С монголами и пришлыми с ними племенами восточного происхождения исследователи связывают простые ямы (иногда с подбоем), северную ориентировку покойных, головные уборы «бокка», височные подвески в виде знака вопроса, берестяные трубочки для волос, части деревянных колес. В этот же период появляются могилы гибридного типа с северо-восточной ориентировкой.

Вторая группа погребений (около 65%) могла быть оставлена тюркоязычными кочевниками, как пришедшими на территорию Нижнего Поволжья вместе с монголами, так и представителями местного кочевого населения. Это погребения в пря-

моугольных, реже подбойных могилах с западной ориентировкой погребённых и остатками взнузданных конских чучел. В качестве напутственной пищи обычно использовались части бараньих хребтов.

Третья группа (около 10%) – это захоронения в прямоугольных могилах с восточной ориентировкой погребённых в сопровождении целых скелетов взнузданных и оседланных коней. Такие погребения обычно связывают с половецким населением.

Этнический состав золотоордынского общества был сложным, причём в Поволжье монгольский компонент присутствовал не в значительном количестве. Объясняется данный факт тем, что после завоевательных походов в западные страны основная масса монголов ушла на родину. Рашид ад-Дин сообщает, что ханы Гуюк и Менгу осенью в год мыши (1240 г.) согласно повелению каана Угедая возвратились из Дешт-и-Кипчака и расположились в своих ордах. О возвращении в Монголию части экспедиционных войск сообщает также китайская история «Юань-ши». Оставшиеся в юго-восточной Европе монголы создали свое государственное образование, именуемое Золотой Ордой, где в период с XIII по XIV в. происходит смешение и взаимовлияние нескольких культур. Возникает золотоордынская культура, вмещающая в себя обычаи, предметы ремесла и произведения искусства монголов, русских, волжских болгар, половцев и др.

Основная масса кочевников, своим происхождением связанная с монгольскими или монголоязычными племенами Центральной Азии и Алтая обитала в степях Южного Приуралья. Там они представлены т. н. «каменными курганами», погребальный обряд и вещевой инвентарь которых практически идентичны курганам Тянь-Шаня, Алтая и Монголии. В административном контексте степи Южного Приуралья и Зауралья входили в Улус Шибана – младшего брата хана Бату.

Социальную организацию кочевников Заволжья и Южного Предуралья XIII–XIV вв. нельзя рассматривать вне контекста социальной истории Золотой Орды (Улуса Джучи). В этом плане более перспективными представляются женские захоронения XIII–XIV вв., в которых встречаются золотые серьги, перстни, браслеты, цилиндрические подвески-амулеты, одежда из дорогих тканей и детали головного убора «бокка – боктаг», которые могут содержать информацию о социальном и имущественном положении индивидов в кочевом золотоордынском обществе.

На имеющемся археологическом материале можно определенно говорить об имущественном расслоении кочевого общества Золотой Орды, но выделять какие-то социальные страты, безусловно, в Орде существовавшие, на основании археологических материалов можно только условно.

С достаточной долей вероятности можно предполагать, что семьи, хоронившие своих сородичей с чучелом или тушей коня, были богаче тех, кто могли себе позволить положить с покойным только уздечку и седло. В результате структурирования материалов погребений в социальном плане, на основании типологии погребений, содержащих конские захоронения или конскую сбрую («всаднические погребения») выделены три типа «всаднических погребений»: 1 – с целой тушей взнузданного и оседланного коня (целый остов в могиле), 2 – с конской шкурой (череп и кости ног), 3 – только с набором конской сбруи. По набору вещей мужские погребения однородны и выделение среди них социальных маркеров не представляется возможным.

Погребальный инвентарь. Хронология вещевых комплексов кочевников Золотой Орды в Восточной Европе впервые была разработана Г.А. Федоровым-Давыдовым.

Она была построена на результатах статистической корреляции вещей, обнаруживающих устойчивую взаимовстречаемость в кочевнических погребениях – удила, стремян, наконечников стрел, серёг, зеркал, костяных обкладок колчана, головных уборов «бокка». На основании типологии погребений и датирующих форм изделий было выделено четыре хронологических периода в истории поздних кочевников Восточной Европы: 1) конец IX–XI в. (господство печенегов и краткий период торческого нашествия); 2) последняя четверть XI–XII в. (начальный период господства половцев); 3) конец XII – начало XIII в. (предмонгольский период половцев); 4) вторая половина XIII–XIV в. (золотоордынский период половцев). Датированные аналогии перечисленным вещам позволили исследователю отнести их к IV хронологическому периоду или ко второй половине XIII–XIV в.

Сопровождающие погребенного вещи найдены в большинстве захоронений (91,2%). Это унифицированный, традиционный для кочевых сообществ набор вещей, в котором преобладают удила и стремяна, наконечники стрел и берестяные колчаны, нож, кресало, ножницы, металлический сосуд, из украшений – зеркало, бусы, поясные пряжки, серьги-подвески в виде знака вопроса и кольца, детали головного убора – бокка («богтаг»). Они разделяются на следующие категории: принадлежности конской сбруи, оружие, украшения и детали костюма, бытовые предметы.

В кочевнических погребениях прослеживается деление сопровождающего инвентаря по половому признаку. К женским предметам относятся: игольницы и иглы, напёрстки, пряслица, шилья, пинцеты, ножницы, зеркала, браслеты, перстни, головные уборы – бокки, ожерелья и браслеты из бус, раковины каури, амулеты. К мужским – колчаны, наконечники стрел, наконечники копий и пик, сабли, панцири и кольчуги, оселки, колчаные крючки, пояса, большие поясные сумки и кресала. Есть категории инвентаря, которые встречаются преимущественно в мужских или женских захоронениях. В женских преимущественно находят гребни, серьги и золотые украшения; а в мужских – удила, стремяна, седла, пряжки, ножи и серебряные монеты. В целях экономии в могилы могли помещать поношенные или испорченные вещи.

Наиболее распространёнными категориями сопровождающего инвентаря в кочевнических могильниках Нижнего Поволжья являются предметы конской упряжи – удила, стремяна, остатки седел. В 60% кочевнических захоронений найдены железные пряжки. Реже находят каменные оселки, конуса, свёрнутые из тонких железных листов, шилья с деревянными рукоятями, пинцеты, напёрстки, керамическую посуду, браслеты из бронзы, серебра или золота, литые свинцовые пряслица. Одной из самых распространённых категорий инвентаря женских кочевнических захоронений Нижнего Поволжья являются железные ножницы.

В 310 нижеволжских кочевнических погребениях найдены железные ножи с остатками деревянных рукоятей. Только в мужских погребениях встречаются ножи с пластинчатыми рукоятями и ножи-кинжалы с железными перекрестьями. В женских погребениях встречаются миниатюрные ножи длиной 6–8 см и массивные дуэлевидные ножи с закругленным окончанием.

В женских погребениях находят магические амулеты, которые имеют вид полых цилиндров, плоских квадратных пластин с гравированными орнаментами, деревянных или каменных призм с бронзовыми обоями.

Обычной находкой являются проволочные серьги из меди или серебра. В мужских погребениях – в виде простых колечек с разомкнутыми концами, в женских –

в виде знака вопроса с короткими петлевидными ножками, покрытыми обмоткой. Некоторые разновидности серег в виде знака вопроса не встречаются в комплексах второй половины XIII – начала XIV в., но устойчиво сочетаются с монетами 40-х – начала 60-х гг. XIV в.

Во второй половине XIII–XIV в. широкое распространение получают предметы туалета и украшения, среди которых бронзовые зеркала с широким ободком, подвески в виде знака вопроса и деревянные гребни. Из украшений характерны проволочные серьги в виде «знака вопроса». Бронзовые зеркала встречаются в каждом третьем женском захоронении. Они делятся на две группы. Первая – изделия в виде небольших тонких дисков с неровными краями и следами обломанных литников. Некоторые снабжены ручками-петельками. Орнаменты на них – символы солнечного культа (круги с точками в центре, радиальные лучи, концентрические окружности, крестообразные фигуры с точкой в центре, изображения арок или дуг) выполнены тонкими контурными линиями и точками. Вторая группа зеркал (восточной школы) представлена массивными дисками без ручек с валиками или бортиками по краю. Орнаменты – изображения летящих птиц, плывущих друг за другом рыб, драконов, бегущих животных, сложные растительные плетёнки, арабские благожелательные надписи – восходят к китайским, среднеазиатским или иранским прототипам.

Зеркала первого типа известны с домонгольского времени до начала XV в. Самые ранние монеты, найденные вместе с такими зеркалами, датируются 1278–79 гг., а самые поздние – 1357–58 гг. Зеркала с высокими бортиками по краю диска погребениях сочетаются с монетами, датируемыми от 1322 г. до 1364 г. Вероятно, многие типы зеркал восточной школы в среде кочевого населения Золотой Орды получили широкое распространение только во второй трети XIV в.

На территории Нижнего Поволжья исследовано 35 захоронений с головными уборами. Особой категорией инвентаря являются женские и девичьи головные уборы – бокки и шапки с наушниками.

С приходом монголов в позднесредневековых погребениях изменился состав инвентаря. В погребениях второй половины XIII–XIV в. появляются новые формы железных черешковых наконечников стрел: срезни в виде вытянутой лопаточки, полулунные срезни, плоские фигурные наконечники различной формы. Стрелы носили в берестяных или кожаных колчанах, которые крепились к поясу при помощи железных крючков и портупей из ремней и пряжек. Колчаные накладки украшались гравированными орнаментами, которые находят близкие аналогии с традиционными орнаментами народов Дальнего Востока, Алтая, Сибири. В середине XIII в. традиция изготовления таких колчанов была принесена в степи Восточной Европы пришлым тюркоязычным населением, входившим в состав армий Бату. Для изготовления берестяного колчана использовался деревянный каркас, на который наматывалась береста. Обкладка колчана могла украшаться костяными накладками и различными изображениями (олень, дракон и т.п.). В мужских захоронениях встречены предметы защитного вооружения. Целые панцири или кольчуги ценились высоко, поэтому, следуя принципу – часть вместо целого, в погребения помещали небольшие обрывки кольчуг или несколько панцирных пластин. В мужских погребениях Нижнего Поволжья найдены остатки квадратных кожаных сумок и кисетов, которые носили на поясе. Туда обычно помещали монеты, кресала, гребни, ножи и другие предметы.

Широкое распространение получили различные типы стеклянных бус, бусы из горного хрусталя, сердолика, янтаря. Иногда встречаются бусы-амулеты в виде гребешков, кукишей, топоришков, птичек, которые носили в качестве оберегов.

Из бытовых предметов встречаются железные ножницы, щипцы и оселки.

Монеты встречаются крайне редко. Преобладают дирхемы Сарая, Сарая ал-Махруса, Сарая ал-Джедид и Гюлистана, отчеканенные в первой половине XIV в. Монеты Болгара, Укека, Тебриза, Мохши, Азака и Хорезма единичны. Четыре монеты обнаружены в средневековом погребении могильника Яшкуль IX в Калмыкии. Они относятся к типу, распространенному при Джанибеке в 1340-х гг. Указанные вещи могут быть датирующими для памятников второй половины XIII–XIV в.

Таким образом, территория археологической культуры кыпчаков/половцев Заволжья и Предуралья XIII–XIV вв. характеризуется ареалом распространения *земляных курганов*. Комплекс морфологических признаков погребального обряда этих памятников отражает генетическую связь оставившего их населения с кыпчаками/половцами южнорусских степей домонгольского периода. На востоке, в степях Южного Предуралья и Зауралья, с ними соседствовали кочевники, оставившие захоронения под «*каменными курганами*», пришедшие сюда в составе монголо-татар и, следовательно, не входившие в кыпчакско-половецкие группы Восточной Европы. Это подтверждается и данными антропологии: как было установлено, погребенные под «каменными курганами» Южного Приуралья относятся к южносибирской расе с преобладанием монголоидных признаков. Следовательно, при определении этнического состава кочевников Золотой Орды Заволжья и Предуралья необходимо исключить курганы, сооруженные с применением камня, из круга кыпчакско-половецких памятников. Этнокультурные корни кочевников, оставивших эти курганы, следует искать на востоке евразийских степей, что подтверждается совпадением ареалов распространения «каменных курганов» и ЖПК. Ареал большинства известных в Заволжье каменных изваяний, традиционных для кыпчакско-половецкой поминальной обрядности, совпадает с ареалом земляных курганов. Среди «каменных курганов» встречаются и такие, которые по своим морфологическим признакам – куча камней – ассоциируются и с монгольскими поминальными сооружениями «обо».

На пригородных кладбищах исследовано 85 комплексов виде прямоугольных, округлых или многогранных в плане *оград из сырцовых кирпичей на глиняном растворе*. Внутри обычно находят одно или несколько погребений, большинство из которых перекрыто оштукатуренными ступенчатыми кирпичными надгробиями. Средние размеры таких построек 5×5 м. Почти все они были сооружены над могилами оседлого мусульманского городского населения, только 8% можно с большей или меньшей долей вероятности связывать с кочевниками.

Кочевники Поволжья хотя и контактировали с оседлым городским населением, поскольку были заинтересованы в экономических связях с городскими производственными центрами, но к самому городу и городской оседлой жизни были индифферентны. В Среднем Поволжье городская культура имела глубокие генетические корни, будучи связанной с культурой городов домонгольской Волжской Болгарии. В степях Нижнего Поволжья города возникли спонтанно, волею ханской власти, поэтому для населения кочевой Степи представляли собой явление психологически и ментально чужеродное. Исключением являлся город Саксин в Волжской дельте, возникший ещё в X в. Но в контексте социально-экономической жизни Золотой

Орды это был город провинциальный, к тому же ещё и разрушаемый трансгрессией Каспийского моря.

Поэтому не случайно, что после погрома, учиненного Тимуром в Золотой Орде в 1391–1395 гг. городская жизнь в Нижнем Поволжье приходит в упадок.

Популярность той или иной мировой религии в Улусе Джучи зависела от меняющихся исторических условий. Можно выделить погребения, материалы которых содержат отдельные элементы погребального обряда, связанного с буддийскими верованиями. Наряду с культом Тенгри, видное место занимали представители буддизма, христианства и ислама, который в период правления хана Узбека становится государственной религией Золотой Орды.

С распространением мусульманства связано строительство такого типа погребальных сооружений как *мавзолеи*. Мавзолеи для захоронения лиц из высших сословий золотоордынского общества представляли собой семейные усыпальницы, в которых находились мужские, женские и детские захоронения, нередко совершенные с отклонениями от норм мусульманской похоронной обрядности. Многие мавзолеи были сооружены над могилами служилой родовой аристократии и их семей.

Таким образом, несмотря на изменения, происшедшие в степях после монгольского нашествия, в археологическом материале позднечевических памятников Волго-Уралья прослеживаются следы старого населения степей. Это прежде всего курганный погребальный обряд, который сохраняется вплоть до XV в. К этому времени формируется культурное пространство, в котором смешались древние черты кочевнической культуры, определенной процессами ассимиляции половцев и печенежско-торческих племен и формированием в Нижнем Поволжье общего тюркского пространства домонгольского времени, с новыми монгольскими элементами.

После монгольского нашествия и образования Золотой Орды на Нижней Волге начинает создаваться локальный вариант кочевнической культуры на тюркской основе. В золотоордынский период половцы были переселены в Нижнее Поволжье и составили основную массу населения городов и степи, став основой формирования средневекового тюрко-татарского населения. Территория северо-западного Прикаспия во второй половине XIII–XIV в. также была заселена входившими в состав Золотой Орды половецкими племенами.

Археологические данные свидетельствуют о том, что курганы Среднего и Нижнего Поволжья и земляные курганы Южного Приуралья представляют собой единый этнокультурный массив, оставленный в XIII–XIV вв. близкородственными кочевниками. «Каменные курганы», расположенные к востоку от них, оставлены этнически пёстрым населением, имеющим восточные – азиатско-сибирские корни (рис. 39).

Костюм в системе культуры кочевого населения Дешт-и-Кипчак. Средневековый костюм – стандартная, унифицированная одежда, подчиненная социальным и религиозным статусам, правилам и стилю. В это понятие обычно входит одежда, обувь, причёска, головной убор и различные аксессуары. Костюм отражает социальную, религиозную и этническую принадлежность человека, его пол, возраст, занятие, профессию. Он отвечает определенной климатической зоне, эстетическим представлениям социума, создавая узнаваемый облик своего носителя. Костюм в Золотой Орде, как и во всей Монгольской империи, вполне соответствовал этим критериям и в значимых элементах регулировался законодательством и традициями.

Держава Чингизидов была многонациональной, но основу сословно-статусной системы составляла тюрко-монгольская аристократия, из которой формировалась

Рис. 39. А – примеры погребений кочевников Золотой Орды: 1, 2 – под земляными курганами: Линеvский III одиночный курган; 3–5 – под «каменными» курганами: Андреевский; 6, 7 – всаднические погребения: 6 – Тлявгуловский, к.1; 7 – у пос. Урал, к.5. Б – элементы материальной культуры кочевников Дешт-и-Кыпчака в золотоордынское время: 1–2 – доспехи; 3, 4 – наконечники стрел; 5 – колчан; 6 – костяные накладки на колчан; 7 – костяная накладка на седло (могильник Алчынхута 1, Западное Предволжье); 8 – удила; 9, 10 – стремена; 11–14 – серьги; 16 – медный кувшин, украшенный арабской вязью (могильник Комсомольский VI. Южное Предуралье); 17 – бронзовое зеркало (могильник у пос. Урал. Южное Предуралье) (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Иванов, Мыськов, Кольцов, 2022)

правлящая элита. Традиции и нормы этой группы стали основой для формирования «имперской» моды. Во второй половине XIII в. в Улусе Джучи сформировался новый статусный костюм, который имел общеимперское значение.

Важную роль в распространении «имперской» моды на всей территории Улуса Джучи играл т. н. «институт дарения». Одаривание статусными вещами использовалось в качестве знака наделения властными полномочиями и продвижения по служебной лестнице. В результате, имперская мода распространялась не путем торговли деталями костюма и одеждой, а путем систематического дарения ханом своим приближенным изделий, произведенных в особых мастерских или специально закупавшегося импорта. Приближенные в свою очередь одаривали свой ближний круг вещами, сделанными по этим образцам. Тем самым, элитные изделия костюма и быта распространялись в обществе, вызывая волну подражаний и копий, становились основой для формирования моды. Основой для воспроизводства и распространения служили прежде всего престижные элементы кочевой культуры. Этим объясняется значительное сходство костюма, аксессуаров, причесок, украшений в разных частях империи.

Письменные источники, описывающие костюм, порядок его ношения и набор украшений указывает на строгую регламентацию, которая сформировала в монгольской державе единый «имперский стиль». Все подданные империи, от Чингизидов до торговцев или иных просителей, включая послов, были обязаны следовать строгим правилам и порядкам. Обязывая к ношению монгольской одежды, власти формировали новую имперскую идеологию, заставляя включаться в клановую структуру и следовать единому церемониалу. Растворение подобным образом пришлой элиты было характерной чертой китайской имперской традиции, у монголов она получила распространение в X–XII вв. Основной одеждой был халат. Часто носили по два халата одновременно. Помимо халатов с длинными рукавами носили и короткорукавные, типа «кафтана». Такой шелковый кафтан был найден на Увекском городище. Нижняя мужская одежда состояла из рубашки и штанов.

Головные уборы у мужчин различны, от легких тканевых типа «башлыка» или капора, до шапок жесткой конструкции. Они украшались кисточками, лентами, навершиями под перьевую систему (и без неё). Такие навершия найдены на Болгарском городище, в кургане у станицы Белореченской, в Карашамском и Симферопольском кладах, на Северном Кавказе. Литейные формы для изготовления наверший происходят из Болгара и Маджара.

Сапоги были мягкой конструкции на тонкой и толстой подошве, выкроенные из кожи, с узорчатой отделкой и без, состояли из голенища, носка, задника и подошвы. Высота сапог доходила до колена. Голенища могли крепить к поясу лентами.

Одним из самых важных элементов элитарного мужского костюма являлся пояс с металлической гарнитурой, который для евразийской аристократии служил символом воинской доблести, показателем высокого социального и военно-административного ранга и статуса в клановой иерархии. Система пожалования поясов сохранялась во всех государствах Чингизидов. По свидетельству Марко Поло, император Хубилай (1260–1294) тринадцать раз в году выдавал своей гвардии кроме дорогих одежд и сапог «по дорожному, красивому золотому поясу».

Так как карманы в одежде кочевников отсутствовали, для хранения денег, кресала, огнива и других нужных мелких вещей использовались кожаные сумочки, украшенные орнаментом и снабженные металлическими деталями и замком. Важным

аксессуаром, сопровождавшим мужчину, была поясная чаша, которая могла подвешиваться к поясу либо прятаться в сумку. Чаши служили не только утилитарным целям, но и были элитным атрибутом, драгоценными подарком, которые вручались владельцем и главой клана, своим знатым родичам и распределялись по лестничной системе клановой аристократии.

Костюм знатной женщины в Монгольской империи, и в Улусе Джучи был строго регламентирован и ранжирован по возрасту и социальному статусу самой женщины, а также должен был соответствовать положению ее мужа или отца. Женская одежда кочевников в Улусе Джучи имела значительное сходство с монгольскими костюмами. Она была закрыта, многослойна, соответствовала бытовым, климатическим условиям, отражала возрастной и социальный статус и состояла из нижнего белья, халатов различного кроя, кафтанов, сапог, головных уборов и дополнялась разнообразными аксессуарами.

Знаковой частью костюма замужней женщины был монгольский головной убор *боктаг* (*бокка*) Его основой была сложная конструкция из бересты, сшитой сухожильными или шелковыми нитками, и прутьев в виде своеобразного «ствола» с «капителью», которая обтягивались шелком, дополнялась шапочкой из ткани, оформлялась ювелирными украшениями и перьями, которые служили показателем статуса владелицы. Со временем монгольский головной убор «бокка» утрачивает свои специфические качества. В золотоордынский период «бокку» носили как монгольские, так и половецкие женщины. По результатам статистико-комбинаторного анализа вещевых комплексов кочевников Золотой Орды «бокка» обнаруживает устойчивую встречаемость с серьгой в виде «знака вопроса», бронзовыми зеркалами и ожерельем из бус, составляя типичный комплекс женского костюма.

При пошиве одежды использовались шелк и хлопок (реже сукно, шерсть для утепления или придания жесткой формы), для аксессуаров и обуви – кожа и войлок. Утепленная одежда могла быть подбита ватой (хлопок/шёлк) или мехом. Не все могли себе позволить золототканый шёлк и драгоценные наборные пояса, но, благодаря «институту дарения», у рядового монгола могла быть какая-нибудь ценная вещь, возможно не одна. Но в целом, различие в тканях, аксессуарах, перьевой системе для головного убора отражает различие между ханом и простым кочевником.

Все изученные материалы, позволяющие реконструировать костюм в Улусе Джучи, показывают единство и высокую степень единообразия, вызванного как единой имперской нормой, так и изменением моды в среде золотоордынского общества. В целом сохраняется основной «имперский» ассортимент и покрой одежды (женские широкополые халаты, мужская плечевая одежда). Можно сказать, что золотоордынский костюм единообразен и имеет сходство основных элементов на всей территории Улуса Джучи в XIII–XIV вв., что особенно заметно по парадному (церемониальному) костюму аристократии Поволжья.

7.5. УРБАНИЗМ И ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА: АРХИТЕКТУРА, ВОЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО, БЛАГОУСТРОЙСТВО

Урбанизация Золотой Орды, результатом которой стало строительство городов и формирование развитой городской культуры в различных регионах степной Евразии

и на прилегающих к ним территориях, по мнению исследователей, представляется феноменом в мировой истории.

В результате изучения нижеволжских золотоордынских городов в 1980-е гг. В.Л. Егоров и Г.А. Федоров-Давыдов предположили, что основными причинами их образования на Нижней Волге стали: выделение этого района в личное владение хана; природно-климатические особенности района, позволяющие сочетать элементы оседлого и кочевого хозяйства; пересечение торговых путей. В.Л. Егоровым были выделены основные этапы возникновения и развития городов в Золотой Орде. Было предложено рассматривать отдельно историю существования собственно золотоордынских городов и домонгольских городских центров, которые были использованы в эпоху Золотой Орды.:

40-е гг. XIII в. – соответствует использованию старых городских центров, вошедших в состав государства в результате завоевательных походов;

50-е гг. XIII в. – начало градостроительства в Золотой Орде при хане Бату;

середина 50-х – 60-е гг. XIII в. – быстрый рост городов и развитие городской жизни в правление хана Берке;

70-е гг. XIII в. – начало XIV в. – замедление роста городов;

20-е – конец 50-х гг. XIV в. – расцвет градостроительства в правление ханов Узбека, Джанибека, Бердибека;

60-е гг. XIV в. до 1395 г. – сокращение градостроительства и постепенное затухание городской жизни, связанные с началом смуты и общим упадком Золотой Орды.

Процессы градообразования в разных районах происходили по-своему, имея региональную специфику. Так, в Среднем Поволжье в 1230–1240-е годы происходит активный градостроительный подъем Болгара, получившего на короткий промежуток времени столичный статус до оформления ханского домена на Нижней Волге. Преемственное развитие фиксируется на многих городах домонгольского времени на Среднем Поволжье (Биляр, Болгар, Джукетау, Казань, Алабуга и др.). Аналогичная картина наблюдается и на территории Хорезмийской области, где урбанистические процессы Улуса Джучи начались еще раньше.

Исследования последних лет выявляют все больше ранних поселений, существовавших на месте городов, известных в монгольское время, что позволяет в настоящее время говорить, что многие из этих городов появились в местах, имеющих традиции устойчивой оседлости с признаками городского уклада хозяйствования, особенно на первом этапе градообразования. После падения золотоордынской государственности и гибели большинства городов, в дальнейшем в некоторых регионах это, вероятно, способствовало продолжению городской жизни в изменившихся условиях и сохранению городского мусульманского татарского населения (Астрахань, Касимов, Казань и др.).

Важную роль играл экономический фактор. Новые населенные пункты появлялись в тех местах, которые были обусловлены экономическими обстоятельствами: существования предшествующих урбанистических традиций, устойчивые торговые магистрали, переправы через реки, развитые в сельскохозяйственном или ремесленном отношении анклавы. Размещение на предшествующих местах городских агломераций позволяло на постоянной основе осуществлять развитие ремесленного производства и функцию управления за этими территориями, оказавших свое влияние и на специфику появления городских агломераций на Кавказе и Причерноморье.

Для столичного домена на Нижней Волге были выделены два основных периода формирования городской структуры и хода урбанизационных процессов.

1250–1320-е гг. – спокойное освоение и развитие территории, восстановление разрушенной в ходе завоевания экономики, формирование торгово-транспортной сети, четкого административно-территориального деления. Активное градостроительство не наблюдается. На Нижней Волге преемственное развитие населенных пунктов домонгольского Саксина (Самосдельское и Мошаикское городища). Во второй половине XIII в. появляется нескольких новых, собственно золотоордынских населенных пунктов – Укек, Сарай, поселение Сартака, составивших на долгое время основу столичного региона. Археологические данные указывают на быстрый рост в середине XIII в. количества поселений в некоторых других регионах (низовья Дона и Приазовье).

Второй этап (1320-е гг. – начало XV вв.), включающий в себя эпоху правления ханов Узбека и Джанибека, отличается усилением градостроительной политики во всем государстве, в том числе и на территории ханского домена. Это было вызвано вступлением государства в качественно новый период своего развития, явившегося результатом реформ хана Узбека.

Разрушения, произведённые войсками Тимура в 1395 г., серьёзным образом подорвали потенциал Золотой Орды, нарушив внутрисоюзные экономические связи и затруднив международное торговое сотрудничество. Однако нижеволжский политический центр Золотой Орды продолжал существовать. В конце XV в. важнейшими городскими центрами в Нижнем Поволжье оставались два города – Сарай (Сарай ал-Джедид) и Хаджи-Тархан.

В связи с активным строительством и ростом городов на территории Золотой Орды возникает устойчивая городская культура, определяющая его восточный мусульманский облик, адаптированный к условиям климата и ландшафтов региона, и формирующая систему отношений в городской среде. Большое значение для ее формирования имело культурное влияние городских центров Центральной Азии и Закавказья, обозначивших стилистические и культурные приоритеты, выбор материалов, форм, технологических и художественных решений. Материальным выражением городской культуры, фиксирующим ее достижения и способность решать задачи городского развития, безопасности, идеологии на уровне инженерно-строительного обеспечения городской территории, являются объекты, связанные с архитектурным строительством, фортификацией и благоустройством.

Архитектура

Выразительным воплощением городской культуры Золотой Орды являются монументальные постройки. В степной зоне и низовьях Волги их строительство велось из сырцового и обожженного кирпича, подобного среднеазиатскому. В качестве декора применялись поливные изразцовые кирпичи, глазурированные майолики и мозаики, резные фигурные кирпичики, терракота. В Поднепровье, Крыму и Волжской Болгарии монументальные постройки возводились из камня с добавлением кирпича. Архитектурный декор здесь представлен в основном резьбой по камню. Смешанная техника применялась на Северном Кавказе.

Доминирование ислама определяло восточный облик городов Золотой Орды. Основными зданиями здесь были мечети, медресе, мавзолеи, восточные бани, караван-сарай, характерные для мусульманских стран.

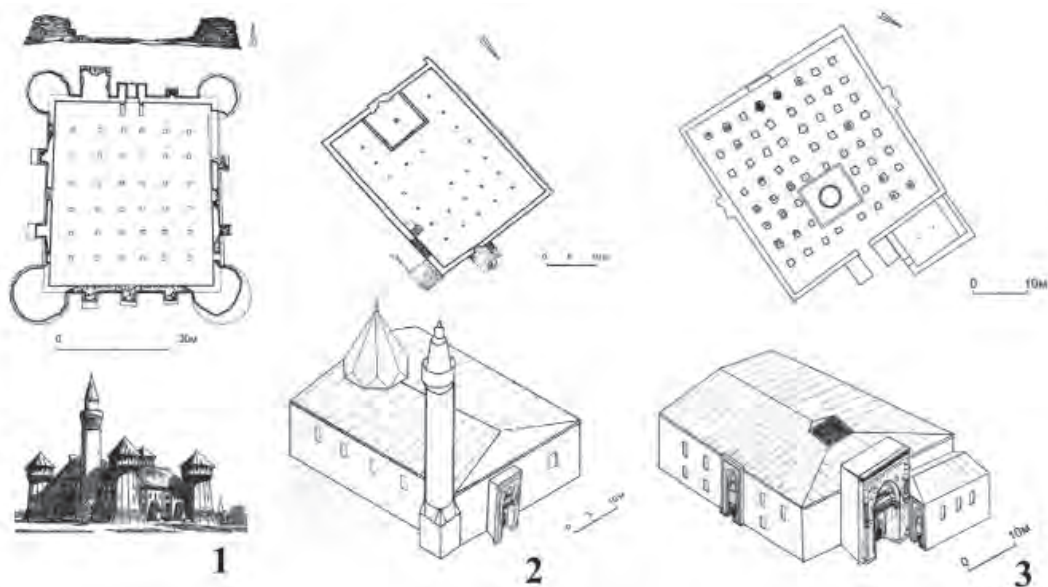

Рис. 40. Архитектура. 1 – соборная мечеть в Болгаре (Четырехугольник) второго строительного периода; 2 – мечеть Водянского городища; 3 – Джума мечеть Сарая (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Зиливинская, 2022; Ситдииков и др., 2023)

Наиболее значимыми культовыми постройками в странах, связанных с мусульманской религией, являются мечети. Минареты, встроенные в здания мечетей или стоящие рядом с ними, являются важнейшим градообразующим элементом мусульманских городов. Ко времени появления в городах Золотой Орды в разных частях мусульманского мира уже существовали различные типы мечетей и минаретов (рис. 40).

В Золотой Орде мечети начали строиться при Бату, затем при Берке, который был мусульманином и способствовал городскому строительству. К числу первых известных мечетей относится соборная мечеть в Болгаре, начало строительства которой датируется 1230-ми гг. Массовое возведение мечетей относится ко времени Узбека, с именем которого связаны принятие мусульманства как государственной религии и расцвет городов. Мечети городов Поволжья однотипны – это квадратные или прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено рядами колонн, поддерживающих плоское перекрытие в виде балок или аркад. Главный вход расположен в северной стене, напротив михраба, и обрамлен порталом. При значительной площади здания имеют и боковые входы, как, например, в Болгаре и Сарая. Мечеть Сарая имеет небольшой внутренний дворик, в центре которого находится водоем. В мечети Водянского городища пространство перед михрабом отгорожено, и крыша в этом месте, вероятно, была выше. Такой тип мечетей в Золотой Орде сложился под влиянием Малой Азии.

Единый архитектурный ансамбль с мечетями образуют минареты. Золотоордынские минареты имеют кубический или призматический цоколь, который переходит в восьмигранную призму или непосредственно в цилиндрический, слегка сужающийся кверху ствол. Минареты Болгара полностью каменные, минарет мечети Водянского городища имел каменный цоколь и ствол из кирпича. На Селитренном

городище постройка полностью кирпичная, в облицовке цоколя применены поливные кирпичи. Каменные здания были декорированы резьбой. Кирпичные стволы минаретов украшены орнаментальными поясами из резной терракоты, обточенных кирпичиков, ганчевых вставок и поливных изразцов, под балкончиком для муэдзина находится сталактитовый пояс. Покрытие минаретов шатровое. Подобные архитектурные формы характерны для Малой Азии и стран, находящихся в сфере ее культурного влияния, таких как Азербайджан, Крым, частично Северный Иран. Они возникают там в сельджукское время и, несколько видоизменяясь, существуют в дальнейшем.

Широчайшее распространение в мусульманских странах получили *мавзолеи*, которые имели большое социальное и религиозное значение. В Золотой Орде, как и в других странах этого времени, где ислам играл существенную роль, среди монументальных зданий мавзолеи составляют большинство.

Особо следует выделить комплекс мавзолеев у с. Лапас (Харабалинский район Астраханской обл.), которые представляют собой грандиозные погребальные сооружения, построенные по единому проекту с четко оформленной планиграфией зданий комплекса. Для его строителей было организовано поселение, известное как «Ак Сарай», с жилыми постройками и печами по обжигу кирпича. На площади более 400 га зафиксированы развалины около 30 погребальных сооружений, пять из которых являются остатками крупных архитектурных объектов. Крупные мавзолеи образуют две «аллеи», вытянутые перпендикулярно левому берегу р. Большой Ашулук.

Наиболее раннее указание на этот комплекс отмечено на итальянской карте 1367 г. братьев Пицигани с латинской надписью: «Гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки». Сведения о расположенных здесь погребальных сооружениях, обозначенных как «Императорские захоронения» («*Sepultura imperial*»), имеются на карте Фра-Мауро 1459 г. и в «Книге путешествия» турецкого дипломата Эвлии Челеби, посетившего Нижнее Поволжье в 1665–1666 гг. По предположению В.И. Егорова, в четырех крупнейших мавзолеях комплекса могли быть погребены ханы, принявшие ислам: Берке, Узбек, Джанибек, Бердибек.

Магнитометрические исследования мавзолея № 1, являющегося самым крупным, центральным объектом комплекса, позволили выявить остатки здания квадратной в плане формы размером 60×60 м, внутри разделенного на отдельные помещения. Вход в него шириной около 15 м находился с южной стороны. Внешний контур мавзолейного комплекса прямоугольной или более сложной формы имел размер 100×100 м. Внутреннее пространство мавзолея было выстлано полом из квадратных кирпичей-плинф размером 26×26×4–5 см, который был обмазан слоем алебастрового раствора. Пол покоился на песчаной «подушке», которая, в свою очередь, была отсыпана на фундамент, сооруженный из мелких обломков кирпича.

Мавзолей № 4 - несколько меньше. Его здание, ориентированное по линии СЗ-ЮВ, имело размеры 25×35 м и состояло из двух помещений. Вход 10×5 м располагался с южной стороны. Вокруг мавзолея зафиксирована ограда с фундаментом из обожженного кирпича. Предполагаемые размеры ограды 80×55 м. С южной стороны ограды находился вход с порталом размером 15×15 м. С внешней стороны здания были оформлены декоративными поливными плитками со стилизованным рельефным растительным рисунком, что находит аналоги в строительной практике Центральной Азии. Возведение мавзолеев Лапаса происходило единовременно в период

правления хана Узбека с 721 по 731 гг. х. (1321–1331), и являлось одним из результатов масштабных реформ в Золотой Орде, включающих принятие ислама в качестве государственной религии. В строительстве и оформлении объектов основную роль играли архитекторы и строители из Хорезма, на что указывают традиционные приемы архитектуры зданий и декоративные элементы, имеющие распространение на западе и юго-западе Центральной Азии в эпоху Монгольской империи. Со временем вокруг каждого крупного мавзолея создавались родовые некрополи, меньшего размера. Мавзолеи Лапаса оказали важное влияние на становление представлений о том, какими должны быть погребальные сооружения над захоронениями правителей в имперском культурном пространстве Улуса Джучи. Они стали одним из элементов внешних проявлений знаковой системы верховной власти, основанной на культуре ислама. Комплекс мавзолеев в руинированном виде просуществовал до конца XVII в. после чего в XVIII в. и позднее был разобран на строительный материал местным населением.

Обзор мемориальных сооружений Золотой Орды показывает, что среди них прослеживается широкий спектр архитектурных форм и планировочных решений. В пределах Золотой Орды можно выделить два направления зодчества: строительство из камня и строительство из кирпича (обожженного и сырцового). Существует также смешанная техника, когда отдельные части здания строятся из различных материалов.

В Золотой Орде существовала развитая архитектура мемориальных построек. В сложении золотоордынского мемориального зодчества прослеживаются: малоазийское влияние, которое присутствует в памятниках, выполненных в технике каменного строительства; азербайджанское, выраженное в строительстве из камня и смешанной каменно-кирпичной кладке; влияние среднеазиатской школы, связанной со строительством из обожженного и сырцового кирпича. В настоящее время можно выделить несколько областей, где превалировала та или иная школа. Волжская Болгария являлась зоной малоазийского влияния, а Нижнее Поволжье – среднеазиатского. В то же время в некоторых частях Нижнего Поволжья (Водянское городище) отчетливо прослеживаются традиции азербайджанского зодчества, представленного нахичеванской школой, для которой характерно сочетание камня и кирпича, активное применение в качестве декора изразцов. В Волжской Болгарии фиксируется присутствие азербайджанского элемента, а именно ширвано-апшеронской школы.

В Приуралье наряду с мавзолеем среднеазиатского облика есть здания, почти идентичные болгарским мавзолеям. Это мавзолеи Турахана и Кешене (Хусейн-бека). Строительные материалы, конструктивная схема этих зданий свидетельствуют о влиянии традиций каменного зодчества Болгара.

Мавзолеи лапасского комплекса на Нижней Волге несут в себе архитектурные технологии, строительные приемы и планировочные схемы центральноазиатского региона, находящие аналоги в материалах Хорезма.

Гражданских зданий общественного характера в золотоордынских городах известно немного. Прежде всего, это сооружения, связанные с торговлей. Страны Среднего Востока и Передней Азии находились на пересечении торговых путей, и в каждом городе были торговые точки. Купля-продажа велась в городских постоянных дворах (караван-сараях, фундуках, ханах). В них совершались в основном оптовые сделки, а для розничной торговли использовались другие заведения. Арабские авторы называли их «суқ» (рынок); по-персидски они назывались «базар».

Золотоордынские города, хотя и имели свою специфику, были типично восточными городами. В них имелись такие важные общественные места, как базары. До недавнего времени ни постоянные дворы, ни базары в золотоордынских городах были почти не известны. Единственным торговым зданием, назначение которого не вызывает сомнений, является рынок г. Болгара. Здание расположено в центральной части города к юго-западу от Соборной мечети. Оно было построено в 1350-х гг. и погибло в 1360–1370-х гг. от пожара. Его архитектура была простой и предельно функциональной. Здание представляло собой слегка вытянутый призматический объем 37×34 м с глухими кирпичными стенами, расчлененными посередине широкими входами. Перекрытие было плоским со световыми отверстиями. По планировке более всего здание напоминает среднеазиатские типы линейной планировки и турецкие бедестаны, которые представляют собой прямоугольные, сильно вытянутые здания, перекрытые сводами или несколькими рядами куполов и застроенные по обеим сторонам лавками. Своеобразие его плану придает наличие внутренних павильонов.

Среди гражданских общественных построек в городах Золотой Орды значительный процент составляли бани. С распространением мусульманства, обряды которого предписывали обязательные ритуальные омовения, общественные бани-хаммамы стали непременным атрибутом любого восточного города. Их популярность объясняется еще и тем, что они являлись своеобразными клубами, где посетители проводили много времени.

Восточные бани, как и античные термы, имели систему отопления, при которой горячий воздух, идущий из топки, обогревает всю поверхность пола. Планировка восточных бань отражает восточную «идеологию» банного процесса, в котором важнейшим элементом был массаж, приводящий к полному расслаблению организма. Непременной чертой хаммама является наличие центрального зала в виде креста, многоугольника, звезды, представляющего композиционный центр здания и служащего в качестве массажного отделения.

Бани Золотой Орды имели систему подпольного отопления, что свидетельствует об их генетической связи с восточными хаммами и банями античной традиции. Планировка золотоордынских бань разнообразна, образцы банных построек известны в большинстве регионов Золотой Орды. Насколько популярны были общественные бани в Золотой Орде, можно видеть на примере Болгара, в котором в настоящее время исследовано шесть бань.

Общественные бани Болгара представляли собой довольно крупные постройки. Самая большая из них – Восточная палата – имела длину 39 м и ширину от 14 до 19 м. О внешнем виде этих бань можно судить по рисункам Белой палаты, стены и перекрытия которой сохранялись до первой половины XIX в. Предбанник и тамбур здания были покрыты двухскатной крышей, из тамбура дверной проем вел в крестообразный зал, который стрельчатыми арками соединялся с горячими и теплыми мыльнями. Центральный зал и угловые помещения перекрывались куполами со световыми отверстиями в зените, у основания большого купола были сделаны еще четыре окна. Стены и внутренние поверхности куполов были оштукатурены, а плиты пола покрыты слоем известкового раствора.

Бани с крестообразным залом известны в Мохше и Укеке, в аристократическом районе Сарая (Селитренное городище). В Золотой Орде существовали и бани более простой планировки, из одного или нескольких рядов прямоугольных помещений.

Небольшие усадебные баньки, площадью от 8 до 20 кв. м, состоящие из одного горячего помещения с подпольным отоплением и, вероятно, каркасного предбанника, найдены в Мохше, на Селитренном городище. Общественные бани исследованы на Водянском городище, в Приуралье на городище Жайык.

Золотоордынские бани Волго-Уральского региона относятся к трем типам. Бани I и II типов восходят к античной строительной традиции. Бани III типа – это классические восточные хаммамы с массажным отделением в виде крестообразного центрального зала. Бани античной традиции существовали на территории Золотой Орды еще в домонгольское время – в Крыму, Волжской Болгарии, на азиатских территориях. Планировка бань III типа была заимствована, скорее всего, в Малой Азии или Азербайджане, так как в Армении бани такого типа почти неизвестны, а в Средней Азии настоящие хаммамы получают распространение не ранее монгольского времени и имеют несколько иную планировку. Бани этого типа являют собой еще один пример сельджукского влияния на архитектуру Золотой Орды.

Жилища рядового населения в Золотой Орде разнообразны. Так как население городов было полиэтничным, то и формы жилищ в различных городах и регионах могли различаться. К сожалению, на данный момент нет исследования, в котором рассматривались бы жилища на всей территории Золотой Орды, но для отдельных памятников такие работы существуют.

В Болгаре изучено три вида жилищ: полуземлянки, наземные деревянные дома и жилища монгольского типа. Полуземлянки имели квадратную и прямоугольную форму, площадь их составляла от 5 до 22 кв. м. Земляные стены их были укреплены частоколами из жердей, деревянными срубами или вертикально поставленными досками. Полы имели дощатый настил. Отапливались полуземлянки печами из глины или из глины, камней и битого кирпича. Большинство жилищ составляли наземные деревянные дома с подпольями. Это были однокамерные срубы из бревен. Площадь их от 9 до 16 кв. м. Полы были сделаны из досок, отапливались жилища глинобитными сводчатыми печами. Дома центральноазиатского типа были построены из сырца. Их отличает наличие подпольного отопления в виде жаропроводящих каналов, идущих от печи. Печи круглые в плане со стенками из сырцовых кирпичей. Полуземлянки и наземные срубные дома были характерны для домостроительства болгар еще в домонгольский период и не изменились в более позднее время. Дома с подпольным отоплением появляются в золотоордынский период.

В городах Нижнего Поволжья можно выделить юрты, землянки (и полуземлянки), однокомнатные дома, частично заглубленные в землю, наземные однокомнатные дома и многокомнатные здания. Землянки зафиксированы двух типов: большие (11–32 кв. м) с суфами, но без отопления, и небольшие с Г- или П-образной суфой, обогревавшейся каном, идущим от печи или тандыра. На Селитренном городище была найдена двухкамерная землянка с суфой и каном.

Все усадебные многокомнатные усадебные дома делятся на три группы по строительной технике: здания, состоящие из механически соединенных ячеек, каждая из которых представляет собой однокомнатный центральноазиатский дом; многокомнатные монументальные здания, построенные по единому плану; многокомнатные монументальные здания – конгломераты, состоящие из нескольких пристроенных друг к другу частей.

На Селитренном городище было раскопано дворцовое здание, которое является самой крупной усадебной постройкой, известной Золотой Орде. Оно представляло

собой многокомнатный дом, внешние стены которого были сложены из обожженного кирпича. Внутренние стены были фахверковыми. Здание было частично разрушено, поэтому его размеры можно определить лишь приблизительно, длина его составляла 32,5 м, ширина должна превышать 40 м. Центральное положение занимала анфилада парадных покоев, которая начиналась обширным подъездом со ступенями. Дверной проем вел в помещение вестибюля с Г-образными суфами. Далее следовал распределительный тамбур, соединенный двумя проходами с центральным залом.

Дворцовые здания сходной планировки с парадными залами в центре исследованы на Ахтубинском городище. На городище Жайык исследованы усадебные здания линейной планировки, построенные по единому плану, состоящие из помещений различного назначения.

В планировке усадебных зданий Золотой Орды прослеживается синтез различных компонентов. В основе домов первой группы лежит так называемый «дом центральноазиатского типа». Типы домов с айваном и внутренним двором, распространенные на всем Востоке, были принесены, скорее всего, из Средней Азии. Усадебные здания с парадным залом, принадлежавшие социальным верхам золотоордынского общества, имеют наиболее сложную планировку, которая также возникла под влиянием Средней Азии и Хорезма. Тем не менее, несмотря на сильное среднеазиатское влияние, здесь нельзя видеть прямое заимствование. Взяв за основу здания типично среднеазиатской планировки, жители золотоордынских городов применили к ним свои принципы организации пространства. В результате возникли постройки, которые можно считать оригинальным вариантом хорошо известных на Среднем Востоке планировочных схем.

Военное зодчество

Военное зодчество на территории Волго-Уралья в эпоху Золотой Орды продолжает свое развитие, хотя масштабы возведения объектов фортификации в значительной степени сокращаются и с середины XIII до середины XIV в. их строительство приобретает локальный характер. В этот период появляются города открытого типа без фортификационных сооружений, особенно многочисленные до середины XIV в. Уменьшение укрепленных поселений фиксируется для юга Среднего Поволжья.

В золотоордынских городах Нижнего Поволжья, первоначально развивающихся как города открытого типа, в середине XIV в. также начинают строить системы земляных укреплений, состоящих из вала и рва. Эти сооружения связывают обычно со временем золотоордынской смуты 60–70-х гг. XIV в. До этих событий оборонительных сооружений нижеволжские города не имели. Небольшие размеры объектов (ров Царевского городища был глубиной не более 1,5 м, в Укеке – 1–1,5 м, более глубоким был ров в Селитренном городище – до 2,5 м), их недостроенный характер (Водянское городище) позволяли исследователям говорить о неразвитости фортификации в золотоордынских городах или предполагать иное назначение этих объектов, не имеющее оборонительной цели. Так, для валов и рвов Царевского городища существует предположение о том, что они являются частью системы водоснабжения города. В литературе допускается вариант использования земляных укреплений в качестве административной границы города, подобно монгольскому Каракоруму, или в качестве предохранительного кордона от эпидемии. Надвальные сооружения, как правило, не фиксируются. Для Царевского городища упоминаются наличие вер-

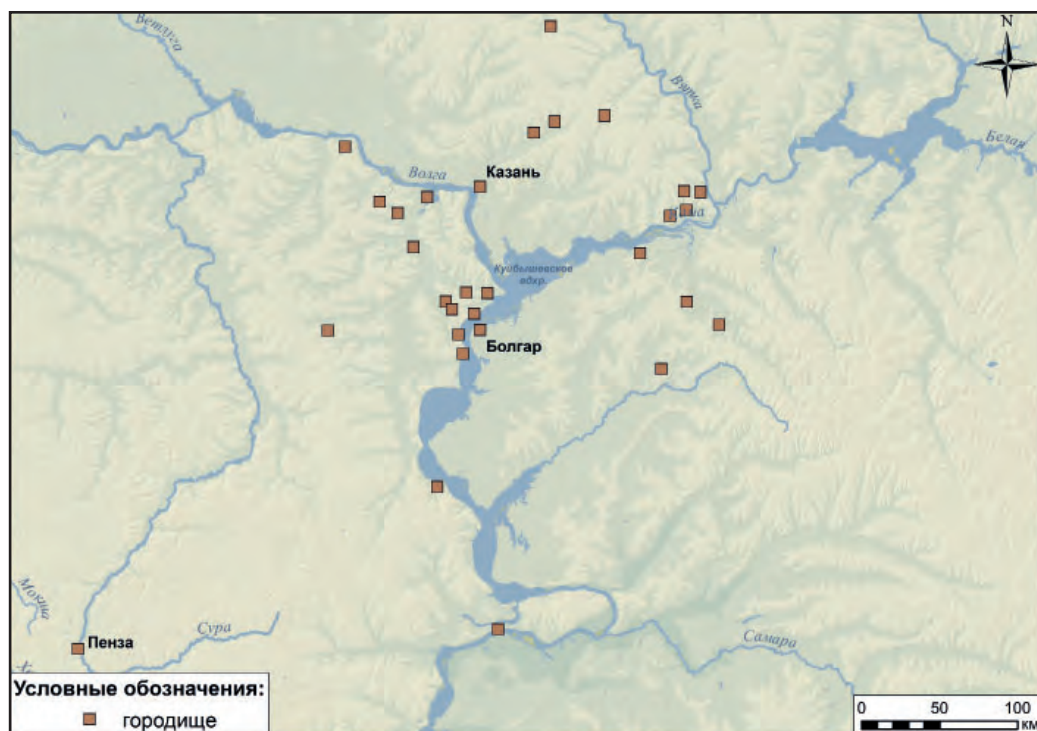

Рис. 41. Фортификация. Карта распространения городищ Волжской Болгарии золотоордынского периода (по: Губайдуллину А.М.)

тикального кола в северном углу городища и находка черепа собаки под насыпью вала, возможно положенного туда в качестве оберега.

Вместе с тем благодаря сведениям, полученным в ходе исследований городищ Северного Поволжья и Приуралья золотоордынского периода, можно констатировать факт продолжавшегося возведения крепостных сооружений в регионах лесной и лесостепной зон (Предкамье, Предволжье, Вятско-Ветлужское междуречье, бассейн Вятки, Прикамье, Северное Приуралье), где использовались как болгарская, так и древнерусская традиции возведения оборонительных объектов.

Фортификация как наука развивалась на территории Болгарского улуса практически без перерыва. Об этом можно судить не только исходя из датировки оборонительных линий, но и принимая во внимание эволюцию в развитии укреплений. Об этом же свидетельствует сохранение всего комплекса традиций строительства защитных дерево-земляных конструкций и технологических приемов, применявшихся при их сооружении. На болгарских памятниках золотоордынского периода прослеживается большинство известных с домонгольского времени типов крепостных стен: тыновая ограда, столбовая (каркасно-столбовая) конструкция, городни. Во второй половине XIII – XIV вв. после проведения ремонтных работ на ряде городищ использовались укрепления, построенные ранее. Фортификационные сооружения Казани, возведенные в домонгольское время, в золотоордынский период продолжали использоваться и сохранялись в тех же размерах.

Оборонительные сооружения в Среднем Поволжье исследованы у 12 болгарских городищ, датированных золотоордынским временем. Количество городищ в это вре-

мя резко сокращается. Из 198 известных в предшествующее время городищ в эпоху Золотой Орды только 42 остались в качестве укрепленных пунктов, 22 из них возникли в середине – второй половине XIII в. (рис. 41).

Одним из показателей развития болгарского военного зодчества золотоордынского времени являются оборонительные сооружения *Болгарского городища*, которые, вероятно, следует рассматривать как особый случай в фортификационной практике региона в период Золотой Орды ввиду сложности и масштабов сооружения, совместившего в себе целый ряд технических решений и приемов. В золотоордынский период городище, расширяясь, занимает край коренной волжской террасы на площади до 400 га и с запада, юга и востока окружается валом и рвом. Укрепления учитывали особенности ландшафта – небольшие озера и заболоченные территории, которые служили дополнительной преградой. Высота вала в южной и юго-восточной частях достигает 4 м, а ширина 12 м. Глубина рва около 2 м, ширина около 10 м. В западной и восточной частях размеры укреплений несколько меньше. Здесь высота оборонительных насыпей около 2 м при ширине до 12 м. Глубина рва до 2 м, а ширина 8–10 м. В южной части появляется дополнительное укрепление – «Малый городок», а в северо-восточной т. н. «окоп Савенкова». Можно предположить и наличие какой-то ограды у «армянской колонии», располагавшейся с северо-запада от городских укреплений. При расчистке рва были обнаружены следы надолбов, которые служили дополнительным препятствием. Город в золотоордынское время был защищен укреплениями в виде деревянной стены, шедшей по гребню вала, и рвом, заполненным водой, с выступающими сваями и системой надолбов с внешней стороны.

Крепостные стены городища состояли из двух параллельных деревянных стен, связанных на определенном расстоянии перевязями, по верху которых укладывался настил боевого хода, в то время как передняя стенка возводилась выше и в ней прорубались бойницы. Такой вид укреплений мог представлять собой прототип т. н. тарас, заполненных землей и камнями.

В восточной части городища также могла находиться крепостная стена, построенная в начале XIV в., которая опускалась с террасы в низину и имела протяженность 85 м. Здесь она заканчивалась башней и затем под прямым углом шла на запад, прикрывая устье Большого Иерусалимского оврага. Ров здесь отсутствовал, т. к. внешняя сторона была заболочена. Крепостная стена стояла и на верхней террасе вдоль бровки крутого обрыва и соединялась на западе с основными укреплениями города.

В целом комплекс военно-инженерных конструкций Болгарского городища XIV в. гораздо более сложен по сравнению с домонгольским. Он состоял из целой системы взаимодополняющих и заменяющих друг друга типов фортификационных построек. Это надолбы с напольной стороны и во рву, ломаная линия обороны, крепостные башни (?) и стены, а также сложная система проездов. Прослеживаются и отдельные технологические приемы, берущие свое начало еще в домонгольское время. Например, это тип стен в виде столбовых конструкций, но только усложненный в XIV в. их вариант.

Необходимо также отметить линии обороны таких памятников, как Кашан I, Кирменское и Ашиязское городища. В это число входят также Казань и Чаллыньское городище, которые в XIII–XIV вв., вероятно, продолжали ограждаться укреплениями, возведенными еще в предыдущий, домонгольский период, и лишь иногда подвергались ремонту.

Благоустройство

Системы благоустройства, сложившиеся в золотоордынских городах, призваны были решать вопросы инженерного обеспечения территории для решения основных вопросов городского хозяйства: планировки городской территории, улиц и площадей, водоснабжения и водоотвода, канализации и санитарии, берегозащиты и противоэрозионных мероприятий. Эти задачи решались путем строительства специальных объектов: колодцев, водоемов-накопителей, сети трубопроводов, фонтанов и водоразборных сооружений, плотин, противоэрозионных объектов. Формы объектов и способы решения задач зависели от природных условий расположения города и административных возможностей. Подобные объекты исследованы на Болгарском, Селитренном, Царевском городищах, городище Сарайчик и других (рис. 42).

Болгар представлял собой город восточного типа в условиях лесостепи, с большим количеством ремесленных производств и масштабным каменным строительством, построенный на высокой волжской террасе с развитой овражной сетью и сезонным переизбытком влаги. Хозяйство города должно было решать проблемы водоснабжения населения и бань, отвода излишков сезонных стоков, обеспечения берегозащиты и сохранности городской застройки от оползней и подвижек грунта. Проблема водоснабжения решалась комбинированным путем за счет строительства колодцев от глубоких шахтных до рассчитанных на питание от верховодок, обустройства природных (сезонного наполнения) и искусственных водоемов, Излишки воды отводились через дренажные системы с поглощающими колодцами и водоотводы, которые в том числе подпитывали цистерны бань, расположенных в подгорной части. Края террасы защищались ряжевymi стенками. В городе существовали ямы для захоронения производственных остатков, санитарного назначения, противопожарные канавы. Городская территория имела разветвленную систему улиц с разнообразным мощением (деревянные плахи, камень), площади, были спланированы места застройки, кладбищ, рыночные и производственные места. Ряд производств, связанных с использованием огня, находились за пределами компактной застройки.

В городах степной зоны система водоснабжения, вероятнее всего, была организована по среднеазиатскому образцу. Вода из рек и других естественных водоемов добывалась при помощи чигирных устройств и поступала в систему арыков, которые плотной сетью покрывали все пространство города. Для накопления воды служили водоемы-хаузы. Излишки воды стекали дальше по веткам канализационных каналов. На Селитренном городище, рядом с общественной баней, раскопан туалет, представлявший собой небольшое здание со стенами фахверковой конструкции, разделенный на два отдельных помещения, что указывает на его общественный характер.

Водоснабжение Сарайчика, вероятно, обеспечивалось из глубоких колодцев во дворах усадеб. Колодцы имели стены из кирпича, опиравшиеся на венцы из лиственницы, обеспечивающие прочность конструкций. Городские улицы, от 4 м до 8 м шириной, были вытянуты прямыми линиями. Следов арыков и водопроводов на улицах и других элементов благоустройства не обнаружено, хотя среди находок имеются керамические дренажные трубы.

Города в Золотой Орде были благоустроены в достаточно высокой степени и демонстрировали развитую градостроительную культуру, которая имела устойчивые региональные традиции, характерные для мусульманского города. В них были широкие улицы, большие площади, фонтаны, развитая система водоснабжения и соо-

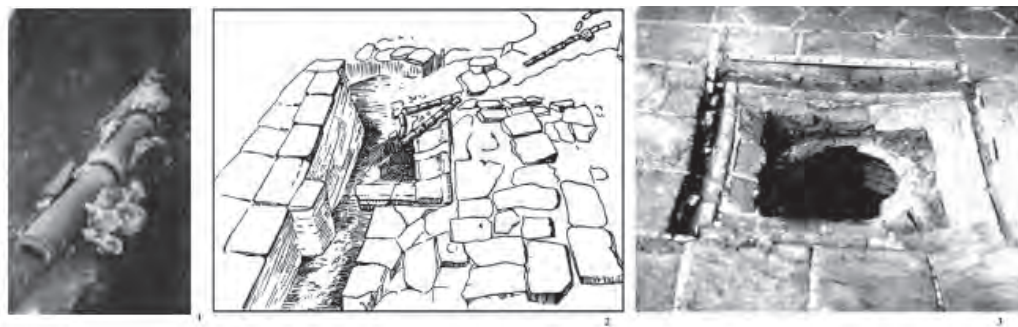

Рис. 42. Благоустройство. Объекты благоустройства Болгара: 1 – участок линии трубопровода; 2 – вымостка из каменных плит; 3 – один из санитарных объектов Селитренного городища – ташнау (по: Великий Болгар, 2013; Зиливинская, 2022)

ружения для удаления сточных вод. Важное значение имели и такие санитарно-гигиенические сооружения, как бани, ташнау, бадрапы. Для эпохи Средневековья золотоордынские города являлись хорошо организованными урбанистическими центрами.

7.6. РЕМЕСЛО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПРОМЫСЛЫ

Ремесло

Ремесло в золотоордынский период достигло высокого уровня, получив развитие в городских центрах и на крупных сельских поселениях. Ремесленная культура Золотой Орды, основанная на глубоких исторических региональных корнях, опиралась на культурные традиции, сложившиеся в доордынское время. На новом этапе эти традиции пережили изменения, выразившиеся в создании новых форм ремесленной продукции, внедрении новых материалов и технологий. При сохранении специфики ремесленных изделий предшествующего периода, характерных для разных этнокультурных групп, в золотоордынскую эпоху происходит процесс сближения региональных традиций, основанный на межрегиональных и межэтнических контактах и обмене инновациями в профессиональной сфере.

Металлургия железа и чугуна. Кузнечное производство. После вхождения Среднего Поволжья в состав Золотой Орды потребности экономики и хозяйства в изделиях из черных металлов способствовали возрождению и бурному росту черной металлургии и обработки железа.

Основными видами *сырья* для них были болотные, луговые и сидеритовые руды, известные в Среднем Поволжье, что позволило черной металлургии региона в золотоордынский период развиваться на местной сырьевой базе и не испытывать дефицита и в других сырьевых компонентах: топливе, флюсах, строительных материалах.

Остатки *металлургических горнов* эпохи Золотой Орды в Волго-Уралье изучены на Болгарском городище, Сухореченском селище (Самарская область), Донауровском селище города Джукетау, а также в урочище Кирметь (Татарстан). Металлургические золотоордынские горны Болгарского городища имеют черты преемственности от сооружений домонгольского времени. Остатки горнов конца XIII – первой половины XIV вв. свидетельствуют о том, что в XIII в. выделяется тип невысокого

сводчатого горна, сохранившего в устройстве близость с ранними полушаровидными горнами, изготовленными из глины. Со второй половины XIII в., чтобы повысить производительность горнов, увеличивается их рабочий объем, изменяется конструкция (форма лещади, т. е. дна), в технологии происходит переход к режиму выпуска шлака самотеком. Все горны были наземного типа с наличием искусственного воздушного дутья.

В золотоордынский период в Среднем Поволжье появляется *чугунолитейное производство*. Предполагается, что металлургию чугуна в Восточную Европу завезли ремесленники, сопровождавшие монгольскую армию в 40-е гг. XIII в., но чугунные изделия, изготовленные на Средней Волге, по химическому составу отличались от чугуна из Монголии, технология которого была основана на использовании каменного угля. Болгарская черная металлургия применяла в качестве топлива древесный уголь, что определило элементное своеобразие изделий. Поэтому при заимствовании самой идеи чугунного литья у ремесленников восточных районов Монгольской империи литье чугуна в Среднем Поволжье развилось на местной технической основе и богатом опыте традиций производства железа. На Нижней Волге изготовление чугуна во многом производилось из чугунного лома изделий, привезенных из Монголии. Существует также точка зрения о привнесении чугунолитейного ремесла в золотоордынское Поволжье при переселении туда ремесленников из Средней Азии, где оно существовало уже в IV–II вв. до н. э., в раннем Средневековье и в предмонгольский период.

В пользу развития металлургии чугуна и чугунолитейного производства в Болгаре свидетельствуют находки остатков высоких горнов наземной конструкции типа *Stückofen* с многочисленными отверстиями в корпусе шахты горна для подачи воздуха и для контроля температуры внутри печи (рис. 43: 1). Во время работы таких горнов одновременно должны были работать несколько воздуходушных мехов, а сами горны обслуживаться целой бригадой металлургов. Преемственность металлургических и кузнечных традиций требовала передачи опыта и секретов этого ремесла, что могло предполагать существование института ученичества. Продукцией этих горнов был чугун, который сразу же должен был разливаться в предварительно подготовленные формы. Основными видами изделий являлись котлы и ступицы для тележного транспорта (рис. 43: 2, 3). Производство чугуна и изделий из него было зафиксировано также на золотоордынском Сухореченском селище, Курмышском поселении, Донауровском селище города Джукетау. Производство чугуна эпохи Золотой Орды и Казанского ханства зафиксировано на Чуру-Барышевском городище. Показательно, что металлургия чугуна была освоена даже сельскими мастерами.

Кузнечное производство: ассортимент изделий и технология. Изготовление предметов из железа посредством кузнечнойковки покрывало необходимость основных отраслей экономики региона в орудиях труда, вооружении, снаряжении всадника и коня, бытовых предметах и хозяйственной утвари, различных типах крепежных изделий и т. п. Кузнечное дело требовало наличия специального инструментария, который мог бы обеспечить проведение различных операций по металлообработке: кузнечные молоты и молотки, клещи, пробойники (бородки) для пробивания отверстий, гвоздильни, зубила для холодной рубки металла.

Кузнецами изготавливались земледельческие орудия: для обработки земли (лемехи и сопровождающие их чересла, сошники, полицы и мотыги), для уборки урожая

(серпы и косы-горбуши). В золотоордынское время использовались лемехи, имеющие с правостороннюю асимметрию лопасти. Они датируются не ранее второй половины XIII в. Универсальный инструментарий представлен топорами, которые употребляли для сельскохозяйственных работ, деревообработки, а в случае необходимости – и как оружие. Все топоры относятся к категории проушных. По форме они делятся на клиновидные с узким и широким лезвием и лопастные. Массивные топоры можно считать лесорубными и плотницкими, а топоры меньших размеров, более легкие – столярными и бондарными (рис. 43: 9).

Содержание скота требовало производства таких предметов, как косы для заготовки кормов, ботала, скребницы, путы, железные элементы конской упряжи (стремяна, удила, пряжки для подпружных и уздечных ремней и т. п.) Промысловое хозяйство, в том числе рыболовство, требовало изготовления железных частей орудий лова (рыболовные крючки, остроги).

Множество орудий из железа требовалось для ремесленной деятельности. Для обработки дерева изготавливались железные скобели, пилы, долота, резцы для обработки внешних и внутренних деревянных поверхностей, сверла, гвоздодеры. Ножи наиболее распространены среди железных изделий. Все они по форме и функциональному назначению разделены на две основные группы: универсально-бытовые и специальные, которые предназначены для обработки кости, кожи, резьбы по дереву. Ножницы (пружинные и шарнирные) представляют собой категорию орудий, применявшихся как в ремесленном производстве, так и в быту. Для плетения изделий из лыка изготавливались кочедыки, для портняжного и кожевенного ремесла – иглы и шилья.

Для домашнего обихода и хозяйства производились различные типы замков с ключами к ним: навесные с цилиндрическим корпусом и зооморфные в виде фигурок собачек. Изготавливались петли, железные ручки, скобы, кухонная утварь (чашельники, дужки для деревянных ведер и т. п.). В быту широко применялась чугунная посуда (котлы) (рис. 43: 5, 8).

Из железных предметов, применявшихся для освещения жилищ, известны подсвечники и светцы. Многочисленны железные подковки и шипы. Железные шипы происходят из слоев второй половины XIII – XIV вв.

Кузнецы-оружейники производили различные предметы вооружения ближнего и дальнего боя. К первым относятся рубящее и колющее оружие – мечи, сабли, кинжалы, копья для боя на близком расстоянии и рукопашного боя. Ко вторым – наконечники стрел. Кроме мечей, вопрос о производстве которых остается открытым, остальные виды вооружения – местного происхождения. В золотоордынское время появляются наконечники стрел, типичные для монгольского вооружения. Это различные формы срезней в виде вытянутой лопаточки, которые имеют широкое географическое распространение и бытуют в Восточной Европе в XIII–XIV вв.

Формы ряда орудий труда и инструментов оставались неизменными с XI в. Среди них серпы, косы, инструменты для деревообработки, а также кузнечные инструменты. Изменение формы сошников в XI–XV вв. связано с развитием системы земледелия в регионе. У некоторых орудий труда, в частности топоров и ножей, прослежена эволюция отдельных конструктивных элементов, которая может быть связана с упрощением технологии изготовления. Наибольшим изменениям подвергались формы замков, кресал и некоторых других категорий бытового инвентаря, что мож-

Рис. 43. Чёрная металлургия. Чугун. Кузнечное дело. 1 – графическая реконструкция металлургического горна типа Stükofen второй половины XIII – начала XIV в. из раскопа на Болгарском городище; 2, 3 – чугунные котлы; 4 – товарная железная крица со Старокуйбышевского селища; 5–8 – некоторые образцы кузнечной продукции (по: Великий Болгар, 2013; Археология Волго-Уралья. Т. VI / Семькин, 2022)

но связать с улучшением конструктивных качеств изделий и с изменением вкусов потребителей.

Можно говорить о существовании в этом ремесле кузнецов-универсалов и узкоспециализированных мастеров, а также школ ученичества.

Важным методическим достижением в исследовании проблем технологического развития кузнечного производства является распределение всей совокупности технологических кузнечных приемов на две группы. К *I группе* отнесены простые технологии, не требующие применения специальных способов сварки железных и стальных заготовок, направленных на улучшение эксплуатационных качественных характеристик изделий. Ко *II группе* отнесены изделия, несущие на себе следы целенаправленного применения приемов сварки железа со сталью и, соответственно, отличающиеся повышенными качественными характеристиками. Изделия *I технологической группы* в основном характерны для эпохи раннего железного века, но встречаются и позднее. *II технологическая группа* формируется уже в условиях цивилизации, на стадии ремесленного производства.

Микроструктурное исследование кузнечной продукции позволяет отметить, что черная металлообработка в Поволжье отличалась высоким уровнем развития. При изготовлении изделий, датируемых X–XV вв., использовалось как кричное железо, сильно засоренное шлаковыми включениями, так и высококачественная, специально приготовленная сталь, которая была получена способом цементации.

Цементация – это одна из наиболее распространенных операций химико-термической обработки железа, обработка металла в науглероживающей атмосфере при высокой температуре (обычно 850...950 °C). Ее результатом является повышение содержания углерода в поверхностном слое изделия. Такие детали имеют твердую науглероженную поверхность и более мягкую и вязкую сердцевину, что обеспечивает высокую прочность, износостойкость поверхности и вязкость внутри.

Кузнецы владели всеми основными традиционными приемами горячей и холоднойковки. Наиболее активно они использовали технологии пакетного металла и косой боковой наварки. Некоторые изделия целиком откованы из стали. В меньшем количестве применялись технологии сварки стальной лезы, торцевой и V-образной наварки, технологии трехслойного пакета. В одном случае отмечена технологическая схема наварки железной пластинки на стальную основу. Встречаются и бракованные экземпляры – неудачная наварка стальных пластин или пережог металла. Свообразием кузнецов Болгара можно считать применение технологии трехслойного пакета и частое пакетование заготовок.

Анализ технологии изготовления массовых изделий, таких как ножи, показывает стремление упростить технологический процесс, иногда в ущерб качеству. Большой процент ножей из простого кричного железа и сырцової стали может быть результатом давления рынка, побуждавшего кузнецов искать способы повышения производительности.

Судя по результатам металлографических анализов железных изделий мордовского Барбашинского могильника, основным сырьем для кузнецов были простое кричное железо, неравномерно науглероженная сырцовая сталь, а также специально приготовленная высокоуглеродистая сталь, получаемая способом сквозной цементации. При этом качество проковки кузнечного сырья не всегда было высоким. На кузнечной продукции из Барбашинского могильника было выявлено применение семи технологических схем: ковка из специально приготовленной высокоуглеродистой стали; ковка из неравномерно науглероженной сырцовой стали; технологическая схема пакетного металла; косая боковая наварка; сварка стальной лезы; торцевая наварка; двухполосная сварка. Имеет место высокий процент применения термической обработки – закалки. При этом кузнецы, снабжавшие своей продукцией население Барбашинской группы, преимущественно применяли резкую закалку на мартенсит, реже использовали мягкую закалку, которая иногда получалась на изделиях из стали не преднамеренно, а при охлаждении предмета после кузнечного нагрева.

Эти данные свидетельствуют о значительном прогрессе кузнечной технологии у мордовского населения в составе Золотой Орды. В предыдущий период на мордовской кузнечной продукции сложные сварные схемы, за исключением пакетного металла, не применялись. Основная масса продукции изготавливалась из простого кричного железа. Редко применялась ковка из цельностальных заготовок и технология цементации. Результаты металлографических анализов показали, что кузнецы Барбашинской группы населения владели всеми основными приемами холодной и горячейковки (рис. 43: 4). Они умело использовали операции кузнечной сварки и термообработки. Уровень железообработки кузнецов, изготавливавших продукцию для Барбашинской группы, был весьма высок и близок к уровню железообработки населения Волжской Болгарии, Древней Руси и Прикамья в золотоордынское время.

Можно предполагать, что достижения черной металлургии, накопленные в домонгольское и золотоордынское время, использовались и в эпоху Казанского ханства. Уровень развития металлургии железа и чугуна золотоордынского периода был высоким и достаточным для обеспечения экономических и хозяйственных потребностей населения региона. Тем не менее технологический кузнечный арсенал Среднего Поволжья золотоордынского периода был более архаичен по сравнению с составом технологических кузнечных приемов древнерусских городов.

Цветная металлургия, предметы из цветных металлов, ювелирное дело.

Включение Поволжья и Западного Приуралья в состав Улуса Джучи кардинально изменило ситуацию в цветной металлургии, изготовлении предметов из цветных металлов, ювелирном деле. Разрушение инфраструктуры региона, экономических связей и городских ремесленных центров, людские потери привели к прекращению деятельности многих ювелирных центров домонгольского времени и сокращению выпуска серийных ремесленных изделий.

Большая часть ремесленного потенциала Поволжья в раннезолотоордынский период была сосредоточена в городе Болгаре, имевшем особый статус. Во второй половине XIII в. он являлся крупнейшим центром цветной металлургии Болгарского улуса Золотой Орды. На других поселениях этого времени следы обработки цветных металлов встречены в меньших масштабах.

Сырьевая база ювелиров и медников этого времени расширилась. Особенно это коснулось серебра, поскольку кроме слитков этого металла, использовавшихся в качестве платежного средства, со второй половины XIII в. серебро могло поступать в разном виде. До начала XIV в. этого металла хватало на чеканку собственной монеты. При этом в середине XIII в. для чеканки разменных денег ощущался дефицит меди. В XIV в. источником как серебра, так и золота для ювелиров мог быть монетный металл. Источником серебра могли быть также уральские месторождения этого металла.

В XIV в. выплавка металла из медьсодержащих руд осуществлялась в небольших горнах. Медь плавили в местах ее добычи, а городские ремесленники ее рафинировали. Часть сырья привозилась в городские центры в виде свернутых в рулон тонких медных листов или слитков, в качестве сырья использовался также лом медной посуды. Слитки отливались в специальных сосудах – тиглях, куда загружались предварительно измельченные куски изделий или листов металла (рис. 44: 1, 2). В качестве лигатуры, скорее всего, выступали осколки металлических зеркал. Свинец и олово доставляли в виде небольших слитков.

Для плавки меди использовались горны из кирпичей и ямные. Три горна первой половины – середины XIV в. изучены на Болгарском городище. Инструментами ювелиров служили мерные ложечки, зубильца или миниатюрные железные топоры для рубки проволоки, молоточки, клещи различных размеров, в том числе и тигельные, слесарные ножницы, железные волочильные доски для изготовления проволоки. Для чеканки и гравировальных работ применялись пуансоны, штихели, резцы. Многие из этих инструментов аналогичны домонгольским.

Для изготовления штампованных украшений использовались матрицы (рис. 44: 3). Как вспомогательный инструментарий применялись пинцеты, весы для мелких взвешиваний, металлические гири, стеклянная посуда и другие емкости для хранения реагентов, необходимых для золочения, изготовления черни (в том числе глиняные сфероконы), металлические ступки. К приспособлениям можно отнести керамические тигли для литья и литейные формы из камня (рис. 44: 4), части которых соединялись свинцовыми штифтами или же при помощи бронзовых обойм. Формы для отливки металлических зеркал могли изготавливаться из глины. Двусторонняя литейная форма с Муранского селища была предназначена для отливок женских головных украшений и деталей костюма. Широко использовалась технология литья «на выплеск», позволявшая получать отливки высокого качества.

Рис. 44. Предметы из цветных металлов. Ювелирное дело. 1 – образец сырья; 2 – тигель; 3 – матрица для тиснения; 4 – литейная форма; 5–9 – образцы ювелирных изделий; 10 – бронзовый литой парадный сосуд (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Руденко, 2022)

Бронзовая литая посуда (котлы, чаши разных типов, кубки, блюда, подсвечники, светильники, чернильницы, ступки) на золотоордынских памятниках Волго-Камья практически вся привозилась из Сирии, Египта, Ирана, Мавераннахра, Малой Азии или Закавказья, где производилась с конца XII – первой половины XIII в. до первой половины XV в. (рис. 44: 10) Местными мастерами изготавливалась и ремонтировалась бытовая и парадная посуда из медных листов (XII–XV вв.): котлы, ковши, тазы, кумганы и мерные емкости – «кружки», кувшины, чаши и светильники. Основной технологической схемой этих изделий являлось соединение отдельных листов металла при помощи холодной сварки «в зубец». Эти предметы известны из раскопок в Среднем Поволжье, на Самарской Луке, Поветлужье, в Предуралье. Часть из них представляет собой закавказский, иранский, сирийский или среднеазиатский импорт.

Разнообразен ассортимент литых украшений, включающий украшения прически, тела и одежды: перстни, височные кольца, серьги, пластинчатые браслеты, пуговицы, бусы, ременные бляхи и пряжки, различные привески и медальоны, навершия головных уборов. Наиболее распространенными материалами для их изготовления были золото, серебро и различные сплавы на основе меди (бронза и т. п.). Эти предметы отличает видовое многообразие и сложность исполнения (применение технологийковки, пайки, тиснения (штамповки), скани, полировки, многие из них монтировались из нескольких частей). Ряд украшений были широко распространены и имели маркирующее и определяющее значение в контексте золотоордынской «имперской» культуры. Среди них серьги в виде знака вопроса, из проволоки или отлитые в форме, украшались жемчужинами, филигранными бусинами, стеклянными или каменными привесками, распространены от Дуная и до Иртыша; пластинчатые браслеты, на концах украшенные львиными или драконьими личинами, в средней части – изображением цветочной розетки; навершия для головных уборов в виде розетки с полусферическим выступом, на котором крепилась трубочка для плюмажа (рис. 44: 5–8, 9).

Пластинчатые серебряные браслеты в Золотой Орде стали бытовать в конце XIII – первой четверти XIV в. Можно предполагать, что во второй половине XIV в. в Болгаре работала ювелирная мастерская, где изготавливались золотые и серебря-

ные изделия с чернью, золотые перстни с орнаментом в абстрактно-растительном стиле. Там же могли изготавливаться серебряные височные кольца второй половины XIV в., встреченные в Такталачукском могильнике (однобусинные) и в Барбашинском могильнике XIV в. (трехбусинные).

Среди подвесок отмечены изделия зооморфных очертаний (птица, лягушка), миндалевидной формы, в виде миниатюрных коробочек (рис. 44: 4). Известно два *филактерия*.

В Среднем Поволжье и в Пермском Прикамье в XIII–XIV вв. получают распространение серебряные кованые перстни с чернением, известные у мордвы и у пермяков (Муранский, Барбашинский, Плотниковский могильники, некрополи на Выми). Вероятно, болгарскими мастерами изготавливались в Прикамье со второй половины XIII в. Отдельно стоит отметить серебряные перстни с плоским щитком, на который были напаяны объемные детали: в форме си́она (паломнические) или в форме храма с завершением в виде филигранной сферы.

Известны два вида поясов: парадные – с золотыми, серебряными или бронзовыми накладками, наконечником и пряжкой, и пояса простого дизайна – с бронзовым или медным гарнитуром.

Зеркала встречаются на многих поселениях золотоордынского времени. Большая их часть, вероятно, отливалась по оттиску в опо́ке или глине. Определенный процент составляли привозные зеркала, которые отличаются четкостью рисунка и проработанностью деталей. Зеркала без орнамента бытовали с XII по XIV в.

Подавляющая часть зеркал орнаментированы. Среди них зеркала с орнаментами, имеющими салтовские прототипы. Часть изделий имели восточное происхождение, связанное со средневековым Китаем, Ираном. В некоторых декорах использовалась мусульманская символика. Применялись орнаменты, которые сформировались на территории Золотой Орды, и были основаны на т. н. «бродячих сюжетах», иногда связанных с определенными территориями, например Малой Азией.

О поликонфессиональном и полиэтничном составе населения свидетельствуют находки предметов личного благочестия (кресты-энколпионы и нательные кресты, бронзовые иконки), кольцевых и лопастных застёжек-сюльгам. Первые встречаются широко на территории Золотой Орды и сопредельных территориях. Сюльгамы второго типа характерны для поволжского региона. Их связывают с мордвой, хотя они могли бытовать и у населения города и области в целом. Некоторые сюльгамы украшены чернью и привесками на цепочках. К мусульманским культовым предметам относятся серебряные коробочки-капторги (*филактерии*) и подвески-амулеты с арабскими надписями и изображениями. К языческой субкультуре кочевников второй половины XIII – XIV в. можно отнести вырезанные из медной пластины онгоны – антропоморфные фигурки.

Для второй половины XIII – XIV в. характерны *миниатюрные навесные зооморфные и цилиндрической формы замки* и ключи к ним. Большую группу находок составляют т. н. *свинцовые грузики-пломбы*, отлитые в формах, в том числе найденных на Болгарском городище. Из меди вырезались *обоймы* для деревянных рукоятей ножей, блесны, чашечки для весов и т. п. Из бронзы отливались складные весы, гирьки.

Отливались также детали и украшения конской сбруи: бронзовые кольца – рас пределители ремней уздечки, серебряные/бронзовые накладки на ремни и серебряные подвески к сбруе и нашивки на попону, характерные для середины – второй половины XIII в. Как украшения сбруи использовались штампованные медные или

серебряные накладки. Для золотоордынского времени типичны бронзовые литые распределители ремней уздечки с конструктивными элементами крестовидной формы и четырехконечные накладки.

В XIII – начале XV в. в Среднем Поволжье ассортимент изделий из цветных металлов существенно преобразился. Особенностью этого времени является большой процент привозных изделий. Это касалось в значительной степени предметов роскоши, включая парадную посуду, украшения из драгоценных металлов, статусные предметы, внедренные монгольской администрацией. Профессиональные ремесла концентрировались практически в одном центре – городе Болгаре. Уже к концу XIII в. появились и быстро распространились как в городах, так и в сельской местности металлические зеркала, пластинчатые браслеты с изображением львиных личин, серьги в виде знака вопроса. Их стали массово тиражировать, используя медь и бронзу, а также более простой дизайн. Это можно объяснить изменениями в этническом составе населения во второй половине XIII в. и особой культурной политикой монгольской администрации на завоеванных землях.

Влияние имперской культуры и массовый импорт из стран, входивших в *Rach Mongolica*, привели к тому, что во второй половине XIII – первой половине XIV в. собственный стиль украшений и бытовых предметов из цветного металла в Среднем Поволжье так и не сложился. Ремесленники чаще всего воспроизводили доступные и популярные образцы, а также статусные изделия. Разрушение монголами ремесленных центров и уничтожение местной элиты – основных заказчиков ювелирных изделий – привело к смене комплекса украшений, характерного для домонгольского времени, на новый. Во второй половине XIII в. прекращается производство плетеных серебряных изделий, филигранных золотых и серебряных трехбусинных подвесок, часть из которых – с изображением птицы, деградирует искусство черни. Эти изделия сменились металлическими зеркалами, серьгами в виде знака вопроса, пластинчатыми браслетами, которые получили распространение и у кочевников Предуралья. Формирование нового комплекта украшений на Средней Волге и в Предуралье во второй половине XIII в. было связано, с одной стороны, с монгольской элитой, которая строго следовала предписаниям имперской традиции в украшениях и одежде, а с другой – с традиционной культурой кочевников, как монголов, так и половцев. Для них эти предметы были привычными и бытовали весьма широко. Популярными становятся и украшения конской сбруи, характерные для кочевнической культуры. Часть эксклюзивных предметов (например, металлические чернильницы) связаны с новой субкультурой местного чиновничества.

С конца XIII и в первой половине XIV в. наблюдается импорт ювелирных изделий и предметов торевтики из Хулагуидского Ирана и Мавераннахра, в меньшей степени из Египта и Сирии. В массовом производстве бронзовых украшений, бытовавших в Среднем Поволжье, преобладали изделия, которые были характерны для западных территорий Улуса Джучи. К началу XIV в. у населения Среднего Поволжья обнаружили некоторые предпочтения, например металлические зеркала определенных типов или литые серебряные серьги в виде знака вопроса.

Одним из центров производства изделий из цветного металла был Болгар, где располагались мастерские ювелиров, функционировавшие с конца XIII до первой трети XIV в., некоторые – до начала XV в. Здесь тиражировались формы изделий, рассчитанные на массовое потребление, а с середины XIV в. стали проявляться местные особенности. Однако государственный коллапс начала 1360-х гг.

и пандемия прервали этот процесс. Более того, с 1360-х гг. отмечается новый приток торевтики из южных районов Золотой Орды, примером чему является Джукетауский клад 1924 г.

В Прикамье работали собственные центры производства ювелирных изделий, продукция которых вывозилась за Урал. В числе этих предметов – бляхи с изображением всадника с птицей, т. н. «сокольников», щитки лучника. Наблюдается специфика и в прикамских серебряных черненных перстнях, технологически и типологически близких перстням, популярным в домонгольское время.

Гончарное производство и керамика

Керамическое производство и гончарные мастерские Золотой Орды исследовались в Болгаре (рис. 45А), Мохши, Укеке (рис. 45Б), Хаджи-Тархане, на Селитренном, Водянском, Красноярском городищах и на ряде сельских поселений. На Селитренном городище комплекс горнов был определен как мастерская типа «кархана» – мануфактурное предприятие с использованием подневольного труда. Наряду с крупными существовало и большое количество мелких мастерских. Изучено более 100 горнов различных типов. Крупные горны построены из сырцовых блоков, небольшие – из обожженного кирпича. Для сельских памятников характерны горны, вырезанные в грунте.

Особенностью гончарства Золотой Орды было сосуществование длительное время в пределах одних и тех же поселений мастерских, имеющих различное происхождение и работавших на разном технологическом уровне. Выделены *две основных группы гончаров*.

Первая группа работала в традициях, восходящих к северокавказскому гончарству. Поскольку общим предком для этих мастеров были гончары салтово-маяцкой культуры, эта гончарная традиция на территории Золотой Орды, названа «постсалтовской». Ее черты: 1 – использование спирального ленточного налепа; 2 – частое использование полосчатого лощения; 3 – окислительный режим обжига; 4 – преобладание в ассортименте кувшинов. Исключением является гончарство Болгара, где с домонгольского времени часть мастеров использовала вытягивание на круге. Со временем доля высокотехнологичных сосудов в крупных городах растет, хотя завершения эта тенденция не получила. Зафиксировано использование донных и донно-емкостных начинов, подсыпка из просеянной золы. На придонной части сосудов фиксируются следы обстругивания деревянным ножом. Для орнаментации использовалась гребенка. Часто встречаются: линейный орнамент, фестоны, многоядная волна, реже косые оттиски зубчатого штампа. К более редким вариантам орнаментов относятся оттиски овальной или округлой формы, оттиски расщепленной палочки, сочетания одиночной волнистой линии и прямых. Не использовались характерные для Северного Кавказа и Подонья наlepные валики. В ряде центров продолжало использоваться нанесение красного ангоба.

Большая часть форм сосудов традиционна и находит аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры. Многочисленны кувшины среднего размера, как отдельный вид выделяются крупные тарные кувшины. На втором месте корчаги (сосуды для стационарного хранения) и переносные сосуды – хумчи. Мастерами первой группы изготавливались горшки, чаши, тарелки, афтоба, тазы, трубы, светильники, дигирные сосуды, копилки, туваки, крышки. Ряд форм (дигири, трубы, копилки, тазы) осваиваются только в золотоордынский период.

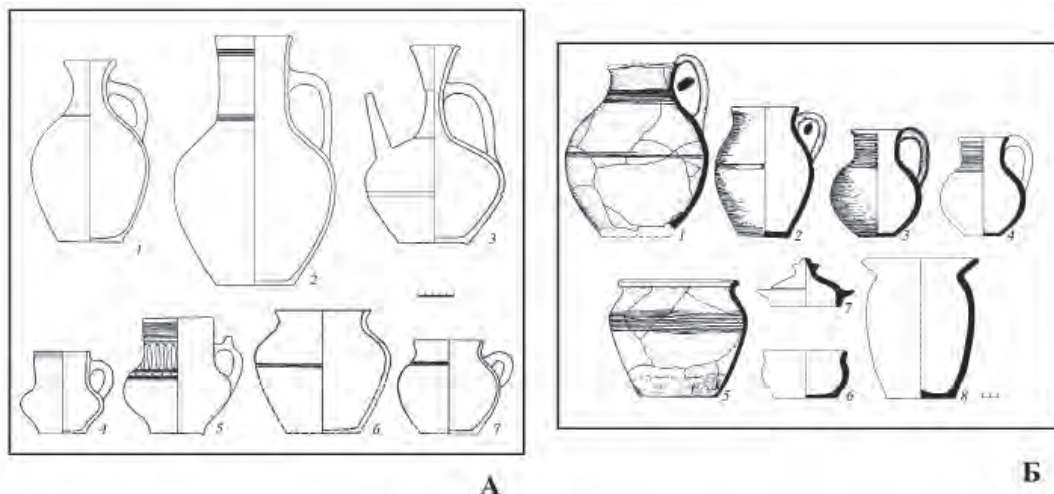

Рис. 45. Образцы керамической посуды золотоордынского времени.

А – Волжская Болгария: I группа керамики (по Т.А. Хлебниковой):

1–2 – кувшины; 3 – афтоба; 4–5 – кружки; 6–7 – горшки.

Б – Укек: 1–4, 7–8 – I группа; 5 – русская; 6 – мордовская. 1–4 – кувшины; 5–6 – горшки; 7 – крышка; 8 – тувак (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Масловский, 2022)

В первой группе выделяются локальные варианты и центры, где с разной скоростью шла эволюция, имевшая сходные черты: снижение доли лощеной керамики, упрощение и уменьшение орнаментации, стандартизация форм. Для большинства центров также будет справедливым утверждение о постепенном переходе гончаров к более совершенным технологиям под влиянием мастеров второй группы.

Вторую группу составили гончары, которые изготавливали сосуды вытягиванием из комка глины. Они попали в пределы Восточной Европы только в золотоордынский период. Значительную часть их продукции составляли поливные сосуды. Их работа зафиксирована в материалах городищ Нижнего Поволжья (Царевском, Селитренном). Попытки наладить производство поливной керамики предпринимались в Укеке и Болгаре, но дальше экспериментов дело, вероятно, не пошло. Нет никаких свидетельств работы мастеров второй группы в Мохши.

Отдельно следует рассматривать производителей кашинной керамики и кашинного архитектурного декора. С уверенностью можно говорить о появлении местной кашинной керамики в Нижнем Поволжье не ранее середины правления хана Узбека.

На территории Золотой Орды в Волго-Уральском регионе работали немногочисленные группы гончаров, связанные с конкретными культурными традициями. Они производили преимущественно кухонную посуду. Присутствие гончаров, изготавливавших посуду в традициях древнерусской керамической продукции, отмечается в Болгаре, Укеке и Водянском городище, мордовское гончарство – в Мохши, на территории Волжской Болгарии, а также в Укеке и на менее крупных поселениях к северу от него и, возможно, на Водянском городище.

На территории Волжской Болгарии работало несколько обособленных групп мастеров. Некоторые – ещё с домонгольского времени. В золотоордынский период в результате усложнения этнокультурного состава появились технологические традиции, представленные новыми группами керамики.

Характерной особенностью керамического комплекса городов Золотой Орды является многообразие форм сосудов, среди которых много специализированных изделий (шары, копилки, сопла, дигири). С производством изделий из глины также было связано изготовление кирпича и тандыров. Печи по обжигу кирпича сооружались как в городах, так и в других местах, связанных со строительством. Кирпичи были стандартной формы и размеров (22×22,5; 20×20,5; 21,0×21,5 при толщине в 4,0–5,5 см). Некоторое распространение в Болгаре, Укеке и на Селитренном городище получила черепица.

В золотоордынский период появляются крупные гончарные мастерские во многих Поволжских городах. В их числе мастерская площадью более 5 га на Селитряном городище, в районе Черепняного поля, производившая керамическую продукцию – посуду и строительные материалы – в традициях, характерных для хорезмийских гончаров. В Болгаре исследовано более 20 горнов. Все горны двухъярусные, округлой или прямоугольной формы. Один из них служил для обжига кирпича. Горны в подгорной части городища кирпичные, продолжают домонгольскую традицию, у Галанского озера горны сделаны из сырцовых блоков. Эта инновация распространилась во второй четверти XIV в. Один из горнов вырезан в грунте, что характерно для сельского гончарства Волжской Болгарии.

Гончарные комплексы обнаружены в Иски-Казани, Чебоксарах, на поселении Сухая Речка и дюне Большой Шихан. Болгарские горны разнообразны по конструкции, хотя относятся к одному типу двухъярусных горнов с восходящим движением газов и вынесенным топочным каналом.

Почти 90% всей неполивной керамики Болгара составляют сосуды *первой группы*. Оставаясь частью постсалтовской гончарной традиции, болгарское гончарство эволюционировало в плане изменения ассортимента и морфологии сосудов, технологий. В домонгольское время большая часть городских гончаров перешла к частичному вытягиванию сосудов при сохранении полосчатого лощения, отказалась от ангоба. Часть мастеров в небольших центрах продолжала работать с использованием архаичных приемов. Различия в технологическом уровне внутри *первой группы гончаров* продолжали сохраняться и в золотоордынский период. На протяжении всего этого времени сосуществовали гончары, использовавшие ленточный налеп и вытягивание на круге.

Наряду с керамикой ремесленной выработки в общей массе керамических материалов Среднего Поволжья был выделен значительный по своему разнообразию массив посуды, который можно было причислить к традиционным керамическим производствам различных групп тюркского, финно-угорского и славянского (древнерусского) населения, проживавших на территории региона в раннеболгарское, домонгольское и золотоордынское время. Эти материалы были проанализированы и классифицированы Т.А. Хлебниковой. В основу этой классификации, разработанной в 70–80 гг. XX в. по совокупности признаков (техника формовки, состав формовочной массы, обработка поверхности, особенности обжига, общие очертания формы и ее особенности, приемы оформления сосудов), было положено деление керамики на этнокультурные группы, выделены регионы, с которыми эти группы связаны своими истоками. Выполненное по единому принципу в отношении всей керамики исследование позволило выявить характерные для той или иной группы признаки, проследить изменения, возникающие с течением времени, установить связь групп, определить их истоки. Т.А. Хлебниковой было выделено 19 основных групп тради-

ционной посуды на территории Волжской Болгарии (группы II–XX, в I группу была объединена наиболее массовая ремесленная гончарная общеполгарская посуда). В начале 90-х гг. XX в. эта типология была дополнена Н.А. Кокориной еще двумя группами (XXI–XXII).

В золотоордынское время доля керамики традиционных производств снизилась. В отношении некоторых из этих групп речь должна идти о ремесленном производстве с ограниченным ареалом распространения, что стало результатом не только развития гончарного ремесла, но и снижения обособленности отдельных этнических сообществ.

В золотоордынский период уверенно можно говорить о продолжении производства керамики VI, VII, XIII, XIV, XVI, XVII этнокультурных групп, выделенных Т.А. Хлебниковой на материалах Волжской Болгарии.

VI группа – древнеудмуртская прикамских истоков – в золотоордынский период становится более представительной с освоением Предкамья, связана с аналогичной керамикой южных районов Удмуртии.

VII группа – керамика финно-угорского населения верхнекамских (приуральских) истоков, представлена преимущественно на сельских памятниках округлодонными сосудами с цилиндрической шейкой, орнаментированными оттисками веревочки и гребенки. Ее формирование связано с населением Верхнего Прикамья, тесно связанного с Волжской Болгарией еще домонгольского времени. В золотоордынский период менее представительна и выразительна: формовочная масса становится более запесоченной, деградируют формы и декор. Она сближается с посудой т. н. чияликского типа восточных районов Закамья. Полное изживание ее в Предкамье и Закамье в конце XIV в. может свидетельствовать о тюркизации этого угорского населения.

Керамика XIII группы «джукетау» занимает заметное место среди керамики города Джукетау и его округи. В золотоордынское время становится более разнообразной по технологическим, морфологическим и декоративным признакам.

Древнерусская керамика (XIV группа) частично ввозилась с территории Руси, часть производилась на территории золотоордынских городов.

XVI группу керамики, «славяноидную», связывают с марийским населением. Представлена на городских и на сельских памятниках Волжской Болгарии. По своим морфологическим характеристикам мало отличается от древнерусской керамики. Является доминирующей на поселениях, связанных с поволжско-финским населением Поветлужья и Верховий Суры.

XVII, т. н. «суварская» группа представлена горшками с высокой слабоотогнутой шейкой и непрофилированным краем венчика. В редких случаях сосуды имеют петлевидную ручку. Возможно, часть этой керамики по-прежнему производилась в регионе Суvara.

XVIII, «верхнекамскую» группу керамики составляют круглодонные сосуды с примесью дробленой раковины и песка: котлы, горшки, чаши. Для нее характерна орнаментация оттисками зубчатого штампа. Ее происхождение связывают с финно-угорским населением Верхнего Прикамья (родановская культура).

XIX группа появилась в Поволжье в золотоордынский период в сложившемся виде, что не исключает ее дальнейшей эволюции. Она вторая по числу находок после I группы. Ассортимент: котлы, горшки, блюда, кружки, светильники, ковши, крышки. Котлы имеют сложно профилированную горловину. Некоторые из них – значи-

тельных размеров. Характерны ручки-выступы с тремя налепами, реже встречаются маленькие петлевидные ручки с профилированной верхней частью. Орнамент – пальцевые вдавления, оттиски зубчатого штампа и одиночные волнистые линии. Орнаменты на сосудах, имеющих высокое качество изготовления, выполнены при помощи штампов-пуансонов в виде розеток или зооморфных фигур. Использовался также штамп-валик. Такая посуда встречена в Укеке, в городах Нижнего Поволжья, Сарайчике, Азаке. XIX группа могла сформироваться в результате перемещения в раннезолотоордынское время ремесленников или целой группы населения из Средней Азии.

В позднезолотоордынский период появляется ещё одна группа керамики – XX. Она представлена горшками из глины с грубыми примесями, включая шамот, древесу и дробленый шлак. Орнаментацию составляют прямые и одиночные волнистые линии.

В южных районах Волжской Болгарии встречается мордовская керамика (слабо-профилированные банки и горшки). При её изготовлении использовались лоскутный налеп, примеси шамота и навоза в формовочной массе. Есть сосуды с признаками заглаживания. Широко представлена на многих памятниках Поволжья, особенно в западной лесной зоне Сурско-Окского региона.

Производство поливной керамики, существовавшее в домонгольское время в Билляре, погребло, и наладить его заново не удалось. Доля поливной керамики в керамическом комплексе Болгара не более 5–7%. В первой половине XIV в. преобладали сосуды крымского и византийского производства. Позднее они сменяются нижеволжской красноглиняной и кашинной посудой. Заметное место среди поливной керамики составляют изделия из Ирана, Средней Азии и Китая.

Керамический комплекс Среднего Поволжья и Прикамья сохранил преемственность с домонгольским периодом. Произошел некоторый регресс в производстве I группы керамики, но появились новые ее группы, формы сосудов и орнаменты. Изменился состав импортов. Отчасти эти изменения могут быть объяснены усложнением этнического состава населения или переселением сюда ремесленников. Развитое гончарство региона оказало влияние на развитие керамического производства в других районах Волго-Уралья.

Гончарство региона Укека сложилось в результате переселения мастеров из сельских поселений Волжской Болгарии, чем объясняется использование архаических навыков ленточного налёпа и обедненный ассортимент изделий. Часть гончаров пришла из более южных регионов, что выразилось в широком применении красного ангоба. В регионе известны два очага гончарства: Укек и Хмелевское поселение.

В Укеке в качестве сырья использовались мало пластичные глины с естественной примесью песка. Из искусственных примесей применялись органика (навозная жижа), редко – глиняный концентрат. Уровень мастерства большинства гончаров Укека был невысок, поэтому сосуды выглядят грубее, чем продукция других крупных городов Золотой Орды. Для орнаментации использовался врезной линейный орнамент, наносившийся зубчатым штампом. Характерно использование косых оттисков двух-трех зубцов штампа в виде рядов «в ёлочку». Производились корчаги, кувшины, афтобы, кубуры, кружки, горшки, туваки, крышки, кружки (кубышки?), копилки, чаши и круглодонные амфоры, сосуды баночной формы, которые, вероятно, появились под влиянием мордвы.

Отличие посуды, произведенной на Хмелевском поселении, было обусловлено присутствием гончаров из более южных районов, что проявилось в особенностях режима обжига, профилировки сосудов, использовании красного ангоба.

Вторая по численности группа керамики – горшки древнерусской традиции. Часть из них, вероятно, производилась в регионе. Спецификой керамического комплекса Укека являются горшки со следами частичного вытягивания и срезания глины. Цвет поверхности темно-бурый или серо-бурый. Сосуды могли иметь ручки в виде налепов.

Небольшой процент составляют мордовские лепные сосуды с примесью шамота и навоза. В небольшом количестве встречены фрагменты котлов, которые, очевидно, являются импортами с территории Волжской Болгарии.

В Укеке зафиксировано производство кашинного архитектурного декора, были попытки наладить производство местной поливной красноглиняной керамики.

В регионе *Мохши* изучены две мастерские с тремя гончарными печами на территории Наровчатского городища. Горны относятся к числу обычных округлых с опорным столбом в топочной камере и без него. Ещё один комплекс с двумя печами использовался для обжига кирпича.

Можно говорить о факте существования здесь первой группы гончаров, которая для данного региона является пришлой. Вторая группа гончаров отсутствовала, а неполивная керамика с признаками второй группы, вероятно, является импортом с территории Нижнего Поволжья.

Особенностью Мохши является значительное число лепной керамики, традиционной для мордовских земель, – горшков и остросреберных мисок. Они изготавливались из глины с примесью шамота, дресвы или песка. Ещё одна особенность – наличие гибридных сосудов в результате влияния городских гончаров на традиционное керамическое производство мордвы. Эти лепные горшки, чаши и остросреберные миски из обычной для мордовской керамики формовочной массы, но при этом покрыты красным ангобом и лощением.

Гончарное производство *Нижнего Поволжья* в столичных городах Золотой Орды являлось самым развитым. Наиболее полно изучено гончарное производство на Селитренном городище, где на берегу Ахтубы расчищено 50 гончарных горнов разной конструкции. Известны горны для обжига поливной керамики. Наряду с небольшими мастерскими исследованы предприятия мануфактурного типа, с десятками горнов большого объема, использовавшие подневольный труд. Они выпускали широкий ассортимент гончарной продукции.

На Царевском городище гончарные мастерские производили почти все виды керамики, включая штампованную, кашинные плитки для мозаики и игрушки. Горн для обжига неполивной керамики найден на Водянском городище.

Использовались глины с большим количеством мелкого песка и естественной примесью крошки известняка, выгоравшей при обжиге. Для Селитренного и Царевского городищ характерна примесь органики. Черепок в изломе кирпично-красного цвета, поверхность имеет шероховатость, часто покрыта белесым налетом, излом в XIV в. однослойный. Основная масса сосудов XIV в. производилась спирально-жгутовым налепом с профилировкой на круге венчика или верхней части.

Тарная керамика представлена двуручными (амфоры) и крупными одноручными кувшинами. Двуручные кувшины имеют удлиненные пропорции, покрыты рифлением. К числу тарных сосудов относятся хумы и хумчи (корчаги). Хумы различа-

ются размерами (высота от 70 до 180 см) и техникой изготовления. Хумчи ещё более разнообразны. Их происхождение может быть связано и с гончарством Средней Азии, и с восточноевропейскими традициями.

Кувшины – среднего и малого размера яйцевидной и удлинённо-яйцевидной формы. Афтобы имели тулово близкое к шаровидному, в средней части горла – характерное расширение. Горшки предназначались для кухни и служили мисками, они разнообразны по профилировке и количеству ручек. Сосуды «тагора» с широким бортиком и узкими плечиками связывают с Монголией. В Нижнем Поволжье заметное распространение получили крупные сосуды хозяйственного назначения – ямы.

Столовая неполивная посуда открытых форм (чаши, миски, тарелки) малочисленна. Ряд других сосудов (копилки, туваки, крышки, дигири, трубы, лампы-подсвечники) не имеет заметных отличий от изделий из других регионов. Дигири отличаются очень низким качеством, распространение получают игрушки. Нижневолжские котлы, аналогичные XIX группе, изготовлены путем ленточного налёпа с профилировкой на круге, украшены оттисками штампа в виде розеток и зубчиков, врезными волнистыми линиями. Ручки горизонтальные «пальчатые» и маленькие петлевидные.

В неполивной части ассортимента *второй технологической группы* присутствуют небольшие сосуды типа кувшинчиков, чаш, тарелок, копилок, туваков, тазов, копилок, крышек, светильников, сосуды среднего размера типа корчаг.

Нижнее Поволжье было основным местом производства *поливной керамики* Волго-Уралья. Среди красноглиняных поливных сосудов – чаши, тарелки, кубки, кувшины, аптечные амфоры, афтобы, альбарелло, светильники, гулябданы. В орнаментации этой посуды использовались техника сграффито и роспись ангобом. Полихромная роспись и расцветка гравированного орнамента применялась в единичных случаях. Большинство композиций с точностью до деталей присутствует на продукции Солхата, Азака, Маджара.

Орнаменты сграффито включают сюжеты с изображениями барса, оленя, птиц; розеток; композиции из лент, образующих стилизованную цветочную розетку. Встречаются чаши с крупным бутоном в центре или несколькими мелкими бутонами. Чаши с росписью ангобом представлены меньшим числом орнаментальных серий: сосуды с вихревыми розетками из стилизованных рыбок; эпиграфический орнамент, иногда вместе с «рыбками»; вертикальные сходящиеся в центре линии. Есть композиции со сложными розетками, точками, лентами и др. Особняком стоят чаши с росписью ангобом под бирюзовой поливой, которые не повторяют композиции чаш с поливой других цветов.

Кашинная керамика и архитектурный декор, производившиеся в Нижнем Поволжье (Селитренное и Царевское городище) переселенцами из стран Ближнего и Среднего Востока, Ирана, в середине – второй половине XIV в. составили большую часть поливной керамики Волго-Уралья. Эти изделия поступали и в другие регионы Золотой Орды, включая Поднепровье и Приднестровье. Среди изделий – чаши, гулябданы, кувшины. Сосуды других видов встречаются значительно реже.

Кашинная керамика украшалась разными видами подглазурной росписи с рельефом и без рельефа. Ее производство в нижневолжских городах существовало недолго, поэтому говорить об особом золотоордынском стиле орнаментации нельзя. Речь должна идти о локальной модификации уже сложившегося стиля с постепенной его трансформацией, которая не успела завершиться.

Техника орнаментации в каждом отдельном случае имела свою стилистику декора и набор элементов. Наибольшее число вариантов имела керамика с полихромной росписью и рельефом. Фон окрашивался серой краской, контуры росписи и заполнение фона исполнялись серо-зеленым цветом. Орнамент расцвечивался точками или небольшими пятнами ультрамаринового или бирюзового цвета. В центре композиций находились зооморфные изображения (птицы, леопард, заяц, ныряющие рыбки), крупные цветки (розетки, бутоны, цветки лотоса), реже звезды (астральная символика). Единичны изображения Персея и Бурака. Эпиграфический орнамент ограничивался словом «икбаль» (везение, счастье, удача). Геометрические элементы использовались как вспомогательные. Внешняя сторона чаш оформлялась стилизованными лепестками лотоса. Среди сосудов с полихромной росписью без рельефа преобладает изображение розеток, пальметт и цветков лотоса.

Наряду с керамикой ремесленного производства, предназначенной для всех горожан, на территории Нижнего Поволжья производилась русская и, вероятно, мордовская керамика, происходящая с Водянского городища.

Сарайчик был крайней восточной точкой распространения керамики постсалтовской традиции, наиболее близкой к среднеазиатским гончарным центрам. Здесь изучены гончарные горны и горн для обжига кирпича.

Для изготовления посуды использовались формовочные глины с природной примесью известняка, куда добавлялись толченый шамот, гранитная дресва и рогоз, применялись глины без примесей и формовочная масса из смеси двух глин, ангобирование.

В ассортименте наиболее многочисленны кувшины разных размеров с шаровидным туловом, в том числе тарные, распространены афтоба, три типа горшков, часть из которых могли служить мисками. Столовая неполивная керамика представлена чашами на поддонах, солонками, тарелками. Встречаются тазообразные сосуды, тарные сосуды для стационарного хранения или переноски – хумы и хумчи, а также туваки, крышки, светильники, подсвечники и комбинированные сосуды – лампы-подсвечники, копилки, чигирные сосуды, трубы. Котлы идентичны сосудам XIX группы Болгара. Поливная керамика Сарайчика не отличалась заметно от керамики поволжских центров.

Во всех регионах основу керамических комплексов составляли сосуды, изготовленные мастерами, чьи навыки связаны с раннесредневековыми гончарными традициями юга Восточной Европы (первая группа). Основная часть продукции создавалась путем спирального-жгутового налепа. Гончарное дело в Золотой Орде имело низкий уровень используемых технологий, его развитие шло экстенсивным путем. Увеличение производительности происходило за счет упрощения орнаментации, отказа от лощения, узкой специализации мастерских, увеличения числа производственных центров и мастеров. Переход на более совершенные технологии прослеживается только в столичных нижеволжских центрах, но и здесь он оказался не завершён. Наблюдается стандартизация производства, фиксируется общая близость выпускаемого ассортимента, появляются общие для всех центров черты в морфологии сосудов.

В крупных городах Золотой Орды существовали также мастерские гончаров второй группы, пришедших, вероятнее всего, с территории Закавказья. Они производили как поливную, так и неполивную керамику. Их влияние на гончаров первой группы оказалось неожиданно слабым.

Керамический комплекс в пределах большинства городов Золотой Орды был в целом един для различных этнокультурных групп. Некоторым исключением были Мохши и отчасти Болгар. Большее влияние на состав керамического комплекса оказывал имущественный достаток жителей того или иного района.

Существовали группы гончаров, производивших традиционную керамику, свойственную конкретным этническим группам. При этом использовались более примитивные технологии, вплоть до лепки.

Керамическое ремесло было организовано тремя способами: профессиональные объединения полусвободных ремесленников; усадебные мастерские, зависимые от хозяина; мануфактуры с использованием подневольного труда. Экономическая форма этих производств занимала в большинстве своем промежуточное положение между домашним производством и работой на ограниченный рынок. Всё это указывает на ограниченное воздействие рынка на гончарство Золотой Орды.

Стекло золотоордынских городов. После включения болгарских земель в состав Золотой Орды в регионе меняется вектор развития городской культуры. Среди стеклянных изделий на первое место выходят украшения, по количеству превосходя посуду и оконное стекло. В 20–40-х гг. XIV в. в Болгаре возникает производство стеклянных бус и перстней, которое работало на полуфабрикатах из нижеволжских центров стеклоделия Золотой Орды или из Средней Азии (рис. 46: 1). Мастерская по производству стеклянных изделий известна также на территории Селитренного городища. Она выпускала бусы различных типов, браслеты, перстни, подвески и стеклянную продукцию других категорий.

Импортная парадная посуда (сирийские и египетские изделия – лампы и сосуды, украшенные золотом и эмалевой росписью), находки которой происходят из сооружений второй половины XIII – начала XV в., в Болгаре преобладает, превосходя простую повседневную (рис. 46: 2, 3). В связи с каменным строительством становится востребованным оконное стекло в виде дисков диаметром 18–19 см. Фрагменты такого стекла и рамы из известково-песчаного раствора обнаружены при раскопках Черной палаты XIV в. и других объектов монументальной архитектуры. Цвет стекла зелено-голубоватый, изумрудно-зеленый, пурпурно-красный. Оконные стекла известны в нижеволжских городах, где они были привозными, возможно из Средней Азии.

Престижные стеклянные изделия, как и монументальная архитектура и другие импорты – поливная керамика и мозаичные плитки, были призваны высоко поднять статус городов. Отдельные фрагменты посудного стекла найдены на Билярском III селище (Биляр золотоордынский), Старо-Куйбышевском городище.

Сосуды с декором из белых накладных нитей датируются XIII–XIV вв. Наряду с посудой с эмалевой росписью, они считаются типичными для мамлюкского периода. Из материалов XIV в. происходят два тонкостенных флакона марганцевого цвета с белым «перистым» рисунком (рис. 46: 4). Большое число осколков таких сосудов найдено на Царевском и Селитренном городищах, в древнерусских городах (Белоозеро, Новогрудок, Владимир, Рюриково городище). На ближневосточных памятниках они датированы XII–XIII вв. В Восточной Европе сосуды с «перистым» рисунком чаще происходят из золотоордынских слоев и объектов и сопровождаются изделиями, расписанными золотом и эмалями. Эти типы сосудов определяют последний этап в истории исламского стеклоделия – с середины XIII по XV в.

Рис. 46. 1 – бусы и перстни из раскопок стеклоделательной мастерской в Болгаре; 2, 3 – образцы стеклянной посуды середины XIII–XV вв. с Болгарского городища, 4 – флакон с «перистым» рисунком XIII–XIV вв. (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Валиулина, 2022)

Стеклянные лампы с росписью золотом и эмалями поступали в города Золотой Орды из стран мусульманского Востока. В XIII–XV вв. там использовали два типа масляных подвесных ламп: массивные лампы и лампы в виде небольших чашечек, уходящие в ранневизантийскую традицию.

Сосуды с росписью эмалью и золотом массово производились в мастерских Сирии и Египта и для европейского рынка. Находки таких изделий не только на памятниках Нижней и Средней Волги, но и в городах Северо-Восточной Руси и в Новгороде обозначили ведущую роль Волжского пути в движении восточного художественного импорта в XIII–XV вв. Через города Золотой Орды ближневосточная стеклянная художественная посуда поступала на Русь. Находки стаканов, флаконов, ваз, украшенных эмалью и золотом, обнаруживают при раскопках Нижнего Новгорода, Ярославля, Владимира, Рязани, Москвы, Твери, Рюрикова городища под Новгородом и в других местах. Не исключая возможности движения восточных товаров и западными путями, нужно признать, что Волга в золотоордынский период оставалась основным связующим звеном Востока и Запада.

Косторезное дело неразрывно связано со скотоводством и охотой, которые являлись для него источниками сырья. Обработка костного материала в Золотой Орде производилась наряду с обработкой шкур и кож. Костяные изделия несли, как правило, отпечаток окружающей фауны. Применялось и дорогое импортное сырье (бивни моржа, мамонта), которое отражало торговые связи регионов. Изделия из этих материалов имели элитный характер и свидетельствовали о художественных вкусах населения.

Процесс изготовления изделий из кости и рога в условиях городской экономики Золотой Орды из архаичного домашнего промысла превратился в один из технологичных этапов рационального и экономного использования частей животного. Характерными его чертами является стандартизация и высокое качество продукции.

Набор инструментов косторезов включал универсальные – нож и топор – и специальные орудия, которые применялись в ходе предварительных этапов обработки материала: пилу, сверло, резцы, напильник, токарный станок.

Рис. 47. Изделия косторезного ремесла:

- 1 – защитная пластина при стрельбе из лука; 2 – накладка с изображением дракона;
3 – шахматная фигура (ладья); 4 – навершие; 5 – обойма для ремня; 6 – наконечник ремня
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Пальцева, Шакиров, 2022)

Материалы Болгара, пережившего монгольское нашествие, позволяют сравнить коллекции костяных изделий домонгольского и золотоордынского времени, обозначить изменения в номенклатуре и облике костяных изделий, связанные с возникновением и утверждением новой культуры. Можно проследить традиции, которые имели продолжение в Золотой Орде с предыдущего периода.

Мастерские косторезов известны на городищах Царевское, Селитренное, Болгарское, Укек. Признаками таких мастерских следует считать скопление однотипных изделий или заготовок, указывающих на специализацию резчика, обрезков – отходов производства. Сырьем были животная кость (компакта длинных трубчатых костей крупных и средних копытных – 60%), плотный рог лося, благородного и северного оленей (около 30%). Остальное – сырье из костей птиц, рыб, панцирей черепах, зубов млекопитающих. Использовались бивни крупных млекопитающих – слона и моржа. Номенклатура изделий в одной мастерской могла насчитывать около 70 наименований.

Изделия из кости и рога в Золотой Орде применялись практически во всех областях жизни. На охоте и в военном деле – для оснащения лучников (рис. 47: 1); в снаряжении лошади – как детали креплений и режы в качестве украшений (рис. 47: 5); для облачения всадника – элементы поясной гарнитуры (рис. 47: 6). Среди бытовых предметов – это рукояти и их детали (рис. 47: 4). Из кости и рога изготавливались части кожаных и ткацких орудий труда, письменные принадлежности, игральные кости и амулеты, шахматы и шашки (рис. 47: 3). Результаты трасологического исследования обработанных бараньих лопаток подтвердили версию об использовании этих предметов как «табличек» для письма. Из кости и рога изготавливались оригинальные и часто уникальные вещи, статусные изделия: прорезные накладки с изображением дракона, костяные печати (рис. 47: 2). В курганном могильнике «Фокин курган» в Самарском Заволжье найдена ажурная пластина с резным изображением двух ланей в обрамлении растительного орнамента.

Круг предметов, появившихся в золотоордынское время, в большинстве случаев включает престижные вещи: перстни, орнаментированные обоймы от ремней, поясные накладки, печати. Для интерьера статусных помещений могли применяться наборные детали ширмы – «мушараб», имеющие вид фигурных стержней со штырем и боковыми отверстиями. Резкого изменения типов изделий и технологических приемов обработки кости и рога в силу неизменности кости как сырья в золотоордынский период не наблюдается. Существование одновременно разных типов изделий объясняется вкусами мастера или заказчика, т. е. определенной модой или необходимостью, а не появлением новой технологии.

Большое количество находок костяных предметов говорит о важном месте косторезного производства среди других ремесел и востребованности его продукции, что в значительной степени дополняет картину развития золотоордынского городского ремесла и городской культуры.

Кожевенное дело. Сырьевой базой для кожевенного дела являлось животноводство. Кожа домашнего скота использовалась как сырье для изготовления обуви, ремней, принадлежностей сбруи и седел, колчанов и различных бытовых аксессуаров (сумки, кошель и т. п.). Отдельные скопления костей в Азаке, Болгаре и Маджаре указывают на места забоя животных в золотоордынских городах. В Болгаре – это периферия торгово-ремесленного района, в Маджаре – траншея-ванна с прилегающей площадкой (10–40 гг. XIV в.).

Выявлены инструменты для разминания кожи (XIV в.) (рис. 48: 2, 3). Большинство костей из объекта для забоя скота в Маджаре имеет «ржавый» налет, который связан с воздействием химического вещества, применяемого при обработке шкур или для обеззараживания животных остатков. В Азаке кости перемежались с прослойками золы, глины и органического тлена. Здесь обнаружены ямы, которые служили чанами для волососгонки или дубления. В Болгаре сгонка шерсти осуществлялась обработкой хлебным тестом; в качестве дубителя применялось ивовое корье. По сообщениям Г. Рубрука, для приготовления кож использовалось кислое и соленое овечье молоко.

Из Укека происходит находка железного инструмента для разминания овчины в виде плоского двузубца с завитками на концах, в один из которых вставлено кольцо (рис. 48: 2). Такие «крюки» известны с домонгольского времени. Два из них найдены на домонгольском Золотаревском археологическом комплексе юго-западной периферии Волжской Болгарии. В XIX – начале XX вв. подобные инструменты использовались для разминания овечьих шкур кустарями России.

О кожевенном деле свидетельствуют тюркские (тюрко-татарские) слова в русском языке (*бахтарма*, *башка*, *булгара*, *лабаз*, *мусат*, *сафьян*, *тузлук*, *шадрик*, *шакша*, *юфть*), заимствование которых в основном произошло в XIV–XV вв. Генуэзцами и венецианцами из Азака и городов Крыма вывозилось огромное количество кожи, в основном невыделанной, что привело к введению ханами Золотой Орды в XIV в. протекционистских мер.

Находки, связанные с кожевенным делом, в основном относятся к кожевенно-пошивочному производству или ремеслам, использующим в работе кожу. На территории Поволжья, в том числе и в Золотой Орде, использовались специальные *раскроечные ножи* (рис. 48: 4–6). По материалам золотоордынского Болгара выделяются ножи двух типов. Первый, с широким клинком, схож с новгородскими ножами. Такие ножи найдены в том числе на территории кожевенно-пошивочной мастерской

Рис. 48. Кожевенное дело. 1 – сапоги; 2, 3 – орудия для разминания кож;
4–6 – раскроечные ножи. 1 – кожа, 2, 4–6 – железо; 3 – кость
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Валиев, 2022)

второй половины XIII – начала XIV вв. Второго типа ножей – с лезвием в форме секиры, дуги или сегмента окружности, расположенным почти перпендикулярно рукояти. Такие ножи позволяли мастеру раскраивать детали кожаных изделий в несколько слоев, срезать у кожи края, подрезать и уменьшать толщину кожаного листа. Подобные ножи широко использовались в древнем мире с эпохи бронзы и Античности. Широко распространены в Азаке, в некоторых случаях найдены вместе с отходами косторезного производства, указывающими на производство седел. В Азаке и в городах Крыма другие типы ножей не представлены. Появление этого типа ножей в городах Золотой Орды связано с влиянием европейского, или «западного», кожевенного ремесла. В Западной Европе они применялись до начала XX в., а в России повторно получили распространение в XVIII в. под влиянием западноевропейского кожевенного производства.

Для скрепления и сшивания кожаных деталей использовались шилья и иглы, медные наперстки. Для плетения из кожи применялись костяные и железные кочедыки.

В Болгаре локализуется пять участков кожевенно-пошивочных мастерских: в центральной части, в подгорном и заречном районах города. Одно из таких мест в торгово-ремесленном квартале близ исторического центра служило жилищем и мастерской ремесленника, занимающегося пошивом кожаных изделий в конце XIII – начале XIV в. Здесь кроме инструментов обнаружено до 800 кожаных предметов (детали обуви, заготовки для нее, ремни, обрезки раскроя и кожаные листы).

Кожаная обувь шивалась из нескольких деталей, которые представлены головками и поднарядами к ним, голенищами, задниками с карманами, подошвами и каблуками. В ходу были сапоги, полусапожки и туфли. Известны мягкие и жесткие сапоги, с высокими, перекрывающими колени голенищами. Сапоги с подобным оформлением верха голенищ изображены на половецких изваяниях XI–XIII вв.

Формы высокой обуви обнаружены в золотоордынских погребальных памятниках. Мягкие сапоги типа ичетыг найдены в одном из мавзолеев Увека, в погребении начального этапа правления хана Узбека (рис. 48: 1). Фрагменты кожаных сапог най-

дены в грунтовом могильнике «Маячный-1», к северу от Красноярского городища (Астраханская область). При декорировании обуви кожевники использовали аппликацию с растительным орнаментом, которая пришивалась металлической нитью или проволокой из медного сплава. Узор на одном из изделий оформлен тюльпанами и растительными побегами, что характерно для волжских болгар золотоордынского периода. У обуви с жестким задником и подошвой с наборным каблуком пяточная часть подошвы подбивалась гвоздиками или врезными подковками, повторяющими форму пятки. На поселениях Золотой Орды они встречаются довольно часто.

Кроме обуви в Золотой Орде из кожи изготавливали различные изделия одежды, быта, вооружения, снаряжения и т. д. В кочевнических захоронениях XIII–XV вв. известны кожаные сумки и футляры, которые подвешивались к поясу и служили для мелких бытовых и личных вещей. Сумки закрывались клапаном с застежкой. Некоторые из них украшены вышитым растительным орнаментом. Широкому внедрению кожаных изделий способствовало распространение золотоордынской имперской культуры.

Камнерезное искусство. Эпиграфические памятники. В золотоордынское время большое распространение на территории Волго-Уралья получило искусство резьбы по камню. Этот род деятельности охватывал изготовление декора для архитектурных сооружений и оформление каменных надгробий. Наиболее яркие образцы каменной резьбы известны из материалов Болгара (декоративные детали Малого минарета, Соборной мечети), Наручата (камни из мечети Узбека), Увека (камень со сценой терзания льва грифоном). Характерной чертой искусства мусульманского мира XIII–XIV вв. был синтез архитектуры и декоративного искусства. Каменные постройки характеризуются разнообразием и богатством резных узоров, украшающих порталы, ниши, оконные проемы (растительные и геометрические мотивы, усложненные варианты плетенок и розеток, эпиграфические орнаменты и надписи) (рис. 49: 2, 3–5).

Для работы использовались местные строительные и облицовочные материалы – туф и известняк, которые хорошо подходили для обработки. Инструментами резчиков по камню были молотки, долота, зубильца, а также различные инструменты и абразивные материалы для шлифовки и полировки изделий.

Еще одной сферой, где применялось камнерезное искусство, стало изготовление надмогильных камней, на которых вырезались тексты религиозно-философского и поминального содержания, растительные и геометрические узоры, архитектурные элементы (арки, стрельчатые, килевидные и полуциркульные завершения). Сложность технического исполнения работ резчиков, а также формирование устойчивой традиции установки надмогильных камней и потребности каменного домостроительства стали причиной появления мастерских по художественной обработке камня, где изготавливали элементы декоративного оформления и резные надписи для мечетей, минаретов и других зданий. Вероятно, эти же мастера могли изготавливать и надмогильные памятники, о чем свидетельствует находка обработанной плиты под размер эпитафий при вскрытии основания Большого минарета в Болгаре. Можно полагать, что резчики эпитафий принимали участие в создании архитектурной каменной резьбы, подобной оформлению ниши Малого минарета. Сохранившиеся заготовки камней также подтверждают наличие в середине XIII – XIV вв. специальных мастерских по изготовлению надгробий с цеховым разделением труда. Камень для надмогильных плит, вероятно, добывали на правом берегу Волги.

Рис. 49. Камнерезное искусство. 1 – тимпан намогильного памятника с коранической формулой, отделённой от основного текста мотивом виноградной лозы, Болгарское городище, 1311/1312 г.; 2 – каменная плита с изображением сцены терзания, Увекское городище, рубеж XIII–XIV вв.; 3 – капитель мечети, Наровчатское городище, вторая половина XIII–XIV вв.; 4 – резная деталь оформления Соборной мечети, Болгарское городище, вторая половина XIII–XIV вв.; 5 – резная ниша Малого минарета, Болгарское городище, XIV в.; 6 – резная ниша Малого минарета, Болгарское городище, XIV в.; 7 – намогильный памятник конца XIII в. (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Мухаметшин, 2022; Средневековый город Мохши, 2021; Кубанкин, Зозырев, 2021)

В карьере вырезали плиты в форме параллелепипеда и доставляли мастеру-резчику. В мастерской камень дополнительно обрабатывали, намечали и вырезали арки, подготавливали площадку для письма и нижнюю часть для установки памятника. Далее поверхность камня, предназначенную для письма и орнамента, шлифовали и вырезали орнамент и буквы, а затем выбирали камень в промежутках между буквами. Часть памятников изготовлена иным способом: буквы и орнамент вырезались на ровной поверхности, то есть имели углубленный характер. Первичную обработку, высечку арки с плечиками, шлифовку плиты и другие работы, не требующие специальных знаний и большого мастерства, выполняли подмастерья. Мастер вычерчивал строки и буквы.

Эпиграфические памятники домонгольского периода в Среднем Поволжье и Приуралье достоверно неизвестны. Появление в этом регионе традиции установления намогильных камней в эпоху позднего Средневековья связана с социально-политическими и этнокультурными изменениями, произошедшими в середине XIII в., которые характеризуются вхождением этих земель в состав Золотой Орды. Катализатором стало переселение в регион значительного количества тюркских племен, принятие ислама ханом Берке и укрепление связей с Центральной Азией и Закавказьем.

Намогильные памятники с надписями, где упоминались бы имя человека, дата его смерти и изречения из Корана, впервые появляются в Аравии в VII–VIII вв. Через два столетия эта традиция появляется в Средней Азии, чуть позже на Кавказе. Отмечается схожесть болгарских намогильных камней со среднеазиатскими кайраками предмонгольского времени. Близость орнаментации и стиля болгарских эпитафий к орнаментам восточных архитектурных памятников следует рассматривать как

влияние культурных центров мусульманского Востока на периферийные районы, каким являлся средневожский регион в XIII–XIV вв. Мусульманские надгробные памятники Средней Азии, Кавказа и Кухистана могли служить в качестве образца для болгарских надгробных камней. Общим примером для этих регионов были эпиграфические памятники Аравийского полуострова.

Эпиграфические памятники Волжской Болгарии середины XIII – XIV вв. представляют собой обработанные известняковые плиты в форме плоского параллелепипеда, длиной от 70–80 до 350 см и более с каноническим оформлением и эпиграфическим текстом. Камни устанавливались на территории некрополя в землю вертикально у изголовья погребенного лицевой стороной на восток. Так как часть камня вкапывалась в землю, снизу камень не обрабатывался (рис. 49: 7).

Основной текст эпитафий занимает около половины лицевой стороны плиты. Верхняя ее часть имела углубленные плечики и арку, где располагалась кораническая формула (рис. 49: 1), а иногда шести- или восьмилепестковая розетка. Редки памятники с остроконечным или полукруглым завершением. У большинства имеются боковые надписи, состоящие, как правило, из благочестивых изречений, встречаются надписи на обратной стороне.

Эпиграфические памятники середины XIII – XIV вв. в основном сосредоточены на территории Республики Татарстан, хотя часть их известна за ее пределами. На севере это пос. Гурья-Кала в Удмуртии, на юге – пос. Правая Волга Сызранского р-на Самарской области. Самая восточная находка обнаружена в с. Байрамгулово Башкортостана, западная – в восточных районах Чувашии. В 92 пунктах выявлено около 400 надгробных камней XIII–XIV вв. В Закамье учтено 285 памятников, из них 16 с территории Восточного Закамья. Из районов Предволжья и Предкамья происходят соответственно 48 и 50 эпитафий (рис. 50).

По оформлению, технике исполнения, структуре текста и по другим особенностям среди болгарских эпиграфических памятников XIII–XIV вв. выделяются *четыре региональных округа*.

Болгарский региональный округ занимает всю западную часть Болгарского улуса, где выявлено 47 кладбищ с более чем 285 надгробными камнями. Наиболее ранние научно описанные эпиграфические памятники Болгарского округа, датировка которых не вызывает сомнения, относятся к 642, 670, 681 гг. х. (1244, 1271, 1282). Самые поздние – к 749 и 757 г. х. (1348 и 1356). Общий хронологический диапазон традиции установки камней составляет более 115 лет. Большинство выявленных надгробий хронологически относятся к 20–30 годам XIV в.

В литературе есть сообщение о памятнике 1167 года из окрестностей Билярска, дату которого прочитал мулла одного из окрестных сел. О подробностях находки не сообщается.

В памятниках XIII в. большое значение имеют бордюры, которые сделаны главным образом для усиления художественного восприятия. Характерной чертой памятников XIV в. является наличие стрельчатой или килевидной арки с плечиками. Признаком эпитафий Болгарского округа является наличие заглавных коранических формул: «Он живой, который не умирает» и «Суд Аллаха великого, всевышнего». В девяти случаях встречается формула «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь».

Наряду с каллиграфическим шрифтом «сульс» или «куфи» имеются небрежно изготовленные памятники с некаллиграфическим, врезанным шрифтом, который

был распространен на всей территории обнаружения эпитафических памятников, но особенно в Джукетауском округе. Вероятно, существовало несколько школ по изготовлению эпитафий.

Кирменско-Джукетауский региональный округ в Закамье занимает междуречье Малого Черемшана, в Предкамье – Зая, к востоку – земли по линии рек Ошняк, среднего течения Мешки до р. Вятки. Наибольшая концентрация памятников отмечается в районах болгарских городов Джукетау, Кирменчук, Тубулгутау и у села Старое Ромашкино. На этой территории выявлено 37 кладбищ с более чем 90 эпитафиями.

Своеобразие эпитафических памятников этого округа выражается в оформлении камня. Это отсутствие арки и бордюрного украшения, закругленность верхней части, простой врезанный шрифт; в структуре текста – отсутствие коранической формулы «Он живой, который не умирает». Отмечается увеличение толщины и ширины памятников при одновременном сокращении их длины.

Выделяются две группы намогильных памятников. В первую группу входят немногочисленные памятники с надписью на арабском и на «поволжском тюрки» языках. Вторая группа характеризуется надгробиями, надписи которых выполнены куфическим или простым шрифтом. Для камней этой группы свойственно разнообразие орнамента и типологических элементов. Памятники Кирменско-Джукетауского округа относятся к более позднему периоду, чем эпитафии Болгарского округа, и, очевидно, возникли под влиянием Болгарской школы. В Кирменах, Старом Ромашкино и Тубулгутау возникают свои школы резьбы по камню.

Восточный региональный округ размещен в районе среднего течения рек Ик и Белой, на большой, но малонаселенной территории, где выявлено семь кладбищ с 12 надгробиями. Центром региона является с. Чишма в Башкирии, где обнаружено присутствие болгарского населения, оставившего мавзолей и эпитафические памятники, близкие к надгробиям болгарской школы. На тесные связи региона с Болгаром указывают и мавзолей Турахана и Кесене (Хусейн-бека).

Среди эпитафий Восточного округа выделено три группы по оформлению и языку надписей: 1) памятники, надписи которых выполнены шрифтом «рельефный сульс» на арабском языке; 2) эпитафии с надписями, выполненными шрифтом «куфи» на языке волжских болгар; 3) памятники, надписи которых выполнены простым врезанным шрифтом на «поволжском тюрки». Первые две группы происходят из центра округа – пос. Чишма, где сохранились мавзолей болгарского типа. Эти группы эпитафий полностью идентичны эпитафиям города Болгара, что позволяет считать их привезенными оттуда или изготовленными болгарскими мастерами. Третья группа памятников, характеризующаяся своеобразной геометрической орнаментацией с большим количеством коранических формул в тексте, является местной особенностью этого региона. Они, как правило, занимают от трех до семи строк текста. Открывает текст формула «Именем Аллаха милостивого, милосердного», на втором месте в обязательном порядке идет формула «Каждая душа вкусит смерть, после вы к нам вернетесь». Отмечается увеличение размера памятников, особенно ширины и длины, что характерно для эпитафий из мавзолея Хусейн-бека из пос. Чишма. Эти памятники вырезаны из простого серого известняка, тогда как для остальных памятников региона использован песчаник или песчаниковый известняк.

Одной из характерных черт текста надгробий данного округа является упоминание в них тюркских имен (Кунджи, Баиш, Фаяджа, Джабак, Кармак, Таваккаль-Буга, Куклар).

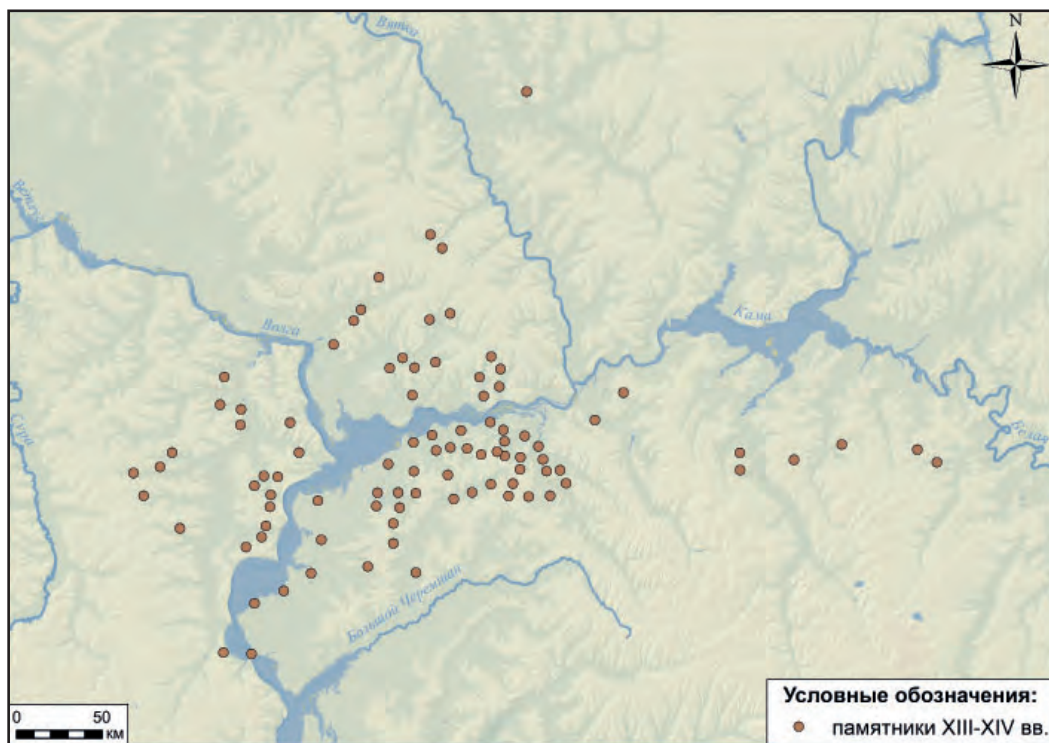

Рис. 50. Распространение болгарских эпитафических памятников во второй половине XIII–XIV вв. (по: Мухаметшину Д.Г.)

Северный региональный округ выделен на территории Удмуртии. Здесь известен только один памятник, обнаруженный у пос. Гурия-Кала Балезинского района. Памятник остроконечной формы со стрельчатой аркой и своеобразной формулой в тимпане, что значительно отличает его от эпитафии других округов, но сближает его с памятниками Кирменско-Джукетауского округа. Почерк эпитафии – врезанный, простой, бордюр – одна врезанная линия. Между заглавной формулой и основным текстом имеется полоса, состоящая из орнамента, близкого к тройному плетению и похожего на орнамент надгробия из Ст. Ромашкино. По всем признакам (палеография, стилистические особенности) памятник изготовлен болгарским населением, проживающим в отрыве от основной территории, но сохраняющим с ней связь.

Начиная с 80-х годов XIII в. установка эпитафических памятников становится обычным явлением. Большинство надгробий конца XIII в. происходит из Болгарского городища. К этому же времени относятся памятники из Иски Казани, Архиерейской дачи близ Казани, из с. Ямбухтино Спасского р-на РТ. Надгробия конца XIII в. составляют целое с памятниками первой половины XIV в., однако у первых проявляется больше индивидуальных черт. К ним можно отнести бордюрный орнамент, для которого характерны полукруглое завершение верхней части со сквозными плечиками, проставление даты цифрами, а также наличие в тексте слова «хиджра». Более половины всех эпитафий XIII в. написаны на арабском языке.

В структуре текста эпитафий второй половины XIV в. мы обнаруживаем следующие компоненты: 1 – кораническая формула, 2 – дата, 3 – имя, титулы покойного,

4 – словосочетания, обозначающие понятие смерти, 5 – благожелательная формула. Характерно, что дата (шестой компонент в структуре текста эпитафий XIII – первой половины XIV в.) занимает вторую позицию.

Эпиграфические памятники второй половины XIV в. сохраняют детали болгарских эпитафий XIII – первой половины XIV в. В то же время в них появляются новые черты, которые, развиваясь, становятся главной особенностью эпитафий Казанского ханства.

Региональное деление болгарских эпиграфических памятников на четыре округа можно связать с процессом феодального раздробления территории Волжской Болгарии в XIV в. В русских летописях под 1359 и 1409 гг. упоминаются болгарские и жуковские князья. Процесс формирования феодального владения, вероятно, мог происходить и на востоке территории Болгарского улуса, в Приуралье с центром в районе п. Чишма.

Региональные особенности на болгарских эпитафиях выражаются в оформлении, орнаментации, шрифте и структуре текста надгробных памятников, в диалектных особенностях языка эпитафий по традициям определенных школ. Выделяются несколько школ по изготовлению памятников: Болгарская, Кирменская, Старо-Ромашкинская, Тубулгутауская, Восточная со своими характерными чертами. Вероятно, были и отдельные мастера, которые работали под влиянием той или иной школы резьбы по камню.

Болгарские эпиграфические памятники являются итогом творческого развития мусульманской арабографической письменности и малой архитектуры. В середине XIII – XIV вв. Среднее Поволжье стало единственной территорией в Восточной Европе, где возникла и развивалась средневековая татарская тюркоязычная эпиграфика.

Надгробные камни являются уникальным историческим источником. Они оригинальны и не имеют позднейших наслоений, содержат информацию исторического, социально-политического, этнического и культурного характера, в том числе сведения, связанные с социальной стратификацией общества. В частности, в эпитафийных текстах отмечены титулы погребенных, по которым можно судить об их общественном положении: «муфти», «шейх», «аш-шейх ал-имам», «аш-шейх ал кабир», «челеби», «ага», «малика», «шах». Есть титулы, вероятно не имевшие распространения среди местного высшего сословия и скорее связанные с людьми приезжими. Многие из них носят фамилии-тахаллусы: ал-Африкенти, аш-Ширвани и др. С ними связаны титулы: «имам», «инал», «хатун», «султан», происходящие также из других феодальных центров Болгарского улуса. Значительное распространение получают титулы «алти-илчи», «хаджи», «ходжа», «йувари», «бек» и термин социального характера «хум». Наличие погребений знатных людей говорит о значении населенного пункта. Кроме Болгара, Батынгуса и Больших Тархан такие титулы отмечены также на надгробиях из Тат. Калмаюра, Ст. Ромашкино, Б. Атрыс, Чишмы, Тат. Шапкино, Ямбухтино, Казани и Н. Демкино. Эти пункты, кроме последнего, вероятно, следует считать центрами феодальных владений болгар в XIII–XIV вв.

При картографировании эпиграфических памятников намечается тяготение кладбищ с надгробными камнями к отдельным городищам (Болгарское, Джукетау, Кирменское, Кабанское, Ст. Ромашкинское и др.), которые в XIII–XIV вв. могли быть административно-территориальными центрами.

Сельское хозяйство и промыслы на территории Волго-Уралья

Степень развития и соотношение основных традиционных отраслей (земледелие, скотоводство) и промысловых видов (охота, рыбная ловля, борничество, собирание трав и т. п.), зависели от природных условий региона и связанной с ними ресурсной базы, а также хозяйственно-культурных традиций населения. Взаимодействие регионов с различным уровнем развития тех или иных отраслей и населения с различным жизненным и экономическим укладом (население оседлое, кочевое или преимущественно занимавшееся промыслом) способствовало не только распространению между ними продовольственной продукции, развитию торговых связей, внедрению передовых видов инструментария, сортов культурных растений, пород скота. Для решения вопросов снабжения крупных городов Нижней и Средней Волги вокруг них создавались сельскохозяйственные округа. Высокий спрос на продукцию промыслов в европейских странах и в Центральной Азии стимулировал пушную охоту, рыбную ловлю добычу меда, воска, трав.

Земледелие. В состав Золотой Орды наряду с кочевыми степями входили также старые земледельческие регионы, как Болгар, Хорезм, Крым и Северный Кавказ. За счет этих территорий и земледельческих земель Среднего и Нижнего Поволжья решалась проблема снабжения золотоордынского населения зерновыми культурами. Учитывая, что население нижеволжских мегаполисов достигало 50–75 тыс. человек, для снабжения их зерном требовалось не менее 50–70 тыс. тонн зерна в год.

Среднее Поволжье. Значение Волжской Болгарии как земледельческого района не снизилось и в золотоордынское время, о чем свидетельствуют находки *сельскохозяйственных орудий* для обработки земли (лемехи и чересла, сошники, полицы и мотыги) и уборки урожая (серпы и косы-горбуши). Из зерновых культур здесь были известны мягкая пшеница, просо, ячмень, овес и рожь; из бобовых – горох и чечевица, из технических волокнистых культур – лен и конопля. В Болгаре была обнаружена пшеница-двузернянка (полба или эммер), пшеница карликовая и вика. Найдены семена огурцов и зернышки яблок, возможно окультуренных, свидетельствующие о занятиях огородничеством и садоводством.

Ведущее место среди зерновых культур занимали, по-видимому, пшеница и просо. Если мягкая и карликовая пшеница использовалась прежде всего для приготовления муки, то просо и полба были крупяными культурами. Меньшую роль играли ячмень и рожь. Распространенной культурой был овес, нередко – как сорная примесь к зернам полбы (полбяной овес). Флотационные исследования показали в образцах Болгарского городища, где представлены также овес и ячмень, количественное преобладание проса над мягкой пшеницей. Значительная доля овса в этих материалах, по сравнению с Нижним Поволжьем, объясняется потребностью в создании запасов фуража на зимний период.

От синхронного русского палеоботанический материал памятников Среднего Поволжья отличается небольшим числом ржи и доминированием полбы как одной из основных зерновых культур. На Руси практиковались посевы озимой ржи, не позднее XI–XII вв. стала возделываться гречиха, до сих пор не установленные у волжских болгар. Эти различия существенны и могут свидетельствовать о различиях в технологии сельскохозяйственного производства. Вместе с тем по результатам исследований в центральной части Болгарского городища в структуре потребления

от домонгольского к золотоордынскому времени наблюдается тенденция к сокращению доли проса и увеличения мягкой пшеницы и ржи.

Была значительной засоренность хлебов сорняками. На 1000 зерен овса и ячменя встречалось до 160 семян сорняков, на 1000 зерен пшеницы – 80 семян сорняков, на 1000 зерен чечевицы – 68 семян сорняков. На каждую 1000 зерен культурных растений приходилось в среднем 100–120 семян сорняков. Это превышает засоренность древнего новгородского зерна. Речь идет о т. н. «амбарной засоренности», на полях засоренность была еще более высокой. Так как посевы в окрестностях города выращивались преимущественно на окультуренных старопахотных землях (количество сорняков возрастает по мере освоения целинных земель), это создавало огромный запас семян сорных растений в пахотном слое.

Фактам, характеризующим болгарское земледелие, соответствует переложная система с краткосрочными перелогам, а также в известной степени пестрополье и двуполье, сочетающиеся с перелогом. При краткосрочных перелогах срок «отдыха» земли сокращался до трех-четырех лет, вследствие чего природная растительность не могла полностью восстановиться и земли постепенно превращались в мягкие старопахотные с набором семян сорняков и значительным их запасом в почве. Еще в большей степени это относится к двуполью и пестрополью.

При перелогах «отдыхающие» земли используются под выгон и в качестве сенокосных угодий. Это, а также обычай выгонять скот на пашню после сбора урожая с целью удобрения полей, приводили к появлению среди сорных растений луговых и мусорных формаций, что и наблюдается в палеоботаническом материале. Для поднятия перелогов и паровой обработки полей вполне могли использовать плуг как орудие многоцелевого назначения.

При благоприятных условиях переложные земли в первые годы после «отдыха» давали относительно высокий урожай. Высокое развитие земледельческой техники, а также обилие плодородных земель превратили Волжскую Болгарию в одну из самых развитых в земледельческом отношении областей Восточной Европы, использовавших зерно даже как предмет вывоза. Залежно-переложная система земледелия, которая базировалась на использовании орудий глубокой вспашки типа сабанов, позволяла в течение длительного времени использовать участок под посевы сельскохозяйственных культур и успешно бороться с сорняками.

Нижняя Волга. На Увекском городище выявлены просо, мягкая пшеница, рожь и другие культуры: рис, нут, малина, земляника, черемуха, слива, боярышник, инжир, виноград, персик, барбарис, кориандр, лесной орех, грецкий орех. Данные свидетельствуют о большем потреблении пшеницы и меньшем – ржи в Укеке, чем на окружающих его сельских памятниках.

Флотация на поселениях в округе Увека (Багаевское, Колотов Буерак, Хмелевское I, Широкий Буерак) выявила не только готовое зерно, но и отходы от его обмолота, что позволяет засвидетельствовать факт возделывания и обработки культурных растений в этом регионе и исключить версию об импортном происхождении найденного зерна. Так как эти селища составляют культурно-хронологическое и территориальное единство, можно говорить о едином палеоэтноботаническом комплексе округа Увека второй половины XIII – XIV в. Большой процент ржи на сельских поселениях, для которой в Нижнем Поволжье природные условия были неблагоприятными, объясняется присутствием в составе жителей этих селищ древнерусского

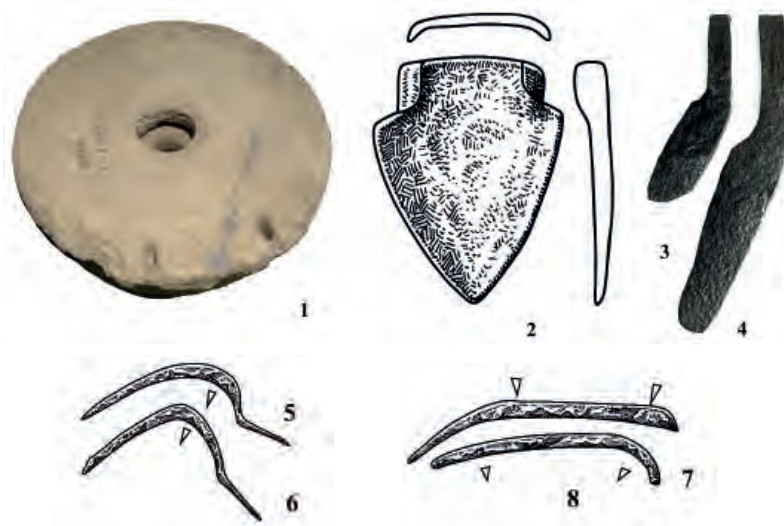

Рис. 51. Орудия земледелия и обработки урожая:
1 – жернов; 2 – сошник; 3, 4 – подплужные ножи – чересла; 5, 6 – серпы;
7, 8 – косы горбуши. 1 – камень; 2–8 – железо (по: Великий Болгар, 2013)

и мордовского населения, так как рожь была основным хлебным злаком в Древней Руси.

О возделывании проса в Золотой Орде сообщают Плано Карпини и Гильом Рубрук в середине XIII в. Просо, овес, пшеница, полба, ячмень, рис, горох и чечевица упоминаются в половецкой части словаря «Codex Cumanicus». «История Вассафа» повествует о мешке проса, отправленном ханом Токтой хулагуидскому ильхану Газану в 702 г. х. (1302/1303 гг.) как символ многочисленности ордынского войска.

Итальянские и византийские купцы закупали в Золотой Орде различные виды зерна: пшеницу, просо и ячмень.

В словаре «Codex Cumanicus» встречается название плуга, а также ряд слов и выражений, связанных с его употреблением и устройством: плугарь, пахать плугом, лемех, пахотная земля. Египетский историк Рукн-ад-дин Бейбарс (ум. 1325) при описании конфликта Токты с Ногаем упоминает также соху. Судя по археологическим данным плуг имел железные чересло и тяжелый лемех (симметричный или с правосторонней асимметрией). Соха в золотоордынское время была двузубой и снабжалась асимметричными сошниками и полицей (приспособлением для отвала земли). Для обработки почвы применялись мотыги, при уборке урожая пользовались серпами и косами-горбушами. Земледельческие орудия в золотоордынском Поволжье найдены в крупных и малых городах, на сельских поселениях, местонахождениях и даже в курганах кочевников (рис. 51: 1–8). Очевидно, с земледелием связаны находки в низовьях Волги дигирных сосудов, служивших для водоподъемных колес в системах орошения.

В степной зоне господствовала переложная система земледелия, в Среднем Поволжье применялись «также в известной степени пестрополье и двуполье, сочетающиеся с перелогом».

Сельское хозяйство оседлых регионов Волго-Уралья в эпоху Улуса Джучи было хорошо развитым. Из земледельческих культур преимущественно культивировалось

просо, следом за которым в порядке значимости следовали пшеница, рожь, ячмень, овес, горох и чечевица. Несомненно, что выращивались также вика, огурцы, яблоки, малина, черемуха, слива, виноград, арбузы, лен и конопля.

Животноводство. Природные условия лесостепного Средневолжья были исключительно благоприятны для разведения всех основных видов сельскохозяйственных животных. Основу питания болгарского населения, являвшегося мусульманским, в золотоордынское время составляли говядина, баранина и конина. Свиная полностью отсутствовала в мясном рационе. Судя по результатам исследования Болгарского городища, состав домашних сельскохозяйственных животных был следующий: овцы, коровы, лошади (их кости многочисленны, а кости коз, свиней, верблюдов, ослов редки). Скотоводами поддерживался состав стада, который был наиболее выгоден в климатических условиях региона: в северных таежных районах Волго-Камья преобладало разведение крупного рогатого скота и лошадей, а в лесостепных районах – крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Нарушение видового состава и соотношения между видами возникало в связи с изменениями социально-экономических факторов, религиозных верований и др.

Основная масса коров забивалась на мясо в возрасте старше 3,5 года. В породном отношении выделяются три основные разновидности крупного рогатого скота: брахицерного и примигенного типов и комолых. Порода скота *брахицерного типа* считается очень древней и имеет сходство с европейским бурым скотом. К ней относятся маленькие, изящного сложения особи рогатого скота с небольшими и относительно тонкими стержнями, направленными наружу и изогнутыми вверх, лоб между выступающими глазницами вдавлен. Окраска шерсти большей частью темная. В Европе к этой породе должен быть причислен в том числе и польский красный скот, который был широко распространен в Северной России. Крупный рогатый скот *примигенного типа* – крепкого сложения, с большими или средней величины рогами. К нему относится степной и подольский скот. Степная порода дает хороших рабочих животных, но отличается худшими молочными качествами. Широко распространена в Юго-Восточной Европе.

Остеологические материалы мелкого рогатого скота представлены остатками особей овец в возрасте 1,5–2 лет и старше. У волжских болгар были овцы двух пород: близкие к гиссарским и близкие к черкасским. Обе породы крупные и близкие по величине. Овцы, близкие к гиссарским, содержались в основном для получения мяса, смушки, сафьяна и забивались в возрасте четырех месяцев или полутора-двух лет, а близкие к черкасским – выращивались чаще до трех лет и служили источником не только мяса, но и ценной белой шерсти высокого достоинства.

Костные остатки лошадей представлены в основном отдельными костями метаподий и фаланг. Черепа лошадей в большинстве принадлежат широколобым особям. Значительно меньше среди них среднелобых и узколобых. Основную массу составляют тонконогие и средненогие животные. Высота в холке лошадей колеблется в пределах от 115 до 142 см. Сравнительно немногие имели рост в холке 125 см. Немногочисленны и лошади ростом более 140 см. Наиболее распространены лошади высотой в холке 135–140 см

Фрагменты скелета двугорбого верблюда из Болгара являются «кухонными остатками». Мясо животного было использовано в пищу. Оценивая в целом этот остеологический материал, следует упомянуть о его сходстве с древнехорезмийскими материалами, что подтверждает вывод о широком использовании верблюдов на ка-

Рис. 52. Орудия животноводства: 1 – скребница; 2 – ножницы пружинные; 3 – путы с замком; 4 – удила. Все - железо (по: Великий Болгар, 2013)

раванных путях, соединявших Среднюю Азию и Закавказье с Поволжьем. Верблюды были незаменимы при перевозке товаров по засушливым и пустынным районам.

Надежной базой для длительной зимовки крупного рогатого скота служили отходы сельскохозяйственных культур и большие пространства заливных пойменных волжских лугов. Мелкий рогатый скот, особенно овцы, по количеству особей значительно преобладал над крупным рогатым скотом.

Население городов Среднего Поволжья, проживающее в условиях большого торгового города и близ него, строили, вероятно, животноводческое хозяйство с учетом его максимального «товарного» использования. Содержали овец и крупный рогатый скот, коз было мало. От крупного рогатого скота получали мясо, молоко, масло; от овец – шерсть, смушку, сафьян и мясо. Содержание скота, использование его в качестве тягловой силы и источника сырья для ремесленного производства подтверждаются находками предметов, связанных с его содержанием (косы, ботала, скребницы, путы) (рис. 52: 1–4).

Территории Нижнего Поволжья, входившие в состав Улуса Джучи, располагались в аридной зоне, экстремальной для жизни. Это край степей, переходящих на юге в зону жарких летом и прохладных зимой пустынь и полупустынь. Способы разведения скота и переработки продуктов животноводства здесь связаны в первую очередь с природными условиями. Жаркое и засушливое лето в сочетании с прохладной с достаточным количеством осадков и часто суровой зимой, заставляли постоянно перегонять стада овец и лошадей. Для скотоводов были характерны сезонные перекочевки в меридиональном направлении. В соответствии с традицией, которая сохранилась еще с XI–XII вв., тюрко-татарские кочевники летом в поисках оптимальных условий двигались вдоль бассейнов рек на север на летовья (*йайлау*) в степные и лесостепные районы (Среднее Поволжье и Заволжье, Прикамье, на Южный Урал), а осенью тем же путем – в места зимовий (Нижнее Поволжье, Мангышлак, Приаралье и Прибалхашье). Группы предгорных скотоводов совершали вертикальные перекочевки, зимой укрывая скот в глубоких горных долинах, а летом поднимаясь на высокогорные пастбища. Система перекочевок в золотоордынское время была строго регламентирована ханской властью. Все территории, в первую очередь пастбища и кочевья, в государстве были распределены в соответствии с его военно-админи-

стративным и клановым делением. Подобный способ кочевания у скотоводческого населения заволжских и южноуральских степей сохранялся вплоть до XVIII в.

Разведение лошадей в степи имело важное военное значение. Лошади применялись для ямской службы и перевозки людей и грузов. В качестве тягловой силы использовались быки и верблюды. Г. Рубрук описывал огромную повозку с юртой, которую тащили сразу 22 быка.

Большое количество скота и особенности кухни степного населения делали мясо, молоко и молочные продукты основной и традиционной пищей населения Улуса Джучи. Скотоводство развивалось не только в кочевом хозяйстве, но и в среде оседлого населения, которое применяло отгонно-стойловое содержание скота.

Животноводство играло важную роль в системе поставок продуктов питания в золотоордынские города. Основным мясным продуктом потребления являлась говядина, а баранина и конина дополняли белковый рацион. Мясное потребление обитателей христианской общины Укека отличалось высокой долей потребления баранины. На сельских поселениях приоритет в «кухонных» остатках традиционно принадлежит тем видам, которых разводили на данном памятнике: например, жители Багаевского селища в округе Укека – крупный рогатый скот.

В городах Волжской дельты (городища Самосдельское и Мошаик) употребляли в основном говядину. Вторым мясным ресурсом была баранина, третьим – конина. В мясном потреблении Селитренного, Царевского и др. городищ в раннеордынский период лидирует говядина, доли конины и баранины в совокупности составляют свыше 40%. В позднеордынское время центральным мясным продуктом везде оставалась говядина, вторым ресурсом – баранина, у конины – третье место. Помимо костных остатков коров, быков, волов, овец, коз и лошадей, на золотоордынских поселениях Нижней Волги найдены кости верблюдов, свиней, собак, кошек, домашних кур и уток.

Промыслы: Охота. Рыболовство. Бортничество. Промыслы как часть экономики Волго-Уралья включали рыбную ловлю, охоту, солеварение, бортничество, собирание орехов, трав и кореньев.

Бассейн Волги в золотоордынскую эпоху являлся источником такого важного в пищевом отношении ресурса, как рыба. Особенно важным было потребление осетров и белуг. *Рыболовство* было хорошо развито, его продукция экспортировалась вплоть до Западной Европы. О его развитии говорят находки рыболовных крючков, лодочных скоб, грузил, а также костные остатки и чешуя рыб, найденные на золотоордынских памятниках (рис. 53: 1–7). Широко применялся лов волоковыми и ставными сетями, снастями-переметами и с помощью удилищ. На золотоордынских поселениях найдены кости осетров, белуг, севрюг, стерлядей, белорыбицы, щук, судаков, сома, леща, жереха, сазана, линя, кутума, сельди-черноспинки, усача булат-маи, каспийского короткоголового усача, чешуя чехони, густеры (?) и плотвы (?). На некоторых памятниках доля костей рыб очень значительна. Можно считать, что рыба играла заметную роль в рационе населения. Потребление рыбы в городах было в среднем несколько выше, чем на селе. Вяленая и соленая рыба (в том числе осетры и осетровые балыки), а также икра вывозились из Золотой Орды итальянскими купцами.

Иосафат Барбаро, рассказывая о Волге и Каспийском море, сообщает, что «в реке, как и в море, неисчислимо количество рыбы». Контарини повествует о промысле рыбы (в том числе осетров, белуг) и тюленей на Каспии. С заготовкой рыбы связана

Рис. 53. Орудия промыслов: 1–5 – крючки рыболовные; 6 – скоба лодочная; 7 – каменное грузило; 8 – кольцо для стрельбы из лука; 9, 10 – наконечники стрел; 11 – наконечник гарпуна или стрелы самострела. 1–6, 9–11 – железо; 7 – камень; 8 – кость (Недашковский, 2002; Каталог Музея Болгарской цивилизации. Т.3, 2016)

добыча соли. Наличие этого промысла в Золотой Орде и экспорт соли на Русь подтверждаются сообщениями Барбаро, Контарини и Рубрука, повествующего о значительных доходах ханской казны от контроля над солеварением. На карте Фра-Мауро 1459 г. у р. Урал изображена гора с припиской «соляная гора».

Охота велась главным образом с целью получения ценных мехов, как источник мяса имела небольшое значение. Этот промысел был важной, но вспомогательной составляющей хозяйства Орды. На золотоордынских памятниках найдены костные остатки диких животных (зайца, перевязки, лисицы, волка, медведя, барсука, кабана, бобра, куницы, суслика, хомяка, черной крысы, лося, благородного оленя, северного оленя, косули, кулана, сайгака, тура (?), нерпы, черепахи), а также птиц (серый гусь, тетерев, серая куропатка, белая куропатка, кряква, серая цапля, дрофа, чайка, грач, сизый голубь, чирок-трескунок, ястреб-перепелятник, сорока, галка), свидетельствующие, наряду с письменными источниками, о наличии охоты в хозяйстве. Однако доля костей диких млекопитающих незначительна. В питании населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время абсолютно преобладали говядина, баранина и конина.

Об охоте в восточной части джучидского государства на горностаев, соболей, белок, черно-бурых лисиц и сурков имеются сведения у Марко Поло. «Они прекрасно умеют охотиться, употребляя преимущественно луки», – сообщает Джучи Иосафат Барбаро. Пушнина (меха соболя, горностая, куницы, ласки, лисицы, рыси, белки, зайца, бобра, выдры, сурка, белого медведя), поступавшая в основном из северных районов, являлась одной из важнейших статей золотоордынского экспорта (рис. 53: 8–10).

По традиции, установленной Ясой, облавная охота была школой военной подготовки. Кроме того, она являлась одним из традиционных развлечений джучидской аристократии. Для охоты использовали ловчих зверей и птиц. Сокольники и барсники упоминаются в перечнях золотоордынских чиновников. Ловчие соколы, кречеты и беркуты (?) упоминаются Гильомом Рубруком. Об охоте с соколами и кречетами, а также об охоте на оленей, гусей, щеглов сообщает Иосафат Барбаро.

Имел значение и *бортный промысел*: мед, травы, корни собирались и употреблялись в пищу. Мед и воск шли на экспорт. «Codex Cumanicus» содержит названия

ореха, лесного ореха, миндаля, фисташки, каштана, руты, мяты и шалфея. Производился *сбор трав* и для лечебных целей: соцветия цитварной полыни вывозились из Причерноморья и Приазовья в Западную Европу и на Ближний Восток.

7.7. ТОРГОВЛЯ. МОНЕТНОЕ ДЕЛО И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Региональная торговля

Региональная торговля Золотой Орды была индикатором экономического развития государства, т. к. обслуживала потребности большего числа потребителей, чем международная торговля. В основе внутренней торговли лежали связи крупных городов с малыми городами и сельскими поселениями округи, торговые связи с другими регионами Золотой Орды, а также контакты оседлого и кочевого населения, которые обменивались продукцией ремесла и земледелия, с одной стороны, и скотоводства – с другой. Внутренняя торговля была основана на развитом денежном обращении, отвечающем потребностям и крупной торговли и мелкого розничного торгова. Это подтверждают многочисленные находки золотоордынских монет на сельских памятниках и в курганах кочевников.

В Нижнее Поволжье сельскохозяйственная продукция могла доставляться из других областей Золотой Орды. Хлеб мог поступать из Укека и Волжской Болгарии, с территории Подонья и Предкавказья. Навстречу потоку зерна в Среднее Поволжье перегонялся скот. Значимым продуктом являлась соль, которая добывалась на Каспии. В письменных источниках как предметы вывоза фигурируют сало, мед, рыбопродукты.

Важной была торговля металлом и изделиями из него. Эти товары могли вывозиться в Нижнее Поволжье с территории Среднего Поволжья и Прикамья. Между Средним и Нижним Поволжьем велась торговля лесом для строительства.

В обмен на продукцию земледелия и промыслов городские центры поставляли в село продукцию ремесел (поливную керамику, стеклянные изделия, чугун, изделия из цветных металлов). В результате торговли в другие регионы перемещалась часть керамической посуды, другая часть попадала в результате миграций населения.

В конце XIII – первой половине XIV в. Поволжье интенсивно торговало с Крымом. Из городов Юго-Восточного Крыма перевозилась столовая поливная керамика и аптечные амфоры и альбарелло, которые выступали как тара для перевозки лекарственных снадобий (рис. 54: 2–4). Вместе с содержимым ввозились кувшины из Солхата, кувшины и горшки из Юго-Западного Крыма, часть из которых также являлась тарой (рис. 54: 5). С середины XIV в. эта торговля сокращается. Преобладающим в регион Укека, Волжскую Болгарию и русские земли становится ввоз красноглиняной и кашинной поливной керамики из Нижнего Поволжья (рис. 54: 6, 7). Стабильно поступала посуда из Хорезма, но ее доля никогда не превышала 1%. Кашинная керамика вывозилась в западные регионы Золотой Орды, в заметном количестве она представлена только в Маджаре и Азаке.

Перемещение неполивной керамики между регионами Поволжья было скромным. Керамика Нижнего Поволжья, поступавшая даже в Хорезм, достигала Среднего Поволжья в ничтожном количестве. Обмен керамикой региона Укека и Волжской

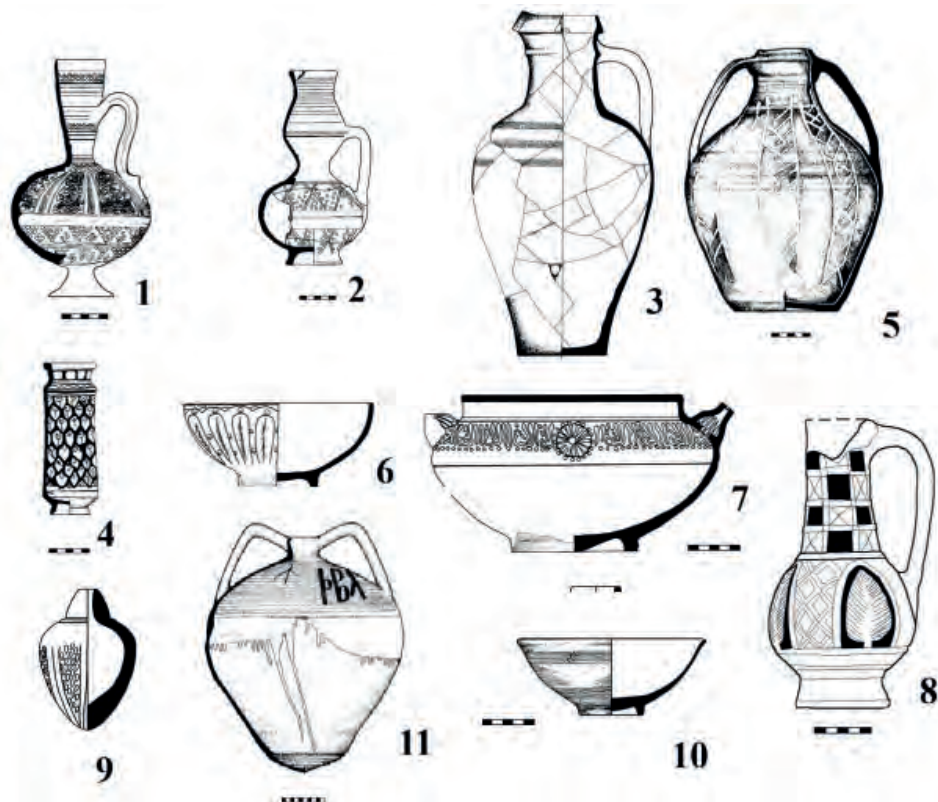

Рис. 54. Торговля. Посудный импорт: 1 – Хорезм; 2–4 – Юго-Восточный Крым; 5 – Юго-Западный Крым; 6, 7 – Нижнее Поволжье; 8 – Византия; 9 – сфероконус (не локализован); 10 – Китай; 11 – Трапезунд. Все – керамика (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Масловский, Недашковский, 2022)

Болгарии также был невелик. Перемещение керамики в пределах конкретных регионов может быть показателем внутрирегиональных экономических связей.

На территории Среднего Поволжья существовал ряд крупных центров, где имелись свои гончарные производства. Их продукция должна была поступать в города региона. Вместе со скarbом купцов в Поволжье поступали талькохлоритовые котлы из Хорезма. Товаром межрегиональной торговли являлись стеклянные бусы. Важным свидетельством торговых связей между регионами были монеты.

На памятниках округа нижневолжских городов, в могильниках дельты Волги найдены красноглиняная поливная и кашинная керамика, изделия из стекла, кашинные бусы и пуговицы. Чугунные сосуды известны с сельских поселений округа Увекского и Царевского городищ.

Экономическое взаимодействие золотоордынского города с округой основывалось на обмене продукцией ремесла, земледелия, скотоводства, промыслов и товарами, часто получаемыми путем дальней международной торговли. К кочевникам поступали импортные изделия (вино в амфорах, парча и шелк, иногда люстровая керамика и стеклянные сосуды). Село через города снабжалось ремесленной продукцией (поливной и неполивной керамикой, стеклянными и чугунными изделиями, предметами из черного и цветного металла) и дорогими привозными товарами

(вино, парча, шелк). Кочевники получали ремесленные изделия, многие из которых (сосуды, костяные орнаментированные обкладки колчанов, некоторые виды зеркал) производились в городах с учетом их художественных вкусов и традиций.

Округа, в свою очередь, частично обеспечивала города продуктами питания и ремесленным сырьем, от кочевников город получал скот и молочные продукты.

Международные торговые пути и импорт

Международная торговля Золотой Орды и Волжско-Уральского региона осуществлялась через сложную систему разветвленных маршрутов. Два основных отрезка этих путей начинались в Азаке и шли на Сарайчик. Южный – через степи к Хаджи-Тархану, далее по Волге до Сарая. Северный – по Дону до Переволоки и далее вниз по Волге к Сараю. На местах переправ через реки по воле властей возникали населенные пункты. На месте переправы через Волгу возникает Укек, к которому вела дорога, шедшая через Северный Казахстан и юг Западной Сибири. Из Поволжья дорога шла через степи в Западную Европу. Волжский путь использовался для транзита товаров из Северной Европы, Руси и обратно не только в Прикаспий, но и в Константинополь.

По торговому пути в Индию перегонялись лошади в обмен на золото и другие товары. Одна дорога с Нижней Волги вела туда через Маджар, Дербент и Иран, вторая – ответвлялась от Ургенча к Герату и шла далее на юг. Частью этого пути был маршрут по Каме и Чусовой через Уральский хребет к центрам Сибири. Доля мехов поступала из Западной Сибири через Ургенч и далее по шелковому пути.

Дорожная система стала складываться уже в первые десятилетия существования Золотой Орды, ещё как части Монгольской империи. Торговые пути были в период расцвета Золотой Орды безопасными и функционировали до 1395 г. Даже когда Тимуром были разрушены нижневолжские города, через которые перевозились партии товаров, эти маршруты долгое время сохраняли свое значение.

Одним из важнейших предметов торговли в XV в. был текстиль. Речь идет о шелковых и хлопчатобумажных тканях, поступавших в Волго-Уральский регион с юга и востока, десятках сортов шелка из Китая, Средней Азии, Ирана, Византии, хлопчатобумажных и шерстяных тканях и полотне из Ирана, Средней Азии и Индии. Большое количество тканей ввозилось из Европы, преобладали сукна из Фландрии, Франции, Италии, ценились сукна Ипра, Поперинга, Шампани, Шалона и Милана. Полотно ввозились из Шампани, холст, бумазая и саржа из Генуи, ткани из других итальянских центров. К концу XIV в. получают распространение шелковые ткани итальянского происхождения.

Через ганзейские города и Новгород существовал северный путь, по которому из Западной Европы транзитом через Поволжье в Ургенч до Китая везли льняные ткани и сукно. По юго-западному направлению, из Леванта и Ирака, перевозили мосульские ткани, кипрские камлот и бокаран, камку из Дамаска, назик из Багдада, грубые сукна из Киликии. Иллюстрацией торговли европейским сукном служат находки свинцовых товарных пломб в нижневолжских городах и Болгаре. В качестве предметов ввоза были и готовые изделия – шатры, ковры, одежда и платки. Значение имела торговля шелком-сырцом и окрашенной шелковой пряжей. Основная часть шелковой пряжи вывозилась в Венецию и Геную. При этом часть сырца производилась на территории самой Золотой Орды – в Хорезме. Упоминаются хлопок и хлопковая пряжа из Средней Азии и Сирии.

Большое значение имел ввоз металлов, прежде всего золота и серебра, которые поступали в виде монет, слитков, пластин и готовых изделий из Европы, Ирана и Индии. Наиболее многочисленны золотые монеты делийских султанов. Сделки с золотом и серебром не облагались торговым налогом. Серебро в слитках ввозилось с территории Руси, куда поступало из Европы. Известны серебряные слитки из Китая.

Медь поступала с Урала, из Центральной Азии, Кастамону, олово с Хиоса и, возможно, с Алтая. Свинец из разных источников, хотя и в небольшом количестве, ввозился через Каффу и Тану, достигая Сарая. Из Европы на территорию Золотой Орды ввозилось железо. Часть его поступала на территорию Поволжья. Привозились и готовые изделия, в частности оружие. Поступление ртути подтверждено находками сферокусусов – сосудов для ее перевозки и хранения. Вероятно, ее ввозили из Испании, через Причерноморье. Металлы в виде сырья преобладали над готовыми изделиями, так как их импорт был призван обеспечить потребности золотоордынского ремесла.

По шелковому пути перевозились пряности: перец, гвоздика, имбирь, корица, мускатный орех, кардамон. Вместе с пряностями перемещались и другие товары, объединенные в итальянских источниках под названием специй.

Важным товаром являлись драгоценные камни и жемчуг. Наряду с золотом они не облагались торговым налогом. Жемчуг поступал главным образом из Ормуза. Различные виды камней привозились из Индии, Ормуза, Восточного Ирана, Бадахшана, Китая. К этой категории товаров примыкали полудрагоценные и поделочные камни: лазурит, агаты, сердолик, балтийский янтарь, раковины каури и кораллы с берегов Индийского океана.

Предметом специального ввоза были некоторые группы посуды, например керамика из Китая, которая являлась предметом роскоши: селадоны, фарфор с сине-белой росписью, керамика «цы чжоу». Селадоны вызвали появление местных подражаний на кашинном череппе (рис. 54: 10).

С территории Византии в конце XIII – первой половине XIV в. поступала недорогая столовая поливная красноглиняная керамика: кувшины и кухонные горшки (рис. 54: 8). В этот же период ввозилась кашинная керамика из Сирии, Египта, Ирана, в т. ч. с росписью люстром и эмалями. С середины XIV в. эти импорты были вытеснены местной продукцией. В меньшем объеме встречаются поливные чаши, произведенные в Ширване и Средней Азии. Единичные находки керамики, произведённой в Италии, скорее всего, маркируют перемещения итальянских купцов по территории региона.

Стекло на территорию Золотой Орды ввозилось из Италии и Ближнего Востока, часть его вывозилась далее на восток. Часто встречаются фрагменты сосудов с росписью эмалями, позолотой и накладными стеклянными нитями из Египта и Сирии. К импортам относятся оконные стекла.

Для золотоордынской элиты большое значение имел ввоз предметов торевтики, что известно по упоминаниям письменных источников и находкам изделий из Европы и Ближнего Востока. Наибольшее число находок бронзовых сосудов с инкрустациями происходит из Болгара. На территорию Золотой Орды поступали зеркала из Китая и Ирана. Некоторые разновидности украшений поступали с территории Руси.

Важными товарами являлись бумага и мыло. Единичны изделия из мрамора. На территорию Золотой Орды в амфорах или в деревянных бочках ввозилось вино. На всех городищах Поволжья и в Сарайчике распространены амфоры из Трапезун-

да. Отмечены находки амфор триллийской группы, амфор группы клейма SSS и других (рис. 54: 11), пифосов Крита. Центрами – экспортерами вина являлись Марсель, Неаполь, Крит, Триллия, Трапезундская империя и ряд более мелких центров. Ввозилось также оливковое масло, фрукты, орехи, сахар, рис.

Наиболее ценным экспортом Золотой Орды были меха, которые добывались в лесных и таежных районах Восточной Европы и на территории Волжской Болгарии. Ценились меха соболя, песца, горностая с Двины, Печоры, из Западной Сибири. Большой масштаб приобрел вывоз беличьих шкурок. Упомянуты меха куницы, бобра, выдры, лисы, рыси, зайца и даже шкуры белого медведя. В числе товаров, поступавших в северные регионы, были изделия золотоордынского ремесла. В качестве предметов роскоши для ближневосточной и европейской знати вывозились ловчие птицы (кречеты и соколы). Из числа экзотических товаров следует упомянуть моржовый бивень. Широко известен вывоз коней из восточноевропейских степей в Индию. Часть лошадей из Европы в Индию и Китай проходили через территорию Золотой Орды транзитом.

Более дешевой категорией товаров, но превосходящей по объему производства и вывоза предметы роскоши, является выделанная кожа. Масштабы её вывоза могут служить показателем развития экономики Золотой Орды. Кожи являются единственным товаром, относительно вывоза которого власти Золотой Орды пытались проводить протекционистские меры. В источниках упоминается экспорт каракуля, произведенного в Нижнем Поволжье, шерсти. Из Таны вывозились поволжские осетровые балыки, возможно и поволжское зерно, экспортировались мед и воск. Отдельной сферой была работорговля. Рабов вывозили в Европу и на Ближний Восток. По сообщению аль-Омари, источником рабства была продажа родителями своих детей. В числе рабов, продаваемых в Каффе, упоминаются невольники из Болгара и Руси.

Монетное дело в Улусе Джучи

После вхождения Волжской Болгарии в состав Монгольской империи, в первой половине XIII в., на территории Среднего Поволжья в Болгаре как в столичном городе возобновилась чеканка монет, что стало первым монетным чеканом Золотой Орды. На новых монетах было поставлено теофорное имя багдадского халифа ан-Насир ли-дин Аллаха, умершего в 1225 г., и указание монетного двора – «Болгар», где осуществлялась чеканка (рис. 55: 1, 2, 5–7). Это название монетного двора употреблялось до 40-х гг. XIV в. Монеты были произведены в большом количестве через непродолжительное время после захвата Поволжья монголами, что свидетельствует о восстановлении торговли сразу после этих событий. Позднее они выпускались с именами великих каанов Монгольской империи Менгу и Ариг-Буги (рис. 55: 3, 4). Монеты с именами первых правителей Золотой Орды неизвестны. Чекан от имени Джучидов начался при Менгу-Тимуре, выпуск именных монет которого стал признаком отделения Улуса от власти великих каанов. Во второй половине XIII в. производились эмиссии в Сарае, а также за пределами Поволжья. На рубеже XIII–XIV вв. в незначительных масштабах чеканились монеты в Укеке, в начале XIV в. и до 1360-х гг. – в Мохши.

С середины XIII до конца XV в. в Улусе Джучи производились серебряные дирхемы и медные пулы. Медные деньги имели в основном местное значение и предназначались для мелкого торга. Наибольшее их число чеканилось в XIV в. и было

Рис. 55. Джучидские монеты 1230-х – 1260-х гг. 1, 2 – с именем ан-Насира, о.с. «Динар. Чекан казны Болгарской»; 3 – Каан Мунке, Болгар; 4 – Каан Арыг-Буга, Болгар; 5 – медный динар с именем ан-Насира, «архаичный» вариант; 6 – медный динар с именем ан-Насира; 7 – медный динар ан-Насира, перечеканенный штемпелем с именем Мунке. 1–4 – серебро; 5–7 – медь (по: Археология Волго-Уралья. Т. VI / Мухаметшин, Бугарчев, 2022)

связано с бурным расцветом городов в период правления Узбека и Джанибека. На первых монетах Золотой Орды (с именем багдадского халифа) имеется слово «динар», серебряные монеты XIII в. выпускались со словом «дирхем» («дирхам»). Во второй половине XIII – начале XIV в. в Поволжье чеканились фракции серебряных монет. В денежном обращении Золотой Орды были серебряные слитки – сумы (сомы), которые являлись денежно-весовой счетной единицей. В золотоордынской торговле применялись системы учета чеков и векселей. В Хулагуидском Иране была попытка ввода в обращение бумажных денег. Для Улуса Джучи следует отметить находку в 1892 г. в Царицыне медного ларчика с кожаными деньгами, на которых имелись «ярко-красные и желтые татарские клейма».

В Золотой Орде существовала практика свободной чеканки монеты – можно было принести серебро в слитках или в ломе и заказать необходимое количество монеты нужного номинала. Частные лица получали со сданного металла определённое число монет установленных веса и пробы. Определенное число монет удерживалось в пользу монетного двора как плата за работу и для взноса в казну.

Большинство джучидских монет имеет легенды в арабской графике, но встречаются и выполненные уйгурским письмом. На серебряных монетах уйгурским алфавитом иногда писали монгольские имена Джучидов. На джучидских монетах встречаются арабские, персидские, тюркские слова, что отражает языковое разнообразие населения Золотой Орды.

На многих серебряных монетах имеются религиозные и благочестивые надписи, свидетельствующие о распространении ислама уже в начальный период золотоордынской истории. Большое количество монет с религиозными изречениями было выпущено в Волжской Болгарии во второй половине XIII в.: «Аллах велик», «Он есть живой», «Уповай на Аллаху», «Почитание Аллаху и посланнику Его», «Царство Аллаху Единому Всемогущему», «Возвышенность и милость Аллаха да будет». На монетах XIV–XV вв. встречается суннитский символ веры.

Медные монеты (пулы), как правило, анонимны, снабжены различными изображениями, имеют обозначение монетного двора и иногда даты. Наиболее значительными были эмиссии с изображениями льва и солнца, двуглавого орла, цветочного орнамента, выпущенные с упоминанием столиц – Сарая, а позднее Сарая ал-Джедид.

Серебряные монеты, как правило, изображений не имеют. В XIII в. многие серебряные эмиссии анэпиграфны, а на монетах, где есть легенда, имя хана часто отсутствует. Начиная с реформы Токты для них устанавливается единый стандарт. На серебряных монетах XIV в. указывалось имя хана и его титулатура, монетный двор, год чеканки.

Даты на джучидских монетах обозначались чаще цифрами, но иногда словами и даже хронограммами. Некоторые изображения на медных монетах могут указывать на год двенадцатилетнего животного цикла. Даты на монетах являются важным источником по хронологии правлений ханов периода гражданских войн. Однако даты часто искажались. Штемпели с указанием даты могли использоваться не один год (встречаются монеты с большим хронологическим разрывом между одной и другой стороной). Известен чекан монеты от имени уже покойного правителя – Джанибека.

На джучидских монетах встречаются титулы «султан» («султан справедливый» или «султан верховный»), «хан», «каан» (на монетах второй половины XIII в.). На монетах Джанибека отмечен титул «хакан». В отдельных случаях зафиксированы слова «падишах высочайший» и «падишах ислама». В XIV–XV вв. после титулов и имени правителя следовало пожелание длительности правления.

Право чеканки монеты от своего имени в Золотой Орде принадлежало только потомкам Джучи. В период междоусобиц от их имени монеты могли чеканить и не Джучиды (например, Пулад-Тимур, Мамай, фактически управлявший большей частью Золотой Орды в 1360–1370-е гг.). На монетах могли помещаться также арабские имена ханов (Мухаммед на монетах Узбека, Махмуд на монетах Джанибека и Токтамышша), имеются монеты и с одним именем. Нередки на серебряных джучидских монетах лакабы: Гийас ад-Дин, Джелал ад-Дин, Насир ад-Дин. Известен случай чеканки медной монеты от имени правительницы – Тулунбек ханум (1370-х гг.).

О количестве монетных дворов в Улусе Джучи можно судить только на основании нумизматических материалов (называется их число от 25 до 49). Важнейшими центрами монетной чеканки в Поволжье были Сарай (Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедид), Болгар (Болгар ал-Махруса), Гюлистан («Сад роз»). Локализация места чеканки монет XIII–XIV вв. на месте Болгара сомнений не вызывает. Сарай локализуется на месте Селитренного городища (Астраханская область), а Сарай ал-Джедид – на месте Царевского городища (Волгоградская область). Сарай начал чеканить монету в середине XIII в., но особенно обильными в нем были выпуски монет начиная с 1310/1311 гг. В 1340-е гг. начинается чеканка монет в Сарае ал-Джедид, а монеты Сарая исчезают. В период правления Токтамышша возобновляется чеканка монет в Сарае и продолжается чеканка монет Сарая ал-Джедид. Эта ситуация характерна и для первой трети XV в. Дискутируется вопрос о местоположении Гюлистана, на монетном дворе которого в 1350–1360-е гг. выпускалось значительное число серебряных монет и пулов. Большое число монет чеканилось в Хаджи-Тархане (Астрахань) с 1370-е гг. до времени Ахмада и в Мохши (г. Наровчат, Пензенская обл.), монетный двор которого в XIV в. производил серебряные монеты и пулы. Серебряные монеты в Мохши чеканились только при Узбеке. В некоторые годы их число превышало се-

ребряные эмиссии в Сарае. Прекращение выпуска монет при Узбеке с обозначением провинциальных центров, видимо, было связано с политикой централизации управления. Известны пулы, выпущенные в Нуриджане (?). Судя по топографии находок, эти монеты выпускались там же, где и монеты Мохши. На Нижней Волге производился выпуск пулов Барджина (Базджина). Вероятно, этот топоним соответствует Бездежу русских летописей.

Значительные серебряные и медные эмиссии выпускались в ханской ставке – Орде (Орда ал-Муаззам, Орда ал-Джедид, Орда ал-Махруса, Орда-Базар). Непродолжительное время чеканились джучидские монеты в Сарайчике (Западный Казахстан), Укеке (Саратовская область) и в других центрах. Кратковременный чекан в Укеке, вероятно, был связан с пребыванием ставки Токты.

Некоторые монетные дворы, упоминающиеся в историографии, в настоящее время можно уверенно отнести в разряд «мифических». Ряд монетных дворов Золотой Орды остается нелокализованным. Неясен вопрос о месте чекана монет Орды.

В золотоордынском монетном деле применялось перечекивание медной и серебряной монеты. Наиболее известен перечекан медных монет с именем ан-Насир лид-Дина в монеты с именем каана Менгу. Интересным явлением являются *надчеканки* (эпиграфические, геометрические, изображения живых существ, тамги), которые заменяли выпуски новых типов монет, ставились как на медных, так и на серебряных монетах. Явление надчеканивания монет широко распространилось в период междоусобных войн во второй половине XIV в., но встречается в меньших масштабах и в первой половине XV в. Имеются монеты Золотой Орды с русскими надчеканками.

В большом числе встречаются *подражания* золотоордынским монетам XIII в. и XV в., но наибольшее количество подражаний относится ко второй половине XIV в. Подражания могли выпускаться как на территории центральной части Золотой Орды, так и на окраинах государства. Монет, которые можно было бы считать фальшивыми, немного. К таковым относятся медные монеты с серебряным покрытием, выпущенные по типу серебряных.

В начальный период золотоордынская монетная система испытывала влияние различных государств мусульманского Востока. В дальнейшем золотоордынское монетное дело само могло оказывать воздействие на формирование иных монетных систем. Начальная русская чеканка, метрология монетных эмиссий находились в русле прямого влияния золотоордынского денежного дела. Данные свидетельствуют о глубоком проникновении джучидских монет в русские земли, зависимости весовой нормы монетной чеканки Москвы от весовой нормы чеканки золотоордынских монет.

Монеты в Золотой Орде чеканились вплоть до ее распада. Пулов в XV в. чеканилось мало, что было напрямую связано с упадком золотоордынских городов и мелкого торгового производства на территории Золотой Орды фиксируются находками монетных штемпелей, заготовками монет. В литературе упоминаются «формочки для чеканки монет» из нижневолжских памятников. Известно о находке на Увекском городище некой «машинки, посредством которой чеканили в Увеке монеты».

Созданная в Золотой Орде монетная система позволяла вести развитую торговлю как внутри Улуса, так и за его пределами. Монеты Золотой Орды находят на огромной территории – от округи Твери на севере, Белоруссии на северо-западе и

Тюменской области на северо-востоке до Закавказья на юге; от Болгарии на западе до Китая и Монголии на востоке. Выявлены сотни кладов с монетами Золотой Орды (иногда вместе с тарой). Обилие серебра в Золотой Орде создавало низкий курс серебра в пересчете на золото.

В Поволжье лучше всего изучено монетное обращение Болгарского (и его пригорода – Ага-Базара), Селитренного, Царевского, Водянского городищ. В Волжской Болгарии развитое монетное обращение началось в 30-х гг. XIII в. На территории Нижнего Поволжья – с середины XIII в., хотя находки этих монет редки, а расцвет монетного обращения приходится на XIV в. В XV в. среди вышеупомянутых памятников монетное обращение сохранялось только на Селитренном городище и в его окрестностях – на Каменном Бугре. В округе Укека монетное обращение формируется уже во второй половине XIII в., но затухает раньше, чем в Среднем Поволжье и в южной части Нижнего Поволжья – монеты после 1360-х гг. практически полностью отсутствуют. Значительное число монет XIII в. найдено в золотоордынском кочевье «Лисья Балка» у с. Советское в Саратовской области.

В Среднем Поволжье находки джучидских монет часты на многих селищах. Развитое денежное обращение, судя по монетным находкам, существовало в XIV в. городе Джукетау, а в XV в. на Камаевском городище. В Казани золотоордынские монеты немногочисленны. Представительный комплекс джучидских монет собран в Сарайчике, на Урале. Здесь монетное обращение было развито в XIV–XV в. Большое число монет чеканено в нижневолжских центрах, а также в Хорезме. В городе Мохши монеты обращались с начала XIV в. и до времени «великой замятни» включительно. Здесь преобладали монеты местного чекана.

На территорию юга русских княжеств джучидские монеты проникали особенно часто во второй половине XIV в. Много ордынских монет (главным образом серебряных) отмечено в Нижегородской области. Нередки находки джучидских монет в Городце на Волге.

Данные монетного обращения свидетельствуют о том, что в конце XIV в. внутренняя торговля, а следовательно, и городские ремесла переживали упадок. Некоторые регионы оказались полностью вне сферы денежного обращения. Только в южной части Нижнего Поволжья монеты времени Токтамыша часто встречаются на городищах. Резкое сокращение денежного обращения в золотоордынских городах сопровождалось сокрытием больших кладов серебряных монет, что, вероятно, было связано с крупным купеческим капиталом, задействованным в транзитной торговле. В XV в. количество золотоордынских городов резко сокращается.

В монетное обращение Золотой Орды проникали золотые, серебряные и медные иноземные монеты. Обычно серебряные иноземные монеты попадают в составе кладов, но встречаются клады, полностью состоящие из иноземных монет – иранских, среднеазиатских. Наибольшее количество восточных иноземных монет приходится на чекан Ирана и Закавказья. Меньшую долю занимают монеты, чеканенные в Средней Азии. В Восточной Европе зафиксированы находки золотых индийских динаров XIV в. и одной индийской монеты из меди. Известны единичные находки монет Османов, Мамлюков, Сельджуков Рума, Исфендиаров Синопа, Расулидов Йемена, эмиссии Византии, Трапезундской империи, Галицкой Руси. В центральной части Улуса Джучи редки монеты западноевропейской чеканки XIII–XV вв. Интересны факты обнаружения на ордынских памятниках античных и восточных раннесредневековых монет. В Поволжье в XIII–XIV вв. изредка проникали и монеты

Китай. Большинство иноземных монет датируется XIV в. – временем расцвета государства Джучидов.

* * *

Комплекс материальной культуры показывает, что после монгольских завоеваний 1230-х годов Волго-Уралье оказалось глубоко встроено в хозяйственную и политическую систему Улуса Джучи. Сложился новый формат пространственной организации территорий: урбанистические агломерации, степное кочевничество, торговля и оседлое земледелие были объединены в единую экономическую инфраструктуру. Старые укрепленные пункты, включенные в общий процесс урбанизации, утрачивают оборонительные функции. Вдоль Волги и Камы растут открытые города с преобладанием мусульманизированного тюркского населения. Ордынские эталоны мер, весов и налогов формировали механизмы развития региональных рынков, на которые поступали изделия ремесленников: чугун, стекло, изделия цветного металла, конское снаряжение и др. Золотоордынский компонент на обширной территории прослеживается в экономической жизни по монетным сериям с арабо-тюркскими легендами, по канцелярскому употреблению тюрко-татарского языка и по институции городской мусульманской общины.

Одним из проявлений многоконфессионального состава населения стал культурный компонент, отраженный в христианской символике, энколпионах и нательных крестах, генетически связанный с традициями домонгольского древнерусского Северо-Запада и Северо-Востока. Восточнославянские группы формировали городские кварталы, компактные сельские пригородные анклавы, поставлявшие ремесленную и сельскохозяйственную продукцию. Тесное взаимодействие складывалось и с русскими княжествами, вовлеченными в активные политические, культурные и торгово-экономические контакты, шло взаимопроникновение традиций и технологий, происходил процесс активного освоения русским населением Верхнего Прикамья и бассейна р. Вятки.

Важным компонентом в поликультурном пространстве были традиции финно-угорского населения, сохранявшего устойчивость хозяйственного уклада: подсечное земледелие, охоту, рыбную ловлю и выделку кожи, характерную черную и цветную металлообработку. При размытии некоторых этнографических черт его материальная культура демонстрирует адаптацию ордынских форм и сохранение локальных ремесленных практик.

К середине XIV в. археологический материал фиксирует экономический подъём: происходит рост численности и размеров городов, унифицируется денежное обращение, расширяются ремесленное производство, возрастает поток импортов из Восточного Средиземноморья и Прибалтики. Однако внутренние усобицы, эпидемии и поход Тимура 1395 г. прерывают рост. Период конца XIV – начала XV вв. отмечены сокращением городской застройки, уменьшением денежного обращения.

Несмотря на кризис, заложенные Ордой институциональные рамки – единое экономическое пространство, торговые транзитные магистрали и развитые городские ремесленные технологии – сохранялись. Материальное наследие свидетельствует о высокой адаптивности общества к имперским вызовам: тюрко-татарские, финно-угорские и славяно-русские культурные ядра, конкурируя, взаимно усиливали хозяйственные практики и обеспечивали долговечность экономических связей от волго-уральских лесов до степей Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия и активную их вовлеченность в международную торговлю.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическое изучение Болгарского городища / Авт.-сост. А.Г. Ситдииков, С.Г. Бочаров. Казань: Изд-во АН РТ, 2024. 564 с.

Археология Волго-Уралья. Т. 6. Средние века (вторая треть XIII первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / под общ. ред. А.Г. Ситдиикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. 936 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в средние века. Пенза: ПГПУ, 2003. 199 с.

Великий Болгар. М., Казань: Феория, 2013. 404 с.: ил.

Винничек В.А., Винничек К.М. Средневековые древности Никольского селища. Пенза: Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 88 с.

Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 1 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum Plus, 2015.

Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII – XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.

Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2011. 253 с.

Зиливинская Э.Д. Благоустройство и санитария в золотоордынских городах // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 196–203.

Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды. Уфа: БГПУ, 2015. 208 с.

История татар с древнейших времён в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 1047 с.

Пачкалов А.В. Монетные дворы Золотой Орды и их локализация // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. XIII. Wiesbaden, 2004. С. 42–134.

Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 132 с.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 276 с

Ситдииков А.Г. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань: Фолиантъ, 2006. 288 с.

Смирнов А.П. Волжские булгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: ГИМ, 1951. 295 с.

Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татарское книжное изд-во, 1975. 220 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 351 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 232 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: МГУ, 2001. 254 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 276 с.

Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999.

Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, Татарское кн. изд-во, 1978. 160 с.

Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татарское кн. изд-во, 1989. 222 с.

Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Фэн, 1994. 168 с.

Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань: Фолиантъ, 2011.

ГЛАВА 8

ВОЛГО-УРАЛЬЕ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

С распадом Золотой Орды в XV в. начинается новый период в истории Поволжья. Он характеризуется новыми явлениями в материальной и духовной культуре населения, оказавшегося в пространстве трансформации традиций постордынских Казанского, Касимовского, Крымского, Астраханского ханств, Русского государства, Ногайской Орды и др. Данный период охватывает также XVII – середину XVIII вв., характеризующиеся сложением единой российской материальной культуры. В это время отмирают многие элементы средневековой культуры: появляются новые города и крепости, проходит христианизация финно-угорских народов Поволжья и Приуралья. Завершается сложение материальной культуры современных народов региона. На фронтовой зоне степи и леса формируется новое явление в виде засечных чертах и пограничных оборонительных линий Российского государства.

8.1. АРХЕОЛОГИЯ КАЗАНИ И КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Археология Казанского ханства изучена пока недостаточно. Масштабные исследования проводились лишь в Казани. Археологические материалы периода Казанского ханства обнаружены при раскопках Болгара, Арской крепости, Алабуги, Чаллынского городища. Хорошо изучены эпиграфические памятники этого времени (рис. 1).

История археологического изучения Казани

Археологические исследования в Казани начинаются со второй половины XIX в., когда в разных частях ее территории проводились специальные наблюдения за земляными работами и сборы случайных находок. Среди этих находок примечательны клады 1861, 1879, 1893 и 1909 гг., состоящие из большого количества джучидских и древнерусских монет XIV – первой половины XVI в.; гипсовые плитки – герихи с

¹ При составлении данной главы авторы опирались на материалы Сивицкого М.В., Нигаматова А.З., Шакирова З.Г., Валиева Р.Р., Мухаметшина Д.Г., Старкова А.С., Пигарева Е.М., Васильева Д.В., Ахметгалина Ф.А., Беляева А.В., Хазиева А.И., Хамзина Р.Н., Федулова М.И., Патрушева В.С., Егорова А.В., Кряжевских А.Л., Никитиной Т.Б., Малковой Н.М., Абдуллина Х.М., Дубмана Э.Л., помещенные в VII томе «Археологии Волго-Уралья» (Казань, 2022).

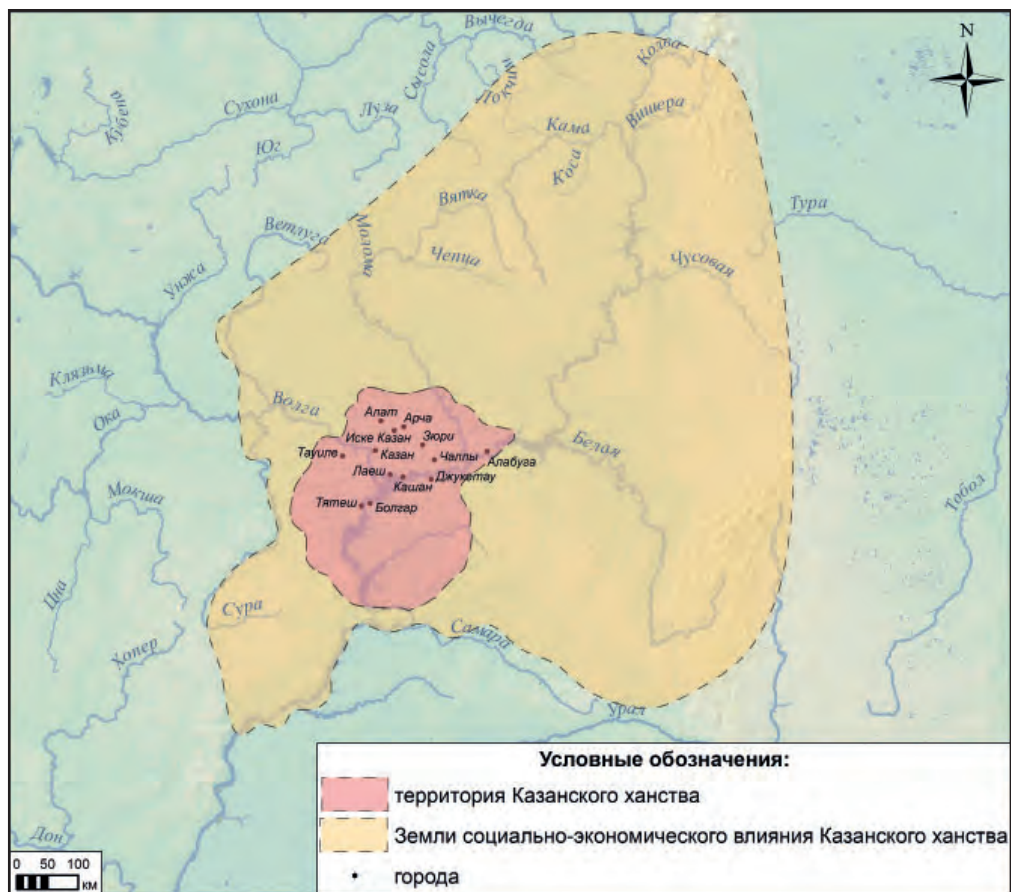

Рис. 1. Территория Казанского ханства

орнаментом от облицовки кирпичных или каменных зданий XV–XVI вв.; предметы вооружения и конского снаряжения, в том числе наконечники стрел и копий, боевые топоры, каменные ядра, обрывки кольчуги, а также обломки болгаро-татарской керамики. В результате этих сборов в руки исследователей попали материалы, свидетельствующие о возникновении города не позднее XIV в.

Из других открытий XIX в. заслуживают упоминания найденные на территории Архиерейской загородной дачи (на месте Кабанского городища) два мусульманских надгробных камня, стоявшие на могиле болгарской принцессы Алтын-Бертек (ум. в 1297 г.) и эмира болгарского Хасан-бека (ум. во вт. пол. XIV в.); четыре каменных надгробия XV–XVI вв. с армянскими надписями, обнаруженные в районе Третьей Горы (ныне ул. Калинина), где располагалась Армянская колония в окрестностях Казани (рис. 2).

Следующий период археологического изучения древностей Казани охватывает 1925–1954 гг. и связан преимущественно с именем Н.Ф. Калинина. В 1925 г. проводил наблюдения за строительными работами в Кремле южнее башни Сююмбике. Здесь были впервые документально зафиксированы культурные напластования, нижний горизонт которых (слой татарской Казани) содержал красноглиняную болгаро-татарскую керамику.

Рис. 2. План Казанского кремля с обозначением раскопок, шурфов, пунктов наблюдений и случайных находок Места раскопок и шурфов, упоминаемых в тексте: 7 – шурфы у башни Сююмбике 1929 г.; 8 – шурф у бывшей Дворцовой церкви 1929 г.; 9 – шурф у церкви Киприаны и Устины 1928 г.; 10 – раскопы 1935 и 1954 гг.; 11 – траншея 1947 г.; 12 – траншея 1948 г.; 14 – траншея 1925 г.; 15 – траншея 1948 г.; 19 – раскоп 1954 г. у Тайницкой башни; 50 – раскоп IV 1977 г.; 62 – раскоп I 1994–1995 гг.; 63 – Раскоп II 1994–1997 гг.; 64 – раскоп III 1995 г.; 71 – раскоп IX 1997 г.; 85 – раскоп XX 1998 г.; 93 – раскоп XXXIV 2000 г.; 94 – раскоп XXXV 2003–2004 гг.; 129 – раскоп LXV 2004–2005 гг.

В 1928–1929 гг. была заложена серия шурфов. Н.Ф. Калинин отмечал, что во всех шурфах прослеживалась довольно четкая стратиграфия культурных отложений с остатками древних сооружений. Нижний слой «немалой толщины» содержал болгаро-татарскую керамику. Интересные материалы были получены в шурфах с северной стороны Благовещенского собора, у южной стены башни Сююмбике, в районе северо-западного угла Дворцовой церкви выявлены культурные отложения Казани после 1552 г. Под фундаментом Дворцовой церкви удалось зафиксировать второй фундамент из тесаных камней, что, по словам Н.Ф. Калинина, указывает на постройку Дворцовой церкви на месте мечети Нур-Али.

В 1947 г. в юго-восточной части Кремля Н.Ф. Калинин впервые зафиксировал остатки двух мусульманских кладбищ. Одно из них, более раннее, располагалось в северной части, второе кладбище – в южной части недалеко от Спасской башни.

Первые масштабные археологические исследования на территории Кремля проводились Н.Ф. Калининым в 1953–1954 гг. В районе Тайницкой башни он выявил мощные отложения древней Казани дорусского времени с богатыми находками. Были изучены жилые и хозяйственные сооружения.

В 1971–1978 гг. археологические исследования Казани проводились под руководством А.Х. Халикова. Раскопками были выявлены слои, отложенные в период Казанского ханства, Золотой Орды и домонгольской Болгарии, а также связанные с ними объекты: оборонительные сооружения, остатки ханского мавзолея, значительное количество жилых, хозяйственных и производственных сооружений.

Крупномасштабные раскопки Казанского кремля и исторической части города состоялись в 1994–2005 гг. За это время было заложено около 150 раскопов на общей площади более 40 тыс. кв. м и проведено более десятка наблюдений за земляными работами. Большая часть работ была проведена на территории Кремля – около 70 раскопов общей площадью более 30 тыс. кв. м.

Культурный слой Казани. Историческая топография города

Средневековая Казань представляет собой многослойный археологический памятник, ранние культурные отложения которого начали формироваться в болгарскую эпоху. Средняя мощность культурного слоя на основной его территории составляет 2–3 м, но местами, особенно у склонов холма, достигает 6–8 и более метров.

Основой стратиграфической шкалы любого археологического памятника, в том числе и Казанского кремля, является определение времени накопления выделенных слоев. Кремль представляет собой открытый археологический комплекс непрерывного накопления с сильно разрушенными в результате строительных работ культурными напластованиями. Традиционный способ определения хронологии слоев и находок путём привлечения аналогий уточнялся новыми естественно-научными методами датирования.

С периодом отложения напластований Казанского ханства связан III слой, расположенный на IV (золотоордынском) слое и разграниченный от вышележащего II слоя (русского времени) углистой прослойкой пожара 1552 г. Средняя мощность слоя составляет 70–80 см, уменьшаясь в южной, менее освоенной части территории Кремля до 20–30 см.

С прослойкой пожара 1552 г. увязывается ряд специфичных находок, представленных большим количеством каменных ядер, глиняными зажигательными ядрами,

Рис. 3. Казанский кремль. Северная башня после завершения раскопок. Северный фасад

наконечниками стрел, ошлакованной под воздействием высокой температуры керамикой. В сгоревших постройках встречаются обугленные человеческие останки. Эта прослойка четко разграничивает слой Казанского ханства и слои, сформировавшиеся после 1552 г. С неё начинаются кардинальные изменения в содержании материальной культуры, что особенно отчётливо видно в соотношении различных групп керамики и их типов.

С ханским временем увязывается большое количество строительных горизонтов различных объектов: кирпично-каменных зданий, жилищ и хозяйственных сооружений. Подобная активность в его застройке приводила к разрушению более ранних напластований и включению в горизонты «ханского» слоя значительного объёма материкового грунта и находок нижележащих напластований.

Большой интерес в изучении топографии Казани вызывает её планировочная структура в период расцвета города и приобретения столичного статуса одного из могущественных государств Восточной Европы XV – первой половины XVI вв. – Казанского ханства.

Формирование планировочной структуры Казани изначально было обусловлено рельефом. Градостроительная деятельность сосредоточивалась на верхней ровной площадке холма и его подножии. Границы города, построенного на мысовой северной части Кремлёвского холма, постепенно расширялись в южном напольном направлении.

В период Казанского ханства город выходит за пределы болгарских укреплений XI–XIV вв., появляется новая топографическая единица города – Кремль с ханским двором, формируется планировка вновь освоенной территории, строятся крупные кирпично-каменные здания.

Ранние укрепления на Кремлевском холме сохранялись почти весь золотоордынский период, но на многих участках пришли в ветхое состояние. В период Казанского ханства они были восстановлены в виде мощных городней из длинных и толстых дубовых бревен. «Промежутки между стенами засыпаны хрящем, и песком, и мел-

ким камнем. Толщина стен со стороны рек Казанки и Булака достигает трех саженей, и места эти неприступны», – замечает анонимный автор «Казанской истории», написанной 1564–1565 гг. Археологически под северной стеной (раскоп XXXV) выявлены остатки белокаменных стен протяженностью более 100 м, построенных до 1552 г., упоминаемых и в Писцовой книге 1565–1568 гг. (рис. 3).

В этот период возникает планировка поселения, просуществовавшая в основных чертах до конца XVII в. Появляется уличная планировка. На рубеже XIV–XV вв. возобновляется каменное строительство.

После образования ханства численность населения быстро увеличивается, осваиваются новые территории, растёт количество жилых и общественных построек. К середине XVI в. укрепленная часть Казань достигает площади 70 га, а с неукрепленным посадом размеры приближаются почти к 300 га. К городу примыкает более 10 небольших поселений. В Казани с прилегающей округой проживало население численностью около 20–25 тыс. человек. По меркам того времени она относилась к числу крупных городов Восточной Европы.

Освоение новых территорий происходит по возвышенной части Кремлёвского холма и прилегающих низин. Город состоял из трёх частей: Кремля, укрепленного и неукрепленного посада. Укрепленная часть города охватывала почти всю верхнюю площадку Кремлевского холма.

Судя по письменным источникам, посад Казани был укреплен деревянной стеной, состоящей из городней. Существование посада подтверждается неоднократными упоминаниями его в письменных источниках. Самое раннее известие о посаде города относится к 1469 г. Об укрепленном посаде сообщается в связи с событиями 1500 г., когда хан Абдул-Латиф «повеле около града нарядити острог». При описании боевых действий 1530 г. сообщается о строительстве укреплений посада Сафа-Гиреем: «Около посаду по Арскому полю, от Булака и до Казани реки, округ его рвы копайте по-за острогу».

Кремль занимал около 10 гектаров в северной части Кремля, где располагался Ханский двор. Именно здесь были выявлены остатки дворца, мавзолея с погребениями ханов и крупной мечети, уходящие под фундаменты более поздних зданий Дворцовой церкви и башни Сююмбике. В сквере южнее Благовещенского собора, у Тезицкого рва, сохранились руины каменных зданий, где, по описанию современников, была ожесточённая битва у стен мечети Кул Шарифа.

Интенсивно развивался город и за пределами Кремля. К 1552 г. были освоены новые территории и плотно застроены ранее заселённые. В границы укрепленного посада была включена территория по Кремлевскому холму, ограниченная с востока Черноозёрской протокой, а с запада – р. Булак. Увеличилось число слобод за пределами укреплений – Кураишева, Армянская, Старое городище (на месте Богородицкого монастыря), Бишбалта и др. (рис. 4).

Одной из наиболее часто упоминаемых в письменных документах является городской район Кураиш с каменной Отучевой мечетью. Она локализуется в левобережье Булака. Местоположение мечети, к сожалению, пока не установлено. Можно предположить, что она находилась на высоком неподтапливаемом останце недалеко от бывшей Варлаамской церкви второй половины XVI в., располагавшейся в районе нынешнего Центрального рынка.

Слобода Бишбалта, упоминаемая при штурме города 1552 г., находилась за рекой Казанкой. Небольшие поселения, возможно, находились и на Зилантовой горе,

Рис. 4. Территория Казани в середине XVI в.

и на т. н. Архиерейской даче, и на осваивавшемся пространстве в сторону Арского поля и Заказанья.

«Старое городище», упоминаемое при штурме города войсками Ивана Грозного, локализуется на Богородицком холме. Время заселения его территории предварительно определяется XII–XIII вв. Важно отметить, что поселение продолжало существовать и во времена Золотой Орды и Казанского ханства.

Не менее интересными объектами являются легендарные Даирова баня и Тайник с подземным ходом к источнику. Именно с Даировой баней напрямую связана организация взрывов подкопов под Тайницким ключом и стеной между Аталыковыми и Тюменскими воротами. Оба объекта локализуются в западной стороне Кремля. Даирова баня предположительно находилась в районе ул. Ташаяк, а источник севернее его – ближе к р. Казанке.

Следы могильников ханского времени локализуются по их упоминанию в письменных источниках и археологическим данным. Основываясь на этих источниках, можно локализовать могильники в районе главного здания Казанского университета, у Центрального рынка, на территории Гостиного двора (совр. Национальный музей РТ), а также вблизи Армянской слободы (ул. Калинина).

Топография средневековой Казани, восстанавливаемая на основе комплексного рассмотрения исторических источников, сложилась в результате естественного освоения удобных для заселения мест вокруг укреплений на Кремлевском холме.

Жилища и хозяйственные постройки. Мечеть Кул Шарифа в Казанском кремле. Изучение жилищ и хозяйственных построек – один из важнейших разделов исследования материальной культуры любого народа. Особенности планировки усадьбы, детали интерьера и конструкции жилищ, система отопления, если их уда-

ется фиксировать в ходе раскопок, служат важными историческими источниками. Кроме того, графические реконструкции рядовых жилищ и связанных с ними хозяйственных сооружений (естественно, и элитных домов, общественных зданий, если таковые имеются) вкпе с реконструкциями оборонительных сооружений помогают воссоздать внешний архитектурный облик изучаемых поселений.

Всего на территории Казанского кремля археологически изучено более 800 сооружений в слоях домонгольского, золотоордынского времени и Казанского ханства. Из них более 50 жилищ и около 500 хозяйственных сооружений выявлено в слое ханского времени. Сохранность большинства сооружений неудовлетворительная, так как они разрушены и перекрыты более поздними объектами.

Часть изученных объектов, определенных как хозяйственные ямы, по всей вероятности, связана с жилищами. Плохо сохраняются наземные строения. Конструкции в виде беспорядочно лежащих обугленных бревен, скоплений древесного тлена и угля с находками бытовых предметов, зафиксированные неоднократно в слое пожарища 1552 г., скорее всего, являются остатками разрушенных во время штурма города наземных домов. Подполья двух из них, выявленные после снятия слоя пожарища под вышеуказанными конструкциями, обозначены как хозяйственные сооружения. Они прямоугольные в плане (360×240 см), с отвесными стенками, укрепленными срубом из толстых горбылей; пол из деревянных досок. В заполнении обнаружены обломки гончарной посуды, сильно корродированные предметы из железа и меди. Интересны находки яичной скорлупы на полу. Рядом расположено аналогичное сооружение прямоугольной формы (340×300 см) глубиной 150 см. В яме хорошо прослеживались остатки сруба из горбылей толщиной до 15 см. Среди находок из заполнения имеются три диска каменных жерновов, кости животных и рыб.

Сооружения, близкие по устройству к вышеописанным, составляли значительную часть объектов ханского времени. Так, сооружение 9 (420×230 см) из раскопа в Пушечном дворе интересно тем, что внутри сруба из горбылей обнаружено большое скопление зерен пшеницы (прослойка обугленных зёрен толщиной до 10 см на всей площади пола). Найдены также фрагменты шерстяной и льняной ткани, кусочки войлока, железные кольцо, шило, топор, точильный брусок, два камня дисковидной формы диаметром 25, толщиной 14–18 см, весом около 10 кг, со знаком в виде трезубца, являющимся тамгой рода Гиреев, на поверхности. Они могли использоваться в качестве гирь при взвешивании товаров. В числе находок следует упомянуть также глиняное зажигательное ядро диаметром 9 см со сквозными отверстиями и полое внутри, в результате попадания которого постройка, видимо, и была уничтожена. Подобные ядра фиксируются в слое штурма горда 1552 г., иногда обломки встречаются в сгоревших постройках. В функциональном отношении она, возможно, являлась житницей-амбаром, о чём свидетельствует большое количество зерна в заполнении, или же жилищем наземного типа с неглубокой подпольной хозяйственной частью².

В этом отношении представляют интерес остатки печи сооружения 13 того же раскопа, которая четко оконтурилась в виде пятна прямоугольной формы (170×146 см). Удалось зафиксировать свод печки и её под, выложенные из половинных кирпичей. Основание печи покоилось на конструкции из деревянных брусьев и

² В ряде сооружений, определяемых как подпольные части наземных домов, встречены обломки кирпичей и глиняных обмазок в виде плиток толщиной около 1 см; они происходят, скорее всего, от разрушенных печей.

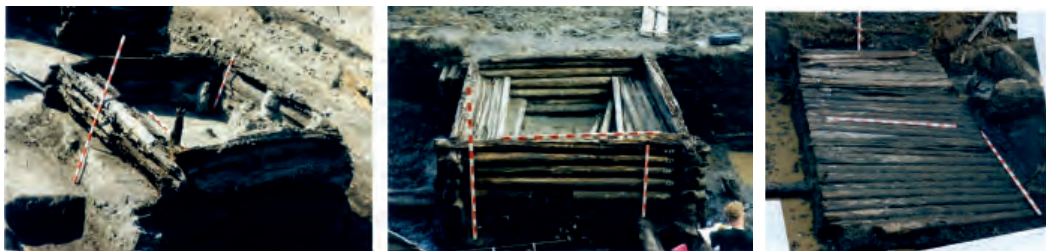

Рис. 5. Общий вид деревянных сооружений на раскопе XIII

известняковых камней. Рядом обнаружены обломки глиняной посуды, развал чугунного котла, каменный оселок и пр. Прямая связь изученного объекта с какой-либо постройкой жилого характера не установлена. Скорее всего, она находилась в срубном жилище наземного типа.

Иногда назначение изученных объектов удается определить по составу обнаруженных в них находок. В этом отношении показательно сооружение 16 из раскопа, расположенного к северо-востоку от Благовещенского собора. Оно представляло собой срубную конструкцию (380×270 см). Прослойка пожарища, которая перекрывает сохранившиеся остатки сооружения, разделяет слои ханского и раннерусского времени. Под сгоревшими деревянными конструкциями лежали обугленные человеческие кости и комплекс бытовых вещей: обломки керамики, в том числе деформированный под воздействием высокой температуры, железный нож, костяная проковка, комки шерсти, мотки шерстяных ниток, обломки обугленной прялки, лапти, кусочки шерстяной ткани и пр. Обитатели дома, вероятно, занимались прядением и ткачеством один из которых и погиб во время штурма города.

Остатки деревянных сооружений хорошей сохранности изучались в низменной северо-восточной части Кремля. В раскопе XIII выявлены неотапливаемые срубные постройки наземного типа. В их в заполнении обнаружено огромное количество (около 10 тыс. фрагментов) кожаных изделий, связанных с мастерской ремесленника-кожевника (рис. 5).

Ханский дворец. Описание Ханского дворца имеется в Писцовой книге 1565–1568 гг., где указано о существовании пяти каменных палат. Остатки трех крупных каменных зданий, упомянутых в ней, обнаружены на территории ханской резиденции. Одно из них предположительно является Ханской мечетью; другое здание, располагавшееся в центре двора, сопоставимо с Ханским дворцом, называемым по Писцовой книге Большой палатой, выявлено в виде остатков подвальной части белокаменного здания (18×24 м), ориентированного по сторонам света (рис. 6), а также здание ханского мавзолея.

В средневековой Казани известно ещё одно легендарное сооружение – комплекс мечети и медресе Кул Шарифа. В ходе археологических исследований на территории бывшего Архиерейского двора были выявлены руины здания – мечети Кул Шарифа, располагавшейся у Тезицкого рва.

В сквере перед Благовещенским собором обнаружены каменные постройки ханского времени. К слою, отложенному в период Казанского ханства, восходил дневной уровень конструкции монументальной постройки первой половины XVI вв. в виде следов фундамента каменного здания, сохранившегося лишь в виде полосы дубовых свай-коротышей, вбитых в целях уплотнения грунта, и небольших фрагментов клад-

Рис. 6. Общий план ханского дворца и его реконструкция

ки из известняковых камней. Сама постройка была полностью разобрана только в 30-е годы XIX в. (рис. 7А).

Под фундаментом были обнаружены два больших клада монет. Время строительства здания было определено первой четвертью XVI в. Подтверждением послужили и два вышеупомянутых клада древнерусских монет, спрятанных не позднее начала 1530-х годов.

Выявленные клады указывают на то, что ко времени их закрытия каменное здание уже функционировало.

Сооружение имело панцирную кладку из камней, скреплённых известковым раствором. По её периметру, с внешней стороны, регулярной горизонтальной кладкой были выложены крупные камни из отесанного известняка. Внутренняя кладка состояла из беспорядочно наброшенных средних и мелких камней. В слое разрушения второй половины XVI в. фиксировались использованные строительные материалы и архитектурные детали. В их числе многочисленные обломки кирпичей, а также фрагменты облицовочных вставок из кашина, покрытых поливой бирюзового и ультрамаринового цвета. Продолжение постройки геофизическим методом было прослежено под проездом Шейнкмана.

В завершении III слоя, под южной стеной здания со стороны направления столкновения штурмующих с защитниками города, было найдено более 20 наконечников стрел и наконечник стрелы от арбалета. У большинства из них погнуты черешки и острие вследствие сильного удара о твёрдую каменную преграду. Можно предположить, что изученное сооружение представляет собой руины здания, возле которых произошло столкновение русских воинов и защитников города, возглавляемых Кул Шарифом.

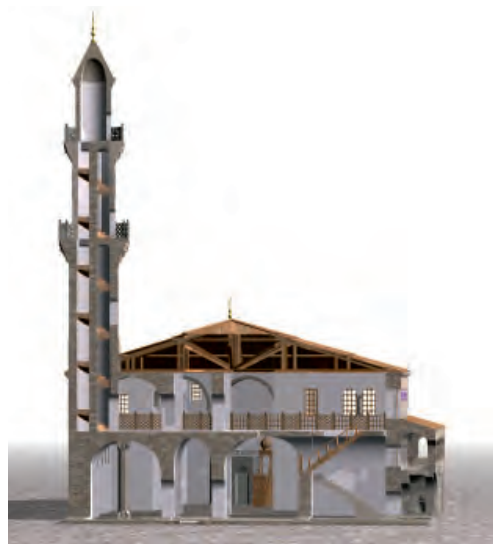
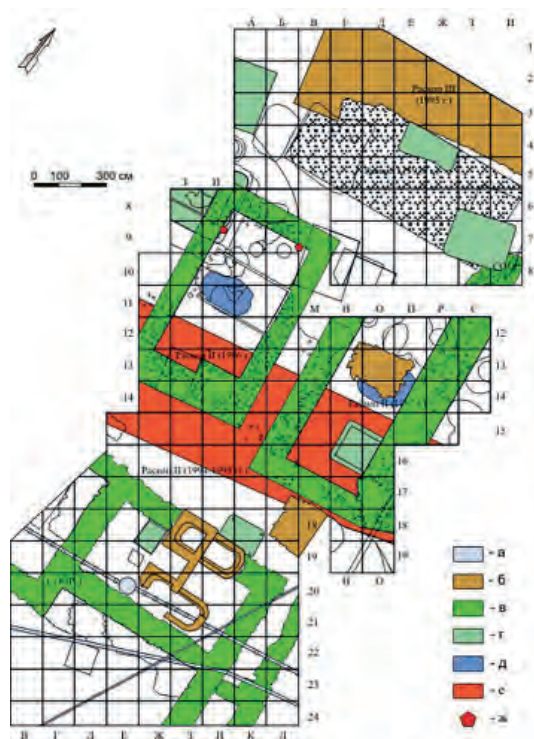

Рис. 7. А – план мечети Кул Шарифа (раскопы II и III 1995–1997 гг.); Б – план Архиерейского двора на уровне первого этажа (РГИА, ф. 1488, оп. 1, д. 1237); В – реконструкция мечети Кул Шарифа (по А.Г. Ситдикову)

При интерпретации материалов, полученных в ходе археологических исследований, исключительный интерес представляют планы зданий Архиерейского двора, составленные до начала XIX в. На наиболее раннем рисунке конца XVII в. с южной стороны Благовещенского собора изображён двухэтажный дом Архиерейского двора. В архивных материалах сохранились детальные чертежи этого дома, сделанные в 1827–1828 гг. Сопоставление этих планов с планом здания, изученного археологически, показало, что разрушенный в начале XIX в. дом архиеерея повторяет постройку ханского времени. Следовательно, благодаря сохранившимся чертежам мы можем частично реконструировать не только план крупного здания ханского времени на уровне фундамента или цокольной части, но и его второй этаж с минаретом, сопоставимый по своему описанию и расположению с мечетью Кул-Шариф (рис. 7Б, В).

Мавзолей казанских ханов. У башни Сююмбике в Казанском кремле были обнаружены остатки каменного мавзолея. Погребальное сооружение, очевидно, представляло собой некрополь знати. Он располагался на территории ханской резиденции, поблизости от Дворцовой мечети (рис. 8).

Раскопками была охвачена большая площадь, часть которой была занята православным кладбищем, возникшим у стен Дворцовой церкви в конце XVII в. Удалось выявить строительный горизонт мавзолея – он располагался в основании III слоя ханского времени, а горизонт разрушения зафиксирован в напластованиях конца XVII в. II слоя.

Нижняя часть фундамента состояла из грубо обтёсанного известняка, скреплённого известняковым раствором. Кладка стены сохранилась на высоту 20–25 см. Она состояла из тёсанных известняковых камней прямоугольной формы размерами 20–30×30–35 см, скреплённых известково-глинистым раствором.

Постройка имела прямоугольную форму – 19×7 м. Она вытянута по линии ССЗ – ЮЮВ. Ширина сохранившейся стены постройки колебалась от 50–55 см до 70 см. Стены сложены из двух рядов плиточного известняка. Пространство между рядами заполнено небольшими необтесанными известняковыми камнями и известковым раствором. Внешняя часть стен сложена из хорошо обтёсанных прямоугольных камней среднего и крупного размера. Пол выложен из гладко обтёсанных, довольно крупных известняковых камней, плотно подогнанных друг к другу (рис. 9; 10).

В ходе расчистки внутреннего пространства постройки были выявлены наземные сооружения над могилами, представляющие собой мастаба – ступенчатые пирамиды с усечённым верхом. Так, мастаба на одной из могил имела прямоугольную форму (200×95 см у основания); по периметру сложена из тёсанных известняковых камней в пять ярусов. Пространство в центре заполнено необработанными мелкими известняковыми камнями и известковым раствором.

Всего в мавзолее было выявлено шесть погребений: четыре погребения в 1977 г. (из них одно детское) и два погребения в 2004 г.

Погребение I мавзолея выявилось в яме (2,5×1,1 м) глубиной 2 м от пола. В двойном гробу покоилось тело мужчины средних лет, положенного на спине головой на запад, с лицом, повернутым в сторону священной Мекки, и согнутыми руками, положенными на живот. На костях были заметны следы савана. При расчистке каменного пола обнаружены фрагменты гипсовых плит.

В северной части было расчищено еще три костяка – два взрослых и один детский. Погребение II было сильно разрушено и в могиле зафиксированы только разроз-

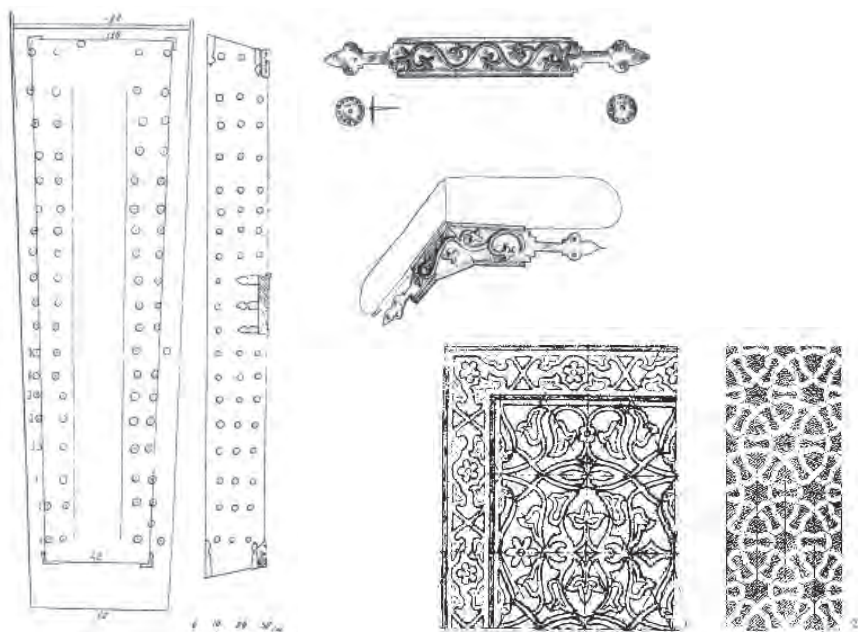

Рис. 8. Раскоп IV 1977 г. Мавзолей № 2. а – реконструкция внутреннего гроба погребения II; б – серебряные накладки и гвоздь от обшивки внутреннего гроба; в – орнамент гипсовых герихов ханского времени из раскопа IV 1977 г.

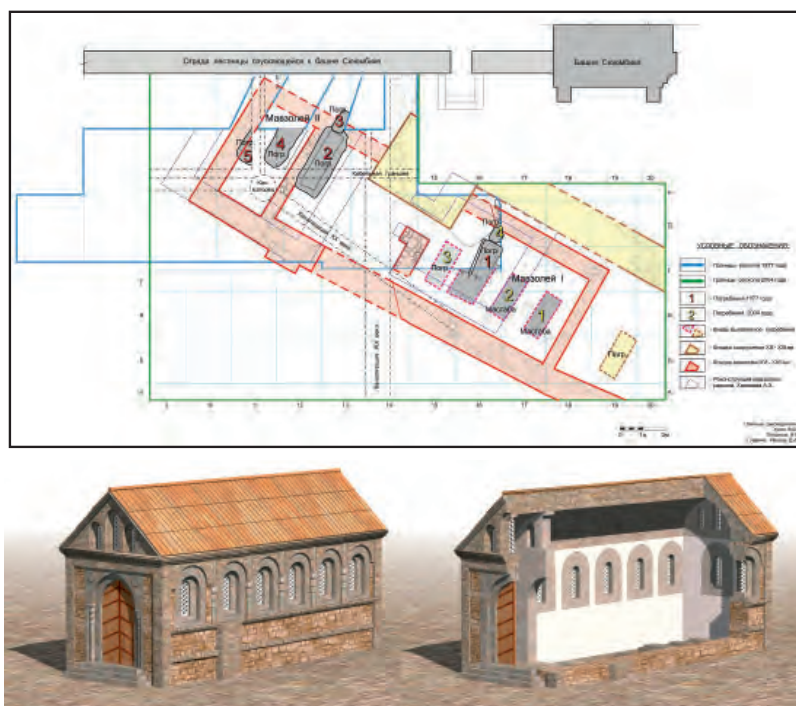

Рис. 9. Мавзолей казанских ханов. А – сводный план раскопов 1974 и 2004 гг. Б – реконструкция здания мавзолея

Рис. 10. Южная часть мавзолея после завершения раскопок

ненные человеческие кости. В центральной могиле, погребение IV, (2,9×0,6–0,8 м) похоронен взрослый мужчина в деревянном гробу, внутри которого фиксировались остатки ещё одного гроба. Наружный гроб был обложен тонкой, хорошо выделанной кожей, скрепленной при помощи серебряных гвоздей накладками со стреловидными концами.

Погребение V располагалось в районе мастабы № 3. Могильная яма имела прямоугольную форму (170×96 см), вытянутую по линии запад – восток. Костяк взрослого человека лежал в двойном гробу, следы которых прослежены в виде древесного тлена. Внешний гроб – простой деревянный, внутренний имел множество скрепляющих железных гвоздей. По углам сохранились сильно корродированные железные петли-уголки. По бокам прослежены почти истлевшие тонкие серебряные накладки. Скелет лежал на спине в вытянутом на юг – юго-запад положении. Череп отсутство-

Рис. 11. Скульптурные портреты казанских ханов Махмуда и Мухаммад-Эмина.
Автор реконструкции антрополог Т.С. Балуева

Рис. 12. Мавзолей после консервации и частичной реконструкции

вал, отсутствовали также кости голени и стопы. Руки были широко расставлены и покоились на грудной клетке. Погребение принадлежало взрослому мужчине.

Погребение VI, выявленное за пределами мавзолея, принадлежало молодой женщине в возрасте 18–25 лет. По данным стратиграфии, оно датируется ранним ханским и перекрывалось строительным горизонтом находящегося рядом белокаменного мавзолея. В строительном горизонте были обнаружены монеты-чешуйки 60-х годов XV в. Очевидно, прилегающий к мавзолею участок был уже занят некрополем высшей правящей знати Казани ещё до строительства каменного мавзолея.

На основе комплексного анализа останков двух скелетов антропологи выполнили их реконструкцию по черепу. Имеющиеся исторические, археологические и антропологические данные позволили идентифицировать их с ханами Улуг Мухамедом (года жизни 1405–1445 гг.), Махмудом (правил в 1445 – сер. 1460-х гг.) и Мухаммад-Эмином (правил в 1487–1496, 1502–1518 гг.) (рис. 11).

В мавзолее было шесть надгробных сооружений типа мастабы, соответствующих количеству похороненных в Казани ханов, но два из них пока не вскрывались (рис. 12).

Исследования средневекового посада Казани

Возникновение этой важной составной части структуры средневекового города относится к домонгольскому периоду. Посад домонгольского времени располагался вблизи крепости. Его формирование было тесно связано с заселением подошвы холма на берегах Булака и Казанки. Он разрастался к востоку и юго-востоку от Кремля вдоль Кремлевского и Богородицкого холма. Позднее возникала примыкающая к ней периферия в виде слобод: Кул Маметова, Армянская, Бишбалта и заселенных районов за Булаком: Кураиш. С посадами связано также формирование отдельных некрополей.

На южной оконечности Кремлевского холма во дворе Главного здания Казанского федерального университета при проведении охранных работ перед строительством нового корпуса были обнаружены остатки стоянки первобытных людей эпохи позднего палеолита, а также материалы, относящиеся к периоду домонгольской Волжской Болгарии. В частности, из культурных отложений происходят находки обще-

болгарской керамики X–XIII вв. Была также установлена непрерывность заселения этого района во все периоды истории города. В раскопе найдены монета хана Хызра (1361 г.), фрагмент селадоновой чаши (Китай, XIII–XV вв.), кашинная поливная керамика (Средняя Азия, XIII–XV вв.), монета Василия III (1530-е годы), многочисленная неполированная красноглиняная болгаро-татарская керамика ханского времени.

Раскопки в зоне строительства метро «Кремлевская», где мощность слоя достигала местами 5 м, выявлены остатки деревянных конструкций посадской стены XIV–XVI вв., а также следы кожевенной мастерской с большим количеством изделий из кожи и производственных обрезков.

Исследования в районе Гостиного двора на уровне материка выявили пятна могильных ям мусульманских погребений XVI в. с обломками каменных надгробий. Более ранних отложений выявить в раскопе не удалось, хотя в числе находок попадались многочисленные фрагменты красноглиняной болгаро-татарской керамики в переотложенном состоянии. Вероятно, в период интенсивного освоения торгового района более ранние слои были переработаны.

Южнее Гостиного двора на территории бывшего геологического факультета КФУ обнаружены объекты и напластования ханской Казани. Удалось локализовать местоположение двух кладбищ: одно – эпохи Казанского ханства на пересечении ул. Чернышевского и Кремлевской, другое – второй половины XVII – начала XVIII в. по ул. Рахматуллина.

Район улиц в Забучае, ограниченный ул. Тукая и Татарстан, также был освоен в период Казанского ханства. Здесь располагался заселенный район известный как Кураиш с Отучевой мечетью. Кладбище располагалось в районе Центрального рынка по ул. М. Межлаука, где были обнаружены мусульманские погребения.

В последние годы был исследован посад района за озером Кабан, известного по письменным источникам как Старо-Татарская слобода, заселенная татарами, оставшимися в живых после событий 2 октября 1552 г. Объектом исследования стал район исторической мечети Марджани. В культурных отложениях выделен слой второй половины XVI – XVIII вв.

Поселения и города ханского времени. Территория вокруг Казани и даже удаленные от неё земли были довольно плотно заселены. В предкамской зоне известно более 500 селищ, 14 городищ, в числе которых такие известные, как Арск, Иски (Эчки) Казань, Чаллы, Алабуга, а также около 80 кладбищ с эпиграфическими памятниками. Как сообщают русские летописцы, когда войска Ивана Грозного в 1552 г. направились на запад и север от столицы вглубь ханских земель, они в течение десяти дней взяли «великих и малых острогов 30». Среди этих городов-крепостей в источниках упоминаются Чаллы, Тетюш, Лаеш, Алат – центр Алатской даруги, Зюри – центр Зюрейской дороги, Илеть на Галичской даруге и др.

Камаевское городище, расположенное в 45 км к северо-востоку от г. Казани на высоком мысу левого берега р. Казанки, впервые было обследовано еще в XVIII в. Н.П. Рычковым и И.Г. Георги. Камаевское городище расположено в 2 км от обширного Русско-Урматского селища. Археологические материалы показали, что эти памятники существовали длительное время синхронно: селище датируется XII–XV вв., городище основано в XIV и просуществовало до середины XVI в. (рис. 13).

В литературе данный памятник увязывается с топонимом «Иске Казань» – «Старая Казань». В Писцовой книге Казанского уезда 1565–1568 гг. городище и расположенное вблизи него село упоминаются более десяти раз под названием «Ички» или

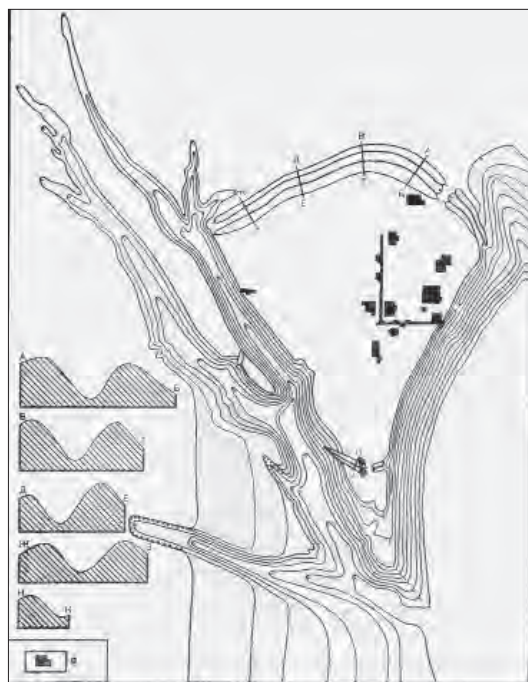

Рис. 13. План Камаевского городища с указанием раскопов (по Р.Г. Фахрутдинову).

«Ычки Казань», т. е. «Внутренняя Казань». В письменных документах второй половины XVI – XVII вв. топоним «Иски Казань» ни разу не зафиксирован. Топоним начинает появляться в документах под названием «Иске Казань» в первой половине XVIII в.

Город Арск находится в 60 км от Казани на правом берегу р. Казанки на подтреугольном мысу, образованном высокой террасой реки и глубоким оврагом с западной стороны. В центре современного города расположено средневековое городище площадью 2,4 га. Большая часть памятника застроена. С напольной стороны имела оборонительная система, которая фиксировалась еще в 80-х годах XX в. Вал и ров имели длину около 100 м. Ширина основания и высота вала 16 м и 4 м, ширина и глубина рва 10 м и 2 м. Сохранился культурный слой с остатками древних объектов и вещевых находок.

Реальной датой, с которой связывают появление Арской земли на страницах русских летописей, считается 1379 г. Под этим годом описывается поход вятчан на Арскую землю, где они разгромили ушкуйников и убили воеводу Рязани.

Первое упоминание Арска как города связано с описанием попытки захвата казанского престола сибирским ханом Мамуком в 1496 г. Арск дал отпор сибирскому хану, не пустив в город, что привело в последующем к его изгнанию из Казани.

Важным источником в реконструкции истории региона являются данные археологии. В этом регионе локализуется более 150 памятников болгаро-татарского времени. Многочисленные мусульманские некрополи Заказанья (109 могильников) и эпиграфический материал показывают широкое расселение болгаро-татарского населения в период Волжской Болгарии, Золотой Орды и Казанского ханства.

Арск в системе болгарских населенных пунктов на р. Казанке занимает особое положение. Оно является крайним северо-восточным болгарским укрепленным поселением вверх по её течению. Средневековая история Арска представляет собой процесс развития поселения, основанного болгарами в тесном взаимодействии с народами Предкамья, объединившимися в рамках государственных традиций Волжской Болгарии, Казанского ханства.

Исследователи пришли к заключению о начале формирования поселения не позднее XIII в. Раскопками были зафиксированы остатки земляного вала и рва, жилища и хозяйственные сооружения. На территории городища найдены фрагменты керамической посуды периода Золотой Орды и Казанского ханства, изделия из глины, камня, кости, стекла, железа и меди (ключи от замков, серпы, наконечники стрел, пряслица, бусы, накладки на поясной ремень и др.), остатки металлургического про-

и ров с одним проездом шириной в 10 м с северо-западной стороны. Форма площадки подквадратная с закруглёнными углами. Размеры ее 100×115 м (1,2 га). Первый и третий валы сохранились частично, четвертый почти совсем исчез и только второй сохранился в удовлетворительном состоянии. С учётом селищ-пригородов площадь города Чаллы достигает более 60 га (рис. 14).

На территории городища изучались остатки построек (зернохранилища, котлован полуземляночного жилища, хозяйственные ямы) и собрана интересная коллекция вещевых находок. Раскоп у восточного края выявил следы наземного жилища с остатками глинобитной печи и несколько хозяйственных сооружений. В юго-восточной части городища были обнаружены многочисленные хозяйственные ямы для хранения продуктов и очаги, сложенные из камня.

изводства (шлаки), серебряные монеты, чеканенные от имени Улуг-Мухаммада. Интересной находкой является «чешуйка» первой половины XVI в., что в очередной раз подтверждает использование русских монет в качестве денежной единицы на территории Казанского ханства. Обнаружены также следы пожарищ 1552 г.

Город Чаллы. Археологические остатки Чаллынского городища, расположенные у с. Тяжбердины Челны Рыбно-Слободского района РТ, были обнаружены и обследованы в XIX в. Ещё первые исследователи отмечали выгодное в стратегическом отношении расположение городища на высоком возвышении левого коренного берега р. Шумбут, правого притока Камы. Это возвышение – мыс, имеющий высоту над поймой 24 м, – образовано крутым обрывом к реке с юго-запада и глубоким широким оврагом с юго-востока. Площадка городища с двух сторон защищена сложной системой искусственных земляных укреплений из четырех дугообразных валов

Мощность культурного слоя, как и везде в пригородах, небольшая – не более 30–35 см вне объектов. Верхняя часть его разрушена распашкой. В данном раскопе было изучено четыре сооружения различного функционального назначения. Одно из них сохранилось в виде подпрямоугольной в плане ямы (175×260 см) глубиной 35–45 см, заполненной большим количеством угля, обожженной глины и обломков кирпичей. Данное сооружение служило кузницей, о чём свидетельствуют следы горна в виде скопления ошлакованных кирпичей, располагавшегося в северном углу, а также большое количество железного шлака и кусок крицы, разбросанные вокруг этого горна. К юго-западу от описанной кузницы расчищена часть ямы глубиной около 80–90 см, заполненная крупными кусками древесного угля. Очевидно, она предназначалась для хранения угля, необходимого в большом количестве для кузнечного производства. Чуть дальше находилась еще одна яма, заполненная железным шлаком. Время функционирования этого производственного центра (XV – первая половина XVI вв.) определено на основании керамического материала, аналогичного находкам из «ханского» слоя Казанского кремля.

Алабуга и его округа. Алабуга «ханского» времени включала в себя город на правом берегу р. Тоймы и знаменитое Елабужское городище с рунированными остатками белокаменной мечети-цитадели и V некрополь.

Алабуга в эпоху позднего Средневековья сохранилась лишь в виде следов поселения в исторической части города, на второй террасе р. Тоймы. На вытянутой с востока на запад площади (300×100 м) в 1997–2003 гг. были проведены раскопки. Поселение XV–XVI вв. располагалось в 2 км от Елабужского городища. В настоящее время средневековые культурные отложения на данной площадке сильно разрушены поздними застройками. «Ханскому» времени соответствует III стратиграфический слой памятника, мощность которого составляет около 20 см. Находки представлены металлическими предметами быта, оружием (ножи, кольца от конской упряжи, наконечники стрел и т. п.) и керамикой. Из слоя, в частности, происходят фрагменты красноглиняной гончарной керамики с редким и узким лощением, иногда с волнистым и линейным орнаментом из многорядных тонких линий, имеющей близкие аналогии в материалах из III («ханского») слоя Казанского Кремля (рис. 15).

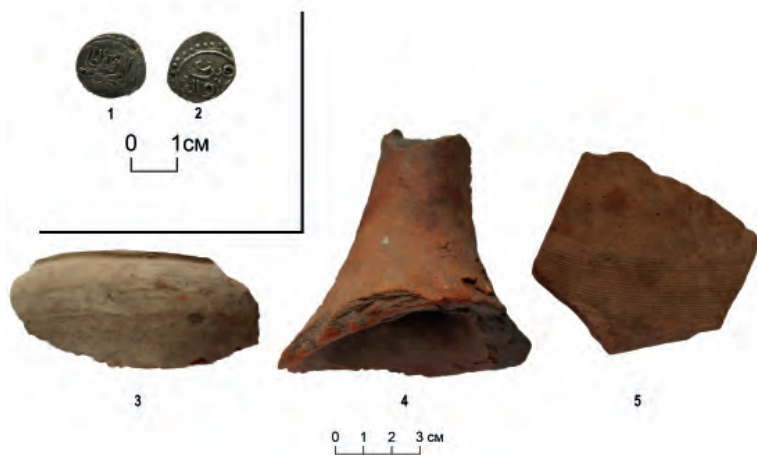

Рис. 15. Казанские монеты и керамика из Алабуги и ее окрестностей

Следы поселения «дорусского времени» обнаружены также в 2 км северо-западнее от исторического центра города, где в огородах частных усадеб собраны фрагменты «казанской» керамики. По преданиям местных жителей, отсюда происходят надгробные камни с текстами на арабской графике. Среди татарского населения данное поселение известно под названием Уразбахты. Из окрестностей Алабуги (с. Танайка) происходит серебряная монета XV в.

Елабужское (Чертово) городище занимает северо-восточную половину мыса коренной террасы Камы у устья р. Тоймы. Общая площадь памятника в настоящее время 3,2 га. На углу небольшого изгиба восточного склона мыса стоит белокаменное сооружение с частично уцелевшей и отреставрированной в 1867 г. башней. Данная домонгольская конструкция размерами 21×21 м имела четыре башни по углам и четыре полубашни-контрфорса.

Красноглиняная керамика с многорядными тонкими резными линиями, датируемая «ханским» временем, встречена в небольшом количестве в каждом раскопе и разных частях городища. Это в основном фрагменты кувшинов высоких форм, хотя присутствуют и обломки горшков и мисок.

В татарских произведениях Алабуге XV–XVI вв. придается весьма важное значение. Хотя еще с золотоордынского времени само городище потеряло всякое военно-политическое значение и осталось лишь как религиозно-культовая святыня («Ак мечеть»), весьма почитаемая в округе.

Население и военно-политическая администрация проживали в самом городе. В народных преданиях, легендах и некоторых исторических сочинениях сохранились имена правителей Алабуги этого времени: Сугун (первая половина XV в.), Ислам (середина XV в.), Сауган (середина XVI в.).

В эпоху Казанского ханства численность болгаро-татарских селений заметно возрастает. В пределах нынешнего Елабужского района источники упоминают селения Беклек (Танайка), Султани (Мальцево), Сарали (Бехтерево), Морты, Умяк, Мурзалы (Мурзиха), Шурняк, Казыли. Сюда следует также отнести около десятка татарских селений, известных на территории соседних Менделеевского и Агрызского районов.

Лаеш (Лаишево) – в настоящее время районный центр Республики Татарстан, расположенный на правом высоком берегу Камы. Остатки крупного болгаро-татарского поселения, на основе которого позднее вырос татарский город Лаеш, связаны с Лаишевским селищем в урочище «Чакма».

Лаишевское селище было ремесленным и торговым центром большой округи. Здесь обнаружены остатки металлургии железа и кузнечного производства. Накопленный археологами материал, среди которого десятки серебряных и медных монет, дает основание говорить о расцвете Лаишевского поселения в эпоху Золотой Орды. В период Казанского ханства Лаеш являлся достаточно крупным поселением, скорее всего укрепленным. Рядом находилась переправа через Каму, соединявшая Закамье с Ногайской Ордой.

В 1557 г. на месте татарского поселения была построена военная крепость: «... Того же году [1557] апреля писал из Казани князь Петр Иванович Шуйский: велел Арским и побережным татарам поставити на Каме город в Лайшове и князь Петр в нем устроил новокрестьян да стрельцов, а у них головы детей боярских, для Ногайских людей приходу, а новокрестьян велел тут пашню пахоти, и у города Казани и по пустым селом всем велел пашни пахоти Руским людям и новокрестьян».

Болгар был разрушен и разграблен ушкуйниками под предводительством Федора Пёстрого в 1431 г. После этого он перестал играть роль административно-политического, экономического и культурного центра Болгарского улуса Золотой Орды. Население из его окружи постепенно перемещается на север, на предкамские земли, в частности в бассейн Казанки. В городе теплилась жизнь и в период Казанского ханства. Болгар начинает играть роль религиозного и духовного центра.

В культурных отложениях центральной части Болгара выявлен слой III периода ханства мощностью до 10 см.

Вещевой материал III слоя представлен в основном небольшим количеством керамики и костями животных. Незначительное количество найденных артефактов в слое свидетельствует о том, что в данный период территория городища была слабо заселена.

Биляр. Золотоордынский Биляр на левом берегу Малого Черемшана (Билярское III селище) существовал, по данным нумизматики, до конца XIV в.

О проживании населения в XV в. и позднее говорят эпиграфические памятники. На горе Балынгуз были установлены надгробные камни на кладбище XIV–XV вв., там же археологами зафиксированы развалины белокаменных мавзолеев, часть которых относится к ханскому времени. Одна из могил, по преданиям, принадлежала мусульманскому святому Магълум-ходже (Маалум-хужа ~ Баалум-гузя ~ Балынгуз), умершему в годы правления казанского хана Сафа-Гирея. В татарской челобитной русскому царю, составленной в 1677 г., говорится, что, когда умер Балын-гузя, Сафа-Гирей велел построить над его могилой на святой билярской земле «полату» (усыпальницу), а сторожить ее оставил людей, выделив им пашенную землю и вотчины поблизости кладбища.

Раскопки на Торецком поселении, расположенном через овраг к западу от Балынгуза, на огромном количестве первоклассных находок, в том числе и нумизматических, показали, что это поселение существовало в конце XIV – первой половине XV в. и было разрушено предположительно кочевыми ногайцами. Однако жизнь здесь продолжалась, похоже, и в период ханства.

Хозяйство и материальная культура населения Казанского ханства

Немаловажное место в хозяйственной жизни населения ханской Казани и других городских поселений занимало ремесленное производство. В городах жили металлурги, кузнецы, оружейники, гончары, ювелиры, плотники, каменщики, кожевники, сапожники, представители других профессий.

Уровень развития металлургического производства является одним из важных показателей состояния производительных сил общества. Судя по скудным данным, металлургическое производство города Казани было сосредоточено в посаде. Горны для выплавки черного и цветного металла располагались, как правило, ближе к водным источникам. Действительно, примерно в 200 м к востоку от ранних городских укреплений, на левом берегу Казанки выявлено скопление шлака и древесного угля, указывающее на следы производства железа на этом месте. Следы ремесленного производства выявлены также в ходе исследований у Северо-Восточной башни Кремля. Здесь обнаружены остатки металлургического производства, изучены деревянные постройки с кирпичными печами и круглый в плане горн диаметром около 1 м. Стенки выложены из кирпича. С южной стороны к нему примыкала предгорновая яма, в заполнении которой найдено большое количество кусков медного

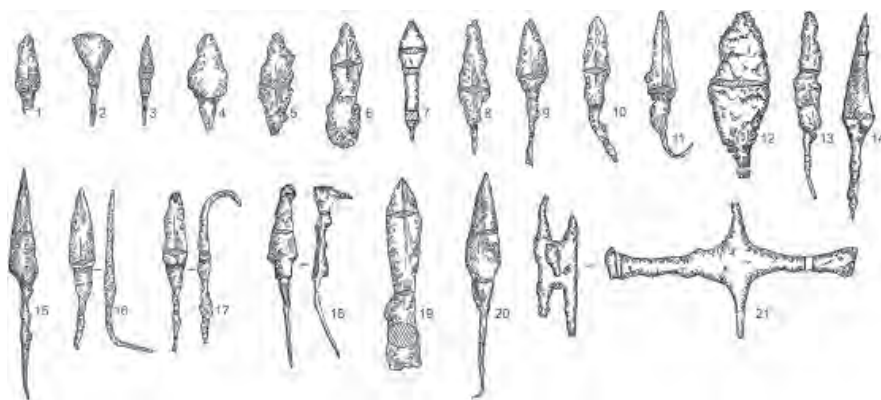

Рис. 16. Железные наконечники стрел (1–18, 20); арбалетный наконечник стрелы (19); перекрестие сабли (21)

шлака, слитков металла. Выявленный комплекс объектов представляет собой остатки медеплавильных мастерских.

Присутствие ремесленного производства, связанного с обработкой цветного металла, хорошо фиксируется и в укрепленной части города. Об этом свидетельствуют найденные в Тезицком рву остатки оплавившихся огнеупоров, связанных с высокотемпературным производством. Одно из сооружений раскопа 1975 г. было определено исследователями как остатки подполья кузницы. В северной части Кремля (раскоп 1974 г.) был расчищен также развал мастерской медника в виде срубной постройки подквадратной в плане формы (300×305 см), в заполнении которой обнаружены капли и слитки меди, глиняная льячка для разлива металла.

Статус средневековой Казани как военной крепости и торгового центра на Волге наложил отпечаток и на характер ремесленного производства. Оборонительные функции города требовали налаживания производства оружия. В археологических материалах достаточно полно представлены предметы вооружения. В 1552 г., когда казанцы оборонялись на стенах города, они «ис пушек своих и ис пищалей и ис луков стреляху». В раскопках встречались детали ручного огнестрельного оружия типа пищали. Но основную часть оружия дальнего боя составляют наконечники стрел (рис. 16).

В средневековом слое Казани встречаются многочисленные бытовые предметы местного ремесленного производства (ножницы, цепи, шилья, косари). Многочисленными находками из железа являются скобяные изделия и орудия по обработке дерева (топоры, долота, пилы), рыболовные крючки. Достаточно представительны сельскохозяйственные орудия (серпы, косы, резак, трепалки для льна). В процессе раскопок собрана богатая коллекция обломков чугунных котлов.

Продукция медников и ювелиров относительно редко встречается в культурном слое Казани. Обнаружены обломки медных кружек, чашек, плошек, кумганов-рукомойников, изготовленных местными мастерами. В музейных коллекциях хранится прекрасной сохранности винный кувшин с ручкой и носиком, на боку которого сохранились гравированные арабской вязью поэтические строфы и надпись на ручке: «Медник Эмин-хана Насыйр» (рис. 17).

Ювелиры Казани, продолжая традиции своих болгарских и золотоордынских предшественников, при изготовлении украшений применяли такие сложнейшие

Рис. 17. Винный кувшин с надписью на ручке. Первая половина XVI в. Из фондов Национального музея РТ

приемы, как гравировка, чернь, скань (филигрань), инкрустация драгоценными камнями. С особым тщанием изготавливали они изделия для ханского двора, который, по словам автора «Казанской истории», заказывал себе «венцы драгия, сосуды и блюда серебряные и золотые, и царский наряд драгий».

Свидетельством изготовления медных элементов одежды являются находки литейных форм в раскопах Казанского кремля. Часто встречаются украшения (в основном это бусы) из стекла, горного хрусталя, сердолика, янтаря и других материалов.

Произведением искусства являются изготовленные казанскими мастерами украшения саркофага одного из ханов. Деревянная конструкция гроба была обита кожей с использованием серебряных накладок и гвоздей с рельефным растительным орнаментом.

Среди керамических изделий, связанных с хозяйственной жизнью населения, имеются пряслица и рыболовные грузила; среди других находок следует отметить детские игрушки в виде фигурок животных (в основном лошади) и полые пушечные ядра с отверстиями.

О разнообразии видов ремесла в Казани свидетельствует присутствие в городе и приезжих мастеров, в частности строителей. Их деятельность отразилась в крупных архитектурных сооружениях, изготовлении резных декоративных камней для зданий, надгробий, в орнаментах гипсовых украшений внутреннего убранства зданий с использованием сюжетов вязи арабского письма и плавных линий растительного и геометрического орнамента и в том числе поливных изразцов.

Среди находок много бытовых предметов из камня. Наиболее часты находки пряслиц, оселков – точильных камней. В Казани делали и каменные ядра, которые использовали при стрельбе из пушек.

Сохранились также вещи из дерева: обугленные миски, гребни, обломки прялок, ткацких станков. К редким находкам относятся лапти, а также изделия ткачей – кусочки тканей, клубки пряжи, комки свалывшейся шерсти.

Рис. 18. Костяные изделия из слоя ханского времени

Рис. 19. Кувшины, сформованные в болгарских традициях

Жители Казани занимались изготовлением изделий из кости: различных накладок для рукоятей ножей и других бытовых предметов, игрушек и игральных фигур, кочедыков, проколов, наконечников стрел, колец-предохранителей при стрельбе из лука, заготовок для пуговиц и др. (рис. 18).

Массовая неполированная керамика является одной из основных категорий находок при археологических раскопках средневековых городов.

По комплексу всех технических признаков керамики с учётом её формы и орнаментации выделено в основном четыре историко-культурные группы керамики: 1) в болгарских традициях, 2) казанская, 3) русская, 4) поволжско-финская (рис. 19).

Керамика в болгарских традициях представлена мелкопесочными, окислительного обжига гончарными сосудами с редким лощением узкими полосками, обычно более узким и более редким, чем на обычной болгарской керамике. Данная группа

Рис. 20. Фрагменты керамики группы «казанская» (по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Ситдииков, Хузин, Валиев, Хазиев, 2022)

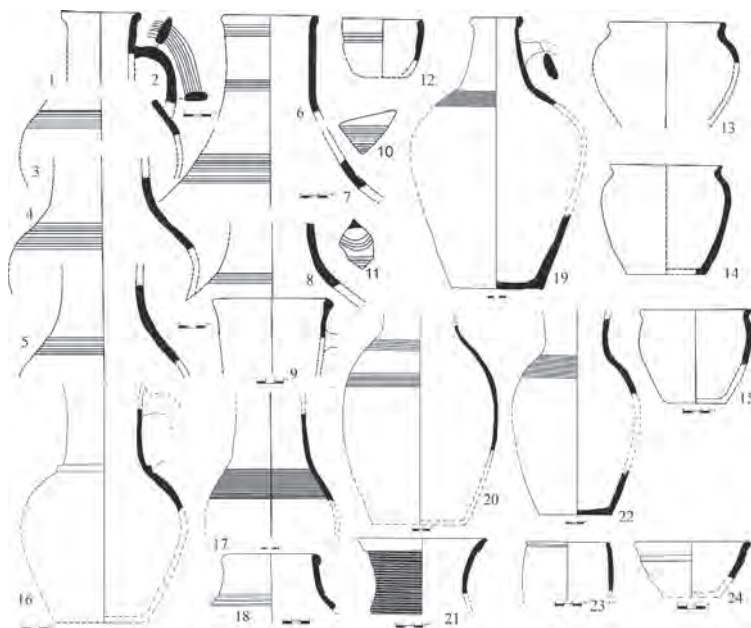

Рис. 21. Реконструкция форм сосудов группы «казанская» (по Т.А. Хлебниковой)

глиняной посуды свидетельствует о сохранении традиций болгарского гончарства в период Казанского ханства. Данная группа керамика составляет от 6% до 30% от общего количества керамики Казани ханского времени.

Большую долю в слое Казанского ханства (более 40% от общего количества) занимает так называемая «казанская» керамика (рис. 20, 21). Она вся гончарная с большим количеством песка в глине, «сухая» с шероховатой поверхностью, преимущественно окислительного обжига с хорошим прокалом черепка, не дающим прослойки, без лощения, но изредка с очень тонким и редким вертикальным лощением, характерным для этой керамики многозонным тонким резным орнаментом, в основном кувшинообразных форм. Технологически данный вид керамики сопоставим с керамикой золотоордынских памятников Нижнего Поволжья.

Русская керамика, составляющая около 7–10%, представлена в основном гончарной белоглиняной привозной (или из привозного сырья) горшковидной и кувшинообразной посудой мелкопесочного и песочно-дресвяного теста, иногда с добавкой дробленного железистого шлака. Из них белоглиняная составляет около 80%, а песочно-дресвяная – в пределах 20%. Присутствие белоглиняной и песочно-дресвяной керамики свидетельствует о присутствии русских мастеров в период ханства. Часть белоглиняной керамики можно считать привозной из центральных областей России и близкой к подмосковной керамике.

Поволжско-финская группа керамики в 5–7% в основном выделана от руки или с подправкой на круге, грубого теста с добавкой довольно крупного шамота и известняка. Обжиг некачественный, цвет – буро-серый. Преобладающая форма – слабопрофилированный широкодонный горшок.

Культурные истоки этой керамики следует искать среди финского населения Поволжья и Прикамья. Она представлена горшками малых и средних размеров с диаметром от 9 до 18 см.

В культурном слое хорошо представлена и поливная керамика, составляющая около 1–3 % от общего числа керамических изделий. Она характеризуется двумя группами. Одна из них состоит из местной красноглиняной и белоглиняной керамики с зеленой и коричневой поливой, вторая – в материалах представлена импортными изделиями, происходящими в основном из района Ханского двора. Импортная посуда состоит из изделий, изготовленных в Китае, Иране, Средней Азии, Испании и других регионах.

Кожевенно-сапожное дело населения Казанского ханства нашло яркое отражение в археологических материалах. На пересечении улиц Баумана и Кремлевский спуск были выявлены две постройки с большим количеством фрагментов кожаной обуви, интерпретированные как кожевенные мастерские.

В результате раскопок Казанского кремля накоплен огромный материал в виде различных кожаных изделий и орудий кожевенного и сапожного ремесел (ножи, колодки, шилья и т. д.). Наибольшее количество археологической кожи – около 10 тыс. фрагментов – обнаружено на раскопе, заложенном у подошвы склона в северо-восточной части Кремлевского холма. Кроме того, на раскопе хорошо сохранилась улица с деревянной мостовой, по обе стороны которой располагались деревянные сооружения – остатки кожевенных мастерских ханского времени.

Находки из кожи, выявленные в культурном слое ханской Казани в процессе раскопок Кремля и исторической части города, представлены разнообразными предметами. По функциональному назначению их можно скомпоновать по следующим группам: 1) обувь (целые формы и детали); 2) одежда (рукавицы, ремни, фрагменты костюма); 3) бытовые изделия (кошельки, сумки, вместилища, чехлы); 4) сопутствующие предметы вооружения (чехлы ножей, ножны, колчан, саадак); 5) другие изделия (клобучок, завязки, обшивки края, конское снаряжение, неопределённые детали); 6) обрезки раскроя и отходы производства (рис. 22–23).

Рис. 22. Казанские сапоги «жесткой конструкции» (итек) середины XV – первой половины XVI вв. и схема их сборки (по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Ситдилов, Хузин, Валиев, Хазиев, 2022)

Рис. 23. Детали низкой обуви (башмаков) и схема их сборки (по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Ситдилов, Хузин, Валиев, Хазиев, 2022)

Ичиги декорировались обычно расшивкой узорами с растительным орнаментом в виде двулистных, трелистных, пальметт, извивающихся листьев и растительных побегов. Растительный орнамент декора аналогичен узорам на других кожаных предметах ханского периода, например низкой обуви (башмаках), и является типичным для болгаро-татарского искусства.

В ханском слое Казани найдены голенища, подошвы и задник от детской обуви. Значительную часть находок «археологической кожи» составляют колчаны, саадаки, ножны, чехлы для ножей и ложек, кошельки, ремни, обрезки раскроя и большое количество изделий, определение которых затруднительно в силу их фрагментарности, плохого состояния или многократного использования. Колчан фигурно выкроен и украшен изящной вышивкой по шнуру в виде сильно стилизованного растительного орнамента и изображением зооморфного существа («Зиланта») (рис. 24).

Обязательным атрибутом кожевенного производства является инструментарий, использовавшийся при обработке шкур и выделке кожи. Для удаления мездры, подкожной клетчатки и сгонки волоса кожевенники использовали одно- и двуручные струги, скребки. Другая категория инструментов, применявшаяся в сапожном или пошивочном производстве, связанном с кожевенным делом, представлена ножами, шильями, иглами, проколками, колодками и пр.

Таким образом, в XV – первой половине XVI вв. казанские кожевенники применяли и развивали технологию кожевенного и сапожного дела, сложившуюся в Волжской Болгарии и Золотой Орде. Для казанского сапожного производства XV – первой половины XVI вв. характерно изготовление только сложносоставной обуви; единичные находки таких видов обуви, как поршни и «домашние» туфли, скорее всего, связаны с пребыванием в городе русского населения. Казань в XV – первой половине XVI вв. являлась одним из крупных центров кожевенно-сапожного производства не

только в Среднем Поволжье, но и Восточной Европе, что подтверждается письменными и археологическими источниками.

Часть населения Казани, как и жители практически всех средневековых городов Руси, Западной Европы и Востока, занимались земледелием, скотоводством и промыслами. В числе находок, связанных с сельскохозяйственной и промысловой деятельностью населения, можно назвать плужные ножи, серпы, обломок косы-горбуши, каменные жернова, рыболовные крючки, каменные и глиняные грузила для сетей и пр. (рис. 25).

Зерновой хлеб и скот для забоя возили в большом количестве из близлежащих деревень и даже более отдалённых областей ханства, так как немалая часть поступающей продукции шла, помимо повседневных нужд города, на внешний рынок.

В слоях эпохи Казанского ханства собрано большое количество образцов культурных растений. Видовой состав сельскохозяйственных культур в значительной степени состоит из ржи. Среди выделенных культур имеется большой процент пшеницы летней, присутствуют зерна ячменя, овса, гороха. В ходе раскопок во многих постройках обнаруживается большое количество обугленного зерна, обломков каменных ручных жерновов, что свидетельствует о значительном развитии товарного производства зерна на селе и существовании в городе ремесленников, занимающихся обмолотом зерна и выпечкой хлеба.

Массовый материал из археологических раскопок представлен многочисленными костными остатками животных.

На материалах средневековой Казани прослежено преобладание костей домашних животных по сравнению с дикими животными. Много остатков крупного рогатого и мелкого рогатого скота, лошадей. Рацион питания населения ханской Казани несколько отличается от предшествующего периода. Возрастает количество костей свиньи, что, несомненно, связано с ростом числа русских поселенцев. В числе домашних животных археозоологи отмечают кошку и собаку. Об активных торговых контактах Казани свидетельствует наличие костей верблюда. Заметное увеличение в слое доли охотничьей промысловой фауны (лось, косуля, кабан, медведь, заяц), обнаруженной в большинстве своем вблизи ханского двора, говорит об увлечении хана и его окружения охотой. Потребление мяса охотничье-промысловых животных, как и сама охота, не имели большого значения. Наличие в остатках находок от осетровых рыб, сомов и лещей указывает на употребление в пищу рыбы. Имеются находки костных остатков кур, гусей и уток – это отражает факт потребления домашней птицы.

По замечанию одного из западноевропейских купцов и путешественников Иосафата Барбаро, Казань – «это торговый город; оттуда вывозят громадное количество мехов, которые идут в Москву, в Польшу, в Персию и во Фландрию. Меха получают с севера и северо-востока, из областей дзагатаев и из Мордовии».

О значении торговли в жизни города свидетельствуют не только монеты и многочисленные изделия западноевропейских, китайских, иранских, среднеазиатских и

Рис. 24. Кожанный колчан из раскопа XIII. 1997 г.
Реконструкция

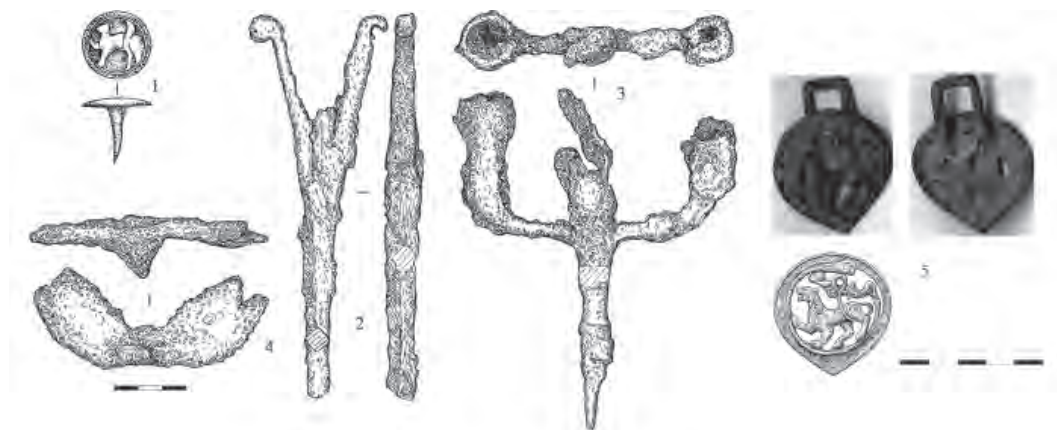

Рис. 25. Гвоздь с изображением крылатого барса на шляпке (1); железные светцы (2, 3); железная подкова (4); серебряная накладка (5) (по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Ситдилов, Хузин, Валиев, Хазиев, 2022)

русских мастеров из раскопок Кремля, но и кости верблюда – немного свидетеля пребывания в городе торговых караванов. Казань, продолжая традиции Волжской Болгарии и Золотой Орды, стала крупным центром транзитной торговли по Великому Волжскому пути. К ней тянулись восточные и западные торговцы, приезжавшие на международную ярмарку, которая ежегодно устраивалась на Гостином острове. Они обменивались товарами или продавали их крупными партиями.

Активно развивалась торговля как местная – с финно-угорскими соседями Волго-Уралья, так и международная – с Московским государством, Астраханским, Крымским, Бухарским и Сибирским ханствами, Ногайской Ордой, Персией, Османской Турцией. Основой экспорта из Казанского ханства были меха, кожевенные изделия, скот, хлеб, мед, рыба. Импортировали предметы роскоши, дорогое оружие, шелк, пряности, скот и др. Ввозились также соль, лён, западноевропейские шерстяные ткани (через посредство Московии), ювелирные изделия, книги, предметы быта (из Бухарского ханства, Персии), фрукты, вина, сталь (из стран Закавказья).

Археологическими доказательствами активной торговли служат клады монет из городских центров Московии, а также импортная керамическая и стеклянная посуда, ювелирные изделия, украшения из драгоценных камней, привезенные из стран Закавказья и Ближнего Востока.

8.2. ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ СЕРЕДИНЫ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВВ.

Города Нижнего Поволжья в конце XV – середине XVI вв.

В конце XV в. одно из крупнейших евразийских государств – Улус Джучи (Золотая Орда) распадается на ряд самостоятельных ханств. Одно из них, Астраханское ханство, занимало территорию в низовьях Волги, где ранее находился столичный центр всего Улуса Джучи – область Сарай (Большая Орда) (рис. 26).

Во второй половине – конце XV в. важнейшими городскими центрами в Нижнем Поволжье являлись два города – *Сарай (Сарай ал-Джедид)* и *Хаджи-*

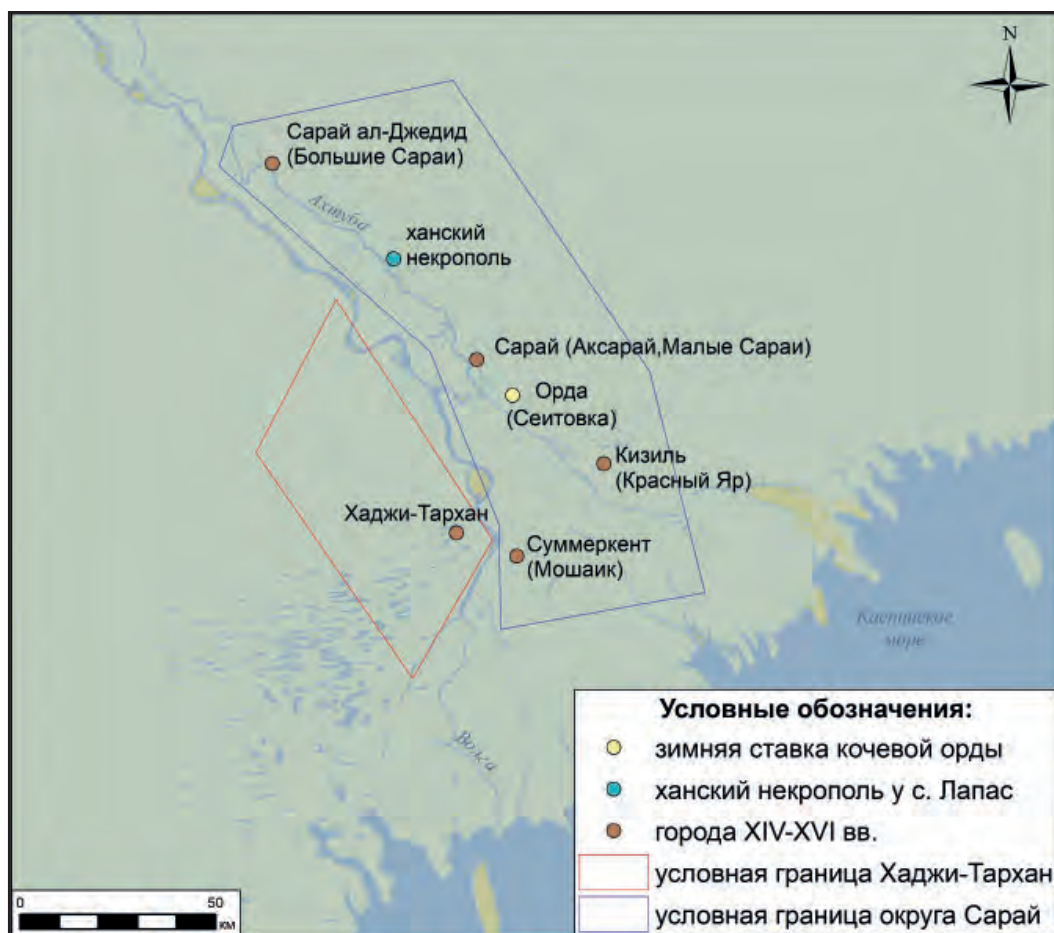

Рис. 26. Карта Астраханского Поволжья XIV–XVI вв. (по: Пигареву Е.М.)

тархан. Несмотря на упадок Сарая, он ещё долгое время продолжал занимать важное место в экономической и политической жизни Нижнего Поволжья. Однако в этот же период фиксируется политическое и экономическое возвышение Хаджитархана.

Если месторасположение Сарая на Селитренном городище ни у кого не вызывает сомнений, то о местонахождении Хаджитархана в XV в. мнения расходятся. Устоявшейся точкой зрения считается, что город располагался на городище Шарёный бугор вплоть до 1556 г., т. е. до переноса его русскими на левый берег Волги.

«Новый» Хаджитархан не выстраивался на «пустом» месте. Здесь еще до образования Золотой Орды существовал город, основанный на рубеже XI–XII вв. и ставший крупным городским центром области Саксин. Он известен сейчас как **городище Мошаик** (в пределах современной Астрахани). В золотоордынский период этот населенный пункт сохранял функции административно-территориального центра.

Раскопки в Астраханском кремле выявили предметы золотоордынского или ханского времени: фрагменты глиняной посуды, железные предметы, костяные изделия, монеты. Зафиксированы остатки конструкции, отопительной системы золотоордын-

ского дома, состоящей из печи-тандыра и канов – дымоходных каналов. Конструкция датирована исследователями периодом Астраханского ханства. Выявлено небольшое число целых и разрушенных мусульманских захоронений, которые могут относиться как к эпохе Золотой Орды, так и к ханскому периоду.

В ходе раскопок в историческом центре Астрахани вне кремлёвской территории также были обнаружены единичные фрагменты керамики, изразцы и монеты золотоордынского времени. Таким образом, можно сказать однозначно: Долгий (Заячий, Шабан) бугор был заселён еще до установления русской власти в Нижнем Поволжье и переноса Астрахани на левый берег.

На городище *Шарёный Бугор* археологами обнаружен целый квартал, состоявшей из жилищ, хозяйственных и производственных сооружений (гончарных горнов) и кладбища, которые находились на окраине золотоордынского города. Был раскопан комплекс усадьбы, состоящей из центрального многокомнатного дома и четырёх землянок, существовавший в XIV–XV вв.

Письменные источники сообщают нам еще об одном населённом пункте, существовавшем в XVI–XVII вв., – крепости Кызыл (Кизиль), расположенной в 30 км от Астрахани на правом берегу реки Бузан. Этот городок располагался на месте Красноярского городища эпохи Золотой Орды. Благодаря удачному месторасположению Кызыл (Кизиль) сохранил свой экономический и политический потенциал и в период Астраханского ханства.

Археологические разведки, проводившиеся с охранными целями, выявили большое количество поселений-спутников Хаджитархана, загородных усадеб и сельских поселений, входивших в его ближнюю округу. Жители их занимались не только кочевым скотоводством, но и земледелием и рыбной ловлей.

Археология Касимова. Прошлое Касимовского ханства является объектом целенаправленных научных исследований многих поколений отечественных историков и археологов. Традиционно считается, что поселение берет свое начало от Городца Мещерского, заложенного в 1152 г. владими́ро-суздальским князем Юрием Долгоруким на р. Оке как пограничная крепость. В XIII в. город становится владением князей Мещерских, выходцев из Золотой Орды рода Ширинов. Во второй половине XV в. великим князем Василием II город передается сыну Улуг-Мухаммада хану Касиму в благодарность за службу. Новым правителем город был заново отстроен выше по течению р. Оки. С этого времени он становится центром ханства и за ним закрепляется название Касимов.

Касимов расположен на левом крутом берегу р. Оки, имеющем многочисленные овраги и ложбины. В исторической топографии Касимова по письменным источникам и данным археологических исследований выделяется городской центр. Оврагами и р. Бабёнкой исторический центр разделен на четыре части: район кремля, Татарская слобода, Городец и Старый посад с примыкающим к нему Старотатарским кладбищем. В историческом центре площадью около 100 га располагаются Татарская слобода (65 га) с ханским двором и кремль XVII в. Культурный слой здесь формировался с середины XVI в. В этом районе находится урочище Татарская гора, где располагался Ханский двор и сохранившиеся архитектурные памятники эпохи Касимовского ханства (рис. 27; 28).

К настоящему времени из архитектурных памятников эпохи Касимовского ханства сохранилось два объекта: это мечеть с минаретом и мавзолей, возведенный ханом Шах-Али в середине XVI в. (рис. 29; 30).

Рис. 27. Вид города Касимова в начале XVII в. Гравюра А. Олеария

Южнее Татарский слободы на берегу р. Оки располагается мыс, известный в топографии Касимова как Городец, связанный с остатками городища эпохи раннего железного века. Его площадь около 11 га.

С южной стороны исторического центра на левом берегу р. Бабёнки локализуются еще два объекта археологии, территориально примыкающие друг к другу, но отличающиеся по времени и функциональному назначению. Один из них – обширная зона Старопосадского татарского кладбища, где расположен мавзолей Мухаммад-шаха Афгана XVII в. и сохранились татарские надгробия XVI–XIX вв.

Здесь же находится примыкающий к татарскому кладбищу с юга и запада исторический район г. Касимова – Старый посад. Этот район расположен на гористом берегу Оки, в 3,5 км к юго-востоку от современного административного центра г. Касимова.

Раскопками у Ханской мечети зафиксировали слой, связанный со строительством здания в середине XVI в. Такой же слой выявлен и при раскопках у стен мавзолея Шах-Али. В районе Ильинской церкви на Старом посаде в обнажениях склона холма обнаружены остатки сооружений, керамический материал и обломки железных замков, датированные концом XV – первой половиной XVI вв. Плохо сохранившиеся хозяйственные сооружения, керамика золотоордынского и ханского времени выявлены также в шурфах, заложенных на ряде других участков Старого посада.

Территория Старого Посада начала осваиваться с XIII в. На этом месте в XIII–XIV вв. располагался Городец Мещерский, в XV – середине XVI вв. – «Царевичев городок» – Касимов. В этот же период и возникает Старотатарское кладбище. Интенсивность формирования культурного слоя и хозяйственной деятельности с середины XV в. связана с превращением города в столицу Касимовского ханства.

Территория Татарской горы и Татарской слободы начинает осваиваться с середины XVI в., когда здесь строятся мавзолей хана Шах-Али и каменная Ханская мечеть, которая становится Соборной мечетью Касимова. С её постройкой центр города переносится на новое место. Ядром города в этот период является расположенный в Татарской слободе район Ханского двора, имевший свои укрепления, они хорошо

Рис. 28. Общий план г. Касимова с указанием исторических районов, исследованных археологически

Рис. 29. Ханская мечеть в г. Касимове. XVI–XVIII вв.

Рис. 30. Мавзолей Шах-Али. XVI в.

видны на известной гравюре А. Олеария. Вся территория Татарской горы и Татарской слободы заселяется в период с середины XVI по начало XVII вв. Площадь города в этот период составляла около 100 га и была достаточно равномерно заселённой.

Чуть выше по течению р. Оки от Татарской слободы между Успенским и Никольским оврагами в начале XVII в. был построен Касимовский острог с воеводским двором площадью около 16 га. В Писцовых книгах 1627–1628 гг. он описан так: «Город Касимов деревянный, рублен в одну стену, крыт тесом. В городе двое ворот – проезжие и водяные на реку, а промеж этих воротных башен шесть других глухих – все деревянные. По мере около города 525 сажень (1120 м)».

Крепость Курмыш впервые упоминается в летописи под 1372 г. В 1405–1407 г. Курмыш фигурирует в завещании великого князя Московского Василия I Дмитриевича своему сыну, а под 1445 г. – в связи с пленением и возвращением за выкуп великого князя Московского Василия Тёмного, пленённого бывшим ордынским ханом Улуг-Мухаммадом. К середине XVI в. Курмыш превращается в региональный военно-административный центр.

Наиболее раннее описание крепости Курмыш известно по Писцовой книге 1623–1626 гг. Укрепления состояли из земляного вала с 93 срубами (городни) и семью башнями, в том числе с шестью прямоугольными и одной («Красной») шестиугольной в плане формы. Две башни были проездными, имелись также «четверо ворот потайных» в стенах. С внешней стороны вала проходил ров с острокопанным частоколом на дне, ширина и глубина с напольной стороны составляли 5,5 м. Береговые склоны были усилены тыном, а по тыну рубленными тарасами. Внутри крепости находились воеводский двор, склад боеприпасов, тюрьма, 17 амбаров и житниц, 28 дворов, собор Успенья Богородицы невдалеке от княжеской резиденции.

Городище Курмыш располагается в Пильненском районе Нижегородской области в северо-восточной части современного села, на мысу левого берега р. Курмышки, притока р. Суры. Культурный слой городища площадью около 1,5 га датируется концом XV–XX вв. Одновременно с крепостью, в 3–4 км севернее г. Курмыш, суще-

ствовало крупное неукреплённое поселение – Курмыш-4 площадью 16,5 га, датируемое второй половиной XIV вв. – началом XV вв.

Остатки вала зафиксированы в виде повышений рельефа. Ров (ширина в основании около 7 м, глубина 1,5 м) сохранился близ выходов к коренному берегу реки. Площадка городища нарушена постройками, распашкой под огороды. Общая мощность культурного слоя вне ям и сооружений составляет около 100 см. Третий слой, отложенный на протяжении XV–XVIII вв., тёмно-серая гумусированная супесь, имеет мощность до 60 см. Находки из слоя представлены фрагментами керамики чернолощёной и серой лощёной, керамики неопределённой мелкопесочной, керамики белоглиняной нелощёной, керамики буро-серой песочно-дресвяной, керамики в болгарских традициях, керамики круговой с примесью толчёной раковины, керамики по образцу белоглиняной ранней, фрагментом керамического грузила. Раскопками было выявлено пять хозяйственных построек XV–XVI в. Освоение территории крепости Курмыш началось не позднее конца XIV в. Период максимального функционирования крепости падает на период XVI–XVII вв.

8.3. ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – XVIII ВВ.

Остров-град Свияжск XVI–XVIII вв. Источники по исторической топографии Свияжска представлены комплексом письменных, картографических и археологических источников. Как сообщают письменные источники, после неудачных военных походов 1547–1550 гг. по завоеванию Казанского ханства был разработан план по строительству крепости – военного лагеря в непосредственной близости от Казани, столицы ханства, по инициативе хана Шах Али и князя Александра Горбатого-Шуйского, поддержанный Иваном IV. В течение зимы 1550–1551 гг. были заготовлены деревянные срубы в Угличе и весной 1551 г. сплавлены до «Круглой горы» в устье р. Свияги. Город-крепость вначале именовался Ивангород, Новоград Свияжский. Позднее за городом закрепляется его название – Свияжск.

Город XVI в. имел изогнутые по трассировке улицы, переулки и тупики, сложные по конфигурации площади. Планировка города учитывала рельеф местности: на верхней площадке Круглой горы расположилась крепость. В нижней части, примыкая к Круглой горе с северо-востока и юго-запада, возникли посадские дворы, окруженные стеной. Свияжск предстаёт крупным поселением, на территории которого учтено около 1450 земельных участков различного назначения: частные дворы, государственное имущество, монастырские владения, торговые пространства, а также некрополи. Только четыре городские постройки были каменными, и все они располагались в Богородице-Успенском монастыре: Успенский собор, Никольская церковь с колокольной и трапезной, «палатка» близ собора, кузница.

Важным элементом городской структуры Средневековья являются слободы в посадской части городов. Слобода объединяла людей по роду занятий, повинностям, в некоторых случаях по сословной принадлежности. Как правило, эти особенности отражались в названиях слобод: Жилецкая, Ямская, Архимандричья, Татарская.

Крепостные стены на верхней площадке мыса-останца были выполнены из «городней» – бревенчатых срубов, заполненных землёй и камнями. Общая длина стен составляла около 1100 саженей, прясла были укреплены 12 «глухими» башнями и стрельницами, восемью воротными башнями. В крепости размещалось около 400

Рис. 31. Планировка Свияжского посада XVI в.

дворов-домовладений, два монастыря, государев двор, житницы, тюрьма, гостиный двор, торговые лавки и другие объекты недвижимости. В посадской части, по Писцовой книге Свияжска 1565–1567 гг., было не менее 1060 строений (дворы, лавки, скамьи, шалашы, полки, церкви и т. п.). Посад города был огорожен острогом с пятью воротами. Территория посада в северо-восточной части города могла достигать площади около 20 га (рис. 31).

В середине XVI в. общая площадь средневекового Свияжска, окруженного острожной стеной, достигала 80 га, из которых площадь крепости на высоком мысе-останце составляла около 40 га. Город середины XVI в. имел устоявшуюся структуру, состоящую из 70 улиц и переулков. Проезды и дворы во второй половине XVI в. были вымощены корой деревьев и крупной древесной щепой.

Изученная в раскопе «Татарская слободка» улица имела длину 49 м при ширине до 5 м. Для мощения улицы использовались кора деревьев в ранний период, позднее тесины и плахи, что зафиксировано в горизонтах культурного слоя в виде уложенных лаг и досок.

К концу XVIII в. площадь Свияжска сокращается до 60 га, а посад в северо-восточной части уменьшается с 20 га (XVI в.) до 14 га. Эти сведения подтверждают тезис о постепенном утрачивании ведущей роли Свияжска в истории региона.

Археологические работы последних лет дали обильный материал для изучения планиграфической структуры средневекового Свияжска, функционирования отдельных дворов и своеобразия материальной культуры жителей города в эпоху Средневековья.

Культурный слой на всей возвышенной части города имел мощность около 50–80 см. В нижней части обнаружен «влажный культурный слой» мощностью до 3,5 м. Во влажном культурном слое, локализуемом на площади около 8 га, сохранились

Рис. 32. Раскоп «Татарская слободка». Городская усадьба середины XVI в. Исследования 2013 г.

деревянные жилые и хозяйственные постройки, улицы, изделия из органических материалов, характеризующие быт горожан и градостроительную историю Руси XVI–XIX вв. в целом.

В раскопе на береговой линии на площади около 2000 кв. м обнаружено 79 деревянных построек. Кварталы, выделенные в раскопе, разделены между собой улицей и переулком. Внутри планировочной структуры кварталов выделены ведущие к отдельным дворам-домовладениям проходы, заканчивающиеся тупиками. В структуре квартала самостоятельной планиграфической единицей являлся двор (рис. 32).

Приводим описание одного из дворов второй половины XVI в. площадью около 155 кв. м. Размеры домовладения составляют около 12×13 м; вдоль восточной границы квартал ограничен переулком, с севера, запада располагаются соседние дворы; со стороны переулка сохранилась линия ограды из колотых досок. На территории двора изучено три строения. У восточной границы, стенкой к улице, была устроена срубная отапливаемая жилая постройка (380×380 см), внутри постройки фиксировался развал камней от печи. В северо-западном углу двора находилась крупная хозяйственная постройка из сруба (480×500 см) – летний жилой дом. В юго-западном углу двора располагалась полуземлянка (400×310 см) глубиной около 140 см.

Строительный период конца XVII–XVIII вв. представлен остатками 8–9 дворов, в которых размещалось 25 сооружений: шесть жилых и 19 хозяйственных построек. Жилые постройки представляли собой срубные конструкции площадью в среднем до 16 кв. м. Самый крупный обнаруженный посадский дом второй половины XVII в. достигал площади 30 кв. м. В большинстве случаев сруб-четырёхстенок внутри был разделен врубленной бревенчатой перегородкой, делившей внутреннее пространство сруба пополам. Полы в домах устроены из широких тёсаных досок, которые стелились по лагам. К срубам пристраивались сени – холодное помещение и крыльцо.

Рис. 33. План раскопа с выявленными сооружениями на уровне строительного горизонта второй половины XVII в.

Вероятно, высота построек была небольшой, близкой к человеческому росту. Дверь, ведущая в избу, имела также небольшие размеры: как отмечают путешественники, «двери жилищ низки, так что всякий входящий должен согнуться и наклониться» (рис. 33).

Фасады домов украшались вырезанными наличниками, розетками, балясинами. Жилые и хозяйственные сооружения имели слюдяные, волоковые окна. Куски слюды, использованные в просвете окна, имели различную форму: ромб, квадрат, прямоугольник – размерами от 2×3 см до 7×7 см.

Внутреннее убранство дома было простым, в углу располагалась небольшая печь, которая представляла собой кирпичную сводчатую конструкцию (110×120 см), обмазанную глиной. Печи устраивались на деревянном основании – опечке из бревнышек, пространство между срубом и печью заполнялось суглинком. Печи в богатых домах облицовывались поливными и неполивными изразцами.

Вдоль стен размещались широкие лавки, полки. В материалах раскопа несколько крупных фрагментов резных деталей, вероятно от мебели. Освещались комнаты лучинами, вставленными в светцы.

Хозяйственные постройки представлены «холодными» срубными и дощатыми сооружениями для содержания домашнего скота и птицы. В двух постройках конца XVII в. обнаружены неглубокие погреба. Одна постройка первой половины XVII в. имела подклет (280×300 см) высотой в пять венцов. Два сооружения были заглублены в землю, они представляли собой обложенные колотой доской котлованы прямоугольной формы. В двух сооружениях найдены развалы печей-каменок.

Жилые дома и хозяйственные постройки размещались по границам домовладений, образуя незастроенное дворовое пространство. Дворы мостились деревянными досками, посыпались деревянной щепой для дренирования воды. Между дворами горожан обязательно устанавливался забор: он мог быть устроен из тына, колотых досок или брёвен, уложенных «в заплот».

В XVI–XVIII вв. для приготовления, употребления и хранения пищи изготавлилась посуда из глины, дерева, чёрного и цветного металлов, стекла. Керамическая посуда представлена кувшинами, горшками, кубышками, мисками, чернильницами и т. д. Деревянную посуду и кухонную утварь вытачивали на токарном станке, вырезали или выдалбливали из цельных деревянных заготовок. Точёная посуда представлена различными изделиями: корчагами, блюдами, тарелками, мисками, чашами. Из дерева изготавливались также ложки, половники, черпаки, ковши, совки, лопатки, формы для выпечки пряников, хлебные лопаты, разделочные доски, деревянные песты, толкушки, корыта. Из бересты сшивались туеса, коробки и берестяные коробочки, которые иногда украшались тиснением.

Из металла изготавливались чугунные котлы, сковороды. Свидетельством использования горожанами XVI–XVIII вв. посуды из цветных металлов является оловянная чарка и клёпки от медных котлов. Обнаружена обширная коллекция универсальных железных ножей и ножен из кожи. Ручки ножей выполнены из дерева, кости (рис. 34).

Из камня делали ручные жернова для помола зерна. Жернова служили для размола зёрен в муку и представляли собой каменные круги диаметром около 40 см и высотой до 10–15 см. Тёрочные камни прямоугольной и округлой формы имели размеры от 4–7 см и применялись для измельчения растительных продуктов.

Среди вещей, окружавших горожан в быту, были найдены предметы, связанные с ежедневными домашними занятиями: стиркой белья и одежды, уборкой домов и дворов, заготовкой дров.

Для стирки широко применяли деревянные вальки – бруски для выколачивания белья при стирке. Пользовались ими и при глажке. При уборке в доме использовали веники-метёлки из связок прутьев для подметания пола. Универсальные деревянные колотушки – чекмари/дубинки были необходимы для расколки дров. Среди деревянных инструментов найдены хозяйственные лопаты, большие и малые корытца.

Изделия, связанные с личной гигиеной тела по уходу за кожей, волосами и ногтями, представлены специальными керамическими сосудами – «водолеями». Это широкогорлые низкие сосуды с ушками для подвешивания. Слив такого сосуда стилизован под голову барана. В XVI–XVII вв. широкой популярностью пользовались чернолощёные «водолеи», которые своим блеском должны были напоминать дорогую металлическую посуду.

Для ухода за волосами использовали гребни и расчёски, бритвы, ножницы. Подавляющее большинство гребешков-расчёсок, вырезанных из дерева, имеет плоскую прямоугольную форму с рядами зубьев с двух сторон. Костяные и металлические

Рис. 34. Изделия из дерева. 1–4 – гребни, 5 – крепление зеркала, 6, 7 – пеналы, 8, 10 – декорированные предметы, 9 – бирка «нос», 11 – крюк подвесной

гребни представляли собой односторонние расчёски, украшенные головками коней и циркульным орнаментом. Из бронзы делали щипчики-пинцеты, копоушки.

Косметику: белила, румяна, сурьму для бровей и ресниц – хранили в деревянных шкатулках прямоугольной формы, украшенных ажурными металлическими накладками с растительным орнаментом или изображениями мифологических животных.

Для хранения мелких предметов использовали деревянные пеналы-коробочки. Боковые стенки пеналов украшали резьбой с геометрическим орнаментом.

Заметную роль в «жизненном пространстве» взрослых и детей занимали развлечения. Коллекция игрушек демонстрирует мир детства и развлечений, которые мог позволить себе в XVI–XVIII вв. рядовой свияжский горожанин.

К группе настольных игр относятся «шахматные» деревянные фигуры и костяные шашки. К группе детских игрушек относятся: звуковые – погремушки шаровидной формы, покрытые цветной поливой; свистульки в форме птиц, раскрашенные краской, фигурки коней из кожи, глины, деревянные куклы, глиняные утки, покрытые поливой, медведи в намордниках из глины. Популярность пляшущих медведей отмечают средневековые путешественники. Большая коллекция представлена игрушками, имитирующими водный транспорт: игрушки-лодочки, вырезанные из коры черного тополя. Форма напоминает лодки-долблѣнки и лодки с кормой. Деревянные волчки-кубари имеют круговое тело различных форм.

Игровые снаряды для подвижных игр представлены деревянными битами для игры в лапту и кожаными мячами, костяными битками для игры в «бабки», которые делались из таранных костей.

В коллекции музыкальных инструментов имеются дудочка-свирель из полый деревянной трубки с тремя сквозными отверстиями, фрагменты свирелей из глины. Об-

наружены барабанная палочка с шарообразным утолщением на конце, брунчалки из трубчатой кости животных или птиц с просверленным отверстием, которые при вращении на верёвке или нитке издавали протяжный гул.

Большинство обнаруженных в культурном слое Свияжска глиняных игрушек являются широко распространенными и встречаются довольно часто в материалах других синхронных памятников археологии: Москвы, Владимира, Суздаля, Новгорода, Казани, Переславля Рязанского и др.

В результате раскопок было обнаружено большое количество личных вещей горожан: это предметы личного благочестия (кресты), украшения (бусы, серьги, браслеты), детали одежды и обуви.

Во второй половине XVI–XVII вв. на «подоле» Свияжска раскинулся торгово-ремесленный посад площадью около 20 га. Переписчики середины XVI в. не зафиксировали в посаде слобод, однако род занятий городского населения можно почерпнуть из записи о роде занятий хозяина двора, «прозвища»: стрелец, пушкар, дрябь (польский солдат – *авт.*), рыболов, рыбный прасол, квасник, хлебник, пирожник, калачник, крупеник, орешник, солодьянник, масленик, мясник, сыромятник, кисельник, кузнец, серебряник, меденик, ножевник, портной мастер, руковишник, шапошник, холщевник, сермяжник, ветошник, кожевенник, сапожный мастер, скорняк, плотник, станочник, бочарник, лучник, свечник, кирпичник, гусельник, толмач, часовник, иконник, пастух, ямщик, извозчик, судовщик – всего 43 «профессии».

Кузнецы обслуживали повседневные потребности населения (ни одно из самых скромных хозяйств не может обойтись без топора, лемеха, ножа, серпа и т. п.) Среди кузнечных изделий в раскопе обнаружено большое количество гвоздей и скоб, различных железных инструментов для использования в сельском хозяйстве (оковки деревянных лопат, серп и коса) и строительстве (топоры, долота, скобели, буравы и т. д.), множество бытовых вещей (замков, ключей, светцов, ножниц, ножей, пряжек, игл, цепи, обувных подковок), оружия (пули, наконечники стрел и копий, кинжал), детали различного снаряжения и прочего ассортимента кузнечной продукции.

Среди «индивидуальных» предметов, характеризующих род занятий хозяев усадьбы, имеются волоочильные доски для протягивания проволоки, каменные литейные формы для отливок пуговиц-гирек, пуль, тигель и кожаные кузнечные меха для подачи воздуха в горн и т. д.

Свидетельством производства кожевенной продукции являются кожаные листы – заготовки – и большое количество обнаруженных кожаных обрезков. По материалам раскопа «Татарская слободка» было выявлено более 20 тыс. фрагментов кожаных изделий. Инструменты ремесленников представлены шильями, иглами, проколами и пробоями, ножами для раскройки, металлическими сапожными молоточками, сапожными колодками и пр. (рис. 35).

Бондарное производство заключалось в изготовлении различных деревянных бочек, кадок, вёдер, жбанов, ушатов, шаек, лоханей, стаканов, чашей, маслобоек, подойников и другой деревянной тары.

В археологическом материале ремесленное плетение из лыка и бересты представлено заготовками сырья в виде клубков берестяной ленты, лыка, а также готовыми изделиями, среди которых коробочки, корзины и разнообразные по размеру коврики-циновки, покрывала, кули, рогожи, лапти и пр. Инструменты для изготовления изделий из лыка и бересты были несложными, чаще всего подручными: кочедык и шило.

Рис. 35. Изделия из кожи. 1 – амулетница; 2 – мяч; 3 – лошадка; 5, 6 – ножны; 7, 9 – рукавицы; 8 – изделие орнаментированное

Ткачество стало одной из преобладающих отраслей ремесленной деятельности. Тканое полотно изготавливали на станке. Это подтверждается находками деталей ткацких станков: подшипников, юрков, применяемых для натягивания нити, туриков – для ее наматывания. Среди обнаруженных фрагментов тканых изделий выделяется шерстяная занавеска, сшитая из трёх полос ткани шириной около 40 см. Из металлических изделий, связанных с ткачеством и шитьем, обнаружены отвесы для нитей – пряслица, иглы, булавки, проколы и шилья, ножницы.

Одним из значимых промысловых занятий была охота. Она велась не столько с помощью метательного и огнестрельного оружия, сколько установкой ловушек и подобной охотничьей снасти. К специальным охотничьим принадлежностям относятся костяные наконечники стрел. Среди остеологических находок из раскопок имеются кости лося, косули, кабана, зайца.

Следы интенсивного рыболовства прослеживаются в виде мощных прослоек, состоящих из рыбьей чешуи. Ихтиологические исследования костных остатков установили наличие не менее 26 наименований рыб, среди которых осетр, стерлядь, севрюга, белуга, карась, лещ, жерех, сом, щука и др. Рыболовные снасти для индивидуальной рыбной ловли представлены железными рыболовными крючками и блеснами из сплавов цветных металлов и свинца. Коллективный рыбный промысел вёлся сетями, неводами, бреднями, об использовании которых известно по письменным источникам. Среди находок имеются рыболовные снасти в виде фрагментов лыковых сетей, грузил, поплавков.

Средства передвижения и перевозки в летнее время представлены деревянными деталями судов и лодок, вёслами, в зимнее время – санями и лыжами.

С момента своего возникновения во второй половине XVI в. Свияжск становится крупным торговым центром региона. Эпоха XVI–XVII вв., являвшаяся временем складывания централизованного российского государства и возникновения общероссийского рынка, нашла отражение в материалах раскопок. Товары в Свияжск доставлялись из разных регионов русского государства, а также из-за границы,

о чём свидетельствуют обнаруженные в ходе раскопок привозные товары из Европы – Прибалтики, Скандинавии, Крыма, а также стран Ближнего Востока.

Свидетельством завоза на свияжский рынок европейских тканей являются текстильные пломбы, изготовленные из свинца. Атрибутированные пломбы происходят из городов Гёрлиц, Зальцведер (Саксония, Германия), Левенберг (Силезия, Германия), имеется пломба с розой Тюдоров (Англия). В горизонтах второй половины XVII в. обнаружен нож, на лезвие которого нанесено клеймо в виде стилизованного изображения человека. Клеймёные ножи принято считать продукцией западноевропейских мастерских. Привозной была нарядная и дорогая столовая посуда, украшенная поливой и декором. Она производилась в мастерских Средней Азии и Ближнего Востока XVI–XVII вв.

Инструменты торговли из раскопок представлены деревянными счётными бирками, мерными совками и чашами, свинцовыми гирьками, пробирными камнями, а нумизматический материал – «денгой» Василия III Ивановича (1505 по 1533) и «денгой» 50–60-х гг. XV в. – середины 30-х гг. XVI вв.; «копейками», «денгами», «полушками» Ивана IV Васильевича, чеканенными в Твери и Москве с 1533 по 1547 гг.; медными «пулами», чеканенными в Твери в царствование Василия III Ивановича и продолжавшими хождение в царствование Ивана IV (1533–1584). Большое количество медных пулов свидетельствует о развитости мелкой торговли в Свияжске во второй половине XVI – XVII вв. Значительная часть серебряного и медного нумизматического материала представлена средневековыми иностранными монетами и банковскими жетонами из Прибалтики (Рига), Швеции, Крымского ханства. Все они обнаружены в пластах, отложенных не позднее второй половины XVII в.

Чебоксары в XV–XVIII вв. В русских летописях город впервые упоминается под 1469 г. в связи с походом на ханскую Казань русских войск под руководством воеводы Ивана Руно. Интенсивная застройка происходит после присоединения Казанского ханства к Русскому государству и постройки русской крепости в 1555 г. Строительство Чебоксарского кремля являлось военной необходимостью. Чебоксары наряду с городами Алатырь, Ядрин, Цивильск, Козьмодемьянск и Васильсурск закрепляли за Русским государством «Горную сторону».

В 1625 г. в Чебоксарах насчитывалось 458 военнослужилых, что связано с военной функцией города. По данным ревизии 1723 г., податное население составляло 1924 души мужского пола. С 1555 по 1704 г. город имел деревянную крепость. Площадь крепости составляла около 6 га. Преобладала деревянная застройка (рис. 36).

Город выполнял административные, военные, торговые и ремесленные функции. С конца XVII в. военное значение Чебоксар ослабло, но возобладала торговая функция. Ремесленное производство в городе представляли кожевники, колокольники, кирпичники, скорняки, сапожники, гончары и бондари. В Чебоксарах начали создаваться небольшие промышленные салотопенные, солодовенные, мыловаренные предприятия. Открылась соляная контора с большим запасом соли, которую вывозили в глубинные районы Сибири.

В XVI–XVIII вв. структура Чебоксар складывалась из города-крепости, посада, окруженного стенами простой конструкции – острогом (до 1690 г.), и слобод. Ниже кремля располагался Свято-Троицкий монастырь (1566 г.). Слободы, как и в других поволжских городах, формировались на основе сословной или этнической принадлежности жителей. В документах упоминаются Татарская слобода и слобода без названия из 36 дворов. На ранних этапах существования Чебоксар в составе его

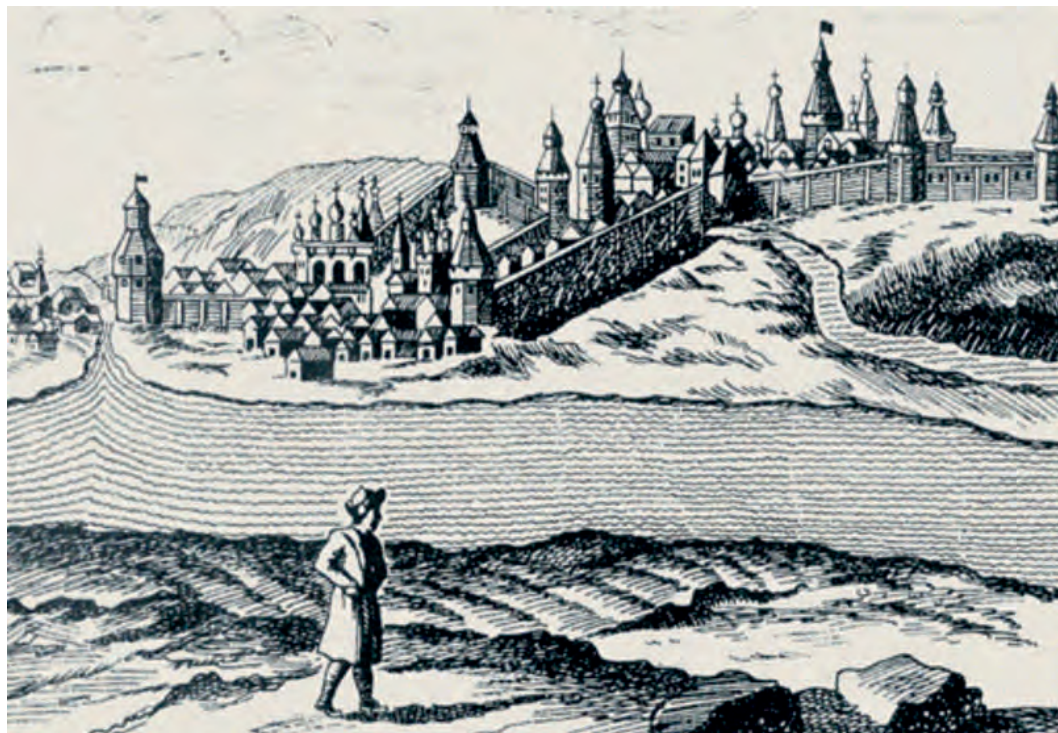

Рис. 36. Чебоксарский кремль.
С гравюры голландского путешественника Н.К. Витзена. 1692 г.

населения отмечалось небольшое количество представителей местных поволжских народов (чувашей, татар и др.), проживавших главным образом в Татарской слободе, а также служилых иноземцев (литовцев, немцев и др.).

Жилые и хозяйственные строения приспособлялись к особенностям рельефа и размещению гидрографических объектов (мосты, мельницы, запруды), что способствовало образованию сети улиц и переулков, ширина которых менялась от места к месту. На отдельных улицах направление застройки определялось расположением церкви или монастыря. Конфигурация застройки одно- и двусторонняя, чередующаяся с участками без строений.

Археологическое изучение г. Чебоксар позволило выявить особенность залегания культурного слоя: на глубине 1,6–1,8 м напластования были густо насыщены влагой, что обеспечивало хорошую сохранность органических материалов.

Для строительства укреплений был избран широкий мысовидный выступ коренного берега р. Волги. С напольной стороны был вырыт ров длиной 426 м. Крепость имела пять башен, две из которых были проезжими. Крепостные стены рублены в две стены с перегородками, заполненные землёй и камнями. Высота стен достигала 5 м, ширина – 4 м.

Кремль неоднократно перестраивался из-за пожаров и ветхости. В 1698 г. он был полностью обновлён, при этом увеличилось количество башен. После пожара 1704 г. он не восстанавливался. По «Описи бывших крепостных укреплений города Чебоксары» 1729 г., в крепости насчитывалось четыре угловых и три проезжих башни. Периметр крепостных стен составил 982 м.

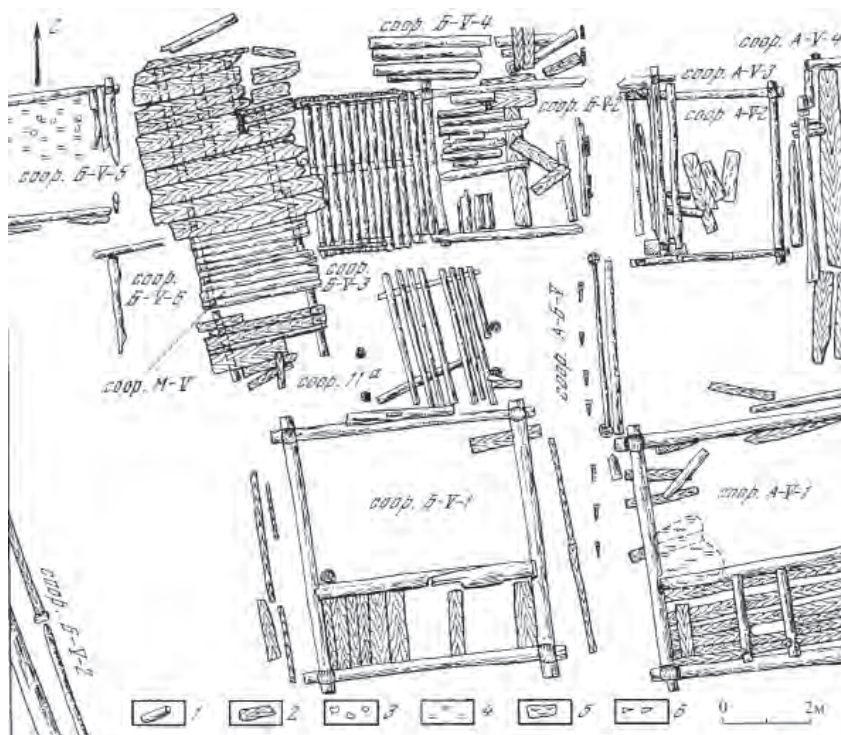

Рис. 37. План застройки пятого строительного периода второй половины XVI в.
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Федулов, 2022)

Мощность культурных напластований в раскопах колебалась в пределах 4–6 м. Наиболее полное хронологическое членение культурных напластований прослежено в раскопе 1969–1970 г., где выделено 13 строительных периодов, семь из которых относятся к XVI–XVIII вв. Культурные напластования и строительные периоды часто отделялись прослойками золы и угля – следами пожарниц.

В раскопах полностью и частично изучено более 75 деревянных строений. Наличие влажных слоев позволило древесным останкам сохранять свой первоначальный вид. Все строения подразделяются на жилые, хозяйственные и производственные (рис. 37).

В посадской части выявлены небольшие дворы и жилые постройки (25–35 кв. м), что указывает на небогатую ремесленную прослойку населения. Все постройки являются наземными, выполненными в срубной и столбовой технике (мастерские, сени, хозяйственные постройки). Фундамент в большинстве случаев, за исключением подкладок из толстых досок, камня или ступей, отсутствует. Землянки и заглубленные в грунты первые этажи домов встречаются редко. Нижние венцы строений содержат элементы завалинок. Во многих местах изучены остатки пола из досок и плах, опирающихся на переводины. Преобладает городской закрытый двор. Усадьбы были обнесены забором или частоколом из бревен, вкопанных вертикально в грунт.

Дома отапливались небольшими кирпичными печами на опечке, размеры которых редко превышают 1,5×1,5 м. Вероятно, часть домов топилась по-черному.

Рис. 38. Печные изразцы из фондов Чувашского национального музея (по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Федулов, 2022)

С XVII в. распространены печные изразцы, в домах зажиточных жителей найдены развалы поливных полихромных изразцов с растительным орнаментом и сюжетными картинами (личины, животные и птицы, всадники) (рис. 38).

Дома ремесленников были одновременно и их мастерскими. Дом разделялся на жилую и рабочую части. В домах обработчиков кожи найдены зольники для выделки кожи, в других домах – инструменты для обработки металлов, дерева и керамических изделий.

Особенностью городского благоустройства являются деревянные мостовые из бревен и плах, укрепленных поперек дороги на поперечинах и стёсанных сверху топором. Найден хорошо сохранившийся настил XV – первой половины XVI в.

В слоях XIV–XVII вв. сохранилось большое количество изделий из дерева и коры. Среди них интересен фрагмент берестяного сосуда с надписью «берозовой» и рисунками (рис. 39).

Комплекс находок составляют, помимо глиняной посуды разнообразных форм и назначений, изделия из дерева (вёдра, тарелки, ковши, солонки, ложки, берестяные туески), железа (ножи, топоры, зубила, стамеска, подковы, светцы для лучинок, гвозди и пр.), кости (гребни), кожи (голенища, подошвы, головки, задники и каблочки от сапог, а также рукавицы, футляры для ножей, части ремешков, книжная обложка, украшенная тиснением), цветного металла (перстни, серьги и браслеты).

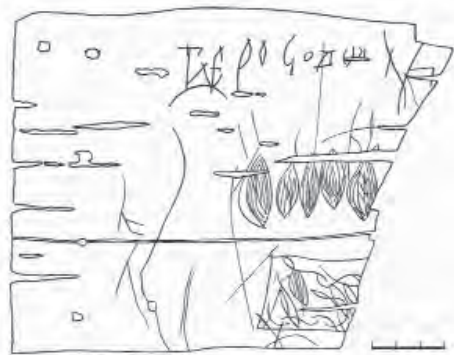

Рис. 39. Фрагмент берестяного сосуда с надписью «БЕРОЗОВОЙ» и рисунком (по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Федулов, 2022)

Большинство керамического материала изготавливалось на гончарном круге и являлось продукцией местных гончаров. Данный вывод делается на основе обнаруженных при раскопках остатков гончарных мастерских и горнов для обжига керамики.

Среди производственных сооружений исключительный интерес представляют остатки печи для обжига кирпича (рис. 40). Печь прямоугольной формы (4,2×3,8 м) имела три топки, соединенные горизонтальными каналами с общей топочной камерой, над которой укладывались просушенные, но ещё не обожжённые кирпичи. Внутри печи расположено шесть стенок-перемычек, имеющих в средней части проём,

Рис. 40. Печь для обжига кирпича XVII–XVIII вв. (Фото Д.В. Спрыжкова, 2016 г.)
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Федулов, 2022)

перекрытый аркой. Кладка выведена на глиняном растворе. Конструкция сложена из сырцового кирпича размером, близким к так называемым «государевым кирпичам» Бориса Годунова (31,2×13,2×8,9 см), производимым в XVI–XVII вв.

Среди изученных на территории города могильников выделяются православные некрополи, связываемые с русским населением города и новокрещёнными христианами и могильники с традиционным языческим обрядом захоронения, характерным для чувашского населения.

Остатки кладбищ неоднократно фиксировались во время строительных работ с дореволюционных времён, особенно на прицерковных территориях. Так, около Воскресенской церкви был обнаружен склеп с захоронением священнослужителя, при котором лежали предметы христианского культа. Рядом было вскрыто 11 погребений XVIII в., потревоженных земляными работами.

К числу христианских относится могильник, раскопанный археологами по улице К. Иванова. Погребения XVI–XVII вв. совершены в глубоких ямах, вытянуто на спине, с руками, сложенными на животе. Все 63 костяка были ориентированы на запад. Вероятно, его следует связывать с населением Чебоксарского кремля.

В последние годы во время реконструкции Красной площади г. Чебоксар обнаружено кладбище при Благовещенской церкви. Вскрыто более 120 погребений. Исследователи отмечали сильно скученное и многоярусное расположение погребений, совершённых по православному обряду.

Кладбища с языческим обрядом захоронения связываются с чувашским населением, проживавшим в непосредственной близости от города. Постепенно окрестные селения включались в черту города, а вместе с ними и старые кладбища. Чувашское кладбище упоминалось у д. Сирмакасы, Чандрово, Вторые Усадки. Единственным могильником, подвергнутым раскопкам, является могильник у д. Вачалкасы (вошла в состав города в 1979 г.), на котором ещё в 1930-е годы было вскрыто четыре по-

гребения с предметами убранства, остатками головного убора и другими вещами, датируемыми XVII в.

Козьмодемьянск – второй русский город в Марийском Поволжье³ – был основан в 1583 г. на высоком правом берегу реки Волги.

Первоначально крепость была расположена на горе и на части надпойменной террасы. Как и другие крепости того времени, она была окружена земляным валом и деревянной бревенчатой стеной. Козьмодемьянский острог представлял собой фигуру неправильной четырёхугольной формы, у которой стена, расположенная на горе, была более протяжённой, чем обращённая к реке. В современном городе до сегодняшнего дня в огородах домов по ул. Чернышевского и Октябрьской видны остатки вала и рва первоначальных оборонительных сооружений. На рисунке Адама Олеария город действительно изображен на высоком берегу реки в виде небольшого укрепленного поселения, окруженного деревянной стеной и широким рвом. Значительная часть территории внутри крепости не была застроена, имеющиеся же постройки расположены хаотично. За крепостью, вдоль берега реки, также хаотично располагался посад. В конце XVI в. за пределами укрепленной части города появились Загородная и Ямская слободы (рис. 41).

Даже в XVII в. население Козьмодемьянска оставалось малочисленным. Судя по письменным источникам, в 1646 г. в городе было 73 двора. Подавляющее большинство жилых домов принадлежало военно-служилым людям – стрельцам и пушкарям. В конце XVII в. в остроге находились Воеводская изба, где размещались органы управления, суд, соборная Рождественская и Богоявленская церкви, жилые дома приказной администрации и священников.

В конце XVII в. пожар уничтожил стены, башни и бойницы крепостных сооружений Козьмодемьянска. В дальнейшем они не восстанавливались. Пространство между Земляным городом и Ямской слободой в XVII–XVIII вв. усиленно застраивалось. В XVIII в. Подгорная слобода стала центром экономической жизни города. Со временем сюда же переместились и административные органы.

Археологический материал по ранней истории города представлен коллекцией находок, среди которых преобладают фрагменты сероглиняных сосудов с хорошо заглаженной поверхностью, нередко с лощёными полосками. Встречаются сосуды белоглиняные и красноглиняные, в том числе с глазурованной поверхностью с внешней или внутренней стороны, а также обломки фарфоровых сосудов с растительным орнаментом. Частыми находками являются железные топоры, долота, висячие замки и ключи к ним, ножи, остатки кожаной обуви, красноглиняные и полихромные изразцы и их обломки и пр.

Царевококшайск. Город был основан в 1584 г. История города слабо представлена в письменных документах. Поэтому основной материал о постройках в городе, быте, материальной и духовной культуре древних жителей города дают археологические исследования.

После присоединения Среднего Поволжья к Российскому государству во второй половине XVI в. из центральных районов России в Марийский край переселяются группы русского населения. Царёв город был построен полностью из дерева. Его

³ По указу Ивана IV в 1574 г. на левом берегу Волги близ устья р. Большой Кокшаги был заложен первый русский город на территории нынешней Мари-Эль – Кокшайск. В настоящее время село Звениговской муниципальной администрации.

Рис. 41. Гравюра Адама Олеария с видом Козьмодемьянска. 1636 г.

ограждали деревянные крепостные стены с башнями, построенные на земляном валу. Длина стен первоначальной крепости вместе со рвами составляла 180 м, ширина в северной части 80 м, а в южной части, где река делала поворот на юго-восток, доходила до 190 м. Общая площадь города-крепости составляла приблизительно 2,4 га. Центральное место в городе-крепости занимала Воскресенская церковь, а к юго-востоку от неё находился дом воеводы. Поблизости располагались дома других представителей власти. Рядом с ними размещались постройки стрельцов и других служилых людей. Вокруг города постепенно появляется ремесленно-крестьянский посад.

С ростом численности населения вокруг посада были появились новые крепостные стены. Эта линия укреплений увеличилась и охватывала площадь более 10 га. Общая длина стен составляла приблизительно 900 м.

В XVII в. значительную часть населения города представляли служилые люди, в основном стрельцы. В их состав входили также воротники, сторожа, кузнецы, плотники и другие, участвовавшие в поддержании городского хозяйства. Тем не менее в XVII в. город в основном оставался аграрным. В жизни городского населения значительное место занимали домашнее скотоводство, огородничество, земледелие.

Как показывают письменные источники, двор городского жителя обычно включал огороженные забором деревянную избу в 1–2 сруба с сениями, погреб, амбар, клетки, нередко хлев, конюшню, сараи. С началом археологических исследований стали раскрываться многие стороны жизни средневекового города.

В остроге, к юго-востоку от Воскресенской церкви, выявились сооружения: полусгоревшие остатки деревянного дома из бревен. К западу от него находился ещё один дом прямоугольной формы (5,6×6,2 м) с входной дверью шириной 90 см в восточной стене. Напротив выхода из дома находился крытый двор площадью 4,2×6,2 м.

Важнейшим объектом внутри дома является изразцовая печь – уникальное явление в истории русских городов Поволжья. Она находилась в юго-восточном углу дома.

Рис. 42. Остатки деревянных сооружений на Базарной площади Царевококшайска
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Данилов, Зеленец, 2022)

Печь размерами у основания 160×120 см была сложена из небольших ярко-красных кирпичей. К кирпичной стене с помощью глинистого раствора плотно друг к другу крепились изразцы. Найдено несколько фрагментов чугунной дверцы печи. Фундамент печи располагается ниже уровня пола дома, то есть он находился не на полу, а в подполье, что характерно для русского домостроительства. В непосредственной близости от печи располагался погреб (3,7×2,6 м), углублённый почти на 2 м от пола.

В развалинах домов найдено огромное количество обломков русской глиняной посуды. Среди находок есть предметы из железа: массивный топор, характерный для второй половины XVI – первой половины XVII вв., ножи, гвозди и большой медный гвоздь с широкой шляпкой. Интересны серебряная копейка Алексея Михайловича (1645–1676 гг.), золочёная пуговица и фрагменты хрустальной посуды, которые могли принадлежать только избранным. Открытая постройка занимала одно из центральных мест в древнейшем городе – на возвышении вблизи от церкви и недалеко от берега Кокшаги – и, вероятно, связана с домом воеводы.

Большинство исследованных сооружений Царевококшайска расположено на территории посада. На территории Базарной площади были изучены несколько деревянных конструкций – основания деревянных домов-срубов и углублённых в материк подклетов, сохранившиеся на 2–4 венца. Размеры конструкций колеблются от 3×4 м до 7,8×4,8 м. В некоторых сооружениях прослежены основания печей. Как правило, такого рода сооружения имели смешанное назначение – жилое и производственное либо торговое (рис. 42).

Помимо срубных конструкций, с периодом функционирования Базарной площади связаны деревянные мостовые. На этой территории также прослежена развитая система гидротехнических сооружений. Учитывая высокий уровень грунтовых вод, были созданы такие элементы дренажной системы, как отстойники, водоотводные траншеи, водосборники.

Как и в любом русском городе, в Царевококшайске основными элементами городской планировки были православные храмы. Вокруг них формировалась городская застройка.

Археологически удалось проследить фундамент Воскресенской соборной церкви в остроге. При раскопках прихрамовой территории был выявлен участок фундамента Воскресенского собора с частью отопительной системы. Обнаружены также остатки фундамента Входаиерусалимской церкви. Сохранилась часть основания северной стены и часть апсиды храма, относящейся к северному приделу.

На территории Царевококшайска археологически изучено четыре могильника, представлявшие собой погосты. Они принадлежали четырём церквям – Соборной Воскресенской, Входаиерусалимской, Троицкой и кладбищенской Тихвинской церкви.

Из ранних кладбищ Царевококшайска наиболее хорошо исследованным является Входаиерусалимский некрополь (вскрыто 554 погребения). Наиболее древние погребения датируются начальным периодом существования Царева города на Кокшаге – концом XVI – началом XVII вв., поздние относятся к середине XVIII в. На территории некрополя хоронили прихожан Входаиерусалимской церкви, которые жили в марийских деревнях, находившихся в черте городской округи. Погребальный инвентарь их не отличается от инвентаря языческих марийских погребений XVI–XVII вв. Это фрагменты украшений, перстни с прорезным орнаментом, наконечники стрел и ножи. Погребения с инвентарем принадлежат так называемым «новокрещенам» – марийцам, которые были добровольно обращены в православие после присоединения Марийского края к Русскому государству.

Ориентировка погребений Входаиерусалимского некрополя северо-западная с небольшими вариациями, что соотносится как с русской православной традицией, так и с культовыми представлениями позднесредневековых марийцев – трупоположение на спине, руки вытянуты вдоль костяка либо сложены на груди.

Троицкий некрополь XVII–XVIII вв. представляет собой место захоронения жителей русских деревень, расположенных в округе Царевококшайска. Главной особенностью данного кладбища является наличие участков, насыщенных погребениями близких родственников. Это прослеживается в размещении нескольких разновременных погребений как в одной могильной яме, так и в непосредственной близости от неё. В этом случае погребения располагаются на нескольких уровнях на очень ограниченной территории. Погребальный инвентарь представлен лишь нательными крестами и деталями одежды. По всей вероятности, в Троицком некрополе были захоронены прихожане этой церкви, которые проживали на территории посада и в русских пригородных деревнях Жуково, Берёзово, Гомзово, Мышино, Вяткино, Пахомово, Кожино и др.

Тихвинский некрополь, где вскрыто археологами 782 погребения, функционировал со второй половины XVIII в. Погребальный обряд ничем не отличается от традиционных для русских православных погребений.

Материальная культура Царевококшайска по большей части несёт в себе черты, характерные для русского населения Марийского края. Это и понятно – город возник в отрыве от коренного населения края, поэтому подавляющая часть находок из раскопок характерна для материальной культуры городов Центральной России.

В целом керамический комплекс Царевококшайска относится к русской гончарной традиции. Для Царевококшайска керамический материал местного производства не

имеет четких хронологических привязок и датируется достаточно широко. По всей вероятности, гончарная традиция местных ремесленников была весьма статична и не менялась на протяжении долгого времени.

Одна из наиболее многочисленных категорий индивидуальных находок на территории Царевококшайска – печные изразцы, представленные в основном красноглиняными неполивными и поливными рельефными полихромными группами. К категории керамических изделий относятся также красноглиняные курительные трубки «турецкого типа», белоглиняные керамические игрушки (свистульки, погремушки, фигурки животных и т. д.) и косметические банки. Достаточно многочисленны рыболовные грузила из глины.

Стеклянная посуда представлена по большей части аптечными и парфюмерными флаконами и бутылками. Встречаются стеклянные украшения – бусы; некоторые из них имеют сходство с бусинами, использовавшимися в составных женских марийских украшениях.

Изделия из цветных металлов включают в себя предметы культовой металлопластики – нательные кресты и иконки. Для новокрещенских погребений характерен погребальный инвентарь, состоящий из марийских украшений – юпинэ, сюльгамы, пластинчатые браслеты, прорезные перстни. Остальные изделия из цветных металлов в основном относятся к культурному слою Базарной площади. Это украшения рук (кольца, перстни), поясные пряжки, пуговицы, копоушки.

К изделиям кузнечного ремесла относятся железные ножи, наконечники стрел, топоры, свёрла, шилья, пробой, светцы, подковы для лошадей, обувные подковки, кресала как В-образной формы, характерной для марийской материальной культуры, так и прямоугольные, распространенные как у русского, так и у марийского населения.

Деревянные изделия на территории Царевококшайска были найдены в основном на территории Базарной площади. Относительно хорошая сохранность таких изделий связана с насыщенностью этой территории грунтовыми водами. В числе деревянных изделий можно выделить тусса, лопатки, плетёные короба, чекмари, черпаки, вальки.

Реже встречаются изделия из кости: двусторонние гребни, кочедыки, пуговица, зубные щётки, набалдашники плетей. Частыми находками являются изделия из кожи. Особенно много фрагментов сапожного кроя было обнаружено в «доме сапожника» на территории Базарной площади.

Города Вятского края XVI–XVIII вв.

Территория Вятского края была присоединена к Московскому княжеству еще в 1489 г. Поэтому в начале XVI в. здесь происходило становление системы управления в рамках единого Русского государства. Вятская земля была разделена на четыре самостоятельных наместничества с центрами в Хлынове, Слободском, Орлове и Котельниче.

В период XVI–XVIII вв. на территории Вятского края наблюдается существенный рост населения, повлекший за собой и экономическое развитие края в целом: развивается сельское хозяйство, промыслы и ремесленное производство, растут сельские поселения и города. Города развивались не только как военные форпосты-крепости на вновь осваиваемых землях, но и как местные центры ремесла, торговли и культуры. Из ранее существовавших городов особенное развитие отмечается у г. Хлынова, ставшего центральным городом Вятского края. Продолжают своё развитие старин-

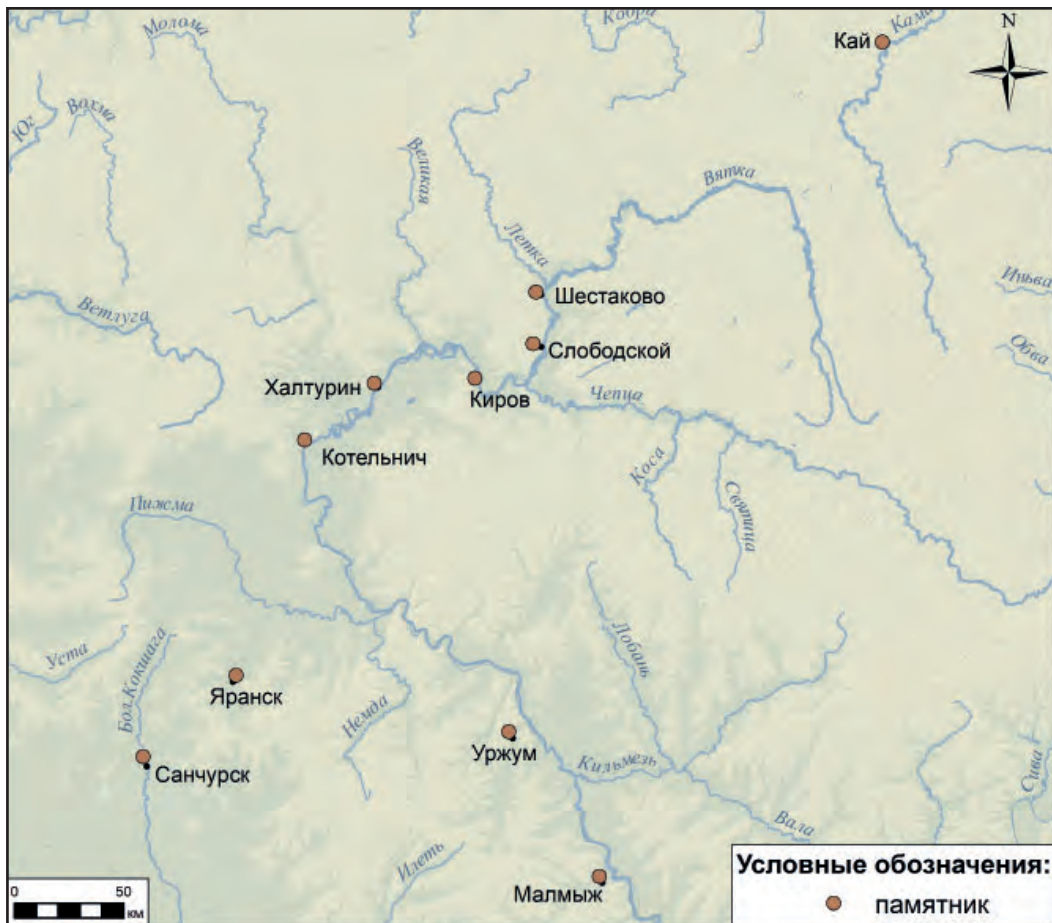

Рис. 43. Карта Кировской области с указанием городов XVI–XVIII вв.
1 – Вятка; 2 – Слободской; 3 – Орлов; 4 – Котельнич; 5 – Кайгород; 6 – Шестаков;
7 – Яранск; 8 – Уржум; 9 – Малмыж; 9 – Царевосанчурск
(по: А.В. Егоров, А.Л. Кряжевских)

ные города Орлов и Котельнич. В северных волостях Вятского края в XVI в. возникают новые города. Так, в 1505 г. впервые упоминается город Слободской. В 1546 г. жителями Слободского был построен г. Шестаков, ставший центром крупного уезда. В 1558 г. купцы Строгановы основали в верховьях р. Камы укрепленный город Кайгородок (рис. 43).

С начала XVI в. Вятка играла важную роль в системе Русского государства как плацдарм для продвижения торговли на восток. Вятский край, расположенный на восточной окраине Русского государства, граничил с Казанским и Сибирским ханствами, а после их включения южные окраины Вятской земли стали ареной боевых действий т. н. Черемисской войны (1552–1557 гг.) – подавления мятежей татар и марийцев. В период этой войны Хлынов и ряд других городов Вятского края являлись опорными пунктами русских войск. После взятия Казани и завершения Черемисских войн в разных пунктах инородческого Поволжья были поставлены укрепленные города как опора государственной власти.

Культурные слои XVI–XVIII вв. практически всех городов Вятского края исследованы недостаточно, за исключением Хлынова-Вятки. Этим объясняется ограниченность археологических данных о материальной культуре городов Вятского края в период XVI–XVIII вв.

Центр Вятской земли – *город Хлынов* – в XVI в. являлся одним из крупнейших городов на северо-востоке русских земель. Деревянный Хлыновский кремль был выстроен еще в середине XV в. По письменным источникам начала XVII в., крепость окружал вал, поверх которого шла бревенчатая стена, срубленная в два ряда и закрытая сверху тесовой крышей. Пространство между двумя рядами срубов было засыпано землёй или камнями. Кремль имел восемь башен, четыре из которых были проезжими. У стен крепости, общая длина которых достигала 900 м, был выкопан ров. Под стенами кремля, около переброшенного через ров моста, располагался торг, который долгое время был единственной площадью в городе и являлся центром городской жизни на посаде. Кроме торговых площадь была занята лавками в несколько рядов, ларями для товаров, амбарами, балаганами; здесь проходили народные собрания и сходки. Городской посад располагался к западу от кремля. Его укрепления представляли собой сплошной ряд вкопанных в землю заостренных брёвен, перед которым располагался небольшой ров.

Усадьбы жителей города состояли из трёх частей: переднего двора, заднего двора и огорода с садом. Дома ставились в глубине усадьбы, разделяя передний и задний дворы. На участках, где размеры вынуждали экономить место, из двух дворов делали один. Наиболее распространённой была трёхчастная планировка дома (избасени-клеть). Срубы ставили на подклетах, используя их для различных хозяйственных нужд.

Для планировки Хлынова был характерен лучевой (веерный) характер расположения улиц, что обуславливалось изначальным расположением поселения на треугольном мысу. Центрами планировки являлись кремль и торг. Застройка Хлынова была устойчивой, что определялось наличием мостовых, прослеженных археологически. Жилища и хозяйственные сооружения строились преимущественно на одном и том же месте на протяжении длительного времени.

В последней четверти XVII в. в Хлынове начинается строительство каменных зданий. Первым каменным зданием в городе стал Троицкий кафедральный собор, построенный в кремле. Впоследствии было построено еще несколько каменных храмов, в том числе Успенский собор Трифонова монастыря. Зарождается также гражданское каменное строительство. В 1700 г. был построен архиерейский дом с Алексеевской домовою церковью.

Во второй половине XVII в. произошла полная перестройка оборонительных сооружений Хлынова. В ходе перестройки кремлёвских укреплений вместо деревянных стен были насыпаны земляные валы высотой около 5 м. Основу конструкции вала составляли тарасы – две параллельные бревенчатые стенки, соединяющиеся между собой поперечными перегородками. В линию вала встроили пять деревянных башен. На вершине вала была сооружена сплошная двухметровая бревенчатая стенка с узкими бойницами и боевой площадкой, откуда велась стрельба и метались камни. С запада и севера кремлёвский вал окружал ров, который на части своего протяжения (примерно 320 м) был заполнен водой.

Оборонительные укрепления посада также были полностью перестроены. На протяжении почти 3 км был насыпан земляной вал высотой до 8,6 м. Внешнюю

Рис. 44. Находки из культурного слоя г. Хлынова-Вятки

1 – фрагмент изразца. Раскопки Хлыновского кремля в 2013 г. (рук. С.Е. Перевощиков; 2 – каменное ядро. Археологические наблюдения на территории Хлыновского кремля в 2019 г. (рук. работ А.И. Фахретдинов; 3 – каменное рыболовное грузило. Раскопки на территории Монастырской слободы г. Хлынова-Вятки в 2018 г. (рук. А.Л. Кряжевских; 4 – фрагмент нательного креста. Раскопки Хлыновского кремля в 2015 г. (рук. Р.В. Матвеев); 5 – копейка конца XVII в. Раскопки на территории посада г. Хлынова-Вятки в 2012 г. (рук. А.Л. Кряжевских); 6 – копейка 30-40-х гг. XVI в.

Раскопки Хлыновского кремля в 2013 г. (рук. С.Е. Перевощиков)
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Егоров, Кряжевских, 2022)

сторону вала укреплял острог из заостренных сверху брёвен, расположенный между валом и рвом. Ров глубиной 2 и шириной от 4 до 8 м полукольцом охватывал посад с запада. На всем протяжении посадских укреплений было поставлено семь деревянных башен.

В результате пожара 1700 г. укрепления кремля и посада сильно пострадали: сгорели все башни и деревянные постройки на вершине валов, а сами валы и рвы обвалились. После этого кремлевские и посадские стены свою оборонительную функцию практически утратили. К середине XVIII в. крепостные укрепления Хлынова перестали играть какую-либо роль в планировке города.

Археологические исследования на территории Хлынова позволили зафиксировать остатки бревенчатых мостовых. Во время строительства здания Центральной гостиницы на месте городского кладбища XVII–XVIII вв. при бывшем Воскресенском соборе была собрана большая антропологическая коллекция и находки из разрушенных сооружений: нательные медные кресты, изразцы, железные ножи, замки и ключи, ручные каменные жернова. В районе собора был обнаружен двухъярусный горн для обжига керамической посуды и изразцов. Время функционирования его определяется концом XVII – началом XVIII вв. Это открытие позволило говорить о существовании на Вятке собственного кирпичного производства (рис. 44).

Раскопки на территории Хлыновского кремля, где мощность культурного слоя местами превышала 3 м, выявили основание мощной насыпи кремлевского вала XVII в. шириной 13 м, внутри которого зафиксированы деревянные конструкции в виде срубов, забутованных глиной. Изучены также остатки деревянных соору-

жений (мостовых, нижних венцов срубов и др.), составляющих от трёх до восьми строительных ярусов в хронологических рамках XVI–XVIII вв. Недавние раскопки выявили здесь одну из древних улиц кремля, вымощенная деревом, к которой примыкали жилые и хозяйственные постройки. Всего удалось проследить три яруса мостовых XVI–XVII вв.

Город Слободской впервые упоминается в письменных документах под 1505 г. Город возник на высоком правом берегу р. Вятки в месте впадения в нее р. Спировки. Основой города стала крепость, размещённая на высоком мысу, ограниченном с востока берегом р. Вятки, с северо-запада – оврагом, с юга – болотом. Она была укреплена валом с деревянной стеной по его вершине, которая была усилена дозорными башнями. С запада возник посад с развитым торгом.

Первоначально г. Слободской был основан на Сибирском (Камском) торговом пути в качестве небольшого торгово-ремесленного поселения. По данным археологии, существовало более раннее поселение относительно упомянутого в источниках. В конце XVI в. была проложена Большая Сибирская дорога, которая также оказала влияние на структуру и значение Слободского как торгового пункта. К XVII в. город стал играть роль самостоятельного узлового центра на пересечении важных сухопутных и водных путей, что создало предпосылки его активного градостроительного развития.

К началу XVII в. традиционная трёхчастная структура, включавшая кремль, торг и посад, в Слободском утвердилась окончательно. Доминирующее значение после проведения Большой Сибирской (Московской) дороги получил торг, где были сконцентрированы многочисленные торговые и сопутствующие им заведения. По их количеству Слободской даже опередил Хлынов.

В XVII–XVIII в. активно развивается обращённый к посаду торг, на котором возникает ряд храмовых построек. В первой четверти XVII в. на юго-западных подступах к городу был основан женский Спасский монастырь (в дальнейшем – Христорождественский). В конце XVII в. в Слободском наступает время каменного зодчества, строятся многочисленные церкви: Екатерининская церковь (1699 г.) в кремле, Спасо-Преображенский собор (1699 г.) на торгу и Введенская церковь (1698 г.) Богоявленского монастыря.

В археологическом отношении г. Слободской на фоне большинства вятских городов исследован относительно неплохо. В документах Вятского губернского статистического комитета, посвящённых археологическим древностям, имеются описания укреплений Слободского кремля.

Археологические исследования городских культурных слоев начались с изучения земляного вала и рва городища, функционировавших в середине – второй половине XVI–XVII вв. и связанных с возведением дерево-земляных укреплений кремля г. Слободского. Прослежены внутривальные конструкции, представляющие собой забутованные глиной клетки. Были зафиксированы также остатки шестиугольной башни конца XVI – начала XVII вв., расположенной к юго-западу от вала.

Обнаружены поздние христианские захоронения с остатками гробовища Слободского I могильника XVII–XVIII вв. при Екатерининской церкви. Выявлены захоронения XVII–XVIII вв. приходского кладбища при бывшей Преображенской церкви.

В городской застройке XVII–XIX вв. интерес представляет жилое сооружение с очагом, остатки разрушенной мостовой XVII–XVIII вв. и находки отходов обувной мастерской (обрезки кожи, каблуки, берестяные задники, подошвы и проч.). В

районе Христорождественского монастыря XVII–XIX вв. обнаружено сооружение, содержащее в заполнении следы прокала, куски железного шлака, бракованные изделия из металла, обожженные кости животных. Оно было определено археологами в качестве производственного сооружения, использовавшегося в кустарной обработке металла. Рядом с ним находился колодец, который использовался в качестве источника воды в кузнечном деле.

Котельнич имеет официальную дату основания – 1459 год. Как городское поселение он вырос из небольшой крепости на узком длинном мысу между р. Вяткой и р. Котлянской. Для Котельнича была характерна традиционная трёхчастная структура: крепость, торг и посад.

К началу XVII в. Котельнич разместился на мысу, но постепенно расширялся за счет посада открытого типа. Часть посада была огорожена острогом, а вышедшая за его пределы застройка укреплений не имела. В середине XVII в. население города составляло более 900 человек, проживающих в 157 дворах, а в конце XVIII в. – около 700 человек.

Археологические исследования на территории г. Котельнича проводились в ограниченных масштабах. Были обнаружены следы укреплений из срубов, забутованных глиной, и часть угловой башни с отопливаемым нижним помещением. Была изучена также часть христианского могильника XVI–XVIII вв. От погребальных конструкций сохранились остатки гробовищ, изредка с железными гвоздями. В могилах погребального инвентаря почти не выявлено, лишь в одном погребении обнаружен медный нательный крестик.

Орлов впервые упоминается в письменных источниках под 1457 г. По археологическим же данным, более раннее укрепленное поселение на месте современного города возникла на рубеже XII–XIII вв. Крепость располагалась на подтреугольном вытянутом мысу между р. Вяткой и оврагом, по дну которого протекает ручей.

В археологическом плане единственной исследованной частью города является Орловское городище – кремль, расположенный в центре города, в городском саду. В ходе археологических работ было установлено, что культурный слой XIV–XV вв. прорезан многочисленными ямами погребений прицерковного кладбища XVI–XVIII вв. Умершие лежали в могилах головой на запад; почти везде прослежены следы деревянных гробовищ. На некоторых костяках найдены нательные крестики XVI–XVII вв. и остатки кожаной обуви. В одном женском захоронении у головы скелета лежала серебряная серьга со стеклянными вставками.

На площадке кремля были выявлены остатки дома XVII–XVIII в., сгоревшего при пожаре, а также две хозяйственные постройки с находками XVII–XIX вв.

Шестаковский городок был построен в 1542 г. на месте неукрепленного поселения («Старого» города), датируемого периодом ранее XVI в. Границей крепости с северной и восточной стороны была р. Вятка, которая здесь делает довольно большой изгиб. С юга и запада возведены два параллельных ряда валов и рвов, а на вершине внутреннего вала возведена стена из рубленых городней с двумя глухими башнями и воротами. За состоянием деревянных укреплений Шестаковского кремля следили плохо, и уже в Дозорной книге 1615 г. указывалось на их ветхое состояние. К концу XVII в. деревянные части укреплений были снесены, а орудия, порох и ядра отправлены в Хлынов.

За кремлём Шестакова располагался торгово-ремесленный посад, но он укреплений не имел.

В начальный период своего существования г. Шестаков, как и аналогичные города-крепости на Южной Вятке, играл роль укрепленного форпоста. В период XVI–XVIII вв. стал промежуточным торговым пунктом на пути из Вятского края (по рекам Летке, Лузе, Северной Двине) вплоть до побережья Белого моря. В конце XVI в. Шестаков был самым маленьким городом Вятской земли – его население состояло приблизительно из 300 человек, проживавших в 50 посадских дворах. К середине XVII в. город теряет своё военное и отчасти торговое значение. Численность его населения уменьшается до 200 человек, проживавших в 33 дворах.

В археологическом плане на территории современного с. Шестаково интересен объект «Шестаковский Кремль». Еще в начале прошлого столетия на его территории были заметны следы двух линий валов и рвов. Археологически выявлен культурный слой памятника мощностью 30–40 см, со следами деревянных сооружений и ям, заполненных гумусированной супесью с включениями золы и обгоревшего дерева, фрагментов круговой керамики XVI–XVIII вв.

Кайгород. Как и Шестаков, Кайгород возник на месте более раннего неукрепленного поселения в качестве перевалочного пункта на Сибирском тракте – торговом пути из Подвинья на Урал и в Сибирь. Датой основания считается 1558 г., когда Иван IV пожаловал купцам Строгановым в вотчину территорию по верхней Каме и Чусовой и предоставил право строить крепости и содержать военные гарнизоны. Именно тогда на существовавшем неукрепленном поселении были возведены земляные валы и деревянные стены, превратившие его в опорный пункт строгановской администрации и торговый центр. Считается, что в 1581 г. Кайгород, как и ряд других городов, был разграблен вогульским князем Кихеком, после чего он был существенно укреплен. Его обнесли острогом с башнями у дороги, построили арсенал, в котором хранилось вооружение. Кроме сибирского пути через Кай проходила дорога на север, в Архангельск. Здесь был таможенный пункт, где производился досмотр вывозимых из России в Сибирь товаров, а также осматривался товар, который был разрешен для ввоза в Россию. С провозимых товаров здесь же собиралась пошлина.

При Петре I начались работы по прокладке прямой дороги из Москвы в Сибирь через Казань и по южным уездам Вятской земли. Поток грузов через Кай стал снижаться. С середины XVIII в. поток товаров пошел через новый тракт, старая дорога приходила в запустение, город постепенно хирел. В конце XVIII в. при образовании Вятской губернии Кай был обращен в заштатный город.

Археологические работы на территории Кайгорода проводились недостаточно. Остатки укреплений на Кашиной горе были описаны еще в XIX в.

Большая часть городища занята поздним кладбищем. В ходе работ обнаружены фрагменты керамических сосудов XVII–XIX вв., глиняные пряслица, заготовка железного кресала.

Установлено, что изначально городище состояло из двух частей. Северо-восточная часть городища имела треугольную форму и была укреплена двойной линией валов с рвом между ними. Центральная и северо-западная части городища укреплены одинарной линией укреплений, состоящей из линейного вала и рва. Вероятно, крепостью являлась только северо-восточная часть памятника, а остальная укрепленная часть являлась посадом.

Царевосанчурск – «Новый Царев Санчюринский город» был заложен московскими воеводами в 1584 г. в среднем течении р. Большой Кокшаги, правого притока р. Камы, у «Санчурина озера». При основании города были возведены мощные

военные укрепления из земляных валов и деревянных стен с башнями по углам. Город был заселён русскими торговыми и посадскими людьми, государственными крестьянами.

Основанный в конце XVI в. в качестве военного форпоста, г. Царевосанчурск был населён преимущественно военными и приказными людьми. Посад города, примыкавший к стенам крепости и огороженный острогом, вмещал ограниченное количество дворов. В посаде проживало население, обеспечивающее исключительно крепостной гарнизон. Внутри крепости размещались две деревянные церкви с колокольнями, дворы воеводы и священнослужителей, пороховой амбар.

К XVIII в. город теряет значение военно-стратегического форпоста на юго-восточной границе России и становится малозначительным, сильно удалённым от основных торговых путей населённым пунктом. В конце XVIII в. пожаром были уничтожены все деревянные постройки, включая кремль.

Археологические работы в г. Санчурске не проводились, памятники археологии на его территории пока не известны.

Уржум, впервые упомянутый в сообщениях периода Черемисской войны (1554–1556 гг.), первоначально был марийским племенным городком. В 1584 г. на его месте возникла русская укрепленная крепость в качестве стратегического форпоста на Нижней Вятке после подавления восстания местного населения.

Кремль города был построен на левом высоком берегу р. Уржумки и отвечал всем фортификационным требованиям того времени: имел рвы, валы, «городни» (срубы, заполненные грунтом), срубные башни острога. Помимо укреплений, в городе выстроили соборный храм Николая Чудотворца. В Уржуме проживали посадские люди и стрельцы, которые занимались ремёслами, торговлей и сельским хозяйством. В середине XVII в., количество его жителей составляло около 260 человек. Общее количество войск в нём насчитывало более 300 человек, что превышало количество посадского населения. К концу XVIII в. крепость полностью обветшала – «сгнила без остатка».

Обследование территории данного памятника было проведено лишь разведочно: были обнаружены фрагменты гончарной керамики XVI–XVII вв.

Яранск. Как и многие города на юге Вятского края, он был построен после подавления «черемисских бунтов» с целью размещения военного гарнизона. Официальной датой основания Яранска считается 1591 г. Крепость была заложена на высоком холме на правом берегу р. Ярани, окруженном с севера и запада водой, с юга – оврагом и с востока – лесом. Яранск был укреплен двойными дубовыми стенами с внутренней земляной засыпкой, по углам крепости располагались башни с бойницами. К западу от крепости, на берегу реки, была построена «стрелецкая слобода», в которой жил крепостной гарнизон, состоявший из 150–200 стрельцов. К югу располагался посад, где проживали ремесленники, торговцы, городская беднота. В течение XVII в. посад в процессе расширения к югу соединился со слободой Вознесенского монастыря. Согласно письменным источникам, население г. Яранска в середине XVII в. составляло около 180 человек, а в XVIII в. – 720 жителей.

Удалось определить наличие культурного слоя в основных частях города – крепости г. Яранска (Яранское городище), западной части посада и Старотроицкого церковного кладбища (Яранский могильник). Из культурного слоя Яранского го-

роdiща (XVI–XVIII вв.) происходят фрагменты гончарных керамических сосудов, игральная фишка из стенки гончарного сосуда, монета XVIII в. На Старотроицком кладбище, возникшем при Троицкой церкви в конце XVII в., вскрыто погребение с крестом-тельником и кованые гвозди от гробовища.

Малмыж основан, как и другие города Южной Вятки, в конце XVI в. на месте старинной резиденции марийских князей, вассалов Казанского ханства. Здесь находился русский укрепленный форпост, усиленный валом и рвом – так называемое Адашевское городище. Крепость стояла на высоком месте, поднимающемся над долиной р. Шошмы. Укрепления ориентированы по сторонам света и представляли собой неправильный четырёхугольник. С северной стороны городище прикрывалось глубокой овальной ложбиной с крутыми краями, которая ранее была заполнена водой и сообщалась с поймой р. Шошмы. Гарнизон поста составили дети боярские, для которых внутри укреплений были построены дома, а рядом с постом начали селиться русские поселенцы.

Крепость была возведена в 1584 г. на высоком берегу р. Шошмы. Внутри крепости располагался Государев двор, пороховая казна-арсенал, съезжая изба и церковь. Торг разместился у внешней стороны южной крепостной стены и имел небольшую площадь. Посад развивался исключительно в южном направлении и был защищён острогом.

На сегодняшний день на территории г. Малмыжа известно два памятника археологии – Адашевское городище XVI в. и Малмыжское городище XVI–XVIII вв. Зафиксирован культурный слой Малмыжского городища мощностью 0,5–0,7 м с находками керамики и поливного изразца XVII в.

Более поздними обследованиями территории Адашевского городища установлено, что она полностью занята погребениями городского кладбища, а из оборонительных укреплений сохранился лишь ров, ограничивающий площадку памятника с северо-запада, северо-востока и юго-востока. Глубина рва с северо-западной стороны достигает 2 м. Большая часть территории Малмыжского городища застроена и занята жилыми домами и огородами. В качестве подъемного материала в районе Богоявленского собора и на огородах нескольких домов в границах памятника обнаружены фрагменты керамической посуды XVII–XIX вв., человеческая кость, железный черешковый наконечник стрелы.

На настоящий момент археологами изучалась лишь небольшая часть г. Малмыжа, археологические раскопки здесь не проводились.

8.4. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ НАРОДОВ ВОЛГО-УРАЛЬЯ СЕРЕДИНЫ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВВ.

Марийские могильники XVI – первой половины XVIII вв.

Целенаправленное изучение распространения древнемарийских могильников и поселений дало возможность установить, что к XVI в. марийцы занимали территорию, близкую к районам современного проживания, включая смежные земли Кировской, Нижегородской областей и Татарстана. Наиболее плотно были заселены правобережье Волги, бассейны рек Илети, Большой и Малой Кокшаг, правый берег среднего течения р. Вятки (рис. 45).

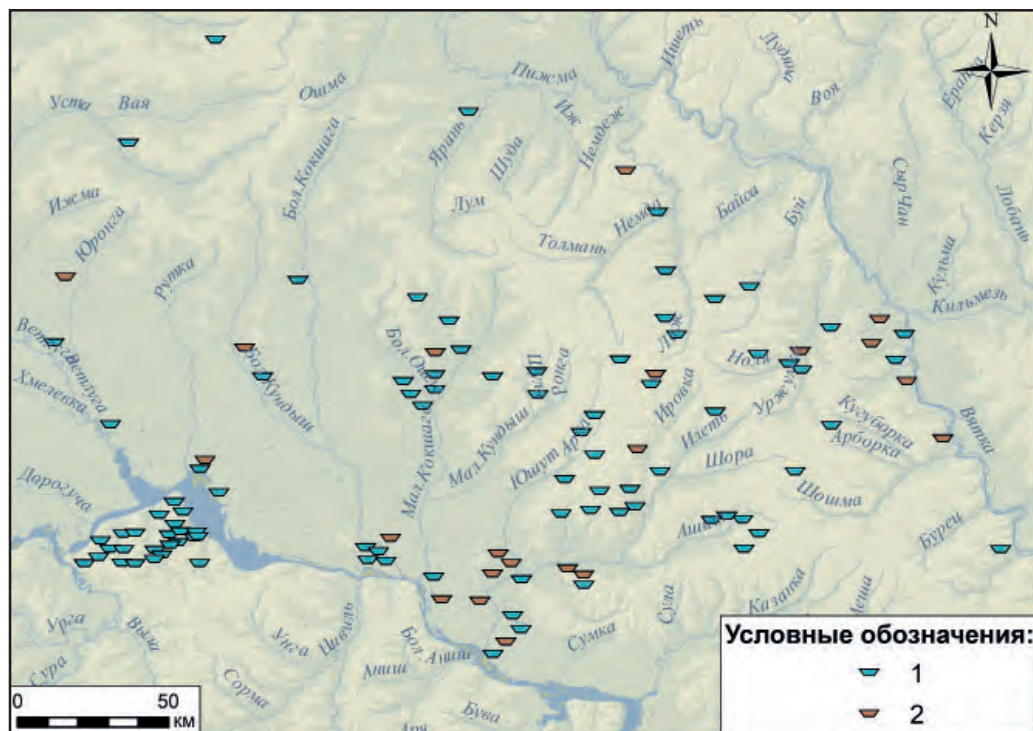

Рис. 45. Карта расселения марийцев в XVI – начале XVIII вв. (могильники, жертвенные места, молебница) (по: Никитина Т.Б.)

Известные археологические памятники этого времени представлены языческими кладбищами сельских жителей и местами молений. Поселения этого периода неизвестны.

Погребальный обряд. В погребальном обряде языческие черты занимают доминирующее место. Погребения совершены в ямах прямоугольных форм. Размеры могил в длину часто превышали рост погребённого или размеры поставленного гробовища таким образом, что со стороны ног или за черепом оставалось свободное пространство для ритуальных даров умершим. Преобладает глубина могильных ям не более 100 см. В засыпи могильных ям зафиксированы угли. Встречены случаи, когда засыпь погребения полностью заполнена углём и золой. Погребальные конструкции типа классического гробовища обнаружены в менее четверти захоронений. Наиболее распространена погребальная конструкция, представляющая собой раму из четырёх досок, поставленных на ребро. Были также случаи, когда покойника обкладывали с боков только двумя досками или ставили одну доску. Следуя древним традициям, погребённых укладывали на подстилки из войлока, ткани, луба, дерева, веток хвойных деревьев. Костяки лежали в вытянутом положении на спине. Погребённые ориентированы головой на север, северо-запад или запад; имеется группа захоронений с южным направлением в ориентировке. Погребённые уложены в лучших одеждах с большим количеством украшений. В могилах обнаружены также орудия труда, оружие, котлы.

В погребальном обряде уже заметны новые элементы, свидетельствующие о переменах в мировоззрении. С распространением христианской веры и укреплением

Рис. 46. Украшения из марийских могильников XVI – начала XVIII вв.
1 – «нашмак», 2 – головная повязка, 3, 4 – шейные воротники или окантовка выреза рубахи, 5 – нагрудное украшение «ширкама». 6 – застёжка-сюльгама, 7 – височные кольца и шейное украшение, 8, 9 – нагрудные украшения «почкама»
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Никитина, 2022)

связей с русскими в обряд захоронения входит западная ориентация покойников, которая с середины XVII в., особенно у горных мари, становится преобладающей. В этот период, очевидно, появляются представления марийцев о стране умерших на западе. Все чаще удается зафиксировать уложенные на груди, иногда скрещенные руки. Могильные ямы становятся глубже. В отдельных могильниках на горной стороне захоронения с глубиной ямы более 100 см составляют более 30%. В погребениях середины XVII в. горной стороны встречаются кресты.

Вышеперечисленные новые явления в погребальной обрядности чаще зафиксированы в погребениях горной стороны, у марийского населения которой значительно раньше установились тесные контакты с русскими. Аналогичные процессы, но в более вялой форме, происходят и в среде луговых мари. До середины XVII в. луговые марийцы хоронили умерших в основном головой на запад или северо-запад, а головой на северо-запад – запад положено лишь 9% погребённых. В могильниках второй половины XVII – XVIII вв. количество погребений с западным положением умерших увеличивается.

Усиление процесса проникновения христианства в языческие верования местного населения способствовало строительству городов и монастырей и поощрительная политика русских царей по отношению к крещёным инородцам.

В этот период складывается этнографический костюм, бытующий до XX в. Шарпан-нашмак, височные украшения-лунницы и в форме несомкнутого кольца, один конец которого загнут внутрь и имеет дополнительные привески; шейные украшения-воротники, пластинчатые застёжки-сюльгамы с геометрическим орнаментом из насечек, нагрудные декоративные украшения типа «ширкамы» и «почкамы», овально-щитковые перстни с нарезным орнаментом, накосники «юпинэ» – все это найдено

в массовом количестве в марийских могильниках и являются этноопределяющими индикаторами марийской культуры (рис. 46).

В костюмном комплексе существенно сокращается использование металлических украшений. Традиционные сюжеты (уточки, коньки, вода и т. д.) из металлической пластики перенесены в орнаментацию вышивки. В составе украшений стали использоваться монеты или подражания им, бусы и позумент. Преобладают украшения, изготовленные методом холоднойковки.

По особенностям погребального обряда и материальной культуры четко фиксируются локальные группы марийских памятников, которые соответствуют известным до настоящего времени этнографическим группам марийского народа. Группа горных мари представлена памятниками на правом берегу Волги в пределах современного Горномарийского района Республики Марий Эл и двумя могильниками (Большепольский, Выжумский) на р. Ветлуге. К этому кругу памятников близки одновременные могильники на территории современного проживания чуваш-вирьял и анат-енчи.

Левобережье Волги, центральные районы современной Республики Марий Эл, бассейны рек Большой и Малой Кокшаги, Илети, правобережных притоков Средней Вятки в XVI–XVII вв. населены луговыми марийцами. На этой обширной территории марийские памятники имеют локальные различия, потому они разделены на собственно луговые и вятские.

Наиболее ярко различия между группами отражены в женском костюме. У горных мари значительно разнообразнее набор головных уборов. *Шарпан-нашмак* и *ошту* носили женщины только этой локальной группы. *Шапочка-такья*, кроме горных, встречается также в могилах вятских мари. Вятские женщины носили своеобразный высокий берестяной убор *шурка*.

Несколько отличаются шейные украшения. Кроме ожерелий из бус, которые носили все марийские женщины, луговые иногда использовали в качестве материала для своих ожерелий бронзовые или серебряные орнаментированные бляшки, раковины-каури, а горные (как мужчины, так и женщины) носили воротники-ожерелья из красной ткани, расшитой позументом. В погребениях горных мари более многочисленны и типологически разнообразны простые скульгамы, выполняющие роль застёжки, а декоративные скульгамы с кожаным щитком («почкама», «ширкама») чаще встречены в захоронениях луговых мари. Существуют различия в оформлении поясов. Концы поясов горных и вятских мари крепились с помощью пряжки. Луговые завязывали их узлом и концы богато украшали бронзовыми обоймами, шерстяными шнурами, бусами и монетами.

Различия между этнографическими и локальными группами марийских памятников объясняются не столько особенностями формирования марийской народности, а в большей степени этнокультурными и торговыми связями на последующих этапах исторического развития.

Народный костюм, реконструированный по материалам марийских могильников, расположенных в центральных районах Марийской республики, как и погребальный обряд этого населения, сохраняет больше традиционных марийских черт, несмотря на то, что эти памятники относятся к довольно позднему периоду. У горных мари проявляется больше общих моментов с западными соседями: мордвой, русскими. В результате марийско-мордовских контактов в погребальную обрядность марийского населения проникли такие черты, как захоронение женщин и детей с подогнутыми

ми ногами, южная ориентировка погребённых, характерные только для мокшанских захоронений, а в костюмный комплекс были включены разнообразные типы сьюлгам и пряжек, возможно головное украшение «ошпу», напоминающее мордовский «венец», и т. д. Более того, марийские могильники с юго-западной ориентировкой концентрируются на определённой территории современного проживания горных мари, рядом с которой имеются деревни с типично мордовским топонимом «лей» в названии (Сарлейкино, Шапкилей).

Многочисленные общие моменты в материальной культуре и верованиях мари и мордвы-эрзи возможно объяснить историей формирования обоих народов и их многовековыми соседскими контактами. Намного сложнее разобраться в марийско-мокшанских параллелях, хотя не столь многочисленных, как марийско-эрзянские, но достаточно красноречивых. Их нельзя объяснить только совместным развитием обоих народов на ранних этапах истории. Несомненно, что этнокультурные связи мари и мокши относятся ко II тысячелетию н. э. Например, обряд скорченного захоронения у мордовских женщин появился во II тысячелетии н. э., вероятно, как заимствованный от кочевых племен. Естественно, что мари могли перенять этот элемент обряда только при наличии контактов в более поздний период. Уже на материалах Руткинского могильника XII–XIII вв. можно проследить проникновение обряда скорченного захоронения и юго-западной ориентировки в марийскую среду. Видимо, во II тысячелетии н. э. существовали определенные зоны контактов мари и мордвы-мокши. Вероятно, это было связано с инфильтрацией небольших групп мокшанского населения на северо-запад от основной территории их проживания.

Преобладание западной ориентации, появление крестов, наличие глубоких захоронений в результате влияния русских (христианства) на погребальные языческие традиции местного населения оказались более сильными на горной стороне, население которой издавна поддерживало тесные контакты с русскими.

Обращает на себя внимание сходство могильников Горномарийского района с могильниками северо-западной Чувашии. Вопрос об этнокультурной принадлежности памятников северо-западной Чувашии остается спорным. Большинство из них располагалось на территории этнографических групп чуваш-вирьял и анат-енчи. Сравнительный анализ этого материала с погребальными памятниками горных мари показал их близость, что позволяет объединить памятники Марийско-Чувашского народа в один культурный круг, связанный с марийским этносом.

Своеобразной является группа вятских марийских могильников, занимающая промежуточное положение между горными и луговыми. Ряд элементов (шапочка-«такья», височные кольца в форме знака вопроса, ожерелья-воротники, сьюлгамы из круглой проволоки, пряжки) сближает их с горномарийскими могильниками. Очевидно, население, оставившее горные и вятские позднесредневековые могильники, имело когда-то непосредственные связи. О том, что марийское население пришло на р. Вятку с р. Волги, свидетельствует и устное народное творчество марийцев: легенды, предания, молитвы. Однако в погребальном обряде вятские могильники ближе к луговым могильникам. Для них свойственны: северное направление в ориентации умерших, наличие подстилок из войлока, пихтовых и еловых веток под погребенными, многогранное проявление культа огня и т. д. На территории размещения вятских памятников, подобно луговой, известно много языческих молибищ XVII–XVIII вв. Вятские памятники обладают и некоторыми особенностями: высокие берестяные уборы «шурка», редкое использование декоративных нагрудных украшений и

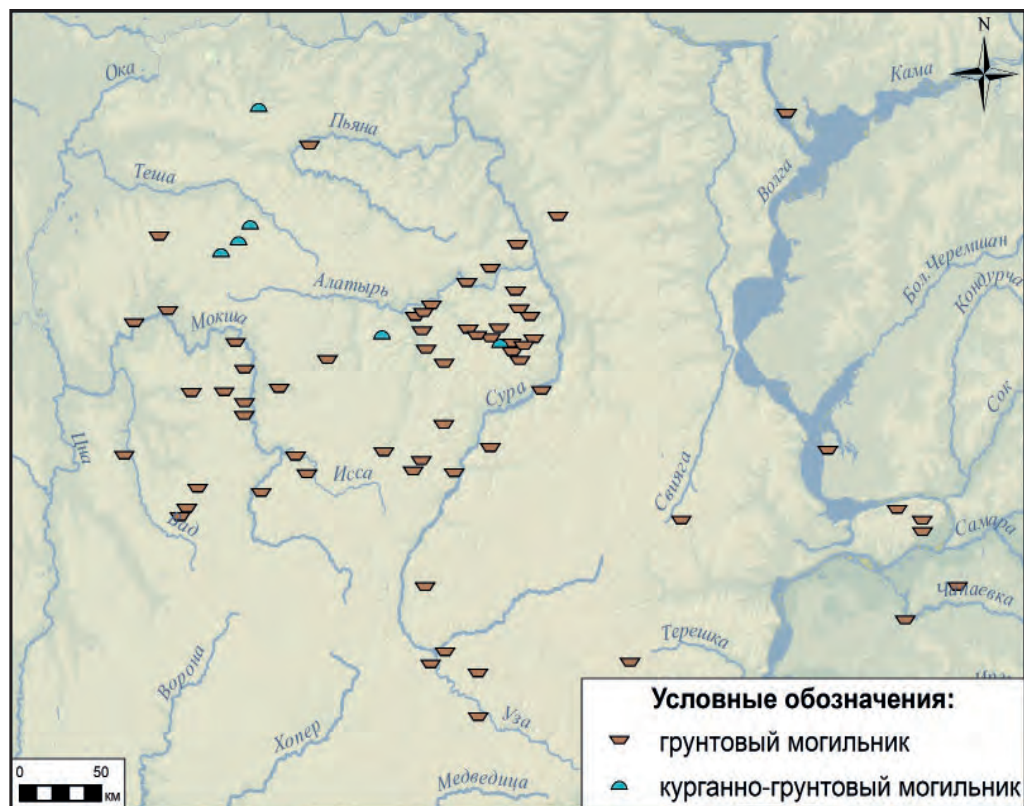

Рис. 47. Карта расположения могильников мордвы XVI–XVIII вв. (по: Малковой Н.М.)

«юпин»» сближают их с синхронными могильниками удмуртов. Проникновение их в культуру марийских могильников объясняется длительным процессом ассимиляции марийцами древнего удмуртского населения, проживающего на Вятке.

Погребальные памятники мордвы XVI–XVIII вв.

Область распространения могильников мордвы XVI – начала XVIII вв. охватывает Республики Мордовию и Чувашию, Нижегородскую, Пензенскую, Саратовскую, Ульяновскую и Самарскую области (рис. 47).

Все погребальные памятники мордвы XVI–XVIII вв. занимали площадку на возвышенных местах. Границами им служили естественные преграды.

Грунтовые могильники. Захоронения совершены в простых прямоугольных ямах глубиной 0,5–1 м. В XVI–XVII вв. ямы были глубже, чем в более позднее время. Почти в половине изученных захоронений грунтовых могильников присутствует погребальная конструкция: гробовище, колода, сруб, подстилка, покрывало, саван. Чаще всего хоронили в гробовищах. Более четверти грунтовых могильников содержали погребения в колодах.

Все погребённые уложены на спину с вытянутыми ногами. В XVI–XVII вв. преобладало вытянутое положение рук или руки были чуть согнуты в области тазовых костей. В более позднее время в большинстве случаев руки уже располагались в области пояса или груди, что, возможно, связано с проникновением христианской религии.

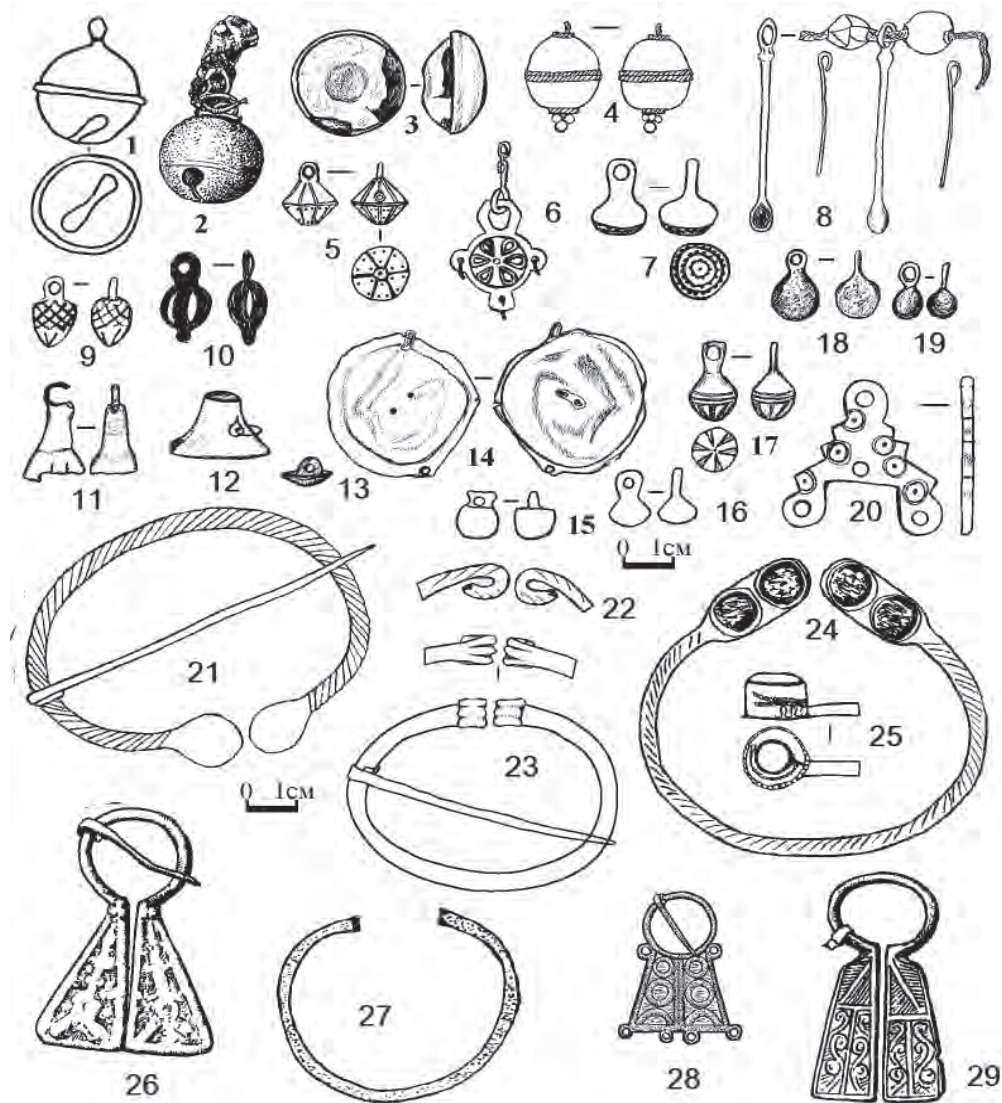

Рис. 48. Украшения костюма. 1–20 – подвески; 21–29 – сюльгамы
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Малкова, 2022)

Около половины погребений имеют западную ориентировку (иногда с небольшими отклонениями к югу). Традиция положения умерших головой на запад становится устойчивой начиная с XVII в. Её появление можно связать с проникновением христианских канонов в погребальный обряд мордвы. Треть погребённых в грунтовых могильниках имеют южную ориентировку. Такая ориентировка для мордвы-мокши была основной еще с первой половины I тыс. н. э., преобладала и в XII–XIV вв. Северная ориентировка с различными отклонениями зафиксирована лишь в небольшом количестве захоронений.

В XVI–XVII вв. существовал обычай «умерщвления вещей» – в погребениях встречаются жертвенные комплексы, часть вещей в которых смята или поломана.

Эта традиция фиксировалась ещё в могильниках мокши XIII–XIV вв. и просуществовала она до конца XIX в.

О ритуалах, совершаемых в ходе погребального обряда, свидетельствуют находки костей животных, фрагментов сосудов и угольков в заполнении могильных ям и рядом с умершим. Традиция помещения с умершими куриных костей и скорлупы яиц характерна как для эрзянских, так и мокшанских грунтовых захоронений. Располагались они чаще всего на груди или поясе.

Локальная традиция помещения камня в могильную яму отмечена в памятниках мокши XVII – начала XVIII вв. Ачадово и Кельгинино. В большинстве случаев камень клали в ноги или у черепа.

На межмогильных пространствах грунтовых могильников зафиксированы следы ритуальных жертв – целые сосуды, фрагменты керамики, уголь, кости животных и украшения костюма.

Погребальный инвентарь отличается большим разнообразием типов. До начала XVIII в. продолжали существовать некоторые традиционные формы, известные в памятниках мордвы еще с XI–XIV вв.

Ножи чаще всего помещали в области таза/бедр, возможно, они подвешивались к поясу. В шести погребениях зафиксированы остатки кожаных ножен.

Топоры – достаточно редкая находка для грунтовых могильников, также в мужских погребениях зафиксированы кочедыки для плетения лаптей и кресала для высекания огня. В единичных случаях в них найдены шило, костяной инструмент для работы с кожей, тесло, оселок (точильный камень), наконечники стрел и кошельки, иногда с несколькими монетами.

Пряслица, иглы, напёрстки, кечказы (инструмент для вышивания), костяные гребни и редко встречаемые в погребениях серпы обнаружены только в женских захоронениях.

Глиняные сосуды содержались только в 4% погребений грунтовых могильников.

Монеты встречаются довольно часто и как предметы погребального инвентаря, и в качестве украшения костюма.

Кресты чаще принадлежали детям или мужчинам, реже – женщинам.

Курганно-грунтовые могильники. Всего исследовано восемь курганно-грунтовых погребальных памятников позднесредневековой мордвы. Пять из них расположены в Нижегородской области, три – на территории Республики Мордовия. Четыре памятника находятся в степной зоне. На площадках могильников зафиксировано от одной до 62 насыпей. Диаметр исследованных курганов составлял 6–7 м, высота 0,25–1,5 м.

Исследователи относят курганы к той части кочевников, которые осели среди мордвы, сохранив в то же время в чистом виде свой погребальный обряд. Ряд черт, прослеженных в курганных могильниках, указывает на их генетическую связь с южными кочевниками: в засыпи могилы большое количество угля, костей овцы; захоронение коня в одной могиле с умершим.

На курганно-грунтовых памятниках исследованы как погребения под курганными насыпями, так и грунтовые захоронения в простых могильных ямах. Более половины погребений в них не содержали конструкций, в остальных исследованы: гробовища, колоды, подстилки из бересты или веток, покрывала из луба или бересты, срубы и рамы. Последние представляли собой восьмиугольник из крупных дубовых плах.

Характерная черта курганного обряда захоронения – использование огня. Следы горения (уголь и зола, обугленное дерево) зафиксированы более чем в половине насыпей.

Половина из исследованных насыпей содержала кости домашних животных. Рядом с умершим клали в основном головы крупного рогатого скота, чаще всего коров и телят, меньше – лошадей, изредка – мелкого рогатого скота.

Под курганной насыпью находилось преимущественно одно захоронение; встречаются курганы с двумя и тремя захоронениями. Погребённые в курганно-грунтовых могильниках, в отличие от грунтовых, ориентированы головой преимущественно на север.

Погребальный инвентарь в курганно-грунтовых могильниках включает практически те же предметы, что и грунтовые могильники: бытовые вещи, орудия труда, монеты, украшения головы (височные кольца, серьги), шеи (бусы, ожерелья), груди (подвески), рук (браслеты), украшения костюма (сюльгамы) и пр.

Материалы из погребений позволяют реконструировать женские и мужские головные уборы. Из мужских уборов можно отметить остатки трёх схожих шапок из черного сукна (могильник Лобаски) и войлока (могильник Беловодье), нижняя часть которых была обшита тесьмой в виде ёлочки из медной канители. Видимо, первая из этих шапок была демисезонной, вторая – зимней.

Женские головные уборы отличались большим разнообразием. Девичьи головные уборы, как правило, были открыты, они лишь украшали волосы, не закрывая их. Зафиксировано два типа девичьих уборов – налобная повязка и накосник. Первая из них (могильник Коноваловка) представляла собой прямоугольную полосу холста из красно-коричневых шерстяных ниток, украшенную тремя горизонтальными рядами круглых латунных пластинок и бисером. В области висков к повязке прикреплены две подвески из меди. Накосник же состоял из сложенной вдвое цепочки, к которой прикреплены две грозди бисера, бусы, бубенчики и плоская пуговица-подвеска. Накосник из Торжка (погр. 1) состоял из тканевой основы, на которую в несколько рядов нашиты жетоны, раковины каури и бисер (рис. 48).

Женский головной убор, исследованный на материалах Сарлейского и Коринского могильников, представлял собой шерстяную шапочку, полностью закрывавшую волосы. Поверх шапочки плотными рядами вертикально нашиты раковины каури, перемешанные с бусами и серебряными копейками. Так, убор из погребения Сарлейского могильника был украшен 170 раковинами каури и 15 голубыми стеклянными бусами. В некоторых уборах использовались также шерстяные кисточки, зелёные и «фарфоровые» бусы, бисер, жетоны.

8.5. ЗАСЕЧНЫЕ ЧЕРТЫ И ПОГРАНИЧНЫЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ – ПАМЯТНИКИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ XVI–XVIII ВВ.

Засечные черты и пограничные оборонительные линии Российского государства – это сложные системы оборонительных сооружений, включающих в себя искусственные земляные валы и рвы, а также систему крепостей.

Постоянно возникавшие в силу разных обстоятельств противоречия в период расширения территории государства нередко приводили к серьезным конфликтам, что и явилось причиной появления искусственных преград, оборонительных инженерных сооружений большой протяженности в пограничных зонах. Примеры строительства такого рода сооружений хорошо известны в истории Евразии: Великая Китайская стена, линии обороны лимеса по границам Римской империи, уйгурские стены на Алтае, валы в Боспорском царстве, Перекопский вал и многие другие.

На российском историческом пространстве с оборонительными линиями связано основание десятков современных российских городов и поселений. Планировочная структура и градостроительные особенности оборонительных сооружений и городов-крепостей являются в последние годы объектом внимания археологов и историков.

Уже при великом князе Владимире Святославиче Святom (956/958–1015) создается серия «длинных стен», отгородивших Древнюю Русь от кочевых печенегов. Впоследствии эти стены в руинированном виде стали именоваться «Змиевыми валами». В период феодальной раздробленности каждый удельный князь на границах своих владений лично заботился о возведении острожков, станов и службе при них сменяемых стражников. В более крупных крепостях появлялись постоянные военные гарнизоны.

При Василии III происходит строительство кирпичных крепостей в Нижнем Новгороде, Туле, Коломне, Зарайске, ставших узловыми центрами организации обороны русского государства. Именно при этом правителе в пограничных зонах леса и степи осуществлялось целенаправленное строительство оборонительных сооружений. На открытых участках строятся частоколы, надолбы, земляные валы, острожки или города-крепости, в лесах – засеки и засечные черты. На засеках деревья рубились на высоте выше человеческого роста. Пройти через такую густую живую стену было практически невозможно. Глубина (ширина) засек варьировалась от нескольких десятков метров там, где появление противника было маловероятным, но на самых опасных участках она доходила до внушительных размеров: несколько десятков километров непроходимых завалов, усиленных частоколами, надолбами, волчьими ямами, капканами.

Засечная черта, созданная в XVI в., состояла из ряда засек: Козельских, Перемышльских, Белевских, Лихвинских, Одоевских, Тульских, Каширских и Рязанских. Но эта засечная не была сплошной, ибо сквозь лесные массивы исстари были пробиты дороги для торговли, сообщения северных и южных районов государства. Для защиты этих проходов и контроля сообщений в пределах засек устраивали «засечные ворота» с избами для караульчиков.

В самом начале XVII в. из-за событий Смутного времени строительство оборонительных линий уходит на второй план, но уже при Михаиле Федоровиче – первом царе из династии Романовых – власти приступают к реконструкции имеющихся укреплений и возведению новых. В 1635–1654 гг. была возведена Белгородская черта, в 1648–1654 гг. – Симбирская черта, в 1652–1656 гг. – Закамская линия и некоторые другие (рис. 49).

Традиционный для России метод возведения засечных черт стал постепенно вытесняться европейскими фортификационными формами. Так начали формироваться пограничные укрепленные линии. Они представляли собой систему крепостей, между которыми создавались полевые укрепления, обычно в виде земляного вала

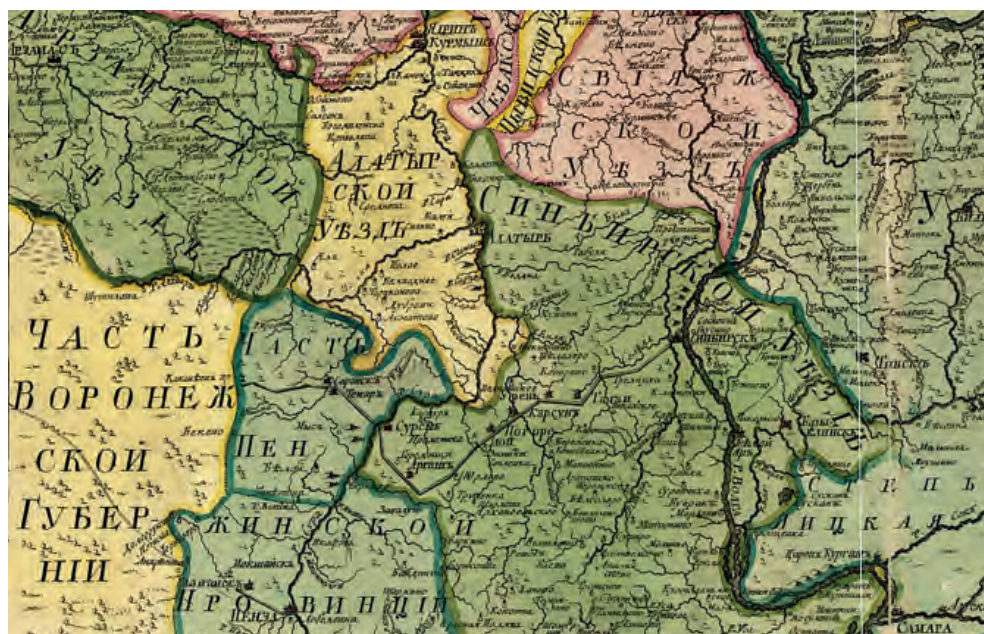

Рис. 49. Саранская (Атемарская) черта и Симбирская черта на карте Царства Казанского из «Российского атласа» 1745 г. СПб.: типография Академии наук, 1745. С. 18, 20 л. карт)

(4,5 м высотой, иногда с деревянным тыном наверху) и рва (от 1,5 до 4 м глубиной и от 3,5 до 5,5 м шириной). Перед рвом устраивались засеки и ставились рогатки против конницы. Через каждые 200–600 м вал имел выступы в виде редутов и реданов, что позволяло оборонять подступы к валу продольным ружейным и артиллерийским огнем. Устраивались и сигнальные вышки, поджигавшиеся при приближении противника.

Среди основных пограничных укрепленных линий, возведенных в XVIII столетии, были Новая Закамская линия (1731–1736), Самарская линия (1736–1742), Оренбургская линия (1736–1739). Примечательно, что опыт возведения подобных линий сохранялся и в XIX в., прежде всего на самых неспокойных участках границ расширившейся Российской империи: на Кавказе, Средней Азии и Дальнем Востоке.

Засеки и оборона в XVI веке. К числу относительно легко сооружаемых защитных укреплений, известных на пограничье лесной и лесостепной зон, относятся лесные засеки. Они появлялись путем вырубki деревьев выше человеческого роста. При этом ствол поваленного дерева оставался соединенным с пнем, обеспечивая жизнь в поваленных деревьях. Тонкие ветки обрубались, а толстые заострялись. Молодая поросль в нижней части поваленных деревьев переплеталась, образуя живую изгородь.

Во второй половине XVI столетия, в царствование Ивана IV Грозного, принимается решение о строительстве целостной системы укреплений. Все более ранние, отдельно функционирующие укрепленные районы объединяются в общую засечную черту, растянувшуюся от Верховий Оки до Тетюшского острога на берегу Волги. Именно так возникла первая оборонительная черта Российского государства.

Засечные черты в XVII веке. В начале XVII в. в военном деле России продолжали активно использоваться засеки.

Рис. 50. Юшанская крепость и валы. Симбирская черта, 1648 г. Ульяновская обл.
(по: Археология Волго-Уралья. Т. VII / Абдуллин, Ситдилов, 2022)

Правительство царя Михаила Федоровича ввиду продолжительной борьбы Российского государства с Крымским ханством обратило особое внимание на южную оборонительную черту. Стабилизация внутренних процессов и внешних отношений России к 30-м гг. XVII в. вновь ставит на повестку дня масштабные вопросы безопасности сухопутных границ страны и строительства новых засечных черт по рубежам государства. В этот период возводятся новые линии укреплений, сформировавших Белгородскую, Симбирскую и Закамскую черты.

Симбирская черта строилась в период с 1648 по 1654 год. С Белгородской чертой соединялась в районе современной Тамбовской области, далее проходила по территории современной Пензенской области, Республике Мордовии и Ульяновской области, таким образом занимая пространство между реками Цной и Волгой. К концу XVII столетия Симбирская черта потеряла свое военное предназначение в связи с расширением границ Российского государства (рис. 50).

Закамская черта была возведена в 1652–1656 гг. как продолжение Симбирской черты далее на восток. Вдоль Закамской черты были заложены города-крепости Ерыклинск, Тиинск, Билярск, Новошешминск, Заинск и Мензелинск. Заканчивалась черта на р. Ик.

В 1651 г. в этот регион были посланы специалисты для составления плана новой укрепленной линии, проект которой был утвержден, и в 1652 г. начались инженерные работы. Черта начиналась от крепости Белый Яр, заложённой на левом берегу Волги, шла по правому берегу р. Черемшан, представляя собой засеки в лесах и валы на открытой местности. К строительным работам были привлечены жители Казанского уезда (рис. 51).

Заселялись города-крепости различными способами. В Белый Яр на «вечное житье» были отправлены 100 конных казаков и 9 ссыльных из Казанской губернии. В Ерыклинске поселили 150 пашенных крестьян из села Челны (совр. г. Набережные

Рис. 51. Новошешминские валы Закамской черты. 1652–1656 гг. Республика Татарстан

Челны). В Тиинске поселили 291 семью служилых людей, Билярске – 100, Новошешминске – 247, Заинске – 181, Мензелинске – 229 семей. Только в самом незначительном, Кичуевском остроге не было постоянного военного населения.

После занятия русскими войсками Смоленска в 1654 г. местную шляхту был решено расселить «по Закамской черте дворами и землями и санными покосами и всякими угодьями». В Тиинске были поселены 141 смоленский шляхтич, в Новошешминске – 127, в Заинске – 81, в Мензелинске – 129 человек. Смоленская шляхта была поселена также в Мензелинске – 124 человека (из роты Черного знамени) и в Шешминске – 128 человек (из роты Красного знамени).

Оборонительные линии в XVIII–XIX вв. Первые десятилетия XVIII столетия укрепленные линии Российского государства традиционно возводились на его южных рубежах, но постепенно начали смещаться на европейский юго-восток страны – в Нижнее Поволжье, Заволжье и Южное Приуралье. Новые оборонительные линии уже существенно отличались от засечных черт XVI–XVII вв., и строились они по образцам европейской фортификационной науки. Сам термин «Засечные черты» в XVIII столетии перестает использоваться.

Новая Закамская оборонительная линия – система оборонительных укреплений на территории современных Самарской области и Республики Татарстан, построенная в первой половине 1730-х гг. для защиты поселений и тогдашних границ России (рис. 52).

В начале XVIII в. происходит освоение территории Заволжья, располагавшейся к югу от возведенной еще в правление царя Алексея Михайловича Закамской черты.

Новая линия представляла собой ров и земляной вал высотой до 4 м. Через каждые примерно 12–15 км были устроены крепости, фельдшанцы или редуты. Начинаясь система укреплений протяженностью более 240 км от пригорода Алексеевск

Рис. 52. Кичуйский фельдшанец Новой Закамской оборонительной линии 1734–1736 гг.
Республика Татарстан

Рис. 53. Черемшанская крепость Новой Закамской оборонительной линии 1734–1736 гг.
Республика Татарстан

на р. Самаре, далее шла к Красноярской крепости, от Сергиевской крепости резко поворачивала на северо-восток, преодолев Тарханский лес, переходила под Черемшанской крепостью через р. Большой Черемшан и направлялась к р. Кичуй. При завершении возведения линии было принято окончательное решение не возводить редуты между реками Кичуй и Зай, у села Русский Акташ и на правом берегу реки Лесной Зай, а завершить все Кичуйским фельдшанцем. К этому времени, после основания Оренбурга и других городков, Новая Закамская линия оказывалась внутри защищенной территории (рис. 53).

Самарская укрепленная линия, проложенная от Самары до Оренбурга, являлась так называемой «живой линией», состоящей из отдельно стоящих крепостей. Они не были соединены непрерывной полосой вала и рва.

* * *

Засечные черты являются уникальным явлением в российском историко-культурном наследии. Появление их в XVI в. связано с образованием российского централизованного государства. К сожалению, значительная часть природных и историко-культурных объектов во многих регионах России еще не обследована и требует своего научного изучения и определения мер по их сохранению, включению в природные и историко-культурные государственные реестры. Актуальными представляются дальнейшие археологические изыскания, что, несомненно, будет способствовать повышению интереса к ним и созданию условий для их туристической привлекательности.

ЛИТЕРАТУРА

- Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2010. 172 с.; 24 с. цв. ил.
- Археология Волго-Уралья. Т. VII. Позднее средневековье (середина XV – XVII вв.) / под общ. ред. А.Г. Ситдиикова; отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Ин-т археологии АН РТ, 2022. 532 с.
- Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. 759 с.
- Асылгараева Г.Ш., Петренко А.Г.* Археозоологические материалы из раскопок Казанского кремля. Казань: Ин-и истории АН РТ, 2003. 250 с.
- Валиев Р.Р.* Кожевенное дело ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // РА. 2009. № 1. С. 112–124.
- Гуркин В.А.* Симбирская черта. (Материалы XVII–XVIII вв. по истории Симбирского Поволжья) М.; Ульяновск: Печатный двор, 2000. 180 с.
- Древние Чаллы. Борынгы Чаллы / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2000. 320 с.
- Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: Проект, строительство, судьба. Самара: Офорт, 2004. 188 с.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. / гл. ред. Р. Хакимов, науч. ред. И. Миргалеев. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2014. 1080 с.
- Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.* Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М.: Наука, 1978. 190 с.
- Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. Пенза: ГУМНИЦ, 2006. 124 с.
- Мавзолеи Казанского кремля. (Опыт историко-антропологического анализа) / отв. ред. Р. Хакимов. Казань: Ин-т истории АН РТ, 1997. 158 с.
- Макаров Л.Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV веках: Дисс. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2006. 544 с., 242 рис.
- Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар – Киев: пути – связи – судьбы. Киев, 1997
- Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты / Археология евразийских степей. 2008 Вып. 6. 132 с., ил.
- Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI – неачало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. 159 с.
- Ситдииков А.Г.* Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань, 2006. 288 с., ил.
- Ситдииков А.Г., Старков А.С.* Музей археологического дерева “Татарская слободка”. Казань: Мастер-Граф, 2022. 500 с.
- Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1999. 390 с.
- Халиков А.Х.* Казань в памятниках истории и культуры. Казань : Татарское кн.изд-во, 1982. 280 с.
- Халиков А.Х., Шавахин Л.С.* Древнейшая Казань // Древняя Казань глазами современников и историков | сост. Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. Казань: Фэст, 1996. С. 298–349.
- Хузин Ф.Ш.* Исследования по булгаро-татарской археологии. Казань: Фолиант; Ин-т истории АН РТ, 2011. 468 с.
- Челяпов В.П.* В поисках Городца Мещерского // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 4. Рязань, 2003. С. 11–31.

ГЛАВА 8. ВОЛГО-УРАЛЬЕ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Шапран И.Г., Сенникова Л.А. Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 28. Ижевск, 2014. 248 с.

Шутова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX вв.: по данным могильников. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.

Информация об авторах

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара, Россия

Галимова Мадина Шакировна, кандидат исторических наук, зав. отделом первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Зеленеев Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории, Марийский государственный университет. Йошкар-Ола, Россия

Королёв Аркадий Иванович, кандидат исторических наук, декан исторического факультета, Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара, Россия

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, профессор, академик АН РТ, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Хузин Фаяз Шарипович, доктор исторических наук, член-корр. АН РТ, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет. Ижевск, Россия

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Казань, Россия

Учебное издание

АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Под редакцией академика АН РТ
А.Г. Ситдикова

Том I

Художник
Садыков Р.Р.

Картографы:
Сайфутдинова Г.М., Зарипова Г.Х.

Корректор
Першагина И.А.

Оригинал-макет
Асылгараева Г.Ш., Беспалова А.С.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 14.11.2025 г.
Формат 70×100 1/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 78,59
Общий тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии